ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2012 Том 18

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 1

январь - февраль

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

5 **Белихов А.Б., Одинцов А.В.**
Неразрушающий контроль качества термообработки стали 4Х5МФС

8 **Зонтиков Д.Н.**
Факторы, влияющие на морфогенез триплоидной осины в культуре in vitro

11 **Кусманов С.А., Акаев О.П., Паркаева Ю.В, Гвоздева А.Н.**
Экстракция фосфорной кислоты из системы $CaO–N_2O_5–P_2O_5–H_2O$ с помощью ароматических соединений и сложных эфиров

14 **Сидоров А.В.**
Уровень катехоламинов и биогенных аминов в миокарде у крыс с хронической сердечной недостаточностью на фоне длительного применения ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента, бета-адреноблокаторов и их комбинаций

18 **Сиротина М.В.**
Морфометрические показатели популяции травяной лягушки заповедника «Кологривский лес»

20 **Соколов А.С., Федосова Н.М., Вихарев С.М.**
Совершенствование способа определения цветовых характеристик волокнистых пучков при автоматизированном анатомическом анализе льняных стеблей

23 **Сухов А.К.**
Моделирование формирования приэлектродных слоев в ограниченной плазме под действием внешнего постоянного электрического поля

28 **Иванищева Е.А.**
Сохранение ландшафтного разнообразия северо-запада Вологодской области на ключевых территориях

31 **Мозохин А.Е., Колесникова И.А., Дроздов В.Г.**
Обоснование возможности качественного анализа химического состава льняной тресты методом инфракрасной спектрометрии ближней области

СИСТЕМОТЕХНИКА

37 **Денисов А.Р., Левин М.Г., Рыбинский А.В., Некрасова Т.Н.**
Синтез и анализ модели «как есть» бизнес-процесса «Технологическое присоединение к электрическим сетям»

41 **Тищенко И.А., Мудрая А.В., Травин Г.М.**
Моделирование экологически устойчивого функционирования объектов экомониторинга промышленного предприятия

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

44 **Гибало Н.П., Милевский С.С.**
Каналы влияния информатизации на личные экономические интересы

47 **Грабова О.Н.**
Институциональные проблемы трансформаций экономических отношений в современных условиях
53 **Догалов А.Н.**
Вопросы социально-экономического обустройства огузских племен (IX–XIII вв.) в «Книге моего деда Коркыта»
57 **Дрогобыцкий И.Н.**
Содержание и энергетика организационного менеджмента
69 **Князев Ю.К., Кондрат И.Н., Коваленко О.С., Тишина В.Н.**
Необходимость обновления экономической теории
73 **Лягушев Г.Е.**
Хозяйство и экономическое пространство: место военной экономики
77 **Милевский С.С.**
Особенности формирования и реализации личных интересов в России в условиях информатизации экономики
79 **Першин М.В.**
Конфликтно-компромиссная теория стоимости
82 **Ратькова А.Б.**
Системоорганизованная совокупность целей как признак качественного обновления форм реализации функций государства
85 **Саксина Н.Н., Бабенко С.А.**
Обоснование системы ценностей регулирования активности личности работника в трудовом процессе
88 **Субботин В.О.**
Влияние государства на гражданское общество в системе экономических отношений
92 **Коновалова Е.В.**
Семья в ряду политэкономических категорий

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

97 **Белоусова Т.В.**
Реализация метода диалога культур при изучении литературы Серебряного века
100 **Ботова М.Г.**
Соотношение понятий «насилие» и «агрессия»: теоретико-эмпирическое исследование
103 **Бурина Н.С., Шевченко С.М.**
Организационные формы современной семьи. Общие закономерности
106 **Богун В.В.**
Применение различных средств информатизации для исследования правильных четырехугольных пирамид
110 **Смирнов А.А., Постнова А.А.**
Особенности профессиональной деятельности юриста
113 **Черствая О.Е.**
Взаимодействие вуза и некоммерческой организации
116 **Шадчин И.В.**
Формирование готовности студентов вуза к научно-исследовательской деятельности как теоретико-методологическая проблема
119 **Шеронов Е.А.**
Разработка Костромского психологического теста на определение пригодности к обучению на медицинских специальностях
121 **Боциева Н.И., Боциев И.Ф.**
Преподавание физики и математики в условиях модернизации высшего медицинского образования
125 **Волкова Н.В.**
Социально-психологические особенности персонала как фактор организационной социализации и первичной адаптации
129 **Машарова Т.В.**
Инноватика гуманитарной составляющей подготовки студентов вуза
132 **Евстафеева Е.А.**
Структура личностной беспомощности у сотрудников уголовно-исполнительной системы
136 **Пищулин В.Г.**
Самостоятельная работа как фактор успешного обучения при переходе к новым государственным стандартам
139 **Циринг Р.А.**
Теоретические подходы к изучению проблемы доступности высшего образования в современном обществе
143 **Ярошенко С.Н.**
Методологические подходы формирования конкурентоспособности студентов-выпускников вуза
146 **Богачева Е.А.**
Педагогический контекст оптимизации качества жизни студентов
149 **Баранов А.А., Лукшина О.Ю.**
Влияние социальной дистанции между сотрудниками и осужденными на развитие симптомов «выгорания» пенитенциарных служащих
152 **Игнатьева Е.Ю.**
Подготовка преподавателей к педагогическому управлению учебной деятельностью студентов в условиях системных изменений образовательного процесса вуза
156 **Исаев И.Ф., Кудинов Е.В.**
Социально-педагогические предпосылки организации работы по профессиональному самоопределению учащихся сельских школ-комплексов Белгородской области (1975–1992 годы)

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

160 **Гроздилов С.В.**
Справедливость как диалектически-противоречивый феномен
164 **Зайцева М.Л.**
Синестезийное восприятие и познание объективной реальности в пространстве эстетических коннотаций
167 **Кирдяшкин И.В.**
Молодежь как феномен управления переходным обществом

171 **Комарова Л.А**
Любовь как высшая общечеловеческая ценность
174 **Коромыслов В.В.**
Проблема существования социального времени в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса
177 **Лукьянова Р.А.**
Истинный героизм – духовная составляющая общества
181 **Павенков О.В.**
Понятие любви в творчестве западных философов XX века: К. Льюиса, Б. Рассела, Д. Лукача, Э. Фромма, А. Камю
184 **Панасенко О.А.**
Тенденция отношений категории представления и главных родов наличного содержания в истории европейской философии
188 **Хусаинова А.Х.**
Идеология истребления и онтология стойкости в начале событий Великой Отечественной войны

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
191 **Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.**
С.В. Рахманинов – крупнейший композитор, пианист и дирижёр конца XIX – начала XX веков
196 **Васильев В.А.**
Картина А.А. Кокеля «Чайная» в контексте культурной и общественной жизни России в начале XX века
200 **Дзюбан В.В.**
Государственная политика в отношении казачества в современной России: влияние регионального и муниципального законодательства на повышение уровня социально-экономического развития казачества Брянщины
203 **Евтушенко А.Г.**
Распоряжение останками: могила как место поклонения
206 **Кашина Н.К.**
Молитвенное слово В. Розанова
209 **Лаврикова И.Н.**
Система праздничного действа: феномен приобщения
213 **Пинтверене Н.В.**
Особенности музыкальной драматургии кинооперы М. Таривердиева «Король-олень»
217 **Редькин В.А.**
Гончаров и философский позитивизм
222 **Рязанова-Даури В.С.**
Сохранение национальных традиций в промыслах хантов и манси
227 **Смурова О.В.**
Городской праздник как место встречи традиций (на примере Санкт-Петербурга пореформенного периода)
228 **Фатеева И.М.**
Архитектурные интенции и философские основы русского ленд-арта

ЛИНГВИСТИКА
232 **Богатырева Е.Н.**
Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц русского и английского языков с компонентом «вода»/«water» и компонентами-наименованиями водоемов
235 **Вальваков Р.В.**
Грамматические трансформации при переводе русских имен прилагательных на английский язык
238 **Волотов Д.А.**
Заимствованная батальная лексика французского происхождения в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: идеи войны и мира
242 **Гайломазова Е.С.**
Семиотика сравнения: когнитивные аспекты
246 **Загоровская О.В., Заварзина Г.А.**
Слабые инновации в лексической подсистеме сферы «государственное управление» в русском языке новейшего периода
250 **Иванова Н.К.**
Орфографические ошибки в английском языке: опыт классификации на основе Интернет-материалов
254 **Исаева Н.Ш.**
Современная фразеография: проблемы и перспективы
257 **Кукатова О.А.**
Особенности семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами *удивляться, поражаться, изумляться, сердиться, злиться, возмущаться, раздражаться*
260 **Осипова А.А.**
Этот свет и *тот свет* в картине мира В.П. Астафьева (к образным вербализаторам концептов «жизнь» и «смерть»)
264 **Цветкова Е.В.**
Белый цвет в костромской топонимии
267 **Чернова О.Е.**
Идеологема *социалистическое соревнование* в региональной газете советского и постсоветского периодов

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР
271 **Баталова Т.П.**
Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: к поэтике сюжета
276 **Глазунова С.И.**
Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова
280 **Гречушкина Н.В.**
Белая идея в понимании русских философов и М.А. Шолохова
284 **Жарова И.Ю.**
«Проскинитарий» Арсения Суханова – традиции и новаторство в памятнике русской путевой литературы XVII века
287 **Котлов А.К.**
Образы времени в прозе Дмитрия Бакина

290 **Молчанова Н.А.**
И.А. Бунин в поэтическом восприятии К.Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов
293 **Морозов Н.Г.**
«Цветочки» св. Франциска Ассизского в рецепции автора рассказа «Студент Бенедиктов»: духовные истоки темы средневекового аскетизма в прозе Б.К. Зайцева 1910-х годов
296 **Позднякова Е.А.**
Генезис «новой драмы» А.П. Чехова
300 **Склизкова Т.А.**
Жанровые традиции романа о сельской усадьбе (country-house novel) в романе «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза
303 **Шарапенкова Н.Г.**
«Творимый Космос» зарождающегося самосознания (повесть «Котик Летаев» Андрея Белого)

ИСТОРИЯ
307 **Белов А.М.**
Костромская область и ее руководители (1944–2007 годы)
310 **Волков Д.А.**
Практика формирования местных советско-партийных органов власти с переходом к новой экономической политике (на материалах губерний верхнего Поволжья)
313 **Егоров А.И.**
Политика коалиции ХДС/ХСС – СДПГ в Афганистане (2005–2008 гг.)
317 **Кабатов С.А.**
Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени)
320 **Киселёв С.А.**
Исторические этапы развития казачьих войск на службе государства
324 **Репина Н.В.**
Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX – начале XX века
327 **Смурова О.В.**
Справочные книги о лицах, выбиравших купеческие и промысловые свидетельства, как источник изучения отхода костромичей на заработки в Санкт-Петербург (пореформенный период)
329 **Соловьев А.А.**
Библиотечно-просветительская деятельность фабрикантов Костромской губернии в конце XIX – начале XX века
334 **Трифанков Я.Ю.**
Исторический опыт возрождения России и юго-западное казачество
338 **Филиппов А.Н.**
Международные контакты советского спорта в 1920-х – 1930-х годов: противостояние Красного и Люцернского спортинтернационалов

СОЦИОЛОГИЯ
342 **Максименко А.А.**
Организационная культура как система контроля и наказания в организации
345 **Челнокова Н.Ю.**
Модель управления социально-психологическим климатом на предприятиях холдингового типа

ПОЛИТОЛОГИЯ
351 **Зайцев А.В.**
Структурный функционализм и институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
355 **Бухарев А.В.**
Особенности правового регулирования противодействия коррупции в судах общей юрисдикции
358 **Гоголева Т.Н., Мажарова Л.А.**
Регламент работы органов законодательной власти как элемент институционального механизма принятия государственных решений и оценка его эффективности
361 **Петрова О.Н.**
Краткая характеристика правовых средств органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере местного самоуправления
365 **Рощин Б.Е.**
Особенности российской производственной демократии в эпоху военного коммунизма: юридический аспект
369 **Саакян Д.О.**
Некоторые аспекты внутрифункциональной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации
372 **Смирнов В.Н.**
Права и свободы человека и гражданина, ограничиваемые при заключении под стражу в ходе уголовного судопроизводства: понятие и содержание
376 **Султанов И.Р.**
Правовые основы и тенденции развития международной экономической интеграции
381 **Палюлина И.А., Дедюева М.В.**
Некоторые проблемы расторжения трудового договора по основанию сокращения численности или штата работников

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
385 **Петропавловская Я.А., Чугунов Е.А.**
Костромской университет и первый фестиваль науки в Костромской области: рождение новой научной традиции в регионе

392 **SUMMARY**

406 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 620.179. 16; 669.017.53(075.8)

Белихов Александр Борисович
кандидат технических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
belikhov@gmail.com
Одинцов Алексей Владимирович
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
genphys@ksu.edu.ru

НЕРАЗРУШАЮЩИЙ КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА ТЕРМООБРАБОТКИ СТАЛИ 4Х5МФС

Предложена методика контроля термической обработки штамповой инструментальной стали измерением токов размагничивания с применением двухканального коэрцитиметра МФ-72НК. Получена линейная зависимость разности токов первого и второго канала от твёрдости образцов. Точность контроля твердости составляет 1 HRC.

Ключевые слова: *коэрцитиметр, токи размагничивания, твердость.*

Сталь 4Х5МФС используется для производства поковок различных деталей общего машиностроения; пресс-форм для литья под давлением алюминиевых, цинковых и магниевых сплавов; мелких молотовых штампов; крупных (толщиной или диаметром более 200 мм) молотовых и прессовых вставок при горячем деформировании конструкционных сталей и цветных сплавов в условиях крупносерийного массового производства.

Характерной особенностью стали 4Х5МФС является комплексное легирование и склонность к дисперсионному твердению. Высокий уровень легирования благоприятно влияет на прочность, прокаливаемость, теплостойкость стали и дает возможность использовать ее для инструментов, разогревающихся в процессе работы до 600°С. Дисперсионное твердение обеспечивает хорошие режущие свойства инструмента [2]. Структура и, соответственно, свойства стали могут меняться в зависимости от термической обработки в широких пределах, которые обеспечивают не только получение заданных свойств инструмента, но и дают определенный экономический эффект за счет снижения производственных затрат.

Для производства пресс-форм сталь подвергают закалке при температуре 1010±10°С с последующим высоким отпуском. В зависимости от требуемой твёрдости и прочности, температура отпуска может варьироваться в пределах от 500 до 560°С. Ввиду сильной чувствительности стали к режиму термической обработки, высока роль использования неразрушающего контроля на всех этапах термической обработки. Проведенные испытания позволили повысить достоверность неразрушающего контроля закалки и отпуска.

Данная сталь не относится к аустенитному классу, поэтому к ней применимы электромагнитные методы неразрушающего контроля, которые позволяют осуществлять контроль непосредственно в цехах термической обработки, не требуют специальной подготовки поверхности, а на показания приборов практически не влияют температура и влажность воздуха [5]. В силу данных особенностей, на практике себя положительно зарекомендовали коэрцитиметры [1; 4].

Целью данной работы является изыскание возможности электромагнитного контроля образцов из стали 4Х5МФС после ее термической обработки.

Использовались цилиндрические образцы диаметром 30 мм и высотой 20 мм (табл. 1). Выявление микроструктуры осуществлялось по стандартной методике с помощью реактива Курпатова (4%-ный раствор азотной кислоты в спирте). С помощью двухканального коэрцитиметра МФ-72НК измерялись токи размагничивания участка образца, предварительно намагниченного до насыщения. Двойной датчик коэрцитиметра МФ-72НК представляет собой конструкцию, сочетающую два электромагнита, большой и малый, причём магнитная цепь малого электромагнита находилась внутри большого. «Пятно контроля» большого (внешнего) электромагнита составляло около 5 см^2, а малого (внутреннего) – около 1 см^2 [3].

Токи размагничивания обоих электромагнитов коэрцитиметра измерялись встроенным миллиамперметром магнитоэлектрической системы класса

Таблица 1

Химический состав стали 4Х5МФС, % масс

C	Si	Mn	Ni	Cr	Mo	S	P	V	Cu
0,32–0,4	0,9–1,2	0,2–0,5	до 0,35	4,5–5,5	1,2–1,5	до 0,03	до 0,03	0,3–0,5	до 0,03

© Белихов А.Б., Одинцов А.В., 2012

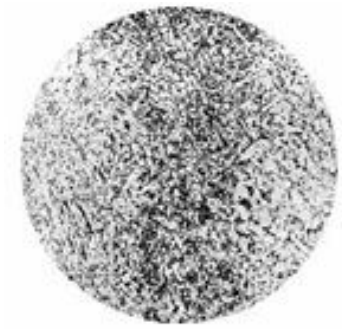


Рис. 1. Микроструктура стали: 4Х5МФС после отжига. Увеличение: ˣ500

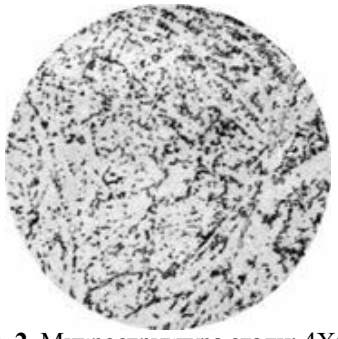


Рис. 2. Микроструктура стали: 4Х5МФС после закалки. Увеличение: ˣ1500

точности 2,5 со стрелочным индикатором. Конструкция прибора позволяла подключать внешний микроамперметр параллельно встроенному.

После отжига от 1000°С и медленного охлаждения вместе с печью в образцах выявлена мелкодисперсная перлитная структура с равномерно распределёнными карбидами (см. рис.1). Твердость образца составила 230 HV, методом Роквелла по шкале HRC такая величина не определяется.

Для предотвращения растрескивания крупногабаритных деталей закалку в производственных условиях обычно производят ступенчато. По такой же методике осуществлялась и закалка исследуемых образцов – нагревом в муфельной печи при температуре 1030°С в течение 15 минут, затем в соляном расплаве при температуре 730°С в течение 7 минут с последующим охлаждением в воде. В результате была получена мелкодисперсная мартенситная структура (см. рис. 2). При детальном рассмотрении выявляются границы первичного аустенитного зерна, на которых образуются более крупные мартенситные иглы. Твердость достигает 740 HV (63 HRC).

В результате последующего высокого отпуска формируется структура мартенсита отпуска. При этом исходные мартенситные иглы различимы, а относительно крупные карбидные выделения выявляются как стержни или пластины. Границы первичных зерен аустенита металлографически определяются по темным крупным карбидным выделениям (левая сторона микрофотографии).

Рис. 3. Микроструктура стали после закалки и отпуска. Увеличение: ˣ1500

Микроструктура исследуемой стали после закалки от 1030°С, отпуска при температуре 600°С в течение 2 ч и последующего охлаждения на воздухе представлена на рисунке 3. Твердость составила 350 HV (39 HRC).

Полученные результаты представлены в таблице 2 для различных режимов термической обработки (температура закалки T_1 и температура отпуска T_2). Ток размагничивания второго канала не учитывался, так как его значения находились на пределе чувствительности встроенного стрелочного миллиамперметра. Следует учесть также, что в термических цехах обычно используются одноканальные коэрцитиметры КИФМ-1 [2]. Обнаружена высокая корреляция между твердостью образцов и током размагничивания первого канала (внешний магнитопровод) с коэффициентом корреляции 97,3%. Практически это означает точность контроля с погрешностью до 4 HRC, что в большинстве случаев приемлемо в условиях производства.

Точность коэрцитиметрического контроля удалось повысить при учете показаний второго канала коэцитиметра, измеренных внешним цифровым миллиамперметром СА3010/2-000. Обнаружена корреляция между разностным током первого и второго канала ($I_2 - I_1$) и твёрдостью с коэффициентом 99,2 %, выражаемая эмпирической формулой HRC = 0,077 ($I_2 - I_1$) + 2,5, что на практике означает точность контроля твердости с погрешностью до 1 HRC. Такая погрешность соответствует точности твердомера Роквелла [3].

Физически это может быть объяснено следующим образом. Совмещенный датчик с двумя каналами одинаково реагирует на несовершенства методики измерения (зазор между датчиком и образцом, наличие слоя окалины на образце и др.). Измерение «разностного тока» позволяет отстроиться от несовершенств данной методики.

Таким образом, показана возможность коэрцитиметрического контроля термической обработки (закалки с отпуском) изделий из штамповой стали 4Х5МФС. Точность контроля составляет ±1 HRC или 2,5%. Метод неразрушающего контроля может использоваться для определения качества процесса

Таблица 2

Условия обработки и результаты измерений твердости и тока размагничивания внешнего электромагнита I_1

Температуры, °С		HRC	I_1= 34,07 HRC–74,91 (аппроксимация)	I_1, мА (измеренное)
T_1	T_2			
1350	550	49	1595	1592
1350	550	50	1629	1635
1350	550	46	1492	1504
1350	550	47	1526	1532
1350	650	46	1492	1502
1350	650	47	1526	1530
1350	650	50	1629	1600
1350	600	51	1663	1667
1350	600	47	1526	1528
1350	600	46	1492	1500
1300	550	46	1492	1503
1300	550	47	1526	1533
1300	550	47	1526	1531
1300	550	48	1561	1570
1300	650	49	1595	1595
1300	650	48	1561	1573
1300	650	42	1356	1372
1300	600	44	1424	1389
1300	600	41	1322	1355
1300	600	42	1356	1368
1250	550	44	1424	1398
1250	550	45	1458	1440
1250	550	43	1390	1382
1250	550	44	1424	1402
1250	650	37	1186	1184
1250	650	36	1152	1156
1250	650	38	1220	1216
1250	600	40	1288	1280
1250	600	39	1254	1253
1250	600	40	1288	1285

термической обработки в инструментальном производстве, если объект контроля имеет участок плоской поверхности площадью не менее 1 см^2, достаточный для размещения датчика. Номенклатура деталей, подлежащих коэрцитиметрическому контролю, может быть расширена за счет усовершенствования конструкции датчика.

Библиографический список

1. *Ермолов И.Н., Фихман И.Д., Чернова В.С.* Технико-экономическая эффективность применения неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Машиностроение, 1974. – 160 с.

2. *Зубченко А.С.* Марочник сталей и сплавов. – М.: Машиностроение, 2003. – 784 с.

3. *Касимов Г.А.* Основы проектирования и конструирования аппаратуры неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Московский энергетический институт, 1989. – 171 с.

4. *Клюев В.В., Соснин Ф.Р., Филинов В.Н.* Неразрушающий контроль и диагностика. Справочник. – М.: Машиностроение, 1995. – 400 с.

5. *Клюев В.В.* Приборы для неразрушающего контроля материалов и изделий. Кн. 1. – М.: Машиностроение, 1986. – 488 с.

УДК 630.232.328.9

Зонтиков Дмитрий Николаевич
кандидат сельскохозяйственных наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
zontikovdn@mail.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МОРФОГЕНЕЗ ТРИПЛОИДНОЙ ОСИНЫ В КУЛЬТУРЕ *IN VITRO*

В статье рассматриваются проблемы культивирования триплоидной осины в культуре in vitro. Показано действие стерилизующих агентов на донорные экспланты, влияние генотипа и вида питательной среды на морфогенез.

Ключевые слова: *триплоидная осина, геммогенез, ризогенез, питательная среда.*

Использование осины для плантационного выращивания ограничивается частым её поражением грибом *Phellinus tremulae* Bond. et Boris, который вызывает разрушение древесины. Решение данной проблемы возможно при выращивании осины с триплоидным набором хромосом (2n=38, 3n=57). Проблема при размножении триплоидной осины – в невозможности получения от неё семян. Поэтому возможно только вегетативное размножение, что обеспечит сохранение хозяйственно ценных свойств. Вегетативное воспроизведение лучших генотипов даёт возможность значительно повысить интенсивность лесовосстановления.

Осина относится к видам, которые успешно размножаются вегетативным способом. Однако для повышения экономической эффективности и получения высококачественного растительного материала необходимо использовать метод клонального микроразмножения. В России данную технологию при размножении осины используют в Санкт-Петербургском НИИ лесного хозяйства, Воронежском НИИ лесной генетики и селекции, Филиале института биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова. Используя метод клонального микроразмножения триплоидной осины, можно получать древесину, не поражённую грибом *Phellinus tremulae* Bond. et Boris, уже через 30 лет.

Технология клонального микроразмножения осины в культуре *in vitro* на сегодняшний день достаточно хорошо отработана, однако требует дополнительной отработки некоторых этапов, чтобы понизить себестоимость получаемого растительного материала.

Методы инициации геммогенеза на донорных эксплантах осины весьма разнообразны. В настоящее время используется несколько различных подходов, отличающихся разными типами используемых регуляторов роста и их концентрациями.

Эффективность каллусогенеза и геммогенеза, их скорость сильно зависят как от генотипических особенностей, так и от условий инициации.

Исследования проводились в 2010–2011 годах на базе лаборатории клонального микроразмножения филиала ФГУ ВНИИЛМ Центрально-европейской лесной опытной станции и лаборатории биотехнологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

В качестве донорных эксплантов использовали метамеры молодых побегов, изолированные от маточных растений триплоидной осины. Побеги изолировали из средней части кроны. В исследованиях использовали деревья клона № 35 и диплоидные контрольные растения.

Исследования в условиях *in vitro* проводили в соответствии с методическими указаниями по культуре ткани и органов в селекции растений [2].

В лабораторных условиях нами изучалось: 1. Влияние на инфицированность донорных эксплантов осины различных стерилизующих агентов. В качестве стерилизующих агентов использовали водно-спиртовой раствор 75% (1 минута), водный раствор гипохлорита натрия в концентрации 2% и экспозициях 10, 15, 20 минут; пероксид водорода 6% в экспозициях 10, 15, 20 минут, после трехкратно промывали в стерильной дистиллированной воде 15 минут. Простерилизованные экспланты помещали на питательную среду и культивировали при температуре 18–20°С. 2. Подбор различных типов донорных эксплантов апикальных и латеральных метамер различного срока изоляции (апрель, май, июнь, июль, август). 3. Влияние различных видов питательных сред на морфогенез осины. Нами использовались питательные среды: McWP, MS1/2 и WPM.

Большое значение на морфогенез растения оказывает способ стерилизации донорного экспланта [6]. Наиболее распространенными стерилизующими агентами в настоящее время являются: гипохлориты кальция и натрия, пероксид водорода.

В ходе наших исследований было установлено, что из взятых для работы стерилизующих агентов наиболее эффективным оказался гипохлорит натрия при концентрации хлора в растворе 2,5% и пероксид водорода в концентрации 6,5% (табл. 1). При использовании этого стерилизующего агента нами было получено наибольшее число стерильных морфогенных эксплантов (рис. 1). Необходимо отметить, что на стерильность донорных эксплантов осины сильно влияет время года, в которое ведутся работы. У осины наиболее благоприятным периодом получения донорных эксплантов считается промежуток с середины мая до первой декады июля, в дру-

 © Зонтиков Д.Н., 2012

Таблица 1

Влияние на инфицированность донорных эксплантов осины различных стерилизующих агентов, при экспозиции 10 минут

Стерилизующий агент	Концентрация стерил. агента, %	Получено эксплантов							
		стерильных нежизнеспособных		стерильных жизнеспособных		инфицированных			
						бактериями		грибами	
		шт.	%±Sp	шт.	%±Sp	шт	%±Sp	шт	%±Sp
Гипохлорит натрия	Контроль: 1,0	6	10,3±1,0	9	15,5±1,4	28	48,2±2,7	15	25,8±1,4
	1,5	7	12,9±0,7	10	19,2±1,0	23	42,5±1,0	12	22,2±0,9
	2,0	12	23,1±0,9	11	20,5±0,4	20	38,4±0,9	10	19,2±0,9
	2,5	**15**	**29,4±1,3**	**12**	**23,2±0,7**	15	29,4±1,8	10	19,6±0,7
	3,0	23	44,2±3,8	8	15,3±0,7	12	23,0±1,0	9	17,3±1,0
Пероксид водорода	5,0	7	12±1,1	8	13,7±1,3	26	44,8±2,5	17	29,3±2,0
	5,5	5	10,6±1,0	12	25,5±1,2	20	42,5±3,2	10	21,2±2,0
	6,0	7	15,5±1,2	13	23,8±1,6	19	42,2±3,1	6	13,3±0,9
	6,5	**8**	**19,5±0,9**	**13**	**31,7±2,2**	15	36,5±2,5	5	12,1±0,6
	7,0	15	40,5±2,3	6	16,2±1,2	11	29,7±2,1	5	13,5±0,8

гое время стерильные экспланты получить проблематично.

Эффективность морфогенеза во многом зависит от типа донорного экспланта. В качестве источника эксплантов могут быть использованы ткани, взятые из многих органов растения. Известны работы, в которых регенерация была индуцирована в тканях незрелых зародышей [3], в культуре почек [4], из листовых дисков [5], из семядольных листьев и гипокотильных сегментов стерильных проростков [1].

Для регенерации осины применялись экспланты двух типов – апекальный и латеральный метамер. В результате опыта наибольшей регенерационной активностью обладали апекальные метамеры. Наибольшей регенерационной активностью обладал клон № 35. Апекальные метамеры обладали большей энергией роста, большей жизнеспособностью (табл. 2).

В практике биотехнологических исследований применяется достаточно большое количество разнообразных вариантов питательных сред — MS, B5, NLN, WPM, McWP, Sh-2, MSm, A 22 m, Грессхофф и Доу, Уайта, Андерсена [6].

Проанализировав литературу, мы выделили три наиболее успешно применяемые для культивирования осины *in vitro* среды (McWP, MS1/2 и WPM), на которых было проведено изучение влияния состава питательной среды на индукцию геммогенеза. Среды были дополнены регуляторами роста БАП в концентрации 0,5 мг/л и аденин 20 мг/л, гиббереловая кислота 0,1 мг/л [7].

В результате нашего опыта среди отобранных питательных сред выделилась среда McWP, на которой было получено у клона 30–16,4% побегов, клона 35–12,6% побегов, клона 27–13,0% побегов (табл. 3).

Питательные среды McWP и WPM очень близки по своему компонентному составу, различаются

Рис. 1. Стерильные морфогенные донорные экспланты триплоидной осины клона №35

Рис. 2. Триплоидная осина клон №35

Таблица 2

Морфогенез осины в зависимости от генотипа и типа эксплантa

Клон №	Тип эксплантa	Всего эксплантов, шт.	Число растений-регенерантов	
			шт.	%±Sp
30	Апекальный метамер	175	7	**4,0±0,4**
	Латеральный метамер	116	2	1,7±0,4
35	Апекальный метамер	101	6	**5,9±0,3**
	Латеральный метамер	107	2	1,9±0,7
27	Апекальный метамер	112	5	**4,5±0,2**
	Латеральный метамер	178	7	3,9±0,4

Таблица 3

Влияние различных видов питательных сред на морфогенез осины, число донорных эксплантов n = 500

Питательная среда	№ клона	Число побегов		Число каллусов	
		шт.	%±Sp	шт.	%±Sp
McWP	30	82	**16,4±3**	14	2,8±0,7
	35	63	**12,6±1,6**	12	2,4±0,7
	27	65	**13,0±1,6**	13	2,6±0,7
MS1/2	30	11	2,2±0,7	2	4±0,3
	35	5	1,0±0,4	0	0
	27	3	6±0,3	1	2±0,2
WPM	30	1	2±0,2	3	6±0,3
	35	9	1,8±0,6	4	9±0,4
	27	7	1,4±0,5	2	4±0,3

только содержанием таких макроэлементов, как $CaCl_2 \cdot 2H_2O$, $MgSO_4 \cdot 7H_2O$, $Ca(NO_3)_2 \cdot 2H_2O$. Поэтому необходимо дальнейшее изучение влияния макроэлементов на морфогенез осины.

Таким образом, для стерилизации донорных эксплантов возможно применение в качестве стерилизующих агентов пероксида водорода в концентрации 6,5% и гипохлорита натрия в концентрации 2,5%. Использование апикальных метамер имеет более высокую морфогенную активность. В качестве питательной среды рекомендуем использовать McWP.

Библиографический список

1. *Белоногова М.А.* Генетическая трансформация льна-долгунца с использованием семядольных эксплантов: Автореф. дис. … канд. биол. наук. – М., 2006. –24 с.

2. *Бутенко Р.Г.* Культура изолированных тканей как метод изучения процессов роста и морфогенеза растений. – М.: Наука, 1964. – 256 с.

3. *Гапоненко А.К., Воронина И.П., Белецкий Ю.Д.* Эффективность трансформации незрелых зародышей подсолнечника // Новые методы биотехнологии растений: материалы симпозиума. – Пущино, 1991. – 223 с. – С. 13–14.

4. *Ивашута С.И., Мазин В.В., Солодкая Л.А.* Генетическая трансформация культуры клевера лугового // Новые методы биотехнологии растений: материалы симпозиума. – Пущино, 1991. – 223 с. – С. 18–19.

5. *Картель Н.А., Курочкина С.Д., Забенькова К.И.* Трансгенные растения картофеля, полученные кокультивацией листовых дисков с агробактериями // Новые методы биотехнологии растений: материалы симпозиума. – Пущино, 1991. – 223 с. – С. 20.

6. *Поляков А.В.* Получение регенерантов овощных культур и их размножение *in vitro:* метод. рекомендации. – М.: ГНУ ВНИИО Россельхозакадемии, 2005. – 36 с.

7. *Русин Н.С., Машкина О.С., Табацкая Т.А.* Рекомендации по выращиванию быстрорастущих форм (клонов) тополя и осины для промышленного использования: метод. рекомендации. – Воронеж: ФГУП НИИЛГиС, 2010. – 38 с.

УДК 660

Кусманов Сергей Александрович
кандидат технических наук
sakusmanov@yandex.ru,
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук
akaev@list.ru,
Паркаева Юлия Викторовна,
Гвоздева Анна Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЭКСТРАКЦИЯ ФОСФОРНОЙ КИСЛОТЫ ИЗ СИСТЕМЫ $CaO–N_2O_5–P_2O_5–H_2O$ С ПОМОЩЬЮ АРОМАТИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЙ И СЛОЖНЫХ ЭФИРОВ

В статье рассматриваются вопросы извлечения фосфорной кислоты из продукта азотнокислотного разложения природных фосфатов. Определены характеристики экстракции фосфорной кислоты при использовании в качестве экстрагента бензола, ксилола, этилацетата и бутилацетата. Рассчитаны константы скорости экстракции и предложена оптимальная продолжительность процесса.

Ключевые слова: *фосфорная кислота, экстракция, кинетика экстракции, степень извлечения.*

Фосфорная кислота имеет широкое применение в хозяйственной деятельности. Она и ее соли применяются в производстве удобрений, в пищевой, сахарной, керамической, стекольной, текстильной промышленности, в машиностроении.

Фосфорную кислоту получают двумя способами: термическим и экстракционным. В первом случае получают высокочистую кислоту любой концентрации (термическую кислоту – ТФК), которая идет на химические реактивы, в пищевую промышленность. Экстракционную кислоту (ЭФК), как правило, используют в производстве удобрений, кормовых и технических фосфатов [1; 2; 4]. Известно, что энергопотребление при производстве ТФК в 13 раз больше, чем ЭФК [3]. Поэтому целесообразно получать экстракционную кислоту с последующей ее очисткой от примесей. ЭФК получают сернокислотным, азотнокислотным и, реже, солянокислотным разложением природных фосфатов [1; 2; 4]. Наиболее распространенным способом очистки фосфорной кислоты является экстракция H_3PO_4 из продукта разложения природных фосфатов с помощью различных экстрагентов [6; 7]. В качестве экстрагентов используются органические растворители, не смешивающиеся с водой. Более высокой селективностью к фосфорной кислоте обладает трибутилфосфат $(C_4H_9)_3PO_4$ [5; 8]. Высокая стоимость трибутилфосфата делает технологический процесс малоэкономичным, поэтому целесообразно осуществлять поиск новых экстрагентов.

Цель данной работы заключается в изучении процесса экстракции фосфорной кислоты из продукта азотнокислотного разложения природных фосфатов с использованием ароматических соединений (бензол и ксилол) и сложных эфиров (этилацетат и бутилацетат) в качестве экстрагентов.

Фосфорную кислоту мы извлекали из продукта азотнокислотного разложения природных фосфатов после выморозки – азотнокислотной вытяжки (АКВ):

$$Ca_5(PO_4)_3F + 10HNO_3 = 3H_3PO_4 + 5Ca(NO_3)_2 + HF.$$

АКВ представляет собой сложную систему, содержащую в основном фосфорную кислоту, нитрат кальция, а также нитраты магния и полуторных окислов, кремниевую кислоту, кремнефтористоводородную кислоту и другие соединения (результаты химического анализа будут даны ниже).

В качестве экстрагентов были выбраны ароматические соединения: бензол и *о*-ксилол (далее ксилол), а также сложные эфиры уксусной кислоты: этилацетат и бутилацетат. Бензол и этилацетат являются распространенными органическими растворителями с высокими экстракционными свойствами. Ксилол и бутилацетат были выбраны как вещества, близкие по структуре и свойствам к бензолу и этилацетату соответственно.

Анализ АКВ осуществлялся по стандартным методикам [9]: содержание фосфатов и фторид-ионов определялось фотоколориметрическим методом, оксидов кальция, магния, железа и алюминия, а также свободной азотной кислоты – титриметрическим методом.

Экстракция фосфорной кислоты из АКВ осуществлялась при объемном соотношении АКВ: экстрагент – 1:1 и температуре 20°С. Продолжительность экстракции составляла 5, 10, 15 и 20 минут. Содержание фосфорной кислоты в экстрагенте (органической фазе) определялось кислотно-основным титрованием, в рафинате (водной фазе) – фотоколориметрическим методом.

Константа скорости процесса k определялась графически, используя зависимость логарифма концентрации экстрагируемого вещества от времени:

$$\lg(a-x) = \lg a - \frac{k}{2{,}3}t, \qquad (1)$$

где a – начальная концентрация экстрагируемого вещества (H_3PO_4) в АКВ, x – концентрация H_3PO_4, проэкстрагировавшей за время t.

© Кусманов С.А., Акаев О.П., Паркаева Ю.В., Гвоздева А.Н., 2012

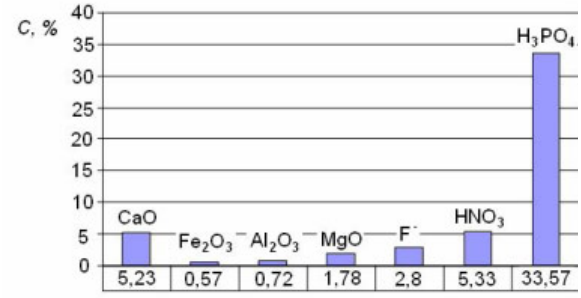


Рис. 1. Состав вымороженной азотнокислотной вытяжки

Экспериментальные данные, полученные при анализе АКВ (рис.1), показали высокое содержание в ней свободной фосфорной кислоты – более 33%, что делает целесообразным выделить ее из данной системы.

Кроме фосфорной кислоты, в составе АКВ находится некоторое количество азотной кислоты (около 5%) и оксида кальция (около 5%). Присутствие оксидов магния, алюминия и железа не загрязняет раствор фосфорной кислоты в вытяжке, потому что оксиды металлов содержатся в незначительном количестве, а образуемые ими нерастворимые в воде фосфаты не приводят к существенным потерям кислоты. Плотность АКВ равна 1,46 г/см^3 и не превышает предельно допустимого значения 1,55 г/см^3, что указывает на оптимальную концентрацию вымороженной азотнокислотной вытяжки.

После экстракции фосфорной кислоты из АКВ исследуемыми экстрагентами были получены следующие результаты (табл. 1–4).

Показано, что с увеличением времени экстракции содержание фосфорной кислоты в водной фазе уменьшается, а в органической – увеличивается; степень извлечения фосфорной кислоты в органическую фазу соответственно увеличивается (константа скорости экстракции на временном интервале от 5 до 15 минут равна $2{,}98 \cdot 10^{-4}$ с$^{-1}$) и достигает более 50% при 15 минутах экстракции (коэффициент распределения равен 1,02). При увеличении времени экстракции до 20 минут степень извлечения фосфорной кислоты в органическую фазу повышается незначительно и составляет 51,81%, поэтому оптимальным временем экстракции фосфорной кислоты из АКВ с помощью бензола при их соотношении 1:1 является 15 минут для 20°С.

Результаты экстракции фосфорной кислоты из АКВ ксилолом показали, что с изменением продолжительности экстракции на исследуемом временном интервале степень извлечения фосфорной кислоты в органическую фазу практически не изменяется. Только при увеличении времени экстракции с 5 до 10 минут значение *R* увеличивается на 1,2% и остается неизменным, что говорит о достижении

Таблица 1

Характеристики процесса экстракции фосфорной кислоты из АКВ бензолом при 20°С и соотношении водной и органической фаз 1:1

Время, мин	Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
5	0,69	40,96
10	0,84	45,78
15	1,02	50,60
20	1,07	51,81

Таблица 2

Характеристики процесса экстракции фосфорной кислоты из АКВ ксилолом при 20°С и соотношении водной и органической фаз 1:1

Время, мин	Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
5	0,73	42,17
10	0,76	43,37
15	0,76	43,37
20	0,76	43,37

Таблица 3

Характеристики процесса экстракции фосфорной кислоты из АКВ этилацетатом при 20°С и соотношении водной и органической фаз 1:1

Время, мин	Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
5	1,25	55,65
10	1,35	57,39
15	1,53	60,87
20	1,67	62,61

Таблица 4

Характеристики процесса экстракции фосфорной кислоты из АКВ бутилацетатом при 20°С и соотношении водной и органической фаз 1:1

Время, мин	Коэффициент распределения *D*	Степень извлечения H_3PO_4 в органическую фазу *R*, %
5	0,62	38,35
10	0,72	41,74
15	0,74	42,61
20	0,88	46,96

экстракционной емкости данным экстрагентом. Из этого следует, что достаточным временем экстракции фосфорной кислоты ксилолом является 5 минут.

Установлено, что после 20 минут экстракции степень извлечения фосфорной кислоты бензолом выше, чем ксилолом, на 8,44%. В то же время обнаружено, что при 5 минутах экстракции степень извлечения при использовании ксилола выше (42,17%), чем бензола (40,96%), поэтому при небольшом времени экстракции выгоднее использовать ксилол.

Как видно из таблицы 3, при использовании этилацетата в качестве экстрагента степень извлечения фосфорной кислоты с увеличением времени экстракции возрастает и по истечении 20 минут достигает значения 62,61% (коэффициент распределения равен 1,67). Увеличение времени экстракции с 5 до 20 минут повышает степень извлечения в среднем на 2% (константа скорости экстракции равна $2{,}06\cdot10^{-4}$ c^{-1}), что делает технологический процесс экономически невыгодным, поэтому оптимальным временем экстракции этилацетатом будет 5–10 минут.

При использовании бутилацетата в качестве экстрагента фосфорной кислоты, как и в случае с этилацетатом, с увеличением времени экстракции степень извлечения увеличивается (константа скорости экстракции равна $1{,}53\cdot10^{-4}$ c^{-1}). В то же время при 20 минутах значение *R* на 15,65% меньше, чем в случае с этилацетатом, поэтому использовать данный экстрагент нецелесообразно.

Таким образом, анализ АКВ показал высокое содержание в ней свободной фосфорной кислоты (33,57%), что позволяет использовать ее для получения фосфорной кислоты методом жидкостной экстракции.

Определены характеристики процесса экстракции фосфорной кислоты из АКВ с помощью бензола, ксилола, этилацетата и бутилацетата в качестве экстрагентов. Установлено, что наибольшая степень извлечения фосфорной кислоты наблюдается при использовании этилацетата (62,61%) после 20 минут экстракции при 20°С. Далее, по мере уменьшения степени извлечения, идут бензол (51,81%), бутилацетат (46,96%) и ксилол (43,37%).

Рассчитаны экспериментальные константы скорости экстракции. Выявлено, что константа имеет наибольшее значение при экстракции бензолом на временном интервале 5–15 минут ($2{,}98\cdot10^{-4}$ c^{-1}); исходя из этого определено оптимальное время экстракции данным экстрагентом – 15 минут. При использовании этилацетата константа скорости имеет меньшее значение ($2{,}06\cdot10^{-4}$ c^{-1}); оптимальным временем экстракции является 5–10 минут. В случае с экстракцией ксилолом константа скорости практически равна нулю, поэтому рекомендуется проводить экстракцию данным экстрагентом не более 5 минут. При использовании бутилацетата константа имеет значение $1{,}53\cdot10^{-4}$ c^{-1}, но в связи с низкой экстрагирующей способность использовать его не рекомендуется.

Библиографический список

1. *Linguist B.A., Singleton P.W., Cassman K.G.* Динамика неорганического и органического фосфора в процессе увеличения или уменьшения доступного фосфора // Soil. Sci. – 1997. – V. 162. – № 4. – P. 254–264.

2. *Roberts M.C.* Ранее существовавшие и будущие тенденции в применении фосфатов // Mining Eng. USA. – 1999. – V. 51. – № 8. – P. 59–64.

3. *Ангелов А.И., Левин Б.В., Черненко Ю.Д.* Фосфатное сырье. – М.: Недра, 2000. – С. 108–109.

4. *Ангелова М.А.* Динамика и прогноз мирового производства фосфатного сырья // Химическая промышленность. – 1997. – № 3. – С. 15–22.

5. *Кусманов С.А., Гунин В.В., Акаева Т.К., Акаев О.П., Охлопков В.А.* Экстракционное взаимодействие в системе $CaO – N_2O_5 – P_2O_5 – H_2O$ – трибутилфосфат // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 2. – С. 5–9.

6. Пат. 2128623 Российская Федерация, МПК C01B25/234, C01B25/46. Способ получения очищенной ортофосфорной кислоты / Гриневич А.В., Кочетков С.П., Парфенов Е.П., Лембриков В.М., Малахова Н.Н., Никитин В.Г., Катунина А.Б.; заявл. 1998.05.27; опубл. 10.04.99. Бюл. № 10.

7. Пат. 2205789 Российская Федерация, МПК C01B25/46. Способ очистки экстракционной фосфорной кислоты / Лембриков В.М., Коняхина Л.В., Волкова В.В., Никитин В.Г., Соловьев Ю.М., Чернышева Г.А., Ершова С.М.; заявл. 2002.06.07; опубл. 10.06.2003. Бюл. № 8.

8. Пат. 1502038 Российская Федерация, МПК B01D1/14. Способ получения очищенной ортофосфорной кислоты / Кочетков С.П., Смирнов Н.Н.,

Хромов С.В., Лембриков В.М., Парфенов Е.П., Малахова Н.Н., Ильин А.П., Бушуев Н.Н., Никитин В.Г.; заявл. 2003.07.31; опубл. 23.08.89. Бюл. № 31.

9. Руководство по анализу в производстве фосфора, фосфорной кислоты и удобрений / под ред. И.Б. Мойжес. – Л.: Химия, 1973. – 260 с.

УДК 616.12-008.46-085

Сидоров Александр Вячеславович
Ярославская государственная медицинская академия
alekssidorov@ya.ru

УРОВЕНЬ КАТЕХОЛАМИНОВ И БИОГЕННЫХ АМИНОВ В МИОКАРДЕ У КРЫС С ХРОНИЧЕСКОЙ СЕРДЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ НА ФОНЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ИНГИБИТОРОВ АНГИОТЕНЗИНПРЕВРАЩАЮЩЕГО ФЕРМЕНТА, БЕТА-АДРЕНОБЛОКАТОРОВ И ИХ КОМБИНАЦИЙ

При экспериментальной хронической сердечной недостаточности бета-адреноблокаторы, особенно кардионеселективные пропранолол и пиндолол, более выражены, чем ингибиторы АПФ, модулировали активность симпатоадреналовой системы миокарда. Корригирующее влияние на уровень биогенных аминов у липофильных ингибиторов АПФ, пропранолола и метопролола проявлялось в одинаковой степени и превосходило действие остальных препаратов. Комбинированное лечение было более эффективным, чем монотерапия ингибиторами АПФ, но не метопрололом.

Ключевые слова: *хроническая сердечная недостаточность, миокард, катехоламины, биогенные амины, бета-адреноблокаторы, ингибиторы АПФ.*

Два прошедших десятилетия ознаменовались переосмыслением сути синдрома ХСН. Достигнуто понимание того, что ключевым моментом в развитии и прогрессировании данного синдрома, независимо от его этиологии, является гиперактивация нейрогормональных систем [1; 10]. Нейрогормоны, циркулирующие в плазме крови, в частности, норадреналин, мозговой натрийуретический пептид и его N-концевой предшественник, в настоящее время используются как биологические маркеры при диагностике ХСН, а также для контроля за эффективностью ее лечения [5].

Менее изучено при ХСН изменение тканевых нейрогормональных систем. Так, относительно колебания уровня катехоламинов в сердце имеются противоречивые литературные данные [3; 14], а влияние нейрогуморальных модуляторов, таких как бета-адреноблокаторов и ингибиторов АПФ, на миокардиальный пул катехоламинов изучено недостаточно.

Смертность пациентов с ХСН остается высокой даже при адекватном лечении [5]. Это стимулирует поиск возможных механизмов, ответственных за прогрессирование данной патологии. Сообщается, в частности, о заинтересованности в патогенезе ХСН системы биогенных аминов [8; 17].

Цель работы заключалась в исследовании влияния различных по фармакологическим свойствам бета-адреноблокаторов, ингибиторов АПФ и их комбинированного применения на уровень катехоламинов и биогенных аминов в миокарде у крыс с экспериментальной ХСН.

Исследование ХСН проводилось на 120 белых беспородных половозрелых крысах-самцах посредством дозированного введения силиконового масла в плевральные полости крыс по методике Н.Н. Пятницкого и Ю.А. Блинкова [11] в нашей модификации [12]. Первоначально с помощью шприца с толстой иглой в каждую плевральную полость крысы вводили по 1,5 мл масла на 100 г веса; через 30 дней осуществляли повторную инъекцию масла по 1,0 мл/100 г веса в обе плевральные полости. Прокол грудной клетки у наркотизированных крыс (нембутал 40 мг/кг) осуществляли на середине расстояния между нижним углом лопатки и позвоночным столбом справа и слева. Масло оказывало сопротивление сердечным сокращениям, развивалась компенсаторная гипертрофия миокарда, а в последующем дилатация полостей сердца. Наличие у крыс ХСН по тотальному типу подтверждалось патоморфологическими методами [12].

Через сутки с момента формирования ХСН начинали введение одного из следующих препаратов (мг/кг): каптоприл (6,3), эналаприл (1,7), лизиноприл (0,8), атенолол (8,4), метопролол (16,8), небиволол (0,8), пиндолол (2,5), пропранолол (11,8). Две группы получали комбинацию метопролола с лизиноприлом или эналаприлом (в тех же дозах, что и при монотерапии). Препараты вводились ежедневно внутрижелудочно в виде водного раствора объемом 1 мл в течение 91 суток. Дозы рассчитывали по Т.А. Гуськовой исходя из средней терапевтической для человека с учетом коэффициента 5,9 [2]. Контрольным животным вводили дистиллированную воду. Имелась группа из 10 интактных крыс того же возраста.

Концентрацию катехоламинов и биогенных аминов в миокарде обоих желудочков сердца определяли

 © Сидоров А.В., 2012

на спектрофлюориметре «Hitachi MPF-4», Япония, с помощью методик В.О. Осинской [9] и Л.Я. Прошиной [7]. Вычисляли «адреналиновый» коэффициент как отношение концентрации адреналина к сумме концентраций норадреналина и дофамина, АДР/(НАДР+ДОФ). Он показывал соотношение в сердце катехоламинов экстра- и интракардиального происхождения [3].

Статистический анализ результатов осуществляли в программе «Statistica 8.0». Для сравнения групп по количественным признакам применялся непараметрический критерий Манна-Уитни и Крускала-Уоллиса. Различия считали статистически значимыми при $p<0,05$. Данные в таблицах представлены в виде медианы с интерквартильным размахом.

К исходу третьего месяца эксперимента у крыс с ХСН на фоне снижения уровня норадреналина на 28% ($p<0,001$) концентрация адреналина возрастала на 108% ($p<0,05$) по отношению к интактным (табл. 1). Это приводило к увеличению «адреналинового» коэффициента в 3,8 ($p<0,01$).

Известно, что инотропная функция сердца в определенной степени зависит от концентрации катехоламинов в миокарде [3; 6] Поэтому истощение запасов норадреналина, выявлявшееся в настоящем и других [3; 4] исследованиях, следует считать одним из ключевых моментов в патогенезе нарушения сократительной способности миокарда при ХСН. Установлено [3], что содержание адреналина в сердце в значительной мере зависит от способности кардиомиоцитов захватывать его из коронарного кровотока. По-видимому, при ХСН захват адреналина из крови усиливается, что имеет компенсаторный характер на фоне снижения уровня норадреналина. Однако в больших концентрациях адреналин способен оказывать цитоповреждающее действие на кардиомиоциты, усиливать тканевую гипоксию, энергетический дефицит, оксидативный стресс и провоцировать апоптоз [16]. Негативное влияние избытка адреналина может проявляться, кроме того, нарушением синтеза дофамина и норадреналина в миокарде за счет ингибирования тирозингидроксилазы [13].

Исследуемые ингибиторы АПФ существенного влияния на концентрацию адреналина в миокарде не оказывали (табл. 1), и она оставалась повышенной на 129–143% ($p<0,001$). Содержание дофамина на фоне применяемых ингибиторов АПФ также значимо не отличалось от контроля. Концентрация норадреналина при введении ингибиторов АПФ сохранялась на статистически сходном с интактными животными уровне. Тем не менее, значимой разницы в его содержании с контролем не достигалось. В итоге «адреналиновый» коэффициент на фоне ингибиторов АПФ, как и в контроле, был повышен в 3,8–4,8 раза по сравнению с интактными.

На фоне введения атенолола и пиндолола, как и при применении ингибиторов АПФ, концентрация норадреналина в сердце значимо не отличалась от его содержания у интактных и контрольных крыс. Три других бета-адреноблокатора – метопролол, небиволол и пропранолол – препятствовали падению уровня норадреналина. При применении данных препаратов он был на 25–33% выше, чем в контроле ($p<0,05$). Метопролол, пропранолол и пиндолол способствовали сохранению уровня дофамина в миокарде. Напротив, на фоне атенолола и небиволола содержание дофамина было в среднем на 79% меньше, чем у интактных крыс ($p<0,0001$), а в случае небиволола на 41% также по сравнению с контролем ($p<0,05$). Кроме того, уровень дофамина при применении атенолола и небиволола был в среднем на 40% значимо более низким, чем на фоне пропранолола, а при введении небиволола еще и в сравнении с метопрололом – на 38%. Из всех бета-адреноблокаторов только атенолол, пиндолол и, особенно, пропранолол препятствовали возрастанию в миокарде концентрации адреналина. Отметим, что уровень адреналина в миокарде на фоне пропранолола был минимальным среди всех опытных групп, а с эналаприлом и лизиноприлом различие составляло в среднем 34% и достигало уровня статистической значимости. Метопролол и небиволол, как и ингибиторы АПФ, не препятствовали накоплению адреналина в миокарде, и его содержание было выше, чем у интактных крыс, соответственно на 102% ($p<0,05$) и 125% ($p<0,001$). В результате лишь при введении кардионеселективных бета-адреноблокаторов пиндолола и пропранолола величина «адреналинового» коэффициента значимо не различалась с интактными, а на фоне остальных препаратов была выше в 3,6–3,8 раза. Кроме того, при введении пропранолола отношение АДР/(НАДР+ДОФ) было значимо меньшим, чем при применении любого их исследуемых ингибиторов АПФ, в среднем на 36–49%.

Комбинированное лечение оказывало на содержание катехоламинов схожее с изолированным введением метопролола действие. Оно способствовало сохранению концентрации дофамина и норадреналина в миокарде, причем при применении эналаприла в сочетании с метопрололом содержание норадреналина было выше, чем в контроле, на 32% ($p<0,01$). На уровень адреналина оба варианта комбинаций не оказывали существенного влияния, и он оставался значимо более высоким, чем у интактных крыс, в среднем в 2,0–2,2 раза. В итоге, модулирующее действие на обмен катехоламинов в миокарде у сочетания метопролола с эналаприлом проявлялось более отчетливо, чем у комбинации метопролола с лизиноприлом: «адреналиновый» коэффициент в первом случае значимо не различался с интактными животными, а во втором – был выше в 3,3 раза ($p<0,05$).

Концентрация гистамина в сердце контрольных крыс через три месяца от начала эксперимента была

Таблица 1

Концентрация катехоламинов (мкг/мг) и их соотношение в миокарде крыс на 91-й день введения препаратов

Группа	Адреналин	Норадреналин	Дофамин	АДР / (НАДР+ДОФ)
Интактные	0,704 (0,638;0,777)	3,452 (2,892;3,943)	3,850 (3,705;4,077)	0,095 (0,084;0,118)
Контроль	1,463 (1,281;1,659) *	2,483 (2,366;2,535) ***	1,386 (0,992;1,946)	0,364 (0,311;0,421) **
Каптоприл	1,611 (1,432;1,721) ***	2,810 (2,511;3,218)	1,204 (0,983;1,428) *	0,363 (0,344;0,485) ***
Лизиноприл	1,684 (1,512;1,957) ***	2,787 (2,611;3,046)	1,063 (0,943;1,200) ***	0,427 (0,366;0,522) ***
Эналаприл	1,712 (1,526;1,986) ***	2,959 (2,521;3,533)	0,979 (0,804;1,192) ***	0,459 (0,367;0,496) ***
Атенолол	1,349 (1,263;1,647)	3,040 (2,756;3,336)	0,847 (0,797;0,961) ***/*o*	0,345 (0,305;0,447) *
Метопролол	1,582 (1,423;1,715) ***	3,171(3,021;3,244) #	1,322 (1,006;1,535)	0,356 (0,297;0,426) **
Небиволол	1,421 (1,270;1,734) *	3,099 (2,956;3,296) #	0,816 (0,773;0,916) ***/#/*m*/o^2	0,360 (0,327;0,456) **
Пиндолол	1,302 (1,053;1,515)	2,645 (2,384;3,142)	1,262 (1,062;1,415)	0,313 (0,280;0,402)
Пропранолол	1,130 (0,780;1,265) e^2/l^2	3,307 (3,033;3,441) ##	1,382 (1,198;1,578)	0,233 (0,179;0,275) $e^3/k/l^2$
Метопролол+ лизиноприл	1,530 (1,141;1,752) **	3,017 (2,579;3,591)	1,305 (1,213;1,361)	0,313 (0,271;0,492) *
Метопролол+ эналаприл	1,383 (1,061;1,837) *	3,273 (3,123;3,346) ##	1,408 (1,284;1,572)	0,303 (0,242;0,422)

Примечания: * – p<0,05, ** – p<0,01, *** – p<0,001 с интактными,
– p<0,05, ## – p<0,01 с контролем,
e^2 – p<0,01, e^3 – p<0,001с эналаприлом,
k– p<0,05 с каптоприлом,
l^2– p<0,01 с лизиноприлом,
m – p<0,05 с метопрололом,
o– p<0,05, o^2 – p<0,01с пропранололом.

повышена на 45% по сравнению с интактными (p<0,05), а уровень серотонина значимо не изменялся.

В ряде источников сообщалось, что развитие гипертрофии и ремоделирования миокарда, в том числе при ХСН, сопровождается увеличением в сердце плотности тучных клеток [15; 17; 18]. По-видимому, повышение концентрации гистамина в миокарде, обнаруженное в нашем исследовании, являлось отражением данных процессов. В литературе [13] имеются указания на то, что избыток гистамина может связывать перидоксаль-5-фосфат и снижать активность ДОФА-декарбоксилазы, нарушая тем самым синтез дофамина и норадреналина. Поэтому возрастание уровня гистамина в миокарде при ХСН, имело скорее негативные последствия.

Исследуемые препараты оказывали неодинаковое влияние на обмен гистамина и серотонина в сердце (табл. 2). Лишь липофильные ингибиторы АПФ эналаприл и каптоприл препятствовали накоплению гистамина в миокарде, а на фоне лизиноприла его уровень был на 53% выше, чем в группе интактных крыс (p<0,001). Содержание серотонина при применении ингибиторов АПФ существенно не изменялось.

Бета-адреноблокаторы, за исключением пиндолола, препятствовали увеличению концентрации гистамина в миокарде. В группе пиндолола его содержание оставалось повышенным на 45% (p<0,01). При применении пропранолола уровень гистамина был в среднем 30% ниже, чем на фоне пиндолола и лизиноприла. Концентрация серотонина в сердце на фоне атенолола и небиволола повышалась соответственно на 119 и 144% относительно контроля (p<0,05), но по сравнению с интактными статистически не различалась. При этом содержание серотонина в группах атенолола и небиволола было в среднем в 2,5 раза выше, чем при введении остальных препаратов. На фоне пропранолола уровень серотонина снижался на 44% по отношению к интактным (p<0,001), но с контролем не различался.

Комбинации метопролола с лизиноприлом или эналаприлом препятствовали повышению содержания в миокарде гистамина, а на уровень серотонина значимого влияния не оказывали.

Учитывая упомянутую выше связь между гипертрофией миокарда и плотностью тучных клеток в нем, можно предположить, что снижение концен-

Таблица 2

Концентрация гистамина и серотонина в миокарде крыс на 91-й день введения препаратов, мкг/мг

Группа	Гистамин	Серотонин
Интактные	0,458 (0,440;0,487)	0,701 (0,575;0,806)
Контроль	0,664 (0,533;0,859) *	0,535 (0,409;0,676)
Каптоприл	0,610 (0,526;0,652)	0,655 (0,524;0,770)
Лизиноприл	0,702 (0,644;0,808) ***	0,524 (0,434;0,607) a^2/n^2
Эналаприл	0,651 (0,461;0,768)	0,567 (0,476;0,625)
Атенолол	0,559 (0,469;0,620)	1,173 (1,141;1,407) #
Метопролол	0,586 (0,528;0,726)	0,519 (0,431;0,609) a^2/n^2
Небиволол	0,550 (0,509;0,583)	1,308 (1,074;1,746) #
Пиндолол	0,662 (0,622;0,712) **	0,486 (0,399;0,581) a^3/n^3
Пропранолол	0,474 (0,421;0,553) v/l^2	0,394 (0,344;0,461) $*/a^3/n^3$
Метопролол + лизиноприл	0,526 (0,401;0,622)	0,460 (0,367;0,700)
Метопролол + эналаприл	0,495 (0,467;0,514)	0,427 (0,368;0,541)

Примечания: * – p<0,05, ** – p<0,01, *** – p<0,001 с интактными,
– p<0,05 с контролем,
a^2 – p<0,01, a^3 – p<0,001 с атенололом,
l^2 – p<0,01 с лизиноприлом,
n^2 – p<0,01, n^3– p<0,001 с небивололом,
v – p<0,05 с пиндололом.

трации гистамина на фоне бета-адреноблокаторов, не обладающих ВСА, и липофильных ингибиторов АПФ отражало их ингибирующее влияние на процессы ремоделирования сердца. Возможно, уменьшение количества гистамина способствовало восстановлению синтеза норадреналина.

Увеличение концентрации серотонина в миокарде, отмечавшееся при применении атенолола и небиволола, скорее всего, было связано со стимуляцией его захвата из крови и (или) уменьшением инактивации. Маловероятно, что избыточное количество серотонина имело локальное происхождение (например, из тучных клеток миокарда), так как уровень гистамина в сердце у крыс на фоне данных препаратов не повышался. Механизм выявленного эффекта требует уточнения. В литературе мы не нашли предпосылок к объяснению данного факта, а фармакологические свойства атенолола и небиволола, кроме кардиоселективности, различаются. Заметим, что другой кардиоселективный препарат, метопролол, на уровень серотонина в сердце влияния не оказывал. Учитывая, что при избытке серотонина может нарушаться синтез катехоламинов [13], увеличение его концентрации в миокарде при ХСН, носит негативный характер. Подчеркнём, что именно на фоне атенолола и небиволола, в отличие от других бета-адреноблокаторов, уровень дофамина в миокарде крыс был значимо меньшим, чем у интактных животных. Как указывалось, пропранолол, напротив, способствовал снижению уровня серотонина в сердце, что происходило на фоне сохранения в миокарде концентрации дофамина.

Обобщая результаты проведенного исследования, следует отметить, что наиболее выраженным модулирующим действием как на симпатоадреналовую систему, так и на уровень биогенных аминов в миокарде обладал неизбирательный бета-адреноблокатор без ВСА пропранолол. Его эффект был сопоставим с комбинированным лечением. В целом бета-адреноблокаторы оказывали более благоприятное влияние на соотношение миокардиальных катехоламинов, нежели ингибиторы АПФ. В свою очередь липофильные ингибиторы АПФ примерно в равной степени с пропранололом и метопрололом способствовали нормализации обмена биогенных аминов в миокарде (судя по их концентрациям) и превосходили по данному эффекту действие остальных препаратов, применявшихся в режиме монотерапии. Наименьшую модулирующую активность в отношении исследуемых нейрогормонов продемонстрировали кардиоселективные бета-адреноблокаторы атенолол и небиволол.

Библиографический список

1. *Бойцов С.А.* Центральные и периферические механизмы патогенеза хронической сердечной недостаточности // Сердечная недостаточность. – 2004. – Т. 5 – № 2. – С. 92–93.

2. *Гуськова Т.А.* Оценка безопасности лекарственных средств на стадии доклинического изучения // Химико-фармацевтический журнал. – 1990. – № 7. – С. 10–15.

3. *Карсанов Н.В., Мелия А.Н., Сукоян Г.В. и др.* Действие рефрактерина на симпато-адреналовую систему при хронической сердечной недостаточности с мерцательной аритмией и без нее // Российский кардиологический журнал. – 2002. – № 4. – С. 28–35.

4. *Мазур Н.А.* Диастолическая форма сердечной недостаточности (этиология, патогенез) // Российский кардиологический журнал. – 2002. – № 2. – С. 58–61.

5. *Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т., Арутюнов Г.П. и др.* Национальные рекомендации ВНОК и ОССН по диагностике и лечению ХСН (третий пересмотр) // Сердечная недостаточность. – 2010. – Т. 11. – № 1(57). – С. 3–62.

6. *Меерсон Ф.З.* Патогенез и предупреждение стрессорных и ишемических повреждений сердца. – М.: Медицина, 1984. – 318 с.

7. *Мещерякова С.А., Герасимова Ц.И.* Определение серотонина и гистамина в одной пробе // Лабораторное дело. – 1974. – Т. 11. – С. 670–672.

8. *Нигматулина Р.Р., Кириллова В.В.* Фармакологическая десимпатизация изменяет реакцию инотропной функции сердца на серотонин в постнатальном онтогенезе крыс // Российский физиологический журнал. – 2007. – Т. 10. – С. 1132–1142.

9. *Осинская В.О.* Исследования обмена адреналина и норадреналина в тканях животного организма // Биохимия. – 1977. – Т. 3. – С. 537–539.

10. *Прибылова Н.Н., Осипова О.А.* Нейрогуморальные механизмы хронической сердечной недостаточности у больных постинфарктным кардиосклерозом // Сердечная недостаточность. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 24–28.

11. *Пятницкий Н.Н., Блинков Ю.А.* К вопросу о моделировании недостаточности правого сердца // Кардиология. – 1970. – № 1. – С. 143–144.

12. *Румянцева Т.А., Фатеев М.М., Федоров В.Н. и др.* Морфологические доказательства наличия хронической сердечной недостаточности, индуцированной у крыс методом дробного дозированного олеоторакса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 123–127.

13. *Сергеев В.П., Галенко-Ярошевский П.А., Шимановский Н.Л.* Очерки биохимической фармакологии. – М.: РЦ «Фармединфо», 1996. – 384 с.

14. *Смирнова О.В.* Сравнительная фармакотерапевтическая эффективность бета-блокаторов различных групп (пропранолол, атенолол, небиволол) при хронической сердечной недостаточности в эксперименте и клинике: Дис. … канд. мед. наук / НИИ Фармакологии РАМН. – М., 2002. – 117 с.

15. *Hara M., Ono K., Hwang M.W., et al.* Evidence for a role of mast cells in the evolution to congestive heart failure // Journal of Experimental Medicine. – 2002. – Vol. 195. – P. 375–381.

16. *Iwai-Kanai E., Hasegawa K., Araki M., et al.* б- and в-adrenergic pathways differentially regulate cell type-specific apoptosis in rat cardiac myocytes // Circulation. – 1999. – Vol. 100. – P. 305–311.

17. *Panizo A., Mindan F.J., Galindo M.F., et al.* Are mast cells involved in hypertensive heart disease? // Journal Hypertension. – 1995. – Vol. 13. – P. 1201–1208.

18. *Patella V., Marino I., Arbustini E., et al.* Stem cell factor in mast cells and increased mast cell density in idiopathic and ischemic cardiomyopathy // Circulation. – 1998. – Vol. 97. – P. 971–978.

УДК 597.82:591.557.2

Сиротина Марина Валерьевна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mvsirotina@gmail.com

МОРФОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОПУЛЯЦИИ ТРАВЯНОЙ ЛЯГУШКИ ЗАПОВЕДНИКА «КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС»

В статье изложены результаты исследования популяции доминирующего вида батрахофауны заповедника «Кологривский лес» – травяной лягушки. Статья содержит анализ морфометрических характеристик, морфологических индексов, половой структуры популяции и цветовых морф данного вида.

Ключевые слова: *травяная лягушка, морфометрические показатели, Костромская область, заповедник «Кологривский лес».*

Государственный природный заповедник «Кологривский лес» им. М.Г. Синицына располагается в северо-восточной части Русской равнины на территории Костромской области в бассейнах рек Унжа и Нея в подзонах европейской средней и южной тайги. Батрахофауна заповедника представлена двумя видами хвостатых (*тритон обыкновенный* (*Triturus vulgaris* Linnaeus, 1758), *тритон гребенчатый* (*Triturus cristatus* Laurenti, 1768)) и четырьмя видами бесхвостых амфибий (*лягушка травяная* (*Rana temporaria* Linnaeus, 1758)), *лягушка остромордая* (*Rana arvalis* Nilsson, 1842), *лягушка прудовая* (*Rana lessonae* Camerano, 1882), *жаба обыкновенная* (*Bufo bufo* Linnaeus, 1758)). Доминирующим видом земноводных на территории заповедника, и Костромской области в целом, является *лягушка травяная*. Травяная лягушка – лягушка средних размеров, половозрелые особи которой достигают длины 60–100 мм. Через барабанную перепонку у травяных лягушек проходит тёмное височное пятно, что говорит о принадлежности этого вида к группе бурых лягушек. Дорсальная сторона тела имеет окраску от оливковой до красновато-коричневой с тёмными пятнами диаметром 1–3 мм, на вентральной стороне располагается мраморoподобный рисунок. На

 © Сиротина М.В., 2012

Таблица 1

Морфометрические характеристики популяции Rana temporaria (2011)

Показатели	$\bar{X}\pm S_{\bar{x}}$	C_v
L.	62,31±2,13	12,78
L.c.	17,70±0,69	14,63
Lt. c.	20,27±1,16	21,51
D. r. o.	8,37±0,26	11,82
L. o.	5,9±0,31	20,00
L. tym.	3,83±0,18	17,5
Sp. oc.	10,44±0,52	18,77
F.	23,88±0,95	14,91
T.	32,4±1,08	12,53
C. int.	3,32±0,16	18,37

шее лягушки имеется Л-образное железистое пятно.

Размерная структура и морфометрические показатели популяций травяной лягушки на территории Костромской области изучены слабо, в связи с чем целью нашей работы являлось выявление и анализ основных морфометрических характеристик и морфологических индексов для данного вида земноводных.

Данные собраны в период экспедиционных выездов 2010–2011 гг. в государственный природный заповедник «Кологривский лес» им. М.Г.Синицына (24 квартал), общий объём выборки составил 76 особей травяной лягушки. Отлов лягушек производился методом скрадывания и методом ловчих канавок с цилиндрами Циммера.

Для изучения морфометрических признаков были сделаны следующие промеры:

L. – длина тела от кончика морды до анального отверстия;

L.c. – длина головы, расстояние от кончика морды до края затылочного отверстия (прощупывается через кожу);

Lt. c. – максимальная ширина головы;

D. r. o. – длина морды от переднего края глазного отверстия до кончика морды;

L. o. – длина глаза;

L. tym. – максимальная длина барабанной перепонки;

Sp. oc. – расстояние между передними краями глазных отверстий;

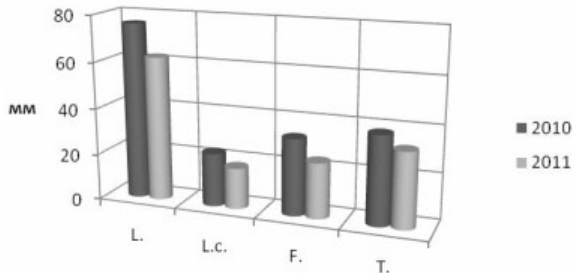


Рис. 1. Основные промеры *Rana temporaria* за период исследований

F. – длина бедра;

T. – длина голени;

C. int. – длина внутреннего пяточного бугра.

Промеры проводились при помощи штангенциркуля с точностью до 0,1 мм. На основании промеров были высчитаны морфометрические индексы: L./L.c., L.c./Lt.c., L.c./L.o., L.o./L.tym., L.c./D.r.o., D.r.o./L.o., Sp.os./D.r.o., L./T., F./T., L./F.+T.

У животных определялся пол, анализировались морфы окраски.

Морфометрические характеристики популяции травяной лягушки, полученные в ходе исследований за полевой сезон 2011 года, приведены в таблице 1.

Необходимо отметить, что по всем морфометрическим показателям травяные лягушки выборки 2011 года уступают лягушкам выборки 2010 года (рис. 1), хотя отлов производился в пределах одного и того же биотопа. Это, очевидно, связано с более ранними календарными сроками и низким температурным режимом во время экспедиционного выезда 2011 года.

При этом основные пропорции тела у представителей исследованной популяции сохраняются в неизменном виде, о чём свидетельствует величина морфологических индексов (табл. 2). Так, соотношение длины тела к длине головы (L./L.c.) в 2010 году составило 3,31, в 2011 году – 3,57. Соотношение длины тела к длине голени (L./T.) – 1,99 в 2010 году и 1,92 в 2011 году. Для сравнения: С.В.Максимов отмечал для травяных лягушек Брянской области L./L.c. = 4,25; L./T. = 2,24 [1].

Соотношение длины головы к максимальной ширине головы (L.c./Lt.c.) практически не отличается у травяных лягушек Брянской и Костромской областей (0,88 и 0,87 соответственно). Если голени животного расположить перпендикулярно к продольной оси тела, голеностопные сочленения перекрываются в подавляющем большинстве случаев, если заднюю ногу лягушки вытянуть вдоль тела, то голеностопное сочленение достигает уровня глаза в 93,75% случаев.

Таблица 2

Морфологические индексы популяции Rana temporaria (2011)

Индексы	min	max	$\bar{X}\pm S_{\bar{x}}$	C_v
L./L.c.	2,76	5,02	3,57±0,13	13,72
L.c./Lt.c.	0,52	1,84	0,91±0,07	30,52
L.c./L.o.	1,94	5,02	3,12±0,21	26,18
L.o./L.tym.	1,26	1,89	1,54±0,04	11,49
L.c./D.r.o.	1,25	2,76	2,13±0,09	17,03
D.r.o./L.o.	1,00	2,25	1,48±0,09	25,06
Sp.os./D.r.o.	0,94	1,59	1,26±0,07	20,95
L./T.	1,67	2,62	1,94±0,06	12,96
F./T.	0,64	0,84	0,74±0,02	8,15
L./F.+T.	0,91	1,56	1,11±0,04	13,45

В популяции травяной лягушки заповедника «Кологривский лес» преобладают самки. Так, доля самок в 2010 году составила 72,00%, а в 2011 году – 68,75% от общего количества животных. Это говорит о благополучном в репродуктивном отношении положении данной популяции.

Анализ цветовых морф лягушек популяции показал преобладание крапчатой (Punctata) – 31,25% и пятнистой (Maculata) – 31,25% вариантов окраски. Реже встречаются чистая без пятен (Burnsi) – 18,75% и полупятнистая (Hemimaculata) – 12,50%. Менее всего распространённой оказалась полосатая морфа окраски (Striata) – 6,25%.

Травяная лягушка, как массовый вид земноводных, играет важную роль в экосистемах природного заповедника, являясь консументом первого (головастики), второго и третьего порядков и потребляя множество наземных насекомых: жуков, двукрылых, перепончатокрылых, гусениц. Также в рацион травяной лягушки входят моллюски, дождевые черви и пауки. Сами травяные лягушки являются объектами охоты многих позвоночных животных: ужей, гадюк, хищных птиц, многих млекопитающих. Мониторинг количественных и качественных характеристик популяций массовых видов – значимых участников трансформации энергии в цепях питания – имеет важное значение в исследованиях природных биоценозов.

В последние годы всё более сокращается плотность земноводных на антропогенно трансформированных территориях, изменяются характеристики их популяционных структур, наблюдаются фенотипические изменения [2]. Значительно меньше страдают популяции, обитающие на территориях, имеющих природоохранный статус, поэтому именно они могут служить контрольными (фоновыми) при изучении процессов, происходящих в антропогенно трансформированной среде.

Библиографический список

1. *Максимов С.В.* Биоиндикация состояния сред обитания с использованием земноводных рода *Rana* в условиях южного Нечерноземья России (на примере Брянской области): Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Брянск, 2010. – 23 с.

2. *Лебединский А.А., Поморина Е.Н.* Некоторые особенности популяции травяной лягушки в связи с её обитанием на урбанизированной территории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2008. – №2. – С. 91–95.

УДК 677.11.021.1:681.5

Соколов Алексей Сергеевич
Костромской государственный технологический университет
KOSsur@yandex.ru
Федосова Наталья Михайловна
Костромской государственный технологический университет
fedosovanm@mail.ru
Вихарев Сергей Михайлович
Костромской государственный технологический университет
SVixarev@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СПОСОБА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦВЕТОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВОЛОКНИСТЫХ ПУЧКОВ ПРИ АВТОМАТИЗИРОВАННОМ АНАТОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЛЬНЯНЫХ СТЕБЛЕЙ

В статье предложен способ определения одревесневшей площади волокнистых пучков на изображениях поперечных срезов льняных стеблей с использованием нечеткой логики. В частности, приведены функции принадлежностей пикселей изображения к одревесневшей или остальной части волокнистого пучка, а также результаты анализа изображений полученных срезов льняных стеблей по предложенному алгоритму.

Ключевые слова: *анатомический анализ, волокнистые пучки, одревесневшая площадь, пиксель, функция принадлежности.*

Анатомический анализ льняных стеблей считается одним из самых точных способов оценки качества волокна, залегающего в них. В результате многочисленных исследований установлены корреляционные зависимости между анатомическими характеристиками стеблей и технологическим качеством льна, предложены те или иные критерии диагностики анатомического строения, позволяющие упростить анализ. Однако до настоящего времени он недостаточно распространен ввиду своей трудоемкости. Также одним из его недостатков является изрядная доля субъективизма – органолептической оценки ряда характеристик. К числу основных характеристик анатомического строения следует отнести форму и размеры волокнистых пучков, форму и размеры элементарных волокон и каналов в них, степень однородности элементарных волокон по форме и размерам, толщину стенки элементарного волокна, долю одревеснения элементарных волокон в волокнистых пучках и некоторые другие.

 © Соколов А.С., Федосова Н.М., Вихарев С.М., 2012

В работе [1] предложен способ оценки анатомического строения льна путем автоматизированного анализа изображений поперечных срезов стеблей, обоснован выбор анатомических характеристик, разработаны алгоритм обработки изображений и программные средства его реализации. В частности, предложено определять степень одревеснения волокон путем отнесения площади одревесневщих участков пучков к общей площади, занимаемой волокнистыми пучками на срезе. Следует отметить, что общепринятая методика определения степени одревеснения волокон предполагает подсчет на срезе количества элементарных волокон, связанных поясками одревеснения, и общего количества волокон и не учитывает часто весьма существенные различия элементарных волокон в пучке по размерам. В указанной работе представлены результаты оценки цветовых характеристик волокнистых пучков, залегающих в разных зонах по длине стеблей (вершина, середина, комель) различных селекционных сортов (табл. 1).

Как видно из представленных данных (табл. 1), основное влияние на определение пучков на срезе играет B-составляющая цвета. Диапазон B-составляющей пучков составляет 34; 83, в то же время диапазон B-составляющей одревесневшей площади пучков – 93; 120.

Предложенный в работе [1] алгоритм подсчета площади и определения принадлежности пикселя изображения к площади пучка является нестабильным и сложным, а также предполагает высокое качество изображений поперечных срезов стеблей. Одним из возможных направлений его совершенствования является оценка принадлежности пикселей анализируемых изображений к одревесневшей или неодревесневшей площади по цветовой составляющей на основе аппарата нечеткой логики.

На основании экспериментальных данных работы [1] возможно построить кривые распределения пикселей обработанных изображений по их принадлежности к одревесневшей или неодревесневшей площади лубяного пучка (рис. 1). Кривые на рисунке 1 отражают долю пикселей с определенным значением B-составляющей в общей массе всех пикселей исследованных образцов, принадлежащих к той или иной группе координат качества (одревеснение – неодревеснение) в пограничных областях. Результаты данных экспериментов и полученные по ним кривые достоверно отражают распределение и связь графических координат с их качественными аналогами (одревеснение – неодревеснение пучков) для исследованных сортов льна.

В частности, за функции принадлежности предложено считать кривые принадлежности пикселя на

Таблица 1

Цветовые характеристики волокнистых пучков, залегающих в стеблях различных селекционных сортов льна

Селекционный сорт льна	Зона залегания волокнистых пучков	Номер образца	RGB	R	G	B	sRGB	sR	sG	sB	bRGB
Зарянка	вершина	1	7763619	179	176	59	12165828	12	7	120	5434533
		2	10648390	172	185	81	16804065	13	30	120	7453873
		3	12927042	189	211	63	19390564	27	61	120	4444208
	середина	1	15000000	192	225	65	10000000	0	0	120	7613459
		2	10931777	171	199	72	16397666	0	42	120	5976418
		3	10692165	198	203	63	16038247	41	49	120	4822955
	комель	1	10981845	209	205	83	18403699	63	71	140	6589107
		2	7103307	178	167	54	6962918	254	230	140	5682646
		3	9763221	189	183	63	14644832	27	18	140	6212215
ТОСТ 5	вершина	1	8142544	174	167	62	12213817	57	148	93	5699781
		2	9473368	196	192	63	14210052	38	32	120	5117665
		3	5616734	159	142	63	8425101	238	213	120	5408331
	середина	1	4426415	112	97	34	11209047	247	227	120	3873113
		2	5459324	153	129	41	11209047	247	227	120	3821527
		3	7826011	169	157	59	11209047	247	227	120	5478208
Тверской	середина	1	6211216	130	130	47	11967561	241	242	120	6211216
		2	6530992	152	150	49	7205300	202	190	100	4571694
	комель	1	7658719	158	153	63	11488079	237	229	120	4521416
		2	7812837	168	165	59	11967561	241	242	120	5468986

Примечание: RGB – общая характеристика цвета пучков; R – красная (Red) составляющая цвета пучков; G – зеленая (Green) составляющая цвета пучков; B – синяя (Blue) составляющая цвета пучков; sRGB – общая характеристика цвета одревесневшей площади; sR – красная (Red) составляющая одревесневшей площади; sG – зеленая (Green) составляющая одревесневшей площади; sB – синяя (Blue) составляющая одревесневшей площади; bRGB – общая характеристика цвета площади, не относящейся к срезу.

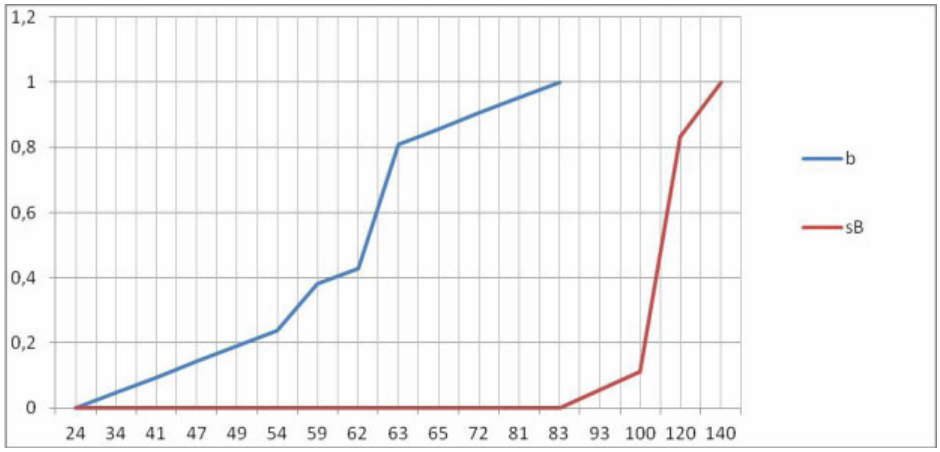


Рис. 1. Нормализованные кривые принадлежности пикселя по B-составляющей к отрезкам B и sB.
Примечание: по оси абсцисс указано состояние октета B-составляющей цвета пикселя, по оси ординат –

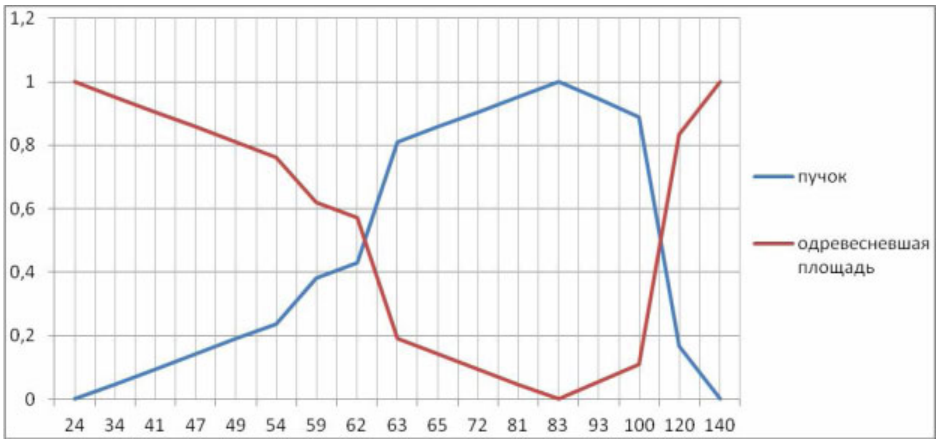


Рис. 2. Функции принадлежности пикселя к пучку или одревесневшей площади пучка.
Примечание: по оси абсцисс указано состояние октета B-составляющей цвета пикселя, по оси ординат – степень принадлежности пикселя, ед.

отрезке с учетом обратной кривой принадлежности пикселя другому отрезку:

$$f1(x) = \begin{cases} 0, & x < 24 \\ 0{,}0002 \cdot x^3 - 0{,}0115 \cdot x^2 + 0{,}3256 - 3{,}2588, & 24 \le x \le 73 \\ 1, & 73 < x < 83 \\ -0{,}0001 \cdot x^3 + 0{,}0117 \cdot x^2 + 0{,}4007, & 83 < x \le 140 \\ 0, & x > 140 \end{cases}$$

$$f2(x) = \begin{cases} 1 - f1(x), & 83 \le x \le 140 \\ 1, & x > 140 \end{cases}$$

$$f3(x) = \begin{cases} 1, & x < 24 \\ 1 - f1(x), & 24 \le x < 83 \end{cases}$$

где f1(x) – функция принадлежности пикселя к площади пучка; f2(x) – функция принадлежности пикселя к одревесневшей площади пучка; f3(x) – функция принадлежности пикселя к оставшейся площади пучка.

Результаты анализа изображений полученных срезов льняных стеблей по предложенному алгоритму представлены на рисунке 2.

По результатам вычисления функций принадлежности пикселя к той или иной части волокнистого пучка определяем размер площади путем подсчета количества пикселей, принадлежащих тому или иному отрезку. Каждый пиксель имеет определенную площадь, сумма которых и будет искомой характеристикой, необходимой для оценки степени одревеснения волокнистых пучков на изображении поперечного среза льняного стебля.

Реализация предложенного алгоритма позволит более точно и объективно оценивать такие анатомические характеристики льна, как площадь волокнистых пучков и степень их одревеснения.

Библиографический список

1. *Болонкин В.А.* Совершенствование методов и средств изучения строения льна по анатомическим и морфологическим признакам: Дис. … канд. техн. наук / Костромской государственный технологический университет. – Кострома, 2010. – 156 с.

УДК 537.525

Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suhov_andrei@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИЭЛЕКТРОДНЫХ СЛОЕВ В ОГРАНИЧЕННОЙ ПЛАЗМЕ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ВНЕШНЕГО ПОСТОЯННОГО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Проведено компьютерное моделирование формирования приэлектродных слоев в ограниченной плазме под действием внешнего постоянного электрического поля с использованием системы уравнений непрерывности для электронной и ионной компонент плазмы и уравнения электростатики с учетом начальных и граничных условий. Получена динамика формирования параметров плазмы в катодном и анодном слоях, проведено сравнение результатов моделирования с экспериментальными данными.

Ключевые слова: *ограниченная плазма, приэлектродные слои, численное моделирование, уравнение непрерывности заряженных частиц, постоянное электрическое поле.*

Компьютерное моделирование [1] является одним из эффективных методов изучения физических систем. Компьютерные модели проще и удобнее исследовать, они позволяют проводить вычислительные эксперименты, реальная постановка которых затруднена или может дать непредсказуемый результат. Логичность и формализованность компьютерных моделей позволяет выявить основные факторы, определяющие свойства изучаемых объектов, исследовать отклик физической системы на изменения ее параметров и начальных условий.

Компьютерные модели обеспечивают большую гибкость при проведении эксперимента во время решения экспериментальных задач, позволяют замедлить или ускорить ход времени, сжать или растянуть пространство, дополнить модель графиком, таблицей, мультипликацией, повторить или изменить ситуацию. Компьютер позволяет в пределах, предусмотренных программой, управлять процессом, вводить в него случайные события, величины и факторы, имитировать функции управления событиями и видеть (в соответствии с программой) последствия принимаемых решений, повторять ход решения, то есть вновь проводить имитацию до получения верного результата.

Большинство применяемых аналитических средств, таких как дифференциальное исчисление, больше всего подходит для исследования линейных задач. Однако многие природные процессы являются нелинейными. Поскольку нелинейные задачи удается решить аналитическими методами только в отдельных случаях, численное моделирование позволяет исследовать нелинейные явления. Другая причина важности численного моделирования связана с тем, что с практической точки зрения наиболее интересными являются системы со многими степенями свободы или многими переменными, которые можно решить только численными методами.

Численное моделирование составляет неотъемлемую часть современной фундаментальной и прикладной науки, причем по важности оно приближается к традиционным экспериментальным и теоретическим методам. Численное моделирование, как и лабораторные эксперименты, не заменяет размышление, а является инструментом, который можно использовать для постижения сложных явлений.

Компьютерное моделирование получило широкое применение при исследовании плазменных систем как постоянного, так и переменного тока. Оно широко используется для расчетов конкретных плазменных устройств, начиная с газоразрядных осветительных ламп, мощных разрядных лазеров, плазмохимических реакторов до установок управляемого термоядерного синтеза. Поэтому актуальным является развитие методов компьютерного моделирования плазменных процессов для различных режимов работы и типов разрядных устройств.

Газоразрядная плазма применяется в газовых лазерах и источниках света, в плазмохимических процессах и процессах очистки газов, для обработки поверхностей, в различных технологических и металлургических процессах. Низкотемпературная плазма как рабочее тело используется для преобразования тепловой энергии в электрическую в магнитогидродинамических генераторах и термоэмиссионных преобразователях. В плазмотроне низкотемпературная плазма играет роль теплоносителя. Вводимая в плазму электрическая энергия передаётся электронам, а от них – атомам или (и) молекулам газа и нагревает его.

Применение плазмы как теплоносителя связано с процессами сварки и резки металлов. Дуговой разряд позволяет создать плазму, которая при соприкосновении с металлом расплавляет его. Плазменные методы сварки и резки металлов обеспечивают более высокую производительность, качество продукта, дают меньше отходов, но требуют больших затрат энергии и более дорогого оборудования.

Плазма как теплоноситель используется в топливной энергетике. Введение плазмы в зону сжигания низкосортных углей существенно улучшает

© Сухов А.К., 2012

энергетические параметры процесса. Как хороший теплоноситель, плазма позволяет производить термическую обработку поверхности и её закалку. При этом не изменяется химический состав поверхности, но улучшаются её физические параметры.

Низкотемпературная плазма применяется для получения химических соединений, полимеров и полимерных мембран, а также при производстве порошков керамических соединений (SiC, Si_3N_4), металлов и окислов металлов. В настоящее время такая плазма широко используется в нанотехнологиях для получения нанопорошков на основе нанотрубок, обладающих уникальными физическими свойствами.

Поэтому актуальным является исследование плазмы газового разряда. Одним из способов исследования служит его моделирование [2] при заданных конкретных условиях.

Компьютерная модель.

Используем одномерную дрейфовую модель разрядной плазмы между двумя бесконечными плоскими электродами, задаваемую системой дифференциальных уравнений, описывающих поведение параметров плазмы с учётом граничных условий в приэлектродных слоях [3]:

$$\begin{cases} \dfrac{\partial n_e}{\partial t} + \dfrac{\partial \Gamma_e}{\partial x} = \alpha\left|\Gamma_e\right| - \beta n_e n_+ \\ \dfrac{\partial n_+}{\partial t} + \dfrac{\partial \Gamma_+}{\partial x} = \alpha\left|\Gamma_e\right| - \beta n_e n_+ \\ \dfrac{\partial E}{\partial x} = 4\pi e(n_+ - n_e) \\ \dfrac{\partial T}{\partial t} = \dfrac{Q}{\rho \cdot c_p} \end{cases},$$

где $E = -\dfrac{\partial \varphi}{\partial x}$ – связь напряженности электрического поля E и потенциала φ, $\Gamma_e = -n_e \cdot \mu_e \cdot E$ – поток электронов концентрации n_e, подвижностью μ_e под действием приложенного электрического поля E, $\Gamma_+ = n_+ \cdot \mu_+ \cdot E$ – поток ионов концентрации n_+, подвижностью μ_e и под действием приложенного электрическое поля E, $Q = \eta \cdot J \cdot E$ – объемная плотность энергии в единицу времени, определяемая через часть энергии, идущей на нагрев η, плотность тока J и электрическое поле E, $J = q_0 \cdot (\Gamma_+ - \Gamma_e)$ – плотность тока, определяемая через разность потоков ионов и электронов, q_0 – элементарный заряд.

Начальные условия: концентрации электронов и ионов, электрическое поле и температура постоянны по координате в начальный момент времени:

$n_e(x,0) = n_+(x,0) = n_0$,

$E(x,0) = E_0$,

$T(x,0) = T_0$.

Граничные условия:

$\varphi(0) = 0, \quad \varphi(l) = V_0$ – на катоде потенциал считаем равным нулю, а на аноде – приложенному напряжению.

$\dfrac{\partial E}{\partial x}(0) = 0, \quad \dfrac{\partial E}{\partial x}(l) = 0$ – поле у катода и анода считаем непрерывным.

$\Gamma_e(0) = -\gamma\,\Gamma_+$ – электроны испускаются катодом под действием потока ионов.

$\Gamma_+(l) = 0$ – анод ионы не испускает.

$\dfrac{\partial \Gamma_e}{\partial x}(l) = \dfrac{\partial \Gamma_+}{\partial x}(0) = 0$ – потоки электронов у анода и ионов у катода считаем непрерывными.

Для решения системы воспользуемся численными методами. Введём в расчетной пространственно-временной области $0 \le x \le l$, $0 \le t \le \tau \cdot nk$ конечно-разностную сетку $\omega_{h\tau}$:

$$\omega_{h\tau} = \left\{x_j = jh,\ j = 0..nj\,;\ t^k = k\tau,\ k = 0..nk\right\}$$

с пространственным шагом $h = l/nj$ [см] и шагом по времени $\tau\,[c]$. Рассмотрим два временных слоя: нижний $t^k = k\tau$, на котором распределение искомых функций известно, и верхний временной слой $t^{k+1} = (k+1)\tau$, на котором распределение искомых функций подлежит определению. Непрерывные функции заменим сеточными: $\varphi(x_j, t^k) = \varphi_j^k$, $n_e(x_j, t^k) = n_{ej}^k$, $n_+(x_j, t^k) = n_{+j}^k$, $E(x_j, t^k) = E_j^k$, а производные заменим конечно-разностными соотношениями. Для пространственных производных используем центральные разности, для временных – правые:

$$\left.\frac{\partial \varphi}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\varphi_{j+1}^k - \varphi_{j-1}^k}{2 \cdot h} \qquad \left.\frac{\partial T}{\partial t}\right|_j^k = \frac{T_j^{k+1} - T_j^k}{\tau}$$

$$\left.\frac{\partial \Gamma_e}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\Gamma_{ej+1}^k - \Gamma_{ej-1}^k}{2 \cdot h} \qquad \left.\frac{\partial n_e}{\partial t}\right|_j^k = \frac{n_{ej}^{k+1} - n_{ej}^k}{\tau}$$

$$\left.\frac{\partial \Gamma_+}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\Gamma_{+j+1}^k - \Gamma_{+j-1}^k}{2 \cdot h} \qquad \left.\frac{\partial n_+}{\partial t}\right|_j^k = \frac{n_{+j}^{k+1} - n_{+j}^k}{\tau}$$

$j = 0..nj$ – индекс по координате,

$k = 0..nk$ – индекс по времени.

Исходная система уравнений в конечных разностях запишется в виде:

$$\begin{cases} \dfrac{n_{ej}^{k+1}-n_{ej}^{k}}{\tau}+\dfrac{\Gamma_{ej+1}^{k}-\Gamma_{ej-1}^{k}}{2\cdot h}=\alpha_j^k\left|\Gamma_{ej}^{k}\right|-\beta n_{ej}^{k}n_{+j}^{k} \\ \dfrac{n_{+j}^{k+1}-n_{+j}^{k}}{\tau}+\dfrac{\Gamma_{+j+1}^{k}-\Gamma_{+j-1}^{k}}{2\cdot h}=\alpha_j^k\left|\Gamma_{ej}^{k}\right|-\beta n_{ej}^{k}n_{+j}^{k} \\ \dfrac{\varphi_{j+1}^{k}-2\cdot\varphi_j^k+\varphi_{j-1}^{k}}{h^2}=4\pi e(n_{+j}^{k}-n_{ej}^{k}) \\ \dfrac{T_j^{k+1}-T_j^k}{\tau}=\dfrac{Q_j^k}{\rho\cdot c_p} \end{cases},$$

где $E_j^k=\dfrac{\varphi_{j+1}^k-\varphi_{j-1}^k}{2\cdot h}$ – связь поля с потенциалом;

$\Gamma_{ej}^{k}=-n_{ej}^{k}\cdot\mu_e\cdot E_j^k$ – поток электронов;

$\Gamma_{+j}^{k}=n_{+j}^{k}\cdot\mu_+\cdot E_j^k$ – поток ионов;

$J_j^k=q_0\cdot(\Gamma_{+j}^{k}-\Gamma_{ej}^{k})$ – плотность электрического тока; $Q_j^k=\eta\cdot J_j^k\cdot E_j^k$ – объемная плотность энергии разряда.

Полученная система уравнений решается с использованием явной схемы Эйлера, потенциал рассчитывается методом прогонки [4]. При моделировании использовались параметры для азота, так как этот газ составляет основную часть атмосферного воздуха и разряды в азоте широко используются на практике.

Результаты численного моделирования и их анализ

При обсуждении результатов численного моделирования основное внимание будет уделяться соответствию результатов расчетов наблюдаемым экспериментальным данным. Наиболее важной частью разряда является катодная область, так как там происходит рождение заряженных частиц, обеспечивающих существование разряда. Положительный столб разряда играет транспортную роль переноса зарядов, в первую очередь электронов от катода к аноду. Анодная область большой роли в существовании разряда не играет, так как является местом стока электронов на анод. Рассмотрим изменение параметров плазмы с течением времени.

В начале расчета (рис. 1) внешнее электрическое поле в разряде постоянно. Распределение концентраций электронов и ионов равномерно по всему разрядному промежутку. Потенциал линейно возрастает от 0 до заданного V_0.

С течением времени (рис. 2) плазма начинает экранировать внешнее поле. Вблизи электродов формируются приэлектродные слои заряженных частиц. Распределение потенциала перестает быть линейным, и основное падение потенциала наблюдается вблизи катода. Причем величина катодного падения растет с течением времени. Это обуславливает то, что вблизи катода формируется сильное электрическое поле, величина которого также растет со временем (до 237,7 В/см при $nk = 10000$). Это поле сильно ускоряет электроны, выбитые ионами

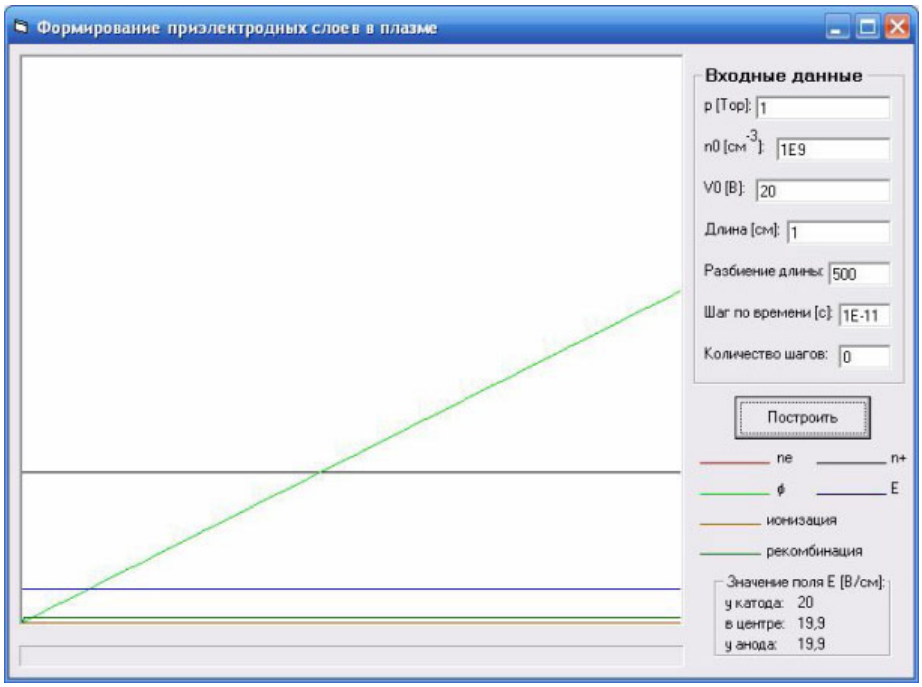


Рис. 1. Начальное распределение параметров плазмы в разрядном промежутке (катод – слева, анод – справа)

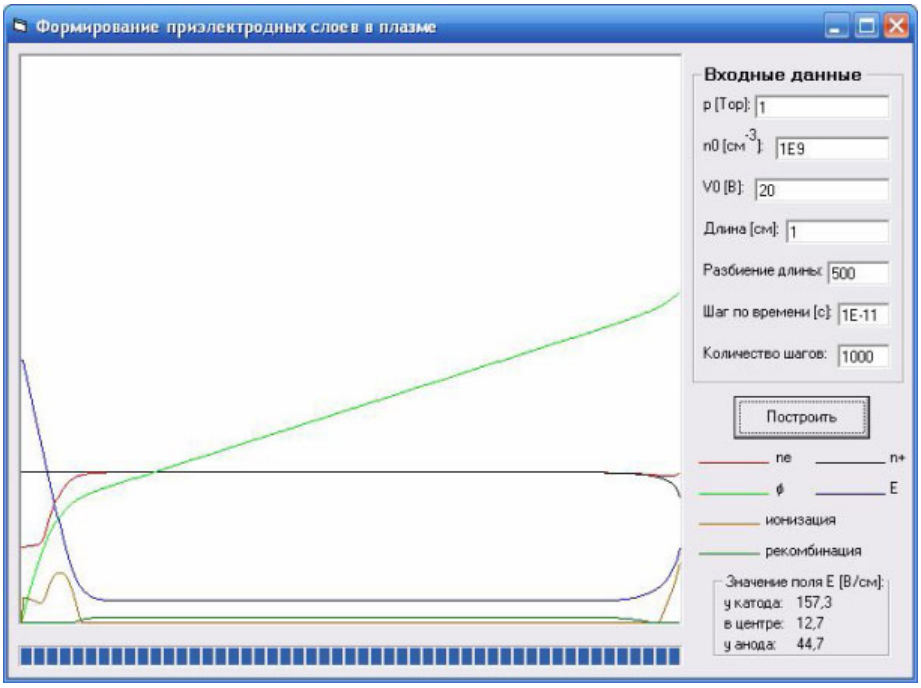


Рис. 2. Распределение параметров плазмы в разрядном промежутке через время $t = \tau \cdot nk = 10^{-8} c$ (катод – слева, анод – справа)

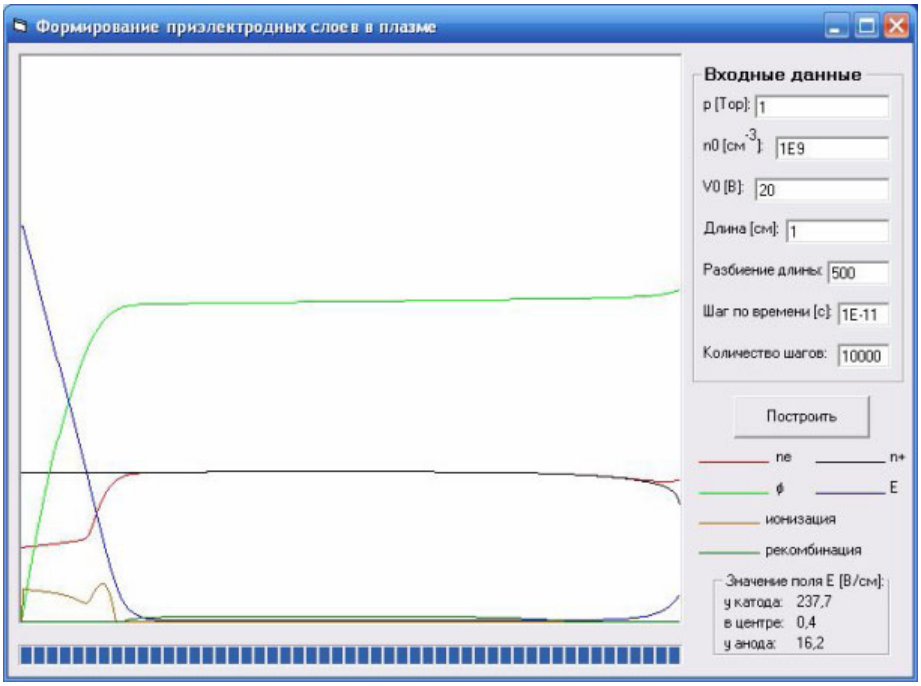


Рис. 3. Распределение параметров плазмы в разрядном промежутке через время $t = \tau \cdot nk = 10^{-7} c$

из катода в результате электрон-ионной эмиссии, и приводит к значительной ионизации газа этими быстрыми электронами. В результате концентрация электронов у катода быстро растет. Так как концентрация ионов у катода больше, чем концентрация электронов, там образуется положительный объемный заряд, у анода же ситуация обратная – и образуется отрицательный объемный заряд. Ионизация в основном происходит в катодном слое, где поле достаточно велико.

Кроме того, у анода формируется небольшое электрическое поле за счет разности концентраций электронов и ионов. Внутри разрядного промежутка в положительном столбе электрическое поле намного меньше, чем в приэлектродных слоях, и с течением времени оно стремится к нулю. Это обус-

ловлено экранированием плазмой внешнего электрического поля за счет перераспределения концентраций заряженных частиц. Полученные расчетные зависимости наблюдаются в экспериментальных измерениях разрядов постоянного тока [3], что подтверждает адекватность модели и правильность расчетной схемы. Преимуществом численного моделирования является возможность показать динамику формирования приэлектродных слоев, которую экспериментально нельзя зарегистрировать, так как приэлектродные слои формируются за очень короткое время, определяемое плазменной (Ленгмюровской) частотой:

$$\omega_p = \sqrt{\frac{4 \cdot \pi \cdot e^2 \cdot n_e}{m_e}} = 5{,}65 \cdot 10^4 \cdot \sqrt{n} \ \ c^{-1}.$$

Для $n_e = 10^9 \ \ см^{-3}$ $\omega_p = 1{,}8 \cdot 10^8 \ \ c^{-1}$, отсюда $\tau_p = \dfrac{2\pi}{\omega_p} = 5{,}6 \cdot 10^{-8} \ \ c$.

В расчетах шаг по времени составляет $10^{-11} \ \ c$, что позволяет детально рассмотреть формирование приэлектродных слоев и сопровождающие их плазменные процессы.

С уменьшением давления газа величина электрического поля вблизи катода мало меняется, а вблизи анода несколько уменьшается, при этом размер катодной области возрастает. Это обусловлено уменьшением влияния нейтральных молекул на движение заряженных частиц. При уменьшении давления плотность нейтральных молекул падает, что приводит к уменьшению частоты столкновений электронов с молекулами и увеличению их длины свободного пробега. В результате электрон, набирающий энергию в электрическом поле для ионизации, пройдет большее расстояние до столкновения с нейтральной молекулой с ее последующей ионизацией. Поэтому размер катодной области, определяемый расстоянием, необходимым для ионизации достаточного количества молекул, при уменьшении давления растет.

С увеличением разности потенциалов между электродами V_0 экранировка внешнего электрического поля в плазме уменьшается, так как необходимо больше времени для перераспределения зарядов плазмы. Размер катодной области увеличивается, так как более сильное внешнее поле глубже проникает в плазму.

С увеличением концентрации электронов и ионов формирование приэлектродных слоев и экранировка внешнего электрического поля происходит быстрее, величина электрического поля вблизи катода при остальных неизменных параметрах выше, так же как и величина катодного падения потенциала. При увеличении концентрации зарядов их коллективное взаимодействие проявляется сильнее, что ускоряет формирование приэлектродных слоев, увеличивает градиенты параметров плазмы и, как следствие, приэлектродные электрические поля. Область катодного падения при увеличении концентрации зарядов уменьшается, так как их большее количество приводит к более сильной ионизации в катодном слое и размер слоя уменьшается.

Таким образом, нами создана программа численного решения системы дифференциальных уравнений, описывающих поведение параметров плазмы с учётом граничных условий в приэлектродных слоях. С помощью этой программы проведено моделирование влияния внешнего постоянного электрического поля и параметров плазмы на формирование приэлектродных слоев в ограниченной плазме, которое показало, что размер катодной области увеличивается с уменьшением давления, с увеличением разности потенциалов между электродами и с уменьшением начальной концентрации электронов и ионов.

Результаты численного моделирования позволили показать динамику формирования приэлектродных слоев, которую экспериментально нельзя зарегистрировать, так как приэлектродные слои формируются за очень короткое время, определяемое плазменной (Ленгмюровской) частотой.

Использование численного моделирования позволяет вычислить для заданных условий и параметров разряда значения параметров плазмы, что дает возможность подобрать условия для получения требуемых на практике параметров разрядной плазмы. Это обстоятельство имеет большое практическое значение, так как плазма широко применяется в технологических процессах напыления и травления плёнок в производстве микросхем и других высоких технологиях. Расчет требуемых параметров позволяет подобрать оптимальные режимы для конкретных технологических процессов, снижая издержки производства и давая положительный экономический эффект.

Библиографический список

1. *Гулд Х., Тобочник Я.* Компьютерное моделирование в физике: В 2 ч. – М.: Мир, 1990. – 400 с.

2. *Сухов А.К.* Моделирование радиального профиля свечения по длине разряда униполярного пробоя газа // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 2. – С. 12–17.

3. *Райзер Ю.П.* Физика газового разряда: Учеб. руководство для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1992. – 536 с.

4. *Турчак Л.И., Плотников П.В.* Основы численных методов: Учеб. пособие. – 2-е изд., перер. и доп.– М., 2003. – 304 с.

УДК 574.4:911.5:502.63

Иванищева Елизавета Александровна
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук, г. Пущино, Россия
lizaivanischeva@rambler.ru

СОХРАНЕНИЕ ЛАНДШАФТНОГО РАЗНООБРАЗИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ НА КЛЮЧЕВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье изложены результаты оценки ландшафтной репрезентативности сети ключевых территорий северо-запада Вологодской области. В работе выделены три группы ландшафтов по степени представленности в сети ключевых территорий. Настоящее исследование является этапом работы по формированию регионального экологического каркаса на основе ландшафтного подхода.

Ключевые слова: *экологический каркас, ландшафтное разнообразие, ландшафты, ООПТ.*

В настоящее время признано, что для сохранения природного разнообразия как локальных территорий, так и целых регионов необходимо создание не отдельных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), а формирование экологических сетей или каркасов разного уровня. Экологический каркас (ЭК) – система экологически взаимосвязанных природных территорий, способная поддерживать экологическое равновесие в регионе и защищенная природоохранными мерами, соответствующими нагрузкам на природу. В составе ЭК различают ключевые территории, экологические коридоры, буферные территории и участки экологической реставрации [8].

Одна из главных задач ЭК – сохранение и поддержание ландшафтного разнообразия. Для эффективного выполнения данной задачи сеть ключевых территорий должна обладать высокой степенью соответствия ландшафтной структуре региона.

Цель настоящей работы – анализ ландшафтной репрезентативности существующей сети ключевых территорий северо-запада Вологодской области.

Объекты и методы исследования

Объекты исследования – ландшафты северо-запада Вологодской области в границах Вытегорского, Вашкинского, Бабаевского, Белозерского и Кирилловского административных районов. Общая площадь исследуемой территории 36 тыс. км^2.

В работе по формированию регионального ЭК за основу берется исторически сложившаяся в регионе сеть охраняемых природных территорий (ОПТ), используется ландшафтный подход. С позиций ландшафтного подхода, чем полнее представлены различные типы ландшафтов в сети ООПТ региона, тем эффективнее осуществляется на его территории сохранение природного разнообразия [7, с. 24].

Ключевые территории (КТ) – природные территории, имеющие самостоятельную природоохранную ценность, они являются главным элементом ЭК. По функциям и режиму охраны различают КТ первого и второго порядка. КТ первого порядка выполняют функции сохранения природных комплексов, поддержания разнообразия местообитаний и видов, в большинстве случаев имеют значительную площадь. КТ второго порядка выполняют функцию охраны уникальных объектов природы или материальной культуры, имеют менее строгий режим охраны, чем КТ первого порядка, чаще всего представлены в ЭК точечными элементами.

Нужно отметить, что функции сохранения ландшафтного разнообразия региона берут на себя главным образом КТ первого порядка, имеющие ландшафтный (комплексный) профиль, компонентные КТ позволяют сохранить в пределах ландшафта отдельные гидрологические, геологические объекты, водно-болотные угодья. В связи с этим при оценке ландшафтной репрезентативности КТ учитывали специализацию (профиль), функции, местоположение, площадь КТ в ландшафте.

Для сопоставления территориальной и функциональной структуры региональной сети КТ с ландшафтной структурой региона средствами геоинформационной системы (ГИС) проведен анализ векторных слоев «Ландшафтное районирование северо-запада Вологодской области», «ООПТ», «Охраняемые болота». Векторные слои были созданы средствами ArcView GIS 3.2 на основе опубликованных ландшафтных схем [1, с. 60; 3, с. 328; 4, с. 29] и материалов инвентаризации существующих ОПТ [6].

Результаты и обсуждение

Состав и структура существующей сети ОПТ. Современная сеть ОПТ северо-запада Вологодской области включает: ООПТ разных категорий и профилей, охраняемые болота, водоохранные зоны и запретные полосы вдоль рек и озер, зеленые зоны вокруг населенных пунктов, лесозащитные полосы вдоль дорог. Эти территории представляют собой разные элементы ЭК (табл. 1).

Общая площадь охраняемых земель в пределах исследуемой территории около 30%, в составе ЭК преобладают экологические коридоры. Площадь КТ менее 15%, численный перевес имеют КТ второго порядка. В существующей сети ОПТ преобладают компонентные КТ, ландшафтный (комплексный) профиль имеют только 20 из 46 ООПТ.

© Иванищева Е.А., 2012

Таблица 1

Состав сети охраняемых природных территорий

Элемент экологического каркаса	Число	Площадь, % от площади исследуемой территории (тыс. га)
Ключевая территория	130	14,7 (528,2)
Ключевая территория 1 порядка	24	7,2 (258,9)
Национальный парк	1	4,6 (166,4)
Охраняемый природный комплекс	1	0,7 (25,1)
Заказник	22	1,9 (67,4)
Ключевая территория 2 порядка	106	7,5 (269,3)
Временный заказник	2	2,8 (101,5)
Памятник природы	20	0,1 (3,3)
Охраняемое болото	84	4,6 (164,5)
Буферная территория	155	1,7 (59,7)
Зеленая зона вокруг населенного пункта	10	1,3 (46,7)
Водоохранная зона озера	145	0,4 (13,0)
Экологический коридор	577	26,2 (942,3)
Водоохранная зона реки	306	5,0 (179,2)
Запретная полоса	63	17,7 (636,8)
Лесозащитная полоса вдоль дороги	208	3,5 (126,3)
Итого (с искл. территориальных наложений)		33,8 (1217,6)

Таблица 2

Распределение ключевых территорий по ландшафтам

Вид ландшафта	Ландшафт	КТ 1 порядка		КТ 2 порядка		Площадь КТ (КТ 1 порядка), % от площади ландшафта
		Л	К	Л	К	
Среднетаежная подпровинция						
Озерно-ледниковые заболоченные равнины	Вожеозерский	1	-	-	3	81,8 (52,9)
Озерно-ледниковые песчаные заболоченные равнины	Южноонежский	1	-	2	7+(4)	11,3 (9,9)
	Ковжинско-Белозерский	4+(1)	-	-	6+(1)	18,6 (8,9)
Моренные заболоченные равнины на известняковом пластовом основании	Кемский	1	-	-	11	10,3 (0,2)
Холмисто-моренные возвышенности на известняковом цоколе	Вепсовский	1	1	-	5	8,7 (2,9)
	Мегорский	-	3	-	6	5,2 (2,5)
	Андомский	3	-	-	-	3,3 (3,3)
	Кирилловский	2+(1)	-	-	5	38,7 (25,0)
Южнотаежная подпровинция						
Озерно-ледниковые заболоченные равнины	Кубеноозерский	1	-	-	1	12,9 (12,4)
Озерно-ледниковые песчаные заболоченные равнины	Молого-Судский	1	3	1	5	0,8 (0,5)
	Пришекснинский	1	-	(1)	3+(2)	32,2 (20,5)
Моренные заболоченные равнины на известняковом пластовом основании	Верхнесудский	-	1	-	17	6,5 (0,1)
Холмисто-моренные возвышенности на известняковом цоколе	Белозерский	2	-	1	15+(6)	22,6 (19,2)
	Андогский	1	-	-	5	15,4 (0,9)

Примечания: 1. Л – ландшафтные, К – компонентные. 2. (4) – территории в составе других КТ.

Максимальную площадь земли ЭК занимают в Кирилловском районе – около 60%. Площадь КТ в районе составляет 41%, из них 30% приходится на национальный парк «Русский Север». В Вытегорском и Белозерском районах общая площадь охраняемых земель около 30%, площадь КТ 12–15%. При этом площадь КТ первого порядка в этих районах менее 6%.

В Бабаевском и Вашкинском районах охраняемые земли занимают мене 25%, КТ около 5%; площадь КТ первого порядка в этих районах очень мала (менее 1%). В работах по формированию сетей ОПТ на уровне административных районов исследователи предлагают отводить под ООПТ 15–17% [5, с. 5]. Таким образом, во всех исследуемых районах, за исключением Кирилловского, площадь КТ, особенно первого порядка (ООПТ), меньше оптимальной.

Ландшафтная репрезентативность сети КТ. Исследуемые ландшафты северо-запада Вологодской области расположены в восточноевропейском секторе таежной зоны в пределах Северо-Западной и Верхневолжской ландшафтных областей. По данной территории проходит граница между подзонами средней и южной тайги. На микрорегиональном таксономическом уровне в пределах изучаемой территории выделяется 14 индивидуальных ландшафтов [4]. Они могут быть отнесены к 8 видам ландшафтов [2, с. 118–126] (табл. 2).

В существующей сети КТ в разной степени представлены все виды ландшафтов. Лучше всего представлены средне- и южнотаежные озерно-ледниковые заболоченные равнины. Ландшафты этого вида расположены на исследуемой территории частично, значительные площади ландшафтов охраняются в составе национального парка. Достаточно хорошо представлены на КТ среднетаежные озерно-ледниковые заболоченные песчаные равнины и южнотаежные холмисто-моренные возвышенности. Ландшафты данных видов охраняются в пределах комплексных КТ первого и второго порядка, КТ занимают более 15% площади каждого вида ландшафта. В существующей сети КТ сохраняется около 10% площади среднетаежных холмисто-моренных возвышенностей и южнотаежных озерно-ледниковых заболоченных песчаных равнин. Хуже всего в сети КТ представлены средне- и южнотаежные моренные заболоченные равнины. В пределах этих видов ландшафтов комплексные КТ отсутствуют или имеют незначительную площадь, постоянные КТ занимают менее 10%.

Анализ репрезентативности сети КТ на уровне индивидуальных ландшафтов, позволил разделить ландшафты по степени представленности в сети КТ на три группы.

Первая группа включает 5 ландшафтов, которые достаточно полно представлены в сети КТ. Вожеозерский, Кубеноозерский и Пришекснинский ландшафты расположены на исследуемой территории частично, они сохраняются в пределах национального парка. Значительные по площади территории Белозерского и Кирилловского ландшафтов также входят в состав национального парка, кроме того, в этих ландшафтах организовано по одному ландшафтному заказнику. Во всех ландшафтах данной группы общая площадь КТ и площадь КТ первого порядка превышает 10% площади ландшафта.

Вторая группа – ландшафты, частично представленные в существующей сети КТ. В этой группе объединены 6 ландшафтов, в пределах которых имеются комплексные КТ первого и второго порядка, но неоптимальное пространственное размещение КТ и (или) низкая площадь КТ первого порядка не позволяют отнести их к первой группе. Так, в Южноонежском ландшафте имеются три комплексные КТ, площадь КТ первого порядка около 10%. При этом КТ первого порядка расположена в северной части ландшафта, КТ второго порядка сосредоточены вдоль трассы Волго-Балта на востоке ландшафта. В юго-западной части данного ландшафта КТ в настоящее время отсутствуют. На территории Ковжинско-Белозерского ландшафта расположено 4 комплексных КТ первого порядка, они занимают около 9% площади ландшафта, северная часть ландшафта представлена в сети КТ только охраняемыми болотами. В пределах Андомского ландшафта организовано три ландшафтных заказника, которые занимают около 3% его площади, все заказники расположены в северо-восточной части ландшафта. Вепсовский ландшафт охраняется в составе двух комплексных КТ, их площадь менее 3% площади ландшафта. Молого-Судский и Андогский ландшафты частично находятся в пределах исследуемой территории. Несмотря на то, что площадь КТ первого порядка в этих ландшафтах менее 1%, они включены во вторую группу. Это связано с тем, что за пределами исследуемой территории в Андогском ландшафте размещены еще две комплексные КТ, в Молого-Судском ландшафте – 10 КТ ландшафтного профиля.

Третья группа включает три ландшафта, слабо представленных в существующей сети КТ. В данных ландшафтах отсутствуют комплексные КТ или их площадь незначительна, площадь КТ первого порядка не превышает 3%. В Мегорском ландшафте организованы только компонентные КТ, при этом в южной части ландшафта имеются только КТ второго порядка. В пределах Верхнесудского ландшафта одна КТ первого порядка – заказник неопределенного профиля, площадь которого составляет 0,1% от площади ландшафта. На территории Кемского ландшафта также имеется только одна КТ первого порядка – небольшой по площади комплексный заказник, занимает 0,2% площади ландшафта.

Заключение

Охраняемые природные территории северо-запада Вологодской области представляют собой три элемента ЭК: ключевые территории, буферные территории и экологические коридоры. При этом в составе ЭК преобладают экологические коридоры, площадь КТ в пределах исследуемой территории меньше оптимальной.

В сети КТ северо-запада Вологодской области достаточно полно представлены 4 из 8 видов ландшафтов, на уровне индивидуальных ландшафтов только 5 ландшафтов из 14. Таким образом, существующая сеть КТ не отражает в полной мере ландшафтную структуру региона и не может эффективно выполнять функции сохранения и поддержания ландшафтного разнообразия.

При формировании ЭК северо-запада Вологодской области необходимо выявление и включение в его состав новых КТ, в первую очередь в пределах ландшафтов, частично и слабо представленных в существующей сети ключевых территорий.

Библиографический список

1. Атлас Вологодской области. – СПб.: ФГУП «Аэрогеодезия», 2007. – 108 с.

2. *Исаченко А.Г.* Ландшафты СССР. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 320 с.

3. *Лабардина Е.А.* Охрана ландшафтного разнообразия Вытегорья // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: Русь, 2005. – С. 319–333.

4. *Максутова Н.К.* Ландшафты Вологодской области: Учеб. пособие / под ред. Е.А. Скупиновой. – Вологда: Учебная литература, 2006. – 56 с.

5. *Мелик-Багдасаров Е.М.* Формирование локальных систем особо охраняемых природных территорий на основе ландшафтного подхода: На примере Егорьевского района Московской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.36 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова – М., 2003. – 24 с.

6. ООПТ Вологодской области по административным районам. Вологда, 2005. Фондовые материалы Лаборатории геоэкологии ВГПУ.

7. *Разумовский В.М.* Рекомендации по обеспечению ландшафтно-экологической репрезентативности региональной сети ООПТ Ленинградской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.paslo.ru (дата обращения: 06.05.2008).

8. Что такое экологический каркас и зачем он нужен // Материалы электронной конференции рабочей группы по экологической сети Северной Евразии. 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruseconet.narod.ru. (дата обращения: 07.10.2006).

УДК 677.014

Мозохин Андрей Евгеньевич
Костромской государственный технологический университет
mozokhin@mail.ru
Колесникова Ирина Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
maly.s@rambler.ru
Дроздов Владимир Георгиевич
Костромской государственный технологический университет
mtdepart@kstu.edu.ru

ОБОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ЛЬНЯНОЙ ТРЕСТЫ МЕТОДОМ ИНФРАКРАСНОЙ СПЕКТРОМЕТРИИ БЛИЖНЕЙ ОБЛАСТИ

Бесконтактный и неразрушимый контроль, лежащий в основе инфракрасной спектрометрии, может быть использован как экспресс метод оценки качества льносырья. Совместный химический и спектральный анализ указывает на наличие качественной взаимосвязи в содержании пектинов и лигнинов у образцов льняной тресты различных сортов от величины направленного пропускания инфракрасного излучения.

Ключевые слова: *спектрометрия, ближняя инфракрасная область, химический анализ, льняная треста, экспресс метод, лигнин.*

Многие функциональные группы органических молекул обладают характеристическими колебаниями, которым соответствуют полосы поглощения в определенных областях ИК спектров. Идентификация на основании их полос поглощения возможна, так как молекулярные колебания определенной функциональной группы не распространяются на остальные части молекулы.

В качестве прибора для снятия инфракрасных Фурье спектров ближнего диапазона длин волн использовался спектрофотометр СФ 256БИК. Лабораторный спектрофотометр СФ-256БИК – прибор, предназначенный для измерения спектральных коэффициентов направленного пропускания жидких и твердых прозрачных веществ области спектра от 1000 до 2500 нм.

Управление спектрофотометром с внешней ЭВМ осуществляется посредством ПО «СФ-256 БИК», которое поставляется вместе с прибором. Результатом измерений, проделанных прибором, является

© Мозохин А.Е., Колесникова И.А., Дроздов В.Г., 2012

Таблица 1

Результаты химического анализа и оценки технологических параметров

Компоненты / Сорт	Томский-17	Электра	ТОСТ-1
Лигнин, %	2,66	4,25	2,93
Пектин, %	1,4	1,43	1,7
Гемицеллюлоза, %	4,76	4,83	6,03
Влажность, %	6,84	7,38	7,52
Отделяемость, ед.	6,6	6,9	7,55
Прочность	12,1	11,5	12,2

спектр пропускания образца на заданном диапазоне частот. Выбор ближней области инфракрасного спектра для измерений был сделан исходя из двух основных причин:

– наиболее подходящий диапазон при исследовании протеиновых полимеров;

– минимальное влияние окружающей среды.

Большинство сигналов атмосферных составляющих находятся в области 3300–3100 см$^{-1}$ и 2200 см$^{-1}$. Эта область находится за пределами границ ближнего инфракрасного диапазона. В ближнем ИК диапазоне химический состав окружающей среды влияет лишь косвенно и очень слабо. К основным высокомолекулярным компонентам льнотресты относятся полисахариды – целлюлозы, гемицеллюлозы, пектины. Поэтому основными связями, проявляющимися в ближнем инфракрасном спектре, являются CH и OH группы этих высокомолекулярных соединений [6, с. 15].

Проведение эксперимента важная и весьма сложная часть исследования. На проведение эксперимента влияют множество факторов: заготовка образцов, порядок проведения опытов на приборе, обработка результатов. Так например недостаточный прогрев прибора или не полная набивка кюветы может вызвать флуктуацию спектра, что приводит к появлению выпадающих значений. Поэтому перед началом работы с лабораторным спектрофотометром была выработана единая методика заготовки проб льнотресты, проведения опытов по определению ее параметров и обработки полученных результатов, которой мы придерживаемся [6, с. 17].

Совместный химический и спектральный анализ различных сортов льнотресты необходим для выяв-

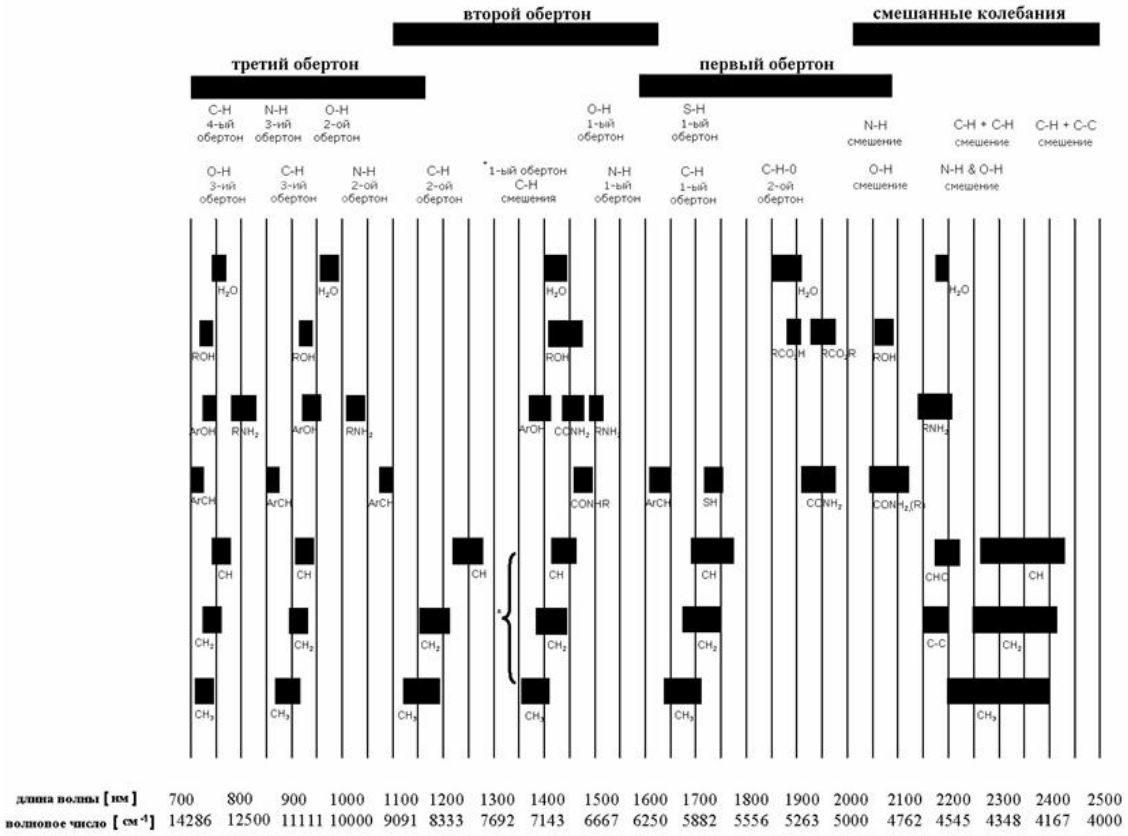


Рис. 1. Полосы поглощения различных функциональных групп в ближнем ИК – диапазон

ления искомых областей инфракрасного спектра, на которых проявляет себя та или иная функциональная группа молекул формирующих стенки стебля льнотресты, ее паренхимную часть и лубу. Химический анализ проводился с целью выявления контрастных значений по веществам, существенно влияющим на качество льнотресты. К этим веществам относится: лигнин, пектин, гемицеллюлоза, целлюлоза. Параллельно химическому анализу в соответствии с ГОСТом определялись технологические параметры льнотресты, такие как влажность, отделяемость и прочность. Результаты химического анализа и оценки технологических параметров представлены в таблице 1.

Для совместного анализа были выбраны диапазоны длин волн характерные для полисахаридов. Если обратиться к таблице полос поглощения (рис. 1), то исследуемый диапазон весьма протяженный начинается на длине волны в 8700см$^{-1}$ (1200 нм) и растягивается до 6700 см$^{-1}$ (1492 нм).

В работах А.С. Ефремова указывается на характеристическую длину волны в 6756 см$^{-1}$ (1480 нм), на которой возможно измерение отделяемости льнотресты [3, с. 3]. Опираясь на исследования А.С. Ефремова, а также на собственные опыты по контролю параметра прочности льнотресты на характеристической длине волны в 8333 см$^{-1}$ (1200 нм) [5, с. 16], было решено исследовать химический состав льнотресты на интервале длин волн 1200–1230 нм и 1430–1490 нм.

Лигнин (лат. lignum – дерево) – сложный ароматический природный полимер, входящий в состав наземных растений, продукт биосинтеза. После целлюлозы лигнин самый распространенный полимер на земле, играющий важную роль в природном круговороте углерода. Как известно, растительная ткань состоит главным образом из целлюлозы, гемицеллюлозы и лигнина. Лигнин расположен в клеточных стенках и межклеточном пространстве растений и скрепляет целлюлозные волокна. Вместе с гемицеллюлозами он определяет механическую прочность стволов и стеблей. Лигнин обеспечивает герметичность клеточных стенок (для воды и питательных веществ) и благодаря содержащимся в нем красителям определяет цвет одревесневевшей ткани [2, с. 123].

Величина прочности льнотресты определяется наличием полимерных связей молекул целлюлозы и связывающего их лигнина, качественный и количественный состав которых варьируется в зависимости от типа тресты, условий её хранения, транспортировки и так далее [4, с. 253]. Сопоставляя результаты химического и спектрального анализа, можно сказать, что прослеживается качественная взаимосвязь лигнина, характеризующего прочность образца льнотресты, и величины направленного пропускания ИК-излучения (рис. 2). Конечно, прочность льнотресты определяется не только лигнином. Целлюлоза и гемицеллюлоза также определяют механическую прочность стволов и стеблей льнотрес-

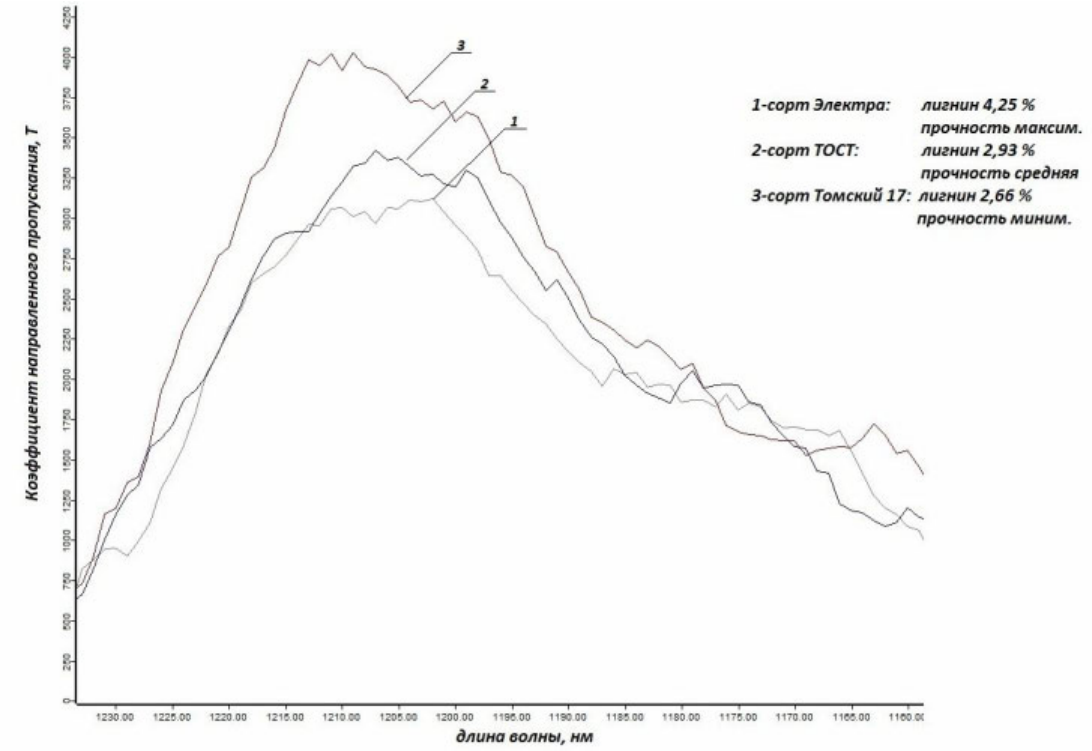


Рис. 2. Качественная зависимость процентного содержания лигнина от величины направленного пропускания ИК – излучения

ты, но на данной длине волны группы молекул этих веществ не как не проявляют себя.

В соответствии с таблицей полос поглощения различных функциональных групп в ближнем инфракрасном диапазоне, на интервале длин волн 1430–1490 нм наблюдаются первые смещённые обертоны NH-групп аминов, первые обертоны CH и вторые обертоны CO групп карбоксильных кислот, смещённый обертон групп ароматических и алифатических углеводородов. Влияние на конечный вид инфракрасного спектра в диапазоне длин волн 1430–1490 нм оказывают сразу несколько групп органических молекул, а потому даже качественно в этом диапазоне невозможно проконтролировать содержание пектиновых веществ и целлюлозы, хотя отделяемость, как параметр – можно, что наглядно представлено на рисунке 3.

Приведённые инфракрасные спектры обработаны с учётом влияния на итоговый результат измерения прогрева спектрофотометра СФ-256БИК. Набивка пробирок соответствует норме. Рассмотренные диапазоны длин волн не включают большинство интересующих нас групп органических соединений, или при наличии таковых лишь отчасти отражают их характер из-за наложения нескольких различных полос поглощения. Так как спектрофотометр СФ 256БИК позволяет расширить диапазон наблюдения до 2100 нм, то в режиме сканирования был проанализирован весь спектр ближнего диапазона длин волн.

Сопоставив результаты химического анализа льнотресты разных сортов с полученными спектрами на расширенном диапазоне длин волн, обнаружены следующие характеристические длины волн и их диапазоны, на которых, предположительно, возможно качественно оценить содержание пектиновых веществ

Пектины – компоненты первичных клеточных стенок растений, где находятся в комплексе с гемицеллюлозами и целлюлозой. Они играют важную роль в клеточном делении и росте молодых клеток, в поддержании водного и солевого баланса нелигнифицированных тканей. Для пектинов характерными являются обертоны молекулярной группы CH_3 и обертоны карбоксильных групп RCOOH [1, с. 177]. В ближнем инфракрасном спектре выделяются три полосы поглощения молекулярной группы CH_3: диапазоны 1130–1190 нм, 1355–1410 нм, 1640–1710 нм, и одна полоса поглощения карбоксильной группы RCOOH – диапазон 1925–1975 нм. Нас интересует области, где влияние данных групп молекул будет доминирующее, поэтому приведённые выше диапазоны значительно сужаются до нескольких десятков нм.

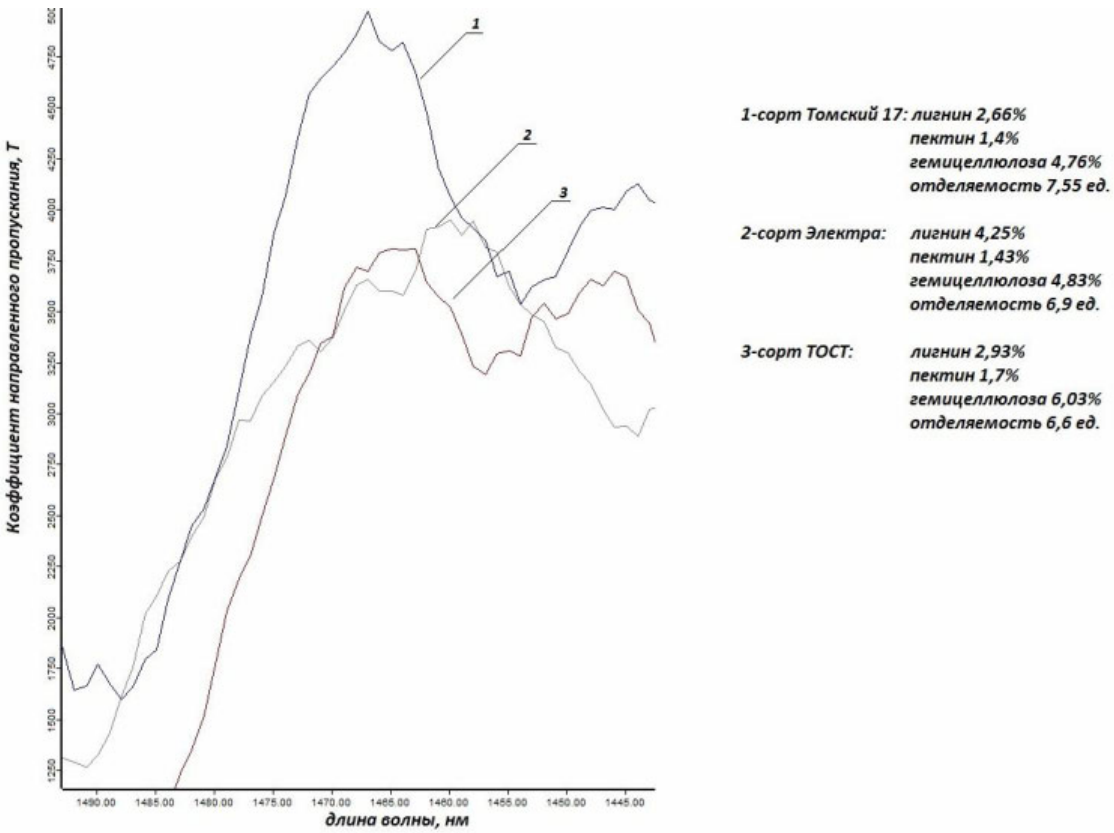


Рис. 3. Качественная зависимость процентного содержания гемицеллюлозы, пектинов, лигнинов от величины направленного пропускания ИК – излучения

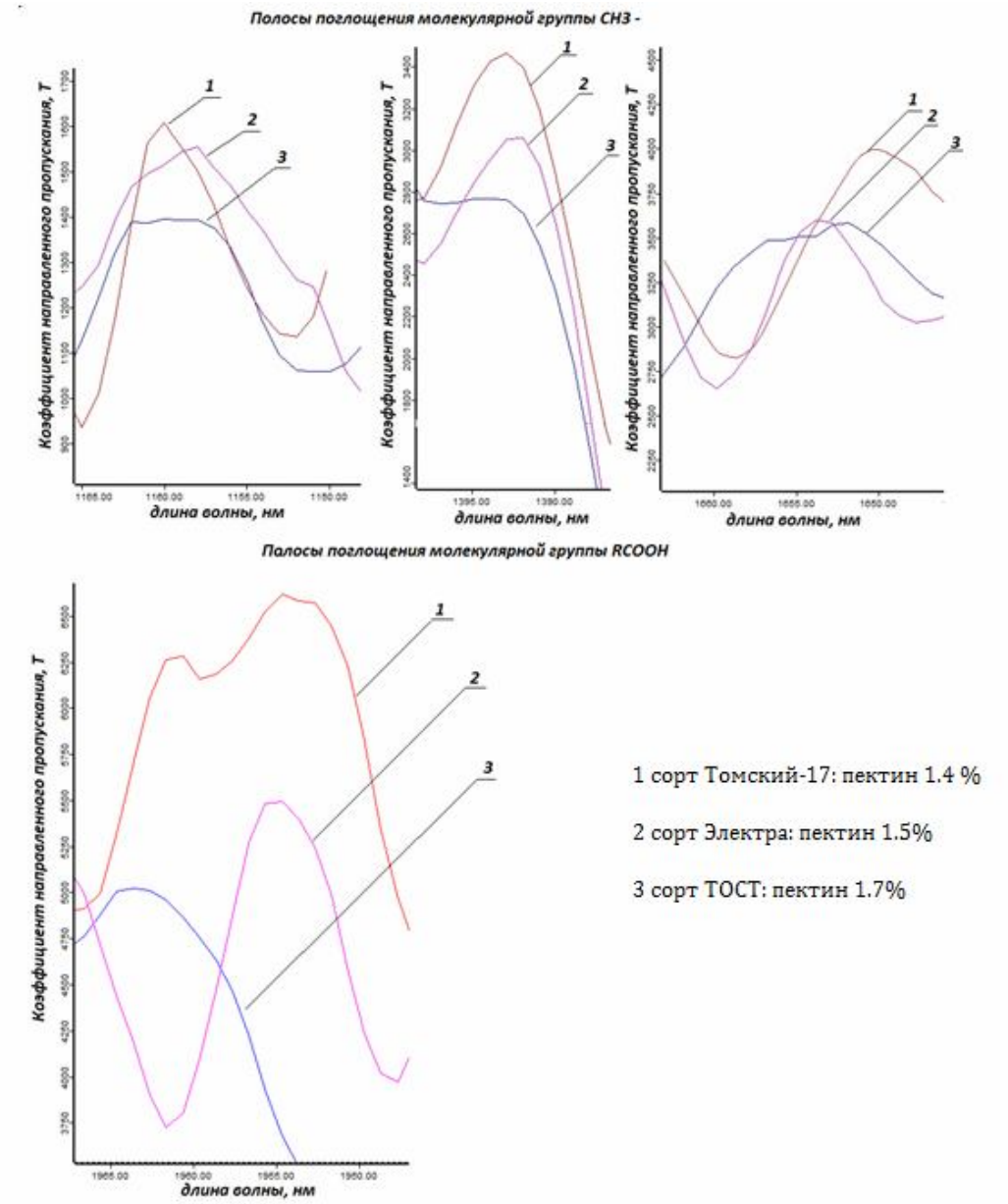


Рис. 4. Качественная взаимосвязь коэффициента направленного пропускания ИК излучения от содержания пектинов в льнотресте

Сопоставляя результаты химического анализа на содержание пектинов со снятыми инфракрасными спектрами разных сортов льнотресты, можно предположить, что на всех рассмотренных диапазонах длин волн просматривается качественная взаимосвязь интенсивности поглощения молекулярных групп соединений, характерных для пектиновых веществ от их концентрации в льнотресте (рис. 4).

Обобщая полученные результаты, стоит отметить, что на спектрофотометре СФ-256БИК невозможно с полной уверенностью говорить о количественных зависимостях химических компонентов льна от интенсивности поглощения инфракрасного излучения, как и о подобных зависимостях для технологических параметров. Чтобы сделать окончательные выводы, требуется проведение соответствующих опытов на спектрофотометре иного класса, способном осуществлять количественные измерения и снимать более точные, стабильные спектры.

Вывод: Исследования показали, что с помощью бесконтактного метода инфракрасной спектрометрии возможет не только контроль технологических параметров льняной тресты, но и контроль её химического состава. Несмотря на то, что взаимосвязь с химией льна носит качественный характер, мы имеем возможность оценивать качества льняной тресты, а также льняного волокна с помощью экспресс методов. Следовательно, быстро и без повреждений сырья, можем присвоить ему определенную ценовую категорию.

Библиографический список

1. *Голубев В.Н., Шелухина Н.П.* Пектин: химия, технология, применение: учебное пособ. – М.: РАТН ИЭЧ, 1995. – 373 с.

2. *Гурусова А.А.* Влияние химического состава и структуры льняных волокон на их качество и основные принципы построения технологии получения тресты с применением химических реагентов: Дис. … канд. техн. наук / Костромской гос. технол. ун-т. – Кострома, 1989. – 251 с.

3. *Ефремов А.С.* Определение отделяемости льнотресты методом ИК-спектрометрии ближнего диапазона / ВИНИТИ. – М., 2008. – 5 с. – 03.10.2008 г.

4. *Иванов А.Н.* Физико-химические основы технологии приготовления льнотресты: Дис. … д-ра техн. наук / Костромской гос. технол. ун-т. – Кострома, 1989. – 535 с.

5. *Мозохин А.Е., Дроздов В.Г.* Ближняя инфракрасная спектроскопия – перспективное направление для технологического контроля параметров льнотерсты // Вестник КГТУ. – 2011. – № 2 (27). – С. 15–19.

6. *Мозохин А.Е., Дроздов В.Г.* Технологический контроль параметров льнотресты методом ИК-спектрометрии // Научные труды молодых ученых КГТУ. – 2011. – Вып. 12. – С. 13–18.

УДК 658.262

Денисов Артем Руфимович,
Левин Михаил Григорьевич,
Рыбинский Алексей Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Некрасова Татьяна Николаевна
ЗАО «Электросеть» (г. Кострома)
Inf_service@ksu.edu.ru

СИНТЕЗ И АНАЛИЗ МОДЕЛИ «КАК ЕСТЬ» БИЗНЕС-ПРОЦЕССА «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ»

Рассмотрены подходы к решению задачи выполнения временных ограничений бизнес-процесса технологического присоединения потребителей к электрическим сетям путём анализа рисков и поддержки принятия управленческих решений.

Ключевые слова: *технологическое присоединение, бизнес-процесс, система поддержки принятия решений.*

Технологическое присоединение (ТП) потребителей к электрическим сетям в настоящее время является одним из наиболее проблемных вопросов как для потенциальных и действующих потребителей электрической энергии, так и для распределительных сетевых компаний (РСК). Бизнес-процесс (БП) «Технологическое присоединение» и БП «Распределение электроэнергии» – это два основных БП любой РСК, от качества реализации которых напрямую зависит не только прибыль, но и удовлетворённость клиентов, выражающаяся в отсутствии каких-либо жалоб. Нормативной базой БП «Технологическое присоединение» являются Закон [1] и Постановление Правительства РФ [2], определяющие правила и регламентирующие порядок недискриминационного доступа к электрическим сетям. Ограниченность сроков выполнения процедуры ТП для конечных пользователей (юридических или физических лиц) обусловливает актуальность задач оптимального (рационального) планирования и оперативного контроля реализации каждого ТП, рассматриваемого как самостоятельный проект.

Решение этих задач с позиций системного анализа требует, прежде всего, построения моделей БП ТП «AS IS – как есть» и «TO BE – как должно быть». В работе [3] на примере филиала ОАО МРСК «Цен-

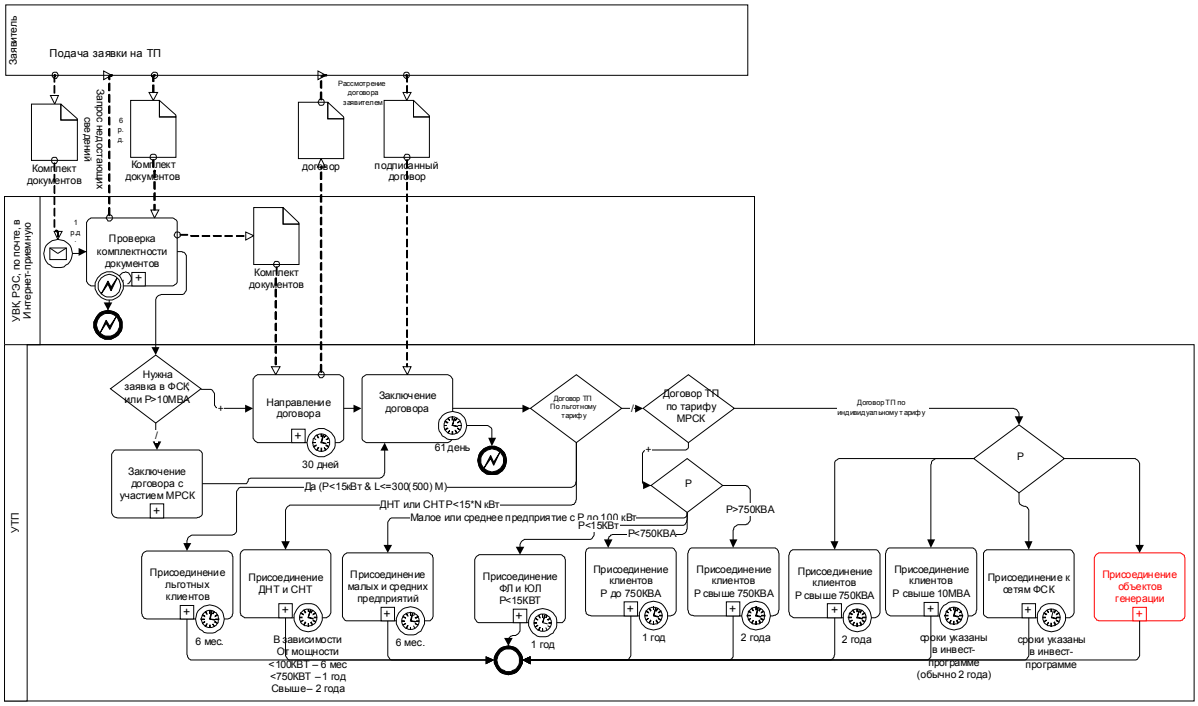


Рис. 1. Основной бизнес-процесс «Технологическое присоединение». Модель «AS IS».
УТП – управление технологического присоединения; РЭС – район электрических сетей;
УВК – управление взаимоотношениями с клиентами

© Денисов А.Р., Левин М.Г., Рыбинский А.В., Некрасова Т.Н., 2012

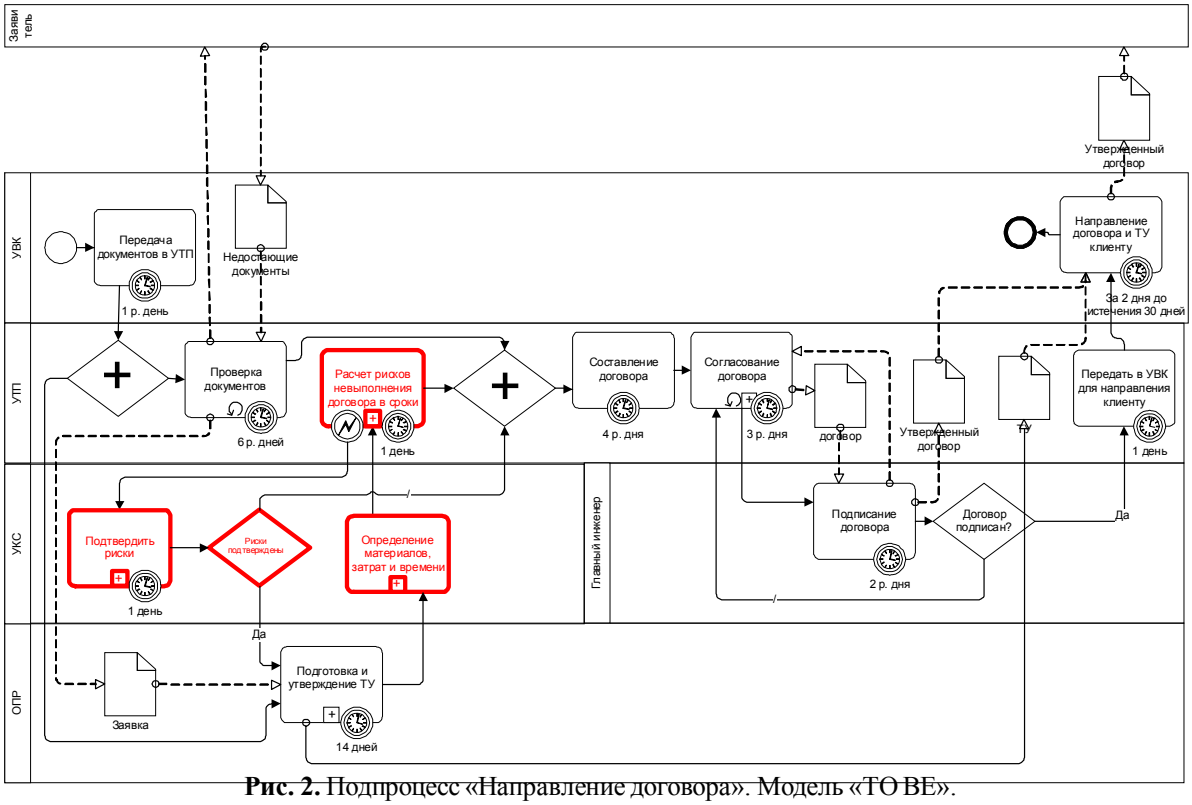


Рис. 2. Подпроцесс «Направление договора». Модель «ТО BE».
УКС – управление капитального строительства; ОПР – отдел перспективного развития

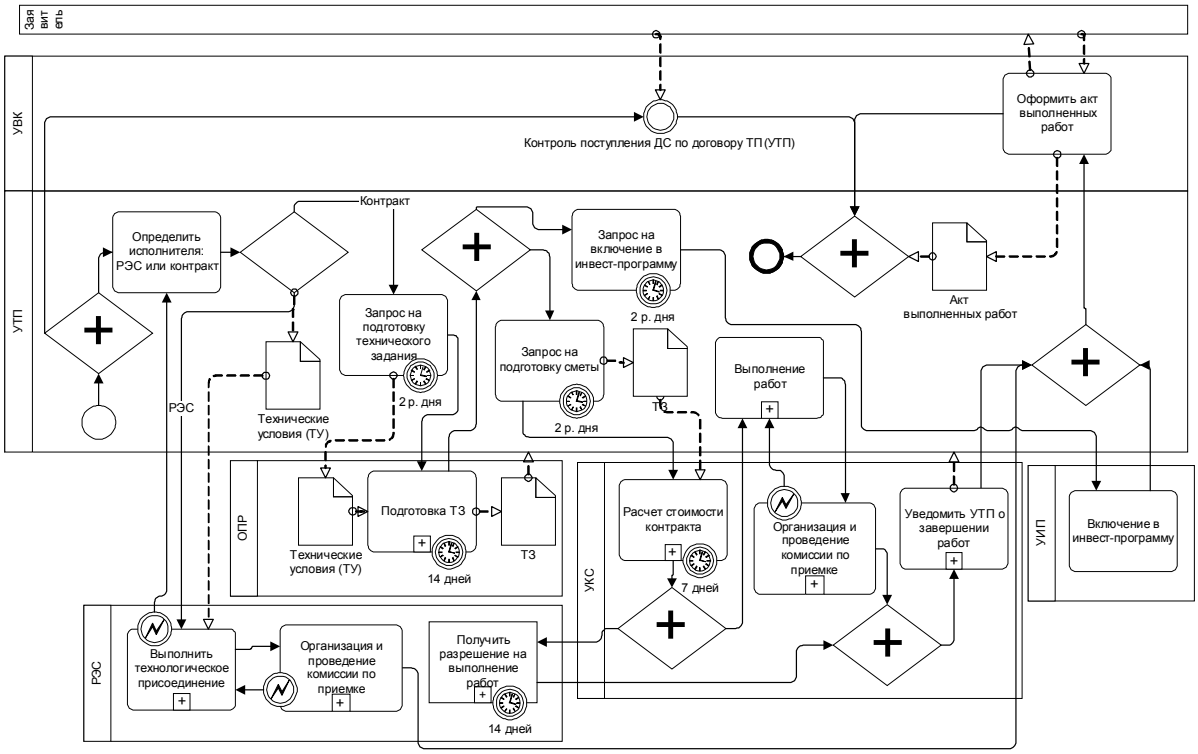


Рис. 3. Подпроцесс «Технологическое присоединение». Модель «AS IS»

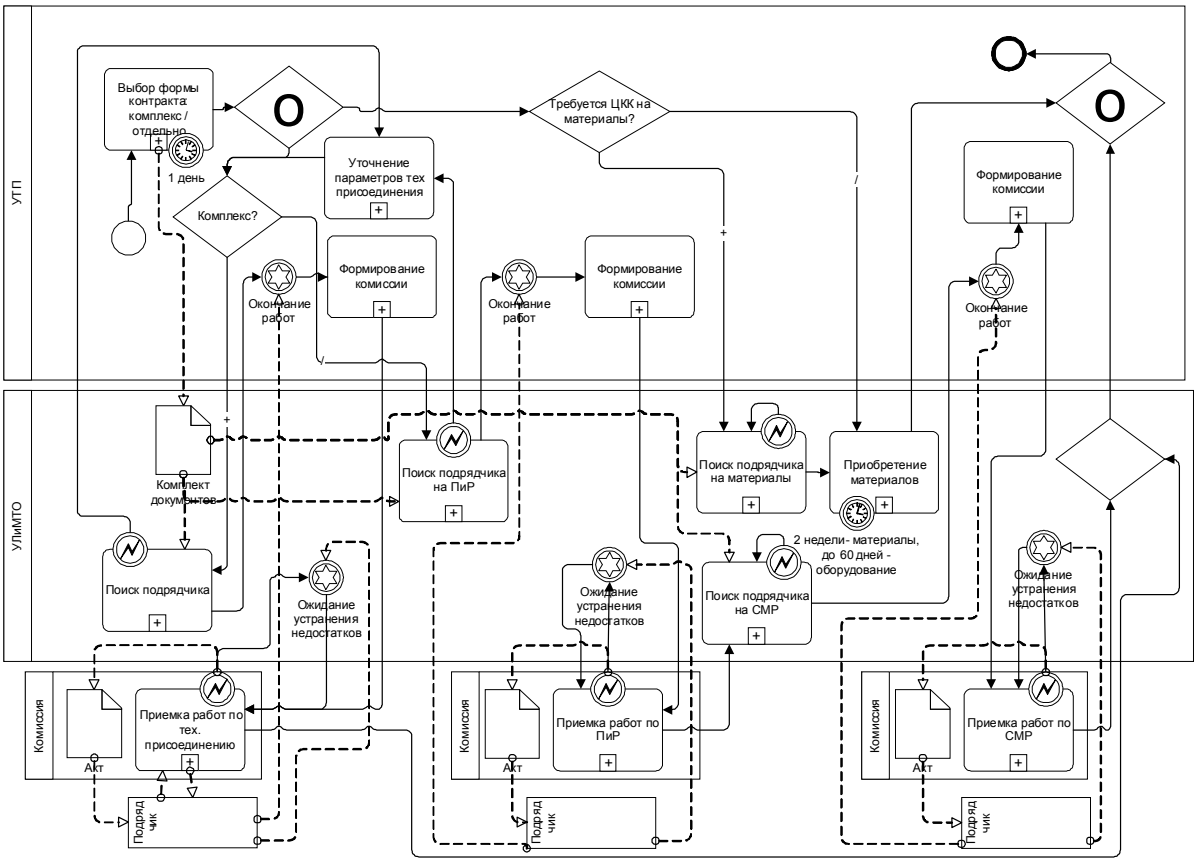


Рис. 4. Подпроцесс «Выполнение ТП внешним подрядчиком». Модель «AS IS»

тра» – «Костромаэнерго» показано, что в настоящее время адекватная модель «AS IS» в силу ряда объективных и субъективных причин отсутствует.

Авторами синтезированы соответствующие модели в нотации BPMN, часть из них представлены рисунках 1–4.

В результате анализа построенных моделей был выявлен ряд существенных проблем в организации БП ТП:

1. На часть действий наложены временные ограничения в *календарных* днях, а на другую часть – в *рабочих* (при пятидневной рабочей неделе). Это в ряде случаев может привести к нарушениям сроков выполнения всего комплекса работ даже при соблюдении сроков для каждого отдельного действия. Так, длительность подпроцесса «*Направление договора*» ограничена **30** календарными днями (рис. 1), хотя выполнение всех его действий может потребовать **33** календарных дня (рис. 2, табл. 1). Следует указать, что на практике, вследствие использования типовых договоров, РСК обычно укладывается в установленный норматив. Речь идет о том, что сама процедура данного подпроцесса предполагает возможность такого нарушения, как это обычно и происходит при возникновении необходимости согласования нетипового договора с вышестоящими инстанциями.

2. Длительность работ по ТП для физических и юридических лиц с заявленной мощностью до 15 кВт нормативно [2] ограничена **182** днями (6 месяцев), что достаточно для их выполнении работниками РЭС (табл. 1) при наличии в полном объеме всех необходимых ресурсов (человеческих, материальных, финансовых и т.д.). Нехватка ресурсов, обусловленная наличием большого числа заявок на ТП, неизбежно приводит к существенному увеличению сроков выполнения работ. Для устранения этой проблемной ситуации необходима предварительная оценка риска срыва сроков исполнения каждой новой заявки, что отражено изменением подпроцесса «*Направление договора*» (рис. 2).

3. В случае привлечения внешнего подрядчика минимальное время выполнения работ ТП составит **193** дня даже в случае принятия документов в ЦКК с первого раза (табл. 1), что является нарушением установленного норматива (см. п. 2). На практике же время ТП еще больше и составляет в среднем около **240** дней (*8 месяцев*), так как, например, в среднем разработка проекта вместо 14 дней занимает до 3-х месяцев (с учетом согласования проекта со всеми инстанциями), а выполнение работ вместо 14 дней – от 3 до 9 недель.

4. В существующей модели БП явно не отражена ответственность структурных подразделений РСК (УВК, УКС, ОПР, УЛиМТО) за срыв установленных сроков выполнения работ по ТП, что неизбежно приводит к возникновению невынужденных (субъек-

Таблица 1

Расчет времени (критического пути) выполнения работ по технологическому присоединению

№	Вид работ	Нор-матив	Факт (РЭС)	Факт (внешний подрядчик)
0.	Проверка комплектности документов			
1.	**Заключение договора (норм)**	**30**	**33**	**33**
1.1.	Передача документов в УТП		1	1
1.2a	Проверка документов		6р.д./8	6р.д./8
1.2b	Проверка и подготовка ТУ		14	14
1.3.	Составление договора		4р.д./6	4р.д./6
1.4.	Согласование договора		3р.д./4	3р.д./4
1.5.	Подписание договора		2р.д./3	2р.д./3
1.6.	Отправить документ клиенту		3	3
2.	**Подписание договора клиентом**	**61**	**61**	**61**
3.	**Технологическое присоединение**	**168**	**35**	179
3.1.	**ЦКК**			130
3.1.1.	Запрос на подготовку ТЗ			3
3.1.2.	Подготовка ТЗ			14
3.1.3.	Запрос на подготовку сметы			3
3.1.4.	Расчет стоимости работ			7
3.1.5.	Выбор вида контракта			1
3.1.6.	Подготовка документов для ЦКК			28
3.1.7.	ЦКК			15
3.1.8.	ТЗП			28
3.1.9.	Уведомить подрядчика и УТП			3
3.1.10.	Заключить договор с подрядчиком			28
3.2.	**Выполнить работы**		35	49
3.2.1.	Разработать проект			14
3.2.2.	Получить разрешение на выполнение работ		14	14
3.2.3.	Выполнение работ		14	14
3.2.4.	Комиссия		7	7
4.	**Подписать акт выполненных работ**	**14**	**14**	**14**

Примечания: ТУ – технические условия; ТЗ – техническое задание.

тивных) временных потерь. Для устранения этой проблемной ситуации предлагается в качестве механизма оперативного контроля использовать WorkFlow-систему, основной компонентой которой должна стать подсистема, обеспечивающая анализ рисков срыва сроков, и поддержка принятия соответствующих управленческих решений. В подсистеме предлагается для каждого действия (табл. 1) сравнить время его завершения (**Та**) с нормальным (**Тн**) и критическим (**Ткр**) сроками:

– **Та** ≤ **Тн** («зелёная зона») – вероятность срыва сроков соответствующей заявки *низкая*; дополнительных управляющих воздействий не требуется;

– **Тн < Та** ≤ **Ткр** («жёлтая зона») – вероятность срыва сроков соответствующей заявки *высокая*; требуются дополнительные управляющие (корректирующие) воздействия, обеспечивающие переход заявки в «зелёную зону»;

– **Та > Ткр** («красная зона») – вероятность срыва сроков соответствующей заявки *критическая;* требуются срочные управляющие (корректирующие) воздействия по устранению возникшей проблемной ситуации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35 «Об электроэнергетике» (в действующей редакции).

2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств (энергетических установок) юридических и физических лиц к электрическим сетям» (в действующей редакции).

3. *Рыбинский А.В., Косякова Ж.А., Денисов А.Р.* Алгоритм реализации бизнес-процесса технологического присоединения новых потребителей к электрическим сетям // Производственная инфраструктура: экономические, технико-технологические, организационно-управленческие и информационные аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 18–25.

УДК 577.4+677

Тищенко Игорь Анатольевич,
Мудрая Анна Викторовна
Военная академия войск РХБЗ и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
mydraya79@mail.ru
Травин Георгий Михайлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЭКОМОНИТОРИНГА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассмотрено решение задачи моделирования устойчивого функционирования объектов экологического мониторинга методами динамического программирования.

Ключевые слова: *моделирование, экомониторинг, динамическое программирование, промышленное предприятие.*

Основной задачей системы экологического производственного мониторинга является обеспечение экологически устойчивого функционирования производственных объектов. Решение этой задачи предполагает установление качественных и количественных зависимостей устойчивости от факторов влияния или формирование соответствующих моделей. Представим обобщенную модель взаимосвязей различных факторов, влияющих на устойчивость (**X**) объекта в следующем виде:

$$\mathbf{X=f(L, N, M, W, K, S, t)},$$

где **L** – физические характеристики объекта; **N** – природные характеристики; **M** – характеристики местоположения объекта; **W** – варианты эксплуатации объекта; **К** – нормативно-правовые параметры; **S** – социально-экономические параметры внешней среды; **t** – время; **f** – функция, определяемая для каждого конкретного объекта эмпирическим или экспертным путём.

Сам объект в любой момент времени находится в данном месте с конкретными пространственными характеристиками, используется конкретным способом и обладает совокупностью конкретных свойств, обусловленных как собственными физическими характеристиками, так и характеристиками окружающей его среды.

Каждый фактор является функцией времени и представляет собой совокупность характеристик, относящихся к нему в конкретный момент времени.

Поскольку влияние факторов на экологическую устойчивость объекта является сложным и случайным, что затрудняет процедуру принятия решений, оценку устойчивости для любого момента жизненного цикла объекта $\mathbf{t}\in[t_0, t_{ЖЦ}]$ представим в виде взвешенной суммы:

$$\mathbf{X(t)} = \sum_{i=1}^{|X|} \mu_i \mathbf{x_i(L_t, N_t, M_t, W_t, K_t, S_t)},$$

где $\mathbf{x_i}$ – вклад **i**-го компонента объекта; $\boldsymbol{\mu_i}$ – весовой коэффициент, определяемый для каждого конкретного компонента на основе экспертной оценки.

Изменение величины **X** во времени опишем системой обыкновенных дифференциальных уравнений (СОДУ) в векторной форме:

$$\mathbf{dX(t)/dt=f(L(t), N(t), M(t), W(t), K(t), S(t)); X(t_0)=X_0}.$$

Сформулируем динамическую задачу оптимального управления в следующем виде. Имеется объект управления (ОУ), состояние которого характеризуется многомерной переменной $\mathbf{X=(x_1, ...x_{|X|})}$. Характер процессов в ОУ можно изменять, используя любое управление $\mathbf{U=(u_1, ...u_{|U|})}$ из пространства допустимых управлений, $\mathbf{U\in U_{доп}}$. Характер изменения состояния ОУ описывается СОДУ вида:

$$\mathbf{dX(t)/dt=G[X(t), U(t)]; X(t_0)=X_0}.$$

За критерий качества управления примем интегральную оценку

$$\mathbf{J(U)} = \int_0^T \mathbf{Q[X(t), U(t)]dt},$$

где **T** – время протекания процесса управления; **Q**[**X**(**t**), **U**(**t**)] – мгновенные потери в момент **t.**

Добавочными выступают ограничения, которые накладываются на количество ресурсов или пределы изменения некоторых параметров. Эти ограничения выражаются соотношением вида:

$$\int_0^T \mathbf{H[X(t), U(t)]dt} = \mathbf{H_{lim}}.$$

Оптимальным следует считать такое управление $\mathbf{U^*\in U_{доп}}$, при котором для процесса, описываемого СОДУ, при заданных ограничениях на используемые ресурсы критерий качества управления принимает экстремальное значение.

Такая задача оптимального управления относится к классу вариационных задач и формулируется [39]:

$$\text{найти } \mathbf{U^*} = \mathbf{\arg\min\Omega(U)} = \int_0^T \mathbf{P[X(t), U(t)]dt}.$$

где **P**[**X**(**t**), **U**(**t**)]=**Q**(**X**, **U**)+λ(**H**)(**X**, **U**); λ – множитель Лагранжа, значение которого находится из граничных условий вариационной задачи. Обобщённый функционал $\boldsymbol{\Omega}$(**U**) подчиняется только СОДУ.

© Тищенко И.А., Мудрая А.В., Травин Г.М., 2012

Решение задачи в такой постановке сопряжено с рядом трудностей. Иной подход к вычислению оптимальных процессов осуществляется на основе метода динамического программирования, который обеспечивает эффективную вычислительную процедуру, хорошо приспособленную к использованию ЭВМ.

Если выбор управления $\mathbf{U(t)}$ производить в дискретные моменты времени $\mathbf{t=k\Delta t}$ ($\mathbf{k}=0,1,..\ \mathbf{n}-1$, $\Delta\mathbf{t=T/n}$), то можно обеспечить дискретную форму записи поставленной задачи. В этом случае вместо функций $\mathbf{X(t)}$, $\mathbf{U(t)}$ следует рассматривать последовательности $\mathbf{X_k=X(t)}|_{t=k\cdot\Delta t}$, $\mathbf{U_k=U(t)}|_{t=k\cdot\Delta t}$.

Используя замену производной $d\mathbf{X}/d\mathbf{t}$ на отношение приращений $(\mathbf{X_{k+1}}-\mathbf{X_k})/\Delta\mathbf{t}$, получим уравнение в конечных разностях:

$$(\mathbf{X_{k+1}}-\mathbf{X_k})/\Delta\mathbf{t}=\mathbf{G}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k}).$$

Разрешая его относительно $\mathbf{X_{k+1}}$ будем иметь

$$\mathbf{X_{k+1}}=\mathbf{X_k}+\mathbf{G}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})\Delta\mathbf{t};\ \mathbf{k}=0,1...\ \mathbf{n}-1;\ \mathbf{X}(0)=\mathbf{X}_0.$$

При этом интеграл заменяется суммой

$$\Omega_{\mathbf{n}}(\mathbf{U})=\sum_{\mathbf{k=0}}^{\mathbf{n-1}}\mathbf{P}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})\Delta\ \mathbf{t};\ \mathbf{U}=(\mathbf{U}_0,\mathbf{U}_1,...\ \mathbf{U}_{\mathbf{n}-1}).$$

Далее задача состоит в выборе таких управлений, которые обеспечивают минимальное значение суммы. Принимая $\Delta\mathbf{t}=1$, можно прийти к многошаговому процессу управления, в котором $\mathbf{X_k}$ и $\mathbf{U_k}$ означают состояние ОУ и применяемое управление в начале каждого шага.

Обозначим $\mathbf{X_k}+\mathbf{G}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})=\mathbf{Z}$.

Тогда $\mathbf{X_{k+1}}=\mathbf{Z}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})$; $\mathbf{k}=0,1\ldots\mathbf{n}-1$, $\mathbf{X}(0)=0$.

Полученное выражение определяет преобразование состояния ОУ за один шаг в n–шаговом процессе управления.

Сумма при $\Delta\mathbf{t}=1$ примет вид $\Omega_{\mathbf{n}}(\mathbf{U})=\sum_{\mathbf{k=0}}^{\mathbf{n-1}}\mathbf{P}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})$.

Оптимизация управления $\mathbf{n}$–шагового процесса заключается в нахождении такой последовательности управлений $\mathbf{U}_0$, $\mathbf{U}_1...\mathbf{U}_{\mathbf{n}-1}$, при которой критерий качества $\mathbf{\Omega_n}(\mathbf{U})$ принимает минимальное значение, зависящее только от начального состояния ОУ-$\mathbf{X_0}$.

$$\mathbf{F_n}(\mathbf{X_0})=\min\min...\min_{\mathbf{U_0}}[\mathbf{P}(\mathbf{X_0},\mathbf{U_0})+\mathbf{P}(\mathbf{X_1},\mathbf{U_1})+...+$$
$$+\mathbf{P}(\mathbf{X_{n-1}},\mathbf{U_{n-1}})].$$

Составляющая $\mathbf{P}(\mathbf{X_0},\mathbf{U_0})$ зависит только от управления $\mathbf{U_0}$, в то время как остальные зависят как от $\mathbf{U_0}$, так и от управлений на других шагах.

Отсюда можно записать

$$\mathbf{F_n}(\mathbf{X_0})=\min\{\mathbf{P}(\mathbf{X_0},\mathbf{U_0})+\min...\min_{\mathbf{U_1}}[\mathbf{P}(\mathbf{X_1},\mathbf{U_1})+...+$$
$$+\mathbf{P}(\mathbf{X_{n-1}},\mathbf{U_{n-1}})]\}.$$

В данном выражении второе слагаемое в фигурных скобках представляет собой минимальное значение критерия качества управления (n–1) шагового процесса, начальное состояние которого $\mathbf{X_1}$. Обозначим эту величину через $\mathbf{F_{n-1}}(\mathbf{X_1})$. Тогда

$$\mathbf{F_n}(\mathbf{X_0})=\min_{\mathbf{U_0}}[\mathbf{P}(\mathbf{X_0},\mathbf{U_0})+\mathbf{F_{n-1}}(\mathbf{X_1})].$$

Минимальное значение критерия качества управления для (n–1)-шагового процесса, начинающегося с состояния $\mathbf{X_1}$, определится выражением

$$\mathbf{F_{n-1}}(\mathbf{X_1})=\min_{\mathbf{U_1}}[\mathbf{P}(\mathbf{X_1},\mathbf{U_1})+\mathbf{F_{n-2}}(\mathbf{X_2})].$$

Тогда для (n–1)-шагового процесса, начинающегося с состояния $\mathbf{X_k}$ можно записать

$$\mathbf{F_{n-k}}(\mathbf{X_k})=\min_{\mathbf{U_k}}[\mathbf{P}(\mathbf{X_k},\mathbf{U_k})+\mathbf{F_{n-k-1}}(\mathbf{X_{k+1}})].$$

Это выражение – уравнение Беллмана, представляющее собой рекуррентное соотношение, позволяющее последовательно определять оптимальное управление на каждом шаге управляемого процесса.

Как видим, минимальные значения критерия качества управления зависят только от состояния процесса в данный момент и не зависят от того, когда и как система перешла в это состояние. Такие случайные процессы называются **марковскими**.

Пусть $\mathbf{p_x(t)}$ – вероятность того, что в некоторый момент времени $\mathbf{t}\in[t_0,\ t_{ЖЦ}]$ объект экологического мониторинга пребывает в состоянии $\boldsymbol{\varphi_x}$, то есть характеризуется устойчивостью $\mathbf{X}$. Он с вероятностью $\mathbf{p_{x-\Delta x}(t)}$ может перейти в состоянии $\boldsymbol{\varphi_{x-\Delta x}}$ (уровень устойчивости понижается) и с вероятностью $\mathbf{p_{x+\Delta x}(t)}$ – в состояние $\boldsymbol{\varphi_{x+\Delta x}}$ (уровень устойчивости повышается), причём $\mathbf{p_x(t)}+\mathbf{p_{x-\Delta x}(t)}+\mathbf{p_{x+\Delta x}(t)}=\mathbf{1}$. Таким образом, имеем один шаг случайного процесса.

В общем случае пространство состояний объекта экомониторинга представляется $\mathbf{\Phi}=\{\boldsymbol{\varphi_1},...\ \boldsymbol{\varphi}_{|\mathbf{\Phi}|}\}$. При этом состояния обозначаются индексами при $\boldsymbol{\varphi}$, $\boldsymbol{\varphi_j}\in\mathbf{\Phi}$, множество которых $\mathbf{Ind}=\{1,\ldots|\mathbf{\Phi}|\}$.

Обозначим через $\mathbf{\Pi_n}=\{\boldsymbol{\pi_n}^{(1)},...\ \boldsymbol{\pi_n}^{(\Phi)}\}$ распределение вероятностей на множестве $\mathbf{Ind}$ для $\mathbf{n}$-го шага. При этом $\boldsymbol{\pi_n}^{(j)}$ определяет вероятность того, что на $\mathbf{n}$-м шаге объект окажется в состоянии $\mathbf{j}$.

Случайный процесс является *однородной марковской цепью*, если вероятности $\mathbf{p_{ij}}$ перехода объекта из состояния $\mathbf{i}$ в состояние $\mathbf{j}$ зависят только от состояния $\mathbf{i}$ на предыдущем шаге и одинаковы для любого шага.

Для того чтобы марковская цепь была управляемой, должна иметься возможность изменять вероятности переходов $\mathbf{p_{ij}}$ путём внешнего вмешательства.

Предположим, что имеется возможность вести марковский процесс $\mathbf{Q}$ различными способами, причем $\mathbf{m}$-ному способу соответствует матрица вероятностей $[\mathbf{p}_{ij}^{(m)}]$; $\mathbf{m}=1,\ \ldots\mathbf{Q}$. Каждый из способов ведения марковского процесса назовем стратегией. Оценим каждый способ осуществления процесса путем задания матрицы доходов $\mathbf{R_k}=[\mathbf{r_{ij}}^{(m)}]$.

Величины $\mathbf{r_{ij}}^{(m)}$; $\mathbf{i,j}=1,\ \ldots\ |\mathbf{\Phi}|$; $\mathbf{m}=1,\ \ldots\ \mathbf{Q}$ выражают доход за один шаг при переходе процесса из со-

стояния **i** в состояние **j** при использовании **m**-й стратегии.

Следует отыскать метод выбора стратегии, обеспечивающей получение максимального дохода за **n** шагов управляемого марковского процесса.

Обозначим через $\eta_i(\mathbf{n})$ максимальный доход за **n** шагов, начавшихся из состояния **i**.

Предположим, что из состояния **i** в состояние **j** сделан один шаг с доходом $\mathbf{r}_{ij}^{(m)}$, а остальные n–1 переходов сделаны оптимальным образом. Полный доход за **n** шагов в этом случае будет $\mathbf{r}_{ij}^{(m)}+\eta_i(\mathbf{n}-1)$.

Однако на самом деле первый переход совершается с вероятностью $\mathbf{p}_{ij}^{(m)}$. Поскольку первый переход случаен, то следует учесть возможность перехода во все состояния $\mathbf{j}\in\{1,\ldots,\mathbf{Q}\}$. Поэтому ожидаемый доход

$$\mathbf{F_i(n,m)} = \sum_{j=1}^{Q} \mathbf{p}_{ij}^{(m)}[\mathbf{r}_{ij}^{(m)} + \eta_i(\mathbf{n}-1)] =$$

$$= \nu_i^{(m)} + \sum_{j=1}^{Q} \mathbf{p}_{ij}^{(m)} \eta_i(\mathbf{n}-1);$$

$$\nu_i^{(m)} = \sum_{j=1}^{Q} \mathbf{p}_{ij}^{(m)} \mathbf{r}_{ij}^{(m)},$$

где $\nu_i^{(m)}$ – доход за один шаг из состояния **i** при стратегии m.

В выражение для $\mathbf{F_i(n,m)}$ входит стратегия m, применяемая на начальном шаге, выбором которой можно обеспечить максимальный ожидаемый доход $\eta_i(\mathbf{n})$, что приводит к рекуррентному соотношению для выбора стратегии **m** на первом шаге **n**-шагового процесса:

$$\eta_i(\mathbf{n}) = \max_m [\nu_i^{(m)} + \sum_{j=1}^{Q} \mathbf{p}_{ij}^{(m)} \eta_i(\mathbf{n}-1)].$$

Для реализации данного соотношения используется стандартная вычислительная процедура.

Библиографический список

1. *Коршунов Ю.М.* Математические основы кибернетики: Учеб. пособие для вузов. – М.: Энергоатомиздат, 1987. – 496 с.

УДК 330

Гибало Николай Петрович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова
Милевский Станислав Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
stami_@mail.ru

КАНАЛЫ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ЛИЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

В статье выделены и классифицированы каналы влияния информационной экономики на изменение личных экономических интересов (воспроизводственный, канал кастомизации, финансовый, коммуникационный, мотивационно-стимулирующий, познавательный, канал сервесизации, интеллектуальный, социальный, иждивенческий).

Ключевые слова: *экономические интересы, потребности, потребление, мотивы, информатизация, воспроизводство.*

Одним из наиболее существенных процессов, обусловливающих изменения в современном обществе, является активное развитие информационных технологий. Информатизация проникает практически во все сферы человеческой деятельности. Увеличивается удельный вес информационного сектора, знания и информация занимают все более высокий удельный вес в приросте ВВП, возникают принципиально новые сегменты экономической деятельности (Интернет-экономика). Растет количество людей, занимающихся обработкой и передачей информации, при этом сокращается количество занятых в промышленности и сельском хозяйстве. Как отмечает Ф. Уэбстер, информация стала главным отличительным признаком современного мира [1, с. 6].

Как следствие наблюдается резкий рост интереса к содержанию происходящих изменений. В отечественной и зарубежной литературе анализируются качественные характеристики информационного общества, его влияние на систему социально-экономических отношений. Ведутся активные дискуссии относительно перспектив дальнейшего развития экономики на фоне принципиально новых опасностей, связанных с функционированием информационных систем. В рамках данной статьи особый научный интерес представляет выявление каналов влияния информационного общества на трансформацию личных экономических интересов в современной экономике. Представляется, что данные каналы целесообразно исследовать с учётом промежуточного положения интересов между потребностями индивидов и мотивацией для их удовлетворения.

В первую очередь выделяется «воспроизводственный» канал, обусловленный тем, что информатизация оказала существенное влияние на содержание воспроизводственных процессов. В данном случае мы имеем ввиду наиболее осязаемую взаимосвязь между появлением новых информационно-компьютерных технологий и экономическим развитием. Накопленные, усвоенные и используемые информация и знания играют роль главного производственного ресурса и фактора развития. В современной научной литературе отмечается, что информационно-инновационный фактор обусловливает около 85% прироста ВВП развитых стран [2, с. 11]. Именно резкий рост производительности труда, обусловленный проникновением информационных технологий во все стадии воспроизводственного процесса, создал объективные предпосылки для увеличения потребления, которое отражает рост потребностей и тем самым демонстрирует доминирование потребительского мотива в системе личных экономических интересов индивидов.

В какой-то степени производным (и в то же время самостоятельным) от воспроизводственного канала является канал «кастомизации», под которым понимается производство персонифицированных товаров, нашедших покупателя ещё до своего производства, что становится возможным только благодаря информационным технологиям. Расширение разнообразия товаров и услуг в ответ на развитие спроса становится типичной и хорошо оправдывающей себя стратегией конкурентной борьбы. В современных условиях значительными конкурентными преимуществами обладают фирмы, имеющие прямую связь с потребителем. Конкуренция привела к тому, что доступное по цене изделие должно не просто соответствовать индивидуальным требованиям потребителя, а совпадать с ними. Для промышленности это означает необходимость решения сложнейшей информационно-технологической задачи – организации массового производства по индивидуальным заказам, что возможно только с помощью современных информационных технологий, в том числе через приём заказов потребителей через Интернет.

 © Гибало Н.П., Милевский С.С, 2012

Обратим внимание, что как таковой феномен кастомизации находит свое объяснение в рамках синтеза институционального и поведенческого подходов. Индивидуализация потребления, отражающая специфичность личных экономических интересов на современном этапе, может рассматриваться как своеобразный протест против стандартизации потребления, возникшей на этапе формирования индустриальной экономики – технологические возможности, реализующиеся на основе монополистической концентрации промышленных предприятий, сглаживали индивидуальные различия, что привело к росту спроса на персонализацию. Очевидно, что данный протест как распространенная норма поведения обусловлен поведенческими факторами, а именно биологической и генетической предрасположенностью природы человека к индивидуализации и самоидентификации, проявляющейся в стремлении отличаться от других.

Особое значение имеет «мотивационно-стимулирующий» канал, проявляющийся в том, что информационные технологии позволяют не только донести информацию о товаре или услуге до потенциального потребителя, но и стимулируют к активному их потреблению. Значимость данного канала для динамичного развития современных экономических систем трудно переоценить. На практике покупательский процесс начинается с формирования экономического интереса, то есть именно с того момента, когда индивид осознает потребность в продукте или услуге [3]. Тем самым генерация знания потребителя о продукте выступает необходимой предпосылкой формирования экономических интересов. Именно современные информационные технологии позволяют донести до индивидов как декларативное (общее представление о покупке), так и процедурное (подробные сведения) знания, при этом активно задействуются эмоциональные аспекты. В действительности механизм осознания экономического интереса представляет собой сложный процесс, включающий ряд взаимосвязанных стадий обработки потребителем информации. Однако и в этом случае правомерно говорить об особой значимости институционально-поведенческих факторов. Так, в контексте рассмотрения современных тенденций изменения характера личных интересов и воздействия «мотивационно-стимулирующего» канала особое внимание привлекает феномен значительно возросшей эмоциональной окраски процессов реализации товаров и услуг, отражающий эволюцию потребительских ценностей и фактически демонстрирующий преобладание нерациональности современного спроса [4], а также снижение функциональности индивидуального потребления. В отдельных работах указанный феномен получил название «экономика впечатлений» [5]. Действительно, современный маркетинг наиболее существенное влияние уделяет эмоциональной составляющей при организации стимулирования продаж. Уточним, что объяснение подобной тенденции также возможно в рамках методологического синтеза институционального и поведенческого направлений экономической науки, в контексте которого наиболее четко обозначена возросшая роль институциональных и особенно поведенческих факторов формирования личных экономических интересов.

Не менее значимым является «финансовый» канал, влияние которого также представляется многоаспектным. Благодаря информационным технологиям возникают принципиально новые услуги со стороны кредитных институтов – пластиковые карты, Интернет-банкинг, мобильный банкинг и т.д. Одновременно с этим существенно видоизменяется механизм предоставления традиционных банковских услуг. Возникшая доступность финансовых ресурсов позволяет удовлетворять потребности потребителей без наличия денежных средств, что непосредственно влияет на личные экономические интересы. Отметим при этом произошедшие институциональные трансформации – приобретение товаров и услуг в кредит становится устойчивой нормой экономического поведения, на которой во многом основывается функционирование современного «общества потребления».

Достаточно интересным для рассмотрения является «коммуникационный канал», проявляющийся в том, что формирование информационного общества характеризуется новыми формами коммуникации, которые придают специфику взаимодействию между людьми. Всемерное распространение сотовой связи и популярность социальных сетей являются убедительным подтверждением этого. Авторы солидаризируются с мнением М. Кастельса о том, что социум коммуникативен по своей сути, он является миром общения, в котором новые информационные технологии становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в пространстве и взаимодействия людей друг с другом [6]. На уровне экономической теории приоритетность данного посыла демонстрирует возросшую значимость потребности в общении (которая принимает экономические грани) и одновременно объясняет специфику экономических интересов и потребностей, их нерациональность в координатах традиционного подхода, ставящего во главу угла максимизацию полезности.

Наконец, ещё одним каналом влияния информационных технологий на интересы по линии потребностей является «познавательный» канал – информатизация усиливает потребности индивидов в получении новой информации и новых знаний. В качестве доказательства данного тезиса уместно сослаться на данные Фонда общественного мнения, в соответствии с которыми вторым по популярнос-

ти мотивом пользователей Интернета (после общения) выступает получение новых знаний в той или иной области (за рамками профессионального использования данной информации) [7, с. 66–67]. Значимость этого позволяет говорить о существовании разновидности личных интересов – информационном интересе, выступающем выражением информационных потребностей, активной формой их существования. Проявляясь на стадии информационно-потребительской деятельности, информационный интерес обусловливает внутреннюю структуру деятельности человека по формированию информационной потребности. При этом необходимо уточнить, что на самом деле под объективными информационными потребностями понимаются не потребности в информации, а те условия деятельности субъектов, которые порождают информационные потребности. Именно этот аспект оправдывает рассмотрение информационных потребностей в контексте исследования экономических интересов.

Особо отметим тот факт, что информационные потребности выступают все большим мотиватором экономической деятельности людей. При этом наблюдается синергетический эффект, связанный с тем, что в современном обществе удовлетворение информационных потребностей зачастую направлено на потребительское знание. Таким образом, генетическая предрасположенность человека к восприятию новой информации, врожденное любопытство, о котором говорят представители поведенческой экономической теории, наслаиваясь на безграничные возможности современных информационных технологий, приводят к колоссальному росту спроса, являются основными факторами динамики экономического развития. При этом ориентация на целесообразные нормы потребительского поведения, обусловленная усилением социального общения по каналам информационных систем, приводит к синхронизации индивидуальных экономических интересов. Тем самым можно сделать вывод о том, что информатизация является объективным и одновременно необходимым инструментом формирования общества потребления.

Обратимся теперь к каналам «целеполагания», связанным с изменением форм и способов реализации осознанных индивидами экономических интересов. Если в первом случае речь шла о том, что информатизация существенно повлияла на формирование потребностей и тем самым трансформировала экономические интересы индивидов, то теперь имеются ввиду изменения в их воплощении в объективно-реальном результате деятельности, поскольку интересы отражаются в сознании людей в виде поставленных целей и побуждений воли к их достижению.

Канал «сервесизации» проявляется в том, что благодаря информатизации сфера услуг стала доминирующей и прогрессирующей областью применения общественно необходимого труда. Сервесизация экономики характеризует два взаимосвязанных и взаимообусловливающих процесса. Во-первых, это возрастание удельного веса услуг в макроэкономических показателях, численности занятого населения, количества хозяйствующих субъектов. Во-вторых, это проникновение услуг в процесс материального производства. Как следствие в контексте проблематики экономических интересов и рассмотрения «целеполагающего» аспекта сервесизация рассматривается нами комплексно. С одной стороны, сервесизация влияет на выбор индивидами сфер трудовой деятельности. С другой стороны, она создает предпосылки для развития малого предпринимательства, ориентированного на сферу услуг, в том числе информационного характера.

Близким по содержанию является «интеллектуальный» канал, под которым понимается возросшая под воздействием процессов информатизации роль интеллектуального капитала, воплощенного в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей. В современных условиях интеллектуальный капитал оказывает наиболее сильное влияние на процессы эволюционной социализации общества. Его ведущая роль в этих процессах среди других разновидностей капитала знаменует начало перехода капиталистического общества в новую инновационную фазу своего развития – в общество социализированной капитализации знаний. В таком обществе знания, включаясь в интеллектуальный капитал, все больше и больше становятся непосредственной производительной силой, воспроизводящей инновационный характер его эволюции. Применительно к проблематике реализации индивидуальных экономических интересов значимость интеллектуального канала проявляется в том, что в современных условиях возрастает интенсивность труда, наиболее конкурентоспособными становятся те субъекты, которые способны адекватно обрабатывать и генерировать информационные потоки. Иначе говоря, степень реализации личных интересов и уровень удовлетворяемых потребностей напрямую связывается со способностью индивидов к постоянному саморазвитию и приращению интеллектуального капитала, который, в свою очередь, неотделим от количества и качества обладаемой информации.

Также нельзя не обойти вниманием «социальный» канал, тесно связанный с представленным ранее «коммуникационным» каналом и понятием социального капитала, выражающего связи между людьми. При этом имеются ввиду специфические связи, которые сопряжены как с ожиданиями определенного поведения от вовлеченных в эти связи людей, так и с их взаимными обязательствами. Тем самым социальный капитал рассматривается нами в политэкономическом смысле, поскольку он мо-

жет накапливаться, конвертироваться в другие формы капитала, приносить выгоду в материальной форме его обладателю. В результате коммуникации между индивидами посредством информационных систем позволяют удовлетворять не только потребности в общении как таковом, но и выступают значимым условием реализации экономических интересов.

Весьма специфическим представляется «иждивенческий» канал. В определенной степени он является производным от воспроизводственного канала и канала «сервисизации». Трансформация производительных сил под воздействием информационных технологий привела не только к кардинальным сдвигам в структуре занятости, но и значительно усугубила проблему безработицы. В этих условиях проводимая государством социальная политика становится объективной необходимостью, при этом одновременно приводит к росту иждивенческих настроений. Усиление данной негативной тенденции осуществляется под воздействием фактора мультипликативности – рост государственных расходов на фоне снижения мотивации к труду стимулирует совокупный спрос и становится одним из ключевых факторов экономического развития. В результате формируется своеобразная ловушка, внешним подтверждением которой выступает текущий долговой кризис в странах Евросоюза.

Таким образом, нами выделены и классифицированы каналы влияния информационной экономики на изменение личных интересов. Первая группа каналов связана с тем, что интересы являются порождением и социальным проявлением потребности. К таким каналам относятся воспроизводственный канал, канал кастомизации, финансовый канал, коммуникационный канал, мотивационно-стимулирующий канал и познавательный канал. Вторая группа каналов обусловлена мотивационным содержанием интересов, пониманием интересов как объективных побудительных мотивов деятельности людей, отражающих их место в системе общественного производства. Это канал сервесизации, интеллектуальный канал, социальный канал и иждивенческий канал.

Библиографический список

1. *Уэбстер Ф.* Теории информационного» общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

2. *Мовсесян А.Г.* Особенности становления информационного общества на современном этапе // Информационное общество и Россия / под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. – М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. – С. 10–25.

3. *Костина Г.Д., Моисеева Н.К.* Поведение потребителей на рынке товаров и услуг. – М.: Омега-Л, 2008. – 175 с.

4. *Ланкастер К.* Перемены и новаторство в технологии потребления // Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1. Вехи экономической мысли / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – С. 173–231.

5. *Пайн Дж., Гилмор Дж.* Экономика впечатлений: Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 330 с.

6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.

7. Интернет.ру. Социологические контуры / под ред. А.А. Ослона. – М.: Экоинформ, 2009. – 138 с.

УДК 332.012.2

Грабова Ольга Николаевна
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
graon07@kmtn.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Целью статьи является выявление взаимосвязи трансформации институтов и экономических отношений, что позволит решать современные проблемы темпового согласования динамики развития отношений собственности и институциональной среды, выявлять противоречия в отношениях собственности и определять пути их компромиссного разрешения.

Ключевые слова: *динамика экономических отношений, институциональная среда, собственность.*

Проблема институционализации современной трансформации экономических отношений остается актуальной в экономической науке и практике. Такая значимость определяется следующими основными обстоятельствами. Во-первых, современный уровень экономического развития цивилизованных стран (к ним мы причисляем и Россию) обеспечивает существенные достижения в области социального согласия в обществе, но в то же время экономическая полярность в обществе, особенно в России, возрастает, что требует «тонких» институциональных мер в сфере распределения общественного богатства. В России эта проблема обостряется еще и в связи с тем, что львиная доля национального богатства по-прежнему создается за счет выкачивания природной ренты. Во-вторых, в обществе формируется скептическое отношение к институтам в целом и, в частности, к ин-

© Грабова О.Н., 2012

ститутам, которые определяют гражданское согласие. Поэтому углубленная разработка теории трансформаций экономических отношений в современном обществе, их внутреннего содержания и внешних форм проявления через институты необходима для уточнения и прогнозирования социально-экономического развития. Все это актуализирует изучение проблемы трансформации экономических отношений в обществе.

Вскрытие сущностных причин движения вытекает из следующих теоретических предпосылок К. Маркса: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т.д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только как индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами – их собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [9, с. 222]. Именно этот процесс взаимного обновления входит в область определения *динамики экономических отношений*.

«Экономические отношения» трактовались в традиционной политэкономии во взаимосвязи с понятием «производственные отношения». Сам термин «производственные отношения» был выработан К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Манифест Коммунистической партии» [8] в 1848 году. Производственные отношения являются необходимой стороной общественного производства. «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [9, с. 441]. В процессе труда складываются отношения, обусловленные потребностями технологии и организации производства, например, отношения между рабочими различных специальностей, между организаторами и исполнителями, связанные с технологическим разделением труда внутри производственного коллектива или в масштабах общества. Это производственно-технические отношения. Но в производстве, кроме этих отношений, между людьми складываются также экономические отношения. Производственно-экономические отношения отличаются от производственно-технических тем, что они выражают отношения людей через их отношения к средствам производства, то есть отношения собственности. Несмотря на то что К. Маркс и Ф. Энгельс центральным моментом в характеристике экономических отношений признают отношения собственности, в работе «Немецкая идеология» (I глава, 1845–1846 гг.) экономические отношения они же определяют их более широко – как «формы общения» [11]. Активизация экономических отношений происходит в результате действия интересов. «Экономические отношения каждого данного общества, – отмечал Ф. Энгельс, – проявляются, прежде всего, как интересы» [14, с. 271]. В политической экономии, как подчеркивал К. Маркс в «Предисловии к первому изданию “Капитала”», о лицах речь идет «лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных… отношений и интересов» [13, с. 10]. Движущую силу истории Ф. Энгельс видел в борьбе классов и столкновениях их интересов [15, с. 308]. Отечественные экономисты, опираясь на исторически поставленный эксперимент, в 60-е – 80-е годы развивали понятие производственно-экономических отношений в рамках сложившейся идеологии. Очевидно, что рамки анализа неэффективности экономических отношений, определяемые идеологией, и нетерпимость к иным научным взглядам не могли дать необходимых выводов.

Сущностный характер экономических отношений и их системы определяется фундаментальным посылом о том, что «за движением, кругооборотом товаров, услуг, ресурсов, издержек, доходов и расходов как внешними проявлениями скрываются отношения между людьми; что категория собственности, например, по сути своей есть не отношение людей к вещам, а отношения между людьми в процессах присвоения и отчуждения объектов собственности» [21, с. 41]. Вследствие этого различные социально-экономические роли групп людей определяют их экономические интересы. Интересами и обусловленными стимулами диктуется экономическое поведение индивидов и агрегированных субъектов. Общественным противоречиям, конфликтам интересов в сфере экономики уделяли большое внимание институционалисты. Экономический интерес лежит в основе системы экономического стимулирования производства, которая представляет собой систему экономических отношений, связанную с удовлетворением экономических интересов членов общества и социально-экономических групп. Поэтому экономические интересы выступают главной движущей силой прогресса экономики. «Эволюция экономики какого-либо отдельного государства – это результат изменения отношений между популяциями индивидов, торговых органи-

заций и т.п.» [16, с. 38]. Именно логическая схема «отношения – интересы – поведение» позволяет исследовать формы экономического поведения и прогнозировать динамику экономического развития вследствие реформ административных, судебных, налоговых, бюджетных, финансово-кредитных и пр. Поиск возможного компромисса между многочисленными разнонаправленными интересами в обществе как экономика соглашений «общепризнанна в качестве автономного ответвления новой институциональной экономики» [17, с. 138]. Однако институциональной категории «экономические интересы» придается недостаточное значение в теоретических конструкциях. Зачастую «многообразие подходов скрывает множество интересов. За конфигурацией конфликтующих интересов нужно наблюдать еще внимательнее, чем за изменениями теории, чтобы понять, почему побеждают те или иные подходы… В данном контексте интересы первичны, а взгляды – вторичны. Последние часто являются объектом купли-продажи и даже интеллектуальной коррупции» [5, с. 48].

Хотя экономические труды К. Маркса были написаны задолго до возникновения современного системного подхода, в них идеология этого подхода нашла такое отражение, какого редко удавалось достичь другим экономистам. Так, например, он писал, что «человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество» [10, с. 414]. При том что Т. Веблен критически относился к некоторым аспектам марксистской теории, он в известной степени находился под влиянием Маркса в исследовании процессов экономической эволюции и технологической трансформации. Он исходил из того, что на индивидуальное поведение влияют отношения, природа которых институциональна: «Потребности и желания, цели и устремления, пути и средства, масштаб и направленность поведения индивида – все это функции некой институциональной переменной, характер которой крайне сложен и абсолютно неустойчив» [24, с. 50].

Развитие методологии институционализма обогащало понятие «экономические отношения» и раскрывало новый ракурс их исследования, уточняло характеристики этого понятия. Первым, кто акцентировал внимание на значении политико-правовых и социокультурных институтов, был Фридрих Лист (1789–1846), предопределивший развитие исторической школы. Ф. Лист развивал политэкономию «национальных производительных сил», придав этой категории весьма широкое толкование. По Ф. Листу, производительные силы – это способность создавать богатство нации. В состав производительных сил Лист включал различные институты, способствующие экономическому развитию, – от христианства и единоженства до почты и полиции безопасности.

Предметом особого внимания Торстейна Веблена (1857–1929, «старый», американский институционализм) стал «институт праздного класса», который, как он считал, являет собой следствие «законов хищничества и паразитизма», обычаев частной собственности и системы неравного распределения благосостояния [3]. Он выделил две отрицательные тенденции в динамике экономических отношений: монополизацию и наращивание сил экономической депрессии. Джон Ричард Коммонс (1862–1945) ввел понятие трансакции (сделки) как характеристики экономических отношений и определил, что экономические отношения, определяемые взаимодействием субъектов различного уровня агрегирования, характеризуются тремя моментами социальных отношений: «конфликтом, зависимостью и порядком» [1, с. 55]. Конфликты и противоречия объективно неустранимы и обладают динамичным потенциалом, который способен вылиться в социальные катаклизмы и катастрофы. Предвидение и экономическое обоснование путей снижения конфликтного потенциала возможно в рамках определения динамики экономических отношений на разных уровнях.

Следовательно, новая позиция требует отказа от предположения о доминировании конфронтации, присущей экономическим отношениям, и замены его на предположение о возможном институционально управляемом конфликтно-компромиссном характере этих отношений. При этом институциональные факторы мы определяем как экзогенные по отношению к экономическим отношениям, которые имеют собственную логику развития.

На различных уровнях институциональной среды (рис. 1) изменения происходят с различной скоростью, поэтому возникает проблема соответствия развития различных уровней внутри самой институциональной системы и согласованностью развития уровня институциональной среды и экономических отношений. В контексте О. Уильямсона для развития цивилизованных экономических отношений необходимо решение проблем качества контрактов, их соблюдения, противодействия оппортунистическому поведению экономических агентов.

Экономические отношения складываются под влиянием различных вариантов соотношения соглашений, формируется множественность способов координации экономических отношений, которые интегрированы и в большинстве случаев проявляются только во взаимодействии с другими социальными отношениями [22].

Но «каждое отношение между членами сообщества опосредовано обращением к некоему общему благу» [23]. Л. Тевено, как представитель экономики соглашений, особое внимание уделяет способам координации социально-экономических отношений. В его теории мы находим мысль о том,

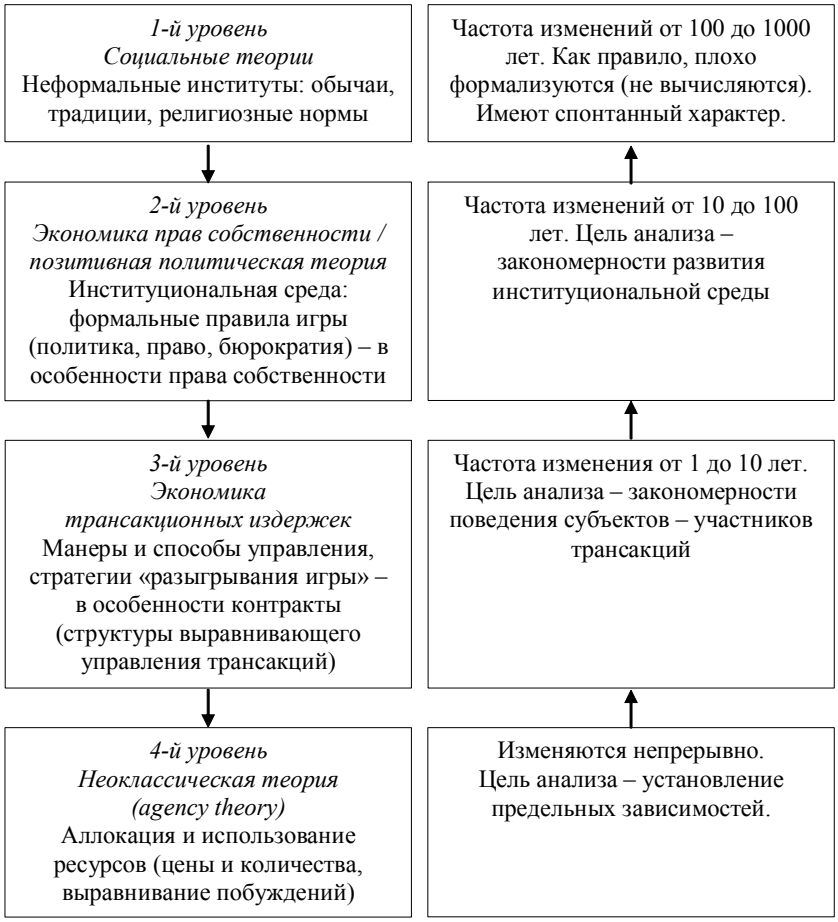


Рис. 1. «Экономика институтов»

что «институты имеют своим основанием наиболее легитимные соглашения», но «многие действия отклоняются от институционального формата» [23]. Это подтверждает нашу идею о динамике экономических отношений, обусловленной как развитием институтов, так и надынституциональными факторами. Здесь уместно отметить и другую важную особенность экономических отношений, определяемых отношениями собственности. Обнаруживается не только влияние различных типов соглашений и поведения на экономические отношения, но и сама собственность трансформирует другие типы социальных отношений. Вследствие этого и дефекты экономических отношений носят не чисто экономический, а системный характер[20, с. 9–15].

Вслед за представителями «старого» институционализма современные исследователи особое значение придают отношениям труда и капитала, которые в радикальном направлении экономических исследований трактовались как объективно антагонистические. «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией» [25, с. 152]. По мнению К. Маркса, «рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса» [12, с. 121], а эксплуатация труда капиталом происходит вследствие того, что капиталисты присваивают произведенную наемными работниками прибавочную стоимость.

Й. Шумпетер утверждал, что теория прибавочной стоимости К. Маркса неправильна, но гениальна [2, с. 79]. Прибавочную стоимость К. Маркс трактовал как часть неоплаченного труда работника. В современных условиях более актуальным становится понятие добавленная стоимость (v+m – по Марксу) как основа экономического роста [6]. К. Маркс построение своих теоретических конструкций начинал с обоснования отчуждения труда от результатов производства. Таким образом, собственник имеет возможность «манипулировать» размерами заработной платы и прибыли, так как «продукт капитала безраздельно слит с продуктом труда независимого производителя» [4, с. 79]. Такое «манипулирование» можно продемонстрировать на конкретном примере. На одном предприятии у менеджеров, отвечающих за отдельные участки производства, среднегодовая заработная плата имела огромные колебания. Кроме того, на предприятии была большая текучесть кадров, в том числе менеджеров. Несложный анализ показал, что менеджеры

с минимальными доходами были уволены в конце года, перед тем, когда начислялась дополнительная (по размеру практически равная годовой) заработная плата по итогам года, то есть исходя из предварительно рассчитанной прибыли. Только один из менеджеров обратился в суд, чтобы отстоять свои права, но безуспешно. В целом можно констатировать, что наемный работник институционально слабо защищен, поскольку он в большинстве случаев не имеет реальной возможности отстаивать свои права в суде, в отличие от собственника, к услугам которого грамотные дорогостоящие адвокаты. Если бы заработная плата полностью определялась предельной производительностью труда (по законам неоклассики), то при отсутствии возможности «такого манипулирования» эксплуатация исключалась бы.

И все-таки насколько опровергнут марксистский прогноз нарастания антагонизма и обострения конфликта в экономических отношениях между трудом и капиталом для современного общества, ведь сама эта конфликтность, несовпадение, а зачастую и противоположность экономических интересов наемных работников и работодателей исчезнуть не могут. Решающей особенностью трудовых конфликтов в современной научной литературе стала их институционализация [19, с. 46]. Одним из первых Дж.Р. Коммонс на первый план выдвигал поиск инструментов компромисса между организованным трудом и крупным капиталом, примирения экономических противоречий через коллективные действия. Институционализация трудовых конфликтов включает в себя трудовое законодательство государства, систему коллективных договоров и корпоративизма, участие профсоюзов в разработке и проведении трудовой политики, внимание работодателей к социальным нуждам наемных работников. Так образуется комплекс формальных и неформальных норм, которыми регулируется экономическое поведение наемных работников и работодателей и которые служат основой компромиссного разрешения трудовых конфликтов.

Можно выделить два основных уровня институционализации экономических трудовых отношений: макроэкономический и микроэкономический, хотя, безусловно, динамика экономических отношений и их институционализация на разных уровнях взаимосвязаны и взаимообусловлены.

На микроэкономическом уровне различают трудовые конфликты, в которые вступает коллектив наемных работников данной фирмы, и индивидуальные конфликты для отдельного работника. Мировой опыт свидетельствует о конструктивности трудовых отношений, при которых работодатели озабочены экономическим и социальным благополучием работников. Начиная с 1960-х годов в развитых странах расширяется практика, получившая название «социального партнерства», – гибкое взаимодействие между работниками и работодателями в процессе заключения коллективных договоров. Исследования показывают, что в тех странах, где идея социального партнерства получила наибольшее распространение (в Швеции, Австрии, Норвегии от 50 до 98% работников охвачены этой формой сотрудничества), социальные конфликты на почве трудовых отношений встречаются значительно реже, а отраслевые различия в уровнях заработной платы – меньше, чем в странах, где преобладают другие формы экономических отношений (США, Великобритания, Канада) [18, с. 136]. Тенденция институционализации трудовых конфликтов опирается на прямую зависимость материального положения, благосостояния наемных работников в пределах фирмы от ее конкурентной успешности, а в масштабе страны – от ее социально-экономического прогресса.

На макроуровне динамика экономических отношений выступает как развитие, изменения, эволюция всей экономический системы в целом, представляющей собой совокупность экономических отношений в масштабе страны, то есть национальную экономику. В индустриально развитых странах это – эволюция от экономической системы раннего и классического капитализма (объект исследования в «Капитале» К. Маркса) до экономики современного постиндустриального общества с его новым технологическим способом производства, с высокой степенью информатизации и компьютеризации, новыми уровнем и качеством жизни населения, социальными программами и нарастающими процессами глобализации. Россия, с ее собственной траекторией развития, обязана ориентироваться на лучшие мировые стандарты и институты.

Классификация экономических отношений по степени агрегированности субъектов, участвующих в данных отношениях, по нашему мнению, может быть произведена следующим образом: экономические отношения, складывающиеся на уровне наноэкономики (экономика физических лиц), номоэкономики (экономика домохозяйств), микроэкономики (экономика фирмы), мезоэкономики (экономика регионов, отраслей), макроэкономики (экономика государств), субэкономики (экономика транснациональных корпораций), мегаэкономики (мировая экономика). Перекрестная взаимосвязь и столкновения интересов агрегированных субъектов разных уровней, очевидно, может быть как достаточно сильной, и потому существенной, так и слабой, когда эффект противоречий и конфликтности не приведет к существенным экономическим и социальным потрясениям. Взаимодействие интересов различных субъектов (в том числе и агрегированных) в экономических отношениях может проявляться не только как их столкновение, наоборот, такие отношения могут диктоваться однонаправленностью интересов. И в таких условиях так называемые

определенные группы интересов, обличенные институциональной властью, в условиях общественного производства и частного присвоения (здесь мы имеем в виду не только марксов подход к частнокапиталистическому производству, но и те сферы и отрасли, которые не регулируется рынком: монополии, общественные блага) порождают в обществе противоречия, обусловленные кричащими диспропорциями в распределительной сфере экономических отношений. Эти проблемы необходимо решать планомерно институциональными мерами, поскольку это единственный цивилизованный механизм решения данных проблем.

Таким образом, сложная система институтов представляет особый каркас, структуру, в рамках которой происходит развитие общественно-экономических отношений. Экономическая свобода фирм, собственника-предпринимателя, наемного рабочего, менеджера, агрегированных экономических субъектов, для современного общества – определенных страт и слоев, ограничена существующими институтами, предопределяющими динамику их взаимодействия. В то же время институциональные ограничения дают определенную свободу действий и определяют мотивацию экономического поведения, отражая и закрепляя наличную систему экономических отношений. Различение экономических отношений и институтов помогает решению проблем диагностики, прогнозирования экономического поведения субъектов как реакции на изменения в отдельных институтах и в институциональной среде в целом.

Библиографический список

1. *Commons John R.* Institutional Economics // American Economic Revien. – 1931. – №21. – P.656. – Цит. по: Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник / под общ. ред. А.А. Аузана. – М.: Инфра-М, 2005. – С. 55.

2. *Schumpeter J.* Economic Doctrine and Method. – London: George & Unwin LTD, 1954. – P.53. – Цит. по: *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 3-е изд. – М.: Дело, 2005. – С. 79.

3. *Веблен Т.* Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.

4. *Кларк Дж.Б.* Распределение богатства. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – С. 79.

5. *Колодко Г.* Институты, политика и экономический рост // Вопросы экономики. – 2004. – № 7. – С. 48.

6. *Якобсон Л.И.* Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика: учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 146, 148.

7. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. Ч. II. – С. 222.

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Избранные произведения: В 3 т. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 1. – С. 121.

9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 6. – С. 441.

10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – М., 1955. – С. 414.

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии»). – Соч. – М. – Т. 3. – Разд. 1.

12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1983.

13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е. изд. – Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – С. 10.

14. *Маркс К., Энгельс Ф.* К жилищному вопросу. Раздел III. Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 18. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 271.

15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Гл. 4 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 308.

16. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – С. 38.

17. *Олейник А.* Институциональная экономика: Учеб.-метод. пособие // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 138.

18. *Розанова Н., Назаренко А.* К вопросу о марксистской теории отношений труда и капитала: современный подход.

19. *Свиридов НН., Скаржинский М.И., Гибало Н.П., Грабова О.Н.* Экономические отношения и стратегия экономического роста. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 46.

20. *Скаржинский М.И.* Системные дефекты экономических отношений. Постановка проблемы // Проблемы новой политической экономии. – 2005. – № 3. – С. 9–15.

21. *Скаржинский М.И., Чекмарев В.В., Гибало Н.П., Степанов Е.Б., Генералова Г.Г.* Очерки новой экономической теории. – М., 2001. – С. 43.

22. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 69–84.

23. *Тевено Л.* Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: Учебник / под ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 101.

24. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – С. 50.

25. *Энгельс Ф.* Развитие социализма: от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 3. – С. 152.

УДК 330

Догалов Амангельды Нажмиденович
кандидат экономических наук
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)
dogalov_an@enu.kz

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБУСТРОЙСТВА ОГУЗСКИХ ПЛЕМЕН (IX–XIII ВВ.) В «КНИГЕ МОЕГО ДЕДА КОРКЫТА»

В статье отражены результаты социально-экономического анализа «Книги моего деда Коркыта».
Ключевые слова: *кочевое скотоводство, ремесло, торговля, земледелие.*

«Книга моего деда Коркыта»* (Китаби дэ-дэм Коркут) написанная на древнетюркском языке племен «огузов» представляет собой единственный письменный памятник культуры средневекового эпоса тюркоязычных народов. Длительное время данный исторический и литературный памятник был известен только в рукописи Дрезденской библиотеки (1585). В 1950 году в Ватиканской библиотеке была найдена другая рукопись замечательного исторического эпоса (1549–1550), притом более исправная и снабженная огласовками, что позволило ученым уточнить ряд мест, вызывающих разночтения в предшествующих исследованиях историков, филологов, лингвистов.

В Европе «Книга моего деда Коркыта» сперва появилась переведенной на русский и итальянский языки, и только в 1958 году был закончен полный немецкий перевод. В том же году турецкий исследователь Мухаррем Эргина издал свой научный труд, где воспроизведены оба списка: Дрезденской и Ватиканской библиотек, в которых дается транскрипция всего текста с вариантами турецкого латинизованного алфавита и воспроизводятся ранее собранные материалы.

Значительным вкладом в изучение древнетюркского литературного памятника явились новые и всесторонние исследования среднеазиатских материалов по огузскому эпосу современными представителями тюркоязычных народов, проживающих в Средней Азии, на Кавказе, в Казахстане, Татарстане, Башкортстане и др. Результаты их изысканий в основном были собраны и опубликованы в советских научных изданиях, а также в научной литературе, изданной в приобретших независимость, молодых (но с богатым, интересным и трагическим историческим прошлым) тюркоязычных государствах на постсоветском пространстве.

На основе анализа заключений, почти полуторавековых научных исследований учеными различных стран, наук, школ и направлений можно кратко сделать следующие общие выводы о «Книге моего деда Коркыта».

Во-первых, она охватывает значительный период времени и обширные территории обитания древнетюркских огузских племен. Предположительно это V–VI века.

Во-вторых, данный письменный эпос древних тюрков-огузов, как произведение устного народного творчества, за длительный исторический период прошел очень сложный и длительный процесс неоднократной творческой переработки в течение ряда веков в устно-поэтической передаче, пока не был записан в той форме, в которой он дошел до нас.

В-третьих, цикл рассказов или песень деда Коркыта, по мнению большинства ученых-исследователей, начал складываться у огузских племен на их более древней исторической родине – в Великой степи (об этом упоминается в рассказе III-ем «Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» – «детеныш птицы Тулу, столп Туркестана» и в рассказе VII-ом – «надежда для нас бедных столп Туркестана, детеныш птицы Гулу, лев племени и рода, тигр черной толпы, счастливый хан») [с. 383 и 404]. Также многочисленные исторические факты (например, признание того, что захоронение тела почтенного автора Книги находится на территории современной Кзыл-Ордынской области Республики Казахстан) и современные фольклорные записи казахов, узбеков, туркмен, киргизов, хакассов о Коркыт-Ата прямо или косвенно подтверждают это.

Поэтому научные изыскания в цикле рассказов Коркыта тех или иных положений, которые так или иначе освещают определенные стороны социально-экономического быта одного из могущественных древнетюркских племен – огузов, обитавших на значительной территории современного Казахстана в различных ее частях на протяжении более пяти веков, дадут возможность восполнить имеющиеся, в силу сложившихся негативных обстоятельств в историческом развитии, значительные научно-исследовательские «белые пятна» в экономической истории нашей страны и истории казахской экономической мысли.

В целом Книга Коркыт Ата, как раннее средневековое эпическое произведение, состоит из вступления и двенадцати рассказов (песен). Хотя каждый из данных рассказов имеет свой отдельный самобытный законченный сюжет, их действующие лица-герои предстают боевыми соплеменниками, представителями одного и могущественного крыла тюрков – огузского боевого содружества.

Герои рассказов объединены под властью хана ханов Баюндура [с. 360], эпического руководителя

© Догалов А.Н., 2012

раннефеодального централизованного огузского государства, с определенной социальной иерархией и системой налогообложения с доходов и военных трофеев. Так, в трех рассказах (III, VII, IX) упоминается о том, что пятая часть полученной военной добычи в ходе уничтожения противников доставалось главному хану Баюндуру – правителю огузского государства [с. 385, 406, 416]. Основная же ее часть добытого богатства распределялась между беками – «Беки огузов разделили добычу…» [рассказ IV, с. 393].

Однако анализ текста рассказов позволяет сделать вывод о том, что в целом государственная власть у кочевников не была монолитной и прочной. Одной из главных причин такого состояния являлось то, что племена в огузском государстве делились на две крупные этнические группы: внутренних огузов и внешних огузов (Уч-Ок и Боз-Ок), о чем впервые упоминается в VI-ом рассказе [с. 397] и далее в IX-ом рассказе [с. 411], между которыми часто возникали глубокие противоречия, приводившие к кровопролитным вооруженным столкновениям. Об этом свидетельствует «Песнь о том, как внешние огузы восстали против внутренних огузов и как умер Бейрек» (рассказ XII) [с. 425–428].

Слабость центральной государственной власти обуславливалась также отсутствием постоянных централизованных вооруженных формирований у хана ханов Баюндура, вооруженные дружины джигитов находились под властью предводителей отдельных племен и родов, и тем, что основную часть военных трофеев распределяли удельные ханы и беки.

Сведения из Книги свидетельствуют также о том, что хан ханов и местные удельные правители использовали в вооруженных столкновениях наемные вооруженные формирования из иностранцев за определенную плату [рассказ VII, с. 405].

В свою очередь, каждый из удельных правителей (ханы, беки) владел резиденцией, находившейся в укрепленном городе или селении с оседлым населением, и был наделен определенными привилегиями. В песне IV описывается, как Казан-бек, вернувшись в Акча-Кала и Сюрмель, семь дней и семь ночей пировал, отмечая свою победу [с. 393]. Они имели при себе военные отряды и именовались зачастую ханами (Богач-хан, Дерсе-хан) [рассказ I, с. 360–361].

Они также имели собственную финансовую базу – казну, основу которой составляли золото, серебро. Об этом неоднократно упоминается во II-ом рассказе «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана»: «Его златоверхие жилища гяуры разграбили, его невесту, подобную гусю, заставили кричать, на табуны его быстрых коней вскочили, ряды его красных верблюдов угнали, его **богатую казну,** его **обильные деньги** разграбили» [с. 366]; «На табуны твоих быстрых коней вскочили гяуры, ряды твоих красных верблюдов угнали гяуры, твое **золото и серебро,** твою **обильную казну** захватили гяуры» [с. 369]; «Ты унес мою **богатую казну**, мои **большие деньги**…» [с. 371].

Аналогичная информация о значительной финансовой самообеспеченности и относительном экономическом суверинитете в этой области удельных ханов и беков имеются в следующих источниках: в I-ом рассказе [с. 363], в III-ем рассказе [с. 374], в V-ом рассказе [с. 395], в VI-ом рассказе [с. 397].

Указанные феодальные привилегии и право на владение имуществом имели наследственный характер. Об этом подтверждение находим в следующих трех рассказах (I, IX, XI) [с. 365, 415, 420 соответственно]. Так, в IX-ом рассказе об этом повествуется следующим образом: «Его белобородый отец вышел навстречу, обнял шею сына, они вернулись домой. Бекиль (т.е. отец. – *А.Д.*) дал юноше летовку (жайлау. – *А.Д.*) на черной горе, лежавшей против них, дал быстрых коней, дал своему белолицему сыну в пищу белых баранов…» [с. 415].

Таким образом, значительная территориальная обширность огузских племен (например, в IX–X вв. – бассейн среднего и нижнего течения Сырдарьи и примыкавшие к ней пустыни, полупустыни и степи Западного Казахстана), отсутствие прочных взаимозависимых политических и экономических связей между ними и, соответственно, относительно высокая военно-экономическая самостоятельность местных правителей объективно ослабляли центральную политическую, военную, экономическую власть огузского государства и были причиной того, что ее часто раздирали междоусобицы, борьба за центральную власть, за пастбищные угодья и т.д.

В рассказах Книги часто упоминаются сведения о постоянных вооруженных дружинах ханов и беков, почти всегда в составе 40 нукеров (в рассказах I [с. 360, 362, 365], III [с. 374, 380, 381, 385, 386], IV [с. 387, 388, 390], V [с. 398, 399, 401, 426]). По всей видимости, представители указанной личной гвардии удельных правителей занимали особое, привилегированное положение в социальной иерархии огузского государства и племен, так как они постоянно находились возле своего сюзерена (в военных походах, на охоте, пиршествах и т.д.) и обеспечивали безопасность ему и, соответственно, его семье. Естественно, их семейное материальное состояние обеспечивалось указанными князьками.

Особо следует отметить те моменты в рассказах, которые указывали на то, какое положение в огузском кочевом обществе занимали женщины. В «Книге Коркыт-Ата», во введении [с. 359, 360] и во многих рассказах (I [с. 361–364], II [с. 370], III [с. 383], IV [с. 389, 390, 392, 393], V [с. 396], IX [с. 412–413]), даются описания о том, что представительницы прекрасного пола, наряду с мужчинами, являлись полноправными членами своего племени и огузского государ-

ства. Они занимали соответственно этому подабающее им место в иерархии кочевого общества. Являясь хранительницами кочевого домашнего очага, они имели свой голос в принятии важных решении на уровне племени или семьи, при необходимости активно участвовали в военных сражениях с врагами. О них, как продолжательницах огузского племени, Коркыт Ата во введении восторженно писал: «Досыта дающей сосать (ребенку) свое белое молоко матери слава!» [с. 359].

Мудрый певец в начале своей Книги, выделяя особую роль женщин в кочевом обществе, делит жен огузов на четыре рода. По его мнению, наиболее трудолюбивые, гостеприимные и коммуникабельные домохозяйки – это представительницы 1-го рода, они считались опорой их огузского гостеприимного кочевого дома. «Опора своего дома, это та, которая, когда из степи в дом приходит гость, когда муж ее на охоте, она того гостя накормит, напоит, уважит и отпустит. Эта порода Айши и Фатимы. Хан мой! – восклицает Коркыт Ата, – таких пусть тысячи вырастут, такая женщина пусть придет к твоему очагу» [введение, с. 359].

Домохозяйки последующих: 2-го, 3-го и 4-го родов – охарактеризованы следующим образом: «Таких, хан мой, пусть тысячи не вырастут, такая женщина к твоему очагу пусть не приходит» [с. 360]. Вышесказанное свидетельствует о высокой роли женщины в огузской семье, кочевом обществе и государстве.

Влиятельной прослойкой, по всей видимости, в огузском обществе являлись представители купечества, которые вели торговые операции во многих странах Евразии [рассказ III, с. 374, 379, 380].

Основную массу трудового населения в раннее-средневековом огузском государстве составляли простые скотоводы, основные производители материальных благ в обществе, среди которых также существовала своя специфическая социально-профессиональная должностная иерархия, как следствие общественного разделения труда. Так, во многих рассказах упоминается о таких работниках в сфере скотоводства, как главный конюший, табунщик, погонщик, пастух, черный пастух, коровий пастух. Должность главного конюшего, наиболее высокого по рангу, удостаивался тот скотник, который проявлял себя добросовестным и сноровистым трудом или отвагой и преданностью. Так, во II-ом рассказе Казан-бек, за проявленную отвагу в бою и преданность к своему правителю, обещает пастуху должность главного конюшего [с. 369] и после возвращения в родные края назначает его главным конюшим [с. 373].

Следует отметить также то, что в огузском государстве было широко распространено рабовладение. Сведения об имеющихся в собственности огузских аристократов рабах и рабынях изложены в трех рассказах: II [с. 373], III [с. 383], IV [с. 393]. Однако следует отметить также то, что в огузском феодальном обществе раннего средневековья происходит процесс постепенного изживания системы рабовладения. Так, подтверждением тому является упоминание в IV-ом рассказе о дарении свободы сорока рабам и сорока рабыням [с. 393].

В огузской племенной (корпоративной) общине преобладала система дуализма, когда общественное производство, с одной стороны, характеризовалось общим (общинным) владением пастбищной территорией (основным условием для скотоводства), с другой – частной собственностью семьи на скот и другое имущество. Однако удельные правители часто присваивали право распоряжаться пастбищными угодьями по своему усмотрению. В рассказе V-ом приводится факт единоличного решения, без согласования с другими представителями племени, о праве пользования летовкой и водными источниками другому лицу: «Если нужна лежащая против (нас) моя черная гора, скажи: бери ее, пусть она …летовкой; если нужны мои холодные колодцы, пусть они будут ему питьем…» [с. 395]. Аналогичное решение принимает бек Бекиль в рассказе IX-ом, когда отдает своему сыну летовку [с. 415].

Основной формой хозяйствования у огузских племен, как известно, было скотоводство, и в преобладающей части – кочевое скотоводство. Поэтому, на наш взгляд, в рассказах Книги часто дается характеристика условий для ведения кочевого скотоводства – природно-ландшафтных [рассказ I, с. 362, 363, рассказ IV, с. 391–392, рассказ V, с. 396, рассказ VIII, с. 407]. По всей видимости, огузские скотоводы, наряду с горизонтальными и меридиальными перемещениями, осуществляли вертикальную перекочевку. Об этом свидетельствуют приводимые сведения о летовках в рассказе V: «…Пусть мои высокие горы будут тебе летовкой…» [с. 396].

Важное значение для кочевых огузских племен имели водные источники, так как наземные водные ресурсы на тех территориях Казахстана, где обитали огузы, былы ограничены и распределены неравномерно. Сведения о наземных водных источниках очень часто встречаются в Книге. Имеется также упоминание о колодце в V-ом рассказе, на который бек имел право владения и распоряжения [с. 395].

Если судить по количеству упоминаний в Книге, наиболее распространенными и многочисленными видами скота в огузских племенах были лошади, овцы, верблюды и козы. Эти виды животных были наиболее адаптированными к кочевой и полукочевой форме хозяйствования на проживаемых территориях.

В количественном отношении стада вышеперечисленных видов домашних животных у наиболее богатых огузов-феодалов достигли значительных объемов – десятков тысяч. Об этом можно судить

по величине требуемого выкупа за одну невесту – по тысяче голов верблюдов, по тысяче голов лошадей, по тысяче голов баранов и т.д. – у сына огузского феодала [рассказ III, с. 377].

Только во вступлении и в VI-ом рассказе [с. 359, 399] упоминается о наличии в хозяйствах огузов крупного рогатого скота. Однако природно-климатические условия на территориях современного Казахстана, где проживали огузские племена, не были благоприятными для экстенсивного разведения этого вида домашних животных. Приводимые сведения во вступлении свидетельствуют о том, что коровы загонялись в специально построенные хлева. Такие постройки имелись, как известно, только в постоянно проживаемых населенных пунктах, то есть у оседлого и полуоседлого населения, и являлись подтверждением того, что крупный рогатый скот в огузских хозяйствах не был повсеместно распространен и играл незначительную роль в скотоводческих хозяйствах, и особенно в кочевых и полукочевых.

Пищевой рацион оседлых огузов, наряду с продукцией домашних животных, дополнялся продукцией домашнего птицеводства (мясо, яйца). Так, во вступлении и в рассказе X-ом мы находим сведения о разведении куриц и гусей и наличии специально сооруженных помещений для их содержания (курятников) [с. 359, 416].

Земледелием, по всей видимости, занимались только в полукочевых и оседлых скотоводческих хозяйствах. Косвенным подтверждением этого являются сведения о действующей мельнице во вступлении Книги [с. 360] и потреблении хлеба. Выращивали они, по всей видимости, просо, пшеницу и ячмень. Можно предположить и то, что в прибрежьях Сырдарьи оседлые огузы выращивали также хлопок, так как во вступлении есть упоминание о нем [с. 358].

Анализ содержания Книги свидетельствует также о занятиях в оседлых огузских населенных пунктах бахчеводством (дыни), садоводством (яблоки) и виноградарством (виноград, виноделие) [рассказ I, с. 361, рассказ XI, с.395]. Умели огузы также добывать мед.

Источники из Книги подтверждают сведения об определенном уровне развития переработки произведенного сельскохозяйственного сырья и использования для этого более производительных орудий труда – мельницы [вступление, с. 360], маслобойки [вступление, с. 359] и т.д.

С особым увлечением огузы занимались охотой (как мужчины, так и женщины), о чем часто упоминается (введение, рассказы I, II, III, IV, V, VI, IX, XI), что способствовало постоянному поддержанию физического тонуса и соответствующего уровня военной подготовки. Вместе с тем следует отметить также то, что охота являлась важным источником добычи пищи (мясо птиц, ланей, диких коз и т.д.), шкур зверей, используемых для изготовления одежды и других бытовых нужд, и т.д. [с. 359, 362–363, 366, 375, 399, 403, 413, 420]. Результативность охоты повышала умелое использование прирученных соколов [рассказ V, с. 394, рассказ XI, с. 420].

Постоянное перемещение огузских кочевых племен на большие расстояния с домашним имуществом требовало наличие гужевых транспортных средств. Лошади были основным транспортом в огузских племенах. Для перемещения домашней утвари и домочадцев кочевники использовали арбу (повозку) [рассказ XI, с. 421] и, конечно же, широкие вьючные возможности корабля пустынь и степей – верблюдов, о чем повествуется во многих рассказах [с. 360, 365, 381, 395–396, 423]. В качестве вьючных животных также использовали мул.

В Книге имеются многочисленные сведения о достаточно высоком уровне развития ремесленной отрасли в древнетюркском государстве. Огузские ремесленники, как указывалось выше, наряду с производством изделий мирного предназначения: одежды, обуви, украшений, домашней утвари, орудий труда, транспортных средств, – занимались также производством военного оружия и приспособлений для ведения боевых действий – копий, стрел, палиц, булатных мечей и сабель, свинцовых пуль, стенобитных орудий и т.д. [рассказ VI, с. 401, рассказ XII, с. 427 и т.д.].

Углубление общественного разделения труда и благоприятное транзитное расположение территорий (Великий Шелковый путь), на которых обитали огузские племена, способствовали развитию товарно-денежных отношений и финансовой системы в их государствах.

Собственную финансовую систему – казну – имели не только ханы централизованного государства, но и удельные правители – беки, ханы. По всей вероятности, право сбора налога с населения имели представители местной феодальной верхушки, и основная часть фискальных поборов оставалось у них – у руководителей племен. Поэтому беки и ханы огузских племен располагали собственной казной, об этом упоминается в рассказах II (с. 366, 371) и III (с. 385).

В качестве всеобщего товара-эквивалента использовались золото и серебро. Наряду с количеством имеющегося скота, наличие золота и серебра в казне правителей определяло уровень их богатства [рассказы II (с. 366–367, 371), III (с. 383, 385), V (с. 395), VI (с. 397), VIII (с. 410), XI (с. 422)]. В товарно-денежном обращении использовались монеты, отлитые из этих драгоценных металлов[рассказ VII, с. 405].

Таким образом, проведенный социально-экономический анализ Книги Коркыт Ата свидетельствует о сложившихся феодальных отношениях в огузском обществе, достаточном уровне разделения труда в

племенах и относительно развитых товарно-денежных отношениях с другими государствами Евразии.

Социально-экономические аспекты жизнедеятельности огузских племен, одних из могущественных в раннем средневековье на Евразийском пространстве, получившие отражение в исторической «Книге моего деда Коркыта», безусловно, нуждаются в дальнейших серьезных историко-экономических исследованиях. Это, на наш взгляд, существенно обогатило бы научную базу по истории экономической мысли и экономической истории и, соответственно, послужило бы хорошим материалом в деле подготовки национальных экономических кадров в тюркоязычных странах мира.

Примечание

* Коркыт – казахская транскрипция, в отличие от русской – Коркут.

Библиографический список

1. Коркут Ата. Энциклопедический сборник на казахском и русском языках. – Алматы, 1999.

УДК 65.014; ББК 65.050.1
Д 752

Дрогобыцкий Иван Николаевич
доктор экономических наук
Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
dinind@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ И ЭНЕРГЕТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В статье дано системное толкование процессам принятия и реализации управленческих решений. Установлено, что для выработки сбалансированного решения необходимо должным образом определить четыре функциональных императива – что делать, как делать, когда делать и кто должен делать, а для его успешной реализации надо обеспечить должное сочетание четырех энергетических императивов – полномочий, воли, принуждения и влияния. Высказаны предложения относительно измеряемости энергетики организационного управления.

Ключевые слова: *организационное управление, управленческие решения, власть, результативность управления, эффективность управления.*

Управление предполагает принятие и реализацию решений. Известно, что не всякое принятое управленческое решение будет реализовано впоследствии. Многие, в том числе хорошо проработанные решения не находят практической реализации. Очевидно, что для практической осуществимости управленческого решения необходимы определенные условия – императивы. Ниже в контексте системной парадигмы управления [13] рассматриваются функциональные и энергетические императивы организационного менеджмента, которые образуют благоприятную среду для принятия и реализации сбалансированных управленческих решений.

Функциональные императивы. Сложность и вариативность организационного менеджмента одни ученые [3; 4; 6; 11; 12; 17; 22] связывают со сложностью и изменчивостью внутренней культурной среды хозяйствующих субъектов, другие [1; 5; 7; 15; 20; 24; 26; 28] – с особенностями человеческой натуры, обуславливающей различные стили выработки и реализации управленческих решений, а третьи [10; 14; 16; 19; 21; 23; 25] – с нарушением системности управленческих процедур. Не претендуя на истину в последней инстанции, в настоящей статье предпринята попытка структуризации организационного менеджмента и уменьшения неопределенности отдельных решений целенаправленного воздействия на управляемую экономическую систему.

Для того чтобы быть реализованным, прежде всего, *решение должно быть хорошо определено*. Хорошо определённым считается такое решение, которое содержит четкие содержательные ответы на четыре обязательных вопроса, каждый из которых ассоциируется с определённой функцией менеджмента – по Адизесу [1]:

– что делать (P);
– как это нужно делать (A);
– когда это надо делать (E);
– кто это будет делать (I).

Здесь вместо коренного вопроса функции E «почему…» используется производный вопрос «когда…», тем самым подчёркивается первичность фактора времени в принятии решения. Получение ответов на перечисленные вопросы эквивалентно выполнению соответствующих функциональных императивов, призванных обеспечить PAEI-результат[1].

Часто при определении управленческого решения люди ошибаются и вместо всех четырёх определяют один-два необходимых функциональных императива. Обычно они решают, *что* делать, и не решают, *кто* это будет делать, *как* и *когда*. В результате может оказаться, что то, как было реализовано принятое решение, не имеет никакого отношения к тому, что было решено, поскольку непосредственный исполнитель неверно истолковал поставленную задачу и, более того, не вовремя приступил к её осуществлению.

© Дрогобыцкий И.Н., 2012

Если вы определяете только один из функциональных императивов PAEI, то человек (или коллектив), которому поручается реализация решения, должен будет найти собственные определения трём остальным императивам. В дальнейшем, следуя этим «доморощенным» определениям, он будет действовать в соответствии со своим собственным стилем. В таких условиях вероятность того, что будет реализовано первоначально принятое решение, очень невелика. Следовательно, для того чтобы обеспечить высокую вероятность реализации принятого решения, необходимо чётко и однозначно сформулировать все четыре функциональных императива – что делать (P), как это делать (A), когда это делать (E) и кто это должен делать (I).

Раз так всё логично, разумно и просто, то возникает вопрос: «Почему менеджеры, принимая решения, не следуют этому естественному требованию?..» Ответ на него более прозаичен, чем сам вопрос: «Потому, что лица, принимающие решения, имеют различные PAEI-коды».

Производитель (Paei) обычно смотрит на *что* и не считает нужным определять *как*. *Когда* для него – это сейчас, а *кто* – любой, кто в момент принятия решения окажется под рукой.

Бюрократа (pAei), как правило, интересует *как*. Он определяет *что*, *когда* и *кто* в зависимости от того, *как это должно быть сделано*.

Предприниматель (paEi) даст вам общую идею и хочет, чтобы она была реализована вчера, то есть в лучшем случае определяет императив *когда*. Если вы спросите, *что должно быть сделано*, то, возможно, из его ответа узнаете, *почему* он хочет, чтобы это было сделано.

Интегратор (paeI) больше думает о том, *кто будет это делать*, чем о том, *что*, *как* и *когда* надо делать.

По этим причинам управленческое решение часто принимается на основании только одного чётко определённого функционального императива. Остальные приходится «додумывать» исполнителю

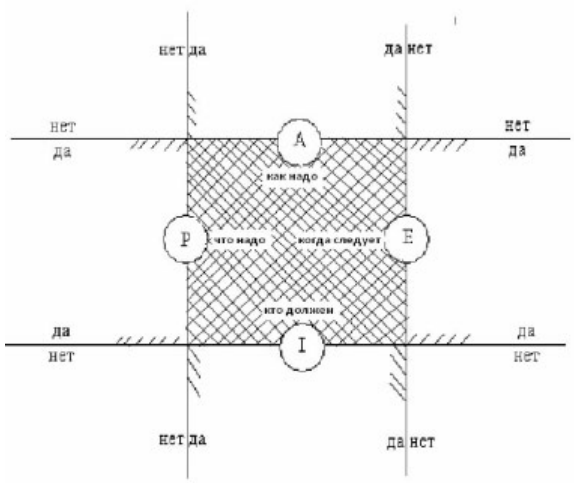


Рис. 1. Квадрат ответственности

позже или вовсе обходиться без них. Выбор ведущего императива зависит от стиля, доминирующего в процессе принятия решения.

Однако даже хорошо определённое решение не гарантирует его успешной реализации. Необходима ещё *сбалансированность* всех четырёх определяющих его *функциональных императивов*. Для выполнения этого условия для каждого функционального императива выделим разрешённые зоны и совместим их так, чтобы получить пространство, в пределах которого будет осуществляться реализация принятого решения (рис. 1).

Внутри квадрата находится то, *что надо* делать, *как можно* это делать, *когда следует* это делать и *кто должен* это делать. Вне квадрата находится то, *что не надо* делать, *как не надо* делать, *когда не следует* это делать и *кто не должен* это делать.

Человек устроен так, что не знает, *что* надо делать до тех пор, пока не узнает, *что не надо* делать. Всякий раз, когда испытывается что-то новое, люди должны усвоить, чего им не следует делать для того, чтобы сделать что-то должным образом. Такая же

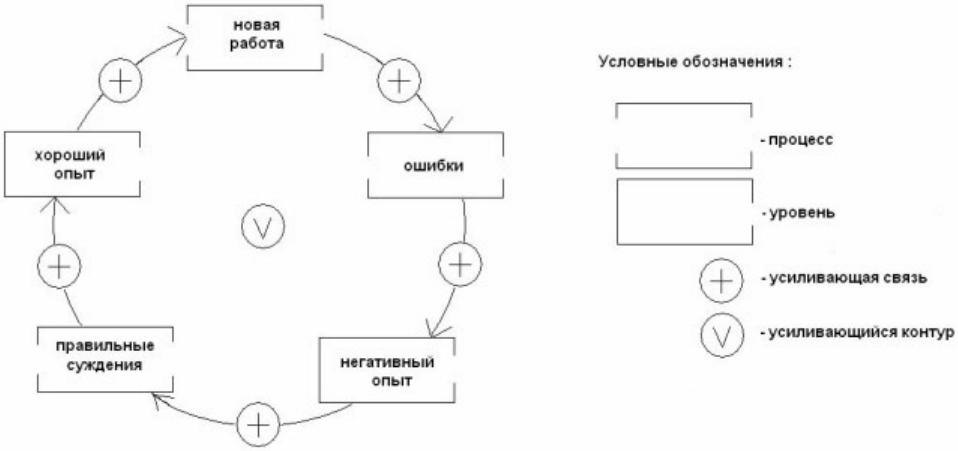


Рис. 2. Контур приобретения положительного опыта

закономерность наблюдается в решении вопросов выбора исполнителя и момента начала реализации принятого решения. Очень часто лицо, принимающее решение (ЛПР), «задним числом» понимает, что выполнение решения надо было поручить не тому человеку (коллективу) и приступить к этому следовало несколько раньше. Такое понимание приходит вместе с опытом.

Хороший опыт обеспечивается хорошими решениями. Хорошие решения основываются на правильных суждениях, а правильные суждения вырабатываются после получения негативного опыта.

Негативный опыт у нас появляется и накапливается каждый раз, когда мы приступаем к новой работе и по ходу её выполнения делаем массу ошибок. Таким образом, цепь причинно-следственных явлений замыкается, мы получаем контур обратной связи «на ошибках учимся» (рис. 2).

Следовательно, лица, принимающие решения, должны анализировать результаты своих предыдущих решений, сопоставлять их с текущим состоянием дел и учиться на полученном опыте. Анализировать результаты надо до тех пор, пока не станет ясно, *что* следует и что не следует делать, *как* можно и как нельзя это делать, *когда* надо и когда не надо это делать и, наконец, *кто* должен и кто не должен это делать. Только после приобретения таких знаний ЛПР сможет принимать вполне определённые, осознанные и сбалансированные решения.

Энергетические императивы. Однако, даже принимая хорошие и сбалансированные решения, ЛПР не может гарантировать их реализацию. Следовательно, рассмотренные выше четыре функциональных императива являются важными, но не единственными факторами, по значению которых можно предсказать вероятность реализации принятого решения. Для осуществимости последнего нужна ещё некая *управленческая энергия*, содержащаяся в *полномочиях, воле, принуждении* и *влиянии* ЛПР, которые назовем энергетическими императивами.

По определению Макса Вебера, *полномочия* представляют собой юридическое право принимать определённые решения. Они не зависят от личностных характеристик ЛПР, круга его знакомых и прошлых заслуг. Полномочия определяются только положением ЛПР в организации. Каждый человек, занимающий в организации определённую должность, имеет официальное право принимать ассоциируемые с этой должностью решения. В этом и состоит весь смысл официальных полномочий.

Тем не менее во многих организациях практикуются урезанные полномочия. Например, в бюрократиях многие руководители могут запрещать (отвергать) решения, способные вызвать организационные изменения, но редко имеют законное право давать им «зелёную улицу». Лишь тот, кто находится на самом верху административной пирамиды, наделён этим правом, то есть обладает полными полномочиями. Это означает, что для того, чтобы в бюрократической организации «продавить» инициативное решение, необходимо подняться по административной лестнице до ЛПР, который наделён полными полномочиями и помимо «нет» может говорить и «да».

Геометрически полномочия любого должностного лица можно изобразить в виде окружности (или другой замкнутой фигуры), которая очерчивает некоторое пространство предметной области управления. Разумеется, что между этими «округлыми» полномочиями и «квадратной» ответственностью по реализации принятого решения должно существовать определённое соотношение. Классическая теория утверждает, что это должно быть взаимно однозначное соответствие, то есть ответственность должна уравновешиваться полномочиями. Однако поскольку круг и квадрат совместить невозможно, то это автоматически означает, что полномочия и ответственность обречены на дисбаланс. В одни периоды времени ЛПР может иметь больше полномочий, чем ответственности, а в другие – больше ответственности, чем полномочий.

В изменчивом мире и ответственность, и полномочия меняются по мере того, как меняются люди и организационная структура. Следовательно, в силу постоянных изменений полномочия и обязанности могут только более-менее (а не абсолютно) соответствовать друг другу. А раз так, то время от времени в организации будут возникать зоны неопределённости. Для противостояния этим явлениям необходимо закладывать перекрывающиеся обязанности и перекрывающиеся полномочия как при первоначальном проектировании организационной структуры, так и при её реструктуризации.

Чем выше темпы изменений, тем выше уровень неопределённости, что влечёт за собой необходимость повышения степени взаимного перекрытия обязанностей. Эти перекрывающиеся обязанности требуют повышения степени взаимного перекрытия полномочий. Чем выше степень перекрытия обязанностей и полномочий, тем лучше должна осуществляться командная работа. В противном случае организации грозит засилие бюрократии.

Воля – это желание (стремление) воздействовать на управляемый объект и/или его окружение с целью устранения проблем, препятствующих функционированию и дальнейшему развитию объекта. Воля имеет духовную (нравственную) природу и может нести как положительный (добро), так и отрицательный (зло) заряд. К сожалению, с первого взгляда очень трудно диагностировать, какой волевой заряд несет в себе тот или иной человек. Это станет известно только после реализации волевого потенциала, то есть после того как его воля проявится в реальных действиях и воплотится в конкретных результатах.

В каждой сфере человеческого бытия воля приобретает специфические черты, которые проецируются в довольно точные словесные формулировки. В политике, например, это политический вес и лоббистский потенциал, в науке – уровень интеллекта и научный потенциал, в искусстве – степень вдохновения и уровень мастерства, в общественной жизни – нравственная мощь и сила убеждения, в религии – сила веры и степень прорицательности, в бизнесе – побудительный мотив и предпринимательский потенциал, и т.д. и т.п. Однако, как бы эта энергетическая субстанция ни называлась, ее сущность сводится к осознанному желанию целенаправленно воздействовать на что-то или кого-то с целью удовлетворения своих амбиций.

В области организационного менеджмента наличие воли ассоциируется с желанием менеджера устранять препятствия с пути функционирования и развития организации и, тем самым, обеспечивать ее результативность и эффективность в текущей момент времени и обозримой перспективе. При этом очень важно, чтобы это осознанное желание подкреплялось профессиональными знаниями, накопленным опытом и управленческим мастерством. Без такой поддержки даже самые благие намерения менеджера могут остаться намерениями, не имеющими шансов быть реализованными.

Принуждение – это право и/или способность менеджера наказывать и/или вознаграждать участников управленческого процесса за их работу или занимаемую позицию. Если какой-либо субъект (человек или организация) может заставить вас что-либо сделать, этот субъект обладает особым видом власти над вами – властью принуждения. Власть принуждения появляется тогда, когда у одного субъекта возникают определенные потребности, которые может удовлетворить другой субъект. При этом не важно, являются ли эти потребности предметом легитимной власти, договорённости между субъектами или «плодом воображения» одной из сторон. Следовательно, лишение ожидаемого вознаграждения равносильно наказанию и «обманутые ожидания» также являются проявлением власти принуждения.

На жизненном пути любого человека, хозяйствующего субъекта, государственного образования или другой системы всегда возникает множество препятствий. Преодоление этих препятствий собственными силами не всегда возможно. Часто для расчистки жизненного пути мы прибегаем к услугам других людей и/или систем. В этой связи каждый, в ком нуждается движущаяся к своей стратегической цели система, обладает принудительной властью над ней, то есть властью, способной принудить систему к определенному поведению. С этой стороны принуждение ассоциируется с возможностью сотрудничать или не сотрудничать с человеком (системой), нуждающимся в помощи. Сила этой принудительной власти зависит от потребности человека (системы) в сторонней помощи и от того, обладает ли сторона, располагающая потенциалом принуждения, монополией на её предоставление.

Быть членом цивилизованного общества – значит жить в условиях высокой взаимной зависимости и всегда полагаться на поддержку других. При этом чем более высокой ступени развития достигло общество, тем более бессильным чувствует себя в нём отдельный человек. Любой, в ком человек нуждается, обладает принудительной властью над ним. Так, возлюбленная обладает принудительной властью над влюблённым, поскольку тот нуждается во взаимности; хороший актёр обладает принудительной властью над режиссёром, так как только он может должным образом сыграть определённую роль в новой постановке; мудрый советник обладает принудительной властью над президентом компании, поскольку до тонкостей владеет ситуацией, располагает уникальными сведениями и может манипулировать ими так, что вынудит президента принять желаемое решение.

В отношении систем наблюдается аналогичная картина. Так, врачи могут принудить администрацию больницы к желательному стилю управления, поскольку только они могут обеспечить выполнение её основной миссии – лечить больных; профессура должна определять стиль руководства в вузе, так как никто, кроме преподавателей, не может обеспечить достижение его предназначения «сеять доброе и вечное», а актёры способны диктовать правила административной игры в театре, опираясь на то, что только они могут удовлетворить зрительский интерес. В свою очередь, и те, и другие, и третьи нуждаются в денежном довольствии (зарплатах, гонорарах, премиях) и профессиональном признании, а следовательно, подвластны своим администрациям.

Принуждение не следует путать с полномочиями. На высших уровнях административной иерархии больше полномочий, чем принуждения. Сосредоточенные там возможности принуждения являются официальными и строго регламентированными. Истинная принудительная сила без официальных полномочий находится в руках тех, в ком наибольшей степени нуждается система при выполнении своего предназначения. Они могут отказаться от сотрудничества, не имея на это полномочий. И если они это сделают, то система не сможет выполнять своих обязанностей.

Многие люди верят в то, что чем выше по лестнице административной иерархии, тем больше принудительной власти. Они отчаянно карабкаются вверх, яростно расталкивая своих соперников. Однако, достигая самой вершины, с ужасом обнаруживают, что истинная принудительная власть осталась внизу. Ею всегда по праву обладают представи-

тели операционного ядра хозяйствующего субъекта [9], выполняющего основную работу (врачи в больнице, профессура в вузе, доярки на ферме, актёры в театре и т.д.). Менеджерам необходимо усвоить один непреложный постулат – чем выше уровень административной иерархии, тем больше уважения необходимо проявлять к тем, кто находится «внизу». Именно от последних зависит, в какой мере должностному лицу удастся осуществить свои планы и удовлетворить лидерские амбиции.

Влияние – это способность заставлять другого человека (субъекта) выполнять желательные действия без использования полномочий и/или принуждения. Как правило, элементы, подвергающиеся целенаправленному влиянию, находятся за пределами управляемой системы и на них не распространяются полномочия и принуждение лиц, принимающих решения. По отношению к управляемой системе они образуют так называемую трансакционную среду, в которой «обитают» представители ближайшего окружения хозяйствующего субъекта – клиенты, поставщики, акционеры, инвесторы, владельцы и государственные чиновники, призванные регулировать данную сферу деятельности. Ныне управление хозяйствующим субъектом все больше сводится к влиянию на его трансакционную среду или лидерству. Поэтому лидерство ещё определяют как способность влиять на тех, кем нет возможности управлять.

Наибольших успехов в использовании влияния достигли служители культа. Объединённые в рамках различных конфессий и сект, они держат под контролем значительные массы людей и реально влияют на развитие мировой цивилизации. Когда люди под давлением авторитета или в результате внушения самостоятельно принимают желательные для нас решения, это означает, что мы оказываем на них влияние. Когда менеджер может по своей воле признать правильность предложенных ему решений, то он также находится под чьим-то влиянием. Большая часть демократически избранных государственных и местных чиновников является логичным результатом влияния на электорат их выборных штабов и рекламных компаний.

Успех или неуспех влияния в значительной степени определяет культура. Она ассоциируется с неписаными законами, лежащими в основе нашей коллективной памяти. Собственно говоря, культурный код следует считать социальным эквивалентом биологической ДНК. Когда хозяйствующий субъект предоставлен сам себе, его внутренние культурные коды действуют как организующие принципы, воспроизводящие существующий порядок без каких-либо отклонений. В этой связи культуру следует рассматривать как неотъемлемую часть организационного управления.

Все составляющие управленческой энергии – полномочия, воля, принуждение и влияние – существуют и используются параллельно. В определённые моменты времени они могут совпадать, частично перекрываться или вообще не иметь ничего общего. В результате управленческий потенциал индивида или команды будет увеличиваться или уменьшаться в зависимости от степени их перекрытия.

Гибридные виды управленческой энергии. В случае совпадения полномочий и воли на пересе-

Таблица 1

Гибридные виды управленческой энергии

Виды управленческой энергии	Полномочия (u_1)	Воля (u_2)	Принуждение (u_3)	Влияние (u_4)
Полномочия (u_1)		Полномочная воля (u_1u_2)	Полномочное принуждение (u_1u_3)	Влиятельные полномочия (u_1u_4)
Воля (u_2)	Полномочная воля (u_2u_1)		Волевое принуждение (u_2u_3)	Волевое влияние (u_2u_4)
Принуждение (u_3)	Полномочное принуждение (u_3u_1)	Волевое принуждение (u_3u_2)		Влиятельное принуждение (u_3u_4)
Влияние (u_4)	Влиятельные полномочия (u_4u_1)	Волевое влияние (u_4u_2)	Влиятельное принуждение (u_4u_3)	

чении образуется *полномочная воля* (см. табл. 1). Это означает, что осознанные желания к улучшению ситуации на объекте управления возникли у человека, наделенного необходимыми должностными полномочиями. У таких желаний есть большие шансы найти практическое воплощение. Полномочия без воли могут ничего не дать, поскольку наделенный ими менеджер не знает, что надо предпринять. Еще хуже воля без полномочий – нередко знающий и способный человек, не имеющий необходимых полномочий, при всем желании не может реализовать свои лидерские амбиции.

Когда полномочия и принуждение частично совпадают, получается *полномочная принудительная власть*. Обладающий такой властью менеджер имеет право наказывать и поощрять – понижать в должности, повышать зарплату, увольнять и т.п. Когда полномочия и принуждение не перекрываются, то мы получаем полномочия без принудительной власти. Наделённый ими человек имеет право отдавать приказания, но ничего не способен поделать с теми, кто их не выполняет. Принуждение без полномочий возникает в ситуациях, в которых человек или хозяйствующий субъект может безнаказанно отказаться от сотрудничества.

Когда влияние совпадает с полномочиями, возникают *влиятельные* (*признаваемые) полномочия*. Эти полномочия обеспечиваются профессиональным статусом. Они возникают тогда, когда человек, кроме того, что обладает полномочиями, а следовательно, имеет право говорить, что нужно делать, способен ещё убедить своих подопечных в разумности своих решений. Если влияние и полномочия не перекрываются, получается влияние без полномочий. Оно имеет место в тех случаях, когда подопечные принимают решения, руководствуясь рекомендациями «агентов влияния», а не полномочных представителей своего органа управления.

Когда пересекаются воля и принуждение, получается *волевое принуждение*. Оно возникает в тех случаях, когда для реализации своей воли менеджер задействует принудительную силу, то есть поощряет солидарных и наказывает несогласных. Безвольное принуждение ассоциируется с неоправданными лидерскими амбициями менеджера – сам не знает, чего хочет, тем не менее во всю пользуется «кнутом и пряником».

Когда частично совпадают воля и влияние, на пересечении образуется *волевое влияние*. Это означает, что менеджер, имеющий собственное осознанное видение пути решения проблемы, является еще признанным авторитетом в данной предметной области и пользуется заслуженным влиянием. Это значительно увеличивает шансы реализации принятого решения. Если воля и влияние не перекрываются, то имеет место феномен воли без влияния. Это означает, что любые решения менеджера по продвижению своих лидерских амбиций не окажут никакого влияния на поведение подопечных.

На пересечении принуждения и влияния возникает *влиятельное принуждение*. Оно появляется тогда, когда менеджер, обладающий принудительной властью, использует еще свое влияние и умение убеждать для реализации принятого решения. Такой ход способен снизить напряженность в организации от принудительно навязанного решения.

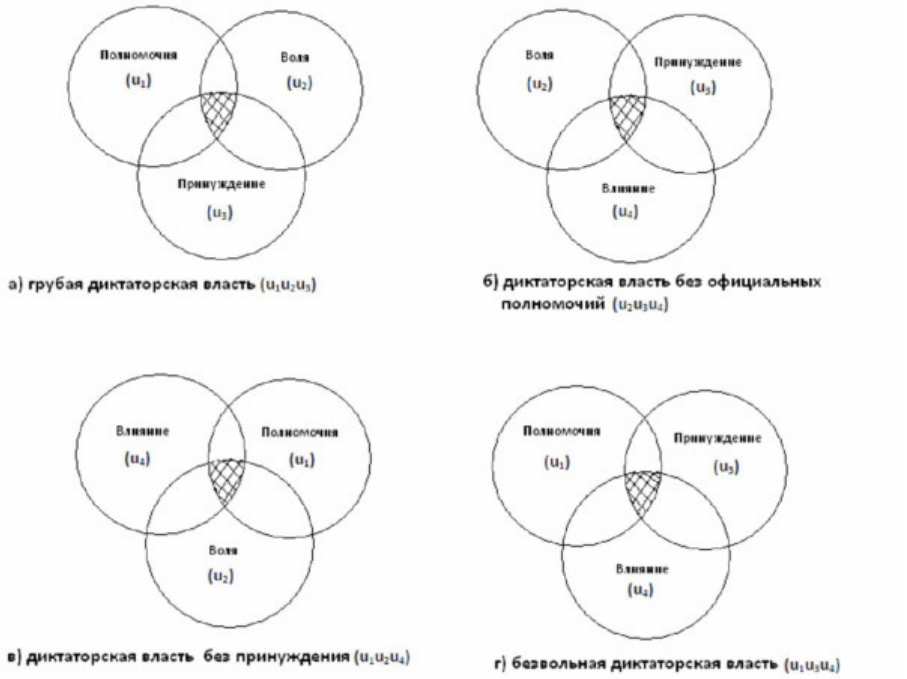


Рис. 3. Варианты организационной диктаторской власти

Однако если влияние и принуждение не пересекаются, то для реализации принятого решения менеджер вынужден уповать на грубое принуждение или воспользоваться косвенной принудительной властью. Последняя возникает в тех случаях, когда менеджер при исполнении своих обязанностей воспринимает влияние как угрозу, как проявление силы и понимает, что ему лучше сделать то, что говорят, чем то, что он считает нужным.

Не трудно догадаться, что помимо рассмотренных попарных пересечений возможны пересечения тройственные, когда совпадают (накладываются) три вида управленческой энергии. Комбинаторика подсказывает нам четыре возможных варианта таких совпадений: «полномочия – воля – принуждение», «воля – принуждение – влияние», «влияние – полномочия – воля» и «полномочия – принуждение – влияние». Коротко остановимся на каждом из них.

Когда частично совпадают полномочия, воля и принуждение (рис. 3а), то наделенный ими менеджер обладает *грубой диктаторской властью*.

Он может принимать и воплощать в жизнь любые управленческие решения. Даже если этот человек не пользуется авторитетом и не имеет признанного влияния на предметную область, любые его решения полномочны, выражают его волю и обязательны к исполнению. Ослушавшихся неминуемо ждет легитимное наказание. Такая безграничная власть может закончиться исключительно с устранением (кончиной) самого диктатора.

Когда частично перекрываются воля, принуждение и влияние (рис. 3б), то обладающий ими менеджер, даже не имея необходимых полномочий, может обеспечить реализацию любого управленческого решения. Другими словами, он обладает *властью без официальных полномочий*, которая ничем не уступает власти диктаторской. Отсутствие полномочий в данном случае менеджер компенсирует заслуженным авторитетом и признанным влиянием в данной предметной области.

Если частично совпадают влияние, полномочия и воля (рис. 3в), то обладающий таким сочетанием менеджер пользуется *диктаторской властью без принуждения*. Он, в принципе, также может обеспечить реализацию любого управленческого решения, однако в случае активного сопротивления должен будет заручиться поддержкой коллег, обладающих принуждением.

Когда частично совпадают полномочия, принуждение и влияние (рис. 3г), получаем *безвольную диктаторскую власть.* В этом случае менеджер имеет полномочия указывать подопечным, что они должны делать, обладает правом наказывать / вознаграждать их по результатам работы и, кроме того, способен оказывать на них влияние для подтверждения разумности своих решений. Однако отсутствие воли делает такую власть бесцельной и бездуховной.

Когда совпадают все четыре энергетические составляющие управления – полномочия, воля, принуждение и влияние, на пересечении получаем *абсолютную власть* (рис. 4). Абсолютной властью обладает только Бог. В былые времена близко к такой власти примыкали абсолютные монархии. В настоящее время абсолютная власть возможна в рамках отдельных, как правило, небольших хозяйствующих субъектов во времена кризисных периодов.

Когда менеджер обладает абсолютной властью, то не существует причин, по которым подопечные не стали бы выполнять его решения. Он имеет законное право решать, *что* делать, *как* делать, *когда* приступать к выполнению задания и *кому* конкретно его поручить. Более того, он имеет все основания приказывать, наказывать и вознаграждать исполнителей, поскольку помимо полномочий, воли и принуждения имеет признанный авторитет в проблемной предметной области и пользуется влиянием. В этом случае ситуация находится под абсолютным контролем и выполнение принятого решения полностью зависит от ЛПР.

Таким образом, наличие и сбалансированность четырех функциональных – что делать, как делать, когда делать, кем делать – и четырех энергетических – полномочия, воля, принуждение, влияние – императивов образуют необходимые и достаточные условия для реализуемости принятого управленческого решения отдельным лицом или комплементарной командой менеджеров. Однако на этапе принятия решения очень сложно, а иногда просто невозможно, определить все перечисленные императивы. Отсутствие или некорректность одного или нескольких императивов могут стать причиной невыполнения принятого управленческого решения. Как следствие, непредсказуемость реализации управленческих решений обуславливает сложность всего процесса организационного управления.

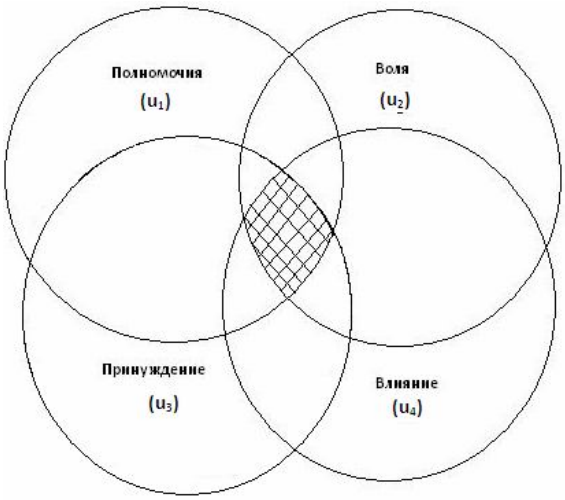


Рис. 4. Абсолютная организационная власть

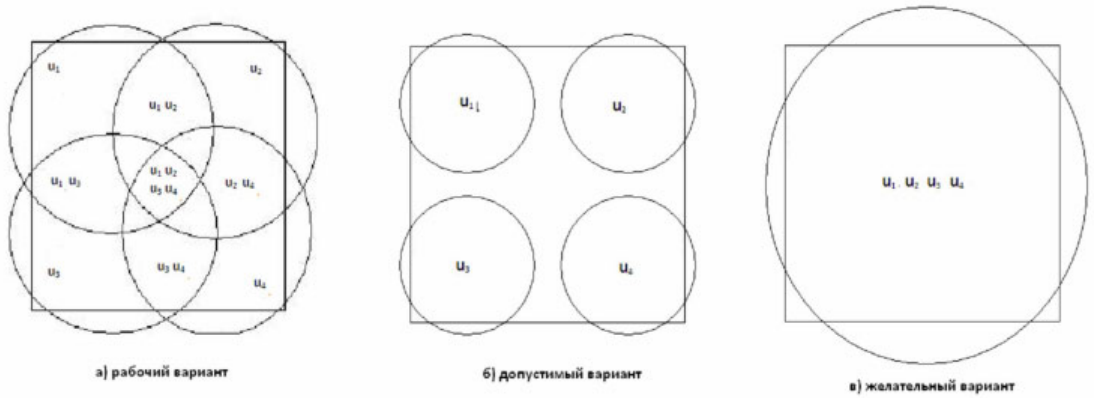


Рис. 5. Энерговооруженность организационного управления

Энерговооруженность организационного управления. С позиции системного аналитика управление любым экономическим объектом представляет собой некое покрытие совокупных обязательств (ответственности) объекта перед внешней средой управленческой энергией сотрудников аппарата управления. Любой менеджер, входящий в состав управленческой команды, имеет полномочия, волю, принуждение и влияние для выполнения одних обязанностей, их различные сочетания – для других, диктаторские возможности – для третьих и абсолютную власть – для четвертых. Накладывая совмещённые полномочия, волю, принуждение и влияние на совокупные обязательства объекта, проанализируем ожидаемую результативность и эффективность организационного управления.

В первом случае (рис. 5а) у менеджеров есть полномочия, воля, принуждение и влияние, а также всевозможные их сочетания для выполнения своих обязанностей. Однако, в силу того что ядро композиции $(u_1u_2u_3u_4)$ этой управленческой команды слишком мало, команда не имеет абсолютного контроля над всеми своими обязательствами. Возникает вопрос: «Может ли такая команда быть результативной и эффективной в текущий момент и обозримой перспективе, то есть принимать и осуществлять решения, обеспечивающие должное функционирование и развитие объекта?..»

Такая команда менеджеров способна выполнить своё предназначение и добиться нужных результатов, однако все время вынуждена «балансировать на грани». Для выполнения одних обязанностей она будет обладать только полномочиями, то есть будет принимать решения и надеяться на то, что они окажутся выполненными. При выполнении других обязанностей, в первую очередь, обязанностей, связанных с текущими решениями вопросов будущего развития организации, команда будет ориентироваться на волю своих креативно мыслящих членов. При выполнении рутинных обязанностей команда может опираться исключительно на принуждение, уповая на помощь извне сейчас взамен на щедрое вознаграждение впоследствии. При выполнении четвертой группы обязанностей члены команды вынуждены будут задействовать всё своё влияние, чтобы убедить окружающих поучаствовать в деле желательным для объекта образом.

Более того, в некоторых областях ответственности команда не имеет ни полномочий, ни воли, ни принуждения, ни влияния. В данном случае, кто-то из членов команды вынужден брать на себя дополнительные полномочия, задействовать свою волю, принуждение и/или влияние. Это означает, что все составляющие энергетики управления должны находиться в непрерывной динамике. Квадрат ответственности и круги полномочий, воли, принуждения и влияния всё время пульсируют и смещаются относительно друг друга, обеспечивая тем самым нужное управление, в нужном месте и в нужное время.

Когда полномочия, воля, принуждение и влияние не совпадают друг с другом, хотя в большей или меньшей степени перекрывают квадрат ответственности (рис. 5б), реализовать принятые решения управленческой команде будет ещё труднее. Причина такого заключения кроется в относительной слабости каждого отдельно взятого вида управленческой энергии. Так, воля без полномочий почти не имеет шансов найти свое воплощение. Известно, что текущие решения, преследующие будущие цели, всегда высоко затратные, очень рискованные и для своей реализации непременно требуют официальных полномочий и принудительной власти. Полномочия без принуждения не имеют большой ценности. Отдавать распоряжения, исключительно полагаясь на волю исполнителя, всегда чревато риском невыполнения. Принуждение без полномочий очень опасно. Оно возможно в краткосрочном периоде, но рано или поздно уничтожает само себя по причине нелигитимности. Влияние без полномочий и принудительной власти будет работать, но потребует значительных усилий и много времени. Менеджеры, располагающие только влиянием, всё время озабочены тем, как провести свои решения в жизнь.

Когда четыре круга, соответствующие полномочиям, воле, принуждению и влиянию, целиком со-

впадают (рис. 5в), получается абсолютная власть, что ассоциируется с абсолютными управленческими возможностями. Если при этом наложенные друг на друга окружности ещё почти полностью перекрывают квадрат ответственности, то это означает, что управленческая команда обладает всеми возможностями для выполнения любого задания. Такая команда наиболее эффективна и наименее уязвима. Она способна уверенно вести управляемый объект к намеченной цели, опираясь на имеющиеся полномочия, волю, принуждение и влияние, которые подкрепляют друг друга. Однако в этих условиях из всех четырех видов энергетического воздействия на управляемый объект в наибольшей мере будет эксплуатироваться принуждение, поскольку оно способно обеспечить мгновенные результаты. Но со временем принудительная власть уподобляется наркотику и требуется всё в больших и больших количествах. Вот почему говорят, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Принудительная власть развращает потому, что эффективна и проста в использовании. Когда человек обладает принудительной властью, то с большой вероятностью у него возникнет желание пользоваться ею «направо и налево». Если он поступает таким образом, то подрывает своё влияние, притупляет волю и сужает полномочия. Чем больше человек употребляет принуждение, тем ниже его результативность. В конечном итоге, он лишается власти, потому что исчерпываются его возможности наказывать и поощрять. В описанном сюжете утешает только то, что такая ситуация встречается редко, но ещё реже имеет стабильный характер.

Таким образом, рассмотренные варианты сочетания энергетических составляющих управления – полномочий, воли, принуждения и влияния – результативны и с большей или меньшей эффективностью позволяют покрыть обязательства объекта перед внешним окружением. До тех пор пока управленческая команда обладает полномочиями и/или волей и/или принуждением и/или влиянием, в совокупности перекрывающими обязанности, она может обеспечивать выполнение необходимых управленческих функций.

Не сложно догадаться, что по эффективности, то есть по соотношению «затраты/результат» наименее привлекательным является вариант «б», а наиболее предпочтительным – вариант «в». Управленческая эффективность является функцией от масштабов ответственности и суммарного объёма управленческой энергии, имеющейся в распоряжении управленческой команды, то есть

$$E = F\,(C, f(u_1u_2u_3u_4)),$$

где E – эффективность организационного управления; F – функционал; C – обязательства организации перед внешним окружением (от англ. commitment); $f(u_1u_2u_3u_4)$ – функция от полномочий, воли, принуждения и влияния и всевозможных из комбинаций.

В самом простом случае эффективность организационного управления можно определить как отношение суммарной управленческой энергии, имеющейся в распоряжении комплементарной команды, к объединенным обязательствам организации перед внешней средой, то есть

$$E = \frac{\begin{array}{l} f(p_1)+f(p_2)+f(p_3)+f(p_4)+f(p_1p_2)+ \\ +f(p_1p_3)+f(p_1p_4)+f(p_2p_3)+f(p_2p_4)+ \\ +f(p_3p_4)+f(p_1p_2p_3)+f(p_1p_2p_4)+ \\ +f(p_1p_3p_4)+f(p_2p_3p_4)+f(p_1p_2p_3p_4) \end{array}}{C}$$

Остается найти единицу для измерения энергии организационного управления и установить правила вычисления ее количественных значений для отдельных видов и их всевозможных комбинаций.

Инженерия организационного управления. Практикующие менеджеры всегда сетуют на нехватку то одного, то другого, то третьего для качественного выполнения своих должностных обязанностей. Им невдомёк, что так было, есть и будет всегда. Пора прекратить мечтать о том, чтобы стать диктатором или абсолютным властителем, а научиться повышать эффективность своего управленческого труда в нормальных условиях, в которых нет в полном объёме необходимых полномочий, воли, принуждения и влияния. Однако для этого необходимо научиться правильно ориентироваться в проблематике занимаемой должностной позиции и эффективно использовать имеющиеся управленческие ресурсы.

Обычно проблема приходит к менеджеру вместе с почтой, телефонным звонком или посетителем. В первую очередь её сразу необходимо сопоставить с должностными обязанностями. Если она не попадает в квадрат его должностных обязанностей (рис. 6а), то он должен отказаться от выполнения и переадресовать её другому должностному лицу. Это не означает, что менеджер игнорирует проблему, он осуществляет её «навигацию» и несёт за это ответственность.

Если текущая проблема попадает в центр квадрата ответственности, то есть в область *«$u_1u_2u_3u_4$»* (рис. 6б), то у менеджера есть все необходимые составляющие – полномочия, воля, принуждение и влияние – для того, чтобы самостоятельно принять решение и обеспечить его выполнение. Никаких совещаний для этого собирать не нужно, разве только для того, чтобы сообщить коллегам своё решение.

Если текущая проблема попадает в круг полномочий должностного лица (рис. 6в), то это означает, что проблему надлежит решать ему, однако для её решения он имеет только необходимые полномочия, не обладая ни волей, ни принуждением, ни вли-

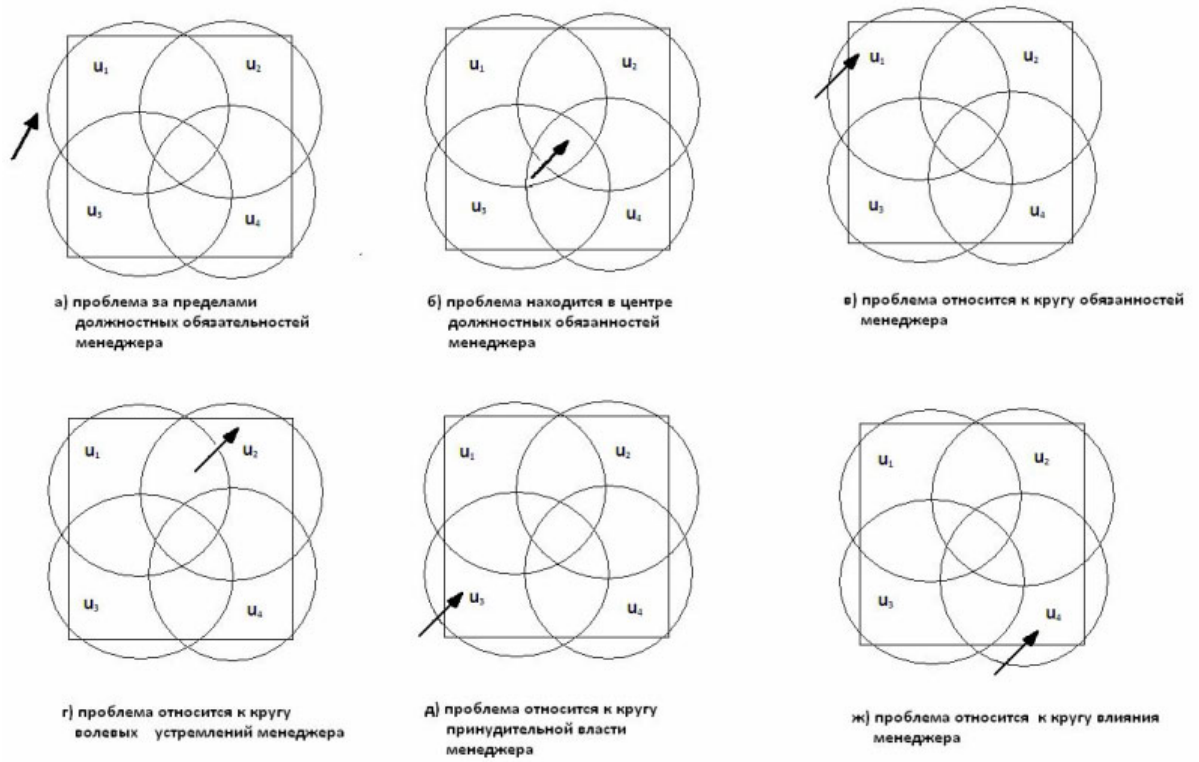


Рис. 6. Варианты позиционирования текущей проблемы

янием. Приступая к её решению, менеджер должен созвать собрание, чтобы соединить имеющиеся полномочия с волей, принудительной властью и влиянием других членов команды. Следовательно, на это мероприятие обязательно необходимо пригласить людей, обладающих возможностью саботировать решения менеджера, людей, обладающих авторитетным мнением в той области, к которой относится проблема, и/или умеющих убеждать.

При этом не следует обольщаться и полагать, что на собрание придут все приглашенные. Но даже если они придут, то не обязательно станут сотрудничать с пригласившим их менеджером. Причин и того, и другого может быть множество – от банального неуважения инициатора собрания до прямого запрета вышестоящего начальства присутствовать на нём. Ведь многие решения могут пойти на пользу организации, но не обязательно будут в интересах тех людей, которым предстоит заниматься их исполнением.

Каждая составляющая управленческой энергии – полномочия, воля, принуждение и влияние – отражает разные интересы вовлечённых в управленческий процесс людей. Полномочия обычно отражают интересы менеджмента. Менеджеры обладают полномочиями, которые делегировал им совет директоров, предварительно получив их от акционеров. Принуждение отражает интересы работников или операционных сотрудников хозяйствующего субъекта. Посредством влияния реализуются интересы технократов, вспомогательного персонала и профессионалов высокой квалификации [18].

Следует заметить, что все категории участников управленческого процесса имеют различные горизонты видения проблем и различные ареалы распространения своих интересов. Поскольку, как правило, часть вознаграждения менеджеров составляют опционы на акции и бонусы, то они хотят, чтобы организация была успешной (результативной и эффективной) в долгосрочной перспективе, а посему стремятся обеспечить рост компании и добиться максимальной отдачи от инвестиций. Интересы операционных работников, напротив, имеют краткосрочный характер. Они концентрируются вокруг заработной платы, льгот и текущих поощрений. И это вполне объяснимо. Наёмные работники не знают, задержатся ли они в организации так долго, чтобы дождаться выгод от реализации долгосрочных планов, в разработке которых они не участвовали и часто не ведают, что там даже записано. Аналогично ведут себя технократы и вспомогательный персонал. Профессионалы высокой квалификации могут иметь краткосрочные и долгосрочные интересы. Научные работники, например, в краткосрочном плане заинтересованы в максимизации бюджетов научных исследований, а в долгосрочном плане могут работать над реализацией «голубой мечты» всей своей жизни.

Таким образом, в случае попадания проблемы в область полномочий менеджеру предстоит решить дополнительную задачу – склонить коллег, обладающих волей, принудительной властью и влиянием, к сотрудничеству с ним. Для этого он должен со-

здать приемлемые для каждой привлекаемой стороны условия и только затем совместными усилиями решить возникшую проблему. В данной ситуации очень важно не превысить свой «управленческий кредит», напоминая призываемым к сотрудничеству коллегам об очевидном факте наличия должностных полномочий. Это ни к чему хорошему не приведёт, а только подчеркнёт то, что все источники управленческой энергии менеджера уже исчерпаны.

Если текущая проблема попадает в круг волевых устремлений менеджера (рис. 6г), то его задача несколько усложняется по сравнению с предыдущим вариантом. Для решения проблемы перво-наперво менеджеру придется уговорить своего коллегу, обладающего полномочиями, созвать собрание, чтобы соединить свою волю с полномочиями, принуждением и влиянием, носителями которых являются другие члены команды. Далее все, как в предыдущем случае, только с учетом того момента, что свою волю менеджер может навязать только через полномочия коллеги.

Если текущая проблема попадает в круг принуждения (рис. 6д), то это означает, что для её разрешения у менеджера наличествует только принудительная власть – право наказывать и поощрять. Известно, что принуждение как управленческий ресурс очень эффективно в краткосрочном периоде. Когда менеджер обладает значительным потенциалом для наказаний и поощрений привлекаемых к сотрудничеству людей, то в краткосрочном периоде он, в принципе, может решить любую задачу. Действуя по принципу «если не кнутом, то пряником», он может склонить к сотрудничеству любого специалиста, должностное или заинтересованное лицо. Однако в долгосрочной перспективе такое поведение приведёт к сужению областей полномочий и влияния и утрате власти (по мере исчерпания принудительного потенциала). Поэтому для обеспечения результативности и эффективности управления в долгосрочной перспективе при решении текущих проблем, попадающих в круг принудительных возможностей менеджера, принимаемые решения нужно подкреплять полномочиями, волей и влиянием других членов команды.

Когда текущая проблема попадает в круг влияния в рамках квадрата ответственности (рис. 6ж), то её решение – самая большая проблема для менеджера из рассматриваемых здесь случаев. Менеджер как бы находится «между молотом и наковальней». Те, кто находится выше, обладают полномочиями, те, кто находится ниже, имеют возможности реального принуждения, а он располагается посередине, обладая только влиянием. Многие в такой ситуации «посылают все к черту» и отказываются решать проблему, сокращая тем самым область своей ответственности. По этой причине во многих организациях есть обязанности, за которые никто не отвечает.

Однако если менеджер все же возьмется за решение проблемы, то, в первую очередь, он должен убедить коллег, обладающих полномочиями, созвать собрание, на которое пригласить людей, обладающих волей и принудительной властью. В результате все стороны, задействованные в решении проблемы, будут обладать необходимым набором энергетических составляющих организационного управления. Главное в этом деле – провести филигранную работу со всеми привлекаемыми сторонами, разговаривая с каждой на ее языке и учитывая ее интересы. Информацию об искусстве ведения переговоров, с учетом PAEI-кода своего собеседника, можно почерпнуть из [8].

Таким образом, если команда обладает всей необходимой организационной властью, то ее лидер должен знать, как принимать правильные решения, как обеспечить их сбалансированность, как их исполнять, кому следует поручить исполнение и когда к нему приступать. Для обеспечения практической реализуемости принимаемых решений лидер должен заботиться об их надлежащей энерговооруженности полномочиями, волей, принуждением и влиянием. Однако поскольку перечисленные энергетические составляющие организационного управления рассредоточены по различным членам комплементарной команды, то лидеру приходится проявлять истинные лидерские качества для концентрирования управленческой энергии в нужном количестве, в нужном месте и в нужное время.

Если лидер обладает только полномочиями, то ему следует быть интегратором. Он должен создавать взаимовыгодные условия для сотрудничества, в которых каждый будет чувствовать свою причастность к решению проблемы и связь с остальными участниками процесса. Если лидер имеет только осознанное желание (волю) решить проблему, то он должен быть искусным дипломатом, поскольку ему необходимо убедить уполномоченных лиц приступить к решению текущей проблемы и задействовать для этого их управленческий ресурс. Когда для исполнения возложенных обязанностей лидер располагает только принуждением, то ему следует быть рационалистом. Он должен очень дозированно использовать имеющуюся принудительную власть для реализации принимаемых решений, всё время подкрепляя её полномочиями, волей и влиянием призываемых к сотрудничеству коллег. Если у лидера есть только влияние, то он должен быть психологом и уметь осуществлять коммуникации с окружающими на том языке, который им понятен, и непременно учитывать их текущие потребности, чтобы склонить к сотрудничеству для реализации управленческого решения.

Эффективность реализации управленческих решений зависит от того, какая степень сотрудничества будет достигнута с теми людьми, которые необ-

ходимы лидеру для выполнения возложенных на него обязанностей. В этой связи лидер должен быть одновременно организатором, политиком, рационалистом и психологом. Приступая к решению очередного управленческого решения, он должен устанавливать (пока только на интуитивном уровне), какое количество каждого вида управленческой энергии ему необходимо привлечь, чтобы успешно справиться с текущей проблемой. Надеюсь, что уже в ближайшем будущем для поддержки управленческой интуиции будут созданы измерительные инструменты.

Примечание

[1] PAEI – четырёхразрядный код, отражающий управленческий стиль менеджера. Если менеджер великолепно справляется с выполнением функции, то в соответствующей позиции кода прописывается заглавная буква, обозначающая данную функцию, если менеджер посредственно справляется с выполнением функции – прописывается строчная буква, если менеджер не может обеспечить выполнение функции – ставится прочерк. Например, код p-Ei означает, что его носитель может отлично обеспечить выполнение предпринимательской функции (E), удовлетворительно – исполнительской (P) и координационной (I) функций и вообще не в состоянии выполнять административную функцию (A).

Библиографический список

1. *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации. – СПб.: Питер, 2007. – 384 с.

2. *Адизес И.* Управление изменениями: как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни. – СПб.: Питер, 2008. – 224 с.

3. *Белоусенко М.В.* Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики. – Донецк: ДонНТУ, 2006. – 404 с.

4. *Благов Ю.Е.* Корпорация как моральный агент // Российский журнал менеджмента. – 2006. – № 4. – С. 93–98.

5. *Бояцис Р., Макки Э.* Резонансное лидерство: самосовершенствование и построение плодотворных взаимоотношений с людьми на основе активного сознания, оптимизма и эмпатии. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 300 с.

6. *Годпастер К.Е., Холлоран Т.Е.* Анатомия духовного и социального сознания корпорации // Российский журнал менеджмента. – 2006. – №4. – С. 99–118.

7. *Гоулман Д.* Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2003. – С. 266–269.

8. *Дрогобыцкий А.И.* Корпоративное управление в знаниевой экономике. – М.: Экономика, 2008. – 128 с.

9. *Дрогобыцкая К.С.* Организационный дизайн в информационном обществе – М.: Экономика, 2009. – 214 с.

10. *Друкер П.* Энциклопедия менеджмента. – М.: Вильямс, 2006. – 432 с.

11. *Иншаков О.* Экономическая генетика и наноэкономика. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 94 с.

12. *Катькало В.С.* Эволюция теории стратегического управления. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 548 с.

13. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. – 2008. – № 6 (3). – С. 27–50.

14. *Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. – М.: Дело, 2008. – 568 с.

15. *Кричевский Р.* Психология лидерства. – М.: Статус, 2007. – 542 с.

16. *Маевский В.* Экономические измерения и фундаментальная теория // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С. 25–39.

17. *Мильнер Б.З.* Теория организации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 567 с.

18. *Минцберг Г.* Структура в кулаке: создание эффективной организации. – СПб.: Питер, 2001. – 512 с.

19. *О'Коннор Дж., Макдермотт И.* Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с.

20. *Пайн Б., Гилмор Дж.* Экономика впечатлений. – М.: Вильямс, 2005. – 304 с.

21. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66.

22. *Попов Е.В.* Эволюция инструментов миниэкономики. – М.: Наука, 2007. – 550 с.

23. *Сенге П.* Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. – М.: Олимп-Бизнес, 2003. – 408 с.

24. *Филонович С.Р.* Лидерство как интегральная проблема науки о поведении // Российский журнал менеджмента. – 2007. – № 5 (4). – С. 91–100.

25. *Харрингтон Дж.* Совершенство управления изменениями. – М.: Стандарты и качество, 2008. – 192 с.

26. *Шайн Э.* Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2007. – 264 с.

27. *Янг С.* Системное управление организацией. – М.: Советское радио, 1972. – 456 с.

28. *Янчевский В.Г., Седегов Р.С.* Теория системного менеджмента. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.

УДК 330

Князев Ю.К.
доктор экономических наук
Институт экономики РАН (г. Москва)
Кондрат И.Н.
кандидат экономических наук, доктор юридических наук
Московский государственный институт международных отношений
Коваленко О.С.
кандидат экономических наук
Тишина В.Н.
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Разразившийся в конце первого десятилетия текущего века глобальный финансово-экономический кризис выявил не только обострившиеся проблемы хозяйственного развития, прежде всего в функционировании системы финансов, но и недостатки господствующей экономической теории. Именно она, по мнению многих аналитиков, вовремя не сигнализировала о надвигавшейся катастрофе и даже сама в какой-то мере способствовала ее наступлению.

Ключевые слова: *экономическая теория, высшая школа, модернизация социально-экономической системы страны.*

Речь идет, главным образом, о претензиях к эконометрическому моделированию, которое заняло в экономической науке настолько важное место, что в западных специализированных журналах перестали принимать к публикации статьи, не использующие математический аппарат. Впрочем, и сами сторонники широкого применения математики в экономических исследованиях самокритично относятся к выявившимся недостаткам и просчетам в собственных моделях. Так, в обширном аналитическом материале «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки», подготовленном группой известных экономистов и математиков, выражается неудовлетворенность состоянием исследовательской мысли. «Фактически, – пишут они, – в современной теоретической макроэкономике и финансовой литературе понятие “системный кризис” выступает неким потусторонним явлением, отсутствующим в экономических моделях. В большинстве из них намеренно не указывается, как именно относиться к этому повторяющемуся явлению, как справляться с ним. В час самой острой необходимости обществу предстоит блуждать впотьмах без какой бы то ни было теоретической основы. И это мы считаем системной неудачей современной экономической теории»[1].

Заметим, что скорое наступление кризиса предсказывалось отдельными аналитиками, но их предупреждения не вытекали из конкретных научных исследований, а оставались, скорее, интуитивными догадками. Правда, некоторые ученые специально исследовали проблему экономической нестабильности, но результаты их теоретических разработок не учитывались доминирующей наукой, которая занималась в основном моделями устойчивых состояний, нарушавшихся лишь внешними шоками. Регулярно повторяющиеся в любой экономике бумы и спады не находили в этих моделях должного объяснения в качестве явлений внутрисистемного развития.

В лучшем случае они, как и сопутствующие им временные финансовые кризисы, инфляция, безработица и другие проблемы, находили свое специфическое место в экономической теории, которая, однако, не анализировала в комплексе факторы, способные привести к острому всеохватывающему кризису, и не вырабатывала рекомендаций по его предотвращению. Исследования о причинах возникающей нестабильности, о чрезмерных инвестициях, приводящих к последующим резким спадам, расценивались как некое экзотическое отступление от основного научного направления и потому не принимались во внимание. Когда же случился кризис, пришлось действовать вопреки научным рекомендациям и принимать неотложные антикризисные меры, руководствуясь не теорией, а здравым смыслом.

С наступлением кризиса усилилась критика многих сторон общепризнанной экономической теории, но главный удар был нанесен по эконометрическому моделированию, обнаружившему несостоятельность в экстремальных условиях. Случилось так, что рекомендованные научным мейнстримом стереотипы поведения участников финансовых рынков, прежде всего кредиторов и их клиентов, в условиях экономического бума лишь подливали масло в огонь надвигавшегося кризиса и не предполагали наступления неизбежных катастрофических последствий однонаправленных действий огромных масс людей. Статичные математические модели строятся, как правило, абстрагируясь от влияния многих факторов, изменение которых нельзя предсказать, и эти модели могут быть действенными только в условиях стабильности. Они, однако, не в состоянии отражать моделируемые процессы в их динамике и поэтому не годятся для прогнозирования будущего.

© Князев Ю.К., Кондрат И.Н., Коваленко О.С., Тишина В.Н., 2012

Авторы процитированного исследования не ограничились критикой стандартных эконометрических моделей, а изложили свои представления о возможном совершенствовании математического аппарата, что позволило бы создавать более динамичные модели, учитывающие гораздо больше переменных величин и предугадывающие поведение как отдельных рыночных субъектов, так и их массовых групп. Между тем трудно представить, чтобы только математическими средствами, отличающимися высокой степенью формализации исключительно количественных параметров, можно отобразить всю полноту и сложность происходящих в экономике процессов и предугадать воздействие на них множества факторов, большинство из которых носят психологический, интуитивный, социальный, политический и иной изменчивый и неуловимый характер. *Главная же слабость экономической теории состоит, на наш взгляд, в игнорировании произошедших за истекший век существенных изменений в функционировании рыночной экономики, которая в цивилизованных странах превратилась из чрезмерно либеральной в социально-регулируемую. Этот очевидный факт должен найти свое подобающее отражение в теории, иначе она перестанет соответствовать реальной действительности.*

О неадекватности экономической науки современным реалиям многие ученые предупреждали задолго до кризиса. Так, М. Блауг утверждал, что экономическая теория больна. Основные причины этого он усматривал в некорректных методологических установках микро- и макроэкономических исследований, вследствие чего появлялись несовершенные математические модели и нежизнеспособные практические рекомендации[2].

Многие зарубежные и российские исследователи отмечали, что современному мировоззрению присуще понимание сложности и неравновесности мира, нелинейности протекающих в экономике процессов, несводимости макроэкономики лишь к обобщению того, что происходит на микроуровне, осознание важности социальных аспектов в экономическом развитии, что в целом неизбежно обусловливает принципиально новые теоретические подходы. Однако реальные изменения в теории происходят, как правило, под влиянием каких-то экстремальных ситуаций или в поворотные моменты развития общества. Связь между кризисами в сфере экономики и кризисами экономической теории убедительно показал, например, А. Худокормов, проследивший переломы в эволюции теоретических знаний[3]. *Вполне закономерно, что нынешний глобальный кризис также послужил мощным толчком для усиления критики современного состояния экономической теории и формулирования многочисленных предложений об изменении ее некоторых постулатов.*

Существуют разные мнения о главных направлениях назревшего обновления экономической теории. Процитированное исследование содержит, например, следующий вывод: «Мы полагаем, что неспособность академических экономистов предвидеть актуальные проблемы международной финансовой системы и неадекватность стандартных моделей макроэкономики и финансов пониманию происходящих событий может стать веским аргументом в пользу принципиального изменения направлений исследования и пересмотра основных теоретических принципов современной экономической науки»[4].

За более глубокие изменения высказывается директор Института экономики РАН Р. Гринберг. Поддерживая необходимость нового подхода к исследованию фундаментальных проблем методологии и теории политической экономии, он пишет: «Нам надо сделать шаг вперед от работы исключительно в рамках парадигмы, ориентированной на исследование оптимального использования рационально-эгоистическим человеком ограниченных ресурсов, к новой экономической теории. В этой теории, включающей и определенные достижения марксизма, следовало бы уделить больше внимания анализу социально-экономических процессов, реальных противоречий интересов различных общественных сил, исторических достижений и пределов конкретных экономических систем, учету социальных, гуманитарных, политических факторов экономического развития, их национальной специфики»[5].

Соглашаясь с неотложностью обновления экономической теории, в том числе и в обозначенных направлениях, считаем важным конкретизировать некоторые общие пожелания и изложить собственные соображения о возможном изменении методологии научных исследований с учетом того, что *в реальности мы имеем дело не с классическим либеральным капитализмом, а с современной социально-регулируемой рыночной экономикой. Значит, исходной основой анализа должен стать человек, понимаемый не только как сугубо эгоистичная одиночка, но и как социально ответственная личность.* Именно такой подход позволяет объяснить усиление социальных аспектов жизнедеятельности общества и повышение регулирующей роли государства, исторически ставшего защитником общественных интересов. Данная статья посвящена сочетанию индивидуалистических и коллективистских начал в человеческой личности и проявлению этого дуализма в современном обществе.

Методологический принцип индивидуализма положен в основу классической и неоклассической теории, а также подавляющего большинства альтернативных школ экономической науки. Считается, что в хозяйственной деятельности человек руководствуется исключительно собственными эгоистически-

ми интересами и что его поведение в этом смысле рационально. Предпосылка о рациональности человеческого поведения, несмотря на ее очевидное несовершенство (ибо многие индивиды не только рациональны, но и очень эмоциональны в принятии решений), оказалась весьма плодотворной в экономическом анализе. Связано это с тем, что именно рациональность людей как разумных существ позволяет логически объяснить мотивы их поведения в повседневной жизни и особенно в их хозяйственной деятельности в условиях рыночной конкуренции, где господствует принцип извлечения выгоды только для себя самого. Поэтому рационализм и индивидуализм изначально рассматривались в экономической теории как взаимосвязанные и взаимодополняющие принципы.

Вместе с тем это господствующее допущение систематически оспаривалось, причем под сомнение ставились оба упомянутых принципа. Чаще всего критике подвергался якобы бесспорный рационализм экономического поведения людей на том основании, что в реальности множились примеры человеческих поступков, не объяснимых рациональной логикой, что затрудняло анализ и прогнозирование рыночных процессов. Объясняя причины длительного и непререкаемого господства рационалистического подхода в экономической науке, лауреат Нобелевской премии Р. Майерсон заметил, что по своей общепринятости никакое другое аксиоматическое допущение не может сравниться с рационализмом только потому, что «теории о непоследовательности и глупости человека еще не разработаны»[6].

Именно одностороннее идеализированное восприятие человека служит предпосылкой для рациональной максимизации, когда любые экономические сделки считаются результатом рационального принятия решений индивидами. Этот принцип положен в основу теории игр применительно к экономике, а затем распространен под влиянием теории некооперативных игр Нэша на исследование более общих социальных ситуаций, где якобы также господствует рациональное конкурентное поведение. На самом же деле экономические субъекты руководствуются часто не только разумом, но и интуицией и другими эмоциональными рефлексами, которые необходимо принимать во внимание при качественном научном анализе и количественном моделировании. В ходе последнего кризиса обнаружились такие стереотипы поведения – как индивидов, так и многочисленных масс людей, – которые никак нельзя объяснить с позиций рационализма, если только под ним не подразумевается массовый гипноз и паника, руководствуясь которыми игроки на финансовых рынках способствовали их обрушению и собственному разорению.

Об изначальной уязвимости посыла о рациональном индивидуализме говорили многие авторы, но гораздо меньшее их число ставило под сомнение сам этот принцип на том основании, что он не отражает двойственную природу человека, в котором сочетаются два начала – индивидуалистическое и коллективистское. Если поведение людей при заключении сделок на рынке и можно объяснить исключительно их индивидуальным рациональным выбором, то всю полноту взаимоотношений между хозяйствующими субъектами в масштабе экономики, и в особенности их взаимодействие с государственными органами и гражданским обществом (меценатство, благотворительность, социальная роль бизнеса), невозможно понять без учета коллективистских, общественных наклонностей как отдельных индивидов, так и их многочисленных объединений.

Почему в человеке утверждается коллективистское начало наряду с его бесспорным индивидуализмом? Дело в том, что человек не в состоянии жить отдельно от общества и быть полностью независимым от него не только из-за необходимости естественного выживания, которая даже животных сгоняет в стаи, но и вследствие самой его человеческой сущности, формирующейся и развивающейся только в процессе общения друг с другом и выражающейся в единстве трех основополагающих личностных характеристик человека – разума, чувств и воли. Ни одна из этих составляющих личности не может возникнуть и утвердиться без постоянного общения и взаимодействия с другими людьми, без жизни в коллективе, будь то семья, узкий круг родственников и знакомых, какой-то другой социум или общество в целом. Человеческая личность в отличие от животного не может длительно существовать вне общества без угрозы ее деградации.

Следовательно, в любом человеке сосуществуют два противоречивых начала, проистекающие из двух его сутей – как биологического животного и как сформированной в совместной жизни с другими людьми личности. В нем присутствуют инстинктивное и разумное, бессознательное и осознанное, индивидуалистическое и коллективистское начала. Многовековая история человечества свидетельствует о том, что на всем ее протяжении в человеке сосуществуют и постоянно борются две его неразрывные составляющие – индивидуализм и коллективизм.

Личный, индивидуальный интерес человека как общественного животного выражается в его стремлении к получению для себя максимума пользы и к недопущению грозящего ему вреда. Полезно для нормального человека все то, что содействует его продолжительной и высококачественной жизни, а вредно то, что этому мешает. Экономически индивидуальный интерес человека состоит в обеспечении им самим необходимых условий для жизни с помощью собственной трудовой деятельности, ко-

торая в то же время представляет собою часть общественного разделения и кооперации труда.

Кроме чисто индивидуальных, у человека возникают общественные интересы, выражающиеся в стремлении извлекать пользу от пребывания в том или ином социуме и одновременно защищаться от нанесения вреда со стороны этого социума или отдельных его членов.

Единство и борьба противоположных в природе человека начал находят продолжение и в развитии всего общества. Во взаимодействии между ним и личностью индивидуалистическое и коллективистское начала сочетаются определенным образом не только в каждой отдельной личности, но и в обществе, что накладывает отпечаток, а часто и определяет историческую форму самого общества на разных этапах его развития.

Капитализм в эпоху расцвета индустриального общества утвердил индивидуальный эгоизм в качестве непререкаемой ценности как для господствующего класса, так и для наемных работников, что привело к возникновению всеобщей безжалостной конкуренции. Но коллективистские начала продолжали существовать и при либеральном капитализме, прежде всего в каждой нормальной семье, которую индивидуализм и рыночные отношения не смогли разрушить. Взаимоотношения там строятся на основе общей семейной собственности и безвозмездного пользования совместными жизненными благами, на принципах взаимопомощи и взаимовыручки. И эта удивительная атмосфера коллективизма, царящая в семьях, не может не сказываться на моральном облике каждого человека, на его отношениях с другими людьми в более крупных сообществах и в обществе в целом.

Индивидуализм как движущая сила капитализма с его лозунгом «Каждый за себя, один Бог за всех» тем не менее вынужден уступать позиции под давлением того непреложного факта, что человек все-таки живет не сам по себе, а в обществе себе подобных, в котором неизбежно утверждается и другой лозунг «Живи сам и давай жить другим», служащий ограничителем индивидуализма и личной свободы. Человек, следовательно, вынужден самоограничиваться в своих стремлениях, чтобы не навредить другим людям и дать возможность каждому самореализоваться. Поэтому все люди следуют определенным правилам общежития, выработанным человечеством за всю его историю и сформулированным примерно одинаково разными религиями и философскими учениями в качестве всеобщих моральных ценностей. Тот же, кто их нарушает, подпадает под действие санкций, установленных государством в законах и других правовых актах, призванных защищать людей от их собственных пороков и своеволия.

По мере развития капитализма становилось все более очевидно, что подавляющее преобладание индивидуализма при сохранении коллективистских принципов лишь в семье и в цивилизованных межличностных взаимоотношениях настолько усилило стихийность общественных процессов, что без их сознательного регулирования стало невозможно оптимальное развитие самого общества. Наряду с другими сферами жизни это коснулось и экономики, где прежний свободный рынок перестал быть совершенным регулирующим механизмом, ибо не мог сам по себе предотвращать кризисы перепроизводства и такие отрицательные явления, как нелояльная конкуренция и монополизм, деформация цен и инфляция, занижение цены рабочей силы и безработица.

Примечания

[1] Цит. по: *Коландер Д.* Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. – 2010. – № 6. – С. 11.

[2] *Блауг М.* Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. – М.: ИМЭМО РАН, 2002. – С. 63.

[3] *Худокормов А.Д.* Экономическая история: Новейшие течения Запада. – М.: ИНФРА-М, 2009. – С. 360–362.

[4] Финансовый кризис и провалы современной экономической науки. – Указ. соч. – С. 25.

[5] *Гринберг Р.* Возвращение политической экономии // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 154.

[6] *Майерсон Р.* Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. – 2010. – № 6. – С. 28.

УДК 330

Лягушев Г.Е.
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕСТО ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье делается попытка обосновать необходимость рассмотрения военной экономики не как отраслевой, а как составной части макроэкономической теории.

Ключевые слова: *экономическая теория, экономическое пространство, хозяйство, военная экономика.*

Обычно теоретическая экономия определяет свою задачу как изучение общественно-производственных отношений. Напрасно мы стали бы искать такого четкого определения у представителей господствующих направлений буржуазной экономической науки. Излюбленный прием современного буржуазного экономиста заключается в том, что он растворяет всякие определенные рамки своей науки в неопределенном и расплывчатом понятии хозяйства вообще; затем, жонглируя этим понятием более или менее удачно, более или менее умело, он маскирует незаконность и недопустимость своих методологических приемов. А эти незаконные и недопустимые методологические приемы, несмотря на богатое разнообразие их конкретных форм и очертаний, в принципиальном отношении могут быть сведены в двум основным моментам: 1) подмена людских общественных отношений явлениями из области отношений человеческого общества к природе и 2) смешение общественно-производственных явлений с явлениями индивидуального хозяйства. Обе эти разновидности методологических кунштюков по сути дела означают не что иное, как сознательную или несознательную подмену исторически-определенных и, главное, исторически-преходящих отношений капиталистического производства вечными и незыблемыми определениями производства вообще. А такая подмена открывает широкую дорогу основному постулату «практического разума» в экономике апологетике существующего способа производства как высшего достижения истории человечества, как вечного и незыблемого общественного уклада.

Необходимо признать, что для этих целей понятие «хозяйство вообще» подходит как нельзя лучше. Во-первых, здесь скрадывается различие (а часто и противоположность) между общественной и технической стороной хозяйственной деятельности человека, живущего в обществе. Во-вторых, основной признак, обычно выдвигаемый в качестве определяющего (конституирующего) момента понятия «хозяйства», а именно пресловутый «хозяйственный принцип», заключающийся в стремлении к максимальному результату при минимальных затратах, служит достаточно широкой ширмой для смешения столь различных по своей природе явлений, как явления частного (индивидуального) и общественного хозяйства. Поэтому буржуазные (и скатывающиеся к буржуазным) критики и ревизионисты марксовой экономической теории частенько говорят на разных языках с объектом своей критики. В самом деле, марксова теория прибавочной стоимости, как теория исторически-определенной формы эксплуатации человека человеком в рамках человеческого общества, «опровергается» ссылкой на такого рода «милые» факты, как естественный прирост лесов без всякой помощи человека, как приплод, приносимый скотом, по его собственному желанию и инициативе, как продукция, выбрасываемая системой автоматически действующих машин без всякого участия человеческого труда (Туган-Барановский). А марксово определение капитала, как специфически общественного отношения производства, посрамляется и уничтожается воспоминанием о той палке, при помощи которой во тьме веков наш дикий прародитель сбивал себе плоды с деревьев.

Легко понять, что марксистская теоретическая экономия в принципе не может заниматься ни естественным приростом лесов, ни палкой дикаря. Она изучает нечто совершенно иное.

«Как неправдоподобно это ни звучит, несомненно, однако, что большинство специалистов по политической экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий». Эта едкая характеристика буржуазных экономистов, данная Розой Люксембург в ее «Введении в политическую экономию», гораздо более справедлива, чем это может показаться на первый взгляд.

Действительно, первое определение, которое мы там встретим, гласит безапелляционно: политическая экономия – это наука о народном хозяйстве[1].

И опять приходится признать полную правоту Р. Люксембург, когда она сопровождает одно из подобных «определений», даваемое основоположником «исторической» школы В. Рошером, ироническим замечанием: «Что такое политическая экономия (Volkswirtschaftslehre)? – Это, видите ли, наука о народном хозяйстве (die Lehre von der Volkswirtschaft). Что такое роговые очки? – Очки в роговой оправе. Что такое вьючный осел? – Осел, на которого навьючивают тяжести»[2].

© Лягушев Г.Е., 2012

Самое любопытное начинается, однако, когда экономистам приходится расшифровать понятие хозяйства.

«Что такое хозяйство?» – спрашивает один из видных современных экономистов, профессор Московского университета им. М.В. Ломоносова Юрий Михайлович Осипов и отвечает: «Кажется, нет ничего проще: когда мы кого-либо называем хозяйственным человеком, то мы этим хотим сказать, что он умеет целесообразно обходиться с запасом благ, находящимся в его распоряжении. Далее мы говорим, например, об экономичности топки и подразумеваем при этом, что при данном способе топливо используется целесообразнее, чем при других способах, что из топлива извлекаются большие количества теплоты. При более близком рассмотрении мы находим, что во всех областях человеческой жизни можно говорить о "хозяйственности", что не только при хозяйничании с запасом благ, но при всех действиях людей, когда они целесообразно направлены, встречается все тот же образ действий, а именно: целесообразное употребление имеющихся в ограниченном количестве средств, применение которых ведет к преследуемой цели, причем с возможно меньшей затратой должен быть достигнут возможно больший результат (хозяйственный принцип)»[3].

Итак, «во всех областях человеческой жизни можно говорить о «хозяйственности»». Вряд ли кому-либо удалось бы дать более расплывчатое определение. Ведь, в сущности, это не определение хозяйства, а совершенно явное издевательство над читателем, который этого определения ожидает и требует от автора. «Все области человеческой жизни» – вот что отвечает наш ученый на поставленный им вопрос: что такое хозяйство? Как с ним после этого не согласиться, что, действительно, «нет ничего проще»?

Такая боязнь какого-либо определения, такое бегство от определения чрезвычайно характерно для многих представителей современной науки. Зато у других ее представителей мы в той или иной форме находим иную ошибку: они в своем определении хозяйства хотят сказать слишком многое. Давая определение хозяйства, они исходят из представления, что капиталистическая форма хозяйства и есть хозяйство вообще, что никакой иной хозяйственной формы нельзя себе представить. Поэтому в само определение хозяйства включаются в той или иной мере признаки и особенности, свойственные именно капитализму. В сущности, оба греха, кажущиеся на первый взгляд противоположными, имеют один и тот же корень: непонимание и непризнание исторически-преходящего характера капиталистического способа производства. В одном случае это непризнание ведет к тому, что под видом «хозяйства» преподносится чуть ли не вся человеческая общественная (да, пожалуй, и не только общественная) жизнь, в другом же случае в качестве «хозяйства вообще» более или менее открыто или стыдливо выступает капиталистическая форма хозяйства.

Перейдем от модного современного экономиста к вышедшему из моды русскому профессору А.И. Чупрову, работы которого были чрезвычайно распространены в течение долгого периода времени. Перед нами будет пример второго типа определения хозяйства, правда, в довольно осторожной форме.

«Политическая экономия, – пишет он, – в отличие от технических наук, изучает действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей, с точки зрения доставляемых ими выгод и вызываемых пожертвований. С изложенной точки зрения, действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей, могут быть названы хозяйственными, экономическими; совокупность таких действий называется хозяйством»[4].

Далее автор разъясняет, что «подведение баланса между выгодами и пожертвованиями составляет специально экономическую точку зрения», и напоминает читателю, что «мы называем хозяином того, кто держит в своих руках расчеты». Однако кому же не известно, что расчеты и баланс возможны лишь там, где имеется единица хозяйственного учета в денежной или ценностной форме? Отсюда один шаг до признания, что хозяйством является лишь область безраздельного господства ценностной единицы и ценностных отношений вообще; все то, что лишено ценностно-денежной формы, беспощадно изгоняется из хозяйственного рая, из царства ученой мудрости буржуазного экономиста, отлучается безвозвратно от церкви, в которой символом веры служит «хозяйственный принцип».

Несложная логическая цепочка: «политическая экономика является наукой о хозяйстве, хозяйством мы называем все то, в чем проявляется и осуществляется хозяйственный принцип», – на первый взгляд, кажется столь же безвредной, как и бесполезной. Но лишь на первый взгляд. Ибо уже следующее звено этой цепочки, которое достаточно тесно сплетено с предыдущими звеньями, – «хозяйственный принцип осуществляется при помощи расчетов, подведения баланса, причем естественным орудием служит хозяйственная единица, делающая сравнимыми различного рода затраты и достижения». Подобного рода тезис достаточно ярко обнаруживает истинное лицо невинной, на первый взгляд, тавтологии насчет хозяйства и хозяйственного принципа.

Уже К. Маркс замечал о современной ему экономической литературе: ученые-экономисты точно так же не признают существования всех докапиталистических формаций, как ученые-богословы начинают историю религии с возникновения христианства. Западная экономическая наука после К. Маркса мало ушла вперед в этом отношении. На-

турально-хозяйственные формации по-прежнему считаются не существовавшими, меновое хозяйство рассматривается как хозяйство вообще, как единственный, в сущности, мыслимый тип и вид хозяйства, по отношению к которому все остальное является не более чем своеобразным недоразумением. В этой концепции незаменимую роль играет «хозяйственный принцип».

В подавляющем большинстве случаев даже не ставится вопрос о той форме, в которой хозяйственный принцип осуществляется и прокладывает себе дорогу при различных типах хозяйственной организации человеческого общества. Наоборот, совершенно некритическое описание повседневной практики хозяйствующего субъекта при современном экономическом порядке занимает место научного анализа. Осуществление хозяйственного принципа в отдельной клетке современного общественного организма рассматривается как проявление хозяйственного принципа вообще. Не приходится останавливаться на вопросе, насколько подобный прием ненаучен и недопустим с методологической точки зрения. Приведем лишь один из весьма редких в экономической литературе примеров, где делается попытка разобрать различия в форме проявления хозяйственного принципа при различных экономических укладах.

«В натуральном хозяйстве, – писал один экономист под влиянием всяческих размышлений насчет большевистского опыта построить хозяйство “без капиталистов”, – механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собою узами кровного родства и совместной жизни, они же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами, преимущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими же трудящимися или их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия». Совершенно иную картину представляет собою современное общество: здесь хозяйственный принцип осуществляется также поиному. «В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов... Тем не менее здесь... устанавливается соответствие между затратами и результатами производства... Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента – оценены обществом и на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства, он получает свою отставку безжалостно и безоговорочно, ибо она дается в стихийном процессе... Зато никого капиталистическое общество не осыпает так обильно своими щедротами, ни гения науки, ни гения искусства, как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет, хотя бы самым обыденным потребностям общества»[5].

Как видим, автор возвышается до своеобразного лиризма, описывая проявление всемудрого хозяйственного принципа в капиталистическом обществе. Мы можем оставить в данном случае в стороне вопрос о том, насколько заслужен и обоснован восторг Б.Д. Бруцкуса по поводу щедрот, сыплющихся на удачливого предпринимателя. Нас здесь интересует другое, а именно: в приведенной цитате дается, в общем, правильное описание различных способов проявления одного и того же хозяйственного принципа при различных экономических формациях. Разумеется, и в этом отношении автор приведенной цитаты менее всего может претендовать на малейшую оригинальность, новизну мысли или, тем паче, на какое-либо открытие. Он провозглашает вещи, вполне общеизвестные. Тем не менее это один из очень немногих случаев, встречаемых в литературе, трактующей или задевающей тем или иным образом вопрос о хозяйственном принципе. Любопытно отметить, чем вызван этот редкий случай попыткой анализа различий в способе осуществления хозяйственного принципа в различных укладах хозяйства. Вызвана же эта попытка, оказывается, лишь стремлением к посрамлению «русского опыта», под которым Б.Д. Бруцкус разумеет хозяйственную политику военного коммунизма. Он полемизирует с попытками осуществления новых принципов социалистического учета, которые тогда предпринимались и обсуждались в литературе. Тезис о том, что хозяйственный принцип сохраняет свою силу и для социалистического хозяйства, причем изменяется лишь форма его осуществления, приводит Б.Д. Бруцкуса к необходимости отметить различие в форме проявления этого принципа в натуральном первобытном хозяйстве и в капиталистической современности. (Заметим тут же в скобках, что характеристика этого различия в форме проявления в прошлом отнюдь не спасает Бруцкуса от грубейших и вульгарнейших представлений насчет роли той же хозяйственного принципа в будущем хозяйстве.)

При помощи подобной методологии обмен превращается в логическую категорию хозяйства, становится, наряду с хозяйственным принципом, конституирующим хозяйство моментом. Хозяйство вообще превращается, в товарно-капиталистичес-

кое хозяйство; в свою очередь товарно-капиталистическое хозяйство становится хозяйством вообще. Все иные хозяйственные формации должны посторониться и исчезнуть; капитализм занимает все поле науки, подобно тому как он, в представлениях этой науки, занимает все поле истории, все поле жизни человечества.

Экономисты получают повод к глубокомысленным рассуждениям насчет «основного дуализма хозяйственной жизни»[6]. Этот дуализм заключается в том, что стихийный, бессознательный, гетерогенный элемент в хозяйственной жизни общества не может исчезнуть и будет вечно существовать наряду с моментом сознательного, волевого, автогенного воздействия на область экономики. Всякие же попытки и надежды уничтожить стихийную, бессознательную форму общественного хозяйства, заменить ее рационально-организованным хозяйством социалистического типа встречаются высокомерной усмешкой, как утопия, проистекающая от экономического невежества.

В более тонкой форме тот же примерно ход мыслей встречается в капитальном труде наиболее видного представителя общественной науки современности – Макса Вебера[7]. При рассмотрении форм хозяйственного расчета Вебер приходит к заключению, что натуральная форма, вполне мыслимая в хозяйственных единицах небольшого охвата (домашнее хозяйство современности, первобытное хозяйство общинного типа и т.д.), наталкивается на совершенно неодолимые препятствия в условиях обширных образований, какими являются хозяйственные организмы современного общества. Основная проблема, которая, по его мнению, не может быть решена формами натурально-хозяйственного учета, – это проблема вменения, проблема раскладки общего результата производства между отдельными факторами, участвовавшими в процессе производства. Эта проблема может быть разрешена лишь ври помощи понятия предельной полезности, понятия, чуждого натуральному учету, но зато свойственного учету ценностному. В данной связи отметим лишь, что та же, в сущности, аргументация, только в более легендарной и вульгарной форме, давно уже стала ходячей монетой среди ученых-«социалистоедов». Эти последние обычно с большим апломбом берут на себя задачу доказать, не более и не менее, как невозможность существования социалистического хозяйства. Доказательство сводится к следующему ряду положений: 1) никакое хозяйство не мыслимо без расчета и учета; 2) хозяйственный учет в общественном хозяйстве мыслим исключительно в ценностной форме; 3) так как социалистическое хозяйство отвергает сохранение ценностного учета (то есть сохранение стихийности, рынка, товарного обмена и т. п., являющихся необходимой предпосылкой проявления закона ценности), то существование подобного хозяйства немыслимо.

Нетрудно обнаружить, что такого рода «доказательство» является не более и не менее, как petitio principu в его грубейшей форме. В самом деле, требуется доказать невозможность социалистического хозяйства, отрицающего господство законов рынка. Для этого берется, как доказанное, положение, что всякое хозяйство может существовать только при наличии господства рыночных законов, прежде всего – закона стоимости. Иными словами, в качестве доказанного берётся как раз то, что следует ещё доказать.

Примечания

[1] «Одной яз областей обществоведения является в политическая экономия, или наука о народном хозяйстве»; «Политическая экономия есть наука о народном хозяйстве»; Наконец: в том смысле будем понимать и мы изучаемую нами науку, определяя ее, как «теоретическую науку о типах и законах явлений народного хозяйства» (*Чупров А.И.* Политическая экономия.– 3-е изд. – М., 1908. – С. 1; 14; 18).

[2] *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. – М.: Гиз, 1926. – С. 47–48.

[3] *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2006. – С. 27.

[4] *Чупров А.И.* Указ соч. – С. 7.

[5] *Бруцкус Б.Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. – Берлин, 1923. – С. 14–15.

[6] См.: *Струве И.* Хозяйство и цена.

[7] *Weber Max.* Wirtschaft una Gesellschaft. См. в особенности: Кар. I, §§ 12, 13, 14 и 26.

УДК 330

Милевский Станислав Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
stami_@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье выявлены и конкретизированы особенности формирования и реализации личных интересов в России в условиях информатизации, обусловленные спецификой институциональной среды и особенностями проникновения процессов информатизации в социально-экономическую практику.

Ключевые слова: *личные экономические интересы, национальный менталитет, экономика России, информатизация экономических отношений.*

Информатизация является сложным, многоплановым и неоднозначным явлением, отражающим существенное и возрастающее влияние информационных технологий на все аспекты социально-экономической жизни общества, в том числе и на личные экономические интересы. При этом особенности трансформации процессов формирования и реализации личных экономических интересов в России под воздействием информатизации экономики обусловлены рядом факторов. Прежде всего, активное проникновение информационных технологий по времени совпало с рыночными реформам начала 1990-х гг. (хотя отдельные аспекты информатизации имели место и дореформенный период). Поэтому переход к информационной экономике сопровождался нестабильностью политического и экономического положения в стране. Более того, можно говорить о наслоении двух тенденций – кардинальных социально-экономических преобразований в результате формирования экономической системы рыночного типа, и шедших параллельно процессах информатизации. Можно сделать вывод о том, что данное наслоение существенно повлияло на рост индивидуализации, на концентрацию внимания индивидов именно на реализации личных экономических интересов. В институциональном плане это обусловлено активным импортом рыночно-западных образцов экономического поведения, что осуществлялось при непосредственном использовании информационных технологий. Оценивая результаты глобализации и распространения информационных систем, различные экономические школы, в частности, школа И. Валлерстайна [1], в самом общем виде делают вывод, что в результате глобализации в странах с развивающейся ли трансформируемой экономикой происходит смена социально-экономических ориентиров, большие сдвиги в функционировании хозяйственных механизмов [2, с. 25]. Д.С. Вахрушев в этой связи отмечает, что «значительное распространение получает индивидуалистские ценности, всё дальше отодвигая на задний план коллективизм и общенациональные задачи» [3, с. 176].

В то же время нельзя не заметить, что неоднозначность результатов рыночного реформирования на фоне информатизации общества объясняется тем, что формирование личных экономических интересов во многом обусловлено спецификой национального экономического менталитета. Менталитет как характеристика экономической жизни людей выступает системой взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающейся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающей вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а следовательно и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие эту общность от других. Иначе говоря, национальная экономическая ментальность, будучи основополагающим неформальным институтом, формируется под влиянием объективных условий жизни нации и определяет характер социально-экономических норм – формальных институтов, которые, в свою очередь, формируют историческую траекторию хозяйственного развития национальной экономической системы [4]. Автор солидаризируется с мнением о том, что для российской экономической ментальности является достаточно значимым и характерным преобладание коллективистских ценностей над индивидуальными. Такая традиция сложилась исторически под влиянием совокупности природно-географических факторов и была усилена в период функционирования административно-командной экономики. На основе доминирования государственных формальных институтов преобладало мнение о приоритетности общественных интересов над коллективными и личными. При этом личный интерес рассматривался через удовлетворение двух других форм интересов. Иначе говоря, реализация общественного интереса выступает основой удовлетворения коллективного, а удовлетворение коллективного интереса формирует условия для удовлетворения личных интересов. Очевидно, что такая установка, существовавшая на протяжении длительного периода времени, выступает своеобразным тормозом на пути формирования принципиально иной, рыночно-индивидуалистической, институциональной среды. Понимание этого должно учитываться в процессе выстраива-

© Милевский С.С., 2012

ния новой экономической модели. Как справедливо указывает А.А. Пороховский, Россия не может не двигаться к рынку иначе как по основной магистрали социально-экономического прогресса, но при этом не должна механически копировать чужие модели, как это было в период реформ [5, с. 10].

В рамках дальнейшего рассмотрения особенностей влияния информатизации на личные интересы в России нельзя не обратить внимание на специфичность самой национальной экономической модели. Российская экономика характеризуется крайне неравномерным и при этом недостаточным проникновением информационных технологий в реальное производство. Россия существенно отстаёт от передовых стран Запада по многим направлениям информатизации: программному обеспечению, числу персональных компьютеров, системам связи, уровню загрузки больших вычислительных систем, количеству действующих информационных систем. Имеющиеся примеры активной компьютеризации производительных сил, как правило, связаны с размещением на российской территории иностранных предприятий. Для возвращения в ряды передовых стран Россия должна в короткие сроки провести переход к информационному способу производства и в дальнейшем к прорыву на мировые информационные рынки. В контексте рассмотрения проблематики личных экономических интересов данный аспект значим тем, что именно резкий рост производительности труда, обусловленный проникновением информационных технологий во все стадии воспроизводственного процесса, создал объективные предпосылки для увеличения потребления, которое отражает рост потребностей и тем самым демонстрирует доминирование потребительского мотива в системе личных экономических интересов индивидов. В России тенденция роста потребления также имеет место, однако нельзя не заметить, что зачастую отечественные домохозяйства выступают потребителями высокотехнологичной продукции импортного производства.

Схожие тенденции характерны для процессов сервисизации – активного развития сферы услуг, осуществляемого в связи с информатизацией производительных сил. С одной стороны, для России также характерно то, что всё большее число людей оставляют работу в промышленности и переходят в сферу обслуживания. Такой переход часто носит вынужденный характер – в связи с технологическим развитием промышленность и сельское хозяйство нуждаются во все меньшем количестве рабочей силы, которую замещают овеществленные в технологиях знания и капитал. Однако нередко данные процессы являются не следствие информатизации производства и высвобождения живого труда, а результатом деградации промышленности и снижения её конкурентоспособности на фоне расширяющейся глобализации.

Каким образом описанная тенденция влияет на изменение в системе реализации личных экономических интересов? Сервесизация экономики характеризует два взаимосвязанных и взаимообусловливающих процесса. Во-первых, это возрастание удельного веса услуг в макроэкономических показателях, численности занятого населения, количества хозяйствующих субъектов. Во-вторых, это проникновение услуг в процесс материального производства. Как следствие в контексте проблематики экономических интересов и рассмотрения «целеполагающего» аспекта сервесизация, с одной стороны, влияет на выбор индивидами сфер трудовой деятельности. С другой стороны, она создает предпосылки для развития малого предпринимательства, ориентированного на сферу услуг, в том числе информационного характера. Специфичность отечественной ситуации заключается в том, что сфера услуг не всегда носит информационный характер, что не может не отражаться на формировании стимулов к увеличению индивидами интеллектуального капитала.

В заключение укажем на то, что формирование общества потребления, рассматриваемое как результат синергетического эффекта влияния информатизации на формирование и реализацию личных экономических интересов, в России ограничивается проблемой дифференциации доходов, сопровождаемой и усиливаемой региональными факторами. Уровень потребления различных социальных групп значительно отличается, что не может не отражать различий в процессах формирования и реализации личных интересов, а также в степени влияния информационных факторов. По мнению автора, данная тенденция есть результат влияния не только объективных факторов, связанных с низким уровнем доходов и оплаты труда, отсутствием социальных лифтов и т.д., но и в значительной мере выступает логическим отражением неоднородности институциональной среды, опосредующей мотивационные аспекты личных интересов индивидов. Тем самым в институционально-поведенческом плане правомерно говорить о дифференциации общества с точки зрения целеполагания.

Библиографический список

1. *Валлерстайн И.* Европейский универсализм: Риторика власти // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.

2. *Коллонтай В.М.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 1. – С. 24–30.

3. *Вахрушев Д.С.* Самоорганизация и динамическая устойчивость экономических систем. – Кострома: Изд-во КГУ, 2004. – 240 с.

4. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 804 с.

5. *Пороховский А.А.* Вектор экономического развития. – М.: ТЕИС, 2002. – 304 с.

УДК 330

Першин М.В.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

КОНФЛИКТНО-КОМПРОМИССНАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ

В статье предложен авторский взгляд на использование политэкономического подхода в рамках новой политической экономии к развитию теории стоимости.

Ключевые слова: *теория стоимости, политэкономический подход, методология новой политической экономии.*

В истории экономической науки из всех фундаментальных ее проблем проблемы сущности и форм проявления стоимости удостоены наибольшего внимания исследователей. Именно по исторической эволюции теории стоимости хорошо прослеживаются этапы развития мировой экономической мысли [9].

Меркантилисты приписывали роль источника богатства народов в стоимостном его выражении драгоценным металлам: золоту и серебру. Физиократы утверждали, что единственным непосредственным источником ценностей для человека является природа (земля). Но уже классики политической экономии – У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо – подчеркивали первенствующую роль труда в создании стоимости и меновой стоимости благ: труд – отец богатства, земля – его мать. Природа отдает необходимые ценности человечеству, обществу, человеку благодаря применению физического и интеллектуального труда в процессах развития цивилизаций, общественных формаций и повседневной деятельности каждого отдельного человека. Вместе с тем постепенно закреплялось понимание того, что причины приумножения богатства кроются в том, как люди могут распорядиться уже накопленным богатством в соответствии с формами и содержанием экономических отношений между субъектами общества.

В каждый данный момент экономические отношения фиксируются (количественно и организационно) как отношения собственности на распределяемые в обществе блага. Собственность – это ключевой объект экономического интереса субъекта. Общественный характер производства благ объединяет интересы экономических субъектов общества в систему интересов, которая представляет собой движущий механизм экономических отношений. Развитие общественного характера производства привело к рыночной форме обмена благами, к необходимости стоимостного измерения благ, к денежной форме их оценки и соизмерения.

Стоимостную природу богатства К. Маркс связывал исключительно с производительным трудом, причем производительным он признавал только труд рабочего в сфере материального производства. В основе меновых стоимостей товаров у него лежит количество затраченного на них общественно необходимого (живого и овеществленного) труда в расчете на единицу обмениваемых товаров. Такие стоимостные эквиваленты рыночного обмена товарами и служат соизмеряющими оценками ценности разнообразных по потребительским свойствам благ. Совокупность всех благ, выраженная в этих оценках, и составляет меру общественного богатства. Отметим, что марксистская трудовая теория стоимости находит свое развитие и в трудах современных экономистов. Так, в одной из работ [1] она подверглась глубокому анализу, уточнению и дополнению, трансформировавшись в авторскую информационную теорию стоимости.

Важно подчеркнуть, что понятие стоимости марксисты связывают с *общественно необходимыми* затратами труда. Тем самым предполагается наличие некоего глобального критерия, выражающего обобщенный (абстрактный) интерес общества. С позиции этого интереса затраты труда признаются или не признаются обществом необходимыми. По существу, это означает, что стоимостные оценки и пропорции в трудозатратах рассматриваются для наилучшего по этому критерию состояния экономической системы. Оптимальное экономическое равновесие здесь можно подразумевать как такое состояние системы, когда затраты живого и овеществленного труда на производство общественно необходимых (?) благ, предложенных на рынке, являются наименьшими.

Экономическое равновесие всегда было в центре внимания экономистов, поскольку оно представляется как идеальное, сбалансированное состояние экономической системы, результат абстрагирования от многочисленных привходящих, второстепенных моментов, затрудняющих теоретический анализ. Поскольку теория стоимости имеет дело со сложными системами, где взаимодействуют многочисленные интересы и факторы, а сами механизмы этого взаимодействия очень сложны, то стоимостные отношения изучаются, как правило, в рамках равновесных моделей экономики.

Как известно, все концепции и трактовки категории стоимости можно подразделить на два принципиально различных класса: 1) монистические, которые в свою очередь подразделяются на производственно-затратные и потребительско-полезностные; 2) дуалистические (смешанные). Трудовая теория стоимости относится к классу монистических теорий. Ее монизм (один источник, одна основа) состоит в том, что в качестве факторов, формирующих стоимость, берутся лишь затратные факторы

© Першин М.В., 2012

(затраты живого и овеществленного в средствах производства труда), принадлежащие одной сфере – сфере производства благ. Стоимостная оценка блага вытекает из интересов только его производителя. С позиции же потребителя (в лице общества в целом) значение имеет только то, что он может либо признать, либо не признать для себя необходимыми благо и предопределенную затраченным на него трудом цену. Такая дискретность проявления интереса потребителя и его пассивность в процессе формирования стоимости вызывала недоверие к этой теории и справедливую ее критику, в том числе – с диаметрально противоположной позиции.

Противоположную позицию занимают монистические теории стоимости, представленные экономической школой предельной полезности (Г. Госсен, О. Курно, К. Менгер, О. Бем-Баверк и др.). Она исходила из того, что стоимость формируется субъективными факторами, лежащими в сфере потребления. Согласно этой теории, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи». В соответствии с этой формулой стоимость блага определяется важностью потребности человека, наименее необходимой для него в ряду всех потребностей (удовольствий), последовательно удовлетворяемых по мере их важности до исчерпания этого блага. И здесь также обнаруживается односторонность подхода. Ведь предел удовольствиям от блага чаще ставит не насыщаемость потребностей, а условия производства блага, например, невозможность при данном объеме блага компенсировать издержки производителя этого блага или получить прибыль, достаточную для его конкурентоспособности. Тогда требование соблюдения этих условий определяет цену самого удовольствия от блага. Отсюда становится понятным, почему до сих пор так и не решен удовлетворительно вопрос, как измерять и соизмерять полезности. Порочный круг: полезность – мера стоимости, а стоимость – мера полезности, – нельзя преодолеть без понимания диалектического взаимодействия интересов экономических субъектов.

В конце XIX в. некоторые видные экономисты начинают склоняться к точке зрения, согласно которой необходим двухкритериальный подход в оценке стоимости благ. Основоположником дуализма в теории стоимости считается А. Маршалл, который математически четко представил свою концепцию рыночного равновесия спроса и предложения. Подходя с точки зрения всестороннего взаимодействия экономических факторов, он соединил теорию предельной полезности с теорией издержек и рассматривал ценность блага как результат равноправного его оценивания с позиции интересов как производителя, так и потребителя. Известно его образное высказывание по поводу споров представителей разных школ [6]: «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц». Однако доступные ему в то время приемы диалектического и системного анализа не позволили достаточно полно и конструктивно описать процесс формирования стоимостных оценок. Его графически представляемые кривые спроса и предложения, ставшие традиционными в иллюстрациях процесса достижения рыночного равновесия, в силу теоретической нечеткости и принципиальной неконструктивности, не могут выражать принцип равноправия условий для продавцов и покупателей в отстаивании своих интересов в рыночной сделке.

Уже к середине XX столетия проблему учета системного взаимодействия ценообразующих факторов с позиций затратной концепции удалось конструктивно решить на основе межотраслевого баланса [5], получая стоимостные показатели полных затрат и полных потребностей на единицу продукции взаимосвязанных отраслей из матрицы, обратной к матрице Леонтьева. Достаточно близко к решению проблемы системности в ценообразовании подошел В.В. Новожилов на основе своей гениальной идеи учета обратных связей при соизмерении затрат и результатов [7].

Системное взаимодействие производственно-затратных и потребительско-полезностных факторов в процессе формирования меновых стоимостей конструктивно и концептуально завершенно удалось описать Л.В. Канторовичу с помощью двойственных (прямой и сопряженной с ней) задач оптимизации функционирования экономической системы [2]. Его объективно обусловленные оценки (о.о. оценки) количественно выражают последствия вариации условий функционирования сложной экономической системы, представленной совокупностью балансов производственных ресурсов у производителей и балансов продуктов конечного потребления у потребителей. О.о. оценка одной единицы экономического фактора (ресурса) или конечного продукта означает, насколько прирастет общественное богатство – ценность суммарных благ общества в целом, выраженная критерием оптимальности, если количество данного фактора (ресурса) прирастет в системе на одну физическую единицу. Выраженная в двойственных оценках сумма затратных элементов производства какого-либо экономического блага характеризует цену этого блага со стороны предложения, а о.о. оценка самого блага характеризует его цену со стороны спроса. Чем дефицитнее в системе ресурс (в смысле ограничения предложения блага из-за ограниченности этого ресурса) или чем дефицитнее благо (в смысле необходимости его дополнительных поставок из-за превышения спроса над возможным предложением), тем выше его цен-

ность в системе, выраженная в его о.о. оценке. Таким образом, оценка блага, по Канторовичу, отражает в себе одновременно и цену издержек на его производство, и цену его полезности для потребителя, и оценку его редкости (дефицитности) в данной системе.

Такая система оценок, получаемая из оптимизационной модели структуры и функционирования экономики, соизмеряет ценности благ относительно некоторого глобального критерия оптимальности. Как и в марксистской концепции трудовой теории стоимости, меновые стоимости благ, выраженные их о.о. оценками, соответствуют оптимальному экономическому равновесию (ОЭР) с позиции некоторого обобщенного общесистемного интереса. Такая жесткая конструкция механизма ценообразования не нуждается в рыночном обмене, где известная степень свободы субъектов экономики проявлялась бы в локальном соприкосновении и согласовании конкретизированных интересов продавцов и покупателей благ. В единой оптимизационной модели согласованность действий экономических субъектов может обеспечиваться управлением из Центра в соответствии с общесистемным критерием оптимальности.

В подлинно рыночной экономике эквивалентность обмена благами есть результат их оценивания в процессе свободного взаимного согласования интересов продавцов и покупателей. Замечательный русский экономист Д.И. Пихно в своей книге «Закон спроса и предложения» (Киев, 1886) писал [8]: «Спрос есть оценка приобретателя (покупщика ценности); предложение – оценка отчуждающего ценность (продавца). Меновая сделка состоится тогда, когда эти две оценки совпадут, или – при уравнении спроса и предложения... Но уравнение, недостижимое в форме соглашения желаний, легко разрешается *как уравнение экономических сил,* которыми располагают обе стороны для поддержания своих желаний. Поэтому уравнение спроса и предложения, или отношение спроса к предложению, которое определяет меновую стоимость, есть не что иное, как такое сочетание экономических факторов, или элементов спроса и предложения, при котором между ними устанавливается баланс, как баланс равных грузов на чашках весов». Наша концепция конфликтно-компромиссного рыночного равновесия предполагает достаточно универсальный механизм достижения такого равновесия путем согласования интересов продавцов и покупателей [3; 4]. Поскольку при этом интересы продавца и покупателя относительно цены товара прямо противоположны, то компромиссная сделка может состояться лишь в форме взаимоприемлемого соглашения, опирающегося на экономические силы, «которыми располагают обе стороны для поддержания своих желаний». Экономическая сила покупателя заключается в его платежеспособном спросе, а экономическая сила продавца – в его конкурентоспособном предложении. Покупательную силу определяют платежные средства, которыми располагают покупатели. Конкурентоспособность производителя-продавца наиболее полно характеризует минимально необходимая при фиксированном его капитале величина добавленной стоимости. Именно от производительности капитала, выраженной в добавленной стоимости, зависит привлекательная сила для притока в данный сектор экономики дополнительного капитала и труда для поддержания процесса воспроизводства данного вида деятельности. Таким образом, необходимым условием существования *рынка товара является наличие обеих противостоящих экономических сил относительно* данного товара (полезности).

Естественно, что в процессе формирования рыночной сделки в интересах каждого из субъектов рынка наиболее полно реализовать свои экономические силы.

Библиографический список

1. *Вальтух К.К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. – М.: Янус-К, 2001.

2. *Канторович Л.В.* Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

3. *Кардаш В.А.* Компромиссный анализ рыночной экономики. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦВШ, 2002.

4. *Кардаш В.А.* Новая концепция общего равновесия рыночных экономических систем // Новые технологии в управлении, бизнесе и праве: Труды III международной конференции. Невинномысск, 30 мая 2003 г. – Невинномысск: ИУБиП, 2003.

5. *Леонтьев В.* и др. Исследование структуры американской экономики. – М.: Госиздат, 1958.

6. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – Т. I, II, III.

7. *Новожилов В.В.* Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве // Применение математики в экономических исследованиях / под ред. В.С. Немчинова. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. 1.

8. Русские экономисты (XIX – начала XX века). – М., 1998.

9. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: Учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2000.

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

СИСТЕМООРГАНИЗОВАННАЯ СОВОКУПНОСТЬ ЦЕЛЕЙ КАК ПРИЗНАК КАЧЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается проблема необходимости качественного обновления форм реализации функций государства в условиях постиндустриализации.

Ключевые слова: *государство, функции государства, формы реализации функций государства, совокупность целей, прогнозирование, программирование.*

В условиях постиндустриализации государство обретает новые функции, содержание которых определяется и формируется конкретными для каждой страны условиями, а также целями реализации функций государства в экономике. Желаемые итоги реализации функций государства в виде целевых установок отражаются в прогнозах и программах (проектах).

Программирование, прогнозирование и планирование являются формой реализации функций государства. Их применение обусловлено усложнением хозяйственных связей и необходимостью использования комплексных методов в достижении кратко-, средне-, долгосрочных и стратегических целей. Программирование и прогнозирование, выступая в долгосрочной перспективе стимулирующими и мотивационными инструментами планирования, позволяют рыночным механизмам в аспекте экономической стратегии сбалансировать перспективные экономические интересы субъектов экономики за счет объединения потенциала механизмов рыночного саморегулирования и государственного регулирования.

Вектор движения стран с рыночной экономикой, как отмечает А. Яковлев, направлен к планированию экономических процессов на всех уровнях общественной структуры, поскольку рынок на определенной стадии своего развития порождает объективную необходимость стратегического планирования и прогнозирования в силу неопределенности рыночной среды [7, с. 12]. Разделяя данную точку зрения, В. Кушлин подчеркивает: «Нет ни одной развитой страны в мире, где бы государственное планирование и управление экономикой не было бы поставлено на деловой основе» [5, с. 69].

Есть сведения, что в США имеются стратегические разработки с горизонтом прогнозирования в 100 лет. Они охватывают весь спектр мировой динамики, но имеют очевидную привязку к интересам прогнозирующей страны. Ученые Принстонского университета США считают необходимым сохранение перспективного планирования по наиболее важным направлениям (макропропорции, бюджетно-финансовая, инвестиционная, социальная политика) [4, с. 5].

Еще в 30-х годах ряд крупнейших экономистов США (В. Леонтьев, Дж.К. Гелбрейт, С. Холланд) выступили с манифестом по созданию в аппарате президента США Управления национального экономического планирования с функциями анализа экономики страны, выявления долгосрочных тенденций развития, разработки программ развития производственной и социальной сфер, а также координации деятельности всех государственных органов по регулированию экономики.

Дж. Гелбрейт отмечал, что существующее внутрифирменное стратегическое планирование не может обеспечить полного согласования между отраслями-производителями и отраслями-потребителями ввиду нерыночного поведения крупных корпораций. Это может обеспечить только государственный плановый орган [3, с. 395–397].

В условиях смешанной экономики рыночные механизмы и институты не в состоянии определить комплексные проблемы и задачи, относящиеся ко всей функциональной экономической системе. Только государство в состоянии разработать стратегические прогнозы вовлечения неиспользованных резервов и ресурсов, имеющихся в стране, и определить цели, которые не всегда совпадают с целями предпринимательского сектора экономики. Системой стратегического планирования государство имеет возможность скорректировать структурные сдвиги, которые, как правило, порождают такие кризисные явления, как безработица, инфляция, неравновесие совокупных рынков. Государственное координирующее воздействие во многих случаях оказывается более эффективным, чем ценовой механизм рынка. На этом основывается государственная промышленная политика Японии, которую проводит Министерство внешней торговли и промышленности. Согласованное планирование в этой стране явилось одним из средств успешного перехода к быстрорастущему производству.

В 60-х годах планирующие органы были созданы во Франции – Генеральный комиссариат по планированию, в Канаде – Экономический совет, в Голландии – Центральное плановое бюро и в других странах. Эти планирующие органы анализируют

 © Ратькова А.Б., 2012

социально-экономические, экологические, демографические проблемы и разрабатывают систему регулирующих мер по их оптимизации. В их функционировании заинтересованы, прежде всего, предприниматели, подвергающиеся инвестиционному риску при вложении капитала в те или иные отрасли экономики.

В России, как отмечает А. Брыкин, нет действенной системы прогнозирования, планирования и оценки эффективности предпринимаемых государственным аппаратом мер, адаптированной к существующим реалиям. Свидетельство тому – прогнозы Минэкономразвития России в канун кризиса: они значительно разошлись с фактическими реалиями [1, с. 91].

В контексте сказанного следует отметить, что государственное экономическое прогнозирование должно быть основано на результатах анализа реального положения дел в экономике, существующих потребностей и возможностей использования всех факторов и имеющихся ресурсов, на учете тенденций инновационного развития, интеллектуального потенциала. Это будет способствовать получению достоверных знаний о том, что может произойти в экономике в тех или иных условиях. Исследование вариантов экономической динамики позволит осознанно формировать государственно-координационное воздействие на экономику, определять совокупность инструментов, обеспечивающих его эффективную реализацию. В этой связи отметим ряд методологических требований, выработанных экономической наукой и обеспечивающих эффективность прогнозов:

1) поэтапность процесса прогнозирования: составление поискового прогноза, разработка нормативного или целевого прогноза, разработка конкретных рекомендаций по использованию экономических регуляторов хозяйственной деятельности; корректировка нормативного прогноза с учетом механизмов государственного регулирования и рыночного саморегулирования;

2) составление сценария и вариантов прогнозов;

3) сведение разного рода прогнозов в систему.

Формирование системы прогнозов складывается из прогнозов последствий от разных ситуаций, развития отраслей, видов производств, научно-технического прогресса; развития территорий; экологических прогнозов; прогнозов внешнеэкономической деятельности.

Следует согласиться с мнением А. Брыкина о том, что появление общественных институтов оценки эффективности мер государственного регулирования повысит точность прогнозов и выбор действенных мер, позволит выстроить эффективные механизмы трансляции ожиданий населения в центры принятия решений в органах государственной власти [2, с. 93].

На экономических прогнозах базируются социально-экономические программы. Они используют весь комплекс элементов государственного регулирования экономики и имеют целевую направленность. Экономические программы не только формулируют цели развития, но и определяют материальные, финансовые средства реализации этих целей. Велика организующая, мотивационная и стимулирующая роль государственных программ для осуществления значимых для социально-экономического развития научно-технических прорывов и модернизации отдельных отраслей экономики – приоритетных или отставших. Научно-технические программы, по-видимому, должны быть сконцентрированы на вырисовывающихся уже сегодня направлениях, связанных с формированием шестого технологического уклада. В числе отраслей приоритетной модернизации под государственным патронажем, отмечает В. Кушлин, несомненно, должна быть инфраструктура, в особенности транспорт, а также ключевые области сельского хозяйства, медицинская промышленность, отрасли, работающие на обороноспособность страны, образование и др. [6, с. 70].

В большинстве стран, где применяется экономическое программирование, подобные программы носят рекомендательный, индикативный характер, но имеют строгую целевую направленность.

Индикативное программирование представляет собой процесс разработки системы взаимосвязанных индикаторов (параметров) состояния экономики, а также определение мер государственного воздействия на экономические и социальные процессы с целью достижения этих индикаторов. К индикаторам относится система показателей экономической динамики: структура и эффективность экономики, состояние обращения, занятости, уровня жизни, движение цен. Индикативная программа должна быть сбалансирована по материальным, трудовым и финансовым ресурсам. Отсутствие реальных ресурсов в данное время предполагает возможный расчет получения их в будущем периоде.

Поэтому индикативные программы больше напоминают прогнозные расчеты, которые не носят директивного характера. В целом индикативное программирование опирается на согласованность и гармонию общественных интересов. Поэтому в случае экономических конфликтов и кризисных симптомов спада производства и роста безработицы доверие к этим программам и методам индикативного прогноза резко снижается, а экономика в этом случае вступает в полосу неопределенности и недоверия к сбалансированным индикаторам. Несмотря на недостатки, индикативные программы позволяют разработать обоснованные цели, задачи и методы реализации государственной социально-экономической политики, организовать взаимодействие

всех звеньев федеральной системы (центра и регионов).

Индикативная программа органично соединяет в едином концептуальном документе действующую экономическую политику, прогнозные расчеты государственных программ, систему регуляторов, объемы государственных инвестиций и возможности воздействия на динамику функционирования структур на микроуровне. При благоприятной экономической конъюнктуре индикативная программа выступает стимулирующим фактором экономического роста при прямом и косвенном государственном регулировании.

Главная функция индикативных программ состоит в том, чтобы обрисовать допустимый и желательный путь любого экономического развития. Индикаторы программы рассматриваются как целевые прогнозы того, что должно произойти в случае выполнения программных рекомендаций или в возможном альтернативном случае, а также являются вехами принятия конкретных экономических решений.

Использование индикативного программирования позволяет за счет многоуровневых индикативных показателей ориентировать и стимулировать участников на решение наиболее важных производственных проблем путем поэтапного достижения локальных, промежуточных и конечных целей бизнес-развития. Индикативное программирование как элемент рыночного регулирования, ввиду своей особой специфики, должно:

1) включать в свой процесс работы по интегрированию разрабатываемых предпринимательскими структурами различных бизнес-проектов и программ;

2) охватывать проблемы по выработке адекватной общенациональным интересам коммерческой финансово-кредитной политики;

3) обеспечивать сопряжение целей экономического развития с предпринимательскими средствами их достижения, включая инновационные и инвестиционные процессы;

4) осуществлять многоуровневые согласования, мониторинг и контроль над хозяйственным развитием отраслей, территорий и ведущих производств.

В заключение следует отметить: новый этап экономического развития требует качественного обновления таких форм реализации функций государства, как программирование, прогнозирование, планирование. Они должны быть гарантированно результативными в достижении поставленных целей реализации функций государства в динамично развивающейся экономике.

Гарантированная результативность и экономическая эффективность реализации функций государства требуют их увязки с системой государственных целей социально-экономического развития.

Любая функция государства должна быть встроена в систему государственных, публично установленных целей, способствовать достижению этих целей, выводить экономику на государственно значимый целевой результат.

Это позволит интегрировать в целостную систему:

1) прогнозирование, позволяющее вырабатывать концепцию и формировать обоснованную политику экономического и социального развития;

2) планирование, представляющее собой последовательность действий, согласованных по целям, приоритетам, ресурсам и направленных на достижение определенного конечного результата, позволяющее иметь точные данные о натурально-вещественных, трудовых, финансово-стоимостных потоках в каждый данный период;

3) программирование, позволяющее выделять наиболее экономически и социально значимые проблемы, требующие комплексного подхода и целевого использования ресурсов.

Наличие государственно установленной, общественно признанной, системно организованной совокупности тактических и стратегических социально-экономических целей представляет определяющий признак эффективной реализации функций государства и качественного обновления их форм.

Примечания

1. См.: *Брыкин А.* Важность обратных связей государственного управления // Экономист. – 2010. – № 11.

2. Там же.

3. См.: *Гелбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1969.

4. См.: *Кушлин В.* Диапазон стратегических решений // Экономист. – 2004. - № 10.

5. *Кушлин В.* Институциональная среда инновационной модернизации // Экономист. – 2011. – № 11.

6. Там же.

7. См.: *Яковлев А.* Об использовании в России опыта новых стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста // Вопросы экономики. – 2004. – № 10.

УДК 65.012.413.001.5

Саксина Наталья Николаевна,
Бабенко Светлана Александровна
кандидат экономических наук
Костромской государственный технологический университет
sacsina@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКА В ТРУДОВОМ ПРОЦЕССЕ

В статье обоснована система ценностей трудового процесса, которая позволяет регулировать уровень активности личности работника посредством улучшения социально-психологического климата и формирования организационной культуры предприятия.

Ключевые слова: *активность личности, трудовой процесс, ценности, социально-психологический климат, организационная культура.*

В условиях усложнения трудового процесса, его творческого наполнения и постоянного совершенствования возрастает роль активности работника как формы проявления его личности, с одной стороны, и фактора конкурентоспособности предприятия – с другой.

Наши исследования позволили определить активность личности в трудовом процессе как категорию:

– психологическую, отражающую состояние всей психической структуры личности (внутренняя активность);

– социально-экономическую, воплощающую это состояние в поведении работника в трудовом процессе (внешняя активность);

– мотивационно-ценностную, в значительной мере регулируемую степенью соответствия ценностей работника ценностям организации, реализуемым ее управляющей подсистемой. Инструментом, обеспечивающим такого рода соответствие, менеджмент называет организационную культуру, психология – социально-психологический климат.

Ценностная природа организационной культуры и социально-психологического климата позволяет исследовать их влияние на активность личности работника в трудовом процессе и тем самым определить механизм ее регулирования, чему и посвящена настоящая статья.

Авторы статьи исходят из того, что активность личности работника в трудовом процессе проявляется как регулируемые ценностями работника его психическое состояние и поведение. При этом ценности, как духовные свойства личности, выполняют роль своеобразного мерила, помогающего «заметить в потоке информации то, что наиболее важно для жизнедеятельности человека» [1, с. 474]. Философами и психологами отмечается, что ценности

Таблица 1

Основные элементы понятия «организационная культура»

Идентификация, форма ценностей	Обязательные условия реализации ценностей	Объект ценностей	Инструменты реализации ценностей	Цель культуры
Совокупность норм, отношений Комплекс убеждений, ожиданий Набор установок Совокупность правил, обычаев, традиций Система представлений Социально-духовное поле Набор предположений Верования, ожидания Стандарты качества Сознание организации	Разделенность членами организации Единство Принимаемые членами организации	Работа Личность Коллеги Руководство Организация	<u>Административные:</u> Стиль руководства Кадровая политика Организационная деятельность Правила управления Организационная структура Коммуникации <u>Социально-психологические</u> Символы Традиции Мифы Язык Лидеры	Определенная активность: <u>Психическое состояние:</u> Мотивы Удовлетворенность условиями труда Идентификация с предприятием Образ мышления <u>Способ действия и взаимодействия</u>

© Саксина Н.Н., Бабенко С.А., 2012

могут иметь форму как объективно существующих объектов (предметные), так и представлений, осознанных и неосознанных идеалов тех или иных явлений (ценности сознания). В составе предметных ценностей в качестве наиболее значимых психологи (М. Рокич, К. Роджерс, В. Момов) выделяют способы и цели удовлетворения потребностей, трактуя их как убеждения в том, что [2]:

– какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях (инструментальные ценности);

– какая-то конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться (терминальные ценности).

Первая группа ценностей обеспечивает со стороны работника степень задействования его личностных свойств для достижения поставленной цели, что определяет в целом психическое состояние личности и ее поведение. Вторая группа ценностей обоснована желаемыми свойствами явлений, которые выступают целью поведения, определяют направленность личности. В такой трактовке данных категорий «ценности» и «потребности» наиболее близки, что отмечают известные психологи (Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищев, Г.Х. Шингаров и др.), классифицируя их на одни и те же группы (материальные, социальные, духовные) [3, с. 44].

Изучение научных трудов в области природы, идентификации и оценки организационной культуры [4; 5] позволило нам определить общий подход к ее трактовке как совокупности ценностей организации, создающей единое культурное пространство. Рассмотрение организационной культуры как социально-психологического инструмента кадрового менеджмента позволило выделить в ней ряд элементов, которые представлены в таблице 1.

Ценности организационной культуры, выраженные заявленными руководством нормами, правилами мышления и поведения в отношении объектов, должны найти положительный отзыв у персонала, то есть быть принятыми. В таком случае работник как личность, движимая новым набором «должного», сформирует благоприятное отношение к объектам ценностей (психическое состояние) и своему поведению (способ действия и взаимодействия) в различных сферах трудового процесса.

Таким образом, организационная культура, на наш взгляд, – это система ценностей, принимаемая всеми работниками организации, реализуемая посредством административных и социально-психологических инструментов, направленная на достижение заданной активности личности в трудовом процессе. Очевидно, что чем больше ценностных элементов включает в себя организационная культура предприятия и чем больше соответствие ценностей работников и организации, тем выше активность личности работника в трудовом процессе.

Теоретические и прикладные исследования в области организационной культуры позволяют выделить пять основных объектов ценностей – работа, коллеги, руководство, сама личность и организация в целом, которые авторы рассматривают сквозь призму классификации ценностей для регулирования активности личности в трудовом процессе на ценности-цели и ценности-средства. Ценности-цели отражают представление о свойствах объектов, которые позволяют личности работника удовлетворить свои потребности (материальные, социальные, духовные). Ценности-средства определяют набор личностных свойств, обеспечивающих определенный уровень поведения.

Изучение [6] психологических и социально-экономических точек зрения на понятие «социально-психологический климат» организации и его оценку позволило автору обобщить их, выделив основные элементы этого понятия (см. табл. 2).

Следует отметить, что между социально-психологическим климатом и организационной культурой прослеживаются взаимосвязи: сходство объектов отношений и объектов ценностей, претворяемые в организационной деятельности ценности руководства являются фактором климата, следствием обоих явлений выступает определенная внутренняя и внешняя активность личности работника.

Имеющиеся в специальной литературе идентификации социально-психологического климата организации (гр. 1, табл. 2) органичны, непротиворечи-

Таблица 2

Основные элементы понятия «социально-психологический климат организации»

Идентификации	Факторы трудового процесса, влияющие на климат	Проявление климата – отношение к объектам	Результат климата
Психическое состояние Эмоциональный настрой Стиль взаимоотношений Динамическое поле отношений Социальная и психологическая совместимость	Отношения с коллегами и руководством Условия труда и стимулирования Ценностные ориентиры и интересы личностей работника	коллеги работа (дело) цели и задачи организации события трудового процесса руководство сам работник	Психологическое состояние: самочувствие личности Поведение: мера проявления личностного «Я» и характер развития в трудовом процессе

Таблица 3

Система базовых ценностей организационной культуры предприятия

Объекты ценностей	Ценности-цели (уровень свойств)	Ценности-средства
Коллектив	Деловые и личные Сплоченность (в труде, в общ работе, в отдыхе) Уважение друг к другу Взаимопомощь Сотрудничество Доброжелательность Организованность Доверие	Воспитание ценностей (символический уровень, мероприятия, лидеры) Критерии кадровой политики Методы управления, критерии вознаграждения Стиль руководства (принятие решений, контроль, интерес к личности) Информация (доступность и ясность) Организационная структура Коммуникации (формальные) Условий труда (Режим работы Работа оборудования Рабочее место)
Руководитель	Деловые и личные Профессионализм, обязательность, самодисциплина авторитарность авторитетность Внимание и поддержка демократичность глубокое проникновение в проблемы бизнеса справедливость Доброжелательность Доступность Уравновешенность Уверенность в себе Выдержанность Взаимное доверие	
Работник	Психофизиологические (пол, возраст, темперамент, воля) Профессионализм (навыки, образование, опыт) Моральные качества (ответственность, сознательность) Способности: Коммуникабельность Творческие способности Организаторские способности Интеллект	
Предприятие	Позиция на рынке Цели и задачи бизнеса Взаимоотношения с партнерами и конкурентами	
Трудовой процесс	Характер работы Разнообразие самостоятельность Индивидуальность Творчество Сложность Интенсивность	

вы. Так, стиль взаимоотношений, социальная и психологическая совместимость входят в динамическое поле отношений, а эмоциональный настрой является элементом психического состояния личности работника, зависящего от сложившихся в трудовом процессе отношений. Поэтому автор идентифицирует социально-психологический климат организации с динамическим полем отношений, выделяя:

– объекты отношений как объекты ценностей организационной культуры: коллеги, работа, организация в целом, руководство, личность работника;

– организационную культуру – совокупность единых ценностей руководства и работников как фактор;

– активность личности в трудовом процессе (психическое состояние и поведение) в качестве результата действия социально-психологического климата.

О единой природе и взаимосвязи организационной культуры и социально-психологического климата говорит Т.О. Соломанидина, которая утверждает, что климат предшествует появлению органи-

зационной культуры, которая, в свою очередь, обеспечивает соответствующий климат [4, с. 116].

На основе исследования ценностной природы активности личности, организационной культуры и социально-психологического климата авторами обоснована система базовых ценностей организационной культуры как фактора активности личности работника в трудовом процессе (см. табл. 3).

При формировании представленной системы ценностей авторы исходили из их объектов, имеющих место в организационной культуре и социально-психологическом климате, а также классификации ценностей на цели и средства. Поскольку организационная культура рассматривается как инструмент управления, ценности-цели могут быть представлены вариантами идеальных представлений руководителя о свойствах объектов, которые позволяют личности работника удовлетворить свои потребности и проявить все свои свойства. Например, доверительная атмосфера между коллегами и руководством позволяет работнику реализовать его социальные потребности и проявить свои коммуникационные и лидерские качества. Ценности трудового процесса способствуют удовлетворению не только материальных потребности работника, но и потребностей в самореализации. Ценностями-средствами со стороны руководства служат способы поддержания и воспитания ценностей-целей и ценностей-средств личностей работников.

Различные сочетания ценностей-целей и используемых для их достижения ценностей-средств позволяют обеспечить определенный уровень и направление активности личности в трудовом процессе. Использование разработанной системы ценностей позволяет организовать регулирование активности личности работника в трудовом процессе, алгоритм которого состоит из следующих этапов:

1. Обоснование модели кадрового менеджмента предприятия путем выбора соответствующих ценностей.

2. Согласование ценностей модели с ценностями отдельных работников и коллектива через оценку социально-психологического климата.

3. Принятие управленческих решений по формированию организационной культуры определенного уровня активности.

Библиографический список

1. *Ольшанский В.Б.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – С. 470–530.

2. HPSY.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hpsy.ru/public/

3. *Дробиницкий О.Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистская философия. – М., 1967.

4. *Соломанидина Т.О.* Организационная культура компании: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 624 с.

5. *Грошев И.В.* Организационная культура: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям 061100 «Менеджмент организации» / И.В. Грошев, П.В. Емельянов, В.М. Юрьев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 288 с.

6. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. – Академия наук СССР. – М.: Наука, 1980. – 176 с.

УДК 330

Субботин Виктор Олегович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vitu6asubbotin@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу вариантов государственного вмешательства в экономические процессы происходящие в гражданском обществе. Обозначены основные позиции и предложены возможные варианты развития гражданского общества. Затронутые в статье вопросы представляют научный и практический интерес.

Ключевые слова: *гражданское общество, влияние на гражданское общество, вмешательство государства, экономические отношения, экономические институты общества.*

Пока есть государство, нет свободы.
Когда будет свобода, не будет государства.
В.И. Ленин

Масштабы государственного регулирования зависят не только от объективных факторов, они определяются также политическим процессом, общественным выбором. В либеральных странах влияние государства на экономику широко и не ограничивается компенсацией традиционных провалов рынка [2, с. 547–564]. В современной России созданы материальные, технологические, социальные и экономические основы для развития гражданского общества, но размеры государственного сектора должны соответствовать спросу на общественные блага, а также реаль-

 © Субботин В.О., 2012

ным возможностям государства по управлению находящимися в его распоряжении ресурсами.

Современные политологи анализируют гражданское общество как сложную, многоуровневую систему связей и структур, сосредоточенных вне государственного управленческого аппарата, включающую в себя всю полноту межличностных отношений, развивающихся в отсутствии влияния на них государства.

Анализируя опыт предыдущих поколений по вопросу влияния государства на гражданское общество, можно выделить три основные позиции.

1. Тотальный, полный контроль государства над обществом, государство должно вмешиваться и управлять всеми процессами в гражданском обществе.

Необходимость активного вмешательства государства в процессы гражданского общества, особенно в экономические процессы, отражается в теориях меркантилизма. Начиная со времён средневековья, когда меркантилистская школа была основной, и вплоть до XIX века идеи активного вмешательства государства в регулирование процессов гражданского общества, стремление обогатить государство за счёт увеличения золотого запаса, развить внутреннюю инфраструктуру и снизить или полностью отказаться от импорта оставались актуальными, использовались и развивались в трудах политологов, управленцев, экономистов и социологов. Одним из сторонников активного вмешательства государственных механизмов в регулирование процессов в гражданском обществе был английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Считая, что государство располагает большим объемом информации, чем отдельные граждане, Кейнс предполагал активное вмешательство государства в экономические процессы общества с целью поступательного развития страны [7, с. 7]. Убеждения Джона Кейнса впоследствии вылились в новое научное макроэкономическое течение – кейнсианство, которое имело на стадии зарождения и развития, а также во времена кризисной экономики огромное количество сторонников, разделявших основные концепции данной теории. Президент США Ричард Никсон, подчёркивая актуальность этой теории, говорил: «Сегодня мы все – кейнсианцы» [8, с. 15].

Кейнс рассматривал экономику во времена депрессии, упадка, или, по-другому, кризиса. По его теории, государство должно активно вмешиваться в рыночную экономику вследствие отсутствия у самого рынка механизмов к урегулированию равновесия и невозможности обеспечить полную занятость населения. По мнению Кейнса, существовал круговорот, удерживающий экономику в состоянии хронической депрессии: спад общего покупательского спроса инициирует сокращение производства товаров и услуг. Сокращение производства приводит к разорению мелких товаропроизводителей, к увольнениям наемных работников крупными предприятиями и обширной массовой безработице, что влечет снижение доходов населения, то есть покупателей, ускоряет дальнейшее падение покупательского спроса на товары и услуги. Возникает замкнутый круг. Выход из такой ситуации Кейнс видел в следующем: если массовый потребитель не способен оживить совокупный спрос в масштабах национальной экономики, это должно сделать государство. Если оно предъявит (и оплатит) предприятиям некий крупный заказ, это приведет к дополнительному найму рабочей силы со стороны этих фирм. Получая заработную плату, бывшие безработные увеличат свои расходы на потребительские товары и, соответственно, повысят совокупный экономический спрос. Это, в свою очередь, повлечет рост совокупного предложения товаров и услуг и общее оздоровление экономики. При этом начальный государственный заказ, предъявленный предприятиям, может быть грандиозным и в той или иной степени даже малополезным [5].

Основными методами Дж.М. Кейнса в урегулировании экономического положения являлись:

– вмешательство государства в рыночную экономику обязательно ввиду невозможности её саморегулирования;

– бюджетная политика государства – основной инструмент регулирования экономики, на которую возлагались задачи обеспечения занятости рабочей силы и производственного оборудования, перераспределение через госбюджет высокой доли национального дохода;

– проблему расширенного воспроизводства необходимо решать с позиции спроса, обеспечивающего реализацию ресурсов;

– не допускать кризиса перепроизводства, проблему равновесия в макроэкономике следует решать с позиции «эффективного спроса», который выражает равновесие между потребителем и производством, доходом и занятостью;

– создание обширной зоны государственного предпринимательства на основе образования государственных и смешанных предприятий;

– понятие «эффективный спрос» позволило выяснить, как функционирует экономическая система в целом, движется поток производимой, распределяемой и потребляемой стоимости;

– широкое использование бюджетно-финансовых и кредитно-финансовых регуляторов для стабилизации экономической конъюнктуры, сглаживания циклических колебаний, поддержания высоких темпов роста и высокого уровня занятости [6, с. 352].

Идеи Кейнса получили дальнейшее развитие в работах представителей посткейнсианства: в лице как «ортодоксальных» кейнсианцев (Д. Хикса, Э. Хансена, А. Лейонхуфвуда и др.), так и левых кейнсианцев (Дж. Робинсон, П. Сраффы и др.).

2. Доля вмешательства государства в процессы жизнедеятельности гражданского общества должна быть сведена к минимуму.

Данное воззрение свойственно экономистам, поддерживающим классическую, неоклассическую экономическую теорию. Шотландский экономист Адам Смит ещё в 1776 году в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» [9] полагал, что «свободная игра рыночных сил создает гармоничное устройство» [1, с. 131]. Смит считал, что человек является основой всего общества, и исследовал поведение человека с его мотивами и стремлением к личной выгоде.

Естественный порядок, в представлении Смита, – это рыночные отношения, в которых каждый человек основывает своё поведение на личных и корыстных интересах, сумма которых и образует интересы общества. Адам Смит считал, такой порядок обеспечивает богатство, благополучие и развитие как отдельного человека, так и общества в целом [11, с. 59–61]. В соответствии с классическим подходом, государству следует гарантировать безопасность жизни человека, его собственности, свободу выбора сферы деятельности, свободу конкуренции и торговли, а также разрешать споры и прочее, то, что отдельная личность сделать самостоятельно не может. При описании системы рыночной экономики Адам Смит утверждал, что именно стремление предпринимателя к достижению своих частных интересов является главной движущей силой экономического развития, увеличивая в конечном итоге благосостояние как его самого, так и общества в целом.

Более пристально влияние отдельного субъекта общества (предпринимателя, наёмного работника, потребителя и т.д.) на экономику рассматривается представителями неоклассической экономической теории, такими как Карл Менгер, Фридрих фон Визер, Эйген фон Бём-Баверк (австрийская школа), У.С. Джевонс и Л. Вальрас (математическая школа), Дж.Б. Кларк (американская школа), Ирвинг Фишер, А. Маршалл и А. Пигу, а также современные неоклассики М. Фидман, Р. Коуз.

Изменение модели государственного регулирования, с точки зрения представителей неоклассической теории, заключалось в отказе от воздействия государственных механизмов регулирования на воспроизводство через спрос, вместо этого предлагалось использование косвенных мер воздействия на предложение. Приверженцы направления, связанного с экономикой предложения, считают необходимым отстроить заново классический механизм накопления и восстановить свободу частного предпринимательства. Экономический рост в неоклассической теории рассматривается как функция от накопления капитала, осуществляемого из двух источников: за счет собственных средств (капитализации части прибыли) и за счет заемных средств (кредитов).

Вмешательство государства в экономику может быть лишь косвенным. Государство должно вмешиваться в экономику лишь в той части, которая позволит обеспечить условия для процесса накопления капитала индивидом и повышения продуктивности производства, а экономическое развитие страны в целом зависит напрямую от рыночных сил.

Доктор философских наук, социолог, логик А.А. Зиновьев по проблеме вмешательства государства в процессы общества на постсоветском пространстве полагал, что вопрос о первичности государства или гражданского общества отпадает как бессмысленный, поскольку нельзя часть сравнивать с целым. Гражданское общество, по мнению Зиновьева, представляет собой совокупность определенных социальных связей, структур, учреждений и институтов, которые в то же время характеризуют ступень в развитии государственности. Поэтому гражданское общество, взятое само по себе, есть абстракция. «Черепаха без панциря, моллюск без раковины». Реально же оно, как самостоятельный феномен – до, вне и без взаимодействия с государством, – никогда и нигде не существовало. Но вполне справедливо и обратное утверждение: государство без наличия, в той или иной степени, хотя бы в самой малой, развитой инфраструктуры гражданских отношений существовать не может. Государство без гражданского общества – что человек без внутренних органов, дерево без сердцевины. Говоря языком Гегеля, между гражданским обществом и государством реализуется диалектическая взаимосвязь особенного и всеобщего. Оба являются необходимыми элементами единой целостности [3, ч. 3, с. 3].

3. Государство отделено от гражданского общества, вмешательство государства негативно сказывается на процессах, проходящих в обществе, мешает экономическим процессам.

Приверженцами такого взгляда на экономические взаимоотношения гражданского общества и государства являлись представители австрийской школы Л. Мизес и Ф. Хайек [4, с. 60]. Они последовательно критикуют любые вмешательства в свободу экономических решений, включая социализм или государственное регулирование согласно кейнсианской теории. Представители данного направления считали, что отдельный индивид является сложно прогнозируемой величиной, его выбор невозможно предсказать или запланировать, так как на его выбор влияет слишком много индивидуальных факторов. Учёные-кейнсианцы считали, что вмешательство государства недопустимо в любой форме, механизмы рынка являются спонтанными и непредсказуемыми. Исходя из этого, не представляется возможным сделать анализ и дать какой-либо прогноз на экономические действия на макроэкономическом уровне.

Основываясь на этих доводах, концепция, предложенная Дж.М. Кейнсом, предполагавшая прогноз

на основе изучения макроэкономических показателей, в австрийской школе считалась неприемлемой, приводящей только к ухудшению положения, как и любое вмешательство государства в рыночные механизмы.

Ещё одним направлением в экономической теории, политике и хозяйственной практике, разделяющим и поддерживающим взгляды учёных-экономистов по вопросу невмешательства государства в экономические процессы гражданского общества, явилось фритредерство, провозглашающее свободу торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую сферу жизни общества [10].

Сторонниками свободной торговли являются либеральные партии и течения; к противникам можно отнести многие левые партии и движения (социалисты и коммунисты), защитников прав человека и окружающей среды, а также профсоюзы. Стремления фритредеров на практике воплощалось в свободу торговли, обычно означающую отсутствие высоких экспортных и импортных пошлин, немонетарных ограничений на торговлю, например, квот на импорт определённых товаров и субсидий для местных производителей определённых товаров.

Что касается вмешательства государства в экономическую сферу гражданского общества в Российской Федерации, следует отметить значительный и масштабный рост в данном направлении. За последнее десятилетие активизировались процессы создания государственных предприятий в перспективных экономических направлениях, усилилась доля государственного влияния на высоком экономическом уравне в уже ставших традиционными для Российской Федерации крупнейших компаниях – «лидерах экономики». Установлены и проанализированы дальнейшие стремления в действиях государственных органов и руководства страны по вопросам контроля экономического сектора, как одной из фундаментальных институциональных составляющих гражданского общества, а именно, направленность на выявление, поддержку, усиление и выведение на высокий экономический уровень новых инновационных, нанотехнологических, телекоммуникационных, медийных и прочих наиболее значимых проектов, создания на их базе компаний или государственных предприятий с последующим увеличением доли государства в них.

Укрепление позиций гражданского общества в нашей стране имеет свою специфику, однако в целом развивается в направлении, по которому пошли демократические страны Запада.

Библиографический список

1. *Варга В.* Роль государства в рыночном хозяйстве // МЭиМО. – 1992. – № 11. – С. 131.

2. *Вышеславцев Б.П.* Имманентное зло индустриализма и проблема хозяйственной демократии // Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 547–564.

3. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – Ч. 3. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 3.

4. История экономических учений: современный этап: Учебник / под общ. ред. А.Г. Худокормова – М.: ИНФРА-М, 2009. – С. 60.

5. *Кейнс Дж.М.* Избранные произведения. – М., 1993.

6. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.

7. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – С. 7.

8. *Скидельски Р.* Кейнс: Возвращение мастера / пер с англ. О. Левченко; науч. ред. О. Замулин. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – С. 15.

9. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. (Серия: Антология экономической мысли). – 960 с.

10. *Сутырин С.Ф.* История экономических учений / С.Ф. Сутырин, М.В. Шишкин, Г.В. Борисов. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.

11. *Шмарловская Г.А.* и др. История экономический учений: Учебное пособие для вузов. – 5-е изд. – Минск: Новое знание, 2006. – С. 59–61.

Коновалова Екатерина Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СЕМЬЯ В РЯДУ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Традиционно семью рассматривают и как социальный институт и как социальную группу. Однако, сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества базируется на определённых механизмах отношения людей и групп людей. В рамках предмета новой политической экономии обоснована сущность семьи как экономической категории с использованием принципа интеракционализма (анализ экономических взаимодействий членов семьи друг с другом). Предложено обоснование ранговой структуры семьи в противовес социологической структуре, обозначающей ранговую структуру как фрустирующееся препятствие развития семейных отношений.

Ключевые слова: *семья как политэкономическая категория, домохозяйство, принцип интеракционализма, семейное домохозяйство, социально-экономические отношения.*

Концепция семейной политики как части экономической идентифицирует ответственность государства за поддержку семьи как субъекта экономических отношений. В то же время, нельзя не отметить, что реальные механизмы реализации семейной политики требуют теоретического обоснования, определения адекватной российским условиям парадигмы, в том числе в части ресурсной основы социально-экономической политики.

Целостной экономической теории семьи, дающей всестороннее, прежде всего экономическое объяснение закономерностей её функционирования и развития пока не существует, хотя в литературе можно встретить достаточно серьезно обоснованные подходы [4]. Практически не исследованы и не объяснены особенности трансформации семьи и её функций в условиях инновационной экономики, стратегии семьи как экономического агента в разных типах институциональной среды. Кроме того институциональный анализ не только учитывает влияние институционального пространства на сферу деятельности семьи, но и показывает, как изменяется это пространство под её влиянием [7].

В отечественной экономической науке проблемы экономики семьи и воспроизводства населения были вытеснены на периферию обществоведения. В теоретических экономических исследованиях имеет место недооценка роли семьи, семейных отношений как важнейшего структурного элемента всей системы социально-экономических отношений, а в экономическом плане прежде всего отношений общественного воспроизводства. Между тем институт семьи является основным стержневым элементом общества, выполняющим целый ряд важнейших для него функций, влияющих непосредственно или опосредованно на экономический рост в стране, динамику всех социально-экономических процессов [3]. Поэтому подход к пониманию экономики семьи как сложной системы экономических отношений между семьей и обществом только формируется, чему способствует междисциплинарный характер исследований семьи в сегодняшней российской фамилистике (науке о семье) на стыке экономики, демографии и социологии.

Интеграция демографических, социологических и экономических данных о развитии семьи, её экономическом положении, о динамике семейной структуры России и регионов может дать особый эвристический эффект, помочь сформулировать новые гипотезы, которые будут положены в основу исследования семьи и рождаемости в условиях современной экономики, а также подходы к разработке и реализации семейной политики.

Для современной западной и отечественной экономики характерно рассматривать семью и как социальный институт и как социальную группу. Так, в определении семьи как социальной группы делается упор на «межличностное» психологическое воздействие в семье. При таком подходе семья рассматривается как социально-психологический комплекс, стабильность которого зависит от внутренней сплочённости членов семьи, а не от внешнего давления. Можно утверждать, что в имеющейся литературе характерно рассмотрение семьи как «закрытой системы взаимодействия», которая зиждется на психологическом единстве, а не как социального института, управляемого законом и моральными нормами. Это, в свою очередь, предполагает обращение к личностям, индивидам и характеристикам индивидуального сознания в их взаимодействии – взаимоотношении между ними. «Специфически социальное» содержание в литературе определяют с помощью двух тесно связанных между собой понятий: *коммуникации* и *согласованности*. Коммуникация (взаимопонимание между, людьми) и согласованность (определенная близость взглядов и настроений) являются взаимным сознательным отношением индивидов, взаимной связью их сознаний.

При этом нельзя не отметить, что приведенные выше характеристики не являются сущностно экономическими. Скорее превалирует подход социологический. Так, например, пытаясь выяснить специфику семьи как «социальной группы», Э. Берджесс указывает, что «семья – группа людей, объединенных узами брака и родства, ведущая отдельное домашнее хозяйство. В лоне семьи происходит взаимодействие членов семьи, выполняющих соответствующие роли мужа и жены, матери и отца,

 © Коновалова Е.В., 2012

сына и дочери, брата и сестры. Семья создает и сохраняет общую культуру» [1].

В рамках предмета новой политэкономии нами обоснована сущность семьи, как экономической категории с использованием принципа *интеракционализма*, т.е. анализа взаимодействий членов семьи друг с другом. Согласно этому принципу, в обществе всё проистекает из реального взаимодействия личностей, в том числе и сознание людей, которое есть лишь элемент и продукт того взаимодействия. В настоящее же время, по мнению экономистов, семья изменяется от «товарищества» к «институту» . В прошлом основные факторы, объединяющие семью, были внешние, формальные, также, как закон, нравы, общественное мнение, традиции и авторитет главы семьи, строгая дисциплина и разработанные ритуалы. В настоящее время возникает новая, форма семьи – товарищество, её единство всё меньше зависит от давления общества, а всё больше от таких личных отношений, как взаимная привязанность, взаимопонимание и товарищество ее членов. В свою очередь, известным социологом Т. Парсонсом была предпринята попытка синтезировать различные точки зрения на семью. У него семья – это социальная группа, которая не противостоит обществу, а включена в его социальную структуру. Т. Парсонс рассматривает семью как структурную подсистему общества в связи с другими частями общества, в котором она функционирует. По его мнению, семья является не только одной из дифференцированных подсистем общества, но особым типом группы или социальной системы, поскольку она не имеет общих элементов с другими типами групп. Будучи маленькой группой «нуклеарная семья» является относительно простой социальной системой, и этот факт имеет большое значение для ее функционирования как органа социализации и стабилизации личности. Нуклеарная семья – это не независимое общество, но маленькая и высоко дифференцированная подсистема общества [6].

Главное в анализе Парсонса – это сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества. В этом плане функционализм, сутью которого является «теория равновесия», а целью – сохранение равновесия социальных структур, придает большое значение взаимодействию ролей. Каждый член семьи выполняет дифференцированные роли: мать – экспрессивную, отец – инструментальную. Кроме семейных ролей существует еще профессиональная роль отца, которой определяется статус семьи. Область инструментальных отношений, по словам Т. Парсонса, касается отношений семьи как системы к другим системам общества; это – нахождение приспособительных условий удержания равновесия и инструментальное «установление желаемых отношений с внешними целями-объектами». Экспрессивная область касается внутренних дел семьи: удержание интегративных отношений между членами семьи и их регулирование.

«Экономическая», «демографическая», «психологическая» т.д. парадигмы заключают в себе две стороны: онтологическую (общее представление о семье (как о домохозяйстве, форме распределения доходов, системе репродуктивных отношений, межличностных отношений вообще, социальном институте или мигрирующей единице и т.д.), и методологическую сторону, включающую идеалы и нормы научного исследования. Каждая наука рассматривает определенные аспекты жизнедеятельности и функции семьи (репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую (включая наследственную, потребительскую, производственную), статусную, коммуникативную, регулятивную (включая властную); различные теоретические подходы лоббируют интересы тех или иных общественных групп. Кроме того, следует учесть, что домохозяйство необходимо рассматривать на микро- и макроуровне, как систему отношений членов семьи и как целостный субъект. В частности, с экономической точки зрения домохозяйство, с одной стороны, является основной единицей потребления, а с другой стороны, – в домохозяйстве происходит процесс принятия решений об участии в профессиональном труде, о рождении детей и т.д.

Концепции человеческого капитала, тендерного неравенства, социо-половых ролей, трансакционных издержек, несовершенства информации и рынков, жизненного цикла и жизненного пути семьи, социального обмена и т.д. значительно расширяют, в частности, микроуровневый анализ семьи, позволяют получить нетривиальные ответы в макроисследованиях. Основные направления комплексных исследований семьи и домохозяйства, предложенные в рамках нашего учебного пособия, лежат в сфере экономики, демографии и социологии. В современных условиях развития товарных отношений и отношений собственности категория «домохозяйство» представляет для нас особый интерес. В этой связи интересным представляется неоклассический подход к исследованию семьи (домохозяйства) как экономическому субъекту, формализующий понятия брака и выбора партнера, рождения детей, потребности в здоровье и т.д.

Теоретический анализ домохозяйства как экономической единицы раскрывает характер взаимосвязей домохозяйства с глобальной экономической системой (количественные и качественные показатели рабочей силы, динамику производства, накопления и потребления). Наиболее ярко данные взаимосвязи проявляются на рынке труда. Оценка экономической активности членов домохозяйства (особенно моделей женской занятости) основывается на анализе внутренней динамики системы домохозяйства.

Особо отметим, что достаточное внимание внутренней динамике семейных отношений уделяется в институциональных исследованиях семьи, рассматривающих брак как управляющую структуру, анализирующих «семейные переговоры» и «контракты».

В ряде работ мы уже отмечали, что определение понятия «домохозяйство» не имеет абсолютного соответствия с определением понятия «семья» [4, с. 62–63]. Понятие домохозяйства имеет более строгую привязанность к территориальным границам домохозяйственной единицы и предопределяет существование экономических отношений (общий бюджет, экономическая поддержка) внутри домохозяйства и производственных отношений (если они существуют). Для нашего анализа важно также представлять домохозяйство как единицу (уровень) принятия решений о рождении детей и о других демографических событиях: семейное планирование, брак, миграция, решение оставить родительский дом и т.д. Домохозяйство может быть представлено людьми, не находящимися в родственных отношениях, или «одиночками». Члены семьи могут нарушать принцип постоянного совместного проживания. Однако, строгих границ, разделяющих понятия «семья» и «домохозяйство» не существует, и данные термины часто употребляются как взаимозаменяемые.

В последнее время ученые все чаще используют термин «семейное домохозяйство» (домохозяйство отождествляется с семьей, все члены которой проживают совместно), так как в большинстве случаев домохозяйство является семейным. Это характерно как для развитых стран, так и для России. Кроме того, развиваются также так называемые «транснациональные домохозяйства», члены которых проживают в разных странах и поддерживают друг друга материально, то есть в какой-то степени совместно ведут хозяйство [5].

Выше отмеченное позволяет утверждать, что домохозяйство представляет собой основную единицу социального и биологического воспроизводства, связанную с социально-экономической макроструктурой, и определяется как лицо или группа лиц, совместно проживающих и ведущих хозяйство. Семейное домохозяйство представлено людьми, связанными родством или обязательством, реализующих потребности в любви, жизни, питании, эмоциональной поддержке, взаимопомощи, осуществляющих совместные стратегии существования, выживания, наследования, воспитания детей, миграции, социальной мобильности [2].

Отметим, что в зарубежной литературе семья рассматривается с одной стороны, как социально-экономический институт, который управляется законом, нравами, общественным мнением и традициями, с другой стороны, как психологическое единство или как группа, существующая независимо от общества и действующая часто вне связи с общественными установлениями и даже вопреки им. Если общество не может предоставить своим членам уверенность в будущем, то эту уверенность должна предоставить им семья. Если общество прибегает к социальному нажиму, то семья должна снять этот нажим. Семья предстает как структурная подсистема общества или как часть экономической структуры, находящаяся в состоянии равновесия и интеграции с остальными социальными структурами.

Значительное место в работах западных экономистов и социологов уделяется проблеме трансформации семьи и ее функций в конце XX – начале XXI столетий. Так, в свое время, в учебнике «Социология семьи» М. Элмера указывалось, что в современном обществе в связи передачей ряда экономических и производственных функций семьи другим организациям (о чем уже шла речь) возрастают психологические и эмоциональные функции семьи. Так, ребенку в дополнение к биологическим нуждам и физическому здоровью необходима эмоциональная уравновешенность и умственное приспособление для сопротивления социальному натиску общества. Растущая же специализация всех видов работ с их монотонностью требует укрепления эмоциональной структуры индивида, чтобы он мог внести напряжение.

Кроме того, семья – это основная единица социального контроля, и осуществляется он не только за детьми, но и за взрослыми. Поведение индивида в обществе определяется воспитанием, полученным в раннем детстве, когда он был членом первичной группы, в которой он провел ранние годы жизни.

Важным для современной экономикой теории семьи является также проблема места семьи в системе социально-экономических структур, социализация как главная функция семьи, семейные роли и сочетание различных ролей, роль женщины в современном обществе и др. Так, например, многие авторы считают, что семья существует для радости и полного проявления жизни, что она должна обеспечивать прочную основу для развития ее членов, передавать культурное наследие следующему поколению, культивировать более глубокие интимные аспекты жизни, передавать жизненный опыт своим членам, обеспечивать физическое и умственное здоровье членам семьи, обеспечивать полное проявление человеческой личности, поощрять здоровое выражение любви, обеспечивать функцию воспроизводства человека; семья так же является местом, где люди могут совершать ошибки в обстановке покровительства. В институциональной теории подчёркивается, что «человеку свойственна потребность в создании вокруг себя предсказуемой среды... Именно в рамках защищённого рутиной про-

странства впервые возникает норма доверия». Иными словами, привычки и рутины удовлетворяют фундаментальную потребность человека «...в формировании среды, где он мог бы оставаться самим собой» [8].

Но в оценках прогноза перспектив семейного института все сходятся на том, что урбанизация, развитие техники и транспорта, вертикальная и горизонтальная мобильность способствует ослаблению родственных связей. Кроме того, анонимность городской жизни создает предпосылки для внебрачных связей, следствием чего является ослабление семьи. Вот почему социологи не могут не давать практических советов, направляемых на укрепление семьи. Одни из них средством укрепления семьи считают более эффективное разделение труда в семье, другие – изменение статуса жизни и т.п. Между тем брачно-семейные отношения часто развиваются далеко не в том направлении, какое пытается им указать социология.

Суммируя все выше изложенное, можно дать более подробную дефиницию семьи. *Семья* – это социально-экономический институт (с точки зрения общественного санкционирования брачно-семейных отношений) и в то же время обладающая исторически определенной организацией малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения.

В этом определении особенно важны следующие моменты: 1) социально-историческая обусловленность семейных отношений и семейной организации; 2) наличие в семье, наряду с общими для всех социальных явлений чертами и качествами, ряда специфических особенностей (малочисленность семейной группы, близость родства, общность быта, взаимная моральная ответственность); 3) то, что существование семьи и ее специфическая социальная функция является следствием объективной необходимости, связанной с одной из двух важнейших форм производства и воспроизводства непосредственной жизни.

Поскольку жизнь в семье связана с общностью быта и материальной заботой о родственниках, постольку между членами семьи складываются определенные *социально-экономические отношения*. Причем сама семья определяет лишь необходимость этих отношений, характер же их зависит от социальной принадлежности семьи, конкретно-исторических условий ее жизнедеятельности.

Семья – относительно замкнутая система межличностных и межгрупповых отношений. Вместе с тем семья представляет собой элемент более широкой системы. Причем «семья-общество» происходит как на уровне целого, так и на уровне составляющих его частей. Поэтому понятия «система» и «подсистема» по отношению к обществу и к семье применимы лишь постольку, поскольку речь идет о первом уровне (общество – целое, а семья – его часть) их взаимодействия. Что же касается системы семьи, то она стабильна (хотя степень и критерии ее стабильности различны в разные эпохи). Ее устойчивость может обеспечиваться за счет внешних по отношению к ней сил: права, религии, общественного мнения и внутренних связей, в которых реализуется взаимная эмоциональная и экономическая заинтересованность. В первом случае семья рассматривается в качестве института, во втором – как малая группа.

Семья характеризуется с точки зрения местоположения, структуры и социальных функций.

Местоположение семьи означает, что она не сводится к родственным отношениям, а предполагает и совместное проживание родственников, а следовательно, и наличие общих элементов быта; экономическая взаимопомощь и поддержка членов семейной группы, разделение труда между ними осуществляются в определенных локальных границах, в рамках семейного домашнего хозяйства. Совместное же проживание связано с совместным потреблением, а иногда и с совместным производством.

Структура семьи – это способ обеспечения единства ее основных элементов, т.е. составляющих ее половозрастных групп и отдельных лиц. Характер семейной структуры определяется в конечном счете социально-историческими условиями: состояние общественных отношений порождает соответствующие тенденции в семейных отношениях и т.д. В свою очередь семейная власть может основываться на экономическом преобладании или моральном авторитете, исходить из традиционных представлений о структуре семьи или оценки существующего в данной конкретной семье положения, сосредоточиваться в одних руках или распределяться между несколькими взрослыми членами семьи. В этом плане разнообразны и формы появления семейной власти – от прямого насилия до морального воздействия, от приказов до вежливых дружеских советов. Со структурой семьи тесно связан порядок и уклад ее жизни, ее обычаи и традиции, а также ее взаимоотношения с другими семьями и со всем обществом.

Социально-экономические функции семьи имеют два основных источника: потребности общества в целом, семьи, в частности, и специфику самой семейной организации. И то и другое исторически изменяется. Поэтому каждый этап в развитии семьи связан с отмиранием одних и возникновением других функций, с изменением как масштабов, так. и характера ее деятельности. Однако при всех этих

изменениях общество на новой ступени своей истории нуждается в воспроизводстве населения, поэтому оно всегда заинтересовано в семье как форме организации этого воспроизводства.

В свою очередь, воспроизводство населения – это не просто процесс деторождения. Это не только физическое, но и духовное воссоздание общества, не только рождение, но и соответствующее воспитание детей. Для этого необходима семья. Ребенок, особенно в раннем детстве, нуждается в повседневной заботе, граничащей с самоотверженностью. Только такое отношение к ребенку создает нужные предпосылки для влияния на него, вызывает у него доверие и любовь к воспитателю.

Среди экономических функций семьи необходимо различать такие, которые связаны с самой сущностью и спецификой семьи и которые никакой другой социальный институт в данных условиях выполнить не в состоянии, и такие, к выполнению которых семья лишь «приспособлена» наряду с другими социальными организациями. К первой группе относятся воспроизводство населения, связанная с ним деятельность семьи, ко второй – такие функции, как, например, накопление собственности, представительство в экономических и юридических отношениях с государством и т. д.

Говоря о семье, нельзя еще раз не подчеркнуть, что ее основу составляет брак. *Брак* – это исторически изменяющаяся форма отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает. их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности.

Содержание брака неоднородно по своему характеру: оно включает и *экономическую* и *психологическую* сторону. *Экономическая сторона* – это следствие специфики экономических отношений, половозрастного разделения труда в производстве и домашнем хозяйстве. *Психологическая сторона* брака имеет своим источником как особенности социально-экономической и культурной жизни общества, так и половой диморфизм, оказывающий влияние на потребности, чувства, черты характера и даже на способности и вкусы мужчины и женщины.

Таким образом, сохранение функциональной устойчивости социальных структур общества базируется на определённых механизмах отношений людей и групп людей, в которых семья является доминирующим среди других социальных институтов.

Библиографический список

1. *Берджесс Эрнст.* Современная американская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

2. Домохозяйство, семья и семейная политика / под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 10–11.

3. *Иванова Р.К.* Семейный уклад и основы жизнеустройства // Многоукладность России: исторические корни, состояния и перспективы. – М.: Институт экономики РАН, 2009. – С. 183.

4. *Колесов В.П., Коновалова Е.В., Чекмарев В.В.* Экономическая теория семьи. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 300 с.

5. Народонаселение / Энциклопедический словарь. – М., 1994.

6. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

7. *Филоненко Ю.В.* Потенциал институционального анализа в исследовании потребительского и инвестиционного поведения российских домохозяйств // Эволюционные и институциональные механизмы современной модернизации / под ред. А.Ю. Архипова, Е.М. Мартишина. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – С. 254–261.

8. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.М. Нуреева: В 3 ч. – Ч. 1: Домохозяйства современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2003. – С. 110.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 13.00.02

Белоусова Татьяна Викторовна
Курский государственный университет
tatyanawbd@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДА ДИАЛОГА КУЛЬТУР ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Автор статьи доказывает, что изучение литературы Серебряного века в школе должно вестись с помощью метода диалога культур, так как творчество этого периода сознательно ориентировано на диалог с наследием мировой культуры. В качестве примера рассматривается культурный диалог литературы Серебряного века с культурой Италии. Автором предложен способ реализации метода диалога культур на уроке литературы.

Ключевые слова: *диалог культур, методология, метод, литература, урок, Серебряный век, литературная гостиная.*

В лирике Серебряного века ведется активный поиск новых выразительных средств, нового поэтического слова, новой литературы, при этом особую роль получает реализация смыслов мировой культуры. Человек в литературе той эпохи перестает быть организующим центром, интерес смещается в сторону взаимодействия собственной культуры с культурами других стран, других времен. В XX веке, по мнению исследователя Н.А. Петровой, наметился особый характер отношения бытия и культуры: «Бытие вытеснено культурой, приобретшей онтологический статус… Основа новой литературы – не в бытии, а в культуре» [4, с. 28, 54]. Культурное «переживание» дает ключ к прочтению мира. Деятели Серебряного века создают своего рода «палимпсест», «текстус рескриптиус», накладывая на «старый» текст «новый», собственный. Мыслители рубежа веков постоянно отсылают читателей и зрителей к истокам, восстанавливают разорванные связи. Культура для представителей Серебряного века была не просто наследием прошлого, в котором слиты воедино авторы разных времен и исторические эпохи, но синхронным синтетическим образованием, находящим свое беспрерывное выражение в поэтическом слове. «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху… вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл», – писал Мандельштам [3, с. 40–41]. За этой фразой скрывается новая концепция художественного творчества, которая предполагает синтез и непрерывный диалог культур и эпох в поэтическом произведении. Поэтическая вселенная Серебряного века – это синхронный мир, в котором нет прошлого и будущего, в нем одномоментно присутствуют художники и художественные произведения всех времен. Творчество для художников Серебряного века было в первую очередь точкой пересечения художественных образов, мотивов, сюжетов, порожденных мировым литературным процессом.

Чаще всего поэты и писатели Серебряного века обращались к культуре Италии эпохи Возрождения. Это становится своеобразным культурным кодом, на интерпретацию которого ориентированы близкие кругу читатели. Италия воспринимается как сердце мировой культуры, и итальянская тема в произведении – своего рода демонстрация «кастовости», манифестация собственного отнесения к узкому кругу посвященных в тайны культуры. Там побывали Д. Мережковский, В. Иванов, А. Блок, А. Белый. Сохранились впечатления о поездке Анны Ахматовой и Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Михаила Кузьмина, Марины Цветаевой. Посещение Италии было чуть ли не необходимым пунктом биографии творческой личности и говорило о приобщении к культуре страны поэзии, живописи, архитектуры и музыки. Путешествие в Италию является своеобразной творческой посылкой, обращение к этой стране становится реализацией накопленного художественного опыта, который используется в поэтических интерпретациях.

Пространство Италии у представителей Серебряного века мифологизировано и существует по поэтическим законам, вводится с помощью архитектурных мотивов, обозначено с помощью аллюзии, реминисценции, эпиграфа или же просто локально ограничено названием города.

Пожалуй, более чем кто-либо выражает в своих произведениях эту интертекстуальную составляющую концепта «Италия» Осип Мандельштам. Игра с текстами образует важнейшую грань его творческого своеобразия. Мандельштам ориентируется на мастеров Италии, обосновывая свое творчество с помощью сопоставления с представителями мирового культурного наследия.

У Гумилева опыт культуры накладывается на новую форму, и тем самым расширяется семантическое пространство стихотворения: с помощью подобной игры Гумилев выстраивает цепочки неожиданных ассоциаций и скрещиваний культурных смыслов. Так, например, для художественного мира Гумилева характерна соотнесенность топонима или

© Белоусова Т.В., 2012

«говорящего» имени с миром лирического произведения. В концепте «Италия» для Гумилева сосредоточены представления как о культурном богатстве цивилизации, так и тайных смыслах, сокрытых в нем. Италия тесно связана с персоналиями, поэт распоряжается набором знаковых имен для создания нужного ему семантического ряда.

Так в стихотворении «Музы, рыдать престаньте» из цикла «Беатриче» он пишет о Данте:

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий –
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче [2, т. 1, с. 110].

Здесь мы наблюдаем смысловую контаминацию: как о «грешнике» Гумилев вряд ли говорил о Данте, исследователь А. Рослый в труде «Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов» отмечает почтительнейшее отношение Гумилева к поэту. Однако подобные характеристики автор мог придать себе, поскольку он ставил себя в один ряд с певцами Беатриче (напомним, что стихотворение посвящено Беатриче-Ахматовой).

Диалог со смыслами мировой культуры ярко выражен и в поэзии Анны Ахматовой. «Ахматовой было присуще необычайно интенсивное переживание культуры… В поздних ее стихах культура проступает наружу. В ранних она скрыта, но дает о себе знать литературной традицией, тонкими, спрятанными напоминаниями о работе предшественников», – отметила Л. Гинзбург [1, с. 360]. В лирике Ахматовой запечатлены не только природа, зодчество и изобразительное искусство Италии. Как у Гумилева и Мандельштама, стихи Ахматовой заключают в себе представление об Италии как о вневременном мире искусства. Итальянской теме посвящено сравнительно небольшое число стихотворений, и все же в том, как Италия находит выражение в поэтических текстах Ахматовой вполне можно увидеть реализацию единого для представителей Серебряного века концепта Италии как дома русской души.

Диалог, заложенный в произведениях поэтов Серебряного века, требует специального подхода в их изучении. Наиболее эффективным мы считаем здесь применение методики диалога культур.

В изучение литературы с помощью метода диалога культур входит знакомство с доминантными образами-скрепами (или архетипами) национальных картин мира, национальных менталитетов. В каждом литературном произведении через поэтику, контекст и подтекст происходит отражение философско-эстетических, культурно-исторических ценностей автора, и через них – менталитета эпохи, диалога разных эпох, а также выражение в тексте диалога «двух сознаний», и, соответственно, объективных, возможных интерпретаций текста другим (воспринимающим) сознанием и другой культурой. Диалог осуществляется в конкретном тексте, заключающем в себе знаки, символы, коды, образы, идеи, концепции определенных культур. Поэтому многие выдающиеся произведения должны быть прочитаны через призму этих культурно-семантических пластов, благодаря которым произведение функционирует в «большом времени». Культурно-семантические пласты задаются разнообразными средствами: введением в текст сюжетов, микросюжетов, мотивов, образов, цитат, аллюзий, реминисценций, мифологем, относящихся к разным текстам культуры, а также сведений из области философии, этики, социологии, политики, науки, религиозных учений. Задача учителя – предоставить обучающие средства, привлечь интерес школьника и, если есть необходимость, помочь ему в расшифровке произведений, несущих в себе культурные коды.

Изучение текста как зашифрованного культурного послания активизирует у читателя-школьника не только механическую память (где-то об этом читал, это слышал или видел), но и ассоциативную, будоражит образное мышление. Ученик выстраивает ассоциативный ряд, пробуждает «культурную память». В старших классах работа с цитатами, реминисценциями и аллюзиями органична для школьников. Старшеклассник зачастую пытается самостоятельно объяснить изучаемое произведение уже известными ему фактами культуры. Так постепенно в сознании школьника устанавливается закономерность литературного процесса как общекультурного. Школьникам необходима постоянная тренировка механизма появления ассоциаций. Свидетельством о воспитании художественных ассоциаций у реципиента является способность его обнаружить в определенный момент в своем сознании нужный художественный образ, что свидетельствует о вхождении в мир культуры.

Представляем вам пример реализации методики диалога культур на примере школьного урока «Серебряный век и Италия. Диалог культур». Форма урока – литературная гостиная.

Эпиграф урока: «…может быть, поэзия сама – / Одна великолепная цитата» (А. Ахматова).

Действующие лица: О. Мандельштам, Н. Гумилев, А. Ахматова, А. Блок. Каждый из них рассказывает о своем пребывании в Италии и читает стихи. После прочтения стихов завязывается разговор, разъясняющий реминисценции и суть диалогов с Италией.

Блок: Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня в нашей гостиной собрался цвет русской поэзии. И вы знаете, я вспомнил, как много лет назад в этот день я путешествовал по Италии: Венский поезд пересекал границу между Филлахом и Тревизо, потом медленно шел по длинной и узкой дамбе, соединяющей венецианские острова с материком, шел словно по спокойной воде. Лагуна скрывалась в беловатом и прозрачном тумане и постепенно из ту-

мана прояснялся пейзаж, знакомый по множеству изображений; совершенно зеленая вода Адриатического моря, черные гондолы, стройная башня и легкий купол Сан-Джорджо.

Ахматова: Узнаю! Вы описываете Венецию!

Блок: В Венеции хочется быть художником, а не писателем, я бы нарисовал много, если бы умел.

Ахматова: В 1912 году мы с Николаем ездили в Италию и тоже посещали Венецию! Впечатление было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь! И я написала стихотворение тогда.

Мандельштам: Прочтите, пожалуйста, Анна Андреевна!

Ахматова читает стихотворение «Венеция».

Мандельштам: Спасибо! Какая легкая, воздушная картина встает перед глазами!

Гумилев: Прекрасная, спокойная, лучезарная Венеция, какой ее увидела Анна в день нашего пребывания там. Но ведь у каждого из нас своя Венеция, не так ли? И для меня это не просто зеленая вода, а таинственная, волшебная феерия! Город с богатым загадочным прошлым.

Гумилев читает своё стихотворение «Венеция».

Блок: Да, Венеция – это город-история, и невозможно смотреть на современную Венецию и не слышать, как она рассказывает нам о своем прошлом. А ведь она каждой своей колонной, мозаикой, каждой гондолой вступает в диалог с нами. И я вижу, что у вас, Николай, этот диалог вызывает интерес туриста перед неизведанным, немного жутким, но привлекательным. И былое Венеции вам кажется призрачно-светлым. Мне же прошлое Венеции всегда казалось тяжелым сном, черным рассказом, полуреальностью.

Блок читает свое стихотворение «Венеция».

Блок: Я знаю, что у нашего друга Осипа Эмилевича тоже есть стихотворение о Венеции, где она раскрывается во всей своей кровавой истории и холодной праздности.

Мандельштам: Да, есть, и я его с удовольствием прочту. Но прежде хочу поделиться одной мыслью, пришедшей мне в голову. Говоря об Италии, мы с вами первым делом вспомнили Венецию. Потому что это, без сомнения, город, который особенно задевает русское сердце, родина души. И задевает не только своей красотой, но и особой исторической двуликостью. Он ведь похож на наш Петербург смесью внешнего величия и внутреннего трагизма, город-оксюморон.

Мандельштам читает своё стихотворение «Венецейская жизнь»

Ахматова: Вы говорите о Венеции как о женщине, прекрасной и холодной!

Гумилев: В вашем стихотворении я услышал аллюзии на библейские мотивы (голубь и ковчег), сказание о Сусанне и старцах, намеки на историю Венеции. И всё это создает картину вселенских вневременных масштабов, слушатель ощущает переплетение судеб и диалог культур.

Блок: Очень интересно, что мы смотрели на один и тот же город, но каждому из нас он открывался по-разному. И мы раскрывались в стихотворениях, посвященных Венеции, каждый в соответствии со своим характером.

Гумилев: Венеция – это, конечно, родина русской души. Но на меня еще сильное впечатление произвел Рим. К большому сожалению, Анна Андреевна во время нашего путешествия по Италии не доехала до Рима, чувствовала себя уставшей и осталась во Флоренции. Позвольте зачитать написанные мной стихи о Риме.

Гумилев читает стихотворение «Основатели».

Мандельштам: Замечательно! Но вы всё же хитрец, Николай! Говоря о Риме, вы не забыли упомянуть любимый Петербург.

Ахматова: Где же вы услышали это, в каких строках?

Мандельштам:

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце», – ответил Рем.

Четко прослеживаются мотивы вступления к «Медному всаднику» Пушкина: «Пред ним широко / Река неслася; бедный челн...» и т.д., «Здесь будет город заложен / Назло надменному соседу...»! Николай Гумилев следует концепции: «Москва – третий Рим». И в характерной для себя символистической манере с помощью реминисценции прославляет Россию.

Блок: У вас, Николай, как и в стихотворении Осипа Эмилевича, культура Италии перекликается с культурой России, а образы итальянских городов и Петербурга накладываются друг на друга, сливаясь в образе города как пространства мировой культуры.

Ахматова: Города и история Италии – велики! Современность, Античность, Возрождение, Средневековье причудливо переплелись в образе Италии. Она стала Олимпом поэтов (и мы не исключение), художников, скульпторов всех времен, их Музой. Земли Италии давали великих людей: Горация, Вергилия, Овидия, Рафаэля, Буонарроти, да Винчи, Тассо.

Мандельштам: И тень великого Данте витает над мировой поэзией до сих пор и неизменно вступала в диалог с каждым из нас.

Блок: О, Данте – единственное воспоминание прошедших веков, достойное новой жизни! Любовь была для Данте священной, таинственной, плотские мотивы улетучивались до желания лицезреть Беатриче, до жажды одного её привета, до блаженства петь ей хвалы. Чувство превращалось в одухотворение, увлекая за собою и образ милой: она становится призраком, «молодой сестрой ангелов»; это бо-

жий ангел, говорили о ней, когда она шла, венчанная скромностью!

Гумилев: Беатриче стала для нас всех воплощением вечной женственности, верности и любви.

Гумилев читает стихотворение «Музы, рыдать перестаньте» из цикла «Беатриче».

Гумилев: Это стихотворение я посвятил Беатриче-Ахматовой.

Блок: И Данте в этом стихотворении – это вы сами. Зная ваше почтительнейшее отношение к поэту, я думаю, вы вряд ли могли назвать его грешником, развратником и безбожником.

Мандельштам: Я хотел бы прочесть вам следующее четверостишие: *И не одно сокровище, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдет, / И снова скальд чужую песню сложит / И как свою ее произнесет.* Перекличка с великими поэтами прошлых веков – это то, что я называю глубокой радостью повторения! Память о поэтических текстах прошедших эпох и их переосмысленное повторение в цитатах, аллюзиях и реминисценциях приводят к диалогу и тесному переплетению прошлого, настоящего и даже будущего. Приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. И никакого противоречия между прошлым настоящим и будущим нет! Прошлое связано с настоящим и вчера еще не родилось! И отсюда великие предвидения и пророчества, которые есть в стихах великих поэтов!

Ахматова: Как оказались пророческими ваши, Осип, обращенные ко мне еще в 1915 году, стихи:

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой,
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены?

Стихи, казавшиеся мне тогда таинственными, оказались после жгучей правдой.

Данте всегда занимал особое место в вашем поэтическом мире, Осип. Помню, как в 1933 году вы приехали с женой в Ленинград и остановились в Европейской гостинице. Тогда вы только что выучили итальянский язык и бредили Дантом, читая наизусть страницами. Мы стали говорить о «Чистилище». Я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче), а вы заплакали. Думая о вас, я написала стихотворение «Данте».

Ахматова читает стихотворение «Данте».

Блок: Великий Данте оставил свой след и частицу себя в каждом из нас. Италия стала частью нас, и, вступая в диалог с ней, мы открывали ее каждый по-своему и при этом раскрывались сами.

Мандельштам: Диалог культур – в нем нет повторений! Потому что классика – это не то, что уже было. Это неувядающая новизна, то, что должно быть!

Блок: Большое спасибо за прекрасный вечер, друзья!

Библиографический список

1. *Гинзбург Л.Я.* Ахматова: Несколько страниц воспоминаний // Гинзбург Л. Человек за письменным столом. – Л., 1989.

2. *Гумилев Н.С.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1991.

3. *Мандельштам* О.Э. Слово и культура. – М., 1987.

4. *Петрова Н.А.* Литература в неантропоцентрическую эпоху: Опыт О. Мандельштама. – Пермь, 2001.

УДК 37.013

Ботова Марина Геннадьевна
Удмуртский государственный университет
semantica41@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НАСИЛИЕ» И «АГРЕССИЯ»: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рассматривается проблема насилия над детьми и жестокого обращения с ними. Представлены различные взгляды на проблему насилия. Соотносятся понятия насилие и агрессия.

Ключевые слова: *дети, насилие, агрессия, насилие в школе, жестокое обращение.*

Тема насилия становится центральной для средств массовой информации, для обыденного общения и обращения с детьми. По результатам исследований, проведенных в 2011 году в развитых странах, с телесными наказаниями, унижением достоинства и психологической травлей в учебных заведения сталкивались 36% опрошенных [7, с. 1]. Специалисты утверждают: школьное воспитание, основанное на насильственных методах, оборачивается психологическими травмами подростков, что, в свою очередь, ведет к воспроизводству жестокости в обществе.

По данным общероссийской организации «Право ребенка» за 2010 год, около 20% детей в образовательных учреждениях подвергается насилию со стороны учителей или воспитателей.

Однако было бы несправедливо полагать, что насилие – современная проблема, характерная только для нашей страны. К сожалению, жестокое отношение к детям пронизывает всю историю развития

 © Ботова М.Г., 2012

человечества, тенденция роста насильственных действий в отношении детей отмечается сегодня во всем мире.

В мировой литературе опубликованы статьи, монографии, руководства по тем разделам медицины, социологии, юриспруденции, которые отражают специфику проблемы насилия и жестокого обращения с ребенком. В современной зарубежной и отечественной литературе жестокое обращение рассматривается как одна из ведущих причин асоциального детства (С.А. Беличева, Е.Н. Волкова, Е.М. Вроно, И.Н. Григович, В.Е. Дружинин, Р.Н. Клайберг, А.А. Реан и др.) [6, с. 27].

Теории агрессивного поведения, выступающего потенциальным источником насильственных действий, содержатся в работах Л. Берковица, Г. Зиммеля, Б. Скиннера, З. Фрейда. Для интерпретации всего комплекса источников распространения насилия особую значимость представляют исследования социального неравенства П. Бурдье, М. Вебера, Э. Гидденса, И. Ильина, Т. Парсонса, Ж. Руссо. Проблемой деструктивности человеческого поведения занимались А. Кестлер, Э. Фромм.

Однако, несмотря на обилие публикаций по самым различным направлениям рассматриваемого вопроса, сегодня практически не встречаются работы о социально-психологических проблемах понимания насилия в общеобразовательном пространстве.

В целом, анализ актуальности проблемы и степени ее разработанности в науке позволяет выделить следующие противоречия:

– между наличием проблемы насилия в общеобразовательном пространстве и отсутствием в научной литературе четкой дифференциации понятий «насилие», «агрессия», «жестокое обращение»;

– между наличием факторов, способствующих развитию насилия и отсутствием исследований, конкретизирующих их влияние на учащихся.

Цель данной работы дифференцировать понятия «насилие», «агрессия», «жестокое обращение» на основе анализа и обобщения основных теорий и научных подходов.

Теоретический анализ проблемы насилия показал, что в настоящее время распространенность жестокого обращения с детьми достаточно велика. Согласно современным научным представлениям о природе насилия, оно составляет жизненный универсальный контекст процессов социально-экономических условий жизни родителей, а следовательно и детей, обучения и воспитания и всей последующей жизни: все люди в той или иной степени подвергаются насилию и, в первую очередь, насилию социально-экономического характера.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова термин «насилие» трактуется как «применение физической силы к кому-нибудь» [9, с. 393]. В данном толковании С.И. Ожегов делает акцент на наличие насильственных действий относительно другого человека.

Социальное взаимодействие, как правило, бывает конструктивным или неконструктивным. Наиболее известными формами неконструктивного социального взаимодействия являются насилие и агрессия.

Б. Крэйхи рассматривает насилие как некий подтип агрессии, который относится к крайним формам физической агрессии. Безусловно, насилие в форме физической агрессии может быть направлено как на людей, так и на предметы окружающего мира и преследовать цели, связанные с нанесением повреждения. В основе этого определения заложено понимание сущности феномена, который заключается в наличии конкретного действия относительно чего-либо или кого-либо, т.е. в наличии деятельностного компонента. Деятельностный аспект насилия проявляется в форме войн, террористических акций, геноцида, в виде преступлений против личности – убийства, грабежи, изнасилования, драки с нанесением увечий и др.

Н. Макиавелли признавал насилие как одно из средств достижения цели и считал, что умный государь должен внушать страх, а не любовь. «Любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх» [8, с. 50].

А. Гуггенбюль отмечает, что «насилие подразделяют на физическое, заключающееся в издевательстве над человеком, причинении ему телесной боли, надругательстве и манипуляции, и психическое…» [3; с. 153]. Он рассматривает насилие как естественную склонность, неотделимую от человеческой сущности и связывает его с применением психологического или физического давления, как в частной жизни, так и в общественной.

Насилие часто отождествляют в научной литературе с термином жестокое обращение.

В педагогическом энциклопедическом словаре (гл. ред. Б.М. Бим-Бад) жестокое обращение рассматривается как «делание чего-либо через силу» [10, с. 161].

Поскольку насилие и жестокое обращение связаны с демонстрацией агрессии, то необходимо определиться с вопросом проявления агрессии.

Л. Берковец связывает агрессию с действием, в основе которого лежит цель причинить вред или ущерб другому лицу. По его мнению, любые действия можно считать агрессивными, если они намеренно предполагают нанесение оскорбления или обиды, т.е. наличие деятельностного компонента в поведении, поскольку есть акт намерения действовать, т.е. обдумывания для сознательного действия.

В определении агрессии, данном А. Бассом [Buss, 1961], «агрессия – это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим» [1,

с. 25], в большей мере усматривается осознанная деятельность.

В педагогическом словаре под агрессией понимается «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности» [5, с. 6].

Агрессию мы рассматриваем как проявление эмоциональной реакции в результате выполнения каких-либо действий. При этом не всегда эти действия могут носить насильственный характер. Высшей формой проявления агрессии являются гнев и ярость. Недовольство и раздражение могут быть показателем начала агрессии. Как считает Р.Х. Шакуров, агрессия чаще всего возникает на основе достаточно сильных протестных переживаний.

Таким образом, в вопросах изучения человеческой агрессии и насилия существуют различные теоретические обоснования. Основными теоретическими подходами в исследовании агрессии считаются: этологический (эволюционный), психоаналитический, социобиологический, фрустрационный (гомеостатический подход), бихевиористский (теория социального научения, поведенческий).

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что насилие – особый тип отношений, который предполагает применение силового воздействия с целью уничтожения, наказания или контроля над людьми, против их воли; то есть в нем присутствует наличие деструктивного деятельностного компонента в действиях человека.

Агрессия – есть проявление эмоциональной реакции в поведении человека как показатель неудовлетворенной потребности в чем-либо, она не всегда может проявляться в насилии, но всегда – через поведение; в некоторых случаях агрессия может носить природный характер и провоцироваться на ситуацию фрустрации.

Жестокое обращение является формой применения насилия, связанной с действиями по причинению другому человеку вреда, и может выражаться в виде угроз, наказаний или применения физической силы.

Насилие, агрессия, жестокое обращение применяются человеком для достижения или поддержания доминирующего положения во взаимоотношениях с другими людьми и связаны с нанесением ущерба или вреда, с созданием условий, ограничивающих права и свободу других людей.

Таким образом, теоретико-эмпирический анализ показывает, что существует проблема неопределенности понятий «насилия» и «агрессии», что обусловлено разными теоретическими подходами.

Насилие в школе – это неоднократное, злоумышленное поведение по отношению к соученику, педагогу или иному субъекту школьного взаимодействия: приставание, издевательство; отнимание вещей, их порча и пачкание; игнорирование, распространение клеветнических слухов; угроза насилием; избиение; отъем денег и вещей. Насилие может быть как физическим, так и психологическим, эмоциональным (угрозы, насмешки, унижение, эмоциональное изолирование и т.д.) [4, с. 112].

По статистическим данным в школах за 2009 год темпы роста числа насильственных действий сохранились. «Если взять уровень насилия по возрастающей 100-бальной шкале, то сегодня уровень насилия в российских школах достигает 65–70 баллов», – говорит Сергей Комков – президент всероссийского фонда «Образование» [2, с. 1].

Таким образом, подтверждается актуальность проблемы исследования насилия в учреждениях образования. Так, в городе Ижевске, по имеющимся данным телефона доверия, при психологическом центре муниципального учреждения «Городской центр социальной помощи семье и детям» «Теплый дом» в среднем в год по проблемам насилия обращаются более 230 человек, в том числе насилия вне семьи – 135 человек.

Опасность заключается в том, что в настоящее время школа является местом применения насилия по отношению к учащимся, которые впоследствии переносят методы насильственного взаимодействия вовне – на родителей, друзей, окружающих.

Библиографический список

1. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб.: Питер, 2001.

2. *Виноградов Е.* Жестокость становится для российских школьников нормой / DW.WORLD.DE – 2010.

3. *Гуггенбюль А.* Зловещее очарование насилия: Профилактика детской агрессивности и жестокости. – М.: Когито – Центр, 2006.

4. Защита детей от жестокого обращения / под ред. Е.Н. Волковой. – СПб.: Питер, 2007.

5. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь. – М.: Академия, 2000.

6. *Ладыкова О.В.* Психологические особенности взаимодействия команды специалистов, работающих по предотвращению насилия и жестокого обращения с детьми: Дис. … канд. психол. наук. – М., 2004.

7. *Лейсан Л.* Рукоприкладство в школе: как помочь нашим детям? – 1 News.az, 13.05.2011.

8. *Макиавелли Н.* Государь. – М.: Планета, 1990.

9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999.

10. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

УДК 316.356.2

Бурина Наталья Сергеевна
кандидат технических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.А. Лобачевского
Шевченко Софья Михайловна
кандидат технических наук, доцент
Нижегородский государственный педагогический университет
bns2@sandy.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Современная семья испытывает значительное влияние со стороны динамичной внешней среды. Это воздействие определило появление новых организационных форм семьи, обеспечивающих значительную адаптивность, но отличных от традиционной формы. Свойства этих форм аналогичны свойствам биологических, социальных организационных форм, что является общей закономерностью.

Ключевые слова: *функции и цели семьи; формы современной семьи; гражданский брак.*

Известно, что организационные формы в процессе своего существования испытывают определенные трансформации в зависимости от условий внешней среды. Более того, эти трансформации по утверждению А.А. Богданова могут происходить по одним и тем же организационным законам: *«...структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин...»* [1, с. 209].

Основная функция организации – адаптация, рост-развитие [2, с. 26]. В процессе выживания организация может менять свою форму. Например, такие организационные формы живой природы, как бактерии, обладают способностью к спорообразованию, которая заключается в том, что при наступлении условий, неблагоприятных для жизни, клетка частично теряет воду, объём и форму; под внешней мембраной образуется плотная сферическая оболочка. В виде споры бактерия может выдерживать огромные механические, температурные и химические нагрузки. Например, некоторые споры выдерживают трёхчасовое кипячение или температуру жидкого азота. Также в виде споры более эффективно проходит расселение, потому что частично обезвоженная клетка имеет меньшую массу [3].

Можно привести аналогичный пример из сферы экономических отношений. Л. Тимофеев в «Технологии черного рынка…» [4, с. 260] наряду с анализом взаимодействия методов рыночной и плановой экономики показывает «спорообразное» функционирование рыночных отношений в рамках колхозной семьи. Вот как описывает это состояние Л. Тимофеев: «…начинается второй рабочий день – по законам чернорыночного товарного производства, по законам негласного социализма, – рабочий день, во время которого крестьянин пускает в ход весь свой наличный капитал: рабочую силу свою, оставшуюся после колхозных трудов, и своей семьи. Он сам определяет здесь уровень эксплуатации: минимум, чтобы не голодать, максимум – чтобы не падать с ног от недосыпа, работая с трех утра до десяти вечера. Сам определяет (в рамках дозволенного) характер производства в зависимости от спроса на те, или иные продукты. Здесь крестьянин сам себе работник, сам себе «капиталист». Весь этот чернорыночный оборот настолько мал в каждом своем индивидуальном объеме, эта рента, эта средняя прибыль на капитал, это прибавочное время так потешны кажутся серьезным экономистам, что они не берут на себя труд разобраться в них».

Особый интерес представляет анализ такой организационной формы, как современная семья. Прежде всего, потому, что семья испытывает определенные трансформации под воздействием новых условий внешней среды. Свидетельство этому – распространение так называемых гражданских браков (если в период 70–80 гг. прошлого века, это словосочетание имело нарицательный оттенок, близкий к устаревшему термину «сожитель», то, начиная с 1990-х г., эта терминология была легализована). В гражданском браке связь между «мужем» и «женой» не закреплена в соответствующих документах, совместное проживание протекает, как правило, на съемных квартирах. Примечательно, что гражданские браки распространены во всех социальных нишах – среди работающей молодежи, в студенческой среде. Более того, появляются новые формы связей: так называемый «гостевой брак», когда «муж» приходит к «жене» в гости регулярно, есть подобие совместного ведения хозяйства. И, совсем необъяснимая, но довольно устойчивая форма связи – «гостиничный» брак, когда «муж» и «жена» встречаются с утра и к ночи «муж» привозит «жену» к маме. Приводимые аргументы в пользу таких союзов в процессе собеседований можно сформулировать следующим образом:

«мы любим друг друга, а штамп – всего лишь формальность»;

«мы хотим поближе узнать друг друга, чтобы потом не устраивать бракоразводного процесса».

Это декларируемые аргументы. Действительные причины, как представляется, гораздо глубже. Прежде, чем перейти к анализу функций и целей семьи,

© Бурина Н.С., Шевченко С.М., 2012

следует отметить важность формализации брака. Потому что семья – есть организация. Любая организация предполагает наличие формальных связей. Все религии мира это ставят во главу, более того, освящают, придают статус таинства заключению семейного союза, иначе говоря, утверждают этот союз. Не говоря уж о государстве, когда семья – часть его.

Внешние функции (активность организации во внешней среде). Одной из внешних функций семьи является позиционирование во внешней среде и это выражается, прежде всего, в создании жилья. Именно, в создании, потому что слово «получение» здесь неприемлемо. Нет нужды обсуждать эту проблему, очевидно, что реальной возможности построить жилье – у молодежи теперь нет. Здесь два выхода: либо денежная помощь со стороны родителей, либо выделение жилья, представляющего багаж из советских времен. Оба эти варианта не столь распространены и молодой семье остается ютиться вместе с родителями или идти на съемную квартиру.

Внутренние функции (самоорганизационный процесс). Прежде всего, рождение и воспитание ребенка. Очень важный момент. На этом этапе, как правило, отношения начинают формализовываться. В процессе анкетирования задавался вопрос:

– Почему вдруг после нескольких лет прекрасной жизни подается заявление в ЗАГС, назначается венчание, хотя невесте в Храме и делать уже нечего по церковным канонам?

– Как почему? Ребенок будет.

– Так можно и без Храма.

– Нет, и храм, и ЗАГС нужны.

Потому что в основе этих процедур лежит гарантия охраны матери и ребенка – читай – выживание новой организации, реализация основной функции. Следует вспомнить пример с печально известной подлодкой «Курск». Когда государство начало выплачивать денежные компенсации, выяснилось, что много беременных «жен» подводников не имели штампов в паспорте, что привело к неприглядным разборкам. Обеспечение надежного, спокойного существования женщины в процессе вынашивания и рождения ребенка – первейшая задача мужчины, а затем государства. Потому что женщина реализует фундаментальную функцию – продолжение рода, продолжение семьи. Для этого ей надо на что-то опереться, для этого она должна быть защищена формальными связями.

Внешние цели (цели – декларации, предназначенные для публики о намерениях, тенденциях). Здесь можно отметить стремление семьи к позиционированию во внешней среде в качестве профессионалов. Если в процессе получения образования отношение к молодым достаточно либеральное, то в сфере бизнеса (особенно, частного) семейная молодежь испытывает значительные трудности:

– поиск места работы представляет достаточно сложную задачу;

– трудоустройство зачастую без оформления трудового договора;

– неадекватная оплата труда;

– отсутствие отпусков;

– ненормируемый рабочий день;

– отсутствие больничных вплоть до увольнения по причине болезни или родов и т.д.

Все эти обстоятельства вступают в противоречие, как с внутренней функцией семьи, так и с внешними целями.

Внутренние цели (оперативные, лежащие в - основе расписаний, графиков, режимов). Здесь, как и в любой другой организации, основной целью является, конечно же, экономическое благополучие семьи. И не только. Взаимопонимание, уважение, благоприятный психологический климат. И, наконец, в процессе опроса студенты приходят к заветному слову «любовь». Конечно, это важнейшая внутренняя цель любой семьи, движущая цель, но все-таки, внутренняя. Кто будет отрицать значение любви в семейной жизни? Никто. Но современные ценности, внедряемые в молодежную среду, абсолютизируют это чувство, смещают эту внутреннюю цель, диктуют незримо и очень настойчиво, что характерно, упрощенный образец поведения, распространяемый на все сферы жизнедеятельности, а именно: «люблю – буду это делать, не люблю – не буду это делать». Теория организации трактует смещение целей, как начало разрушения организации.

Следует отметить, что часто в гражданском браке женщина имеет содержание, что пока скрытая и скрываемая ценность. Это явление необходимо рассмотреть более подробно.

Прежде всего, термин «содержание» приобрел нарицательное значение буквально в последние 20 лет. До 1917 это был вариант нормы, поэтому потеря мужа, отца-кормильца означала катастрофу для семьи любого сословия. В предвоенные годы, да и в начале 1950-х можно было услышать от фабричной девушки: «Эх, и работать неохота, скорее бы замуж». Ценность – «замужняя женщина должна сидеть дома» еще фигурировала. Война, и далее социальный заказ на рабочую силу сформировали беспрецедентное освобождение женского, семейного, обслуживающего труда. Ребенка можно было отдать в ясли с 9 месяцев, многие детские сады имели выездные дачи, пионерский лагерь – три смены с начала июня до конца августа, больничные, гарантированность рабочего места после родов, отпуска, режим благоприятствования. Можно говорить о степени и качестве реализации этих социальных демпферов, охранявших мать и дитя, семью. Но они были. Был спектр легитимных и нелегитимных послаблений. Дисциплина, возможность отпроситься и т.д. И вслед за этим социальным заказом укрепилась

ценность – «женщина должна работать». Теперь этих демпферов нет. А ценность осталась, это естественно – ценности консервативнее. Недаром вторым и даже первым вопросом при знакомстве молодого человека с девушкой, является вопрос: «А чем ты занимаешься?» (Читай, где работаешь?) И девушке не стоит сообщать о том, что она не работает – все «сословия» уважают профессиональный статус женщины. Что же делать девушке? Она, соглашаясь на условия ее избранника, (20 тыс., 30 тыс.руб. зарплаты, что прилично даже для города, но мало для семьи из трех человек, без собственного жилья), начинает везти два воза – работу и семью на себе. Но теперь она этого сделать не сможет. Все социальные демпферы, легитимные и нелегитимные – уничтожены. В садики – очередь – 5 тыс. человек. Отпуска, больничные, возможность отпроситься с работы, а именно, режим благоприятствования для матери с ребенком более не существует. Материнский капитал, который начинают выплачивать при определенных условиях по истечении какого-то срока, самого тяжелого для молодой семьи, особенно, без бабушки и дедушки, не оказывает соответствующей помощи. Вот и разворачивается женщина в сторону обеспеченности. И уже не играет роли – женат или не женат избранник, какого он возраста. Лишь бы был опорой при воспитании ребенка – основной задачи женщины. И дорого приходится за это платить, потому что – зависимость, порождающая унижение связь, часто, в таких случаях, бывает неоформлена. Таковы, на наш взгляд, аспекты современного понятия термина «содержание».

Следует отметить еще одну тенденцию, выявленную в процессе исследований, лавинообразно развивающуюся в последние 2–3 года. Это стремление партнеров контролировать самостоятельно, единолично свои собственные заработки. Традиционная схема предполагала ранее концентрацию зарабатываемых членами семьи денег в одних руках, мужа или жены. Теперь тенденция такова, что каждый из партнеров хочет иметь собственные деньги и распоряжаться ими по собственному усмотрению. И, в лучшем случае, выделять определенную сумму, что называется, «складываться», на ведение совместного хозяйства. Одной из причин, порождающих эту тенденцию, являются, вероятно, приличные доходы работающих женщин, их высокий профессиональный статус, определенная самостоятельность. Партнерство на равных – сам по себе положительный факт, исключающий зависимость, но, соответственно, придающий некоторую свободу поведения и таящий возможность ослабления связей в семье.

Таким образом, следует констатировать, что нежелание вступать в законный брак продиктовано не просто стремлением партнеров оставить себе часть свободы, но скорее представляет образец скрытого, естественного выживания семьи в форме споры в сложной внешней среде.

Библиографический список

1. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). Ч. 3. – М., 1929. – С. 209. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7447/ТЕКТОЛОГИЯ (24.12.10)

2. *Доблаев В.Л.* Теория организаций: Учебное пособие. – М., 1995. – 175 с.

3. Споры // Википедия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/споры (24.12.10).

4. *Тимофеев Л.М.* Институциональная коррупция. – М.: Российск. гуманит. ун-т, 2000. – 365 с.

УДК 378.02

Богун Виталий Викторович
кандидат педагогических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
vvvital@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛЬНЫХ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНЫХ ПИРАМИД

В предлагаемой статье рассматривается применение графического калькулятора и персонального компьютера в процессе изучения геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид с использованием интеграционных зависимостей между элементарной геометрией и тригонометрией. Представлены разработанный автором математический аппарат и программы на графическом калькуляторе и персональном компьютере.

Ключевые слова: *интеграция тригонометрии и элементарной геометрии в пространстве, геометрические свойства правильных четырехугольных пирамид, информационно-коммуникационные технологии, малые средства информатизации, графический калькулятор, динамические интернет-страниц.*

По состоянию на настоящее время являются актуальными вопросы применения различных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процессе изучения дисциплин естественно-научного цикла, особенно при изучении математики в силу реализации большого количества трудоемких арифметических и логических операций.

В рамках данной статьи рассматривается применение двух классов информационно-коммуникационных технологий (графический калькулятор и персональный компьютер) с точки зрения изучения геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид.

Проведение данного исследования обусловлено необходимостью развития алгоритмического и математического мышления учащихся, повышения их мотивации к изучению математики и интереса к научно-исследовательской деятельности через призму изучения кратных соотношений в правильных четырехугольных пирамидах с проведением соответствующих расчетов и визуальном выводом необходимых результатов в понятной и наглядной форме.

В процессе реализации исследования решаются следующие необходимые задачи:

Изучение принципов нахождения пропорций между определенным количеством параметров задачи.

Рассмотрение теоретических основ геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид через тригонометрические выражения отношений между ее линейными элементами.

Изучение принципов работы разработанных автором программ на графическом калькуляторе и персональном компьютере для изучения геометрических свойств правильной четырехугольной пирамиды.

В рамках школьного курса геометрии не рассматриваются вопросы нахождения пропорций между линейными элементами правильных четырехугольных пирамид [1; 2], что отрицательно складывается на мотивации к изучении данной тематики и полно-

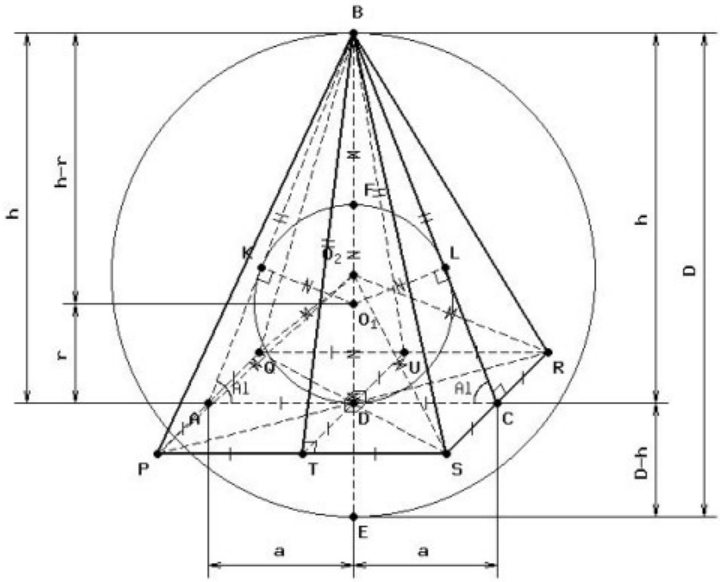


Рис. 1. Правильная четырехугольная пирамида с обозначениями линейных элементов

 © Богун В.В., 2012

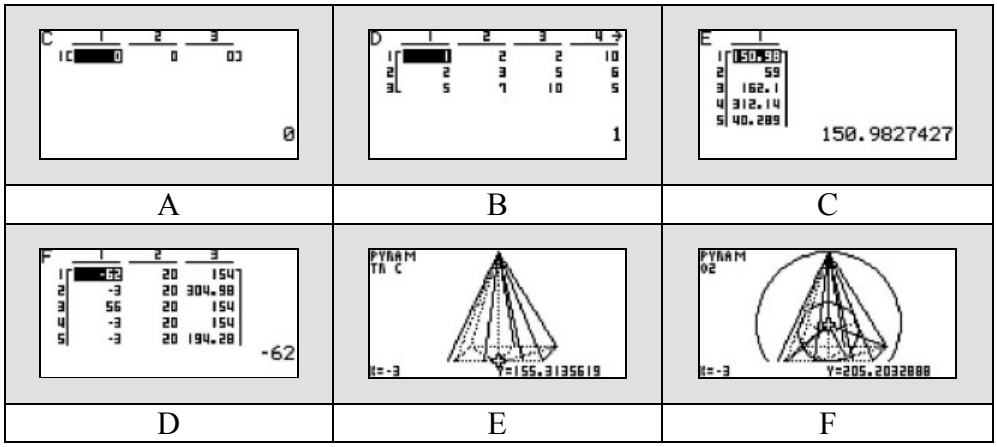


Рис. 2. Скриншоты из программы «PYRAM 1»

стью блокирует интерес к научно-исследовательской работе учащихся в процессе обучения.

Следует отметить, что в процессе решения задач, возникающих при исследовании геометрических свойств правильной четырехугольной пирамиды с точки зрения реализации отношений между ее угловыми и линейными характеристиками, полноценно используются в совокупности знания из двух разделов математики – элементарной геометрии и тригонометрии.

Рассмотрим отношения между линейными и угловыми элементами правильной четырехугольной пира-

Целочисленные отношения между линейными элементами в правильной четырехугольной пирамиде с углом при основании поперечного равнобедренного трегольника Alpha = 70° ОТСУТСТВУЮТ!

Пропорциональные отношения между линейными элементами в правильной четырехугольной пирамиде с углом при основании поперечного равнобедренного трегольника Alpha = 70°

№	Выражение	Числовые эквиваленты
1	**h/a = (2a)/(D-h)**	2.5590 = 2.5590
2	**a/c = r/(h-r)**	0.3640 = 0.3640
3	**r/(h-d) = (D-h)/d**	0.5723 = 0.5723

Значения размеров линейных элементов в правильной четырехугольной пирамиде с углом при основании поперечного равнобедренного трегольника Alpha = 70°

№	Линейный элемент	Обозначение	Значение элемента
1	Высота пирамиды	**h**	150.9827
2	Половина стороны основания пирамиды	**a**	59.0000
3	Основание стороны пирамиды	**2a**	118.0000
4	Апофема пирамиды	**c**	162.1012
5	Боковое ребро пирамиды	**b**	312.1481
6	Радиус вписанной сферы	**r**	40.2892
7	Разность между высотой пирамиды и радиусом вписанной сферы	**h-r**	110.6936
8	Диаметр вписанной сферы	**d**	80.5783
9	Разность между высотой пирамиды и диаметром вписанной сферы	**h-d**	70.4044
10	Радиус описанной сферы	**R**	98.5470
11	Разность между высотой пирамиды и радиусом описанной сферы	**h-R**	52.4358
12	Диаметр описанной сферы	**D**	197.0940
13	Разность между диаметром описанной сферы и высотой пирамиды	**D-h**	46.1112

Рис. 3А. Скриншот информационного окна вывода результатов расчетов для программы «PYRAM 1» (часть 1)

Значения координат характерных точек в правильной четырехугольной пирамиде с углом при основании поперечного равнобедренного трегольника Alpha = 70°

№	Наименование точки	Обозначение	Координаты в пространстве		
			Значение X	Значение Y	Значение Z
1	Вершина левая при основании поперечного треугольника	A	-62.0000	20.0000	154.0000
2	Вершина между боковыми сторонами поперечного треугольника	B	-3.0000	20.0000	304.9827
3	Вершина правая при основании поперечного треугольника	C	56.0000	20.0000	154.0000
4	Середина основания поперечного треугольника	D	-3.0000	20.0000	154.0000
5	Центр вписанной сферы	O_1	-3.0000	20.0000	194.2892
6	Центр описанной сферы	O_2	-3.0000	20.0000	206.4358
7	Точка пересечения вписанной сферы и левой апофемы пирамиды	K	-40.5258	20.0000	208.9533
8	Точка пересечения вписанной сферы и правой апофемы пирамиды	L	34.5258	20.0000	208.9533
9	Точка пересечения вписанной сферы и высоты пирамиды	F	-3.0000	20.0000	234.5783
10	Точка пересечения описанной сферы и высоты пирамиды	E	-3.0000	20.0000	107.8888
11	Вершина левая нижняя основания пирамиды	P	-62.0000	-39.0000	154.0000
12	Вершина левая верхняя основания пирамиды	Q	-62.0000	79.0000	154.0000
13	Вершина правая верхняя основания пирамиды	R	56.0000	79.0000	154.0000
14	Вершина правая нижняя основания пирамиды	S	56.0000	-39.0000	154.0000
15	Середина нижняя основания пирамиды	T	-3.0000	-39.0000	154.0000
16	Середина верхняя основания пирамиды	U	-3.0000	79.0000	154.0000

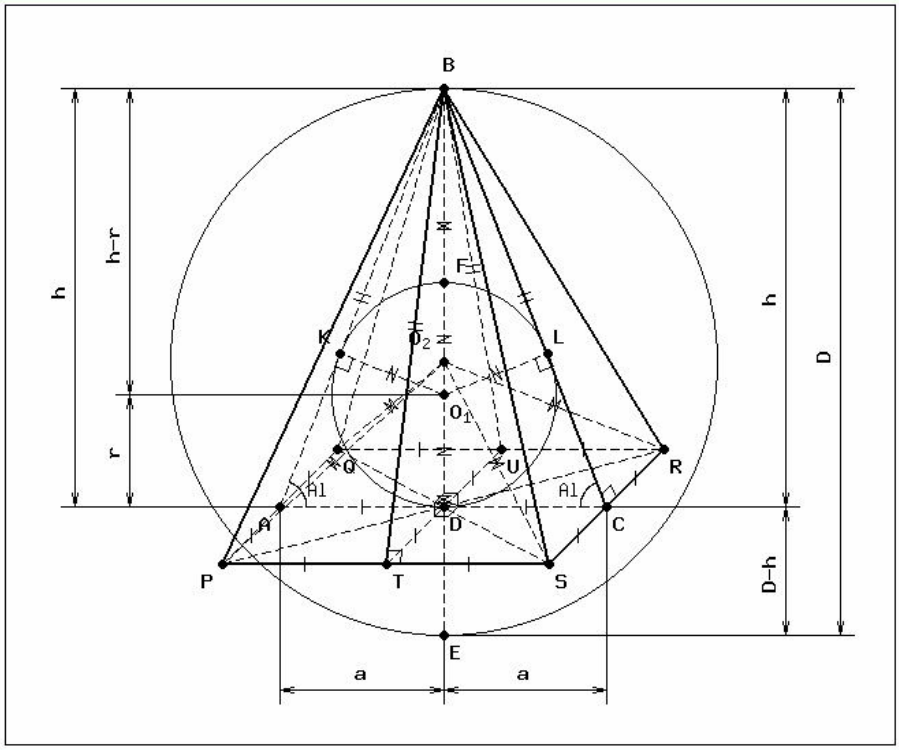


Рис. 3В. Скриншот информационного окна вывода результатов расчетов для программы «PYRAM 1» (часть 2)

миды. Необходимо отметить, что в качестве линейных элементов правильной четырехугольной пирамиды (рис. 1) выступают следующее ее компоненты:

- h – высота пирамиды;
- 2a (a) – сторона основания (половина стороны основания) пирамиды;
- c – апофема пирамиды;
- b – боковое ребро пирамиды;
- r (d) – радиус (диаметр) вписанной в пирамиду сферы;
- h–r (h–d) – разность между высотой пирамиды и радиусом (диаметром) вписанной в пирамиду сферы;
- R (D) – радиус (диаметр) описанной вокруг пирамиды сферы;
- h–R – разность между высотой пирамиды и радиусом описанной вокруг пирамиды сферы;
- D–h – разность между диаметром описанной вокруг пирамиды сферы и высотой пирамиды.

Для любой правильной четырехугольной пирамиды между ее основными линейными элементами существуют следующие пропорциональные зависимости, полученные в качестве результатов обработки представленной в графическом калькуляторе CASIO ALGEBRA FX 2.0 PLUS [3; 4; 5] программе и в рамках разработанной динамической интернет-страницы:

1. Для любой правильной четырехугольной пирамиды отношение высоты пирамиды к половине стороны основания равно отношению стороны основания пирамиды к разности между диаметром описанной вокруг пирамиды сферы и высотой пирамиды, то есть: $\frac{h}{a}=\frac{2a}{D-h}$.

2. Для любой правильной четырехугольной пирамиды отношение половины стороны основания пирамиды к апофеме равно отношению радиуса вписанной в пирамиду сферы к разности между высотой пирамиды и радиусом вписанной в пирамиду сферы, то есть: $\frac{a}{c}=\frac{r}{h-r}$.

3. Для любой правильной четырехугольной пирамиды отношение радиуса вписанной в пирамиду сферы к разности между высотой пирамиды и диаметром вписанной в пирамиду сферы равно отношению разности между диаметром описанной вокруг пирамиды сферы и высотой пирамиды к диаметру вписанной в пирамиду сферы, то есть: $\frac{r}{h-d}=\frac{D-h}{d}$.

Исследование геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид с точки зрения применения малых средств информатизации осуществляется в разработанной автором статьи на графическом калькуляторе CASIO ALGEBRA FX 2.0 PLUS программе «PYRAM 1» [1; 3]. В рамках данной программы осуществляется вывод целочисленных отношений (рис. 2A) и пропорциональных зависимостей (рис. 2B) между линейными элементами правильной четырехугольной пирамиды по вводимому значению выбираемого характерного угла пирамиды, расчет значений линейных элементов (рис. 2C) по вводимому значению величины определенного линейного элемента, расчет координат характерных точек пирамиды (рис. 2D) по предварительно указываемым пространственным значениям координат характерной точки пирамиды с последующим визуальным выводом компонентов правильной четырехугольной пирамиды (рис. 2E) с отображением вписанной и описанной сфер для пирамиды (рис. 2F).

Исследование геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид с точки зрения применения персонального компьютера осуществляется в разработанной автором статьи программе «PYRAM 1» с использованием технологии создания динамических интернет-страниц PHP.

По аналогии с рассмотренной выше программой на графическом калькуляторе в данном случае осуществляется предварительный ввод значений величин выбираемого характерного угла и определенного линейного элемента, а также значений пространственных координат указываемой характерной точки пирамиды с последующим выводом целочисленных отношений и пропорциональных зависимостей между линейными элементами, а также значений линейных элементов пирамиды (рис. 3A), вывод значений координат характерных точек пирамиды с последующим визуальным выводом компонентов правильной четырехугольной пирамиды с отображением вписанной и описанной сфер для пирамиды (рис. 3B).

Выводы

Вопросы применения различных средств информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения по состоянию на настоящее время являются весьма актуальными. Рассмотренный в рамках статьи пример изучения геометрических свойств правильных четырехугольных пирамид с использованием графического калькулятора и персонального компьютера в рамках факультативных занятий по математике позволяет учащимся повышать свой уровень информационной и математической культуры в силу расширенного изучения элементарной геометрии средствами тригонометрии, при этом используя ИКТ для реализации рутинных вычислений и анализа необходимых соотношений.

Библиографический список

1. *Богун В.В., Смирнов Е.И.* Лабораторный практикум по математике с графическим калькулятором: Учеб. пособие. – Ярославль, 2011. – 270 с.

2. *Богун В.В.* Геометрия Древнего Египта. – М.: Компания Спутник+, 2003. – 203 с.

3. *Богун В.В.* Методика использования графического калькулятора в обучении математике студентов педагогических вузов: Дис. … канд. пед. наук. – Ярославль, 2006. – 245 с.

4. *Вострокнутов И.Е.* «Школьный калькулятор» – новый образовательный проект фирмы CASIO в России // Математика в школе. – 2003. – № 5. – С. 74–76.

5. *Дьяконов В.П.* Современные зарубежные микрокалькуляторы. – М.: СОЛОН-Р, 2002. – 400 с.

УДК159.9:343.95

Смирнов Александр Александрович,
Постнова Анастасия Андреевна
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
asmirnov1970@bk.ru, a.postnowa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА*

В статье рассмотрены особенности профессиональной деятельности юриста: её цели, задачи, предмет, объект, средства. Дан психологический анализ профессионально значимых качеств, необходимых для эффективной деятельности юриста.

Ключевые слова: *юридическая деятельность, предмет труда юриста, средства труда юриста, специфические особенности деятельности юриста.*

Юридический труд весьма разнообразен и сложен и имеет в себе ряд черт, которые отличают его от труда большинства других профессий.

Несомненный вклад в изучение психологических особенностей юридической деятельности внесли работы В.Л. Васильева, М.И. Еникеева, М.М. Коченов, А.Э. Жалинского, Ю.В. Чуфаровского.

Правоприменительная деятельность большинства юридических профессий протекает в области общественных отношений и отличается чрезвычайным разнообразием решаемых задач. Каждое новое дело для следователя, судьи, прокурора, адвоката представляет собой новую задачу, и чем меньше шаблона будет допущено этими лицами, тем более вероятен правильный исход в поисках истины.

Следует отметить, что правовое регулирование всей профессиональной деятельности отличает юридический труд от других профессий и постепенно накладывает свой отпечаток на личность каждого юриста. Вся деятельность следователя, прокурора, судьи, адвоката, нотариуса и т.д. при всей ее сложности и разнообразии всегда протекает в рамках правового регулирования. Уже при планировании своей деятельности каждый юрист мысленно производит сопоставление своих будущих действий с нормами действующего законодательства, регламентирующими эти действия. Для большинства юридических профессий характерна высокая эмоциональность труда. При этом в ряде случаев деятельность сопровождается отрицательными эмоциями, необходимостью их подавлять, а эмоциональная разрядка бывает отсрочена на сравнительно большой период времени.

Профессиональная юридическая деятельность в основном деятельность государственная. Государство ставит перед правоохранительными органами определенные цели и задачи, направленные на ликвидацию преступности в стране. Государство создает специальную систему подготовки, переподготовки и усовершенствования правоохранительных и судебных органов. Эти требования по мере роста юридической культуры всего общества повышаются по отношению, как ко всей правоохранительной системе, так и к каждому ее звену, к каждому ее работнику.

Труд многих юридических профессий (прокурора, судьи, следователя, оперативного работника и других) предполагает наличие у субъекта труда особых властных полномочий, наличие права и обязанности применять власть от имени закона. Наряду с этим правом у большинства перечисленных выше лиц развивается профессиональное чувство повышенной ответственности за последствия своих действий.

Ответственный и сложный труд работников юридических профессий предъявляет к ним повышенные требования. Большинство этих профессий в настоящее время считаются престижными, хотя многие молодые люди, выбирая для себя эти профессии, не имеют ясного представления о всей сложности этой деятельности и, главное, не предполагают, какие требования будут предъявляться к ним.

Юридическая деятельность – это деятельность, связанная с нормами права, и отдельные ее виды в самом названии содержат это основное понятие: правоприменительная деятельность, правоохранительная деятельность, правозащитная деятельность и т.д. Юридическая деятельность представляет собой требующий большого напряжения, терпения, знаний и высокой ответственности труд, основанный на строжайшем соблюдении закона.

* Работа подготовлена в рамках НИР № ЗН-1013 (тематический план ЯрГУ)

 © Смирнов А.А., Постнова А.А., 2012

Предметом труда юриста являются всё то, на что направлены усилия юриста, что он должен обнаружить, освоить, преобразовать, создать. В этом смысле предметом труда юриста может быть:

– фиксированная знаковая информация, содержащаяся в книгах, официальных и неофициальных документах, чертежах, рисунках, таблицах и пр.;

– информация, подлежащая фиксации и скрытая в материальных предметах, социальных ситуациях, совокупностях обстоятельств;

– поведение людей, которое проявляется в отдельных действиях, позициях, отношениях, состояниях и пр.

Средства юридического труда разнообразны и классифицировать их трудно. Мы выделили пять групп средств труда: содержательные, управленческие, технические, процедурные, обозначающие.

Специфическими особенностями деятельности юриста являются:

– действия по работе с правовой информацией, по её отбору, анализу и переработке, оценке;

– опознание и оценка ситуаций, требующих решения правовых задач и использование правовых средств, т.е. правовых проблемных ситуаций;

– выбор оптимальных вариантов поведения в рамках правовых предписаний;

– поиск и хранение информации, её подготовку к использованию;

– ведение переговоров;

– разрешение назревших конфликтов;

– выполнение технических действий;

– подготовка документов и материалов;

– выступления правового содержания;

– управление и контроль 3].

Также нужно отметить, что к специфическим особенностям труда юриста относятся и условия труда. Естественные условия профессионального труда юриста можно подразделить на временные, территориально-пространственные и технологические.

Задачи профессиональной деятельности юриста формируются на основе правового подхода и состоят в получении достаточно полного представления о том, что должен делать юрист, какие суждения, материалы, проекты решения он должен подготовить и в каких ситуациях, кому они должны быть представлены. Какими должны быть результаты его работы, как сказывается на состоянии дел закон, правоприменительная практика, безопасность и стабильность, свобода поведения. Правовые задачи профессиональной юридической деятельности формируются на основе анализа и уяснения проблемных ситуаций и представляют собой частные алгоритмы деятельности, включающие в себя: представления о целях, которые должны быть достигнуты; способы достижения целей; условия реализации данной задачи.

Существуют следующие виды правовых задач:

1) правотворческие задачи или задачи по восполнению пробелов существующего законодательства;

2) правоприменительные задачи или задачи конкретизации правовых норм применительно к определенным целям;

3) правообеспечивающие задачи или задачи на получение определённых ресурсов, необходимых для реализации определённых целей;

4) правоорганизующие задачи или задачи на реализацию и организационное обеспечение осуществляемой деятельности;

5) легитимационные задачи-задачи а обоснование необходимости правовых решений их справедливости и эффективности [4; 8; 9].

Следует подчеркнуть, что основная задача психологии юридического труда – выявление рациональных соотношений между личностью и требованиями, которые ей предъявляются профессией.

Для наиболее полного психологического анализа юридической деятельности мы использовали юридические профессиограммы, разработанные В.Л. Васильевым, т.к. они комплексно отражают основные стороны этой деятельности и качества, которые в ней реализуются.

По системе В.Л. Васильева, деятельность большинства юридических специальностей включает в себя следующие стороны: социальную, поисковую, реконструктивную, коммуникативную, организационную и удостоверительную [4; 5].

Исследование профессионально важных качеств юриста проводилось на помощниках судей Дзержинского РОВД г. Ярославля со стажем работы от 1,5 до 11 лет (9 человек). Для сбора эмпирической информации нами была использована анкета, направленная на выявление качеств, необходимых для профессиональной деятельности юриста.

Анкета была разработана нами специально для целей исследования. При разработке анкеты мы исходили из утверждения Е.А. Климова о том, что «даже применительно к одной профессии нельзя говорить о некотором единстве и бесспорном перечне профессионально ценных качеств» [7, с. 67]. Исследователи насчитывают более ста профессионально значимых качеств для профессии типа «человек-человек», а юридические профессии осуществляются именно в этой системе. В свою очередь, мы выделили качества из профессиограмм юридических профессий, которые являются общими для всех юридических специальностей. Для этого мы использовали юридические профессиограммы, разработанные В.Л. Васильевым, т.к. они комплексно отражают основные стороны этой деятельности и качества, которые в ней реализуются [1, 2].

Испытуемым предлагалось оценить по 7 бальной системе (от -3 до +3) каждое из предложенных качеств по степени важности. При этом +3 балла –

Таблица 1

Экспертная оценка значимости качеств для юриста

Описание качеств	Ср. арифм.
ответственность	6,9
организованность	6,8
умение эффективно разрешать конфликт	6,7
стрессоустойчивость	6,6
умение применять теоретические знания на практике	6,6
пунктуальность	6,6
интерес к выполняемой работе, к своим обязанностям	6,6
целеустремлённость	6,4
уважительное отношение к людям	6,4
интерес к самосовершенствованию	6,4
вежливость и тактичность	6,3
решительность	6,2
наблюдательность	6,2
аналитический склад ума, прогностические способности	6,2
эрудиция и широкий кругозор	6,0
гуманность	6.0
критичность мышления	6,0
доброжелательность	6,0
энергичность	6.0
честность	5,9
настойчивость	5,8
интуиция	5,7
общительность	5,6
любознательность	5,4
принципиальность	5,4
патриотизм	4,4
другое	3,0

максимальная степень важности, -3 балла – минимальная степень важности. По каждому качеству мы посчитали среднее арифметическое и расположили их в порядке убывания их значений.

По каждому качеству мы посчитали среднее арифметическое и расположили их в порядке убывания его значений. Данные результаты представлены в таблице 1.

После математической обработки, мы получили следующие результаты: наиболее важными качествами, с точки зрения наших экспертов, являются: ответственность, организованность, умение эффективно разрешать конфликт, стрессоустойчивость. Качества казалось бы универсальные для всех видов деятельности и обусловленные личностными особенностями. Всё это свидетельствует о том, что в современных условиях нестабильности, повышению уровня преступности требует от профессионала не столько наличие профессиональных умений и знаний, сколько сформированность определенных личностных качеств. В частности, такое качество как «ответственность» (6,9) получил максимальные баллы. Ответственность-это необходимость, обязанность отдавать отчёт в своих действиях и поступках. Отвечая за судьбы людей, юрист должен обладать чувством повышенной ответственности.

Далее по значимости идут такие качества как: организованность (6,8), умение эффективно разрешать конфликт (6,7), стрессоустойчивость (6,6), умение применять теоретические знания на практике (6,6), пунктуальность (6,6).

Данный вид профессий относится к системе «человек – человек» (по Е.А. Климову) [7], что сопряжено с межличностным взаимодействием не только с коллегами, но и личностями с криминальным поведением. Это требует от профессионала высокого уровня стрессоустойчивости, наличие эффективных стратегий совладающего поведения. Умение организовать своё время, планировать свою работу, добросовестно подходить к решению профессиональных задач также является, немаловажным для успешного выполнения деятельности.

В свою очередь, такие качества как патриотизм (4,4), любознательность (5,4), принципиальность (5,4) получили наименьшие оценки. Низкие показатели по качеству «патриотизм» связаны с тенденцией к уменьшению патриотического воспитания, как в школах, так и в профессиональных учебных заведениях. А наличие такого качества как «принципиальность» в условиях большой конкуренции, изменению общественных ценностей общества, где на первый план выступает личность, а не группа, может способствовать возникновению конфликтных ситуаций. Поэтому для предотвращения подобного рода ситуаций, необходимо быть гибким, уметь понять и признать право другого человека на противоположную точку зрения. Уметь быстро подстраиваться к изменениям, оперативно включать новую информацию в свою профессиональную деятельность. Т.к. деятельность юриста жестко регламентирована и структурирована рамками законов и не предполагает поиск информации из других дисциплин, не смежных с юриспруденцией, можно объяснить низкие показатели по качеству «любознательность».

Библиографический список

1. *Васильев В.Л.* Психолого-педагогические аспекты подготовки следователей // Известия ВУЗ. Правоведение. – 1993. – № 1. – С. 114–117.

2. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. – СПб: Питер, 1991. – 608 с.

3. *Жалинский А.Э.* Профессиональная деятельность юриста: Введение в специальность. – М.:БЕК, 1997. – 266 с.

4. *Живаев Н.Г., Смирнов А.А.* Адаптация студентов и образ вуза. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 232 с.

5. *Живаев Н.Г., Смирнов А.А.* Психология вузовской адаптации. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 256 с.

6. *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989. – 219 с.

7. *Климов Е.А.* Психология профессионала. – М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996. – 506 с.

8. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. – М.: Генезис, 2010. – 352 с.

9. *Смирнов А.А.* Юридическая психология. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – 204 с.

10. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая деятельность: понятие и структура, её ценность и значимость // Юрист. – 1999. – № 4. – 13–18 с.

УДК 37.0

Черствая Ольга Евгеньевна
Вологодский государственный педагогический университет
cheroe@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗА И НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье показана актуальность проблемы взаимодействия вузов и некоммерческих организаций на современном этапе развития общества. Раскрыты направления данного взаимодействия. Особое внимание уделено курсам по выбору в высшем учебном заведении и роли представителей НКО в проведении данных курсов.

Ключевые слова: *стейкхолдеры, взаимодействие, элективный курс, некоммерческие организации.*

На современном этапе развития общества снижается эффективность традиционных ресурсов развития вузов. Доминантой экономического роста России становится система инновационного развития научных знаний, новых технологий и услуг. Это предполагает взаимодействие с различными структурами, организациями, в том числе некоммерческими.

Современные вузы заинтересованы в развитии. К решениям, направленным на расширении интересов студентов и на повышение качества образования, можно отнести следующие.

1. Интегрированную систему обучения, которая представляет собой объединение теоретической подготовки студентов с их производственной деятельностью.

2. Проведение производственных практик на базе различных организаций и предприятий. Эта мера повышает качество подготовки студентов, в частности, за счёт осмысления ранее полученных теоретических знаний, приобретения важных практических навыков, получения актуальной информации о реальной деятельности в сегодняшних условиях и т.д.

3. Создание базовых кафедр, на которых задействованы ведущие специалисты организаций, в том числе некоммерческих, предприятий, органов государственной и местной власти.

4. Различные формы образования (очная, очно-заочная и заочная), предоставление студентам возможности совмещать работу с учёбой, проведение занятий в вечернее время.

5. Система трудоустройства учащихся, способствующая их найму по специальности [3, с. 91].

Сотрудничество вузов с предприятиями и организациями, в том числе некоммерческими, позволяет учебным заведениям выполнять требования абитуриентов и студентов. Выявлена прямая зависимость между масштабами взаимодействия вузов с различными организациями и результатами развития высших учебных заведений. Для организаций сотрудничество с вузами даёт возможность подготовки новых квалифицированных кадров, повышения квалификации собственных сотрудников, использования научного и кадрового потенциала вузов при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [3, с. 92].

Значимое в нашем исследовании определение – «некоммерческая организация». В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая свою прибыль между участниками [1]. Одно из условий существования некоммерческих организаций – соответствие количественных и качественных показателей результатов их деятельности запросам общества.

Сегодня НКО представляют собой реально действующий самостоятельный сектор общественных отношений, характерными чертами которого являются профессионализм и широкий спектр оказываемых населению услуг. В лидирующие сферы деятельности НКО входят образование и наука, культура и спорт, развитие демократии, воспитание молодежи, правозащита.

В соответствии с теорией ресурсной зависимости [4] представители некоммерческих организаций строят свою деятельность с учётом требований внешней среды. Прежде всего, должны учитываться интересы «стейкхолдеров», т.е. контрагентов, приносящих финансовые и материальные средства, дополнительные возможности и улучшающие имидж организации. К стейкхолдерам можно отнести следующих контрагентов: учредителя, органы государственной власти, предприятия и организации различных форм собственности, в том числе научные, различные ассоциации и фонды, средства массовой информации, волонтеров, группы самопомощи.

© Черствая О.Е., 2012

Одной из групп, с которой активно работает третий сектор, является молодежь, включая студентов ВУЗов. Принципами организации взаимодействия некоммерческих организаций с вузами можно считать: партнерство, качество и открытость.

В социально-правовой сфере высшие учебные заведения могут взаимодействовать с некоммерческими организациями в развитии институтов гражданского общества, детского и молодежного общественного движения; организации профилактики негативных явлений в молодежной среде; профилактике семейного насилия; защите семьи, охране окружающей среды; образовании и просветительстве; социальной поддержке ветеранов, инвалидов, детей-сирот; в организации досуга студентов; популяризации здорового образа жизни.

На наш взгляд, основными направлениями взаимодействия вузов и НКО могут являться: организационные, информационные и консультативные.

Организационные мероприятия могут включать в себя: организацию конференций, семинаров и других научно-методических мероприятий; вопросы практической подготовки студентов, обеспечение занятости выпускников вузов; реализуется через координацию деятельности вузов по профессиональной ориентации студентов, расширение спектра рабочих мест и баз практики для студентов, аспирантов; подготовка квалифицированных кадров в сфере деятельности некоммерческих организаций,

Информационное направление включает в себя совместную деятельность по просвещению среди населения; PR-акции.

Консультативная составляющая реализуется через оказание консультационных услуг по различным вопросам; подготовку квалифицированных кадров в сфере деятельности некоммерческих организаций и волонтеров.

Взаимодействие вузов с некоммерческими организациями может осуществляться в таких формах, как проведение совместных мероприятий и акций, реализация программ за счет грантов, совместная разработка и реализация программ через государственные социальные заказы и государственные гранты, содействие реализации целевых социальных программ некоммерческих организаций, информационный обмен.

Критериями взаимодействия высших учебных заведений и организаций, в том числе некоммерческих, являются: трудоустройство выпускников вузов; количество договоров о сотрудничестве; координация совместной деятельности.

Представители некоммерческих организаций активно привлекают на работу молодых специалистов. Однако проблемой работодателей во взаимоотношениях с данными специалистами является оторванность полученных ими знаний от практики. Решением такой ситуации может стать привлечение к преподаванию в вузах специалистов – практиков, увеличение сроков практики, широкое использование в обучении курсов по выбору практической направленности.

Курсы по выбору называют также элективными курсами. Элективный курс – авторская разработка дисциплины, предлагаемая студентам на альтернативной основе в соответствии с их образовательными потребности и интересами [2, с. 5].

В настоящее время в ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» проводятся различные курсы по выбору, в том числе педагогической направленности. В числе данных курсов «Актуальные вопросы подготовки молодежи к семейной жизни» и «Актуальные вопросы подготовки молодежи к семейной жизни (семейный уклад и карьера)», а также «Деятельность некоммерческих организаций по сопровождению семей с различным укладом жизни».

Остановимся подробно на последнем из перечисленных курсов. Представители третьего сектора активно включены в проведение данных курсов через участие в лекциях, тренингах, семинарах. Итоговый контроль – зачет.

Программа курса предназначена для студентов педагогических вузов, необходимость введения ее в учебный курс актуализируется важностью развития теоретико-методологических основ деятельности некоммерческих организаций по сопровождению семей с различным укладом как составляющей социальной деятельности государства; потребностями современных российских семей в сопровождении, способствующем укреплению ее супружеских, детско-родительских, прародительских и сиблинговых подсистем.

В рамках проведения курса практикуются выходы в некоммерческие организации для более детального и наглядного ознакомления с их деятельностью. Проведены выходы и экскурсии в следующие организации**:** «Утешение», «Кризисный центр для женщин», «Благотворительный фонд поддержки матери и ребенка Вологодской области». Студенты были ознакомлены также с деятельностью Вологодского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», Вологодского регионального общественного движения «Совет солдатских матерей» и т.д. Во время проведения курсов по выбору студенты знакомятся с информацией о файндрайзинге, волонтерском движении, группах самопомощи, взаимодействии НКО между собой, а также со структурами власти, центрами социальной направленности, бизнес и научным сообществами, с социумом.

Последние занятия элективных курсов посвящены анализу самостоятельной работы студентов по ознакомлению с работой НКО. Студенты должны взять интервью у лидеров НКО, найти информацию

о них в Интернете, составить рассказ и презентацию об их деятельности.

В начале и по завершении элективного курса проводится анкетирование, в ходе которого выявляется степень знаний о работе третьего сектора, о желании участвовать в построении гражданского общества, в волонтерском движении, о формах такого участия, о потребностях в продолжение изучения деятельности данных организаций, о социальной составляющей в данной деятельности. Данные нашего исследования показывают, что более 90% студентов не имеют или имеют смутные представления о деятельности НКО. Очень редко (менее 1%) принимают участие в их работе и являются их членами. Респонденты затрудняются ответить на вопросы о роли НКО в жизни общества.

Анализ результатов по окончанию курсов позволяет констатировать: углубились знания студентов о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций; повысилась личностная активность, направленная на реализацию целей в познавательной и учебной деятельности. У студентов преобладают индивидуальные формы активности, отражающие их ориентацию на процесс самовоспитания. Отмечено, что курс по выбору способствует самосовершенствованию молодых людей, формированию духовно-нравственного облика студентов, их гражданской активности.

Часто результатом проведения курса по выбору становится желание студентов глубже познакомиться с деятельностью некоммерческих организаций. Они пытаются записаться на практику в данные организации, участвовать в их деятельности, писать дипломные работы по тематике проблем НКО.

Так, около 100 человек, в основном студенты ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» и филиала Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, изъявили желание участвовать в проведении акции «Белая лента», посвященной борьбе с семейным насилием и приуроченной к 10-летию автономной некоммерческой организации «Кризисный центр для женщин» в декабре 2010 года. В ходе данного мероприятия студенты подробно узнали о работе данной организации, посмотрели ролик о деятельности центра, также подготовленный при участии студентов в рамках прохождения педагогической практики. Они ознакомились со статистическими данными по проблеме насилия в семье в стране и в области, методах профилактике домашнего насилия, роли некоммерческих организаций в данной работе. Благодарности, грамоты и сувениры получили более 30 студентов – волонтеров АНО КЦ.

Взаимодействие вузов и некоммерческих организаций реализуется также в других формах. Например, руководитель некоммерческой организации «Кризисный центр для женщин» в городе Вологде выступала перед активом студенческого совета педагогического вуза, на занятиях курса по выбору, присутствовала на экзамене магистров по социальной работе в качестве независимого эксперта. В рамках реализации городского и областных грантов АНО КЦ в 2010 году студентками педагогического университета проведены мероприятия, направленные на релаксацию клиенток кризисного центра, женщин – жертв семейного насилия, на их сплочение. В процессе занятий использовались упражнения «Снежный ком», «Скомканная бумага», «Симфония красок моей души», упражнение со свободным возникновением образов, ознакомление участников с технологией SMART – постановка целей. Летнюю практику в «Кризисном центре для женщин» прошли 23 человека – студента ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет». Например, в 2010 в рамках данной практики студенты провели шесть мероприятий социально-правовой направленности с детьми и женщинами, проживающими в убежище и социальной гостинице при кризисном центре. За каждым студентом были закреплены подопечные из числа клиенток кризисного центра, которых сопровождали в правоохранительные органы, суды, в структуры законодательной и исполнительной власти. Силами студенток был также проведен флеш-моб, посвященный противодействию насилия в семье, мониторинг прессы по проблемам домашнего насилия, другие мероприятия.

При активном участии представителей некоммерческих организаций организована региональная заочная научно-практическая конференция с международным участием «Деятельность структур государственной власти, центров социальной направленности, некоммерческих организаций, вузов по сопровождению семей с различным укладом жизни». Кроме того, сотрудники кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет» провели сбор продуктов питания и одежды для женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Перспективами взаимодействия некоммерческих организаций и высших учебных заведений могут стать: создание координационного совета по данному взаимодействию, совместное написание грантов, совместный файндрайзинг и другие.

В данной работе мы рассмотрели особенности, проблемы, связанные с формированием взаимодействия высших учебных заведений с некоммерческими организациями, а также перспективы данного взаимодействия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 05.12.1994 // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. *Кудашкина О.С.* Конструирование содержания элективных курсов с направленностью на развитие коммуникативной компетентности студентов: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Екатеринбург. – 2009. – 28 с.

3. Стратегии развития российских вузов: ответы на новые вызовы / под науч. ред. Н.Л. Титовой. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 668 с.

4. *Pfeffer J., Salancik G.R.* The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. – N.Y.: Harper & Row, 1978. – 300 p.

УДК 378

Шадчин Игорь Владимирович
Челябинский государственный университет
agnostik007@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается содержание понятия готовность студентов к научно-исследовательской деятельности. Дана подробная характеристика антропоцентрического, субъектно-деятельностного и компетентностного подходов, обеспечивающих получение разноплановых характеристик при формировании готовности студентов вуза к научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: *методологический подход, готовность студентов к научно-исследовательской деятельности, антропоцентрический подход, субъектно-деятельностный подход, комптетентностный подход.*

В современном социуме, идущем по пути глобализации, способность эффективно функционировать в условиях международной конкуренции и нестабильной социально-экономической обстановки в мире становится важнейшим фактором успешного и устойчивого развития страны. Высшая профессиональная школа России переживает поливекторный процесс обновления. Одной из ведущих целей преобразований является комплексная подготовка специалиста, способного к профессиональному росту и саморазвитию, готового к осуществлению научных исследований в той или иной области знаний.

Современному выпускнику недостаточно просто иметь глубокие предметные знания и владеть практическими умениями и навыками. Одним из актуальных направлений развития образовательного процесса вуза является формирование готовности студентов к научно-исследовательской деятельности.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена наличием противоречия между социально заданной необходимостью формирования готовности будущих специалистов к научно-исследовательской деятельности и недостаточной теоретико-методологической разработанностью этой проблемы в педагогике.

Сложность и многоаспектность проблемы эффективного формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности обусловливает необходимость применения комплекса взаимосвязанных методологических подходов к ее решению. В связи с чем, целью нашего исследования является теоретическое обоснование комплекса методологических подходов, обеспечивающих получение разноплановых характеристик при формировании готовности студентов вуза к научно-исследовательской деятельности.

Конкретизируя на основании анализа трудов О.В. Вихоревой, Э.Ф. Зеера, Л.А. Кандыбович и др. понятие «готовность студентов к научно-исследовательской деятельности» мы будем понимать его как личностное образование, определяющее состояние личности субъекта и включающее мотивационно-ценностное отношение к этой деятельности, систему методологических знаний, исследовательских умений, позволяющих продуктивно их использовать при решении возникающих профессионально-педагогических задач.

Изучение психолого-педагогической литературы по проблемному вопросу (А.А. Вербицкий, С.И. Зиновьев, М.И Колдина, А.В. Курганов и др.), учёт возрастных и социально-психологических особенностей студенческого возраста и специфики научно-исследовательской деятельности в высшей школе позволили нам выделить следующие компоненты в структуре готовности студентов к научно-исследовательской деятельности: мотивационный, характеризующий познавательный интерес, мотивацию исследовательской деятельности; ориентационный, включающий представления о методологии научного исследования и способах научно-исследовательской деятельности; деятельностный, определяющий владение умениями и навыками научно-исследовательской деятельности; рефлексивный, включающий самооценку и самоанализ собственной научно-исследовательской деятельности, определение путей саморазвития в научном познании. Выявленные компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены и обеспечивают не только готовность к научно-ис-

 © Шадчин И.В., 2012

следовательской деятельности, но и развитие самой личности студента в процессе обучения.

В качестве теоретико-методического основания процесса формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности выступает совокупность методологических подходов, так как исследуемое педагогическое явление в силу своей сложности не должно изучаться с одной точки зрения.

Необходимо отметить, что термин «подход» является полисемичным и может рассматриваться как:

– совокупность принципов, которые определяют общую цель и стратегию соответствующей деятельности;

– комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании, практике, характеризующий конкурирующие между собой стратегии и программы в науке, политике или организации жизнедеятельности человека;

– мировоззренческая категория, отражающая социальные установки субъектов обучения как носителей общественного сознания;

– глобальная и системная организация и самоорганизация образовательного процесса и как принципиальная методологическая ориентация исследования [4, с. 48].

В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения Э.Г. Юдина, который отмечает, что методологический подход можно определить как «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [9, с. 42].

На основании анализа научной литературы по исследуемой проблематике, мы пришли к выводу о том, что в качестве теоретико-методологической основы процесса формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности наиболее оптимальным вариантом является интеграция антропоцентрического, субъектно-деятельностного и компетентностного подходов. Дадим подробную характеристику выделенным методологическим подходам.

Идея антропоцентрического подхода базируется на философской (Т. де Шарден, М. Шелер), психологической (Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков), педагогической (К.Д. Ушинский, Б.М. Бим-Бад) антропологии.

Антропоцентрический подход выражается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует, по словам Е.С. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обусловливает его специфический ракурс» [3, с. 12].

Данный подход в педагогике подчеркивает значимость индивидуальной системы ценностей в жизни человека: он сам для себя выстраивает систему ориентиров, целей, идеалов, определяющих логику и динамику его жизненного пути, и поэтому он ответствен за выбор своей судьбы, своего места в мире.

В основе данного подхода к организации образования лежат следующие идеи: целостность и самоценность человека; духовность человека и роль рефлексии в развитии его субъектности; его уникальная способность определять для себя нравственные ценности и ориентиры; открытость целостного педагогического процесса, направленного на создание условий самообразования человека по обеспечению для него пространства выбора, возможностей свободного и творческого действия [7].

Таким образом, антропоцентрический подход ставит в центр внимания вопрос о современных целях и средствах развития человеческих способностей. Использование данного подхода в нашем исследовании позволит организовать процесс формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности с опорой на самообразование и активизацию внутренней активности студентов.

С антропоцентрическим подходом тесно связан субъектно-деятельностный подход.

Исследование личности субъекта посредством целостного рассмотрения его деятельности, основывается на базовых положениях психологической теории деятельности, сложившейся в рамках субъектно-деятельностной парадигмы.

Предпосылки формирования субъектно-деятельностного подхода в отечественной психологии были заложены в работах физиологов начала XX века (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.), выдвигавших идеи детерминированности психики и обусловленности ее развития внешними факторами.

Обобщив научные взгляды философской и психологической мысли конца XIX – начала XX века, С.Л. Рубинштейн в начале прошлого столетия выдвинул основополагающий теоретический принцип деятельностного подхода, в основу которого была положена исходная концепция о «формировании внутренней сущности человеческого сознания в процессе воздействия человека на внешний мир в процессе общественной практики, в которой происходит взаимопроникновение действия и предмета в формирование субъекта и сознания через продукт общественной практики» [6].

Эта позиция способствовала утверждению принципа взаимосвязи и взаимообусловленности сознания и деятельности, сводящегося к тому, что «деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения» [6]. Социальная деятельность была охарактеризована, прежде всего, как деятельность субъекта (т.е. человека, а не животного

и не машины), точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность.

Особое место субъектно-деятельностный подход занимает в педагогических исследованиях. Как отмечено В.А. Кольцовой и И.Р. Федорковой, «человек выступает непосредственно как субъект своей собственной и общественной жизни, как творец и созидатель» [5].

Категориальное отграничение деятельности в ее реальном практическом воплощении от субъекта во всей его многомодальности сегодня задаёт ориентиры развития современного понимания деятельности как особого способа связи субъективного и объективного, свободного, произвольно инициируемого субъектом и необходимого, где функция субъекта состоит в разрешении противоречий между необходимыми, функционально-обусловленными характеристиками труда и личностными возможностями человека [5].

Показав психологический смысл деятельности, С.Л. Рубинштейн определил место субъекта в ней, его активную позицию, направленную на изменение не только природных и социальных явлений, но и самого себя.

Такое понимание деятельности и ее субъекта позволит выявить функциональные взаимосвязи системы «деятельность и личность ее субъекта», определить оптимальные условия развития субъектной позиции личности в его жизнедеятельности, профессиональном и личностном формировании.

В нашем исследовании использование субъектно-деятельностного подхода позволит рассмотреть не только разные характеристики самого субъекта, но и его разные отношения к миру (созерцательное, эстетическое, деятельностное, познавательное). Каждому из этих отношений присуща своя «логика», своя качественная определенность. При таком многомодальном подходе деятельность не является своеобразным субъектом, а занимает место одного из отношений субъекта к миру [5; 6].

Роль общенаучной основы и теоретико-методологической стратегии исследования выполняет компетентностный подход, относящийся к высокому уровню методологии и применяемый во многих дисциплинах.

Для рассмотрения сущности компетентностного подхода остановимся на его семантическом ядре – категории компетентность.

В настоящее время педагогическая наука не выработала единого понимания сущности данного феномена.

А.В. Хуторской определяет это понятие как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов для эффективной деятельности по отношению к ним» [8].

И.Я. Зимняя трактует компетентность как «интегральное свойство личности, характеризующее его стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной деятельности в определенной области» [2].

Вслед за О.А. Вихоревой мы рассматриваем компетентность как «совокупность личностных качеств (знания, умения, навыки, ценностно-смысловые ориентации), которые обусловлены опытом деятельности и обеспечивают эффективность самостоятельной деятельности», а компетенцию «как форму представления нормативных требований к результатам образовательной практики с позиции личностных качеств обучающихся» [1, с. 71].

Компетентностный подход к образованию не отрицает необходимости формирования знаниевой базы речь идет о компетентности как интегральном результате данного процесса.

Именно данный подход наиболее глубоко отражает основные аспекты процесса формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности, так как компетентностный подход:

– проявляется как обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность;

– ориентирован на установление связи образовательного процесса в вузе с требованиями внешней среды с целью обеспечения формирования у будущего специалиста необходимого набора исследовательских компетенций;

– является обобщенным условием способности человека эффективно действовать за пределами учебных ситуаций;

– характеризуется возможностью переноса способности в условия, отличные от тех, в которых компетентность изначально возникла;

– предполагает готовность к совместной деятельности в условиях внутригрупповой и межгрупповой конкуренции;

– формирует способность принимать на себя ответственность за результаты проведения своих решений в жизнь и др. [4; 8].

На наш взгляд, компетентностный подход рассчитан на усиление практической направленности высшего профессионального образования при сохранении его фундаментальности.

Данный подход естественным образом сочетает идеи общепрофессионального и личностного развития; компетенции рассматриваются как сквозные, метапредметные образования, интегрирующие как традиционные знания, так и интеллектуальные, информационно-компьютерные, коммуникативные, креативные, методологические, мировоззренческие и иные умения, что полностью соответствует важнейшим задачам формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности.

В нашем исследовании мы рассматриваем компетентностный подход как стратегию, акцентирующую внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не усвоение суммы информации, а способность человека самостоятельно действовать в различных проблемных ситуациях, используя знания и порождая новые; это подход, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования.

Таким образом, с нашей точки зрения, формирование готовности студентов к научно-исследовательской деятельности является сложным педагогическим феноменом, что требует применения комплекса методологических подходов, обеспечивающих получение разноплановых характеристик исследуемого явления. Наиболее адекватным и целесообразным теоретико-методологическим инструментарием исследования формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности с учётом сложности и многоуровневости процесса может стать интеграция антропоцентрического, субъектно-деятельностного и компетентностного подходов.

Библиографический список

1. *Вихорева О.А.* Исследовательская деятельность старшеклассников в условиях дополнительного образования. – Челябинск: Изд. центр «Уральская Академия», 2008. – 188 с.

2. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 240 с.

3. *Мандрикова Г.М.* Основные положения антропоцентрической лексикографии // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2011. – № 2 (5). – С. 8–12.

4. *Никитина Е.Ю., Афанасьева О.Ю.* Педагогическое управление коммуникативным образованием студентов вуза: перспективные подходы. – М.: МАН-ПО, 2006. – 154 с.

5. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – М., 2002. – 368 с.

6. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 416 с.

7. *Трухачев В.И., Лякишева И.Н., Игнатова Н.Н.* Высшее образование в ведущих странах мира. – Ставрополь: АГРУС, 2006. – 120 с.

8. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

9. *Яковлев Е.В., Яковлева Н.О.* Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 239 с.

УДК 159.9:616

Шеронов Евгений Александрович
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
sheronof@mail.ru

РАЗРАБОТКА КОСТРОМСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТА НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИГОДНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ НА МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

КТМС является Костромским тестом на определение пригодности к обучению на медицинских специальностях. Методика разрабатывается на основе американских и европейских тестов на успешность и соответствует по своей конструкции известному Тесту для медицинских специальностей (ТМС). КТМС не является переводом или адаптацией ТМС к русским условиям. Он будет заново сконструирован при помощи новых заданий, исходя из принципов классического тестового конструирования.

Ключевые слова: *психологический тест, конструирование психологического теста, классическая теория тестового конструирования.*

Данной работой мы хотим обратить внимание на развитие психологического инструментария направленного на диагностику способностей, необходимых для успешного обучения в медицинском вузе, уточняя тем самым заявленную тематику.

КТМС является Костромским тестом на определение пригодности к обучению на медицинских специальностях. Он помогает при отборе подходящих студентов для успешного обучения. Тест предназначен для прогнозирования успешности обучения на медицинских специальностях будущего студента, пока он находится в статусе абитуриента.

Обучение в медицинском высшем учебном заведении предполагает наличие неких специальных качеств и способностей [7]. Другими словами, стать успешным студентом на медицинском факультете сможет не каждый. Система приёма студентов в медицинские вузы не предполагает замер этих характеристик. Превосходство числа абитуриентов над числом бюджетных мест предполагает наличие качественной системы отбора. В США и в некоторых

© Шеронов Е.А., 2012

Таблица 1

Построение и временные рамки тестового исследования КТМС

Название подтеста	Количество заданий	Время работы (минуты)
Опознание рисунка	24	22
Медико-естественнонаучное понимание	24	60
Фигуры, состоящие из шлангов	24	15
Количественные и формальные проблемы	24	60
Концентрированная и тщательная работа	34 (1200 знаков)	8
Перерыв 60 минут		
Заучивание фигур	20 (групп заданий)	4
Заучивание фактов	15 (групп заданий)	6
Понимание текста	24	60
Припоминание фигур	20	5
Припоминание фактов	20	7
Диаграммы и таблицы	24	60

странах Европы для этих целей используется Тест для медицинских специальностей (ТМС) [6].

ТМС был разработан в Германии Г. Тростом и его коллегами на основе американской батареи тестов «Медицинские Университетские Вступительные Испытания» (MCAT) [6]. В результате длительных исследований американских учёных было выявлено, что именно измеряемые тестом показатели имеют высокие корреляционные показатели с успешностью при обучении на медицинских специальностях [7]. Далее, по поручению Постоянной конференции министров образования Германии (1978) ТМС был сконструирован заново для того, чтобы охватить все возможные показатели пригодности к обучению и применяться в дополнение к экзаменационной оценке в качестве критерия к допуску в рамках ограниченного набора на специальности в Германии [4]. Цель заключалась в том, чтобы как можно более объективно и надежно оценить индивидуальную пригодность к обучению с помощью специального психологического теста.

Свою работу мы посвятили конструированию Костромского психологического теста на определение пригодности к обучению на медицинских специальностях высшего учебного заведения (КТМС). КТМС разрабатывается на основе американских и европейских тестов на успешность и соответствует по своей конструкции известному тесту для медицинских специальностей (ТМС) (см. табл. 1). КТМС не является переводом или адаптацией ТМС к русским условиям. Он будет заново сконструирован при помощи новых заданий, исходя из принципов классического тестового конструирования.

КТМС состоит из 9 подтестов, то есть однотипные задания объединены по группам. Пять подтестов (Часть «А») прорабатываются в первой половине дня, оставшиеся четыре (Часть «Б») – во второй половине дня. К каждому подтесту прилагается краткое указание к работе, в котором поясняется, на проверку каких способностей направлен данный подтест, и каким образом его нужно прорабатывать. КТМС наполнен зрительными образами и текстовыми заданиями. Измеряемые тестом характеристики отражены в названиях подтестов (см. табл. 1).

Все задания сконструированы по принципу множественного выбора. После каждого задания предлагается пять вариантов ответа (А–Д), из которых нужно выбрать лишь один. Внутри подтеста задания расположены по степени возрастания трудности. Временные рамки проведения тестирования строго регламентированы [4].

Как пишет В.С. Аванесов (2000), современный тест – это не только надежный, но и валидный тест, однако не на все случаи жизни, а разработанный для конкретной цели; а современный психологический тест – это теоретически и эмпирически обоснованная система высказываний (заданий), позволяющая получить измерения соответствующих психологических свойств. В наши дни тесты являются наиболее развитой в научном отношении частью методического арсенала, позволяющего адекватно соотносить теорию с эмпирикой. Именно такое понимание тестов все в большей мере начинает утверждаться в новейшей отечественной и зарубежной литературе (А. Анастази, 2007; Л.Ф. Бурлачук, 2000; М.М. Кабанов, А.Е. Личко, В.М. Смирнов, 1998; Б.В. Кулагин, 2001; В.Л. Марищук, 2001; В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский, 2003; И. Шванцара, 2001 и др.) [1; 2; 3; 5].

С помощью КТМС станет возможным судить о степени развития способностей, которые необходимы для успешного обучения на медицинских специальностях российского вуза. Кроме того, стоит отметить возможность использования КТМС для составления индивидуальных тренинговых программ, так как результат тестирования указывает на способности, которые находятся на недостаточном для обучения на медицинских специальностях уровне развития [6]. Составление таких развивающих программ является длительной перспективой на будущее. Это станет возможным, когда КТМС будет полностью сконструирован и проверен на объективность, надёжность, валидность.

Библиографический список

1. *Анастази А.* Психологическое тестирование. – СПб.: Питер, 2007.
2. *Бодалев А.А., Столин А.В.* Общая психодиагностика. – СПб.: Речь, 2000.
3. *Клайн П.* Справочное руководство по конструированию тестов. – Киев, 1994.
4. *Gessmann H.-W.* et al. ÜTMS 95/96 – Übungstest für Medizinische Studiengänge im Orginalformat – 3. Testrevision – Jungjohann Verlagsgesellschaft, Neckarsulm. – Stuttgart, 1995.
5. *Lienert G.A., Raatz U.* Testaufbau und Testanalyse. 5., voellig neubearbeitete und erweiterte Auflage, Weinheim, Beltz, 1994.
6. *Trost G.* Test für medizinische Studiengänge (TMS). – Bonn, 1970.
7. *Trost G.* Test für medizinische Studiengänge (TMS). – Bonn: Inst. für Test- und Begabungsforschung, 1997.

УДК 378

Боциева Нино Иосифовна
кандидат педагогических наук, доцент,
Боциев Игорь Федорович
кандидат физико-математических наук, доцент
Северо-Осетинская государственная медицинская академия, г. Владикавказ
ninoboc@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЗИКИ И МАТЕМАТИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Охарактеризован интегративно-модульный курс физики с математикой, адаптированный к новым требованиям высшего медицинского образования. Рассматривается значение физико-математического образования для студентов-медиков. Установлена интеграция физики и математики с теоретическими и клиническими дисциплинами.

Ключевые слова: *медицинское образование, физика и математика, интегративно-модульное обучение.*

Процессы, происходящие во всех сферах жизни общества, предъявляют новые требования к профессиональным качествам специалистов, в том числе специалистов-медиков. Сегодня, в рамках новых тенденций образования, одним из главных требований к выпускнику вуза является его конкурентоспособность. Особое значение в характеристике конкурентоспособного специалиста имеют его профессиональные и личностные компетенции. Компетентностный формат государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения предполагает оценку качества профессионального образования через компетенции выпускника, под которыми понимается общий результат освоения образовательной программы. Компетенции выпускника медицинского вуза должны позволить ему успешно работать в избранной профессиональной сфере, приобрести социально-личностные и общекультурные качества, способствующие его социальной мобильности и устойчивости на рынке труда.

В решении этой задачи важная роль, на наш взгляд, принадлежит курсу физики с математикой, которая является составной частью системы медицинского образования. Физика и математика позволяют формировать не только частные, общепредметные, физико-математические компетенции, но и ключевые, надпредметные.

Физико-математические дисциплины в медицинских вузах приобретают большое значение в связи с проникновением точного знания в медицину и смежные дисциплины. Это связано с совершенствованием и усложнением методов диагностики и лечения, оборудования, необходимостью ясного понимания и правильной оценки результатов исследования. Без глубокого понимания физических процессов в организме, физических основ воздействия внешних факторов на организм, законов молекулярной физики невозможно правильно назначить лечение, рекомендовать пациенту правила здорового образа жизни. В практической деятельности врач имеет дело с количественными показателями. Важно знать, как получены эти величины, какова их точность. Математической базой этих вопросов являются теория вероятностей и математическая статистика.

Физика оказывает влияние почти на все стороны жизни общества, затрагивает всю культуру в целом и образ мышления. Революцию в биологии обычно связывают с возникновением молекулярной биологии и генетики. Молекулярная биология для обнаружения, выделения и изучения своих объектов использует физические методы и оборудование: электронные и протонные микроскопы, рентгеноструктурный анализ, электронография, нейтронный анализ, метод меченых атомов и многое другое. Не располагая этими средствами, родившимися в физических лабораториях, биологи не сумели бы осуществить прорыв на качественно новый уровень исследования процессов, протекающих в живых организмах [8, с. 15].

© Боциева Н.И., Боциев И.Ф., 2012

Для современной физиологии и медицины характерно все более широкое использование математического аппарата, математической статистики, применяемой для получения необходимой информации, обработки результатов наблюдений и измерений, оценки степени надежности полученных данных. В связи с использованием точных методов исследования и рассмотрением процессов жизнедеятельности вплоть до молекулярного уровня медицина не может обойтись без аппарата высшей математики, который дает возможность описания явлений в динамике. О значении математического описания процессов взаимодействия организма с внешней средой писал еще И.П. Павлов [7, с. 124].

Физика с математикой, как учебная дисциплина, составляет вместе с другими естественнонаучными дисциплинами основу общеобразовательной подготовки специалиста. Она обладает рядом особенностей и дидактических достоинств, позволяющих: развивать у студентов логику, рациональность и системность мышления, тренировать мыслительный аппарат будущего врача [1, с. 9]. Общепризнано, что в процессе изучения физики и математики формируются как профессиональные, так и многие общекультурные компетенции, которые необходимы в любом виде деятельности: способность логически мыслить, анализировать и критически оценивать информацию, аргументировано и четко строить устную и письменную речь, ставить цели, планировать свою деятельность, строить причинно-следственные отношения. Кроме того, применение математических методов расширяет возможности каждого специалиста. Существенную роль играют статистика, умение правильно обработать информацию, сделать достоверный вывод или прогноз на основании имеющегося статистического материала. Математика, с её строгостью и точностью, формирует личность, предоставляет в её распоряжение важнейшие ресурсы, столь необходимые для обеспечения наилучшего будущего. Можно утверждать, что физика и математика учат точно формулировать разного рода правила, предписания, инструкции и строго их исполнять (немаловажное качество, необходимое медицинскому работнику). Любой врач должен уметь рассуждать логически, применять на практике индуктивный и дедуктивный методы. Физика и математика формируют профессиональное мышление будущего специалиста-медика.

Согласно проекту ФГОС ВПО третьего поколения целью изучения дисциплины «Физика. Математика» является формирование у студентов-медиков системных знаний о физических свойствах материи и физических процессах, протекающих в биологических объектах, в том числе в человеческом организме, а также освоение фундаментальных основ математики и прикладного математического аппарата, необходимых для изучения других учебных дисциплин и приобретения профессиональных врачебных качеств [6]. Процесс изучения дисциплины «Физика. Математика» направлен на формирование общекультурных и профессиональных компетенций, а реализация компетентностного подхода должна предусматривать использование в учебном процессе современных технологий обучения, одной их которых является модульное обучение [3, с. 18; 5, с. 165].

Несмотря на то, что внедрение модульной технологии обучения в медицинском образовании на додипломном этапе широко обсуждается, методических работ по комплексной разработке и практической реализации интегративно-модульного курса физики с математикой для студентов медицинского вуза в доступной литературе нам не встретилось. На основе модульного подхода, принципов межпредметной интеграции, преемственности и профессиональной направленности нами разработан и внедрен в учебный процесс вариативный интегративно-модульный курс физики с математикой, адаптированный к новым требованиям высшего медицинского образования. Модуль включает в себя блок относительно самостоятельного содержания, программу целей и действий обучения по нему, учебную литературу, в том числе дополнительную, систему ориентировочных основ действий, методическое обеспечение, интегративные показатели результатов обучения. Содержание всех блоков курса пронизывается важными для медиков идеями медицинской и биологической физики, математики и имеют профессиональную направленность. В медицинских вузах дисциплина «Физика. Математика» является предметом, необходимым для изучения химических и профильных дисциплин, которые преподаются параллельно с данным предметом или на последующих курсах. Из учебных программ основных дисциплин медицинского вуза следует, что освоение курса физики и математики должно предшествовать изучению физиологии, биохимии, микробиологии и вирусологии, гигиены, неврологии, оториноларингологии, офтальмологии, лучевой диагностики, лучевой терапии, инфекционных болезней. Соответственно, разделы дисциплины «Физика. Математика» нами выделены в виде отдельных блоков, необходимых для изучения всех теоретических и клинических дисциплин: 1) основы математического анализа; 2) основы теории вероятностей и математической статистики; 3) механика жидкостей и газов. Биомеханика. Акустика; 4) процессы переноса в биологических системах. Биоэлектрогенез; 5) оптика; 6) электрические и магнитные свойства тканей и окружающей среды; 7) основы медицинской электроники; 8) квантовая физика, ионизирующие излучения.

Таким образом, дисциплина «Физика. Математика» является необходимым компонентом специ-

альных медицинских предметов. В то же время наблюдается невысокая мотивация студентов к изучению базовых дисциплин, в виду того, что студенты младших курсов не способны во всей полноте осознать значение знаний фундаментальных дисциплин для будущей практической деятельности врача. Нами составлена таблица междисциплинарных связей физики и математики с клиническими дисциплинами, которая позволяет студенту-первокурснику видеть значение приобретенных при изучении физики и математики знаний, умений и навыков для последующего изучения других фундаментальных и клинических дисциплин, а также для формирования общекультурных и профессиональных компетенций. Одна из особенностей нашей методики обучения – в постоянном раскрытии роли физико-математического образования в медицинской практике. Это способствует повышению мотивации студентов к изучению курса, освоению фундаментальных основ математики и прикладного математического аппарата, необходимых для профессионального медицинского образования, формированию у студентов целостного, системного представления о физических свойствах материи и физических процессах, протекающих в биологических объектах, в том числе в человеческом организме. Каждый блок дисциплины состоит из модулей. Модули содержат наиболее важные для медицины темы из математического анализа, теории вероятностей, математической статистики, медицинской и биологической физики. Внутри модулей выделены модульные единицы, например, лабораторная работа или практическое занятие. Каждая модульная единица имеет все компоненты учебного цикла от дидактической цели до перечня учебной литературы. Студент может самостоятельно работать с предложенной ему индивидуальной учебной программой, включающей в себя целевой план действий, банк информации и методическое руководство по достижению поставленных дидактических целей. Дидактическая цель сформулирована для обучающегося и содержит в себе не только указание на объем и вид изучаемого материала, но и на уровень его усвоения. К каждой модульной единице разработан набор требований к знаниям, умениям и навыкам.

Например, модульная единица «Изучение аппарата для УВЧ-терапии» состоит из следующих пунктов:

1. Научно-методическое обоснование темы.

2. Краткая теория используемых в клинической практике методов внутреннего прогревания с помощью высокочастотных электрического и магнитного полей, описание установки, порядок выполнения работы.

3. Цель деятельности студентов на занятии: Студент должен знать: Принцип действия аппарата для УВЧ-терапии. Тепловое и специфическое действие на организм человека переменного магнитного поля, электрического поля ВЧ и УВЧ. Студент должен уметь: Исследовать тепловое воздействие переменного электрического поля УВЧ на электролиты и диэлектрики. Исследовать пространственное распределение электрического поля аппарата для УВЧ-терапии. Соблюдать необходимые правила техники безопасности в физической лаборатории.

4. Перечень вопросов для проверки исходного уровня знаний: Приведите диапазоны частот электрических колебаний, принятые в медицине. Какое действие оказывает переменное электрическое поле на ткани организма? Какие явления наблюдаются при воздействии переменного электрического поля на электролит и диэлектрик? Что представляет собой аппарат для УВЧ-терапии? Запишите формулу мощности тепловых потерь для электролита и диэлектрика в электрическом поле УВЧ.

5. Перечень вопросов для проверки конечного уровня знаний: Каково назначение терапевтического контура? Опишите методы УВЧ-терапии: дарсонвализацию, диатермию, индуктотермию. Опишите метод УВЧ-терапии. Объясните принцип работы двухтактного лампового генератора, применяемого в аппарате для УВЧ-терапии. Каково назначение конденсатора переменной емкости в терапевтическом контуре? В чем состоит осцилляторный эффект?

6. Хронокарта учебного занятия.

7. Перечень учебной литературы к занятию представлен учебной и специальной литературой с указанием изданий, написанных под авторством ведущих представителей данной сферы деятельности.

Немаловажную роль в учебном процессе играет обеспечение единства требований как в обучении так и в оценке обученности студентов. На всех кафедрах академии введена балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов, что способствует эффективному внедрению модульной технологии обучения. Для оценки знаний и умений студента во время изучения дисциплины «Физика. Математика» используются рейтинговая и накопительная система оценки. Контроль учебных достижений студентов осуществляется нами в следующих формах: наблюдение и устный опрос на занятии; текущий тестовый контроль в конце каждого занятия и на модульных занятиях; анализ ошибок, защита лабораторных и самостоятельных работ, рефератов, прием практических навыков; работа в студенческом кружке, подготовка докладов на студенческую конференцию; защита модуля.

В конце каждого модуля производится защита компонентов модулей по вариативным вопросам, которые определяют следующие характеристики: усвоение фундаментальных понятий, теорий и законов, умение решать задачи по темам данного модуля, умение выполнять лабораторный эксперимент, наблюдать, фиксировать и обрабатывать результа-

ты. Эти характеристики оценивают качество физико-математической подготовки и уровень владения интеллектуальными и практическими умениями. К первому уровню учебно-методологической компетентности относятся такие показатели как умение объяснять суть физических явлений, пользоваться физическими и математическими методами, измерять физические параметры и оценивать физические свойства биологических объектов с помощью механических, электрических и оптических методов, осуществлять математическую обработку результатов измерений и иных данных, самостоятельно работать с научно-технической литературой; владение понятийным и функциональным аппаратом физики и математики, навыками пользования измерительными приборами, вычислительными средствами и методами статистической обработки результатов, основами техники безопасности при работе с аппаратурой. Вторым уровнем методологической компетентности является умение самостоятельно выполнять лабораторные работы, решать нестандартные задачи, применять физико-математические знания для раскрытия сути и объяснения процессов, использовать знания и умения для добывания новых знаний.

В нашей методике особое место занимает лабораторный практикум, включающий эксперимент по общей физике, медицинской электронике, с использованием медицинского оборудования, практикум, направленный на решение различных познавательных физических, медико-биологических и ситуационных задач. Процесс обучения студентов строится таким образом, что они должны на базе теоретических знаний уметь привлечь необходимые средства для выполнения задания и уметь объяснить свой выбор и свои действия, т.е. рефлексировать. Например, выполнение лабораторных работ и решение задач требуют привлечения прикладного математического аппарата, математической статистики, изучения разделов прикладной физики, отражающих основные принципы функционирования и возможности медицинской техники, применяемой при диагностике и лечении заболеваний, изучения элементов биофизики, процессов жизнедеятельности. За период обучения дисциплины «Физика. Математика» студенты решают до 300 ситуационных задач, что приучает их к задачному методу решения многих проблем, формирует соответствующий стиль мышления, ведь в практической деятельности врач постоянно решает профессиональные задачи.

Тестированием нами проводится диагностика первоначального уровня подготовки обучающихся, контроль учебных достижений, диагностика уровня выживаемости, «оценка» результативности разработанного нами интегративно – модульного вариативного курса физики с математикой для студентов медицинского вуза. Тестирование позволяет судить о результативности процесса обучения и вносить изменения для совершенствования содержания модулей курса физики с математикой, а также их методического обеспечения.

Разработанный нами курс «Физика. Математика» наряду с фундаментальностью имеет профессиональную медицинскую направленность, что является мотивацией для студентов в изучении физики и математики. Модульный подход нам позволил исключить ненужное дублирование учебного материала, его блочная подача и укрупнение дидактических единиц усвоения дали экономию времени.

Количественный и качественный анализ успеваемости студентов, диагностика выживаемости знаний, анкетирование студентов свидетельствуют об эффективности интегративно – модульного курса физики с математикой и можно говорить о ее позитивном влиянии на уровень и качество знаний и умений, на развитие личности студентов.

Библиографический список

1. *Ан А.Ф.* Теоретико-методологические основы непрерывного физического образования. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. – 194 с.

2. *Боциева Н.И.* Повышение качества знаний по физике в условиях университетского образования // Вестник университета. – М.: Государственный университет управления, 2007. – № 8. – С. 24–27.

3. *Бартош О.Н., Мещерякова М.А., Подчерняева Н.С.* Компетентностный подход к разработке федерального государственного образовательного стандарта ВПО по специальности «Лечебное дело» // Alma mater: Вестник высшей школы. – 2010. – № 2. – С. 18–23.

4. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.

5. *Куклин В.Ж., Наводнов В.Г.* О сравнении педагогических технологий // Высшее образование в России. – 1999. – № 1. – С. 165–172.

6. Макет ФГОС ВПО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v.htm

7. *Павлов И.П.* Полное собр. соч.: Т. 3. Кн. 1. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 392 с.

8. *Ремизов А.Н.* Медицинская и биологическая физика: Учеб. для вузов / А.Н. Ремизов [и др.]. – М.: Дрофа, 2007.

УДК 316.614.6

Волкова Наталья Владимировна
Центральный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт робототехники и технической кибернетики, г. Санкт-Петербург
volkova_1973@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ

В статье рассматривается ряд социально-психологических особенностей персонала, который влияет на поведение человека в процессе организационной социализации и является основным источником информации относительно успешности первичной адаптации человека на предприятии. Уточняется соотношение таких понятий как организационная социализация и первичная адаптация персонала.

Ключевые слова: *первичная адаптация персонала, организационная социализация, карьерные ориентации, самомониторинг, социально-психологические особенности персонала.*

Любая организация обеспечивает процесс достижения целей, для выполнения которых важно укомплектовать её штат специалистами, правильно распределить роли между ними и обеспечить эффективное включение новичков в жизнь организации. Принятые сотрудники приходят с различным профессиональным опытом, определенным взглядом на результаты работы, а также имеют свои цели и ценности, которые могут расходиться с принятыми на предприятии. Задача администрации – найти способы и передать новичку систему правил, норм и поведенческих стереотипов, характерных для организации, а также развить в нём чувство ответственности за достижение корпоративных целей. Таким образом, при введении сотрудника в компанию начинается процесс, направленный на установление взаимодействия и интеграции интересов его участников – человека и предприятия, который в зарубежной литературе рассматривают как одну из стадий организационной социализации (Jablin, F., 2001; Schein E.H., 1979). Для отечественных исследователей характерно использовать в этом случае термин «адаптация персонала» (Аширов Д.А., 2005; Кибанов А.Я., 2007).

Организационная социализация и адаптация персонала. Применение терминов «организационная социализация» и «адаптация персонала» при введении новых сотрудников на предприятие актуализируют задачу по соотнесению этих понятий. Возвращаясь к базовым определениям, немаловажно отметить, что дефиниция термина «адаптация» появилось в научной лексике в середине XVIII века, и его основная смысловая нагрузка заключается в следующем: «для того, чтобы выживать и развиваться, организмы должны считаться со свойствами и особенностями окружающей их среды» [5, с. 19]. В свою очередь, термин «социализация» был введен на полтора века позже (конец XIX века) Ф.Г. Гиддингсом при попытке ответить на вопрос: «Какие силы заставляют людей организовываться в общественные группы?» [5, с. 14]. Согласно общему определению, это – «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны – это процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности» [1, с. 267]. Из базовых дефиниций следует, что при изменении условий организационной среды, актуализируются оба эти процесса, но, результаты их воздействия на человека различны.

Итак, по нашему мнению, адаптация персонала – это взаимный процесс приспособления человека и организационной среды, который, через структурированный ряд организационных и управленческих мероприятий, активируется работодателем при изменениях либо характеристик среды, либо состояния самого работника. Такой процесс нацелен, во-первых, на получение определенного результата, во-вторых, ограничен временным интервалом, по истечении которого эти результаты должны быть достигнуты. Алгоритмы его реализации различны для вновь принятых сотрудников (первичная адаптация) и тех, кто изменил свой статус внутри предприятия (вторичная адаптация).

В свою очередь, организационная социализация представляет собой процесс, который направлен на усвоение личностью соответствующих социальных знаний и навыков, необходимых для принятия определенной роли на предприятии. Для организации зарубежные исследователи (Dailey, S., 2009; Jablin, F. 2001) условно выделяют в нем четыре стадии: ожидание (anticipation), начало взаимодействия (encounter), усвоение социокультурных ценностей (assimilation) и принятие новой линии поведения (departure).

Организационная социализация начинается в период отбора персонала, поэтому первая стадия – ожидание – характерна для кандидатов на работу. Её особенностью является поиск, как предприятием, так и потенциальным работником информации друг о друге, причем, каждая сторона осуществляет этот процесс независимо. В ряде литературных источ-

© Волкова Н.В., 2012

ников (Feldman D., 1991) такой временной интервал называют периодом «предварительной социализации». После официального оформления в компанию начинается процесс ориентации сотрудника (employee orientation), который охватывает три оставшиеся стадии организационной социализации и является индикатором успешности или неудачи работы специалистов по отбору персонала. Ориентация персонала является основным процессом в ходе социализации и включает в себя различного рода обучение, а также обратную связь между руководителем и вновь принятыми сотрудниками [9, с. 527–544]. При отсутствии формальных программ или там, где они существуют, в дополнение к ним, социализация может осуществляться неформальным путем. По нашему мнению, процесс ориентации несет такую же функциональную нагрузку, как и первичная адаптация персонала, определение которой дано в отечественной литературе. С другой стороны, в рамках предприятия возможны переводы работников на позицию иного уровня (hierarchical), смена функциональных обязанностей (functional), а также изменение социального окружения (inclusion) (Schein E.H., 1979). Соответственно, организационная социализация включает в себя не только социализацию новичков (initial or newcomer socialization), но также нацелена на то, чтобы эффективно адаптировать штатных работников и полностью использовать их потенциал при изменениях ролей на предприятии, т.е. включает в себя цели и задачи вторичной адаптации персонала. Таким образом, можно выделить три основных аспекта, по которым различаются организационная социализация и адаптация персонала:

Во-первых, по степени воздействия на человека: адаптация персонала направлена на получение определенного результата. В ходе этого процесса человеком осваиваются и усваиваются не все, а относительно стабильные и значимые элементы социальной среды, а также наиболее типичные способы решения организационных проблем. Организационная социализация требует ассимиляции отвлеченных понятий и явлений (например, нравственных норм поведения), уровень абстрактности которых высок. Это процесс передачи индивиду культуры предприятия.

Во-вторых, по продолжительности во времени: все программы адаптации персонала ограничены, как правило, временным интервалом, по истечении которого работодатель анализирует полученные результаты. Организационная социализация – это длительный, постепенный процесс эволюционного характера, включающий накопление и усвоение новых знаний, умений и навыков, который продолжается на протяжении всей деятельности человека на предприятии.

В-третьих, по достижению целей предприятия: организационная социализация направлена не только на решение тактических задач, связанных с изменением статуса работника или условий организационной среды, но и на исполнение долгосрочных целей и реализации стратегического управления.

Следовательно, для облегчения процесса вхождения человека в организацию необходимо подбирать персонал, для которого первичная адаптация будет проходить эффективно в рамках конкретного предприятия, т.е. нужно определить социально-психологические особенности успешных кандидатов на работу. Для работодателя это будет источником информации, с помощью которого на стадии отбора, можно получить прогноз о результатах организационной социализации новичка.

Методика исследования. При формировании социально-психологических особенностей кандидата на работу нами были учтены следующие критерии:

– осведомленность о деятельности организации, а также понимание её миссии и целей. Лояльность (приверженность) сотрудников своей организации измерялась с помощью методики Organizational Commitment Questionnaire (OCQ), адаптированной В.И. Доминяком [3];

– социально-демографические характеристики (возраст, образование, семейное положение) кандидатов на работу;

– профессиональное развитие и планирование карьеры, которое было сформировано у человека в процессе общей социализации. Для этих измерений использовался опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна, дополненный шкалой «Патриотизм» из опросника «Привлекательности культуры» В.М. Снеткова [6, с. 85–96], т.к. прошлый жизненный опыт формирует систему ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе (профессиональный аспект адаптации);

– соответствие поведения индивида требованиям социальной ситуации, т.е. насколько легко новички могут устанавливать социальные контакты. Для оценки использовался тест самомониторинга М. Снайдера [6, с. 97–100] (социально-психологический аспект адаптации).

В исследовании, которое проходило на базе гипермаркета зарубежной розничной сети г. Москвы, приняли участие 56 сотрудников, из которых осталось работать 41 человек (основная группа), а 15 из них – уволились (контрольная группа). Для обработки данных был применен анализ первичных статистик, корреляционный и дисперсионный анализ.

Анализ результатов эмпирического исследования. В процессе отбора персонала все кандидаты знакомились, с коллективными базовыми представлениями организации, которые представляют элементы организационной культуры и отражены в локальных документах компании (правила трудового распорядка, этика поведения с покупателем и др.). Этот шаг был сделан для того, чтобы сократить уро-

Таблица 1

Социально-демографические характеристики и уровень самомониторинга

Признак	Показатели	Уволились	Остались работать
Социально-демографические характеристики	**1. Средний возраст сотрудников (лет)**	29,2	30,4
	Из них мужчин	22,7	23,2
	Из них женщин	33,6	32,4
	2. Образование		
	Высшее	1	7
	Незаконченное высшее	2	3
	Среднее профессиональное	11	23
	Среднее	1	8
	3. Семейное положение		
	Холост (не замужем)	7	17
	Женат (замужем)	5	14
	Разведен (а)	3	4
	Гражданский брак	0	2
	Вдовец (вдова)	0	4
Уровень самомониторинга	**4. Средний уровень**	6,5	8,8
	5. Стандартное отклонение	2,8	3,9

вень неопределенности, а также расхождение между ожиданиями кандидата и реальной ситуацией на предприятии. По истечении месяца работы для тех, кто остался работать в организации, проводилась оценка показателей лояльности по методике измерения лояльности (OCQ). Результаты сравнивались с нормативными значениями, которые были взяты из исследования В.И. Доминяка [3], и оказались в пределах нормы. Следовательно, можно утверждать, что цели, ценности и миссия организации были восприняты сотрудниками правильно.

Анализ социально-демографических характеристик позволил выделить параметры, характерные для тех, кто остался работать. Такую группу можно назвать «стабильный состав предприятия» (табл. 1).

Как следует из таблицы 1, для данной организации стабильный состав сформировался из женщин старше 32 лет, имеющих среднее профессиональное образование. Актуальность такого рода информации обусловлена тем, что ее можно анализировать на стадии отбора персонала.

Профессиональное развитие и планирование карьеры, которое было сформировано у человека в процессе общей социализации, было выражено через карьерные ориентации (табл. 2).

Как следует из приведенных данных, в организации остаются работать люди, для которых важно иметь стабильную работу (ориентация «Стабильность» – 14,7%). При этом такой фактор как возраст оказывает влияние как на показатель данной карьерной ориентации (обнаружены статистически значимые результаты на уровне $p<0,05$ $F=6,376$; $p=0,015$), так и на значения карьерных ориентаций: «Стабильность» ($F=7,542$; $p=0,008$) и «Интеграция стилей жизни» ($F=5,686$; $p=0,021$). Необходимо отметить, что на карьерную ориентацию «Менеджмент» оказывает влияние фактор пола – обнаружены статистически значимые результаты на уровне $p<0,05$ ($F=4,869$; $p=0,032$). Карьерная ориентация «Служение», основными ценностями которой являются «работа с людьми», «помощь людям» и т.д., отражает одну из важных проблем розничной торговли – желание персонала помочь покупателям. Для тех кто остался работать, максимальная частота выбора (16,4%) пришлась именно на неё. Те сотрудники, которые покидают предприятие, в карьере более ориентированы на управление (ориентация «Менеджмент» – 13,6%).

В свою очередь, уровень самомониторинга подтвердил значимость социальных контактов: в орга-

Таблица 2

Частота выборов респондентами карьерных ориентаций

Выборка	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия (независимость)	Стабильность	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Уволились	11,4%	13,6%	11,2%	12,3%	14,9%	12,7%	14,5%	9,4%
Остались работать	11,9%	10,6%	10,0%	14,7%	16,4%	13,1%	14,1%	9,2%

низации остаются работать люди со средним значением по этому показателю – 8,8, который на 26% превышает показатель не адаптировавшихся сотрудников (табл. 1).

Корреляционный анализ дополняет ряд социально-психологических характеристик людей, занимающих стабильную позицию в организации (адаптированных) и уволившихся (не адаптировавшихся), а также позволяет утверждать следующее:

Организация не подходит для тех работников, у которых главное на данном этапе их жизненного пути – исключительно оплата труда, поскольку установлена отрицательная связь между заработной платой и шкалой «Патриотизм» (r=-0,569 при p<0,05).

У тех кто уволился «Я-концепция» нечетко сформирована, и эти люди, вероятно, не определили еще своё место в жизни – существует значимая связь между карьерной ориентацией «Профессиональная компетентность» и «Интеграция стилей жизни» (r=0,701 при p<0,01). На уровне 0,05 к ней добавляется еще три значимых связи: с «Менеджментом» (r=0,562), «Стабильностью» (r=0,620) и «Служением» (r=0,636). Такая противоречивая информация может указывать на поиски личности своего пути в профессиональном плане.

Сотрудники с высоким уровнем самомониторинга в будущем готовы будут занять позиции, связанные, с управлением, поскольку существует значимая связь между уровнем самомониторинга и карьерной ориентацией «Менеджмент» (r=0,410 при p<0,01), которая, связана на этом же уровне с двумя, близкими к ней по ценностям, параметрами – «Предпринимательство» (r=0,619) и «Вызов» (r=0,403).

Стабильный состав компании, который был выделен при анализе социально-демографических характеристик, подтвердился через значимую связь карьерной ориентации «Стабильность» с «Интеграцией стилей жизни» (r=0,327 при p<0,05), «Служением» (r=0,343 при p<0,05) и со шкалой «Патриотизм» (r=0,428 при p<0,01).

Таким образом, проведенное исследование подтверждает значимость социально-психологических характеристик для организации процесса первичной адаптации персонала. На его основе можно сформировать критерии отбора сотрудников, для которых стадии процесса организационной социализации, будут проходить успешно. Такой человек не только быстро адаптируется в рамках организационной среды и станет полноправным членом коллектива, но и сможет реализовать свой потенциал и ожидания в отношении карьеры.

Библиографический список

1. *Андреева Г.Н.* Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2010 – С. 267.

2. *Аширов Д.А.* Управление персоналом. – М.: ПРОСПЕКТ, 2005. – С. 359.

3. *Доминяк В.И.* Измерение лояльности: действующая модель // Журнал Персонал-Микс. – 2004. – № 2. – С. 114–119.

4. *Кибанов А.Я.* Основы управления персоналом. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 207.

5. *Розум С.И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2007. – С. 14.

6. *Чикер В.А.* Психологическая диагностика организации и персонала. – СПб.: Речь, 2004.

7. *Dailey S.* What are the Benefits?: The Effects of Orientation on New Employee Information Seeking / Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Chicago, IL, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allacademic.com (Дата обращения: 08.06.2011)

8. *Jablin F.M.* Organizational entry, assimilation, and disengagement. / The new handbook of organizational communication: Advances in theory, research, and methods, edited by F.M. Jablin & L.L. Putham -Thousand Oaks, 2001. – Pp. 738, 911 p.

9. *Jokisaari M., Nurmi J-E.* Change in newcomers' supervisor support and socialization outcomes after organizational entry // Academy of Management Journal. – 2009. – V. 52. – №3. – P. 527–544.

10. *Maanen J.V., Schein E.H.* Toward a Theory of Organizational Socialization // Research in Organizational Behavior. – 1979. – V. 1. – P. 209–264.

УДК 37

Машарова Татьяна Викторовна
доктор педагогических наук, профессор
Вятский государственный университет, г. Киров
uiisr@vyatsu.ru

ИННОВАТИКА ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье рассмотрены вопросы интеграции профессионального и гражданского образования современных студентов. Обозначено противоречие между утилитарными и нравственными императивами гражданственности и проанализированы перспективы его разрешения в образовательной практике современного вуза.

Ключевые слова: *Болонский процесс, гражданское воспитание, гуманитарная подготовка студентов.*

Вступив в Болонский процесс, Россия, как известно, приняла на себя ряд обязательств, где основное – это повышение качества и конкурентноспособности профессионального образования. Наиболее заметные изменения, связанные с исполнением данного обязательства, уже подверглись широкому научному изучению и теоретическому обоснованию. Мы имеем в виду такие, как переход отечественных вузов на двухуровневую систему подготовки специалистов, внедрение зачетных единиц трудоемкости учебных модулей и использование компетентностной модели в содержании и структурировании результатов основных образовательных программ. Хуже обстоит дело с теми направлениями реализации Болонского соглашения, которые вытекают из необходимости усилить «европейское измерение» в образовании посредством формирования у будущих специалистов «европейской идентичности». В практической плоскости это можно обозначить как вопрос развития у студентов цивилизационных гражданских качеств, связанных с ценностями правового государства и гражданского общества.

Основную трудность в рассмотрении указанного вопроса составляет противоречие между утилитарными и духовными концептами гражданственности, а соответственно и между нравственными и экономическими императивами гражданского образования. Ментальность и мораль нашего общества, к сожалению, устроены так, что потребность в высоком и героическом всегда считалась движущим мотивом гражданского служения. Настойчиво держась за русскую идентичность, мы не перестаем осуждать космополитов за их «недо-патриотизм», а глобалистов – за безразличие к судьбам национальностей и народов. Даже предлагая научное обоснование новому типу гражданственности [5, с. 181], мы испытываем немалую ностальгию по утрачиваемой культуре гражданского достоинства, всегда отличавшей мыслящую русскую интеллигенцию. Возможно, поэтому, попытки рационализации гражданских качеств предпринимаются современными учеными и исследователями осторожно, без системного методологического обоснования. К примеру, Е.В. Беляева в пособии «Этика гражданственности» (2006 г.) использует факт «особого культуроцентристского пространства» с его «многообразием моральных образцов» не более чем для рассуждений о «неоклассической этике гражданственности», построенной на «нереволюционных формах развития» [2, с. 14].

Импонирует, конечно, идея этизации социального прогресса, но, как мы знаем, она не нова. Корнями она уходит в античную философию, в труды Платона, а затем развивается в работах Г.В. Гегеля, сказавшего о государстве как «гарантии публичной свободы», «внутри себя разумном отображении вечного разума» [3, с. 357]. Позже, С.Л. Франк подчеркнет, что всякое общество есть «единство разнородного» и «отдельность, обособленность, самостоятельность нашего личного бытия есть отдельность лишь относительная; она не только возникает из объемлющего его единства, но и существует только в нем» [10, с. 49]. Думается, поэтому, что новым содержанием понятие гражданственности должно наполняться сегодня не столько в направлении его этизации (здесь и так достаточно много сделано), сколько в направлении его рационализации, которая, хоть и редуцирует высокие идеалы гражданского служения, но зато обеспечивает возможность действенной интеграции гражданского образования и образования профессионального.

Вряд ли стоит опасаться того, что крен в сторону рационального начала гражданственности приведет к утверждению сугубо утилитарных мотивов гражданской практики. Да если и приведет, то всем во благо, поскольку повернет слово «гражданин» к его семантическим истокам – к «горожанину» в значении добропорядочный обыватель, честный труженик, семьянин. Ничего плохого в этом нет. И как бы ни ассоциировались такие качества с социальной пассивностью и приспособленчеством, именно они есть залог гражданского мира и согласия. Личное благо не может мешать гражданскому миру. Напротив, по-настоящему гражданским будет тот «мир», где человеку есть что терять, а в активной гражданской практике человек видит способ защитить или приумножить свою собственность. Прав М.И. Рожков, рассуждая об идеальном субъекте социальной активности как «рациональном индивиде, стремя-

© Машарова Т.В., 2012

щемся максимализировать свою выгоду в условиях полноты информации и свободы выбора»; его отличают субъектная активность, компетентность, расчетливость, предприимчивость, готовность идти на риск, нести личную ответственность за свои действия [8, с. 135].

Рациональное, таким образом, мы не противопоставляем идеальному (духовному, нравственному), а рассматриваем как источник нравственно полноценной гражданской деятельности. Утверждая идею рационализации духовного опыта студентов, мы выступаем за обогащение и развитие интеллектуальных ресурсов их гражданственности, то есть за такие подходы к гражданскому воспитанию, где формирование гражданской позиции базируется на прочной знаниевой основе и устойчивых внутриличностных ценностях. И поскольку все это достаточно ново в практике современного вуза, мы и предлагаем говорить об инноватике гуманитарной составляющий профессиональной подготовки студентов.

Ведущее значение мы придаем, безусловно, дисциплинам гуманитарного цикла, образовательный результат которых должен быть тщательно согласован со стандартизованными формулировками общекультурных компетенций. Конечно, это непростая работа – писать на «языке компетенций», но выбора у нас не остается. И в силу того, что здесь нет никаких регламентов, никакой единой либо универсальной методики, вербальное отражение этих результатов полностью ложится на плечи составителей УМК. В.И. Байденко, в одной из последних публикаций которого дается ссылка на соответствующий международный опыт, указывает также на необходимость участия всех заинтересованных сторон (преподавателей, работодателей, выпускников) в определении результатов обучения и необходимость делать это с «использованием социологического инструментария» [1, с. 33]. Последнее замечание нам особенно важно, потому как и гуманитарное, и гражданское, и социологическое – явления рядоположенные, а в нашем случае – взаимообусловленные.

Если исходить из соответствия результатов гуманитарного образования студентов общекультурным компетенциям, то за основу мы должны принять те, в которых отражены требования Стандарта к уровню правосознания выпускников, их способности добросовестно исполнять профессиональные обязанности и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень. Стандарт применяет для вербализации таких компетенций слово «способность», хотя компетенцию вообще определяют через «способность и готовность». Думается, это закономерно. Способность «материальнее» чем готовность, и какой-либо конкретный навык всегда ценнее, чем предопределяющий его личностный потенциал. Хотя не учитывать сложных взаимосвязей когнитивных, функциональных и ценностно-этических компонентов компетенции тоже нельзя. Видимо, в формулировке результатов гуманитарной составляющей подготовки студентов в вузе нужно все-таки придерживаться трехкомпонентной структуры компетенции, но, предполагая, что любая компетенция базируется на определенной сумме знаний и установок, не отмечать знаниевого и мотивационного компонентов в вербализации результата. То есть придерживаться понятия «способность».

Мыслить рационализацию духовного опыта студентов в формате компетенций не совсем привычно, но необходимо. Применительно к гражданскому образованию необходимо вдвойне, учитывая тенденцию отказа от его императивно-государственной модели и ориентации на модель личностно-ориентированную. В рамках последней компетентностный подход представляется значимым для «выработки знаний и умений личности взаимодействовать с государством и обществом, способствовать гражданскому самоопределению и самореализации» [5, с. 205]. Термин «гражданская компетентность» уже начинает утверждаться в педагогической науке, и, вероятно, именно он станет выражением искомого нам уровня рациональности в нравственно полноценной гражданской практике студентов.

Придерживаясь логики компетентностного подхода в рационализации духовного опыта студентов и преломляя его к задачам современного этапа гражданского образования, мы приходим к проблеме правосознания. Здоровое правосознание мы считаем системоопределяющим элементом гражданской позиции студентов и видим в нем ключевое методологическое основание наших идей. Посредством здорового правосознания гражданскую позицию можно рассматривать как акт духовной воли субъекта к гражданскому миру и правовой стабильности. Правосознание, пронизанное нравственным чувством, открывает молодого человека для активной гражданской деятельности и привносит в его социальную практику неутилитарные мотивы. Приведем для иллюстрации одно мудрое изречение А.И. Ильина. «Человеку, – писал он, – от Бога и от природы дано некое чувствилище для объективно-лучшего. В искусстве это называется художественным чутьем или вкусом; в нравственности – совестью, или чувством справедливости; в науке – чувством истины, или очевидностью; в религии – жаждой Совершенства, или Богосозерцанием; в общественной жизни это выражается в здоровом и крепком правосознании» [4, с. 82].

Придавая правосознанию вышеобозначенную роль в гуманитарной составляющей подготовки современных студентов, мы учитываем крайности правового нигилизма нашей молодежи, ставшего особенно заметным в постперестроечное время. И дело здесь не столько в незнании или неуважении

закона, сколько в непонимании духа закона, бытийных его начал. Тенденция эта опасна, поскольку «единственно через человека распространяется господство правил вокруг него… Через «Я» утверждается система всего мира» [9, с. 437]. Сегодня это становится особенно актуальным в тех случаях, когда, нормы закона, регулирующие деятельность социальных институтов или самих граждан, вступают в противоречие с их естественными правами. Соблюдение или несоблюдение закона здесь начинает определяться мерой нравственного развития индивида как субъекта гражданской практики.

Очевидно, согласно сказанному, что источником организационно-методических инноваций в гуманитарной подготовке современных студентов должны стать концептуально отработанные подходы к обеспечению их правоприменительного опыта. Сегодня практически у всех студентов, кроме будущих юристов, такой опыт невелик. Он, конечно, вбирает в себя опыт решения правовых задач на школьных уроках обществознания, обогащается медиасюжетами СМИ или фактами правопримененительных дел родных и близких, но этого недостаточно. На таком опыте здоровое правосознание сформировать трудно, поскольку он мало затрагивает саму феноменологию права. В лучшем случае, студент извлечет из такого опыта практическое знание, и хорошо, если это знание не станет поводом критического отношения к государственной системе. Понимания же права в единстве его юридической и естественной составляющих у студентов не формируется, что, в конечном счете, искажает смыслы их гражданского образования. Игнорирование или недооценка правоприменительного опыта в практике гуманитарной подготовки студентов объясняется разными причинами, начиная от издержек профессиональной позиции преподавателей и заканчивая правовым нигилизмом населения. Однако время постепенно нивелирует эти причины. Мы все больше проникаемся сознанием реальности правового государства и уже не отрицаем перспектив гражданского общества. А это означает, что предметом личностного развития студентов глубинная суть права должна стать обязательно, в какой бы форме это ни проходило.

Рассматривая с этих позиций возможности локальной образовательной среды вуза, мы принимаем во внимание педагогическую ценность методики социальной пробы. Ее автор, М.И. Рожков определяет социальную пробу как «совокупность последовательных действий, связанных с выполнением студентами специально и самостоятельно организованной социальной деятельности на основе выбора способа поведения в этой деятельности, являющейся средством соотнесения самосознания и анализа своих возможностей в спектре реализуемых социальных функций» [7, с. 154]. На наш взгляд, в профессиональном образовании социальная проба – сильнейший инструмент в обретении студентами нравственно зрелого гражданского опыта. В целенаправленно организованном информационном поле вуза она может быть названа и гражданской пробой. В том, конечно случае, когда предметом выбора «способа поведения» становится та или иная гражданская ситуация.

Стоит учитывать, что теоретическое обоснование социальная проба получила в связи с решением проблем социального самоопределения детей и молодежи. Уже тогда нами было подчеркнута специфика их социальных отношений, суть которой в ориентации на идеальные представления об этих отношениях [6, с. 178]. По мере взросления, идеальные представления корректируются, и важно всячески поддерживать процесс самопознания, особенно в юности, когда человеку свойственна обостренная рефлексия социальных ситуаций. Фактор социальных проб способен придать гражданскому образованию качества, необходимые для его интеграции в процесс профессиональной подготовки студентов. Для этого, как мы выше отметили, надо, чтобы выбор способа поведения осуществлялся на материале конкретных (не побоимся сказать, утилитарных) гражданских ситуаций. К выбору студент должен быть подготовлен, т.е. информационно-знаниевая почва социальной пробы должна быть студентом осмыслена и освоена. Понятно, что наиболее благоприятным для этого будет преподавание философии, социологии, культурологи, истории. Но с тем обязательным условием, что учебная информация рефлексируется под концептуально заданным углом зрения.

Инноватика гуманитарной составляющей вузовского образования, таким образом, очевидна. Она предопределена стремлением государства перенести ответственность за социальный и профессиональный успех граждан на них самих, сделать граждан инициаторами новых общественных отношений. Говоря другими словами, компетентность социальная является сегодня катализатором компетентности профессиональной. И только посредством активной гражданской позиции хорошо подготовленный студент становится конкурентноспособным специалистом на рынке труда.

Библиографический список

1. *Байденко В.И., Селезенева М.А.* Конкурентноспособные образовательные программы: к формированию концепции // Высшее образование в России. – 2011. – № 5. – С. 24–39.

2. *Беляева Е.В., Мишаткина Т.В.* Этика гражданственности. – Мн.: РИВШ. – 134 с.

3. *Гегель Г.В.* Философия права. – М.: Мир книги: Литература, 2007. – 462 с.

4. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. – М.: ТОО «Рарог», 1993. – 234 с.

5. *Лебедева О.В.* Гражданское образование в России (историко-педагогическое исследование). – М., 2004. – С. 178.

6. *Машарова Т.В.* Социальное самоопределение личности как педагогическая проблема // Проблемы социального самоопределения учащейся молодежи в условиях современного общества: Материалы международной научно-практической конференции (Россия, г. Киров, 3–4 марта 2003 г.) – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 638 с.

7. *Рожков М.И.* Педагогическое обеспечение работы с молодежью: Юногогика. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 264 с.

8. *Рожков М.И.* Социальное становление учащихся. – Ярославль, 1995.

9. *Фихте И.И.* Сочинения: В 2-х т. Т. 1. – СПб.: Мифрил. – 798 с.

10. *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Мир человека: Хрестоматия для учащихся полной средней школы / под ред. А.Ф. Малышевского. – М.: Интерпракс, 1993. – 192 с.

УДК 159.9:34.01

Евстафеева Евгения Александровна
Челябинский государственный университет, Троицкий филиал
evgeniy-eg@mail.ru

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируется феномен личностной беспомощности в рамках концепции личностной беспомощности. Приводятся результаты эмпирического исследования факторной структуры личностной беспомощности у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *личностная беспомощность, структура личностной беспомощности, личность сотрудника уголовно-исполнительной системы.*

В современной психологической науке сегодня наметилось несколько концептуальных направлений осмысления феномена беспомощности. В зарубежной психологии традиционно исследуется феномен выученной беспомощности, представляющий собой психологическое состояние, которое проявляется в нарушениях эмоциональных, мотивационных и когнитивных процессов, возникающее как следствие на непредсказуемые и неподконтрольные негативные события (M.E.P. Seligman, L.M. Kiefer, C. Peterson, S.F. Maier и другие) [4, 5]. В отечественной психологии наряду с выученной беспомощностью изучается личностная (Д.А. Циринг, Е.В. Веденеева, Е.В. Забелина, Ю.В. Яковлева) [2; 3; 6]. Соотносятся они между собой как состояние и системное качество субъекта.

Под личностной беспомощностью понимается сложное устойчивое образование, формирующееся в процессе развития человека под влиянием ряда факторов, в том числе системы взаимоотношений с окружающими. В соответствии с концепцией личностной беспомощности (Д.А. Циринг, 2010), она является качеством субъекта, представляющим собой единство определённых личностных особенностей, определяющим низкий уровень субъектности и проявляющимся в деятельности снижением её успешности, пассивностью в поведении и трудностями во взаимоотношениях с окружающими [2]. Личностная беспомощность представляет собой системное качество субъекта, которое может быть диагностировано по ряду показателей, включающих в себя пессимистический атрибутивный стиль, склонность к таким невротическим нарушениям, как депрессия и повышенная тревожность, пониженную самооценку (Д.А. Циринг). Структура личностной беспомощности характеризуется особенностями когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности. Особенности когнитивного компонента у испытуемых с личностной беспомощностью выражаются в таких качествах, как ригидность мышления, пессимистический атрибутивный стиль. Мотивационный компонент характеризуется экстернальным локусом контроля, мотивацией избегания неудач, низкой самооценкой, низким уровнем притязаний, страхом отвержения, экстратенсивной мотивацией. Личностная беспомощность обуславливает такие особенности эмоциональной сферы человека, как замкнутость, равнодушие, неуверенность, эмоциональную неустойчивость, склонность к чувству вины, ранимость, низкий контроль эмоций, обидчивость, тревожность, депрессивность, фрустрированность, астению. Волевая сфера человека с личностной беспомощностью характеризуется безынициативностью, нерешительностью, робостью, низкой организованностью и настойчивостью, недостаточной выдержкой и целеустремленностью [2].

Уровень выраженности личностной беспомощности определяет качественные особенности субъекта как системы, так как она проявляется в качественном своеобразии психической организации субъекта и в самых различных аспектах его жизне-

 © Евстафеева Е.А., 2012

деятельности. У человека с личностной беспомощностью возникает состояние беспомощности практически в каждой трудной ситуации, в том числе и юридически значимой. Сотрудник уголовно-исполнительной системы (далее УИС) с личностной беспомощностью является недостаточно психологически подготовленным к правоохранительной деятельности, которая имеет специфичный характер: протекает в условиях постоянной напряженности и требует от личности соответствующих профессионально важных качеств, противоположных беспомощности: эмоциональной устойчивости, гибкости, самостоятельности, организованности и прочих.

Перед нами стояла задача выявить и изучить особенности структурных компонентов личностной беспомощности и описать ее факторную структуру у сотрудников УИС.

В качестве основных методов исследования личностной беспомощности и ее структурных компонентов использовался метод тестирования (методика многостороннего исследования личности (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец); методика исследования адаптивных стратегий поведения (Н.Н. Мельникова); методика исследования уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); методика исследования мотивации достижения успеха и избегания неудач, предложенная Т. Элерсом; методика исследования умственных способностей (Краткий отборочный тест, автор В.Н. Бузин и Э.Ф. Вандерлик), а также методы математической обработки данных (сравнительный анализ; параметрические методы сравнения: критерий t-Стьюдента, критерий F-Фишера; факторный анализ). Методики исследования подбирались исходя из специфики изучаемых явлений, и на основе изучения теоретической и психодиагностической литературы. На первоначальном этапе исследования формировалась выборка испытуемых с признаками личностной беспомощности и самостоятельности по показателям некоторых шкал Методики многостороннего исследования личности (второй «Тревога и депрессивные тенденции», седьмой «Фиксация тревоги и ограничительное поведение» и девятой шкалы «Отрицание тревоги») [1]. Ранее нами была проведена процедура проверки валидности выше перечисленных шкал ММИЛ с целью диагностики личностной беспомощности [3]. Общее количество сотрудников, принявших участие в исследовании 801 человек. К группе сотрудников с личностной беспомощностью было отнесено 435 сотрудников, к группе с признаками самостоятельности – 234 сотрудника. В результате исследования мы обнаружили ряд особенностей мотивационной, эмоциональной, когнитивной сферы и поведения сотрудников УИС с личностной беспомощностью по сравнению с сотрудниками, имеющими признаки самостоятельности. Беспомощные сотрудники отличаются преобладанием депрессивных тенденций над тревогой. Их эмоциональная сфера характеризуется тревожностью, пониженной самооценкой, чувством вины (t=3,55; p=0,001). Для них свойственна пессимистическая оценка перспективы, неспособность испытывать удовольствие и стремление избежать вероятных опасностей. Одним из способов внутренней адаптации к фрустрирующей ситуации для беспомощных сотрудников является соматизация тревоги (t=2,44; p=0,01). Они используют соматические жалобы для давления на окружающих, с целью получения преимуществ и рационализации недовольства своим положением в группе. Беспомощные сотрудники характеризуются пренебрежением к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, правилам поведения (t=3,35; p=0,00). Но так как для них характерна низкая активность, это пренебрежение может выражаться более пассивно или в косвенной форме.

Мотивационная сфера характеризуется у беспомощных сотрудников плохо организованной активностью (t=2,67; p=0,01), постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими, хотя могут выглядеть как ушедшие в себя и избегающие контактов (t=3,57; p=0,001). Если система установившихся связей с другими людьми нарушается, то такая ситуация воспринимается ими как катастрофическая. Для сотрудников с личностной беспомощностью характерен средний уровень мотивации к избеганию неудач (t=2,06; p=0,03). Такие сотрудники не испытывают удовольствия от деятельности, в которой возможны временные неудачи, не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать их развитие, в отличие от самостоятельных сотрудников (t=-2,93; p=0,003). Что касается когнитивного компонента, и здесь есть свои особенности у беспомощных сотрудников. Их уровень общих умственных способностей ниже среднего, в отличие от самостоятельных сотрудников (t=-4,046; p=0,000). При выборе стратегии поведения в стрессовой ситуации беспомощные сотрудники прибегают к адаптивной, контактной, направленной вовнутрь (t=-1,935; p=0,05). Данная стратегия у субъекта строится на активном изменении себя таким образом, чтобы среда перестала восприниматься как фрустрирующая. Значимо реже беспомощные сотрудники используют активную, избегающую и направленную вовне стратегию (t=1,81; p=0,07).Они крайне редко выбирают в качестве способа адаптации к среде активный уход из нее. Скорее всего, беспомощные сотрудники редко меняют работу, место учебы, семью, новых друзей.

Для того чтобы обнаружить наличие скрытых причин (факторов) за взаимосвязями переменных и обосновать структуру личностной беспомощности у сотрудников УИС, использовался факторный

анализ, который позволил решить эти задачи. В факторный анализ были включены переменные, по которым в ходе сравнительного анализа были получены значимые различия между группами беспомощных и самостоятельных сотрудников. В анализе использовались данные, полученные у сотрудников только с личностной беспомощностью. Основным методом факторизации был Метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood). В качестве аналитического метода вращения факторов был выбран варимакс-вращение (Varimax normalized). В результате вращения достигнута факторная структура, наиболее доступная для интерпретации при данном соотношении переменных и факторов. Интерпретация факторов производилась по таблице факторных нагрузок после вращения. Принимались показатели, имеющие веса с абсолютным значением более 0,35. Все признаки однозначно соотносятся по высоким факторным нагрузкам только с одним из факторов.

Полученная суммарная доля дисперсии (информативность) факторов 75,8% – более половины, что считается приемлемым результатом. Это показатель того, насколько полно выделяемые факторы могут представить данный набор признаков. Далее приведем интерпретацию полученной факторной структуры.

Первый фактор имеет наибольшую информативность с долей объяснимой дисперсии 14,46%. Этот фактор определяется переменными «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» (0,86), «Соматизация тревоги» (0,76), «Тревога и депрессивные тенденции» (0,64), «Ригидность аффекта» (0,56), «Внутренняя напряженность» (0,43) и «Аутизация» (0,37). Все эти переменные эмоционального ряда указывают на наличие у сотрудников с личностной беспомощностью постоянной тревоги, и связаны с механизмами и способами ее устранения. Тревога у этих сотрудников возникает на фоне фрустрации, то есть нарушений единства потребностей и сложившегося стереотипа поведения, направленного на удовлетворение этих потребностей. Устранение тревоги может происходить двумя путями: во-первых, если меняется окружение (смена друзей, возлюбленного, знакомых, работы, неформальной группы и т.п.), во-вторых, если изменяется отношение личности к окружению, то есть тревога устраняется за счет включения механизмов интрапсихической адаптации (Ф.Б. Березин) [1]. Такие механизмы внутренней адаптации к изменяющемуся окружению, представлены переменными, вошедшими в первый фактор, и характерны для сотрудников с личностной беспомощностью. Этот фактор назван нами «Механизмы устранения фрустрирующих стимулов».

Второй фактор имеет информативность 14,35%. Фактор определяется переменными «Общая интернальность» (0,83), «Интернальность неудач» (0,74), «Интернальность достижений» (0,73), «Интернальность семейная» (0,71). Все переменные, вошедшие с положительными значениями в данный фактор, отражают взаимосвязь экстернального локуса контроля личности с объяснениями достижений и неудач внешними обстоятельствами, а также с интернальным локусом контроля беспомощных сотрудников в сфере семейных отношений. Этот фактор обозначен как «Экстернальный локус контроля».

Третий фактор, имеющий долю объяснимой дисперсии 13,07%, получил название «Социальная интроверсия». В него вошли четыре переменные, такие как «Фиксация тревоги и ограничительное поведение» (0,91), «Аутизация» (0,87), «Соматизация тревоги» (0,51) и «Социальные контакты» (0,50). Связь этих переменных отражает в структуре личностной беспомощности сотрудников УИС коммуникативные затруднения при осуществлении межличностных контактов, которые сочетаются с вызванной этими затруднениями тревожностью, а также аутичность и своеобразный подход к межличностным отношениям.

Следующий, четвертый фактор имеет информативность 9,42%. Фактор определяется отрицательным значением переменной «Активная, избегающая адаптивная стратегия, направленная вовне» (-0,97) и положительным значением переменной «Активная, контактная адаптивная стратегия, направленная вовнутрь» (0,68). Взаимосвязь этих двух переменных свидетельствует о выборе сотрудниками с личностной беспомощностью активной стратегии поведения в ситуации фрустрации, направленной на изменение себя, своего отношения к ситуации, мешающей удовлетворить имеющиеся потребности. В данной стратегии могут использоваться механизмы адаптации, которые представлены в первом факторе. Отрицательный полюс другой переменной свидетельствует об отсутствии у сотрудников с личностной беспомощностью выбора стратегии, направленной на поиск новой, более приемлемой среды. Беспомощные сотрудники оказываются не готовыми к активному изменению окружающей среды (работы, друзей, партнеров и т.п.). Они используют другие механизмы адаптации. Название фактор получил «Внутренняя адаптивная стратегия поведения в ситуации фрустрации».

Пятый фактор, имеющий долю объяснимой дисперсии 9,11%, получил название «Отрицание тревоги на фоне эффективной деятельности». В него вошли переменные «Отрицание тревоги» (0,78), «Ригидность аффекта» (0,74), и переменная «Интернальность неудач» (-0,38). Сочетание первых двух переменных указывает на возможность последовательного и целенаправленного поведения сотрудников с личностной беспомощностью, которые благодаря этому могут демонстрировать эффективную

Рис. 1. Факторная структура личностной беспомощности сотрудников УИС

деятельность. При этом такие личности склонны использовать для достижения своих целей других людей, а в случае неудачи приписывать ответственность за недостигнутый результат другим людям или считать их результатом невезения. На это указывает связь с переменной «Интернальность неудач», имеющая отрицательное значение.

Шестой фактор имеет информативность 8,54%. Данный фактор включает в себя две переменные «Мотивация избегания неудач» (0,97), «Внутренняя напряженность» (0,41) и переменную «Интернальность межличностная» (-0,46). Данный фактор получил название «Избегание неудачи в межличностных контактах». Сочетание переменных указывает на боязнь сотрудников с личностной беспомощностью активно формировать свои межличностные отношения, на желание переложить ответственность за отношения на действия своих партнеров. При этом желание избежать неудачи в межличностных контактах сопровождается внутренней напряженностью.

Седьмой фактор имеет долю объяснимой дисперсии 6,9%, и назван «Характер общих умственных способностей на фоне социальных контактов». В него вошли переменная «Общие умственные способности» (0,91) и «Социальные контакты» (-0,40). Высокие значения общих умственных способностей сопровождаются социальной экстраверсией. То есть, уровень общих умственных способностей, характер мышления сотрудников с личностной беспомощностью зависит от включенности их в социальную среду. Представим полученную факторную структуру в рисунке 1 (см. рис.1).

Таким образом, структура личностной беспомощности сотрудников УИС представлена семью факторами, каждый из которых включает в себя взаимосвязанные компоненты личностной беспомощности. В каждом факторе взаимосвязаны эмоциональные, когнитивные, мотивационные и поведенческие компоненты. Второй фактор выражает только мотивационные особенности в структуре личностной беспомощности, характеризующие уровень субъективного контроля.

Изучение такого феномена как личностная беспомощность позволит разработать программы профилактики и коррекции, сформировать у сотрудников уголовно-исполнительной системы такие качества как самостоятельность, инициативность, дисциплинированность, организованность и др. На основе полученных эмпирических данных появится возможность разработать научно-обоснованные подходы к организации профессионально-психологического отбора и психологическому сопровождению персонала уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. *Берёзин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В.* Рекомендации по применению личностных методик для выявления очерченных психопатологических состояний в целях психофизиологического отбора в гражданской авиации. – М.: Воздушный транспорт, 1983. – 56 с.

2. *Веденеева Е.В.* Мотивационный компонент личностной беспомощности на разных возрастных этапах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Челябинск, 2009. – 25 с.

3. *Забелина Е.В.* Беспомощность в структуре интегральной индивидуальности и ее связь с коммуникативной активностью: на материале исследования подростков: Дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2009. – 207 с.

4. *Циринг Д.А.* Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. – М.: Академия, 2010. – 410 с.

5. *Циринг Д.А., Евстафеева Е.А.* Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 41. – С. 111–120.

6. *Яковлева Ю.В.* Самостоятельность в студенческом возрасте (аксиологический аспект) // Вест-

ник Томского государственного университета. – 2010. – № 333. – С. 153–156.

7. *Garber J., Seligman M.E.P.* Human helplessness: theory and applications. – New York: Academic Press, 1980. – 402 p.

8. *Seligman M.E.P.* Helplessness: on depression, development, and death. – San Francisco: W.H. Freeman; New York: trade distributor, Scribner, 1975. – 250 p.

УДК 378.147.88

Пищулин Валерий Гаврилович
доктор педагогических наук, профессор
Челябинский государственный университет, Троицкий филиал
Legneva_nv@mail.ru

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СТАНДАРТАМ

Переход к новым государственным стандартам предполагает существенное увеличение доли самостоятельной работы в процессе обучения. Особенно важна сформированность самостоятельной учебной деятельности для студентов вуза, где её объем достигает 70%. Однако данная проблема в полной мере до сих пор не решена. В данной статье конкретизируется понятие «познавательная самостоятельность», применительно к новым условиям обучения в вузе и выделяется компоненты познавательной самостоятельности, формирование и интеграция которых обеспечит успешность обучения студентов в вузе.

Ключевые слова: *познавательная самостоятельность, структура познавательной самостоятельности, самостоятельная работа студентов.*

Самостоятельная работа студентов является основополагающим элементом при организации образовательного процесса с ориентацией на принципы и положения Болонского процесса, отраженных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Не останавливаясь подробно на анализе особенностей ФГОС ВПО (они достаточно широко освещены в литературе [1; 2 и др.]), отметим те изменения в учебном процессе, которые в большей степени предопределяют необходимость целенаправленного формирования познавательной самостоятельности студентов.

Прежде всего, это существенные изменения в традиционных формах обучения в высшей школе. Студент, как правило, уже не пишет конспект в классическом понимании (он есть в так называемом учебно-методическом комплексе, который является обязательным при реализации ФГОС ФПО). Вместо этого, обучающемуся предлагается *самостоятельно* изучить информацию, написать аналитическую записку по изученному материалу, подготовиться к контрольным мероприятиям. Последние в условиях новой системы обучения также претерпели существенные изменения. Контроль учебных достижений стал более жестким, тотальным, исключающим во многих случаях человеческий фактор.

Общий объем часов самостоятельной работы студентов очной формы обучения в бакалавриате составляет около 50–70% от общей трудоемкости дисциплины. При заочной форме обучения объем самостоятельной работы обучающихся составляет не менее 80% от общего объема отведенных кредитов.

Особенности самостоятельной работы студентов определяется концепцией дисциплины, уровнем начальной подготовки студентов, квалификацией преподавателя, техническими возможностями вуза, учебно-методической обеспеченностью библиотек и многими другими факторами, что позволяет рассматривать сам процесс и его результат как вероятностное событие.

Кроме того, обобщение опыта преподавателей Казахстана, и университетов России (где эксперимент продолжается более пяти лет) позволяет утверждать, что новая образовательная система может быть эффективной только в том случае, если начальный уровень познавательной самостоятельности студента достаточно высок (к сожалению поведенное нами тестирование показывает, что таких студентов не более 15–20%). В связи с этим, трудно переоценить роль преподавателя как фасилитатора самостоятельной работы «…именно он своим личностным влиянием приводит в движение мотивационные механизмы своих учеников, которые играют основную роль в формировании готовности к самостоятельной работе» [3, с. 29]. Таким образом, запуск мотивационных механизмов познавательной самостоятельности студентов на начальном этапе их обучения и формирование инструментальной готовности к самостоятельной работе по освоению знаний не только обеспечат успешность при модульно-кредитном обучении, но и дадут будущим специалистам возможность получения и пополнения знаний, развития, совершенствования, самореализации на протяжении всей жизни.

Прежде, чем рассмотреть факторы, определяющие успешность формирования познавательной самостоятельности при новой системе обучения,

 © Пищулин В.Г., 2012

уточним сущность рассматриваемого понятия, так как даже сам основополагающий термин в конструкте «познавательная самостоятельность» не имеет однозначной трактовки. В психолого-педагогической литературе «самостоятельность» определяется различными авторами как свойство, черта или качество личности. При этом *свойство* рассматривается как стойкое психическое явление, отражающее наиболее общую, существенную психологическую особенность человека как индивида; *черта* как устойчивая, повторяющаяся в различных ситуациях особенность поведения личности, отражение отчетливо выраженных свойств личности; *качество* как обобщенное свойство личности, определяющее её индивидуальность, которое включает знания, умения, навыки, настрой на конкретные действия, можно назвать функциональным состоянием личности, результатом психических процессов, предшествующих конкретной деятельности.

В зависимости от того, рассматривается ли самостоятельность в качестве черты, свойства или качества личности изменяется общая направленность исследования, а также широта охватываемых им факторов и явлений. Поэтому важно уточнить, что в дальнейших исследованиях мы рассматриваем самостоятельность *как качество личности*, что позволяет обосновать возможность целенаправленного её формирования в рамках образовательного процесса вуза.

Многогранность феномена самостоятельности как психолого-педагогической категории предопределяет сложность такого конструкта как «познавательная самостоятельность», под которым мы понимаем *качество личности, характеризующееся готовностью обучаемого своими силами осуществлять познавательную деятельность для решения новой познавательной проблемы.*

Проанализировав понятия познавательной деятельности, предлагаемые различными авторами, и изучив специфику обучения в вузе, мы выделили те положения, которые отличают познавательную деятельность студентов от познавательной деятельности школьников:

– познавательная деятельность студентов носит профессиональный характер, так как связана с подготовкой к будущей профессиональной деятельности;

– в познавательной деятельности студентов большее значение (по сравнению с познавательной деятельностью школьника) играет мотивация студента к приобретению и пополнению знаний, а также его личностные качества. Это связано с тем, что студент представляет собой уже психологически сложившуюся личность, со сформированными в той или иной мере определенными личностными качествами (целеустремленностью, дисциплинированностью, настойчивостью, исполнительностью, организованностью и т.д.), со своим отношением к содержанию изучаемой информации и самому процессу познавательной деятельности;

– познавательная деятельность студентов предполагает наличие уже сформированной системы базовых знаний и умений, обеспечивающих успешность её осуществления;

– необходимость освоения в ходе познавательной деятельности большого количества материала;

– более низкий уровень фасилитации познавательной деятельности со стороны преподавателя.

Выделенные отличия познавательной деятельности студентов сохраняются и при новой системе обучения, кроме того, возникают и ряд специфических особенностей, которые необходимо рассмотреть.

Традиционно самостоятельная работа студентов осуществляется в форме домашних или внеаудиторных занятий, чаще всего преследующих цель подготовки к семинарам, практическим занятиям, зачетам и экзаменам. Она рассматривается в большинстве вузов как дополнительная работа. Поэтому формальное отношение к самостоятельной работе и, тем более ее «неоплачиваемость» имеет давние организационные и ментальные корни. Переход к новым принципам и формам организации учебного процесса, внедрению новейших учебно-информационных технологий, особенно в свете развития Болонского процесса кардинально меняют или хотя бы должны поменять отношение к самостоятельной работе. Повысить ее эффективность и качество.

Говоря об особенностях новой системы обучения, прежде всего, необходимо отметить существенное сокращение объема аудиторной работы и увеличением объема и форм самостоятельной работы. Помимо традиционных форм организации самостоятельной работы, новая система обучения предусматривает: подготовку к деловой игре; дебатам, рецензирование студенческих работ самими студентами, составление глоссариев, подготовка и написание научных обзоров, статей и др.

Особое значение при организации самостоятельной работы студентов при модульно-кредитной системе обучения имеет мотивация студентов к самостоятельному обучению. Результаты собственных исследований и обобщение педагогического опыта преподавателей Казахстана и Кыргызии позволяют утверждать, что основная нагрузка ложится на использование процессуальной мотивации, основанной на понимании студентами полезности и значимости выполняемой работы. Поэтому методическое содержание самостоятельной работы студентов должно ориентироваться на решение будущим специалистом конкретных, практических проблем, с использованием инструментария из различных областей знаний.

При модульно-кредитной системе предусмотрено постепенное увеличение уровня сложности самостоятельных заданий. Так, на 1–2 курсах само-

стоятельная работа студентов ставит целью расширение и закрепление знаний и умений, получаемых на лекциях и семинарах. На старших курсах – должна способствовать развитию творческого потенциала студента и реализации профессиональных навыков.

Сказанное выше позволяет утверждать, что успешность подготовки специалистов в вузе при новой системе обучения во многом зависит от уровня сформированности познавательной самостоятельности студентов, при этом имеется в виду не только мыслительная самостоятельность, но и сформированные умения планирования, самоконтроля, самооценки и развитых волевых качествах. Переход к модульно-кредитному обучению, как показывает практика, высветил множество проблем готовности вчерашних выпускников средних учебных заведений, школ к обучению в вузе. Можно сказать, что «традиционная» школа не формирует, таких умений и не способствует выработке необходимых личностных качества для самостоятельной работы. Нужно обратить внимание на тот факт, что предпосылкой к массовому переходу на систему кредит-часов в Европейских университетах послужило реформирование системы среднего образования. Это привело к тому, что подавляющее количество абитуриентов в странах Европы умеет самостоятельно учиться пусть не в полной мере, но обладает необходимыми для этого умения и личностными качествами.

Вводя модульно-кредитную систему обучения, авторы предполагали, что система самостоятельной работы студентов будет выступать как метод обучения, при котором познавательная деятельность будет протекать в полном соответствии с индивидуальными особенностями, уровнем образования, опыта с одной стороны и с другой – специально созданными для этого организационными условиями. Планировалось, что самостоятельная работа позволит снять противоречие между средним уровнем восприятия и усвоения учебного материала в группе и индивидуальными возможностями студентов; ликвидировать пробелы в знаниях. Считается, что самостоятельная работа сыграет также заметную роль в формировании личности будущего специалиста. Однако практика показывает, что даже самые опытные, квалифицированные преподаватели, самые новейшие технологии обучения не приведут к желаемому результату, если студент *сам* не будет прилагать к этому необходимые усилия.

Проанализировав определения познавательной самостоятельности, предлагаемые различными авторами [3–6 и др.], и изучив особенности процесса обучения студентов при модульно-кредитной системе, мы пришли к заключению о целесообразности рассмотрения *познавательной самостоятельности студентов при модульно-кредитной системе обучения* как основополагающего качества личности будущего специалиста, характеризующегося его готовностью своими силами осуществлять познавательную деятельность, направленную на освоение теоретико-практических основ специальности, прафессиональное саморазвитие и самореализацию в условиях стремительного роста объема информации и совершенствования технологий.

Проведенный анализ структурных компонентов познавательной самостоятельности, выделенных различными авторами и опора на принятое ранее определение, согласно которому, данное понятие рассматривается через категорию *готовности*, позволили нам определить компоненты, входящие в структуру познавательной самостоятельности: *побудительный, когнитивный, личностный, технологический.*

Побудительный компонент связан с мотивационной готовностью студента к осуществлению самостоятельной познавательной деятельности, системой ценностей, позволяющих ему рассматривать познавательную самостоятельность как необходимое условие успешного обучения в вузе, как фактор профессионального самоопределения и самореализации. При этом мы рассматриваем этот психологический конструкт как устойчивое свойство личности и включаем в него: *стремление к приобретению знаний, стремление к приобретению профессии, мотивация достижения успеха;*

Когнитивный компонент отражает содержательную основу познавательной самостоятельности и интеллектуальные способности. Следует указать, что мы, как и другие авторы, выделяем в качестве необходимого компонента, так называемые, базовые знания по дисциплинам, теоретические основы (психологические, педагогические, организационные) познавательной самостоятельности, которые должен освоить каждый студент перед началом практической работы. В составе данного компонента мы выделяем: *знание психолого-педагогических и технологических основ самостоятельной познавательной деятельности, базовые знания по предметам, логическое и критическое мышление.*

Личностный компонент характеризует эмоционально-волевую готовность к самостоятельной познавательной деятельности, ответственность за её результаты. В состав данного компонента входят: *трудолюбие и работоспособность, волевой самоконтроль, рефлексивность.*

Технологический компонент является интегрирующим, так как связан с практической познавательной деятельностью, в которой проявляются указанные выше параметры. Он включает в себя умения: *целеполагания, планирования, самоконтроля* в процессе самостоятельной познавательной деятельности.

Все перечисленные компоненты – *побудительный, когнитивный, личностный, технологический* – тесно связаны между собой и взаимообусловлены.

Выделенные компоненты позволяют рассмотреть пути наиболее эффективного формирования каждого из описанных выше параметров и их интеграции в рамках образовательного процесса в вузе при реализации ФГОС ВПО.

Библиографический список

1. Болонский процесс: середина пути / под науч. ред. В.И. Байденко. – М., 2005. – 379 с.

2. *Волков А.М., Микадзе Ю.И., Солнцева Г.Н.* Деятельность: структура и регуляция (психологический анализ). – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 215 с.

3. *Забродин Ю.М.* Психология личности и управление человеческими ресурсами. – М.: Финстатинформ, 2002. – 360 с.

4. *Караваева С.А.* Формирование готовности к самостоятельной работе у студентов специальности педагог профессионального обучения (ветеринария) на примере изучения психолого-педагогических дисциплин: Дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2004. – 136 с.

5. Основы кредитной системы обучения в Казахстане / под ред. Ж.А. Кулекеева, Г.Н. Гамарника, Б.Д. Абдрасилова. – Алматы: Казах. ун-т, 2004. – 198 с.

6. *Шишмаренкова Г.Я.* Познавательная самостоятельность старшеклассников как педагогическая проблема. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997. – 182 с.

УДК 378.013.2

Циринг Раиса Абдулловна
кандидат педагогических наук
Челябинский государственный университет
Legneva_nv@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье определяются теоретические подходы к изучению проблемы доступности высшего образования для молодежи; выявляются факторы, препятствующие получению высшего образования; предлагается организация педагогического содействия доступности высшего образования, построенного на активизации внутреннего потенциала саморазвития и самосовершенствования личности в период поступления и обучения в вузе.

Ключевые слова: *доступность высшего образования; барьеры в получении высшего образования; содействие в получении высшего образования.*

В Концепции модернизации российского образования на период до 2025 года задача обеспечения государственных гарантий доступности высшего образования стоит первой в списке приоритетов образовательной политики. Ее решение предполагает формирование соответствующей образовательной политики, организационных мероприятий, а также механизмов их реализации, особенно в аспекте новых государственных стандартов (ФГОС ВПО). Однако их разработка и проведение в жизнь усложняется недостаточным теоретическим и практическим обоснованием психолого-педагогических аспектов рассматриваемой проблемы, отсутствием критериев оценки достижения поставленных целей.

На современном этапе уже имеется определенная научная база, позволяющая содействовать повышению доступности высшего образования (Е.А. Мартынова, Е.Л. Омельченко, Д.Ф. Романенкова, П.А. Сергоманов, И.Г. Телешова и др.). Однако анализ научной литературы показывает, что в существующих подходах главное место, как правило, отводится социальным аспектам. Не всегда при содействии повышению доступности принимаются во внимание условия, содержание и организация образовательного процесса, особенности новых государственных стандартов, новые прогрессивные идеи в педагогике.

В настоящее время уже можно выделить два направления в понимании «доступности высшего образования». Они основаны на социоцентрическом и антропоцентрическом подходах.

Первый подход связан с проблемами социальной политики, справедливого регулирования доступа к инфраструктурам вузов различных групп населения, принимающих высшее образование как всеобщее общественное благо. Он ориентирует на рассмотрение доступности высшего образования с точки зрения соответствия ожиданий граждан фактическим возможностям инфраструктур вузов (количество мест набора, дополнительные программы и услуги, формы получения высшего образования (очная, заочная и т.п.), престиж того или иного вуза и т.д.). В рамках этого подхода предполагается, что любой человек, желающий получить высшее образование, не должен быть ограничен в этом своей принадлежностью к той или иной социальной группе, своим материальным положением, культурным происхождением и т.д. Такая позиция заставляют искать, прежде всего, объективные внешние препятствия доступности: бюджет семьи, конкурс в вуз, географическое положение и т.п., потому что сам

© Циринг Р.А., 2012

подход «вырастает из мысли о равенстве возможностей в доступности общественного блага» [4, с. 207].

Авторы, работающие в данном направлении достаточно единодушны в понимании сущности понятия «доступность высшего образования».

В работах Е.А. Мартыновой под доступностью высшего образования понимается наличие максимально возможного в настоящий момент и развивающегося по мере необходимости комплекса условий, мероприятий и нормативных актов для обеспечения равных возможностей получения высшего образования всем гражданам вне зависимости от материального положения, валидности, географии проживания, национальной принадлежности и социокультурной интегрированности [2].

М.Я. Рощина анализируя факторы, влияющие на доступность высшего образования в России, рассматривает доступность высшего образования как вероятность (шанс) получить высшее образование разных видов и разного качества (платное или бесплатное, по разным специальностям, в разных по местоположению и рейтингу вузов и т.п.) [3].

Руководитель Отдела социально-политических исследований Аналитического центра Ю. Левады, доктор философских наук Л.Д. Гудков [1] анализируя рассматриваемое понятие, указывает на его историческую трансформацию, на то, что в настоящее время есть две принципиально расходящиеся точки зрения на проблему доступности высшего образования. Первая (идеологическая) формулируется представителями социальной элиты, которые озабочены вопросами дискриминации социально уязвимых групп в области образования и стремятся выработать такую социальную политику, которая компенсировала бы возможные дефициты этих групп, предоставляя им льготы или преференции для поступления в вузы России. При этом учитываются социальные последствия неравенства, нарушения принципов социальной справедливости и, соответственно, вероятный рост напряжений в обществе, с одной стороны, а с другой – представляет возможный ущерб интересам национального развития страны, вызванный тем, что потенциально талантливые дети из социально уязвимых групп (бедных, отдаленных от центров образования, инвалидов, этнических меньшинств) ограничены в своих правах на учебу или оказываются в неравных условиях при конкуренции с более обеспеченными жителями столиц и крупных городов. Вторая точка зрения предполагает определение значимости и остроты вопроса с точки зрения уже не элиты, а массы населения или тех групп, для которых доступность образования оказывается серьезной и актуальной проблемой.

Таким образом, в рамках первого, социоцентрического подхода главной целью является приведение системы высшего образования в соответствие с содержанием социальных ожиданий различных групп населения, стремящихся получить высшее образование как общественное благо, оформить ее как общедоступный общественный институт, как всеобщую социальную услугу; «…руководством в рамках данного подхода будут служить преставления потребителя о качестве услуги, т.е. источником идей изменения будет потребитель» [4, с. 207]. Стандартными вопросами, с которыми столкнется при этом руководитель, будут вопросы качества социальной услуги: каковы типовые ожидания (группы ожиданий) студентов и их родителей; достаточна ли инфраструктура вуза для удовлетворения ожиданий большинства и меньшинства; достаточно ли книг, достаточно ли компьютеров; достаточно ли удобны подъездные пути; не ущемляет ли существующее положение дел какую-либо из групп и т.д.

Другой подход – антропоцентрический основывается на тех или иных представлениях о развитии человека и ставит в центр внимания вопрос о современных целях и средствах развития человеческих способностей (компетентности). Это означает, что доступность высшего образования будет трактоваться, прежде всего, с точки зрения возможности преодоления человеком самого себя. При таком подходе внимание сосредотачивается в область поиска горизонтов, а также средств развития человеческих способностей (компетентности) и выдвижения содержательных требований к образовательным институтам.

Понимание ситуации доступности в рамках второго (антропоцентрического) подхода связано с рассмотрением системы высшего образования в соотношении с проектами развития (саморазвития) молодых людей. Следовательно, в отличие от первого подхода, где доступность высшего образования обсуждается как социальный факт, во втором она рассматривается как факт индивидуальных достижений в области образования. Такое понимание проблемы изменяет акценты в изучении феномена. Решающим в «доступности высшего образования» будет уже не влияние «барьера входа» (пре переходе из школы в вуз), а влияние индивидуальной образовательной программы, притязаний на самопреодоление и т.п. [4].

Основные идеи антропоцентрического подхода широко представлены в трудах европейских ученых, в философской культуре которых существовали и существуют достаточно мощные антропологические традиции – традиции философской антропологии, антропологического подхода к межличностным коммуникациям, к психологическим и социально-психологическим аспектам человеческого бытия.

Антропоцентрический подход в отечественной педагогике связан, прежде всего, с работами К.Д. Ушинского. По мнению ученого, выполнение

главной задачи общества – выявления и освобождения дремлющей в каждом человеке способности видеть, понимать и созидать, концентрации моральной энергии людей на то, чтобы, они сами создавали достойное их будущее – невозможно, если в центре наук о человеке, не будет стоять сам Человек и всеобъемлющее, целостное знание о Человеке: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [5]. Антропоцентрический подход, имеющий глубокие исторические корни, по мнению ряда отечественных ученых (В.П. Зинченко, Б.М. Бим-Бада, А.П. Огурцова и др.), в современных условиях глобальных перемен может дать новый импульс, как для осмысления феноменов общественного устройства, так и развития человека.

Обобщающей идеей антропоцентрического подхода является идея историчности и социальности человека, а так же осознания того, что существует единство тела, души и духа и что воспитание и образование (в том числе и высшее) должны быть направлены на формирование и развитие этого единства. Таким образом, с одной стороны, образование должно быть направлено на формирование индивидуальности человека, должно способствовать его самосознанию и самодеятельности, а с другой – должно преследовать цель формирования человека, умеющего и желающего жить с другими людьми, т.е. воспитать в человеке гуманистические идеалы и нормы. Поэтому мы считаем целесообразным, в рамках нашего исследования интегрировать антропоцентрический подход с гуманистическим и синергетическим подходами.

Гуманистический подход ориентирует на создание условий, содействующих профессиональному и личностному саморазвитию, самосовершенствованию молодых людей, как на мотивационном, так и на инструментальном уровне. Гуманистический подход позволяет организовать пространство, в котором всякая деятельность приобретает личностный смысл, а система (педагогическое содействие доступности) становится динамичной, т.е. приобретает способность адекватно реагировать на изменения внешних и внутренних условий. Синергетический подход, используемый в нашем исследовании позволяет: рассматривать человека как сложную вероятностную систему открытого типа, способную при определенных условиях к самоорганизации и саморазвитию; учитывать нелинейную зависимость изменений параметров личности от педагогических воздействий и индивидуальность траектории профессионального развития абитуриента и студента.

Таким образом, антропоцентрический подход в интеграции с гуманистическим и синергетическими подходами приводит нас к пониманию того, что при изучении проблемы доступности высшего образования необходимо не только выявить и проанализировать социальные, экономические и политические факторы, препятствующие доступности, но и провести анализ предлагаемых изменений в сфере высшего образования с точки зрения саморазвития и самореализации личности; исследовать образовательные технологии, стратегии и другие факторы, стимулирующие эти процессы.

Исходя из этого, под доступностью высшего образования мы понимаем возможность индивида включиться в систему высшего образования на основе активизации внутреннего потенциала саморазвития и самосовершенствования личности посредством педагогического содействия этому процессу, что способствует снятию специфических психологических барьеров у молодежи различных социальных групп.

В связи с этим важно рассмотреть, какие именно психологические барьеры характерны для современной молодежи.

Данные, полученные нами в ходе проведения эксперимента на базе городов Челябинской области (2006–2011 гг.) позволили выделить те особенности, которые в большей степени предопределяют необходимость педагогического содействия будущим абитуриентам с целью увеличения их шансов на получение высшего образования.

1. Территориальный фактор оказывает существенное влияние на доступность высшего образования. В психолого-педагогическом аспекте (как предмете нашего исследования) среди основных причин можно назвать более низкое, чем в учебных заведениях крупных городов, качество среднего образования и отсутствие (слабое развитие) сети качественных довузовских подготовительных курсов.

2. Существующие в обществе социально-экономические факторы порождают неадекватную оценку старшеклассников своих возможностей в сфере высшего образования (проектирование своей образовательной перспективы). Это связано с разрушением таких стереотипов равенства возможностей в области продолжения образования как: «поступают за знание», «поступают за заслуги в школе». Это приводит к ощущению социальной несправедливости, отказу от усилий старшеклассников на пути получения высшего образования, перекладывание ответственности за выбор вуза и поступление на плечи родителей.

3. Низкая профилизация обучения в школах, наблюдаемая в малых городах за счет недостаточных кадровых и материальных ресурсов, что существенно ограничивает возможности старшеклассников в выборе профилей обучения. Кроме того, у них меньше информации о вузах и требованиях к поступлению, чем у старшеклассников в крупных городах. Между тем, ряд исследователей связывает

профилизацию обучения в старшей школе с возможностью получить качественное высшее профессиональное образование.

4. Особым фактором, приводящим к снижению доступности высшего образования, является объективно психологическая неготовность старших школьников к ситуации выбора профессии. Наблюдается парадокс: профессия (профессиональная деятельность) еще не является частью опыта старшеклассника, однако социальная ситуация ставит его перед необходимостью выбора той или иной конкретной профессии. Данная ситуация усугубляется в малых городах и селах, где особенности рынка труда существенно ограничивают возможность молодежи приобрести начальный опыт в профессии.

5. Появление на рынке труда спроса со стороны работодателей на работников, обладающих, прежде всего, определенным уровнем общей культуры, изменяет требования к высшему образованию. Это приводит к тому, что для значительной части молодежи, не обладающей достаточным общекультурным уровнем, снижается доступность высшего образования. Отсутствие достаточного культурного уровня абитуриентов связано, как правило, с культурным потенциалом семей и ориентацией большинства школ малых городов и сел на знаниевую парадигму обучения.

6. Учащиеся разных учебных заведений (школы с различными образовательными стратегиями), техникумы, колледжи, профессиональные училища существенно различаются по устремлениям к получению высшего образования. Кроме отличия в качестве среднего образования значима и степень психологической готовности.

7. Более низкая доступность «престижного» высшего образования для выпускников из провинции затрудняется институциональными барьерами, воздвигнутыми между высшей и средней школой. Чем престижнее специальность, тем выше воздвигаемый вузом барьер доступности. Необходимость прибегать к платным услугам по подготовке к поступлению или неформально платить за прием сужает возможности способных детей из «низкодоходных» семей, сельской местности и малых городов поступить на специальности, пользующиеся повышенным спросом.

8. Рассмотрение доступности высшего образования не только с точки возможности поступления в вуз, но и успешности его окончания выдвигает к рассмотрению ряд дополнительных факторов. Среди психолого-педагогических факторов ведущими являются: неспособность учиться, адаптироваться к нагрузкам, коммуникативные проблемы и т.п.

Несмотря на то, что исследования проводились в условиях малых городов и сел, большинство указанных барьеров, как показывают сравнительные исследования, проведенные нами в 2009–2011 годах, характерны и для выпускников более крупных городов.

Выявленные теоретические подходы послужили основой организации педагогического содействия повышению доступности высшего образования на базе Челябинского государственного университета и его филиала в г. Троицке.

Библиографический список

1. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 3. – С. 42–76.

2. *Мартынова Е.А.* Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 383 с.

3. *Рощина Я.М.* Кому в России доступно высшее образование? // Доступность высшего образования в России. – М., 2004. – С. 72–103.

4. *Сергоманов П.А.* Доступность высшего образования и развитие в юношеском возрасте. // Доступность высшего образования в России. – М., 2004. – С. 206–241.

5. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические произведения. – М., 1968. – 557 с.

УДК 378

Ярошенко Сергей Николаевич
кандидат педагогических наук, доцент
Челябинский государственный университет
yaroshsernik@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА

В статье рассматриваются основные методологические подходы педагогического исследования общенаучного и конкретно-научного уровней, обосновываются и раскрываются методологические подходы формирования конкурентоспособности студентов-выпускников вуза.

Ключевые слова: *научные подходы, конкурентоспособность студентов, системный подход, деятельностный подход, компетентностный подход.*

Решая различные научные проблемы, важно выбрать правильный «вектор движения». В качестве основы, определяющей поиск разрешения научной проблемы, используют различные методологические подходы, как общенаучного, так и конкретно-научного уровней методологии.

В широком понимании научный подход даёт правильное направление исследователю в поиске ответов на поставленные задачи научного исследования.

«Научные подходы – методологический компас, который указывает исследователю направление исследования, выбор средств познания, а также это своего рода избираемая исследователем стратегия познания, методологическая платформа, на которой базируются его взгляды при изучении научной проблемы» [15].

В педагогике выделяют большое количество методологических подходов. Условно их можно разделить на общенаучный и конкретно-научный уровни методологии.

Говоря о первом уровне (общенаучном), исследователь, решая педагогические проблемы, опирается на следующие методологические подходы: деятельностный, системный, синергетический, информационный и квалиметрический. Прежде чем говорить об общенаучных методологических подходах формирования конкурентоспособности студентов-выпускников, охарактеризуем выше перечисленные.

С педагогической точки зрения представленной С.А. Смирновым [10], деятельностный подход связан с тем, что личность формируется и проявляется в деятельности, следовательно, требует специальной работы по её отбору и организации для воспитанника, по активизации и переводу его в позицию субъекта познания, труда и общения.

Системный подход, с точки зрения В.М. Панченко [9], – это направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. При этом под системой понимают целостную совокупность различных элементов.

Синергетический подход рассматривает педагогические объекты как открытые, сложные самоорганизующиеся системы, развитие которых подчиняется общим законам эволюции систем подобного рода.

В.И. Штанько [13] определяет информационный подход как способ абстрактно-обобщённого описания и изучения информационного аспекта функционирования и структурообразования сложных систем, информационных связей и отношений на языке теории информации.

С точки зрения Е.В. Яковлева [14], информационный подход позволяет с единых позиций изучить те аспекты природных и социальных объектов, для которых существенным является процесс информационного обмена.

Квалиметрический подход обеспечивает изучение объекта с использованием идей квалиметрии, то есть научных знаний, изучающих проблемы разработки комплексных, количественных оценок качества любых объектов, явлений, процессов.

Рассмотренные пять общенаучных методологических подходов могут применяться в исследовании различных педагогических проблем, в том числе, и формирования конкурентоспособности студентов, однако об использовании всей совокупности подходов говорить не целесообразно, так как не каждый подход учитывает специфику формирования конкурентоспособности студентов-выпускников. Более точно отражают особенности формирования конкурентоспособных студентов-выпускников подходы конкретно-научного уровня.

К конкретно-научному уровню в педагогике можно отнести такие подходы как: аксиологический, личностно-ориентированный, культурологический, дифференцированный, интегративный, программно-целевой, технологический, партисипативный и другие.

На наш взгляд, прежде чем выделять конкретно-научные методологические подходы формирования конкурентоспособности студентов-выпускников вуза, необходимо дать общую характеристику перечисленных конкретно-научных подходов, с целью выявления оптимального подхода или их сочетания,

© Ярошенко С.Н., 2012

учитывающего цели и особенности формирования конкурентоспособности студентов в условиях вуза.

Аксиологический подход направлен на изучение явлений с точки зрения заложенных в них возможностей удовлетворения потребностей людей и связан с понятием «ценность». По мнению Е.В. Яковлева [14], данный подход в образовании означает изучение явлений и предметов с позиции их ценности для воспитания и развития личности.

Личностно-ориентированный подход, с точки зрения С.М. Вишняковой, «не занимается формированием личности с заданными свойствами, а создаёт условия для полноценного проявления и развития личностных функций преподавателя и обучаемых» [4. с. 152].

Культурологический подход ориентирует образовательный процесс на то, чтобы при его построении учитывались культурные традиции, нормы, ценности между субъектами взаимодействия образовательного процесса.

Дифференцированный подход связан с тем, что достижение эффективности образовательного процесса связано с разделением учебного материала по уровням сложности, делении учащихся по способностям, интересам, наклонностям, а также подбору методов, форм и технологий обучения, учитывающих данные особенности дифференциации учащихся.

Интегративный подход представляет своего рода противоположность дифференцированному подходу, то есть образовательный процесс основан на педагогической интеграции, которая может быть: межпредметная, внутрипредметная, межличностная и внутриличностная.

Программно-целевой подход отталкивается от целевой программы управленческой деятельности, решающей задачи по согласованию педагогических целей с имеющимися ресурсами.

Рассматривая технологический подход, мы придерживаемся точки зрения М.В. Кларина [7], суть которой в том, что основное назначение данного подхода – представить обучение как производственно-технологический процесс с гарантированным результатом.

Партисипативный подход предполагает обеспечение коллективной ответственности и соуправления, а также организацию совместной деятельности на основе сотрудничества.

В последнее время в профессиональном образовании получил широкое распространение компетентностный подход, в связи с введением в образовательные стандарты перечня формируемых компетенций, как общекультурного характера, так и профессионального.

Компетентностный подход, в первую очередь, должен согласовываться с результатами образования. С этой позиции понимания компетентностного подхода нам близка точка зрения Д.А. Иванова. Компетентностный подход, акцентирует внимание на результате образования, причём в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека адекватно действовать в различных проблемных ситуациях [6. с. 13].

В рассмотренные конкретно-научные методологические подходы имеют как положительные, так и отрицательные стороны в решении различных педагогических проблем. Нас интересует решение проблемы по формированию конкурентоспособности студентов-выпускников вуза. По этому, прежде чем определить выбор методологического подхода необходимо уточнить, что мы понимаем под понятием «конкурентоспособность студентов».

Как педагогическое понятие «конкурентоспособность» рассматривается многими исследователями. Исследования этого понятия и процесса его формирования как качества специалиста мы находим в работах В.И. Андреева, А.А. Ангеловского, О.В. Душкиной, Е.В. Максимовой, Л.М. Митиной, В.А. Оганесова, В.И. Шаповалова, Д.В. Чернилевского и других. Данные учёные показывают сложность и многогранность этого понятия. К сожалению единого понимания «конкурентоспособности» в педагогической науке нет, что в конечном итоге затрудняет или приводит к неоднозначности формирования специалиста, обладающего данным качеством.

Обобщив характерные признаки данного понятия, мы приходим к его собственному пониманию, а именно конкурентоспособность студентов – это способность достижения успеха в профессиональной деятельности в условиях конкуренции на основе ключевых компетенций и мобилизации ресурса индивидуально-личностных качеств.

Из определения видно, что одним из основных факторов формирования конкурентоспособности студентов вуза являются ключевые компетенции.

Таким образом, можно говорить о том, что одним из методологических подходов может быть компетентностый, исследующий формирование конкурентоспособности студентов-выпускников на основе определения наиболее значимых компетенций в профессиональной подготовке.

Анализируя подходы по исследованию формирования конкурентоспособности у студентов в работах А.А. Ангеловского [1], Л.А. Бодьян [2], А.П. Быковой [3], С.Б. Давыдовой [5], Н.Н. Колобковой [8], М.М. Шехтер [11], Л.С. Шикиной [12] и других, мы пришли к выводу, что единых методологических подходов исследования данной проблемы нет. Это можно проследить в таблице 1.

На основании данной таблицы мы видим, что есть подходы у некоторых авторов совпадающие (например, аксиологический), но в основном их совокупность у каждого исследователя своя, то есть,

Таблица 1

Методологические подходы в изучении конкурентоспособности студентов

Ф.И.О. исследователя	Методологический подход
Ангеловский А.А. [1]	Системный и личностно-профессиональный подходы
Бодьян Л.А. [2]	Контекстно-модульный подход
Быкова А.П. [3]	Аксиологический, культурологический, диалоговый, контекстный, системный подходы
Давыдова С.Б. [5]	Компетентностный подход
Колобкова Н.Н. [8]	Деятельностный, компетентностный и личностный подходы
Шехтер М.М. [11]	Акмеологический подход
Шикина Л.С. [12]	Аксиологический (ценностный), системный и системный анализ, личностный и деятельностный подходы

нет единообразия методологических подходов в изучении конкурентоспособности студентов, также как нет и одного доминирующего подхода, например: деятельностного или компетентностного. А это затрудняет процесс формирования конкурентоспособности у выпускников вуза в условиях уровневой системы подготовки.

В определении «конкурентоспособности студентов» мы выделяем такой компонент, как способность достижения успеха в профессиональной деятельности. С нашей точки зрения, исходя из ранее перечисленных характеристик конкретно-научных методологических подходов, наиболее раскрывается данный компонент на основе личностно-ориентированного подхода. Этот подход будет способствовать построению деятельности участников образовательного процесса на основе уважения к личности, доверия к ней, целостного взгляда на студента и преподавателя, концентрации внимания на развитии личности, создании ситуации успеха.

В целом мы понимаем, что формирование конкурентоспособности студентов-выпускников носит не изолированный характер в профессиональной подготовке вуза, а является элементом системы подготовки специалиста в образовательном процессе. С этой точки зрения мы считаем целесообразно использование в исследовании и построении модели формирования конкурентоспособного студента системного методологического подхода.

Подготовка специалиста в вузе связана с различными видами учебно-профессиональной деятельности, в результате чего мы не просто формируем конкурентоспособного студента, а профессионала с определёнными качествами личности, умеющего их мобилизовать для достижения профессиональных целей.

Обобщая всё выше изложенное, можно сделать вывод:

– во-первых, конкурентоспособность выпускников вуза нужно рассматривать как способность достижения ими успеха в профессиональной деятельности в условиях конкуренции на основе ключевых компетенций и мобилизации ресурса индивидуально-личностных;

– во-вторых, формирование конкурентоспособных выпускников вуза осуществляется на основе различных методологических подходов, но основанием этого процесса является: системный, деятельностный, личностно-ориентированный и компетентносный подходы.

Библиографический список

1. *Ангеловский А.А.* Формирование конкурентоспособности студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2004. – 24 с.

2. *Бодьян Л.А.* Развитие конкурентоспособности студентов технического вуза на основе контекстно-модульного подхода: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2009. – 24 с.

3. *Быкова А.П.* Формирование культуры делового общения будущего конкурентоспособного специалиста: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Саратов, 2005. – 23 с.

4. *Вишнякова С.М.* Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ, 1999. – 538 с.

5. *Давыдова С.Б.* Формирование конкурентоспособного специалиста-менеджера на основе компетентностного подхода в вузах культуры и искусств: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – М., 2009. – 24 с.

6. *Иванов Д.А., Митрофанов К.Г., Соколова О.В.* Компетентностный подход в образовании: проблемы, понятия, инструментарий. – М.: АПК и ПРО, 2003. – 101 с.

7. *Кларин М.В.* Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта. – М.: Знание, 1986. – 80 с.

8. *Колобкова Н.Н.* Формирование конкурентоспособности студентов экономического профиля: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Воронеж, 2004. – 23 с.

9. *Панченко В.М.* Теория систем. Методологические основы. – М.: МИРЭА, 1999. – 96 с.

10. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / С.А. Смирнов и др. – М.: Академия, 1998. – 512 с.

11. *Шехтер М.М.* Акмеологический подход к формированию конкурентоспособности будуще-

го специалиста-психолога в условиях вуза: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Иваново, 2004. – 25 с.

12. *Шикина Л.С.* Формирование конкурентоспособности студентов в условиях губернского колледжа: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Казань, 2006. – 24 с.

13. *Штанько В.И.* Информация. Мышление. Целостность: Монография. – Харьков, 1992. – 144 с.

14. *Яковлев Е.В., Яковлева Н.О.* Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 239 с.

15. Интернет-источник: Словарь Яндекс [Электронный ресур]. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/%D1%87%D1%82%D0%BE%20% (17.03.2012 г.)

УДК 378

Богачева Екатерина Александровна
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
kapitolina19@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОПТИМИЗАЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

В данной статье, с педагогической точки зрения, проанализировано и раскрыто содержание понятия «качество жизни» как фактор оптимизации качества жизни студентов. Основное внимание акцентируется на педагогическую деятельность (поддержку) куратора в самостановлении студентов.

Ключевые слова: *качество жизни студента, оптимизация качества жизни, педагогическая поддержка, поддержка-сотрудничество, воспитательная система куратора.*

Исследование качества жизни учащейся молодежи и факторов его определяющих входит в число актуальных задач общественного и социального развития и обуславливает необходимость теоретической и практической ее разработки, выработку методических и организационных подходов к оптимизации качества жизни субъектов образовательного процесса. Особенного внимания к себе требует педагогический аспект качества жизни студентов. Проблема изучения качества жизни студентов, в настоящее время не охвачена научно-педагогическим сообществом.

Говоря о важности изучения данной категории, следует отметить, что качество жизни студента – это степень удовлетворенности потребностей и интересов индивида на каждом уровне развития своей жизни.

Чрезвычайно интересны мнения Н.А. Голикова и Л.М. Федоряк, которые обращаются к понятию качество жизни субъектов образовательного процесса, как особой форме организованной социально-педагогической системы, требующей постоянного совершенствования качества человека, развития его познавательной активности и способности к творческой созидательной продуктивной деятельности.

По определению Н.А. Голикова ***качество жизни*** – это субъективная удовлетворенность, выраженная или испытываемая индивидуумом в физических, ментальных и социальных ситуациях, даже при наличии каких-либо дефицитов; при этом не исключаются объективные достижения и умения, которые высоко ценятся в обществе: интеллект, физические возможности, а также способность формировать социальные отношения и получать удовольствие [2, с. 31].

Л.М. Федоряк утверждает, что качество жизни человека – это динамично развивающаяся многоаспектная социальная система, обладающая наличием интегративных свойств, обеспечивающих достижение человеком своих целей во взаимодействии со средой – совокупностью внешних и внутренних условий и факторов, способствующих или препятствующих функционированию и развитию элементов системы и ее самой в целом [3, с. 24].

Таким образом, с педагогической точки зрения качество жизни представляет собой уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов студентов.

В педагогическом контексте практическое значение категории качества жизни состоит, прежде всего, в способности преподавателя конкретно создать для данной личности педагогическое общение взаимодействия преподавателя со студентами для обеспечения достоинства и свободы личности. Именно профессиональное общение преподавателя со студентами в процессе обучения и воспитания позволит создать благоприятный психологический климат, направленный на оптимизацию учебной деятельности. Задаваемые в качестве необходимых, должных, характеристики качества жизни для конкретной личности, определяют для студента желаемый образ будущего и носят проектный характер, что и позволяет их использовать в качестве поддержки.

Одной из главных слагаемых педагогической деятельности, направленной на повышение качества жизни студентов может быть содействие каждому из них в самореализации, что на самом деле важнее, чем обретение материального благополучия. Следовательно, необходимо развивать способности к самореализации, самосовершенствованию, самопознанию и рефлексии, что и является важным условием осознанного выбора студента.

Таким образом, при подготовке студентов к самореализации необходимо учитывать не только их

 © Богачева Е.А., 2012

индивидуальные способности, но и возможные изменения личностных качеств к данной профессии. Кроме того, следует отметить, что студент способен к функциональной адаптации в различных сферах деятельности, готовый проектировать и реализовывать свои профессиональные и образовательные личностные ценности, стремящийся к самореализации и развитию на протяжении всей жизни.

В тоже время, каждый студент хотел бы, чтобы при планировании и проведении его обучения, преподаватель учитывал не только его умственные способности, но и весь спектр индивидуальных проблем в физиологической, психологической, эмоциональной и социальных сферах, выбор и самостоятельность принятия решений. Современный студент в условиях воспитывающей среды, требует всестороннего изучения и развития его ценностных ориентаций и отношения к смыслу получения образования как необходимого и решающего фактора в развитии и совершенствовании качества жизни каждого человека и общества в целом.

Таким образом, качество жизни студента определяет сам студент. Данная категория отражает четыре основные составляющие жизнедеятельности человека – физическую, психологическую, социальную и духовную. Исключительно важным в определении является то, что все функции оцениваются самими студентами, и именно такой способ получения информации о жизни студента делает эти данные чрезвычайно важными.

Педагогически значимыми компонентами качества жизни студентов является социальная и образовательная среда процесса воспитания, жизни и общения студентов и кураторов в вузе и за его стенами.

Е.А. Александрова акцентирует внимание на том факте, что специальная организация образовательной среды и образовательного пространства в целом направлена на ориентацию повышения качества жизни студентов. Данный исследователь считает, что необходимо позволить и куратору и студенту занять авторскую позицию по отношению к разработке (построению) и реализации индивидуальной траектории профессионального становления и развития личности. Причем, специфика воспитывающего пространства вуза заключается в том, что индивидуальные траектории в данном случае являются системообразующими, пространство составляющими [1, с. 82].

Следовательно, информацию о качестве жизни студента преподаватель (куратор) получает в результате активного сотрудничества и доверительного общения со студентом. Данные о качестве жизни, наряду с педагогическим заключением, сделанным кураторами, позволяют составить полную картину о жизни студента, осуществлять наблюдение за деятельностью (образе жизни) субъекта и комплексно оценивать эффективность его обучения.

Важнейшим звеном в системе учебной и внеучебной воспитательной работы является деятельность куратора. Кураторы консультируют и помогают студентам в разрешении стрессовых ситуаций и освобождении от давления, регулировании настроений, разрешении противоречия в отношениях учащихся разных полов, в межличностных отношениях, оказывают помощь в определении карьерных планов и во взаимодействии с преподавателями. Для студента куратор – это человек и друг, готовый дать мудрый совет и помочь студентам разобраться с возникшими у него жизненными и учебными проблемами.

Таким образом, куратор является активным участником студенческой жизни, который создает условия для саморазвития и самораскрытия будущего специалиста, обретения им системы профессиональных знаний, ценностей, идеалов, опыта профессионального поведения и отношений.

Концептуально то, что именно куратор должен стать центральной фигурой в осуществлении педагогической поддержки студента в образовании. Куратор должен создавать наилучшие условия для развития творческой учебной деятельности, для правильного формирования личности студента, для развития мотивации студентов, что обеспечивает благоприятный эмоциональный климат обучения. Деятельность куратора состоит в том, чтобы поддерживать не только учебную и творческую деятельность студента на протяжении всего курса обучения в вузе, а также помочь ему преодолевать возникшие у него жизненные и учебные проблемы.

Следовательно, педагогическую поддержку студентов можно определить как целенаправленную педагогическую деятельность куратора направленную на конструктивное решение проблем в саморазвитии студентов.

Педагогический ресурс поддержки-сотрудничества уникален: преподаватель помогает студенту осознать суть возникшей проблемы, вскрыть собственные реальные и потенциальные возможности, выстроить варианты решений, выбрать наиболее оптимальный из них.

Педагогическая поддержка направлена на развитие нравственного потенциала студента, способствует повышению его профессиональной творческой активности и креативности. Именно такая активность студентов проявляется в их отношении к учебному процессу, общении, мотивах, интересах, потребностях и желаниях, активной жизненной позиции. Так система педагогической поддержки становится фактором, способствующим личностному росту и успешности каждого студента, что способствует повышению качества его жизни.

Таким образом, в процессе оптимизации качества жизни студентов необходимо определить педагогическую деятельность как особый вид высоко-

квалифицированной деятельности творческого характера. Она играет немаловажную роль не только в обучении, но и в воспитании и развитии студентов. Таким образом, педагогическая деятельность должна стать доминирующей:

1) в воспитании активной жизненной позиции у студентов и самосозидании;

2) в самопреобразовании студентов;

3) в формировании потребности у студентов создавать качество жизни, как свое, так и общества.

Именно такая деятельность педагога, по мнению И.Ф. Исаева сможет обеспечить основу самореализации, способна выступать средством самореализации и профессионального самоутверждения. При этом потребность в творческом самовыражении, в личностной самореализации в процессе профессионально-педагогической деятельности постепенно становится доминирующей ценностной ориентацией личности куратора.

Создавая благоприятные условия для оптимизации качества жизни студентов в ходе обучения и воспитания, куратор обязан профессионально обеспечить и развитие качества человека. С помощью педагогической поддержки куратор учит студента через осмысление, видеть себя и свои собственные жизненные ситуации, анализировать их с точки зрения желаний, стремлений и возможностей. Поддержка саморазвития студента позволяет ему успешно решать образовательные и поведенческие задачи, укрепить уверенность в себе, освоить сложную позицию субъекта жизнедеятельности. Это возможно при условии, если куратор понимает, как развить инициативность студента, чтобы воспользоваться результатами активной деятельности для развития личности студента и самостоятельность в учебе и труде.

В данном случае, необходимо стимулирование, побуждающее студентов учиться более эффективно, что является одним из важнейших факторов создания благоприятных условий для повышения качества их жизни, использование в этих целях методов мотивации.

Оптимизировать качество жизни студентов необходимо таким образом, чтобы максимально побудить индивида к деятельности по достижению личных и коллективных целей.

Дополняя вышесказанные идеи, отметим, что оптимизация качества жизни студентов представляет собой процесс, в котором осуществляется система воспитания, в том числе, система кураторства, если качество жизни студентов становится осознаваемой самими студентами. Так же оптимизация качества жизни студентов включает целый комплекс мероприятий, так как важно создавать студентам благоприятные условия и поддерживать их на протяжении всего курса обучения.

Библиографический список

1. *Александрова Е.А.* Требования к системе воспитательной работы в контексте обеспечения достойного качества жизни студентов современного вуза // Качество жизни субъектов современного образования: Альманах / под ред. Н.А. Голикова. – Тюмень: ТГАКИ, 2008. – С. 34-39.

2. *Голиков Н.А.* Социальное партнерство в школе: новый взгляд на качество жизни воспитанников // Качество жизни субъектов современного образования: Альманах / под ред. Н.А. Голикова. – Тюмень: Мандр и К°, 2008. – С. 30–31.

3. *Федоряк Л.М.* Качество жизни и познавательная активность: Монография. – СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2004. – 296 с.

УДК 364:368.4

Баранов Александр Аркадьевич,
Лукшина Ольга Юрьевна
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
aabaranov@mail.ru, Lukovka2379@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ СОТРУДНИКАМИ И ОСУЖДЕННЫМИ НА РАЗВИТИЕ СИМПТОМОВ «ВЫГОРАНИЯ» ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СЛУЖАЩИХ

Статья содержит теоретическую модель детерминант «выгорания» пенитенциарных служащих, а также анализ условий формирования социальной дистанции. Раскрыты роль идентификации, адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы в формировании и развитии профессиональных установок служащих и их влияние на развитие симптомов «выгорания».

***Ключевые слова**: социальная дистанция, дистанцирование, ограничение субъектности, идентификация, профессиональные установки, синдром «выгорания».*

Термин «социальная дистанция» был введен Георгом Зиммелем в рамках формальной социологии. Данный феномен изучался социологами Визе, Парком Р., Берджесом Э. и др. В психологию термин проник и применялся в теории социального обмена и интерпретировался как показатель меры сплоченности группы. В современной психологической науке понятие социальной дистанции достаточно широко представлено и более подробно изучено в рамках этнопсихологии.

Слово «дистанция» в обычном употреблении означает пространственное расстояние между какими-либо предметами, вещами. В социальной сфере «дистанцирование» проявляется в отдалении от окружающих, «когда мы держимся на расстоянии от угрожающего нам человека» [5, с. 195]. Социальная дистанция в понимании Богардуса Э. характеризует близость или отчужденность социальных или этнических общностей, групп, отдельных людей [9, с. 216–218].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что социальная дистанция является категорией обозначающей положение в социальном пространстве групп или индивидов, она устанавливает их степень близости или отчужденности между собой.

Манхейм К. в своём труде «Избранное: Социология культуры», подробно рассматривал природу возникновения социального «дистанцирования» и полагал, что оно вначале проявляется в действиях, помогающих избегать общения, создающих пространственную дистанцию, а позднее оно становится более «сублимированным», не нуждающимся в пространственном отдалении. Манхейм К. считал, что в любой социальной среде существует «нормальная дистанция», которая соблюдается людьми, общающимися друг с другом. Отклонение от нормы воспринимается как чрезмерная, граничащая с равнодушием «вежливость» или ничем не вызванная «наглость». Он отмечал, что существуют метафоры, выражающие пространственную дистанцию, которые употребляются для обозначения нарушений правил социального поведения [5, с. 195]. Автор отмечал, что одним из значимых примеров социальной дистанции является дистанция, создаваемая властью. Это вертикальная дистанция между лицами, занимающими неравное положение в иерархической системе, которая отражена в стереотипах поведения в иерархически стратифицированных обществах. Она выражается в одежде членов различных групп, способах обращения, церемониалах и т.д.

Проблема социального дистанцирования в пенитенциарном обществе изначально создается властью. Неравное положение осужденного по отношению к сотруднику отмечается в ограничении его прав, теперь его жизнь, занятость и даже досуг полностью во власти людей, чьей деятельностью является исполнение наказания, вынесенного судом. Исходя из этого, основной задачей сотрудников является не только ограничение свободы, но и субъектности осуждённого, что неизбежно приводит к увеличению социальной дистанции между сотрудниками и осуждёнными и ограничению коммуникаций, автономности данных групп. Также присутствует и внешняя атрибутика, разделяющая, стратифицирующая данные группы, указывающая на их различия в социальном положении - это форма у сотрудников и «роба» у осуждённых. Следовательно, социальное дистанцирование в пенитенциарной системе изначально определено и установлено социумом, на что указывает стратификация групп осуждённых и сотрудников, их неравное положение. С одной стороны, стратификация и дистанцирование позволяют уголовно-исполнительной системе эффективно выполнить задачу по исполнению наказания, но одновременно стоит на пути решения более существенной задачи по исправлению и коррекции поведения осужденных. Известно, что максимальная социальная дистанция между группами и индивидами указывает на их обособленность и автономность. Большинство коммуникаций в таких случаях символично и формально, а значит, специалисты социономических профессий будут нерезультативны в своей деятельности. Таким образом,

© Баранов А.А., Лукшина О.Ю., 2012

возникает проблема механизма влияния социального дистанцирования на формирование синдрома «выгорания» персонала пенитенциарных учреждений.

Формирование синдрома «выгорания» у пенитенциарных служащих имеет свои механизмы и причины. Одними из основных детерминант на наш взгляд являются организационная или профессиональная субкультура, а также процессы адаптации – как приспособительной активности [1, с. 168] , социальной перцепции, идентификации, под воздействием которых и формируются профессиональные установки и стереотипы, как составляющие феномена социального дистанцирования, детерминирующие «выгорание» служащих.

Организационная субкультура является динамическим образованием, и она активна. «Субкультура – определённая часть культуры, выделяемая по некоторому основанию и отличающаяся от «материнской» культуры во всех трёх частях культуры – материальной, духовной, интеракциональной. В каждой субкультуре имеется своя система убеждений, ценностей и норм взаимодействия, разделяемых представителями соответствующей субкультуры» [4, с. 332]. Субкультура предоставляет образцы поведения как неосознаваемого, непреднамеренного характера, так и посредством явных требований следовать тем нормам, которые эксплицированы в данной организации.

Социально-психологическая адаптация заключается во взаимном приспособлении личностей и групп путем усвоения ролей, норм, способов, форм взаимодействия в определенных условиях [2, с. 6]. Адаптируясь к новой профессиональной среде, человек входит в новую для него группу, приспосабливаясь, разделяет убеждения и взгляды её членов. Для того чтобы служащему не только эффективно адаптироваться в данной профессиональной среде, но и являться конгруэнтным, ему необходимо выработать свою индивидуальную систему паттернов поведения во взаимодействии со всеми предъявляемыми ему требованиями, явными и неявными. Процесс идентификации на наш взгляд является существенной детерминантой социального дистанцирования, а также синдрома «выгорания». Идентификация (от лат. identificare – отождествлять) – отождествление индивидом себя с определенной группой [3, с. 60]. Идентичностью называется система общих представлений о самом себе и своем месте в мире, а также осознание себя как профессионала. Таким образом, определяя будущую профессию человек, предопределяет и дальнейший образ жизни, круг общения.

Э. Эриксон рассматривает идентичность как сложное личностное образование с многоуровневой структурой, которая связана с тремя уровнями человеческой природы [11, с. 11]:

1. Индивидуальный уровень: это преставление о себе как о относительно неизменной данности, человеке определенного физического облика, задатков, темперамента.

2. Личностный уровень состоит из ощущений человеком собственной уникальности, неповторимости своего жизненного опыта.

3. Социальный уровень: личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. Благодаря этим характеристикам человек разделяет мир на похожих и непохожих на себя.

Исходя из вышеизложенного, профессиональную идентичность можно определить как «многомерный и интегративный психологический феномен, обеспечивающий человеку целостность, тождественность и определенность, развивается в ходе профессионального обучения в пространстве процессов самоопределения, самоорганизации и персонализации. Она предполагает функциональное и экзистенциальное соответствие человека и профессии, которое включает в себя понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции [10, с. 156].

К основным элементам профессиональной идентичности можно отнести профессиональные ценности, мотивы, профессиональную «Я-концепцию» и позицию, а также профессиональные установки и убеждения [7, с. 53–58.].

Процесс становления профессиональной идентичности состоит из нескольких вытекающих друг из друга процессов [8, с. 72–79]:

– самоопределение индивида как члена некой профессиональной группы;

– присвоение себе общих групповых характеристик и усвоение норм и стереотипов поведения выбранной профессиональной группы;

– приписывание себе усвоенных групповых норм и стереотипов, использование их в качестве регуляторов своего поведения.

Следовательно, специалист осознанно принимает нормы, ценности, интересы, установки и стереотипы профессиональной группы (коллектива, корпорации, системы и т.д.), противопоставляя при этом себя представителям других групп. Обрести профессиональную идентичность специалисту сложно, так как его успех зависит не только от его профессиональных способностей и мастерства, но и от принятия, признания его личностных и профессиональных качеств, представителями значимой для него профессиональной группы или сообщества. Слияние с организацией, группой, полная идентификация позволяют служащему обеспечить себе чувство психологической безопасности от принадлежности к данной профессиональной группе. Результатом процесса идентификации является идентичность, то

есть осмысление, осознание человеком себя самого во всех планах, в том числе и как представителя определенной социальной или профессиональной группы. Если же в процессе адаптации сотруднику не удается идентифицировать себя полностью с профессиональной группой, принять её ценности, нормы, традиции и опыт тогда профессиональные установки не сформируются и в этом случае у данного специалиста отсутствует профессиональная перспектива в данной профессиональной группе.

Наряду с механизмом идентификации, на процесс формирования профессиональных установок, стереотипов действует механизм социальной перцепции. Социальная перцепция (от лат. perceptio – воспринимаю) – то есть восприятие другого человека как члена определенного (чаще иного, чем своего) социального коллектива [2, с. 60]. Особенность социальной перцепции состоит в том, что на отдельного представителя социальной группы переносятся все особенности поведения, типические характеристики той группы, к которой он относится.

Оппозиция «свой - чужой» часто рассматривается в рамках изучения теории межкультурной коммуникации. Формирование данного механизма у сотрудников происходит уже на стадии адаптации к деятельности. Молодые сотрудники, принимая традиции, нормы, установки, стереотипы значимой профессиональной группы, опыт более опытных служащих идентифицируют себя с ней («свои») одновременно противопоставляя себя («чужие»).

Исследователи одной из ключевых функций профессиональной идентификации выделяют выстраивание коммуникативного поведения, для чего используются лингвистические стратегии. Пионтковски У. выделил две основные лингвистические стратегии, направленные для отличия индивида от членов других профессиональных групп и укрепления собственной идентификации, это – конвергенция и дивергенция. «Конвергенция определяется как стратегия, при которой люди приспосабливают друг к другу свое коммуникативное поведение, а дивергенция – как стратегия, при которой говорящий подчеркивает речевые различия между собой и другими». Конвергентные речевые акты редуцируют межличностные и межгрупповые различия, в то время как дивергентные акты их увеличивают [6, с. 73]. Примером конвергенции является употребление сотрудниками при взаимодействии с коллегами своеобразных прозвищ-оскорблений осуждённых («зеки», «жулики», «бандиты», «покемоны», «быки» и т.д.), жаргона, понятий принятых в данной профессиональной группе, которые характеризуют отношение к группе «чужих» и их употребление подтверждает идентификацию с группой «свои». Соответственно, образ «чужого» прочно формируется в сознании сотрудника и в дальнейшем начинает определять особенности коммуникации с представителями других социальных групп (сотрудники других организаций, осуждённые).

Рассмотрим значение социальной дистанции в формировании и развитии синдрома «выгорания» пенитенциарных служащих. Мы полагаем, что немаловажную роль в этом процессе имеет необходимость ограничения субъектности личности осужденного. Ограничивая субъектность осуждённого посредством властных полномочий, регламентированных законодательными актами, требований установленного режима и правил внутреннего распорядка, сотрудники одновременно не позволяют осуждённым проявить в полной мере свои как преступные, асоциальные, криминальные, так и позитивные личностные стремления, склонности, качества. В то же время ограничение субъектности выступает в качестве некой психологической защиты: сотрудники не позволяют осуждённым раскрыть собственную личность, своё «Я», ограждают себя от возможности более полного взаимодействия, погружения в личность «Другого», «Чужого» и идентификацию с ним, с его чувствами, переживаниями. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что ограничение субъектности осуждённого детерминирует увеличение социальной дистанции между сотрудниками и осуждёнными и приводит к ограничению коммуникаций, автономности данных групп.

Проведя теоретический анализ роли социальной дистанции, ограничения субъектности в формировании и развитии синдрома «выгорания» мы полагаем, что под влиянием профессиональной субкультуры, её составляющими (поведенческими стереотипами при взаимодействии с осуждёнными, групповыми нормами, стандартами и образцами, регламентирующими поведение сотрудников ИУ, провозглашаемыми ценностями, целями, стратегиями поведения, позицией на дистанцирование), в процессе адаптации происходит идентификация сотрудника со значимой профессиональной группой. У сотрудника формируются профессиональные установки, стереотипы и убеждения, которые переходят в базовые представления личности – подсознательные, представляющиеся сотруднику чем-то самоочевидным и являющимися первичными источниками ценностей и поступков. Профессиональные установки, стереотипы и убеждения определяют отношение к личности осуждённого и формируют установку на ограничение субъектности осуждённого. В то же время ограничение субъектности выступает в качестве определенной психологической защиты: сотрудники не позволяют осуждённым раскрыть собственную личность, своё «Я», ограждают себя от возможности более полного взаимодействия, погружения в личность «Другого», «Чужого» и идентификацию с ним, с его чувствами, переживаниями. Таким образом, ограничение субъектно-

сти осуждённого приводит к увеличению социальной дистанции между сотрудниками и осуждёнными и ограничению коммуникаций, автономности данных групп. А максимальная социальная дистанция не позволяет помогающему специалисту эффективно решать поставленные перед ним задачи и приводит к развитию симптомов «выгорания».

Библиографический список

1. Психология адаптации личности: Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 479 с.

2. *Баранов А.А.* Социально-психологическая адаптация // Педагогический родник. – Ижевск, 2009. – № 2. – С. 6.

3. *Болдырев В.Е.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Курс лекций. – М.: Русский язык; Курсы, 2010. – 144 с.

4. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2008. – 352 с.

5. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.

6. *Пионтковски У.* Лингвистические стратегии в социальном взаимодействии // Иностранная психология. – 1993. – Т. 1. – № 1. – С. 73.

7. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 53–58.

8. *Руднева Е.Н* Профессиональная идентичность – основа становления профессионала // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2007. – № 2. – С. 72–79.

9. Шкала социальной дистанции (шкала Богардуса, вариант Л.Г. Почебут) / Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб., 2004. – С. 216–218.

10. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: Монография. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.

УДК 378

Игнатьева Елена Юрьевна
кандидат педагогических наук
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
iey1@yandex.ru

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА

В статье определена сущность изменений в педагогическом управлении учебной деятельностью студентов вуза в современных условиях и связанные с этим затруднения преподавателей. Предлагаются направления подготовки преподавателей к новому педагогическому управлению. Показана динамика изменений в деятельности преподавателей в результате специально организованной подготовки.

Ключевые слова: *педагогическое управление, учебная деятельность студентов, подготовка преподавателей, образовательный процесс вуза, системные изменения.*

Современная социокультурная ситуация вызывает системные изменения образовательного процесса, которые проявляются в изменении образовательной деятельности на всех уровнях (от образовательной программы до учебной дисциплины). Эти изменения направлены на усиление обращенности к студенту, персонификацию образовательного процесса как проявление субъектности в условиях гетерогенности за счет осуществления студентами индивидуального образовательного маршрута, учета в содержании образования их личностных интересов и опыта, вовлечения в общение и взаимообучение, рефлексию и самооценку учебной деятельности, развитие их познавательной компетентности, которая приобретает новые характеристики и выступает условием непрерывного образования.

Таким образом, влияние социокультурной ситуации на образовательный процесс вуза вызывает потребность в *изменении стратегий педагогического управления учебной деятельностью студентов*, которые способствовали бы использованию возможностей современной информационной образовательной среды, нивелировали ее риски, обеспечивая как системную целостность, так и развитие образовательного процесса.

Под ***педагогическим управлением учебной деятельностью студентов*** нами понимается *система целенаправленного взаимодействия участников образовательного процесса* относительно содержания образования, в результате которого осуществляется согласование компонентов образовательного процесса с целью достижения результатов образования. Наша позиция совпадает с позицией

© Игнатьева Е.Ю., 2012

Таблица 1

Затруднения преподавателей в условиях системных изменений

Виды затруднений	Преподаватели гуманитарных дисциплин, %	Преподаватели технических дисциплин, %
системного мышления	38	21
рефлексивные	27	31
дидактико-технологические	27	51
принятия нового	23	36

М.Т. Громковой, которая делает акцент в определении педагогической деятельности именно на взаимодействиях: «педагогическая деятельность – это деятельность, направленная на реализацию педагогического (специального организованного) взаимодействия (взаимных действий), это совокупность осознанных действий преподавателя и обучающихся» [1, с. 340].

Одним из основных условий осуществления педагогического управления учебной деятельностью студентов, ориентированного на системные изменения в образовательном процессе вуза, является принятие преподавателем новых ролей, позволяющих студенту выйти на уровень иных дидактических взаимоотношений, основанных на диалоге и полилоге, участвовать в со-управлении учебной деятельностью. Изменяются акценты в деятельности преподавателя: от организации в большей части своей деятельности в учебном процессе к организации познавательной деятельности студентов. Традиционная доминирующая позиция преподавателя сменяется набором ролей, в которых преподаватель становится рядом со студентом, выстраивая отношения таким образом, чтобы студент был активен, самостоятелен, ответствен, а значит, и мотивирован. Усиливается значение таких функций преподавателя, как методиста (методическое обеспечение самостоятельного образовательного движения студента), консультанта (консультации преподавателя-профессионала, владеющего знаниями в предметной области, и его оценка востребованы в самостоятельном решении проблемы и разработке проекта), тьютора (сопровождающего деятельность студентов), модератора (посредника при взаимодействиях), советчика и наставника (не только в профессиональной сфере, но и разрешении личностных противоречий, возникающих в образовательном процессе), менеджера (сопровождающего выполнение всего спектра функций управления относительно деятельности студентов). Более того, студенты могут сами выполнять преподавательские функции в процессе взаимообучения, привнося при этом и новое содержание в учебный курс. Этот вывод имеет под собой теоретическую основу, поскольку, по мнению М. Мида, все более значимой в современном обществе становится префигуративная культура, в которой разрыв между поколениями настолько возрастает, что опыт старшего поколения не всегда полезен для молодых людей, они сами могут уже научить взрослых определенным вещам [3].

Констатирующий эксперимент по готовности преподавателей к новому педагогическому управлению учебной деятельностью студентов был проведен на базе Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Используемые методы: опросник для определения направленности преподавателя (предмето- или студентоцентрированная направленность), листы наблюдений для анализа используемых образовательных технологий, интервью с преподавателями, интервью со студентами, опросники для студентов по анализу образовательного процесса, экспертные оценки взаимодействий в учебном процессе, участию студентов в управлении их учебной деятельностью и самоуправлении.

Закономерно, что переход на иные дидактические взаимоотношения связан у преподавателей с трудностями, имеющими разнообразную природу (табл. 1).

Очевидной при изменении модели образовательного процесса становится трудность понимания образовательного процесса как системы, обладающей иными свойствами и связями между компонентами. Были выделены значительные проблемы рефлексивного (анализировать результативность своей деятельности и деятельности студентов) и дидактико-технологического планов (отсутствия достаточных знаний и умений, необходимых для проектирования и реализации нелинейной модели образовательного процесса и реализации новых ролей с владением информационными и новыми педагогическими технологиями). Кроме того, преподавателям психологически трудно принять иную систему ценностей образования, студента как равноправного участника образовательного процесса, понять и принять направления изменения.

В ходе исследования были выявлены затруднения преподавателей, связанные с реализацией функций педагогического управления:

– проектирование: непонимание сущности компетентностного подхода; отсутствие системного видения учебной дисциплины; низкий уровень владения информационными и новыми педагогическими технологиями; владение ограниченным набором оценочных средств; приоритет в планировании собственной деятельности, а не учебной деятельности студентов;

– мотивация: невладение приемами создания доброжелательной обстановки в аудитории; недоверие, авторитарный стиль управления и общения; боязнь предоставления свободы действий; сложность поддержания интереса на протяжении всего занятия;

– организация: сложность ориентации в многообразии и урегулирования взаимоотношений, разрешения конфликтных ситуаций; боязнь потери авторитета в связи с незнанием;

– координация: сложности в использовании средств информационных технологий; поддержания хода процесса в соответствии с технологической картой;

– контроль: сложность вовлечения студентов в рефлексию, оценивание, боязнь критики и конфликтов, неумение использовать оценочные средства;

– коррекция: сложность выхода на рефлексивный уровень; неуверенность в возможности мотивации студентов.

Готовность преподавателя вуза к новому педагогическому управлению учебной деятельностью студентов, ориентированному на системные изменения образовательного процесса вуза, характеризуется позитивным принятием идеи изменений, пониманием причин, направлений, сущности, последствий изменений, осознанием достаточности собственной профессиональной компетентности для осуществления изменений, желанием к самоизменению и изменению своей деятельности.

Подготовка к новому педагогическому управлению учебной деятельностью студентов в вузовском образовательном процессе проводилась в нескольких направлениях.

1. Подготовка преподавателей вуза в системе повышения квалификации, ориентированная на снятие выявленных затруднений и подготовку к работе в новых условиях. Для преподавателей вуза были разработаны модульные программы «Планирование и реализация компетентностно-ориентированных основных образовательных программ», «Обучение в системе «MOODLE», «Современные образовательные технологии», «Педагогическое управление учебной деятельностью студентов». Они реализовывались с применением методов активного обучения (проектирование, консультирование, дискуссии и т.д.) и актуализации их опыта, рефлексии в процессе деятельности по созданию элементов новой модели учебной дисциплины.

2. Проведение методических семинаров по кафедрам, на которых осуществлялся анализ опыта преподавателей при переходе на новое педагогическое управление учебной деятельностью студентов. Основными методами выступали профессиональная рефлексия, обсуждение и групповые дискуссии, тренинги, моделирование, анализ результатов деятельности студентов.

3. Организация постоянно действующих консультаций для преподавателей, помощь которым оказывалась при непосредственном общении и посредством электронных консультаций по электронной почте.

Особое внимание при организации подготовки во всех направлениях уделялось ценностно-смысловому компоненту преподавательской деятельности, который, как справедливо, с нашей точки зрения, отмечает Г. Игнатьева, выступает целевым ориентиром в дополнительном (постдипломном) образовании [2, с. 56]. Мы также разделяет позицию автора по целесообразности в организации обучения преподавателей использовать принципы самообучающейся организации и требования к характеру содержания дополнительного образования, которое приобретает деятельностный, метапредметный характер [4]. Тем более, что предлагаемая нами технология педагогического управления учебной деятельностью студентов основана на применении метапознавательных проектов (метапроектов), целью которых является приобретение предметных знаний и умений по управлению знаниями. Технология метапроектов предполагает вовлечение студентов в со-управление учебной деятельностью при выполнении всего спектра управленческих функций и включает этапы: смыслообразующий (сознание), понятийно-проектировочный (понимание), операционально-деятельностный (действия), рефлексивно-смысловой (осознание), корректирующий.

Чтобы понять действие технологии «изнутри», с позиции студента, организация обучения на курсах повышения квалификации проводилась с использованием данной технологии. Готовность преподавателей к новому педагогическому управлению учебной деятельностью студентов оценивалась в следующих аспектах: личностном (ценностном); системно-деятельностном; рефлексивном. Для оценки использовались тестовая карта коммуникативной деятельности, анкетирование, анализ результатов деятельности (элементов учебно-методического комплекса), рефлексивные листы. После прохождения одного курса на факультете повышения квалификации наибольший рост был отмечен для показателя личной заинтересованности в изменении характера управления (в среднем на 27%), системного понимая проводимых перемен (на 24%) и использованию рефлексивных процедур (на 16%). Самодиагностика готовности преподавателей вуза проводилась до и после окончания очередного курса повышения квалификации и позволила зафиксировать рост компетенций, необходимых для выполнением функций педагогического управления учебной деятельностью по этапам метапроектов. Была выявлена разница в значениях важности этапов для преподавателей технических и гуманитарных дисциплин, а также между преподавателями на первых и стар-

ших курсах, сохранившаяся и после обучения. Результатом подготовки преподавателей явилось рост, прежде всего, понимания важности таких этапов, как рефлексивно-смысловой, понятийно-проектировочный.

Для исследования динамики развития готовности преподавателей к педагогическому управлению использовались наблюдения за поведением и деятельностью преподавателей (рефлексивные листы, моделирование, экспертиза рабочих программы дисциплин в компетентностном формате и элементов учебно-методического комплекса) и анализ результатов деятельности. Анализ практики эксперимента показывает, что готовность к педагогическому управлению, сформированная при обучении у преподавателей в системе постдипломного образования, теряется, если в течение ближайших месяцев преподаватель не начинает ее использовать. Наилучшие результаты в развитии готовности показали преподаватели, прошедшие последовательно в течение двух-трех лет несколько программ, ориентированных на изменения.

Методическое сопровождение преподавателей, осуществляемое на методических семинарах и индивидуальных консультаций, позволило повысить личную заинтересованность в изменении характера управления (в среднем на 51%), системного понимая проводимых перемен (на 46%) и использованию рефлексивных процедур (на 34%). В интервью преподаватели отмечали, что вначале испытывали большие трудности: «Все время хотелось опередить студентов, все им объяснить, не ждать, пока они сами подумают, выскажут свое мнение. Но потом произошло осознание, что уже по-другому работать не хотелось». «Если раньше подготовка к занятиям для меня означала подготовку в большей степени лекционного материала, было важно, чтобы студенты как можно больше запомнили и получили знаний на занятиях, то теперь я задумалась – а действительно ли это самое важное?». «С одной стороны, подготовка к занятиям стала занимать гораздо больше времени, потому что нужно продумать и спрогнозировать деятельность и поведение студентов, прежде всего. Но к непредсказуемости сюжета занятия есть особая привлекательность, которая стимулирует интерес и желание работать».

Преподаватели, использовавшие новые подходы к педагогическому управлению, отметили следующие возможные ***риски*** для образовательного процесса. Во-первых, риск «отхода» на прежние позиции в управлении, поскольку студенты бывают сразу не готовы к своим новым ролям и ролям преподавателя (были случаи, когда студенты требовали прямого управления от преподавателя, не желаю брать на себя свободу и ответственность), смыслообразующий этап может быть затянут. Во-вторых, риск потери управляемости в ходе выполнения проектов, когда от преподавателя требуется большая консультационная активность (непосредственная и посредством взаимодействий в информационной образовательной среде), требующая значительных временных затрат, и личная приверженность стратегиям изменений в вузе. В-третьих, риск состоит в недостаточной компетентности преподавателя в осуществлении всех этапов проекта и при выполнении всех функций управления (необходимы хорошее знание предмета дисциплины и высокая педагогическая компетентность). В-четвертых, риск неудовлетворенности преподавателя результатами (если преподаватель психологически остался в предметной парадигме, но пытается работать в компетентностной).

Таким образом, результативность педагогического управления учебной деятельностью студентов зависит от готовности преподавателей к системным изменениям в образовательном процессе вуза, которая формируется в специально организованном процессе повышения квалификации.

Библиографический список

1. *Громкова М.Т.* Психология и педагогика профессиональной деятельности. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2003. – 415 с.

2. *Игнатьева Г.* «Самообучающаяся организация» как модель повышения квалификации педагога // Высшее образование в России. – 2005. – № 9. – С. 56.

3. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429с.

4. *Сенге П.* Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. – 408 с.

УДК 947

Исаев И.Ф.,
Кудинов Е.В.
Белгородский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ УЧАЩИХСЯ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ-КОМПЛЕКСОВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (1975–1992 ГОДЫ)

Целью исследования было проведение анализа социально-педагогических предпосылок организации работы по профессиональному самоопределению учащихся в сельских школах-комплексах Белгородской области в 1975–1992 годах для дальнейшего изучения опыта работы этих школ по профессиональному самоопределению подрастающего поколения как одного из лучших в стране.

Ключевые слова: *профессиональное самоопределение школьников, сельские школы-комплексы, социально-педагогические предпосылки организации работы по профессиональному самоопределению учащихся.*

В настоящее время в стране наблюдается сворачивание деятельности по профориентационной работе, что в значительной мере сдерживает профессиональное самоопределение учащейся молодежи. Однако период интенсивного развития образования с 1975 по 1992 год совпал с этапом активизации работы по развитию профессиональной ориентации и профессиональному самоопределению школьников на Белгородчине.

В области была найдена инновационная форма организации обучения и воспитания подрастающего поколения – школа, работающая в едином режиме с внешкольными учреждениями – музыкальной, художественной, спортивной или другого вида направленности. Первые учебно-воспитательные комплексы (УВК) появились на базе Бессоновской и Яснозоренской средних школ Белгородского района. Школы данного типа создали определенную инфраструктуру дополнительного образования, преобразовали сельскую среду, превратив социум в воспитывающий фактор. В 1977 году в области их было 60, через два года – 101, в 1985 году – 139 , а в 1992 – 313 [9].

Появление школ-комплексов на Белгородчине было связано с бурным развитием экономики и культуры области в 60-е – 70-е годы XX века. Проведенные в короткий срок в регионе специализация и концентрация сельскохозяйственного производства повлекли за собой социальные преобразования на селе. Колхозы экономически окрепли, изменился характер труда. Вместе с тем остро встала проблема подготовки молодого поколения сельских тружеников, способных быстро осваивать современные производственные технологии.

Социально-экономические преобразования, происходившие в Белгородской области в 1975–1992 гг., явились предварительным условием организации работы по профессиональному самоопределению учащихся сельских школ-комплексов. Изучение исторической, педагогической и политической литературы позволило сделать вывод о том, что эта работа обусловливалась рядом социально-педагогических предпосылок.

Одной из важных предпосылок явилось *повышение внимания государственных и партийных органов к проблеме профессиональной ориентации молодежи.* В ряде документов о школе было высказано требование осуществить решительный поворот школы к улучшению подготовки молодежи к труду в сфере материального производства, к обоснованному выбору профессии. Для этого планировалось вдвое увеличить время на трудовое обучение в старших классах, значительно укрепить материальную базу, разработать новые учебные программы по труду для всех классов, подготовить соответствующие учебно-методические пособия, расширить подготовку учителей по труду в педвузах и училищах, улучшить работу по повышению квалификации уже работающих учителей [1, с. 3; 6].

Планировалось также использовать для трудового обучения межшкольные учебно-производственные комбинаты, ученические производственные бригады и другие трудовые объединения школьников. В сельских школах Российской Федерации трудовое воспитание учащихся 1-х – 3-х классов было организовано на пришкольных участках; в 4-х – 6-х классах – в так называемых «малых тимирязевках». Ученические производственные бригады и школьные лесничества стали действенной формой подготовки молодежи к труду в сельском и лесном хозяйстве. В РСФСР в 1977г. в 17304 ученических бригадах было объединено 1657844 учащихся 7-х – 10-х классов [2, с. 13]. Школьники знакомились с основами сельскохозяйственного производства, изучали трактор, комбайн, занимались опытничеством, овладевали передовыми методами труда. Деятельность ученических производственных бригад предполагала, что за бригадой закреплялись участки земли, группы животных на ферме, сельскохозяйственная техника. Ученическая производственная бригада была включена в круглогодичный цикл работ: от

 © Исаев И.Ф., Кудинов Е.В., 2012

подготовки почвы к посевам до уборки урожая и экономических расчетов. Осуществлялось максимальное приближение к многоотраслевому, высокомеханизированному сельскому хозяйству. Все отношения внутри бригады регулировали сами школьники. В совет бригады входили также директор школы, учитель труда, биологии, колхозный агроном или зоотехник. Бригадир-школьник являлся членом правления колхоза. Все важные вопросы решались коллегиально.

Такая организация трудовой подготовки воспитывала гражданственность, включала школьников не только в производительный труд, но и в реальные производственные отношения. За каждой средней школой были закреплены базовые предприятия или организации, при школах организованы кабинеты по профессиональной ориентации.

Весь 10-летний процесс обучения и воспитания в школе был связан с общественно полезным трудом, максимально использовался для подготовки молодежи к труду, прежде всего в сфере материального производства.

В феврале 1982 года Министерством просвещения был издан приказ «Об улучшении работы по профессиональной ориентации школьников на рабочие профессии сельского строительства». К трудовой подготовке и профессиональной ориентации учащихся старших классов привлекались передовики производства, наставники молодежи сельских строек. Проводились экскурсии учащихся на строительные объекты, дни открытых дверей строительных организаций и базовых профтехучилищ.

В мае 1982 года в стране была принята Продовольственная программа, для реализации которой требовалось укрепление колхозов и совхозов квалифицированными специалистами. В связи с этим был разрешен прием на подготовительные отделения сельскохозяйственных вузов по рекомендации колхозов и совхозов выпускников общеобразовательных школ – членов ученических производственных бригад без годичного стажа работы. Практиковалось направление сельской молодежи на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения с выплатой стипендий за счет средств хозяйств.

В целях более полного обеспечения сельскохозяйственных предприятий инженерами различного профиля, ветеринарными врачами, бухгалтерами была расширена их подготовка в Центрально-Черноземном и других районах в пределах, установленных на 1982–1985 гг. планов приема в высшие и средние специальные учебные заведения. Было намечено развитие сети сельских профтехучилищ [7].

Активизации работы по профессиональному самоопределению в сельских УВК Белгородской области способствовали *изменения в социально-демографической структуре населения*. Из сельской местности нередко уезжали высококвалифицированные специалисты сельского хозяйства, опытные механизаторы, полеводы, животноводы. В Белгородской области с 1959 по 1989 год численность сельского населения сократилась с 986,4 тыс. до 509,6 тыс. человек [8, с. 3].Это обостряло проблему восполнения в деревне трудовых ресурсов и требовало ориентации учащихся сельских УВК на сельскохозяйственные профессии.

Расширение на селе социально-педагогических функций системы общего среднего образования также являлось предпосылкой для усиления работы по профессиональному самоопределению учащихся в УВК благодаря объединению культурно-просветительных и внешкольных учреждений с общеобразовательной школой.

Условия, созданные в сельских УВК Белгородчины, позволяли школьникам выбирать занятия по интересам: заниматься музыкой, хореографией, художественным творчеством, спортом всем желающим.

Наиболее значимой социальной предпосылкой организации работы по профессиональному самоопределению учащихся в сельских УВК Белгородской области явилась *школьная реформа 1984 г.*, которая особое значение придавала подготовке молодого поколения к труду, совершенствованию работы по профессиональной ориентации учащихся. Система трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации была призвана подвести учащихся ко времени окончания неполной средней школы к обдуманному выбору профессии и соответствующего учебного заведения для продолжения образования. В целях побуждения учащихся к сознательному выбору профессии и получению первоначальной профессиональной подготовки было увеличено время для трудового обучения и общественно полезного, производительного труда, а также организовано проведение ежегодной трудовой практики за счет некоторого сокращения летних каникул, расширено самообслуживание учащихся.

Школьная реформа 1984 г. предусматривала активное участие в организации трудовой подготовки и воспитании учащихся производственных коллективов: каждая школа имела базовое предприятие. Базовое предприятие выделяло оборудование, технику, материалы, комплектующие изделия, землю для пришкольных учебно-опытных участков, планировало и организовывало производственную деятельность, оплачивало труд школьников, направляло специалистов в качестве мастеров для обучения учащихся и организации их производительного труда, развития технического творчества, сельскохозяйственного опытничества и профессиональной ориентации [5, с. 4].

Министерством просвещения и Академией педагогических наук были разработаны в 1984–85 гг. новые типовые программы трудового обучения

школьников. Программы строились на политехнической основе, знакомили учащихся с основами современного производства и экономических знаний. В соответствии с постановлением было увеличено время на трудовое обучение, общественно полезный, производительный труд учащихся. На эти цели выделялось во II–IV классах 3 часа, в V–VII классах – 4 часа, в VIII–IX классах – 6 часов, в X–XI (XII) классах – 8 часов в неделю. Введение новых программ осуществлялось в 1986–1990 гг. постепенно по мере создания необходимых условий. На добровольных началах учащиеся привлекались к посильной работе в народном хозяйстве в период летних каникул: развивалось патриотическое движение молодежи под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики»; создавались условия для участия в труде школьников, отдыхающих в пионерских лагерях.

Для улучшения работы по профессиональной ориентации было принято решение издать популярную энциклопедию профессий для молодежи, увеличить выпуск справочной профориентационной литературы.

Положительным моментом, с точки зрения работы по профессиональному самоопределению учащихся, являлся *процесс развития на селе односменности учебных занятий.* Этому содействовало значительное увеличение на селе школ с продленным днем и школ с группами продленного дня. Так, в 1986/87 учебном году удельный вес учащихся в группах продленного дня составлял в общей численности школьников 1–8 классов 43% (а в 1970/71 учебном году – всего 13%) [4, с. 530].

Осуществлялось *кадровое укрепление сельских УВК*. Этому способствовала программа возведения жилых домов для работников образования, предоставление педагогам различных льгот. Например, для мужчин-учителей устанавливалась отсрочка от призыва на действительную военную службу. Специалисты колхозных учреждений культуры, работающие в УВК, были приравнены к учителям по накоплению педагогического стажа, что имело большое значение для привлечения работников культуры к участию в воспитании школьников.

К несомненному успеху относится *комплекс мер по дальнейшему развитию и укреплению экономических основ функционирования сельской школы* [6].

Основы законодательства СССР и Союзных республик о народном образовании предполагали активное участие в образовании подрастающего поколения государственных предприятий и учреждений, колхозов, кооперативных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций за счет привлечения в фонды сельских общеобразовательных учреждений дополнительных финансовых и материальных ресурсов.

В статье 43 Закона РСФСР «О народном образовании»» предусматривалось создание государственными органами, предприятиями, учреждениями, колхозами, кооперативными и общественными организациями в целях всестороннего развития способностей учащихся, воспитания общественной активности, интереса к труду, науке, технике, искусству, спорту, военному делу, а также для организации культурного отдыха и укрепления их здоровья Дворцов и Домов пионеров, станций юных техников, юных натуралистов, юных туристов, детских библиотек, спортивных, художественных и музыкальных школ, пионерских лагерей и других внешкольных учреждений. Примерный Устав колхоза позволял коллективным хозяйствам организовывать ведомственные внешкольные учреждения [6]. Так, например, Городищенская средняя школа Старооскольского района (УВК) тесно сотрудничала с Домом культуры, сельской детской библиотекой, городской станцией юннатов №2, центром детско-юношеского туризма и творчества. Новотаволжанская средняя школа Шебекинского района (УВК) получала материальную и финансовую поддержку от Нежегольского элеватора, колхоза «Заря».

На селе быстрыми темпами осуществлялось строительство общеобразовательных учреждений. Для создания УВК на Белгородчине были разработаны специальные проекты сельских школ с актовыми и хореографическими залами, кабинетами музыки, бассейнами, спортивными и трудовыми комплексами. Так, к 2001 г. в области было построено 60 общеобразовательных учреждений с бассейнами, и большинство из них – на селе.

Одной из социально-педагогических предпосылок организации работы по профессиональному самоопределению учащихся можно считать *материальное стимулирование работы педагогических кадров.* В постановлении «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» (1984) предусматривалось введение доплаты одному из педагогических работников школы за организацию трудового обучения, профессиональной ориентации, общественно полезного, производительного труда учащихся, исходя из следующих нормативов: в школах, имеющих 6–12 классов – 25 рублей, 13–29 классов – 50 рублей, 30 и более классов – 80 рублей в месяц. Непосредственное руководство общественно полезным, производительным трудом учащихся возлагалось на учителей, воспитателей, мастеров производственного обучения школ и учебно-производственных комбинатов, работников учебных цехов и участков предприятий и организаций. В этом же постановлении указывалось на необходимость снижения возрастных ограничений для допуска молодежи к самостоятельной работе по ряду профессий, в том числе о допуске учащихся с 16 лет к работе в качестве трактористов и комбайнеров

в составе трудовых объединений под руководством наставников, при условии обеспечения безопасных и здоровых условий труда.

Таким образом, в силу закономерностей общественного развития, а также развития деревни и сельскохозяйственного производства, в учебно-воспитательных комплексах Белгородчины в 1975–1992 гг. сложились следующие социально-педагогические-кие предпосылки для организации работы по профессиональному самоопределению школьников:

– повышенное внимание государственных и партийных органов к проблеме профориентации молодежи;

– сокращение численности сельского населения (изменения в социально-демографической структуре населения);

– расширение на селе социально-педагогических функций общего среднего образования;

– школьная реформа 1984 г.;

– объединение общеобразовательной школы с внешкольными и культурно-просветительными учреждениями села;

– меры по развитию и укреплению экономических основ функционирования УВК;

– изменения в характере труда и профессиональной структуре населения села;

– материальное стимулирование работы педагогических кадров.

На Белгородчине до настоящего времени сохранены традиции, закреплен лучший опыт школ по организации трудового обучения и воспитания, профориентации и профессиональному самоопределению подрастающего поколения. Это доказывает целесообразность и жизненный смысл сельских школ-комплексов, ученических производственных бригад, учебно-производственных комбинатов, лагерей труда и отдыха, факультативов, вариативных учебных программ и многого другого.

Библиографический список

1. *Августевич И.И.* Сельские учебно-воспитательные комплексы (организационно-педагогические основы деятельности). – Белгород: БГПИ, 1990. – 86 с.

2. *Балясная Л.* Сегодняшняя забота двадцать первого века // Наука и жизнь. – 1978. – №5. – С. 12–16.

3. Закон РСФСР «О народном образовании». – М.: Изд-во Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1977. – 55 с.

4. Народное хозяйство СССР за 70 лет: стат. ежегодник / Гос. ком. РСФСР по статистике. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 731 с.

5. Основные направления реформы общеобразовательной профессиональной школы // Известия. – 1984. – 14 апр. – С. 3–4.

6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1978. – Т. 11. – С. 282–290.

7. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры ее реализации: материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. – М.: Колос, 1982. – 64 с.

8. *Ярцев А.И.* Белгородчина: история в человеческом измерении // Белгородская правда. – 1999. – 6 янв. – С. 3.

9. Учебно-воспитательные комплексы Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www.belgorod.intergrad.ru

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

УДК 316.47

Гроздилов Сергей Вячеславович
Ярославская государственная сельскохозяйственная академия
Serg_Strelec@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКИ-ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ФЕНОМЕН

Справедливость – это сложное явление, характеризующее всю систему социальных отношений. Она проявляется во всем своем многообразии как диалектическая противоположность.

Ключевые слова: *справедливость, диалектическая противоположность, общество, социальные отношения, знание, соответствие, мера.*

Понятие справедливости применимо для характеристики всех социальных отношений. Все они обладают свойством быть в той или иной степени справедливыми или несправедливыми. При этом все субъекты отношений, в чём они действительно убеждены, декларируют себя сторонниками справедливости. А во всей истории «сложно было бы отыскать не только письменное, но и устное заявление о неприятии социальной справедливости и декларировании социальной несправедливости» [1, с. 34].

Идея справедливости везде и всегда присутствует в виде требования постоянного совершенствования общественных отношений. Но не существует и не может существовать общих правил справедливости. Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз и навсегда», «для всех людей» и «повсюду». Ибо она не «раз и навсегда», а, как отмечал И.А. Ильин, «живой поток индивидуальных отступлений. Она не «для всех людей», а для каждого в особенности. Она не «повсюду», а живет исключениями». В результате оказывается «справедливостей» столько, сколько недовольных людей и единой, настоящей справедливости найти невозможно» [2, с. 180–189].

Но и этим многообразие «справедливостей» и особенностей их проявления не исчерпывается. Во всех своих вариациях справедливость еще и противоречива так же, как и сами социальные отношения. Любое ее проявление – это синтез противоречий, вне познания и учета которых невозможно и более-менее адекватное понимание проблемы справедливости. Ясно, что претендовать на исчерпывающее описание свойственных ей противоречий в принципе невозможно. В данном случае мы можем, не вдаваясь в обстоятельный анализ, лишь вычленить наиболее важные из них в соответствии с общим осмыслением проблемы.

Прежде всего, справедливость есть органическое единство содержащихся друг в друге и переходящих друг в друга *объективного и субъективного* [курсив наш. – *С.Г.*]. Она есть проявление, свойство отношений между социальными субъектами, отношений, в виде которых обнаруживается объективная взаимозависимость субъектов, и сами они представляют собою, как отмечал еще Ф. Энгельс, объективный интерес друг для друга. В то же время эта объективность складывается при участии волевой активности субъектов и реализуется через их волевую субъективную деятельность. Отражаясь в сознании субъектов, объективность отношений формирует совокупность представлений о степени их справедливости, то есть справедливость как объективное свойство отношений постоянно переходит в ее субъективное понимание.

Справедливость – это и свойство действительности, и идея долженствования соответствия действий субъектов друг другу, представляемая каждым из них с позиций собственных интересов. В положении о взаимосвязи этих сторон, их переходе друг в друга проявляется общее положение диалектики, согласно которому в практике материальное переходит в идеальное, а идеальное материализуется, объективное переходит в субъективное, а субъективное объективируется. В то же время суждения субъектов о справедливости – это всегда оценочные суждения, то есть справедливость есть единство *знания и оценки*.

Субъект «перерабатывает», перестраивает в своём сознании, в чём проявляется специфика социального познания, все свои социальные знания, которые могут быть и неполными, и искажёнными, знания о содержании социальных отношений и, особенно, об их результатах в виде предпринимаемых экономических или политических мер, судебных решений и т. п., подгоняет под свое видение справедливости, под свои интересы. Это свойственно и той и другой стороне отношения.

Различное и даже противоположное понимание справедливости или несправедливости одних и тех же явлений, фактов, процессов, различная или даже противоположная их оценка неизбежны в системе социальных отношений. Проблема осознания и оценки тех и иных общественных процессов или отношений субъектов в качестве справедливых или несправедливых – это, таким образом, конфликтная проблема. Объективность знаний о социальных отношениях служит основой беспристрастности осуществляемой формы справедливости. Субъективно-

© Гроздилов С.В., 2012

ценностный аспект, присутствующий в чувстве справедливости, выражает, напротив, различия и противоположность ожиданий и социальных притязаний субъектов отношений, в том числе и притязаний на привилегии, на особый социальный статус, на право господствовать над другими людьми.

Оценка социальных действий, отношений и т.д. с позиций их справедливости указывает не только на то, что что-то из них предпочтительнее, более значимо и желанно для данного субъекта, но начимо и для общества в целом, так как положительное или отрицательное внутреннее отношение к тем или иным социальным явлениям переносится на другие социальные группы, на общественное устройство в целом.

Основанные на представлениях о справедливости, оценки социальных отношений субъективны постольку, поскольку субъективно и в целом «понимание принципов данного общества, и воспроизведение фактов действительности, и их сопоставление» [3, с. 104]. Но ни преобладание оценочного момента, ни ориентация на идеал не означают, что справедливость является лишенным объективного содержания субъективным понятием. Оценочный характер не умоляет его способности отражать объективные свойства общественной системы и тенденции её развития. Более того, объективность состоит не только в её способности как идеи адекватно отражать объективно существующее положение. Она не сводится к осуждению или одобрению в категориях морали с позиции добра и зла, а обращается, в этом отношении, и к нормам права – она нацелена на объективные, материальные условия бытия, на материальные ценности, предполагает овладение ими именно в соответствии со справедливостью.

Говоря о справедливости как единстве объективного и субъективного, мы фактически указали и на проявляющееся в ней единство *духовного и материального.* Поиск социальной справедливости содержит в себе, конечно, апелляцию к совести, чести, долгу, к порядочности субъекта, апелляцию ко всем морально-нравственным ценностям – к духовному миру субъекта отношений. Но обращение к духовному миру субъекта служит не цели его преобразования, а оказывается преимущественно средством достижения политических или социально-экономических прав, средством обоснования права на воздаяние в виде материального, физического вознаграждения или соответствующего наказания.

Сказанное выше о единстве справедливости объективного и субъективного позволяет сделать вывод и о том, что она есть *единство индивидуального и группового, классового.*

Как свойство социальных отношений справедливость проявляется во взаимодействиях между индивидами, индивидами и группами и между группами и группами. Её уровень отражается, осознается и оценивается и индивидуальным, и групповым сознанием. Оценочный момент восприятия общественных отношений присутствует как в индивидуальном, так и в групповом сознании и ориентирован и в том и в другом случае на удовлетворение многообразия интересов данных социальных субъектов. Интересы накладывают свой отпечаток на представления о справедливости и несправедливости всех социальных групп, в силу чего их представления различаются до отношения противоположности. Наряду с отражением свойств отношений феномен справедливости содержит в себе и характерные особенности субъекта.

По отношению к пониманию справедливости индивидом ее понимание группой, обществом выступает как сложившийся объективный фактор, как совокупность стереотипов восприятия и оценки. Психология личности не есть что-то абсолютно интимное, а всегда есть продукт воздействия общества. Как подчеркивает В.А. Иванов, «её формирование и перестройка – это процесс перевода объективного в субъективное, внешнего во внутреннее. Однако следует постоянно учитывать, что этот процесс “перевода” не является просто переносом моментов психологии класса в психологию личности, не сводится лишь к её автоматическому присвоению. Личность соотносит все воздействия психологии группы между собой и соотносит их с социальной практикой» [4, с. 86], со своими личными интересами. Стереотипы специфически преломляются в сознании индивида. В результате формируется особое, свойственное только ему понимание справедливости. Оно складывается под воздействием множества обстоятельств: воспитания, образования, жизненного опыта, особенностей психического склада и т. д.

В развитии общественных отношений в направлении возрастания их справедливости выражаются потребности и общества в целом, потребности его прогрессивного развития. Однако принципы, принятые на уровне общества в целом, оказываются неприемлемыми для социальных групп, находящихся в невыгодном положении по сравнению с другими группами. И даже те социальные группы, которые являются фактическими авторами и основной опорой провозглашаемых общезначимых принципов, в конкретных ситуациях приспосабливают их к своим групповым интересам. А индивиды, как это было показано, и принципы групповых оценок приспосабливают к своим личным интересам.

Справедливость, таким образом, на всех этапах исторического развития классового общества представляет собою противоречивое единство группового и индивидуального и носит конкретно-исторический характер: справедливое для одних в то же время самое время несправедливо для других, несправедливое в одно время становится справедливым в другое.

Индивид, да и социальная группа, в стремлении к справедливости в социальных отношениях апеллирует к своим правам, нарушаемым государством или иным субъектом отношений. Общество, особенно в лице государства, старается акцентировать внимание прежде всего на обязанностях граждан. Справедливость, таким образом, выступает и как *противоречивое единство прав и обязанностей* взаимосвязанных субъектов.

Личность проявляет себя во взаимоотношениях как с другими индивидами, так и с социальными общностями, обществом в целом и государством. Имея собственный интерес, она постоянно сталкивается с индивидуальными интересами других лиц, а также общественными и государственными интересами. В связи с этим практически невозможно, о чем говорилось выше, избежать противоборства индивидуальных, общественных или государственных интересов.

Разрешение противоречий, которые возникают между подобными интересами, как правило, возлагается на государство. Баланс реализации разноуровневых интересов, как отмечает О.П. Быков, определяется государством путем нормативно-правового регулирования, установления норм права, которые служат формальным государственно-правовым обеспечением единства интересов личности и общества» [5, с. 93]. И не только установления норм права, но и обязанностей сторон. Но закрепление обязанностей преимущественно за одной стороной отношения представляет другой стороне преимущества в правах, что проявляется и в *соотношении наказания и вознаграждения* между субъектами отношения.

Идея справедливости связана с необходимостью возможно более точно определить приобретения и вложения действующего субъекта в общественную систему, индивидуализировать его статус, четко связать вознаграждения с его заслугами в добром деле, а наказания – с виной в совершении проступков и преступлений, то есть с необходимостью «воздать каждому по делам его», ответить добром на добро, наказать зло злом. В справедливости, как считает М.И. Веллер, выражается «вполне устойчивое единообразие модели “поступок-результат”, соотношение между “посылкой” и “следствием”: между действием, бездействием и результатом, подвигом и наградой, работой и оплатой, преступлением и наказанием» [6, с. 66].

Идея воздаяния, сформировавшаяся уже в глубокой древности, состоит в том, что к человеку возвращается эффект действия в эквивалентном виде, которое он совершает в отношении других. Если кто-то причинил страдание ближнему, то возмездие означает возврат страдания к нему самому, если же он принес другому благо, то возмездием или воздаянием ему тоже будет благо. На протяжении всего существования каждое социальное объединение людей или отдельный индивид в той или иной мере «закономерно подвергается воздействию со стороны различных субъектов системы общественных отношений – индивидов и их групп» [7, с. 299].

Общество на протяжении всей своей истории, по крайней мере до сих пор, не могло обходиться без карающего воздаяния как средства достижения справедливости. В нем заложено не только зло, но и охрана личного достоинства индивида, поддержка его самоутверждения, обеспечение определенного социального статуса и стимулирования социально одобряемого поведения. В нем заложена некоторая мера защиты от ущерба, наносимого другими людьми, некоторая мера обеспечения прав и свобод. В нем заложена и охрана общественного порядка и общественного устройства в целом.

Если оглянуться на исторический процесс, то нетрудно заметить, что эти верные по своей сути положения звучат со времен античности. Но звучат всего лишь как заклинания, обращенные к некому идеалу. Реальность же на них почти не реагирует. Этими заклинаниями пользуются социальные группы, рвущиеся к власти, но, достигая цели, они резко меняют вектор распределения прав и обязанностей, поощрений и наказаний. Права, поощрения, награды, льготы оказываются преимущественно на стороне государственных институтов, обязанности и наказания – преимущественно на стороне рядовых граждан. Законодательство принимает такие формы, что гражданин, в случае нарушения обязанностей, будет и призван к их исполнению, и наказан, государственный же институт в лучшем случае можно призвать к исполнению обязанности, наказание же для него не предусмотрено. Несоразмерность наказания и вознаграждения как единства противоположностей, свойственного варианту справедливости в общественных отношениях, утверждаемому государственной машиной, не только постоянно возрождается, но и систематически обостряется. В этом противоречии довольно наглядно проявляется забота государства, прикрываемая заботой о якобы справедливом обществе, о себе самом.

Говоря о соразмерности прав и обязанностей, наказания и вознаграждения как условий достижения справедливости, многие авторы обращаются к проблеме *равенства субъектов* отношения. Равенству в связи со справедливостью придается статус наиболее фундаментального её условия, а справедливость принимает форму «горизонтального равенства» и требования воздавать за равные деяния равной мерой, то есть чаще всего принимает, как это отмечалось и ранее, форму распределительного равенства. Равенство в сей трактовке рассматривается и как условие, и цель, и как средство, и как результат достижения справедливости.

Противостоящая точка зрения на соотношение равенства и справедливости также имеет место. Так,

например, Дж. Гэлбрэйт полагает, что справедливое общество вообще не должно ставить задачи перехода к равенству в распределении, поскольку это «не соответствует ни человеческой природе, ни характеру и системе экономической мотивации» [8, p. 34]. Но представлена данная точка зрения в общественных теориях в значительно меньшей мере, хотя и в настоящее время проблема необходимости и возможности достижения равенства является объектом внимания специалистов различных отраслей социального знания. Сложившееся исторически и получившее ныне закрепление в конституциях и международных документах представление о равенстве людей сыграло роль и значимого фактора, и следствия в борьбе против социальной несправедливости. «Для выработки положения “равенство = справедливости” понадобилась почти вся предшествующая история». [9, т. 20, с. 637].

«Но, – тут же отмечает Ф. Энгельс, – выдавать положение “равенство = справедливости” за высший принцип и за последнюю истину нелепо. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость – лишь в рамках противоположности к несправедливости». В самом общем виде принцип равенства оказывается отрицательным. Он «заключаются в том, что не должно существовать никаких привилегий». Однако использование казалось бы привлекательного принципа «никаких привилегий» в качестве всеобщего основания достижения равенства не только ставит в неравное положение, но и просто обрекает на несуществование слабых, инвалидов, детей, стариков. Равенство тут же переходит в неравенство. Равенство возможно лишь в чём-то и лишь для кого-то и достигается за счет неравенства по отношению к другим, то есть неравенство содержит в себе и равенство. Это же касается и отношения неравенства естественных способностей и возможностей людей, «модной» ныне проблемы равенства стартовых социальных условий и достигаемых социальных результатов, в которых также проявляется единство равенства и неравенства.

Любые проявления проблемы достижения справедливости есть проявления множества лежащих в их основе общих, свойственных всем их вариациям, противоречий, в частности, всех тех, о которых шла речь, и противоречий, свойственных какому-либо конкретному виду социальных отношений. В форме требования справедливости социальные противоречия выводятся на поверхность взаимоотношений субъектов, что если не затрудняет, то очень мало облегчает их познание, поскольку заслоняет объективные противоречия субъективными требованиями и претензиями. Справедливость противоречива по своей природе – она есть и порождение социальных противоречий и их синтез, и вне учета этого факта истолкование проблемы справедливости неизбежно будет односторонним.

Библиографический список

1. *Черепанов В.Д.* Социальная справедливость – политическая категория // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 2005. – №3. – С. 34.

2. *Ильин И.А.* В поисках справедливости // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 180–189.

3. *Шабров В.Н.* О генезисе и сущности категории «социальная справедливость» // Научный коммунизм. – 1988. – № 11. – С. 104.

4. *Иванов В.А.* Политическая психология. – М.: Философское общество СССР, 1990. – С. 86.

5. *Быков О.П.* Единство прав и обязанностей личности как условие ее гармоничного развития в обществе // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 328 (нояб.) – С. 93.

6. *Веллер М.И.* Великий последний шанс. – М.: Астрель, 2010. – С. 66.

7. *Шагако Д.С.* Война и насилие: социально-философская характеристика взаимодействия // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2011. – №1. – С. 299.

8. *Galbraith J.* The Good Society. – Boston; N.Y., 1996. – P. 34.

9. *Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к Анти-Дюрингу. Равенство – справедливость // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 637.

УДК 18.7.01:7.03

Зайцева Марина Леонидовна
Московская государственная классическая академия им. Маймонида
zvmm964@rambler.ru

СИНЕСТЕЗИЙНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПОЗНАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ

Обосновывается необходимость признания синестезии философским понятием, которое реализует свою методологическую функцию в исследовании процесса познания объективной реальности. Представлены результаты анализа генезиса синестезийных идей и выявлены ее константные качества, позволяющие определить ее в качестве системного свойства эстетического восприятия и художественного мышления.

Ключевые слова: *синестезия, объективная реальность, эстетическое восприятие, познание, художественное мышление.*

Актуальность темы исследования предопределена несколькими обстоятельствами: прежде всего той чрезвычайно важной ролью, которую играет синестезийное восприятие в познании объективной реальности и в ее эстетическом освоении.

Основная цель исследования – философское осмысление эстетических аспектов синестезийного восприятия в процессе познания объективной реальности.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать генезис синестезийных идей и форм проявления синестезии и выявить их характерные черты в искусстве древних цивилизаций, европейского Средневековья, Возрождения, Нового времени; определить гносеологическую, эстетическую значимость идей гармонизации различных способов восприятия; выявить константные качества синестезии, которые позволяют определить ее как системное свойство эстетического восприятия и художественного мышления.

Синестезия существенно увеличивает познавательные способности человека [1]. Она как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений способствует лучшему восприятию целостности мира. Синестезийное восприятие способствует сближению человеческих познавательных способностей и их обогащению путем объединения интеллекта и интуиции [2]. Синестезия как специфическая форма взаимодействия в целостной системе чувственного отражения является проявлением сущностных сил человека.

Изучение особенных когнитивных феноменов, которые явно не осознаются, представляет особую методологическую проблему, и рациональных методов в раскрытии всей специфики сложного слоя неявного знания оказывается недостаточно. Исходя из целостной структуры человеческой активности, можно констатировать, что когнитивная парадигма знания, включающая внутренние неявные структуры человеческого сознания, оказывается наиболее адекватным подходом к исследованию данных феноменов [3].

В настоящее время уже сложно оспаривать реальность и объективность синестезии. Мы предлагаем пойти еще дальше – признать синестезию как философское понятие, связанное с процессом познания объективной реальности.

В символической системе восприятие мира отличается от реалистического метода. Полученные с помощью физических ощущений представления о реальности формируют некоторую исходную систему. В этой системе объекты разделены, и мы говорим, что они конкретны. С помощью абстрактного научного мышления мы создаем модели мира, которые свидетельствуют о другом, неочевидном для будничного сознания, строении реальности. В таком случае мы вынуждены говорить о существовании других уровней реальности [4]. В процессе творчества создается иная Реальность. Можно сказать, что она является индивидуальным выражением определенного сущностного аспекта Реальности. По этой причине относительно художественного творчества наиболее соответствующим было бы использование понятия Творческой Реальности или Реальности Творческого видения.

В сознании Творческая Реальность образуется за своими внутренними, свойственными ей законами. Притом закон гармонии доминирует над последними. Согласно Сараджеву, «гармонизация – тот же закон бытия, по которому созданы музыкальные формы... каждая форма, представление, понятие имеет свою гармонизацию – индивидуальную и единственную» [5, с. 27]. И физические объекты, и абстрактные понятия, и эмоции – все сводится к единственному плану – звуко-зрительным образам сознания, которые выполняют функцию знаков, которые помечают предмет и имеют определенный смысл.

Символическая система предполагает соединение традиционности, всеобщности и типизированности смыслов элементов системы с субъективным, вариативным постижением этих смыслов. Благодаря индивидуальному восприятию порождается множество специфических коннотаций вокруг общепринятых смыслов. Изучение опыта применения идей синестезии в искусстве позволяет понять механизмы и мас-

 © Зайцева М.Л., 2012

штабы воздействия синестезийных видов, жанров искусства, выявить логику формирования и трансформации синестезийных концепций и окружающего их пространства эстетических коннотаций.

Под генезисом синестезийных концепций в искусстве понимается процесс их формирования и развития в культурах разных эпох, обусловленный эволюцией философской мысли и социально-экономической жизни. Проведенное исследование позволило нам выделить следующие временные периоды в генезисе синестезийных идей в искусстве: древние цивилизации, европейское Средневековье, Возрождение, Новое время.

Наиболее характерным для древних цивилизаций качеством является построение в лоне философско-религиозных систем концепций целостного восприятия, где важнейшую роль играют пространственно-слуховые синестезии. На возникновение и формирование синестезийных идей в искусстве древних цивилизаций оказывают воздействие компоненты широкого культурологического уровня: мифология, метафизика, философско-религиозные системы, этнорегиональная специфика. При всем различии философско-религиозных систем описанных выше типов культур, выявляется общность в способах постановки и решения вопросов, связанных с целостностью восприятия. Происходит выстраивание систем эстетических воззрений в контексте космологии. Понятие красоты объективировано, онтологично. Синестезийные идеи входят в общую теорию космогенеза.

Изменения в понимании онтологической и аксиологической значимости синестезийных идей в средневековой культуре связано с оформлением их преимущественно в рамках религиозного искусства, а именно в концепции соборного искусства. Сильнейшее влияние на основные принципы соборного искусства оказывает эстетика аскетизма, осуждавшая принцип наслаждения и, напротив, культивировавшая принцип духовного трезвения.

В культуре эпохи Ренессанса идее объединения, слияния искусств и форм их воздействия противопоставляется идея самодостаточности и дифференцированности видов искусств, художественных языков. Тем не менее именно в этот период повышается интерес к чувственному восприятию, на которое ориентируется теперь знаковая сторона, грамматика художественных языков. Ренессансное искусство актуализирует синестезийные аналогии не онтологического, а биологического уровня, исследуя связь между чувством и внутренним состоянием человека (интероцептивные ощущения).

В искусстве эпохи барокко обоснованием синестезийного восприятия становятся два фактора: признание остроумия важнейшей созидательной силой, а наслаждения – доминирующей эстетической функцией художественного произведения. Эстетика ориентируется на чувственное восприятие и сильный художественный эффект, достигаемый, прежде всего, синестезийными формами (от метафоры до идеи синтеза искусств); поиск всемирных связей и аналогий между предметами и явлениями ведется в культуре барокко на основе интуитивного метода познания.

Спецификой понимания синестезийного восприятия в эпоху классицизма является не только указание доминирующей роли в нем рациональных компонентов, но и акцентирование в нем дидактических и преобразовательных функций.

Искусство романтизма и символизма стремится к стиранию граней между искусствами, видами чувств, в их слиянии можно добиться того, чего не достичь в отдельности. Важнейшим качеством художественного языка становится его музыкальность. Спецификой синестезийных идей становится превалирование спонтанности и культивирование естественного, не скованного разумом чувства как в творческом процессе, так и в процессе восприятия. Поиск и обнаружение межчувственных связей и их актуализация в процессе познания мира становятся важнейшими задачами искусства эпохи романтизма и символизма. Спецификой понимания синестезийного восприятия в этот период является усиление роли иррациональных механизмов постижения действительности, стремление максимально широкого объединения художественных языков и видов искусств, в результате чего происходит усиление воздействия объекта искусства на субъект.

Изучению, познанию наблюдающегося диалога культур способствует теоретическое осмысление явления синестезии, синестезийного восприятия произведений искусства, так как диалог культур включает характерный для переходных эпох полилог культур, со свойственными ему сложными взаимосвязями и драматургией взаимоотношений различных культурных периодов (стадий, этапов) и культур, дистанцированных друг от друга географически, хронологически, ментально. Синестезия как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений способствует лучшему восприятию диалога культур, целостности мира путем сближения человеческих познавательных способностей и их обогащения на основе объединения интеллекта и интуиции.

Актуализация проблемы целостности элементов мира в русском духовном ренессансе рубежа XIX–XX веков способствовала разработке и оригинальной интерпретации принципов объединения элементов мира. Сформулированные в духе евангельского учения П. Флоренским принципы соборной общности представляют собой реализацию религиозных догматов об организме Церкви, где все разноипостасно и единосущно. Благодаря сохранению индивидуального в соборной общности целое ста-

новится внутренне-обусловленным и органичным. Благодаря богодухновенности человеческое сознание приобретает новое, умноженное, синергетическое качество, преображающее человеческое сознание в соборное. Свободное сотворчество объединенной общности людей понимается как теургия, как активная деятельность, направленная на преобразование как самих людей, так и мира в целом.

Идеи и попытки практического воплощения новой, синергической целостности художественного произведения как результата симфонического, свободного, но целесообразного синтеза разных элементов – характерная черта отечественного искусства рубежа XIX–XX веков. В искусстве этого периода поиск межчувственных взаимосвязей в процессе создания и восприятия художественного произведения чаще всего строится не по принципу взаимозаменяемости элементов разных художественных языков, а по принципу их взаимодополняемости. Такой синтез художественных языков позволяет достичь нового уровня органической целостности, в понимании которой огромную роль играет синестезия.

Искусством русского авангарда актуализируется проблематика, связанная с новыми формами познания и восприятия явлений мира. Формулируя установку на радикальное обновление художественного сознания и художественного языка, деятели авангарда разрабатывают новую модель познания и восприятия. Создается концепция «искусства будущего», в основе которой лежит синестезия. Разработка данной концепции ведется в различных аспектах: от идеи создания целостного произведения, объединяющего все способы восприятия, до поиска общих закономерностей в восприятии элементов различных художественных языков.

Исследование взаимосвязи философско-эстетических разработок в русском духовном ренессансе и эстетико-художественных идей в русском авангарде позволяет выявить общность теоретических позиций, которая состоит в следующем: создание концепции нового искусства, основанного на синтезе видов искусств, имеющего онтологическую направленность, обращающегося к всечеловеческому единству; осознание повышенной прагматической функции художественного произведения, реализуемой благодаря установке на синестезийный способ восприятия. Художественный объект становится средством изменения сознания, преобразовательная функция искусства распространяется не только на уровень познания, но и на мироздание в целом; понимание новой, синергетической целостности как результата симфонического, свободного, но целесообразного синтеза различных элементов. В искусстве авангарда происходит усиление гносеологического значения синестезийного восприятия, которое обеспечивает выход на новый уровень познания и способствует повышению культурной значимости художественного произведения. Сверхкультурную миссию предназначены выполнять созданные или проектируемые объекты художественного творчества, основанные на синестезийной общности видов искусства.

Футуризм, будучи одним из течений общего авангардного движения, с одной стороны, коснулся в своих поисках актуальных для всего направления проблем в интерпретации тем, образов и идей, определяющих облик Серебряного века, обнаружив множество точек соприкосновения с другими (и не только «левыми») течениями. С другой стороны, стилистические черты «искусства будущего» позволяют говорить о некоторой его противоположности иным линиям авангарда, об обособленности и неповторимости его художественной системы. Культ техницизма в искусстве футуризма оказывает воздействие на область эстетического сознания, вводя в него совокупность идей и эмоций, связанных с взаимоотношением человека и машины в современности. Возникает идея создания «искусства будущего», отражающего динамизм и техницизм нового времени. Происходит сближение художественных действий с жизнью, совершаются попытки внедрить одно в другое. Данные тенденции обусловливают специфику синестезийных идей в футуристическом искусстве. Футуристы занимаются поиском синтеза движения, звука, цвета, света. Категории «времени» и «движения» становятся основополагающими в понимании процесса создания и восприятия художественного произведения.

Однако в стремлении уловить изменчивый ритм психики современного человека, создать новую парадигму культуры, соответствующую ментальности технологичного, урбанистического общества, проявляется не только уникальность футуризма в искусстве авангарда, но и противоречивость идеи абсолютизации преходящего, размывания границ между искусством и жизнью. Динамизация художественного образа делает восприятие скользящим, поверхностным, хаотичным. Идеи делокализации искусства позволяют многим новациям авангарда экстраполироваться в область массового искусства, девальвируясь в плане аксиологической значимости.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Восприятие реальности в синестезийном аспекте приводит к определенному знанию, но для большинства людей это знание неявное. Искусство организует познавательный материал и передает его содержание в логично структурированных образцах.

2. Синестезия существенно увеличивает познавательные способности человека. Необходимо признать синестезию философским понятием, связанным с процессом познания объективной реальности.

3. Анализ генезиса синестезийных идей и форм проявления синестезии в искусстве позволяет опре-

делить ее как системное свойство эстетического восприятия и художественного мышления. В современном искусстве формируется осознание повышенной прагматической функции художественного произведения, ориентированного на синестезийный способ восприятия. В ходе проведенного исследования выявлены константные качества синестезии: реализация в феномене синестезии идеи синтеза сенсорных возможностей человека, который оказывается во многих синтетических формах и видах искусства; гносеологическая направленность идей целостного восприятия; историзм. Они позволяют определить ее как системное свойство эстетического восприятия.

Проблематика, связанная с синестезией, требует неоднократного обращения к ней и является перспективной и многообещающей исследовательской областью, позволяющей выявить способы гармонизации как восприятия, так и познания художественных объектов и мироздания в целом.

Библиографический список

1. *Галеев Б.М.* Синестезия – не аномалия, а форма невербального мышления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://prometheus.kai.ru/anomal r.htm.

2. *Зайцева М.Л.* Синестетическое мышление – соотношение сознательного и бессознательного в процессе познания // Materialy VI Miedzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji «Aktualne problemy nowoczesnych nauk – 2010» (07–15 czerwca 2010 roku). Volume 20. Historia. Filozofia. Politoiogija. – Przemyśl: Nauka i studia, 2010. – S. 55–56.

3. *Зайцева М.Л.* Эффективность когнитивных методологий в изучении синестетической компоненты познавательных способностей // Materiály VII mezinárodní vědecko-praktická konference [«Moderní vymoženosti vědy – 2011»], 27 ledna – 05 února 20011 roku. – Díl 12. Filologickě vědy. Filosofie. Historie. Hudba a život. – Praha: Publishing House «Education and Science», 2011. – S. 69–71.

4. *Хакен Г.* Тайны восприятия / Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 272 с.

5. Мастер волшебного звона / А.И. Цветаева, Н.К. Сараджев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/articles1/skaz_o_zvonare_moskovskom.html.

УДК 316.3/4

Кирдяшкин Иван Владимирович
Томский государственный университет
kirdjhkin@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ КАК ФЕНОМЕН УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫМ ОБЩЕСТВОМ

В статье исследуется такое свойство понятия «молодежь», как переходность, репрезентирующее свойства трансформирующегося общества. Делается вывод о том, что свойство переходности феномена молодежи, как набор специфических культурных стратегий, является важным средством построения обществом собственных базовых конструкций будущего.

Ключевые слова: *молодежь, молодежная политика, переходное общество.*

Тему выделения молодежи в самостоятельный предмет изучения инициирует эпоха великих переломов, какой стал XX век. К. Ясперс отмечает то, что внимание общества к молодежи и, главным образом, к ее воспитанию сопряжено с завоеванием человеком «свободы» от традиции, духа целого и проблемой содержания этой «свободы» [17, с. 354]. Школы и теории молодежи XX века можно условно разделить на три подгруппы, которые рассматривают понятие «молодежь» с позиций тех или иных сторон теоретической рефлексии проблем и значений молодости в качестве универсального и вместе с тем всегда исторически- и культурно- специфического ресурса обновления общества как социальной, политической и духовной целостности. Это: биологически и психологически, культурологически и антропологически, социологически ориентированные теории молодежи [7, с. 119]. Первые (концепции Г.С. Холла, З. Фрейда, К.Г. Юнга, В. Райха, Г. Маркузе, П.П. Блонского и др.) сформированы преимущественно под влиянием органицизма и психологизации гуманитарного знания конца XIX – начала XX века. В них молодежь выступает как носитель психофизических свойств молодости (периода жизни). Это не означало игнорирования социокультурного контекста бытия, но во многом культурное значение молодежи в них вторично. Вторая группа теорий (М. Мид, Т. Парсонса, И.С. Левиковой и др.) более четко подчеркивает значение молодежи как совокупности присущих ей культурных свойств и функций, что позволило выявить значимые свойства молодежи как группового образования, обладающего механизмами поддержки культурных образцов, культурного капитала общества. Третья группа (П.А. Сорокина, классовая (марксистская – В.И. Ленина, Б.Б. Когана), Л.С. Выготского, И.С. Кона, С.Н. Иконниковой, В.Т. Лисовского, линия К. Мангейма, связанная

© Кирдяшкин И.В., 2012

с концептуализацией молодежи как источника конфликта поколений и др.) объединена стремлением представить молодежь через характеристики ее социальности.

Объединяет эти направления такое сущностное свойство феномена молодежи, как переходность. Оно связывает два ведущих понимания молодежи: как определенного возраста человека, то есть как социальной реальности, отражающей витальные потребности человека; и определение молодежи как средоточия культурных феноменов, формирующегося ментальными, историческими условиями, представляющими особенность духовной жизни человека. Переходность как свойство возраста и культурной установки есть отличие, позволяющее выделить молодежь в относительную целостность, отличную от других, составляющую результат общественной эволюции. В качестве его выражения можно рассматривать: увеличение периода социальной интеграции, расширение сферы образования молодежи; кризис ее идейных оснований и ценностно-нормативной структуры современного общества в целом; и как следствие – падение влияния иерархических социальных структур, рост значимости и разнообразия «префигуративных» тенденций в современном обществе, порождающих новые риски развития.

Идея переходности молодежи присутствует во многих концепциях молодежи. В положениях теории молодежи А.И. Ковалевой и В.А. Лукова, молодежь – искусственная психосоциальная конструкция. И она для каждого общества определяется поразному в зависимости от экономических, культурных и социальных переменных [6, с. 121–122]. Исследователи отмечают социальную роль феномена молодежи. Она, по мнению немецкого социолога Г. Шельски, состоит в переходе от самостоятельной роли ребенка к самостоятельной роли взрослого. Эта нормативная «несамостоятельность» молодежи, по мнению исследователя, является ее ведущей чертой [7, с. 246]. По замечанию Ш. Эйзенштадта, молодость, определяемая как юность, требуется для того, чтобы помочь индивиду совершить переход из одного мира в другой. И эта фаза развития расширяется [2, с. 242].

Идея переходности стала основанием развития рискологического подхода к концептуализации молодежи. Ю.А. Зубок выделяет риск в качестве одного ведущих свойств молодежи. Как считает исследовательница, риск возникает в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодежи [5, с. 199]. Как замечает Ю.А. Зубок, проникновение риска в структуру сущностных свойств молодежи происходило под влиянием нового этапа социокультурной эволюции. Он связан с изменением процесса передачи социального опыта между поколениями. Формируется «префигуративная культура». Как считает исследовательница, основой самостоятельности молодежи становится не только естественное стремление к преодолению зависимости от родителей или старших, но и ограниченность опыта последних в изменившихся условиях [5, с. 198]. При этом исследователи отмечают, что «молодежь вовсе не является гомогенной и отдельной от взрослого мира группой. В своих ценностях, установках, практиках она отражает (принимая, сопротивляясь или используя) всю палитру взрослых отношений» [9, с. 19].

Концептуализация феномена молодежи в XX – начале XXI века не случайна и связана с состоянием переходности несущих структур современных обществ. По мнению И. Валлерстайна, современность претерпевает этап особенно заметной неравновесности процессов, отражающих переход миросистемы к новым идейным и экономическим основам, упорядочивающим накопленную сложность [4, с. 7]. Переход сопровождается стремлением человека к неравновесности как проявлению творчества, морального выбора в формирования реальности [4, с. 7–8].

Как отмечает У. Бек, для современности характерен кризис традиции [1, с.10]. М. Мид делает вывод о том, что начинающая себя проявлять со второй половины XX века префигуративная культура основывается на невозможности следовать традиции и опираться только на опыт старших для успешной жизнедеятельности [8, с. 497–499]. По мнению М. Оукшота, традиция составляет важное отличительное свойство рациональности, формирующее эффект «разумной предосторожности», достоверного знания о предмете, виде деятельности [10, с. 64]. «Чем меньше остается традиционных форм защиты, тем больший риск мы вынуждены преодолевать», – пишет У. Бек [1, с. 10]. Как замечает Ю.А. Зубок, в первую очередь исчезают коллективные формы социальной защиты. А место традиций и социальных связей, основанных на коллективизме, занимает индивидуализация, которая воплощается в идее конструирования собственной жизни как сугубо личного проекта с индивидуально обусловленными траекториями в различных сферах (труде, образовании, досуге, браке и т.д.) [5, с. 162].

Индивидуализация предопределяет как попытки реконструкции традиции, так и попытки освобождения человека от культуры, социальных ценностей и норм, препятствующих личностному развитию. Феномен молодежи несет в себе особенности переходных состояний ценностно-нормативного порядка современных обществ и процессов конструирования социальной реальности в ситуации поиска путей формирования целостного мировидения, устойчивых духовных оснований человеческой деятельности. Переходность молодежи в современных

обществах значительно усиливает переходное состояние конституирующих ценностей, приоритетов общества. И значение перехода для молодежи уже не является локальным и индивидуальным событием или содержанием биографии. Переход молодежи в современном обществе означает нечто большее. Его содержание состоит в нахождении или формировании молодым человеком базовых категорий существования и развития в обществе: ценностей, смыслов, а также – форм сопряжения с обществом, другими людьми.

Э. Фромм в своей гуманистической теории личности определяет в качестве основного конфликта, порождающего напряженность отношений человека и общества, конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности [15, с. 19–21]. Этот конфликт, согласно Э. Фромму, присущ всем обществам, так как порожден экзистенциальными потребностями человека. К этим потребностям, среди прочих, Э. Фромм относит потребность в идентичности [16, с. 73].

Идентичность для молодежи составляет важный ориентир для эволюции. Его развитие требует формирования конструкций, отвечающих за поддержание способностей конструирования: устойчивых представлений о мире, оценки событий, реакций на изменения, то есть средств «наращивания» онтологической осведомленности человека. Среди ее задач ведущее значение имеет развитие онтологической ответственности человека, ограничивающей круг его возможных действий или интерпретаций мира.

Проблема формирования идентичностей для современной молодежи усугубляется трансформацией идентичности современного человека в целом. А.И. Смирнов рассматривает значение переходности в культуре современного человека как этап его нового возрождения и восстановления утраченной целостности [11, с. 54]. В переходе, пишет исследователь, становятся востребованными фигуры идентичности человека перехода [14]. Идентичность перехода релевантна для человека, проживающего в условиях, когда обострилась проблема поиска культурных образцов, присущая современной молодости, существующей в ситуации ценностной и социальной неопределенности [14, с. 8]. Ситуация человека, пишет С.А. Смирнов, стала еще более открытой и незавершенной. Человек вновь оказался в ситуации переначинания, нового возрождения, поиска нового начала [11, с. 61].

В Евангелии молодость приобрела значение символа духовного преображения человека в веке нынешнем и достойной части человечества после Страшного суда [3, с. 41]. Феномен перехода, присущий в качестве сущностного свойства молодости, ценен тем, что он – способ попадания в иной мир, обновленный и очищенный. Переход, считает С.А. Смирнов, – иная форма жизни, особая форма бытия, наиболее экзистенциальная [14]. В антропологии перехода на первое место выходит не столько идентичность. Ее, как готовой формы, в переходе нет. Актуализируется проблема «оснастки архитектоники» человека перехода, проблема его готовности или неготовности совершить акт перехода [13, с. 114]. В акте перехода, пишет исследователь, необходимо не столько обустройство мира, сколько «себя оснащать». Это необходимо, чтобы превозмочь переход, осуществить акт перехода [11, с. 61]. «Оснастка», замечает исследователь, предполагает, прежде всего, душевную «оснащенность». Поэтому человек перехода выстраивает свое новое культурное тело в духовных, культурных практиках: философских, религиозных, художественных, практиках аутопойезиса [13, с. 114–115].

При этом в переходе, пишет исследователь, важно мышление о начале, которое есть то, что онтологически наиболее укоренено, что и дает силу бытия. Именно к нему обращается человек, чтобы пережить переход. Поэтому опыт прошлого так довлеет над человеком перехода, поэтому человек перехода мифологичен и обращен к родовому мышлению, которое дает ему опору в настоящем [14].

Идея переходности молодежи как социокультурного явления, связанного с переходностью смысла изменений человека, формированием партиципаторных отношений и «базового доверия» к обществу, обуславливает значимость процессов управления переходом, сопряженных с конструированием базисных оснований социальной реальности для молодежи, предопределяющих интенции ее социальных и культурных практик. Понятие реальности выступает как средство, позволяющее «снимать» определенные «показания» о явлениях окружающей действительности, необходимые в ситуации перехода, ограничивающие его поиск, сопряженный со свободой.

Сквозным контекстным содержанием всего бытия в переходе, по мнению С.А. Смирнова, является все большее производство степеней свободы как максимальной возможности быть, состоятельности своего бытия, его полноты и цельности [14]. Смысл перехода, пишет С.А. Смирнов, состоит в том, что человеку придется совершить вновь главное усилие – помыслить переход, изменить свою мысль, переназвать мир [16, с.98]. При этом осуществить переход – значит раздвинуть горизонт, выраженный в культурной норме и идеале [13, с. 102–103]. В переходе, пишет исследователь, совершается повторение первичного акта творения Мира, преобразования Хаоса в Космос [12, с. 151].

Молодость предстает в качестве формы будущего, выражающей нормы абстрактного порядка, осуществляющего: коммуникацию между традицией и инновацией, обновление смысловых структур общества, вписывание их в современность. Идея мо-

лодежи – конструкт подвижный, предопределяющий образ будущего человека, что может: способствовать восприятию обществом новых форм обобщений, присутствующих в нем смысловых отличий; расширить коммуникативный план поддержания, проявления новых коммуникативных практик, сохранения цепей социальных коммуникаций. Посредством феномена молодежи возникает возможность планировать свое будущее в соответствии с выбранным «путем», культурной программой. Переход к самостоятельности все более детерминируется процессом мобильной селекции культурного опыта. Управление этим переходом составляет инструментарий выработки несущей ценностно-смысловой конструкции для общества.

В целом, регулирование самовыражения «человека перехода» имеет для современного общества самое прямое назначение, состоящее в управлении процессом конструирования перехода общества к тому или иному ценностно-смысловому порядку. И этот переход связан с поиском и становлением устойчивых нормативных оснований общества, с активной реконструкцией прошлого как опоры бытия человека в настоящем. Молодежь, реализуя социокультурные стратегии «человека перехода», выражает потребность общества в конструировании базовых смыслов собственных нормативных оснований, форм коллективной идентичности. Молодежь предстает как феномен управления переходным обществом. При этом молодежь может стать носителем инновационного потенциала общества, если ее «переход» как-либо обозначен, то есть в нем присутствуют какие-либо ценностные приоритеты, предопределяющие концепт будущего как горизонт, выраженный в культурной норме и идеале.

Библиографический список

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.

2. *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проект, 2004. – 605 с.

3. *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 400 с.

4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – 355 с.

5. *Зубок Ю.А.* Риск как фактор социального развития молодежи: Дис. … д-ра социол. наук. – М.: Институт социально-политических исследований, 2003. – 334 с.

6. *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. – 234 с.

7. *Луков Вал.А.* Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. – М.: Канон++», РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.

8. *Мид М.* Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Левикова И.С. Молодежная субкультура. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 483–499.

9. *Омельченко Е.Л.* Молодежь: открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 134 с.

10. *Оукшот М.* Рационализм в политике и другие статьи. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

11. *Смирнов С.А.* Бытие в свободе или проблема культурной идентичности в ситуации цивилизационного сдвига // Философские науки. – № 6. – 2004. – С. 53–64.

12. *Смирнов С.А.* Культурный возраст человека: Философское введение в психологию развития. – Новосибирск: Офсет, 2001. – 260 с.

13. *Смирнов С.А.* Словарь антропологии перехода // Философские науки. – 2008. – №12. – С. 97–119.

14. *Смирнов С.А.* Человек перехода // Кентавр: методологический и игротехнический альманах. – 2003. – № 32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.circleplus.ru/archive/n/32/4 (дата обращения: 10.09.2010).

15. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 254 с.

16. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 416 с.

17. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

Комарова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)
paris lk@ mail.ru

ЛЮБОВЬ КАК ВЫСШАЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

В статье рассматривается сущность любви, раскрывается ее уникальность. Дается аргументированное объяснение понятия «любовь» как высшей общечеловеческой ценности. В статье раскрыты формы осмысления феномена любви на разных этапах развития общества, а также рассмотрены виды любви и значение Всероссийского дня семьи, любви и верности.

Ключевые слова: *нравственность, любовь, эмоционально-ценностное отношение, самосовершенствование, любящий человек, Всероссийский день семьи, любви и верности, преображение мира.*

Любовь – это светильник, озаряющий Вселенную; без света любви земля превратилась бы в бесплодную пустыню, а человек – в пригоршню пыли.

М. Брэддон

Самой притягательной нравственной силой на протяжении всей истории была любовь. Ее могущество заключается в том, что она радикально преображает человека, побуждает его всеми силами души стремиться к совершенству.

Любовь в широком смысле – это нравственно-эстетическое чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту, в потребности и готовности к самоотдаче.

Первоначально формы осмысления феномена любви связаны с мифологическими представлениями даосцев в Древнем Китае, тантристов в Непале и Древней Индии, орфиков в Древней Греции. Труды Платона впоследствии положили начало систематическому философскому анализу феномена любви в европейской философии.

Проблема любви в эпоху Античности наряду с трудами Платона затрагивалась и в произведениях таких мыслителей, как Аристотель, Плутарх. В Средние века проблематика философского анализа любви присутствовала в трудах П. Абеляра, А. Блаженного, в эпоху Возрождения – Дж. Бруно, Л. Валла, М. Монтеня, М. Фичино. В работах западноевропейских философов XVII – XVIII столетий: Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта, Дж. Локка, Б. Паскаля – сформулированы основные положения о сущности феномена любви, его значении в жизни индивида и общества, о человеколюбии. Особый вклад в разработку данной проблемы внесли и немецкие философы: Г. Гегель, И. Кант и др.

Ценности человеческих отношений реализуются в любви. Именно от самих людей зависит красота их взаимоотношений. В народе говорят: «Покажи, как и что (кого) ты любишь, и я скажу, что ты за человек». Существует мнение, что любить – значит по-особому относиться друг к другу. Любящий человек более чувствителен, так как он страдает сразу за двоих: за себя и за своего возлюбленного.

Проанализировав работы ученых, философов разных эпох, мы пришли к выводу, что любовь – это чувство, выражающее эмоционально-ценностное отношение к тому или иному объекту, интимное и глубокое чувство, устремлённость на другую личность, человеческую общность или идею, сильное чувство, которое человек испытывает к кому-нибудь, чему-нибудь, самому дорогому, близкому. Любовь понимается и как высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (любовь к Родине, к матери, к детям, к музыке и т.д.). В высшем проявлении любовь связана со стремлением жертвовать собственным благополучием ради объекта любви [2, с. 50]. Любовь представляет собой не только чувство, но и возможность любить и быть любимым. Конечной целью любви можно назвать *самосовершенствование*. Настоящая любовь – это искусство, которому необходимо научиться и в котором, как и во всяком другом искусстве, необходимо постоянно упражняться [5, с. 54]. Любовь бывает «эгоистической», то есть служит потреблению; «высокой» – когда предполагается самоотдача, преодоление эгоизма; «бедовая» любовь – имеется в виду отчаянная; «благодарная» – проявляющаяся в сильном чувстве к человеку, совершившему благородный поступок, и т.д. Любовь может быть к ребёнку, к матери, к женщине, к Родине. Можно выделить несколько *видов любви*: братская; материнская; эротическая; любовь человека к самому себе; любовь к Богу и др.

Профессор В.Т. Лисовский убеждён, что «в основе настоящей любви заключено деятельное стремление к добру» [3, с. 3].

Философ, психотерапевт Б. Хеллингер считает, что «за любым поведением, даже за тем, которое кажется нам очень странным, стоит любовь. Скрытой действующей силой всех симптомов тоже является любовь» [5, с. 2]. По его мнению, имеются определённые порядки любви, то есть «законы, царящие над отношениями между различными членами семейной группы, определяемые самой жиз-

© Комарова Л.А., 2012

нью» [5, с. 12]. Однако любовь является позитивной силой только тогда, когда люди знают об этих законах и соблюдают их. Слепая любовь часто вводит людей в заблуждение из-за незнания этих порядков. Если владеешь законами, управляющими любовью, и соблюдаешь их, любовь приносит желаемые плоды, а также оказывает благотворное и исцеляющее воздействие. По мнению Б. Хеллингера, с помощью любви можно разрешать семейные проблемы. Любовь, проявляющаяся в признании и уважении к человеку членов семьи, исправляет допущенную несправедливость и избавляет других членов семьи от неизбежного повторения ошибок. Понимание действия порядков любви способствует тому, что члены семьи смогут испытать долгую и счастливую любовь.

В народе говорят, что любить – значит относиться по-человечески, поэтому издавна большое значение любви придавалось в христианстве. В Ветхом Завете Господь требовал возлюбить ближнего, как самого себя. В Новом же Завете Христос заповедует: «Как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга», – то есть жертвенной любовью необходимо любить ближних своих. По словам святителя Григория Нисского, «милость… происходит от любви, и её только имеет началом. Внешняя благотворительность при этом является не чем иным, как отражением любви, опытным доказательством любви» [4, с. 42]. Милосердие выдвигается как характерный признак людей праведных, которые живут на земле не только ради себя, но служат источником любви и милосердия для других. Подобно тому как источник света источает вокруг себя свет и тепло, так и любвеобильное сердце источает на других любовь и милосердие [4, с. 84]. Милосердие приводит к взаимной любви. Игумен Пётр считает, что самым важным средством в деле милосердия является любовь, которая должна стать внутренним стержнем, душой мира и миротворчества. Следовательно, в семье большое внимание должно уделяться воспитанию милосердия. Можно проявлять милосердие, посещая больных, придя на помощь в трудную минуту; а также снисхождением, терпением, вниманием, покорностью, деликатностью и тактичностью в обращении с ближними, усердием, утешением, советом и т.д.

Святитель Иоанн Златоуст утверждает, что «любовь больше всего очищает сердце и душу от всякой нечистоты, греха и порока. Любовь делает непорочными, заграждает всякий вход греху… И нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви» [2, с. 51]. «Где есть любовь, там исчезает любостяжание, хищение, зависть, злословие, надменность, клятвопреступление, ложь, истребляется всё злое» [2, с. 87–88].

Атмосфера любви в семье предполагает мир, миролюбие. К этому миролюбию призывают христиане.

Любовь является *совершенством из совершенств*, «венцом всех добродетелей». В народе говорят, что без любви «не будет пользы и от прочих дел». Любое раздражение и гнев необходимо утолять любовью и благодушием, и тогда в семье будет мир. Мир и любовь «всегда рядом», поэтому даже на свадьбе новобрачным желают: «Мир да любовь!»

Всему миру известен призыв к любви Матери Терезы – проявлять свою любовь к людям везде, где это возможно, и прежде всего – у себя дома: дарить любовь своим детям, своей жене или мужу, своим соседям… Значит, если вы хотите показать свою доброжелательность к близкому человеку, любовь, то непременно улыбайтесь! Психотерапевты Джек Кэнфилд и Марк В. Хансен считают, что любовь – самая великая сила в мире. Любовь, если только она присутствует в достаточной мере, способна снять любое напряжение. Люди, движимые потребностью поделиться своей любовью и показать, что близкие им не безразличны, не стесняясь, должны обнимать друг друга. В США даже существует «день объятий». Доктор Чарлз Фараоне поясняет, что объятие полезно для здоровья. Оно укрепляет иммунную систему, излечивает депрессию, снижает стресс и улучшает сон. Объятие совершенно естественно для человека, оно поистине чудодейственное средство от любых болезней.

Каждому из нас необходимо, прежде всего, научиться говорить близким людям о том, как мы их любим. Любовь занимает огромное место в жизни каждого человека, особенно дома. Человек, любящий людей, совершенно по-иному относится к окружающим, чем тот, который к людям безразличен. *Любящий человек прислушивается к людям и по-настоящему слышит их, выявляет в каждом человеке сильные стороны, а не останавливается на его недостатках*. Любовь предполагает проявление доброжелательности. Мартин Лютер Кинг считал, что для служения людям нужно иметь сердце, «преисполненное милосердия, и нужна душа, сотворённая любовью» [2, с. 73]. Он уверяет, что нужно учиться открывать своё сердце и дарить любовь, ничего не требуя взамен.

По мнению Алан Коуэн, «люди считают, что их ранят, когда они не получают любовь в ответ на свои чувства. Но не это причиняет им боль. Их боль приходит, когда они не дарят любви».

В.А. Яровицкий утверждает, что, каким бы занятым человек ни был, он всё равно «в состоянии влить свою страсть в русло истинной любви», потому что большинство людей стремятся обрести только истинное чувство любви. Поэтому «можно быть уверенными, что идеалы любви живы, как и сама любовь!» [3, с. 126]. Он советует, что при различных

проблемах, возникающих во взаимоотношениях любящих, нужно постараться понять друг друга, не обращать внимания на различия в характерах и во взглядах на жизнь, помнить, что любовь побеждает всё, включая многочисленные предрассудки и предубеждения со стороны окружающих. Таким образом, понятно, что все проблемы такого типа разрешимы.

П.И. Иванов считает, что человек сможет достичь любви в супружестве в том случае, если научится любить себя, считать себя достойным любви, иметь веру в действительность любви к себе другого человека. По его мнению, «мы можем любить другого ровно настолько, насколько мы можем любить самих себя. Любовь к себе является одной из самых главных составляющих любви к другим» [6, с. 133]. Человек, желая показать, как горячо любит другого, часто дарит «символ в виде красного сердца». Красный цвет выражает сильное чувство любви. Кроме того, любви невозможно научиться по книге, «опыт любви» можно приобрести только в процессе самой жизни. В народе говорят, что любовь – это сама наша сущность, она изначально в нас заложена, человеку её нужно только вспомнить. *Очень немногие готовы сами любить, но если человек желает испытать истинную любовь, то ему самому следует научиться её дарить, не требуя ничего взамен*. Потому что секрет любви заключается в том, чтобы дарить любовь, а не требовать её от других.

Необходимо также отграничивать истинную любовь от влюблённости. В тот момент, когда человек влюблён, он испытывает магическое влечение к другому, притягивает свою противоположность. Влюблённость должна перерасти в любовь, а для этого надо научиться любить.

Научиться любить – значит «избавиться от страха быть недостаточно любимым, так как каждый получает столько любви, сколько он отдаёт, не относиться к партнёру как к своей собственности, потому что если вас любят по-настоящему, вы не сможете этого человека потерять, а если вас разлюбили, то вы всё равно его не удержите» [4, с. 93].

От супружеской любви на свет появляется ребенок. Любовь к детям – одна из форм любви, в филогенезе которой – инстинкт сохранения рода, биологически более сильный, чем инстинкт самосохранения.

С 8 июля 2008 года в России отмечается Всероссийский день семьи, любви и верности. Инициативу проведения праздника поддержали представители всех традиционных религиозных конфессий – ведь семья и супружеская верность являются общечеловеческими ценностями вне зависимости от вероисповедания или рода занятий.

Инициатива проведения праздника была предложена жителями города Мурома. Там, в храме Свято-Троицкого монастыря, покоятся тела двух христианских святых, чья жизнь стала образцом семьи и любви – Петра и Февронии. История повествует об их союзе как об идеале супружества. По легенде, после того как Феврония исцелила князя Петра от тяжелой болезни, он сделал ее княгиней, но бояре и их жены воспротивились этому, не желая иметь княгиню незнатного происхождения. Тогда, не желая расставаться с женой, Петр предпочел оставить княжение. Будучи в преклонных годах, Петр и Феврония приняли монашеский постриг и завещали похоронить их в одном гробу. Легенда говорит, что умерли они в один день и час – 25 июня (а по новому стилю – 8 июля) 1228 года.

Праздник, учрежденный депутатами Государственной думы в 2008 году, призван напомнить людям о важности таких ценностей, как семья и верность, любовь. Все это говорит о том, что в России тепло домашнего очага, заботливое отношение к родным и близким, прочная духовная связь по-прежнему остаются незыблемыми ценностями. Праздник все шире распространяется по стране, и теперь его отмечают наши соотечественники даже за ее пределами.

У праздника есть свой символ – ромашка, и медаль – «За любовь и верность», которую будут вручать 8 июля многодетным семьям, а также супружеским парам, отметившим более 25 лет совместной жизни. Девиз этой медали – «Семья – единство помыслов и дел». На одной стороне медали – изображения святых Петра и Февронии, на другой – ромашка, два лепестка которой окрашены в синий и красный цвета. Медалью награждаются «супруги, создавшие семью не менее 25 лет назад, получившие известность среди сограждан крепостью семейных устоев, основанных на взаимной любви и верности, добившиеся благополучия, обеспеченного совместным трудом, воспитавшие своих детей достойными членами общества».

Таким образом, мыслители всего мира, затрагивая на страницах своих произведений тему любви, всегда придавали ей не абстрактный, а конкретный характер. Она воплощалась, прежде всего, в поступках каждого человека, тесно ассоциируясь с идеалами Добра, Истины, Красоты. Благодаря любви человек побеждает зло, грех, получает возможность соприкоснуться с первоосновой жизни. Любовь обладает действенной силой преображения мира, человека, природы. Это всегда творческое начало и всегда сакральное чувство.

Библиографический список

1. *Баранов Н.А.* Любовь в системе общечеловеческих ценностей. – М., 2009.

2. *Василев К.* Любовь. – М.: Прогресс, 2006.

3. *Ивин А.А.* Философия любви. – Т. 1. – М., 2004.

4. *Фромм Э.* Искусство любви. – Минск: Полифакт, 1999.

УДК 111.7

Коромыслов Виталий Валерьевич
кандидат философских наук
Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова
vvk79@mail.ru

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТА ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается проблема существования социального времени как формы бытия материи. Анализируются подходы к его изучению, предлагается авторское видение решения этой проблемы, которое опирается на конкретно-всеобщую теорию развития. Выявляются некоторые особенности и свойства биологической и социальной форм времени. Исследуется феномен «сжатия», уплотнения социального времени по мере прогресса общества.

Ключевые слова: *социальное время, биологическое время, индивидуальное время, свойства социального времени, конкретно-всеобщая теория развития.*

Многообразие форм бытия материи предполагает многообразие присущих им форм времени, характеризующихся различными метрическими и топологическими свойствами. Об исследованиях, ведущихся в направлении обнаружения особых пространственно-временных свойств, присущих каждой форме организации материи, мы указывали в одной из предыдущих наших статей [10, с. 38–42]. Как было отмечено, при определённых успехах в подобных исследованиях, в то же время их результаты нельзя назвать однозначными, несомненно доказывающими существование, отличных от физических, пространственно-временных форм. Однако если принять во внимание результаты этих исследований, то человек, как социально-интегральное существо, на различных уровнях своей организации существует, вероятно, во времени связанным с той или иной формой материи.

Наибольший материал, подтверждающий существование таких форм времени, был накоплен в отношении биологической формы материи. Одними из первых высказали предположение о существовании особых временных свойств, присущих организации живого, В.И. Вернадский и А.И. Опарин. В 30-е годы прошлого века они высказали мысль о более высокой временной организации живых организмов по сравнению с неорганической природой. Как отмечает Г.Е. Зборовский, в последнее время это предположение получило многочисленные доказательства [8, с. 35].

Об особой специфике временных свойств биологических процессов, выявление которой даёт определённую ценную информацию для понимания их внутренних динамических законов развития, указывают Т.А. Детлаф, И.А. Хасанов, Т.П. Лолаев и др. [6; 14; 16; 20]

В биологии выявляется ключевое значение биологических ритмов, генетически заданных как человеку, так и любой другой биологической системе. Такие ритмы играют значительную роль во внутренних процессах жизнедеятельности организма, в частности, определяют его физиологические циклы [см., например: 3; 21]. Относительно биологических систем в настоящее время активно разрабатывается понятие *органического времени*, которое связывается с исследованием проблемы роста живых организмов, в том числе и людей.

Что касается времени, связанного с социальным способом существования человека, то в отношении накопленных естественнонаучных данных не существует веских оснований для того, чтобы выделять его как особую, самостоятельную форму времени, наравне с физическим. Однако, в силу способности человека производить своё бытие, физическое время, используемое человеком, несомненно, обретает собственную специфику, в первую очередь, оно зависит от особенностей трудовой человеческой деятельности. Так, по мнению А.В. Ласточкина, содержанием социального времени является общественное производство, производительная деятельность людей [11, с. 132].

Е.И. Песоцкий также связывает социальное время с трудовой человеческой деятельностью. Он считает, что труд является границей природного и общественного времени, в нём природное время преодолевается, образуя собственную специфику [15, с. 35–36]. Сходного мнения придерживается и В.А. Канке [9, с. 112–113].

Выделяют широкое и узкое значение понятия социального времени. Узкий смысл соответствует собственно социальному времени, характеризующему собственно социальное бытие людей, конкретно-исторические формы их социальной деятельности. В широком смысле социальное время включает в себя: собственно социальное время; аккумулированную в человеческом бытии совокупность природных форм времени; связь с внешней временной средой, фоном. Последняя реализуется, в первую очередь, в такой стороне социального времени, как хронологическое (календарное) время. Человек соотносит собственное время, время своей жизнедеятельности с временными характеристиками движения Земли, тем самым стремясь привязать собственные мерки времени к физическому вре-

 © Коромыслов В.В., 2012

мени. Таким образом, календарное время, в качестве абстрактного выражения физического времени, выступает временным фоном, средой существования общества, основой социального времени, использующейся как средство его количественного выражения [11, с. 126, 132].

С точки зрения некоторых авторов, содержание социального времени связано с социальными событиями. Как отмечает В.Г. Афанасьев, социальное, общественное время «наполнено специфическим социальным содержанием – теми событиями и процессами, которые связаны с деятельностью человека, коллектива, общества» [1, с. 7]. Опираясь на это положение, А.В. Ласточкин делает вывод, что поскольку эти события воплощаются в определённых результатах деятельности, то последние выступают собственной мерой социального времени. Точнее, этой мерой выступают количество (плотность) и качество (значимость) этих результатов [11, с. 134].

Необходимость представлений о «плотности», «производительности» как отличительной характеристике социального времени отмечает, например, Э.А. Елизарьев [7, с. 38]. В.П. Яковлев также выделяет такую особенность социального времени, как его неравномерность, неоднородность, многомерность, в отличие от календарного – как однородного и одномерного [22, с.110]. Подобное противопоставление исторического и календарного / астрономического времени прослеживается также в исследованиях М.А. Барга [2, с. 82–99] и др.

Несовпадение календарного и исторического времени находит своё выражение в ускорении / замедлении социального времени на фоне постоянного хронологического. Что проявляется, например, в разных темпах социального развития за хронологически одинаковое время (неравномерность социального времени). Так, А.Н. Лой и Е.Е. Шинкарнук указывают на способность социально-исторического времени к «замедлению», «уплотнению», «сжатию» [12; 13]. К. Маркс отмечал, что ускорение социального времени выражается в уплотнении рабочего времени, его сжатии.

В связи с этим А.В. Ласточкин отмечает, что ведущей закономерностью развития социального времени является его ускорение (уплотнение), вызванное развитием производительных способностей людей, когда за определённый период календарного времени производится больше продукта, реализуется больше социальных событий, чем за хронологически равный ему предыдущий период [11, с. 136–137]. В.П. Яковлев, проведя аналогию с физическим временем, связывает замедление социального времени с концентрацией социального вещества и энергии [22, с. 122].

На наш взгляд, отмечаемый эффект уплотнения, растяжения социального времени связан с усложнением социального бытия по мере общественного прогресса. Чем в более высокую стадию входит прогресс, связанный с материальными сторонами человеческой жизнедеятельности, тем более усложняется бытие человека, которое становится всё более насыщенным социальным содержанием: информацией, знаниями, многообразием потребностей, намерений, обязанностей, а значит, и социальными событиями в целом. Таким образом, при том же ритме календарного времени человек имеет дело с более насыщенным ритмом связанных с ним социальных событий, а следовательно, и встаёт перед необходимостью более эффективного расходования времени. Такая необходимость человека в том, чтобы «всё успеть» в ограниченное для него время создаёт условия для развития всё большей работоспособности, физиологической активности мозга. В результате чего он начинает работать всё более интенсивно, проводить большее количество умственных операций на секунду времени. Вследствие этого, человек начинает быстрее анализировать ситуацию, принимать решения, проводить в жизнь действия всё в большем темпе, то есть в каком-то смысле время для него раздвигается, используется всё больший потенциал его свойства непрерывности, за одну единицу времени совершается больше работы (как в физическом, так и в широком смысле).

Время, в котором человек производит свою историю, таким образом, становится по отношению к макровремени всё плотней, что вызывает субъективное ощущение, что оно бежит быстрей, ускоряется, всё более поспешно ускользает в прошлое. Однако в действительности, благодаря более эффективному использованию потенциала времени природы, время человеческой жизни при этом раздвигается, перед человеком за его жизнь проходит большее количество событий, он успевает произвести большее количество мыслей и действий. Видимо неслучайно поэтому существует тенденция, согласно которой чем больший темп набирает социальный прогресс, тем более быстрый ритм музыки начинает нравиться массам. Существуют некоторые данные, что исполнение классических музыкальных произведений становится всё быстрей.

Человек, таким образом, сам производит время своего существования, прибавляет к собственному времени время природы. Это справедливо как в интенсивном отношении, так и в экстенсивном, – увеличении времени жизни индивида и человечества в целом. Производя своё существование, человек влияет как на ритм течения его жизни, так и на её пределы, постоянно отодвигая их всё дальше в вечность. Н.Н. Трубников пишет: «Эпоха поставила задачу овладеть временем. Современная научно-техническая революция с её проблемами и открываемыми возможностями создаёт материальную основу для её решения» [17, с. 5].

Социальное время реализуется через время социальных групп, индивидов. *Время индивидов* связано с особенностями производства индивидуального бытия. А.В. Ласточкин определяет социальное индивидуальное время как совокупность временных свойств субстрата, тела человека (субстратное время) и его деятельности (функциональное время). Он отмечает, что субстратные временные свойства являются особенностями временной организации телесных процессов человека. Содержанием индивидуального времени, по его мнению, являются социальные действия, а мерой – продукты, результаты социальной деятельности, их качество и количество [11, с. 138].

Как и времени общества, времени индивида присуща тенденция к уплотнению по мере развития, выражающаяся в его увеличении, растяжении [11, с. 140]. На наш взгляд, это связано как с общей тенденцией ускорения социального прогресса, так и с тем, что, по мере развития творческих способностей индивида, приспособления к определённым видам деятельности физиологических процессов, время его жизнедеятельности, особенно рабочее время, становится всё более плотным, насыщенным. Однако так как индивидуальное время во многом обусловлено биологическим, то по мере биологического старения организма, эта тенденция сменяется на обратную, сопровождаясь сжатием, сокращением социального индивидуального времени.

Индивидуальное время тесно связано также с физиологической стороной биологического времени. Например, в экстремальной ситуации с угрозой для жизни время для индивида способно словно останавливаться, значительно замедляться из-за того, что мозг начинает работать более активно. Человек в такой ситуации способен мгновенно реагировать на любое изменение ситуации, действовать и принимать решения в таком темпе, который в обычном состоянии ему недостижим. И, наоборот, в усталом состоянии мозг человека менее работоспособен, время для него течёт несколько быстрей, чем он это осознаёт и как он его способен использовать обычно.

Авторы концепции психологического времени отмечают такие его особенности, как тесное переплетение индивидуальной и общественной его формы [19; 22], связь с эмоциями, переживаниями [5], темпераментом [23], неравномерность, наличие в ней ширины и глубины [там же], опосредованность биологическим и социальным временем [8, с. 44], преломление через практическую деятельность [там же, с. 42]. Е.И. Головаха и А.А. Кроник выделяют также такие его меры, как напряженность, насыщенность, растяженность, прерывистость, замедление-ускорение, разнообразие-однообразие, скачкообразность-плавность, определённость-беспредельность, приятность [5, с. 141–149].

Как отмечает Г.Е. Зборовский, психологическое время тесно связано с биологическими временными эффектами и удовлетворением биологических потребностей, что продиктовано необходимостью приспособления к окружающей среде [8, с. 40]. Он указывает, что особенности психологического времени обусловлены, по крайней мере, тремя факторами: объективными свойствами времени – метрическими и топологическими; характером психической деятельности человека, её возможностями, «диапазоном» в различных социальных средах; социальной функцией тех или иных объективных свойств времени (а значит, оно зависит и от состояния человеческой психики в данной конкретной системе) [8, с. 42–43].

А.В. Ласточкин связывает психологическое время с особенностями объективного индивидуального времени, отражаемыми сознанием и характеризующими социальную деятельность, её насыщенность событиями [11, с. 139].

Чувство времени играет большую роль в человеческой жизни, так как оно сопряжено с теми или иными прошедшими или ожидаемыми событиями, наполненными определённой значимостью для человека. Таким образом, психологическое время человеком измеряется наиболее значимыми в отношении его чувств и разума моментами бытия, при этом оно наполняется смыслом: каждая его секунда к чему-то приближает и от чего-то удаляет. Восприятие ритма времени для человека определяется событиями его жизни.

Интересна в этом отношении мысль Дж. Уитроу, который отмечает, что человек отражает в восприятии время не непосредственно, а в виде конкретных последовательностей и ритмов. Таким образом, психологическое, перцептуальное время рассматривается как конструкция, отражение социальных процессов [18, с. 107].

Особо выделяют также время развития определённой культуры [24]. Такое время связано с производством духовных ценностей, и, по мере насыщения ими человеческого бытия, оно уплотняется по аналогии со временем исторического развития в целом.

Таким образом, можно заключить, что выделяемые формы социального времени являются *формами бытия человека*, общества, индивида, образуют *поле, в котором развёртывается многогранная человеческая сущность*, они определяют *специфику использования человеком природных временных форм и эффектов.*

Библиографический список

1. *Афанасьев В.Г.* Научно-техническая революция, управление, образование. – М.: Политиздат, 1972. – 431 с.

2. *Барг М.А.* О категории «историческое время» (методологический аспект) // История СССР. – 1982. – № 6. – С. 82–99.

3. Биологические часы. – М.: Мир, 1964. – 694 с.

4. *Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.* Функциональные асимметрии человека. – М.: Медицина, 1981. – 237 с.

5. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. – С. 141–149.

6. *Детлаф Т.А.* Изучение временных закономерностей развития животных // Онтогенез. – М., 1989. – Т. 20. – С. 647.

7. *Елизарьев Э.А.* Время общества. – Новосибирск: Наука, 1969. – 192с.

8. *Зборовский Г.Е.* Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974. – 223 с.

9. *Канке В.А.* Проблема реальности социального времени // Философские науки. – 1979. – № 2. – С. 112–113.

10. *Коромыслов В.В.* Проблема существования социального пространства в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2010. – № 4. – С. 38–42.

11. *Ласточкин А.В.* Социальная форма материи. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 177 с.

12. *Лой А.Н.* Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». – Киев: Наукова думка, 1978. – 135 с.

13. *Лой А.Н., Шинкарнук Е.Е.* Время как категория социально-исторического бытия // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 73–87.

14. *Лолаев Т.П.* Время как функция биологической системы // Философские исследования. – 2000. – № 3. – С. 81–89.

15. *Песоцкий Е.И.* Социальное время как форма социального развития // Социальное развитие как предмет философско-социологического анализа. – Томск, 1983. – С. 35–36.

16. *Романов Ю.А.* Междисциплинарный характер исследований временной организации биологических систем и их значение для медицины // Биология и медицина: философские и социологические проблемы. – М., 1985. – С. 142–151.

17. *Трубников Н.Н.* Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987. – 255 с.

18. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. – М.: Прогресс, 1964. – 431 с.

19. *Фресс П.* Приспособление человека к времени // Вопросы психологии. – 1961. – № 1. – С. 43–56.

20. *Хасанов И.А.* Феномен времени. Ч. 1. Объективное время. – М., 1998. – С. 148–149.

21. *Шапошникова В.И.* Волны жизни. Биоритмы и здоровье. – СПб.: Комплект, 1996. – С. 202.

22. *Элькин Д.Г.* Восприятие времени. – М., 1962. – 311 с.

23. *Яковлев В.П.* Социальное время. – Ростов, 1980. – 158 с.

24. *Ярская В.Н.* Время в эволюции культуры. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 149 с.

Лукьянова Рушания Абдурахмановна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)

ИСТИННЫЙ ГЕРОИЗМ – ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЩЕСТВА

Истинный героизм утверждает величие человека, его духовную силу и благородство, он неотделим от возвышенного. Познание истины героизма как многогранного явления всегда созвучно эпохе, выдвигающей своих героев. Сегодня необычайно важна реабилитация нравственных идеалов, без которых у общества нет будущего. В связи с этим возникает желание осмыслить природу героизма – как духовную составляющую общества, рассмотреть его роль в процессе познания истины бытия.

Ключевые слова: *героизм, познание, бытие, истина, величие, духовность, идеал, герой.*

Героизм – это доблесть, бесстрашие, стойкость, самопожертвование, проявляемые ради достижения высоких общественных и нравственных целей. Истинный героизм утверждает величие человека, его духовную силу и благородство, он неотделим от возвышенного. «Великие люди, каким бы образом мы о них ни толковали, всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним. Он – источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно. Это – свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира; это – не просто возожженный светильник, а, скорее, природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо. Как бы там ни было, вы не станете роптать на то, что решились поблуждать некоторое время вблизи этого источника»[5, с. 7].

Познание истины героизма как многогранного явления всегда созвучно эпохе, выдвигающей своих героев. «Поскольку героизм означает повышенное осознание личностью своего призвания – не щадя сил, вплоть до самопожертвования участвовать в осуществлении общего дела, – то его можно назвать позицией, которая придётся кстати в любую эпоху» [7].

Сегодня необычайно важна реабилитация нравственных идеалов, без которых у общества нет будущего. В связи с этим возникает желание осмыслить

© Лукьянова Р.А., 2012

природу героизма – как духовную составляющую общества, рассмотреть его роль в процессе познания истины бытия. В своих рассуждениях мы попытаемся определить сущность истинного героизма, то есть представить его совершенный, идеальный вид. Подобно тому как в каждом герое ***есть*** от всего героизма, так и мы попробуем очертить границы (идеальные нормы), в пределах которых героизм может оставаться самим собой, то есть ***быть*** конкретно реальным героизмом, относительно истинным по отношению к «героизму вообще», то есть героизм, который ***есть*** абсолютно истинный. Если объяснить доходчиво, то рассуждение будет следующим – онтологическая истинность героизма определяется через соответствие его идеалу (абсолютно совершенному). Обратим некоторое внимание на толкование понятия «идеал» и попробуем его соотнести с героизмом.

Идеал (от греч. ἰδέα) – образец, определяющий способ и характер поведения человека. В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни, обладая глубоким социальным значением.

У идеала и героизма много общего, имеющего единое начало.

Мысленный образ, одержимый идеей (идеал), стремится к осуществлению. Ведет ли эта идея героя к героизму, или герой одержим ею? Является ли эта идея героичной?

Разумное и иррациональное, идеальное и безобразное, героическое и трусливое преобразуются как в созидательную, так и в разрушающую силу, образуя тождество бытия. Идеалы героизма, мужества, любви – с одной стороны, смерти, лжи, разочарования – с другой очерчивают границы истинного бытия. Их одновременное существование субъективно и объективно, материально и абстрактно, временно и бесконечно. Для человека характерно свободное, то есть сознательно совершаемое действие в согласии с универсальной, всеобщей целью рода человеческого. Героизм, равно как и идеал, представляют совершенство человеческого рода. Разум задается целью, предписывая идеальному (истинному) героизму противостояние тщеславию, тирании, пошлости. Человек идет разными дорогами, но именно герой прокладывает путь к героической истине, истине идеальной, одухотворенной, отождествляя себя с Космосом, являя собой творение божье, представляя в своем лице – весь род человеческий. На этом пути много изъянов, ведущих к озлоблению, черствости, равнодушию. Герой способен преодолеть все начертанное даже ценою собственной жизни. Героизм имеет не только идеальную, но и материальную сущность, образуя тождество бытия. Возможность материального и духовного воплощения в образе героя своей эпохи удивляет, восхищает, воодушевляет. В этом единении, имеющем формулу тождества, имеют место проявления разумного, идеального и героического – с одной стороны, неразумного, трусливого и лживого – с другой. Героем движет осознание им великой цели. Это целеполагание героя формирует общественный идеал. Внутри индивида, внутри его сознания, это состояние выразилось бы как полное преодоление противоречий между всеобщим и единичным, между целым и частью, между умопостигаемым и чувственно-эмпирическим миром, между долгом и влечением и т.д.

Человек только в своих фантазиях может быть идеальным, тогда как героем он может как видеть себя в фантазиях, так и осознавать в реальной жизни. Вариаций соотношения героизма с идеалом достаточно много. М.И. Кутузов может не представлять собою человеческий идеал, но то, что он был и остается героем в истории России, – бесспорный факт. И еще один пример. Согласно Канту, ни теоретический, ни практический идеал невозможно задать в виде образа – в виде чувственно созерцаемой картины «совершенного» и «завершенного» состояния. Иными словами, в теоретическом разуме (в науке) идеал может выступать только в виде постулата «запрета противоречия», а в «практическом разуме» – в виде категорического императива. Эти постулаты никогда не могут быть реализованы в реальной деятельности человека (в науке и практике). Они действуют здесь лишь как априорно принимаемые «регулятивные принципы» деятельности. А так как мы ведем речь о героизме, то героизм в отличие от идеала предстает перед нами как непосредственно созерцаемый и реализуемый образ «совершенства», «завершенности» и его достижение. «Есть в человеке и лучшее начало, есть для него идея, которой он неукоснительно служит даже в самые тяжкие эпохи своего неразумия. Идея эта – бессознательное поклонение силе правды... Как утопающий простирает свои измученные руки ко всякому подобию опоры, так человеческое общество судорожно тянется ко всему, что обещает ему спасение! Истинный герой и является таким спасителем» [5].

Героизм – путь к совершенству, и на этом пути идеал есть высшая, конечная цель «нравственного самоусовершенствования». Этот идеал науки и выступает у Канта в виде категорического императива рассудка, то есть в виде запрета логического противоречия. Неосуществимость этого постулата в науке, развивающейся именно через выявление и разрешение противоречий, является, согласно Канту, показателем того, что истина не достигнута и никогда в течение «конечного времени» достигнута не будет, как и идеал. Поэтому появление противоречия в науке Кант расценивает как показатель незавершенности знания.

Исходя из сказанного, можно сказать о том, что ***истинность героизма – это желание героя воп-***

лотить идеал в истине. «Истина превышает фантазию» [2, с. 744]. Мир – в руках героев, несущих свет знаний и бескорыстной любви. Отвага, доблесть, самопожертвование, ответственность, деятельность во благо – именно эти качества являются главными атрибутами истинного героизма.

Если мы ищем источники героизма, то обязательно приходим к духовности, вере и идеалам, определяющим смысл человеческой жизни. Дух позволяет герою сохранить достоинство, преодолеть границы бытия. И тогда становится понятна сущность самого героя. Она может быть яркой, уникальной, потрясающей, но может проявиться в повседневности, обыденности, остаться незамеченной. Герой излучает землю теплом своей жизни, благородством, верой.

Истинный героизм, по сути, оказывается направленным на сохранение и укрепление жизнеспособности и гармонии общественного целого. Героизм в высшей степени желателен для общества, так как гарантирует его выживание (Д. Вико). Героизм предполагает «выход» за пределы защищенного мира, дает надежду на воскрешение духа героя, что сообщает собою особую значимость героических деяний, делая опасное предприятие желанным, вытесняя чувство страха и побуждая человека к самосовершенствованию. Способность человека проявить героизм напрямую зависит от его способности брать на себя ответственность за жизнь и судьбу других людей. Героизм обладает внутренней силой, восхищая людей, желающих осознать героическое, прикоснуться к нему, познать его истинность. Героические действия утверждают нравственные ориентиры в обществе, придают ему веру в собственные силы, открывают новые перспективы для духовного развития.

Существует несколько подходов, раскрывающих природу истинного героизма, которая:

1) интеллектуальна, провиденциальна (Д. Бруно, Т. Карлейль);

2) заложена в биологическом инстинкте человека (Х. Ортега, М. Лившиц);

3) сокрыта в харизме героя (М. Вебер);

4) коэволюционна, то есть сокрыта в его единении с Космосом (Е.И. и Н.К. Рерихи, Л. Шапашникова);

5) сокрыта в подвижнической деятельности героя (Н.А. Бердяев, И. Ильин);

6) раскрывается в энтузиазме героя (Д. Волкогонов, Д. Мовчан и др.);

7) сокрыта в служении герою, а не герой служит для общества (Китаяма);

9) сокрыта в человеческой гордости и самоуважении, в сильной воле героя (Д. Юм, Ф. Ницше);

10) раскрывается в массовом героизме (В. Плеханов, В. Ленин и др.).

«В целом, несмотря на некоторые различия, – пишет в своей диссертации Г.А. Кривощекова, – обобщенный взгляд выделяет природу двух основных типов героизма, когда героизм направлен на служение обществу и героизм, нацеленный на сохранение, защиту и служение обществу в рамках определенной системы ценностей».

Представления о герое, преодолевающем все препятствия, выполняющем свой долг перед другими с риском для собственной жизни или ее ценой, являются важной составной частью духовности и нравственности общества. «Люди должны походить на героев смелостью и удалью, бескорыстьем и честностью» [6, с. 209–210]. Героическую личность и ее исключительные свойства общество не воспринимает и очень часто недооценивает. «Современный массовый образ жизни позволяет в короткие сроки создавать огромный ресурс репликации любого образца героического. Но неизбежной расплатой за навязывание обществу неистинных образов виртуальных героев труда и битвы, пренебрежение консервативностью, инерционностью массового сознания и его верностью определенным традициям является процесс десакрализации символов государства и власти, расщепление структуры общественного сознания» (И.М. Суравнева).

Природа героизма неимоверно сложна, широким и неопределенным является само данное понятие. «Культивирование героев» становится функцией массовой культуры. «С героями покончено независимо от общественного порядка, в котором они жили. Этические чувства и благородные порывы уступили место рационализму, деловому расчету и полному отсутствию героя» (Э. Дженкинс). Развитие военной техники делает героизм ненужным компонентом войны (А. Рапопорт). И все-таки мы позволим не согласиться с авторами этих строк, рассматривая героизм как поведение, складывающееся из качеств, которые помогают человеку преодолеть страх и совершить героический поступок. К ним относят – храбрость, смелость, отвагу, мужество, упорство, физическую силу, находчивость, волю, бескомпромиссность, уверенность в себе, бдительность и хитрость. Сущность героического поведения раскрывается благодаря тому, что, во-первых, объективируют качества, взаимосвязанные с героизмом, во-вторых, указывают на ситуации, в которых проявляется героическое поведение, в-третьих, говорит о том, какие последствия оно имеет для человека. Обстоятельствами, при которых героизм встречается наиболее часто, являются экстремальные действия, во время которых человек периодически рискует жизнью, а ситуация требует от него свершения отважных, неординарных и опасных для жизни поступков. Анализ различного материала дает основание утверждать, что последствия героического поведения могут быть как печальными – гибель героя, так и радостными – обретение славы и почета после свершения подвига. «Не следует ду-

мать, однако, – говорит Карлейль, – что жизнь всякого истинного вождя человечества должна заключаться в полной свободе ломать мир по произволу и совершать свой благотворный путь посреди раболепных изъявлений восторга со стороны покорного человечества... Горе ему (герою), если он обратит повиновение людей в оружие своих корыстных целей; горе ему, если он отступит от необходимости принять мученический венец за свои убеждения; горе ему, если он посмотрит на жизнь, как на источник радостей или на поле для своего возвышения»[6].

Проблематика героизма в плоскости исследования личности, ее духовного мира и деятельности анализируется с помощью теории социального действия, концепции элиты и «массы». «В мире находятся люди, исполненные решимости не довольствоваться действительностью. Они надеются, что дела пойдут по-другому… Таких людей называют героями. Ибо быть героем – значит быть самим собой, только собой. Когда герой хочет, не предки и не современные обычаи в нем хотят, а хочет он сам. Это желание быть собою самим и есть героизм» [1].

Ортега-и-Гассет в размышлениях о Дон Кихоте признает, что не знает «более глубокого вида оригинальности, чем эта “практическая”, активная оригинальность героя. Такая жизнь – вечная боль, постоянное отторжение той своей части, которая подчинилась обычаю и оказалась в плену материи» [1].

Личность героя определяется тем, что она берет на себя большую, чем другие, меру ответственности, владеет острым ощущением неотложных потребностей современности, благодаря собственным интеллектуальным, физическим, нравственно-психологическим качествам, способностью существенным образом влиять на ход событий. Т. Карлейль рассуждает о жизни всякого истинного вождя человечества, которая «должна заключаться в полной свободе ломать мир по произволу и совершать свой благотворный путь посреди раболепных изъявлений восторга со стороны покорного человечества… Настоящий герой – всегда труженик... Его высшее звание – слуга людей. Он – первый рабочий на поденном труде своих сограждан, первый мститель за неправду, первый восторженный ценитель всего благого. Если герой – царь, то ему нет покоя, пока хоть один из его подданных голодает; если он мыслитель – ему нет отдыха, пока хоть одна ложь считается неложью. Из этого ясно, что деятельность его не терпит остановок, что он вечно стремится к недостижимому идеалу. Если он хотя бы раз уклонился от избранного пути, он уже согрешил, если он хотя бы раз поставил свое личное ***я*** выше интересов общих, он уже не герой, а служитель мрака». Томас Карлейль призывает «не удивляться неискреннему, неверующему миру, представляющему естественное достояние шарлатана… возможны бедствия, смуты и всякие неправды… Мир, состоящий из слуг, и должен быть управляем призрачным героем, в котором все величие исчерпывается нарядом». «Одним словом, одно из двух: или мы должны научиться узнавать истинных героев и вождей, когда смотрим на них; или, в противном случае, нами неизменно навеки будут управлять негероические люди».

Проблема героизма не принадлежит только истории, а остается составной частью духовно-нравственной культуры человечества, продолжая функционировать в новых формах и определениях. Дискуссии вокруг проблемы героизма приобретают особое значение и в мире, и для современной России. Обращаться к героизму в наши дни необычайно важно потому, что именно на данном направлении, которое связано с познанием его онтологической истинности, современное общество может гармонизировать свое развитие, приобрести необходимую устойчивость и длительную перспективу. «Нужен не только герой, но и мир, достойный его, который не представлял бы одной сплошной массы слуг, в противном случае герой пройдет почти бесследно для мира!» [3, с. 176]

Библиографический список

1. *Ортега-и-Гассет.* Размышления о «Дон Кихоте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/ortega-i-gasset-don-kihot/tragikomediya.htm

2. *Рерих Н.К.* Семь Великих Тайн Космоса. – М.: Эксмо, 2011. – 864 с.

3. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

4. *Карлейль Т.* Прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marsexx.ru/lit/karlel-proshloe_i_nastoyaschee.html

5. *Карлейль Т.* Этика жизни. Трудиться и не унывать! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/karl3/index.php

6. *Хазиев В.С.* Истины бытия и познания. – Уфа: 2007. – 287 с.

7. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heizin/

УДК 1:3+1:93

Павенков Олег Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет
pavenkov@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАПАДНЫХ ФИЛОСОФОВ XX ВЕКА: К. ЛЬЮИСА, Б. РАССЕЛА, Д. ЛУКАЧА, Э. ФРОММА, А. КАМЮ

Данная статья посвящена анализу понятия любви в западной философии XX века; выделяется пять подходов к рассмотрению данного понятия: апологетический (К. Льюис), антихристианский (Б. Рассел), эстетический (Д.Лукач), экзистенциальный (Э. Фромм), эмансипационный (А. Камю); сделан вывод о том, что в западной философии XX века понятие «любовь», тесно связанное с сущностью человека, выступает онтологической основой экзистенции личности.

Ключевые слова: *альтруистическая любовь, любовь-нужда и любовь-дар, аскетизм в любви, абсолютизация любви, альтруистический синтез.*

Любовь является предметом интереса многих западных философов XX века. Из всего многообразия позиций мы выделили ряд подходов к любви: апологетический подход (К. Льюис); атеистический подход (Б. Рассел); эстетический подход (Д. Лукач); экзистенциальный подход (Э. Фромм); эмансипационный подход (А. Камю).

Апологетический подход. К. Льюис в своих рассуждениях исходит из новозаветного христианского положения ап. Иоанна Богослова: «Бог есть любовь» (1 Иоан. 4:7). Бог является источником любви, и раскрывается любовь в самом человеке, в глубинах его сердца, которое есть бездна внутреннего мира. К. Льюис различает любовь-нужду и любовь-дар [6, с. 204]. Онтологический уровень любви-дара выше, чем любви-нужды, однако последняя также заслуживает названия любви. Образцом любви-дара является жертвенность Иисуса Христа. Любовь-дар не вынужденна, а добровольна. В отличие от любви-дара, любовь-нужда, по Платону, – «дитя бедности» [5, с. 198], бедности не столько материальной, сколько духовной и социальной. Любовь-нужда связана с природой человека как социального существа, нуждающегося в сосуществовании с другими людьми. «Иллюзорное ощущение, что одному быть хорошо, – плохой духовный симптом» [6, с. 204]. Эгоизм не тождественен любви-нужде, так как не нуждается ни в ком. К. Льюис не стремится противопоставлять эти два вида любви. Кажущаяся оппозиционность любви-нужды и любви-дара разрешается в любви к Богу. «Те, кто испытал к Богу любовь-дар... в то же время били себя в грудь вместе с мытарем и взывали из своей немощи к единственному Дарующему» [там же]. Любовь-нужда может приблизить человека к Богу даже больше, чем любовь-дар.

Клайв Льюис верно говорит об определении ценностного ранга любви-дара. Предостережение Льюиса вполне понятно, поскольку любовь-дар и Любовь абсолютная совершенно различны и в онтологическом, и в аксиологическом смыслах.

Атеистический подход. Б. Рассел в произведении «Во что я верю» полагает, что любовь есть одна из неотъемлемых частей благой жизни. Благая жизнь основана на единстве знания и любви. Одно без другого приводит к многочисленным жертвам. Рассел рассматривает любовь как эмоцию, динамически перемещающуюся между чистой созерцательной радостью и чистой благожелательностью. Он полагает, что справедливость отвергает «любовь» в принципе, так как такая любовь является безжизненной. Она надуманна, и у нее нет собственного бытия. Если радость направлена на явления природы, то благожелательность, прежде всего, на людей. Альтруистическая любовь, по Расселу, – это разновидность благожелательности. Б. Рассел приводит следующий пример альтруистической любви: «Люди жертвовали собой, помогая прокаженным, и любовь, которую они при этом испытывали, не могла содержать никакого эстетического наслаждения» [8, с. 192]. Такие люди искренне желали своим ближним блага.

Б. Рассел связывают альтруизм с любовью родителей [там же]. Подобная редукция мало оправданна, как и сведение любви лишь к эмоции. Любовь – это чувство, представляющее собой сложное сплетение эмоций, имеющих совершенно разные оттенки, но не простая эмоция.

Заслуга Б. Рассела состоит в том, что он показал неотделимость радости от благожелательности, единство которых обусловливает и обеспечивает любовь. «Радость без желания блага может быть жестокой, желание блага без радости легко становится холодным и чуть высокомерным» [8, с. 193]. Какое же это желание блага, если оно так легко искажается без радости? Можно ли желание блага назвать искренним, если оно так зависит от того, испытывает ли человек радость от творения блага или не испытывает.

Эстетический подход. Д. Лукач в работе «Своеобразие эстетического» проводит анализ платоновского «Пира», а также других произведений на предмет этических и эстетических моментов, дает специфическую интерпретацию гегелевской философии любви. Лукач так интерпретирует Гегеля, что он исходит из посылки: «подлинная нравственная жизнь, способная этически воплотить человеческую

© Павенков О.В., 2012

личность, может осуществляться лишь в обществе» [4, с. 218].

Если мы понимаем под альтруистической любовью разновидность платоновской любви к благу, то мы полностью покидаем сферу эротического и входим в сферу философской или религиозной любви. Но если альтруистическая любовь – это любовь к конкретному человеку, к тому, что есть в нем благого, то рассмотрение половой, эротической любви уместно. Для Кьеркегора подобного противопоставления двух полюсов любви, эротического и религиозного, не существует. Он «сильно сближает эстетически-эротическую и религиозную стадию жизненного пути человека» [4]. Тут тесная взаимосвязь категорий эстетического и религиозного в любви выступает на первый план. У Платона и Плотина истинное бытие красоты, как и любви, находится в духовной, потусторонней реальности. Платоническая традиция, по мнению Лукача, «мнимо» доказывает, что в реальности внешних форм эти категории раскрываются «неподлинным, ненастоящим, вторичным образом» [там же]. Все учение о любви переходит в сферу трансцендентного, в чисто умопостигаемую реальность, которую Лукач называет сферой религии. На основании платонического мировоззрения возникает концепция постоянной и неизменной любви, из которой выводится все чувственное, что приводит к возникновению «нечувственной чувственности». В духе цель любви предшествует ее реальному воплощению. Эта просветленная чистым духом идея любви доступна лишь для созерцания, но не способна в чистом виде объективироваться в мире материальных вещей. Возникает иерархия ступеней движения любви умопостигаемой и любви воплощенной, реальной. В контексте платонической иерархии можно говорить о двух фундаментальных типах любви: нетварной, производящей любви и тварной, производной любви. Обе эти базовых идеи – идея нечувственной чувственности и идея иерархии, примата нетварного над тварным – «являются имплицированными аксиомами того духовного взлета, который провозглашает учение об эросе» [4, с. 221], являются принципами учения об альтруистической любви в западной философии, что, в общем-то, характерно и для русской философии.

Из элементов платонического альтруизма можно выделить несколько, а именно:

1. Аскетизм.

2. Любовь воспринимается как добродетель. Платон сохраняет «чувственно-эротическое влечение, но лишь как отправной пункт для аскетической добродетели, которая еще очень далека от своих позднейших христианских форм» [4, с. 226].

3. Идея иерархического развития, предполагающего постепенное восхождение от низших проявлений любви к любви самой по себе [7, с. 169]. Эта идея очень похожа на более позднюю христианскую концепцию восхождения по лестнице добродетелей. Альтруистическая любовь также не пребывает без развития.

Итак, для Платона, прежде всего, созерцание красоты самой по себе первозданной, а не вступление в какие-либо отношения с другими людьми, является вершиной нравственности личности. Альтруистическая любовь – единство созерцания и действия. Однако и сексуальные отношения, и альтруистическую любовь объединяет свойство партикулярности. «Особенность и сила любви в том и состоят, что для нее это конкретно-данное бытие, эта партикулярность любимого человека является чем-то окончательным, неизменным» [4, с. 223]. Однако абсолютизация одного лишь свойства партикулярности усиливает риск односторонности взгляда на феномен любви. Одно лишь свойство никак не заменит сущность любви.

Делая акцент на любви как объекте художественного творчества, Лукач видит оправданность учения об эросе в определении «места эротического в жизни и его отношения к высшим жизненным ценностям» [4, с. 225–226]. Учение об эросе, несомненно, включает в себя учение об альтруистической любви. Главным недостатком платоновского учения о любви, по его мнению, является игнорирование проблематики «реальных жизненных отношений». Конечно, нельзя не согласиться с мнением Лукача, что в платоновском учении об эросе содержится «столь важный для всего дальнейшего развития комплекс проблем, который получает здесь весьма глубокую диалектическую разработку» [там же]. Конечно, такой объем проблем требует приложения огромных философских усилий самых разных философов на всех этапах истории развития философского знания. Итак, Платоновским пиром был задан вектор развития всего дальнейшего развития философии любви.

Экзистенциальный подход. Западный философ Э. Фромм в работе «Иметь или быть» вводит любовь в деятельностный ракурс рассмотрения. Любовь не может быть статическим образованием. «Любовь», полагает Фромм, – это абстракция. В действительности же существует лишь акт любви. В любви Фромм выделяет следующие компоненты: проявление интереса и заботы; познание; душевный отклик; изъявление чувств; наслаждение.

Эгоистическая любовь[1], когда человек сознательно лишает объект любви свободного волеизъявления, умаляет и уменьшает жизнь. Фромм отмечает широко распространенное словоупотребление этого понятия без искренних чувств [9, с. 226]. Фромм концентрируется на анализе половых отношений. Он выделяет этапы в развитии любовных отношений мужчины и женщины, которые могут быть представлены в виде классической диалектической схемы «тезис – антитезис – синтез»:

1. Естественная альтруистическая влюбленность (тезис). «В период ухаживания оба еще не уверены друг в друге, однако каждый стремится покорить другого. Оба полны жизни, привлекательны, интересны, даже прекрасны – поскольку радость жизни всегда делает лицо прекрасным» [9, с. 227]. На этом этапе их энергия направлена на бытие альтруистической любви, состоящее в том, чтобы «отдавать другому и стимулировать его» [там же]. Влюбленность тоже может быть альтруистической, но только по отношению к одному человеку – предмету любви.

2. Период эгоистической любви – обладания (антитезис). Начинается этот этап после заключения брака. Человек уже обладает любовью, как будто это его «собственность». Соответственно, любящие прекращают прилагать усилия, чтобы вызывать любовь, что может привести к разочарованию, сомнениям. Они могут прийти к выводу, что «любовь можно иметь», а это приводит «к тому, что они перестали любить» [там же]. Любовь прекращает быть жизненным центром для людей. Результат такой жизни печален: «Тот, кто был поклонником богини любви, становится в конце концом настолько пассивным, что превращается в унылое, надоедливое существо» [9, с. 227–228]. Однако возможен переход на третью стадию альтруистического синтеза, о которой не пишет Фромм по причине того, что уверен: как у всех людей, так и у общества в целом собственническая экзистенциальная сущность [там же].

3. Период альтруистической любви или альтруистический синтез. На этом этапе в семье возникает альтруистическая любовь, которая не вербализуется в словах, но выражается в постоянном, устойчивом жертвенном поведении обоих супругов. Сущность этой любви состоит в духовном единстве нравственно зрелых личностей, стремящихся к одной цели непрестанного совершенствования. Тогда любовь есть жизнь, а жизнь есть любовь.

Эмансипационный подход. А. Камю в труде «Миф о Сизифе» дает следующее определение любви: «Любовью мы называем то, что связывает нас с другими, в свете социально обусловленного способа видения, порожденного книгами и легендами» [3, с. 229].

Непостоянные компоненты «смеси» любви, по А. Камю, суть следующие: желание; нежность; интеллект. Однако «смесь любви» для иного человека может быть другой.

В любви «он (Дон Жуан. – *О.В.*) открывает для себя новый способ существования, освобождающий его по крайней мере настолько, насколько он освобождает всех» его ближних [там же]. То, что А. Камю говорит применительно лишь к Дон Жуану, можно сказать о каждом искреннем «искателе» любви. Альтруистическая любовь дает возможность обрести новый способ бытия и свободу, зависимую от освобожденности других. Поэтому, принося в жертву свою личную свободу свободе других, человек получает истинную свободу, которую дарует ему любовь.

Таким образом, в статье произведен анализ феномена любви в аспекте поиска сущности любви, ее онтологического основания. Сущность любви не имеет четкого определения. Апологетический подход К. Льюиса ставит в центр христианское отношение к любви, имеющей своим источником Абсолют, и опирается на новозаветные сакральные тексты. Антихристианский подход, ярким представителем которого является Б. Рассел, наоборот, старается вывести любовь из религиозного контекста рассмотрения, поставить ее в зависимость от субъективных желаний человека. Эстетический подход Д. Лукача, на примере классики античной философии, делает акцент на связи «красоты» и «любви», на поиске эстетического своеобразия Эроса. Экзистенциальный подход Э. Фромма рассматривает любовь с позиции жизненных оснований человека. Обеспечивает или не обеспечивает любовь полноту жизни – вот в чем главный вопрос, который ставит Э. Фромм. Квинтэссенцию эмансипационного подхода А. Камю можно выразить в следующих суждениях: «любовь – дитя свободы человека», «кого хочу, того и люблю». Любовь, связывая людей, при этом расширяет пространство свободы человека, отдающего себя жизни и выбирающего по своему произволению объект своей любви.

Несмотря на многообразие подходов по вопросу о бытийной сущности любви у рассматриваемых западных философов XX века, можно выделить единство подходов к любви, ее онтологическим основаниям и духовности. В западной философии XX века любовь выступает онтологической основой экзистенции человека.

Примечание

[1] Конечно, в данном случае эгоизм понимается в широком смысле слова – как стремление обладать чем-то ради себя.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.

2. *Камю А.* Миф о Сизифе // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.

3. *Лукач Д.* Своеобразие эстетического // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.

4. *Льюис К.С.* Любовь // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.

5. *Льюис К.С.* Просто Христианство. Любовь: Собр. соч.: в 8 т.– Т. 1 / пер. с англ. Н. Трауберг и др. – М.: Фонд Александра Меня, 2004.

6. *Платон.* Избранные диалоги. – М., 1965.

7. *Рассел Б.* Во что я верю // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.

8. *Фромм Э.* Иметь или быть. – М., 1986. – С. 74. (Цит. по: *Фромм Э.* Иметь или быть // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / сост. Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1991.)

УДК 111

Панасенко Олег Анатольевич
Воронежская государственная технологическая академия
panasenko_oleg@mail.ru

ТЕНДЕНЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАТЕГОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ГЛАВНЫХ РОДОВ НАЛИЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В работе рассматривается динамика отношений между главными родами наличного содержания и их представлением. Сравнение античной и современной философии приводит к выводу, что представление превращает в себя бестелесный род существования и предметы, которые совмещают в себе телесное и бестелесное начала, но никогда не выступает независимо от содержания, ставшего представлением.

Ключевые слова: *представление, онтология, категория, всеобщее, вещь.*

Категориальное различие между представлением и всем его содержанием всегда сохраняет свое значение и выступает условием представления. Поэтому представление не сводится к своему содержанию до тех самых пор, пока оно остается его представлением. Исходя из этого, любой подход к определению представления является состоятельным лишь в той мере, в какой он исключает подмену представления категориями его содержания. В связи с этим особого внимания заслуживает исторический контекст, который обусловливает способы постановки и решения проблемы представления.

Если поставить пред собой вопрос не просто о переменах, а о главной тенденции философии на протяжении всей ее истории, то ответ следует искать в динамике отношений двух постоянных фигурантов происходящего. А именно, в тех отношениях, которые складываются между субъектом представления и главными родами наличного содержания. Именно здесь находится источник всех значимых перемен в истории философии.

Прежде всего, следует дать себе отчет в тех особенностях сознания современного исторического типа, которые остаются неизменными и отличают его от прежнего первобытного или мифологического сознания.

Известно, что примитивное мышление допускает лишь телесное существование. Все, что существует, телоподобно. То, что лишено телесной внешности, существовать не может. Этот принцип А.Ф. Лосев называет «вещественно-телесной интуицией» [5, с. 12–34].

Признание самостоятельного значения телесного и бестелесного существования пришло в европейскую философию через Платона. Такое признание, проводимое Платоном вполне сознательно и целенаправленно, способствовало благополучному завершению перехода с точки зрения первобытного и мифологического сознания на точку зрения сознания современного типа. В том и дело, что способность различать два рода сущего и признавать их качественное различие – это историческая особенность нашего сознания. На ее почве и в ее рамках вырастают другие особенности, которые принципиально отличают сознание современного типа от первобытного сознания. Главные из них – это, во-первых, новая «самость» субъекта представления: тот предмет, с которым сам представляющий себя идентифицирует, за который он сам себя принимает. Во-вторых, это новый принцип упорядочения всего наличного содержания.

Исходной «самостью» представляющего был всеобщий предок, тотем. Дошедший до наших дней ритуал сакрального перевоплощения в тотем хорошо известен антропологам. Наиболее показательным является свидетельство Леви-Брюля о том, что члены бразильского племени бороро принимают себя за красного попугая, которого они называют арара [3, с. 117–118]. Новым предметом отношения представляющего к самому себе становится «человек». Причем современное сознание допускает не одну, как первобытное, а три «самости» субъекта представления. Кроме «человеческого я», философия располагает «единым» неоплатоников, которое стало потерянным раем для всего европейского мистицизма, и «идеей» Гегеля.

Принципом первобытного мышления, в соответствии с которым организовалась вся действительность, выступало замкнутое в себе всеобщее тождество. Оно означало не только равенство каждой вещи себе самой, но и тождество всего, что есть вещь. Вещь есть вещь, а значит, «всё есть всё и всё во всём». Исторической ареной для этого «универ-

 © Панасенко О.А., 2012

сального оборотничества» стало мифологическое сознание [6, с. 457–464]. Всеобщим способом упорядочения содержания современного сознания выступает не прежнее А=А, а такое тождество, которое заключает в себе самом различие, имеющее всеобщий характер. Новый принцип упорядочения – это «различие в тождестве». Оно неизменно остается предельно всеобщим компонентом содержания современного сознание, хотя и выступает в разных исторических формах. Противоположные стороны всеобщего различия взаимно исключают, но при этом предполагают друг друга, образуя тем самым единое целое. Подразумевается, что любой компонент наличного содержания допускает свое прямое отнесение к одной из сторон такого различия.

Ближайшими примерами всеобщих различий могут служить средневековое различие Бога и Мира (верха и низа, неба и земли и т. д.), а также различие недавнего происхождения: противоположность субъективного и объективного (внутреннего и внешнего, сознания и материи). Такие различия становятся источником содержания «основного вопроса философии».

Исторические отношения между представлением и наличным содержанием имеют свою тенденцию. Ведущую роль играет здесь представление. Конструктивным средством выступает его «самость». Наличное содержание дает представлению материал и простор для его инициативы.

В чем же заключается сама тенденция? В самом начале, у Платона, представление – это способность души, а душа – это идея тела: всего лишь атом бестелесного существования. Причем другие идеи – это вовсе не представления, а бестелесные роды вещей и их неизменная сущность.

В происхождении вещей идеи играют ту же роль, что и матрица для печатания денег на монетном дворе. В качестве бумаги с водяными знаками для изготовления купюр любого достоинства Платон допускает абсолютное сырье, материю, которая, не являясь идеей, не заключает в себе ничего, кроме начала телесного существования, и способна, в результате соприкосновения с идеей, превращаться в вещи любого вида.

Источником бестелесных идей Платон признает то, что делает все идеи идеями и является их родом. Это тоже идея. Но у Платона идеи не просто сосуществуют друг с другом. Он открывает принцип родо-видовой иерархии и применяет его к миру идей. В результате мир идей становится у него подобием пирамиды, а источник бестелесного существования, идея всех идей, занимает место ее вершины. Эта вершина, с одной стороны, принадлежит пирамиде идей. Но, с другой стороны, сами идеи существуют обособленно от того, *что* они превращают в экземпляры своего вида. Поэтому идея всех идей не может принадлежать пирамиде идей и также должна выступать обособленно от нее. В результате источник бестелесных родов вещей существует отдельно и независимо от всего, что не есть он сам. Так появляется первый «сверхсущий» персонаж европейской философии, который выводит ее за пределы античного космоцентризма.

Как видим, с самого начала предполагаются два независимых источника телесного и бестелесного существования. У Платона это идея всех идей и материя. Но что самое замечательное, так это признание результатов совмещения телесного и бестелесного начал, чем и являются у Платона вещи. Они отнюдь не прямая противоположность идеям. Следует подчеркнуть, что любая вещь у Платона, поскольку она вообще является чем-то и принадлежит какому-то виду, имеет своим источником бестелесное существование. Идеи у Платона «причастны» вещам, как и материя. Поэтому вещи – это результат соединения телесного и бестелесного начал.

Такая онтология наличного содержания вытекает из признания двух родов сущего и классически закрепляет это признание. Она включает в себя, во-первых, условие самостоятельного значения двух родов сущего и, во-вторых, прямое доказательство их самостоятельного значения. У Платона таким условием выступает признание независимых источников телесного и бестелесного существования, а свидетельством их собственного значения становятся вещи, признанные как результат слияния материи и идеи. Никто не мешает реализовать другое условие и другое доказательство качественного различия телесного и бестелесного существования. Однако, судя по тому, что сущность онтологии Платона с ее независимыми источниками и «средним родом» существования не претерпела никаких изменений за всю историю философии, единственной альтернативой классическому решению вопроса может быть лишь познание, которое занимает место классического признания и объясняет его условия и результаты.

Для понимания тенденции отношений между представлением и главными родами наличного содержания полезно сопоставить начальный и поздний вариант одной и той же онтологии. Обоснование такого подхода мы находим у А.Ф. Лосева, который, признавая несоизмеримость разных философских стилей, говорит о глубоком сходстве «конструктивных оснований» философских систем античности и немецкой классики [4, с. 587–590].

Итак, что такое «средний род» у Платона? Это вещи. Но что такое тот же род, скажем, у Канта? Что становится у него слиянием телесного и бестелесного начал? У Канта это «опыт». Источниками опыта выступают Я, с одной стороны, и «вещь в себе» – с другой. Содержанием опыта являются вещи. Они – это такой же результат соединения телесного и бестелесного начал, как и вещи у Платона. Вещи у Канта и у Платона – это одинаково предметы «среднего

рода». Это позволяет нам поставить следующий вопрос: что такое те же самые вещи у Канта, в отличие от Платона? Те же самые вещи становятся у Канта не чем иным, как «представлениями». Они, оставаясь тождеством телесного и бестелесного, превращаются в самые настоящие представления: в «явления» и «феномены».

Разумная душа Платона превращается у Канта в трансцендентальное Я, которое, как когда-то идея идей, выступает источником всех форм бестелесного существования. В результате такой метаморфозы субъекта представления «средний род» Платона становится у Канта представлением.

Платон и Кант оказываются такими пунктами истории европейской философии, сравнение которых делает очевидной тенденцию взаимоотношений между субъектом представления, предметом его отношения к себе и остальным содержанием. Представление, начав с жалкого атома бестелесного существования, с единичной идеи тела, за две тысячи лет истории европейской философии отвоевало для себя весь «средний род» сущего и само превратилось в источник всеобщих форм бестелесного существования и центральный компонент онтологии наличного содержания. В самом деле, «средний род», принадлежащий наличному содержанию, сливается полностью и без остатка с категорией представления. И наоборот: представление, занимавшее поначалу скромное место в рамках бестелесного существования, разрастается до размеров «среднего рода» и поглощает его.

Сравнение Платона именно с Кантом можно считать большой удачей. В любом другом случае мы бы получили не старый «средний род» в новом качестве, а новый «средний род», который отличается от прежнего именно тем, что он не вещи. Мы бы получили другую тенденцию, а именно, изменение «среднего рода» по его содержанию. И кто знает, заметили бы мы тогда главную тенденцию представления: его всепоглощающую экспансию.

В самом деле, философия Нового времени, одним из источников которой был средневековый номинализм, потеряла вещи в качестве предметов «среднего рода». Вещи сливаются здесь с «материей» и выступают в своих «первичных качествах» именно в ее значении: в качестве телесной субстанции. Бестелесной субстанцией становится Я. Производный от обеих субстанций «средний род» образуют «идеи»: все формы познания от ощущений до понятий. Именно здесь, в философии Нового времени, идеи Платона окончательно становятся «общими понятиями», и именно здесь представление впервые поглощает «средний род» сущего.

Реализм Средних веков еще допускал бестелесные роды сущего, «универсалии», которые не являются представлением, а номинализм только начинал превращать их в то, что существует «после вещей». Философии Нового времени не только превращает всё бестелесное, за исключением разве что его субстанции в представление, но и признает «средний род» только как представление. Поэтому происходящее можно понять так, что философия Нового времени располагает каким-то новым «средним родом» сущего: раньше им были вещи, а теперь «идеи»: представления и понятия. Превращение «среднего рода» в представление и тут налицо. Но оно выглядит, наоборот, как превращение представления в «средний род» сущего. А это совсем неверно, потому что категорией наличного содержания является вовсе не представление, а бестелесное и телесное начало, а также предметы «среднего рода». Во что-то превращаться могут только они, а не их представление, которое всегда остается представлением этого содержания.

Философия Нового времени действительно потеряла вещи в качестве предметов «среднего рода». Однако без «среднего рода» своей онтологии никакая философия вообще невозможна, на чем, в частности, и покоится глубокое сходство «конструктивных оснований» развитых философских систем. За исключением Д. Беркли философия Нового времени не умела находить вещи в качестве предметов «среднего рода». Но и у Д. Беркли вопрос стоял не о превращении вещей в тождество телесного и бестелесного начал, а о простой подмене вещей известной ему формой такого тождества, «идеями». Тем не менее благодаря Д. Беркли «внутренний и внешний опыт» перестал быть принципиально разнородным: всё его содержание стало сродни «идеям». Оно стало «средним родом», равным представлению. И после того как Юм окончательно отделил вещи от их телесной «субстанции», Кант признал их содержанием «опыта» и тем самым приобщил вещи к «среднему роду», который уже был вотчиной представления.

Но в том и дело, что не представление становится здесь тождеством материи и формы, а наоборот: такое тождество окончательно преобразуется в представление. Это и делает очевидным пример с Кантом. У него вещи, выступая «средним родом», происходят от «вещи в себе» и трансцендентального Я. Но при этом они не противостоят «идеям» и представлениям, как в философии Нового времени, а сами выступают не иначе, как «явления» и «феномены». Здесь вещи, превращенные в «средний род», равны представлению. У Платона представление сводится к созерцаниям разумной души, которые и места-то никакого не занимают. У Канта представление – это весь возможный «опыт», который объемлет собой и заключает в себе львиную долю наличного содержания. Все это теперь «средний род», равный представлению. За рамками этого содержания остаются лишь два его источника: трансцендентальное Я и «вещь в себе».

Итак, философия Нового времени потеряла вещи как «средний род» сущего. Но в конечном счете европейская философия снова обрела свой исходный «средний род», вещи, но уже в качестве представления.

Это значит, что, начиная с Нового времени, не только бестелесный, но и «средний род» существования становится вотчиной представления, и по сей день ею остается. Такова тенденция представления. Предельным случаем такой тенденции является, без всякого сомнения, философия Гегеля. «Идея» у Гегеля – это не просто чистое самосознание, как Я у Декарта и Канта. Она еще и «бесконечное мышление», то есть представление, которое утверждается как «душа всякого содержания». Все это содержание становится теперь представлением по своей сути. В результате предметом науки о мышлении оказывается у Гегеля вся онтология наличного содержания. Все ее категории, за исключением разве что той, которая воплощает в себе телесное начало, а именно, за исключением «конкретного эмпирического», превращаются в категории мышления [2, с. 23–35]. Как следствие, онтология, теория познания и логика – это у Гегеля совершенно одно и то же.

Историческая тенденция представления в ее полном и свободном от ограниченности виде выражает себя в форме прямых притязаний представления быть сущностью онтологии наличного содержания в ее целом и в любом ее варианте. В этом случае философия полностью исключает всякое различие между наукой о мышлении и наукой о всеобщих родах наличного содержания [1, с. 188–206]. Важно заметить, что представление подчиняет себе предметы «среднего рода» и превращает их в себя, но никогда не выступает независимо от содержания, ставшего представлением.

Особенность современной ситуации заключается в том, что философия находит вокруг себя одни лишь «формы представления». Однако она не располагает категорией представления в абстракции от результатов экспансии представления на область родов наличного содержания. Ввиду этого актуальное значение получает постановка проблемы представления в предельно общей форме: что такое представление вообще? Что является критерием представления как особой категории? Какой способ постановки проблемы исключает подмену представления другими категориями?

Библиографический список

1. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

2. *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. – СПб.: Наука, 1994. – 542 с.

3. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. – 432 с.

4. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. – М.: Искусство, 1980. – 766 с.

5. *Лосев А.Ф.* История античной философии в конспективном изложении. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.

6. Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 3. – 584 с.

УДК 7.01

Хусаинова Айсылу Хамзеевна
кандидат философских наук
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)
haiet_bspu@mail.ru; a_hah@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ ИСТРЕБЛЕНИЯ И ОНТОЛОГИЯ СТОЙКОСТИ В НАЧАЛЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор рассматривает идеологию истребления и онтологию стойкости в начале военных событий 1941 года, когда страна оказалась на грани падения в бездну исторического небытия.

Ключевые слова: *идеология, онтология, событие, война, истребление, стойкость, жестокость, армия, солдат, история, страна, память, прошлое.*

«Если они сотворят у нас лишь десятую долю того, что мы сделали у них, храни нас Господь».
(Из письма немецкого солдата с Восточного фронта домой в Германию) [1].

«Однажды зимой колонну немецких пленных под конвоем вели на работу. Навстречу шли бедно одетые русские женщины. Они остановились, какое-то время всматривались в лица немцев, а потом стали протягивать хлеб… Для пленных это было потрясением…».
(Немецкий писатель Ганс Бауман, бывший военнопленный) [2].

Во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом. Они стремились подчинить своему господству чужие страны и народы, другие же ждали воинской славы, третьи считали, что лучше умирать стоя, чем жить, оставаясь на коленях. Во всяком случае оправдания войн всегда самые убедительные, поскольку человек, если судить по его деяниям, как бы подсознательно руководствовался мефистофелевской максимой – нет в мире вещи, стоящей пощады.

Очевидно, в древности исходили из того, что война сама по себе не есть ни благо, ни зло и ее оценка зависит от конкретных обстоятельств, ибо если преуспевающее государство может и должно стремиться к миру, то при неудачном стечении обстоятельств ему следует воевать. На рубеже VI–V веков до н. э. греческий философ Гераклит изрек: «Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [3, с. 4]. Давая собственное обоснование многочисленным войнам, периодически разворачивающимся на земле древней Эллады, Демосфен разделял их на справедливые и несправедливые. Первые, по его мнению, ведутся ради защиты отечества от разорения и уничтожения врагом, во имя справедливости. Несправедливы те войны, которые ведутся из-за корыстной выгоды в нарушение принципов справедливости. Однако что считать справедливым, а что несправедливым, как правило, всегда входило в прерогативу инициаторов войн. Так, в речи «Панегирик» Исократ подчеркивал то, что война с восточными варварами «скорее похожа на священное посольство, чем на поход» [4]. Очевидно одно: древние находили оправдание войнам, если они велись во имя, как они считали, благой цели.

Как известно, римские императоры обеспечивали мир тем, что всегда готовились к войне. Последующие поколения по части совершенствования изощренности методов ведения войны и ее оправдания не идут ни в какое сравнение со своими предшественниками.

Если исходить из исторических реальностей, то может возникнуть устойчивое мнение и непререкаемое убеждение, что война – это неотъемлемая врожденная составляющая самой человеческой природы, точно так же, как тяга к игре, пению, маскарадам, снятию напряжения и т.п. Конечно, она порождается вполне осознанными материальными, экономическими, социальными, династическими, религиозными и иными факторами. Однако история представляет множество примеров, демонстрирующих, что устранение этих и подобных факторов всегда приводило к устранению самих войн из жизни народов мира и отдельных государств.

Мир, свободный от конфликтов и кровавых войн, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Например, проекты «Вечного мира» И. Канта, где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Вслед за ними основатель позитивизма О. Конт вывел мысль о том, что уже в его время войны стали анахронизмом. Война, подчеркивал Конт, была необходима в доиндустриальную эпоху для принуждения ленивых и склонных к анархии людей к труду, а также создания больших государств. С наступлением индустриального общества, где богатство зависит не от завоеваний, а от научной организации труда, исчез военный класс, а с ним и причины воевать, примат перешел к трудовой деятельности, трудовым ценностям. Поэтому у Конта «наступила эпоха, когда серьезные и продолжительные войны должны полностью исчезнуть у лучшей части человечества» [5, с. 239].

В этом же духе Г. Бокль, Р.У. Эмерсон, Г. Спенсер и их приверженцы полагали, что распростране-

 © Хусаинова А.Х., 2012

ние принципов свободной торговли во всемирном масштабе постепенно приведет к интернациональному разделению труда и экономической специализации, что, в свою очередь, будет способствовать усилению взаимозависимости различных стран и народов и в конечном счете отказу от войн как средства международных споров.

Эта традиция нашла свое наиболее законченное выражение в идеях пацифистов – от квакеров во главе с У. Пенном в XVIII столетии до участников антивоенных движений начала XX века. Известно, что, вступая в Первую мировую войну на завершающей ее стадии, США в лице президента В. Вильсона провозгласила ни много ни мало как «спасение мира и демократии». Предполагалось, что она будет последней войной, призванной положить конец всем войнам. Однако всего лишь через двадцать лет после Версаля и известных «14 пунктов» В. Вильсона почти вся планета стала ареной невиданной в истории человечества, как по своим масштабам, так и по своей жестокости, всемирной бойни, начавшейся 1 сентября 1939 года.

В истории нашей страны не было более трагического события, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года и ставшая Великой Отечественной войной народов за свободу и независимость своей родины. Враг ставил не сугубо военные цели, ибо заведомо не удовлетворялся возможными уступками и принял радикальное решение, означавшее для нашей страны падение в бездну исторического небытия. По мнению историка А.И. Уткина, два обстоятельства спасли нашу страну: «Первое – военная промышленность дала меч; второе, главное, в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью, остался верен традициям стоицизма» [6, с. 4].

События начала Великой Отечественной войны показывают, что руководство Третьего Рейха ожидало, по словам американского историка Вайнберга, что «низшая раса славян не сможет ни организовать, ни повести за собой эффективно действующие вооруженные силы» [6, с. 174]. Но, озадаченная упорством «низшей расы», дивизия СС «Мертвая голова» вынуждена была издать приказ об особо жестоком обращении с теми, кто предпочитает сражаться, а не сдаваться. Изучая итоги боев этой дивизии, генерал Гальдер заметил: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека… Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. Теперь наши войска должны сражаться в соответствии с учебниками ближнего боя. В Польше и на Западе они могли пренебречь правилами, но здесь снова пришлось вспомнить о них» [6, с.175]. Немецкий официоз «Фолькишер боебахтер» сообщал своим читателям 29 июня 1941 года, что русский солдат «превосходит наших противников на Западе в своем презрении смерти. Терпение и фатализм заставляют его держаться в окопах, пока его не подорвет граната, либо его не поразит смерть в рукопашном бою» [6, с. 176]. Военные действия июня 1941 года подтверждают, что немцы удивительным образом не испытывали дурных предчувствий: западная «прогулка» по уничтожению «неполноценных» народов должна была закончиться для них победой к намеченному сроку. Вот как описывает поведение немецких захватчиков поэт и прозаик Василий Субботин: «В 1941-м около двенадцати дня 22 июня я уже увидел немцев, увидел такими, какими эти немцы тогда были. Было это в лесу под Бродами, и было мне 20 лет. Танки свои, легкие, вкопали мы наполовину в землю и заняли тут в этом лесу, в двух или трех километрах от города, от наших казарм, оборону. Вот так все это было. Они заскочили в расположение нашего выведенного в лес и занявшего оборону полка на мотоциклах. Я очень хорошо помню, что когда мы их захватили, ссадили их с этих мотоциклов, они нисколько не были напуганы. Им казалось, должно быть, что их и пальцем никто не посмеет тронуть» [7].

Как известно, нацизм гипертрофировал худшие черты германской армии, делая жестокость не только неизбежным спутником войны, но и сознательно планируемым фактором. Готовясь к походу на Восток, вермахт выработал правило новой войны: Гитлер считал сознательную аморальность армии залогом ее бескомпромиссных успешных действий в военных операциях и в тылу. Он как бы вовлекал миллионы немцев в действия, которые являлись преступными даже на этапе обсуждения и планирования. Народы нашей страны ждал новый вид войны, основой которой был расчет на тотальный террор. «Война против России будет такой, – обратился Гитлер в марте 1941 года к будущим завоевателям, – что ее не следует вести с элементами рыцарственности. Это будет битва идеологий и расовых различий, и она должна проводиться с беспрецедентной безжалостной и неослабеваемой жестокостью. Все офицеры должны избавиться от устаревших идеологий… Я абсолютно настаиваю на том, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно… Германские солдаты, виновные в нарушении международных законов, будут прощены» [6, с. 117]. Итак, по предписанию ефрейтора Гитлера, германская армия должна была стать «носителем безжалостной расовой концепции», что и было подтверждено жестоко содеянными и совершенными преступными действиями немецких офицеров и солдат. Так, английский историк М.Гилберт приводит описание того, как 27 июня 1941 года в деревне Низвеж немецкий солдат избивал «невысокого русского военнопленного с монгольскими чертами лица. Пленный не знал, за что его подвергают избиению и чего желает от него немец. Он стоял молча, не защищаясь

от ударов. Внезапно пленный поднял руку и нанес страшный удар в скулу избивающему его немцу. Кровь выступила на лице у немца. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, один кипя негодованием, другой – спокойно. Несколько немцев оттащили пленного за забор. В воздухе эхом отозвались выстрелы» [6, с. 176].

Драматические события июня 1941 года показали, что немцы постепенно начали осознавать силу противостоящего им противника, особый характер оккупируемой территории, где уничтожали и истребляли все по безжалостной тактике «выжженной земли», которой стремились полностью завладеть, и пытались сломить и подавить волю населения к сопротивлению. «Поведение русских войск даже в этой битве, – писал наступавший на Минск генерал Блюметрит, – являло собой поразительный контраст с поведением поляков и западных союзников, когда те терпели поражение. Да, будучи окруженными, русские держались за свои позиции и сражались» [6, с. 174]. Красная Армия, в отличие от французской, от польской и других, почти не была парализована быстрыми продвижениями и первыми потрясающими успехами немцев. Сопротивление продолжали даже разбитые внезапностью батальоны, отдельные роты, взводы, солдаты. Это подтверждает рассказ немецкого офицера о советском танке, подбитом в ходе боя. Обгорелый, он стоял на гребне холма, тогда как германские части в течение десяти дней пытались двигаться вперед, но не находили нужного пути. «Никакие запасы не могли быть поставлены нам, т.к. подвозящие их солдаты встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но это не улучшило ситуацию. Снаряды часто падали на наши позиции. В глубине ночи (русский) патруль пробился через лес и бросил ручные гранаты прямо на наши орудия. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал все это возможным? Тайна открылась случайно... В один из дней армейский повар в поисках танковых приборов открыл люк русского танка, от зловения он едва не потерял сознание, но он увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них – капитан, потерявший глаз, – находился с разлагающимся трупом. Раненный, он посылал по радио сообщение своим войскам о наших перемещениях» [6, с. 206].

Оценивая события 1941 года, английский историк А. Кларк считал, что прежде всего «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны» [6, с. 29]. Стойкость и самопожертвование солдат спасли страну, которая прекратила падение в бездну исторического небытия, поэтому великое пророческое поэта «Никто не забыт, ничто не забыто» (О. Берггольц) незыблемо во все времена. Ибо, как считал русский историк В. Ключевский, прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не унесло своих последствий. Последствиями событий 1941 года стали Победа 9 мая 1945 года над фашистской Германией и мир во всем мире, идеал, проповедовавшийся лучшими умами человечества.

Библиографический список

1. *Хамахер М.* Изгнание и память // Литературная газета. – 2009. – 20 окт.

2. *Лиханов А.* Правда, обжигающая душу // Литературная газета. – 2010. – 14 сент.

3. Искусство войны: Антология. – СПб., 2004. – С. 4.

4. Исократ. Панегирик. §182.

5.*Conte A*. Cour 1 ole philosophie positive. Vol. 6. – Paris, 1908. – P. 239.

6. *Уткин А.И.* Вторая мировая война. – М.: Эксмо, 2003. – С. 4.

7. *Субботин В.* Это так необходимо сегодня // Литературная газета. – 2004. – 28 сент.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 78

Борисова Елена Юрьевна,
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

С.В. РАХМАНИНОВ – КРУПНЕЙШИЙ КОМПОЗИТОР, ПИАНИСТ И ДИРИЖЁР КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В данной статье изложены результаты целостного анализа биографии композитора, в котором мы, опираясь на последние исследования, постарались объективно восстановить его зарубежное творчество. Так как многие современные музыковеды называют церковную музыку Рахманинова вершиной Нового направления русской духовной музыки, в статье уделено особое внимание его духовно-музыкальному наследию.

Ключевые слова: *С.В. Рахманинов, русская классическая музыка, русская духовная музыка, новый тип концертной духовной музыки.*

Сергей Васильевич Рахманинов родился 20 марта (1 апреля) 1873 года. Местом рождения, как показывают исследования последних лет, является усадьба «Семёново» Старорусского уезда Новгородской губернии. Дед композитора по отцовской линии, Аркадий Александрович, был известным в середине XIX века пианистом, выступал с концертами в Тамбове, Москве и Петербурге. Отец композитора, Василий Аркадьевич, был отставным офицером и происходил из дворян Тамбовской губернии. Он тоже был человеком музыкально одарённым, но музицировал исключительно любительски. Мать Сергея Васильевича, Любовь Петровна, была дочерью Софьи Александровны (урожденной Литвиновой) и директора Кадетского корпуса генерала Петра Ивановича Бутакова.

Музыкальная одарённость Рахманинова обнаружилась уже в раннем детстве. С четырёх лет он стал обучаться игре на фортепиано, сначала под руководством своей матери, а затем у А.Д. Орнатской – знакомой родителей будущего пианиста, композитора и дирижёра. В 1880-х годах семья Рахманиновых, лишившись материального благополучия, продала своё имение и переехала в Петербург. Осенью 1882 года С.В. Рахманинов поступил на младшее отделение Петербургской консерватории (класс фортепиано В.В. Демьянского). Однако нелады в семье, отсутствие правильного надзора за мальчиком и его ранняя самостоятельность мало способствовали учению. Самым близким человеком для маленького Сергея в те годы была его бабушка С.А. Бутакова, которая по окончании каждого года занятий в консерватории брала внука к себе в Новгород или близлежащее имение «Борисово». Там они часто ходили в церковь и слушали духовную музыку. Большое впечатление на будущего композитора производили звон церковных колоколов и службы в монастырях и соборах. Так как занятия Рахманинова в Петербургской консерватории в течение трёх лет шли плохо, то его мать, по совету двоюродного брата Сергея Васильевича А.И. Зилоти, решила перевести сына в Московскую консерваторию. Осенью 1885 года он был принят на третий курс младшего отделения Московской консерватории к профессору Николаю Сергеевичу Звереву, блестящему педагогу, у которого учились А.И. Зилоти, А.Н. Скрябин, К.Н. Игумнов и др. Огромное значение для юного музыканта имела художественная и интеллектуальная атмосфера дома Зверева. Именно в годы пребывания в классе профессора Н.С. Зверева Рахманинов усвоил умение трудиться, которое помогло ему впоследствии вести на редкость интенсивную и разностороннюю работу композитора, пианиста и дирижёра. В эти годы Рахманинов познакомился с С.И. Танеевым и В.И. Сафоновым, часто посещал концерты замечательных пианистов А.Н. Есипова, А.И. Зилоти и А.Г. Рубинштейна. В возрасте 13 лет Рахманинов был представлен Петру Ильичу Чайковскому, который позже принял большое участие в судьбе молодого музыканта. Большие успехи Сергея Васильевича по классу фортепиано и по специальной теории с каждым годом всё ярче выделяли его среди учеников консерватории.

В 1888 году Рахманинов продолжил обучение на старшем отделении Московской консерватории в классе фортепиано А.И. Зилоти. Спустя год он стал заниматься в классе С.И. Танеева (контрапункт строгого письма) и в классе А.С. Аренского (гармония, канон и фуга, инструментовка и свободное сочинение). Рахманинов закончил консерваторию 29 мая 1892 года с большой золотой медалью как пианист и композитор, его имя было занесено золотыми буквами на мраморную доску в Малом зале консерватории. Дипломной работой молодого композитора стала одноактная опера «Алеко» (либретто В.И. Немировича-Данченко по поэме А.С. Пушкина «Цыганы»). Первая постановка этой оперы состоялась в Большом театре 27 апреля 1893 года, а 18 октября того же года в Киеве, где композитор впервые встал за дирижёрский пульт. К этому времени композито-

© Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2012

ром были написаны: симфоническая поэма «Князь Ростислав», Первый концерт для фортепиано с оркестром ор. 1, ряд романсов ор. 4, пьесы-фантазии для фортепиано ор. 3.

Сезон 1882–1893 годов стал началом артистического пути Рахманинова. Он выступал в Москве, Харькове и многих других городах. Смерть П.И. Чайковского 25 октября 1893 года была большим ударом для Рахманинова. Под влиянием тяжёлой утраты он написал «Элегическое трио» ор. 9, посвятив его памяти Чайковского. С весны 1894 до 1901 года Сергей Васильевич преподавал в Мариинском женском училище, а в 1897 году Рахманинов стал дирижёром Московской русской частной оперы С.И. Мамонтова, где проработал в течение одного сезона, однако успел сделать значительный вклад в развитие русской оперы.

Рахманинов рано приобрёл известность как композитор, пианист и дирижёр. Однако его успешная карьера была прервана 15 марта 1897 года неудачной премьерой Первой симфонии ор. 13. Провал симфонии был обусловлен её некачественным исполнением и, главным образом, новаторской сущностью музыки. По мнению А.В. Оссовского, определённую роль сыграла неопытность во время репетиций А.К. Глазунова как руководителя оркестра. Это событие послужило причиной серьёзной нервной болезни композитора. В течение 1897–1901 годов Рахманинов не мог сочинять, и лишь помощь опытного психиатра, доктора Николая Даля, помогла ему выйти из кризиса. В 1901 году Сергей Васильевич закончил свой Второй фортепианный концерт ор. 18, создание которого ознаменовало выход Рахманинова из кризиса и одновременно вступление в следующий, зрелый период творчества.

В 1902 году Рахманинов женился на своей двоюродной сестре Наталье Александровне Сатиной – дочери Александра Александровича и Варвары Аркадьевны Сатиных, и отправился в свадебную поездку по городам Италии, Швейцарии и Германии. Осенью этого же года Сергей Васильевич стал преподавать в Екатерининском женском институте. 14 марта 1903 года в семье Рахманиновых родилась дочь Ирина, а 21 июня 1907 года – Татьяна.

В 1904 году Сергею Васильевичу была присуждена Глинкинская премия за Второй концерт для фортепиано с оркестром. В этом же году Рахманинов завершил работу над партитурами опер «Скупой рыцарь» ор. 24 по Пушкину и «Франческа да Римини» ор. 25 на либретто М.П. Чайковского по 5-ой песне «Ада» из «Божественной комедии» Данте. Обе оперы были исполнены в 1906 году в Большом театре под управлением автора. С 1904 года Рахманинов два сезона проработал в Большом театре в качестве главного дирижёра. За это время им были осуществлены постановки опер Даргомыжского, Чайковского, Бородина, Мусоргского, а к столетию М.И. Глинки – опера «Иван Сусанин». Рахманиновские работы получили самую высокую оценку и на многие годы остались образцовыми спектаклями прославленного театра.

С 1906 года С.В. Рахманинов с семьёй поселился в Дрездене. Зиму они жили в Германии, а весну и лето проводили в усадьбе «Ивановка» Тамбовской губернии. В этом же году ему была присуждена ещё одна Глинкинская премия за кантату «Весна». Из дрезденского периода композиторского творчества Рахманинова можно выделить симфоническую поэму «Остров мёртвых» ор. 29 (1909 год), которая была написана под впечатлением от одноимённой картины швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина. Художественная целостность поэмы делает её по-своему совершенным творением композитора. Творческая зрелость Рахманинова достигает расцвета, слава и всеобщее признание сопутствуют ему.

С 1911 до 1917 год С.В. Рахманинов с семьёй проживал в Москве на Воздвиженке. Интенсивность концертных выступлений Сергея Васильевича в этот период была очень велика, он всё больше проявлял себя как универсальный исполнитель – пианист и дирижёр. Рахманинов-пианист концертировал по городам России: в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Курске, Орле, Риге, Харькове, а также за рубежом – в Германии и Нидерландах. В Великобритании под управлением автора впервые прозвучала его поэма «Колокола» ор. 35.

Богато и разнообразно представлены в творчестве композитора 1900–1910-х годов малые формы: романсы (в том числе знаменитые «Сирень» на слова Е.А. Бекетовой, «Здесь хорошо» на слова Г. Галиной и многие другие), пьесы для фортепиано (2 тетради прелюдий, 1903 год, 1910 год). В эти годы Сергей Васильевич вёл активную дирижёрскую деятельность в Мариинском оперном театре.

Поначалу радостно встреченная Февральская революция всё отчетливее стала вызывать у Рахманинова тревогу. После Октября конец старой России стал для него очевиден. В итоге Сергей Васильевич воспользовался приглашением из Швеции и в декабре 1917 года выехал с семьёй в Стокгольм, до конца сезона он выступил в одиннадцати симфонических и камерных концертах. Его выступления в качестве пианиста закрепили за ним славу одного из лучших пианистов современности.

1 ноября 1918 года Рахманиновы переехали в США. Тоска по Родине, активная концертная деятельность Рахманинова как пианиста и дирижёра прервали его композиторское творчество, и лишь в 1926 году он вернулся к композиторской деятельности. В течение года им были написаны Четвёртый концерт для фортепиано с оркестром ор. 40 и «Три русские песни» для хора с оркестром ор. 41. В 1930 году С.В. Рахманинов приобрёл участок земли в Швейцарии, недалеко от города Люцерна. С вес-

ны 1934 года Рахманиновы прочно обосновывались на своей вилле «Сенар», которая напоминала композитору о его любимой усадьбе «Ивановка». На этой вилле Сергей Васильевич прожил творчески плодотворную пору своей зарубежной жизни, однако постоянным местом жительства Рахманиновых всё-таки был Нью-Йорк. В эти годы Сергей Васильевич много гастролировал по Америке, Европе и вскоре был признан одним из величайших пианистов своей эпохи и крупнейшим дирижёром. Усиленная, непрекращающаяся работа Сергея Васильевича стала отражаться на его здоровье, но, несмотря на это, он не прекращал свою концертную деятельность. В 1941 году Сергей Васильевич закончил своё последнее произведение – «Симфонические танцы» ор. 45, которое многими музыкальными деятелями было признано как величайшее его сочинение. В годы Великой Отечественной войны Рахманинов дал в США несколько концертов, весь денежный сбор от которых передал в фонд Красной армии и в Фонд обороны СССР со словами: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу».

Последние годы жизни Рахманинова были омрачены смертельной болезнью – раком лёгких и печени. Однако, несмотря на это, он продолжал концертную деятельность. 12 октября 1942 года, несмотря на плохое самочувствие, Рахманинов начал свой концертный сезон, а 17 февраля 1943 года состоялся его последний концерт, после которого из-за болезни Сергей Васильевич был вынужден прервать своё турне.

Не дожив нескольких дней до своего семидесятилетия, Сергей Васильевич Рахманинов умер в час ночи 28 марта 1943 года в Беверли-Хиллз (штат Калифорния, США) и был похоронен недалеко от Нью-Йорка на русском кладбище в калифорнийском городе Кенсико.

Творчество Рахманинова принято условно делить на три периода: ранний (1889–1897 гг.), зрелый (его иногда делят на два подпериода: 1900–1909 гг. и 1910–1917 гг.) и поздний (1918–1941 гг.).

Первый – ранний период – начинался под знаком позднего романтизма, усвоенного главным образом через стиль П.И. Чайковского (Первый концерт для фортепиано с оркестром ор. 1, ранние пьесы). Однако уже в «Элегическом трио» ре-минор (1893 год) Рахманинов даёт пример смелого творческого синтеза традиций романтизма, композиторов «Могучей кучки», древнерусских церковных песнопений, современной бытовой и цыганской музыки. Это произведение, один из первых в мировой музыке примеров полистилистики, словно символически возвещает преемственность традиции от Чайковского к Рахманинову и вступление русской музыки в новый этап развития. В Первой симфонии ор. 13 (1895 год) принципы стилистического синтеза у Рахманинова были развиты ещё более смело, что и послужило одной из причин её провала на премьере.

Второй – период зрелости – отмечен формированием индивидуального, зрелого стиля, основанного на интонационном багаже знаменного роспева, русской народной песенности и стиля позднего европейского романтизма. Эти черты ярко выражены в знаменитых Втором концерте для фортепиано с оркестром ор. 18 (1901 год), Второй симфонии ор. 27 (1906–1907 годов) и в фортепианных прелюдиях ор. 23 (1902 год). Однако, начиная с симфонической поэмы «Остров мёртвых» ор. 29 (1909 год), стиль Рахманинова усложняется. Это было вызвано, с одной стороны, обращением к тематике символизма и модерна, а с другой – претворением достижений современной музыки: импрессионизма, неоклассицизма, новых оркестровых, фактурных и гармонических приёмов.

Поздний – зарубежный период творчества – отмечен исключительным своеобразием. Стиль Рахманинова складывается из цельного сплава самых различных, порой противоположных стилистических элементов: традиций русской музыки, древнерусского знаменного роспева, джаза, «ресторанной» эстрады 1930-х годов, виртуозного стиля XIX века и жёсткой токкатности авангарда. В этой разнородности стилистических предпосылок заключён философский смысл – абсурдность, жестокость бытия в современном мире и утрата духовных ценностей. Произведения этого периода отличаются загадочной символикой, смысловой полифонией, глубоким философским подтекстом (например, «Симфонические танцы» ор. 45, 1940 год).

Рахманинов – один из крупнейших музыкантов рубежа XIX–XX веков. Его искусство отличает жизненная правдивость, демократическая направленность, искренность и эмоциональная полнота художественного высказывания. Сергей Васильевич следовал лучшим традициям музыкальной классики, прежде всего русской. Обострённо-лирическое ощущение эпохи, грандиозных социальных потрясений связано у Рахманинова с воплощением образов Родины, он был проникновенным певцом русской природы. В его сочинениях тесно сосуществуют страстные порывы непримиримого протеста и тихоупоённое созерцание, трепетная насторожённость и волевая решимость, мрачный трагизм и восторженная гимничность. Музыка Рахманинова обладает неистощимым мелодическим и подголосочно-полифоническим богатством, одним из характерных элементов рахманиновского стиля является неповторимый своеобразно упругий и энергичный ритм, служащий одновременно и сдерживающим началом в его музыке, и средством динамизации музыкального развития. Своеобразие му-

зыки Сергея Васильевича, прежде всего, в её особой экспрессивной заострённости, тонкости лиричности чувства, силе и напряжённости выразительных контрастов. Музыка Рахманинова впитала русские народно-песенные истоки и некоторые особенности древней культовой мелодики, однако он редко прибегал к цитатному использованию фольклорных образцов, связь с народными истоками носит у него общий, индивидуально-опосредствованный характер. Сергей Васильевич обладал особой манерой гармонического письма, был крупным и оригинальным мастером оркестрового колорита.

Одной из самобытных основ музыкального стиля Сергея Васильевича является органичное сочетание широты и свободы мелодического дыхания с ритмической энергией, а также многообразное претворение в произведениях колокольных звучностей. Наиболее ярко любовь к колокольным звучностям проявилась в поэме «Колокола», написанной Рахманиновым в 1913 году на стихи Эдгара По в переводе Константина Бальмонта для солистов, хора и оркестра. По своему стилю это произведение ассоциируется не столько с русскими образцами кантатно-ораториального жанра (П. Чайковский, С. Танеев), сколько с вокально-симфоническими фресками позднего Ф. Листа. Поэма «Колокола» – сочинение с наиболее яркой программностью. Четыре части поэмы – это четыре образа-символа человеческой жизни. Колокола то разливаются серебристым звоном колокольчиков бегущих по заснеженной равнине саней, то звучат «золотым» свадебным звоном, то тревожно гудят набатом во время разыгравшегося пожара, а в финале монотонно отсчитывают погребальные удары. Новаторское, насыщенное небывало новыми хоровыми и оркестровыми приёмами, это произведение оказало огромное влияние на хоровую и симфоническую музыку XX века.

Творческий облик Рахманинова-композитора часто определяют словами «самый русский композитор». В этой краткой характеристике выражены как объективные качества стиля Рахманинова, так и место его наследия в исторической перспективе мировой музыки. Именно творчество Рахманинова выступило тем синтезирующим знаменателем, который объединил и сплавил творческие принципы Московской и Петербургской школ в единый и цельный русский стиль. Творчество Рахманинова стало как продолжением традиций опер М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, симфоний П.И. Чайковского, так и связующим звеном в непрерывной цепи национальных традиций, например, в творчестве С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, Г.В Свиридова, А.Г. Шнитке и др.

Рахманинов обратился к духовной музыке под влиянием крупных авторитетов – ученого-медиевиста, директора Московского Синодального училища С.В. Смоленского и известного композитора и дирижёра Синодального хора А.Д. Кастальского. Многие современные музыковеды называют духовное творчество Рахманинова вершиной Нового направления русской духовной музыки. Его духовно-музыкальное наследие невелико: шестиголосный мотет «Deus meus» (студенческая работа), духовный концерт «В молитвах неусыпающую Богородицу», написанный летом 1893 года на текст кондака Праздника Успения Пресвятой Богородицы, «Литургия св. Иоанна Златоуста» ор. 31 и «Всенощное бдение» ор. 37.

«Литургия св. Иоанна Златоуста» была написана летом 1910 к первой годовщине смерти С.В. Смоленского. В период работы над «Литургией» Рахманинов часто обращался за советом к А.Д. Кастальскому. Несмотря на то что Рахманинов задумывал «Литургию» для исполнения в церкви, она получилась монументальным, самостоятельным, рассчитанным на высокопрофессиональное исполнение концертным произведением, своего рода «хоровой ораторией». Впервые она прозвучала 25 ноября 1910 года в исполнении Синодального хора под управлением выдающегося русского дирижёра Н.М. Данилина. Действительно, музыка «Литургии» далека от «строгой» церковности, многообразна и даже несколько эклектична по стилю. Несмотря на то что некоторые песнопения были вдохновлены непосредственно «Литургией» Чайковского, Рахманинов использовал более экспрессивные красочные хоровые эффекты, которые Чайковский избегал (в пример можно привести «Верую» из «Литургии» Сергея Васильевича). Музыка некоторых песнопений контрастна по настроению, а порой и драматична. Так, в «Господи, спаси благочестивыя… Святый Боже» кажется, что толпа верующих в едином порыве простирает руки в отчаянной мольбе к Господу. Песнопения «Верую» и «Отче наш» («Отче наш» написан для двухорного состава), с его напряжёнными хроматическими гармониями и патетическими оборотами мелодии, напоминают об оперных эпизодах Рахманинова и музыку Мусоргского и Бородина. В песнопении «Благослови, душе моя, Господа» использован эффектный приём, аналогичный тому, на котором основано знаменитое «Верую» из второй «Литургии» Гречанинова: псалмодирование альта на фоне выдержанных аккордов хора. Хотя влияние знаменного роспева ясно ощутимо на всём протяжении «Литургии», к использованию старинных подлинных мелодий в этом произведении Рахманинов не прибегает. Порой же мелодический склад и манера хорового изложения даже напоминают о русской народной песне, например, в песнопении «Во Царствии Твоем». Песнопение «Иже Херувимы» замечательно передаёт истинно молитвенные настроения – тихую робкую мольбу, нежную растроганность, душевное умиротворение и покой, мелодия, словно спускаясь с не-

бес, тихо нисходит по всем хоровым голосам. «Тебе поем» звучит тихо, в этом «молчаливом» пении совершается в церкви и святое причастие. Затем, словно чудо, – благая весть, еле слышно начинает звучать Причастный стих «Хвалите Господа с небес». Кажется, слышен праздничный перезвон колоколов, сначала как будто слабо доносящийся с высоты, а затем достигающий мощного звучания и наполняющий собой пространство огромного храма. Вследствие запрета церковных властей, а потом советского государства, «Литургия» при жизни её автора так и не прозвучала целиком в храме. Лишь 4 февраля 1987 года она была исполнена под церковными сводами. Московский камерный хор под управлением Владимира Минина спел её на родине Рахманинова в новгородском Софийском соборе. Дав новую жизнь одному из шедевров русской хоровой музыки, замечательный коллектив по сей день остаётся её лучшим интерпретатором.

Высочайшей вершиной духовного творчества Рахманинова стало «Всенощное бдение», написанное в 1915 году и посвящённое памяти С.В. Смоленского. «Всенощное бдение» – это композиция из 15 песнопений. Мелодической основой десяти, согласно законам православной церкви, являются подлинные образцы знаменного и других старинных церковных роспевов (греческого, киевского), пять номеров (1, 3, 6, 10, 11) написаны композитором на собственные темы.

В партитуре «Всенощного бдения» ясно выступает главный музыкально-исторический стилевой слой – это древнерусская монодия. Кроме того, в ней отражены отдельные черты многоголосной хоровой культуры XVII–XVIII веков: это фактурные особенности хорового концерта a cappella партесного и классицистского. Во «Всенощной» Рахманинов часто использует противопоставление небольших хоровых групп или партий (solo) всей хоровой массе (tutti), антифонное чередование различных однородных или смешанных тембров. Сравнительно редко в рахманиновской партитуре встречается сплошное аккордовое четырёхголосие, зато исключительно развиты в ней связи с народной песенностью: подголосочно-полифонический склад фактуры, контрастная полифония, одновременное сочетание разных мелодий. Композитор редко использует в ней имитационные приёмы изложения, и вовсе отсутствуют формы фуги, фугато, канона. Рахманинов во «Всенощной» свободно применяет стилистику оперы, оратории и симфонических жанров. Из вышесказанного видно, что «Всенощное бдение» создавалось как произведение, принадлежащее одновременно церковной и светской музыкальной культуре.

«Всенощная» Рахманинова состоит из двух частей – это Великая Вечерня и Утреня. Первая часть начинается строгим и торжественным хоровым призывом «Приидите, поклонимся». Следующее песнопение «Благослови, душе моя, Господа» написан на стихи 103 псалма и передаёт блаженное состояние прародителей человечества в раю. Солирующее меццо-сопрано поэтично повествует о Сотворении мира. Для музыки следующих песнопений «Блажен муж» и «Свете тихий» характерно ощущение мягкого света. «Ныне отпущаеши раба твоего» – песнь ветхозаветного праведника Симеона Богоприимца. Это ариозо для тенора соло с плавно колышущимся «баюкающим» хоровым аккомпанементом – спокойное, полное светлой надежды прощание с жизнью. Для Рахманинова это песнопение было самым любимым, и он хотел, чтобы оно прозвучало на его похоронах. Во второй части цикла музыкальное письмо становится фресковым, композиции укрупняются. «Благословен еси Господи» является своеобразным фрагментом духовной оратории. Он имеет сюжет: женам-мироносицам, пришедшим к месту погребения Иисуса, ангел сообщает о чуде воскрешения из мёртвых. «Шестопсалмие» и «Славословие великое» построены на одной и той же знаменной мелодии, а их хоровое звучание виртуозно воспроизводит колокольный перезвон. В последних трёх номерах: «Днесь Спасения», «Воскрес из гроба» и «Взбранной воеводе» – проходит тема прославления могущества Творца. Будучи глубоко верующим человеком, Сергей Васильевич не только сделал выдающийся вклад в развитие русской духовной музыки, но и в прочих своих произведениях воплотил христианские идеи.

Значение композиторского творчества Рахманинова огромно: он синтезировал различные тенденции русского искусства, различные тематические и стилистические направления и объединил их под одним знаменателем – Русским национальным стилем. Рахманинов обогатил русскую музыку достижениями искусства XX века и был одним из тех, кто вывел национальную традицию на новый этап развития.

Значение исполнительского творчества Рахманинова не менее велико. Феноменальная техника, певучая глубина тона, гибкая и властная ритмика всецело подчинялись в игре Рахманинова высокой одухотворённости и яркой образности выражения. Рахманинов-пианист стал эталоном для многих поколений пианистов разных стран и школ, он утвердил мировой приоритет русской фортепианной школы, отличительными чертами которой являются:

1) глубокая содержательность исполнения;

2) внимание к интонационному богатству музыки;

3) «пение на фортепиано» – имитация средствами фортепиано вокального звучания и вокальной интонации.

Рахманинов-пианист оставил эталонные записи многих произведений мировой музыки, на которых

учатся многие поколения музыкантов. Теми же качествами, которые были характерны для Рахманинова-пианиста, отличалось и его дирижёрское искусство. При внешней сдержанности, скупости жеста он обладал, по признанию современников, гипнотической силой воздействия на музыкантов оркестра и слушателей. Тщательная отделка деталей соединялась в его исполнении с большой внутренней энергией и эмоциональной наполненностью. Избегая всего показного, Рахманинов добивался от оркестра точного выполнения всех своих намерений. Рахманинов был одним из крупнейших оперных и симфонических дирижёров своего времени.

Библиографический список

1. *Алексеев А.Д.* Сергей Рахманинов. Жизнь и творческая деятельность. – М.: Музгиз, 1954. – С. 240.

2. *Брянцева В.Н.* Детство и юность Сергея Рахманинова. 2-е изд. – М., 1973. – С. 135.

3. Воспоминания о Рахманинове / сост. З. Апетян. 5-е изд. – Т. 1, 2. – М.: Музыка, 1988 (т. 1 – с. 525, т. 2 – с. 665).

4. *Ганзбург Г.* Стилевой кризис Рахманинова: сущность и последствия // Музыкальная академия. – 2003. – № 3. – С. 171–173.

5. *Левашёв Е.М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. – М.: Независимый Издательский Центр ТехноИнфо, 1994. – 105 с.

6. *Понизовкин Ю.В.* Рахманинов – пианист, интерпретатор собственных произведений. – М., 1965. – С. 95.

7. *Рахманова М.П.* Новое направление в духовной музыке: исторические тенденции и художественные процессы // История русской музыки. – М., 2004. – Т. 10Б. – С. 392–456.

8. *Соловцов А.А.* Сергей Рахманинов. 2-е изд., доп. – М.: Музыка, 1969. – С. 174.

УДК 008

Васильев Владимир Александрович
кандидат исторических наук
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)
vasilyev_va@mail.ru

КАРТИНА А.А. КОКЕЛЯ «ЧАЙНАЯ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье на основе междисциплинарного исследования творчества А.А. Кокеля раскрываются традиции русской демократической художественной культуры. Талант художника сцены частные, бытовые картины жизни преобразует в глубокое осмысление и обобщение социально-культурных процессов в России в наступившем XX веке.

Ключевые слова: *художник, картина, изобразительное искусство, художественная выставка, академия художеств, культура, творчество.*

Алексей Афанасьевич Кокель (1880–1956), выдающийся живописец, виртуозный рисовальщик, талантливый педагог, – один из знаковых деятелей российской, украинской и советской художественной культуры своего времени. Своей творческой деятельностью он оказал заметное влияние на процессы развития чувашского, русского и украинского изобразительного искусства. С его именем связано развитие российского изобразительного искусства Серебряного века и авангарда. Кокель стал основоположником чувашского профессионального изобразительного искусства. Этот художник способствовал формированию харьковской школы академического рисунка, созданию высшего художественного образования и станковой живописи Украины.

Значение художественной и организационно-педагогической деятельности А.А. Кокеля для взаимодействия чувашской, русской и украинской культур трудно переоценить по причине масштаба самого его творчества, которое таит в себе богатый материал для изучения целой эпохи в российском и советском искусстве.

Творчество мастера, верность высоким нравственно-этическим принципам, приверженность сохранению креативной индивидуальности несли в себе заряд того эстетико-философского «духа искусства», который характерен для талантливых художников. Подтверждением тому является картина «Чайная», созданная мастером в 1912 году и экспонировавшаяся в том же году на традиционной Осенней конкурсной (отчетной) выставке картин в залах Российской Императорской Академии художеств в Петербурге.

Сама выставка вызвала разноречивые отклики в художественной критике, многие из которых были отрицательными. Н. Шебуев в статье «Самая большая несправедливость сезона», опубликованной в 47-ом номере художественно-иллюстрированного еженедельного журнала «Солнце России», отмечает, что «выставка слаба и скучна» [1, с. 12]. «Ужасно скучной» назвал выставку в популярной петербургской газете «Вечернее время» и И.Е. Репин: «Дрябло все как-то и вяло и на самом конкурсе, и в работах учеников мастерских» [2]. Репин выделил на «ужасно скучной» выставке лишь картину

 © Васильев В.А., 2012

А.А. Кокеля: «Вспоминается только <…> с **большой силой** (выделено автором. – *В.В.*) полотно того художника (А. Кокеля), который написал картину "Чайная", в ней есть оригинальность и типичность» [3]. Мастер был знаком с работой еще ранее – в ходе ее завершения. Вот как вспоминает об этом А.А. Кокель: «В Академии Репин уже не работал, но все, что делалось в Академии, его глубоко интересовало, и он специально приезжал из Куоккалы ознакомиться, что готовят молодые художники к отчетной выставке.

В один из своих приездов в мастерские конкурентов И.Е. Репин задержался в моей мастерской, одобряя картину, он сказал: "Ах, мне нравится, успеете ли? А какой будет успех у зрителя – это сказать заранее трудно"» [4].

Газета «Правда» подчеркивает связь между картиной «Чайная» и современностью, а также то, что она отражает происходящие в России глубокие культурные и социальные изменения. Ее корреспондент в статье, озаглавленной «Заметки об искусстве», пишет: «Из ста с лишком художников и скульпторов только двое отметили в искусстве общественные темы и настроения. И из двух только один удачно справился со своей задачей» [5]. Этим одним оказался Кокель. 30 марта 1913 года популярный отечественный еженедельный журнал литературы, политики и современной жизни середины XIX – начала XX века «Нива» черно-белой фоторепродукцией представляет картину «Чайная» своим читателям. Это убедительно подтверждает, что полотно стало заметным событием в культурной жизни России.

В научной литературе сложилось мнение, что тему картины «Чайная», являющейся конкурсной (дипломной) работой А.А. Кокеля, утвердил Д.Н. Кардовский (А.И. Иванов-Ехвет, А.Г. Григорьев) [6]. Нам удалось выявить, что данное положение неверно. А.А. Кокель предлагал остросоциальные и этнокультурные сюжеты из жизни своего народа. В связи с этим он работает над эскизами к картине «Урядник в чувашской деревне», очень похожей по своей критической направленности на сатирические полотна В.Г. Перова. Под впечатлением картины Н.И. Фешина «Черемисская свадьба» делает эскизы к произведению «Чувашская свадьба». Но из множества всех представленных, названных и других эскизов на свободную тему на соискание звания художника был утвержден эскиз «Чайной». И сделал этот выбор П.П. Чистяков [7, с. 24], а сама работа над произведением, которая увенчалась высоким званием лауреата Российской Императорской Академии художеств 1912 года, велась под непосредственным руководством Д.Н. Кардовского. О своем учителе ученик подготовил книгу, которая, к сожалению, не увидела свет. Ее рукопись находится в частной коллекции.

Однако анализ проблемы показывает, что идея будущего произведения принадлежит первому учителю А.А. Кокеля – В.Е. Маковскому. Русское чаепитие за самоваром – частый сюжет картин художников конца XIX – начала XX веков: В.Г. Перова («Чаепитие в Мытищах», 1862), В.М. Васнецова («Чаепитие в трактире», 1874), К.А. Коровина («За чаем», 1888), И.П. Богданова («За расчетом», 1890), В.Н. Бакшеева («Житейская проза», 1892), Н.П. Богданова-Бельского («Именины учительницы», 1910). Эта тема нашла художественное выражение и в творчестве В.Е. Маковского – «Наем прислуги», «Обед», «Письмо», «У Доменика», «Приезд учительницы в деревню», «Утренний чай», «Мальчик и женщина, пьющие чай». Программным в этом ряду стала одна из лучших работ В.Е. Маковского «Вечеринка» (1875), посвященная «новым людям», восставшим на борьбу с царским самодержавием. В ней художник впервые в русской живописи изобразил тайное заседание революционного кружка, обсуждающего за чаепитием мучительные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». По нашему мнению, В.Е. Маковский предложил А.А. Кокелю создать оригинальное полотно под названием «Чайная» на типичном явлении жизни, крупным планом изображающее Россию. В чаепитейном заведении тех лет за самоваром решались бытовые вопросы, совершались крупные сделки, обсуждались новости. Оно было как местом для деловых переговоров, так и местом разгула. Словом, чайная являлась слепком всех сфер жизни русского общества. По мысли В.Е. Маковского, картина А.А. Кокеля должна была развить начатую им тему содействия революционно-демократическому движению. И она, написанная «просто, умно и художественно правдиво» [8], продолжая традиции русской демократической живописи с ее осуждением социальной несправедливости, проповедью гуманизма, стала значительным событием не только в русском, но и в европейском изобразительном искусстве. Подтверждением тому стали международные художественные выставки в Германии и Италии.

1 июня 1913 года в Мюнхене открылась XI-я международная художественная выставка [9]. Устроенная двумя обществами художников «Munchener Kunstlergenossenchaft» и «Munchener Secession», она, по словам И.Е. Репина, «собрала прекрасные вещи со всего света» [10, с.410]. Экспонировались здесь прекрасные картины и из России, созданные художниками И.И. Бродским, А.М. Васнецовым, К.И. Горбатовым, Н.Н. Дубовским, А.В. Маковским, А.О. Никулиным, Ю.И. Репиным, Н.И. Фешиным. В год 300-летия царствующего дома Романовых они должны были раскрыть достижения русского искусства и его роль в европейском и мировом искусстве.

Тот факт, что в этой знаменитой коллекции имелась и картина «Чайная» кисти только что блестяще окончившего Петербургскую Академию художеств А.А. Кокеля, не нов. Однако то, что эта работа моло-

дого русского художника оказалась в центре внимания не только тонких ценителей искусства, но и художественной критики Германии стало известно недавно в результате исследований автора данной статьи.

Первым высокую профессиональную оценку произведению никому доселе не известного художника дает хорошо известное в Европе берлинское издательство «Rich. Bong». Его глава лично обращается с письмом к А.А. Кокелю в Петербург. Он просит разрешить опубликовать в иллюстрированном журнале с приложением по искусству «Moderne Kunst» черно-белую или цветную репродукцию **прекрасной** (выделено автором. – *В.В.*) картины «Чайная», а также предоставить право напечатать ее в книге по современному искусству [11, с. 7].

Вскоре к одной из жемчужин русской коллекции проявил большой интерес популярный молодежный журнал «Jugend». Его главный редактор 14 июня в письме к художнику пишет: «Мы с огромным интересом ознакомились с вашей **великолепной** (выделено автором. – *В.В.*) картиной "Чайная" на международной выставке, и для нас было бы честью опубликовать художественную репродукцию этого произведения в журнале "Jugend".

В случае вашего согласия, соблаговолите дать нам ваше любезное разрешение и сделать фотографию с оригинала.

Заранее благодарны за ваше любезное согласие, с уважением, ваш Журнал "Jugend"» (Перевод с фр. И.В. Христофоровой).

Большой успех, который имела картина «Чайная» у западноевропейских зрителей, подтверждает и послание одного из самых авторитетных искусствоведческих изданий Европы – журнала «Die Kunst fur alle» от 2 июля 1913 г. В нем говорилось:

«Господин А. Кокель Санкт-Петербург

Мы намереваемся опубликовать в нашем журнале иллюстрированную статью о современном русском искусстве. Благодаря нынешней экспозиции русской коллекции в хрустальном дворце у нас была возможность сфотографировать некоторые русские произведения для этой статьи. Мы бы очень хотели сделать репродукцию вашей картины "Чайная". Не соблаговолите ли вы дать нам разрешение на эту репродукцию в нашей статье о русском искусстве, переслав нам прилагаемую карточку с вашей подписью?

Благодарим вас заранее и высылаем вам номер нашего журнала, который является наиболее читаемым журналом по искусству в Германии <…>» [12, с. 9]. (Перевод с фр. И.В. Христофоровой).

К сожалению, художник получил эти письма только после возвращения из Италии, и они остались без ответа. По этой же причине названные выше издания так и не смогли опубликовать художественные репродукции «великолепной картины "Чайная"» и многочисленные почитатели русской художественной школы не увидели ее даже в иллюстрациях. Возможно, исправить этот пробел удастся в начале XXI века, вновь представив ее на одной из художественных выставок в Мюнхене.

В 1914 г. в Венеции состоялась XI Международная выставка искусств, на которой экспонировались полотна русских художников Л.С. Бакста, Л.М. Браиловского, М.В. Добужинского, Н.Д. Кузнецова, Б.М. Кустодиева, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Н.К. Рериха, М.А. Врубеля, А.А. Кокеля и др. [13]. Картина А.А. Кокеля «Чайная» в Италии пользовалась таким же большим успехом, как в Петербурге и Мюнхене.

Неизвестный русский художник с нерусской фамилией «Кокель» внес некоторую интригу в жизнь петербургской элиты. Ее разгадку начали искать в аристократических корнях немецких баронов von Kokel auf Grosskokelburg in Sibenburg – Большом Кокельском комитете в Седьмиградии, а ярким мастером оказался… выходец из крестьян, к тому же чуваш. Иными словами, деревенский художник-самоучка, выполнявший заказы крестьян на писание икон и картин религиозного содержания, А.А. Кокель смог вырасти в художника, которого критика ставила в ряд лучших представителей русской художественной школы.

Картина «Чайная» хорошо раскрывает влияние этнокультуры на проявление национально-специфического в художественном сознании художника. Так, в изобразительном языке произведения находим идущую из глубины веков цветовую аранжировку чувашской культуры. В видении мира чувашами преобладает красный цвет – начало жизни, а также черный, представляющий чернозем. Большое значение имеет и желтый цвет, символизирующий солнце, торжество света и добра. Это цветовосприятие мира А.А. Кокель органично соединяет с цветовосприятиями мира других культур и новаторскими поисками разнообразных художественных стилей начала XX века, результатом чего станет неповторимое кокелевское творчество. Проявляется «это и в экспрессии живописных пятен, и цветовом строе эскизов к картине «Чайная», которые близки по своей выразительности к работам немецких художников Эмиля Нольде, Макса Пехштейна. Это смелое сочетание и выраженная цветовая экспрессия градаций красного и желтого тонов в передаче социального кризиса, тревожного мироощущения накануне Первой мировой войны самым непосредственным образом "звучат" в дипломной работе. Парадоксальное сочетание стилевых направлений, характерное для начала XX века, находит яркое отражение в "Чайной". В решении глубины пространства композиции заметно влияние мастеров эпохи Возрождения» [14, с. 111].

Дипломные работы выпускников Академии художеств, окончивших с медалью или отличием

и удостоенных заграничной поездки, приобретались для музея alma mater. Здесь находились и конкурсные работы учителей А.А. Кокеля – «Воскрешение дочери Иаира» И.Е. Репина и «Самсон и Далила» Д.Н. Кардовского, удостоенные золотых медалей. Рядом с ними достойное место заняла и картина их ученика А.А. Кокеля. Однако в конце 20-х годов прошлого столетия многие шедевры из этой сокровищницы русской и мировой культуры были переданы в провинциальные музеи. В их числе – и творение А.А. Кокеля: его картина «Чайная» была отправлена в музей г. Саратова. Знал ли об этом художник?

Да, знал. Как вспоминает его ученик, заслуженный деятель искусств Украинской ССР, профессор Л.И. Чернов, в 1934 году, когда он уезжал из Харькова в Саратов для поступления в художественное училище имени А.А. Радищева, Алексей Афанасьевич просил его поинтересоваться своим детищем [15, с. 26]. А.А. Кокель хотел передать картину чувашскому народу. Однако ее там уже не было: из Саратова она была отправлена в г. Вольск.

На наш запрос об истории картины «Чайная», сделанный в октябре 2006 года, директор Вольского краеведческого музея Л.А. Леончик 6 декабря того же года ответила, что она «поступила в музей в начале 30-х годов XX века из Саратовского государственного краеведческого музея имени А.Н. Радищева (акты передачи не сохранились). В 1979 году картина находилась на выставке в Чувашском государственном музее в Чебоксарах. После выставки была обменяна на картину К.С. Петрова-Водкина “У окна”» [16].

Так, в 1980 году, когда в Чувашии и Украине широко отмечалось столетие со дня рождения А.А. Кокеля, она по праву перешла чувашскому народу и является жемчужиной в прекрасной его сокровищнице – Чувашском государственном художественном музее.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод: А.А. Кокель в своем произведении дает картину жизни, но не просто копию с нее, а преображенную в новую художественную реальность, отчего явления, заинтересовавшие автора и освещенные светом его таланта, предстают перед нами особо зримыми и перерастают из сцены частной, бытовой в глубокое осмысление и обобщение социально-культурных процессов в России в наступившем XX веке.

Библиографический список

1. *Шебуев Н.* Самая большая несправедливость сезона // Солнце России. – СПб., 1912. – Ноябрь. – № 146 (47).

2. *Репин И.Е.* О выставке конкурентов // Вечернее время. – СПб., 1912. – 15 ноября. –№ 303.

3. *Репин И.Е.* О выставке конкурентов // Вечернее время. – СПб.,1912. – 15 ноября. – № 303.

4. Харьковский исторический музей; Автобиография Кокеля Алексея Афанасьевича, художника, проф.[ессора] живописи Харьковского художественного института. Завершена 2 февраля 1950 г.

5. *С–в А.* Заметки об искусстве // Правда. – СПб., 1913. – № 5.

6. *Григорьев А.Г.* Выдающийся художник и педагог // А.Г. Григорьев. Воспоминания современников и учеников. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. – 72 с.; *Иванов–Ехвет А.И.* По следам находок. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1977. – 112 с.

7. Отчет о деятельности Императорской Академии художеств за 1910 год. – СПб.: Типография Сириус, 1912.

8. *С–в А.* Заметки об искусстве // Правда. – СПб., 1913. – № 5.

9. Illustrierter Katalog der XI internationalen Kunstausstellung im Kgl. Glastpalast zu Munchen. – Munchen, 1913.

10. *Репин И.Е.* Далекое и близкое. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. – 510 с.

11. Государственный архив Харьковской области (ГА ХО). – Ф. 5793, оп. 2, д. 3, л. 7.

12. Государственный архив Харьковской области (ГА ХО). – Ф. 5793, оп. 2, д. 3, л. 9.

13. XI Esposizione Internationale d Arte della Gitta di Venezia. 1914: Gatalogo illustrato. – Venezia, 1914.

14. *Исаев Г.Г.* К вопросу о стилистике и сюжете «Чайной» // Великий мастер. Портрет сквозь призму времени: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения выдающегося художника, педагога и общественного деятеля Алексея Афанасьевича Кокеля [Составитель В.А. Васильев]. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 117–125.

15. *Чернов Л.И.* Мягкий, человечный, требовательный // А.Г. Григорьев. Воспоминания современников и учеников. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. – С. 24–27.

16. Личный архив В.А. Васильева.

УДК 008

Дзюбан Валерий Валерьевич
кандидат педагогических наук
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАЧЕСТВА БРЯНЩИНЫ

В статье рассматриваются государственные акты Российской Федерации, направленные на возрождение и улучшение уровня социально-экономического развития казачества; описывается уровень развития казачества на территории Брянщины, что дает представление о государственной политике в отношении казачества в целом.

Ключевые слова: *казачество, законодательство, нормативно-правовые акты, концепции государственной политики, социально-экономическое положение.*

В последние годы существенное изменение претерпела государственная политика Российской Федерации в отношении российского казачества. Казаки активно содействуют решению вопросов местного значения, исходя из интересов населения и учитывая исторические и местные традиции. На федеральном и региональном уровнях были приняты нормативные правовые акты, создавшие социальные, экономические и организационные предпосылки становления и развития государственной службы российского казачества. Многие общественные объединения российского казачества выразили желание войти в состав казачьих обществ в целях несения государственной и иной службы. Опыт российского казачества по организации военно-патриотического воспитания молодежи, возрождению его духовных и культурных традиций востребован органами государственной власти и органами местного самоуправления. Начиная с 1991 года, в отношении российского казачества было принято около 60 законодательных и нормативно-правовых актов.

16 июля 1992 года Верховный Совет Российской Федерации принял Постановление «О реабилитации казачества», в преамбуле которого говорится: «Исходя из требований Закона РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”, в целях полной реабилитации казачества и создания необходимых условий для его возрождения как исторически сложившейся культурно-этнической общности Верховный Совет Российской Федерации постановляет: “Отменить как незаконные все акты в отношении казачества, принятые начиная с 1918 года, в части, касающейся применения к нему репрессивных мер”».

Постановление признавало за казачеством права на возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства и общепринятых прав человека; установление общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных для казачества формах; возрождение традиционных для казачества форм землевладения, землепользования и распоряжения землей, несения воинской службы в частях Вооруженных сил и пограничных войск Российской Федерации; восстановление традиционных наименований населенных пунктов и местностей; создание общественных казачьих объединений с исторически сложившимися названиями, в том числе землячеств, союзов и других, их регистрацию и деятельность.

При этом отмечалось, что положения данного постановления не должны ущемлять права каких-либо других групп населения и отдельных граждан и не означают наделение казачества какими-либо привилегиями, которые могут толковаться как сословные.

В 1994 году был создан Совет по делам казачества при президенте Российской Федерации (упразднен в 1997 году, в 2009 году воссоздан). Совет по делам казачества является совещательным и консультативным органом при президенте Российской Федерации, образованным в целях содействия реализации государственной политики в отношении российского казачества. В состав Совета могут входить представители администрации президента Российской Федерации, правительства Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, казачьих обществ, общественных объединений казачества, иных общественных объединений, научных организаций. В составе Совета создано 10 профильных комиссий и 7 окружных, а также экспертно-консультативная комиссия и рабочая группа по геральдическим вопросам.

В 1995 году были разработаны правовые основы государственной службы казачества, а уже в 1996 году первое казачье войско – Волжское – приняло на себя обязательства по несению государственной службы.

Виды службы, к которой привлекаются члены казачьих обществ, и порядок привлечения их к службе определены Федеральным законом Российской Федерации от 5 декабря 2005 года № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», в соответствии с которым российское казачество

© Дзюбан В.В., 2012

проходит военную службу в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах в соответствии с федеральным законодательством. Для прохождения военной службы российское казачество направляется, как правило, в соединения и воинские части Вооруженных сил Российской Федерации, которым присвоены традиционные казачьи наименования, во Внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации, в пограничные органы [3, с. 189–228].

Российское казачество в установленном порядке: 1) оказывает содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневойсковую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе; 2) принимает участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях; 3) принимает участие в охране общественного порядка, обеспечении экологической и пожарной безопасности, охране государственной границы Российской Федерации, борьбе с терроризмом; 4) осуществляет иную деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с органами военного управления, органами исполнительной власти в соответствии с законодательством Российской Федерации.

3 июля 2008 года Президентом Российской Федерации была принята Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, в которой говорится, что целями государственной политики Российской Федерации в отношении казачества являются: становление и развитие государственной и иной службы российского казачества; возрождение и развитие духовно-культурных основ российского казачества, семейных традиций, осуществление патриотического воспитания казачьей молодежи.

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи: создание финансовых, правовых, методических, информационных и организационных механизмов привлечения российского казачества к несению государственной и иной службы; создание условий для широкого привлечения российского казачества к реализации государственных и муниципальных программ и проектов; обеспечение участия российского казачества в возрождении принципов общегражданского патриотизма, верного служения Отечеству на основе традиций российского казачества; содействие участию российского казачества в развитии агропромышленного комплекса и сельских территорий в местах компактного проживания казачества; развитие в казачьих обществах физической культуры и массового спорта, способствующих ориентации казачьей молодежи на здоровый образ жизни; развитие внутреннего туризма, направленного на приобщение к культурным и духовным ценностям российского казачества; содействие сохранению и развитию самобытной культуры российского казачества, образа жизни, традиций и духовных ценностей казаков; сохранение исторических, культурных и духовных традиций российского казачества в воспитательном и образовательном процессе; укрепление международных связей с казачеством за рубежом в рамках государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, содействие возвращению на историческую Родину реликвий российского казачества [1, с. 2–6].

Согласно Концепции приоритетами государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества являются:

– привлечение членов казачьих обществ к выполнению обязанностей государственной и иной службы;

– обеспечение условий и формирование стимулов для участия российского казачества в реализации государственных и муниципальных программ в области государственной и иной службы, образования и воспитания подрастающего поколения, устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельских территорий в местах компактного проживания казачества и развития местного самоуправления;

– совершенствование правовых, организационных и экономических основ государственной и иной службы российского казачества.

Реализация государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется: федеральными органами государственной власти; органами государственной власти субъектов Российской Федерации; органами местного самоуправления муниципальных образований.

Реализация государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества предполагает: объединение усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления и казачьих обществ, направленных на выработку единых подходов к формированию государственной политики Российской Федерации с целью сохранения социально-экономического, культурного и духовного потенциала российского казачества; совершенствование нормативной правовой базы становления и развития государственной и иной службы российского казачества; совершенствование разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления с учетом законных интересов и потенциала

российского казачества; координацию действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленных на оказание содействия казачьим обществам в организации и обеспечении исполнения членами казачьих обществ принятых на себя обязательств по несению государственной и иной службы; разработку программ и мероприятий по поддержке российского казачества, становлению и развитию государственной и иной службы российского казачества; информационную открытость деятельности органов государственной власти в отношении российского казачества; мониторинг и анализ эффективности выполнения обязательств по несению государственной и иной службы членами казачьих обществ [1, с. 4].

Реализация государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества осуществляется поэтапно.

9 февраля 2010 года Президент России Дмитрий Медведев утвердил удостоверение, форму одежды и чины казаков, а также герб и знамена войсковых казачьих обществ. Глава государства подписал Указы «Об удостоверении казака, выдаваемом членам казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в РФ», «Об учреждении гербов и знамен войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ РФ», «О чинах членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в РФ», «О форме одежды и знаках различия по чинам членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в РФ».

Сегодня российское казачество – это граждане Российской Федерации, относящие себя к казакам (прямые потомки казаков, а также граждане, изъявившие желание быть членами казачьих обществ). Казачьи общества и общественные объединения российского казачества созданы на территории более 70 субъектов Российской Федерации. По предварительным оценкам, российское казачество насчитывает около 7 млн. человек.

Районы компактного проживания казаков существуют и сегодня на территориях республики Северная Осетия – Алания, Краснодарского, Ставропольского, Хабаровского краев, Ростовской, Волгоградской, Оренбургской, Омской, Самарской, Челябинской областей, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и ряде других регионов России. В России 10 реестровых войсковых казачьих обществ (казачьих войск): Всевеликое войско Донское, Кубанское, Терское, Волжское, Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Уссурийское. Самыми крупными из них являются Всевеликое войско Донское (старейшее в России), Кубанское казачье войско, Сибирское казачье войско.

Недавно появилось 11-е войско – Центральное, которое прошло регистрацию в Минюсте. В России действуют 24 казачьих кадетских корпуса, более тысячи казачьих классов в общеобразовательных учреждениях, в которых учатся более 40 тысяч воспитанников.

Кроме того, в стране существуют 150 военно-патриотических и военно-спортивных клубов и более 500 казачьих фольклорных ансамблей. Ежегодно в масштабе страны проводятся мероприятия, связанные с военно-патриотическим воспитанием казачьей молодежи.

В настоящее время на территории Брянщины осуществляют свою деятельность два крупнейших казачьих формирования, представляющие Казачьи войска, уставы которых утверждены Указами Президента Российской Федерации.

Постановлением администрации области № 485 от 22 мая 2009 г. создана рабочая группа Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в Брянской области, утверждены Положение о рабочей группе и ее состав. Группу возглавляет заместитель Губернатора области А. Теребунов. Основные направления деятельности рабочей группы определяются действующим федеральным законодательством. Это, прежде всего, Закон Российской Федерации «О государственной службе Российского казачества» и Концепция государственной политики в отношении российского казачества, утвержденная 2 июля 2008 г. Президентом России Д. Медведевым.

Также на Брянщине действует Соглашение о сотрудничестве между Брянским региональным отделением всероссийской политической партии «Единая Россия» и Брянской региональной общественной организацией «Брянский (Северский) казачий круг». Соглашение предполагает сотрудничество в различных направлениях, среди которых патриотическое воспитание молодежи, забота о ветеранах, благотворительность, участие в общественных мероприятиях. Помимо этого отчет атамана Брянского (Северского) казачьего круга показал, что эта общественная организация способна на более значимые дела. Например, казачество всегда стояло на защите российских рубежей. И, как предлагают брянские казаки, их участие в патрулировании юго-западных границ области может стать хорошим подспорьем и пограничникам, и таможенникам [2, с. 3–5].

В дополнение к законам и соглашениям 22 сентября 2008 года в Стародубе состоялось торжественное открытие государственного образовательного учреждения кадетской школы-интерната «Стародубский кадетский казачий корпус имени Героя Советского Союза А.И. Тарасенко». В казачьем кадетском корпусе обучаются и мальчики, и девочки. Все они получают образование в рамках общей школьной программы, плюс к этому изучают военные дисциплины и военный устав.

Таким образом, можно сделать вывод, что, помимо развития самого Казачества, на Брянщине делается упор на развитие казачьей молодежи. С этим связано открытие казачьего корпуса в Стародубе, проводится работа по воспитанию подрастающего поколения и подготовке казачьей молодёжи к службе в армии, проводимая в станице Карачевской. На хорошем уровне ведется работа с казачьей молодёжью в станице Новозыбковской и Унечской, где работают спортивные секции, организуются учебные военно-патриотические сборы по подготовке молодёжи к службе в армии.

Что же касается государственной политики в целом, то она направлена исключительно на содействие казакам и улучшение их социально-экономического положения.

Библиографический список

1. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Президентом РФ 3 июля 2008. – С. 2–6.

2. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», с изменениями от 3 декабря 2008 г., 3 июня 2009. – С. 3–5.

3. Государственные акты Российской Федерации по вопросам казачества 1991–2002 гг. // Донские казаки: Проблемы возрождения и перспективы развития. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 189–228.

УДК 008:001.8

Евтушенко Андрей Григорьевич
Московский государственный университет культуры и искусства
andrew@evtushenko.ru

РАСПОРЯЖЕНИЕ ОСТАНКАМИ: МОГИЛА КАК МЕСТО ПОКЛОНЕНИЯ

Статья раскрывает один из материальных аспектов исторической памяти: распоряжение останками выдающейся личности. Бережное отношение к памяти об умершем или уничтожение всяческих упоминаний о нем – вот два пути, которые выработало человечество. Что ожидает тело героя после смерти?

Ключевые слова: *могила; историческая память, мощи святых, Мавзолей Ленина, Лжедмитрий I, Муамар Каддафи, Генрих Гиммлер, Адольф Гитлер, смертная казнь, паломничество, «Ангарская Атлантида».*

Одним из важных материальных аспектов исторической памяти является сохранение могил выдающихся соотечественников. Сохранение останков у большинства народов мира носит сакральный смысл, то есть создает, восстанавливает или подчеркивает связь человека с потусторонним миром, с вечностью, куда отошел умерший.

Традиция бережного отношения к умершим уходит своими корнями в древность. Древние египтяне с особым почетом хоронили фараонов, создавая гробницы, уцелевшие до наших дней. Древние евреи заботливо оберегали все, относящееся к выражению горя по умершим предкам. Считалось унизительным не быть погребенным в могиле своих отцов [3, гл. 13:22]. Иудейский царь Ахаз по смерти своей был похоронен в Иерусалиме, «но не внесли его в гробницы царей Израилевых» [2, гл. 28:27], что считалось и унижением его сана царского, и позорным клеймом для всего народа, потому что «он развратил Иудею и тяжко грешил пред Господом» [2, гл. 28:19].

Тема бережного отношения к умершим явственно прослеживается в устном народном творчестве разных народов. Вот начало популярного сюжета в мировом фольклоре – «Кто будет охранять могилу отца?», в русском варианте более известного как сказка про Сивку-бурку:

«Жили три брата. Отец их был тяжело болен. Пришла старику пора умирать, собрались возле его постели сыновья и спросили: не скажет ли он им что-либо на прощанье, не даст ли им свой родительский наказ? “Если вы захотите почтить мою память, – ответил им отец, – то после похорон пусть три ночи подряд каждый из вас по очереди охраняет мою могилу”» [16].

В другом варианте из слов умирающего отца (в этом варианте это уже царь) можно узнать, для чего нужно стеречь тело на кладбище: «чтобы мои многочисленные враги не надругались над ним» [15].

А вот строки из незаконченного стихотворения А.С. Пушкина (1830):

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам [7, т. 3, с. 176],

где под «любовью к родному пепелищу» подразумевается привязанность к родному дому, а под «любовью к отеческим гробам» – верность памяти предков.

Для понимания значения умершего для общества наиболее важны религиозный и политический контексты, в рамках которых существовал герой. Бережное отношение к умершим, особенно это касается выдающихся личностей, национальных героев, религиозных подвижников, принимает различные формы:

1) тело **погребают** в привычном для мирского понимания порядке;

© Евтушенко А.Г., 2012

2) **долго не хоронят**: коронованных особ в XVIII веке хоронили через 40 дней после смерти. Это было необходимо, чтобы народ успел проститься с царем. Так, Петр I, умерший 28 января 1725 года, был похоронен только 10 марта (даты приведены по старому стилю). Это не выходило за рамки традиций XVIII века в отношении коронованных особ. В XIX веке это правило не соблюдалось [13];

3) **вообще не хоронят**, сохраняя его видимую целостность. Основатель социалистического государства Владимир Ильич Ульянов (Ленин) умер 21 января 1924 года. Тело его было забальзамировано и помещено в специально построенный на Красной площади Мавзолей. Долгие годы Советской власти тело Ленина являлось святилищем правящей коммунистической партии. Возле Мавзолея проводились самые значительные идеологические мероприятия Советского Союза. После демократической революции 1991 года стали раздаваться призывы к перезахоронению останков. Были даже кощунственные по любым меркам, православным и атеистическим, предложения. Так, шоумен Стас Намин, лидер популярной группы «Цветы», предлагал устроить мировое турне с трупом Ленина и гарантировал доходы от этого мероприятия, превышающие 1 млн. долларов. В январе 2011 года партия «Единая Россия» запустила сайт «goodbyelenin.ru» с голосованием по захоронению тела Ленина. Среди аргументов за захоронение инициатором кампании депутатом Мединским высказывалось то, что сохранение забальзамированной мумии Ленина на Красной площади противоречит религиозным, нравственным и христианским ценностям. По состоянию на вечер 13 ноября 2011 года за захоронение высказалось 66,75% пользователей, против – 33,25%, при общем количестве 337293 проголосовавших [12];

4) **разделяют на частицы** для религиозного поклонения верующими. Речь идет о мощах святых. Мощи почитаются с нравственно-назидательными и литургическими целями. Мощи нетленны и могут творить чудеса, главным образом исцелять от болезней. Разделение мощей изначально было вызвано необходимостью их положения в новые храмы для совершения на них литургии: церквей становилось все больше, и мощей явно не хватало. Сегодня мощи, например, святого благоверного князя Александра Невского находятся в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга, маленькая частичка мощей – в храме Александра Невского в городе Софии в Болгарии и мизинец – в Успенском соборе Владимира.

Если необходимо вытравить из памяти народа какое-то событие, то уничтожают человека и любые упоминания о географическом наименовании места, где происходили события, в политических целях требующие забвения. Река Яик была переименована в реку Урал в 1775 году по указу Екатерины II после подавления Крестьянской войны под предводительством Пугачева, в которой активное участие принимали яицкие казаки.

Существует оригинальная теория российских ученых А. Фоменко и Г. Носовского, которые приводят интересные аргументы того, что Великий Новгород – это не средневековый город на задворках России, а могучее Владимиро-Суздальское княжество с центром в Ярославле. Когда же потребовалось уничтожить память о периоде могущественного правления русичей, то по заказу западных идеологов именование Великий Новгород присвоили третьестепенному городку на Северо-Западе Руси.

Тело умершего человека, пытавшегося, но не смогшего изменить ход истории, как правило, уничтожают либо хоронят тайно, не давая возможности создавать места для поклонения. Стрелявшую в Ленина эсерку Фанни Каплан сожгли в металлической бочке в Александровском саду [14]. Нет могилы Степана Разина, Емельяна Пугачева, Верховного правителя России адмирала Александра Колчака. Последний был расстрелян большевиками 7 февраля 1920 года, а тело спущено в Ангару. Таких примеров можно приводить множество, представлены они и в художественной литературе. Отступник Андрий в «Тарасе Бульбе» умирает один, одинокий, и даже труп его остается брошен на растерзание птицам [4, т. 2, с. 298].

Тела убитых в 1606 году царя Лжедмитрия I и его сподвижника Петра Басманова решено было подвергнуть «торговой казни». В течение первого дня они лежали в грязи посреди рынка. На второй день с рынка был принесён стол или прилавок, на него положили тело Дмитрия. На грудь ему бросили маску, одну из тех, которые сам царь готовил для придворного карнавала, в рот воткнули дудку; под стол бросили труп Басманова. Три дня длились надругательства москвичей над телом – его посыпали песком, мазали дегтем и «всякой мерзостью» [8, с. 362]. После чего тело Дмитрия предали земле на кладбище для упившихся или замерзших, за Серпуховскими воротами, потом выкопали, сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел – в сторону Польши [5, с. 214].

После этого события минуло 400 лет. Но стали ли победители добрее и снисходительнее к своим жертвам? 20 октября 2011 года глава Ливийской джамахирии полковник Муамар Каддафи, правивший Ливией 42 года, был убит разъяренной толпой. Последние минуты жизни Каддафи фактически превратились для него в пытку. Недавние подданные ливийского лидера оголтело линчевали схваченного ими правителя и издевались над ним, да еще и сексуально [11]! Боевики осквернили и уничтожили могилы его родственников на кладбище в его родном городе Сирте. Сам Каддафи был тайно похоронен в Ливийской пустыне, членам семьи не позволили при-

нять участие в погребении и не сообщили о месте, где находится его могила.

А вот еще примеры из современной истории. В 1945 году английская военная полиция, контролировавшая территорию послевоенной Германии, не могла допустить, чтобы могила Генриха Гиммлера, принявшего спрятанную в зубе ампулу с цианистым калием, стала новым святилищем для нацистов. Тело было кремировано, а пепел развеян в лесу близ Люнебурга (Германия).

Недосгоревшие останки Адольфа Гитлера и Евы Браун 5 мая 1945 года были найдены по торчавшему из земли куску одеяла и попали в руки советского СМЕРШа. В феврале 1946 г. останки, идентифицированные следствием как тела Гитлера, Евы Браун, супружеской четы Геббельс – Йозефа, Магды и их шестерых детей, а также двух собак, были захоронены на одной из баз НКВД в Магдебурге. В 1970 году, когда территория этой базы должна была быть передана ГДР, по предложению Ю.В. Андропова, утверждённому Политбюро ЦК КПСС, останки были вырыты, кремированы до пепла и затем выброшены в Эльбу [1, с. 201].

Память обо всех этих людях не должна сохраниться, иначе найдутся рано или поздно последователи и почитатели, которые подхватят идеи покойных и создадут новые проблемы победителям. Поэтому ничего не должно остаться от людей, которые преданы забвению. «Даже самоубийцы оставляют после себя записки и письма, чтоб как-то продлиться в сознании тех, кто их прочтет» [6, с. 379], – утверждает литературовед Игорь Золотусский. Об этом также хорошо сказал историк Карамзин: «Могилы бесчувственны, но живые страшатся вечного проклятия их в Истории» [6, с. 151].

В современной Европе до сих пор есть единственная страна, где казнят преступников. Это Белоруссия. Она не хочет ратифицировать протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека, отменившей 26 лет назад смертную казнь в мирное время. Как белорусская система наказаний решает вопрос с телом преступника после казни? Она не отдает его родственникам. О дате казни и месте захоронения родственникам тоже не сообщается. Обычно они узнают об этом, когда в очередной раз приносят передачу, а ее не берут. Мотивация чиновников: нельзя создавать идолов. Места захоронения расстрелянных могут стать фетишем, вокруг которого может концентрироваться опасность. Это не выжимки из оккультной литературы, это слова Олега Алкаева, бывшего белорусского палача (1996–2001 гг.) [9, с. 43–46].

Могила, как место захоронения праха почитаемого лица, может нести обществу целый комплекс этических, религиозных, национальных, политических и даже хозяйственных (!) проблем. В небольшой украинский город Умань во время еврейского Нового года, Рош Ха-Шана, тысячи паломников из разных стран приезжают на могилу раввина Нахмана, основателя Брацлавской ветви хасидизма, похороненного в Умани в 1810 году. Улица Пушкина, где находится могила Нахмана и главная синагога, а также прилегающие к ней переулки и закоулки превращаются в хасидский квартал: торгуют различные еврейские лавочки, работают бесплатные и платные столовые, звучит громкая веселая музыка, кругом танцуют, едят, молятся хасиды. К концу празднества Умань утопает в мусоре, а коммунальные службы не в состоянии контролировать ситуацию. Несмотря на возмущение части местных жителей, которые регулярно проводят митинги протеста, городские власти приветствуют религиозный туризм и выступают против переноса праха раввина в Израиль. В 2011 году Умань приняла около 24 тысяч хасидов [10, с. 11].

Утрата ценных памятью народа останков приравнивается к потерям национального масштаба. Вот почему ученые сегодня так озадачены поиском останков великого художника Караваджо. Это важно для истории, для будущих поколений, тратятся немалые деньги на исследования, в том числе и такие дорогие, как радионуклидный анализ.

В Сибири при строительстве гидроэлектростанции 86 тысяч людей переселили с затапливаемых Братским водохранилищем земель. Могилы их предков остались на дне рукотворного моря. Лишившись их, они лишились опоры, вековой традиции преемственности поколений, памяти об ушедших предках. Для людей это стало подлинно трагическим обстоятельством. В литературе данное событие, которое еще называют «Ангарской Атлантидой», нашло отражение в романе Валентина Распутина «Прощание с Матерой».

Сохранение, уход за могилой, воздание посмертных почестей являются неотъемлемой частью мировой культуры поминовения и существенным фактором исторической памяти. Ни одно посмертное юбилейное событие не обходится без церемоний на могиле выдающейся личности. Главное, чтобы поклонение могилам не было лицемерным, наружным. Местам, где, как считают теперь, умер и погребен Иисус, поклоняются и воздают почести сотни тысяч людей, которые в то же время преступают Закон Божий.

Библиографический список

1. *Безыменский Л.А.* Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. – М.: Международные отношения, 1995.

2. Ветхий Завет. Вторая книга Паралипоменон, гл. 28.

3. Ветхий Завет. Третья книга Царств, гл. 13.

4. *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994.

5. *Гумилев Л.Н.* Смутное время // Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Айрис-Пресс, 2008.

6. *Золотусский И.П.* Гоголь. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мол. гвардия, 1984.

7. *Пушкин А.С.* Соч.: В 3 т. – СПб.: Золотой век, Диамант, 1997.

8. *Скрынников Р.Г.* Конец Лжедмитрия I // Три Лжедмитрия. 2-е изд. – М.: АСТ, 2003.

9. Репортаж «Поиграйте в бога» // Русский репортер. – 2011. – № 25 (203). – 30 июня – 7 июля.

10. Русский репортер. – 2011. – № 39 (217). – 6–13 октября.

11. http://glavred.info/archive/2011/10/26/185315-12.html.

12. http://goodbyelenin.ru/index/results.

13. http://imperator.spbnews.ru/nw/ceremon.html.

14. http://m-necropol.narod.ru/.

15. http://moodrost.ru/upriamstvo/zaveshchanie_caria.html.

16. http://skazochnikonline.ru/index/kto_budet_okhranjat_mogilu_otca/0-2711.

УДК 1 (091)

Кашина Наталия Константиновна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МОЛИТВЕННОЕ СЛОВО В. РОЗАНОВА

Слово «молитва» в творчестве В. Розанова ключевое. Реализуя его онтологическое содержание, писатель находит своеобразные возможности организовать текст, которые предваряют открытия в литературе XX века. Семантический статус приобретают интонация, графика, особая строфика, что обусловлено поисками невербальной стихии в литературе русского модернизма.

Ключевые слова: *молитва, текст, семантическая насыщенность, безмолвие, строфика, интонация, онтологизм.*

А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него

(Матфей 6:7–9).

«Насколько иссякает в нас сокровище веры, настолько мы начинаем тревожиться идеалами, которыми живут другие Церкви, – безбрежным развитием внутреннего чувства и субъективного мышления или заботами о судьбах человечества и его внешнем устроении. Этими заботами мы силимся наполнить пустоту, которая образуется в нашей душе с утратой веры…», – писал В. Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» [5, с. 154]. Для самого же В. Розанова, как истинного сына своего времени, вопрос о подлинной вере был далеко не праздным. Несмотря на все перипетии пути к истинной вере, он целеустремлённо и неотступно двигался к ней.

Сменив философию «понимания» на философию «жизни», В. Розанов и в вере искал не рациональной убедительности, а непосредственного чувства. Единение с Богом наступает, по его мнению, в непосредственном обращении к Нему, в молитве. Если и раньше писатель не раз убеждал и себя, и своих читателей в том, как необходима человеку вера, то после болезни «любимого Друга», Варвары Дмитриевны, вера стала единственным его пристанищем. В этом смысле «Уединённое» есть не что иное, как погружение в религиозность.

«И вовсе я не был постоянно с Б., а она; а я – видя постоянно её с Б. – тоже угвоздился к Богу. Впрочем, с университета (1-й же курс) я постоянно любил Его…», – пишет В. Розанов в «Опавших листьях» [6, с. 280].

Однако именно в связи с болезнью жены смерть впервые открылась как реальность, страх потерять единственно близкого человека стал доминантой в отношениях с жизнью. Именно через молитву приходит к писателю понимание значения близких людей: матери, «друга», а сама молитва становится подлинным откровением.

В письме Э. Голлербаху от 26 октября 1918 г. В. Розанов и своё литературное творчество явно соотносит с молитвой, определяя его сущность следующим образом: «“После Гоголя и Щедрина – Розанов с *его молитвою*”.

Ах, так вот где суть… Когда зерно сгнило, уже сгнило: тогда, на этом ужасающем “уже”, горестном “уже”, слёзном “уже”, что оплакано и представляет один *ужас небытия и пустоты*, полного – становится безматериальная *молитва*…

Ведь в молитве нет никакой *материи*
Никакого нет *строения*
Построения
Нет даже *черты*, *точки*…
Именно –
Тайна –
в его *тайне*

© Кашина Н.К., 2012

Чудовищной, *неисповедимой*.
Рыло. *Дьявол*.
Гоголь. Леший.
Щедрин. Ведьма.
Тьма истории.
Всему конец.
Безмолвие. Вздох.
Молитва. Рост.
"*Из отрицания – Аврора, Аврора с золотыми перстами*".

Ах! так вот откуда в Библии так странно, "концом наперёд", изречено: "и бысть *вечер* (тьма, мгла, смерть) и бысть *утро – День первый*". Разгадывается *Религия*, разгадываются построения и *История*.

Строение *Дня*…

и вместе устройство *Мира*.

Боже, Боже… Какие тайны. Какая судьба.

Какое *утешение*.

А я то скорблю, как *в могиле*. А эта могила и есть *моё Воскресение*…» [5, с. 526].

Обратим внимание: приведённый текст поместил В. Розанов в частном письме, хотя он явно предназначен для публикации. Строфика, курсивы, своеобразная пунктуация – всё говорит об особой выразительности и значимости этого текста. Графическая форма приобретает подчёркнутый семантический статус; так, отсутствие пунктуационных знаков сигнализирует об особенной семиотической напряженности.

Уже в самом начале текста (стихотворения) обращает на себя особое внимание пунктуация, а точнее – её отсутствие. В первых четырёх строках отсутствует разделение / соединение через запятую, при этом подчёркивается «безматериальность» его индивидуальной, розановской, молитвы. Смысл отсутствия знаков препинания, вероятно, в том, чтобы создать эффект ненаписанности: «Нет даже *черты, точки*». Отсутствие пунктуационных знаков в поэтическом тексте будет актуально у футуристов; интересно замечание С. Друговейко, из наблюдений которого над языковым знаком в поэзии постмодернизма следует, что отсутствие знаков препинания в тексте служит, в конечном итоге, возможности словоформам включаться во множество сочетаний [3]. В приведённом розановском тексте реализуется также и полная свобода молитвенного слова, никак не упорядоченного человеком, слова, которое «было у Бога». В отличие от этого тайного слова, литература, обозначенная через знаковые для Розанова имена Гоголя и Салтыкова-Щедрина, ведёт в «тьму истории», к концу самой литературы.

О высокой семиотической насыщенности творчества В. Розанова можно судить по виртуозному владению графическими и пунктуационными возможностями написанного текста:

«ЕГИПЕТ
…мерцания, мерцания, мерцания…
…не вижу и вижу, не вижу…
…туман, небо, облако…
…если начало жизни…
…les origins de la vie…
…initia vitarum …
…сокровища жития…»

Текст этот является сложным семантическим единством. В приведённом фрагменте строки объединены одним формальным приёмом: многоточие в начале и в конце каждой из них. Следует отметить также присутствие в нём французской фразы (происхождение жизни – «les origins de la vie») и латинской (начало жизни – «initia vitarum»). Отсутствие привычной упорядоченности и последовательности синтаксиса необходимо для того, чтобы передать изначальное состояние мира, а слова «мерцание», «туман», «небо», «облако» делают совершенно оправданной строчку «…не вижу и вижу, не вижу и вижу…», но именно в этом первоначальном хаосе и мерцают «…сокровища жития…».

Затем идёт чёткая, и даже жёсткая, синтаксическая структура, подчёркнуто-графичная:

«Всё это если
БОЖЕСКОЕ,
- то и
ОН БОГ НАШ
Вечно ЖИВ, вечно СУЩ…
……..
……..
……
…… [7, с. 291 – 292].

Графическая семантика выражает невербальную многоуровневую реальность текста. *Первый уровень*: мерцающий хаос с чужим, иноязычным, обозначением идеи начала и происхождения жизни; *второй уровень*: признание Вечносущего Бога, где графически закрепляется ритм и интонация фрагмента (переносы строки – паузы, заглавные буквы – утверждающая интонация); *третий уровень*: отточие, обозначающее отсутствующие четыре строки, – пауза, преобразование внешней речи во внутренний жест.

Парадокс В. Розанова, восприятия его произведений, заключается в том, что он ничего не скрывает от своего читателя, а наоборот, предельно откровенен, до обнажённости откровенен, творчество его – это бесконечное «минус-художественность» с декларацией отсутствия каких-либо *скрытых* приёмов в текстах. Он, действительно, уходит от привычного материала, воплощения в *материале литературы* своего *сокровенного, тайного* слова. При этом логично предположить, что сама *обнажённость* стала в его творчестве особым стилевым приёмом.

В анализируемом фрагменте из письма Голлербаху развёрнут отчётливый внутренний сюжет – *движение к молитве*: умирание слова (Гоголь, Щед-

рин) – безмолвие – вдох-молитва. За молитвой приходит созидание Мира: «Рост», «Строение Дня… и вместе устройство Мира». Так, очевидно, происходит и *рождение новой формы*: умирание литературы – безмолвие – обретение сакрального слова, а уже потом – рождение новой литературы. В Молитве живёт изначальное Слово, которое обретается через Безмолвие. Есть только онтологическое слово – оно и составляет тайну В. Розанова. Предчувствие этой тайны читаем у Тютчева в «Silentium»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, -
Любуйся ими – и молчи [8, с. 61].

В поэзии А. Фета, не раз цитируемого В. Розановым, условно выделяется небольшой цикл стихотворений, микроцикл, посвящённый молитве [9, с. 230–231]. В первом стихотворении «Владычица Сиона, пред тобой…» произносится молитва, а сам акт молитвы указан в точных обстоятельствах: икона с изображением Владычицы Сиона, перед ней зажжена лампада. Но слова «Всё спит кругом, – душа моя полна Молитвою и сладкой тишиною» излишне декларативны. «Ты мне близка…» – пытается убедить поэт читателя, да и самого себя, в интимной возвышенности своей молитвы, но истинным содержанием стихотворения является драматизм отношений героя и его избранницы. В следующем стихотворении точно означен предмет обращений – «Мадонна». В нём предпринята попытка постичь духовную суть образа Марии через произведения Рафаэля, повторяющая опыт А. Пушкина:

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлёшь, мой бог с пречистою Мадоной!

По свидетельству Г. Чулкова о Фете, «в идее Бога он всегда исходит от себя, от человека. Субъективно-идеалистическое представление о Боге определяет его веру и внутренний опыт» [10, л. 7]. Именно этот опыт и представлен поэтом в стихах, опыт прозревающей души.

И, наконец, сама молитва «Ave Maria». На первый взгляд, поэт повторяется, вновь обращаясь к Святой Марии. Но повторение это кажущееся. Начало и финал пути различны: напыщенности, внешней торжественности первого стихотворения противопоставлены искренность и естественность последнего. Оба стихотворения начинаются обращением, но если в первом – это помпезное «Владычица Сиона», то во втором – более мягкое «Ave Maria». Отличаются стихотворения и по интонации: первое достаточно энергично, строки неровны: «О нет! Прости влиянию недуга!» – они звучат довольно жёстко (много односложных слов, часты стыки согласных: *пр*ед, поко*рн*ою, сча*ст*лива, с *др*угим, из*бр*анным). Второе стихотворение – уединенная молитва, его действительно достаточно только прошептать. Это стихи, способные стать молитвой, обращенной к Богоматери, а слова «душу проникла твоя благодать» воспринимаются как истинное откровение, к которому стремился автор.

В розановской молитве оживает изначальное СЛОВО, которое проходит очищение через безмолвие. В данном случае пунктуация помешала бы ритмической организации текста, навязав ему интонацию перечисления, значительно упрощающую текст. Авторское «невмешательство» в данном случае не упорядочивает в иерархическом подчинении, а сохраняет *одноранговую* независимость обретаемых слов.

Поиски невербальной стихии в литературе русского модернизма продолжают наметившуюся в XIX веке традицию. Стоит вспомнить афористичные строки русской поэзии, чтобы понять, насколько актуальна эта тема была уже тогда:

«Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев)
«Как беден наш язык…» (А. Фет)
«О, если б без слова
Сказаться душой было можно» (А. Фет)

Во втором коробе «Опавших листьев» В. Розанов возмущался невниманием издателей Пушкина к его слову: «Есть дар слушания голосов и дар видения лиц при чтении. Ими проникаем в душу человека.

Не всякий умеет слушать человека. Иной слушает слова, понимает их связь и связно на них отвечает. Но он не уловил “подголосков”, *теней звука* “*под* голосом”, – а в них-то, и притом в них одних, говорила душа.

Голос нужно слушать и в чтении. Поэтому не всякий “читающий Пушкина” имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая его интонацию, какая была у живого» [6, с. 196–197].

В собственном творчестве В. Розанов формализовал «*подголоски*» через графику и строфику текста. Эти невербальные средства не просто дополняют восприятие текста, а участвуют в его смыслообразовании на равных со словом – мысль становится не только *изреченной*, но и воплощённой. Уместно сослаться в этой связи на исследование М. Виролайнен, заметившей: «Каждый текст о чём-нибудь молчит, и зона его молчания суть та область, которая взывает к усилиям герменевтическим» [2, с. 11]. Подобные герменевтические усилия, погружения в недра слова характерны для всего творчества В. Розанова.

В. Бибихин, обратившись к опыту постижения внутренней формы слова от Потебни к Флоренскому, сокрушался о том, что мы далеко не всегда можем знать историю и родство слова: «Но и когда не знаем, слово манит, уводит нас за собой, заставляет догадываться. Следовать за кривыми его смысла нам редко хватает смелости; мы отшатываемся, как пе-

ред чем-то сырым, первобытным, заветным» [1, с. 41]. Розанов в этом отношении был человеком отважным. Он глубоко чувствовал, ощущал жизнь слова. Не случайно Г. Почепцов назвал писателя семиотиком-практиком [4]. Любопытно в этой связи розановское признание, связанное с годами учёбы: «Александр Петрович, побрякивая цепочкой часов, остановил меня в коридоре:

- Розанов, у вас ни одной этимологической ошибки. <…> Но синтаксис… невозможный…» [6, с. 147]. Даже если помнить, что в XIX веке этимология не преподавалась как самостоятельный предмет в современном значении, являлась составной частью «Грамматики», элементы этимологического анализа были освоены ещё с гимназических лет. Однако В. Розанов не ограничивался лексическим значением слова, фонетика и графика для него отнюдь не менее значимы. Его молитвенное слово с наибольшей силой реализует свою многоуровневую насыщенность.

Библиографический список

1. *Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. – СПб.: Наука, 2008.

2. *Виролайнен М.Н.* Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003.

3. *Друговейко С.В.* Синкретизм языкового знака в поэзии постмодернизма // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2000. – Вып. 2 (№3). – С. 58–61.

4. *Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. – М.: Лабиринт, 1998.

5. *Розанов В.В.* Мысли о литературе / вступ. статья, сост., комментарии А. Николюкина. – М.: Современник, 1989.

6. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. – М., 1990.

7. *Розанов В.В.* Собр. соч. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2002.

8. *Тютчев Ф.И.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения / подгот. текста и коммент. К. Пигарева; вступит. ст. Л. Кузиной и К. Пигарева. – М.: Худож. лит., 1984.

9. *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. – Л.: Сов. писатель, 1986.

10. *Чулков Г.И.* Судьба Фета. – РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, д. 212.

УДК 13

Лаврикова Ирина Николаевна
кандидат философских наук
Тверской филиал Московского университета МВД России
ilavrikova@rambler.ru.

СИСТЕМА ПРАЗДНИЧНОГО ДЕЙСТВА: ФЕНОМЕН ПРИОБЩЕНИЯ

Как показывает практика и подтверждает теория, праздничное действо – это один из наилучших механизмов культуры, способствующих объединению людей. Таким образом, праздник может активно использоваться в качестве планового агента социализации и инкультурации.

Ключевые слова: *методология праздника, свободное время, досуг, элемент культуры, власть, воспитание личности, теория смеха.*

Как показывает практика и подтверждает теория, праздничное действо – это один из наилучших механизмов культуры, способствующих объединению людей, а в некоторых случаях даже и их единению. Проживание празднующими именно этого состояния собственно и является основополагающей задачей массового политического праздника. Таким образом, *праздник может активно использоваться в качестве планового агента социализации и инкультурации.*

Аргументируя сказанное, необходимо учтем, что сама праздничная церемония может стать причиной, инициатором перемен внутри самого действа и способна радикально поменять ранее запланированный сценарий его развития, то есть объединить людей под иными лозунгами и призывами. Такова природа праздничного действа, и именно так срабатывает закладываемая в праздник случайность, именно так реализуется его способность быть «замкнутым-на-самого-себя», накопившаяся в каком-то закрытом от постижения человеком предельном объеме и «выплеснувшаяся» в небудничные человеческие отношения, организовав-повернув течение праздника в иное русло.

Надо полагать, что особенно на политическом празднике, вовлекающем в себя огромные людские ресурсы, именно баланс планового и случайного будет влиять на развитие процесса. Указанная дихотомия, скорее всего, воплотиться как минимум в два сценария. Предположим первый путь развития праздничных отношений – это вмешательство правительства, сопровождающееся полным арсеналом средств, удерживающих праздник в «нужном» формате или «правильных» границах. В случае иного сценария, максимально раскрываются, развиваются те компоненты праздничного события, из-за ко-

© Лаврикова И.Н., 2012

торых собственно праздник появился и укоренился, стал абсолютно неотъемлемым человеческой жизни.

Праздник – это один видов коммуникации, которая не является равнодушным обменом информации. На определенных, вероятнее всего немасштабных, семейных праздниках становится возможным общение, затрагивающее человеческое потаенное. Именно такую, отчасти поспособствованную праздником, коммуникацию, которая есть путь к подлинному человеческому существованию, в XX веке впервые как проблему обозначил К. Ясперс [5, с. 12–14].

Человеческое бытие – всегда «бытие с другими». Коммуникация дает возможность экзистенции, самой по себе не объективируемой, быть понятой другими. С другой стороны, «открываясь» другому, я лучше понимаю себя. В таком случае вполне возможно, что праздничное действо может способствовать высшему типу общения – экзистенциальной коммуникации, а праздничные отношения быть ее разновидностью. Следуя выводам К. Ясперса, выбираем аргументы, подтверждающие степень приближенности к истине: во-первых, институт праздника несет в себе свободу (например, *свободу от будней* или *свободу для создания иных отношений*), во-вторых, для того чтобы позитивная групповая эмоция, точнее, ее проживание состоялось, мероприятие необходимо тщательно готовить.

Конечно, принимая положение о праздничных отношениях как разновидности экзистенциальной коммуникации, необходимо учитывать, что под него попадают не все праздники: есть некоторые нюансы. Скорее всего, массовые праздники, масштабные по своему объему и задачам, не предполагают, «не выводят» на тот уровень, когда необходимо и возможно наблюдать все тонкости соприкосновения друг с другом, буквально «глаза в глаза», что составляет суть коммуникации экзистенций. Но если речь идет об отношениях внутри незначительной группы людей, которые пересекаются на «территории праздника» по крайне «локальному» поводу (будь то свадьба, рождение ребенка, творческая удача и т.п.), то мы вправе говорить, что такая событийная связь вполне соответствует правилам проживания «глубокого уровня “я”», перечисленных Ясперсом. Эмоции радости, как правило, оздоравливают, поэтому по силе они не менее мощны, нежели эмоции, проживаемые в состоянии страха и, чаще всего, губительные для человека.

Праздник дает возможность, таким образом, проживать *иное общение и расширяет,* таким образом*, пространство реализации экзистенциальной коммуникации*: та самая «маленькая радость», о которой говорилось несколько выше, вдруг становится некоторой «общей ситуацией», усиливающей понимание хрупкости бытия друг друга, обостряющей потребность в сближении и взаимопонимании, в данном случае, *сорадуясь*.

Перейдем к еще одной особенности праздничных отношений – *спасать или спасаться от одиночества.* Связать *одиночество и праздник* нельзя – это своего рода попытка *сочетать несочетаемое*. Конечно, радоваться можно и в одиночестве, но, очевидно, такова природная специфика интересующей нас эмоции, что «на людях» она становится более полноценной, полнокровной, выпуклой, благодаря усилению из-за многократного наложения. Именно поэтому радостью и хочется поделиться. Действительно, как бы резонансно отражаясь теми, кому радость «доверяется», она становится значительнее своего состояния в «отправной» точке: особенно это заметно, если источником «цепочки ликования» служит только один человек. Но проблему одиночества можно рассмотреть и с другой стороны: ликование, счастье, проживаемое «кем-то», как бы вовлекает в свой круг тех, кто на данный момент страдает от чувства «одинокости». Скорее всего, в момент радостного *со-бытия* ощущения от ситуации «ненужности другим» благополучно снимутся проживанием *доверенной со-причастности*, своего рода «впущенности-приглашенности» в праздничную радость.

В случае политического празднества, природа которого, как выясняется, непременно предполагает массовое общение, «снятие одиночества», по сути, является стратегической задачей его организаторов: добиться состояния – «в унисон звучат сердца», потому что, добавлю, «роднятся» мысли.

Подтверждая сказанное, используем мнение Д.М. Генкина, который счел необходимым указать, что «любая празднующая общность становится ярким, праздничным зрелищем для остальной массы людей, вызывает у нее *сходные эмоции и приобщает* (выделено мной. – *И.Л.*) к празднику». И далее: «…На это обстоятельство организаторам праздника *всегда нужно обращать внимание*, учитывая, что оно *таит в себе большие потенциальные воспитательные возможности*» [1, с. 58]. Очевидно, по мнению автора, следуя своего рода «инструкции по плановому единению», профессиональные исполнители праздничного действа непременно «снимут» проблему одиночества у значительного большинства празднующих и попутно смогут решать поставленные перед ними идеологические задачи.

Еще одну, достаточно необычную способность праздника как механизма культуры, эффективно объединяющего людей, можно выделить на основании исследований Э. Канетти [4, с. 18–19]. По крайней мере, среди известных трудов по социальной философии и социологии подобная интерпретация поведения людей, в случае их большого скопления, кажется неожиданно оригинальной. В соответствии

с мнением Э. Канетти, праздник, особенно массовый, обладает еще одной уникальной способностью: он есть (оптимизируя суть в духе современности) *территория прикосновений или территория обращенного страха прикосновения*.

Э. Канетти пишет: «И только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением. Это единственная ситуация, где этот страх переходит в свою противоположность. ...*Кто отдал себя на волю массы, не боится ее прикосновений... Вероятно, этим объясняется, почему масса всегда старается стать как можно плотнее: она хочет максимально подавить свойственный индивидууму страх перед прикосновением. Чем сильнее люди сжаты, тем более они чувствуют, что не боятся друг друга* (курсив мой. – *И.Л.*)» [4, с. 19].

Несомненно, что всякое праздничное действо содержит определенный набор ритуалов. В данном случае весьма любопытны комментарии Л.Г. Ионина [3, с. 136–137] по поводу ритуализации советской жизни, основанные на классификации ритуалов Э. Дюркгейма [2, с. 180–225] в сфере религиозной обрядности. В частности, по мнению Л.Г. Ионина, форму положительных ритуалов имели партийные собрания того времени или «коллективное поедание тел» диссидентов; многочисленные дары трудящихся, ставшие экспонатами Музея подарков Сталину, были не чем иным, как жертвоприношениями вождю-богу. И далее: к отрицательным ритуалам относился запрет пренебрежительного отношения к государственной символике. К типу коммеморативных обрядов принадлежали «ежегодные праздники, воспроизводящие славные страницы прошлого, например, День Победы»; регулярно проводимые военные маневры, «вызывающие в их участниках чувство особого подъема и оживления», были сутью ритуалов имитационных.

Этим же автором, как представляется, был честно выполнен анализ советского политического канона, поэтому воспользуемся его выкладками. По Л.Г. Ионину [3, с. 168–169], советский политический канон, как всякий канон, являл собой совокупность незыблемых правил и норм, нарушить которые не позволено никому, и основывался на нескольких неколебимых принципах.

А именно:

Первый принцип – *принцип целостности или принцип тотальности:* «политическая система была единой и неизменной повсюду, вплоть до самых дальних ее уголков. …Политическая система воспроизводилась даже в ситуациях и обстоятельствах, которые, казалось бы, автоматически исключают саму возможность ее сохранения».

Второй принцип – *принцип иерархии:* «принятые решения на самом верху равномерно и равнообязательно *распространялись по все системе* (курсив мой. – *И.Л.*). Если можно так сказать, система работала по гидравлическому принципу, то есть при нажиме на поршень давление должно равномерно передаваться по всей системе».

Третий принцип – *принцип целенаправленности:* «политическая система была ориентирована на будущее. *В будущем лежало ее оправдание*. …Эта неукорененность в сегодня и вследствие этого как бы ирреальность самой системы доставляли большие неудобства ее вождям и устроителям, потому что трудно заставить людей *жить как бы понарошку*, то есть *как бы завтра в сегодняшнем мире, или сегодня – в завтрашнем* (курсив мой. – *И.Л.*)».

Мы сами – свидетели распада этого канона. Но, в данном случае, интересен второй принцип, реально затрагивающий феномен празднования. Вновь и вновь мы убеждаемся, что ни массовый, ни, тем более, национальный праздники не могут существовать вне политико-идеологического контроля.

Приблизим сказанное к нашему времени, когда наблюдается существенное изменение смысла ритуалов. Действительно, сфера, подлежащая ритуальной регуляции, теперь значительно институализируется. Реальность этой сферы отделяется от символов. Жизнь в ее непосредственной полноте как бы отстраняется от гражданской мифологии, которая, как предполагается, ее ведет и организует. Подобный процесс наблюдается буквально во всех развитых обществах, как капиталистических, так и бывших социалистических. Символы опустошаются, а их конкретно-жизненное содержание оказывается подмененным рационалистическими конструкциями.

Какие же процессы происходят в современной культуре, которая атомизирует и индивидуализирует личность, разрушая традиции стабильного общественного существования? Сама ситуация показывает, что основой символизации и ритуализации, без чего ни один, тем более массовый, праздник не обходится, становится идеология. Именно определенная идеологическая концепция заранее постулирует, что есть добро, а что – зло.

В таком случае человеческое взаимодействие в лучшем случае превращается во взаимные согласования, вырабатывающие общие оценки явлений и *конструирование социального мира в целом*. Более того, современное деритуализованное общество располагает лишь пустыми символами, «которые могут наполняться каким угодно содержанием», и «единственная забота при этом состоит в том, чтобы обеспечить единое для участников взаимодействие, для группы или для всего общества понимание и истолкование символов в их новом конвенциональном наполнении» [3, с. 147].

Вновь и вновь, анализируя предметы и явления, сопровождающие праздник и праздничное, мы говорим о строжайшем идеологическом контроле со стороны правящей элиты, о балансе «игрового»

и «неигрового» в нем. Нет сомнения, что именно институализация этого феномена раскрывает сложность его природы, сосредоточение на нем многих позиций общественной жизни. Праздник, являясь своего рода узлом множества сфер общества, подобно лакмусовой бумаге, выявляет, буквально обнажает их состояние: уровень образования, реализацию прав и свобод, уровень воспитания и интересов, состояние качества жизни и материальных запросов человека и т.д.

Сам праздник, с его «манкостью» в виде ожидаемых удовольствий, от возможности проживания свободы, как зона снятия определенных страхов и пр. вполне может исполнять роль заменителя спонтанного объединения людей. При этом сама процедура объединения должна быть продумана и тщательно выверена, соответственно, поведение «празднующей общности» – максимально контролируемым, а масса, включенная в праздничную ситуацию, должна всячески демонстрировать идеологическую верность. Отметим, что при грамотном подходе к организации празднования, заказчиками необходимо учитывается также факт его «пролонгированного» общественного воздействия.

Единственное, в чем можно быть абсолютно уверенным, в чем видится особенность природы праздничного явления, – это невозможность его абсолютного и окончательного подчинения властным структурам. В этой связи представляется правильным полагать, что, в отличие от других феноменов жизни человека, всякий праздник (подчеркнем, всякий), а особенно массовый, имеет некую «область недостижимости», «непрепарируемости». Эта область совершенно закрыта для научного анализа, подобно человеческой экзистенции, и подобно человеческой экзистенции она необъективируема.

Становится очевидным, что возврат к указанной теме неизбежен, и мы будем на нее «натыкаться» до тех пор, пока однозначно либо примем «непостижимость» праздника как нечто особенное, действительно существующее и врожденное, либо, со временем, наработаем такой уровень социально-гуманитарного познания, который позволит и разработать методологию, и ответить на многие вопросы-тайны древнейшего типа человеческих отношений. В настоящее время, к сожалению, довольствуясь имеющимся багажом знаний, удается лишь четко обозначить область «незнания», что, в свою очередь, можно считать первым шагом на пути посвящения в то, что от нас пока мудро сокрыто создателем.

Например, на сегодняшний день, мы можем утверждать, что праздник, открытый для диалога со многими другими явлениями и институтами культуры, как бы постоянно замкнут на себя, в нем все время работают механизмы внутреннего самоконтроля, диагностируются обратные связи с внешним окружением. Короче говоря, в самом празднике, как огромном организме, безостановочно происходят скрытые процессы, которые и дают эффект его неабсолютного подчинения. Только через систему «входов», в виде воспитания, образования, качества жизни, подготовку и фильтрацию обслуживающих кадров и пр., мы добиваемся более и менее предсказуемого его развития, возможности прогнозировать и влиять на «нужный» ход событий. Как только внимание к какой-либо сфере, сопровождающей праздник, «ослабевает», он чутко реагирует на «недосмотр», становясь неуправляемым, перерастая в нечто, на праздник не похожее. Как отличная агитационная площадка, массовый праздник может стать началом бунта или переворота, в истории тому немало примеров. Именно по этой причине массовые увеселения в «сложные» для государства годы просто-напросто запрещались. Но, с другой стороны, ни одно государство не рискнуло праздник как институт досуга вообще отменить. В этом видится его определенная сила: *праздник категорически нельзя запретить или подделать, с ним возможно только договариваться.*

Библиографический список

1. *Генкин Д.М.* Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975.

2. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр.; сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. (История философии в памятниках).

3. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. 2-е изд. – М.: Логос, 1998.

4. *Канетти Э.* Масса и власть / пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. – М.: AD MARGINEM, 1997.

5. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. (Мыслители XX в.).

УДК 781.61

Пинтверене Наталья Витальевна
Детская музыкальная школа им. А. Петрова (г. Санкт-Петербург)
Natvit369@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ КИНООПЕРЫ М. ТАРИВЕРДИЕВА «КОРОЛЬ-ОЛЕНЬ»

Итогом работы М. Таривердиева в кино стала музыка к более 130 фильмам. Огромный пласт его киномузыки остаётся неисследованным. Особый интерес для композитора представлял жанр кинооперы. В данной статье представлен комплекс приёмов ее музыкальной драматургии.

Ключевые слова: *кинооперa, приёмы комической оперы, музыкальная драматургия.*

В одном из интервью на вопрос, в какой области киномузыки ему более всего хотелось бы выступать, М. Таривердиев ответил: «Это такие фильмы, подступом к которым для меня была лента “Спасите утопающего” – сатирическая лента с элементами кинооперы» (определение композитора. – *Н.П.*) [1, с. 4].

По замыслу авторов, картина «Спасите утопающего» (1967, режиссёр П. Арсенов) – это фильм-опера. Его специфика заключается в оригинальном музыкально-стилистическом решении ряда эпизодов в духе оперных сцен, включающих речитативы, хоры, ансамбли, ариозо, арии.

Обладая даром прекрасного мелодиста и музыкального драматурга, М. Таривердиев устремлял свои взгляды к классическим сюжетам и стилистике. Поиски в жанре кинооперы в 60-е годы продолжила картина «Король-олень» по одноименной сказке К. Гоцци, либретто В. Коростылёва. Идея создания кинооперы была давней мечтой режиссёра П. Арсенова и М. Таривердиева. По начальному замыслу авторов акцент ставился на музыкальной драматургии. Классический сюжет, музыкальный материал, опирающийся на «классицизмы» и современные мелодико-гармонические сочетания, лейтмотивная и лейттембровая драматургия приобретали в рамках кинематографа новое звучание.

Вспоминая время работы над фильмом, М. Таривердиев акцентировал следующие моменты: «Вадим написал сценарий по сказке Гоцци, и они с Пашей предложили мне сделать кинооперу. Мы начали работать, это было очень интересно именно потому, что это был не мюзикл, а опера. Незадолго до того прошла картина Деми “Шербургские зонтики”, и мы хотели сделать нечто подобное. Где был бы минимум текста и максимум музыки. Как раз в это же время я работал над своей первой оперой “Кто ты?”, и весь курс Бориса Покровского из ГИТИСа, который принимал участие в её постановке, мы задействовали и на съёмках “Короля-оленя”» [2, с. 84–85].

Обобщая опыт работы в кино и в театре, М. Таривердиев отмечал, что много работал на стыке жанров: существующие параллельно, они не только влияют друг на друга, но и взаимодействуют с другими видами искусств. Подобный синтез, по мнению композитора, рождает новые жанровые разновидности, трудно поддающиеся точному определению. В связи с этим существовала сложность в определении жанра картины «Король-олень». А. Цуккер, автор монографии «Микаэл Таривердиев», видит особенности музыкальной драматургии в сочетании черт оперы-буфф и мюзикла.

В. Таривердиева отмечает, что фильм «Король-олень» считали первым советским мюзиклом. Это жанровое определение, по мнению музыковеда, ошибочно: «Классический способ мыслить, генетическая связь Микаэла Таривердиева с музыкальными жанрами эпохи барокко вновь и вновь подталкивали его к их воссозданию в новых условиях, в тех формах искусства XX века. Мюзикл, с его эстрадными канонами, с его трафаретами и приниженностью чисто музыкальных претензий, был ему неинтересен. К тому же и невозможен – из-за специфики, которая необходима для создания и постановки мюзикла. Опера, и только опера, – вот что преследовало Микаэла Таривердиева в интерпретации сюжета Гоцци. Кроме того, способы создания мюзикла упростили бы этот очаровательный, элегантный и изящный сюжет. Элементы оперы, которые композитор использует (речитативы secco, дуэты, развёрнутые сцены), самым естественным образом соединяются с кинематографическим решением сюжета, а в чём-то диктуют изысканную условность этой классической и в то же время авангардной кинооперы» [2, с. 396].

В фильме сюжет сказки несколько изменён. Волшебная путаница Карло Гоцци, связанная с выбором невесты королём Дерамо и кознями первого министра Тартальи, вереница переходов короля Дерамо из одного тела в другое прерывается волшебником Дурандарте. Его роль в фильме драматургически более разработана, это голос автора. Король Дерамо в сказке Гоцци вершил суд, вселяясь в то или иное тело при помощи тайной магии стиха, данного ему волшебником. В фильме эти деяния короля не показаны, а герои сами решают свою судьбу. Дерамо выбирает в жёны дочь второго министра Панталоне, Анджелу, и, поплатившись за свою доверчивость, обретает вид злобного Тартальи.

© Пинтверене Н.В., 2012

Юрий Лотман, анализируя фильмы известного итальянского режиссёра Джерми («Соблазнённая и покинутая», «Развод по-итальянски»), оценивает их как шокирующие зрителей своей безжалостностью. Он объясняет это особенностью народной традиции вообще: «…Следует вспомнить язык театра кукол и комедии масок, в которых смерть может оказаться комическим эпизодом, убийство – буффонадой, страдание – пародией. Безжалостность итальянского (и не только итальянского) народного театра органически связана с его условностью. Зритель помнит, что на сцене куклы и маски, и воспринимает их смерть или страдания, побои или неудачи не так, как смерть или страдания реальных людей, а в карнавально-ритуальном духе» [3, с. 305].

Ряд эпизодов с Тартальей лишён грубой прямоты. Вопреки логике развития сюжета, он стремится выйти из роли злодея, но волшебник запрещает ему, используя силу авторского слова. Как актёр комедии «дель арте» не мог расстаться со своей маской до конца жизни, так и маска злодея неотделима от Тартальи. Герои фильма носят имена персонажей комедии масок: Панталоне, Дзанни – Арлекин, Тарталья.

В фильме две пантомимы, в которых «маски» представляют в ускоренном виде произошедшие в картине события. В первом случае капитан, арлекин, второй дзанни играют роль Дерамо, Тартальи, Анджелы: надевая их маски, они разыгрывают сцену выбора невесты королём. Во втором случае капитан, арлекин и лицо, символизирующее часы, перевоплощаются в Дерамо, оленя, Тарталью. Создаётся эффект театра в кино.

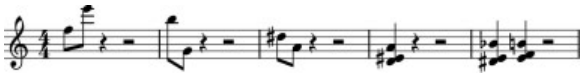
После выхода на экран картина вызвала взрыв критических отзывов. Из воспоминаний М. Таривердиева: «Режиссёра обвиняли в театральности приёмов, в некинематографичности. Картина действительно до конца не получилась. Но совершенно по другим причинам. Напротив, я считаю, что театральные приёмы в кино – это из будущего кинематографа. В картине потрясающие костюмы – художник по костюмам Наталья Шнайдер. Они совершенно необычны. Как и эстетика фильма в целом. Прелестные условности, идущие от жанра кинооперы, продиктовали её поэтику. А она в картине есть. Не получилась же картина из-за того, что жена Павла Арсенова – Валентина Малявина из-за чего-то поссорилась с мужем и не приехала на финальные съёмки и вообще отказалась их заканчивать. Поэтому в картине просто нет финала. Финал, к которому всё вело – и по музыке, и по драматургии, где появляются король Дерамо, первый министр Тарталья, где драматургический узел должен развязаться, – не был снят. И вместо этого огромного финала была написана песня «Это было давно», которую исполняет Олег Ефремов – добрый волшебник как бы от лица автора. Жаль, потому что картина могла бы быть очень любопытной» [2, с. 85].

В киноопере «Король – олень» представлены следующие музыкальные номера: арии, речитативы secco, дуэты, оркестровые эпизоды. М. Таривердиев значительно расширяет тематическую сферу. С одной стороны – это игра со стилем, рождающая эффект тонкой иронии. Автор достигает того уровня обобщения чувств, который отвечает присущей опере условности в развитии действия и состояний. С другой стороны – это опора на уже ставшие устойчивыми эстетические принципы созданного композитором «третьего направления».

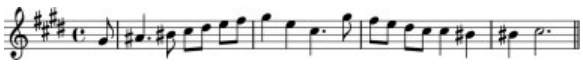
Музыкальная драматургия фильма основывается на сопоставлении двух музыкальных сфер. Контраст проявляется в сопоставлении стилизованной под старину музыки и современного эстрадно-песенного материала. К первой сфере примыкают арии-признания серендиппских девушек, баллада Анджелы, сцена-дуэт Анджелы и Панталоне в речитативной манере secco в сопровождении клавесина. Ко второй сфере относятся вокальные номера в духе эстрадной музыки, такие как куплеты и танец Анджелы, монолог Тартальи. В патетическом монологе он выходит из образа, протестуя против уготованной ему роли. Излишняя приподнятость исполнения, театральность и ритм тарантеллы вступают в противоречие с маской сказочного злодея. Образ теряет свою сценическую силу, переключаясь в область комедийного.

Ряд музыкальных номеров композитор строит на переплетении наиболее характерных черт данных стилей и исполнительских манер. Пример такого синтеза – любовный дуэт Дерамо и Анджелы. Его вокальная партия решена в эстрадной манере, а инструментальное вступление и интермедия в духе клавирной музыки XVIII века.

Интересно решена сцена признания Клариче и Дерамо. Для выявления скрытого подтекста этой сцены композитор использует «классицизмы» в партии клавесина: многократно повторяющийся в инструментальной партии мордент со скачком на б.7, подчёркивает притворство Клариче. Отдельные, не организованные в единую мелодическую линию скачки на септиму, нону, цепь параллельных тритонов превращают это признание в сцену лжи и обмана.

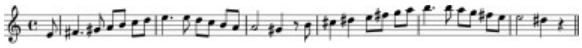


В основе музыкальной драматургии фильма развитая лейтсистема. Ведущая – лейттема любви Анджелы.

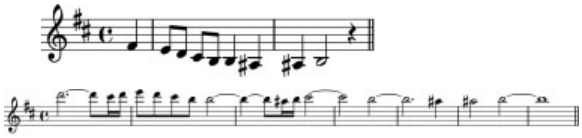


Она основана на теме её баллады, которая прозвучит в конце фильма. На протяжении картины лейттема любви будет представлена в различных жанровых преломлениях. Впервые она появляется в сце-

не объяснения Клариче и Дерамо – девушка признаётся в своих чувствах королю, используя слова любви Анджелы Дерамо, сказанные ей по секрету.



Тему исполняет клавесин, чётко, быстрее, чем основной вид, представляет собой вариант лейттемы и точный секвентный повтор, заканчиваясь цепочкой тритонов. Лишённая выразительных интонаций, она выдает притворство чувств Клариче. Сферу любовного тематизма дополняют две темы из баллады Анджелы – инструментальные темы вступления и заключения.



На переплетении лейттемы любви и вступительной темы баллады строится любовная сцена Анджелы и Дерамо. Трижды, в начале, в середине и в конце, звучит тема прелюдийного раздела из любовного дуэта. В целостном виде дуэт звучит в конце сцены как лирическая кульминация.

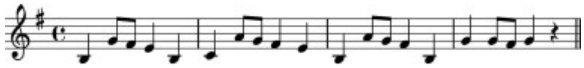
Наиболее сложные взаимосвязи лейттем представлены в сцене охоты на оленя – центральной в фильме. Музыка противостоит условностям декораций и соответствующим самому ритуалу охоты атрибутам (игрушечные ружья, макеты коней, одетые на актёров, портрет оленя). Композитор не ограничивается областью музыкальной изобразительности (фанфары, ритм скачки). Он достигает психологической глубины, подчиняя музыкальное развитие логике сонатной формы, насыщает его контрастами. Декоративная условность вступает в конфликт с музыкальной событийностью.

Сцена охоты имеет трёхчастную структуру. Первая часть написана в форме экспозиции сонатной формы. Композитор в общих чертах воспроизводит структурные и тональные закономерности экспозиционного построения. Музыкальными средствами иллюстрируются конкретные эпизоды королевской охоты: вступительные фанфары, сбор участников, общее приветствие и погоня за зверем (эпизод скачки). Это экспозиция. Вторая часть сцены охоты выполняет функцию разработки, в которой представлен конфликт Дерамо и Тартальи, символизирующих два начала – Добро и Зло. Кульминация сцены – переход души Дерамо в тело убитого оленя на фоне мистических видений. Далее – переход души Тартальи в тело Дерамо, а души Дерамо – в тело Тартальи. Третья часть – реприза. Это развёрнутая пантомима, в которой персонажи-маски разыгрывают события предыдущих частей. В музыкальном отношении – сокращённая реприза, основанная на повторении главной темы. Это вокальный номер, песня «О двух волшебниках».

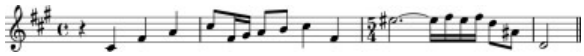
Своеобразие драматургии сцены охоты состоит в наличии вставных номеров. В конце первой части – разговор Дурандарте и Чиголотти, патетический монолог Тартальи, сцена волшебника Дурандарте и Тартальи, в центре которой песня волшебника «Куда нам скрыться от своих ролей». В конце второй части перед трагической сценой перехода души Дерамо из тела убитого оленя в тело Тартальи звучит простодушная песня Чиголотти «Из чайничка» – композитор сталкивает два сказочных пространства: мир добра и мир коварного колдовства. Не случайно появление в этом номере темы любовного дуэта Дерамо и Анджелы в искажённом виде, гармонизованной кластерами. Функцию обобщающего слова в конце второй части выполняет песня Дурандарте о двух волшебниках.

Сцена охоты открывается вступлением. Звучат праздничные фанфары, затем речитатив виолончелей и контрабасов. Он озвучивает сцену прибытия важных особ для участия в королевской охоте по случаю бракосочетания. Вступительная фанфара и речитатив выдержаны в традициях торжественно-патетического жанра.

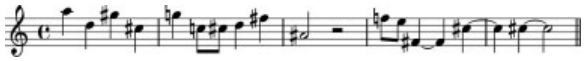
Первая часть сцены охоты представляет тип сонатной экспозиции. Главная тема – тема скачки, поддерживаемая ритмически организованными выстрелами охотников, основана на инструментальном варианте песни Дурандарте о двух волшебниках в сопровождении остинатного ритма.



Танцевальная ритмическая основа темы в сочетании с образом скачущих всадников на лошадках-макетах способствует созданию эффекта лёгкой иронии. Тему скачки дважды прерывает соло гобоя – это тема оленя. Вот одна из них:



Побочная партия основана на лейттеме любви Анджелы, первое проведение которой звучит у струнных. Эта лирическая тема подчиняется общей стихии движения и в процессе изложения прерывается фанфарами, выстрелами охотников, которые обозначают зону драматического перелома в сфере побочной, после чего её второе проведение поручается гобою, звучащему на фоне сдержанного хорала струнных и прерывается лейттемой смерти (соло гобоя).



Лейттема смерти прозвучит во второй части сцены охоты, в момент убийства оленя, в сцене смерти Дерамо и в конце фильма, в сцене встречи Анджелы и Дерамо (в обличье Тартальи), как напоминание о прошедших событиях. Все проведения данной лейттемы завершаются фанфарой валторн – лейтмотивом рока. Сигнальная природа этой темы ставит её в один ряд с темой судьбы 4-й симфонии

П. Чайковского. Рассматривая вопрос о проявлении внешних функций музыкального тематизма и их взаимоотношениях с различными системами, Е. Ручьевская пишет: «Первая модель – модель фанфарной интонации. Происхождение и семантика её общеизвестны: это сигнал, функция которого ("внимание") предполагает, что данная интонация в той или иной степени будет противопоставлена другим. Сигнал – всегда вторжение. Фанфарность словно возвышается над уровнем общего звучания, приобретая, таким образом, функции супертематизма» [4, с. 164].

Вторая часть сцены охоты соответствует разработке сонатной формы. Начинается с эпизода убийства оленя Тартальей. Дерамо читает заклинание, чтоб переместиться в тело убитого оленя. Мистическое пребывание между жизнью и смертью, отделение души от тела «визуализирует» звучание органа. Он включается внезапно. Выдержанный на протяжении пяти тактов аккорд сводится к одному продолжительно звучащему звуку (9 тактов), после чего, в духе строгой хоральной прелюдии, звучит лейттема любви Анджелы. Мощное звучание органа переключает внимание на область мистических событий. На этом контрасте основан эффект погружения в другое пространство. В кадре – медленно вращающийся, лишённый привычных очертаний и естественных красок окружающий Дерамо мир. Второе проведение лейттемы любви Анджелы поручено гобою. В кадре – образ возлюбленной короля, последнее светлое видение. Лейттема смерти звучит в тот момент, когда его тело безжизненно падает, фанфара обрывает её звучание, отмечая ещё одно перевоплощение – Тартальи в тело Дерамо. Песня Чиголотти усиливает контраст, а заключение, основанное на теме инструментального раздела любовного дуэта Анджелы и Дерамо, гармонизованной кластерами, драматургически мотивировано: Чигалотти стал свидетелем преступления, выполнил предписанную ему задачу. Заключительные кадры второй части – возвращение души Дерамо в тело Тартальи – ещё одна мистическая картина. Король-олень читает заклинанье. У органа звучит лейттема любви. Момент воскрешения отмечен звучанием инструментальной постлюдии баллады Анджелы. Завершается вторая часть песней Дурандарте о двух волшебниках, о Добре и Зле.

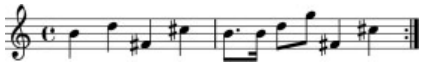
Третья часть сцены охоты выполняет функцию сокращённой репризы – это обобщение событий экспозиции и разработки, пантомима масок на фоне инструментального варианта песни Дурандарте. Первое проведение темы поручено фаготу, второе – гобою с подголосками фагота.

В сцене охоты разрабатывается ещё один звуковой пласт – звукошумовая музыка, представляющая особое пространство, наполненное звуками, имитирующими голоса птиц – посвист, шорох, долбящие удары, фантастические крики испуганной птицы, шум ветра, гул. Эти звуковые фрагменты появляются в сцене охоты в момент передачи Дерамо старинного заклинания Тарталье, при произнесении его в сценах перехода души из тела в тело и в сцене Чиголотти с мёртвым телом Тартальи в Рончислапском лесу.

Существенная роль в фильме отводится традиционной для кино увертюре на титрах, представленной песней волшебника Дурандарте «Это было тогда». Увертюра написана для оркестра, включающего струнную группу, группу деревянных духовых инструментов, а также челесту, клавесин, арфу, ударные инструменты, орган, электрогитару. Первоначально в партитуру была введена партия хора, от которой композитор при выходе фильма отказался. Вступительная песня – это музыкальное введение в сказку. Она повествует о Добре и Зле, выступающем под разными масками. Песня предваряется оркестровым разделом, представляющим инструментальное сопровождение последующей песне, содержащее драматургически значимый тематизм. Основная лирическая тема излагается струнными инструментами. За ней следует тема любовного дуэта Анджелы и Дерамо у гобоя, а затем у струнных. Её сменяют лёгкие скерцозные темы флейты, которые словно вводят в мир сказочных приключений, превращений и суеты. Вторая часть – песня Дурандарте «Это было тогда». Оркестровым сопровождением к ней становится музыка первой части.

Три песни волшебника полностью отвечают эстетике «третьего направления». Появляясь в драматургически важных эпизодах картины, они выступают в функции авторского слова.

Особое значение придаётся образу сказочного времени. Композитор вводит лейттему часов.



Первое проведение поручается клавесину, второе – челесте. Появляясь в первых эпизодах картины, эта лейттема впоследствии отступает на второй план, остаётся равномерная пульсация. Композитор запечатлел образ реального и сказочного времени, о котором повествует Дурандарте в первой песне.

Отличительной особенностью этой картины является тщательно разработанная тембровая драматургия. Ведущая роль в проведении лирического тематизма отводится традиционно струнным инструментам. Тембр челесты символизирует свет, добро, надежду. Звучание органа воплощает возвышенные образы, в определённых мистических сценах передаёт состояние невесомости, ирреальности. Деревянные духовые (флейта и гобой) используются в фильме как солирующие. Гобой связан с лейттемой любви и смерти. Флейте поручаются темы скерцозного характера. Медные духовые представляют праздничный и тревожный типы фанфарности. Клавесин сопровождает речитативы secco в развёрнутых сценах, звучит в ансамбле со струнными.

В одном из интервью М.М. Таривердиев сформулировал основную задачу композитора, работающего в области киномузыки: «Фильм – организм очень сложный, все его компоненты – режиссура, актёрское исполнение, художественное оформление и музыка – образуют единое целое. Не могу себе представить, чтобы музыку в фильме можно было рассматривать как нечто второстепенное, подчинённое другим элементам художественного целого. Это в корне неправильно! Разве, выявляя и подчёркивая главное в теме будущей картины, композитор не выступает в роли драматурга? Я говорю о музыкальной драматургии, которую всегда стремлюсь создавать, сочиняя музыку для фильма» [5, с. 3].

Библиографический список

1. *Таривердиев М.* Фильм – это музыка // Советский экран. – 1968.

2. *Таривердиев М.Л.* Я просто живу // Таривердиева В.Г. Биография музыки. – М.: Зебра Е. – 2004.

3. *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат. – 1973.

4. *Ручьевская Е.* Тематизм и форма в методологии анализа музыки XX века // Современные вопросы музыкознания. Сборник статей. – М.: Музыка. – 1976.

5. Интервью Микаэла Таривердиева // Комсомольская правда. – 1982. – №49.

Редькин Владимир Александрович

Димитровградский инженерно-технологический институт (филиал МИФИ)

redkin.54@mail. ru

ГОНЧАРОВ И ФИЛОСОФСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Распространение философии позитивизма в России во второй половине XIX века вызвало ответную реакцию некоторых деятелей русской культуры, в числе которых был И.А. Гончаров. Гончаров не принимает естественно-материалистическую трактовку сути человеческой личности. Опираясь на христианскую этику, он отстаивает гармонию эмоционального и рационального, «ума» и «сердца» в личности человека. Позитивизм и натурализм, по мнению И.А. Гончарова, разрушают духовные основы человеческого бытия.

Ключевые слова: *позитивизм, натурализм, бытие, экзистенция, материализм, нигилизм, мировоззрение, личность.*

Нравственно-эстетические проблемы всегда волновали Ивана Александровича Гончарова, и поэтому проблемы любви, долга, счастья, духовно-нравственное содержание личности нашли яркое воплощение в его произведениях.

Полемика И.А. Гончарова с этикой позитивизма представлена на страницах романа «Обрыв». Именно позитивистом (материалистом) и нигилистом описан в романе Марк Волохов, сводящий сущность человеческой личности к биологическим, физиологическим факторам. Американский исследователь Милтон Эре, как и другой американский славист Леон Стилман, справедливо отмечают присутствие темы нигилизма в романе «Обрыв» [23, с. 263]. Писатель не принимает грубо материалистическую трактовку личности человека и обнажает «разрушительно-нигилистическую» основу позитивизма. «Эстетическая этика» Гончарова, формировавшаяся под влиянием христианско-религиозной этики, не позволила писателю полностью принять философско-этические установки позитивизма.

Позитивизм явился реакцией на схоластически-умозрительную философию и заявил, что всё подлинное знание может быть получено в результате достижений отдельных специальных наук и их синтеза. Как особое направление в философии, позитивизм оформляется в 1830-е годы в трудах Огюста Конта, который и ввёл сам термин «позитивизм». Позитивизм со своей ориентацией на естественно-математические науки выразил откровенное пренебрежение к наукам гуманитарным. Материалистические и позитивистские тенденции в развитии философии стали весьма заметны в России в 1860–1870-е годы. Философский материализм и позитивизм соединился с политическим радикализмом, с требованием коренного преобразования общества. Подобные мысли были высказаны Н.Г. Чернышевским и его романом «Что делать?».

Под влиянием позитивизма находились Г.Н. Вырубов, К.Д. Кавелин, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и другие русские мыслители и философы. Позитивизм и вульгарный материализм отрицают понятия «идеального» и «души» у человека. Позитивизм и его приверженцы стремились с научно-естественных позиций объяснить природу человека и общественные отношения. Позитивизм разрушал духовные, нравственные основы, сводя природу человека только к физиологии. В данном контексте следует привести отрывок из разговора Марка Волохова с Верой в романе «Обрыв»; в слова нигилиста Волохова писатель вкладывает позитивистскую точку зрения на человеческую личность. «А любовь, счастье – забава? (спрашивает Вера Марка Волохова. – *В.Р.*) – А вы хотели бы, по-старому, из одной любви сделать жизнь, гнездо – вон такое, как у ласточек, сидеть в нём и вылетать за кормом? В этом и вся жизнь! – А вы бы хотели на минуту влететь

© Редькин В.А., 2012

в чужое гнездо и потом забыть его… – Да, если оно забудется… – Я этого не понимаю – этой птичьей жизни, – сказала она. – Вы, конечно, несерьёзно указали вокруг, на природу, на животных… – А вы – не животное? дух, ангел – бессмертное создание?» [3, с. 450]. Такая позиция вызывает неприятие И.А. Гончарова, поскольку в своём мироощущении писатель всегда выражал гармонию рационального и чувственного, материального и идеального, научного и религиозного. Разрушая традиционные духовные нравственные установки, укоренившиеся в русском обществе, философия позитивизма вызвала неприятие не только Гончарова, но и Тургенев, Достоевский, Л. Толстой вступают в полемику с моральными взглядами позитивистов. В феврале 1861 года в журнале «Русский вестник» была опубликована статья М.Н. Каткова «Старые боги и новые боги», в которой были подвергнуты критике материалистические и атеистические основы позитивистской философии.

Нравственно-этическая концепция И.А. Гончарова включала духовную основу человека, и поэтому автор «Обрыва» не мог согласиться с высказываниями П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина о том, что человек есть только «позвоночное животное», которое «обладает способностью мыслить и выражать свои мысли словами». Такая позиция Гончарова сближает его с Ф.М. Достоевским, у которого в романе «Братья Карамазовы» звучит антипозитивистская тема. Эта же тема отражена и в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Характеризуя главного героя своего романа – Евгения Базарова, Тургенев использует понятие «нигилист». Чтобы определить философию этого трагического отрицателя, Тургенев ввёл слово «нигилизм» [13, с. 149]: «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип…». Выступая против нравственных установок позитивистской философии, Гончаров, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой прекрасно понимали, что, разрушая духовные основы нравственности, позитивизм тем самым разрушал и саму нравственную систему, поскольку задача морального совершенствования человека, его духовного развития игнорировалась, упразднялась естественнонаучными ориентациями позитивистов. Позитивистская философия отрицала духовные начала в человеке, признавая лишь его физиологическую сущность. Но И.А. Гончаров сущность человеческой личности видит в неразрывном единстве природного и духовного начал, а проблема духовного развития человека всегда была актуальной и важной для писателя. Об этом свидетельствуют и его романы «Обломов», «Обрыв».

Позитивистская и материалистическая философия оказала существенное влияние на Н.Г. Чернышевского. Чернышевский относил себя к представителям «новой эпохи» – эпохи торжества науки и естествознания. Как и многие представители материализма и позитивизма, Н.Г. Чернышевский полагал, что достижения естественных наук откроют «новую эру» в истории человеческого общества. В философских взглядах Чернышевского особое место занимала антропология, но в «новом», точнее позитивистском, взгляде на человека он делает акцент на физиологической, биологической стороне человеческой природы. Чернышевский разрабатывает такое этическое учение, которое носило не только материалистическо-позитивистский, но и революционный характер. «Новое» учение о нравственности нашло воплощение в его романе «Что делать?».

Роман Чернышевского «Что делать?» был опубликован в журнале «Современник» в 1863 году, вызвал бурный читательский отклик и имел огромный успех у революционно настроенной русской молодёжи, увидевшей в этом романе «новое Евангелие», некое «новое откровение». Очевидец того времени, критик и историк русской литературы А.М. Скабичевский в своих воспоминаниях писал о том, что радикально настроенная молодёжь читала роман «Что делать?» «чуть ли не коленопреклонённо, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах» [12, с. 248–249]. Однако опубликованный роман Чернышевского, пронизанный революционно-позитивистской этикой, вызвал негативную реакцию Гончарова, Тургенева, Достоевского, Лескова, Л. Толстого.

Гончаров в цензорском отчёте о журнале «Современник» за 1863 год писал: «Появление такого романа, как “Что делать?”, нанесло сильный удар, даже в глазах его почитателей, не только самому автору, но и “Современнику”, где он одно время был главным распорядителем, обнаружив неясность его тенденций и шаткость начал, на которых он строил и свои учёные теории, и призрачное здание какого-то нового порядка в условиях и способах общественной жизни» [11, с.25].

Тургенев негативно оценил и диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», опубликованную в 1855 году, и роман «Что делать?». Тургенева возмутило то, что в своей диссертации Чернышевский определяет искусство как «суррогат действительности». «А это, по-моему, вздор», – пишет Тургенев [14, с. 49]. Сам роман Чернышевского «Что делать?» Тургенев характеризует такими словами, как «вздор», «дичь»; автор «Записок охотника» не видит в романе Чернышевского ни особенных художественных достоинств, ни «красоты». А по поводу разумности «дела», представленного в романе «Что делать?», Тургенев писал: «…Если это ум, дело, то нашему брату остаётся забиться куда-нибудь под лавку» [15, с. 181].

В своём романе Чернышевский выразил не только этическую концепцию, но и отказ от эстетизации действительности ради жизненной правды. Критик Д.И. Писарев, чьи взгляды были весьма близки взглядам Чернышевского, в своих статьях призывал «истребить эстетику» в литературе, поскольку, по его мнению, литература должна популяризировать достижения естественных наук и новейшие социальные теории. Одним из важнейших положений эстетической концепции Чернышевского было утверждение о том, что действительность живее и совершеннее художественной фантазии, а образы фантазии являются бледной и неудачной переделкой действительности. Но Гончаров, вступая в полемику с Чернышевским и его сторонниками, пишет о том, что художник, писатель в своих произведениях создаёт «правдоподобие» природы и жизни посредством развитой художественной фантазии, называя фантазию важнейшим «пособием художника». Стремясь создать «новое искусство», пронизанное только научным, рационалистическим мышлением, «неореалисты», «позитивисты» создали скучные и бледные произведения. В аналитической статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров отмечает: «Неореалисты пробуют приложить свою теорию к искусству и дают нам, иногда, и в живописи и в искусстве слова, свои снимки будто бы с природы и с жизни, сделанные “умом”: но эти попытки пока ограничились сухими, бледными и… скучными произведениями, пожалуй, ума, но никак не искусства…» [4, с. 334–335]. Гончаров не приемлет слишком рационалистическую, сухую эстетику Чернышевского, говоря о том, что писать художественное произведение только с помощью ума, интеллекта невозможно: «Писать художественное произведение только умом – всё равно, что требовать от солнца, чтобы оно давало лишь свет, но не играло лучами – в воздухе, на деревьях, на водах, не давало бы тех красок, тонов и переливов света, которые сообщают красоту и блеск природе! Разве это реально?» [4, с. 335].

В романе «Обрыв» Гончаров показывает слабость, неустойчивость этических концепций «новых людей» Чернышевского и воплощает это во взглядах Марка Волохова, когда отбрасывается духовная сфера любви и абсолютизируется только грубо-материалистическая физиология, проповедуется «любовь на срок». Создавая и обосновывая мировоззренческую оппозицию позитивизму, полемизируя с Чернышевским, Гончаров в письме к Е.П. Майковой, оставившей дом, мужа и троих детей под впечатлением романа «Что делать?» и уехавшей в коммуну, на Кавказ, с Фёдором Любимовым, принятым ею за «нового человека», писал: «Романтизм строил храмы любви, пел ей гимны, навязал на неё пропасть глупейших символов и атрибутов – и сделал из неё чучело. Реализм (Гончаров имеет в виду позитивизм в философии и натурализм в литературе. – *В.Р.*) свёл её в чисто животную сферу, но вместо символов, гимнов, розовых цепей и прочих бубенчиков, навязанных на неё воображением, сумничал, придумал для неё какую-то теорию, вроде математической формулы» [16, с. 145].

Гончаров прекрасно понимал, что искусство является отражением жизни. Как и жизнь, искусство сложно и многогранно, и его развитие невозможно направить только по узкому, научно-позитивистскому руслу, тем самым превратив само искусство в некое бледное и ограниченное подобие жизни. «Ведь жизнь – это беспредельное и глубокое море: его не исчерпаешь и не направишь в одно какое-нибудь узкое русло, а с ним и искусство, её верное отражение!» [4, с. 338].

В «сокровенной повести» (В.А. Недзвецкий) о своём творчестве «Необыкновенная история» (1875–1878) Гончаров называет Чернышевского и его сторонников «неистовыми новаторами». Писатель заявляет о неспособности позитивизма, стоящего на атеистических позициях, постичь духовную природу личности человека. Следует подчеркнуть, что Гончаров был человеком религиозным, и с годами чувство религиозности усиливалось. Поэтому, отстаивая духовно-сакральную сущность человеческой личности, Гончаров опирался на христианские нравственные ценности. Отмеченная мировоззренческая позиция вполне естественна для русского писателя XIX века, когда христианство в России было официальной, общепринятой идеологией и мировоззренческой парадигмой. Но, подчёркивая данный факт, вовсе не следует считать Гончарова писателем религиозного толка и проповедником только религиозных идей. Мировоззрение Гончарова менялось, трансформировалось под влиянием общественных и социокультурных факторов, что тоже вполне естественно и объяснимо для писателя, тонко и глубоко воспринимавшего многие аспекты развития российского общества 1840-х – 1880-х годов и отразившего более или менее полно эти сложнейшие процессы в своём творчестве.

Немецкий исследователь, филолог Вальтер Рем был одним из первых учёных, который отметил центральное положение скуки бытия в художественной концепции Гончарова. Ссылаясь на работу Сёрена Кьеркегора «Концепция страха» (1844), Вальтер Рем описывает экзистенциальную скуку (сплин) как наиболее характерную черту культуры XIX века. Скука в данном контексте выступает как фундаментальная, метафизическая, экзистенциальная категория человеческого бытия. Это скука без какого-либо реального, конкретного, разумного существования; скука как онтологический результат потери веры в Бога, когда возведение на престол бытия разума разрушило более важные и гуманные качества в самом человеке.

Русская литература XIX века представила тот тип героя, в котором удивительным образом сочетаются

утончённая внешность (дендизм) и холодность чувств, ироническое отношение к окружающему миру. Это Евгений Онегин у Пушкина, Григорий Печорин у Лермонтова, князь Андрей Болконский у Льва Толстого, но своей наиболее опасной реинкарнации (перевоплощения) данный тип литературного героя достигает в творчестве Достоевского – это атеисты Николай Ставрогин в романе «Бесы» и Иван Карамазов в романе «Братья Карамазовы». Не случайно Иван Карамазов в романе Достоевского заявляет: «От формулы "всё позволено" я не отрекусь…» [8, с. 299].

За всеми этими сложными, подчас трагическими жизнями литературных героев стоит трудное существование человека без Бога. Место отвергнутого Бога, высшего духовного абсолютного начала, занимают пустота, скука, небытие. Не имеет значения, как человек в этой ситуации пытается побороть эту пустоту бытия, но в конечном итоге он обречён на провал. Холодный, аналитический рассудок – не главная ценная способность в человеке, тем более если холодный рассудок полностью овладевает личностью. В этом случае безжалостный, холодный рассудок способен разрушить чувственность, сострадание, милосердие, которые являются более важными моральными качествами личности с точки зрения этики. Гончаров остро осознавал последствия этого разрушения духовно-гуманистических качеств в личности человека. Писатель был убеждён, что скука бытия, экзистенциальная пустота были теми факторами, которые подспудно, опосредованно влияли на жизнь и культуру его времени. Поэтому Гончаров решил объяснить и акцентировать значение этой проблемы, как проблемы философско-культурологической и этической, отразив это в своём художественном творчестве.

Вступая в полемику с позитивистскими установками, не соглашаясь с позитивизмом как философско-мировоззренческим направлением, сложившимся в XIX веке, Гончаров сравнивает его с «современным химическим разложением жизни» [5, с. 273], которое происходит в результате распространения материалистических и позитивистских идей. «Всё подводится под неумолимый анализ: самые заветные чувства, лучшие высокие стремления, драгоценные тайны и таинства человеческой души – вся деятельность духовной природы, с добродетелями, страстями, мечтами, поэзией – ко всему прикоснулся **грубый анализ науки и опыта** (выделено мной. – *В.Р.*). Честь, честность, благородство духа, всякое нравственное изящество – всё это из идеалов и добродетелей разжаловывается в практические, почти полицейские руководства. Сентименты – и вообще все добрые и дурные проявления психологической деятельности подводятся под законы, подчинённые нервным рефлексам и т.д.» [5, с. 272].

Полемизируя с позитивистами, Гончаров не скрывает своего отношения к натурализму как направлению в литературе второй половины XIX века. Следует отметить, что натурализм в западноевропейской, в частности французской, литературе появился уже в произведениях Бальзака и Стендаля; в романе Оноре де Бальзака «Утраченные иллюзии» (1843) мы можем прочитать то, что вполне соответствует позитивизму или набирающему силу натурализму в литературе: «Что такое искусство? Сгусток природы» [1, с. 187]. Новейший натурализм становится определяющим творческим принципом в творчестве Г. Флобера, А. Додэ, Ж. и Э. Гонкуров, но наиболее ярко натурализм проявился в произведениях Э. Золя.

В своих литературных публикациях Золя проповедует принципы натурализма, он требует от писателя строгой фиксации фактов, подобно учёному: «Романист должен держаться фактов, строгого изучения природы. Он стушёвывается, хранит про себя своё волнение и просто-напросто излагает то, что видел» [9, с. 9]. Золя испытывает интерес к естественным наукам, он читает «Введение в экспериментальную медицину» Клода Бернара, «Трактат о естественной наследственности» Проспера Лукаса, «Физиологию страстей» Шарля Летурно, «Философию искусства» Ипполита Тэна. Уже один из ранних романов Эмиля Золя «Тереза Ракен» (1867) вызвал негодование французской литературной критики. Прочитав этот роман, художественный критик позитивистского направления Ипполит Тэн пишет в 1868 году автору скандального романа: «Надо быть профессиональным физиологом и психологом, чтобы книга, подобная вашей, не расшатала нервную систему… Когда читателя замуровывают, закрывают все окна, ходы и выходы, и он оказывается в необыкновенной истории наедине с чудовищем, безумцем или больным – ему страшно, иногда его даже тошнит, он возмущён автором… Если вы позволите высказать моё мнение, то вам необходимо расширить рамки и подумать о последствиях» [цит. по: 2, с. 12].

В России Гончаров и Достоевский дают неодобрительные отзывы на публикующиеся романы французского писателя-натуралиста, Л. Толстой пишет очерк «Золя, Дюма, Ги де Мопассан» (1886) и поддерживает Эмиля Золя, выступившего в защиту Альфреда Дрейфуса. А во Франции его ученик, сам ставший писателем, Жорис-Карл Гюисманс в самом конце девятнадцатого столетия внезапно порывает с натурализмом, определяя его как **«материализм в литературе»** (выделено мной. – *В.Р.*).

Вероятно, натурализм можно охарактеризовать как позитивизм в литературе, поскольку оба направления в развитии культуры XIX века ориентируются на тесную связь с естественными науками. Эмиль Золя не скрывает данной ориентации при создании своих произведений. «Натурализм, – пишет он, – возврат к природе, это операция, которую учёные

произвели в тот день, когда они решили отталкиваться от изучения тел и явлений, основываться на опыте, применять метод анализа. Натурализм в литературе, помимо прочего, означает возврат к природе и человеку, непосредственное наблюдение, точный анатомический срез того, что есть, его приятие и описание» [2, с. 21].

Но именно такое понимание природы человека не принимает Гончаров. Так, чувство любви в его творчестве окрашено в эмоционально-вдохновенные, возвышенные тона, а не низведено до уровня какой-то грубой физиологической страсти. Отвергая сугубо физиологическую трактовку чувства любви в произведениях писателей-натуралистов, Гончаров пишет в письме П.А. Валуеву от 6 июня 1877 года: «Но романисты не слушаются и продолжают давать главное место этому чувству (любви. – *В.Р.*): одни, именно крайние реалисты, стремятся упростить его до животного цинизма, устранив всю его человеческую обстановку, как ненужную будто бы декорацию (Золя и его школа)» [6, с. 428]. В произведениях Флобера, Гюисманса, Золя русский писатель видит только «доказательство бессилия одной техники» [10, с. 315], но не находит подлинно художественного творчества. Вступая в полемику с позитивистами и писателями-натуралистами, Гончаров, как было сказано выше, опирается на этические, нравственные принципы, берущие своё начало в христианском учении. Но если Л. Толстой и Достоевский в своём творчестве ставят своих литературных героев в непосредственные, прямые отношения с Богом, олицетворяющим высшую моральную ценность и совесть, то Гончаров между человеком и Богом ставит преобразующую деятельность человеческой личности, которая играет определяющую роль в развитии цивилизации и прогресса (именно в таком смысловом контексте писатель представляет читателю Андрея Штольца и Ивана Тушина в романах «Обломов» и «Обрыв»). Опираясь на античную и просветительскую этику, Гончаров концептуально создаёт гармоническое равновесие рационального и эмоционального, «ума» и «сердца». Один из основоположников русского реалистического романа прекрасно понимал, что без развития научной мысли подлинный прогресс невозможен, но и отрицать христианские духовные ценности, как это делали Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров, автор «Обрыва» не может. Говоря о необходимости духовной ориентации серьёзных мыслителей, И.А. Гончаров писал: «Впрочем, величайшие из мыслителей, истинные гении – и верили прежде и теперь веруют. Можно указать на примеры первых умов, натуралистов, мыслителей. Это видно и из их сочинений, хотя они почти не говорят об этом. Они глубоко проникают в материю создания, исследуют её всячески, делают великие открытия, но на Творца не посягают. Посягают только прихвостни науки, лишённые самого священного, творческого огня, да своевольные неучи, а их, к несчастью, легион» [10, с. 324].

Некоторые исследователи в полемике Гончарова с философским позитивизмом и натурализмом, как художественным направлением, видят не только душевно-психические проблемы писателя, но и определённое выражение кризиса его творческих позиций и творческого мировосприятия. В данной связи американский исследователь Милтон Эре отмечает: «Кризис, переживаемый Гончаровым в 1860-е годы, хотя имел глубокие психологические причины, был также кризисом художника, пытающегося привязать своё сугубо личностное видение к новым литературным тенденциям» [17, p. 263]. Безусловно, Гончаров прекрасно понимал, что литература – это сложный художественный процесс, который постоянно развивается и трансформируется, в нём постоянно меняются и формы, и приёмы литературного выражения, возникает новая проблематика творчества. Но Гончаров всегда относился к литературе как к творческому процессу, в котором эстетическое, возвышенное начало гармонично сочетается с самой правдой жизни. И художественная литература, как важнейший вид искусства, должна и возвышать человека, и воспитывать его. В «Предисловии к роману “Обрыв”» Гончаров писал: «Но в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует Евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания» [7, с. 440–441]. Конкретизируя задачи искусства, подчёркивая его роль в эстетическом и этическом контекстах, Гончаров отмечает: «Оно (искусство. – *В.Р.*) имеет тоже серьёзную задачу – это довершать воспитание и совершенствовать человека… Оно так же, как наука, учит чему-нибудь, остерегает, убеждает, изображает истину, но только у него другие пути и приёмы: эти пути – чувство и фантазия. Художник – тот же мыслитель, но он мыслит не непосредственно, а образами» [7, с. 455, 456].

В этих словах заключена творческая и жизненная позиция известного русского писателя, который всегда стремился к доброму, возвышенному и гуманному. В своём творчестве Гончаров всегда выражал подлинно человеческие и светлые идеалы, избегая непроверенных, крайне радикальных взглядов. Считая долгом писателя отстаивать свои нравственно-эстетические позиции, Гончаров, как Тургенев, Достоевский и Л. Толстой, выразил несогласие с позитивизмом и натурализмом в литературе, которые, разрушая традиционные духовные ценности, взамен предложили грубо материалистическую трактовку человеческой личности и окружающего мира.

Библиографический список

1. *Бальзак О.* Утраченные иллюзии // Бальзак О. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. – М., 1983.
2. *Бунтман Н.* Великий незнакомец // Золя Э. Тереза Ракен. Дамское счастье. – М., 2007.
3. *Гончаров И.А.* Обрыв. – М., 2005.
4. *Гончаров И.А.* Очерки. Статьи. Письма. Воспоминания современников. – М., 1986.
5. *Гончаров И.А.* Новые материалы и исследования. Т. 102. – М., 2000.
6. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Письма. – М., 1980.
7. *Гончаров И.А.* Предисловие к роману «Обрыв» // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Письма. – М., 1980.
8. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Т. 1. – М., 1981.
9. *Золя Э.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. – М., 1992.
10. *Лошиц Ю.М.* Гончаров. – М., 2004.
11. *Пиксанов Н.К.* Роман И.А.Гончарова «Обрыв» // Учёные записки ЛГУ. – № 173. – Л., 1954.
12. *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. – М.; Л., 1928.
13. *Труайя А.* Иван Тургенев. – М., 2007.
14. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е. – Т. 3. – М., 1987.
15. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е. – Т. 5. – М., 1988.
16. *Чемена О.М.* Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. – М., 1966.
17. *Ehre M.* Oblomov and his creator. – Princeton; New Jersey, 1973.

УДК 392

Рязанова-Даури Вера Сергеевна
кандидат культурологи
Детский дом «Радуга» (г. Ханты-Мансийск)
dauri001@narod.ru

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПРОМЫСЛАХ ХАНТОВ И МАНСИ

В статье рассматриваются процессы и явления, происходящие в условиях современной глобальной трансформации Тюменского Севера. Эти активные изменения выступают реформатором социальной основы коренного населения, играют ведущую роль в переходе к новым преобразованиям в повседневной культуре, в формировании нравов и обычаев.

Ключевые слова: *ханты и манси, обские угры, промысловая деятельность, традиционная культура.*

Традиционный уклад хантыйского и мансийского населения всегда базировался на рыболовном и охотничьем промыслах. Охота и рыболовство, как основа жизнедеятельности обско-угорских народов, влияли на их образ жизни, быт и культуру.

Ханты и манси, ведущие традиционный образ жизни, имеют родовые угодья, которые, как правило, находятся в глухой тайге. Здесь волей-неволей они подчиняются условиям, которые определяет природа – главная кормилица человека, поэтому ханты и манси приспосабливаются к ее законам.

В культуре обских угров лук и стрелы имеют особую значимость. Они, как предметы охоты, много могут рассказать о своём хозяине: о бережном отношении к луку, о его могуществе как повелителе стрел, о физических данных самого хозяина, с большим напряжением натягивающего тетиву [3]. В связи с этим существует обычай, который запрещает пользоваться чужим луком. Вообще женщине запрещается перешагивать через орудия охотника – настолько очеловеченными являются эти предметы. К. Карьялайнен по своим наблюдениям и расспросам выяснил, что «у северных остяков женщины (беременные или кормящие) не могут есть то, что убито стрелой» [10]. В этом случае речь может идти об особом значении лука не только как орудия убийства, но и как сакрального предмета, опасного, имеющего отрицательное воздействие на беременных и кормящих женщин.

Ханты и манси говорят, что человек рождается с луком, с луком и набором стрел идет охотиться, с луком и колчаном отправляется и в нижнее царство. Лук – не просто орудие охотника, а показатель силы, знак принадлежности к мужскому полу. О луке повествуют многие исторические хантыйские и мансийские предания. Такие же отношения у хантов и манси складываются и к рыболовецким снастям.

Как сообщает К.Ф. Карьялайнен, на Васюгане небольшой лук укрепляли к колыбели мальчика [10]; по материалам Н.В. Лукиной, при рождении мальчика на Югане в избушку родственники приносили для жертвоприношений также небольшой лук [9]. Притом, стремясь получить помощь от родовых духов, родственники жертвовали лук со стрелами высшим божествам.

К.Ф. Карьялайнен также уточняет, что в период охоты не каждой стреле отдавали почести [10]. Данные замечания указывают, что лук со стрелами как основное орудие охоты имел и сакральное значе-

 © Рязанова-Даури В.С., 2012

ние, в связи с чем он мог, как особо значимый предмет, выходить за границы промысловой деятельности, имел особое сакральное свойство.

Нарушения традиционных норм поведения в промысловой деятельности – редкие случаи. Но если всё-таки возникал случай, нарушающий обычаи, за этим следовали неизбежные наказания. Большим нарушением обычая являлась и кража. Взять чужую вещь – это значило совершить поступок, недостойный человека: те, кто обвинялся в краже, могли очиститься, только если этот поступок был снят клятвой медведю и при помощи заклинаний: «Если моя клятва ложна, да сожрет меня медведь» [31]. О существовании «медвежьей присяги» также упоминает Н.Л. Гондатти [4].

Охота – одно из главенствующих промысловых занятий хантов и манси, а соответственно, отражается и в их культурной жизни. Так, у хантов была интересная игра, аналогичная шахматам, под названием *топис*. Вместо общеизвестных шахматных фигурок – костяные промысловые животные, что говорит о проникновении охотничьего дела в повседневную культуру. Традиционные виды промыслов проявляются и в богатых хантыйских и мансийских орнаментах – заячьи уши, оленьи рога и т.п. [8]. Дикие звери и охотничья утварь фигурируют в былинах, сказках и загадках, нравоучительных историях.

Охотничья и рыбацкая культура ярко отражена и в календаре хантов и манси. В различных регионах месяцы носят свои специфические названия, отражающие культуру охотников и рыбаков (май – период прилета уток; а начало охотничьего сезона – ноябрь) [24]. А. Головнев отмечает следующие названия: «месяц вскрытия Оби», «месяц половодья», «месяц отметавшего икру осетра», «месяц налима» [5], – это далеко не весь годовой промысловый цикл народов Обь-Иртышского бассейна.

Что касается Обь-Иртышского региона в целом, то здесь развивается внутрирегиональная специализация хозяйства и товарный обмен. Наряду с высокотоварной пушной охотой стали развиваться и такие отрасли, как рыбная ловля и крупностадное оленеводство [11].

Если воспользоваться данными конца XIX – начала XX вв., которые приведены А.А. Дуниным-Горкавичем [3], именно пушная охота приносила основной доход остякам-юганцам. Все остальные отрасли были, скорее всего, вспомогательными. Даже существовавшее здесь оленеводство было подчинено ей. Олень стал тем транспортным средством, которое позволило еще больше расширить охоту, вести ее на большей площади. Таким образом, можно говорить о том, что на Югане сформировался тип хозяйства, основой которого была высокопродуктивная, товарная пушная охота [1].

И ханты и манси с большим вниманием и заботой относятся к животному миру – к своим четвероногим соседям. Охотник должен быть осторожен и хорошо знать зверей – ведь человек для них лакомая добыча. Чтобы не попасть им в лапы, он должен не только осмотрительно, но и бесшумно передвигаться по звериным тропам, хорошо знать повадки каждого зверя – медведя, волка и других сильных хищников. С осторожностью, с какой абориген вынужден передвигаться по урману, он относится и к каждому встреченному в тайге человеку, с которым время от времени его сводят обстоятельства.

Как удалось выяснить за время поездок по Ханты-Мансийскому району, далеко не все коренные жители доверяют своим чувствам, которые пробуждает в их душе тот или иной человек. Как в давние времена, так и в настоящее время ханты и манси для того, чтобы понять намерения чужака, а то и просто составить о нем мнение, прибегают к помощи собак, внимательно наблюдают за тем, как эти четвероногие друзья встречают тех, кто пожаловал к ним на стойбище или встретился на охотничьей тропе в урмане.

Незаменимым помощником на охоте является собака [28]. Собака (по-хантыйски «*амп*») с древности играет важную роль в жизнедеятельности народов Крайнего Севера, поэтому не случайно ситуации и события, связанные именно с собакой, запечатлеваются в памяти хантов и манси и сохраняются в названиях местностей. Из источников XVIII в. приведем сведения П.С. Палласа, который отмечал, что на угорской земле собак «содержат великое множество для езды зимой и на поездки для дворовых надобностей» [21].

Ханты и манси с осени до весны охотятся на пушного зверя. Охота обычно начинается в конце сентября и заканчивается в апреле [7]. Еще летом охотник наблюдает за урожаем орехов и ягод. Много ягод и кедрового ореха – будет много белки. А раз белка будет, придет и соболь, – значит, и охота сулит удачу [27].

Соболь – очень осторожный, хитрый и шустрый зверек. Не так-то легко он попадет в ловушки, трудно и догонять его на лыжах. Хорошие охотники гоняются за ним несколько дней. Без хорошей собаки охотнику не справиться. Собака – большой помощник. Кроме белки и соболя, ханты и манси охотятся на лису, норку, зайца, ондатру. Изредка добывают песца, черно-бурую лису.

Об использовании хантами и манси собак в качестве средства передвижения можно узнать из местных топонимов: *Амп ёш* – «Собачья дорога» – идет от устья реки Помут (левый приток Казыма в среднем течении) и деревни Помут на юг – юго-запад, в сторону реки Моим (бассейн реки Большой Атлым) и далее до Оби, к селу Октябрьское. По этой дороге, как утверждают местные жители, раньше ездили на собаках. *Амп лак сойм* – «Ручей собачьего хомута» (упряжки) – левый приток протоки Сорум Касум [19].

Ряд хантыйских и мансийских топонимов отражает ситуации, связанные с собакой, которые могли возникнуть при различных обстоятельствах хозяйственной деятельности хантов и манси – оленеводов, охотников, рыбаков: *Амп хохлум пор* – «Озеро бежавшей собаки» – на левом берегу протоки Сорум Касум, ниже бывшей д. Мозямы; *Амп лольси кал* – «Болото стоящей собаки» – на левом берегу р. Амня в верхнем течении; *Амп лольси кал корт* – «Изба у болота стоящей собаки» и ручей *Амп пу спим* – «Маленький ручей у болота стоящей собаки»; *Амп вари* – «Старица плывущей собаки» – на правом берегу Казыма (среднее течение), ниже устья протоки; *Ампат похар* – «Остров собак» – среди болот в верховье р. Ай кур ёх (правый приток Казыма в верхнем течении); *Амп питум вори* – «Старица упавшей собаки» – на правом берегу Казыма (нижнее течение), ниже устья р.Лыхма. Говорят, что собака не просто упала, а погибла – «упала, утонула там». По словам угров, «умерла ли», «сдохла ли» – не говорят о собаке, а говорят: «упала». *Амп хусыпы лор,* или *Амп хуси пор* – «Озеро, приманивающее собаку» – на левом берегу р. Лыхма (нижнее течение Казыма). Название мотивируется тем, что озеро сверху похоже на сидячую собаку, его в шутку так назвали, вроде бы оно собак приманивает [18].

Аналогично объясняется название озера *Амп ухлор* – «Озеро собачьей головы» – на левом берегу Казыма (среднее течение), к югу – юго-востоку от поселка Верхний Казым. Или иначе – *Амп ух сурт лор* – «Озеро собачьей головы с перешейком». Действительно, озеро соединяется узким перешейком с соседним озером Кутуп лор. Иногда считают, что *сурт* – это шея собаки. Существует и другая версия, по которой названия озера мотивируются легендарным событием, на которое необходимо обратить особенное внимание [18].

Все варианты легенд, связанных с озером *Амп ух – пор (Вон Амп ух лор, Амп ух сурт лор)*, сводятся к тому, что когда-то во время спора из-за рыболовного угодья ханты бросили в озеро собачью голову («собаке голову отрубили, опустили в это озеро»), чтобы угодья никому не достались. Потому что если «собаке отрубают голову, в озеро бросят – место портят – рыбы нет» [19]. После совершения этого действия узкую перемычку (перешеек или ручей) между озерами прорвало, и озера соединились. Некоторые из рассказчиков квалифицировали такой способ «порчи» озера как проклятье: если кто поставит в том месте, где спущена собачья голова, ловушку на рыбу, ему будет смерть от собаки [25].

По представлениям хантов и манси, собаке отводится роль посредника между домом и лесом. Собака является бывшим человеком, получившим свой позднейший облик в качестве наказания за провинность [17]. Возможно, по этой причине собаке подают пищу в посудине хозяина, но после того, как поест сам хозяин.

По поверьям местных жителей собака имеет способность вступать в связь с духами. Поэтому убийство собаки отождествляется с убийством человека [18]. В одной из хантыйских легенд богатырь *Тонья,* убивший двух собак для того, чтобы взять их головы вместо недостающих голов убитых врагов, был наказан смертью [16].

В соответствии с собранным мною материалом представления у хантов и манси о связи собаки с миром духов проявляется в разных формах. Собаки служат посредниками в переговорах между духами и людьми. В ряде мест собака – это образ духа-охранителя человека: у хантов Малой Оби в образе собаки выступает бог *Тек ики*; у хантов Большой Оби – *Амп ими* – «собака-женщина». Ханты говорят: «У нас собака бог, кошка бог, многие рыбы у нас боги, птицы боги».

Вместе с тем существует диаметрально противоположный взгляд на собаку как на вредоносное, опасное существо, и некоторые ханты и манси приписывают облик собаки и духам нижнего мира [12]. Собаку приносили в жертву водяному с целью предотвратить гибель людей на воде, но это происходило в чрезвычайно редких случаях. В случае смерти хозяина его собак в прошлом умертвляли – таким образом хозяин «брал их с собой» в нижний мир. Вероятно, это связано с тем, что собака всё равно умирает от тоски по своему хозяину.

Заслуживает особого внимания и тот факт, что до сих пор коренные жители Севера, ведущие традиционный образ жизни, при встрече с незнакомыми людьми внимательно наблюдают за поведением собак. Если собака не испытывает напряженности и не проявляет недоверия к незнакомому человеку, то и хозяин становится к нему доверчив. У хантов и манси много других примет, связанные с поведением животных, птиц, с шумом, вызванным огнем в костре. Есть у них и много других, не менее интересных примет, сохранившихся в этой среде, надо полагать, еще с архаичных времен [12].

От дома ханта самая натоптанная тропа всегда ведет к берегу реки. В период сезонной ловли рыбы ханты и манси жили в летних жилищах, заготовляя рыбу впрок. Рыболовецкая культура обских угров уникальна. Ханты и манси владеют десятками различных способов и приемов ловли рыбы и ее хранения. Способы лова и мужская утварь хантов и манси различаются. Ханты и манси ставят разного рода плетеные ловушки и сети. В прошлом сети плели из крапивы, окрашивали их травяными настойками, чтобы не были заметны в реке.

В Обь-Иртышском бассейне и Обской губе обитает множество видов рыб. На наиболее ценных рыб, т.е. на «белую рыбу» (осетр, стерлядь, нельма, муксун, пелядь) распространяется запрет, узаконен-

ный РФ. Но рыболовам, относящимся к малочисленным народам Севера (МНС), выдаются соответствующие документы, по которым у обских угров остается возможность сохранения своих традиционных форм пропитания [13].

Югра – край болот и рек. Народ, проживающий на этой земле, называют «водяными людьми»: «юг» – вода, «ра» – люди. Туристы точно подметили, называя обских угров рыбоядцами. Конечно, в хантыйском или мансийском доме преимущественно рыбные яства: уха, строганина (свежемороженая мелконарезанная белая рыба). Стол хантов или манси без рыбы – что русский без хлеба. Свежепойманная, мороженая, отварная или жареная рыба – это лакомый ежедневный рацион. Каждого гостя своего стойбища ханты и манси в первую очередь приглашают к столу, подают лучшие блюда, которые в наличии, согревают таежным чаем. Летом прибавляется ассортимент ягод, лесных орехов, грибы и другие таежные дары [6].

В далекое прошлое уходят корни хантыйской и мансийской кухни. Пища является продуктом глубокой истории народа и его связи с другими этносами в различные эпохи. Поэтому названия пищи имеют большое значение как для изучения материальной культуры народа, его хозяйства и уклада жизни, так и для выяснения языковых контактов [17].

В арсенале рецептов приготовления пищи не более десятка [26]. За последние десятилетия меню «разносолов» почти не изменилось, однако старинные методы, которыми пользовались аборигены, известны немногим хозяйкам. На сегодняшний день такие кулинарные изыскания покажутся диковинными. Всего полвека назад эти блюда были востребованы предками обских угров. Речь идет о необыкновенном блюде из пузырей окуня, фаршированных черной икрой, пшеничных лепешках с икрой, беличьих желудках, приготовленных на костре. Питание – главное условие биологического существования человека. У хантыйских и мансийских семей, ведущих кочевой образ жизни, в зависимости от сезонных переездов, меняется и рацион [26].

Заготовка рыбы впрок начинается в июле: вялят, солят, сушат, коптят, варят рыбий жир и т.п. Эти заготовки на зиму хранят в лабазах (специальные высоко установленные маленькие дома) и в берестяных сосудах.

Поварское искусство – самое древнее [6]. Аборигены всегда готовили питательные блюда. Множество секретов и в современной традиционной хантыйской и мансийской кухне. Любопытство вызывает приготовление национального блюда – ухи. В емкость кладут весь разносортный улов. За несколько минут до полного приготовления ухи в котел бросают уголек и через минуту его вынимают. По словам «коренных поваров» это придает специфический и отличительный вкус блюду.

Сибирский край суровый. Ханты и манси накопили и передают из поколения в поколение уникальные секреты кормления детей, чтобы сохранить малышей здоровыми. Для витаминизации младенцев вскармливают щучьей кровью, когда режутся зубы, подают щучью голову, детей постарше кормят печенью щуки. «Пустышки» изготавливали из таежных ягод [23]. Ханты говорят: «Не поешь рыбы – голодным выйдешь из-за стола» [14].

Вплоть до середины XX в. экономика Северо-Западной Сибири, образно говоря, «держалась на трех китах»: рыболовстве, охотничьем и лесном промыслах. На функционировании традиционного хозяйства отрицательно сказываются последствия промышленности округа [15]. Уже несколько десятилетий в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах идет интенсивная добыча нефти и газа, не одно десятилетие идет диалог народов Севера с индустриальными инновациями Севера [20].

Интенсивное распространение нефтяных и газовых месторождений данного района приводит к экологическому загрязнению рек. Строительство городов приводит к увеличению бытовых водостоков. Под обустройство газопроводов используются огромные участки пойменных водоемов. Зимние дороги разрушают водоотоки, где находятся зимние распределительные пути для рыб и места их зимовки. Эти факты отрицательно сказываются на размножении рыб [30]. В связи с добычей нефти и газа, измененной экологией, намного беднее стал животный мир тайги, все трудней становится охотничий промысел, и перестала водиться рыба в запруженных и залитых речках [28].

Из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что вся жизнь северных народов неотделима от окружающей природы – растительного, животного мира, воздуха, воды, земли. Вот что нужно народам Севера для нормальной жизни, но это должно быть экологически чистым.

Ханты и манси очень бережно относятся к природе. Охотник никогда не оставит костер непотушенным, не будет зря рубить дерево, стрелять зверя и птицу, разорять гнезда. Рыбы вылавливаются столько, сколько необходимо для пропитания семьи и кормления собак, но не более. Все хантыйские и мансийские семьи имели закрепленные за ними промысловые угодья. Никто, кроме этой семьи, не имел права охотиться и ловить рыбу на их территории.

Не так давно, примерно пятнадцать лет назад, многие хантыйские и мансийские семьи еще держали домашних оленей, иногда до тридцати голов. Сегодня, например, на Югане, около двух десятков оленей осталось только в юртах Пунси. Главной причиной исчезновения оленей на Югане является интенсивная разработка нефтяных месторождений на местах традиционного выпаса [22]. Теперь «на очереди» их охотничьи угодья. Под угрозой сама осно-

ва жизни угров. Также вызывает огромную тревогу неконтролируемая вырубка лесов.

Сохранение традиций в промысловой деятельности возможно только при условии сохранения традиционного образа жизни и культуры в целом. В результате промышленного освоения северного региона произошел спад традиционных форм деятельности в повседневной культуре хантов и манси.

Библиографический список

1. *Алексеева Л.В.* Хозяйство Остяко-Вогульского округа в первой половине 1930-х гг. // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2000. – Вып. IV. – С. 191–202.

2. *Дмитриев-Садовников Г.* Лук ваховских остяков и охота с ним // Ежегодник Тобольского Губернского Музея. – Тобольск, 1915. – Вып. 24. – № 2. – С. 1–22.

3. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. – М., 1995. – Т. 1.

4. *Гондатти Н.Л.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // ИОЛЕАЭ. – 1888. – Т. 48. – Вып. 2. – С. 78.

5. *Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск, 1993.

6. Заметки о питании хантов // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1983. – С. 179.

7. *Лукина Н.В., Михалев А.Н.* Зима речных людей. – Томск, 1983.

8. *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). – М.; Л., 1967.

9. *Лукина Н.В., Молодин В.И., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П.* История и культура хантов / Администрация Ямало-Ненец. автоном. округа, Окруж. лаб. этнографии и этнолингвистики Ямала. – Томск, 1995.

10. *Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. – Томск, 1995. – Т. 3.

11. *Козьмин В.А.* Оленеводческая культура народов Западной Сибири. – СПб., 2003.

12. *Косарев М.Ф.* Некоторые аспекты развития древнего мировоззрения (по сибирским материалам) // Религиозные представления в первобытном обществе: тез. докл. – М., 1987.

13. *Кряжков В.А.* Статус малочисленных народов России. – М., 1994. – Кн. 2. – 488 с.

14. *Кулемзин В.М.* Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск, 1992.

15. *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Ханты: чужие на своей земле? Народы Сибири: права и возможности. – Новосибирск, 1997. – С. 104–121.

16. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.* Легенды и были таежного края. – Новосибирск, 1989.

17. *Лукина Н.В.* Пища восточных хантов // Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1991. – С. 88.

18. *Лукина Н.В.* Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос): Сборник научных трудов; отв. ред. Н.И. Толстой. – Л.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1983.

19. *Мошинская В.И., Лукина Н.В.* О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья / ред. Н.В. Лукина. – Томск, 1982.

20. *Павлинская Л.Р.* Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. – СПб., 1995.

21. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. Ч. 1. – СПб., 1788.

22. *Патранова В.* Ханты-Мансийск – город большой судьбы. – Ханты-Мансийск, 1997.

23. Пища восточных хантов // Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1991. – Вып. 7. – С. 116.

24. *Попова С.А.* Мансийские календарные праздники и обряды. – Томск, 2005.

25. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культовые места XIX – нач. XX в. – Новосибирск, 1986.

26. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык / отв. ред. Е.И. Убрятова. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. – С. 130.

27. *Тульвисте П.Э.* Типы мышления и традиционные занятия. Культура народностей Севера: Традиция и современность. – Новосибирск, 1986. – С. 106.

28. *Харамзин Т.Г.* Традиционный уклад и образ жизни обских угров: по материалам социологических исследований Т.Г. Харамзина, Н.Г. Хайруллина. – М., 2002.

29. *Харамзин Т.Г.* Традиционное природопользование как основа развития материальной и духовной культуры обских угров. – Ханты-Мансийск, 2004. – С. 239.

30. *Хакназаров С.Х.* Коренные малочисленные народы в условиях интенсивной эксплуатации энергетических ресурсов ХМАО: Состояние и перспективы / под ред. А.И. Летувнинкаса. – Томск, 2003.

31. *Харузин Н.Н.* Медвежья присяга у остяков и вогулов. – М., 1899. – С. 2.

УДК 394.2(091)(470.23 – 25)

Смурова Ольга Вениаминовна
Костромской государственный технологический университет
olga-smurova@mail.ru

ГОРОДСКОЙ ПРАЗДНИК КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ ТРАДИЦИЙ (на примере Санкт-Петербурга пореформенного периода)

В статье рассматривается трансформация городского (столичного) праздника во второй половине XIX – начале XX веков под влиянием отхода крестьян на заработки в столицу.

Ключевые слова: *трансформация культурной традиции, городской праздник, деревенская традиция, межсоциальный обмен традициями.*

Во второй половине XIX – начале XX веков городской календарь праздников в основе своей был православным. Но при этом достаточно широко отмечалась и языческая масленица, хотя и утрачивался ее сакральный смысл. В высших слоях общества появлялись новые праздники. Наблюдая за тем, как в господском доме в 12-м часу зажигали елку, затем начинали ужинать и ровно в полночь с бокалами шампанского в руках поздравляли друг друга, выходец из деревни удивлялся: «В деревне у нас этот вечер просто считался кануном Васильева дня, и матушка уверяла, что новый год начинается 1 марта, в тот день, когда был сотворен мир» [1].

Православный праздник имел три составляющих: литургия в храме, праздничная трапеза, гулянье. Присутствие крестьянина в городе обнаруживается в распространении традиции гостеваний. В селах и деревнях было принято, отмечая храмовые праздники, приглашать родственников и знакомых из других приходов. С отходом крестьян в города эта традиция перекочевала и в новую культурную среду. Долгое время бытовала и другая форма общения мужского деревенского населения – кулачные бои. Наконец, в городском пространстве появляются территории общения выходцев из деревни (в Санкт-Петербурге – Удельный парк). Любимым видом развлечений во время этих гуляний были пляски с частушками под гармонь. Причем фольклористы, собиравшие материал в советское время, подмечали, что порой частушку не услышишь в деревне, но ее знают в городе бывшие деревенские жители. Все это позволяет высказать предположение, что деревенская традиция способна существовать в городском пространстве дискретно, особенно в местах плотного проживания пришлого крестьянства. В условиях тесного контакта города и деревни через посредство отходников существовала реальная опасность растворения фольклорных деревенских традиций. Однако современные исследования фольклористов показывают, что «Петербург, с момента рождения подчинивший своей жизни целые регионы России, не поглотил и не обезличил ближайшие территории» [2, с. 45]. По результатам исследований Е. Васильевой, «жанровый состав локальных традиций, находящихся в зоне притяжения Петербурга, показывает, что наиболее устойчив и до сих пор читаем музыкально-поэтический язык обрядов жизненного цикла (причитания, колыбельные, свадьба). Другой жизнеспособный пласт формы праздничного быта, организованного годовым ритмом престольных праздников». Иначе говоря, локальные традиции демонстрируют свою жизнеспособность.

Особое место на городском празднике этого времени принадлежало народным гуляньям. Именно они стали ареной межсоциального, межэтнического обмена традициями. Народные гулянья играли важную роль в процессе формирования общерусских традиций с встраиванием этнорегионального компонента. Высшие слои общества, соприкасаясь с крестьянством, прибывавшим в Москву и Санкт-Петербург на заработки, с интересом присматривались к нему, знакомились с народными традициями и творчески переосмысливали их. Именно город способствовал тому, что традиционный фольклор из «бытового превращался в культурное наследие» [3, с. 25]. Фольклор записывался, публиковался, использовался в концертных программах, в литературе и искусстве. Усвоение и переработка элементов традиционного фольклора – явление городской культуры пореформенного периода. С другой стороны, «столкновение традиционных форм культуры с профессиональным искусством, необходимость творить в новых условиях (большие города, скопление людей разного уровня просвещения, имущественного ценза, сословной принадлежности и т.п.), проникновение коммерции в сферу искусства, особенно массового, – все это облегчало и, более того, делало закономерным появление, наряду с высоким и талантливым, – пошлого и безнравственного, с остросатирическим – беззубого и безыдейного» [4, с. 121].

Народные гулянья, истоком которых был крестьянский праздник, в рассматриваемый период переживают пору расцвета. Но, выполнив свое предназначение, гулянья уходят в небытие. По мнению Левинсона, обстоятельно изучившего социально-культурную роль гуляний, появление и расцвет гуляний в российских крупнейших городах были связаны

© Смурова О.В., 2012

с процессом трансформации общества из сословно-организованного в бессословное.

Увядание гуляний – явление, связанное с динамикой того же процесса [5, с. 158]. Самодеятельное творчество масс превращалось в творчество для масс. Никакие попытки возродить гулянья под эгидой общества трезвости не увенчались успехом. «Попечительство делало тщетные попытки заменить балаганы более благопристойными и поучительными зрелищами и увеселениями, но ни льготы, ни высокое покровительство не помогли делу возрождения. Суррогат, подсунутый Попечительством, не привлек тех слоев населения и не вызвал тех переживаний, какие так ярко выдвигало до того Марсово поле, – бесследно исчезли непосредственность, наивность и искреннее веселье» [6, с. 73]. Десакрализация сознания находила свое выражение в том, что все большую популярность приобретали светские развлечения.

Библиографический список

1. *Бобков Ф.Д.* Из записок бывшего крепостного человека // Исторический вестник. – 1907. – № 5. – Гл. V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: statehistory.ru.

2. *Васильева Е.* Город и деревня (К вопросу о неклассических формах бытования фольклора) // Петербургские чтения (к юбилею города): тезисы докладов конференции. – СПб., 1992. – С. 45.

3. *Белоусов А.Ф.* Городской фольклор: Лекция для студентов-заочников. – Таллин, 1987. – С. 25.

4. *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. – Л.: Изд-во «Искусство», Ленинградское отделение, 1984. – С. 121.

5. *Левинсон А.Г.* Новый этап в изучении городских гуляний // Декоративное искусство СССР. – 1986. – № 1. – С. 158.

6. *Лейферт А.В.* Балаганы. – Пг., 1922. – С. 73.

УДК 18 (075.8)

Фатеева Ирина Михайловна
кандидат философских наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
i_fateewa@rambler.ru

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИНТЕНЦИИ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО ЛЕНД-АРТА

В настоящей статье преследуется цель – исследовать архитектурные интенции и философские основы отечественного ленд-арта – арт-практики современного искусства, сохраняющей гармоничные отношения человека с природой и «человеческое» в самом человеке, что является актуальным в свете экологических и культурно-антропологических проблем техногенной цивилизации.

Ключевые слова: *ленд-арт, арт-практики, современное искусство, эстетический опыт, эстетический диалог, ленд-объекты, ленд-инсталляции, архетип, природа, игра, ирония, онирические грёзы, постмодернистское бытие, постмодернизм.*

Процесс формирования «постприродной» реальности, происходящий на наших глазах, день ото дня приобретает ощутимое ускорение. Современный человек, соблазнённый возможностями окружающего его технического мира, всё более отдаляется от природы. Мир раскрывается для него обратной перспективой, взамен прежней, соразмерной его чувственно-телесному бытию. В этом случае «обратная перспектива» скорее соблазн, искушение, чем награда за достижение высот духа. Безудержное умножение искусственного технического ставит перед человеком серьёзные проблемы. Наиглавнейшая из которых – проблема выживания самого человека как земного природного существа.

Экологические проблемы современности актуализируют и культурно-антропологические. При этом философской мыслью как вариант выдвигается стратегическое предложение – «вести себя так, чтобы естественная и искусственная реальности коэволюционировали», а открывающиеся технические возможности вселенского масштаба соотносились с возможностями человека «как целостного телесно-духовного существа, имеющего как информационные, так и субстратные параметры, свои антропологические константы» [4, с. 154], не теряющего способности к переживанию бытия.

Проявления чувств, способность к переживанию принято искать в области эмоционального – в искусстве. Сегодняшнего реципиента активно поглощает актуальное искусство, киберпространство, виртуальная реальность. Соответствуя духу времени, подобные арт-практики часто обнаруживают разрушительные, деструктивные интенции.

Экологические и культурно-антропологические проблемы общества не позволяют пренебрегать и малым, в связи с этим есть необходимость пристальнее всматриваться в постоянно расширяющееся, пестрое поле арт-практик современного искусства, выявлять и подвергать анализу те островки

 © Фатеева И.М., 2012

творчества, где человек, не теряя своей качественной сущности, реализует эстетический опыт, сохраняя в себе «человеческое».

С этой точки зрения, приобретают ценность эстетические контакты человека с природой, сохраняющиеся в области ленд-арта (англ. *land art* – «искусство земли») – направления в современном искусстве, в котором художник творит в ландшафтном пространстве, используя природные материалы.

Природная основа ленд-арта выделяет его из общего русла современного искусства. Обилие жестокости, абсурда, безобразного в окружающем современном искусстве оттеняет особую эстетическую направленность его практики, сохраняющей гармоничные отношения человека с природой. По счастью, в ленд-арт не проник варварский элемент: сдерживающим моментом, по-видимому, оказывается, ещё имеющееся у человека (далеко не у всех) чувство принадлежности к природе. Ленд-артисты – люди, эстетически воспринимающие природу, неспособные к разрушению в экологическом плане: функции деконструкции созданного объекта чаще всего передаются самой природе, а иногда ей буквально передаётся инициатива создания формы.

В этом искусстве, вопреки общему движению – от природы, на эстетическом уровне осуществляется сближение с природой. Ленд-арт – почти по-детски (и это не случайно) озвученное желание быть воспринятым природой, вести с ней эстетический диалог на равных.

Взгляд на арт-практику ленд-арта, с точки зрения искусства как такового, даёт возможность выделить «изобразительный» и «архитектурный» ленд-арт. Изобразительный – наиболее характерен для зарубежного ленд-арта. Например, «песочное искусство», своеобразный «боди-арт земли» американцев Джима Деневана и Андреса Амадора. В отечественном – с самого начала обнаружился определённый архитектурный вектор.

Отечественный ленд-арт явление молодое, возникшее на рубеже XX–XXI веков, с первых шагов заявившее о себе как о неком коллективном действии, народной акции, воссоздающей некие культурные формы (скульптурного, архитектурного характера) из природного материала под руководством ленд-артиста.

Корни русского земляного искусства невозможно отыскать в пересохшем русле социалистического реализма буквально, хотя сами его творцы родом из этой эпохи. Архетип явления наличествует в сакрально-мистических действиях глубокой древности. И. Хёйзинга указывал на «однородность ритуальных и игровых форм» [5, с. 37].

В силу своей специфики, русский ленд-арт не без основания адресует к мифу, легенде, фольклору. В этом случае уникален любимый персонаж народной сказки – «снегурочка». Легко воспроизводимая инсталляция, взятая по отношению к реальной жизни, претендует быть одним из первых примеров отечественного «ленда». «Дед» и «баба», соответственно, – первыми ленд-артистами, акция которых визуализировалась в практической жизни как народная традиция: зимняя забава – лепить снеговика. Минимальный практический опыт земляного искусства имеет каждый. Кто не лепил в детстве из снега, кто не вспомнит себя за строительством замка из песка…

Признанный лидер русского земляного искусства Н. Полисский, в творческом содружестве с николо-ленивецкими крестьянами – «Полисский и Ко», начинал в 90-е годы XX века, обращаясь к традиционному материалу – снегу. Творческая воля артиста и общие усилия крестьян преобразили занесённый снегом исторический ландшафт контекстуально происходившему в этих местах историческому событию пятивековой давности – «Стоянию на Угре». Результатом акции стало настоящее войско из 200 снеговиков. Ассоциация с глиняным войском китайского императора, по мере таяния снежных воинов Полисского под лучами солнца, усилила иронический модус инсталляции, которая, впрочем, прочитывается весьма актуально и серьёзно – как тщетность любого противостояния. Яркая образность, индивидуальность, гротескность отличала самих снежных воинов. Собственно, созданием фигур не исчерпывалось время акции: итог подводило солнце, которое не просто экологически утилизировало объект, а сотворчествовало с артистами, доводя мысль до логического завершения.

В целом, очень по-русски, сообща было сказано первое слово в отечественном ленд-арте. При этом с самого начала обнаружились, ставшие в дальнейшем характерными, такие черты, как обращенность к зрителю, непосредственное приобщение его к процессу создания объекта, корпоративность. Всё это роднит русский ленд-арт с акционизмом.

В поисках архитектурных проявлений в практике ленд-арта этот пример важен как начало, измеряющее глубину явления. Не случайно французский философ Ж. Батай подсказывал, что «настоящая природа человека (человек как жертва сияющего Неба) скрывается под роскошным покровом мифологии» [1, с. 148].

Создание объекта есть свободное, никем не побуждаемое действие, которому предшествует эскапизм артиста, уход из реального обыденного детерминированного мира, агрессивной техногенной среды в мир природы. Попытка обрести комфортное психологическое состояние, преумножить свой энергетический ресурс, не исключает желание независимости и самореализации (подобная мотивация, по К.Г. Юнгу, связана с архетипом Искателя, что определённым образом маркирует ленд-артиста в психологическом плане).

Ленд-артист не вызревает в мастерской, он не довольствуется простым созерцанием природы и её изображением, как, например, пейзажист, график или скульптор. Он вдохновлён природой на реализацию своего эстетического опыта – на создание в природном пространстве того, чего там нет, из того, что там есть. Само слово «создать» в этимологическом плане подразумевает рукотворное исполнение («зьдъ» – глина, здание – глинобитная постройка, от этой же основы – «создавать»).

Изначально нет никаких потребительских целей, есть стремление к своим природным корням, к релаксации через творческий созидательный контакт, «просветлению» – как заявлял один из ленд-артистов. Просветление как эстетическое наслаждение – «некое открывание окон, или проходов (в этом суть эстетического опыта), для эстетического субъекта к сущностным основам Универсума» [3, с. 534]; и это немаловажно, так как, в основном, современный человек контактирует с Универсумом через многослойный технический панцирь.

Традиционно природа в эстетическом плане рассматривалась как объект восприятия, условие реализации человеческой потребности в естественной красоте и связанной с нею определённой деятельности, при этом именно человек, в соответствии со своими духовными и физическими возможностями, определял свои отношения к ней. Приоритет был за человеком.

В нашем случае субъект, непосредственно прогрузившись в природный ландшафт, вступает в игровое поле, в котором природа равноправный партнёр, с правом ответного, естественного в веках, утилизирующего хода, а иногда и непосредственного участия в создании формы. Таким образом, практика ленд-арта преодолевает односторонность отношений, принимая в большей или меньшей степени проявления природы за правила в эстетической игре, и это при общей тенденции – противопоставления природе.

Временность существования объекта – признак игры. Помимо результата, интересен процесс: игру можно повторить – получить новый результат, испытать чувство слитности с окружающей действительностью. В сущности, ленд-артисты – взрослые дети, играющие с природой в хрупкое равновесие; «вечное», «бессмертное» их не привлекает. Бытие созданного («небывалое») вовлекается в бытие «бывалого» и определяется законами последнего (природы).

Незначительность искусственного материала в объектах ленд-арта связана со стремлением к слитности с природным пространством. Природная палитра пробуждает в человеке онирические грёзы. Поэтому искусство ленд-арта контекстуально некоторым положениям пенталогии Г. Башляра, в которой автор, исследуя практику поэтов и грезовидцев, не без основания полагал, что «стоит нам прикоснуться к различным видам земной материи с любознательностью и смелостью, как они пробудят в нас волю к их обработке» (активистское воображение) [2, с. 6]. Активистское воображение сполна реализует себя в объектах отечественного архитектурного ленда.

Выделение архитектурного ленд-арта предполагает непосредственное сопоставление его с архитектурными объектами. Если объект архитектуры (ландшафтной архитектуры) функционален по существу, то объект ленд-арта, воспринимающийся как архитектурный, имеет к функции косвенное отношение. Таким образом, это созидание в форме игры, как бы понарошку.

На первый взгляд, игровой характер действия объясняет и алогичность выбора материала. Недолговечный материал – снег, земля, дерево, сено, лоза... Однако следует уточнить, что эти материалы востребованы с самого начала развития человечества. В век бесчисленного разнообразия современных строительных материалов ленд-артист обращается к архаичным – не шутя, с серьёзностью и определённым пиететом, активно, с большим удовольствием, проявляя волю к их обработке. Игровой модус, скорее всего, носит само обращение к «вечным» историко-культурным формам (зиккурат, триумфальная арка, маяк, колонна, сарай…).

Формой из пласта культуры, выполненной в природных материалах, как бы проверяются потенциальные возможности современного человека в утверждении его природного бытия. И если, как определял философ Ж. Батай, «идеал гармонии – это архитектура или скульптура, где гармония застывает в неподвижности, обеспечивая жизнь мотивам, сущность которых заключается в уничтожении времени» [1, с. 110–111], то временный характер ленд-объектов позволяет соотнести их с творческой лабораторией, в которой отрабатываются некие архитектурные этюды.

С другой стороны, недолговечность архитектурного ленда непосредственно приближает их к архитектуре, если согласиться с размышлениями современных архитекторов. Например, французский архитектор Ж. Нувель, лауреат Притцкеровской премии 2008 года, убеждён в том, что архитектура – это «временное изменение пространства, города, ландшафта», которое только кажется вечным. Такая дефиниция архитектуры звучит в постмодернистском ключе и отображает сегодняшнее её развитие.

Полноценная современная архитектура всегда способна произвести эффект, удивить. Этого устремления не лишены и объекты-фантазмы архитектурного ленд-арта. Как правило, они отличаются масштабом. Цель – ни больше, ни меньше – сотворить чудо. Рукотворное чудо, в одночасье возникшее. Реальные объекты отечественного ленда не

оставляют равнодушным никого; образ закрепляется всплывающим в памяти текстом русских сказок: «…А на утро на этом месте возник дворец – чудо-чудное, диво-дивное…». Так же, как архитектор, ленд-артист учитывает эстетические особенности ландшафта, в полной мере демонстрирует пространственное видение формы и свободное владение принципами композиции. Мистерия соседства природы и рукотворного чуда в дальнейшем дополняется праздничным действием.

Архитектурные интенции ленд-арта отражают особенности постмодернистского бытия, для которого, прежде всего, характерно «ощущение и осознание бытия, культуры, мышления как игры» [1, с. 454]. Этим отличаются и объекты с философскими коннотациями – «Гиперболоидная градирня», «Вселенский разум», «Граница империи» и т.п. Ярким обобщающим примером в духе постмодернизма, где налицо ирония, игра, сопоставление несопоставимого, служит коллайдер – «корона, венчающая голову прогресса», выполненная из лозы. Безусловно, это ирония, игра, но если вдуматься, то в раскладе «коллайдер» – «лоза» просматривается позиция недоверия к достижениям технической цивилизации, ощущение временности бытия человека, как бы зачёркивается постулируемое философией «отрицание Природы, совершенное человеком – возвышающимся над сотворённым им ничто» [1, с. 148]. Можно и радикальнее – человек в лице ленд-артиста (и не только) не желает способствовать «бытию», вступление в мир коего было бы её (Природы. – *И.Ф.*) умерщвлением.

В профессиональном плане архитектурный ленд-арт может служить интересной практикой в подготовке будущих архитекторов, ландшафтных дизайнеров, скульпторов. В реальной жизни творческое пространство русского «ленда» обозначено ландшафтными объектами ежегодных фестивалей «Арх-стояние» (Калужская область, р. Угра, «Проект Никола-Ленивец»).

Взгляд на отечественный ленд-арт как на своеобразную практику современного искусства в контексте антропологического кризиса позволяет заключить о положительном её влиянии на человека. Искусство ленд-арта отменяет дистанцию между человеком и природой, оказывает необходимое в наше время релаксирующее действие, акцентирует проблемы экологической эстетики, эстетики окружающей среды, в целом стимулирует в человеке техногенной цивилизации положительные эмоции, пробуждает эстетическое чувство, способствует коллективному творчеству с элементами энвайронмента, акционизма.

Архитектурные интенции русского ленд-арта связаны с современной архитектурой, а сам он является лабораторией, в которой отрабатываются формотворческие задачи. В философском плане несерьёзная, на первый взгляд, арт-практика в своей сущности обнаруживает серьёзное: противодействие общему движению от природы и изменению самого человека, недоверие к успехам техногенной цивилизации, устремление к укоренению бытия в Природе. Ленд-арт сохраняет в человеке «человеческое», на время высвобождая его из сетей повседневной «машинизации».

Библиографический список

1. *Батай Жорж.* Внутренний опыт / пер. с франц., послесловие и комментарии С.Л. Фокина. – СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – 336 с.

2. *Башляр Г.* Земля и грёзы о покое / пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001. – 320 с. (Французская философия XX века)

3. *Бычков В.В.* Эстетика: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2006. – 573 с.

4. *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.

5. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. – М.: Прогресс Традиция, 1997. – 416 с.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 882.09 + 803

Богатырева Екатерина Николаевна
Военная академия войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
katyabogatyreva@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ «ВОДА»/«WATER» И КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ВОДОЕМОВ

Статья посвящена структурно-семантическим преобразованиям фразеологических единиц с компонентом «вода»/«water» и компонентами-наименованиями водоемов в русском и английском языках. Цель статьи – выявить и сопоставить особенности соотношения содержания и формы этих ФЕ, обуславливающие их трансформационный потенциал.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фразеологизмы, паремии, компонент ФЕ, структурно-семантические преобразования, трансформации.*

Семантический анализ фразеологических единиц (ФЕ) в тексте позволяет выявить влияние на смысловое содержание ФЕ авторской семантико-стилистической системы, установить возможности актуализации различных элементов семантической структуры ФЕ и способы преобразования фразеологической семантики в разных функциональных стилях и литературных жанрах [2, с. 275].

Контекстуальная мотивировка семантики ФЕ возникает в результате взаимодействия ФЕ в целом и её контекстуального окружения. Каждое новое употребление ФЕ мотивировано возможностями контекста актуализировать определенные стороны её семантики и создавать смысловые изменения.

Преобразование компонентного состава и грамматической структуры ФЕ всегда мотивировано общим содержанием и особенностями построения включающих их высказываний и сопровождается изменениями в их семантической структуре.

При анализе значения ФЕ в тексте должны быть учтены синтагматические и парадигматические связи ФЕ в целом и отдельных её компонентов с различными элементами текста.

Структурно-семантические трансформации ФЕ базируются на стилистических приемах, используемых для усиления экспрессивности, видоизменения денотативно-сигнификативного содержания ФЕ и эмоционально-оценочных, функционально-стилистических коннотаций.

Рассмотрим особенности смысловой структуры фразеологизмов и паремий русского и английского языков с компонентом «вода»/«water» и компонентами-наименованиями водоемов в различных контекстах в соотношении с их инвариантной семантической структурой и концептуальным содержанием. Наша задача – выявить и сопоставить особенности соотношения содержания и формы этих ФЕ, обуславливающие их трансформационный потенциал.

Библеизм ***капля в море*** («ничтожно малое количество по сравнению с чем-либо») образован на основе символики капли как ничтожно малой величины чего-либо, обладающего текучестью.

Среди преобразований данной ФЕ можно отметить расширение компонентного состава: «Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовала для вас даже характером: пожалуй, после всех жертв, которые я принесла вам, это будет ***капля воды в море***» (М. Лермонтов, «Княгиня Лиговская»). Уточнение вида жидкости, служащего определением существительного «капля» («капля воды») не влияет на смысл оборота.

Расширение компонентного состава данного фразеологизма часто сопровождается заменой компонента:

1. «Николай Константинович заносил в дневник: «Сердце болело, отказывая бедным, но что могли значить ***наши копейки в этом бесконечном потоке***… Когда могли, давали, но это была ***малая капля в <u>океане</u> потребностей***» (П. Беликов, В. Князев, «Рерих»). Компонент «океан» является синонимом слова «море», обозначая на уровне внутренней формы огромный водоем, а на уровне актуального значения актуализируя множество. Определение «малая» существительного «капля» интенсифицирует семантику малых, ничтожных размеров по сравнению с чем-либо. Также в этом контексте возникает окказионализм ***наши копейки в этом бесконечном потоке,*** тематически параллельный обороту ***капля в море***, созданный по аналогии с ним и имеющий фразеологическое значение «ничтожно малое количество денежных средств по сравнению с чем-либо».

2. «…Эта глупая заметка – лишь ***капля <u>в ушатах лжи и клеветы</u>***, которыми и эта газета и мно-

 © Богатырева Е.Н., 2012

гие другие британские издания "решают" тему отношений с Советским Союзом» (Г. Органов, «Применительно к подлости»). Замена компонента «море» существительным «ушаты» с определением «лжи и клеветы» указывает на обилие злословия и наговоров в адрес Советского государства со стороны британских СМИ, а компонент «капля» здесь семантически соотносится со словосочетанием «эта глупая заметка».

На базе рассматриваемой ФЕ возникает окказионализм ***капля воды из моря общества***, который имеет значение «нечто крайне малое, но значительное, выделяющееся из огромного многообразия»: «Художник – ***капля воды из моря общества***» (С. Баруздин, «Само собой»). В данном контексте под «морем общества» понимается множество людей, объединённых социальными отношениями, а под сочетанием компонентов «капля воды (из чего-либо)» – член этого общества.

Обратимся к примерам функционирования частичного эквивалента ФЕ ***капля в море – a drop in the ocean*** (*букв.* «капля в океане»).

За счет расширения компонентного состава образуется глагольный оборот ***to catch a drop in the ocean*** (*букв.* «ловить / поймать каплю в океане»), что обусловлено определенной ситуацией: «India's pirate *catch* ***a drop in the ocean***» (Hellenic Shipping Portal "Maritime Sun News", 19 March, 2011) – «Индийские пираты ***ловят каплю в океане***» (портал «Hellenic Shipping, Maritime Sun News», 19 марта, 2011). Данный пример употребления рассматриваемой ФЕ является заголовком статьи о результативной борьбе морского флота Индии с пиратами, которым редко удается осуществить свои коварные замыслы на территории Индийского океана. Здесь компонент «ocean» («океан») одновременно употребляется как в буквальном, так и в переносном значении.

Рассмотрим случай употребления окказионализма, образованного от ФЕ ***a drop in the ocean*** посредством расширения компонентного состава и замены компонента: «There is no panacea cure because alternative sources of funding cannot provide the capital that is needed. I think their contribution will be ***a raindrop in a sea of refinancing***» (IPE Real Estate Magazine (online), March 11, 2011) – «Здесь нет панацеи, так как альтернативные источники средств не могут предоставить нужный капитал. Я думаю, что их вклад будет ***каплей дождя в море рефинансирования***» (Онлайн журнал «IPE Real Estate», 11 марта, 2011). Использованный в составе трансформированного фразеологизма вместо существительного «ocean» («океан») компонент «sea» («море»), обозначая большой по площади водоем, также символизирует огромное количество, в данном случае источников рефинансирования. Здесь фразеологизм ***a drop in the ocean*** (***капля в море***), частично имплицированный, служит структурно-семантической моделью, содержание которой конкретизируется в контексте словоформами «дождя» («rain») и «рефинансирования» («refinancing»).

Рассмотрим некоторые примеры преобразований поговорки ***как с гуся вода*** (1. «Что-либо не производит впечатления, не оказывает никакого влияния на кого-либо; безразлично; ничего не делается кому-либо»; 2. «Быстро проходит, не оставляет следа; легко сходит, скоро забывается»).

В следующем контексте ФЕ подвергается эллипсису: «И уж на другой день, в обед, явился Южаков помятый, скалит зубы, – оштрафовали его за веселость на полфунта. ***А ему все как с гуся:*** – Это, – говорит, – гулял я за счет его величества короля!» (А. Соколов-Микитов, «Чижикова лавра»). Образ «воды» здесь присутствует имплицитно.

Интересный пример употребления паремии ***как с гуся вода*** в буквальном значении обнаружен в одном журнале для автолюбителей. Рассматриваемый фразеологизм выступает в качестве названия статьи: «***Как с гуся вода*** [заголовок]. <…> препараты класса "*антидождь"* можно представить как смесь силиконовых производных и полимеров, разбавленных органическим растворителем. За счет чего такая жидкость позволяет стеклу оставаться чистым? Секрет в том, что после испарения летучих фракций на стекле образуется достаточно прочная гидрофобизирующая (водоотталкивающая) пленка. Попав на нее, *капли воды* не растекаются кляксами, а *превращаются в шарики и скатываются* под действием силы гравитации или сдуваются набегающим потоком воздуха» (Журнал «Авторевю», № 18, 2004). Данный оборот в своем прямом значении служит образной основой его фразеологического значения. Буквальное значение противопоставлено фразеологическому. Смысловое содержание рассматриваемой ФЕ в этом контексте может быть сформировано словами «не оставляет следа; легко стекает».

Оборот ***like water off a duck's back*** (*букв.* «как вода со спины утки»), являющийся частичным эквивалентом ФЕ ***как с гуся вода,*** довольно часто употребляется в языке и речи англоговорящих людей.

Рассмотрим пример индивидуально-авторского употребления, возникшего в результате замены компонента ФЕ: «Duckathlon V – Wacky Culinary Contest in NYC. ***Like Rain Off a Duck's Back*** – Saying Takes a New Meaning» [title] (Suite 101 Online Magazine, 27 May, 2009) – «Duckathlon V – Сумасшедший кулинарный конкурс в Нью-Йорке. "***Как с утки дождь"*** – поговорка обретает новое значение» [заголовок] (Онлайн журнал Suite 101, 27 мая, 2009). Для того чтобы разобраться в происхождении данного окказионализма, включенного в заголовок статьи, посвященной необычному поединку поваров, стоит обратиться к её содержанию. Вышеупомянутое состязание заключает в себе передвижение ко-

манд нескольких ресторанов от одной «станции» к другой («станция» в данном случае – каждый новый этап конкурса, проходящий в разных местах одного из районов города). В день кулинарного поединка Duckathlon V конкурсанты, надев утиные лапы, перья и крылья, бежали из одного места соревнований в другое под дождем. ФЕ ***like rain off a duck's back*** употребляется одновременно в буквальном и переносном значении, а замена компонента конкретизирует сложившуюся ситуацию.

В следующем контексте наблюдается случай двойной актуализации: «Horror and danger ***run off a boy's back like water off a duck***» (Stephen Leacock, Soft Stuff for Children, the Rotarian, October, 1940) – *букв.* «Ужас и чувство опасности стекает со спины мальчишки, как вода с утки» (Стивен Ликок, «Приятная чепуха для детей», журнал Ротэриан, октябрь 1940). Таким образом, одновременно актуализированы фразеологическое и буквальное значение ФЕ. Возникший за счет синтаксической трансформации и расширения компонентного состава оборот передает семантику быстро проходящего и легко забывающегося страха у маленьких детей.

Расширение компонентного состава и двойная актуализация рассматриваемой ФЕ также встречаются в следующем контексте, где ФЕ конкретизируется применительно к определенной ситуации: «The good in them he absorbed as he absorbed the sunshine; the evil he cast aside unconsciously – it rolled off, indeed, ***like the proverbial water from the duck's back***» (Eleanor H. Porter, Just David) – «Добро, которое было в них, он вбирал, как вбирает солнечный свет, зло бессознательно отвергал – оно и в самом деле "скатывалось", ***как вошедшая в поговорку вода с гуся***» (Элинор Х. «Портер, Просто Дэвид»). На буквальное значение указывает фраза «оно и в самом деле скатывалось» («it rolled off, indeed»).

Неразрывное единство и взаимообусловленность значения и формы языковых знаков определяет пути исследования структуры их плана содержания через установление закономерных отношений с формой выражения.

Семантические функции отдельных компонентов ФЕ, а также условия, в которых части фразеологического значения ассоциируются с определенными лексическими компонентами, с наибольшей полнотой обнаруживаются при рассмотрении ФЕ в динамике. ФЕ в процессе функционирования осмысляются применительно к различным ситуациям. При этом обобщенное инвариантное значение выступает по отношению к ситуативным осмыслениям в качестве формы, способной наполняться разнообразным содержанием в границах, намечаемых параметрами этой формы.

Преобразование значения и формы ФЕ в речи является необходимым условием их функционирования [2, с. 212].

Библиографический список

1. Авторевю: электрон. версия журн. – 2004. – № 18 (дата обращения: 15.07.2011).

2. *Мелерович А.М, Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

3. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 853 с.

4. IPE Real Estate // A drop in the ocean: online magazine. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ipe.com/realestate/a-drop-in-the-ocean_39729.php (дата обращения: 12.07.2011).

5. MaritimeSun // India's pirate catch a drop in the ocean: Hellenic Shipping Portal. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.maritimesun.com/news/indias-pirate-catch-a-drop-in-the-ocean/ (дата обращения: 12.07.2011).

6. Suite 101 // Duckathlon V – Wacky Culinary Contest in NYC. Like Rain off a Duck's Back – Saying Takes on New Meaning: online magazine. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.suite101.com/content/duckathlon-v-wacky-culinary-contest-in-nyc-a118395 (дата обращения: 15.07.2011).

7. The Rotarian: Stephen Leacock. Soft Stuff for Children. – October 1940. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа из системы поиска книг «Google»: www.books.google.ru.

УДК 81'255.2

Вальваков Роман Викторович
Киргизско-Российский Славянский Университет (г. Бишкек)
rmn2005@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются переводческие преобразования, применяющиеся для адекватной передачи семантики русских имен прилагательных при переводе на английский язык.

Ключевые слова: *имя прилагательное, переводческие трансформации, план выражения имен прилагательных, план содержания имен прилагательных.*

Имя прилагательное как грамматический класс присутствует в системе как английского, так и русского языков. Однако у многих русских имен прилагательных отсутствуют прямые лексические эквиваленты в английском языке, вследствие чего при переводе таких прилагательных необходимо использовать переводческие трансформации. Цель данной статьи – исследовать функциональные эквиваленты русских имен прилагательных при переводе на английский язык. Исследование проводилось на материале рассказа М.А. Шолохова «Батраки» и его перевода на английский язык.

Прилагательное как часть речи не перестает привлекать к себе внимание лингвистов. Отчасти это связано с внутренне противоречивым характером самой классификации слов по частям речи. (Примечателен в этом отношении следующий вывод: «…Проблема классификации частей речи, а также определение основополагающих критериев для подобного рода деления языковых единиц, является субъективной точкой зрения каждого ученого» [4, с. 128].) На «размытость», неоднозначность границ системы лексико-грамматических классов указывает Е.А. Рудая: «В английском языке его (прилагательного. – *Р.В.*) отличительной особенностью является отсутствие четких границ между его ведущей семой "качественность" и ведущими семами имени существительного "вещественность" и глагола "акциональность"» [5, с. 10]. Определенную роль в повышении интереса к исследованию имени прилагательного играет и смена научной парадигмы в лингвистике: в последнее время прилагательное рассматривается с позиции когнитивной лингвистики, как средство вербализации различных концептов.

Пристальное внимание к проблеме имени прилагательного обосновывается также и значительной ролью данного лексико-грамматического класса в системе языка. Приведем лишь некоторые цитаты из работ современных исследователей. «Русские имена прилагательные имеют особое значение в закреплении результатов когнитивной практики русского человека, поскольку формируют в языковом сознании атрибутивный "портрет" реального мира, с которого русский человек "перерисовывает" образы окружающих его объектов. <…> Имена прилагательные "придают цвет и вкус" не только нашей речи, но и, подчеркнем, нашему видению мира» [3, с. 3]. «Наряду с глаголом имя прилагательное является *самым ярким* (курсив наш. – *Р.В.*) выразителем признака» [5, с. 10]; «Без имени прилагательного невозможно выразить индивидуальные, свойственные только этому предмету и отличающие его от всего остального признаки и в первую очередь такие, которые определяют внешние стороны предмета: облик, размер, материал, цвет и т.д.» [1, с. 3]; «Своей семантикой, звуковой формой имена прилагательные вызывают определенные ассоциации, уточняют и углубляют характеристику персонажей, событий, предметов, а также характеризуют речь, поведение, эмоциональное состояние героев» [1, с. 3].

Известно, что имена прилагательные как в русском, так и в английском языках представлены двумя базовыми категориями – качественными (обозначающими признаки предмета, способные проявляться с разной степенью интенсивности [6, с. 377]) и относительными (обозначающими признаки предмета обычно через его отношение к другому предмету [6, с. 377]). Необходимо отметить тот факт, что категория относительных прилагательных в английском языке развита довольно слабо; это играет определенную роль в использовании трансформаций при переводе русских имен прилагательных на английский язык.

И.П. Иванова, рассматривая полевую структуру имени прилагательного в английском языке, помещает в ядро поля только качественные прилагательные. Она вполне обоснованно считает, что «относительные прилагательные не принадлежат к ядру поля; многие относительные прилагательные не могут передавать степени свойства…» [2, с. 38].

Рассмотрим подробнее виды преобразований, которым подвергаются русские имена прилагательные при переводе на английский язык.

Русское имя прилагательное может переводиться с помощью развернутого определения, при помощи словосочетания, придаточной части сложноподчиненного предложения и др. При этом русскому имени прилагательному, как одной единице плана выражения, в английском переводе соответствует несколько единиц плана выражения.

© Вальваков Р.В., 2012

Едешь по улице, и сразу видно, что ***основательные хозяева*** *живут.*

Anyone who passes that way knows at once that ***these folks live well****.*

В «Современном русско-английском словаре» [8] не указан вариант перевода для прилагательного *основательный* в том значении, в котором оно употреблено в анализируемом предложении. Наиболее близким эквивалентом данного прилагательного является слово *well-to-do* или *rich*; однако переводчик решил использовать другой вариант, не менее адекватный, а именно описательные перевод: *...основательные хозяева... – ...that folks live well.*

Формальное выражение определения, как члена предложения, может варьироваться от одного слова до придаточного предложения. В следующих примерах эквивалентом русского имени прилагательного в английском переводе является определительное придаточное предложение.

Работник нехотя встал, отряхнул со штанов ***прилипшую свеженькую стружечку*** *и, глядя себе под ноги, равнодушно сказал:…*

The labourer rose reluctantly, brushed off ***a shaving that had stuck to his trousers*** *and, staring at the ground, said indifferently…*

Федор сам не знал, как надо жить и что делать после ***отцовой смерти****.*

Fyodor didn't know himself how they would get along or what he should do ***now that his father was dead****.* В следующем примере также наблюдается несовпадение в переводе формального выражения синтаксических функций: русскому препозитивному определению соответствует приложение.

Смешливый Федор *побагровел, надулся, удерживаясь от смеха, но отец строго взглянул на него и пошел в калитку.*

Fyodor, always ready for a laugh*, grew purple in the face, but his father gave him a stern look and entered the gate.*

«Современный русско-английский словарь» [8] дает следующий вариант перевода слова *смешливый – risible*. Анализ словарной дефиниции показывает, что данный вариант перевода был бы неправильным: *risible – (formal, disapproving) deserving to be laughed at rather than taken seriously* [11, p. 1313].

Не совпадают стилистическое значение (русское прилагательное *смешливый* не является формальным) и коннотация (русское *смешливый* в отличие от английского *risible* не обладает отрицательной, негативной окраской). Использованная в переводе трансформация адекватно передает значение русского прилагательного *смешливый*: *смешливый – always ready for a laugh.*

При переводе имен прилагательных наблюдаются частеречные замены, когда русскому имени прилагательному соответствуют в переводе существительные или наречия. Рассмотрим следующие примеры:

Федор вспотел, тряхнул картуз и, ***смущенный****, поднял глаза.*

Fyodor broke into a sweat, slapped his knee with his cap, and looked up at Zakhar ***in embarrassment****.*

Я тебя, можно сказать, от ***голодной смерти*** *отвел.*

I've saved you from ***death by starvation****, as one might say.*

Русские прилагательные предстают в английском переводе как существительные: *смущенный – в смущении, голодная смерть – смерть от голода.*

Подобная трансформация применяется, если возможно перефразирование с заменой прилагательного существительным, находящимся с заменяемым прилагательным в одном словообразовательном гнезде.

Замена прилагательного существительным может быть обусловлена и другими причинами. Так, в следующем примере русское словосочетание *безумная боль* переведено на английский язык одним словом – существительным *agony*.

«В груди ... под сердце!.. » – выдохнул он со свистом и, выворачивая от ***безумной боли*** *помутневшие глаза, заплакал, икая и давясь кровью.*

«In the chest, just under the heart!» he rolled his bloodshot eyes ***in agony*** *and broke into tears, hiccoughing and spitting up blood.*

В данном случае происходит своеобразная «стяжка» двух компонентов в один при переводе. Подобная замена является вполне обоснованной, так как в значении слова *agony* присутствует семантический компонент, выражаемый в русском языке эксплицитно – прилагательным *безумный*. Это подтверждается дефиниционным анализом.

Agony – ***extreme*** *physical or mental pain* [11, p. 30].

То же самое в следующем примере:

В клубе заколыхался ***разноголосый шум****.*

The room was full of ***talk and hubbub****.*

Hubbub – the loud sound made by a lot of people talking at the same time [11, p. 759].

При переводе на английский язык русское имя прилагательное может передаваться наречием. Для реализации данной трансформации существенными являются два фактора:

1) способность прилагательного образовывать соответствующий адвербиальный дериват;

2) возможность введения в структуру переводимого предложения глагола или причастия, служащего опорным компонентом для наречия, образованного от переводимого прилагательного.

На краю скрипела гармошка, слышались ***невнятные слова*** *песни.*

On the outskirts an accordion was wheezing and ***the words of a song sounded faintly****.*

В данном примере в структуре английского предложения обнаруживается глагол, или глагольная форма, к которому присоединяется наречие.

В результате применения данной трансформации происходит изменение синтаксических связей слов, входящих в переводимое предложение. Так, если в русском предложении прилагательные выполняют функцию определения, обозначая при этом признак какого-либо объекта, обозначенного существительным, то в английском предложении обозначается признак действия, и наречие выполняет синтаксическую функцию обстоятельства образа действия. Именно благодаря этому факту – сохранению обозначения признака – оказывается возможной данная трансформация. При переводе происходит лишь перераспределение акцентов – признак предмета предстает как признак действия, целостный смысл всего предложения при этом сохраняется.

Преобразование прилагательных в наречия при переводе вполне закономерно. Еще А.И. Смирницкий писал о близости данных частей речи и предлагал выделять у прилагательного дополнительную морфологическую категорию адвербиальности. Например, fluent speech *беглая речь* –адъективная форма прилагательного, to speak fluently *говорить бегло* – адвербиальная форма прилагательного [7, с. 151].

Своеобразные виды трансформации наблюдаются при переводе прилагательных, выполняющих в предложении функцию однородных определений. Обычно это два прилагательных, определяющих одно существительное. При переводе подобных двухкомпонентных определений происходит два отличающихся друг от друга процесса:

1) В первом случае значения **двух** русских прилагательных адекватно передаются **одним** прилагательным в английском языке. Иными словами, одна английская форма передает то содержание, для обозначения которого в русском языке используются две формы. Схематически это можно изобразить так:

Rus a, b → Eng c (a+b).

Как мы видим, двум единицам плана выражения в русском языке соответствует одна единица плана выражения в английском. Рассмотрим пример:

Захар Денисович косился, наблюдая за ***расторопными, толковыми движениями*** *Федора, и чмыкал носом.*

Zakhar gave a sniff of approval as he watched Fyodor's ***deft movements****.*

Русское словосочетание *расторопные, толковые движения* переведено на английский язык как *deft movements*. Анализ словарной дефиниции прилагательного *deft* показывает, что в его семантической структуре присутствуют два компонента:

deft – skillful and quick [11, p. 402].

То есть прилагательное *deft* может обозначать именно *ловкие* (*толковые*) и *быстрые* (*расторопные*) движения. Данный вид трансформации можно условно назвать «стяжкой».

2) Во втором случае также наблюдается несоответствие единиц плана выражения, обусловленное, однако, иными причинами, нежели в первом случае. Здесь одно из двух русских прилагательных при переводе на английский язык опускается.

Схематически это можно изобразить так:

Rus a, b → Eng a.

В рассматриваемом нами материале опущение является одним из самых распространенных переводческих приемов. Причем опущению обычно подвергается как единичное определение, так и одно из двух однородных определений. Опущение единичного определения:

– Вот тут она, хворость, помещается! – Он стучал кулаком по ***пухлому животу****.*

"That's where the trouble is !" he cried, slapping his ***belly****.*

Ну, как, ***дорогой хозяин****, доволен работой?*

Well, ***boss****, d'you like our work?*

Опущение одного из двух однородных определений:

Страшным хрипящим шепотом*, давясь словами, Наум выкрикивал:*

In a gurgling whisper *Naum choked out the words,…*

Колючий страх потерять место делал его ***приниженным и покорным****.*

The cold fear of losing his job made him ***submissive****.*

Русским относительным прилагательным при переводе на английский язык могут соответствовать генитивные конструкции с семантикой принадлежности. Например:

Одно вот: молод ты, паренек, нет в тебе ***мужской силы****,…*

The only thing is you're too young, lad. You haven't got ***the strength of a man****.* Также используемые при переводе генитивные конструкции могут обозначать вещественность.

Вместо сгоревших деревянных домов слепили мужики ***саманные хатенки****.*

The sturdy log dwellings were replaced by ***huts of mud and straw****.*

В данном случае обозначает материал, из которого сделан какой-либо предмет. В русском языке это обозначается атрибутивной конструкцией, в английском – генитивной. Необходимо отметить, что и в русском языке имеется эквивалент генитивной конструкции:

дощатые ворота – ворота из досок,

саманные хаты – хаты из самана.

При этом прилагательные при переводе трансформируются в существительные. Возможен перевод русского прилагательного на английский язык сложным словом. Сложное слово может быть экви-

валентом как отдельного прилагательного, так и атрибутивной конструкции.

Федор торопливо развязал ворота база, вытирая о штаны руки, намокшие ***росной сыростью****, крикнул на быков:…*

Fyodor hurriedly unfastened the yard gate and, wiping his ***dew-splashed*** *hands on his trousers, roused the oxen with a «Giddyup! Out you come!».*

Неумытый, ***опухший*** *и злой вышел тот из горницы.*

Zakhar came out of the front room, unwashed, ***puffy-faced*** *and in an evil temper.*

Таковы основные типы функциональных соответствий при переводе русских имен прилагательных на английский язык. Как видно из нашего анализа, перевод русских имен прилагательных предполагает широкое применение трансформаций и различных переводческих преобразований, что связано с особенностями грамматического строя русского и английского языков. Во многих случаях перевод посредством прямого лексического эквивалента невозможен или неадекватен. Переводческие решения, опирающиеся на использование трансформаций, позволяют адекватно передать присутствующие в слове семантические оттенки и достаточно точно выразить семантику русских имён прилагательных при переводе.

Библиографический список

1. *Богданова Ю.З.* Русские имена прилагательные и их соответствия в немецком переводе (на материале произведений А.П. Чехова): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 20 с.

2. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981. – 285 с.

3. *Климова Ю.А.* Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 20 с.

4. *Милетова Е.В.* Из истории развития частеречных классификаций. Место прилагательного в системе языка: его значение и функции // Вестник ПГЛУ. – 2009. – №1. – С. 126–130.

5. *Рудая Е.А.* Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 21 с.

6. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – 703 с.

7. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. – М., 1959. – 440 с.

8. *Таубе А.М., Даглиш Р.С.* Современный англо-русский словарь. – М., 2002. – 774 с.

9. *Шолохов М.А.* Рассказы. – Л., 1983. – 304 с.

10. *Mikhail Sholokhov*. Collected works in eight volumes. Volume one. Short stories. – M., 1984. – 448 p.

11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Chief editor Sally Wehmeier. – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.

УДК 882.09

Волотов Дмитрий Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vadmit87@mail.ru

ЗАИМСТВОВАННАЯ БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»: ИДЕИ ВОЙНЫ И МИРА

В статье детально анализируется употребительность термина артиллерия *и его производных в начале XIX в., выясняются предпосылки его появления в русском языке, структурно-семантические и функциональные особенности по сравнению с французским оригиналом, степень его усвоения русским языком.*

Ключевые слова: *галлицизм, батальный, заимствование, семантика, ассимиляция.*

В период XVIII–XIX вв. русский язык испытывал огромное влияние иноязычной лексики, заимствованной из многих европейских языков [3, с. 59–61; 7, с. 159]. Основным источником для заимствований стал французский язык, переводы с которого в середине XVIII в. занимали первое место и который служил посредником при переводах с других западноевропейских языков [2, с. 54]. Галлицизмы проникали во все сферы жизни и деятельности людей – культуру, искусство, моду, интерьер, кулинарию, одежду и т.д. Процесс заимствования коснулся не только языковых единиц, отражающих культурно-бытовую сферу жизни общества, но и лексики, так или иначе связанной с военной деятельностью. Батальная лексика иноязычного происхождения является важной частью русского языка XVIII–XIX вв., поскольку она по европейскому образцу начинает складываться именно в этот период. Среди заимствований из французского языка такая лексика составляет значительный пласт – *авангард, арьергард, арсенал, артиллерия, батальон, батарея, гарнизон, гренадер, кавалерия,*

 © Волотов Д.А., 2012

канонада, капонир, капрал, люнет, маршал, ординарец, редут, ретраншементы, фланг, фронт, эполет, эскадрон и др.

В данной статье мы рассмотрим слово *артиллерия* и его производные с точки зрения их происхождения, структурно-семантических и функциональных особенностей на примере текстов романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Хотя артиллерия в качестве регулярной составляющей русской армии появилась относительно недавно, в конце XVII в., и стала новой частью армии наряду с пехотой и кавалерией [6, с. 201–202], тогда же появляется и термин *артиллерия* [14, с. 89], активизация термина относится к началу XIX в., что выразительно показано Л.Н. Толстым на материале многих текстов романа «Война и мир».

На первых этапах заимствования лексема *артиллерия*, как и другие подобные иноязычные элементы, выступает в качестве неполноценного синонима русского наименования (*пушечный приказ – артиллерия*) [10, с. 267]. *Пушечный приказ* и *пушечные наряды* существуют вплоть до петровских времён, когда после реорганизации русской армии появляется новый род войск, новая реалия, для которой возникает необходимость в наименовании. Впоследствии слово *артиллерия* становится единственным обозначением нового явления, вытесняя старую номинацию и приобретая статус термина.

Источник происхождения слова «артиллерия» решается неоднозначно – языком-источником называют французский и итальянский языки [14, с. 89; 9, т. 1, с. 46]. Лексема оказывается мотивированной, поскольку в ней прочитываются латинские корни слов *arcus* ‘лук’ и *tellum* ‘стрела’ (ср. итальянское *arte* ‘искусство’ и *tirare* ‘стрелять’). Но более близкими по семантике и форме являются этимоны, восходящие к старофранцузским *artil* ‘военная машина’, ‘военная техника’ и *artill(i)er* ‘укреплять при помощи военной техники’ [13, т. 1, с. 54]. Поэтому можно предположить, не говоря уже о более тесных русско-французских, чем русско-итальянских контактах, что лексема распространялась и заимствовалась в другие европейские языки, в том числе и русский, именно из французского языка. В толково-энциклопедическом словаре французского языка XIX в. Larousse на слово *артиллерия* приведена следующая статья: «**Artillerie,** nom féminin (ancien français *artillier*, munir d'engins de guerre). 1. Ensemble des matériels de guerre comprenant les bouches à feu, leurs munitions et les véhicules chargés de leur transport ou de leur traction. 2. Arme chargée de la mise en œuvre de ces matériels. (On distingue aujourd'hui, en France, dans l'armée de terre, l'artillerie sol-air, l'artillerie sol-sol et l'artillerie sol-sol nucléaire.) 3. Populaire. Arme à feu individuelle de gros caliber» [15, с. 70]. Здесь лексема охарактеризована как ‘совокупность артиллерийских орудий, боеприпасов и техники для их транспортировки’, ‘род войск, предназначенный для применения такого вооружения’. Последнее значение ‘огнестрельное оружие крупного калибра для индивидуального пользования’ имеет помету *populaire*, которая указывает на его принадлежность разговорному языку. Оно появилось во французском языке намного позже первых двух значений и уже утратило свою терминологичность, приобретя периферийные признаки основного значения.

В русском языке лексема *артиллерия* имеет примерно такую же семантику, как и во французском языке: «АРТИЛЛЕРИЯ, -и, *ж*. 1. *собир*. Огнестрельные орудия различных конструкций и калибров. *Зенитная артиллерия. Дальнобойная артиллерия. Самоходная артиллерия.* 2. Род войск с таким вооружением. *Служить в артиллерии. Конница, пехота и артиллерия виднеются со всех сторон по обширной поляне.* Л. Толстой, Набег. 3. Наука об огнестрельных орудиях, их устройстве и боевом применении» [8, т. 1, с. 46]. Объём значений лексемы в русском языке несколько шире, чем во французском – первые два значения совпадают в обоих языках, а третье, терминологическое значение, появившееся в русском языке, во французском отсутствует. Именно в этих значениях, кроме последнего, функционирует слово в романе «Война и мир». Показательно, что второе значение МАС иллюстрируется цитатой из произведения Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы», правда, относящейся к несколько более позднему периоду, чем события в «Войне и мире», – к середине XIX в.

В дискурсе романа Л.Н. Толстого «Война и мир» полно и многогранно раскрывается семантика лексемы *артиллерия*, где слово частотно (насчитывается 37 его употреблений) и где даётся его информативно объёмная характеристика разными лицами и в разных ситуациях, позволяющая увидеть своеобразие его семантической структуры, его деривационных связей, системно-парадигматических и ассоциативных отношений. Произведение точно отражает ситуацию начала XIX в., в том числе и военную: при написании романа Толстой опирается на сведения из биографий и мемуаров исторических лиц, многочисленные реальные документы, например предписание Барклая де Толли, донесение Бертье и др., которые он цитирует на страницах своего романа [12, т. 2, с. 117, 556], а также и на другие источники, о чём пишет ряд исследователей [11, т. 12, с. 403–405; 1; 5, с. 328].

Анализ контекстов показывает, что слово «артиллерия» в романе «Война и мир» использовано для обозначения ‘рода войск, участвующих в бою наряду с пехотой и кавалерией’ (*Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота*) [12, т. 1, с. 299], а также ‘передвижных орудий для стрельбы’ (*Обо-*

зы, артиллерия беззвучно шли по ступицу, а пехота по щиколку в мягкой, душной, не остывшей за ночь, жаркой пыли) [12, т. 2, с. 123]. В первом случае употребления лексема противопоставляется словам, обозначающим два других рода войск русской армии – *пехоте* и *кавалерии*. Как отдельная часть армии, артиллерия имела собственные боевые задачи, отличные от задач пехоты и кавалерии, и использовалась для поражения живой силы противника, располагаясь чаще всего в арьергарде (позади основных сил) на возвышенностях для лучшей дальности стрельбы (*Вдруг на противоположном возвышении дороги показались войска в синих капотах и артиллерия*) [12, т. 1, с. 299]. Из второго примера становится ясно, что артиллерией называли сами орудия или военную технику, служащую для их транспортировки или для перевозки боеприпасов.

В романе Толстой упоминает названия некоторых артиллерийских орудий, не галлицизмов, – *пушка*, *гаубица*, по отношению к которым лексема *артиллерия* является гиперонимом. Один раз лексема *артиллерия* как гипероним встречается в романе во французской транскрипции в письме маршала Бертье своему государю: *Dans cet état de choses, l'intérêt du service de Votre Majesté exige, quelles que soient ses vues ultérieures qu'on rallie l'armée à Smolensk en commençant à la débarrasser des non-combattans, tels que hommes démontés et des bagages inutiles et du matériel de l'artillerie qui n'est plus en proportion avec les forces actuelles* [*Какие бы ни были ваши дальнейшие намерения, но польза службы вашего величества требует собрать корпуса в Смоленске и отделить от них спешенных кавалеристов, безоружных, лишние обозы и часть артиллерии, ибо она теперь не в соразмерности с числом войск*] [12, т. 2, с. 556]. Во французском предложении используется словосочетание *materiel de l'artillerie* 'техника артиллерии', которое переводится на русский язык одним словом «артиллерия». Французское употребление слова является более точным, оно указывает на конкретное значение понятия, снимая двусмысленность, тогда как в русском переводе остаётся неясным, в каком из двух значений употреблено слово.

Таким образом, в русском языке начала XIX в. эта лексема имела ту же семантику, что и в языке-доноре. Но роман «Война и мир» высвечивает новые грани значений заимствования, в произведении его семантическое поле уточняется и расширяется, то же можно сказать и о его семантических связях, ближних и дальних. Мы узнаём, что артиллерия была *полевой* (*Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон подумал несколько времени молча и указал на места, на которых должны были быть устроены к завтрему две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия*) [12, т. 2, с. 218] и *гвардейской* (*Генерал Сорбье должен быть готов по первому приказанию вынестись со всеми гаубицами гвардейской артиллерии против одного либо другого укрепления*) [12, т. 2, с. 219]. Оба атрибутива указывают на существование различий у артиллерии по назначению и функциональным особенностям – полевая артиллерия участвует в сражениях на открытом пространстве (поле) и достаточно мобильна и способна быстро менять дислокацию в отличие от артиллерии, используемой для долгой осады крепостей; гвардейскими называли отборные привилегированные части артиллерии, получившие этот статус за выдающиеся боевые заслуги. Из контекста произведения мы также узнаём, что орудия артиллерии были сделаны из металла – *войска шли без шума, только слабо слышно было изредка бренчанье артиллерии* [12, т. 2, с. 472] и имели немалый вес – *все они побросали друг друга, побросали все свои тяжести, артиллерию, половину народа и убегали* [12, т. 2, с. 558]. Для передвижения таких тяжёлых орудий использовались лошади (*Бегство было так быстро, что бежавшая за французами русская армия не могла поспевать за ними, что лошади в кавалерии и артиллерии становились*) [12, т. 2, с. 574], а обслуживанием орудий занимались специально обученные военные люди, артиллеристы, – «*офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены*» [12, т. 1, с. 236].

Слово *артиллерия* органично включается не только в нарратив произведения, описания военных сцен, но и звучит в речи героев романа, военнослужащих русской армии. Лексема входит в различные типы словосочетаний: *полевая артиллерия, сосредоточить артиллерию, узкие полосы артиллерии, батальоны с артиллерией, колонны артиллерии, начальник артиллерии, орудия гвардейской артиллерии, под сильным огнём артиллерии, батарея артиллерии* и др., которые конкретизируют значение слова, делают его зримым и ёмким и свидетельствуют о его свободной сочетаемости с другими частями речи. Слово обозначает неодушевлённое понятие женского рода, как и во французском языке, и имеет окончания существительных 1-го склонения. В предложении лексема выполняет функции дополнения или определения, присущие имени существительному и имени прилагательному: *Он предполагал, во-первых, сосредоточить всю артиллерию в центре и, во-вторых, кавалерию перевести назад, на ту сторону оврага* [12, т. 1, с. 218] и *Генерал Сорбье должен быть готов по первому приказанию вынестись со всеми гаубицами гвардейской артиллерии против одного либо другого укрепления* [12, т. 2, с. 219]. В обоих случаях лексема «артиллерия» является зависимым словом и присо-

единяется к главному способом управления: в первом примере слово *артиллерия* является дополнением, во втором же случае – несогласованным определением и может быть заменено прилагательным *артиллерийский*.

Лексема *артиллерия* в словообразовательном плане продуктивна, она имеет способность к производству однокоренных слов путём аффиксации – при помощи суффикса *-ск-* от лексемы образуется имя прилагательное *артиллерийский,* а также имя существительное *артиллерист* присоединением к основе агентивного постфикса *-ист.* При помощи суффикса *-ист* образуются имена существительные со значением лица по принадлежности к учреждению, профессии, определенному общественному направлению и т. п., отсюда: «АРТИЛЛЕРИСТ, -а, *м.* Военный, служащий в артиллерии» [8, т. 1, с. 46]. В «Войне и мире» Л.Н. Толстой артиллеристами называет солдат и офицеров особого рода войск, имеющих на вооружении орудия стрельбы и обслуживающих эти орудия: *В то время как он подъезжал, из орудия этого, оглушая его и свиту, зазвенел выстрел, и в дыму, вдруг окружившем орудие, видны были артиллеристы, подхватившие пушку и, торопливо напрягаясь, накатывавшие ее на прежнее место* [12, т. 1, с. 222]; *...запотелые, в порохе и крови, оставшиеся по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь от усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и ядра так же быстро и жестоко перелетали с обеих сторон и расплюскивали человеческое тело...* [12, т. 2, с. 263]. Периферию значения слова *артиллерист* разной степени отдалённости от основного значения в приведённых фразах составляет смысловая аура многих слов и словосочетаний, конкретизирующих специфический характер военного труда представителей этой профессии: *…в дыму... артиллеристы, подхватившие пушку и, торопливо напрягаясь, накатывавшие её на прежнее место; запотелые, в порохе и крови... артиллеристы... приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили*.

Высокая частотность употребления и продуктивность членов словообразовательного гнезда лексемы *артиллерия*, её развитая семантическая структура с богатством партитативных отношений и семантических ассоциативных связей, которые мы видим в романе Л.Н. Толстого, свидетельствует о достаточной степени её ассимиляции в русском языке начала XIX в. Слово *артиллерия*, как и его производные, не устарело до сих пор, поэтому их значения можно найти в современных военных энциклопедиях и справочниках [4, с. 50–52]. Конечно, к настоящему времени современная артиллерия значительно модернизировалась: появились новые различные виды и типы артиллерии – наземная, зенитная, морская, противотанковая, горная и др., однако суть этого наименования не изменилась. Толстовский подход как писателя-гуманиста к выявлению семантики и особенностей функционирования номинации мощного разрушительного средства, несущего идею «войны», не потерявший своей актуальности и в настоящее время, в полной мере отразил высокую степень ассимиляции этого заимствованного термина уже в начале XIX в. и ряд его своеобразных черт плана содержания, характерных для той исторической эпохи.

Библиографический список

1. *Апостолов Н.Н.* Лев Толстой над страницами истории. – М., 1928.

2. *Биржакова Е.Э.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. – Л., 1972.

3. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., 1982.

4. ВЭС – Военно-энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1986.

5. *Зайденшнур Э.Е.* «Война и мир» Л.Н. Толстого. Создание великой книги. – М., 1966.

6. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. – М., 1988.

7. *Ковалевская Е.Г.* История русского литературного языка. – М., 1992.

8. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985.

9. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. – М., 1959.

10. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. – Л., 1970.

11. *Тарле Е.В.* Сочинения: в 12 т. Т. 12. – М., 1962.

12. *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 2 кн. – М., 2010.

13. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. – М., 1999.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. – М., 1986.

15. Petit Larousse illustré – dictionnaire encyclopédique pour tous, 1976.

УДК 406

Гайломазова Елена Сергеевна
Ростовский институт защиты предпринимателя
elena.gailomazova@yandex.ru

СЕМИОТИКА СРАВНЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Вопрос о психолингвистической природе категории сравнения всегда был в поле зрения отечественной грамматики и, в зависимости от исходных теоретических предпосылок, решался по-разному: либо сравнение относится исключительно к области психологии как «мыслимое» изменение качества, либо, приоритетными оказываются формальные показатели сравнения.

Ключевые слова: *категория сравнения, квантификация, компаратив, суперлатив, экватив.*

Идея квантификации передается на морфологическом уровне с помощью категории сравнения. Точкой отсчета выступает положительная степень.

При расширительном понимании квантификативности в его сферу входят не только собственно число, но и величина, степень проявления того или иного свойства. Характерно, что в тематическом словаре «Устойчивые сравнения русского языка», составленном Л.А. Лебедевой, отдельные сравнения маркируются только с формой множественного числа:

как сельдей в бочке;
как собаки (грызться между собой);
как собак (нерезаных);
как голубки;
как тараканы (из щелей).

То есть числовая форма в сравнительном обороте предопределена денотативно.

Сравнение семиотично по своей природе, поскольку его структура изоморфна структуре любого языкового знака, предполагающего связь означаемого и означающего. С семиотической точки зрения, сравнение – это сложный знак, который выполняет компаративную функцию. Эта функция значима для художественного текста в целом и – шире – для всего творчества того или иного автора. Поскольку в основе сравнения лежит познавательная деятельность адресанта и осуществляемое им сопоставление нового с уже известным, сущностные характеристики сравнений могут быть распространены и на вбирающие его текстовые системы. Сравнение, выступая как конструктивный элемент художественного текста, направлено на достижение определенных эстетических целей посредством выделения отдельного, коммуникативно-приоритетного денотата [8, с. 6]. Ср.:

Несмотря на то, что я был совершенно чужд этим моим товарищам по работе – фрезеровщикам, сверлильщикам, слесарям, - у меня с ними были прекрасные отношения, и в чисто человеческом смысле они были, во всяком случае, ***не хуже, а часто даже лучше****, чем представители других профессий, с которыми мне пришлось сталкиваться, и, во всяком случае,* ***честнее*** (Г. Газданов «Ночные дороги»).

Ср. форму сравнительной степени, близкую к суперлативу, где роль стандарта сравнения играют все остальные представители открытого множества, то есть фактически класс в целом:

Но она прекрасно понимала, что Сергей Сергеевич – если предположить, что в нем вдруг вспыхнет ненависть, - будет ей ***более страшен, чем кто бы то ни был****о* (Г. Газданов «Полет»).

В процессе формирования степеней сравнения действуют аналитическая и синтетическая тенденции, причем первоначально (в санскрите и древнегреческом) функционируют два ряда степеней сравнения – именной и глагольный.

Со временем сущность сравнения фокусируется в предикативном прилагательном, которое символизирует собой остаточный результат от сравнения двух объектов, при этом на разность (разницу) между двумя сравниваемыми объектами, выражающимися именами в основной форме, указывает особая морфема (аффикс).

В «Курсе общей морфологии» И.А. Мельчука [3, с. 117] дается такое определение категории степеней сравнения: это такая категория, граммемы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени». Из этого определения вытекает необходимость наличия у степеней сравнения двух актантов: объекта сравнения и стандарта сравнения. Первый из них – это сравниваемый предмет (в широком смысле), а второй – то, с чем он сравнивается.

С логической точки зрения возможны четыре граммемы степеней сравнения: позитив (отсутствие сравнения), экватив (такой же, как…), компаратив (более чем…) и суперлатив (самый). Однако чаще всего (как в славянских и германских языках) категория сравнения различает только три степени: позитив, компаратив и суперлатив. Ср. англ. *short, shorter,the shortest.* В разговорном варианте русского языка, как отмечает И.А. Мельчук [3], имеется еще один вид компаратива – аттенуативный компаратив (‘немного более чем…’), выражаемый префиксом *по-*, присоединяющимся к форме «нормального» компаратива: *шире – пошире, тяжелее – потяжелее.*

© Гайломазова Е.С., 2012

Префиксальные формы с приставкой *по-* свойственны преимущественно разговорному стилю:

- Натик, есть предложение. Мы выпускаем новый путеводитель по Санкт-Петербургу <...> Придумай ***позавлекательнее****!* (Н. Толстая «Туристу о Петербурге»).

Важное отличие их от соответствующих бесприставочных образований состоит в возможности использования в роли атрибута (а не только сказуемого):

Казак ***помоложе*** (**моложе*) *принес две лопаты с короткими плоскими рукоятками* (Вс. Иванов «Партизанские повести»);

... в свое время в семьях попроще непременно вешали в красный угол Гагарина, а в семьях с претензией на интеллектуализм – Хемингуэя и Эйнштейна (Т. Толстая «Главный труп»).

В английском языке различаются три подтипа конструкций со степенями сравнения: 1. имплицитные (*Our house is big*); 2. эксплицитные (*Our house is bigger than yours*); 3. полуэксплицитные (semi-explicit – *Our house is bigger*).

В конструкциях с формами сравнительной степени объект сравнения может иметь любой референциальный статус. В референтных употреблениях объект может быть определенным (*Таня красивее, чем Маша*), слабоопределенным (известно адресанту, но не известно адресату – *У меня есть кое-что получше*) и собственно неопределенным (*Где-то выше по течению снесло мост*). В нереферентных употреблениях объект может быть только предполагаемым или воображаемым (*нужно предложить что-то более правдоподобное*), а также общеродовым, когда имеются в виду все или типичные представители перечисляемого класса (*женщины сострадательнее мужчин*). «Что касается стандарта сравнения, то его референциальные возможности гораздо уже. Связано это с тем, что поскольку степени сравнения выражают количественную оценку меры признака у объекта сравнения в сопоставлении со степенью его проявления у стандарта сравнения, предполагается (в качестве прагматической презумпции), что последняя должна быть известна слушающему и тем более говорящему» [2, с. 402] .

Помимо эксплицитно релятивных использований компаратива, возможны «имплицитно релятивные», по определению Ю.П. Князева [2], употребления:

Зиму и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были ***целей*** (А. Чехов «Барон»).

В подобных случаях имплицитно релятивного употребления имеется в виду возможность иной меры признака того же объекта в других условиях, то есть имеется в виду скрытая альтернатива. И чаще всего такие конструкции передают нелокализованные во времени ситуации.

Трансформировать значение сравнительной степени в значение превосходной способна негация:

"Nothing I enjoy better than studying these queer types," he whispered. "A place like this is a real treat to me." (D. Priestley).

Обычное прилагательное (в положительной степени) может выражать более значительную меру качества, чем сравнительная степень. И.А. Гончаров в своей знаменитой статье «Мильон терзаний», посвященной анализу грибоедовской комедии, пишет: «Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен». Очевидно, что быть умным вообще более почетно, чем превосходить умом Молчалина, Скалозуба, Загорецкого и других персонажей «Горя от ума». То есть формы синтетической сравнительной степени не от всех прилагательных и не во всех контекстах обладают свойством, которое называется «презумпцией существования качества». Ср. рекламу:

Те, кто вам дорог, достойны лучшего. Поэтому не соглашайтесь ни на что, кроме Orbit. Нет лучше и вкуснее защиты от кариеса. Orbit. Самая вкусная защита от кариеса.

Превосходная степень с точки зрения референциальных свойств актантов предполагает существование и единственность объекта сравнения. Интересно, что перевод превосходной степени возможен с помощью конструкции, в основе которой – форма не превосходной, а сравнительной степени:

'At any rate I'll never go there again!' said Alice as she picked her way through the wood. ***'It's the stupidest tea-party*** *I ever was at in my life!* (L. Carroll "Alice in Wonderland")

- Никогда больше не приду сюда! – сказала Алиса, шагая по лесу. – ***Ничего глупее этого чаепития в жизни не видела****...* (пер. А.Н. Рождественской).

Степени сравнения являются экспрессивным средством, если они используются говорящим для выражения гиперболизированной субъективной оценки:

Miss Matfield arrived, quarter of an hour late, as usual. "Don't talk to me, anybody," she commanded. "I'm furious. Of all the foul lunches I've ever had in this city, to-day's was the foulest. It makes me sick to think about it (D. Priestley)

В большинстве языков нормативные степени сравнения свойственны только качественным прилагательным. Качественный признак, допускающий противопоставление степеней сравнения, по самой своей природе не имеет фиксированного абсолютного значения (о высокой горе можно говорить по отношению к другой горе), поэтому столь обычны для них формы степеней сравнения. Неспособность же относительных прилагательных иметь формы степеней сравнения настолько общепризнана, что отмечена как их отличительная черта в учебных пособиях.

Наиболее существенное отличие качественных и относительных прилагательных состоит в том, что

качественный признак, лежащий в основе семантической структуры прилагательного, может меняться по шкале интенсивности и это определяет два основных семантических свойства качественных прилагательных – способность иметь степени сравнения (то есть быть компарабельным) и сочетаться с интенсификаторами. Некоторые признаки, обозначаемые собственно относительными прилагательными, должны рассматриваться как подвижные, могущие иметь различные степени проявления. Так, «вещественный» признак «быть сделанным из чего-то» является градационным, поскольку данного вещества может находиться в том или ином объекте много или мало, больше или меньше, чем в другом. То же можно сказать и о притяжательных прилагательных, ибо вполне допустимы высказывания типа: *Этот рисунок больше сестрин, чем мой, я его только чуть-чуть подправил.*

Ср.:

Трудно быть более каменным, нежели этот крупнейший из всех мировых городов, а команда, где служит Денис Смит, произвела за год 8400 выездов, то есть в пять раз больше, чем команда полковника Постевого. Значит, дело не в материале, из которого построен город, ныне другие причины способствуют возникновению и распространению пожаров (Ю. Нагибин «Жаркое лето»).

Из контекста следует, что речь идет не о бездушности Нью-Йорка, а именно о том, что он в наибольшей степени состоит (построен) из камня, чем все остальные города. То есть аналитическая форма степени сравнения построена от прилагательного в его прямом (относительном) значении [1, с. 117–118]. Ср. также прилагательные *топорный, дубовый* в форме сравнительной степени, которая указывает на «окачествление» (*дубовый* в общем языке значит в переносном употреблении ‘жесткий, грубый, неуклюжий’, а в сочетании со словом *бревно* приобретает значение ‘бесчувственный человек’):

Любят – думаете? Нет, рубят
Так! Нет – губят! Нет – жилы рвут!
О, как мало и плохо любят!
Любят, рубят – единый звук!
Мертвенный! И сие любовью
Величаете? Мышц игра –
И не болл! Бревна добувей
И топорнее топора

(М. Цветаева «Ариадна»).

Ср. аналитическую форму сравнительной степени от причастия:

Наш ***самый читающий в мире читатель*** *в своей административной ипостаси довел библиотеки страны до полупризрачного состояния: еще чуть-чуть – и ничего от них не останется* (Т. Толстая «Главный труп»).

Ср. также ненормативную форму степени сравнения в переводном тексте:

‘Gotta da peach?’ asked the Kid in the tongue of Dante, the lover of lovers (O. Henry “Little Speck in Garnered Fruit”)

– Персики есть? – обратился он к соотечественнику Данте, ***влюбленнейшему из влюбленных*** (пер. Е.В. Карпенко).

Неологизмы иноязычного происхождения нередко включаются в систему компаративов (особенно – под влиянием контекстных условий, например – по аналогии с другими компаративами):

Ну что еще может быть инновационнее, инвестиционнее и ***«хайтековее»?*** (День, 2 июня 2004 г.).

Вполне обычны компаративы и формы превосходной степени от притяжательных и относительных прилагательных, а также от причастий и в прозе, например – у А.И. Солженицына:

самое российское, раскаленней, столкновенней (Угодило зернышко промеж двух жерновов), *омытее* (Раковый корпус), *обжитей* (Один день Ивана Денисовича), *посолдатистей, золотей* (В круге первом); *бессловеснее, бездарней, обещательней* (Архипелаг ГУЛАГ), *подохлей, командиристей* (На краях). Последняя форма употреблена в рассказе, имеющем документальную основу. В образе Тухачевского, который характеризуется с помощью этой формы, повествователя особенно привлекают черты настоящего полководца, умевшего передать всем свое убеждение, «что вот так точно все произойдет». Грамматическому решению образа, конечно, во многом способствует и компаратив – *командиристей (И говорил сильно не по-нашему. И очень почему-то шел ему буденновский шлем – наш всеобщий шлем, а делал Тухачевского еще командиристей).*

Он ступал где посмелее, где порабистее (Бодался теленок с дубом). Эта форма очень интересно проанализирована И.В. Коробовой в связи с такими качествами идиостиля А. Солженицына, как «скульптурность деталей» и «микропсихология», когда лица будто схвачены под увеличительным стеклом.

Формой *порабистее* А. Солженицын характеризует известного советского писателя и публициста Илью Эренбурга. В общем языке есть антонимическая пара: *посмелее – трусливее,* но это не подходит писателю, потому что поведение Эренбурга определяется не столько страхом, сколько пониманием полной зависимости. Дело не в трусости, а именно в рабстве. Эренбург знает, чего именно хотят хозяева. Разрешат – он действует посмелее, а когда опасается своим поступком вызвать высочайший гнев – тогда *порабистее.*

Распространено значение синтетической формы превосходной степени (часто называемое элативом), которое передает большую меру качества без идеи собственно сравнения:

Уважаемейший и солиднейший *академик архитектуры Владимир Николаевич Белоусов (по совме-*

стительству – родной брат моей жены), будучи с делегацией в Омске, показал на музыкальный театр и сказал. Что он спроектирован его сестрой (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»).

Формы степени сравнения от существительных фиксируют один признак, выделяют одно понятие из многих, которые вместе характеризуют предмет (как известно, обычно прилагательное обозначает, выделяет одно качество, одно свойство, в то время как существительное включает в себя много признаков). А.М. Пешковский [4, с. 28] привел пример сравнительной степени *центрее* (*Место службы – в центре. Москва, чего уж центрее*) и объяснил такое употребление сдвигом значения существительного в сторону признака. «В художественном тексте такие формы, во-первых, напоминают о первобытном синкретизме имени, а во-вторых – способствуют созданию семантической емкости слова» [6, с. 95]. Ср. у М. Цветаевой – *морей морейшее*:

Морю он противопоставляет страсть, по тогдашним понятиям – морей морейшее – особая форма превосходной степени в суперлятивном значении. Существительное *море*, образуя превосходную степень, одновременно реализует значение существительного (сопоставляются море и страсть) и прилагательного (признак стихийности оказывается изначально присущим этим двум названным понятиям). Ср. также:

Я – из советского лицея –
волчей волков, лисы лисее,
но простодушнее щенка,
и, помня поцелуй Иуды,
все ждет чего-то ниоткуда
моя наивная щека…

(Е. Евтушенко «Лицей»).

Е.Н. Ремчукова [7, с. 10] отмечает, что реальностью современной речи стали «несанкционированные компаративы»: говорящий, нуждаясь в разнообразных и ярких средствах выражения оценки, легко преодолевает ограничения, связанные с возможностью образования необходимой синтетической формы – более компактной и выразительной, чем аналитическая (*вечнее, общее* и под.). Продуктивность этого процесса обусловливает образование форм сравнительной степени не только от относительных прилагательных и местоимений в «окачественном» значении (*эта идея моее),* но и от существительных (*мужчины-ангелы, женщины еще ангелее, Алсу звездее Агилеры, наш цирк циркее всех цирков*). Однако, как видим, такие образования не есть характеристика языка только последних десятилетий; это давно существующее (хотя, конечно, на периферии формообразования) актуализация одного качества из совокупности свойств. Эти образования от существительных передают то же понятие, как если бы они были дериватами от обычных качественных прилагательных.

А.И. Солженицын использует компаративы от обстоятельственных наречий и слов категории состояния:

Мы с ней удивительно ***вместе****, и чем дальше, тем* ***еще вместей*** (Бодался теленок с дубом).

То, что современному взгляду представляется инновацией последних лет, на самом деле представляет собой коренное свойство имени. Как известно, прилагательное развивалось в особую часть речи на основе синтаксической категории определения. «Различие между существительными и прилагательными не исконно. Прилагательные возникли из существительных, то есть было время, оставившее в разных индоевропейских языках более или менее явственные следы и доныне, когда свойство мыслилось только конкретно, только как вещь» [5, с. 69]. С развитием абстрактного мышления качество отделяется от предмета и начинает мыслиться отдельно. В ряде языков, где для этого оказались благоприятные условия, определение-прилагательное приобретает специализированные аффиксы. В русском языке прилагательное легко отграничивается от существительного даже по внешнему облику. В большинстве современных индоевропейских языков падежные формы прилагательного утрачены (английский, французский и др.), но на определенном этапе своего развития они имели систему словоизменения. В древнеанглийском прилагательные согласовались с существительными не только в роде, числе и падеже, как в современном русском, но и имели две формы в зависимости от того, определяли ли они существительное, обозначающее предмет, или явление вообще или же они определяли данный конкретный предмет или явление.

Библиографический список

1. *Воротников Ю.Л.* Степени качества у качественных, относительных и притяжательных прилагательных // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С. 117–120.

2. *Князев Ю.П.* Степени сравнения: способы квантификации и типы референции // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. – М.: Индрик, 2005. – С. 400–413.

3. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. 11. – М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. – 543 с.

4. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

5. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.

6. *Приходько И.П.* Аллеотеты: когнитивное содержание и лингвопрагматические характеристики (на материале русского и английского языков): Дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 161 с.

7. *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2005. – 40 с.

8. *Самарская Т.Б.* Семиотическая характеристика сравнения как конструктивного элемента текста (на материале языка поэмы «Песнь о Гайавате»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.

УДК 811

Загоровская Ольга Владимировна
доктор филологических наук
Воронежский государственный педагогический университет
olzagor@yandex.ru
Заварзина Галина Анатольевна
кандидат филологических наук
Воронежский государственный педагогический университет
zga1311@mail.ru

СЛАБЫЕ ИННОВАЦИИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ СФЕРЫ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Настоящая статья посвящена проблеме образования и функционирования слабых инноваций, связанных с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России. В работе предлагается описание механизмов создания собственно семантических неологизмов в лексике государственного управления русского языка новейшего периода, среди которых наиболее продуктивными являются метафорические, метонимические и родо-видовые переносы, и функционально-семантических инноваций, связанных с процессами актуализации и пассивизации, а также с увеличением пласта общеупотребительной лексики за счет лексики ограниченного употребления: терминологической и жаргонной.

Ключевые слова: *слабые неологизмы, собственно семантические инновации, функционально-семантические неологизмы, метафорические, метонимические, родо-видовые переносы, актуализация, пассивизация.*

Сфера государственного управления, являющаяся одной из важнейших сфер общественной жизни, в современную эпоху глобальных социально-политических и экономических перемен в России претерпевает серьезные трансформации, находящие яркое отражение, прежде всего, в лексической системе русского языка, активно пополняющейся за счет слабых инноваций, среди которых можно отметить собственно семантические неологизмы, характеризующиеся изменениями в семантической структуре слова в целом или изменениями в содержании денотативного и эмотивного компонентов отдельного значения словесного знака, и функционально-семантические инновации, связанные с изменениями в содержании функционально-стилистического компонента лексической семантики [1, с. 10].

Как показывают исследования, основными типами семантических изменений, приводящих к возникновению семантических неологизмов в рамках внутрисловной семантической деривации, являются семантические (метафорические, метонимические и родо-видовые) переносы, приводящие к перекатегоризации известного понятия.

Наиболее продуктивным семантическим механизмом образования собственно семантических неологизмов в тематической сфере «Государственное управление» является *метафоризация*, основанная на сходстве 1) функций, а также характера, способа, результата действия (ср.: *настройка правительства, распечатывание госгарантий, зависающий законопроект, продавить законопроект, проштамповать поправку, раскачать сектор* и др.); 2) принципа внутреннего устройства, количества составляющих элементов (ср.: *вертикаль, вертикальный, верхние этажи власти, барьеры административные, рычаги принятия государственных решений* и др.; 3) внешнего вида, размеров и величины предметов (ср.: *пакет инициатив, пирамида из ветвей власти, бюрократический коридор* и др.); 4) значимости признаков или общего впечатления от предметов (ср.: *прозрачная вертикаль, замятое поручение, рамочный документ, мягкие трансформации госуправления* и др.).

При образовании семантических неологизмов тематической сферы «Государственное управление» путем метонимизации используются следующие семантические модели: 1) содержащее – содержимое (ср.: *Охотный ряд* в значении «Государственная Дума РФ», *Белый дом, Кремль, портфель поручений, левые инициативы, свободный микрофон и др.*); 2) признак объекта – признак другого объекта, как-либо связанного с первым объектом, изготовленного из него или использующего его (ср.: *тандемный* в значении «входящий в тандем Путин – Медведев» и «рекомендованный тандемом», *нечестные методы*, *карманный госорган* и др.); 3) действие – результат действия (ср.: *наработки* и др.).

Родо-видовые трансформации связаны с расширением (ср.: *знаковый* в значении «отличающийся особой важностью», *институт президентской вла-*

 © Загоровская О.В., Заварзина Г.А., 2012

сти и др.) или сужением (ср.: *площадка* для решения административно-государственных вопросов, *тандем, зачистка* и др.) исходного значения производящего слова, а также с семантическим сдвигом, касающимся, прежде всего, так называемой переориентированной лексики, именующей органы государственной власти и представителей власти (ср.: *парламент, президент, премьер, премьер-министр, мэр, мэрия, госслужащий* и др.), а также управленческие мероприятия и негативные тенденции в органах государственной власти (ср.: *разделение властей*, *бюрократизм*, *бюрократия, коррупция, кризис, протекционизм, праймериз, лоббировать и др.*), и проявляющимся в исчезновении в плане содержания названных словесных знаков идеологизированных денотативных сем, указывающих на отнесенность той или иной реалии к «буржуазному миру» или «эксплуататорскому / капиталистическому обществу».

Заметим, что достаточно большую группу лексических единиц образуют так называемые «тематически переориентированные семантические неологизмы» (термин проф. О.В. Загоровской), представленные словесными знаками, пришедшими из других сфер: *из сферы экономики* (ср.: *пул* в значении «совокупность государственных решений»: При этом …будет разработан некий стандартный *пул инструментов адресной помощи* компаниям и, что еще более важно, пул стандартных условий и процедур доступа к такой помощи (Эксперт, 02.2010); *из компьютерной сферы* (ср.: *формат* в значении «способ общения представителей государственных структур»*:* К сожалению, 18 регионов оказались аутсайдерами в подготовке нового формата оказания государственных услуг» (РГ, 03.2011); *из военной сферы* (ср.: *война (законов*) в значении «противоречия между законодательными актами»: «Большое внимание на слушаниях было отведено войне законов» (РГ, 02. 2008), *война (компроматов)*, *наращивать (расходы*), *снижение напряженности* (в трудовом секторе) и др.); *из сферы медицины* (ср.: *перекрыть кислород* в значении «лишить жизненно необходимых средств, пресечь какую-нибудь деятельность, обычно как мера силового давления» [2, с. 457]; *метастаз* (*метастазы коррупции*), *синдром* (*путинский, путинско-медведевский*), *иммунитет (депутатский, бюджетный, межрегиональный), вброс бюллетеней* и др.); *из сферы спорта (с*р.: *ралли (предвыборное)* – о напряженной конкуренции в чем-либо; о быстром изменении, развитии чего-нибудь [2, с. 835]; *скамейка запасных* (резерв кандидатов на замещение значимых государственных должностей – [3, с. 129] и др.); *из сферы искусства* (ср: *кулуары (*о помещении вне зала заседаний в парламенте, на съезде для неофициального обмена мнениями [2, с. 523]; *сценарий* (развития экономики, политики); *из текстильной сферы* (ср.: *ткань (управленческая), нити (госуправления), лоскутная (система госуправления):* В итоге управленческая ткань, в которой раньше доминировали нити горизонтальные и не хватало вертикальных, теперь перенасыщена вертикальными нитями и страдает от недостатка горизонтальных (полит.ру, 03.2007) и др.).

Функционально-семантические инновации в лексике государственного управления русского языка новейшего периода связаны с изменениями в содержании функционально-стилистического компонента лексической семантики, несущего информацию о речевом употреблении слова и отражающего изменения в характере его функционирования: смене или расширении сферы употребления слова; повышении или понижении частотности его употребления в речи; отнесенности к разряду устаревшей или новой лексики и др. (подробнее об этом см. работы проф. О.В. Загоровской). Подобные изменения в русском языке новейшего периода связаны с процессом актуализации и пассивизации тематических групп слов сферы государственного управления, а также с увеличением пласта общеупотребительной лексики за счет лексики ограниченного употребления (терминологической или жаргонной).

Актуализированную лексику в тематической сфере «Государственное управление» составляют лексемы, вернувшиеся в новейший период развития русского языка в активное употребление и обозначающие наиболее существенные для данного периода развития общества явления или понятия *(ср.: губернатор, губернаторство, генерал-губернатор, губерния, Дума, думец, чиновник, департамент и др.)*. О принадлежности данных лексем к активному словарю свидетельствует частотное их употребление, в первую очередь, в средствах массовой информации в целях нейтральной номинации, а также отсутствие при них хронологических помет в толковых словарях последних лет издания, в то время как в словарях советского периода они сопровождаются пометами «устар.», «истор.» или «доревол.».

Многие лексические единицы анализируемой сферы актуализируются в связи с разрушением идеологизированных денотативных сем «в капиталистических странах», «в эксплуататорском обществе», «в буржуазных странах», присутствовавших в плане содержания слов и ограничивающих активность их употребления (ср.: *президент, мэрия, мэр, префект, полиция, сенат* и др.).

Отдельные словесные знаки, относящиеся к сфере государственного управления, переживают в настоящее время процесс реактивации. Среди подобных лексических и фразеологических единиц можно выделить: 1) названия управлений, ведомственных подразделений, организаций (ср.: *добровольная народная дружина, главк, госбезопасность,*

исполком, районо, облоно, партбюро, партгруппа, президиум, общественные приемные и др.); 2) наименования лиц, участвующих в государственном управлении и активной общественной жизни (ср.: *дружинник, назначенец*, *полпред* и др.)*;* 3) наименования мероприятий государственного характера (ср.: *план, госплан, плановый, планирование, селектор и др.*); 4) наименования важнейших понятий государственной сферы (ср.: *ГОСТ, партдисциплина, назначенство, партсобрание, перевыборы, довыборы, самоотвод*, *баланс трудовых ресурсов, премия, человеческий фактор, социализация, обсуждение* и др.).

Отмеченные процессы актуализации лексических единиц сферы государственного управления свидетельствуют о возникшей в современном обществе потребности в восстановлении преемственности административных номинаций досоветской и советской России.

Следует отметить, что расширение активного словарного запаса сферы «Государственное управление» в новейший период развития русского языка может происходить также за счет слов, ограниченных ранее в функционально-стилистическом отношении (прежде всего, это касается слов терминологического и жаргонного характера).

Очевидно, что на современном этапе развития русского языка лексико-семантическая сфера «Государственное управление» активно пополняется так называемыми тематическими неологизмами, то есть лексическими и фразеологическими единицами, извлеченными из разных профессиональных областей человеческой деятельности для наименования актуальных в настоящее время явлений и понятий административной сферы. Так, например, словарный состав управленческой сферы расширился за счет терминов и терминологических сочетаний, прежде всего, из сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (ср.: «*информационно-телекоммуникационные технологии», «Интернет», «Рунет», «сеть», «блог», «в открытом доступе*», «*веб-камера*», «*портал», «IT-технологии», «сайт», «онлайн-сервисы», «интерфейс», WAP-портал и др.),* из сферы экономики *(ср.: «менеджеральный» (подход к госуправлению), (государственный, управленческий) «менеджмент», «рыночный тип государственного управления»,* «*продуктивность» (госуправления), «менеджер» партии* и др.), из сферы обслуживания (ср.: «*клиент»,* «*сервисное общество*», *«государственные услуги»,* «*общество услуг», «качество госуслуг»* и др.), из научно-технической сферы (ср.: «*инновации», «инновационный», «технопарк», «техноград», «особые экономические зоны», «нанотехнологии» и др*.), из рекламной сферы (ср.: «*ребрендинг*», «*промо-акция»,* «*пиар-кампания»* и др.).

Очевидно, что многие из перечисленных лексических и фразеологических единиц являются новыми только для исследуемой нами сферы. Подобные словесные знаки утрачивают функционально-стилистический компонент значения, несущий информацию о принадлежности слова к той или иной специальной (терминологической) сфере.

Следует отметить, что в анализируемой сфере среди актуализированных словесных знаков выделяется особая лексическо-фразеологическая группа, получившая в научной литературе терминологические обозначения «ключевые слова эпохи», «слова-символы», «слова-лозунги», «лексемы, имеющие базовую ценность», «управляющие слова», «слова, концептуально выражающие “дух времени”» [4; 5; 6; 7], среди которых можно назвать лексические единицы (ср.: *информация, информационный*, *модернизация, инновации, оптимизация, стабилизация, прозрачность, приоритет, приоритетный* и др.) и устойчивые словосочетания (ср.: *человеческий капитал*, *административная реформа* и др.). Подобные словесные знаки отличаются частотностью употребления в выступлениях государственных деятелей РФ и в публицистических произведениях новейшего периода, а также их повторяемостью в пределах узкого контекста, связанной с невозможностью синонимических замен; широким синтагматическим потенциалом, а также высокой деривационной активностью.

Как показывают исследования, среди актуализированной лексики сферы госуправления в русском языке новейшего периода значительную группу составляет функционально-стилистически ограниченная лексика, представленная жаргонными (ср.: *взять в разработку, выемка документов, вызвать на ковер, толкач*, *откат, отмывание доходов* и др.) и разговорными *(ср.: продавить (законопроект), подвижка* в значении «положительное изменение, успех на пути развития, прогресса в социально-экономической и политической сферах», *накачка* в значении «повышение профессионального уровня госчиновников», *мониторить*, *отписка, взбучка, перетасовки, проволочки* и др.) словесными знаками.

Следует отметить, что актуализация сниженной лексики анализируемой сферы свидетельствует об общей тенденции в русском языке новейшего периода к перемещению элементов из периферийных сфер языка в центр языковой системы. Среди причин подобных изменений можно назвать отказ от цензуры и привлечение широких масс населения к активной общественной жизни. Оценка подобного явления не может быть однозначной: с одной стороны, актуализация жаргонной лексики свидетельствует о процессах демократизации русского языка, а с другой – широкое употребление единиц рассматриваемой группы несет в себе, прежде всего, опасность морально-этического плана [8, с. 8].

Противоположным по направленности процессом является процесс пассивизации, проявляющийся в выходе лексических и фразеологических единиц данной тематической сферы в пассивное употребление (ср.: *Верховный Совет СССР, милиция, политуправление, соваппарат, совбюрократ, Совет, Генсек, народный контроль, руководящая / генеральная линия партии, проводить партийную линию, соцсоревнование, пятилетка и др.*).

Отмеченные семантические процессы свидетельствуют о формировании особого подъязыка государственного управления современной России и представляют несомненный интерес как для государствоведов и политологов, так и для исследователей-лингвистов.

Библиографический список

1. *Загоровская О.В.* Лексические инновации в русском языке новейшего периода // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 10–11.

2. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2008 (ТСРЯ).

3. *Моченов А.В.* и др. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Савваитова. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2003 (ССЖП).

4. Dieckmann Walther: Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. – Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 2. Aufl, 1975. – S. 29–103.

5. *Крючкова Т.Б.* Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. – М., 1989.

6. Hermanns Fritz: Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen 'politischen' Semantik. – In: Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich «Sprache und Situation», Heidelberg/Mannheim. Bericht Nr. 81, 1994. – S. 12–16

7. *Катаева С.Г.* Немецкий политический язык: основные направления и тенденции развития (на материале политической лексики): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2009.

8. *Загоровская О.В.* Еще раз о судьбах русского языка в условиях межкультурного взаимодействия и глобализации современного мира // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2008. – С. 13.

УДК 811.111'35

Иванова Наталия Кирилловна
доктор филологических наук
Ивановский государственный химико-технологический университет
ivanova@isuct.ru

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ НА ОСНОВЕ ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛОВ

Статья посвящена проблеме ошибочных написаний в английском языке и содержит анализ типичных орфографических ошибок на примере списка из 34 «трудных слов». Определяется причина орфографической ошибки, устанавливается наличие связи между написанием слова и его произношением. Делаются выводы о типичных «слабых звеньях» в орфографии слов.

Ключевые слова: *орфография, ошибочные и вариантные написания в британском и американском английском, типология ошибок, частотность, причина появления.*

Как известно, многочисленные ошибочные написания на английском языке давно стали в Великобритании и США предметом широкого общественного обсуждения [1; 2], направленного на обоснование проведения и подготовки кардинальной реформы английской орфографии, упрощающей ряд традиционных написаний и устанавливающей, по возможности, однозначное соответствие «буква-звук» (графема-фонема).

Цель настоящей статьи – проанализировать типичные орфографические ошибки в письменной речи носителей английского языка, основываясь на материале ряда Интернет-источников, установить типологию ошибок, их зависимость от произношения слова и его этимологии, а также определить степень распространенности некоторых вариантных написаний в современной английской орфографии не по словарям, как это делается обычно [1], а на основе практики письменной коммуникации.

В настоящее время уже очевидно, что надежды, когда-то возлагаемые на встроенные в компьютеры средства проверки орфографии, не оправдались: действительно, информационные технологии внесли значительные изменения в процесс набора, проверки и печати письменных текстов, но опечатки и ошибки до сих пор в них присутствуют. Еще в «докомпьютерную» эру в англоязычных странах было создано большое количество орфографических пособий, справочников, приложений к словарям, которые включали списки «трудных слов», рекомендовали правила для запоминания орфографии слова [3]. Сейчас эта деятельность активно продолжается в киберпространстве. Сторонники строгой орфографической нормы (как правило, лингвисты, редакторы, школьные учителя) продолжают составление таких списков (из 16 «трудных» слов, 100, 150, 500 и т.д.), пытаются провести анализ типичных орфографических ошибок, получить некоторые статистические данные, свидетельствующие о степени распространенности ошибок. Изучение письменной коммуникации на английском языке в Интернете показывает, что орфография пользователей, несмотря на доступность средств ее проверки, лучше не стала. Эрративы, то есть нарочитое нарушение орфографической нормы, различного рода компрессивы и аббревиатуры (например, *smmr* (summer), *hols* (holidays), *tht* (that), *up 2 N* (up to now, etc)) стали отличительной чертой сетевого социолекта. Однако наряду с ними встречаются и просто ошибочные написания, касающиеся большого количества английских слов – постоянных «участников» различного рода списков и хорошо знакомых из собственной практики любому преподавателю английского языка (например, it's – its, there – their, then – than, *seperate* вместо separate, *fourty* вместо forty, *necesary* вместо necessary, etc.). Американский исследователь Корнелл Кимбалл (Cornell Kimball) провел изучение с точки зрения орфографии нескольких постов (posts) пользователей Deja News <http://www.dejanews.com/>, в ходе которого им регистрировалось количество написаний слов в традиционной орфографии по сравнению с вариантными или ошибочными (misspellings). Им же было организовано специальное обсуждение проблемы на форуме *alt.usage.english* [3]. В ходе этого исследования было установлено, что в нестандартной орфографии в среднем пользователями Сети было написано более чем 33% использованных слов (не самых простых по написанию и произношению, в основном «книжных», то есть типичных именно для письменной коммуникации). Все слова с ошибочными написаниями были разделены на три группы – в зависимости от количества допущенных ошибок. Заметим, что оригинальный авторский список приводился без указания на произношение слова, но мы посчитали необходимым его обозначить, основываясь на данных словаря LPD [4], для того чтобы точнее определить существующую связь между написанием слова и его произношением. Указание *на место* ошибочного написания в слове также не всегда присутствовало, поэтому мы руководствовались при интерпретации материалов собственным опытом преподавания орфографии и фонетики будущим преподавателям английского языка.

Наиболее часто (в диапазоне 68% – 34%) ошибки наблюдались в словах, приведенных в таблице 1.

 © Иванова Н.К., 2012

Таблица 1

Слова с ошибочными написаниями в 68% – 34% от общего числа употреблений

Орфография слова	Произношение	Количество ошибочных написаний (%)
Minuscule	/ˌmɪnɪˈskjuːl/	68%
Millennium	/mɪˈleniəm/	57%
Embarrassment	/ɪmˈbærəsmənt/	55 % (embarrassing 35%)
Occurrence	/əˈkʌrəns/	44% (occurring 37)
Accommodate	/əˈkɒmədeɪt/	40% (accommodation 39%)
Perseverance	/ˌpɜːsɪˈvɪərəns/	37%
Supersede	/ˌsuːpəˈsiːd/	35-50% (superseded)
Noticeable	/ˈnəʊtɪsəbl/	35%
Harass	/ˈhærəs/	34%
Inoculate	/ɪˈnɒkjʊleɪt/	34%

В этом списке из 10 слов-лидеров половина (5 слов) имеют в своем нормативном написании удвоенные согласные, «поддерживающие» произношение слова, несмотря на то, что некоторые из них, как и остальные пять слов, были когда-то заимствованы в английский язык из романских языков при помощи цитатного принципа. На основе этих первых десяти слов можно сделать предположение, что именно слова с удвоенными согласными являются наиболее «уязвимыми» по своему написанию. Также можно ожидать появление орфографической ошибки в тех словах, в которых звук в безударном (реже – ударном) слоге передается с помощью аллографа (e.g.persever**ance**, occurr**ence**, min**u**scule). Причем в слове **occurrence** типичной ошибкой является и его написание без удвоенной <r>, появление которой обусловлено правилами английской орфографии, предполагающей удвоение <r> в конечном слоге под ударением (ср. referring, conferred, preferring).

Данные К. Кимбалл позволяют уточнить, что написание без удвоенной <r> встречается чаще (1986 раз из 5506), чем с некорректным суффиксом (229 раз из 5506), однако 2109 случаев приходятся на двойную ошибку в орфографии этого слова: и без удвоенной согласной после ударного гласного, и с неправильной гласной в суффиксе (*occu**ran**ce*). Кроме того, два слова из первого десятка (min**u**scule, super**se**de) имеют ошибочное написание под влиянием их произношения (феномен Pronunciation Spelling). Причем обычно в слове **supersede** допускаются две ошибки: согласно произношению пишется <ee>, а по аналогии со словами **proceed, precede** вместо графемы <s> пишут <c>, что не запрещается правилами английской графики (но не орфографии). Слово *minuscule* [695 – 1705; <L minusculus (smallish)], которое ассоциируется у многих со словом minus [5], часто пишется с буквой <i> вместо <u>, которая и передает в некорректном написании звук /ɪ/ после графемы <n>.

Лишь одно из десяти указанных слов первой группы – **notic(e)able**- имеет кодифицированный вариант написания, который, по нашим данным, совпадающим с результатом исследования К. Кимбалл, получает все большее распространение [1], несмотря на наличие в этом слове функциональной нагрузки у графемы <e>.

Вторую группу (с ошибочными написаниями в 33–20%) составили слова, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Слова с ошибочными написаниями в 33–20% от общего числа употреблений

Орфография слова	Произношение	Количество ошибочных написаний (%)
Mischievous	/ˈmɪstʃɪvəs/	32%
Occurred	/ əˈˈkɜːd/	31%
Embarrass	/ɪmˈbærəs/	30% (embarrassed 29%)
Indispensable	/ˌɪndɪˈˈspensəbl/	29%
Privilege	/ˈprɪvəlɪdʒ/	28%
Questionnaire	/ˌkwestʃəˈneə/	28%
Pastime	/ˈpɑːstaɪm/	24%
Separate	/ˈsepəreɪt/	23% (inseparable 21%)
Preceding	/prɪˈsiːdɪŋ/	22% (preceded 21%)
Definitely	/ˈdefənətli/	20%
Gauge	/ˈgeɪdʒ/	20% (gauges 25%)

Прежде всего, заметим, что в группах № 1 и № 2 встречаются две пары однокоренных слов: **embarrass – embarrassment; occurrence – occur.** Это говорит о типичности ошибок, допускаемых в этих словах, независимо от словоформ, а 31–30% ошибочных написаний свидетельствует об их частотности.

Первую строку таблицы занимает прилагательное **mischievous** (32% ошибочных написаний). Оно имеет вполне «прозрачную» морфологию: глагол (ныне не употребляется) **mischieve** (старофр. mis+achieve) и типичный суффикс прилагательного **-ous**. Неправильное написание этого слова, несомненно, обусловлено его ошибочным произношением. Нормативное произношение этого слова предполагает ударение на первом слоге и редукцию заударных слогов (См. табл. 2). Широко распространенным некорректным произношением является перенос ударения на второй слог и появление перед суффиксом в качестве эпентезы звука /ɪ/ или /ə/, как будто на их месте в написании имеется <i> или <e>. Данные К. Кимбалл показывают высокую типичность именно этой орфографической ошибки: из 1203 написаний слова mischievous 255 случаев приходятся на ошибочный вариант mischevious (с двумя ошибками в заударной части) и 226 случаев – на написание misch**iev**ious, misch**eiv**ious, misch**ei**veous, misch**iv**eous. В сумме это составляет 481 некорректное написание. Всего было установлено 9 вариантов некорректной орфографии этого слова, которые свидетельствуют, что трудности возникают не только в написании суффиксальной части слова, но и его основы.

Как и в первой группе слов, «слабыми звеньями» в составе слова являются безударные гласные (ср. indispens**able**, priv**il**ege, sep**arate**, def**inite**ly). Так, слово **privilege**, сохранившее старофранцузское написание (< L *prīvēlēgium*) [5], было употреблено участниками эксперимента всего 7035 раз (более 3 тыс. ошибочных написаний, 28%). Самая типичная ошибка – написание – **priviledge** (1050 раз). Подобно другим неправильным вариантам написания слова, оно демонстрирует два рода орфографических ошибок: некорректное написание конца слова для передачи фонемы /dʒ/, которая в большинстве слов английского языка передается диграфом <dg>+e, но в этом слове романского происхождения сохраняет написание по французской модели; и вариантное написание безударной гласной. Эти два типа ошибок представлены следующими некорректными написаниями: 1) privle**dge** (331), privele**dge** (238), privele**dge** (36), privale**dge** (18), privli**dge** (12); 2) priv**elege** (521), privilege **(**212), priv**alage** (15) , priv**elage** (134), priv**ellege** (12), priv**lage** (21), prive**lige** (61), priv**lige** (11). Таким образом, эти ошибки можно классифицировать как ошибки *по аналогии* (ср.: англ. *cartridge*, *knowledge*, etc) и ошибки под воздействием *произношения* (Pronunciation Spelling).

Эта же тенденция (зависимость вариантного написания заударных гласных от произношения) наблюдается и на примере слова **definitely** – 90565 употреблений, из них 20% – ошибочные: definately (17904), definitely (2434), defiantly (1609), definitely (322), definatley (247), definitely (158), defenitly (48), defenatly (44) и др. Как видно из примеров, ни один случай ошибочного написания не приходится на гласный под ударением. Такого же рода орфографическая ошибка допускается и в написании заударной части слова **separate** (< L sēparā̄ tus) [5].

Как и первая группа слов, рассмотренная выше, вторая группа включает одно слово (gauge), которое имеет кодифицированное в словарях вариантное написание gage; в некоторых пособиях по орфографии и словарях оно трактуется как присущее американскому варианту английского языка [4; 5]. Однако орфографический узус свидетельствует о более сложном выборе из двух имеющихся вариантов: «новый» вариант, более простой, яснее указывающий на связь между написанием и произношением (gage), чаще применяется в научно-техническом языке (в значении «счетчик; калибровать»), а за пределами терминологии у этого многозначного слова предпочтительнее вариант gauge (<F jauge). К. Кимбалл, проводя свое исследование, получил в Deja News 8879 раз вариант **gauge** и 1848 **gage**, что вполне предсказуемо. Однако 2211 раз (20%) слово появилось с некорректным написанием как **guage** [3]. Нарушенный порядок появления гласных в диграфе, как правило, в словах иностранного происхождения, является одной из распространенных ошибок: пишущий помнит количество букв, но не уверен в порядке их следования.

Вполне объяснимым (морфологией слова: фр. существительное **question (<L** quaestiō**)** плюс романский суффикс **-aire**) является ошибочное написание (без удвоенной <nn>) слова **questionnaire.** Согласно правилам английской графики, диакритическая графема <r> «раскрывает» слог, следовательно, следующая за ней диакритическая <e>, с точки зрения пишущего, является избыточной. Еще одной интересной ошибкой, вызванной неверным толкованием слова, является написание слова **pastime**, в 24% случаев употребленное информантами с удвоенной <ss> (ср. password, passport, etc.). Это, казалось бы, простое английское слово, является ассимилированным заимствованием из среднефранцузского языка (1480–1490 pas(s)e tyme > MF passé-temps) [5].

Далее рассмотрим **третью** группу слов, с наименьшим числом ошибочных написаний (табл. 3). Наша мысль о частотности и типичности некоторых некорректных написаний подтверждается наличием в ней слов **separately** и **precede** (см.: табл. 3), «лидерством» в ней слова **existence** (ошибочное написание заударного суффикса, ошибками в словах

Таблица 3

Слова с ошибочными написаниями 18–10% от общего числа употреблений

Орфография слова	Произношение	Количество ошибочных написаний (%)
existence	/ɪgˈzɪstəns/	18
publicly	/ ˈpʌblɪkli/	18
weird	/wɪəd/	17
separately	/ˈsepərətli//	17 (separated 16%)
misspell	/mɪspel/	16
grammar	/ˈgræmə/	15
withhold	/ˈwɪðhəʊld/	15
miniature	/ˈmɪnɪɪtʃə/	14
precede	/prɪˈsi:d/	13 (precedes 11%)
rhythm	/rɪðm/	12
conscientious	/ˌkɒnʃiˈenʃəs/	11 (conscious 10)
hierarchy	/ˈhaɪəɹɑki/	11
calendar	/ˈkælendə/	10

calendar, Grammar, miniature. Наречие **publicly** демонстрирует ошибку (*publicaly*), связанную с появлением перед суффиксом эпентезы (графемы <a>), как будто слово образовано от прилагательного на -al (*publical*).Ошибочное написание слова **weird** (17%) спровоцировано нетипичностью диграфа, применяемого для передачи дифтонга; к тому же каждый носитель английского языка с детства запоминает правило: "*i before e, except after c*", привычно применяя его и при написании данного слова. В анализируемом материале, полученном К. Кимбалл, с точки зрения вариантности написаний интерес представляет слово misspell (misspelling, misspelt): **misspell** – 486 случаев; **mis-spell** – 52 случая написания. Это говорит о меньшей популярности варианта с дефисным написанием. У глагола прошедшего времени основным является вариант misspelled (209 раз), более распространенный в США, а типичное в Британии написание – misspelt и misspelt.

Обратим внимание на то, что только 11% орфографических ошибок было сделано в самых трудных словах – **conscientious** и **hierarchy**. Это говорит о том, что орфография подобных слов со школы заучивается носителями английского языка (ср.: русск. *винегрет, жюри, матрац* и т.д.), и ошибки в них случайны.

Проведенное исследование позволило сделать следующие (предварительные) выводы:

1. Не существует ярко выраженной зависимости между сложностью написания слова и количеством допущенных ошибок при его употреблении.

2. Наиболее частотными ошибками являются те, которые касаются написания заударной части слова, то есть тех графем, которые обозначают гласный в фонетически слабой позиции.

3. Одной из причин некорректного написания слова является неуверенность пишущего в последовательности букв в диграфе (<ei>/<ie>, <au/ua>, etc.).

4. Значительное количество ошибок обычно допускается в словах иностранного происхождения, которые пишутся в английском языке согласно цитатному принципу и, следовательно, имеют в своем составе нетипичные для английского языка графемы, плеонастические символы.

5. «Слабым звеном» в орфографии слова является наличие в нем удвоенных согласных, последовательность появления которых и место часто не воспроизводятся корректно.

Библиографический список

1. *Иванова Н.К., Блинов Р.Ю., Кузьмина Р.В.* Орфография английского языка: хаос или космос? – Иваново: изд-во ИГХТУ, 2009. – 276 с.

2. *Bronstein A.* Spelling Reform and the History of Phonetics and Phonology // A Guide to the History of the Phonetic Sciences in the United States. – Berkeley: USF, 1999. – P. 36–37.

3. *Kimdall C.A.* Study of the Most Common Misspelled Words [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.spellingsociety.org/journals

4. Longman Pronunciation Dictionary by J. Wells. – L.: Pearson, 3 ed., 2008.

5. Random House Webster's College Dictionary. – New York: Random House, 2000.

Исаева Нармина Шуа кызы
Бакинский славянский университет (Азербайджан)
NarminaIsayeva@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена теории и практике фразеографии. Отмечается, что как в прошлом, так и в настоящее время словари описывают фразеологические и лексические единицы на основе одних и тех же принципов. На самом деле здесь смешивается фразеологическая и лексическая семантика. В результате игнорируется природа единиц вторичной номинации.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеография, этимологизм, лексическое значение, единица вторичной номинации.*

Одновременно с развитием теории фразеологии в 50–60-е годы прошлого столетия начинает интенсивно развиваться и теория фразеографии. Следует отметить, что как сам термин *фразеография*, так и принципы словарного описания фразеологических единиц не были сразу и однозначно приняты. Сразу было обращено внимание на то, что фразеологическая семантика почти не поддается описанию. Фразеологическая единица отличается от синонимичной лексической единицы. Всем ясно, что это отличие состоит в большей экспрессивности содержания фразеологизма. Однако описать это экспрессивное отличие, интерпретировать его в рациональных терминах почти никогда не удается. Отличие фразеологизма от слова, как правило, пытаются передать такими словами, как *очень, крайне, чрезвычайно, сильно* и т.п. В 60-е гг. прошлого столетия, когда наблюдался бум фразеологических исследований, ученые пытались по-разному определить своеобразие фразеологической семантики. Фразеографической проблематике в те годы были посвящены работы А.М. Бабкина, С.И. Ожегова, Н.М. Шанского, А.М. Молоткова, М.Т. Тагиева, А.И. Федорова, Д.Н. Шмелева, В.П. Жукова, В.Л. Архангельского, Ю.А. Гвоздарева, В.М. Белоноженко, М.И. Умарходжаева. Конечно, это далеко не полный перечень имен. Как отмечалось выше, рассматривая особенности фразеологической семантики, исследователи так или иначе затрагивали и вопрос словарного описания этих языковых единиц.

В свое время А.М. Бабкин писал: «Фразеологические единицы находят место и в общих толковых словарях. Но целью специального словаря является исчерпывающая полнота выявления их запаса в современном русском языке и подробная лексикографическая характеристика – описание каждой фразеологической единицы» [2, с. 9–10].

В приведенной цитате обращает на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, описание семантики фразеологизма определяется как *лексикографическая характеристика*. Во-вторых, почему-то разграничиваются задачи общего толкового и специального фразеологического словаря. Приводимые доводы, на наш взгляд, не являются убедительными. Так, исчерпывающая полнота выявления их запаса в современном русском языке должна характеризовать и словарь современного литературного языка, а не только специальный фразеологический. Что касается подробного описания, то и оно должно иметь место не только во фразеологическом словаре, но и в общем толковом.

Специальный фразеологический словарь, на наш взгляд, должен отличаться полнотой описания фразеологизма в различных аспектах, в перспективе – во всех возможных. Например, во фразеологическом словаре должны быть представлены варианты. Следует давать этимологическую справку. Семантизация фразеологизма должна быть по возможности полной. Необходимо раскрывать стилистический характер, природу коннотации, положительной или отрицательной. Поскольку статьи во фразеологическом словаре носят специальный характер, то есть посвящены отдельной единице, нужно приводить синонимы и антонимы. В конечном счете, специальный фразеологический словарь обязан дать исчерпывающую информацию об описывамой единице. В этом смысле фразеологический словарь представляет не только собственно лингвистическую, но и широкую энциклопедическую информацию.

Основной ошибкой фразеографических исследований прошлого и специальных фразеологических словарей было неразграничение феноменов лексического и фразеологического значений.

Не только А.М. Бабкин, говоря о фразеологии и фразеографии, использует термины *лексическое значение* и *лексикография*. На протяжении очень долгого времени единственным словарем фразеологии русского языка оставался «Фразеологический словарь русского языка» (ФСРЯ) под редакцией А.М. Молоткова. Параллельно с работой над словарем, выдержавшим несколько изданий, А.М. Молотков выпустил книгу, название которой говорило само за себя: «Основы фразеологии русского языка». Во вступительной статье к ФСРЯ, в разделе, озаглавленном «Категориальные признаки фразеологизма», А.И. Молотков пишет: «Фразеологизм имеет свои, только ему присущие категориальные, или определяющие, признаки, которые в совокупности позволяют, с одной стороны, выделить его в самостоятельную единицу языка, с другой, – отграничить от других единиц языка. Такими признаками

 © Исаева Н.Ш., 2012

фразеологизма являются: а) лексическое значение, б) компонентный состав и в) наличие грамматических категорий» [5, с. 8].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что значение фразеологизма А.И. Молотков называет *лексическим*, подчеркивая при этом, что речь идет о *только ему присущих признаках*. Спрашивается, разве слово не лексическим значением обладает?

В монографии А.И. Молоткова 4-ый раздел называется «Лексико-грамматическая характеристика фразеологизма» [3, с. 126]. В третьем разделе первая глава называется «Общее и частное в лексическом значении фразеологизма» [3, с. 104].

Обозначение фразеологического значения как *лексического* было совсем не случайным. На самом деле исследователи не видели особой разницы между значением слова и фразеологизма. Очень часто высказывались мнения о том, что фразеологические единицы языка входят, наряду со словами, в его лексическую систему. Так, например, Академией Наук Азербайджана была подготовлена и издана коллективная монография «Современный азербайджанский язык». Один из разделов этой книги посвящен фразеологии. Раздел начинается следующими словами: «В лексической системе любого языка существует множество отдельно формируемых и функционально соответствующих отдельным словам самостоятельных языковых единиц. Такие лексикализированные словосочетания в лингвистической литературе называются фразеологическими единицами или фразеологизмами, а их совокупность – фразеологией» [6, с. 248].

В этом отрывке несколько ошибок, характеризующих широко распространенные представления о фразеологии. Так, в лексической системе языка ничего, кроме слов, нет и быть не может. На то она и лексическая система. Кроме того, как могут существовать в лексической системе *любого языка* отдельно формируемые и функционально соответствующие словам единицы. Ясно также, что фразеологические единицы не соответствуют функционально словам, так как основной функцией слова является номинативная функция, слова называют вещи. Основной функцией фразеологизма является экспрессивная функция, фразеологизмы выражают отношение к предметам, событиям, явлениям, фактам.

Что касается лексикализации, о которой говорят составители академической монографии, то под *лексикализацией* принято понимать процесс превращения какого-либо несамостоятельного элемента в слово. Процесс превращения словосочетания в некоторое семантическое целое принято называть фразеологизацией. Справедливости ради нужно отметить, что и лингвистические словари допускают идентичную ошибку. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой читаем: «ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ. Процесс превращения некоторого элемента (морфемы и т.п.) или сочетания элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова; *ср*. фразеологическая единица. *Лексикализация словосочетаний*» [1, с.215].

Словарь О.С. Ахмановой вышел в 1966 году и, естественно, отражает представления того времени. А вот статья, посвященная *лексикализации* из ультрасовременного «Большого лингвистического словаря», подготовленного В.Д. Стариченком: «ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ – процесс превращения морфем, словоформ или сочетаний элементов (словосочетания) в отдельные знаменательные слова или фразеологизмы. Так, словоформы и предложно-падежные сочетания слов *вверх, вниз, верхом, кругом, заживо, замертво, зимой, ощупью* преобразовались в наречия, словосочетания *спаси бог, ума лишенный* явились основой для образования слов *спасибо*, *умалишенный*, сочетания слов *белый гриб, железная дорога, бить баклуши* стали употребляться в качестве фразеологизмов, эквивалентных одному слову. Термин *лексикализация* употребляется в значении семантического обособления одной из грамматических форм слова. Чаще всего лексикализации подвергаются формы множественного числа существительных, употребленные в составе сложных терминологических и номенклатурных единиц, сравн.: *вода – минеральные воды, масло – эфирные масла, сталь – нержавеющие стали, хлеб – озимые хлеба, бег – спортивные бега, мощность – энергетические мощности*» [4, с. 278–279].

Всё, что в данной словарной статье сказано о лексикализации, верно, за исключением фразеологии. Лексикализируются формы множественного числа существительных, падежные формы, морфемы, предложно-падежные сочетания. В результате всех этих процессов образуются самостоятельные лексические единицы. Вот почему и процесс называется *лексикализацией*, то есть превращением в *лексическую единицу*. Что же касается процесса превращения словосочетания во фразеологическую единицу, то он называется *фразеологизацией*.

Существенная разница между лексикализацией и фразеологизацией заключается также в том, что процесс фразеологизации представляет собой процесс формирования единицы вторичной номинации. Ни один из указанных процессов, например, лексикализация форм множественного числа существительных, падежных форм, морфем, предложно-падежных сочетаний, не является формированием единицы вторичной номинации. Фразеологизация схожа не с лексикализацией, а метафоризацией, в результате которой также образуются единицы вторичной номинации.

Таким образом, обозначение фразеологической семантики *лексическим значением*, разговоры о функциональной идентичности лексических

и фразеологических единиц, уверенность в том, что фразеологизмы составляют часть лексического фонда языка и т.д., носили и носят не случайный характер. Они отражают представление об этих языковых единицах, согласно которым между ними отсутствует какое-либо существенное различие.

Эти представления вполне закономерно находили и находят отражение в практике словарного описания фразеологических единиц. При этом никакого значения не имеет тот факт, где они описываются: в общих толковых словарях или специальных фразеологических. Этим, на наш взгляд, обусловлено такое явление, характерное для описания фразеологических единиц, как этимологизм толкования.

Этимологизм, наблюдающийся при словарном описании фразеологических единиц, заключается в том, что составители словарей не столько описывают значение фразеологизма, сколько раскрывают его внутреннюю форму. Существуют характерные примеры, которые кочуют из одного словаря в другой. Например, в ФСРЯ значение фразеологизма *от души* определяется следующим образом: «ОТ (ВСЕЙ) ДУШИ. Совершенно искренне, с полной откровенностью, непосредственностью. Ср. от всего сердца» [5, с. 152].

Иллюстративный материал, приводимый в данной статье, содержит в себе как вариант *от всей души*, так и вариант *от души*. Конфигурации: *от всей души рад, от всей души поздравляю, смеялся от души, от души расцеловал* [5, с. 152].

На наш взгляд, эти два фразеологизма только условно могут рассматриваться как варианты. Дело в том, что даже в приведенных примерах фразеологизм *от души* употребляется не только в значении «искренне» или «с полной непосредственностью», «откровенностью». Так, *от души смеяться* здесь означает «много», «весело», «громко» и т.д. *От души расцеловал* означает «крепко», «с удовольствием».

Кроме того, в современном русском языке фразеологизм *от души* устойчиво употребляется с разными глаголами конкретного действия. Например, *от души покушать, от души выпить, от души врезать кому-либо, от души покататься* и т.д. Анализ такого рода примеров подтверждает мысль о том, что фразеологические единицы описываются в словарях, как правило, вне учета их специфики. Можно, конечно, создать фразеологические словари, в которых будут описываться исключительно фразеологические единицы, но это вовсе не означает, что механически в этих словарях будет раскрываться специфика фразеологической семантики.

На наш взгляд, при описании фразеологических единиц в словарях (все равно общих или специальных) должна раскрываться внутренняя форма, после чего следует представлять дефиницию значения. Разумеется, фразеологические сращения не могут быть описаны с точки зрения образной основы. Об этом также необходимо давать информацию, в противном случае возможна ложная этимология.

Часто в словарях не разграничиваются свободные и фразеологические сочетания. Создается ложное представление о семантической структуре фразеологизма, поскольку смешиваются разные единицы языка. Так, в ФСРЯ фразеологизму *плечом к плечу* приписывается и значение свободного словосочетания. Например: «ПЛЕЧОМ (плечо) К ПЛЕЧУ. 1. В непосредственной близости, рядом, один возле другого (идти, ехать, сидеть и т.п.). Они прислонились рядом, плечо к плечу к шершавой стене. А.Н. Толстой, Аэлита. Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Шолохов, Наука ненависти. 2. Вместе (жить, работать, бороться и т.п.)» [5, с. 323].

Первое значение не носит фразеологического характера, о чем свидетельствуют и приведенные примеры. В обоих *плечом к плечу* означает буквально «касаясь плечом рядом стоящего». Это свободное словосочетание, значение которого полностью соответствует сумме значений компонентов.

Указанные недостатки словарного описания фразеологических единиц характеризуют и современную фразеографию. Если говорить о специальных фразеологических словарях, то в них обязательно должен раскрываться механизм образования единицы вторичной номинации. На современном этапе, когда большое значение придается анализу языковых единиц в аспекте когнитивизма, такие словари совершенно необходимы. Подготовка фразеологических словарей когнитивного типа составит новый этап фразеографии.

Библиографический список

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.

2. *Бабкин А.М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964.

3. *Молотков А.М.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977.

4. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

5. Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4-е / под ред. А.И. Молоткова. –М.: Русский язык, 1986.

6. Müasir Azərbaycan dili. 1 cild. – B.: Elm, 1978.

УДК 808. 2 – 541.2

Кукатова Ольга Алексеевна
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)
kukatova.olga@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РОЛИ КАУЗАТОРА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ВОЗВРАТНЫМИ ЭМОТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ *УДИВЛЯТЬСЯ, ПОРАЖАТЬСЯ, ИЗУМЛЯТЬСЯ, СЕРДИТЬСЯ, ЗЛИТЬСЯ, ВОЗМУЩАТЬСЯ, РАЗДРАЖАТЬСЯ*

Статья посвящена исследованию семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами, в частности, корреляции семантических признаков предиката и семантической роли.

Ключевые слова: *экспликация, Каузатор, возвратный эмотивный глагол, семантическая роль.*

В лингвистической литературе неоднократно высказывалась мысль о тесной взаимосвязи синтаксиса и семантики. Одним из первых эту мысль воплотил Ч. Филлмор, предложивший теорию предикатно-аргументной структуры высказывания, в которой семантическая структура высказывания определяется как двуединство предиката и семантических ролей его актантов. Соответственно, семантические роли рассматриваются в качестве компонентов глубинно-семантической структуры предложения, соотносимых с участниками некоторого положения дел и находящихся в определенном отношении к предикату [6, с. 400–419].

Как известно, актантам возвратных эмотивных глаголов русского языка приписывается две семантические роли – Экспериент (левостороннему актанту) и Каузатор (правостороннему актанту). Экспериентом называется чувствующий участник ситуации, Каузатор же выражает причину эмоционального состояния [3, с. 23].

Целью данной статьи является выявление типов семантической роли Каузатора в высказываниях с возвратными эмотивными глаголами русского языка *удивляться, поражаться, изумляться, сердиться, злиться, возмущаться, раздражаться, смущаться, стыдиться*.

Правосторонний актант глаголов *удивляться, поражаться, изумляться* выражается формой дательного падежа, а также формой *на* + винительный падеж[1]. Например: 1а. *…Муж часто удивляется моей способности заснуть в гостиничном номере, в то время как он играет в метре от меня*[2] (С. Спивакова. Не всё). *И удивляется их зацикленности на паре-тройке тем* (Легкая роль злодея. Обратная связь // «Известия», 2003.02.27). *…удивляется небывалой своей доброте по отношению к ней* (Н. Крыщук. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда», 2002). *Он изумляется его беспомощности (щедрости). Он поражается стойкости и мужеству своего друга. Я часто слушаю ее записи и всегда поражаюсь сочетанию искренней эмоциональности и мастерства*. (М. Максакова: «В этом доме я надолго, навсегда…» // «Мир & Дом. City», 2003.06.15). *Поражаюсь самообладанию (долготерпению, мужеству, терпению, непониманию, смелости).* В 1а правосторонний актант глаголов *удивляться, поражаться, изумляться* выражается абстрактным существительным, называющим качества человека. Своеобразие ролевой семантики данного актанта состоит в том, что чаще всего это номинации положительных качеств. Контексты с подобными актантами оказываются невозможными при таких эмотивных глаголах, как *беспокоиться, волноваться, тревожиться, страшиться, ужасаться, пугаться, возмущаться, огорчаться, сердиться*. Например: *1б. *страшиться (пугаться, ужасаться) доброты, мужества, щедрости, стойкости, долготерпения, искренности* и т.д., но возможно сочетание 1в. *страшиться беспомощности, непонимания, подлости, коварства*, где правосторонние актанты номинируют отрицательные качества человека. Также невозможны сочетания типа *1г. *беспокоиться (волноваться, тревожиться) о (за, перед, по поводу) доброте, щедрости, мужестве, стойкости, долготерпении* и т.д.; *1д. *огорчаться из-за доброты, щедрости, мужества, стойкости, долготерпения.*

Каузальная позиция в высказываниях с возвратными глаголами *удивляться, поражаться, изумляться* может быть заполнена лексемами со значением объектов, непосредственно воспринимаемых Экспериентом. Например: 2а. *Каждый раз, бывая в Питере, я изумляюсь красоте полов, которые создавали когда-то архитекторы...* (На том стоим // «Домовой», 2002.02.04). *…я просто поражаюсь величине этого исполина* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь). *Всякий раз поражаюсь ужасному виду этой пешеходной магистрали* (На главной улице – «барханы» с наледью // «Встреча» (Дубна), 2003.03.19). *…Чанг поражается тишиной, царящей в комнате* (Р. Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева», 2004). Актанты типа *красота, вид, тишина* исключены в контекстах с другими эмотивными глаголами русского языка *беспокоиться, волноваться, тревожиться, страшиться, возмущаться, огорчаться, сердиться.* Ср. 2а с *2б. *страшиться (ужасаться) красоты, вида чего-либо, тишины* и т.д., *2в. *беспокоиться о красоте, волноваться*

© Кукатова О.А., 2012

за вид чего-либо, тревожиться по поводу тишины и так далее, а также *2г. *огорчаться из-за уродливости здания, красоты улиц, тишины*. Однако возможны сочетания типа *пугаться громких звуков*, *поражаться (изумляться, удивляться) громким звукам (громкости звучания).* В этом плане ряд глаголов *изумляться, удивляться, поражаться* сближается с глаголом *пугаться*.

Каузальная позиция в высказываниях с данными глаголами может быть заполнена лексемами, называющими тип информации. Например: Ср.: 3а. *Он говорит и удивляется своим словам: заготовленные, они всё же нашли себе место и высунулись* (В. Маканин. Отдушина). *…а потом удивляется грубым вопросам* (М. Соколов. Народ против свободы творчества // «Известия», 2002.07.17). Данные лексемы наиболее типичны в контекстах с глаголами *страшиться, ужасаться, пугаться, возмущаться, огорчаться, сердиться*. Как видно из примеров 1а, 2а и 3а, данные глаголы в сочетании с абстрактными существительными типа *вид, количество, красота, звук, вопросы, слова* и т.д. выражают скорее интеллектуальную оценку, нежели чистую эмоцию. Их правосторонний актант получает семантическую роль Каузатора-Содержания.

Наконец, в качестве правостороннего актанта глаголов *удивляться, поражаться, изумляться* достаточно часто выступают событийные имена. Например: 4а. *… она совсем не удивляется этой цепочке невероятных совпадений* (А. Берсенева. Полет над разлукой). *Не я один изумляюсь и радуюсь этому событию* (К. Н. Леонтьев. Добрые вести). *Я просто поражаюсь теперь поступкам того молодого человека*. (В. Розов. Удивление перед жизнью). Правосторонний актант глаголов *удивляться, поражаться, изумляться* в таких высказываниях получает семантическую роль Каузатора-Причины.

Глаголы *сердиться, злиться* управляют предложно-падежными формами на (за) + винительный падеж имени [5, с. 502, а также 4, т. 13, с. 677–678; т. 4, с. 1237]; глаголы *возмущаться, раздражаться* управляют предложно-падежной формой *при виде* + родительный падеж (*возмущаться при виде несправедливости, раздражается при виде беспорядка в комнате*) [2, с. 88].

Анализ примеров показывает, что правосторонние актанты указанных глаголов могут быть представлены также творительным падежом (*раздражаться, возмущаться словами соседа*), предложно-падежными формами против + родительный падеж (*раздражается против него*), от + родительный падеж (*раздражается от его присутствия*)[3], сочетанием производного предлога по поводу + родительный падеж имени существительного (*злиться по поводу статьи*). Например: 5а. *Возмущается выступлением* (Каузатор-Причина) *русских писателей на съезде – Проскурина и др*. (В. Радзишевский. Из жизни католика // «Финансовая Россия», 2002.09.19). 5б. *Поприщин называет сослуживцев «свиньями», злится на швейцара* (Каузатор-Объект) (И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», № 3, 2002). *Население тоже не особенно злится по поводу изуродованных тротуаров* (Каузатор-Причина) *и мостовых*. (С. Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда», 2003). …раздражается от присутствия (Каузатор-Причина) здесь огня и шевелящегося возле него человека. (В. Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999) *… у него нрав такого рода, который не смягчается, а раздражается от огорчения* (Каузатор-Причина). (Л.В. Дубельт. Вера без добрых дел мертвая вещь). 5в. *Александра Владимировна замечала, что дочь всё чаще раздражается против неё* (Каузатор-Объект) (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1). *…он раздражается при виде* (Каузатор-Причина) *не занятых делом людей,* (В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай).

Основанием разграничения семантических ролей Каузатора-Причины и Каузатора-Объекта в высказываниях с глаголами состояния *сердиться, раздражаться, злиться, возмущаться* является возможность разграничивать актанты, обозначающие объект эмоционального состояния и его непосредственную причину. Семантическую роль Каузатора-Объекта требуют глаголы *сердиться, раздражаться* и *злиться*, при которых данная семантическая роль преимущественно выражается конкретным существительным или местоимением в винительном падеже с предлогом *на (злиться, сердиться)*, а также существительным или местоимением в родительном падеже с предлогом *против* (*раздражаться*). Лексемы, заполняющие каузальную позицию при данных глаголах, называют одушевленного субъекта ситуации. Например: 6а. *сердиться, злиться на отца (друга, жену, на него и т.п.).* Правосторонний актант данных глаголов не может называть а) явление природы (*снег, дождь, холод, ураган, буран и т.д.*); б) звуки (*шорох, смех, гром, выстрел и.т.д.*); в) явления экономической, политической, культурной жизни общества (*коррупция, неофашизм, антисемитизм, нацизм, диссидентство, амнистия, выборы глав регионов и.т.д.);* г) качества человека (*доброта, лицемерие и.т.д.);* д) ситуацию (*переезд, увольнение, допрос и т.д.*). Например, невозможны конструкции типа *6б. *сердиться на снег (дождь, холод, коррупцию, неофашизм, антисемитизм, переезд, лицемерие)* и т.д.

Глаголы *сердиться, раздражаться, злиться, возмущаться* требуют семантическую роль Каузатора-Причины. При этом глагол *возмущаться* преимущественно присоединяет имена существительные с событийной семантикой[4]. Например: 7а. *Возмущаться критикой, выходками, поведением, плохой работой, падением рейтинга, заявлениями*

в прессе, непрофессионализмом и т.д. Глагол *раздражаться* имеет в качестве актантов имена существительные не только с событийной, но и с предметной семантикой. Ср.: 7б. *…он раздражается при всяком упоминании о них*. (В.Н. Коковцов. Из моего прошлого). 7в. *Софья раздражается против мужа и говорит повышенным тоном*. (П.С. Романов. Человеческая душа). …и *втайне раздражается на нее даже за то, в чем она ни сном, ни духом не повинна* (И.А. Бунин. Клаша).

Правосторонние актанты глаголов *злиться, раздражаться, сердиться* получают семантические роли Каузатора-Причины и Каузатора-Объекта, правосторонний актант глагола *возмущаться* – роль Каузатора-Причины.

Таким образом, правостороннему актанту возвратных эмотивных глаголов *удивляться, поражаться, изумляться, сердиться, злиться, возмущаться, раздражаться* приписываются семантические роли Каузатора-Причины, Каузатора-Содержания, Каузатора-Объекта. Приписывание той или иной семантической роли обусловлено семантикой правостороннего актанта указанных глаголов и значением глагола. Если возвратный глагол употребляется в эмотивном значении, в семантической структуре предиката актуализируется признак «эмоция», а в правостороннем актанте – признак «причина». В этом случае актанту приписывается семантическая роль Каузатора-Причины. Если возвратный глагол употребляется в значении интеллектуальной деятельности, в семантической структуре предиката актуализируется признак «интеллектуальная оценка», а в правостороннем актанте – признак «содержание». При этом актанту приписывается семантическая роль Каузатора-Содержания. При реализации эмотивного значения актанту также приписывается и семантическая роль Каузатора-Объекта. При этом в правостороннем актанте актуализируется признак «объект».

Примечания

[1] Форма *удивляться* + на винительный падеж является устаревшей [4, т. 5, с. 258, т. 16, с. 326, т. 10, с. 1353–1354].

[2] Примеры из художественных произведений и публицистики извлечены из картотеки Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

[3] Сочетаемость с актантами, выраженными предложно-падежными формами против + родительный падеж, от + родительный падеж с семантической ролью Каузатора, характерна в большей степени для предикатов активного действия (выступать против реформы, идти против партии, подговорить против брата) и предикатов, обозначающих физическое состояние человека или состояние природы (замерзнуть от холода). Для предикатов состояния раздражаться, возмущаться не воспринимается как норма и, видимо, поэтому не фиксируется современными словарями.

[4] Это объясняется тем, что предикат возмущаться не предполагает «непосредственного контакта с источником раздражения» [1, с. 1019].

Библиографический список

1. *Апресян В.А.* Сердиться, возмущаться, негодовать, взорваться 2, беситься 1, злиться, разозлиться, разъяриться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003 – С. 1018–1023.

2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 900 с.

3. *Падучева Е.В.* Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М., 1998. – №2. – С. 23–28.

4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950–1965.

5. Словарь сочетаемости слов русского языка. – М., 1983.

6. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 369–495.

УДК 81'42

Осипова Александра Анатольевна
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный университет
osashenka@yandex.ru

ЭТОТ СВЕТ И *ТОТ СВЕТ* В КАРТИНЕ МИРА В.П. АСТАФЬЕВА (к образным вербализаторам концептов «жизнь» и «смерть»)

В центре внимания исследователя ключевые для картины мира В.П. Астафьева концепты «жизнь» и «смерть». Анализируется функционирование фразеологизмов этот свет *и* тот свет *как образных средств языка, в самом общем виде манифестирующих указанные концепты.*

Ключевые слова: *концепты «жизнь» – «смерть», индивидуально-авторская картина мира, фразеологическая единица, В.П. Астафьев.*

Многие современные лингвистические исследования выполняются в русле антропологической парадигмы, в центре внимания которой находится человек как носитель языка. Образные языковые средства отражают специфику языковой картины мира нации в целом, а в творчестве отдельных писателей их использование помогает реализовать особенности индивидуально-авторского мироощущения.

Среди образных вербализаторов, в самом общем виде манифестирующих концепты «жизнь» и «смерть» в творчестве В.П. Астафьева, особо выделяются фразеологические единицы (ФЕ) *этот свет (на этом свете)* и *тот свет (на том свете, с того света)*. Полярность этим ФЕ, безусловно, задают входящие в них компоненты-местоимения (мест. *этот* указывает на что-нибудь близкое, а мест. *тот* – на что-нибудь удаленное в пространстве или во времени), благодаря которым рождаются и антонимичные значения самих ФЕ (ср. *этот свет* – «земной мир, жизнь как противопоставление загробному миру», *тот свет* – «загробный мир как противопоставление земному миру, жизни» [1, с. 384]).

ФЕ *этот свет* довольно древняя, она возникла еще в старославянском языке [2, с. 676]. В творчестве В.П. Астафьева представления об этом свете связаны с изображением непосредственно самой жизни обычного человека – с ее проблемами, трудами и повседневными заботами. Так, например, в повести «Веселый солдат» генерал, беспокоясь о будущем своих внуков, хочет заняться писательским трудом, хотя у него нет способности к творчеству: *Разумеется, я решительно отказался от творческого содружества с генералом, но он надежды не терял, все приставал ко мне с предложением подумать, и однажды я не вытерпел, дерзко спросил его: куда ему столько денег? Ведь они и только они да жажда славы влекли его в литературу. – А внуки?! – как мальчику-несмышленышу ответил он. – Что ж им, моим внукам, ни с чем оставаться* ***на этом свете****...* [3, с. 93]. В рассказе «Уха на Боганиде» из цикла «Царь-рыба» главный герой Аким вспоминает свое непростое детство, непутевую мать, при которой он вынужден был на правах старшего сына содержать и обихаживать семью: *Он <...> пересиливал сон, заставлял себя перешагнуть порог, ежась от мозглой сыри, собирать щепу и плавник по берегу, выскребал из сердцевины сутунков гнилушки, тер их на табачном сите <...> Еще бы моху надрать, насушить и тоже подсунуть к топчану матери <...> Много, ох как много нужно человеку, чтобы жить и существовать* ***на этом свете*** [4, с. 246]. Детдомовский мальчик Толя из повести «Кража» размышляет о том, что люди могут и должны жить только своим трудом: *Он сделал непростое открытие, что всяк человек на своем месте выполняет работу и оттого получается хлеб, соль, мясо, рубахи, ботинки, штаны, кепки, пальто <...> и все* ***на этом свете*** *сделано человеческими руками, рожденными для работы* [5, с. 426].

В.П. Астафьев довольно редко наделяет героев своих произведений возможностью так называемого безоблачного жития. В основном его персонажи проходят довольно трудный жизненный путь, терпят лишения, испытывают на себе превратности судьбы. Это, видимо, связано с тем, что многие произведения В.П. Астафьева являются автобиографическими, материалом для автора часто служит его собственная жизнь в ее бесчисленных подробностях. Такова, например, повесть «Веселый солдат», где главный герой, пройдя по лихим военным дорогам и еще более настрадавшись в госпиталях с нечеловеческими условиями, воровством начальников, ненавистью к раненым солдатам, пытается устроиться в мирной жизни. Жизнь эта оказывается ничуть не легче, чем на войне: голод, отсутствие жилья, невозможность обеспечить необходимым жену и ребенка, – все это накладывает отпечаток и на характер героя, и на его мироощущение: *У меня сохранилась карточка с первого моего бессрочного паспорта – в той самой гимнастерке, только без погон – на карточке незнакомый, далекий уже мне, чернобровый, довольно симпатичный парень, успокоенно, с каким-то взрослым достоинством и заметной печалью глядящий* ***на этот*** *бурный* ***свет*** [3, с. 168]; *Я очнулся, повел глазом туда-сюда, узнал* ***этот*** *неприютный* ***свет****, попытался изобразить*

 © Осипова А.А., 2012

улыбку [3, с. 134]. Контекстные сопроводители ФЕ *этот свет* в виде прилагательных *бурный, неприютный* позволяют читателю полнее почувствовать ту атмосферу, в которой живет главный герой повести. Трагичность всему происходящему (смерть дочери, отсутствие работы, неустроенность быта) придает еще и само бытие человека в советском государстве. Оно связано с постоянными противоречиями, возникающими между партийными установками и реальными жизненными условиями, в которые определены люди. Так, например, партия и правительство борются за восстановление и увеличение народонаселения, «выбитого» на войне. В связи с этим запрещаются аборты. Но жизнь такова, что рожать детей в условиях нищенского существования не представляется возможным: «Самоаборты, подпольные аборты косили и валили советских женщин <…> По приблизительным подсчетам, за первые послевоенные годы погибло три миллиона женщин, в основном, русских, и столько же отправилось в тюрьму за подпольные дела, сколько погибло детей, никто не составил себе труда сосчитать и уже не сочтет никогда» [3, с. 223]. Герой повести восклицает: *О-о, русская доля, которую в старину называли точнее – юдолью, где же тот, кто наслал ее нам? И за что он ее нам наслал и насылает? Ведь без причины ничего* ***на этом свете*** *не происходит* [там же].

Хотя героям астафьевских произведений иногда кажется, что *все совершенно ясно* ***на этом*** *неспокойном* ***свете****: есть свои и чужие, друзья и враги, люди с кристальной биографией и с подмоченной* [5, с. 338], – жизнь зачастую не перестает их удивлять. Например, отец главного героя рассказа «Бойе» из повествования «Царь-рыба» никогда не видел собаку, умеющую ловить рыбу: *Когда Бойе выпер вновь из воды щучину, папа, которого вроде бы ничем уже было не удивить* ***на этом свете****, развел руками…* [4, с. 15]. В рассказе «Царь-рыба» показана борьба не на жизнь, а на смерть между человеком и рыбой: *Зверь и человек, в мор и пожары, во все времена природных бед, не раз и не два оставались один на один <…> Такие страсти, ужасы об этом сказывались, но чтобы повязались одной долей человек и рыба <…> такое-то на свете бывало ль? Хотя* ***на этом свете*** *все и всякое бывало, да не все людям известно* [4, с. 188].

Интересно отметить, что одно из контекстных употреблений ФЕ *этот свет* непосредственно отражает переход человека из состояния бытия в состояние небытия, из одной жизни в другую. В рассказе «Людочка» главная героиня, оказавшись на грани жизни и смерти, вдруг вспоминает свою встречу в больнице с умирающим парнем: *Парень постепенно стих <…> разлепил ресницы, открыл плавающие в жидкой слизи глаза и, возвращаясь из небытия, сделал еще одно усилие – различил слабый свет и человека в нем. Поняв, что он еще здесь,* ***на этом свете****, парень попытался что-то сказать, но доносилось лишь «усу… усу… усу…»* [6, с. 415].

В отличие от *этого света*, про который герои В.П. Астафьева знают почти все, *тот свет*, в силу своей неизведанности, непостижимости и загадочности, вызывает и у персонажей, и у самого автора гораздо больший интерес. Вообще в системе славянских верований *тот свет* – одно из центральных понятий, связанных с представлениями о потустороннем существовании души после смерти и о тесном взаимодействии земного и загробного миров. В произведениях В.П. Астафьева ФЕ *тот свет* используется наряду с такими единицами, как *ад, рай, геенна огненная, Царство небесное*. Но, в отличие от перечисленных вербализаторов, анализируемая ФЕ имеет самое обобщенное значение, называя потусторонний мир как нечто иное по отношению к земной жизни. Астафьевские герои верят, что покойники зорко следят за их жизнью на земле. Так, Иван Тихонович Заплатин из рассказа «Жизнь прожить» боится обидеть свою покойную жену Татьяну Финогеновну: *… неслышно вздохнет Иван Тихонович: «Вот бы бабушка-то жива была! Радости-то, радости-то бы…» – это чтоб и на* ***том свете*** *Татьяна Финогеновна не подумала, что он всю любовь внучки присвоил себе и забыл о ней* [6, с. 316]. В романе «Прокляты и убиты» бойцы, слыша по рации таинственные звуки, вспоминают о погибшем товарище Ашоте Васконяне и предполагают, что он из другого мира дает о себе знать: *По линии все идет и идет индукция, от лежащего в воде провода она слышнее. Может, это Ашот Васконян, закопанный за речкой,* ***с того света*** *весть подает, плачет в небесах от одиночества* [7, с. 650]. Незнание того, что ждет человека за гранью жизни, закономерно рождает страх: *Раненому потерли виски нашатырным спиртом <…> Он поперхнулся, зашарил рукой по стволу ивы, спрашивая, где он? Коля Рындин, видать, решил, что уже* ***на том свете*** *и над ним неструганая крышка гроба* [7, с. 491]; *… Лешка искал глазами своих связчиков. Их нигде не было видно. Вцепившись в борт лодки, до конца держались они за нее <…> Но они, однако, могли попасть и под лодку. Очутившись во тьме, меж водой и днищем, непременно решат они, что находятся уже* ***на том свете*** [7, с. 511].

У славян существуют разнообразные представления о потустороннем мире. Тот свет – это единое пространство, включающее рай и ад. Обычно путь в него сопровождается преодолением определенных трудностей. Он может иметь направление вверх к небу, вниз под землю, в глубоководное морское царство. Последней преградой на пути, ведущем на тот свет, служат врата загробного царства, через которые предстоит пройти душе умершего. Нечто схожее с данными представлениями мы находим

и в рассказе «Царь-рыба» из одноименного цикла, в сцене борьбы Игнатьича с царь-рыбой: *Но был ловец сильным мужиком, рыба выдохшейся, замученной, и он сумел передолить не ее, а сперва эту вот, занимающуюся в душе покорность, согласие со смертью, которое и есть уже смерть, поворот ключа во врата* ***на тот свет****, где, как известно, замки для всех грешников излажены в одну сторону: «У райских врат стучаться бесполезно…»* [4, с. 186].

Так как о загробной жизни ничего не известно, человек зачастую переносит в нее реалии земной жизни. В романе «Прокляты и убиты» Лешка Шестаков вспоминает, как деревенские люди заботились об умершей колдунье Соломенчихе: *К березкам, невысоко, но густо поднявшимся над кладбищем хантов, прислонили старые нарты, повесили медный чайник, бутылку с дегтем, чтобы Соломенчиха могла намазаться, когда начнет подниматься мошка, от комаров же спасения нет и* ***на том свете*** [7, с. 184]; в романе «Печальный детектив» горожане также своеобразно беспокоятся о том, как умершие будут жить в ином мире: *...новая ныне, куражливая мода среди высокооплачиваемых трудяг появилась: с форсом, богатенько не только свободное время проводить, но и хоронить – над могилой жечь денежки, желательно пачку, швырять вослед уходящему бутылку с вином – авось похмелиться горемыке* ***на том свете*** *захочется* [6, с. 42]. Герой повести «Стародуб» Амос – человек хозяйственный, но при этом завистливый, жадный и недалекий – недолюбливает своего брата Култыша, живущего в гармонии с природой и лишенного всякой жажды наживы. Амос злорадствует: *Есть у Амоса думка свою мельницу поставить. Ух, тогда держись! Потечет хлебец! А Култыш <…> без штанов* ***на этом свете*** *жил, без штанов и* ***на том свете*** *перед непорочными девами явиться…* [5, с. 161]. В повести «Кража» детдомовские ребята переживают за умершего товарища Гошку и стараются помочь ему на том свете быть лучше, чем на этом: *Хотя и заказывали гроб пятеро, он все равно оказался велик. Гошка весь утонул в нем <…> решали, надевать или не надевать на Гошку пионерский галстук, поскольку в пионерах он не состоял. Все же галстук надели: пусть хоть* ***на тот свет*** *явится пионером Гошка Воробьев* [5, с. 278–279].

Согласно христианскому представлению о загробной жизни, на том свете душа человека должна встретиться с Богом. Главная героиня автобиографической повести в рассказах «Последний поклон» – бабушка Екатерина Петровна – внушает своему внуку Вите именно такую веру: *Но именно в эти вот мгновения, нет, в самый напряженный миг, когда дыхание в груди от страха и ужасного ожидания конца света должно было остановиться, вдруг <…> возникало видение гор, остановившихся дерев, означался намек на белое облако <…> И мне открылось внезапно: «****тот свет****!» Там живет Сам Бог, и что ему захочется, то Он и сделает со всеми нами. Но раз по бабушкиным молитвам выходило, что творит Он дела лишь великие, добрые, то, мнилось мне, оттуда,* ***с «того света»****, из-за горных вершин распадка Караульный речки, мягко ступая по облаку, спустится Он, погладит меня по голове и скажет: «Пойдем со мной, дитя Мое»* [8, с. 316–317]. Другой герой этой же повести – дед Павел, заядлый картежник, – сыплет во время игры всевозможными каламбурами, смысл которых прямо противоположен тому, что проповедует Вите бабушка Екатерина: *Дед <…> озирался, будто после обморока, цеплял глазом огонь лампы, замечал колоду карт, ловкое мелькание рук в застолье <…> он бросался к столу, на ходу выная из-за голенища бродней последние, на табак оставленные рубли. «Золотые, налитые, эх, конечки огневые, мчите во дьяволы врата! – швырял он рублишки на стол. – Сдай, кормовой, еще по одной! Не блефуй, не мухлюй! Черти сжарят* ***на том свете****!..»* [8, с. 365].

В отдельных случаях у В. П. Астафьева ФЕ *на тот свет* сопровождается просторечным глаголом *убраться*. Его употребление отражает досаду по поводу несвоевременности свершившегося: *Пуще всех выла тетка Толи Мазова, Евдокия <…> Как же она одна-то? Да еще на чужой стороне? Хоть бы Толина мать, молодуха Серафима, была, но она взяла и убралась* ***на тот свет****. Слабая здоровьем оказалась…* [5, с. 322]; *Прабабушка Антонина хотела умереть дома и убралась* ***на тот свет*** *той же осенью, следом за матерью Толи…* [5, с. 367]. Но помимо того, что герои сами «убираются на тот свет» по той или иной причине, им туда иногда «помогают попасть» (при описании подобных ситуаций контекстными сопроводителями ФЕ *тот свет* являются, например, слова *отправить, свести, проводить, спровадить*). Так, в повести «Веселый солдат» раненые в госпитале поднимают бунт против его начальницы – подполковника медицинской службы Чернявской, превратившей жизнь искалеченных войной солдат в ад: *Госпиталь этот фашистский мы те припомним! Сколько ты тут народу угробила? Сколько* ***на тот свет*** *свела?* [3, с. 39]. В романе «Прокляты и убиты» председатель трибунала Анисим Анисимович, проводящий показательные суды советских военачальников над своими же солдатами, видя, как подсудимый Зеленцов пытается устроить из судебного заседания театральное представление, размышляет про себя: *...прекратить суд, перенести в другое место? Но он столько уже пересудил и пересадил всякого народу, столько его* ***на тот свет*** *отправил, эта казарменная вшивота каши столько не съела, и чтобы перед каким-то уркой <…> он, старый, закален-*

ный большевик, спасовал, уронил достоинство родного суда? [7, с. 153]. В этом же произведении в обстановке боя радисты вынуждены бросить связь, и на возмущение начальства по этому поводу один из героев отвечает: *А че мне, ташшыть, да? Подохнуть, да? Нас обоих* ***на тот свет*** *проводили бы, а дежурить кому? У телефона кому?* [7, с. 711]. В повести «Стародуб» к поселению староверов прибило плот, на котором находился маленький мальчик. Суеверные люди сочли, что это не к добру, и решили избавиться от ребенка. Но на его защиту встал грозный охотник Фаефан, впоследствии вырастивший и воспитавший парнишку как сына: *Фаефан наклонился над мальчишкой, пальцем вспорол рубашонку, плеснул на бледное большелобое лицо мальчика воды. Медленно открылись затуманенные глаза, уставились на Фаефана. – Живой! Ах ты, тайменёнок! А божьи люди удумали тебя* ***на тот свет*** *спровадить и рук не замарать…* [5, с. 115].

В ряде случаев ФЕ *тот свет* входит в состав сравнительных конструкций (*Зина принесла Толе одежду <…> Ребятня, встречавшая его, радовалась, будто он* ***с того света*** *явился или с первого парохода сошел* [5, с. 330]; *– Ты куда отлучился? – как будто* ***с того света****, затушеванным расстоянием голосом спросил Сема Прахов, дежуривший у телефона на левом берегу* [7, с. 702]), употребляется в составе ругательства (*…он сразу пылить: «Лелька умерла, дак не вздумайте без меня избу продавать. Я, падла, так всех отделаю, что родная тетя вас* ***на том свете*** *не опознает!»* [8, с. 287]).

Общенародные представления о загробном мире более образны, чем представления о земной жизни. Это, как уже говорилось выше, связано с реальностью, наблюдаемостью, знанием людей этого мира и загадочностью, невозможностью постичь при жизни организацию иного мира. Поэтому, наверное, в отличие от ФЕ *этот свет*, ФЕ *тот свет* в произведениях В. П. Астафьева стала источником развития целого ряда синонимичных сочетаний, обозначающих загробный мир (*другая жизнь, другой мир, леса другие, верхний мир, лучший мир*).

Таким образом, ФЕ *этот свет* и *тот свет* могут рассматриваться не только как языковая данность, обладающая семантико-грамматическими признаками, но и как факт живого языка, имеющий непосредственное отношение к человеку, его носителю, что проявляется в конкретной реализации данных единиц в художественном тексте. Повышенное внимание к такого рода образованиям обусловлено интересом к проблеме языка и культуры, которая получила новый импульс развития в рамках антропологической парадигмы современной лингвистики.

Библиографический список

1. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с посл. А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 512 с.

2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.

3. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. – Т. 13. Веселый солдат: повесть. – С. 5–242.

4. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. – Т. 6. Царь-рыба: повествование в рассказах. – С. 2–426.

5. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 2. Повести. – С. 2–485.

6. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 9. Печальный детектив: роман. Рассказы. – С. 2–438.

7. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 10. Прокляты и убиты: роман. – С. 2–744.

8. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т. 4. Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. – 464 с.

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

БЕЛЫЙ ЦВЕТ В КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ

В костромских говорах лексема 'белый' находит воплощение в большом количестве наименований, в том числе и топонимических. В костромской «топонимической радуге» белый цвет, наряду с чёрным и красным, является одним из главных. Топонимы данного типа образуются на основе разных видов номинации.

***Ключевые слова**: диалектология, ономастика, топонимия, микротопонимия.*

Любая топонимическая система, в том числе и костромская, содержит большое количество наименований, являющихся характеристиками именуемых объектов по каким-либо признакам (форме, размеру, цвету и т.д.). Интересными и во многом информативными являются так называемые цветовые характеристики. Давая названия, человек отражает в них тот цветовой мир, в котором он живёт.

«Цветовые» топонимы содержат в себе информацию не только о внешнем виде объекта (по цвету), но и о каких-то других его качествах, вызывающих ассоциации с определённым цветом, а также об отношении человека, сотворившего название, к этому объекту, разнообразные сведения о самом творце имени, в том числе и о его языковой культуре, об особенностях говора, представителем которого он является.

Как нами уже отмечалось ранее [14], в костромской «топонимической радуге», как, впрочем, и в других топонимических системах, основными являются три цвета: белый, чёрный и красный. И это не случайно, поскольку данная триада цветов известна с древних времён, на что обращают внимание многие исследователи, рассматривающие символику, значение цвета с разных точек зрения (А.П. Василевич, Н.Б. Бахилина, Л.М. Грановская, В.В. Иванов, В.Г. Кульпина, Н.Н. Корж, Р.М. Ивенс, М.М. Гуревич и мн. др.). Интересное исследование значения цвета в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков выполнено Т.И. Вендиной [2].

Объект нашего внимания в данной статье – наименования (апеллятивы и созданные от них онимы), образованные на основе лексемы *белый*.

Общеслав. *bělъ прослеживается во всех славянских языках: русск. *белый*, укр. *білий*, бел. *белы*, болг. *бял*, словенск. *bel*, чешск. *bílý*, словацк. *biely*, др.-русск. *bѢлъ*, *bѢлый* и т.д., выражающее применительно ко всем предметам значение «цвета молока, мела» [12, с. 137]. В этимологической литературе по истории слова *белый* нет расхождений: общеслав. *bĕl < *bhēl-o-s (суффикс -l-); *bhēl рассматривается как видоизменение индоевропейских корней *bhā-, *bhē- [9, с. 59–60]. Белый – белый, блестящий, светлый, сияющий, чистый и т. д. [13, с. 149].

Древнейшие символические значения белого в основном позитивны: чистота, невинность, свет, здоровье, мир, святость и т.д. В древности бесцветное или просто светлое называли белым, белой считалась и вода. Конечно, в народной культуре имеются и негативные значения белого, связанные с болезнью, смертью, холодом, отчуждением, страданием и т.д. В определённой степени всё это находит отражение в лексических, в том числе и топонимических, системах говоров. Следует отметить, что костромская топонимическая система настоящего времени содержит в основном наименования с положительной или нейтральной оценкой называемых объектов. Отличным является и то, что «белые» топонимы, как свидетельствуют материалы картотеки костромского топонимического словаря, стоят на третьем месте после так называемых «чёрных» (намного преобладающих) и «красных» наименований.

Интересующая нас номинация, наряду с другими лексемами, имеющими соответствия в речевом узусе рассматриваемой территории, содержится и в обширном списке апеллятивов и противопоставленных им топонимов, представленном в «Руководстве по славянской топономастике» В. Шмилауэра [15, с. 38]. Топонимы, образованные на основе такой лексики, типичной для всей славянской территории, воссоздают единую языковую картину мира.

Эпитет *белый* в географических названиях может быть обязан своим происхождением различным мотивам номинации [4, с. 165]. Например, в русских говорах белый или обельный означает свободный от подати (белые крестьяне, белая земля, белое место, «церковная земля») [1, с. 143], «белый свет или белсвет – это вольный свет, открытый мир, свобода на все четыре стороны; весь свет, мир, вся земля наша и все люди» [3, с. 153]. Задаваясь вопросом о терминологичности цветовых названий рек, А.В. Суперанская пишет: «Цветовые названия встречаются слишком часто для того, чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов. Всё это заставляет думать, что они служат или служили своеобразными местными географическими терминами» [11, с. 125]. Например, белая река – горная, левый приток; белый город – западный, особо значимый, рус-

 © Цветкова Е.В., 2012

ское диалектное белый двор – огороженное место вокруг дома и т. д. Нельзя не согласиться и с тем, что «один и тот же цвет в зависимости от обстоятельств может быть приятным и неприятным, привлекательным или отталкивающим, ‘благородным’ или ‘кричащим’», «один и тот же объект может зрительно восприниматься по-разному» [5, с. 15].

В настоящее время, как показывают наши наблюдения, сознание людей наименования подобного рода чаще соотносит с цветом, поскольку другие значения со временем постепенно исчезают. Наименование *белый* является в их понимании отражением, например, цвета молока, песка, воды, соли, снега, глины, берёзы, мха, цветов, грибов, храма и т.д., что подтверждается и многими топонимами: омут Са́хар (Шарьинск.), гора Моло́ковка (Антроповск.), гора Бе́лая гли́на (Кадыйск.), место на реке Бе́лые пески́ (Судиславск., Макарьевск.), Бе́лый лес (*Берёз тама много, светлый, чистый.* Судиславск.), Бе́лое боло́то (*Мох белый тама.* Кадыйск.) и т.д. Это говорит и о том, что костромские «белые» названия характеризуются наличием цветовой «разноликости»: адъектив белый в составе топонима является семантическим партнером, например, к берёза, берёзовый, сахар, молоко и т.д. «В этом случае и подобных, – как пишет Л.А. Климкова, характеризуя нижегородскую топонимию, – в значение компонента *Белый* (чаще в гидронимах) входят семы ‘светлый’, ‘чистый’, ‘прозрачный’, ‘свежий’ и объединяющая сема ‘хороший’» [6, с. 215]. Наблюдаем данное явление и в костромской микротопонимии, например: Бе́лая поля́на (*Полянка светлая очень, чистая, красивая.* Судиславск.), Бе́лый о́мут (*Вода чистая, прозрачная, аж дно видать.* Кадыйск.), Белобо́рье (*Чистый сосновый бор.* Шарьинск) и т.д. А также белый – это и солнечный, красивый, нетронутый, святой, добрый, приятный.

Микротопонимическая парадигма с компонентом *белый* в костромской топонимической системе, как и в любой другой топосистеме, часто находится в отношениях сравнительности с парадигмой *чёрный* (например, Судисл.: Чёрная река – Белая река; Кадыйск.: Чёрный овраг – Белый овраг; Островск.: д. Чёрная – д. Белая и т.д.), а также с парадигмой *красный* (Судиславск.: Белая горка – Красная горка) и т. п.

Адъектив *белый* продуктивен, вслед за адъективом *красный*, в костромской ойконимии: д. Белая Река (Судиславск.), д. Ново-Белый Камень (Красносельск.), д. Белый Овраг (Островск., Октябрьск.), д. Белая (Пыщугск.), д. Белый овраг (*Стояла на бугре берёзового леса.* Островск.). Возможно, цветовая характеристика объектов лежит в основе таких названий, как д. Белогла́зово (Кологривск.), д. Белозёрово (Антроповск.), д. Белобо́рское (Шарьинск.), а также д. Бели́ши́ха (Шарьинск.), д. Бела́вино (Кологривск., Нерехтск.) и т.д. (часть названий, вероятно, в случае антропонимического происхождения, не напрямую связана со словом *белый*).

Некоторые наименования (например, д. Белько́во, Белько́вский почи́нок Вохомск.; д. Бе́льники Вохомск.), возможно, связаны или с антропонимами, или с народными географическими терминами. В костромских говорах, как известно (по материалам картотеки Костромского областного словаря, нашим личным записям), имеют место лексемы бель ‘берёзовый лес’ (Судиславск.), бели́к ‘вид почвы’, бе́ли ‘надел земли для заготовки сена’ (*Пойдём на Бели сено сушить.* С. Сумароково Сусанинск.), белу́га ‘неудобренная почва, на которой ничего не родится’ (Костромск.), ‘почва цвета золы’ (Островск.), белу́н ‘белая, неплодородная почва, песок’ (Костромск.), белобо́рье ‘чистый сосновый бор’ (Шарьинск.). Ср.: белуга ‘белая глина, меловатая почва’ – воронежск.; белик ‘в названиях почв разных видов’ – тобольск., пермск., архангельск., уральск., свердловск., сибирск., ‘земля, непригодная для пашни, солонец’ – новосибирск., ‘название почвы по светлому оттенку её цвета’ – алтайск.; белый лес ‘хороший лес’ – кузбасск.; белуга, белун ‘серовато-белая неплодородная почва, подзол’ – карельск.; бель ‘берёзовый лес’ – архангельск. и т д. (по материалам СРНГ, областных словарей).

По этому поводу, ссылаясь на «Словарь народных географических терминов» Э. и М. Мурзаевых, Р.А. Агеева в своей работе «Страны и народы: Происхождение названий» пишет следующее: «Слова белый и чёрный встречаются в огромных количествах в географических названиях, причём чёрный занимает одно из самых первых мест по частоте употребления в гидронимах. Правда, следует учесть, что некоторые названия могли быть образованы от местных географических терминов. Например, *бель* “заболоченный береговой лес” в полесье; “болото с березняком, заболоченное место” в Белоруссии, “болото” в северных областях» [1, с. 80; 8, с. 39]. Однако данная географическая терминология связь с цветом всё-таки имеет (белые берёзы, белый мох и т.д.).

По материалам картотеки Костромского областного словаря, нашим личным наблюдениям, в костромских говорах лексема *белый* имеет также и другие проявления: пожелание, приветствие *беленько на платье* при стирке, полоскании белья (*Беленько, бабоньки! Беленько, бабоньки, на платье!* Судиславск.; *– Беленько, здравствуйте! – Беленько!* Кадыйск.); белеюшко ‘милый, голубчик’ (*Пойдё, белеюшко-то, домой!* Поназыревск.; *Белеюшко, сходико по воду!* Кологривск.); белёный суп (*Молока налей – вот и белёный тебе. Побели – вкуснее будет! Белить – добавлять молоко в еду*. Кадыйск.); ‘молочные продукты’ (*Если есть корова, то и белое всякое будет – и устой снимешь, маслишко сделать можно.* Судиславск.; *Без белого в семье нельзя.* Сусанинск.), ‘чистое небо’ (*Небо-то опять белое.*

Красносельск.); белая баня ‘часть свадебного обряда’ – бывает в день девичника, накануне свадьбы: подруги моют сидящую на венике невесту, а вечером бывает девичник (*Невеста-то на комелёц’ке виника сидит, а девки её моют.* Вохомск.), а также белая баня ‘баня с дымоходом’ (в отличие от чёрной – без дымохода); белая изба ‘постройка с печью, имеющей дымоход’; белая комната ‘чистая, лучшая, светлая комната’; белы ‘вторые сени’; белётенько ‘чисто’; белоножка ‘витая, резная ножка стола’, ‘резная ножка лавки’; белая корзина ‘корзина из ободранных прутьев для белья’; белетина ‘белое полотно’; беляки ‘сапоги из некрашеной кожи’; белушка ‘привидение’, ‘корова’; белоголовец, белоголовник, белоголовик ‘клевер’; белое ‘хлеб из пшеничной муки’; белый кисель ‘кисель из муки’; бель ‘мелкая рыба’; беляна, белянка ‘сыроежка’; беляк ‘груздь’, белый ‘гриб’ и т. д. (значительная часть лексем отражения в топонимии не находит).

Основная часть «белых» топонимов – это, разумеется, микротопонимы. Рассматриваемая лексема послужила основой для образования названий всех типов, однако имеет разную продуктивность, а также различное распространение в отдельных ареалах рассматриваемого региона. Обратим внимание на некоторые названия.

Повсеместно встречается в костромской топонимической системе наименование Бе́лый дом ‘административное здание’ (обычно белого цвета, а также по связи с резиденцией президента США), ‘какое-либо здание белого цвета’ (*До Белого дома дойди, выясни, что там делать-то думают?* Кадыйск. *В Белый дом пожалуйся хоть что ли.* Судиславск. *До Белых домов идти надо. Они белого цвета, покрашены.* Костромск.).

Самой многочисленной (и по сравнению с ойконимами, рассмотренными выше) является группа гидронимов. Это и реки: р. Бе́лая (*Раньше эта речка была чистая, вода в ней была прозрачная, на дне её бьют ключи.* Октябрьск.), р. Беля́нка (*Речка впадает в реку Белую.* Октябрьск.), р. Белоча́евка (*Речка маленькая, с ключевой водой.* Вохомск.), р. Бе́лый Лух (Макарьевск.), р. Бели́лка (Костромск.); места на реках: Бе́лый песо́к (*Место посереди реки Унжи.* Макарьевск.), Бе́лые пески́ (*Песок белый там. Часть берега покрыта белым песком и высокий сосняк там.* Судиславск.), омут Белолу́жье (Межевск.), омут Бе́лые пески́ (*С берегом, покрытым белым песком.* Сусанинск.); болота: Бе́лое боло́то (*Растёт дурман с белыми листьями.* Красносельск.; *Болото с чистой водой в лесу.* Костромск.; *Красивое место это Белое болото!* Антроповск.), Бе́лый мох (Буйск.); место в болоте Бе́лая поля́на (*Место, где раньше была церковь, провалившаяся в болото.* Чухломск.); озёра: Бе́лое о́зеро (Шарьинск.); лужи: Белая лужа (Сусанинск.) и т.д. Белой может быть как светлая, прозрачная, так и мутная (мельная, молочная) вода.

Значительно количество дримонимов рассматриваемой тематики: лес Бе́лое (Костромск.), лес Бело́вка (Нерехтск.); места в лесу Бе́лый Ка́мень (*Росло много белых грибов. Камень белый там лежит.* Судиславск.; *Грибные и ягодные места.* Судиславск.; *Место в лесу около Чистых грив, там много грибов. Белый камень находится на Чистых гривах. Его название произошло от того, что около него росло много белых грибов. Белый камень – символ той местности.* Красносельск.), Бе́лая поля́на (*Раньше была церковь.* Чухломск.), Белобо́рье (*Много берёз тама.* Судиславск. Чухломск.), Белый лес (*Много грибов.* Сусанинск.), поляна в лесу Беля́евка (Судиславск.); агроонимов: покос Белолу́жье (*Бело от ландышей.* Шарьинск.), покос Белогла́зова о́города (*Огороженное место для покосов, находится недалеко от деревни Нестерово, там есть два омута, похожи на два глаза.* Макарьевск.), поле *Беленькие* (Нерехтск.), место в поле Бе́лая гли́на (*Раньше в этом поле брали глину.* Сусанинск.), Белые луга (Буйск.) и т. д.

Меньшим количеством топонимических единиц представлены оронимы, образованные на основе лексемы *белый*: Бе́лая гора́ (*Состоит из белой глины.* Мантуровск.; *Белая гора у деревни Подлесное.* Антроповск.; Судиславск.; Кадыйск.) и дромонимы: Бе́лая доро́га (*Чистая она, хорошая, песочек.* Судиславск.).

Белого цвета может быть, как видим, и сам именуемый объект, и какой-либо находящийся в его пределах или рядом с ним другой объект (предмет). Многие топонимы образуют топонимические ансамбли (группы, гнёзда), позволяющие им лучше раскрыться в их значении, полноценнее функционировать и сохраниться в речи жителей на более долгий период. Например: д. Белозёрово, Белозёровское болото, Белозёровская мельница, Белозёровский песчаный карьер, Белозёровский колодец, поля Белозёрово (Антроповск.); д. Бело́во, Бело́вское болото (Чухломск.); д. Белобо́рское, Белобо́рское озеро (Шарьинск.); д. Бела́вино, лес Бела́винская се́ча; д. Бело́во, лес Бело́вка (Нерехтск.) и т. д.

Имеются и определённые «противоречия», например: болотина Белая лужа (*А вода в Белой луже не белая, а чёрная.* Судиславск.), Белая лужа (*Лужа перед болотом. Вода не белая, а тёмная, называют и Жёлтая лужа.* Сусанинск.).

Представляет интерес и народная этимология, хотя, как известно, часто она бывает ложной, особенно если речь идёт о собственно топонимах (названиях поселений, рек): д. Бело́вское Солигаличск. (*На высоком месте, среди полей и белых берёз.*), д. Белохво́стовка Нейск. (*По основателю, по прозвищу лентяя. Лентяя и гуляку называли белохвостом*), д. Белавино Кологривск. (*От прозвища Белава. Такое прозвище получали светлые, бледнолицые люди.* Кологривск.), р. Белилка (*Стирали бельё.* Кострома).

Итак, в костромских говорах лексема *белый* находит воплощение в большом количестве наименований (во многом соответствуя значениям, приводимым в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словаре русских народных говоров», областных словарях, подтверждая, а также уточняя и дополняя их), что в определённой степени отражается в топонимии, а следовательно, имеет возможность оказаться как бы законсервированным в ней.

Библиографический список

1. *Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

2. *Вендина Т.И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. – 1988.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. – СПб.: Диамант, Золотой век, 1999. – 800 с.

4. *Иванов В.В.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: к названию Белоруссии // Балто-славянские исследования. – М.: Наука, 1981. – С. 163–177.

5. *Ивенс Р.М.* Введение в теорию цвета. – М.: Изд-во «Мир», 1964. – 442 с.

6. *Климкова Л.А.* Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

7. *Кульпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М.: КомКнига, 2007. – С. 126–185.

8. *Мурзаевы Э. и М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Наука, 1984. – 653 с.

9. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – Т. I. – М., 1959.

10. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб., 1965–2010.

11. *Суперанская А.В.* Терминологичны ли цветовые названия рек? // Вопросы географии. – 1970. – Вып. 81. – С. 120–127.

12. *Суровцева М.А.* Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. – С. 136–156.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986.

14. *Цветкова Е.В.* Костромские цветовые топонимы // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 269–276.

15. *Šmilauer V.* Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen toponomastik. – Praha: Academia, 1970. – 215 s.

УДК 81'42

Чернова Оксана Евгеньевна
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный университет
OCHER08@inbox.ru

ИДЕОЛОГЕМА *СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ* В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

В статье исследуется появление, существование и трансформация идеологемы социалистическое соревнование *на материале публикаций из газеты «Магнитогорский рабочий» в период с 1930-х годов по настоящее время. Семантические преобразования идеологемы рассматриваются в связи с политическими изменениями в стране.*

Ключевые слова: *идеологема, коннотация, социалистическое соревнование, ударник, стахановец.*

Составной частью культуры, духовного производства является идеология, которая активно влияет на общественное сознание при помощи системы идеологем. По мнению Н.А. Купиной, идеологема – это «языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический. Различаем собственно идеологическую семантику и идеологическую добавку» [1, с. 183]. Следует отметить, что под добавками и наращениями мы понимаем коннотации, которые представляют собой «отношение субъекта к действительности» [2].

В данной статье мы намерены проследить появление, существование и трансформацию идеологемы *социалистическое соревнование*. Источником материала явились публикации из газеты «Магнитогорский рабочий» (далее – МР) в период с 1933 года по настоящее время. Это первая официальная ежедневная городская общеполитическая газета, которая выходит с 1 января 1930 г. Обращение к этому материалу объясняется тем, что газета «Магнитогорский рабочий» служила идейным выразителем политики коммунистической партии и отражала общегосударственные идеологические процессы в региональном преломлении.

© Чернова О.Е., 2012

Идеологема *социалистическое соревнование* появляется в 1930-х годах. В слове *соревнование* опредмечены различные действия человека, индивидуальные и социальные: *Социалистическое соревнование трудящихся в повышении производительности социалистического труда, в лучшей организации и выполнении всех видов работы и деятельности, способствующих повышению качества и темпов социалистического строительства* [3, с. 391]. Слово *соревнование* в своем системном значении содержит сему 'интенсивность'. Даже на уровне словарного толкования можно выявить семантическую гиперболу: *в лучшей, всех видов, в повышении*. В толковании обозначены сферы, к которым прилагается идеологема – труд, политика. Посредством постоянного атрибутивного сопроводителя *социалистическое*, который активизирует сферу политического, слово *соревнование* политизируется. Словосочетание *социалистическое соревнование* становится устойчивым.

Социалистическое соревнование получило развитие в двух направлениях: ударничество и стахановское движение. Исторически ударничество, которое понималось как 'ударный труд на благо страны', являлось базой для формирования стахановского движения, основанного главным образом на рекордах. В газете эти два направления социалистического соревнования качественно не различаются. Они рассматриваются как взаимозаменяющие друг друга понятия.

В газете *ударник* понимается как активное существо, деятельность которого должна быть направлена вовне, на преобразование, переделку внешнего мира: *Это* ***они на пустырях создают*** *Днепрострой, Кузнецкстрой, тракторные, комбайнные, автомобильные, авиационные, алюминиевые гиганты… Это они создают Магнитострой. И в миллионных колоннах –* ***тысячи, десятки и сотни тысяч*** *ведущих передовых, самых отважных и преданных бойцов. Они рождаются социалистическим строительством – они его передовые бойцы. Ударник – имя им* (МР, 1933, № 40); *…В беготне, металле, первоклассном оборудовании новых социалистических предприятий воплощен героический труд ударников. Это* ***ударники покорили стихию*** *Днепра, неукротимость которого воспета поэтами. Это они* ***прорвались в недра горы*** *Магнитной,* ***побороли бураны*** *Сибири,* ***создали в глухом таежном краю*** *величайшие заводы-уникум. Ничто не могло остановить лавины этого беспримерного наступления – ни палящий зной, ни ледяной холод, ни происки врагов, ни пораженчество маловеров. Рабочий класс под руководством партии* ***прорвался к цели через все преграды****. В истории человечества, даже в эпосе народов нет примера, который мог бы сравниться с героизмом создателей пятилетки и блеском ее побед!* (МР, 1933, № 54); ***Ударный труд воздвигает*** *на необъятных просторах Советского Союза* ***десятки и сотни заводов-гигантов, переделывает лицо*** *сельского хозяйства* (МР, 1934, № 99).

Идея силового преобразования мира доминирует в газетных контекстах. Внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир только и был предназначен для того, чтобы человек получил необходимые для себя блага, удовлетворил свои потребности. *Ударник* – это такой тип трудящегося, в котором умение господствовать над обстоятельствами является решающим свойством. В данном аспекте значимой становится сема 'преобразование'. Существительные с количественной семантикой *десяток, тысяча, сотни тысяч, миллион* указывают на грандиозный размах, который приобрел труд. Числовой ряд представлен в виде конструкции однородных членов предложения, которая мысленно может быть продолжена читателем. Гиперболизация активизирует сему 'большой масштаб деятельности'.

В газете имеют место поведенческие прогнозы, направленные на создание идеального образа *ударника*: *Новое содержание ударничества – ударником может быть только тот, кто не только* ***выполняет*** *план, но и у кого механизмы работают бесперебойно, у кого агрегат в образцовом культурном порядке,* ***кто самый короткий в мире рабочий день превращает в самый производительный!*** (МР, 1933, № 282); *Ударником может считаться только тот рабочий, работница и ИТР, которые* ***выполняют*** *качественные показатели, умеют вести за собой остальных рабочих и подтягивать отстающих* (МР, 1933, № 107); *Последний пленум городского комитета партии четко сказал, что: «Решительно должна быть изменена оценка ударничества и организация социалистического соревнования… Ударной не может считаться бригада, хотя бы и* ***перевыполняющая*** *плановое задание, если она не уплотняет своего рабочего времени. Ударником не может быть рабочий, не принимающий мер* ***к полной загрузке своего рабочего дня»*** (МР, 1933, № 247); *Нам нужен новый тип ударника, с новым, расширенным содержанием, ударника, который не только* ***перевыполняет*** *план, но который бережет вверенный ему агрегат, который* ***добивается максимальной уплотненности рабочего дня*** (МР, 1933, № 251). Контексты повествуют о том, что ударник должен *выполнять/перевыполнять план/качественные показатели, бережно/культурно относиться к агрегату*. Пожалуй, самое главное требование к трудовым действиям *ударника* – уплотнение рабочего дня. Специфика временных показателей видна в выражениях: *максимально уплотняет рабочий день; самый короткий в мире рабочий день превращает в самый производительный; принимает меры к полной загрузке*

рабочего дня. Сема ‘уплотнение времени’ позволяет воссоздать мыслимую модель времени, в рамках которой события максимально уплотнены.

Стахановец – это *работник социалистической эпохи, который в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов* [3, с. 498]. В основе номинации имя Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная – Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 г. борьбу за высшие показатели социалистического труда. Собственное имя человека, принадлежащего к движению, осуществляющему генеральную линию, используется как сигнал принадлежности к *нашему*. Системное значение содержит такие семы: ‘работник’, ‘в социалистическую эпоху’, ‘добивается наивысшей производительности труда’, ‘наилучшего использования техники’, ‘превышения производственных показателей’, – которые характеризуют *стахановца* с экономико-политической точки зрения.

Обыденное толкование этой номинации добавляет к системному значению несколько иные смыслы. Проиллюстрируем это следующими примерами: *Стахановцы – это люди новой формации, их труд является прообразом высокопроизводительного коммунистического труда.* ***Старая организация труда*** *мешала максимальному использованию социалистической техники. Стахановцы* ***по-новому организуют труд****. Самая характерная черта стахановцев – это* ***непрерывное творчество, систематическая организация производства, связанная с тысячью, подчас мелких, изобретений и приспособлений*** *к орудиям труда, увеличивающих производительность* (МР, 1938, № 200); *Партия учит нас, что сила всенародного стахановского движения состоит не в отдельных рекордах стахановцев, а в его массовости,* ***в неразрывной связи стахановцев с ударниками*** *– этим основным резервом стахановского движения* (МР, 1938, № 237); *За прошедшие три года стахановское движение ярко продемонстрировало перед всем миром свою неисчерпаемую силу. До начала этого движения, например, в 1934 г., производительность труда рабочих промышленности поднялась на 10, 7 процента. Эта цифра намного превышала темпы роста производительности труда в капиталистических странах.* ***Стахановское движение перекрыло и эти темпы*** (МР, 1938, № 200).

Массовое сознание выделяет аспекты идентификации стахановцев на основе изменения ценностных установок общества. Задействуется оппозиция *старая организация труда – новая организация труда* (социалистического), в которой отмечается тесная связь общественно-экономического бытия и ценностно-целевое отношение к способам обретения материальных ценностей (*стахановцы по-новому организуют труд*). Эти выражения актуализируют сему ‘преобразование’. В газете имеет место претензия на многоплановость понятия *стахановец*. Она заключается в невозможности его осмысления только в пределах экономического измерения. Осмысляется и духовно-нравственное наполнение. Например, самой характерной чертой стахановцев называется творчество и изобретательство: *непрерывное творчество; система, связанная с тысячью, подчас мелких, изобретений*. В этих выражениях особенно становится актуальна сема ‘творчество’.

Другая духовная идея – совместная работа. Семантический компонент ‘совместная деятельность’ активизируется в выражении *в неразрывной связи стахановцев с ударниками*.

Примеры умалчивают о проблеме материальной заинтересованности стахановцев, что имплицитно указывает на такую черту, как слабая ориентированность на материальные блага. Это выводит на передний план увлеченность стахановцев трудом как таковым. Труд ради самого труда в данном контексте предполагает полную и все более интенсивную отдачу своих сил труду. Определяющей становится сема ‘интенсивность’. Это хорошо иллюстрирует выражение *стахановское движение перекрыло и эти темпы*.

Таким образом, актуальное значение слова *стахановец* богаче системного, поскольку помимо семантических компонентов экономико-политического содержания включает семы нравственно-духовного содержания: ‘преобразование’, ‘творчество’, ‘совместная деятельность’.

Разрушение тоталитарной системы, начавшееся в 1980-х годах, во многом стимулировало языковые изменения. Семантические преобразования идеологем проявляются в изменении их семантики и коннотаций: *Но пришло время задумываться не только над тем, чтобы выполнить, но и как это сделать. То ли будут преобладать* ***штурмовщина****, сопутствующие ей* ***рваческие настроения****, то ли инициатива самих рабочих, живое* ***соревнование*** (МР, 1987, № 18); *Откуда же тогда* ***обязательства под копирку****? Так ли уж случайна в ином трудовом коллективе равнодушная, а то и негативная реакция на передовика? Отчего это происходит? Кто несет ответственность* ***за имитацию азарта работы****, интереса к труду, живого состязания?* (МР, 1987, № 18).

Отказ от старых языковых знаков и создание новых образцов с новым содержанием реализуется в лексемах *штурмовщина* (неодобр. *Поспешная бесплановая работа с целью наверстать упущенное* [4, с. 902]), *рваческие настроения* (Рвач: разг. презр. *Человек, который в ущерб общему делу стремиться извлечь из своей работы как можно больше личных выгод, урвать побольше для себя* [там же,

с. 670]), *обязательства под копирку, имитация азарта работы*.

В газетных контекстах за данными номинациями стоит идеологема *социалистическое соревнование*. Появление эффекта сниженности создают отрицательные прагматические смыслы, содержащие оценку тоталитарной системы: 'консерватизм', 'экстенсивность развития', 'застойность', 'уравниловка'.

Поиск истинных номинаций сопровождается аксиологическими изменениями, в частности, изменением знака оценки. Отрицательная оценка эксплицируется при помощи контекста (*имитация азарта, обязательства под копирку* и т. д.), эмоционально-оценочного компонента, зафиксированного словарями в виде помет **неодобр.** (*штурмовщина*) [4, с. 902], **разг. презр.** (*рвачество*) [Там же, с. 670].

Экономические и политические реформы, начавшиеся в 1990-х годах (переход к демократической системе правления и образование Российской Федерации), повлияли на ценностные ориентации людей. Смена идеологических установок отразилась в активном процессе деидеологизации, который «затрагивает как оценочную сторону, так и содержательные компоненты идеологизированной лексики» [5, с. 135].

«Выворачивание наизнанку» прежних идеологических святынь осуществляется при помощи намеренной смены знака оценки. Идеологемы становятся мишенью, «которая принимает на себя рикошет эмоций, вызванных событийным раздражителем» [6, с. 155]: *В последние годы журналисты городской газеты не рассказывают, как прежде, о «трудовых свершениях», «передовом опыте», «социалистическом соревновании в честь знаменательных дат»... Ушли в прошлое* ***показушные*** *и часто* ***надуманные атрибуты*** (МР, 1993, № 28); *Но ведь десятилетиями* ***соревнование было откровенной липой***. *Хотя бы из-за символических материальных стимулов* (МР, 1992, № 99).

В контекстах идеологемы получают качественно новые номинации: *социалистическое соревнование* « *показушные, часто надуманные атрибуты; откровенная липа*. Дискредитация социалистической системы труда происходит через актуализацию эмоционально-оценочных семантических компонентов 'видимость' (*показуха* (разг. неодобр.), 'неестественность' (*надуманный* 'лишенный естественности' [4, с. 380]), 'фальшивость' (*липа* (разг.) 'фальшивка' [4, с. 327]). Эти отрицательные прагматические смыслы эксплицируют идеологический скептицизм языкового сознания. Заметна тенденция к разработке содержания этически одобряемых моделей процесса труда и поведения субъекта: 'отсутствие пафоса созидания' и 'личная польза'.

Газетные публикации последнего десятилетия не содержат идеологемы *социалистическое соревнование*, что свидетельствует о ее разрушении.

Таким образом, идеологема *социалистическое соревнование* нестабильна. Склонность к трансформации обусловлена политическими переворотами, реформами, которые влекут смену правящей власти, способны полностью изменить шкалу оценок и привести к исчезновению идеологемы.

Библиографический список

1. *Купина Н.А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 182–189.

2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. – М.: Школа, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

3. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. – Т. 4. – С-Я. – 1500 с.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

5. *Купина Н.А.* Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С. 134–145.

6. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социальный институт
slava964964@mail.ru

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»: К ПОЭТИКЕ СЮЖЕТА

Автор данной статьи анализирует сюжет романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», делая вывод о том, что автор этого произведения продолжает традиции петербургских повестей Гоголя, усиливает их лейтмотив.

Ключевые слова: *Пушкин, Гоголь, роман, письмо, образ, сюжет.*

Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в исследовательской литературе традиционно связывается с проблемой «Гоголь – Достоевский» [см.: 1, с. 161–210; 2]. Не вдаваясь в развёрнутую полемику, автор предлагаемой статьи на основе анализа сюжета данного произведения пытается показать, что Достоевский продолжает и усиливает историософский мотив гоголевских петербургских повестей – противоречие между регламентированностью русской жизни, начало чему положила петровская «Табель о рангах» (1722), и личностью.

Отметим, что в «Шинели» дана художественная структура этого конфликта: обречённость главного героя, оказавшегося «за» своим чиновничьим рядом вследствие несоответствия платья и поведения установленным нормам. Вводя эту повесть в подтекст своего романа, Достоевский развивает эту модель: показывает душевную трагедию героя, переживающего оскорбление, нанесённое его человеческому достоинству.

Для своего художественного открытия Гоголю требовались обобщённые образы и ситуации. Развивая его, Достоевский образы своих персонажей конкретизирует, принципы сюжетосложения усложняет.

В основе сюжета «Бедных людей», как и «Шинели», – взаимодействие двух противостоящих друг другу мотивов: деспотизма «шинельной» системы, здесь более детализированный (его можно назвать Петровским), и человеческого достоинства, который у Достоевского «одухотворён»: развитие самосознания человека совершается через сострадание другому (в связи с христианской традицией его можно назвать Никольским).

В романе развиваются две сюжетные линии: Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны Доброселовой. Имена свидетельствуют об их чуждости окружающему. Варвара Доброселова – «чужеземка», «добрая насельница». Макар Девушкин – душевно чистый и нежный «бедный Макар» (по поговорке, «На бедного Макара шишки валятся» [3, с. 290]). Сходство их отчеств символизирует родственность их судеб.

В эпистолярной форме романа – начало принципа полифонии.

В письмах героев выражены их характеры. В отличие от статичной героини Макар Алексеевич меняется, духовно преображается.

Девушкин, так же как и Башмачкин, – «чиновник для письма». Он прослужил в своём департаменте «около тридцати лет», подчиняется тем же «шинельным» порядкам. О том, что их автором был первый русский император, видимо, за давностью лет уже забыли. Девушкин их обожествляет: «Позвольте, маточка: всякое состояние определено Всевышним на долю человеческую, – пишет он Вареньке. – Тому определено быть в генеральских эполетах, этому служить титулярным советником; такому-то повелевать, а такому-то безропотно и в страхе повиноваться. Это уже по способности человека рассчитано; один на одно способен, а другой на другое, а способности устроены самим Богом» [4, т. 1, с. 61]. Признавая их всесильность, он даже гордится своей благонадёжностью: «Состою я уже около тридцати лет на службе; служу безукоризненно, поведения трезвого, в беспорядках никогда не замечен. Как гражданин, считаю себя собственным сознанием моим, как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетели. Уважаем начальством, и сами его превосходительство мною довольны [4, т. 1, с. 61–62]. Деспотизм, на котором зиждутся «шинельные» законы, в чиновничьей среде получил имя – «распеканция».

«Отчего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь. Ну да положим и так, например, для тона распечь – ну и для тона можно; нужно приучать; нужно острастку давать; <...> А так как разные чины бывают и каждый чин требует совершенно соответственной по чину распеканции, то естественно, что после этого и тон распеканции выходит разночинный, – это в порядке вещей! Да ведь на том и свет стоит, маточка, что все мы один перед другим тону задаём, что всяк из нас один другого распекает. Без этой предосторожности и свет бы не стоял и порядка бы не было [4, т. 1, с. 62–63].

© Баталова Т.П., 2012

Судьба главного героя показывает, как эта «распеканция», сковывая, замыкая душу, обрекает человека на одиночество.

Макар Алексеевич признаётся Вареньке: «…До вас, ангельчик мой, я был одинок и как будто спал, а не жил на свете. Они, злодеи-то мои <...> гнушались мною, ну, и я стал гнушаться собою; говорили, что я туп, я и в самом деле думал, что я туп…» [4, т. 1, с. 82]. В то же время образ Девушкина выражает и ту мысль, что есть души, которые даже в таких условиях сохраняют способность воодушевляться и сострадать.

Хотя Макар Девушкин был очень беден и учился «даже и не на медные деньги» [4, т. 1, с. 24], он проявляет душевное тяготение к возвышенному; в молодости это проявилось в наивной форме романтического увлечения: например, был влюблён в актрису, которую даже не видел. В театре, в четвёртом ярусе, в галерее, «я один только краешек занавески видел, зато всё слышал. У актрисочки, точно, голосок был хорошенький, – звонкий, соловьиный, медовый! <...> Полтора месяца я <...> волочился за нею; извозчиков-лихачей нанимал поминутно и всё мимо её окон концы давал; замотался совсем, задолжал, а потом уж и разлюбил её; наскучило!» [4, т. 1, с. 61] Прожив долгие годы «в одиночестве, в лишениях, без радости, без дружеского приветливого слова, у чужих людей углы нанимая» [4, т. 1, с. 18], он проявил сострадание к бедной сироте, защитил её «от злых людей, от их гонений и ненависти» [4, т. 1, с. 21]. Следовательно, Макар Девушкин, благодаря силе своей души, старается противостоять гнетущим жизненным обстоятельствам Вареньки. Сочувствие, а затем влюблённость возвышают его: «…А как вы мне явились, то вы всю мою жизнь осветили тёмную, так что и сердце и душа моя осветились и я обрёл душевный покой и узнал, что и я не хуже других; что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но всё-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек» [4, т. 1, с. 82].

Таким образом, Макар Девушкин через сострадание к другому чувствует себя человеком. Достоевский показывает, что становление человеческого достоинства выражается и в стремлении к творчеству. У Макара Алексеевича – это письма, их «слог». Очевидно, это – одна из функций эпистолярной формы произведения.

Переписываясь с Варварой Алексеевной, он сокрушается о своём «слоге»: «Не взыщите, душечка, на писании: слогу нет, Варенька, слогу нет никакого. Хоть бы какой-нибудь был!» [4, т. 1, с. 24] и т.п. (Заметим, что и последнее письмо Девушкина автор обрывает размышлениями о слоге: «у меня теперь и слог формируется», и затем Макар Алексеевич как бы извиняется: «я теперь <...> и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше…» [4, т. 1, с. 108].) Вместе с тем у Девушкина появляется и интерес к чтению. Он снимает самую дешёвую комнату – угол в кухне за перегородкой. «Я живу в кухне <...> кухня большая в три окна, так у меня вдоль поперечной стены перегородка <...> Ну вот это мой уголочек [4, т. 1, с. 16]. Но в первом же письме к Варваре Алексеевне он сообщает, что у него есть «книжка». А, перечисляя своих соседей, прежде других называет чиновника «по литературной части». Он гордится дружбой с ним – с Ратазяевым – тем, что бывает на литературных собраниях у него. Восхищается его выспренними творениями, вульгаризирующими романтизм, за что Варвара Алексеевна упрекает его и посылает ему «Повести Белкина».

Значима здесь символизация пушкинского творчества. Оно становится камертоном, определяющим душевные качества персонажей и отношение к ним главной героини. Покровскому «хотелось иметь полное собрание сочинений Пушкина, в последнем издании». Варенька говорит о студенте: «Он был добрейший, достойнейший человек, наилучший из всех, которых мне встречать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потом он и для меня был лучшим из друзей, – разумеется, после матушки» [4, т. 1, с. 32]. «Повести Белкина» особенно дороги, потому что, как она вспоминает, «два года тому назад мы читали эти повести вместе с матушкой» [4, т. 1, с. 55]. Эту книжку Варенька посылает Макару Алексеевичу, которому пишет: «Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем» [4, т. 1, с. 56]. Прочитав Пушкина, Девушкин восклицает: «Спрашиваю я теперь себя, маточка, как же это я жил до сих пор таким олухом, прости Господи? Что делал? Из каких я лесов? <...> живёшь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена. <...> Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книжке, да я и сам в таких же положениях подчас находился как, примерно сказать, этот Самсон-то Вырин, бедняга. Да и сколько между нами-то ходит Самсонов Выриных, таких же горемык сердечных! <...> Нет, это натурально! <...> это живёт! Я сам это видел, – это вот всё около меня живёт [4, т. 1, с. 58–59]. Таким образом, Пушкин способствует прозрению Девушкина. Очевидно, именно сострадание Самсону Вырину помогло Макару Алексеевичу понять правоту автора повести о Башмачкине, хотя узнавание сходство своей судьбы с мытарствами гоголевского героя вызвало душевную боль.

В сопоставлении «Станционного смотрителя» и «Шинели» выражена интенция Достоевского. Читая Пушкина, Девушкин видел, что он, хотя и в страданиях, но такой же, как все. Однако, с таким обострённым самосознанием, узнав себя в Ака-

кии Акакиевиче, Макар Алексеевич ещё болезненнее воспринимает и его, и своё положение в «шинельной» системе – исключение из правил, то есть превращение в предмет насмешек и издевательств.

Таким образом, Достоевский, продолжая Гоголя, усиливает мотив сочувствия бедному чиновнику, задавленному не только нищетой, но и необходимостью быть как все, попирающей его человеческое достоинство. В протесте Девушкина против «злонамеренной книжки», с одной стороны, горечь узнавания, с другой – требование признания своего права быть самим собой, без «подглядок» и осуждений.

В связи с этим письмом обращает на себя внимание мастерство Достоевского-романиста. Письма здесь играют не столько информационную роль, сколько литературную. Герои встречаются лично (на квартире у Вареньки, в церкви, на прогулке на островах, в театре). Письма нужны им чаще всего для того, чтобы обменяться впечатлениями о пережитом вместе, о своей прежней жизни. Таким образом, эпистолярная композиция как бы накладывается на сюжет.

Такая двойственность проявляется и в письме Девушкина о гоголевской повести. В его отношении к ней («пасквиль», «злонамеренная книжка») видны черты эпистолярной композиции. Подробная характеристика «шинельной системы», цитированная выше, в большей степени результат личных страданий Девушкина, нежели прочитанного о Башмачкине. Эта часть письма тяготеет более к сюжету. Думается, что эта неоднородность письма и является архитектоническим узлом.

Подчёркивая особенности романа в письмах, Достоевский писал старшему брату: «В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всём они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может» [4, т. 1, с. 117–118]. Но в рассматриваемом случае авторская позиция проявляется активно.

Пишут, «действительно», Девушкин и Доброселова. Но, по воле автора, нет письма Вареньки о визите к ней Офицера. Реакцией именно на это оскорбление, нанесённое девушке, и было пьянство Девушкина и скандал. Автор умышленно нарушает эпистолярную логику. В пропуске между письмами показывается сам автор. Этот ход писателя и усиливает роль подтекста произведения.

С одной стороны, в результате того, что за письмом о «Шинели» следуют вопросы Варвары Алексеевны о «падении» Макара Алексеевича, автор подводит читателя к ошибочному выводу, который разделяют и исследователи: «Литературный “пасквиль” так подействовал на бедняка, что у него случился духовный срыв: он запил, опустился до скандалов…» [5, с. 15]. С другой – рассматриваемое письмо Девушкина акцентируется. Эта эпистола поставлена на то место романного сюжета, когда Девушкин, вконец разорившийся, осознаёт безвыходность своего положения, обречённость на «распеканции». Письмо знаменует кризисную ситуацию (термин Г.В. Краснова [см.: 7]). Сюжет здесь делает поворот. До той поры в романе развёртывается как бы экспозиция кризиса, преобладает Никольское начало.

Макар Алексеевич самозабвенно помогал Вареньке. Так, например, затраты на лечение больной девушки обернулись для него продажей нового вицмундира и жизнью впроголодь, что он всеми силами скрывает. «А что Федора вам насказала на меня, так всё это вздор; вы ей скажите, что она налгала, непременно скажите ей, сплетнице!.. Я нового вицмундира совсем не продавал. Да и зачем, сами рассудите, зачем продавать? <...> Кто это говорил вам, что я похудел? Клевета, опять клевета! здоровёхонек и растолстел так, что самому становится совестно, сыт и доволен по горло; вот только бы вы-то выздоравливали! [4, т. 1, с. 25–26]. Он не стесняется являться на службу в «старом платье <...> Срам! всё в заплатках» [4, т. 1, с. 48]. Чтобы ухаживать за больной, он пренебрегает и сплетнями, которых невероятно боится: не за себя, за Вареньку. «Я и то, маточка моя, ангельчик, вас почти совсем не покидал во всё время болезни вашей, во время беспамятства-то вашего» [4, т. 1, с. 26]. Уверенности в своей правоте придаёт ему признательность Варвары Алексеевны: «Вы хоть дальний родственник мой, но защищаете меня своим именем [4, т. 1, с. 49]. В таких условиях у Макара Алексеевича восстанавливается чувство собственного достоинства, потребность хотя бы «от времени до времени себе справедливость воздать» [4, т. 1, с. 48]. Он острее воспринимает насмешки сослуживцев. «Да мало того, что из меня пословицу и чуть ли не бранное слово сделали, – до сапогов, до мундира, до волос, до фигуры моей добрались: всё не по ним, всё переделать нужно! И ведь это всё с незапамятных времён каждый божий день повторяется. Я привык, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смирный человек, потому что я маленький человек; но, однако же, за что это всё? Что я кому дурного сделал?» [4, т. 1, с. 47]. Теперь он укрепляется сочувствием Варвары Алексеевны: «Ведь вы же находите меня человеком достойным, а вы не в пример лучше их всех, маточка» [4, т. 1, с. 47]. Он осознаёт свою служебную значимость: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да всё-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю.<...> Письмо такое чёткое, хорошее, приятно смотреть, и его превосходительство довольны; я для них самые важные бумаги переписываю»

[4, т. 1, с. 47]. Но пока всё же пытается объяснить презрение товарищей отсутствием «слогу»: «Ну, слогу нет, ведь я это сам знаю, что нет его, проклятого; вот почему-то я и службой не вышел <...> Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приносит, да за крысу-то эту держатся, да крысе-то этой награждение выходит – вот она крыса какая!» [4, т. 1, с. 47–48]. Но здесь уже слышны отзвуки «шинельных» законов, которые Девушкин ясно понял, прочитав гоголевскую повесть.

Условно говоря, во второй части сюжета господствует Петровский мотив. Теперь как бы поднимаются и выступают на первый план «злополучия». Девушкин скорбит душой, сознавая свою «неспособность» полностью осуществить свои планы. Укоренившиеся в обществе «шинельные» законы как бы возвращают его на прежний уровень, над которым он стремился подняться.

Итак, «Табель о рангах» и через тридцать лет службы не предоставляет титулярному советнику средств, необходимых для содержания себя и семьи. Вместе с тем писатель показывает и другой путь обогащения. Сослуживец Девушкина – Пётр Петрович – даёт деньги под заклад на проценты. Его поименование намекает на то, что такая возможность появилась также в связи с петровскими реформами, здесь петровское начало открыто проявляет себя.

Ещё выразительнее то, что чиновник 14-го класса Марков, также давая деньги на проценты под заклад, нажил себе «большой деревянный дом с мезонином». Сама его фамилия указывает на его занятие – добывание денег на западный, безбожный, манер.

Противопоставляя им Макара Алексеевича, Достоевский подводит к выводу о пагубном влиянии петровских преобразований на христианскую мораль.

Не заняв денег даже под большие проценты, не имея «заклада», Девушкин после поездок на Острова и в театр, после ощущения жизни «домком» как бы возвращается к тяжёлой действительности.

Символичен в этом отношении его инцидент со Сторожем: «Хотел было себя пообчистить от грязи, да Снегирёв, сторож, сказал, что нельзя, что щётку испортишь, а щётка, говорит, барин, казённая. Вот они как теперь, маточка, так что я и у этих господ чуть ли не хуже ветошки, об которую ноги обтирают» [4, т. 1, с. 79]. Макар Алексеевич реальнее воспринимает теперь и последствия «неприличия» своего костюма. «Достоевский по-своему подхватывает и тему овеществления души, всепроникающую у Гоголя, и в частности в “Шинели” (мотив “сапог”, соотнесённый с мотивом “шинели”) [2, с. 227].

Кроме того, отметим, что, продолжая Гоголя, Достоевский усиливает мотив платья бедного чиновника. Если у Акакия Акакиевича вицмундир был не зелёного, а «рыжевато-мучнистого цвета», воротничок на нём был слишком «узенький и низенький», а старую изношенную «шинель» его товарищи в насмешку называли «капотом», то о служебном костюме Девушкина говорится как о «платье», «всё в заплатках», «вицмундир» здесь упоминается лишь со словом «новый». При этом акцентируются «худые сапоги», «продранные локти», «обсыпавшиеся пуговки». Макар Алексеевич жалуется: «…Сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговок нет… да того ли ещё нет у меня! а ну как из начальства-то кто-нибудь заметит подобное неприличие? Беда, Варенька, беда, просто беда!» [4, т. 1, с. 72]. Мечтая о займе, он планирует необходимые траты: «На рубль серебром куплю сапоги; я уж и не знаю, способен ли я буду в старых-то завтра в должность явиться<...> Теперь пуговки, дружок мой! Ведь вы согласитесь, крошечка моя, что мне без пуговок быть нельзя; а у меня чуть ли не половина борта обсыпалась. Я трепещу, когда подумаю, его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут – да что скажут! Я, маточка, и не услышу, что скажут; ибо умру <...> от стыда, от мысли одной» [4, т. 1, с. 74]. Мотив «пуговок» достигает своего апогея в сцене в кабинете Генерала: «…И тут… тут, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу от стыда. Моя пуговка – ну её к бесу – пуговка, что висела у меня на ниточке, – вдруг сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задел её нечаянно), зазвенела, покатилась и прямо, так-таки прямо, проклятая, к стопам его превосходительства и это посреди всеобщего молчания! <...> я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, – катается, вертится, не могу поймать…» [4, т. 1, с. 92]. Сарказм этой ситуации превращает «пуговку» в символ абсурдности «шинельной» системы, унижающей и оскорбляющей человеческое достоинство.

Иной смысл выражает мотив «сапог». Он оттеняет духовную эволюцию героя. Девушкин как бы подымается над обстоятельствами. Так, он понимает двоякую роль сапог: как необходимой обуви и атрибута костюма чиновника. Поэтому он иронизирует: «…По мне всё равно хоть бы и в трескучий мороз без шинели и без сапогов ходить, я перетерплю и всё вынесу, мне ничего; человек-то я простой, маленький, но что люди скажут? <...> Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь. Сапоги в таком случае <...> нужны мне для поддержки чести, и доброго имени; в дырявых же сапогах и то и другое пропало…» [4, т. 1, с. 76]. Как бы в ответ на своё крайне тяжёлое положение («Меня гонят, маточка, презирают, на смех поднимают»), будучи навеселе, он ещё откровеннее: «Отчего же сердца своего

не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздор и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздор! И мудрецы греческие без сапог хаживали, так чего же нашему-то брату с таким недостойным предметом нянчиться? За что ж обижать, за что ж презирать меня в таком случае?» [4, т. 1, с. 81]. Видимо, литература (Пушкин, Гоголь), забота о Вареньке, её любовь, сочувствие таким же беднякам, как и он сам, помогли ему не только выстоять в условиях материальных лишений, но и оценить контрасты «Гороховой улицы». Это прозрение он выразил в размышлениях о сапогах: «Теперь я вам, примерно, иносказательно буду говорить, маточка, <...> в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая по нужде, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно <...> Ну да ведь он мастеровой, он сапожник: ему простительно всё об одном предмете своём думать. У него там дети пищат и жена голодная; и не одни сапожники встают иногда так, <...> тут же, в этом же доме, этажом выше или ниже, в позлащённых палатах, и богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снились, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но всё-таки сапоги; ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя, выходим немного сапожниками. И это бы всё ничего, но только то дурно, что нет никого подле этого богатейшего лица, нет человека, который бы шепнул ему на ухо, что "полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить, ты, дескать, не сапожник, у тебя дети здоровы и жена есть не просит; оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!"» [4, т. 1, с. 88–89]. Следовательно, «сапоги» здесь, так же как и гоголевская «шинель», символизируют бездуховность общественных порядков, порожденных регламентированностью русской жизни.

Интересно, что именно теперь у Девушкина вырабатывается «слог». Он замечает Варваре Алексеевне: «…У меня с недавнего времени слог формируется» [4, т. 1, с. 88].

Так «на глазах читателя недалёкий переписчик превращается в писателя, причём в настоящего писателя, для которого сочинение "дружеских писем" становится в конце концов смыслом духовного существования, который в слове сознаёт себя и мир, который неожиданно замечает, что у него «слог становится», который обретает творческое всесилие над сказанным и утаённым словом.» [6, с. 623]. Таким образом, можно предположить, что Достоевский связывает совершенство стиля и высоту самосознания художника, его способность глубокого познания и изображения социальных проблем.

Трагичность судьбы Макара Девушкина по сравнению с Акакием Акакиевичем усилена. В романе как бы реализуется пожелание Макара Алексеевича изменить финал «Шинели»: «А лучше всего было бы <...> чтобы тот генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, перепросил бы его в свою канцелярию, повысил чином и дал бы хороший оклад жалования» [4, т. 1, с. 63]. В романе Достоевского Его превосходительство поступил тоже благородно, хотя и не совсем так, как бы хотелось, вероятно, Макару Алексеевичу: «…Его превосходительство поспешно вынимают книжник и из него сторублёвую. "Вот, – говорят они, – чем могу, считайте, как хотите…" – да и сунул мне в руку» [4, т. 1, с. 93]. Оставшийся почти наг и бос, как бы освободившись от «шинельных пелён», став свободным душой, он благородные отношения между людьми смог оценить выше материального благополучия: «…Клянусь, что как ни погибал я от скорби душевной в лютые дни нашего злополучия, глядя на вас, на ваши бедствия, и на себя, на унижение моё и мою неспособность, несмотря на всё это, клянусь вам, что не так мне сто рублей дороги, как то, что его превосходительство сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать изволили! Этим они меня самому себе возвратили. Этим поступком они мой дух воскресили, жизнь мне слаще навеки сделали, и я твёрдо уверен, что я как ни грешен перед Всевышним, но молитва о счастии и благополучии его превосходительства дойдёт до престола Его!..» [4, т. 1, с. 93]. Но, познав благородство души, оценивая его выше всех материальных благ, он не может перенести отъезд Варвары Алексеевны с господином Быковым. Макар Девушкин воспринимает его как крушение мира. Понимая свою «неспособность» избавить Вареньку от «бедствий», он может только мечтать о её счастье, например, глядя на «пышные экипажи» на Гороховой: «Ездили бы и вы в карете <...> ходили бы вы не в холстинковом ветхом платьице, а в шелку да в золоте. Были бы вы не худенькие, не чахленькие, как теперь, а как фигурка сахарная, свеженькая, румяная, полная. А уж я бы тогда и тем одним счастлив был, что хоть бы с улицы на вас в ярко освещённые окна взглянул, <...> от одной мысли, что там вам счастливо и весело, <...> и я бы повеселел» [4, т. 1, с. 86]. Казалось бы, что господин Быков и обещал Варваре Алексеевне такую жизнь. Он «сказал, – пишет она, – что в деревне я растолстею, как лепёшка, что буду у него как сыр в масле кататься…» [4. т. 1, с. 101]. Он приказывает ей готовить к отъезду дорогие одежды, «не хочет, чтобы жена его как кухарка ходила…» [4, т. 1, с. 103].

Штампы социальной психологии универсальны и распространяются не только на бедствующих кан-

целяристов. Благополучный господин Быков не скрывает, что дорогостоящие вещи, приобретаемые для Вареньки, – всё это – для людских мнений (как и сапоги для Макара Алексеевича). Подтверждение этому Девушкин находит в письме Варвары Алексеевны, которая передаёт слова Быкова: «Я непременно должна “утереть нос всем помещицам”» [4, т. 1, с. 103]. У себя в степи господин Быков собирается «травить зайцев», духовные интересы Вареньки он не разделяет. Он считает, что «романы губят молодых девушек, что книги только нравственность портят и что он терпеть не может никаких книг» [4, т. 1, с. 100]. Варвара Алексеевна выходит за господина Быкова, сознавая крайне бедственное своё положение: «Если кто может избавить меня от моего позора, возвратить мне честное имя, отвратить от меня бедность, лишения и несчастии в будущем, так это единственно он» [4, т. 1, с. 101]. Но об отсутствии их душевной близости говорит то, что и после их свадьбы он остаётся для неё «господином Быковым». В противоположность этому Макар Алексеевич навсегда остаётся для неё «бесценным другом».

Вместо предполагаемого благополучия Варвара Алексеевна чувствует горечь. Прощаясь с Девушкиным, она восклицает: «О! Как мне грустно, как всё давит мою душу» [4, т. 1, с. 106]. Это письмо говорит о том, что не только Макар Алексеевич, но и сама Варенька понимают невозможность счастья, иллюзорность её благополучия с «господином Быковым».

Последнее письмо Девушкина к уезжающей с Быковым Варваре Алексеевне осталось неоконченным: оно без подписи, без даты – оно вечное. Это свидетельствует о гибели Макара Алексеевича.

Таким образом, душевная скорбь прозревшего своё человеческое достоинство героя оказалась неизмеримо сильнее самых тяжёлых «злополучий». Это отличает Макара Алексеевича от Акакия Акакиевича.

Думается, что предложенный анализ показывает: Достоевский в своём романе усилил лейтмотив гоголевских петербургских повестей, выражающий пагубные для русской жизни последствия петровских преобразований.

Библиографический список

1. *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. – М., 1985.

2. *Викторович В.А.* Гоголь в творческом сознании Достоевского / Достоевский. Материалы. Исследования. – СПб., 1997. – С. 216–233.

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 2. – М., 1989.

4. Достоевский Ф.М.: В 30 т. – Л., 1972–1990.

5. *Достоевский Ф.М.* Сочинения. Письма. Документы. Словарь-справочник. – СПб., 2008.

6. *Захаров В.В.* Дебют гения // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. – Т. 1. – Петрозаводск, 1996. – С. 309–386.

7. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.

УДК 882.09

Глазунова Софья Ивановна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
profhom@yandex.ru

ЦВЕТ И ЗВУК КАК КОМПОНЕНТЫ КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

В статье рассматривается особенность функционирования концептов со значением «цвет» и «звук» в критических работах В. Набокова. Выявляется роль цветовых и звуковых образов, метафор, построенных на специфическом смешении ощущений, свойственном мультисенсорному восприятию.

Ключевые слова: *В. Набоков, интерпретация, синестезия, символизм, писательская критика.*

Подчеркивая уникальность своего восприятия художественного текста, В. Набоков неоднократно упоминает о том, что слово написанное может обретать звук и цвет в сознании критика. Анализ работ Набокова показывает, как тесно переплетается его отношение к цветному слуху и благозвучности текста с концепциями представителей символизма.

Так, для эстетики символизма важным оказывается феномен синестезии (соощущения). Еще Макс Нордау указывал на синестезию, как «бред одной группы символистов» [13, с. 103], а Анатоль Франс причисляет синестезию к одной из характерных особенностей эстетики символизма. Примечательно, что и Нордау, и Франс трактуют синестезию как болезнь, характерную для определенной эпохи и оказывающую несомненное влияние на эстетику и творческие искания «больных». Несмотря на то что феномен синестезии становится объектом исследования не только естественных, но и гуманитарных наук, его единой трактовки до сих пор не существует.

Внимание к синестезии у представителей русского символизма было связано с эстетическими

© Глазунова С.И., 2012

исканиями французских символистов. В знаменитом сонете «Гласные» А. Рембо определил цветовые соответствия отдельных звуков, а в сонете «Соответствия» Ш. Бодлер описывал особое состояние гармонии, когда «перекликаются звук, запах, форма, цвет». Следуя традиции французских символистов, К. Бальмонт в статье «Светозвук в Природе и Световая симфония Скрябина» говорит о единстве в природе звука, цвета и запаха и замечает: «Творчески мыслящий и чувствующий художник <…> знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляют, а слова разбивают горы и прорезают материки» [1, с. 13]. А. Белый в «Глоссалолии» дает подробную классификацию соответствия звуков языка определенным цветам. Как отмечает Ш. Кастеллано, Белый «находил в этом изысканном спиритуализированном чувственном феномене могущественное средство для воплощения эстетического и живого единства, которое он стремился установить» [5, с. 20].

По оценке исследователей, синестезия также была характерна для творчества Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, М. Цветаевой, В. Хлебникова, А. Блока (удивительно точно подметил Б.М. Галлеев, что «само понятие “серебряный век” тоже очень близко к синестезии...» [4, с. 224]). Характеризуя эстетику русского символизма, Н.П. Коляденко делает вывод о том, что для поэтов начала XX века синестезия стала «спасением от мучительного трагического надлома с помощью создания объемной, стереоскопической, вмещающей слияние ощущений поэтической иллюзии» [14, с. 8].

Набоков гордился своей способностью к мультисенсорному восприятию. В интервью Питеру Дювалю-Смиту он назвал синестезию причиной, вынуждающей его уделять много внимания цвету в своих художественных произведениях: «…Я наделен чудаческим даром видеть буквы в цвете. Это называется цветным слухом. Возможно, таким талантом обладает один из тысячи. Но психологи говорили мне, что так видит большинство детей и что позже они утрачивают эту способность, когда тупые родители говорят им, что все это абсурд, что А – не черного цвета, а В – не коричневого – ну же, не будь глупым» [11, с. 124]. А в книге «Другие берега» и ее английском варианте «Память, говори!» Набоков представил подробную «исповедь синестета», в которой связывает воедино три ощущения: цвет, звук, вкус. Примечательно, что Набоков выставляет синестезию явлением почти уникальным, знаком некоей избранности (как символисты считали способность к соощущениям отличительной чертой художника). Он строит свои ряды соответствий «цвет – звук», но не упоминает о других случаях проявления синестезии в искусстве. Это может иметь целью не только подчеркнуть уникальность его восприятия и творческого метода, но и нежелание давать повод критикам для сравнения его с символистами. Эту мысль подкрепляет нелестная оценка символистов, высказанная Набоковым в рецензии на собрание стихов Бунина («Ив. Бунин. Избранные стихи»): «…Бесследно прошла эта поэтическая шумиха – развенчаны или забыты “слов кощунственные творцы”, нам холодно от мертвых глыб брюсовских стихов, нестройным кажется нам тот бальмонтовский стих, что обманывал новой певучестью» [10, с. 672–673].

Продолжая создавать миф о синестезии как знаке избранных, Набоков сообщает, что этой же способностью к соощущениям обладали его мать, жена и сын. Таким образом, у Набокова, в отличие от символистов, синестезия становится знаком принадлежности не профессии, а роду. Подчеркивая наследственную предрасположенность к «цветному слуху» в семье Набоковых, Владимир Владимирович говорит в интервью П. Дювалю-Смиту, что, в случае с его сыном, «гены рисовали акварелью» [11, с. 126].

Описывая особенности своего восприятия, Набоков подчеркивает, что, в отличие от Елены Ивановны Набоковой, у него в формировании мультисенсорного восприятия никогда не участвовали звуки, издаваемые музыкальными инструментами. Для критических работ Набокова характерно стремление слышать текст, находить в литературном произведении особую музыку. В рецензиях Набокова можно встретить такие характеристики, как «великолепно-звонкие» стихи (о сборнике А. Салтыкова), стихотворная строка, «насыщенная музыкой» (о стихах С. Кречетова), особая синтаксическая структура Б. Божнева передает «музыкально-воздушные повороты воды», и в его стихах «есть и мысль, и пение, и цельность», стихам Фиц-Джеральда свойственна «выразительная и вместе с тем воинственная музыка», а стих С. Черного «катится нежно-гуттаперчевой музыкой».

Понимание особой музыкальности, присущей лучшим образцам поэтического творчества, перекликается с теорией символистов о «духе музыки». Это понятие вошло в философские концепции русского символизма из работы Ф. Ницше «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм». Рассуждая о сущности музыки, Ницше говорит, что «поэзия, лирика не может высказать ничего такого, что с безграничной всеобщностью и охватом не было бы уже заложено в той музыке, которая принудила поэта к образной речи» [12, с. 78]. Дальнейшее развитие идеи Ницше получили в работах А. Белого. В работе «Символизм как миропонимание» Белый, рассматривая особенности таких видов искусства, как зодчество, скульптура, живопись, музыка и поэзия, приходит к выводу, что «всякая форма искусства имеет исходным пунктом действительность и конечным – музыку, как чистое движение.

<…> Или, говоря языком Ницше, всякая форма искусства определяется степенью проявления в ней духа музыки. <…> Или, наконец, “царство музыки в самом деле не от мира сего”» [2, с. 100–101]. Рассуждая о взаимодействии отдельных видов искусства и о возможности их синтеза, Белый приходит к выводу, что такой синтез возможен в музыке, и уже сейчас ценность любого искусства определяется его близостью к музыке, поскольку любое искусство стремится «посредством образов передать безобразную непосредственность музыки» [2, с. 103]. Объясняя повышенное внимание символизма к музыке, Белый замечает: «…Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. Перевал от критицизма к символизму неминуемо сопровождается пробуждением духа музыки» [2, с. 246]. Понятие «духа музыки», обогащенное религиозно-мистическим содержанием, органически вписалось в эстетику символизма и оказало заметное влияние на философские и творческие поиски А. Блока, Вяч. Иванова, Д. Мережковского и др. Возможно, даже идея полифонии у Бахтина связана с музыкальными поисками символистов [6, с. 161].

Набоков не оперирует понятием «духа музыки», но в его критических работах прослеживается требование музыкальности, мелодичности текста. Особую музыкальность Набоков приписывает стихам Пушкина, Бунина и Ходасевича. Рецензия «Владислав Ходасевич» пронизана звуковой символикой: «Пушкинский певучий вопль (я говорю только о звуке – о лепете первой строки, о вздохе второй) является как бы лейтмотивом многих стихов Ходасевича. <…> Замечательна музыка стихотворения “Мельница”. <…> Описать певучий говорок этого стихотворения невозможно» [10, с. 650]. В рецензии «Ив. Бунин. Избранные стихи» Набоков противопоставляет особую музыку, присущую «бессмертной поэзии», «безграмотному бормотанию» советских поэтов.

Требование музыкальности как главного качества стихотворного текста, желание не только увидеть художественный образ, но и услышать авторский голос, уловить его интонацию созвучны мысли М. Волошина, высказанной им в статье «Голоса поэтов»: «Смысл лирики – это голос поэта, а не то, что он говорит. Как верно для лирика имя юношеской книги Верлена – “Романсы без слов”» [3, с. 543]. В той же статье Волошин дает яркую характеристику голосов поэтов-символистов: «Раньше всех ужалил ухо новой интонацией голос Бальмонта, капризный, изменчивый, весь пронизанный водоворотами и отливами, как сварка стали на отравленном клинке. Голос Зинаиды Гиппиус – стеклянно-четкий, иглистый и кольчатый. Металлически-глухой, чеканящий рифмы голос Брюсова. Литургийно-торжественный, с высокими теноровыми возглашениями голос Вячеслава Иванова. Медвяный, прозрачный, со старческими придыханиями и полынною горечью на дне голос Ф. Сологуба. Глухой, суровый, подземный бас Балтрушайтиса. Срывающийся в экстатических взвизгах фальцет Андрея Белого. Отрешенный, прислушивающийся и молитвенный голос А. Блока. Намеренно небрежная, пересыпанная жемчужными галлицизмами речь Кузмина. Шепоты, шелесты и осенние шелка Аделаиды Герцык. Мальчишески-озорная скороговорка Сергея Городецкого» [3, с. 544].

Набоков также стремился уловить оттенки голоса, своеобразную интонацию поэтов. Так, характеризуя стихотворение В. Ходасевича «2-го ноября», Набоков слышит в его строках «совершенно блоковскую интонацию», одной из особенностей чеховской повествовательной манеры становится умение рассказывать историю «неторопливо, не отвлекаясь и слегка приглушенным голосом» [8, с. 368]. А в стихах А. Ладинского Набоков находит интонации, напоминающие поэзию Ходасевича и Бунина. Примечательно, что, говоря о стихах Бунина, Набоков делает следующее замечание: «…Уловляя световую гармонию в природе, поэт преображает ее в гармонию звуковую, как бы сохраняя тот же порядок, соблюдая ту же череду» [10, с. 675]. Набоков не только высказывает мысль, подобную теории Белого о синтезе искусства в музыке, но и утверждает мультисенсорное восприятие как основу литературного творчества: умение передать в звуке зрительное восприятие.

Но своего апофеоза попытка услышать текст и авторскую интонацию достигает в комментарии к переводу «Евгения Онегина».

Уже во «Вступлении переводчика», анализируя структуру романа, Набоков не раз обращается к характеристике интонации с целью показать читателю внутренние связи текста и проследить развитие отдельных мотивов в романе. Например, анализируя тему предзнаменований, Набоков указывает, что она подкреплена монологом Ленского из второй главы, «предвосхищающим интонации его последней элегии, собственного “надгробного мадригала” в главе шестой» [9, с. 57]. А в конце пятой главы, по мнению Набокова, «интонация начинает напоминать первую главу, с ее перечислением светских развлечений, а словечко “брегет” (верные часы), дважды встретившееся в первой главе, вновь звучит мелодичным напоминанием» [9, с. 59]. Обращаясь к подробному анализу отдельных глав, Набоков вновь не может пройти мимо интонации героев романа. Так, в первой главе Набоков слышит внутренний монолог Онегина как обрывочную, бессвязную речь человека, погруженного в дремоту [9, с. 103], а в речи Татьяны из восьмой главы находит «истерический взвизг», «игру на плаксиво-сентиментальных повторах “м”». Стремясь обнажить перед читателем фальшивые ноты призна-

ния героини, критик подробно останавливается на характеристике XLVII строфы: «…Вздымающаяся грудь, прерывистая речь, надрывные, мучительные, трепещущие, завораживающие, чуть ли не сладострастные, чуть ли не обольщающие переносы (стихи 1–2, 2–3, 3–4, 5–6, 6–7, 8–9, 10–11) – настоящая оргия анжамбеманов, достигающая своей кульминации в любовном признании <…> И чем завершаются эти двенадцать рыдающих строк? Пустым, бессмысленным звуком подходящего к случаю двустишия “отдана – верна”: визгливая добродетель повторяет зазубренную реплику!» [9, с. 593].

В своем комментарии Набоков неоднократно высказывает негативные суждения об опере Чайковского. Опера характеризуется не иначе как «глупая», «наскоро сляпанная» или «состряпанная». Ссылаясь на Ходасевича, Набоков утверждает, что «унылая подавленная интонация музыкальной фразы «Начнем, пожалуй», данная Чайковским тенору в опере «Евгений Онегин», превращает мужественного Ленского Пушкина в безвольного нытика» [9, с. 459]. Объяснение такой категоричности в оценке оперы следует искать не только в отсутствии музыкального слуха, но и в несовпадении рецепции романа у Набокова и Чайковского, в том, что они по-разному слышат текст.

Анализ критических текстов Набокова показывает, какую роль в его творчестве играют цветовые и звуковые образы, метафоры, построенные на неожиданном смешении ощущений, характерном для синестетов. Свобода сравнений и оценок, нарочитая насыщенность критического текста яркими образами, присущие символисткой критике, оказываются близки Набокову, который мог сравнить стиль Тургенева с «ящерицей, нежащейся на теплой, залитой солнцем стене» [8, с. 125], а систему рифм «Евгения Онегина» уподобить Большой Медведице [7, с. 798].

Библиографический список

1. *Бальмонт К.Д.* Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. – М.: Российское музыкальное издательство, 1917. – 24 с.

2. *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

3. *Волошин М.* Лики творчества. – Л.: Наука, 1988. – 848 с.

4. *Галеев Б.М.* «Буду грешить господом данными чувствами – всеми пятью!» (О синестезии в творчестве Марины Цветаевой) // День и Ночь. – 1999. – № 5–6. – С. 222–224.

5. *Кастеллано Ш.* Вспоминая Серебряный век: синестезия и апокалипсис в романе А. Белого «Петербург» // Новый исторический вестник. – 2001. – №3. – С. 17–51.

6. *Кондаков И.В.*, *Корж Ю.В.* Дух музыки в философии русского символизма // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4. – С. 152–162.

7. *Набоков В.В.* Заметки переводчика // Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 798–819.

8. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 448 с.

9. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – 928 с.

10. *Набоков В.В.* Русский период // Набоков В.В. Собр. соч.: В 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1999. – Т. 2. – 784 с.

11. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. – М.: Изд-во «Независимая газета», 2002. – 704 с.

12. *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 829 с.

13. *Норд*ау *М.* Вырождение. – М.: Республика, 1995. – 400 с.

14. Синестезия искусств как фактор художественной интеграции // Взаимодействие искусств: методология, теория, гуманитарное образование: Материалы научно-практической конференции 25–29 августа 1997 г. / под ред. Л.П. Казанцева. – Астрахань, 1997. – С. 4–11.

УДК 882(09)

Гречушкина Н.В.
Липецкий государственный педагогический университет
natgrech@yandex.ru

БЕЛАЯ ИДЕЯ В ПОНИМАНИИ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ И М.А. ШОЛОХОВА

И. Ильин считает генерала Л.Г. Корнилова выразителем идеи православного меча. Н. Бердяев связывает ее осмысление с Божественной правдой. М.А. Шолохов образом деда Гришаки показывает, что белая идея заключается в преодолении звериных инстинктов и безоружной защите одной части русского общества от другой.

Ключевые слова: *православный меч, божественная воля, болезнь души, победа над смертью, возрождение России.*

Эпитет «белый» в царской России был атрибутом власти монарха, под покров которого добровольно, нуждаясь в защите, сами стремились государства. Во время революции и Гражданской войны этой идеей воспользовались Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев, сплотив вокруг себя генералов, офицеров, кадетов, отставных военнослужащих, часть интеллигенции и казачества.

Проблема участия контрреволюционного движения в Гражданской войне была осмыслена философами, современниками П.Н. Краснова и А.И. Деникина – И.А. Ильиным и Н.А. Бердяевым. И.А. Ильин в статье «Идея Корнилова» считает Л.Г. Корнилова национальным героем, выразителем забытой, поруганной и утраченной русским сознанием идеи православного меча, наследованной и одухотворившей белых: «Сегодня мы обращаем наши мысли к русскому национальному герою Лавру Георгиевичу Корнилову. Пока живы люди и пока они веруют в Бога, до тех пор из среды будут восставать герои, чтобы поднимать и нести на себе бремя жизни» [1]. Философ оправдывает участие генерала в Гражданской войне, поскольку надо жить мирно со всеми людьми, но только не с врагами Божьими, которыми и являлись большевики. Систему своих рассуждений он подкрепляет высказываниями Святых отцов, ставших таковыми благодаря борьбе с врагами, но они сражались молитвой, никого не убивая. Указание автора статьи на единичность казни в отношении революции и Гражданской войны не является оправданным, так как во время этих событий произошло массовое уничтожение русского народа (13 миллионов человек), а не преступников.

И.А. Ильин ссылается на то, что церковь не считает войну грехом, если это защита народа от порабощения иностранцами, коммунисты, по его мнению, были пешками борьбы иностранных интервентов. Но белые, ввязавшись в нее, только разожгли ненависть убийствами своих братьев, постепенно становясь такими же марионетками. В любой православной молитве есть просьба к Богу оградить страну от холода, голода, труса, потопа, огня, меча, смертоносной язвы, нашествия иноплеменников, междоусобной брани, последняя вместе с другими является бедствием для народа. Гражданская война породила все упомянутые катаклизмы, как расплату за неумение русских людей договориться между собой и остановить преступление против сограждан.

И.А. Ильин сравнивает митрополита Вениамина Федченкова, благословившего войска Врангеля в тяжелую минуту борьбы белого движения с большевиками, со Св. Сергием Радонежским, благословившим Дмитрия Донского на борьбу с татарами, и Екатериной II, жестко расправившейся с пугачевскими шайками. Л.Г. Корнилов и другие представители белого движения, сместив истинного правителя, сами наделили себя государственностью, исключив из нее направляющий вектор – царскую власть. Истинный император, находясь в заточении, не допускал Гражданской войны, считая её умножением безбрежного зла, остановить которое можно только любовью. Философ, ссылаясь на призыв Л.Г. Корнилова участвовать в междоусобице, вслед за генералом видит в ней выражение любви, заменяя эстетическую сущность этого понятия ненавистью. Пытаясь найти в действиях генерала богоустановленность, И.А. Ильин цитирует апостола Павла и приходит к выводу, что карающий меч должен быть осмыслен в соответствии с учениками Спасителя: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов человека, а не врагов Божьих и не кощунственных совратителей…» [2]. Бог отверг меч во время Своего предательства и исцелил отрезанное рабу первосвященника в целях защиты ухо. Размышляя о возможности единоличной диктатуры, философ признается в нежелании крови, мести, гражданской войны, но в то же время допускает все это в случае необходимости. Приходя в конце своих рассуждений к осознанию трагичности убийства сограждан, И.А. Ильин возлагает на участников междоусобицы после ее завершения обязанность покаяться, очистить свою душу от греха, что и будет духовным компромиссом личности. Он не рассматривает покаяние в качестве способа прекращения развития стихийных процессов и не призывает к нему до и во время революции.

Продолжая мысль И.А. Ильина, Н.А. Бердяев в книге «Духовные основы русской революции» понимает мятеж белых как защиту страны от большевиков, спонсированных Германией и считавших

© Гречушкина Н.В., 2012

этот факт нормальным для их революционности явлением. Психологически тонкое исследование механизма захвата власти Советами подводит философа к выводу, что постоянное сужение состава этой партии, предполагавшее физическое уничтожение единомышленников, превратило всю Россию в контрреволюцию, олицетворением которой постепенно стал патриот Л.Г. Корнилов. Как сподвижник генерала, Н.А. Бердяев отвергает самодержавие и считает белое движение освобождением человека, а красное – идолопоклонством революции. Судьбу Л.Г. Корнилова философ рассматривает как проявление двусмысленности, мути, демонического сцепления лжи и путаницы, в совокупности выражающие трагедию личности генерала. В отличие от И.А. Ильина, Н.А. Бердяев не отрицает революционный нигилизм белого движения, считая, что невозможность освобождения от него власти генералов стала причиной неумения патриотично и национально обоснованно править страной. Философ доказывает превосходство духовной жизни человека, рассматривает Бога как носителя абсолютной правды, поскольку именно в воле Божьей, а не человеческом произволе нужно искать неподвластный разрушению вектор жизни.

Отсутствие высшей правды Н.А. Бердяев связывает с болезнью души, когда, потеряв свет прежней веры, народ не обрел другого света и остался в рабстве своих инстинктов. Главным критерием свободы, по его мнению, являются вера и таинства церкви: «Свободен и защищён лишь тот, кто имеет духовный центр, в ком не расшатано и не расслаблено нравственное ядро… Искупление греха делает человека свободным» [3]. Н.А. Бердяев развивает эту точку зрения в отношении народа, рассматривая достойное управление страной только как освобождение от грехов, осознание преемственности традиций, объединение великого прошлого и великого будущего страны. Философ критикует мечту интеллигенции о революции как о высшем блаженстве, ее отрицание государственности, нации, истории, незнание крестьянства. Причина всех ошибок просвещенного класса видится Н.А. Бердяеву в отсутствии благодати, замене целостного мышления и духовности на сектантские учения, заразившие народ злобой и ненавистью, спровоцировав борьбу классов, что превратило русскую жизнь в ад. В отличие от И.А. Ильина, философ не сомневается в трагичности Гражданской войны, считает ее преступлением интеллигенции перед страной и отвергает государственность идеи Л.Г. Корнилова, поскольку она повлекла за собой народные бедствия.

Митрополит Вениамин Федченков рассматривает белую идею как теорию, принцип, выражение мира и долга, но, по его мнению, против всеобщей стихии революции, ожиданием которой Россия жила более ста лет, было абсурдно восставать. Он говорит о религиозности, скромности, деловитости, трудолюбии, мужестве генерала М.В. Алексеева, деятельной активности, легендарности Л.Г. Корнилова, признавая их историческую значимость, поскольку носители белой идеи субъективно любили Родину, думали о совести, несли в своем сердце моральные ценности, жертвовали жизнью… По мнению митрополита Вениамина, нужно уважать и контрреволюционеров, и большевиков, так как их объединяло желание добра России, но путь кровавого насаждения идей без царя и соборности лишил теорию генералов и офицеров своей фундаментальности, принес только страдания народу. Пренебрежительное отношение бывших помещиков к простым крестьянам вместе с другими низменными, особенно распространенными в тылу, пороками, в числе которых непонятные людям связи с иностранцами, сделали ее антинародной. Для него Гражданская война является выражением абсолютного зла: «Трагедия убивания одних другими на виду… дикое, кошмарное… Какая-то дьявольская свистопляска безумия и ожесточения…» [4].

Митрополит Вениамин объясняет упомянутый И.А. Ильиным духовный союз с консерватором П.Н. Врангелем необходимостью восстановления монархии, как единственно верного пути спасения России, нежеланием оставлять страну безбожникам, защитить от которых они пытались страну до конца. Оказавшись за границей, на Соборе 1921 года священники официально озвучили решение возродить царский престол, но оставшийся в России патриарх Тихон попросил не провозглашать монархию, поскольку это может привести к абсолютному уничтожению Русской православной церкви, пытавшейся как-то сдержать тоталитарный характер власти. Еще до Собора большевики воспринимали священников как пособников белого движения, с каждым разом ужесточая систему репрессий против духовенства, а после синодального собрания заточили в тюрьмы, отправили в ссылки и убили многих священнослужителей. Если Зарубежная православная церковь не восприняла слов патриарха и откололась от РПЦ, то митрополит Вениамин остался верным Ей, поставив тем самым себя на грань выживания.

Воля патриарха Тихона, митрополита Вениамина Федченкова находит свое воплощение в образе жизни героя романа «Тихий Дон» деда Гришаки, которого по духовно-нравственному принципу М.А. Шолохов противопоставляет белому движению и всем героям эпопеи. Ему была свойственна упомянутая Н.А. Бердяевым патриархальная преемственность – один из способов оздоровления России. Она выражается в его верности присяге русского христолюбивого воинства: «За веру, царя, отечество». Боевые заслуги персонажа подкрепле-

ны двумя Георгиями, в ситуации войны он не теряет человеческий образ и соблюдает заповедь: «Не убий». Приобщаясь к таинствам церкви, упражняясь в чтении священного писания, постясь, посещая храм, постоянно борясь со своей греховностью, он не только наследует опыт, уклад, веру предков, но и достигает глубокого зрения своей души, где каждое мгновение жизни становится духовной подготовкой к мирному концу. Описание М.А. Шолоховым образа деда Гришаки сопровождается прямыми цитатами Библии, что свидетельствует об утверждении автором межкультурной ценности описанных в ней истин.

Он читает Григорию Мелехову отрывок из пророчества Иеремии о развратно городе Вавилоне, отрицая, в отличие от И.А. Ильина и Н.А. Бердяева, меч, так как бесконечные убийства только порождают новые и не способны остановить всеобщего насилия: «Вот я и говорю. А через чего воюете? Сами не разумеете!.. Поднявший меч бранный от меча да погибнет» [5]. Сознание старика Коршунова исполнено благодатным, божественным разумом, но Григорий Мелехов, отягощенный после зверски зарубленных матросов грехом убийства, не слышит его слов, их диалог напоминает монолог, поскольку фактически в нём участвует одна личность. Несмотря на то что главный герой все время ищет правду, он оказывается неготовым к постижению смысла иносказательных слов священного писания, принятию и познанию истины. Дед Гришака, зная абсолютную правду, не может найти форму её передачи и уничижительно называет Григория поганцем, а в другой сцене Мишку Кошевого – «антихристовой слугой». М.А. Шолохов считает, что общение между представителями разных поколений должно быть на основе взаимного уважения, доброты, умения поставить себя на место оппонента. Григорий в конце встречи недоумевает, почему дед Гришака, подвластный в молодости многим грехам и ставший сейчас глубоко верующим человеком, не может вспомнить прошлое и помочь ему понятными словами измениться.

Автор видит причину моральной глухоты героев в отсутствии духовности поколения отцов, которые должны были стать связующим звеном с современностью Григория. Факт смерти деда Гришаки передается по принципу увертюрности: сначала писатель сообщает об этом через Пантелея Прокофьевича, а потом уже непосредственно описывает её. Во время диалога с Григорием Пантелей Прокофьевич говорит о том, что он, как и другие жители станицы, не понимает увлечение старика Библией и не знает, как он погиб. Глубоко переживая за сгоревшие вещи и дом Коршуновых, не испытывая тревоги за судьбу свата, он не видит ценности его жизни. Во время Гражданской войны Пантелей Прокофьевич соучаствует в мародерстве, забывая о заповеди христолюбивого воинства: «Не укради», смысл которой пытался передать старик Бакланов на свадьбе Григория и Натальи. Глава семьи Мелеховых своим материализмом, забвением духовной традиции разрушил связь поколений, не передав сыну истинного патриархального казачьего духа. Поскольку для молодости, которую по естественным законам нельзя прожить в старости, характерен поиск истины, Григорию самому пришлось найти её, постарев под гнетом страданий, душой. В конце романа он топит оружие, тем самым отрицая насилие как средство утверждения правды, интуитивно признавая справедливость слов деда Гришаки.

После описания других событий М.А. Шолохов вновь возвращается к смерти деда Гришаки, что свидетельствует о важности этого момента в концепции всего романа. Диалог Мишки Кошевого и старика Коршунова перед гибелью последнего представляет собой борьбу за ценности, спор голосов, где многочисленные отрывки из Священного Писания обличают коммунистическую власть. Мишка говорит о несправедливости гнета бедных, дед Гришака доказывает, что большевизм является прямым сатанизмом.

Мнение старика Коршунова находит своё обоснование в трудах историка В. Шамбарова, в статьях Х. Гюнтера, Б. Гройса, А. Флокера, авторов журнала «Русский дом» и других критиков, которые считают терроризм коммунистов тоталитарным, государственно обоснованным механизмом управления обществом.

Нельзя не согласиться с критиками и героем романа, поскольку именно Советы язычески убили всю царскую семью, издевались над прахом Л.Г. Корнилова, оскверняли святыни. Дед Гришака считает, что всякая власть от Бога, а большевизм является попущением Божьим за грехи всего русского народа, отвергшего самодержавие и «не возбранившего убиение царя» и царской семьи. Мишка Кошевой не отвечает на конкретные высказывания старика Коршунова, цитаты из Библии считает блажью, он выплескивает копившуюся в нем и в его предках жгучую классовую ненависть бедняков к богатым, Коршуновы для него – эксплуататорский класс, поскольку Мишка и его отец были наёмными рабочими. Примечательно, что до диалога с дедом Гришакой он испытывает теплые чувства к матери, к Дуняше – представительнице зажиточной семьи Мелеховых. М.А. Шолохов показывает, что он может любить, но признать в хуторянине, почитаемом в силу своего возраста всеми казаками, человека и сопоставить его жизнь с судьбой близких ему людей он не в состоянии.

В критический момент бесчувственность Мишки перерастает в приступ холодного бешенства, духовную болезнь, когда человек не может контро-

лировать звериные инстинкты, и он хладнокровно убивает отказавшегося покинуть дом деда Гришаку. После совершенного преступления в разуме Кошевого вместо мук совести появляется обоснованность преступления против безоружного старого человека. Патриотизм деда Гришаки якобы мутил народ против большевиков, по законам своей партии, он вынужден был уничтожить идеологического противника и потому не повинен в его смерти.

Логика развития образов белого движения в «Тихом Доне» показывает, что преодолеть зло, уничтожая соотечественников, невозможно: демоническое начало испепеляет душу убивающего человека, умножая зло, и приводит к нравственной деградации даже самой положительной личности. Поэтому М.А. Шолохов не снимает ответственности с Л.Г. Корнилова, который по выходе из Быховской тюрьмы не захотел дискредитировать себя связью с царской семьей, принимая активное участие в аресте Романовых, с М.В. Алексеева, спровоцировавшего отреченье императора от престола. Предав помазанника Божьего, белые, посещая храм, участвуя в таинствах церкви, лишили себя благодати и стали максимально подвержены грехам ненависти, мести, злобы, гордости, конфликтности, моральной глухоты друг к другу, что послужило причиной помутнения источников их веры и невозможности отказаться ценой своей жизни от утверждения идеи насильственным путем.

В отличие от смертей А.М. Каледина, Л.Г. Корнилова и других представителей белой идеи, смерть деда Гришаки лишена трагичности, она является определенным этапам жизни бессмертной души. Молитвой, которую успел произнести старик Коршунов в последнее мгновение, находясь в здравом уме, М.А. Шолохов подчеркивает победу героя над Мишкой Кошевым и всеобщим злом: «После выстрела дед Гришака упал навзничь, внятно сказал: – Яко не своею смертью благодатью… но волею Бога нашего приидох… – и захрипел, под белыми усами его выскочила кровица» [6].

Душа деда Гришаки обретает долгожданный покой, тишину, мир небесный без войн и страданий, к которому стремились все герои романа, и святость, поскольку он предстал перед судом Божьим чистым, не убивавшим соотечественников. Во время Гражданской войны так же поступали тысячи священнослужителей, в том числе Уар Липецкий. На иконе недавно прославленного священномученика изображена книга со словами из Евангелия: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, что может и душу и тело погубить в геене» [7]. Новомученики добровольно шли на смерть, поскольку убийство братьев привело бы бессмертную душу в ад. До последнего мгновения жизни они молились об убивающих большевиках как о заблудших братьях, повторяя подвиг абсолютной любви Иисуса Христа.

Образом деда Гришаки М.А. Шолохов утверждает свое понимание белой идеи. Она заключается в верности монарху, православию, родине, в отрицании насилия сограждан. Этот путь в условиях Гражданской войны, когда люди ради идеи забыли абсолютные ценности, становится синонимом святости.

Библиографический список

1. *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи. Письма. Выступления: В 2 т. – Т. 1. – М.: Рарог, 1992. – С. 223.

2. *Ильин И.А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи. Письма. Выступления: В 2 т. – Т. 1. – М.: Рарог, 1992. – С. 226.

3. *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. – СПб.: РХГИ, 1998. – С. 270–271.

4. *Митрополит Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1990. – С. 228.

5. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: В 2 т. – Т. 2. – М., 2000. – С. 245.

6. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: В 2 т. – Т. 2. – М., 2000. – С. 357.

7. Евангелие от Матфея, Евангелие от Иоанна // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа: Евангелие. – М.: Сибирская Благозвонница, 2003. – С. 52.

УДК 821.161.1

Жарова Ирина Юрьевна
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
i-u-zharova@rambler.ru

«ПРОСКИНИТАРИЙ» АРСЕНИЯ СУХАНОВА – ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ПАМЯТНИКЕ РУССКОЙ ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА

В статье освещаются и частично реконструируются исторические события, которые нашли отражение в тексте «Проскинитария» Арсения Суханова. Анализируется трансформация традиционных жанровых моделей и композиционной схемы «Проскинитария».

Ключевые слова: *жанровые особенности, композиция, маршрут, посольство, проскинитарий, путевая литература.*

«Проскинитарий» Арсения Суханова (1649–1653) – одно из ключевых произведений в русской путевой литературе. Несмотря на это, оно практически неизвестно широкой публике, а исследователи традиционно обращаются к этому труду как к источнику исторических сведений о событиях XVII в. По утверждению С.А. Белокурова, произведение сохранилось в двух авторских редакциях: полной, предназначавшейся для патриарха Иосифа, и краткой, созданной для Никона, с сокращением антигреческих высказываний [1, с. 308].

Полностью списки были опубликованы Н.И. Ивановским в XIX в. В первой редакции 1870 г. не использованы оригинальные тексты. Издание 1889 г. было подготовлено «по рукописям московской синодальной библиотеки за №№ 574 и 575», исправленных Арсением [11, с. XL].

В 20-х гг. XVIII ст. в «Поморских ответах» [3, с. 510–514] дана ссылка на труд иеромонаха как на документ, подтверждающий отклонение греков от «истинного» православия. Справедливость свидетельств Суханова опровергали представители официальной церкви, обвиняя его в незнании специфики уставов [13]. В 1891 г. С.А. Белокуров создал монументальный труд «Арсений Суханов», который является наиболее полной работой о жизни и деятельности иеромонаха [1]. В XX в. описание политической и экономической жизни Северного Кавказа Арсения проанализировано учеными-востоковедами (Б.М. Данциг и др.) [4], особенности поэтической системы «Проскинитария» рассмотрены в работе Т.Н. Малышевой [7]. Весьма продуктивно труд старца изучается Н.А. Кочеляевой [6]. Несмотря на разнообразие подходов к путевым запискам Арсения Суханова, их комплексного исследования на данный момент не существует.

Сочинение старца Арсения задумывалось как официальный отчет о состоянии духовной жизни Палестины, в связи с этим текст наполнен характерными для этой формы вставками. Суханов отправился в путь 10 мая 1649 г. По дороге в Тырговиште он узнал, что на Афоне сожжены богослужебные книги московской печати. Это событие послужило поводом для диспута иеромонаха с восточным духовенством по вопросам богословия и прервало поездку.

24 февраля 1951 г. Арсений вновь отправился в Иерусалим. Путь русского посланника пролегал через литовские города, где он видел войска татар, идущих из Крыма на помощь к гетману Хмельницкому для борьбы с Речью Посполитой: «имали кормы, кони и скотъ, и людей грабили» [11, с. 3]. В Яссах воевода пытался узнать у Суханова планы России: «на Москве люди ратныя в сборе, куда они пойдут?» [11, с. 5]. Военная обстановка в Восточной Европе была сложна в связи с неопределенностью расстановки боевых сил.

Арсений плыл по Дунаю, при этом делал заметки военного характера, например, мыс Фонарь: «башни полны пушок и сторожа …тутъ крепкая» [11, с. 10]. Данная тенденция будет прослеживаться и при изображении других мест: «городках поземного бою нет, токмо средний... да верхний» [11, с. 11]. Эти сведения он собирал, прогнозируя возможность военных действий России против Османской империи. В частности, внимание паломника привлек о. Родос, где располагался турецкий флот. В это время Турция вела военные действия против Венецианской республики. В эскадре находилось 114 боевых единиц. В битве 10 июля 1651 г. около о. Наксос, о последствиях которой писал Суханов, было утрачено 11 парусных кораблей и 1 галеас [9]. Старец точен в оценках общего количества флотилии: «войска турскаго 110 кораблей», но потери преувеличивает: «25 великих галионов, да большую самую каторгу» [11, с. 27].

После приезда в Константинополь иеромонах узнал о гибели патриарха Парфения II (1648–1651): «Михалаки гречин с товарищи патриарха зарезал» [11, с. 15], – и о казни его убийцы: «повесили... на воротех» [11, с.15]. В полной редакции «Проскинитария» выдвинуто предположение, что иерусалимский иерарх Паисий (1644–1661) организовал заговор с привлечением Матвея Бассарабы (ум. 1654) и Василия Лупулы (ум. 1653), волошского и мутьянского воевод.

13 августа корабль Арсения прибыл в Александрию. В городах иеромонах традиционно обращал внимание на систему водоснабжения: «в полую воду из Нила протоки заливаются до Александрии» [11, с. 33]; «живут во Иерусалиме... все дож-

© Жарова И.Ю., 2012

девою водой» [11, с. 130], о чем писал Трифон Коробейников: «люди убогие, и те питаются дождевою водою» [14, с. 39], Игнатий: «питаются дождевой водой» [8, с. 19]; и др. 19 августа Арсений отправился в Египет, посетил Каир, где в это время был александрийский патриарх Иоанникий. К нему старец обратился для разъяснения ряда вопросов богослужения: «Арсений рек: мощно ли неженатого в попы поставить? И патриарх рек: мощно» [11, с. 44].

В Иерусалиме иеромонах был 6 октября 1652 г. и остановился на подворье Паисия. Образ жизни монахов оставил негативное впечатление, Арсений обличил восточное духовенство в лживости и корыстолюбии: «а иные греки... вылыгают милостыню, и будто чалмы им турчин велит носить...» [11, с. 59].

Праздничную службу в Рождество Христово (25 декабря) Арсений посетил в Вифлееме. Поведение верующих в храме поразило старца распущенностью: «и крик, и шум, и хлеб продают, и в дудки играют, и робята шумят, кричат...» [11, с. 57]. Были у него и претензии к монахам, поддерживающим порядок в церкви, которые допускают подобное.

В Великий понедельник путники отправились на Иордан. Суханов описал реальное состояние реки: «вода шла прибылая, желта и быстра» [11, с. 79], а не использовал традиционную формулу из хожения игумена Даниила «мутна велми и сладка...» [4, с. 45], как это встречается у других паломников, например, Трифона Коробейникова («вода бела и мутна» [14, с. 43]), Ионы Маленького («вода бела и лехка» [10, с. 20]). После Пасхи иеромонах сделал отчет о схождении огня на гроб Господень. Старец сообщал о том, что видел сам: неблаговидное поведение монахов: «копти... мало не разодралися с питропом» [11, с. 87], – и верующих – Паисию, вышедшему с зажженными свечами, отдавили ногу.

26 апреля 1653 г. русский посланник отправился в обратный путь через Сирию, Армению, Азербайджан и Грузию.

Суханов обратился к политическим проблемам государств Северного Кавказа. В то время военные действия происходили между Ростомом, правителем Картли, и главой Тарков: «на Шавкала приходили многими людьми, и Шавкал де побилъ их...» [11, с. 114]. Не было мирного диалога и с Россией: в Шемахе русские купцы не могли получить выездную грамоту [11, с. 104]. 27 марта паломник прибыл в Астрахань и 7 июня 1653 г. вернулся в Москву.

В настоящее время не выработано единого определения жанра труда посланника. Самой распространенной стала дефиниция «хождение». Возможно, это связано с подзаголовком в редакциях Н.И. Ивановского: «хождение строителя старца Арсения...». Однако списки Синодальной библиотеки №574 и 575 начинаются словами: «Лета 7157... книга, глаголемая Проскинитарий».

С паломническими хожениями «Проскинитарий» сближает ряд признаков, прежде всего объект изображения (Святая Земля) и функциональное назначение (описание сакральных религиозных мест), тип повествователя (монах-паломник), структура (картины реальной жизни сочетаются с библейскими сюжетами и местными преданиями («во Египте же... идеже древние фараоновы могилы учинены... выходят наверх земли мертвые люди» [11, с. 39]). Соблюдается требование правдивости описываемых событий: излагаются личные наблюдения или дается ссылка на авторитетное мнение («очима своима не видех..., но слышах от жильцов, которыя видали» [11, с. 137]).

Первая глава, «Статейный список», сохраняет структурные элементы делового документа и описывает этапы посольства: причина («по государеву ...указу»), цель («для описания святых мест»), время отправления («июня в 10 день»), место назначения («в Иерусалим»), маршрут («в 23 день ...поехал из Галачи»), путь и срок возвращения («июня в 7 день приехали к Москве»).

В текст вводятся рассуждения о предпосылках зарождения наук («звездочетие началось... потому всегда... небо чисто» [11, с. 30]), о формировании погодных условий («дождь бывает часто от горы от снегу» [11, с. 100]), заметки торгово-экономического характера («амбрагрыз купил… дал 130 рублей» [11, с. 39], «емлют на конце за человека по пяти алтын» [11, с. 92] и др.). В этой части ярко проявляется процесс взаимовлияния типичных черт паломнического, дипломатического и светского хожения, что характерно для развития жанра в XVII в.

Вторая глава, «Собрано от писаний...», открывается легендой о возникновении Сидона: «царь во Египте именем Сид... созда градъ и нарече ево свое имя, Сидон» [11, с. 121]. Далее повествование делится тематически на очерки: Святая Святых, Овчая купель, Голгофа, Вифлеем и пр. Путь пролегает по священным местам: захоронения ветхо- и новозаветных героев (Соломона, Богородицы и др.), монастыри (Иоанна Предтечи, Василия Великого и др.), церкви (Рождества Христова и др.), дома, связанные с сакральными событиями (место Тайной вечери и др.). На эту главу сильнейшее влияние оказали переводные греческие проскинитарии, основным содержанием которых было «перечисление пунктов маршрута... и объектов поклонения... с описанием их специфики, указанием расстояний и размеров... а также изложением связанных с ними библейских сюжетов» [12, с. 17].

«Собрано от писаний...» характеризует исключительная подробность и точность описаний: «в ол-

таре четыре места... высота им, от четвертаго ступеня, два саженя и полмалой чети». В рамках сочинения Суханов стремился объединить данные из многих авторитетных трудов: Библии, «Маргарита», «Слова на Рождество Христово» св. Василия Великого, «Жития и хоженья Даниила», «Хожения Трифона Коробейникова», произведений Иоанна Дамаскина и др. [5] Автором была проделана колоссальная работа по изучению литературы, посвященной исторически значимым событиям и местам Святой Земли.

Третья часть «Проскинитария», «Тактикон», представляет собой типикон, содержит указание порядка и образа совершения православных церковных служб. Арсений воспроизвел практическое исполнение греческих обрядов духовенством («предстоящие вси говорят и сам патриарх “Господи помилуй” по единожды на всякой статье» и пр.). Само название, по-видимому, заимствовано из сочинения Никона Черногорца (2 пол. XI в.), которое содержит размышления о православной церкви.

Проблема композиционной схемы «Проскинитария» исследователями изучалась большей частью на макроуровне: указывалось, что литературный памятник состоит из трех глав, не связанных между собой. В основе структуры отдельных частей произведения лежит цикл очерков, расположенных в хронологическом порядке. Наибольшее распространение получил пространственно-топографический очерк. В первой части автор указывает положение местности, ее внешний вид и достопримечательности («Царьград стоит на самом берегу моря, дворы не велики... Мечетей добре много ...все покрыты свинцом...» [11, с. 16]). Вторая глава содержит описания объектов культа и близлежащих окрестностей («позаде гроба Божия, от запада, приделана церквица коптская, мерою от востока на запад полторыа сажени» [11, с. 148]).

Выделяется путевой очерк с детальными расчетами: маршрут, даты, расстояния, время в пути, условия путешествия («в 8 ветру не стало, день и ночь шатались на море...» [11, с. 9]; и др.). Весьма широко в произведении представлен военно-топографический очерк («затон великой... а поперег из пищали перестрелить» [11, с. 11]).

Торгово-экономический очерк используется в повествовании о крупных городах (Иерусалим, Каир и пр.): автор рассказывает о главных товарах, ценах («[в Каире] куры и яйца дешевы, сахар дешев головной... гораздо дороже много всего... дрова и всякое дерево...» [11, с. 39]).

Этнографический очерк представлен сценой свадьбы («в бубны бьют пашины люди и в трубы трубят... с правой руки дружка идет, держит саблю в ножнах за рукоять» [11, с. 66]). Близок к нему нравоописательный очерк, что, в первую очередь, касается изображения восточного духовенства («а чернцы все без манатей и сам игумен, да и не знают оне, что есть мантия, не увидишь нигде» [11, с. 22]).

Также в тексте присутствуют элементы натурфилософского очерка, тип которого был известен на Руси, начиная с «Физиолога» («птица струфокомило... голова невелика, нос гусиной, не добре велик и не добре красен...» [11, с. 34]).

Традиционная для жанра хождения структура позволяла выделить наиболее важное, необычное, характерное для каждой местности, а содержательная наполненность очерков, разнообразие их типов наглядно демонстрируют особенности жанровой трансформации в XVII в.

Путешествие Арсения уникально – это было первое в России паломничество, совершенное с познавательно-исследовательской и политической целями. «Проскинитарий» можно назвать энциклопедичным произведением, так как он включает широкий круг сведений по различным областям деятельности (экономика, политика, торговля, религия, военное положение и т.д.). Такое разнообразие объектов изображения во многом связано с преобразованием жанровых и композиционных требований церковной и светской литературы этого периода. Эта информация имеет значительную ценность для историков, географов, этнографов и пр. Труд русского посланника – один из самых полных и значимых в истории русской путевой литературы.

Библиографический список

1. *Белокуров С.А.* Арсений Суханов: исследование Сергея Белокурова: В 2 т. Т. 1. – М.: Университетская тип., 1891. – 613 с.

2. *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1973. – 434 с.

3. *Денисов А.Д.* Поморские ответы; Московское старообрядческое Братство честного и животворящего креста господня. – М.: Тип. П.П. Рябушинскаго, 1911. – 703 с.

4. Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена, 1106–1108 гг. / Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник. – Вып. 3. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. – Т. I. – 96 с.

5. *Кочеляева Н.А.* Источники «Проскинитария» иеромонаха Арсения (Суханова) // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: сб. науч. тр. – М., 2005. – С. 157–166.

6. *Кочеляева Н.А.* Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 313 с.; *Кочеляева Н.А.* Археографический анализ списков «Проскинитария» Арсения Суханова №574, 575 из

Синодального собрания Государственного Исторического музея // Кириллица. От возникновения до наших дней. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 230.

7. *Малышева Т.Н.* Эволюция художественных средств паломнических хождений XII – первой половины XVIII: Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1998. – 187 с.

8. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет, 1766–1776 гг. / Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник. – Вып. 3 (36). – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1895. – Т. XII. – 35 с.

9. Парусный военно-морской флот Османской империи 1600–1700 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://warships2007.narod.ru/turkish1600-1700.htm. (24.01.2011).

10. Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Цареград троицкаго Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому маленького, 1649–1652 гг. // Православный Палестинский сборник. – Вып. 3. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1895. – Т. XIV.– 69 с.

11. Проскинитарий / Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник – Вып. 21. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1889. – Т. VII. – 407 с.

12. *Решетова А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика). – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2006. – 768 с.

13. *Феофилакт (Лопатинский).* Обличение неправды раскольническия / архиеп. тверской Феофилакт. – М.: Синод. тип., 1745. – 120 с.

14. Хождение Трифона Коробейникова, 1593–1594 гг. / Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник. – Вып. 3 (27). – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1889. – Т. IX. – 127 с.

УДК 821

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ ДМИТРИЯ БАКИНА

Автор статьи анализирует особенности временной организации произведений современного прозаика Дмитрия Бакина, обращает внимание на своеобразие образного воплощения времени в рассказах и повестях писателя.

Ключевые слова: *Бакин, образ времени, хронотоп, художественная организация, Платонов, экспрессионизм.*

Современный прозаик Д. Бакин отметит: «Писать – значит идти путем своих персонажей, закрепляя на бумаге *узоры* их *судеб*, а фиксировать стараюсь *мысль*» [1] (здесь и деле выделено нами. – *А.К.*). Метафора «*узоры судеб*» странным образом соотносится с определением слова «арабеск» («*узорчатый орнамент*» [8, с. 51]). Авторская стратегия, выраженная при помощи данного тропа, уже изначально предполагает исключение детального изображения окружающего мира, который явлен для данного художника не непосредственно, а через мысль о нем – «*из ломаных и кривых узорочных черт*» [6, т. 1, с. 20], рождаемых сознанием. Не случайно Н. Иванова уже в первых рассказах писателя увидела то, что он «изображал не только героя, не только характер, а муку рождающегося и разворачивающегося в пространстве жизни сознания» [7].

Английский рецензент книги Бакина «Страна происхождения» (в переводе – «Reasons for life») рассказ «Листья» представляет как «послевоенную сказку» («postwar folktale»), а в самой творческой манере современного писателя видит сочетание выдумки и холодного реализма («a mélange of fabulism and estranged realism» [9]. Видимо, и в силу своеобразной «притчевости» предельно условны образы безымянных бакинских персонажей: «однорукий мужчина и подслеповатая женщина», взявшие к себе в дом сироту и передавшие ему фамилию Бедолагин; бабка, к которой «никто не решался прикоснуться… опасаясь, что она рассыплется пылью, подобно старинной вазе, пролежавшей века на дне океана в неподвижном растворе воды, соли и времени»» [3, с. 7, 9] («Листья»); «он» («Оружие», «Страна происхождения»); старик («Нельзя остаться») и т.п. Да и фамилии героев часто поплатоновски емки: Бедолагин, Клишин, Пал («Листья»), Крайнов («Землемер»), Баскаков (в вятских говорах, по В.И. Далю, – «смелый, бойкий, или наглый, дерзкий человек» [6, т. 1, с. 52]) («Корень и цель»), Кожухин («кожух» в одном из значений – «футляр из железа или дерева для изоляции машин, их частей или частей заводского оборудования» [8, с. 1394]; а у В. Даля зафиксировано и следующее значение: «колпак и футляр для часов» [6, т. 2, с.130]) («Стражник лжи») и т.п.

При этом художественно фиксируемая «жизнь сознания» предстает в единстве континуальности и дискретности. «Прямолинейности» объективного времени противостоит в произведениях Бакина

© Котлов А.К., 2012

«прерывистость» времени субъективного, когда сознание героя пытается вынырнуть из «грязного потока времени» [3, с. 18]. Именно Время становится главной силой, фатальной для б*а*кинских персонажей. Его изменчивый образ предстает в каждом произведении писателя.

Часто непосредственно – через оригинальную или стертую метафору, сравнение, значимый повтор: «грязный поток времени»; «обманчивая иллюзия непричастности ко времени»; «вернуться в назначенное время, и это время пришло»; «прошло слишком мало времени»; «времена переменились» («Листья»); «время сгорает быстро, как бикфордов шнур» («Землемер»); «у него мало времени, мало времени» («Оружие»); «опираясь на неподвижность времени»; «время тронулось вновь»; «в гудящей пустыне времени» («Страна происхождения»); «окаменело в тишине само время»; «что обледенеет сначала – женщина или время» («Корень и цель»); «прятаться во сне …от реального, чертовски медленного течения времени» («Про падение пропадом»); «главное, здесь быстро летит время» («Лагофтальм») [3, с. 18, 20, 35, 36, 46, 67, 85, 86, 93, 116, 141]; «временной тромб» [4] («Стражник лжи»); «кроша и подминая завалившие их пласты времени»; «бешеным волчком ввинчиваясь в застоявшееся пространство и время»; «время сгущалось в нас, мучительно корчилось, все же вырывалось и устремлялось дальше» [5] («Сын дерева»); «девочка поднялась и быстро, легко побежала к песочнице – так убегает время» [2] («Нельзя остаться»). Как видим, время течет, сгущается, застаивается, идет, бежит, летит, сгорает, окаменевает, обледеневает и т.д. Именно так воспринимают его герои произведения и сам повествователь в различных срезах временного континуума (пространственная составляющая хронотопа еще более «стерта», что выражается, например, в предельно обобщенной маркировке места действия: поселок (и – более детализированно, но не менее условно, – поле, река, кладбище), земля, дом и т.п. («Листья»)).

Иногда образ времени дается через подтекст, метонимически – через предметы и явления, призванные ассоциироваться с тщетной попыткой измерить время, с его объективной непреложностью. Подобными временн*ы*ми «маркерами» могут стать часы («голосом, звучавшим *неторопливо и размеренно, точно бой часов*» [3, с. 8]); «втащил к ней массивные напольные *часы, отбивавшие время без малого сто лет*» [?] («Стражник лжи»); вода («мутный *поток лет*» [3, с. 13–14]) («Листья»); цветы («чтобы, уподобившись цветам, забыть неумолимое прошлое» [3, с.84] («Страна происхождения»).

Особенно зловеще его воплощение в развернутой державинской метафоре «река времен» в рассказе «Листья». Автор утверждает, что в сознании Бедолагина, юного главного героя произведения, «всегда, где бы он ни был, …главенствовало стремление неподвижно стоять в стороне от мутного потока лет, где среди ила, обломанных веток, изношенной одежды, исковерканного оружия и обкатанных водой костей несутся к совершенству люди, – неподвижно стоять в стороне и давать советы, обманув тень закона, которая падает на голову каждого с момента рождения» [3, с. 13–14]. Непреложная данность объективного времени, выраженная через обыденные, чаще предметные детали – ил, ветки, одежда, оружие, кости, – его сумбурное движение противоречат желанию человека – героя рассказа, понимающего собственное бессилие перед временем и желающего лишь «спрямить» жизнь, вычленив себя из этого мутного мирового потока, обрести относительный покой: «Стремясь к неподвижности и безмолвию, он начертил неукоснительно прямую линию к кресту, исключавшую всякие заходы в светлые гавани, и, как следствие этого, вновь возникла стена между ним и миром». По словам Бакина, «обманчивая иллюзия непричастности ко времени завладела его воображением» [3, с. 19, 20].

Столь же тщетны попытки Кожухина («Стражник лжи»), о «футлярности» фамилии которого было сказано выше, «остановиться во времени»: «…Каждый скандал, каждая перебранка оборачивалась для него сознательным временным тромбом – он словно растопыривал все свои конечности, расправлял каждый сантиметр своего большого тела в отчаянной попытке остановить собой готовое хлынуть дальше время, а время, не замечая его зубовного скрежета, треска его костей, струнного гула его натянутых до предела жил, текло сквозь него, внося все больше изменений в организм, обтекая, как вечную материю, лишь непобедимый, непонятный, наглухо замкнутый для мира мозг, имевший наглость заставлять тело удерживать поток истории, точно поток этот – хлещущая из маленькой пробоины вода» [4]. Только «поломка» рассудка «растворит» время в сознании Кожухина, проникнет и в его мозг, и тогда, «поглощая время, как сгорающее топливо», он будет двигаться наподобие «бесшумного паровоза, тащившего за собой все возрастающий пустой состав дней»; и тогда покажется, что можно вернуться к умершей жене… [там же].

«Футлярное» существование Бедолагина, в отличие от незыблемости убеждений сумасшедшего Кожухина, разрушится, лишь появится в его жизни Анна. «И тогда он почувствовал, что непрошибаемая, прозрачная стена, способная выдержать метеоритный дождь, трещит, рушится и рассыпается прахом от одного щелчка женских пальцев, оставив его, голого, незащищенного и жалкого, рухнувшего в грязный поток времени, где…» [3,

с. 18] И далее дословно повторяется развернутая метафора «опредмеченного времени».

Повтор (от сюжетного до лексического) – неотъемлемый признак стиля данного писателя. Так, в рассказе «Лагофтальм» приезд героев в далекий край на сельхозработы словно бы проживается заново, меняется лишь угол зрения на происходящее: то события мыслятся как предполагаемые, но неотменимые (отсюда – цепь глаголов будущего совершенного: подгонят, отцепят, соберут, сложат, попадет и т.п. [3, с. 123]), то уже как совершённые, но потому вновь – не подлежащие отмене (об этом – почти те же глаголы, только прошедшего совершенного: подогнали, отцепили, вынесли, сложили, попал и т.п. [3, с. 130]).

А в рассказе «Листья» начало событий еще мыслится как явление единичное: «Мальчишкой двенадцати лет он пришел в поселок со стороны поля, так что река была у него по левую сторону, а лес по правую, и прежде чем попасть в поселок, прошел через кладбище без ограды по тропинке, усыпанной речным песком, и его босые ноги, нечувствительные к острым камням и битому стеклу, чувствовали *неизменный холод земли*» [3, с. 6]. В то же время жизненные перипетии заставляют героя в тоске одиночества (до возвращения Анны) сделать неутешительный вывод: «…И через сто лет снова и снова будет приходить в поселок двенадцатилетним мальчишкой, бесконечный в своем повторении, стремящийся истереться в порошок в своем движении по желобу внутреннего пояса, холодной осенью со стороны поля, так что река всегда будет по левую сторону, а лес по правую, и босые ноги, нечувствительные к острым камням и битому стеклу, будут чувствовать *неизменный холод земли*» [3, с. 23]. В финале же произведения, в тревоге о муже, после странного сна, где дети, «маленькие, темные, худые, справедливые», бежали поджигать кучу листьев, в которую упал в ее сновидении Бедолагин, – Анна «вскочила с кровати, и выбежала из дома не обуваясь, и бежала по поселку во тьме нового дня, едва касаясь босыми ногами *холодной подмерзшей земли*». Увидев «белый лиственный дым» «над черными деревьями», «остановилась и стояла, глядя на белый дым, а потом сказала – господи – и сказала – господи – а потом сказала – храни» [3, с. 42].

Если первоначально при сопоставлении первых двух фрагментов бросается в глаза вновь повтор сюжетный (реальное действие, связанное с появлением героя в поселке, и «прокручивание» того же события в сознании Бедолагина), то в третьем эпизоде повтор проявляется на образном, лексико-семантическом и лексико-синтаксическом уровнях. Например, образ «неизменного холода земли» вытесняет образ «холодной подмерзшей земли»: разрушается ощущение вселенской остуженности мира, трансформация не кардинально, но меняет пафос финала в сравнении с первыми эпизодами. Многосоюзие создает ощущение «текучести» фразы, подтекстово подчеркивая движение самого времени, самой жизни. «Евангельский» полисиндетон (многократное использование союза «и») усилен молитвенным словом героини, лексическим повтором слова «сказала» и прерывистой структурой всей фразы.

Подобные финальной, лексико-синтаксические единства, организованные повтором, встречаются в бакинских рассказах довольно часто. Они могут передавать диалоги, словно бы явленные в форме несобственно-прямой речи («Она сказала – меня выгнали из дома, – так она сказала…; он сказал – ну; она сказала – хотела переночевать здесь – так она сказала» и т.д. [3, с. 18]). Причем подобные «буксующие» диалоговые куски текста встречаются не только в рассказе «Листья». Так, в «Стране происхождения» автор отнюдь не однажды их использует и по ходу повествования, и в финале: «…Он предстал перед главным врачом и спокойно сказал – я ухожу домой – и сказал – я все понял; тот сказал – ну нет; он сказал – я ухожу; а тот прищурился и спросил – что ты в себе чувствуешь?; и тогда он твердо сказал – уверенность» [3, с. 88]. Часто и в репликах, и в их монологах сложно рождается к жизни слово, запечатлевшее то или иное чувство героев, акцентированное повтором («Она сказала – боже, ой, боже – и сказала – боже, сделай меня вдовой – и сказала – чтоб ты сдох, сукин ты, сукин ты сын» [3, с. 11]).

Так особым образом организованная речь передает и ощущение длящейся жизни, текучести времени, и – одновременно – прерывистости мысли, точно убегающей от «мутного потока лет», трудно преодолевающей его волны.

В рассказе «Нельзя остаться», само заглавие которого звучит как экзистенциальный приговор человеку, вынесенный временем, главный герой падает у своего подъезда, чтобы, по-видимому, никогда не подняться. Скупость внешнего сюжета подчеркивает напряженность психологической фабулы с философским подтекстом. Когда «бледными скрюченными пальцами» старика «завладеет холод», «всё, что прежде было неподвижным вокруг него, пришло в медленное движение, словно вовлекая его в горизонтальное падение» [2]. Это «горизонтальное падение» – еще один бакинский образ времени. Символично, что подошедшая девочка спрашивает у героя о том, который час, а затем «быстро, легко побежала к песочнице – так убегает время», – резюмирует то ли герой, то ли сам автор.

Слова «девочка» и «старик» коррелируют, создавая неизменное ощущение смены эпох и – вездесущего времени, поток которого уносит героя в небытие: «маленькая белокурая девочка» на ми-

нуту остановила «движение исконно неподвижного», чтобы затем «вновь пришли в движение дом, бордюрный камень, деревья, скамейки, тот клочок земли, что был под ним (стариком. – *А.К.*)». Время словно бы лишило героя рассказа имени (просто – старик), но не судьбы, «узоры» которой воскрешаются в его памяти и составляют основу сюжета произведения.

Таким образом, в произведениях Бакина возникает причудливый орнамент запечатленных в слове отблесков сознания, противостоящих потоку времени, – ярких узоров человеческих судеб.

Библиографический список

1. *Бавильский Д.* Дмитрий Бакин: «Помогают писать табак, голод, зима, ее снег…» // Взгляд. Деловая газета. – 2008. – 3 августа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vz.ru/culture/2008/8/3/192512.html. (Дата обращения – 09.08.2011.)

2. *Бакин Д.* Нельзя остаться // Новый мир. – 2009. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/1/ba10-pr.html. (Дата обращения – 08.08.2011.)

3. *Бакин Д.* Страна происхождения: рассказы. – СПб., 1996.

4. *Бакин Д.* Стражник лжи // Знамя. – 1996. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/znamia/1996/1/bakin-pr.html. (Дата обращения – 07.08.2011.)

5. *Бакин Д.* Сын дерева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/NEWPROZA/BAKIN_D/r_syn.txt. (Дата обращения – 08.08.2011.)

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1989.

7. *Иванова Н.* «Ностальящее» // Знамя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano.html. (Дата обращения – 10.08.2011.)

8. Словарь русского языка: В 2 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935.

9. *Howard Joanna.* Dmitry Bakin. Reasons for Living / trans. Andrew Bromfield // The Review of Contemporary Fiction. – 2004. – Vol. 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.questia.com/googleSholar.qst?Id=5002084391. (Дата обращения: 11.08.2011.)

УДК 821.161.1.09

Молчанова Наталья Александровна
доктор филологических наук
Воронежский государственный университет
molchanova47@mail.ru

И.А. БУНИН В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ К.Д. БАЛЬМОНТА 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

В статье на основании изучения архивных материалов рассматриваются творческие контакты К.Д. Бальмонта и И.А. Бунина в период 1920-х – 1930-х годов.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, поэзия, эмиграция.*

К.Д. Бальмонт познакомился с И.А. Буниным в начале 1895 года в Петербурге. 11 февраля 1895 года поэт М. Горбаневский писал Бунину: «С Бальмонтом вижусь часто, и всякий раз вспоминаю о тебе» [1, с. 49]. Через много лет Бунин припомнил это письмо и записал в своем дневнике 20 марта 1915 года: «Перечитываю письмо Горбаневского-Лялечкина. Наша дружба с Бальмонтом» [1, с. 49].

Действительно, во второй половине 1890-х годов между писателями было взаимное притяжение, «дружба». Стихотворение «Ковыль», написанное под впечатлением бунинского стихотворения «Степь», Бальмонт в сборнике «В безбрежности» (1895) посвятил Бунину. В свою очередь Бунин посвятил Бальмонту два стихотворения: «Ни песен, ни солнца…» (напечатано в «Орловском вестнике» 22 июня 1895 года, в книги Бунина не входило) и «Ночная вьюга», опубликованное в журнале «Мир божий» (1898, № 2) и вошедшее в сборник «Листопад» (1901). Бальмонт способствовал установлению контактов Бунина с Брюсовым и символистским издательством «Скорпион». Однако сближение Бунина с символистами быстро прекратилось, сразу после выхода из печати книги «Листопад». Как отметил писатель в «Автобиографической заметке» (1915), он «не возымел никакой охоты играть с <…> новыми сотоварищами в аргонавтов, в демонов, в магов и нести высокопарный вздор», хотя некоторые критики уже договорились о его «увлечении декадентами» [3, с. 264].

Разошлись и пути Бунина с Бальмонтом. Иногда – чрезвычайно редко – они встречались на литературных вечерах и собраниях, но былой близости не было. В стихотворении «Ночная вьюга» во всех изданиях после «Листопада» посвящение Бальмонту Бунин снял. Бальмонт при перепечатках стихотворения «Ковыль» посвящение Бунину долго оставлял.

Вопрос о непростых личных взаимоотношениях двух писателей стал предметом специального

© Молчанова Н.А., 2012

изучения в статье П.В. Куприяновского «Заметки к теме И. Бунин и К. Бальмонт» [5, с. 48–55]. В ней отмечалось, что после долгого перерыва контакты между писателями возобновились лишь в послеоктябрьской эмиграции. Во время написания этой статьи П.В. Куприяновскому не могла быть известна публикация писем К.Д. Бальмонта И.А. Бунину эмигрантской поры, осуществленная Р. Дэвисом и Ж. Шероном в книге «С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом» (М., 2002). В ней впервые обнародованы, помимо писем, тексты восьми стихотворений К.Д. Бальмонта, адресованных или посвященных И.А. Бунину. Еще два аналогичных стихотворения, датированных 1921–1922 годами, находятся в ОР ИМЛИ. В данной статье предпринимается попытка на основании изучения всех ставших доступными текстов воссоздать образ Бунина в поэтическом сознании К. Бальмонта 1920-х – начала 1930-х годов.

Встретились писатели в Париже и в 1920–1923 годах, довольно часто общались. Бальмонт, доброжелательный по природе, склонный к сопереживанию, готов был пойти на более тесное сближение, о чем свидетельствуют отрывки из писем поэта к Д. Шаховской: «Приходил Бунин с Верой Николаевной <…>. Бунину я всегда рад. Он мил и остроумен» (11 ноября 1922 года) [8, с. 162]; «Бунина люблю, независимо ни от чего» (1 декабря 1922 года) [8, с. 165]. 19 июля 1921 года, находясь в Бретани, Бальмонт послал Бунину на открытке стихотворное письмо-приглашение, озаглавленное «Ив. Бунину»:

…Отчего ж душа болит?
Отчего в толпе людской
Лучший сын Судьбы – изгой?
Мы отточим хризолит,
Он тебя не утомит.

Здесь разбег волны морской,
Здесь волной душа дружна,
Тайной брызжет глубина.
Приходи и будь другой,
До свиданья, дорогой! [7, с. 29]

Из писем выясняется, что Бунины действительно намеревались снять дачу в Бретани, но потом передумали.

В октябре 1921 г. Бальмонт посвящает Бунину первый сонет, в котором реминисценции из ранних бунинских стихов («Ты ласковая грусть родимого затона…», «Ты щебет ласточки…», «Ты тонкая резьба осенних листьев клена…») сочетались с попыткой проникнуть в суть его художественного мировидения: «Ты острый взгляд и резкий крик совы…», «Ты бросил дух свой в даль, и знал свой час в пустыне…» [9, с. 27–28]. В стихотворении, написанном зимой 1922 года и приложенном в письме к В.Н. Буниной, Бальмонт выражает то, что, по его мнению, составляет «формулу художественной души Яна»:

Мне нравится в тебе, что тайна голубая
Очей твоих глядит в другую синеву
Того избранника, кого, любя, зову
Мой друг, мой брат, поэт, в ком Русь, не погибая,

Прозрачна, как апрель, и как ручей вскипая,
Поит узлы корней и легкую траву… [9, с. 41].

Несколько позднее поэт адресует Бунину еще одно стихотворное послание, где вновь называет его «братом», «чья тонкая мечта в играньи творческом красива» [7, с. 30]. Он уверяет самого себя: «Люблю Ивана. Мы двое. В Солнце. Утром. Рано». Вместе с тем Бальмонт обижен на отсутствие ответных изъяснений в дружеских чувствах собрата по перу, сетует на то, что у того «рука вполне ленива, / Ленивей сонного кота и черепашьего хвоста…».

Желаемого «соучастия душ» у Бальмонта с Буниным явно не получается, хотя последний оказывает ему денежную помощь и из своих средств, и за счет разных благотворительных организаций. Возможно, поэтому в лирических стихотворных посланиях наступает пауза, продолжившаяся около пяти лет. Дружить с Буниным было нелегко: он был слишком самолюбив, обидчив и в обиде, в отличие от Бальмонта, не отходчив. Правда, в заметках семьи Буниных начала 1920-х годов встречаются сочувственные записи о поэте. Например, 27 марта 1922 года В.Н. Бунина, выражая и чувства мужа, отмечала: «Эти дни часто виделись с Бальмонтами. Почему в этом году его богатые друзья так к нему пренебрежительны? Он никому не нужен <…>, а помогать бескорыстно никто не хочет» [10, с. 68]. С другой стороны, Бунин заявлял: с Бальмонтом говорить нельзя, с ним не возникает взаимопонимания. От стихов, которыми Бальмонт всех «зачитывает», «большинство изнемогало». Особенно сильно негативное отношение к Бальмонту проявилось в бунинских «Автобиографических записках» 1950 года, писавшихся в конце 1940-х. Характеристика Бальмонта здесь напоминает коллекцию анекдотов, курьезов и фактов, тенденциозно подобранных, и образ поэта предстает в карикатурном виде. Надо заметить, что таланта у Бальмонта Бунин все же никогда не отрицал. Он, например, считал, что как поэт Бальмонт несравненно талантливее Есенина, хотя, впрочем, и того, и другого не жаловал.

Понятно, что в письмах К.Д. Бальмонта к Д. Шаховской встречались и моменты проявления обиды на Бунина, и нелестные оценки (ведет себя «недостойно»). В очерке «Золотая птица» из книги «Где мой дом» (1923), давая краткие характеристики русским писателям-эмигрантам, Бальмонт ставит «художественно скупое» творчество И.А. Бунина значительно ниже, чем прозу «чистого сердцем» романтика А.И. Куприна: «Бунин часто очарователен, иногда силен, но никогда не могуч. <…> О нем говорят, любят повторять, что он

скуп в выборе слов <…>. Но нет, это не так. Часто он скуп художественно. Он вовсе не может так, ни с того ни с сего, опустить руку в богатый старинный сундук, вынуть оттуда, не жалея, целую пригоршню яхонтов и разбросать их, чтоб они горели и светились. Куприн – благорастворенный воздух весны <…>. Бунин – терпкий воздух осени» [1, с. 346].

В свою очередь И.А. Бунин из всей эмигрантской поэзии и прозы Бальмонта по достоинству оценил только книгу «Марево» (1922), созвучную его страстно-гневным «Окаянным дням». «На столе стопка новых книг <…>. “Марево” Бальмонта (много истинно чудесных вещей)» [4, с. 143], – написал он в газете «Слово».

27 марта 1922 года Бальмонт читал на вечере у М.О. Цетлина (поэта Амари) и его жены М.С. Цетлиной отрывки из своего автобиографического романа «Под новым серпом». Среди присутствующих был Бунин. Судя по записи жены писателя, Бунин к прочитанному Бальмонтом отнесся прохладно: «Бальмонт спросил Яна о его мнении. Ян похвалил что можно было, а затем сказал: “А то, что не понравилось, вам, конечно, не интересно?” – Да, отвечал Бальмонт, вы правы, это совершенно не интересно» [10, с. 82].

Думается, что, несмотря на взаимную ироничность воспроиз-веденного В.Н. Муромцевой-Буниной диалога, мнение Бунина о первом и единственном романе поэта-символиста было для его автора особенно важно. Из опубликованных писем К.Д. Бальмонта И.А. Бунину 1920-х годов стало известно, что Бальмонт неоднократно извещал своего адресата о том, как продвигается работа над романом, советовался относительно некоторых частных деталей.

Переписка Бальмонта с Буниным возобновляется зимой 1928 года в связи с их совместной нашумевшей полемикой с Роменом Ролланом, который по поводу 10-летия Октябрьской революции обратился с приветствием к советским властям, отмечая достижения России при новом строе. Бальмонт возмутился и через газету «Авенир» решил ответить Роллану открытым письмом. К письму присоединился Бунин, и 12 января «Обращение к Ромену Роллану» за подписью двух русских писателей появилось в этой газете.

14 июня 1933 г. Бальмонт посылает Бунину книгу стихов «Северное сияние», сопроводив ее такой надписью: «Издавна дорогому мне Ивану Алексеевичу Бунину, мастеру Русского стиха и Русской повести, на память о нашей встрече на rue de Passy, теперь напомнившей мне, мгновенной своей сердечностью, солнечное наше прощание на Невском Проспекте, – почти сорок лет назад, – “Ковыль”, а ковыль не стареет» [9, с. 61].

Отклика с бунинским впечатлением о «Северном сиянии» Бальмонт не дождался, однако ему был подарен вышедший в 1929 г. в Париже сборник «Избранные стихи» И.А. Бунина. «Завороженный» бунинскими стихами, «солнечный поэт» в письме от 6 июля 1933 г. пишет: «И такие, будто маленькие, как “Пора”, Звон пустыни, “Настанет день”, и такие могучие, как Бег оленя и Могол, совершенны, великолепны и навсегда останутся в Русской Поэзии. Давно не знал я дрогнувшей зыби восторга от Стиха, – Вы ее дали мне» [9, с. 63]. Он посвящает автору сборника два сонета: «Два поэта» и «Ты – следопыт, голубоглазый брат…». В первом, написанном 5 июля, Бальмонт обыгрывает любимую им и раньше «звериную» символику:

Мы – тигр и лев, мы – два царя земные.
Кто лев, кто тигр, не знаю, право, я.
В обоих – блеск и роскошь бытия,
И наш наряд – узоры расписные… [9, с. 62].

И.А. Бунин иронически отреагировал на возвышенную образность этого сонета. В дневниковой записи от 10 июля 1933 г. он написал: «Бальмонт прислал мне сонет, в котором сравнивает себя и меня с львом и тигром. Я написал в ответ:

Милый! Пусть мы только псы –
Все равно: как много шавок,
У которых только навык
Заменяет все красы» [10, с. 286–287].

Второй бальмонтовский сонет «Ты – следопыт, голубоглазый брат», написанный 6 июля, содержал в себе высокую оценку близкого поэту импрессионистического начала в стиле Бунина:

Ты – следопыт, голубоглазый брат,
Примет ты любишь встречу сокровенных.
Из малостей, чудь видимых, забвенных,
Восставить ускользнувшее ты рад… [9, с. 63].

Через день после получения известия о присуждении И.А. Бунину Нобелевской премии, 10 ноября 1933 года, Бальмонт посылает лауреату открытку такого содержания:

Ты победил – своею волей,
Мечтая, мысля и творя.
Привет путям, среди раздолий,
В сапфирно-синие моря! [9, с. 64].

Ответил ли Бунин на это поздравление, не известно. Все письма Бунина к Бальмонту оказались утраченными в 1930-е годы вместе с пропавшим при невыясненных обстоятельствах бальмонтовским архивом.

Последнее письмо к В.Н. Буниной, датированное 1936 годом, написано рукой жены Бальмонта Е.К. Цветковской, по всей вероятности, из-за серьезной болезни поэта. Завершающий период своей жизни Бальмонт провел в крайней нищете. Это не прошло мимо внимания Бунина, в этом он видел удел русского писателя-эмигранта. В письме к Г.Д. Гребенщикову (1939), жившему в США, он сетовал: «Не думайте, что в Европе нужны кому-нибудь русские писатели. Никого не почитают даже сами русские! И “старые” писатели живут подая-

ниями (грошовыми), а “молодые” несут всяческий черный труд (и тоже берут подаяние с благотворительных вечеринок!). Больному (душевно) Бальмонту помогли в прошлом году довольно щедро, но кто? Иностранцы и главное – американцы» [6, с. 800]. Представляется уместным напомнить, что последняя прижизненная книга Бальмонта «Светослужение» вышла в свет в далеком от Европы Харбине усилиями русского книгоиздателя В.В. Обольянинова.

Библиографический список

1. *Бабореко А.* И.А. Бунин: Материалы для библиографии. Изд. 2-е. – М., 1983.

2. *Бальмонт К.Д.* Автобиографическая проза. – М., 2001.

3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1967. – Т. 9.

4. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. – М., 1998.

5. *Куприяновский П.В.* Заметки к теме И. Бунин и К. Бальмонт // И.А. Бунин в диалоге эпох: межвуз сб. науч. тр. – Воронеж, 2002.

6. Литературное наследство. – М., 1973. – Т. 84. – Кн. 2.

7. ОР ИМЛИ РАН. – Ф. 3 (Бунин И.А.). – Оп. 2.

8. Письма К.Д. Бальмонта к Дагмар Шаховской / публ. и примеч. Ж. Шерона // Звезда. – 1997. – № 8.

9. Письма К.Д. Бальмонта И.А. Бунину / публ. Р. Дэвиса и Ж. Шерона // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. – М., 2002.

10. Устами Буниных: В 3 т. – Франкфурт-на-Майне, 1977–1982. – Т. 2.

УДК 821.16

Морозов Николай Георгиевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

«ЦВЕТОЧКИ» СВ. ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО В РЕЦЕПЦИИ АВТОРА РАССКАЗА «СТУДЕНТ БЕНЕДИКТОВ»: ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО АСКЕТИЗМА В ПРОЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА 1910-Х ГОДОВ

В статье анализируется сюжет и образная система рассказа Б.К. Зайцева «Студент Бенедиктов». При этом рассматриваются особенности рецепции писателем «Цветочков» св. Франциска Ассизского в контексте гуманистических идей А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: *рыцарь, «Цветочки», Франциск Ассизский, труд, келья.*

Представляя читателям героя одноименного рассказа «Студент Бенедиктов» в качестве увлеченного исследователя богословских трудов св. Франциска Ассизского, Б.К. Зайцев следовал за Д.С. Мережковским. По верному суждению Н.Г. Коптеловой, анализирующей наследие критика, посвященное творчеству Л.Н. Толстого, в качестве образцов христианского сострадания ко всему живому «Мережковский упоминает св. Антония Падуанского, св. Франциска Ассизского, св. Сергия Радонежского, св. Власия, св. Флора и Лавра, св. мученика Христофора»[1]. Нельзя не согласиться и с мнением исследовательницы трудов «критика-софиста»[2] и религиозного мыслителя относительно преобладающего влияния его идейного и литературного творчества на писателей-современников, и, в частности, на Б.К. Зайцева[3]. Следовательно, писатель не только не возражал Д.С. Мережковскому, полагавшему, что Л.Н. Толстой искал свой путь к истинному христианству, но имел на это право как признанный в России и в мире великий художник, мастер первой величины. Б.К. Зайцев развивал отдельные мысли современного ему мыслителя.

Достаточно сильное влияние историко-литературного и критического наследия Д.С. Мережковского на творческое сознание Б.К. Зайцева ощущается в рассказе «Студент Бенедиктов». Это, прежде всего, образные и сюжетные реминисценции, аллюзии из вершинных творений русской классической литературы XIX века (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров). На этом историко-литературном фоне особенно интересен поворот автора к средневековой западной Европе, к св. Франциску Ассизскому. Почему же именно этот подвижник, богослов, основатель аскетического ордена францисканцев привлёк внимание Б.К. Зайцева? Для уяснения причин интереса писателя к личности и главному труду средневекового подвижника – «Цветочкам» – необходимо привести справку, дающую представление о св. Франциске и его времени.

Ограничимся выдержкой из Предисловия к «Цветочкам», автором которого является исследователь и переводчик Р.Д. Стыран: «“Цветочки св. Франциска” – средневековый итальянский флорилегий, состоящий из 53 глав, повествующих о различных удивительных, чудесных, поучитель-

© Морозов Н.Г., 2012

ных и благочестивых случаях из жизни Святого Франциска Ассизского и его первых последователей. “Цветочки” представляют собой итальянскую версию латинского сочинения Actus beati Francisci et sociorum eius. В Actus имеются 22 главы, не встречающиеся в “Цветочках”, также как из глав “Цветочков” 6 отсутствуют в Actus. Текст “Цветочков” написан анонимным тосканским автором или авторами. <…>

Вероятнее всего, “Цветочки” были написаны на волне протеста против попыток римской курии сгладить бескомпромиссный дух Евангельской бедности, присущей изначальному францисканству. Постепенный отход от правила Святого Франциска, смягчение завещанных им обычаев в середине XIII века привели к кризису в Ордене. <…> В 1257 году был низложен Генерал Ордена Иоанн Пармский, горячий сторонник соблюдения всей строгости Устава, данного Ордену его основателем. В частности, доказательством этой гипотезы истоков “Цветочков” может служить глава 48, где упоминается и сам брат Иоанн Пармский и образно изображается кризис орденской духовной традиции и отход от Правила Святого Франциска»[4].

К сожалению, лишь с учётом этой обширной выдержки из Предисловия Р.Д. Стыран становится возможным объяснить поведение героя рассказа Б.К. Зайцева, бедного студента Бенедиктова, жаждущего найти путь к истинному христианству и любви в самом высшем её значении. Бунтарская, горячая натура студента Бенедиктова оказалась созвучной великим подвижникам средневековой Италии, по-рыцарски безупречно боровшимся за чистоту и святость евангельского учения Христа. В основателе Ордена аскетов, в его верном ученике и последователе Иоанне Пармском студент Бенедиктов, по-видимому, нашел истинных друзей, наставников, собеседников. Легендарные современники и герои «Цветочков» манят потерявшегося в своём времени мечтателя-романтика, зовут его к себе, в суровую и возвышенную эпоху рыцарского подвига аскетического служения во имя Христа и Пречистой Девы Марии. Понятной становится и мысль автора о внутренней динамике сюжета: растущая его напряженность обусловлена расставанием героя со своим пространством-временем и уходом в иное, далёкое от его эпохи, средневековое культурное пространство западной Европы. Хронотоп, относящийся к XIII веку, всё более властно заявляет о себе в сюжете рассказа. Бенедиктов всё более прислушлив к голосам далёкого героического прошлого Европы.

О глубине и масштабе кризиса, в котором оказалась Россия первого десятилетия XX века, свидетельствуют процессы обесценивания содержательности образов И.А. Гончарова и Л.Н. Толстого. В рассказе Б.К. Зайцева на смену Вронскому приходит Гавронский, за которым угадываются очертания Ноздрёва и Анатоля Курагина. Нет в среде измельчавшего российского дворянства героев, подобных Андрею Болконскому и Пьеру Безухову, и некому защитить слабых и обездоленных от злодеев, разбойников и грабителей. Нет истинных носителей благородного духа рыцарства, нет и прекрасных дам. Гавронский смог увлечь бледную копию Веры из романа И.А. Гончарова «Обрыв». Характер героини в рассказе Б.К. Зайцева не раскрыт, о портретной характеристике и речи нет: читателю предстаёт живая статуя во мраке ночного сада, скорее эмблема известного образа, но с укрытым до времени каким-то своим, загадочным строем души. Драма героини по имени Вера лишь намечена ошибочным выбором героя: романтические одежды скоро спадут с плеч Гавронского, да и героине его романа придется расстаться с шалью гончаровской Веры. Откроется печальная быль в духе историй жалких и пошловатых натур из произведений А. П. Чехова, наставника и учителя Б.К. Зайцева.

Зайцеву и его герою, студенту Бенедиктову, становится очевидной горькая мысль об исчерпанности духовного и культурного приданого России начала XX столетия. Следовательно, возникает, обусловленная историческим развитием страны, необходимость поиска новых источников утраченного рыцарства, высоких идеалов служения высочайшим образцам красоты, образов чистой и жертвенной любви. Возможность найти эти ценности студент Бенедиктов, а за ним и автор видят в обращении к сокровищам западноевропейского средневековья, ещё сохранявшего, по мнению Зайцева, верность заветам христианского подвижничества и рыцарства. Не случайно, по мнению автора рассказа «Студент Бенедиктов», эти идеалы в своё время привлекли внимание А.С. Пушкина, создавшего шедевр «Жил на свете рыцарь бедный…», название которого и стало эпиграфом рассказа. При этом автор «Студента Бенедиктова» выстраивает в своём произведении своеобразный пространственный и культурный туннель между эпохами А.С. Пушкина и Св. Франциска Асизского. В опыте аскетического рыцарства средневековой Европы А.С. Пушкину открылось родное и близкое опыту схимников-летописцев, жаждущих послужить великой правде истории во имя торжества справедливости. Понятия о чести и жертвенной любви стремительно покидали российское дворянство во времена Пушкина, ещё более ускорился этот процесс во времена Лермонтова. Зайцев решил повторить попытку русского гения, обратив внимание своего героя к временам крестоносцев и аскетов.

Сделанные наблюдения позволяют уяснить функциональное значение различных фрагментов рассказа «Студент Бенедиктов», в которых так или

иначе определяются следы образы и сюжеты произведений русской классической литературы XIX века. Данные фрагменты текста выстроены в определенной последовательности, порядок её обусловлен нравственно-философской и религиозной мыслью автора. Эта мысль и влияет на формирование сюжета произведения, и многое проясняет в логике отбора цитат, реминисценций и аллюзий. Эпиграф с начальной строкой из пушкинского «Рыцаря бедного» непосредственно проецируется на ту часть сюжета, которая связана с историей обращения Бенедиктова к религиозно-нравственному наследию Франциска Ассизского. Все остальные примеры восприятия Зайцевым произведений русской литературы XIX века проходят мимо главного содержания сюжета – устремления героя к наследию основателя ордена францисканцев. Они кардинально не задевают внутренний центр духовной энергии Бенедиктова, но лишь усиливают работу мысли героя, укрепляют его чувство уверенности в том, что выбор его сделан правильно и смысл жизни откроется ему в ходе изучения «Цветочков» св. Франциска. Эта особенность сюжета рассказа «Студент Бенедиктов» свидетельствует о многом. Так, в заключительный момент истории бегства Гавронского и Веры, когда Бенедиктов решается убить себя, неожиданно заявляет о себе едва уловимый образ великого подвижника, и начинает определяться мотив рыцарства, истинного аристократизма, основанного на средневековом идеале высшей красоты и чистейшей любви, символом которой оказывается образ Пречистой. Есть необходимость привести этот отрывок полностью:

«…Близость Веры, чем-то напоминавшей Зинаиду, сделала тоску ещё пронзительней <…> “Да, – думал он, – к чему страдать, бесцельно терзаться в ловушках? Всё ложь”. И холодеющая его рука опустилась в карман. Он взял револьвер, но тут же с огненной ясностью почувствовал, как трудно поднести его к виску <…>

Под тяжестью своего бремени он сел. Здесь было темно, одиноко, не стыдно. “Ты – несчастная тварь, – шептал ему демон, – твой удел горе, отчаяние. Бедность… Кто полюбит тебя? Ты – ошибка творенья. Исправь её”. “Вся твоя жизнь пред тобою, – говорил кто-то другой, – вспомни её. Ты был чист и честен с колыбели. Ты не поддался в нежном детстве и теперь, ты, пишущий о святом Франциске, – отступаешь? Ты сдаёшься, рыцарь?”»[5].

В стихотворении Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» голос демона внушает лирическому герою злую мысль о необходимости покориться «неизбежной и горькой судьбе» раба, одного из представителей «ничтожного племени» рода человеческого. Этой человеконенавистнической песней демона заканчивается стихотворение Некрасова. Но в рассказе Зайцева недобрым и лживым речам демона возражает другой голос, побуждающий томящегося жаждой духовного блага студента вспомнить о прожитой жизни и устыдиться недостойных рыцаря и христианина мыслей о самоубийстве. Чей это голос – догадаться не трудно. И тотчас же перед мысленным взором Бенедиктова встают картины детства: «…Он внезапно увидел весеннюю ночь под праздник Пасхи <…>. В церкви, на том берегу, огоньки, это пасхальная заутреня. Звезды на небе чисты. Золотой свет их, золотое сияние заутрени не даст в обиду маленького человека» (I, 226). Это чистое и сияющее звёздной славой видение детских лет подарил Бенедиктову тот, к кому он перед этим только что воззвал: «Господи, Господи!» (I, 226). Христос выступает здесь в качестве Рыцаря Вселенной, отогнав злого демона, защитив маленького земного человека, потому что в каждом из земных людей живет дитя, нуждающееся в защите от зла. Обратим внимание на усложнённую динамику смены хронотопов: пространственно-временные объёмы разных эпох в истории человечества – от средневековья до российского девятнадцатого века, и далее – до века двадцатого – включаются в гигантский пространственно-временной объём. Примечательна в этих отрывках внешне причудливое соотнесение фрагментов, овеянных мотивами из произведений Некрасова и Достоевского. Мотив «Рыцаря на час» оттеняет вечную драму человеческого рода, несущего бремя первородного греха. Этот грех, как известно, искуплен был великой жертвой Христа, и здесь Зайцев напоминает читателям о том, что теперь сдаваться последователям Спасителя стыдно и позорно.

Предшествующий диалогу голосов – демона и Господа – фрагмент с револьвером и попыткой осуществить протест против мира лжи посредством самоубийства – очень напоминает о героях романов Ф.М. Достоевского. Тут возникают аллюзии, касающиеся Раскольникова, вооружившегося против мира лжи самоубийственной теорией и топором. Попытки раз и навсегда покончить с мучительными вопросами посредством револьвера побуждают воображение читателя обратиться к теоретику самоубийства из романа Ф.М. Достоевского «Бесы», эстетизирующему револьвер как символ некоего ключа, отпирающего людям врата в обитель человекобогов. Но доктор Кириллов, когда настал момент действовать по его теории, оказался столь же слабым и жалким практиком, как и студент Бенедиктов. Однако в рассмотренном фрагменте покушения героя на самоубийство мотив «Цветочков» св. Франциска Ассизского определяется через ключевое слово «заутреня». Можно было бы не придавать дважды повторенному слову «заутреня» какое-то особенное значение, если

бы не заключающая рассказ Зайцева усеченная цитата из «Цветочков»:

«Он вошёл в свой флигель – трудовую келью, где лежали книги, где ждал его св. Франциск. Это всё было его. Он взял со стола книгу и раскрыл. Его взор упал на строки: "На заре крики горных соколов будили св. Франциска, на высотах Альверны"» (I, 232). Дело в том, что появление этой цитаты подготовлено предшествующим повествованием, а именно: фрагментом с двумя голосами и видением «пасхальной заутрени» в контексте значащих слов «св. Франциск» и «рыцарь». Все эти слова тесно связаны с тем отрывком из «Цветочков», где повествуется о горных соколах и св. Франциске. Приведём эту выдержку из «Цветочков» св. Франциска Ассизского: «Святой Франциск тогда, совершая Пост, как было сказано, борясь с дьяволом, получал многое утешение не только через посещение ангелов, но и через помощь птиц, обитавших в горах. Ибо в течение всего этого Поста сокол, чьё гнездо было неподалеку от хижины Святого, будил его каждую ночь перед часом Заутрени, крича и хлопая крыльями, и не улетал»[6].

Таким образом, очевидным становится композиционнообразующее значение цитаты из «Цветочков» св. Франциска Ассизского в рассказе Б.К. Зайцева «Студент Бенедиктов». Мотив духовного труда св. Франциска обретает дополнительный смысл в сюжете рассказа, определяясь в качестве чудесного знамения Бенедиктову, желающему следовать по стезе великого подвижника средневековой Европы. Слова «заутреня» и «сокол» в рецепции Зайцевым «Цветочков» св. Франциска Ассизского соответствуют образу средневекового подвижника и развитому из него понятию о цели и смысле жизни подлинного рыцаря и аскета. Это содержание аллюзии и усеченной цитаты из «Цветочков» обусловливают в рамках сюжета качественно новую совокупность восприятия героем и автором наследия и духовного подвига св. Франциска. В результате воздействия этой концентрированной идеи на художественное сознание Б.К. Зайцева в тексте рассказа возникает внешняя форма, «в которой объективируется художественный образ»[7]. Так в заключительном фрагменте появляется едва уловимый, но определяемый образ святого Франциска, ожидающего в келье прихода своего нового ученика и последователя.

Примечания

[1] *Коптелова Н.Г.* Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880–1917 гг.): Дис. … д-ра филол. наук. – Кострома, 2010. – С. 230.

[2] Там же. – С. 733.

[3] Там же. – С. 732–733.

[4] *Стыран Р.Д.* «Цветочки святого Франциска» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://S-francesco.narod.ru/01.11.2011.

[5] *Зайцев Б.К.* Сочинения в 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. – С. 225–226. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

[6] «Цветочки святого Франциска» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://S-francesco.narod.ru/01.11.2011

[7] *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 30.

УДК 882.09

Позднякова Елена Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pozdniackova.elena2011@yandex.ru

ГЕНЕЗИС «НОВОЙ ДРАМЫ» А.П. ЧЕХОВА

В статье раскрываются генетические связи пьес Чехова с поэтикой русского романа.

Ключевые слова: *повествовательность, полифонизм, двойники, монтаж, многогеройность, внесценические персонажи.*

Так случилось, что Антону Павловичу Чехову не суждено было написать роман, венцом его творчества стала драма, созданная «вопреки всем правилам» сценического искусства. Уже сам драматург не раз подмечал необычный, не укладывающийся в строгие театральные рамки характер своих пьес, да и в ответ, начиная уже с «Иванова», выслушивал упреки в нарушении правил. «Вы чересчур игнорируете сценически требования», – говорил В. И. Немирович-Данченко по поводу «Лешего». «Одно скажу: пишите повесть, – категорически заявлял А.П. Ленский. – Вы слишком презрительно относитесь к сцене и драматической форме, слишком мало уважаете их, чтобы писать драму» [5, П, т. 12, с. 385].

Н.Я. Берковский отмечал: «В драмах Чехова события – фон, а быт выносится на передний план, вопреки традиции, где фон занят бытом, события же выдвинуты вперед» [2, с. 149]. «Совершенно неведомая старой драматургии реалистическая обстоятельственность – вот что внутренне характеризует новаторский стиль Чехова-драматурга» [4,

 © Позднякова Е.А., 2012

с. 239], – писал А.И. Роскин. Он же, определяя стиль драм Чехова как «повествовательную драматургию», утверждал, что «чеховские пьесы являются кратко написанными большими романами» [4, с. 240–241].

Главным открытием Чехова стало обращение драматургии к жизни. Его пьесы поражали непривычной повествовательностью и даже обыденностью происходящего действия. Символично прозвучат слова героя комедии «Чайка» писателя Тригорина, который воспринимает всё, что происходит с ним и вокруг него, лишь как «сюжет для небольшого рассказа». В рамках пьесы это было абсолютным новаторством, но для русского романа отражение «житейской» реальности стало уже традицией. С 40-х годов XIX века в русскую прозу проникает тенденция «очерковости». В создаваемой романистами картине мира, как и в жизни, всему есть место. Быт является прежде всего сферой «микропоступков» героев. Повседневность, с ее каждодневными неурядицами становится источником испытаний. При этом быт – не давящая на человека, дисгармоничная сила, а сама жизнь.

До чеховских пьес драматургическое действие всегда определялось интригой, неким ключом, вокруг которого будет «вертеться» всё произведение. У Чехова такого столкновения героев просто нет, ведь источником несчастья оказывается повседневность. Поэтому «двадцать два несчастья» Епиходова в «Вишневом саде» становятся олицетворением страданий всех персонажей. При этом каждый из действующих лиц пьесы ведет непрерывную борьбу внутри себя. Возникают некие «задумавшиеся» персонажи, занятые только своими проблемами: мечтами и надеждами, бедами и переживаниями. Поэтому в драматургии Чехова меняется само понятие «действующее лицо». По-настоящему деятельными становятся не герои, а жизнь. Она постоянно ставит задачи, требующие принятия решения, действий, но герои к поступкам оказываются не способны.

Сам Антон Павлович в комментарии к драме «Иванов» объяснит: «Иванов утомлён, не понимает себя, но жизни до этого нет никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы. Больная жена – вопрос, куча долгов – вопрос, Саша вешается на шею – вопрос. <…> Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью» [5, П, т. 3, с. 111]. Такие люди, как Иванов… Но такими являются все персонажи чеховских пьес. Вопросы жизни встают перед каждым героем, вызывая душевное беспокойство, боль, раздражение. При этом на первый план выходит именно внутренний мир персонажей. Как в классическом психологическом романе, читатель и зритель следят в пьесе Чехова не за действиями и поступками, а за душевными мытарствами героя.

Начиная с пушкинского «Евгения Онегина» и лермонтовского «Героя нашего времени» в русском романе формируется подчеркнутое внимание к внутреннему миру персонажей. Безусловно, Чехов опирался на опыт предшественников, прежде всего Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, но сделал это несколько иначе. Чеховский психологизм очень ненавязчив: сказывается стремление драматурга «писать просто». Внутренний мир персонажей раскрывается незаметно, через обрывки фраз, паузы в разговоре, жесты, внешние события. Достаточно вспомнить, как Чехов тонко передал отношение Тригорина к брошенной Нине в комедии «Чайка»: для беллетриста история взаимоотношений с Заречной настолько неважна, что он начисто забывает столь поэтичный эпизод с убитой чайкой:

Шамраев (*подводит Тригорина к шкапу*). Вот вещь, о которой я давеча говорил… (*Достает из шкапа чучело чайки.*) Ваш заказ.

Тригорин (*глядя на чайку*). Не помню! (*Подумав.*) Не помню! [5, С, т. 12, с. 60].

Безразличие героя к судьбе Нины выражено в паре реплик о чайке. Всё очень сжато, состояние не описывается, не называется, оно воссоздаётся. Можно сказать, что чеховская манера выражения душевного мира персонажей не уступает по глубине и тонкости психологизму Толстого, но при этом Антон Павлович раскрывает внутреннюю жизнь деликатно, подобно И.С. Тургеневу.

Постоянная сосредоточенность персонажей чеховской драмы на самих себе ведёт к тому, что во всех его пьесах царит атмосфера «психологической глухоты». Поэтому разрушается структура диалога, герои начинают разговаривать не друг с другом, а сами с собой. Их реплики напоминают озвученную внутреннюю речь, столь характерную для романа. Привычная для пьесы диалогичность переходит в цикл монологов. Однако Чехов выстраивает реплики героев таким образом, что постепенно раскрывается и сама причина их внутренней драмы. Так, из реплик Иванова становится понятно, что его трагедия в нём самом, а не в обстоятельствах. Внешняя картина мира в драме – точная копия того, что происходит внутри героя. Вообще, по замыслу Чехова, жизненная позиция, образ мысли действующего лица становятся определяющим фактором развития событий в действительности. И так каждый персонаж – и Маша, и Тригорин, и Лопахин, и Нина – все они в ходе развития сценического действия прямо высказывают как свои мечты, надежды, так и свои страхи, и недовольство жизнью.

Примечательно, что здесь обнаруживается сходство пьес Чехова с полифоническими романами. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин отмечал, что все произведения Достоевского строятся «как сплошной внутренний ди-

алог» [1, с. 377]. При этом подводящий итог голос автора в романе отсутствует. Писатель предпочитает не давать открытой оценки своим героям, а создавать вокруг них такую атмосферу, в которой персонажи смогли бы открывать как для читателей, так и для самих себя все скрытые свойства, качества, желания. Таким образом, действующие лица сами себя оценивают и разоблачают.

По такому же принципу строил свои пьесы и Чехов. Герои его пьес озвучивают ключевые мысли систематически, они так или иначе постоянно «всплывают» в их репликах, становясь своеобразными лейтмотивами. Таким лейтмотивом для Ольги, Маши, Ирины является, например, желание уехать в Москву, для Войницкого – бунт против профессора Серебрякова, для Треплева – мечты о новом искусстве и т.д. При этом монологи героев всегда заключены у Чехова в простую, непритязательную форму. Вспомним беседу за чаем доктора Астрова со старой няней, открывающую пьесу «Дядя Ваня»: «В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. …Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна… Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь» [5, С, т. 12, с. 63–64].

В пьесах Чехова вообще нет ярких сценических картин. В «Чайке», например, есть два эпизода, которые в классической драматургии были бы непременно обыграны автором. Это попытка Треплева покончить с собой после провала спектакля и измены Нины, а потом его самоубийство в финале пьесы. Чехов вопреки всем театральным канонам выносит эти события за сцену. Даже в пьесах А.Н. Островского можно найти пронзительные монологи-метания героев перед смертью, достаточно вспомнить, например, речь Катерины в драме «Гроза»: «Ах, скорей, скорей! (*Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! (*Уходит.*)» [3, с. 264]. Совсем по-иному организует Чехов подобные сцены. Так, последней репликой Треплева в комедии «Чайка» станут слова-размышления о Нине: «Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму…» [5, С, т. 12, с. 59]. Совсем никаких озвученных мыслей о загубленной жизни Заречной, о своей судьбе, нет обвинений в чей-либо адрес. Простая, ничем не примечательная фраза. А дальше идет авторская ремарка: «В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит» [5, С, т. 12, с. 59]. Этот жест Треплева символичен. Писатель, уничтожая собственные рукописи – своё главное детище, словно прощается с жизнью. Таким образом, Чехов намеренно избегает внешних эффектов, тем самым акцентируя внимание на внутренней, душевной стороне действия.

Вообще в драмах Чехова очень важны зрительные и слуховые элементы. Так, в пьесе «Вишнёвый сад» появляются белые цветы деревьев и восходящее солнце (в I действии), закат (во II действии) и т.п. Не менее важную роль играют слуховые эффекты: замирающий печальный звук лопнувшей струны (во II действии), тихая музыка (в III действии), стук топора (в последнем). Драматург создаёт полноценные пейзажи, бытовые картины. Всё это работает на повествовательность. Появляются живописные детали, попросту лишние для авторской ремарки к новому действию: «Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду…» [5, С, т. 12, с. 215]. Обилие художественных деталей, сама манера изложения указывают на то, что ремарка предназначена скорее для прочтения, чем для необходимых пояснений постановщикам пьесы. Более того, у Чехова всё символично, зрительные и слуховые эффекты всегда являются отражением психологизма пьесы, её внутреннего настроения. Словом, можно говорить о появлении в драмах наполненного символами пейзажа в традиции прозы Тургенева.

В творчестве романистов XIX века намечается тенденция опрощения, отказа от исключительного героя. Центральное место в романах занимает обыкновенный человек, вызывающий сочувственно-уважительный интерес. Появляется целая галерея «обыкновенных» людей: Макар Девушкин, Илья Обломов, Михаил Лежнев, Николай Иртеньев и пр. Так и в драмах Чехова на сцене блистают не выдающиеся герои-лидеры, а «персонажи из жизни»: врачи, актеры, беллетристы, учителя, обедневшие помещики, военные невысоких званий, купцы, мелкие чиновники, студенты и пр. При этом «обыкновенный» человек в его драмах не является существом заурядным и посредственным. Такие герои важны сами по себе, без претензий на лидерство, на возвышение над окружающими. Персонажи воспринимают себя как участников общей жизни.

Чеховская драматургия близка роману и отсутствием ведущего персонажа. Его пьесы «многогеройны». Вопреки канонам театра, действующие лица не делятся на главных и второстепенных. Они просто меняются местами, поочередно выходя на первый план или исчезая в тени. В пьесах «Иванов», «Леший», «Дядя Ваня» заглавные герои не ведут сюжет за собой. Другие персонажи постоянно образуют новые сюжетные узлы. Так, уже в первом действии «Чайки» внимание привлекают поочерёдно то Треплев со своим бунтом против рутины в искусстве, то Маша с признанием в любви.

Появляется Нина, мечтающая о славе актрисы, после – Тригорин с рассуждением о писательском труде и т.д. Независимо от количества реплик и роли, отведенной персонажу в пьесе, все действующие лица равноценны. Каждый из них буквально выписан автором, и за каждым встают свои судьба и история. Поэтому неудивительно, что все поздние пьесы Чехова просто невозможно назвать именем одного героя. Появляются «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» с целой галереей образов и судеб.

Чехов разрушил и ещё одно правило классической драматургии. В его пьесах очень много внесценических персонажей, то есть героев, которые вообще не выходят к зрителям, но при этом участвуют в действии. Таким образом содержание драмы расширяется и углубляется. Так, в комедии «Вишневый сад» помимо пятнадцати действующих лиц фигурируют ещё тридцать два: упоминаются в разговорах ярославская тётушка, утонувший сын Раневской, любовник Раневской, отец Лопахина и т.д. В русской литературе XIX века господствуют густонаселённые романы, такие как «Бедные люди», «Братья Карамазовы» Достоевского и, конечно, «Война и мир» Толстого. В них, так же как и у Чехова, очень много персонажей, которые иногда лишь упоминаются в разговорах. Такой художественный ход ещё раз подчеркивает реальность, «ненадуманность», жизнеподобие происходящего.

В систему действующих лиц чеховской драматургии проникла ещё одна черта русского романа – двойничество персонажей. В комедии «Вишневый сад», например, у Гаева и Раневской появляется сразу три двойника, в которых сконцентрированы худшие черты хозяев имения. Через образы двойников прорисовываются возможные жизненные пути для Гаева и Раневской: окончательно опошлиться, уподобившись лакею Яше, бессмысленно бежать от разорения, как Пищик, или остаться в прошлом, как забытый в доме Фирс. Так же поступали и русские романисты, рисовавшие для своих героев картины возможного жизненного пути через судьбы других персонажей. Достоевский раскрыл идейный тупик Раскольникова через образы Лужина, Свидригайлова, Порфирия Петровича.

Для русского романа конца XIX века характерен мотив распада семьи. Таковы «Анна Каренина» Толстого или «Подросток» Достоевского, в которых трагедии героев порождены человеческой разобщённостью. Так же и в драмах Чехова действующие лица существуют независимо друг от друга и от основного хода пьесы. Например, линия любви Маши и Вершинина в «Трёх сёстрах» никак не пересекается с трагическим треугольником Тузенбах – Ирина – Соленый, а судьба вишневого сада не влияет на отношения между Варей и Лопахиным. При этом герои пьес не только не связаны какими-либо семейными или общественными узами, но они не испытывают потребности в человеческих связях. Достаточно вспомнить действующих лиц «Чайки»: ни у Аркадиной, ни у Тригорина, ни у Заречной нет живых человеческих привязанностей. Правда, в пьесе всё-таки есть две семейные пары (Шамраев и Полина Андреевна, Медведенко и Маша), но обе они внутренне давно распались. То же и в других пьесах: нельзя говорить о счастливом, полноценном браке Елены в «Дяде Ване», Вершинина, Андрея и Маши в «Трёх сёстрах».

В драмах Чехова нет события, которое смогло бы перевернуть ход всей пьесы. Как и в романе, одно происшествие не может кардинально повлиять на жизнь сразу всех персонажей. Самоубийство Треплева в «Чайке» практически не меняет обычного течения жизни Аркадиной и Тригорина. Более того, в чеховских пьесах само событие затушёвано. Главным становится не то, что произойдёт, а ожидание перемены. Для Маши в «Чайке» самое важное не то, что она вышла замуж за учителя и родила ребёнка, а безнадёжное ожидание счастья. В «Вишневом саде», на первый взгляд, действие вертится вокруг продажи имения, но читатель всё равно не увидит продажи его с аукциона. Это событие окажется нужным не само по себе, а только для внутренней драмы героев.

Ещё один прием, пришедший в чеховскую драматургию из классического русского романа, – это монтаж. Не случайно сложилось мнение, что сценарий больших пьес у Чехова скроен из отдельных эпизодов. И действительно, Чехов иногда перескакивает с одного фрагмента на другой. Так, в драме «Три сестры» разные сюжетные линии (Маша – Кулыгин – Вершинин; Ирина – Тубенбах – Соленый; Андрей – Наташа – Протопопов) попеременно сменяют друг друга. Действие будто «склеено» из независимых друг от друга картин. Но такие переходы не только не идут во вред пьесе, но и, наоборот, концентрируют внимание, однако не на действии, а на психологической стороне пьесы. К тому же такой приём позволял Чехову передать ход жизни во всей его полноте. Не случайно многие русские писатели использовали его в своем творчестве: Лермонтов, нарушая хронологию «Героя нашего времени», Гоголь, разрывая фабулу «Мертвых душ» «Повестью о капитане Копейкине» и лирическими отступлениями, Толстой, параллельно раскрывая жизнь Анны и Левина в романе «Анна Каренина», и др.

Наконец, чеховскую драматургию сближают с традициями русской прозы авторские размышления о том, какими должны быть жизнь и человек. Великие романисты – Тургенев, Толстой, Достоевский – через высказывания героев, через перипетии их судеб показывали идеальную модель жизни. Сегодня широко известны слова Астрова из

«Дяди Вани»: «Праздная жизнь не может быть чистой» [5, С, т. 12, с. 83]. Чехова всегда отличала убежденность в необходимости для человека серьёзной жизненной цели, понимания смысла своего существования. Поэтому и говорит Маша в «Трех сестрах»: «Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста… Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети родятся, для чего звезды на небе… Или знать, для чего живешь, или же всё пустяки, трын-трава» [5, С, т. 12, с. 147].

Подводя итог, можно сказать, что Антону Павловичу Чехову удалось в своей драматургии синтезировать лучшие черты классического романа.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972.

2. *Берковский Н.Я.* Чехов: от рассказов и повестей к драматургии // Литература и театр. Статьи разных лет. – М.: Искусство, 1969.

3. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1974.

4. *Роскин А.И.* А.П. Чехов. Статьи и очерки. – М.: ГИХЛ, 1959.

5. Цит. по*: Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1974. Произведения А.П. Чехова цитируются по этому изданию с указанием серии (Сочинения – С, письма – П), тома и страницы.

УДК 821.111

Склизкова Тина Алексеевна
Владимирский государственный гуманитарный университет
sklizkova_tina@list.ru

ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ РОМАНА О СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЕ (COUNTRY-HOUSE NOVEL) В РОМАНЕ «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА» ДЖ. ФАУЛЗА

Жанровым признаком романа о сельской усадьбе является доминирование в тексте мифологизированного образа английского сельского дома, который рассматривается как аналог «приятного места» (locus amoenus). В статье роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» рассматривается в контексте этой традиции.

Ключевые слова: *роман о сельской усадьбе, «приятное место» (locus amoenus), Аркадия.*

Современное британское литературоведение выделяет роман о сельской усадьбе (country-house novel) как особую разновидность романного жанра, особенно популярную в английской литературе первой половины XX века и восходящую к «Мэнсфилд-парку» Дж. Остин. В романе о сельской усадьбе главное место отводится поместью, которое играет практически ту же роль, что и замок в готическом романе: это не просто место действия, но ключевой образ в структуре романа.

Английской сельской усадьбе принадлежит особая роль в национальной картине мира. Представление об усадьбе как о средоточии национальной жизни, как об организующем начале, объединяющем все сословия, возникло в XVII веке. Яков I Стюарт (1603–1625) призывал дворян удалиться в свои поместья, управлять ими и «держать свой дом открытым, следуя древнему и похвальному английскому обычаю» [1, с. 163]. Находясь в своих усадьбах, поместное дворянство усваивало новые жизненные ориентиры и ценности. Позже, в связи с событиями гражданской войны, дворяне были вынуждены вести замкнутый образ жизни, поэтому поместье стало центром социальной жизни всей округи. В сознании дворян сельская усадьба становится оплотом спокойствия, духовной независимости, островком мира, тишины и сельской уединенности, «вернувшимся золотым веком посреди политических бурь» [1, с. 163]. Не случайно именно в XVII веке появляются многочисленные поэмы, посвященные сельской усадьбе и восхвалявшие сельскую жизнь: «К Пенсхерсту» (1612), «К сэру Роберту Роту» (1616) Бена Джонсона, «К Сэксэму» (1640) Томаса Кэрью, «Об Эпплтон Хаус. К милорду Ферфаксу» (1660) Эндрю Марвелла.

В начале XX века, когда поместная жизнь постепенно уходит в прошлое, происходит мифологизация образа сельского дома, он начинает олицетворять навсегда утраченный идеальный мир. Впервые этот мифологизированный образ возникает в конце XIX века в романе У. Морриса «Вести из ниоткуда» («News from Nowhere», 1890), где изображается утопическое будущее, в котором города сменили деревни с цветущими садами. Усадьба превращается в живописный идеал, воссоздается идеальная сельская местность, вариант известного с античности топоса «locus amoenus».

Э.Р. Курциус в своей книге «Европейская литература и латинские средние века» («Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter», 1948) формулирует представление о «locus amoenus» как об одном из главных топосов, сформированных в античной поэзии и унаследованных западноевропейской литературой от риторики. Курциус выделяет 6 примет идеального пасторального пейзажа: «Минимально “приятное место” должно включать в себя дерево или несколько деревьев, луг, ручей

© Склизкова Т.А., 2012

или источник. Можно добавить пение птиц и цветы. Самые разработанные образцы добавляют также легкий ветерок» [7, с. 194].

Как указывает Курциус, традицию описания «приятного места» (locus amoenus) заложил Вергилий в своих «Буколиках». Начиная с произведений Вергилия «приятное место» становится важнейшей составляющей описания идеальной страны Аркадии, на которую распространяется мифологема земного рая, возможного лишь в сельской местности. Комментатор Вергилия Сервий Гонорат, производя слово «amoenus» от «amor», обозначает один из главных аркадных мотив – «блаженное ничегонеделание». Таким образом, «приятное место» имеет семантику убежища от активного действия, потока времени, смерти.

Достаточно рано в изображение Аркадии проникает мотив порчи, разрушения, имеющий ностальгическое звучание: это вневременной мир, который, однако, ассоциируется с *минувшим* золотым веком. С жизнью Англии это значение впервые соединяется в романе «Аркадия» Ф. Сидни (1590).

Как указывает Келсалл, в английской литературе, начиная с XVII века, поместья изображаются как воплощенная Аркадия, поскольку автор в обязательном порядке прибегает к традиции описании «приятного места» [9, с. 134]. Так, в поэме Э. Марвелла «Об Эпплтон Хаус» («Upon Appleton house»,1660) при изображении родового имения генерала Ферфакса используются все составляющие «приятного места». В начале XVIII века, как указывает К. Гвидон де Кончини, выражение «сельская местность» стало употребляться в значении приятной, полной удовольствия деревенской жизни поместного дворянства [8, с. 17]. В национальном сознании англичан постепенно формируется представление о сельской местности как о воплощенной Аркадии, противостоящей натиску современности.

В XX веке усадебный дом и его окружение оказываются в сознании англичан центром национального мифа. С самого начала века было широко распространено мнение, что «все хорошее, что есть в Англии, принадлежит сельской жизни» («everything good about England is rural») [10, с. 127]. Мифологизированное представление об Англии как о стране спокойных и красивых деревень, где все пьют чай на лугу, сохраняло свою актуальность на протяжении всего XX века. В 1983 году его комментировал английский историк Каннадайн: «По какой-то мистической причине, без видимых оснований мир сельских усадеб, с которым большинство из нас не было знакомо, вдруг стал миром, который мы потеряли, миром, который мы отчаянно хотим найти снова» [6, с. 14–15]. Он считает, что этот ностальгический взгляд в воображаемое английское прошлое создает иллюзию порядка и гармонии в современном нестабильном обществе. Зэди Смит в романе «Белые зубы» («White Teeth», 2000) называет Британию «greenandpleasantlibertarianlandofthefree» – «зеленой и приятной отстаивающей свободу землей свободных людей» [12, с. 245]. Это определение включает основные характеристики «земли обетованной», в которую, как в земной рай, стремятся попасть эмигранты третьего мира.

Идиллический мир сельской усадьбы является организующим повествовательным центром в романах Г. Уэллса «Тоно-Бенге»(«Tono-Bungay», 1908), Е.М. Форстера «Говардз Энд»(«Howards End», 1910), И. Во «Пригоршня праха» («A Handful of Dust», 1934) и «Возвращение в Брайдсхед» («Brideshead Revisited», 1945), которые составляют канон романа о сельской усадьбе. Его жанровые традиции сохраняют свою важность и во второй половине века для романов постмодернистской ориентации. Так, поместью Дарлингтон-холл, которое рассматривается главным героем как символ порядка и гармонии, отводится центральное место в романе К. Исигуро «Остаток дня» (1989). В качестве воплощения утрачиваемой современным миром подлинности изображается сельская местность в романах Дж. Барнса «Англия, Англия» («England, England», 1999) и М. Фрейна «Одержимый» («Headlong», 1999), где она противопоставляется «симулятивному» пространству города.

Во второй половине XX века жанровые традиции романа о сельской усадьбе часто обнаруживают себя и в тех произведениях, где сельская усадьба на первый взгляд находится на периферии повествования. В романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» («The French Lieutenant's Woman», 1969) усадьба Винзиэтт играет гораздо более важную роль, чем может показаться. Этот роман является практически первым неовикторианским произведением (за исключением романа Дж. Рис «Широкое Саргассово море», стоящего у истоков «переписывания» викторианской прозы), который обращает свой взгляд в викторианское прошлое и переосмысливает миф о поместном доме.

В романе «Женщина французского лейтенанта» с Винзиэттом связан поворотный момент в судьбе героя и его самоидентификация. Винзиэтт описывается всего в одном эпизоде романа, где наделяется всеми признаками «locus amoenus». Как в «романах о сельской усадьбе», поместье в романе Фаулза выступает символом мирной жизни и безоблачного золотого века. Винзиэтт увиден глазами главного героя романа, Чарльза Смитсона. Подъезжая весенним солнечным днем к поместью, герой останавливает взгляд на купах старых деревьев, «каждое из которых носило свое нежно любимое название: Посадка Карсона, Курган, Десяти Со-

сен» [12]. Названия деревьев подчеркивают их значимость и важность для хозяев, поскольку к саду, как и к дому, они испытывали эмоциональную привязанность. Так, сэр Роберт при объяснении с племянником смотрит в окно, как бы ища поддержку в природе, пытаясь найти нужные слова у своих зеленых лугов. Описывая достоинства своей невесты, он обращается к помощи своего парка и сравнивает ее с породистым вязом. Такое отношение к природе дает ощущение связи между прошлым и настоящим, является гарантией стабильности в меняющемся мире. Объясняя эту связь с прошлым, Ричард Гальенн в своей работе «Английская сельская местность» («The English countryside», сборник эссе «Vanishing Roads And Other Essays», 1915) говорит об английской сельской местности как о результате длительного сотрудничества человека и природы. Гальенн противопоставляет старые английские деревни (Old English Village) новым (New English Village). Это деревенская местность со старинными усадьбами и красивыми парками, садами несет в себе гармонию, которая способствует индивидуальному развитию человека. И в этом ее разительное отличие от новых английских деревень, где индивидуальность человека проявляется в его умении правильно распланировать территорию своего поместья [10].

Старинное поместье Винзиэтт представляет собой живое доказательство взаимосвязи человека и природы. Чарльз, глядя на поместье, чувствует, что оно как будто «полнится любовью к нему» [5, с. 253]. Мысль о том, что он скоро по-настоящему будет владеть Винзиэттом, пробуждает у героя «невыразимое ощущение счастливой судьбы и порядка» [5, с. 253]. Чарльз внезапно ощущает, что он и Винзиэтт составляют одно целое, у них общая история и общая гордость. В эти минуты дом становится для него центром существования, чем-то особенный, сокровенным, «соединением вечных ценностей и мира повседневного, материальной реальности», «символическим воплощением семейных ценностей» [5, с. 253].

Поместью Винзиэтт в романе «Женщина французского лейтенанта» противостоит образ Лондона, который символизирует стремительно развивающуюся индустриальную Англию. Если Винзиэтт связан с иллюзиями, мечтания и стремления героя, то именно в Лондоне Чарльз понимает, что «потерял свободу – также как и потерял Винзиэтт» [5, с. 356].

В традициях романа об усадьбе поместье играет ключевую роль в развитии сюжета. Его переломный момент связан с решением, которое принимает герой. Он должен остаться со своей невестой Эрнестиной или же поддаться роковым чарам Сары Вудраф. Верх берет любовь к Саре, но совершается этот выбор под давлениями обстоятельств, связанных с поместьем.

Чарльз отправляется на встречу с дядей с явным нежеланием, он не хочет владеть Винзиэттом и проводить свои дни подле дяди. Герой считает, что они с сэром Робертом слишком разные люди и у них разные предпочтения. Сэр Роберт принадлежит к поместным дворянам, для которых основное времяпрепровождение в деревне – это охота и верховая езда. Чарльз же большую часть времени проводит в библиотеке, куда дядя и не заглядывает. Или же, взяв с собой геологический молоток, племянник уходит искать окаменелости. С точки зрения сэра Роберта, пешие прогулки, сидение в библиотеке – неподобающее занятие для джентльмена. В деревне джентльмену «подобало держать в руках только ружье или хлыст» [5, с. 18]. Чарльз всем своим поведением подчеркивает свое отличие от дяди. Он считает, что если и вступит во владение Винзиэттом, то будет вести отличную от дядиной жизнь. Чарльз ощущает себя человеком нового времени: агностиком, увлеченным наукой, оставившим в прошлом традиционные занятия поместного дворянства.

Однако после разговора с дядей, который сообщает герою о своей женитьбе, Чарльз начинает сомневаться в правильности своей позиции. Он осознает, что дядя гораздо лучше, чем он понял, что в лице Эрнестины выражается угроза для всего поместного уклада жизни. Эта «новомодная женщина» не понравилась дяде, потому что навсегда останется дочерью суконщика с «лондонскими повадками» и почти «полным отсутствием интереса к сельской жизни» [5, с. 261]. Возвращаясь в Лайм к невесте, Чарльз начинает понимать, какая пропасть лежит между ним и Эрнестиной. Недаром, приехав в Лайм, он говорит доктору Грогану, что не создан для семейной жизни. Окончательное прозрение приходит к герою после разговора с отцом Эрнестины мистером Фрименом, который предлагает ему заняться коммерцией – делом, недостойным английского джентльмена. В этот момент Чарльз чувствует себя дворянином, которому «не пристало заниматься ремеслом торгаша» [5, с. 351]. Вот когда становится ясно, сколь поверхностно увлечение Чарльза либерализмом. Век «великих свершений», оказавшийся веком «Потребителя, Покупателя, Клиента», требует от него активного действия – «отработать женино приданое» [5, с. 351]. Вульгарность этого предложения глубоко возмущает Чарльза. Но не только. Разница между ним и мистером Фрименом заключается и в том, что Фримен – человек действия, достигший собственными силами определенных высот, а Чарльз – «умный бездельник», фигура, характерная для дворянской культуры. Удел поместного дворянства – «блаженное ничегонеделание», их жизнь протекает в «темпе адажио» по мере того, как «заполняются бесконечные анфилады досуга» [5, с. 16].

Разговор с мистером Фрименом играет очень важную роль в выборе, совершенном героем. В глубине души Чарльз знает, что, пытаясь выполнить свой долг перед невестой, не только потеряет лучшую часть своего прошлого, но и не сможет сохранить свою личность. Испытывая чувство «невозвратимой потери», он изменяет своему первоначальному плану и едет в «Корабль» к Саре.

Таким образом, в центре романа «Женщина французского лейтенанта» оказывается сельская Аркадия, противопоставленная окружающему негармоничному миру. Роман включает традиционный мотив разрушения Аркадии, воплощенный в истории потери Винзиэтта. В широком смысле утрата поместья – это утрата идиллической сельской Англии, идеального мира джентльменов, сельской аристократии, которая связана с кризисом викторианства. Чарльз Смитсон не желает приспосабливаться к этому новому миру, в котором «английскость» подменяется «британскостью», где коммерческий расчет отодвигает на второй план высокие нравственные качества джентльменов. Герой уезжает из страны в надежде отыскать свою истинную Англию – Аркадию за морем. Мотив поиска «аркадного» мира является чрезвычайно распространенным в английском постмодернистском романе.

Библиографический список

1. *Зыкова Е.П.* Пастораль в английской литературе XVIII века. – М.: Наследие, 1999. – 256с.

2. *Джумайло О.А.* За границами игры: английский постмодернистский роман: 1980–2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.kpi.kharkov.ua/.../cgiirbis_32.exe

3. *Паксман Д.* Англия: портрет народа. – СПб.: Амфора, 2009. – 380с.

4. *Публий Вергилий Марон.* Собрание сочинений. – СПб.: Студия Биографика, 1994. – 416с.

5. *Фаулз Дж.* Любовница французского лейтенанта. – М.: Эксмо, 2008. – 608с.

6. *Cannadine D.* The Stately Homes of England // The Pleasure of the Past. Harmondsworth, 1993. – 351p.

7. *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages. – N.Y., 1963. – 698p.

8. *Guedon-De Concini C.* Visions and Revisions of the National Past in the British Country-House Novel, 1900–2001. – 2008. – 237p.

9. *Kelsall Malcolm.* The Great Good Place: The English Country House and English Culture. – New York: Columbia, 1993. – 324p.

10. *Le Gallienne Richard.* The English Countryside [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.readbookonline.net/readOnLine/39069/

11. *Taylor P.J.* Which Britain? Which England? Which North? // British Cultural Studies / eds. David Morley and Kevin Robins. – London: University press, 2001. – 342p.

12. *Smith Z.* White teeth. – London: Penguin books, 2001. – 542p.

УДК 821.161.1 (092)

Шарапенкова Наталья Геннадьевна
Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru

«ТВОРИМЫЙ КОСМОС» ЗАРОЖДАЮЩЕГОСЯ САМОСОЗНАНИЯ (ПОВЕСТЬ «КОТИК ЛЕТАЕВ» АНДРЕЯ БЕЛОГО)

В статье анализируется метатема повести «Котик Летаев» – зарождение самосознания ребенка (на языке самого автора – рождение «строя» из «роя»). Для интерпретации использован мифопоэтический комментарий и предпринят выход в сопредельные области (психология младенца, измененные состояния сознания).

Ключевые слова: *Андрей Белый, зарождение самосознания, память о памяти, «Котик Летаев».*

Андрей Белый обращается в повести «Котик Летаев» (1915–1916) к истокам своей памяти, к опыту себя как младенца. Ж. Нива справедливо фиксирует странное свойство личности писателя: «Он не эволюционировал, а инволюционировал. Главное ему было дано сразу – если верить роману “Котик Летаев”, в два года, – и ему оставалось лишь заниматься археологическими раскопками в глубинах своего “Я”». И далее: «…он пересоздает себя в соответствии с ритмом космических бездн» [5, с. 106].

Андрей Белый воссоздает в повести сам процесс зарождения сознания в ребенке, отделение себя от довременного мира, в котором он находился и о котором сохранил память («память о памяти»). Совершенно справедливо А.Х. Вафина связывает автобиографизм всех творений русского символиста с глубинной особенностью его мировосприятия: «Тема становления “Я” рассматривалась Андреем Белым как “проект”, который необходимо осуществить» [2, с. 18].

В повести «Котик Летаев» автор (повествователь), «земную жизнь пройдя наполовину» (Данте), вглядывается в свое прошлое, причем проистекающее далеко за пределы сознания (отсюда в текстах повести и романа существование двух

© Шарапенкова Н.Г., 2012

нарраторов: вспоминающего взрослого и воспринимающего ребенка). «Мне – тридцать пять лет: самосознание разорвало мне мозг и кинулось в детство; я с разорванным мозгом смотрю, как дымятся мне клубы событий; как бегут они вспять…» [1, с. 9].

Формирование сознания ребенка (мыслей из бесформенных ощущений) подано в повести как противостояние «роя» и «строя» (становящегося и утвердившегося мира). В. Шкловский на этом перетекании одного в другое выстраивает убедительную целостную концепцию «Котика Летаева». Автор рецензии заключает: «Объективно “рой” – это ряд метафор, “строй” – это предмет, лежащий в ряду, закрепленном фабулой. Субъективно “рой” – это становление мира, “строй” – это мир ставший. “Рой” всегда дается прежде “строя”» [8, с. 688].

«Рой» и «строй» – дефиниции, используемые в повести самим автором. Сознание есть рождение «строя» (рацио, логики, языка) из «роя» (подсознания, ощущений, образов). Словесный мир рождается для Котика-ребенка через жесты, герой пребывает в мире архаики, его сознание должно «уменьшить» мир до слова-звука («понимание мира не слито со словом о мире» [1, с. 76]). Ребенок «вслушивается» в слово, образуя ассоциативные цепочки звуковых созвучий, поэтому – «Кре-мль»: «“Кре-мель” – что такое? Уж “крем-брюлэ” мной откушан; он – сладкий; подали его в виде формочки – выступами; в булочной Савостьянова показали мне “Кремль”: это – выступцы леденцовых, озовых башен; и мне ясно, что – “к р е” – крепость выступцев (к р е-мля, к р е-ма, к р е-пости), а: – м, м л ь – мягкость, сладость …показали мне: на голубой дали неба – кремлевские башенки: розоватые, крепкие, сладкие» [1, с. 77]. Созерцание воображаемого Кремля погружает ребенка в сон или в страну «танца ритма» («память о памяти»). «Память о памяти – такова; она – ритм; она – музыка сферы, страны – где я был до рождения!» [1, с. 74].

В сознании ребенка мир образов и слов вырастает из звука, который и рождает свой сокровенный и высший смысл: *Кремль* действительно крепость, с красными (розовыми) стенами (в восприятии ребенка данный цвет должен значить и мягкость).

Игра звуками и их сочетаниями, «сверхчувственное ощущение каждого звука» [7, с. 15], будет осмыслено уже «взрослым» автором повести, протянувшим руку «в прошлое», себе самому, носителю детского сознания. Языковые игры Котика Летаева переводят весь образный ряд текста в мифологическую плоскость (так, к примеру, ребенок постигает символы Священного Писания). В тексте повести Троицко-Арбатская церковь становится местом преображения героя, его соприкосновением со сверхчувственным миром, восстановлением утраченной при рождении связи со страной «ритмов», «памятью о памяти». «Троицко-Арбатская-Церковь» – особый сакральный локус в истории становления самосознания героя Котика Летаева: именно в ней ребенок «вспоминает» слышанный когда-то «солнцевый голос» [1, с. 55]. И за спинами – голоса: – подъемлют какую-то огромную, но позабытую истину: древнюю; мне когда-то открытую в храме (когда это было?)» [1, с. 55].

Именно оказавшись в церкви, маленький Котик переживает священные символы христианства как возвращение в правремя и прапространство (в страну Солнца). «Но меня приподняли (и – мне узреть!): – блистающее, как золотое светило небесное, чернобородое божество там стояло перед распахнутой дверью – в т_а_и_м_у_ю к_о_м_н_а_т_у блесков; и, подымая высоко десницу, с блистательной лентою, провозгласило: голосом, от которого чуть не лопнули стены... – блеско-громное, огромное Солнце, на котором я жил, опустилось на нас: там, оттуда, – на миг показалась т_а с_а_м_а_я Древность в сединах» [1, с. 55].

Специфика автобиографического жанра «Котика Летаева» Андрея Белого состоит в том, что в центре повествования находится не процесс становления характера и контакт с миром героя, а «сложный внутренний мир» пробуждающегося сознания ребенка, которое соприкасается с непознанным и «незнакомым ему миром» [2, с. 84].

Автор воссоздает процесс соединения сознания с телом, опускания его в телесную оболочку, до этого момента – «сознание было вне тела», то есть принадлежало другой – высшей субстанции – ноосфере (Вернадского), информационному полю земли, сверхсознанию Вселенной. Согласно авторской концепции, становление сознания ребенка изоморфно мифопоэтическому космосу древнего человека. Андрей Белый воплощает в повести мифопоэтический взгляд на природу, мир, Космос.

Формирование сознания у Котика Летаева (в самом имени скрыта зооморфная сущность) в повести уподоблено архаичному человеку и его ступеням развития (филогенез совпадает с онтогенезом). «Переживаю пещерный период; переживаю жизнь катакомб», – вспоминает ребенок-нарратор. Пещерному (архаичному) периоду свойственно мифологическое восприятие, в котором логическое мышление еще не дифференцировалось как особая сфера познания мира («Мир и мысль – только накипи: грозных космических образов», постепенно «возникло “Я” и “Не – Я”, возникли отдельности» [1, с. 15]). Взрослый нарратор дает свой комментарий к переживаниям ребенка: «Мифы – древнее бытие: материками, морями вставали когда-то мне мифы; в них ребенок бродил; в них и бредил» [1, с. 15].

Само рождение мысли уподоблено в повести космогонии (борьбе космоса и хаоса): «Все-все ширилось; пропадали земли в морях; изрывалось

сознание в мифах ужасной праматери; и потопы кипели.

Строилась – мысль-ковчег; по ней плыли сознания от ушедшего под ноги мира до …нового мира» [1, с. 15].

Логическое мышление («строй») – лишь хрупкая оболочка, отделяющая человеческое сознание от бездонного, деструктивного, дионисийского потока («рой»): «Роковые потопы бушуют в нас (порог сознания – шаток): берегись, – они хлынут» [1, с. 15].

Андрей Белый выстраивает аналогии личного космоса Котика Летаева и космоса планетарного (Вселенной), микрокосма и макрокосма.

Герой пребывает в состоянии, когда «– не было разделения на “Я” и “не-Я”, не было ни пространства, ни времени…

И вместо этого было: – состояние натяжения ощущений; будто все-все ширилось: расширялось, душило; и начинало носиться в себе крылорогими тучами» [1, с. 13].

«Неизреченность восстания моей младенческой жизни» [1, с. 13] образует странную параллель к возникновению Вселенной (пространства, времени, процесса её расширения, возникновению газообразных сгустков).

Важнейшая черта детского мировосприятия может быть, по словам исследователей, обозначена так: «Время, пространство, объекты, наполняющие их, для ребенка, вступающего в мир, представляются крайне неоднородными» [3]. А.Ф. Лосев писал о пространстве Эйнштейна, которое «хочется собрать …в некий конечный и выразительный лик, с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями» [4, с. 34]. Подобные «складки» пространства обнаруживают себя в повести о становлении самосознания – главной метатеме всего творчества Андрея Белого. Так, квартира на Арбате, в которой живет Котик вместе с родителями, представляет собой сквозное пространство. Ребенок, созерцая кабинет своего отца-математика, видит, как тот вытаскивает с полки книги: «…вместо томика в стене – щель; и уже оттуда нам есть: – проход в иной мир: в страну жизни ритмов, где я был до рождения…» [1, с. 70].

Сам коридор (то есть пространство) в сознании ребенка связывалось со временем («наш коридор представляется воспоминанием о времени, когда он был мне кожей» [1, с. 19]). Коридор становится в памяти ребенка – выходом из материнского чрева (Андрей Белый в начале XX века предвосхищает теории о существовании пренательной памяти). Данную гипотезу в своем докладе высказала на Международной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» в 2010 г. О. Мюллер-Кук.

Окружающий мир врывается в мир ребенка хтоническими образами (старухи, гадов, Минотавра, Сфинкса). Мифологические образы (архетипы) сопровождают ребенка в «первые миги сознания» [1, с. 20]: «Вот мой образ вхождения в жизнь: коридор, свод и мрак; за мной гонятся г а д ы – этот образ родственен с образом странствия по храмовым коридорам в сопровождении быкоголового мужчины с жезлом». Далее следует графический отчерк и «перевод» в другую реальность – взрослого нарратора, который вспоминает, что болел в это время корью. Вроде бы «правдоподобное» объяснение состояния ребенка вновь перечеркивается фразой, данной разрядкой (« в т о и м е н н о в р е м я» [1, с. 21]).

Образ из видения ребенка – Минотавр, живущий, согласно древнегреческому мифу, на Крите в подземном лабиринте. Собственную квартиру Котик уподобляет лабиринту – жилищу человекобыка, которое, к тому же, имеет всего три стены: «четвертая – распахнулась своим темно-донным оскалом со множеством комнат –

– все комнаты, комнаты, комнаты! –

– в которые, если вступишь, то – не вернешься обратно, а будешь охвачен предметами…» [1, с. 21], «словом – скверные комнаты» [1, с. 22]. В доме на Арбате, как справедливо замечает Т.В. Юнина, «продвигаясь обычными коридорами, можно проползти сквозь стену и очутиться в бытовом пространстве Москвы или же в подземном пространстве древнеегипетских торжественных шествий» [9, с. 6].

«Чужой» [1, с. 28] Артем Дисифеевич Дорионов видится ребенку «быкообразным», «брюхатым»: «…когда узнаю про Тезея и про быка Минотавра, то становится ясно мне: Артем Досифеевич – Минотавр; я же, щелкнувший в мрак пустых, пустых комнат, – Тезей» [1, с. 28]. В сознании ребенка воскресший миф о Тезее и Минотавре – оболочка предстоящей инициации (сражение, временная смерть и воскрешение).

Реальное (отчасти срамное) событие («из коридора … в мою детскую комнату») становится путем героя, ведущим его к мистериальному преображению: «…вспоминаю я это шествие; мне казалось оно бесконечным; напоминало оно: шествие по храмовым коридорам в сопровождении быкоголового мужчины с жезлом –

– (я впоследствии видел изображения таких шествий; изображениями этими пестрят подземные гробницы Египта; и я видел ведущих: песьеголовых, быкоголовых мужчин с длинными жезлами в руках...)

Мне казалося: –

– переходы квартиры ведут к бездне мрака; и все там обрываются: далее – чернотные грохоты, по которым несется старуха, стреляя дождями карбункулов (переживание это меня охватило однажды: при прохожденьи земли чрез комету)» [1, с. 28].

В сознании ребенка: все живут в голове Сфинкса. Автор дает описание переживаний Котиком пространства квартиры, в которой «комнаты – части тела», а череп – «купол Храма». Лабиринт Минотавра уподоблен пространству внутри гробниц Египта. Л. Силард замечает, что символ «восхождения» связан с «путем посвящения» в древнеегипетском понимании. Сфинкс у Андрея Белого – это преддверие, антропософский Страж Порога, «знак Хаоса и бесконечности на пределе пределов» [6, с. 25]. Сфинкс – это выход за черту, за границу, возможность «выхода в другие измерения» [6, с. 25].

Итак, процесс освоения ребенком пространства проходит несколько этапов: восприятие тела как пространства, квартиры как лабиринта, выход в перевернутое, мифопоэтическое и ритуальное пространство (Крит, Египет), подготовка к инициации (пространство внутри черепа).

В финале повести Котик переживает «собственное распятие» как необходимый этап инициации: «Во Христе умираем, чтоб в Духе воскреснуть». Герой обретает самосознание и теряет нить с Невидимым градом (градом Китежем). Герой уподобляет свой жизненный путь крестному пути Спасителя (символы «багряница», «деревянный крест», «железные гвозди», Голгофа). «Миг, комната, улица, происшествие, деревня и время года, Россия, история, мир – лестница расширений моих; по ступеням ее я всхожу <...> к ожидающим, к будущим: людям, событиям, к крестным мукам моим; на вершине ее – ждет распятие» [1, с.191]. Будучи на кресте, герой созерцает «сумятицу жизни», суету толпы, на которую будет взирать «невидящим взором». Из этого акта заклания, жертвоприношения должно родиться «живое слово»: «Мое слово могло бы родиться не прежде» [1, с. 192].

Воскрешение (возрождение) возможно в ином несуетном мире (должно вспыхнуть Солнце как внутри самого героя, так и истинное Солнце нерукотворного высшего мира). Взрослый повествователь говорит о зарождении в сознании будущего поэта новых смыслов, новых слов, но плата за обретение творческого дара – «глаголом жечь сердца людей» (А. Пушкин) – самораспятие («Распинаю себя» [1, с. 193]).

«Вспыхнет Слово, как солнце, –

– это будет не здесь: не теперь.

Самосознание мое будет мужем тогда, самосознание мое, как младенец еще: буду я вторично рождаться; лед понятий, слов, смыслов – сломается: прорастет многим смыслом» [1, с. 193].

Итак, автор обращается к теме памяти, причем досознательной памяти, предвосхищая современное понимание психологии нерожденного младенца, который уже в утробе матери слышит её сердцебиение (О. Мюллер-Кук), формированию у ребенка логического мышления, становлению мира соответствий между словом и понятием («строй») из вихрей мифопоэтического космоса («рой»). В повести «Котик Летаев» Андрей Белый воссоздает особенности детского сознания, которое зарождается как «огромная полифония: творимый космос» 1, с. 10].

Библиографический список

1. *Белый А.* Котик Летаев. – М.: Вагриус, 2000. – С. 9–194.

2. *Вафина А.Х.* Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: Дис. … канд. филол. наук / Казанский (Поволжский) федеральный университет. – Казань, 2011. – 192с.

3. *Воронин В.С., Юнина Т.В.* Чертеж вселенной в личном космосе «Котика Летаева» Андрея Белого. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sc-comm.ru/conf_fil.php (дата обращения 10.12.11).

4. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21–187.

5. *Нива Ж.* Андрей Белый // История русской литературы. Серебряный век. – М.: Радуга, 1995. – С. 106–120.

6. *Силард Л.* О символах восхождения у Андрея Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. – М.: Наука, 2008. – С. 17–41.

7. *Тимина С.И.* Последний роман Андрея Белого // Белый А. Москва / сост. С.И. Тиминой. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 3–16.

8. *Шкловский В.* Андрей Белый // Андрей Белый. Pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / сост., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуман. ин-та, 2004. – С. 679–697.

9. *Юнина Т.В.* Поэтика хронотопа автобиографической повести Андрея Белого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВГУ. – Волгоград, 2009. – 20с.

ИСТОРИЯ

УДК 947

Белов Андрей Михайлович
доктор исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
istclass@mail.ru

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ И ЕЕ РУКОВОДИТЕЛИ (1944–2007 ГОДЫ)

В статье рассматривается круг полномочий руководителей Костромской области, направление и результаты их деятельности в 1944–2007 годах.

Ключевые слова: *Костромская область, социальное развитие, руководители, служение Отечеству.*

Костромская область с 26 районами была образована указом Президиума Верховного Совета СССР 13 августа 1944 г. Сейчас после административных изменений в состав области входит 24 района, а ее территория составляла 58 тыс. кв. км. В суровые годы Великой Отечественной войны Костромской край внес важный вклад в укрепление обороноспособности страны. Переходят на выпуск военной продукции предприятия города и области. Война дала толчок к развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности. Из года в год увеличивали колхозы и совхозы области сдачу государству зерна, овощей, льнопродукции, мяса и молока. Чрезвычайные условия развития страны в 1940-е гг. наложили свой отпечаток, предъявили свои требования к первым руководителям области. Как правило, ее возглавляли руководители, которые приобрели в предшествующий период опыт хозяйственной и руководящей партийной работы.

Руководящим лицом области с момента ее воссоздания становится первой секретарь областного комитета партии.

По своему статусу партийный руководитель области подчинялся центральным партийным органам, отвечал за решение общегосударственных задач в регионе, но в то же время имел значительную самостоятельность, более того, был обязан проявлять инициативу в реализации общегосударственных задач с учетом специфических условий развития народного хозяйства региона. Определенные права, самостоятельность были и у председателя исполнительного комитета областного совета. Но принадлежность его к правящей партии коммунистов приводила к тому, что все важнейшие, а также спорные вопросы развития и финансирования отраслей, повседневной жизни костромичей решались на заседании бюро обкома ВКП(б) – КПСС и были обязательны для исполнения всеми организациями и предприятиями Костромской области.

По сравнению с дореволюционным, с октября 1917 г. изменяется социальное происхождение руководящих кадров. Основным источником формирования руководящих кадров стало выдвижение на руководящую работу коммунистов из рабочих и крестьян. Из 22 руководителей, стоявших в послевоенное время во главе Костромской области, не менее 15 (68,2%) имели социальное происхождение из рабочих и крестьян. 63-летняя история (1944–2007 гг.) Костромской области имела разные политические периоды, которые также накладывали отпечаток на руководителя, предъявляли новые требования, появлялась потребность в новых профессиональных навыках. Изучив жизненный путь первых лиц, можно отметить, что с 1950-х гг. наряду с политическими объективно возрастала роль профессиональных знаний. Соответственно этому в личных делах руководителей области появляются записи «окончил институт инженеров водного транспорта», «сельскохозяйственную академию», экономический или юридический факультет университета, педагогический институт.

Государственное финансирование отраслей промышленного производства и сельского хозяйства области в 1944–1991 гг. строилось в соответствии с пятилетними планами развития страны и плановыми показателями области. Будучи в составе руководящих органов правящей партии (ЦК КПСС), депутатами Верховных Советов РСФСР и СССР, первые лица области должны были добиваться включения строительства промышленных предприятий области, вложений в сельское хозяйство, в общегосударственный план развития страны. Под их строительство решением законодательных органов выделялись соответствующие средства. Поэтому важным элементом руководства стала необходимость первым лицам области быть на различных предприятиях, колхозах и совхозах в самых отдаленных уголках области. Активное участие в экономических процессах приводило к соответствующей структуре обкома КПСС, где важную роль играли отраслевые отделы – промышленный, транспортный, строительный, сельского хозяйства и др. Аналогичные структурные подразделения имелись и в исполнительных органах власти – в облисполкоме, что приводило к дублированию,

© Белов А.М., 2012

переплетению функций. Вместе с тем, кроме административного, оставался и такой рычаг влияния, как политический. Через партийные организации, которые существовали на всех предприятиях, колхозах и совхозах, доводились до трудовых коллективов решения руководства, организовывалось социалистическое соревнование, иногда принимались «встречные» обязательства. Успешное выполнение планов и обязательств стимулировалось морально и материально.

Однако далеко не всегда правящей партией принимались решения, имевшие положительный результат для области. Много проблем, путаницы в управлении возникло после решения ноябрьского пленума ЦК КПСС 1962 г. о разделении партийных организаций на сельскую и промышленную. Сильным ударом для колхозников стали решения об обобществлении индивидуального скота, сселении небольших населенных пунктов в сельской местности, а также бездумное повсеместное внедрение кукурузы. Все это привело к значительному сокращению посевных площадей и усилению процесса переселения крестьян в города.

Однако, несмотря на трудности, народное хозяйство области продолжало развиваться. Значительно улучшило экономическое развитие и внутриобластные связи принятие в постоянную эксплуатацию в январе 1956 г. железной дороги Кострома – Галич, протяженностью в 127 км. На рубеже 50-х – 60-х гг. произведена полная электрификация всей области. В 1950-е – 1980-е гг. Кострома, наряду с развитием традиционного текстильного производства, становится крупным центром машиностроения. В это время строится Костромская ГРЭС – крупнейшая в Европе тепловая электростанция. Вступают в строй заводы деревообрабатывающих станков, автоматических линий, «Мотордеталь», «Текстильмаш». Большое значение для жителей и экономики области приобрела сдача в эксплуатацию автодорожного моста через Волгу (1970 г.). Активно ведется жилищное строительство. Появляются новые жилые микрорайоны «Черноречье», «Якиманиха», «Паново», «Юбилейный», «Давыдовский». Дальнейшее развитие в области получает высшее образование. Всероссийское признание получили вузы Костромы – государственный и технологический университеты, сельскохозяйственная академия, военная академия радиационно-химической безопасности. Обобщенные данные развития области в послевоенные годы показывают следующие цифры.

В Костромском крае в 1985 г. действовали 554 школы с 91 тыс. учащихся. Число медицинских учреждений – 101, в которых трудилось 2600 врачей и 10400 медсестер, акушерок и других работников среднего медицинского персонала. В этом году был введен 391 жилой дом, а обеспечение населения жильем составило 16,5 кв. метров на 1 жителя. Объем промышленной продукции в фактически действовавших ценах достиг 2,3 млрд. руб., составив прирост физических объемов производства по сравнению с 1984 г. 3%. Общее число предприятий и организаций на конец года составило 2831 [2, с. 63].

С конца 1980-х гг. в Костромском крае, как и во всей стране, начались процессы демократизации и рыночных реформ. На альтернативной основе проходят выборы народных депутатов разных уровней, в том числе в областной совет. Отмена 6 статьи Конституции (О руководящей роли КПСС в жизни общества) на местном уровне привела в Костроме к тому, что пост первого секретаря Костромского обкома стал совмещаться с 1990 г. с должностью председателя областного совета. События августа 1991 г., приостановка деятельности КПСС на территории России повлияли на перераспределение власти в Костромской области. Руководящие полномочия в Костромской области переходят к председателю областного совета народных депутатов. В декабре 1991 г. должность председателя облисполкома в соответствии с указом президента РФ стала именоваться «Глава администрации Костромской области». В своей деятельности в 1992–октябре 1993 г. он был подотчетен областному совету. В 1994 г. после прекращения полномочий советов появляется новый законодательный (представительный) орган власти – Костромская областная Дума. Принятый на заседании 29 июня 1995 г. Устав Костромской области определил полномочия Главы администрации. В частности, в документе говорится, что «наименование должности “глава администрации” и “губернатор области” – равнозначны. Губернатор – высшее должностное лицо области, которое руководит ее деятельностью на принципах единоначалия» [4, с.20]. В постановлении от 25 мая 2004 г. «О распределении обязанностей по руководству администрацией Костромской области» указано, что губернатор руководствуется в своей деятельности Конституцией, уставом, федеральными и областными законами. В круг его полномочий входит представление области в отношениях с федеральными органами, другими областями и республиками России, зарубежными государствами. Он также имеет право участвовать в заседаниях областной Думы, выступать с законодательной инициативой, представлять бюджет развития народного хозяйства области и отчет о его исполнении, подписывать (либо отклонять) принятые ею законы, назначать (освобождать) руководящие кадры комитетов, управлений в соответствии со структурой аппарата, утверждаемой областной Думой и т.д. В соответствии с Уставом [4, ст. 28] при определенных обстоятельствах губернатор имеет право роспуска областной Думы. Документ также

Таблица 1

Годы	1970	1979	1989	2002	2005	2006	2007
Общее	867,9	802,4	808,3	736,6	717,5	709,0	702,2
Городское	462,4	509,8	551,7	496,1	486,1	482,3	479,4
В сельской местности	405,5	292,6	256,6	240,5	231,4	226,7	222,8
Трудоспособное	471,5	475,7	440,0	435,8	440,4	439,3	436,7

гласит, что «Глава администрации избирается населением области сроком на пять лет» [4, ст. 31].

Политические и экономические реформы начала 1990-х гг. неблагоприятно сказались на развитии области. Последовательно происходит снижение объемов промышленного производства: 86 % в 1995 г. к уровню 1994 г., сокращаются посевные площади, поголовье скота (крупный рогатый скот – 254,3 тыс. в 1994 г., по сравнению с 343,1 тыс. в 1985 г.), сокращается производство зерна – 195,4 тыс. т. (241,3 тыс. т. в 1985 г.) и других культур. Ухудшается также питание костромичей мясом, молоком, некоторыми другими продовольственными товарами [2, с. 63].

Численность населения Костромской области с 1970 по 2007 гг. измерялось следующим образом (табл. 1), по состоянию на первое января указанного года в тыс. чел [3, с.33].

22 декабря 1996 г. в Костромской области впервые на демократической основе прошли выборы губернатора. Как показывает жизнь, критический уровень развития края остался позади. В выступлении губернатора В.А. Шершунова на заседании областной Думы 30 июня был представлен отчет о развитии области за 7 лет (1997–2004 гг.). В нем отмечается, что последние годы объем производства льняных и других тканей увеличивается: в 2003 г. он составил 43 млн. кв. метров. Область занимает 11-е место по России по производству тканей и 1-е место по льняным тканям. За пять месяцев 2004 г. работа предприятий промышленности показывает устойчивую динамику роста объемов производства: произведено продукции почти на 1 млрд. руб. при росте физического объема в 106,2% к уровню 2003 г., в том числе в черной металлургии – более 144%, машиностроении и металлообработке – 124%, мукомольно-крупяной и комбикормовой – 118%, легкой – 110%, стройматериалов – 106%, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной – более 104%. В выступлении губернатора также отмечалось, что благодаря правильно выбранной политике удалось не допустить обвального спада сельскохозяйственного производства, хотя при этом и отмечалось ежегодное сокращение поголовья крупного рогатого скота, негативные последствия в животноводстве удавалось преодолеть ростом его продуктивности. В последние годы активизировалась внешнеэкономическая и межрегиональная деятельность [1, с. 2–21]. Объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования (январь – май 2004 г.) составил 2,5 млрд. руб. – в 2,2 раза больше (в сопоставимой оценке) соответствующего периода 2003 г. Вложено в развитие экономики области более 40 млн. долларов США иностранных инвестиций – увеличение произошло в пять раз. В последние годы в регионе сформированы основные элементы государственной поддержки малого предпринимательства, приняты нормативно-правовые акты, создан и работает совет и фонд его поддержки, комиссия по устранению административных барьеров, реализуются программы государственной поддержки малого бизнеса. Все это способствует решению актуальных социально-экономических задач и, прежде всего, формированию конкурентной среды, обеспечению занятости населения, смягчению социальной напряженности.

В настоящее время после изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации, по представлению Президента РФ Областная дума наделяет главу области властными полномочиями.

Таким образом, из обзора истории Костромской области видно, что большие полномочия руководителей области (как бы этот пост ни назывался) приводят и к появлению соответствующих обязанностей перед костромичами. Служение Отечеству, работа в интересах подавляющего большинства населения, безусловно, найдут отклик в сердцах избирателей, которые через своих депутатов могут выбирать руководителя области и тем самым влиять на будущее развитие Костромского края.

Библиографический список

1. О выполнении прогноза социально-экономического развития и исполнения областного бюджета в 2003 г.: доклад губернатора Костромской области В.А. Шершунова об итогах развития региона в 2003 – первом полугодии 2004 г. на заседании Костромской областной Думы 30 июня 2004 г. // Социально-экономическое положение Костромской области в 2003 г. и основные направления действий администрации на 2004 г. Информационно-аналитический бюллетень. – Кострома. – 2004. – №10 (29).

2. Регионы России: информационно-статистический сборник: В 2 т. – М., 1997. – Т. 1.

3. Статистический ежегодник: Костромская область 2006: сб. ст. – Кострома, 2006.

4. Устав (Основной закон) Костромской области // Свод законов Костромской области. – Кострома, 2000. – Т. 2.

УДК 947

Волков Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
n.margolina@mail.ru

ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С ПЕРЕХОДОМ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В статье показан противоречивый опыт формирования партийно-советских органов власти Верхнего Поволжья в начальный период нэпа.

Ключевые слова: *НЭП, Верхнее Поволжье, партийно-советские кадры, выдвижение.*

Политика военного коммунизма, которая проводилась в период Гражданской войны, привела к глобальному системному кризису. Начало нэпа есть продолжение этого кризиса. Страна лежала в развалинах. Национальный доход составлял только третью часть довоенного уровня, промышленное производство – пятую, транспорт был разрушен, а сельскохозяйственное производство стало настолько мизерным, что большинство населения страны вынуждено было голодать. Даже в изучаемых губерниях, хотя они и не были ареной боевых действий, экономика была серьезно подорвана. В начале 1921 г. объем валовой продукции этих губерний составлял к уровню 1913 г. – 30% в Костромской, 16,2% – в Ярославской. Текстильная промышленность Иваново-Вознесенской губернии давала только 3% продукции от довоенного уровня [1].

Однако кризис был не только, да и не столько экономическим, сколько политическим, так как на ответственных должностях часто оказывались не только некомпетентные люди и карьеристы, но и просто деклассированные уголовные элементы, которые действовали под лозунгом: «Грабь награбленное». Факты беззакония новых властей наиболее ярко проявлялись в дальних уездах. Так, в Ковернинском уезде Костромской губернии, по мнению проверяющих из губкома в 1921 г., «надо начинать снова Октябрьскую революцию. Ни избчитален, ни партийной, культурной, ни вообще советской работы там не было и нет. Ответственные работники-коммунисты постоянно пьянствуют, сдружились с кулаками» [2]. Правда, бороться с этими явлениями предполагалось чисто бюрократически – политикой формирования новых управленческих кадров и перемещения с одних должностей на другие. То есть во главу угла ставится кадровый вопрос.

С переходом к нэпу проблема подбора руководящих волостных и уездных партийно-советских кадров должна была решаться по-новому. В годы Гражданской войны основными методами их выдвижения были мобилизации и прямые назначения, без учета общеобразовательного уровня, профессиональной подготовки и опыта руководителей, их деятельность направлялась приказами, командованием. В новых экономических условиях усложнившаяся работа государственных, особенно хозяйственных, органов более настоятельно требовала от руководителей определенных знаний, умения разбираться в рыночной обстановке, приспосабливаться к ней, действуя не только и не столько приказами, сколько владея экономическими рычагами.

В отличие от партийных документов предшествующего периода, в которых по вопросу о подборе руководящих кадров неизменно на первое место ставились членство в Коммунистической партии и социальное (пролетарское) происхождение, X съезд РКП(б) в своей резолюции подчеркивал, что при назначении персонала на высшие административно-технические должности должны учитываться: «а) Действительный стаж и научная подготовка; б) личные способности... для выполнения возлагаемых на него руководящих обязанностей; в) социальное положение в прошлом; г) отношение к Советской власти, проверенное на опыте советского строительства» [3]. Итак, здесь профессиональная подготовка и способности с обычно занимаемого в партийных документах последнего места передвинуты на первое. «Но на практике превалировали прежние подходы и стереотипы в подборе руководящих кадров. Партия не сумела их преодолеть, что также сказалось на непоследовательности реформ. Она не только не отказалась от присвоенного ею после прихода к власти права решать все кадровые вопросы, но даже усиливала свою роль в этом, причем в собственных интересах» [4], – это мнение известного историка, крупного специалиста по проблемам нэпа Е. Гимпельсона. Документы местных архивов доказывают правомерность этого вывода.

Состав руководящих партийных и советских кадров показала проведенная в июле 1921 г. по решению ЦК РКП(б) Всероссийская перепись ответственных работников. В разработку по 31 губернии вошли данные об 11070 ответственных работниках, в большинстве своем партийно-советского аппарата низового уровня. По социальному поло-

 © Волков Д.А., 2012

жению рабочие составляли 35%, крестьяне—16%. Среди рабочих на первом месте стояли металлисты, выдвинувшие 14% ответственных работников. В составе работников губернского масштаба рабочих насчитывалось 37%, уездного масштаба – 33%, волостного и другого масштабов – 37%, крестьян, соответственно, – 8%, 20%, 15%. Почти 80% ответственных работников имели только низшее и внешкольное образование [5].

Постепенно центр тяжести по выдвижению в местные советско-партийные органы власти перемещается в низовые партийные ячейки и значительно регламентируется. В некоторых организациях создаются специальные тройки в составе организатора, секретаря и одного по усмотрению Бюро тройки. В задачу тройки входило детальное изучение каждого члена ячейки, составление деловой характеристики и дачи заключения на предмет выдвижения. Изучение производилось путем опроса товарищей, знающих выдвигаемого, и в процессе личной беседы с самим выдвиженцем и его непосредственными начальниками. Затем при губкомах создается целый инструкторский аппарат. Что он собой представлял – можно судить из доклада «О состоянии уездно-районного инструкторского аппарата Иваново-Вознесенской губернии» в ЦК РКП(б). В докладе говорилось, что этот аппарат в количестве 7 человек удовлетворительный. Большая часть имеет солидный стаж партийной работы, а по социальному признаку – 5 рабочих и 2 крестьянина. Стаж практической партийной работы от одного до четырех лет. Основным вопросом работы инструкторского аппарата уездов было установление работоспособности ячеек и выявление влияния их на работу советских и партийных органов. В результате обследования подбирались кадры новых партийных работников. Методы работы инструкторов заключались в следующем: инструктор знакомился с ячейкой и определялся, выдвигать кого-нибудь дальше или нет. Контроль над выполнением предложений инструкторов проводился через орготдел путем заслушивания отчетных докладов секретарей ячеек и повторных выездов инструкторов [6].

В свою очередь советско-партийные ответственные работники также прикреплялись к ячейкам, чтобы те затем могли выдвигать новых работников для партийной и советской работы из коммунистов и беспартийных. Кроме этого, в проекте положения о ячейках РКП(б) говорилось, что ячейки должны контролировать деятельность советско-партийных ответственных работников. А в деревне они вообще должны руководить деятельностью местных Советов, кооперативных и профсоюзных организаций. Но все же основной функцией ячейки был подбор кадров с целью их выдвижения, которое в дальнейшем уже целиком и полностью зависело от вышестоящих партийных органов (райкомов, укомов, горкомов и т.д.). От этих органов зависело не только выдвижение от станка или от сохи, или с менее ответственной на более ответственную работу, но и так называемые плановые перемещение и обратные выдвижения к станку и к сохе. Цель перемещений и обратных выдвижений состояла, во-первых, в том, чтобы как-то бороться с быстро разрастающимся бюрократизмом советско-партийных чиновников. Во-вторых, предполагалось, что тем самым расчищается дорога для новых выдвиженцев. В-третьих, это был один из методов наказания. Наиболее распространенными негативными явлениями среди ответственных работников изучаемого региона, за которые таким образом наказывали, были пьянство и аморальное поведение [7]. А вот каковы мотивы переброски ответственных работников, которые обсуждались на заседании Шуйского уездкома Иваново-Вознесенской губернии: «демагог, считался только с 2–3 товарищами и своим поведением подрывал всякий авторитет коллектива, годен для военно-административной работы»; «замешан в выпивке и карточной игре, в своей работе изолировался от партийной организации, авторитет в массах потерял абсолютно. Годен для милиционно-административной работы»; «забюрократировался и взялся за устройство своей личной жизни, среди рабочей массы потерял всякий авторитет, выпивает и везде заявляет, что он алкоголик и пить будет так же, как и сейчас. Годен для партийной и административной работы». «кумовство и разрешение дел в пьяном виде. Годен для советской работы» [8]. Схожие мотивы передвижения были в Ярославле и Костроме [9].

Большое значение для выдвижения, особенно рабочих и крестьян, сыграла проведенная в 1921 г. массовая чистка РКП(б). Она значительно сократила численный состав не только рядовых коммунистов, но и советско-партийных руководителей [10]. В Иваново-Вознесенске через комиссии по чистке советского аппарата прошло 6048 советских служащих, из которых было уволено 7,8% и переброшено на другие должности 1,7%. Из уволенных нерабочего и некрестьянского происхождения – 62%, крестьян – 37,15%, рабочих – 0,85% [11]. «Удержался в партии и на своей должности секретаря Райкома во время чистки только благодаря своему рабочему происхождению», – говорилось в одном из отчетов Иваново-Вознесенского губкома [12]. Крестьяне увольнялись в основном по причине того, что они имели собственность в деревне. Остальные мотивы увольнения: за преклонностью лет – 15 чел., чуждый антисоветский элемент – 59 чел., дети служителей религиозного культа – 33 чел., бывшие торговцы и тяготеющие к торговле – 48 чел., халатное отношение к служ-

бе, занимающие должности не по специальности и за грубое обращение – 66 чел., материально обеспеченные и имеющие собственность – 37 чел., по сокращению штатов – 74 чел., имеющие членов семьи служащими – 107 чел., за преступление по должности и другие проступки – 24 чел., бывшие белые – 28 чел., чиновники царской службы (цифры не указаны), бывшие крупные собственники, предприниматели, фабриканты – 39 чел. [13].

«В начале чистки, – сообщалось в отчете Ярославского губкома, – методы были не совсем удачные, и пришлось поправлять работу комиссии по чистке». Она не всегда основывалась на материалах и документах, а пользовалась устными заявлениями, или общими впечатлениями, а потом «вычищенный» представлял документ, и президиум ГИК вынужден был пересматривать решения комиссии. Чистка внесла оздоровление в аппарат, «но "вычищенные", по сведениям, перекочевав в другой город, вновь устраивались на работу в советские органы» [14]. В Костроме прошло громкое дело Чеснокова, члена РКП(б), занимавшего ответственный пост председателя городского исполнительного комитета. В результате чистки было выяснено, что он ранее состоял в «Союзе русского народа» [15].

В Иваново-Вознесенской губернии во время этой кампании число руководящих работников в ряде уездных и районных организаций сократилось на 30%. В связи с этим губком принял решение о выдвижении на руководящие посты рядовых коммунистов – рабочих и крестьян. Сам президиум Иваново-Вознесенского губкома состоял из четырех человек (секретарь губкома, председатель ГИК, председатель ГОПО, губвоенком), из которых двое были рабочими, а двое крестьянами. В составе Иваново-Вознесенского губисполкома из 21 работника 20 были также рабочие и крестьяне [16]. В губисполкоме Ярославской губернии все ответственные посты занимали рабочие и крестьяне. Те же процессы происходили в и в Костроме [17]. Чистка, способствуя выдвижению рабочих и крестьян, все же нанесла серьезный удар по руководящим советско-партийным кадрам провинции, нехватка которых было катастрофической. Вот что телеграфировал Костромской губком в ЦК буквально за несколько месяцев до чистки: «Едва ли приходится говорить о том, как остро чувствуется и тем более в провинции, при наличии крайне ограниченных пролетарских кадров, недостаток работников партийной и советской работы. При этом условии убыль одного человека по тем или иным причинам чувствуется как незаполненная брешь» [18]. После чистки просьбы Костромского губкома в ЦК не только не прекратились, а еще более усилились. «Соответственно, при отсутствии руководящих партийно-советских работников, – констатировал губком, – развернуть работу или хотя бы довести ее до надлежавшей высоты не представляется возможным. Поэтому губком настоятельно просит, уже третий раз, откомандировать в его распоряжение несколько человек. Губком надеется, что на этот раз ЦК учтет положение Костромской организации и примет все надлежащие меры к откомандированию указанных товарищей» [19]. В ЦК посыпались прошения не только за «группы товарищей», но и за конкретные личности: «Вторично просим откомандировать в наше распоряжение т. Крылова Гавриила Ивановича из Нижегородской организации для заведывания Костромским губполитпросветом, так как последний находится в весьма критическом положении, о чем вам уже неоднократно докладывалось» [20].

Так, лишь в одном Рыбинском уезде Ярославской губернии в 1921 г. только на должности, которые должны были занять члены РКП(б), требовалось 80 человек [21]. В Костромской губернии на 1300 вакантных мест имелось всего 365 работников, то есть примерно в 4 раза меньше необходимого [22]. После же чистки загруженность некоторых ответственных работников была просто колоссальной.

Таким образом, переход к нэпу, состоявшийся в 1921 г., изменил практику формирования местных партийно-советских органов власти по сравнению с периодом Гражданской войны. Однако эта политика по-прежнему проводилась неоднозначно и противоречиво.

Библиографический список

1. Очерки истории Костромской организации КПСС. – Ярославль, 1967. – С. 197; Очерки истории Ярославской организации КПСС. – Ярославль, 1985. – С. 223; Очерки истории Ивановской организации КПСС. – Ярославль, 1967. – Ч. 2. – С. 120.

2. ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 67.

3. Десятый съезд РКП(б), март 1921: стенографический отчет. – М., 1963. – С. 421.

4. *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923. – М., 1995. – С. 323.

5. Правда. – 1921. – 19 окт.

6. ГАИО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 211. Л. 24.

7. ГАЯО. Ф. Р. 1359. Оп. 1. Д. 47. Л. 17; ГАИО. Ф. п. 2. Оп. 1. Д. 167. Л. 45; ГАКО. Ф. Р. 1151. Оп. 4. Д. 40. Л. 36 (об.) и др.

8. ГАИО. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 67. Л. 154.

9. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 94. Л. 7; Д. 98. Л. 6; Красный мир. – 1921. – 23 сент.

10. *Петерс Я.* О чистке советского аппарата. – М.; Л., 1929. – С. 13.

11. Известия Иваново-Вознесенского губкома. – 1921. – № 2. – С. 15.

12. ГАИО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 189. Л. 16.

13. Там же. Л. 23.

14. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 943. Л. 14.
15. ГАНИКО Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 34; Д. 47. Л. 34.
16. ГАИО. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 20; Красный Манчестер. – Иваново-Вознесенск, 1925. – Ч. 1.– С. 143.
17. Ярославский край в документах и материалах (1917–1977). –Ярославль, 1977. – С. 54; ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 276. Л. 61.
18. ГАКО. Ф. р. 1124. Оп. 2. Д. 108. Л. 16.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 312. Л. 18.
20. ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 24.
21. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 125. Л. 4.
22. *Миловидов В.Л.* РКП(б) у власти: первый опыт, проблемы, уроки // Политический собеседник. – 1992. – № 4. – С. 18; ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 87. Л. 151.

УДК 94(430).087

Егоров Александр Игоревич
Дзержинский политехнический институт
Нижегородского государственного технического университета
dr.egoroff-al2012@yandex.ru

ПОЛИТИКА КОАЛИЦИИ ХДС/ХСС – СДПГ В АФГАНИСТАНЕ (2005–2008 гг.)

В статье рассмотрены узловые аспекты политики «большой коалиции» в Афганистане. Правительству ХДС/ХСС – СДПГ пришлось ужесточить позицию ФРГ в отношении урегулирования ситуации, расширяя круг задач, географию пребывания, а также постепенно увеличивая численность военнослужащих бундесвера, расквартированных на афганской территории. Такая линия вступила в противоречие с общественным мнением Германии.

Ключевые слова: *Афганистан, Германия, НАТО, антитеррористическая коалиция, бундесвер, общественное мнение, безопасность.*

К осени 2005 г. антитеррористическая коалиция, изначально задуманная как эффективный инструмент борьбы с международным терроризмом, добилась в Афганистане весьма скромных результатов. Не только в военной, но и в гражданской области международным силам содействия безопасности (ISAF) не удалось создать решающие предпосылки для превращения этой страны в зону стабильности и благополучия.

Несмотря на проведение демократических выборов, в политической сфере ситуация не была нормализована. Вновь сформированные органы государственной власти оказались слабыми. Президент Афганистана Х. Карзай не пользовался весомым авторитетом среди полевых командиров и практически не контролировал положение на местах. Свергнутые, но не сломленные талибы и их сторонники, напротив, укрепили свое влияние и попытались дестабилизировать ситуацию в юго-восточных провинциях страны. При этом руководство оппозиции избрало тактику, основу которой составляли военные операции малой и средней интенсивности, диверсии, нападения на правительственные и иностранные войска, государственные учреждения Афганистана и, главным образом, практически непрекращающиеся террористические акты. В северо-западных провинциях Пакистана были созданы опорные базы талибов, с которых они совершали вылазки на афганскую территорию.

Нарастанию антизападных настроений в местной социальной среде способствовали действия членов коалиции, обусловленные в решающей степени американской позицией. К их числу относились обыски, «зачистки» и ракетно-бомбовые удары по населенным пунктам, чьи жители подозревались в пособничестве террористам. Гибель сотен ни в чем не повинных людей, включая стариков и детей, вызывала негативную реакцию в масштабе всей страны.

Некоторые представители антитеррористической коалиции, будучи ограниченными в маневре рамками американской стратегии, тем не менее, искали возможность дистанцироваться от жесткой позиции Вашингтона. В наибольшей степени это удалось руководству Германии, строившему свою линию поведения в Афганистане, руководствуясь в первую очередь собственным пониманием гарантий национальной безопасности. Концептуальный подход властей ФРГ в постбиполярную эпоху к данной проблеме претерпел существенные изменения: на смену ее узкому пониманию, трактуемому с точки зрения достижения нерушимости государственных границ, пришло широкое толкование. В этом смысле оформление международного порядка в соответствии с немецкими интересами, предусматривающими преодоление комплексных вызовов, локализацию рисков на всех уровнях безопасности, а также защиту территории и населения страны от асимметричных угроз, могла гарантировать деятельность не столько на местном, сколько на региональном уровне.

Такое понимание вполне согласовывалось со стратегией НАТО, возводившей региональные кризисы в число наиболее вероятных угроз стабильности в евроатлантическом пространстве и на его периферии.

Из этих соображений вытекало понимание новой миссии бундесвера, который уже не столько готовился к защите страны от нападения потенциального противника, как в биполярную эпоху, сколь-

© Егоров А.И., 2012

ко привлекался для участия в операциях за рубежом с целью преодоления кризисной ситуации в нестабильных странах.

Правительство СДПГ – Союз 90/Зеленые, принявшее решение об участии ФРГ в антитеррористической коалиции, руководствовалось системным подходом к решению проблемы, предполагавшим использование разнообразных инструментов и средств, акцентирование внимания в первую очередь на восстановлении местной инфраструктуры, оказании гуманитарной помощи населению, содействии в обучении полицейских кадров.

Смена власти в ФРГ, происшедшая после парламентских выборов 2005 г., внесла определенные коррективы во внешнеполитический курс Берлина. Правоцентристские партии ХДС/ХСС стремились доказать свою приверженность трансатлантическому сотрудничеству, поколебленному антивоенной позицией Германии в период акции США и их союзников против режима С. Хусейна в Ираке. В свою очередь СДПГ, потеряв пост федерального канцлера, была вынуждена в принципиальных внешнеполитических вопросах ориентироваться на точку зрения консервативных партнеров по правительственной коалиции. К социал-демократам пришло осознание бесперспективности антиамериканизма, характерного для курса правительства Г. Шредера в начале 2000-х гг. В связи с этим «большая коалиция» медленно, но верно разворачивалась в сторону укрепления военного сотрудничества с Вашингтоном. Афганский полигон представлялся удобным случаем доказать верность союзническому долгу как в отношении США, так и Североатлантического альянса.

Германия осуществляла руководство Северным региональным командованием со штабом в Мазари-Шариф, при этом участвуя в поддержании контроля над провинциями Фарьяб, Джаузджан, Сари-Пул, Балх, Саманган, Тахар, Баглан, Кундуз и Бадахшан.

Особым вкладом немецкого контингента в успех антитеррористической коалиции являлось проведение разведки и рекогносцировки территории, обеспечение бесперебойности функционирования транспортных узлов, подготовка контингента силового блока Афганистана: армии, сил безопасности и полиции. Около 200 немецких офицеров обучали афганские силы национальной безопасности, а 60 экспертов тренировали полицию в рамках миссии Евросоюза.

Вместе с тем не была до конца просчитана вероятность затягивания антитеррористической операции, что вынудило германские власти активизировать усилия в области ее дипломатического обеспечения.

Новый федеральный канцлер А. Меркель выразила уверенность в том, что новые угрозы германской безопасности требуют более решительного применения военной силы за пределами страны, поэтому от имени правительства четко и однозначно констатировала готовность ФРГ к продолжению выполнения миссии в составе международных сил содействия безопасности. Численность военнослужащих бундесвера в Афганистане постепенно увеличивалась, достигнув к концу 2006 г. порядка 3 тыс. чел. В марте 2007 г. бундестаг одобрил отправку в Афганистан шести самолетов «Торнадо» для обеспечения разведки в районах боевых действий с талибами.

Однако новое федеральное правительство было вынуждено считаться с тем, что участие военных подразделений в миссии ISAF не находит, как ранее, существенной поддержки среди различных слоев германского общества. Интерес к деятельности бундесвера в Афганистане падал, причем многим становилось ясно: силовые способы урегулирования ситуации в значительной степени исчерпали себя.

В связи с этими обстоятельствами риторика первого лица федерального правительства отличалась умеренностью. 8 ноября 2006 г. Меркель заявила о невозможности достигнуть стабилизации в Афганистане исключительно силовым путем [1]. Только разумная комбинация военных и гражданских средств могла развернуть ситуацию в нужное для альянса русло.

Вскоре, на рижском саммите стран-членов Североатлантического альянса, проходившем 28–29 ноября 2006 г., была продемонстрирована незаинтересованность Германии в расширении географии размещения ее военнослужащих на территории Афганистана. Подразделения бундесвера располагались на севере этой страны, и федеральное правительство не считало целесообразным перебрасывать свои военные силы в более опасные южные районы.

Однако и на северных территориях подразделения бундесвера периодически подвергались атакам противника, о чем, например, свидетельствовали события, происшедшие в 2007 г. 15 апреля неизвестные обстреляли лагерь германских военнослужащих в г. Файзабаде, причем лишь по счастливой случайности никто не пострадал. 19 мая в Кундузе произошел теракт, во время которого трое военнослужащих бундесвера были убиты, двое ранены. Чуть позднее, 15 августа, при взрыве фугасной бомбы в нескольких километрах восточнее Кабула погибли трое полицейских из числа немецких военнослужащих [2].

Германские власти были вынуждены признать свои ограниченные возможности в обеспечении надежных гарантий безопасности собственного населения. Возникла реальная угроза совершения террористических актов на территории ФРГ пред-

ставителями радикальных исламистских группировок, что можно было рассматривать в качестве средства давления на позицию германских властей. Сложилось положение, когда интересы правящей элиты ФРГ вошли в определенное противоречие с потребностями большинства населения. Официальный Берлин рассчитывал на рост своего влияния в международном масштабе, видя в качестве инструмента продолжение участия в афганской операции. Напротив, жители Германии были встревожены сообщениями о возможных терактах, ставя на первый план личную и общественную безопасность.

Несмотря на неоднозначность ситуации, федеральное правительство ставило во главу угла государственные интересы, провозглашало верность союзническому долгу и не собиралось выводить подразделения бундесвера с афганской территории. Позицию правительства поддержал бундестаг, который в октябре 2007 г. после ожесточенных и продолжительных дебатов продлил еще на год миссию бундесвера в составе сил ISAF в Афганистане.

К началу 2008 г. ситуация в стране, особенно в южных и восточных провинциях, осложнилась, чему способствовала активизация деятельности талибов, приобретавших все новых сторонников среди местного населения. Среди участников миссии ISAF нарастал пессимизм в отношении успешного завершения афганской операции. Это обстоятельство подталкивало Североатлантический альянс к поиску новых эффективных путей более активного вовлечения ФРГ в антитеррористическую операцию. Формы такого вовлечения были разнообразными: от средств косвенного воздействия до прямого давления на позицию официального Берлина. При этом натовские структуры взяли на вооружение преимущественно первую группу методов, доказывая, что Германия обладает необходимыми политическими, военными и финансовыми ресурсами для увеличения своего контингента в Афганистане.

На конец января – начало февраля 2008 г. пришелся пик дипломатической активности альянса, направленной на расширение германского присутствия в Афганистане. 29 января 2008 г. в Берлин поступила просьба Североатлантического блока отправить силы быстрого реагирования для замены подразделения вооруженных сил Норвегии, выполнявших боевую задачу на севере Афганистана. Также было отмечено высокое качество работы немецких военнослужащих, чей опыт мог быть использован в других районах страны.

Внешнее давление на ФРГ оказал Вашингтон, стремившийся использовать интерес Берлина к укреплению трансатлантического партнерства. Администрация Дж. Буша-младшего до последнего момента придерживалась силовой модели урегулирования конфликта и выдвигала к Берлину требование выделить боевые подразделения и технику для борьбы с талибами и «Аль-Каидой» на юге Афганистане.

Нарастание давления на федеральное правительство со стороны американского партнера совпало с ростом антивоенных настроений жителей Германии. Если в ноябре 2007 г. за немедленный вывод подразделений бундесвера из Афганистана выступили 64% населения, то в феврале 2008 г. – 86% [3].

Окончательному повороту общественного мнения Германии в антивоенную сторону способствовал ряд факторов, среди которых выделялись финансовые расходы и людские потери. Присутствие подразделений бундесвера в Афганистане за период 2002–2007 гг. обошлось немецким налогоплательщикам в сумму 2,6 млрд. евро. Предполагалось, что с учетом расходов в 2008 г. она увеличится еще примерно на 487 млн. евро [4].

К тому же бундесвер нес потери в живой силе. По официальным данным, с момента получения миротворческого мандата до конца 2008 г. в Афганистане погибло 30 немецких военнослужащих.

Федеральное правительство попало в затруднительное положение, оказавшись фактически между двух огней. Учитывая общественное мнение своей страны, Берлин пытался с помощью дипломатических средств противостоять стремлению администрации США втянуть подразделения бундесвера в боевые действия на афганском юге.

Для этого первые лица германского государства стремились подчеркнуть, что Германия добросовестно выполняет свой долг в Афганистане и, будучи членом Североатлантического альянса, несет свою часть ответственности в рамках борьбы с международным терроризмом. Это находило отражение как в военной помощи альянсу, так и в существенном вкладе, который Германия вносила в социально-экономическое восстановление Афганистана.

Признавая свои ресурсы небеспредельными, Берлин предпочитал оставить местом дислокации подразделений бундесвера северные районы Афганистана, лишь соглашаясь на удвоение числа преподавателей, задействованных от Германии в рамках программы подготовки полицейских кадров.

Между тем федеральное правительство параллельно отрабатывало другой сценарий, согласно которому предполагало уступить требованиям Вашингтона и принять участие в боевых операциях против движения «Талибан» на юге Афганистана. Проект дополнялся подготовкой к увеличению численности немецкого воинского контингента на территории этой страны.

Вторым шагом к отступлению стала позиция германской делегации на саммите НАТО в Бухаресте (2–4 апреля 2008 г.). В повестку дня был по-

ставлен вопрос о военно-тыловом обеспечении операции альянса на афганской территории, который сопровождался дебатами по поводу рисков и обременений натовских стран в рамках миссии ISAF. От имени блока Германии было предложено расширить присутствие в Афганистане, с чем немецкая делегация согласилась [5].

Третий шаг оказался решающим, ибо 3 июня 2008 г. на север Афганистана был отправлен отряд сил быстрого реагирования бундесвера, заменивший норвежское подразделение. Призванный обеспечить защиту миротворческого контингента НАТО, этот отряд стал первым боевым подразделением бундесвера в Афганистане. Ранее функции немецкого контингента ограничивались исключительно участием в операциях по восстановлению мирной жизни в этой стране.

К осени 2008 г. по количеству военнослужащих, участвующих в военной кампании на территории Афганистана, бундесвер уверенно занимал третье место после группировок США и Великобритании, насчитывая 3,5 тыс. солдат и офицеров. В сентябре того же года федеральное правительство приняло решение о доведении численности своего контингента до 4,5 тыс. чел. и выделении дополнительных 30 млн. евро на восстановление инфраструктуры и экономики Афганистана.

В октябре 2008 г. бундестаг продлил мандат немецкой военной миссии в Афганистане, а также одобрил запланированное увеличение числа военнослужащих бундесвера, размещенных в этой стране. Решение сопровождалось дебатами, показавшими, что стратегия официального Берлина в Афганистане разделяется не всеми политическими силами. В частности, молодежное крыло Социал-демократической партии и «зеленые» потребовали вывода подразделений бундесвера с афганской территории. Правящим партиям в лице ХДС, ХСС и СДПГ становилось все труднее отстаивать официальную политику в отношении Афганистана, тем более что им приходилось учитывать фактор приближения выборов в бундестаг (сентябрь 2009 г.).

Главным козырем «большой коалиции» стали определенные успехи, достигнутые ISAF в рамках восстановления инфраструктуры Афганистана: со времени свержения талибов (конец 2001 г.) было построено 13 тыс. км новых дорог и 3,5 тыс. школ, подготовлено 30 тыс. учителей. 80% населения стали получать базовое медицинское обслуживание. В 32 тыс. деревнях был реализован ряд проектов в области развития [6].

Вместе с тем этих аргументов оказалось недостаточно. Германским властям не удалось поколебать антивоенную тенденцию в общественном мнении, доказательством чего явились результаты опроса, проведенного в декабре 2008 г. Лишь 5% немецких респондентов указали на то, что приоритетным направлением внешнеполитической деятельности ФРГ должна быть военная поддержка американских усилий в Афганистане [7].

Таким образом, попытка нового федерального правительства занять более жесткую позицию в афганском вопросе не нашла должного понимания в немецком обществе. Несмотря на предпринимаемые усилия, эффективность борьбы с терроризмом в Афганистане оказалась невысокой, а задачи, поставленные перед Североатлантическим альянсом в целом, и Германией в частности, не были решены.

Библиографический список

1. Europapolitische Grundsatzrede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik (DGAP) am 8. November 2006 in Berlin // Internationale Politik. – 2006. – №12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2006/dezember2006/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).

2. *Берг И.С.* Потери бундесвера в Афганистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/stat/2008/30-10-08.htm (дата обращения: 12.07.2011).

3. *Noetzel T.* Weniger Taschenkarten, mehr Wirkmittel // Internationale Politik. – 2008. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2008/märz2008/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).

4. *Платонов В.* Трудный выбор Берлина: за НАТО или за Германию? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vpk-news.ru/articles/3676 (дата обращения: 7.07.2011).

5. *Noetzel T.* Op. cit.

6. Rede von Auβenminister Frank-Walter Steinmeier auf der Münchner Sicherheitskonferenz, 6. Februar 2009 // Internationale Politik. – 2009. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2009/märz2009/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).

7. *Tempel S.* Einsatz Europa // Internationale Politik. – 2009. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang2009/januar 2009/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).

УДК 930.26+39

Кабатов Сергей Александрович
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kabatov74@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ (ДО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ)

Цель статьи – определение этапов и динамики освоения Костромского Поволжья, выявление этнической составляющей населения края в тот или иной период, установление причин и механизма проникновения на данную территорию первых потоков славянского населения, изменивших коренным образом этнокультурное содержание края.

Ключевые слова: *финно-угры, славяне, субстрат, дериват, язычество, христианство.*

Первые поселения на территории Костромского Поволжья мы наблюдаем с периода мезолита[1]. Всего известно 30 стоянок, основная часть которых сосредоточена в западных районах – вокруг г. Костромы, по р. Вёксе Галичской, у г. Солигалич. Группа стоянок находится в правобережье р. Вохмы, поблизости ее впадения в Ветлугу [1, с. 31, 39]. В период раннего неолита данную территорию осваивает население, по характеру керамики и ее ямочно-гребенчатой орнаментации, по составу и основным формам кремневых орудий которого можно говорить о ее принадлежности к льяловской культуре. Культуры с ямочно-гребенчатой керамикой связывают с древнейшим финно-угорским населением [14, с. 68]. Поздний неолит на территории Костромского Поволжья представлен так называемой галичской культурой, в конце периода появляются стоянки волосовской культуры, которую принято относить уже к энеолитической. Галичская культура принадлежала к племенам с гребенчатой керамикой, которые вообще считаются древним финно-угорским населением Восточной Европы [1, с. 59].

К памятникам эпохи энеолита или меднокаменного века в Костромском Поволжье относятся 8 памятников [1, с. 63, 68]. В лесной зоне Восточной Европы начало бронзового века принято связывать с появлением фатьяновской культуры, принадлежащей большой культурно-исторической общности, объединявшей население культур шнуровой керамики и боевых топоров. В перечне памятников Костромской области около 20 могильников этого времени [6, с. 59]. Начиная со второй половины II тыс. до н.э. в лесной зоне начинают возникать поселения с так называемой сетчатой или текстильной керамикой. На территории Костромского Поволжья памятников финальной бронзы известно более двадцати. Возникшая в позднем неолите в Костромском крае культура гребенчатой керамики продолжает традиции среднего неолита. Результатом явилось образование культуры ранней сетчатой керамики, сочетающей традиционные черты позднего неолита и фатьяновской культуры [1, с. 83].

В I тыс. до н.э. происходит дальнейшее выделение отдельных этнокультурных регионов. В ареале культуры сетчатой керамики выделяется локальная культура, располагавшаяся в Верхнем Поволжье, включая Костромское Заволжье, Волго-Окское междуречье, – дьяковская [13, с. 87–89].

В V–VII вв. в Поволжье складываются этнические общности известных в будущем финских народностей. О мордве и мери впервые упомянул в VI в. историк Иордан, описывая события времен готского вождя Германариха (IV в.). Есть основания полагать, что меря в эпоху Иордана жила южнее той области, в которой ее застала летопись, – где-то поблизости от мордвы [7, с. 19–22]. Для последующего времени археологические источники подтверждают географию расселения финноязычных народов Поволжья, отображенную в «Повести временных лет»: «На Белоозере седять весь, а на Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же. А на Оце реце, где втечет в Волгу мурома языкъ свой, мордва свой язык и черемиса свой язык» [9, с. 13]. Уточненные сведения последних лет позволяют значительно расширить территорию обитания мери. Эта территория охватывала большую часть Волго-Клязьминского междуречья и Костромское Поволжье [2, с. 69].

Возникшее во второй половине IX в. Древнерусское государство объединило в своих границах земли, занятые разноплеменным населением. Включение Костромского края в состав древнерусских территорий явилось составной частью общего славянского освоения новых земель, приобретшего с середины XI в. и особенно начала XII в. характер массового движения на Северо-Восток. Первые упоминания о Костромском крае, точнее о его городских центрах, относятся к началу XIII в. Появление редких городов ознаменовало изменение политического статуса региона. Одновременно с этим происходит сложение качественно новой системы сельского расселения, документированной распространением курганных могильников и связанных с ними поселений [12, с. 53].

В Костромском (и Ивановском) Поволжье выделяются три территориальных скопления курганных могильников, между которыми находятся зоны, лишенные средневековых могильников. Первая группа располагалась в западной части костромс-

© Кабатов С.А., 2012

кого течения р. Волги и условно названа Е.А. Рябининым Костромской или западной, – 150 курганных групп, включающих 1800 насыпей. Второе скопление (Колдомо-Сунжинская или Центральная группа) существовало ниже по Волге. Здесь насчитывалось 96 погребальных памятников, составляющих 1 тыс. курганных насыпей. Эту территориальную группу отделял от Костромской почти 30-километровый участок. Третье скопление (Кинешемская или восточная группа) отмечалось в окрестностях г. Кинешмы и насчитывало 21 курганную группу, включающую около 200 насыпей [12, с. 56–78].

Выделяются два пути освоения Костромского Поволжья русским сельским населением. В первую очередь, это выходцы из «низовских» земель, то есть из земель Ростово-Суздальского (Владимирского) княжества, в состав которого входит и Костромской край. Освоение проходило из бассейна р. Нерли Клязьминской и междуречья Нерли и Уводи. Верховья последней, в свою очередь, близко подходят к истокам р. Солоницы, которая впадает в костромской отрезок р. Волги. Первый путь был восстановлен по компактным группам могильников. Второй путь идет со стороны северо-западных русских земель с новгородско-псковских территорий. Появление новгородцев отмечено археологическими памятниками X–XIII вв., известными на левых притоках Волги: Медведице, Мологе, Шексне, Колпи, Суде. Лексическая зона, кроме археологического материала, отражающая появление новгородцев, охватывает течение р. Костромы и бассейны Галичского и Чухломских озер. Некоторые следы новгородского языкового влияния прослеживаются и на остальной части Костромского Поволжья, но лишь в отдельных элементах, при господстве лексики, сложившейся на основе ранних владимирских (ростово-суздальских) говоров [8, с. 90]. Преобладающие в западном регионе культуры костромских курганов – насыпей с каменными обкладками основания – могут быть связаны с традициями населения Северо-Запада. О проникновении в окрестности г. Костромы выходцев из Новгородской земли свидетельствует вещевой материал погребений. Именно здесь сконцентрирована подавляющая часть ромбощитковых височных колец «новгородского типа». Еще более отчетливо связи Костромского региона с северо-западом Руси доказывает представительная серия изделий прибалтийско-финского происхождения – вертикальные игольники, фибулы карельского типа и т.д. Судя по распространению курганов с каменными обкладками и характерных украшений, потомки новгородцев могли проникать и ниже по течению р. Волги. Характерные признаки новгородских бытовых предметов, с некоторыми территориальными отличиями, прослеживаются в материалах селища Вёжи, в слоях периода конца XIV–XVII вв. Завидное сходство присутствует в кожевенном и сапожном ремесле при изготовлении поршней, мягких туфель, полусапожек, сапог, кожевенных рукавиц [4, с. 70–84]. Сравнительный анализ техники строительства построек, как жилых, так и хозяйственных, дворовая застройка [3, с. 67–121] – все это делает возможным констатировать схожесть, а возможно, и преемственность с техникой домостроительства новгородских земель. Сопоставление вещественного комплекса, характера построек и др. с материалами новгородских исследований дает право предполагать, что Вёжи изначально могло быть основано как форпост русского населения в мерянских землях [5, с. 222–248].

Отдельные типы прибалтийско-финских по происхождению украшений довольно равномерно распределены во всех районах. Но это изделия, которые производились по привозным образцам. В результате их заимствования этнически смешанным населением они приобрели здесь «вторую жизнь», превратившись в элементы собственно костромской народной культуры. В большинстве погребений выходцев с Северо-Запада собственно новгородские типы изделий постоянно сочетаются с формами, характерными для финских племен Новгородской земли. Такая картина может свидетельствовать о продвижении в Поволжье не из коренных славянских земель Великого Новгорода, а с их окраин. Это могли быть северные и восточные территории, такие как летописный Бежецкий ряд и Обонежье. В колонизационных процессах участвовали и отдельные группы ижоры и корелы – предки современной ижорской и карельской народности [1, с. 173].

О духовных представлениях и верованиях населения Костромского Поволжья XI–XIII вв. повествует богатый курганный материал, в котором отразились как господствовавшие в то время языческие представления, так и начальное распространение в сельской среде элементов христианской религии. С уходящими в глубокую древность традициями связаны многие погребальные особенности костромских курганов. Это и являвшиеся явным пережитком уже в XI в. погребения по обряду сожжения, и не типичная для христианского ритуала направленность погребенного головой на север, юг или восток, а также захоронения в необычной позе. Не все такие обрядовые черты поддаются однозначному объяснению, но их дохристианские истоки не вызывают сомнений. То же относится и к обычаю захоронения умерших с орудиями труда, оружием, глиняной посудой с пищей. По представлению современников, умерший в потусторонней жизни нуждался в вещах, которыми он пользовался в повседневном быту.

Христианская религия медленно распространялась среди сельских обитателей северо-востока

Руси. Так, на протяжении всего XI в. даже в ближайших окрестностях столицы Северо-Восточной Руси – Ростова, где находился центр епархии, обитали язычники, «упорные и дикие». К язычеству здесь особенно была привержена «заблудшая чудь», от рук которой погиб ростовский епископ Леонтий. Его приемник Исайя и живший в то же время архимандрит Авраамий Ростовский в последней четверти XI столетия вынуждены были насильно обращать жителей Ростова в христианство, предавая огню их молитвенные места и строя церкви. Пример таких действий в описании построения церкви св. Власия в «Сказании о построении града Ярославля».

Проникновение христианской идеологии в финно-язычную среду населения Костромского Поволжья на данном этапе фиксируют археологические источники. Так, в кургане у д. Исаево встречено погребение ребенка, на шее которого находился крестик, слева, у пояса – нож. В кургане второй группы д. Боровиково в колоде был захоронен взрослый мужчина с нательным крестом на шерстяном шнурке и бронзовым перстнем на руке. Такое самостоятельное использование религиозных символов свидетельствует о том, что под искусственными насыпями погребены христиане. Примечательно, что ребенок был положен головой на восток, а мужчина – на север. Скорее всего, в этом случае мы сталкиваемся с фактом первого этапа христианизации населения, когда отдельные представители сельской общины воспринимают идеи новой религии, но хоронят их сородичи, стойко сохраняющие старые языческие традиции [12, с. 124]. Не известно, как бы в дальнейшем стал протекать эволюционный процесс культуры Костромских курганов, не будь он резко и неожиданно прерван в результате какого-то сильного потрясения, изменившего весь уклад жизни средневековых обитателей края. Подобным событием многие исследователи склонны усматривать монголо-татарское нашествие 1238 года, в ходе которого завоеватели «полонили все грады на Волге», дойдя до Галича Мерьского. На пути их следования оказалось большинство селений с курганными кладбищами, тяготевшими к берегам Волги[2]. «Страшный монголо-татарский погром, уничтожение деревень и передвижка населения способствовали разрушению старых традиций, замене их новыми. Была полностью разбита еще сохраняющаяся замкнутость “чудских” региональных мирков с их системой консервативных – языческих верований» [12, с. 125]. «Русская деревня стала христианизироваться только после татарского нашествия» [10, с. 31].

Примечания

[1] Памятники эпохи палеолита на территории современной Костромской области на сегодняшний день не известны. Дело в том, что здесь в течение максимума валдайского оледенения (18–17 тыс. лет назад) существовало Костромское озеро с уровнем 140–145 м над уровнем моря и со стоком в Волгу. Подобное должно было препятствовать расселению палеолитического человека. Остатки стоянок, если таковые существовали, могут быть найдены по берегам палеоозера, исчезнувшего после прорыва у спуска в Волгу (12,8–11,8 тыс. лет назад). Остатками Костромского палеоозера являются Чухломское, Галичское и ряд других озер Костромской низины.

[2] Последствия монголо-татарских погромов, на наш взгляд, довольно убедительно отображены в данных количественного соотношения сельских поселений Костромской земли в дозолото- и золотоордынский период, а также на примере соотношения, выделенных нами четырех микрорегионов. Об этом свидетельствует и картографирование селищ, фиксирующее в период XIII–XV вв. их резкое удаление от крупных водных артерий.

Библиографический список

1. Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева. – Кострома, 1997. –276 с.

2. *Голубева Л.А.* Меря. Мурома. Мещера. Мордва. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. – М., 1987. – С. 107–115.

3. *Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): Дис. … канд. истор. наук. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. – 329 с.

4. *Кабатов С.А.* Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. – Кострома, 2006. – Вып. 2. – С. 70–84.

5. *Кабатов С.А.* Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М.: РАН Институт археологии, 2010. – Вып. 7. – С. 222–248.

6. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – М., 1987. – С. 10–28.

7. *Леонтьев Е.А.* Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). – М., 1996. – 272 с.

8. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII вв. – Ярославль, 1974.

9. Повесть временных лет: текст и перевод. – М.; Л., 1950. – Ч. 1.

10. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М.: София, Гелиос, 2002. – Изд. второе, испр. – 592 с.

11. *Рыбаков Б.А.* О двух культах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории пер-

вобытного общества, рабовладения и феодализма. – М., 1970. – С. 28.

12. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. –318 с.

13. *Смирнов К.А.* Проблема периодизации памятников Городецкой и дьяковской культур // СА. – 1994. – №4. – С. 8–97.

14. *Янис Л.Ю.* К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. – Таллин, 1956.

УДК 008 94 (470)

Киселёв Сергей Анатольевич
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены исторические этапы развития казачьих войск на службе государства в XVII–XX в.; сделаны выводы о необходимости изучения предпосылок появления и организации казачества в различные периоды его истории для эффективного решения вопросов, появившихся в процессе его возрождения.

Ключевые слова: *казаки, государство, этапы развития.*

Всю историю существования казачества условно можно разделить на два периода:

– вольные казачьи формирования – от момента возникновения до момента официального вхождения в состав Русского царства;

– казачьи войска на службе государства – от момента принесения присяги до наших дней.

По вопросу возникновения казачества единого мнения до сих пор не сформировано, однако существует довольно много исследований, посвященных этой теме [1–10]. Приводятся различные гипотезы, но все авторы сходятся на том, что до середины XVII века все казачьи войска были вольными военными формированиями, которые контактировали с окружающими государствами исходя из собственных интересов. Однако под влиянием политических факторов к концу XVII века практически все вольные войска принесли присягу Московскому государству (см. рис. 1). Такое изменение ситуации не могло не отразиться на дальнейшем развитии казачества, поэтому рассмотрим основные исторические этапы развития казачьих войск на службе государства.

Отношения казачества с государством всегда были неровные и своеобразные. Государство стремилось усилить и упрочить свою власть над казачьими формированиям, войска в свою очередь старались сохранить имевшиеся вольности, а также приобрести новые. Казацкая старшина часто враждовала между собой в борьбе за ту или иную власть, должности, используя для этого взаимные обвинения и прибегая к репрессивному аппарату государства. Нередки были и реальные злоупотребления своими полномочиями. Казаки часто выступали против центральной власти (примечательна их роль в русской Смуте, в восстаниях Разина, Булавина, Пугачёва, возникших по причине постоянного урезания государством прав и свобод казачества, нарушения устоев и традиций).

В результате давления со стороны государства к концу царствования Петра Великого вслед за донскими и яицкими казаками в ведомство военной коллегии перешли и остальные казачьи общины. Внутреннее их устройство было преобразовано, введена иерархия правительственных властей. Подчинив своей власти казаков, правительство использовало их для колонизации вновь завоёванных земель и охраны государственных границ, преимущественно южной и восточной.

В 1775 г. Запорожская Сечь была разрушена, а Запорожское войско расформировано Екатериной II, и к концу XVIII – началу XIX в. казачество из независимых войск, поступавших на службу государства, превратилось в кадровые войсковые подразделения, имевшие свои земельные территории.

До 80-х годов XVIII века казаки были не только лично свободными, но и освобожденными от государственных налогов. Крестьяне же и посадские люди несли денежные и натуральные государственные повинности.

При ликвидации Запорожского казачества и переселении его на Кубань менялось и социальное положение оставшихся казаков. Правительство упразднило в 1782 году административное деление на полки и сотни, заменив их наместничествами, губерниями и уездами.

Указом 1783 года о преобразовании левобережных казачьих полков в регулярные части русской армии местных казаков низвели до положения солдат. Они лишились казацких прав и привилегий, хотя по-прежнему назывались казаками.

В 1785 г., согласно грамоте Екатерины II, вся казачья старшина была уравнена в правах с дворянами России.

© Киселёв С.А., 2012

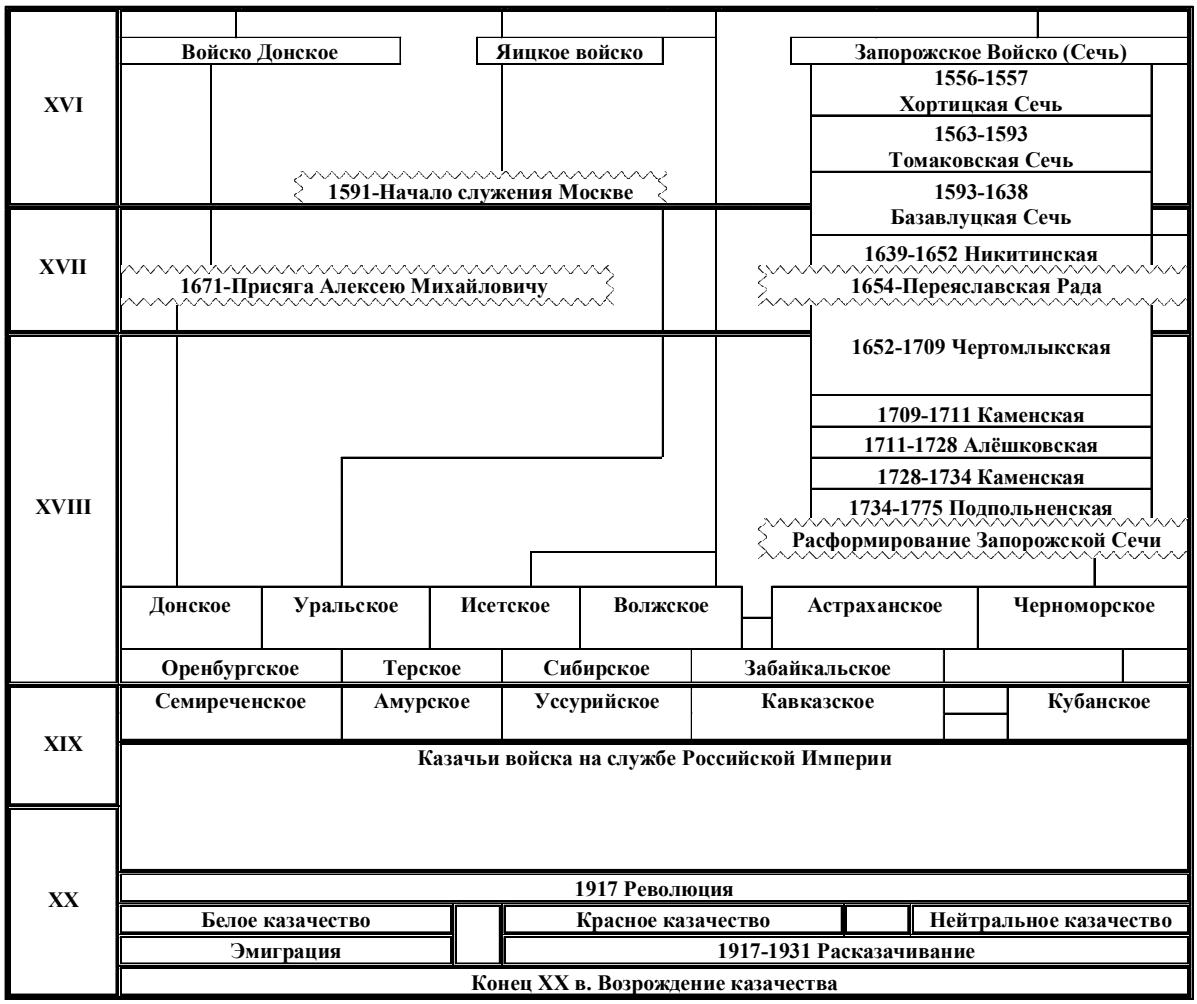


Рис. 1. Этапы развития казачьих сообществ

После отмены полкового деления казачье сословие продолжало жить по своим традициям. Но часть его разными путями снова «попала» в крестьянство и мещанство. Однако до Гражданской войны 1918–1921 гг. во многих селах встречалось упоминание о деятельности двух самоуправляющихся обществ: крестьянского и казачьего. В каждом имелись свои староста, полиция, суд и управление.

В 1798 по указу Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским, а их обладатели получили права на дворянство. Продолжил реформы отца Александр I. В 1801 году выходит указ о военной форме, распространявшийся в том числе и на казаков. Внешним видом войск реформы Александра не ограничились. Коллегии были в 1802 г. преобразованы в министерства, и казачьи войска стали подчиняться военному министерству.

С 1811 года особым царским указом было запрещено выходить из казачества и записываться в казаки.

С 1827 августейшим атаманом всех казачьих войск стал назначаться наследник престола.

За обязанность нести военную службу государство наделяло казаков землей, и за казачьими войсками были закреплены земли в больших размерах. За войсками Донским и Уральским были закреплены те земли, которые были заняты ими самими, другие казачьи войска получили земли по распоряжению правительства при своем образовании.

В 1832 году при Николае Первом был издан указ, согласно которому казаки объявлялись особым сословием, а земли, унаследованные от предков, – навечно казачьими. При обзаведении хозяйством казаки имели преимущества перед казенными и помещичьими крестьянами: могли содержать постоялые дворы, шинки, торговать вином, пивом, медом, передавать это право в аренду. Но после освобождения крестьян в 1861 г. казаков вновь причислили к разряду сельских обывателей наряду с крестьянами.

Крестьяне казацкого сословия числились таковыми вплоть до отмены сословий после Февральской революции в 1917 г. и окончательной отмены сословного деления по всей стране Декретом Советского правительства от 23 ноября 1917 г., после Октябрьской революции.

Гибель Российской империи, феодального общества привела к ликвидации всех сословий, в том

числе и казачества как сословия. Во время Гражданской войны казачество, как и многие другие бывшие сословия, сражалось по обе стороны фронта в братоубийственной войне.

Отношение пришедших к власти большевиков к казачеству было двойственным, и это было обусловлено реальными причинами. С одной стороны, оно было негативным, поскольку казаки, являясь профессиональными военными, не так давно «верой и правдой» служили российской монархии, не только защищая государство от внешних врагов, но и участвуя в подавлении беспорядков и выступлений рабочих, разгоняя демонстрации и конвоируя осужденных по этапам. К тому же казачество имело в собственности землю и привилегии, что не соответствовало определению эксплуатируемых, то есть тех, от чьего имени большевики проводили свою политику. Но, с другой стороны, большевики, понимая, что казачество является хорошо организованной и вооружённой силой, хотели привлечь казаков на свою сторону, либо, как минимум, на начальном этапе быть с ними в нейтральных отношениях. В таком же неопределённом состоянии находилось и казачество. Первые декреты большевиков склонили основную их массу на сторону Советов [11] – после длительной войны они смогли вернуться в свои станицы и земля рядовых казаков, согласно Декрету о земле, осталась не тронута. Казаки изначально не были настроены бороться против советской власти, как вследствие усталости от войны и нежелания борьбы в какой бы то ни было форме, так и по причине сильнейшей агитации большевиков, угрожавших кровавой расправой за сопротивление и обещавших не касаться внутреннего казачьего уклада, имущества и земель в случае непротивления [12], и не вмешивались в военные действия между красными и белыми.

В результате, общая масса казачества послереволюционной России разделилась на три части. Большинство казаков верило советской агитации и надеялось, что большевики их не тронут. Другая часть казачества поддержала большевиков и служила в Красной армии. Во время Гражданской войны часть казаков выступили против советской власти. Казачьи области стали опорой Белого движения. Крупнейшими антибольшевистскими вооружёнными формированиями казаков были Донская армия на юге России, Оренбургская и Уральская армии – на востоке.

Поддержка казаками Белого движения явилась одним из факторов, позволившим большевикам начать проведение политики «расказачивания» – массового террора и репрессий против казачества как социальной и культурной общности, сословия Российского государства [13]. Политика расказачивания заключалась в массовых расстрелах, взятии заложников, сожжении станиц, натравливании иногородних на казаков [13]. Политика расказачивания была начата большевиками с принятием 11 (24) ноября 1917 г. декрета ВЦИК СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и постановления СНК от 9 (22) декабря 1917 г. Началась ликвидация сословных перегородок и повинностей казаков, постепенно превратившаяся в истребление казаков [13]. Довольно часто это связывают также с директивой Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. [13]. В процессе расказачивания проводились также реквизиция домашнего скота и сельскохозяйственных продуктов, переселение иногородней бедноты на земли, ранее принадлежавшие казачеству, в сочетании с действиями по формальной ликвидации казачества [13].

В результате системы мер в экономической и общественно-политической сферах казачество перестало существовать как социально-экономическая группа. Культурно-этнические устои были расшатаны.

Лишь в 1936 году советской властью в ходе подготовки к войне были сняты ограничения на службу казачества в отрядах РККА. В соответствии с приказом Наркома обороны К.Е. Ворошилова № 67 от 23 апреля 1936 г. некоторые кавалерийские дивизии получили статус казачьих. На Дону и Кубани были сформированы некоторые казачьи дивизии. Специальным актом было восстановлено ношение ранее запрещенной казачьей формы. В 1936 г. была утверждена парадная форма для казачьих частей. В этой форме и шли казаки на Параде Победы 24 июня 1945 г. Первый парад в составе РККА с участием казачьих частей должен был пройти 1 Мая 1936 г. Однако в силу разных причин участие в военном параде казаков было отменено. Лишь 1 мая 1937 г. казачьи подразделения в составе РККА прошли военным парадом по Красной площади.

С началом Великой Отечественной войны казачьи части, как регулярные, в составе Красной армии, так и добровольческие, приняли активное участие в боевых действия против немецко-фашистских захватчиков.

В большинстве случаев вновь сформированные казачьи части, добровольческие казачьи сотни были плохо вооружены, в отряды, как правило, приходили казаки с холодным оружием и колхозными лошадями. Артиллерия, танки, противотанковые и зенитные средства, подразделения связи и саперов в отрядах, как правило, отсутствовали, в связи с чем отряды несли огромные потери. Также большое количество казаков вливалось добровольцами в национальные части Северного Кавказа. Такие части создавались осенью 1941 г. по примеру опыта Первой мировой войны.

С 1943 года происходило объединение казачьих кавалерийских дивизий и танковых частей,

в связи с чем образовывались конно-механизированные группы. Лошади использовались в большей степени для организации быстрого перемещения, в бою казаки были задействованы в качестве пехоты. Из кубанских и терских казаков также были сформированы пластунские дивизии.

Кроме казачьих частей, воссозданных при Сталине, было множество казаков среди известных людей во время ВОВ, которые воевали не в «фирменных» казачьих кавалерийских или пластунских частях, а во всей советской армии или отличились в военном производстве.

В послевоенном СССР казачья жизнь ещё некоторое время олицетворялась с теми кавалерийскими казачьими соединениями, которые создавались в преддверии Великой Отечественной войны и продолжали существовать до конца 40-х – начала 50-х годов, когда в ходе перевооружения и сокращения армии практически все кавалерийские части были расформированы. Память о легендарных кавалерийских полках ещё долго была жива, но из системы советской армии казачьи соединения, и связанные с ними традиции, оказался вычеркнутым.

Масштабное осуществление террористической политики расказачивания в годы Гражданской войны и реализация курса на скрытое расказачивание в последующие периоды советской истории привели к очень большим негативным изменениям во всех областях жизни казачества, серьезно сказались на трансформации его самосознания, менталитета, основополагающих мировоззренческих принципов, традиционных морально-нравственных представлений, культурно-бытовых особенностей и хозяйственного уклада. Развитию казачества как субэтнической этносоциальной общности был нанесен страшный, во многом невосполнимый урон. Серьезнейшие отрицательные последствия самым непосредственным образом сказались на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества. А это привело к утрате многих базовых понятий, принципов, структур и явлений, определявших его сущностное содержание. И как следствие всего этого – изменение самой сущности, внутреннего и внешнего облика казачества как уникального явления этнической и социальной российской и мировой истории.

Тем не менее механизм культурной ассимиляции, заложенный советской системой, не смог уничтожить казачьей самобытности. Казачьи воинские части 30-х – 50-х годов, творческая интеллигенция в СССР и за рубежом не дали казачьему имени стать только достоянием истории и способствовали появлению возможности возрождения казачества.

С конца 80-х – начала 90-х годов XX в. в России начался процесс возрождения казачества, и, естественно, появилось множество организационных и идеологических проблем. Однако, поскольку для большинства современных общественных организаций ориентиром является традиционное казачество прошлых веков, вопрос изучения культурных, бытовых, военных традиций войсковых, территориальных казачьих формирований становится еще более актуальным.

Библиографический список

1. *Шамбаров В.Е.* Казачество: История вольной Руси. – М.: Алгоритм, 2007. – 688 с.

2. *Быкадоров И.Ф.* История казачества. – Прага: Библиотека вольного казачества – вильного казацтва, 1930. – 177 с.

3. *Гумилёв Л.Н.* Древния Русь и Великая Степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.

4. *Савельев Е.П.* Історія Дона и Донского казачества: Старые донские дороги Евграфа Савельева. 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://passion-don.org/historydon.html (дата обращения 15.11.2011).

5. *Татищев В.Н.* История Российская. – М.; Л.: Академия Наук СССР, 1963.– Т. II.

6. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М., 2000. – Т. 5.

7. *Литвин В.М.* История Украины. – Киев, 2006.

8. *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. – М.: Вече, 2010. – 480 с.

9. *Яворницкий Д.І.* Історія запорозьких козаків: у 3 т. – Киев: Наук. Думка, 1991. – Т. 3. – 560 с.

10. *Козлов А.* Трагедия Донского казачества в XX веке // История Донского края. – 2000. – № 1(31).

11. *Голуб П.А.* Правда и ложь о «расказачивании» казаков. – М.: Центральный консультативный совет при ЦК КПРФ, 2009. – 143 с.

12. *Магнер Г.* «Расказачивание» в системе массовых репрессий: Нефтекумский казак. 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kazak.neftekumsk.ru/history/77-raskazachivanie.html (дата обращения 15.11.2011).

13. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923: энциклопедия: В 4 т. / под ред. С.А. Кондратьева. – М.: Терра, 2008.

УДК 396.5 Р 4 (Р 5): 361.7 (09)

Репина Наталья Владимировна
Костромской государственный технологический университет
jun1709@yandex.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

XIX век – «золотой век» русской благотворительности. Большую роль в развитии филантропической деятельности сыграло купечество, усилиями которого была создана самая обширная и надежная система благотворительности, когда-либо существовавшая в России.

Ключевые слова: *благотворительность, купечество, меценаты, попечительство, пожертвования.*

Как система благотворительность начала складываться в рамках государственной деятельности. В последней четверти XVIII века она осознавалась правительством как компонент политики «просвещенного абсолютизма». И именно в провинции «помощь сирым и убогим» развивалась по всем направлениям.

Религиозная мораль, идея свободы, взаимного уважения и солидарности становились нормой добродетельной жизни. «Благотворительность, – писал В.О. Ключевский, – была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием нравственного личного здоровья» [6, с. 78].

XIX и первая половина XX веков – наиболее яркий период в развитии благотворительности. На этом этапе благотворительность стала приобретать характер частных и общественных добровольных пожертвований. Одновременно изменилась политика государства по отношению к неимущим. Это произошло не только оттого, что репрессиями уже не удавалось удержать низшие слои населения в спокойном состоянии, но и в связи с ускоренным внедрением в общественное сознание гуманистических идей, порожденных эпохой Просвещения, в частности, таких, как природное равенство людей, пробуждение достоинства личности и искоренение грубости нравов через распространение образования и правильного воспитания.

Вклад русских купцов в отечественную науку и образование весьма весом. Собственно, в этой сфере у них был свой интерес: ведь без квалифицированных рабочих, инженеров, строителей невозможно развивать производство. Поэтому именно на купеческие деньги строятся ремесленные и коммерческие училища, институты, организуются курсы для рабочих (например, знаменитые Пречистенские курсы в Москве). Но купцы также финансировали учебные заведения, напрямую не связанные с их промышленной деятельностью: гимназии, университеты, художественные училища, консерватории. В 1908 году в Москве был учрежден Народный университет на средства, завещанные для этой цели золотопромышленником А.Л. Шанявским. Огромный медицинский комплекс на Пироговской, принадлежащий ныне Первому медицинскому институту, создан в основном на частные пожертвования.

Меценатская деятельность проявлялась не только в столицах. Меценатство как социокультурное явление было характерно и для провинциального купечества.

В истории благотворительности Костромской губернии можно выделить целые семьи благотворителей. Особенно часто это явление имело место в купеческих семьях. Зачастую почетные члены обществ и попечители приютов, школ и больниц становились городскими головами и почетными гражданами своего родного города. С их мнением начинали считаться, их дети становились завидными партиями в браке. Постепенно под влиянием ряда факторов изменялся статус российского купечества.

Частная благотворительность в пределах Костромской губернии являлась делом традиционным, имела глубокие корни, ею были охвачены все слои населения. Наряду с церковной, земской и казенной помощью нуждавшимся она всегда органично находила себе место.

В благотворительной деятельности костромскому купечеству принадлежала далеко не последняя роль. Основная масса купцов «не за страх, а за совесть» несла благотворительные расходы. Не было благотворительного налога в государстве, но была традиция, действовавшая строже закона. Купец, пожадничавший на благое дело, навсегда умирал в общественном сознании, дорого обходилась ему не отданная бедным копеечка. Не последнюю роль играло и соблюдение престижа «фирмы». В Костромской губернии известна была своей благотворительностью семья Чумаковых. Купец I гильдии Михаил Николаевич Чумаков был награжден орденом Станислава III степени. Состоя с 1871 г. церковным старостой и с 1877 г. заведуя детским приютом, на пользу церкви и на обеспечение приюта он израсходовал из собственных средств до 69 тысяч рублей [5, с. 38–39].

Масштабы губернии конца XIX в. превосходили размеры Костромской области. Ярким примером благотворительности среди промышленников

 © Репина Н.В., 2012

в Нерехтском уезде можно считать Товарищество мануфактур, основанных плесским купцом Иваном Ивановичем Скворцовым. Первая фабрика, устроенная Иваном Ивановичем, находилась в селе Середа Нерехтского уезда, далее дело Скворцовых значительно расширилось, но в 1892 г. Иван Иванович скончался, оставив производство в наследство дочери Матрене Ивановне Павловой. Крупное пожертвование Матреной Ивановной было сделано в Московский университет на устройство здания и библиотеки имени отца, а также она сочла необходимым построить для детей рабочих и служащих фабрики народное училище, израсходовав на его устройство 35 тыс. рублей.

Не оставалось без внимания народное здравоохранение и образование. Середская фабричная больница была выстроена в 1873 г. В 1895 г. там же открылось одноклассное училище, которое в 1897 г. было преобразовано в двухклассное. Оно помещалось в отдельном двухэтажном здании, имело библиотеку с учительским и ученическим отделами, квартиру для учителя, просторный зал для народных чтений. С 1907 г. в селе Середа открылись вечерние курсы для взрослых рабочих. В вечернее и свободное от работы время занятия проводились по однолетнему курсу с рабочими в возрасте от 15 до 50 лет. В селе Писцово тоже многое было сделано для жизни рабочих. Там имелась аналогичная фабричная больница. С 1875 г. открылось мужское, а с 1894 г. женское одноклассные училища. Первое с 1907 г. располагало собственным просторным зданием. При фабрике имелась библиотека-читальня, в ее состав в 1912 г. входило 157 книг духовного содержания, 1147 – по литературе, 173 – по истории, 78 – по географии, 94 – по естествознанию, 84 – по прикладным знаниям, 34 – по экономике и более 60 современных журналов. Всего же в библиотеке насчитывалось 1827 томов [1, с. 22].

Среди знаменитых уроженцев и деятелей земли Ивановской нельзя не назвать купцов Ясюнинских из Кохмы. Не менее половины зданий г. Кохмы, занесенных в Свод памятников истории и культуры, связаны с этой славной фамилией. Ивановских фабрикантов часто связывали не только деловые, но и родственные отношения. Кохомские купцы Ясюнинские состояли в родстве с семействами Киселевых, Полушиных, Борисовых, Гарелиных.

Активно проявил себя Николай Арсеньевич и на ниве народного просвещения. Первым его опытом в данном направлении можно считать организацию и устройство в с. Кохма женского училища. Благодаря хлопотам Николая Арсеньевича, 26 февраля 1886 г. училище было открыто сначала в наемном помещении, а в 1887 г. переехало в каменное двухэтажое здание, выстроенное на земле и на средства как крестьян, так и Ясюнинских. С самого первого дня существования училища и на протяжении долгих лет его попечительницей была жена Николая Арсеньевича Мария Николаевна, которая не жалела ни средств, ни времени на его обустройство.

В 1888 г. умирает отец Н.А. Ясюнинского Арсений Васильевич, являвшийся почетным блюстителем кохомского мужского двухклассного училища. Старший сын не только берет на себя заботу об училище, но и затевает строительство нового здания для школы. Позаботился он и о доме для учителей, о необходимых надворных постройках. В 1890-е годы Н.А. Ясюнинский являлся членом общества вспомоществования нуждающимся ученикам Шуйского Духовного училища (в 1894 г. им было пожертвовано 60 рублей).

30 сентября 1901 г. открывается Иваново-Вознесенская Торговая школа. Членом Попечительского Совета, а затем и председателем Совета утверждается Н.А. Ясюнинский. Повторно его переизбирают в 1906 и 1910-х годах. Его забота о низших и средних учебных заведениях была оценена по достоинству. По представлению начальства московского Учебного округа распоряжением Министра народного просвещения от 6 декабря 1905 года Н.А. Ясюнинскому был всемилостивейше пожалован орден св. Станислава 2-й степени.

В 1912 году Н.А. Ясюнинский продолжает решать различные важные вопросы: занимается содержанием, ремонтом и постройкой колодцев в селениях Шуйского уезда по течению реки Уводи, ниже г. Иваново-Вознесенска, хлопочет о преобразовании городского четырехклассного училища в с. Кохме (бывшее мужское двухклассное) в Высшее начальное училище. 2 сентября 1912 г. принимает участие в чествовании столетнего юбилея Товарищества мануфактур И.В. Коновалова с сыном в Москве, 10 сентября избирается председателем на особом Совещании при Совете съездов о сточных водах фабрик и заводов в России [8, с. 82–87].

Почти все меценаты и коллекционеры конца прошлого – начала нынешнего века были купцами-старообрядцами. И Щукин, и Морозов, и Рябушинский, и Третьяков. Ведь старообрядческий мир традиционен, глубоко связан с истинной культурой – они из века в век научились спасать и сохранять свое духовное наследие, это было заложено в семейных генах.

История костромской частной благотворительности изобилует примерами многолетней семейной благотворительной практики и традициями преемственности в деле попечения бедных.

Семья купцов Юдиных из города Чухломы прославила себя долговременной службой на благо родному городу. Иван Иванович Юдин был потомственным почетным гражданином, с 1860 по 1902 гг. служил городским головой и удостоился звания почетного гражданина г. Чухломы [7, с. 21].

По ходатайству И.И. Юдина в Чухломе открылись женское городское училище, богадельня, общественный банк; были благоустроены улицы, разбиты бульвары, налажено уличное освещение. Учитывая тот факт, что подобные Чухломе уездные города находились в плачевном состоянии, многие здания требовали ремонта и реконструкции, благотворительность в градостроительстве являлась наиполезнейшим шагом на пути сохранения лица города, поддержания удобства для его обитателей.

Геннадий Васильевич Юдин, двоюродный брат И.И. Юдина, коллекционер редких рукописей, собиратель библиографической литературы, владелец богатейшей библиотеки в десять тысяч томов, будучи купцом, одновременно издавал журналы и книги. Хорошо образованный, Г.В. Юдин понимал, насколько богата и интересна история Костромского края, и поэтому пожертвовал средства на строительство здания Романовского музея (ныне музей изобразительных искусств в г. Костроме). Примечательно, что ни до этого, ни после 1917 г. в городе не предпринималось строительство специального здания для музея.

Судиславский купец, предприниматель Иван Петрович Третьяков – известная личность в Костромском крае. Миллионер, фабрикант, сын крепостного крестьянина, И.П. Третьяков родился в 1840 г. в селе Жвалово близ г. Судиславля Костромского уезда. Отец Ивана, Петр Федорович Третьяков, вольноотпущенный крестьянин помещика Елагина, в 1845 г. на 500 рублей серебром устроил деревянный кожевенный завод. И уже через год был в числе лучших граждан города. С детства приучая сына к предпринимательству, постепенно отец передал ему все дела.

В 21 год Иван Третьяков, использовав капитал отца, входит в судиславский купеческий мир. Талантливый от природы, И.П. Третьяков сумел вложить свой капитал так, что к 1882 г. в окрестностях Судиславля стояло 40 химических заводов (против одного в 1860 г.) [9, с. 30]. Эти предприятия обслуживали текстильную промышленность от Костромы до Кинешмы. И.П. Третьяков брался за все: в его ведении находились мельницы, фабрики, транспорт, торговля, земля. Он скупал у разорившихся помещиков имения (несколько десятков тысяч), а потом сдавал в аренду другим купцам, а те в свою очередь привозили ему свою овощную продукцию на винокуренные заводы.

Нельзя не отметить его попечительской деятельности. Несмотря на то что И.П. Третьяков не жил постоянно в главном городе губернии, он являлся добросовестным попечителем Мариинского детского приюта в Костроме [3]. Ежегодно им вносились не только членские взносы, но и средства на нужды приюта.

Попечительство учебных заведений – не менее значимая часть благотворительной деятельности И.П. Третьякова. Десятки «третьяковых» делали порой для того или иного учебного заведения гораздо больше, чем это могло сделать государство.

Так, в ноябре 1860 г. в Шуе было открыто женское училище второго разряда. Меценатами в этом благородном деле выступили шуйские купцы А.А. Пошлин и П.А. Борисов, а также купчихи А.И. Попова и А.В. Горелина. В 1871 г. при помощи купечества была открыта мужская прогимназия (неполная гимназия). Она считалась классической, и согласно уставу гимназий выпускникам классических гимназий предоставлялось монопольное право поступления в университеты Российской империи.

В первой половине XIX века энтузиасты стали создавать благотворительные организации для сирот и беспризорников. Наибольшую известность получили те из них, что относились к Ведомству учреждений императрицы Марии. Императрица Мария Федоровна после смерти Екатерины II приняла на себя попечительство над воспитательными домами. Она сумела привлечь на свою сторону многих состоятельных людей. С годами Ведомство императрицы превратилось в крупную организацию; в 1856 г. в ней было 365 учебных благотворительных заведений, а в воспитательных домах и приютах насчитывалось свыше 60 тыс. детей [4, с. 20].

Состоявшийся в марте 1910 г. первый Всероссийский съезд деятелей по призрению отметил наличие в стране 4 762 благотворительных обществ и 6 278 благотворительных заведений [2, с. 25].

В условиях становления новых общественных отношений и распада прежней сословной структуры общества благотворительность становилась формой нравственной и гражданской самореализации, позволяла ощущать единство с нуждами народа, была для многих состоятельных людей формой общественного служения.

Библиографический список

1. *Бердова О.В.* Из опыта частного благотворения в Костромской губернии // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX в. – Ч. 2. – Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2001.

2. *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. – М., 1992.

3. ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–2.

4. *Жукова Л.А.* По заветам Марфы и Марии // Родина. – 1996. – № 3.

5. *Кивокурцева О.* Попечители // Губернский дом. – 1995. – № 5.

6. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М, 1998.

7. Купцы Юдины из Чухломы // Костромская старина. – 1994. – № 6.

8. *Павлова Т.В.* Благотворители // Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1991. – № 1.

9. *Смирнов Ю.* Торговое дело купцов Третьяковых // Губернский дом. – 1994. – №1.

УДК 008–058.232.6«18–19»

Смурова Ольга Вениаминовна
доктор исторических наук
Костромской государственный технологический университет
olga-smurova@mail.ru

СПРАВОЧНЫЕ КНИГИ О ЛИЦАХ, ВЫБИРАВШИХ КУПЕЧЕСКИЕ И ПРОМЫСЛОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА, КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОТХОДА КОСТРОМИЧЕЙ НА ЗАРАБОТКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД)

Статья преследует цель показать информативные возможности такого источника, как справочные книги о лицах, выбиравших купеческие и промысловые свидетельства в столице. Исторические аспекты отходничества актуальны сегодня в связи с его реанимацией.

Ключевые слова: *отходничество, промысловые свидетельства, торговля, промысловая деятельность, Санкт-Петербург.*

Справочные книги о лицах, получивших купеческое и промысловое свидетельство, – незаменимый источник по выявлению персоналий, круга наиболее удачливых крестьян в сфере торговли и промысловой деятельности. Крестьянин, отправлявшийся по торговым и промысловым делам в город, должен был взять свидетельство либо купеческое (1 и 2 гильдий), либо промысловое. Купеческие свидетельства делились на два разряда. Свидетельство 1 гильдии давало право ведения оптового торга, 2-й – розничного торга. Промысловые свидетельства выдавались на мелочный, развозной и разносный торг, на мещанские промыслы и торговым приказчикам [2, т. 1, с. 89–91]. Сведения об этом фиксировались в специальных книгах. По Санкт-Петербургу сохранились книги 1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 гг. По Москве – 1869–1875, 1877–1917 гг. [4].

Однако московские и петербургские книги отличались по информативности. Если по книгам Санкт-Петербурга мы можем узнать уезд и губернию выхода крестьянина, его возраст, как давно он выбирал промысловое или купеческое свидетельство в столице, род занятий, место работы и проживания, то книги Москвы предоставляли более скупые сведения (не указывались социальное положение и губерния выхода).

Для анализа мы выбрали справочную книгу 1913 г. [4], позволяющую прояснить ситуацию перед началом Первой мировой войны, которая, несомненно, внесла в жизнь российского общества новые настроения и видоизменила прежние экономические связи. Автором была осуществлена выборка информации о костромичах. Дальнейшая работа с источником позволила определить количественный, поуездный, в некоторых случаях – возрастной состав, род деятельности, место проживания и торговли.

Всего в 1913 г. выбрали свидетельства 30 костромичей, из них – 23 крестьянина и 7 мещан. К сожалению, поуездная характеристика не может быть полной, так как в некоторых случаях (8) была указана только Костромская губерния. Остальные распределились следующим образом. Более всего солигаличан – 8, за ними следуют галичане – 5, далее – чухломичи – 4, буевляне – 3, один представитель города Костромы и один – посада Большие Соли. Таким образом, мы видим, что более всего было представителей северо-западных уездов, что подтверждается и анализом других источников [3, с. 23]. Статистическая форма предполагала указание вероисповедания. Однако в 6 случаях ответ на этот вопрос отсутствует, а в остальных 24 – указано православие. Из 30 человек – 4 женщины (Борисова Екатерина Андреевна – крестьянка из посада Большие Соли, Бубина София Ивановна (вдова) – крестьянка из д. Шокша Галичского уезда, Ершова Евдокия Родионовна – крестьянка из Верховской волости Солигаличского уезда и Иванова Василиса Михайловна – мещанка города Буя).

В 12 случаях указан год, с которого выбирается промысловое свидетельство. Самая ранняя дата – 1890 г. – Ершова Евдокия Родионовна, что означает, что она проживает в Петербурге уже 23 года. Далее следует 1898 г. – 1 человек, 1899 – 2 человека, 1901 – 1 человек, 1907 – 1 человек, 1909 – 1 человек, 1910 – 2 человека, 1912 – 2 человека, 1913 – 1 человек. В ряде случаев значится возраст отходника: 38 лет – два человека, 40 – два, 45 – 1, 47 – 1, 48 – один, 50 – один, 60 – один и 61 – один.

Анализ деятельности этих костромичей в столице говорит о том, что преимущественно они вели торг продовольственными товарами, и более всего – мясом (14 человек; буевляне, солигаличане, чухломичи). Параллельно у некоторых из них су-

© Смурова О.В., 2012

ществовала и зеленная торговля (4 человека). Большинство торговали мясом на Сенной площади или поблизости. Рыбной торговлей занимались 3 человека. Наряду с этим часть костромичей торговала промышленными товарами. Три человека – «железом» и инструментальными товарами, двое вели москательный торг (краски, клей, непищевое масло и другие химические вещества), один – кожевенный, один – водопроводными принадлежностями.

Елшин Дмитрий Иванович, мещанин из Галича, содержал магазин белья, Андреев Михаил Андреевич мещанин из Костромы – магазин шляп, Новиков Николай Иванович, крестьянин Солигаличского уезда, – мебельный магазин. Борисова Екатерина Андреевна, крестьянка из Больших Солей, содержала трактир (что не случайно: Большие Соли расположены ближе к Ярославской губернии, жители которой отдавали предпочтение трактирному отходу. Сегодня это селение относится к Ярославской области).

Башков Михаил, крестьянин Чухломского уезда, имел похоронное бюро в доме жительства. Не случайно персонаж очерка А. Башуцкого «Гробовой мастер» – уроженец Костромской губернии. «Он попал в Петербург нечаянно, из Костромской деревни, на плотничную работу; он также нечаянно сделал самоучкою первый в жизни гроб для своего брата, плотника, из досок, унесенных с подмостков и лесов строившегося дома, на которых бедный его брат был убит обвалившимся карнизом; но этот горестный случай пробудил в промышленнике всю его природную понятливость, и вот он стал гробовым мастером…» [1, с. 52].

Наконец, был среди них и глава артели для производства штукатурных и малярных работ – Кромин Василий Павлович, крестьянин Галичского уезда.

Следует отметить, что в некоторых случаях костромичи были совладельцами. Так, Бардышев Александр Павлович, крестьянин Солигаличского уезда, торговал железным и инструментальным товаром совместно с санкт-петербургским купцом Куликовым. Белов Василий Андреевич и Ельцов Николай Максимович, солигаличские крестьянин и мещанин, совместно вели мясной торг.

Анализ справочной книги за 1913 г. расширяет наши представления о характере деятельности костромских отходников в Санкт-Петербурге. Строительная деятельность костромичей уже освещалась нами неоднократно [3, с. 23–37], а вот торговая – в некоторой степени новый сюжет. В освещении отходничества пореформенного периода обычно говорится о ведущей роли в столичной торговле ярославцев, что несомненно, но и костромичам тоже не чужда была эта сфера деятельности. Проведённое исследование источника позволило убедиться в том, что поуездный состав отходников и в торговле оставался тем же. Северо-западные уезды Костромской губернии поставляли отходников не только в строительную отрасль, но и в другие сферы экономической жизни северной столицы. Уникальность источника, который мы рассматривали, состоит в том, что он даёт возможность обратиться к персоналиям. Перспективным направлением исследования представляется сопоставительный анализ подобных справочных книг.

Библиографический список

1. *Башуцкий А.П.* Гробовой мастер // Русский очерк 40–50 годы XIX века. – М., 1986.

2. Полное собрание законов торговых, фабричных, ремесленных: В 2 т. Т. I. – СПб., 1877.

3. *Смурова О.В*. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – XX вв.). – Кострома, 2008.

4. Справочная книга о лицах, получивших на (1869–1875, 1877–1917) год купеческое и промысловое свидетельство по г. Москве. – М., 1869–1917; Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых общных и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1 и 2 гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разряда на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия на (1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 гг.). – СПб., 1865–1880, 1882–1913, 1915–1916.

УДК 374.71

Соловьев Алексей Александрович
кандидат исторических наук
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д.К. Беляева
aleksey.s37@yandex.ru

БИБЛИОТЕЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАБРИКАНТОВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена истории зарождения фабричных библиотек в сельской местности Костромской губернии, о которых ранее практически не было публикаций на страницах печати. Автор рассматривает главные статистические показатели работы читален и анализирует их необходимость и влияние на местное население. Показана роль фабрикантов в просвещении рабочих.

Ключевые слова: *просветительская деятельность, фабричные библиотеки, бесплатные библиотеки, история библиотек, Костромская губерния.*

В конце XIX – начале XX века всё больше фабрикантов стало ясно осознавать, что не только промышленность, но и наука, просвещение, культура являются двигателями общественного прогресса. Поэтому предприниматели начали весьма активно вкладывать часть своих капиталов в эти непроизводственные сферы жизни. Не стояли в стороне от этого процесса и костромские фабриканты, многие из которых прославились и как деловые люди, и как культуртрегеры.

В данной статье речь пойдет о библиотечно-просветительской деятельности фабрикантов в сельских населенных пунктах Костромской губернии. В дореволюционной России многие предприятия находились не в городах, а в фабричных селах (фактически – поселках). Некоторые из них (Родники, Середа, Вичуга) были более многолюдными, чем иные города.

Конечно, далеко не каждый фабрикант реально заботился о просвещении своих рабочих. Но многие из них действительно не жалели денег, чтобы приобщить работников предприятий к чтению, оторвав их тем самым от чрезмерного употребления спиртными напитками и других пагубных привычек (кулачные бои, азартные игры). Пьянство рабочих приводило к поломке оборудования предприятий, к увеличению травматизма, прогулам, опозданиям на работу и т.п.

Необходимость в книгопечатной продукции в деревнях и селах Костромской губернии к концу XIX в. стала всё более очевидной. Известный библиотековед Н.А. Рубакин говорил о вновь нарождающемся типе сельских жителей, которые смотрели на книгу как на свое главное орудие, отличаясь отчасти даже преувеличенной верой в нее. Н.А. Рубакин вспоминал: «Нешто без книги теперь что-нибудь делают? – говорил мне один из таких верующих. – Без нее дом не строится, без нее обедни не служат, без нее одежды не сошьешь, потому что теперь все ткани машинные, а машины по книжкам делаются... Книга помогает думать и чувствовать! Я так думаю, что половина наших разговоров и мыслей из книг выходит: вычитал, услышал и – своими словами высказал» [5, с. 186].

В то же время книг в костромских деревнях в конце XIX в. было немного. Земские статистики свидетельствовали: «Крестьяне достают все книги у офеней от 3 коп. до 15 и больше платят… Хотя и есть библиотеки для школьников, но приходящим там книг не выдают… Больше всего интересуют крестьян книжки по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству… Желательно бы крестьянам иметь книжки, объясняющие явления природы, рассказы о жизни животных, о земле, о небе… В том горе – не знают, как достать и откуда именно» [7, с. 97]. Естественно, в таких условиях появление библиотек при крупных фабриках в сельской местности выглядело вполне оправданным и своевременным. Многие костромские предприниматели понимали, что назрела необходимость просвещения рабочих.

Одними из первых озаботились просвещением своих рабочих фабриканты Красильщиковы из села Родники Юрьевецкого уезда. Еще в 1890 г. Николай Михайлович Красильщиков основал бесплатную библиотеку при своей фабрике [2]. С 1891 г. в столовой для рабочих проводились чтения с «волшебным фонарем» (его можно считать первым примитивным кинематографом). Для этого здесь оборудовали постоянную сцену. В 1903 г. в Родниках на средства Красильщиковых был построен Народный дом, который стал главным культурно-просветительным центром для всего окрестного населения (рис. 1). На его возведение Красильщиковы выделили 50 тыс. руб. Нардом назвали в честь костромского губернатора И.М. Леонтьева. Его заведующим долгие годы являлся местный учитель В.А. Халезов [8, с. 20–21].

Большую роль в просвещении населения Родников и соседних деревень играли народные чтения с картинками, проводившиеся в Народном доме. Наибольший интерес у слушателей (их иногда собиралось до 1 тыс. человек) вызывали лекции духовно-нравственного, исторического, естественнонаучного, медицинского и географического содержания. Кинотека Красильщиковых была лучшей в губернии, отпуская картины на прокат в началь-

© Соловьев А.А., 2012

Рис. 1. Здание Народного дома в Родниках (фото начала XX в.)

ные школы Юрьевецкого, Кинешемского и Нерехтского уездов. Ежегодно фабриканты пополняли её картинками для «волшебного фонаря» на 200–300 руб. [8, с. 28–29].

В 1903 г. при Нардоме Красильщиковы создали прекрасную народную библиотеку (рис. 2). Она обслуживала читателей с 9-00 до 18-30 ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней. По праздникам и воскресеньям рабочие имели возможность почитать свежие газеты в чайной Нардома, вмещавшей до 400 человек. В библиотеке был оборудован уютный читальный зал, в котором практиковалось коллективное чтение новых периодических изданий. Кстати, Красильщиковы выписывали в читальню более 20 газет и журналов. Расход на содержание и пополнение фондов библиотеки ежегодно составлял около 1 тыс. руб. Действительно, библиотека при Нардоме пополнялась весьма активно. Так, если в 1904 г. в её фонде насчитывалось 2700 томов, то в 1913 г. – уже более 5 тыс. томов. То есть за 8 лет произошло почти двукратное увеличение. Лучше других был укомплектован отдел беллетристики, в котором в 1913 г. находилось более 2 тыс. книг. Он же являлся лидером по популярности среди читателей. В 1912 г. из него выдавалось на дом более 18 тыс. книг. Посещаемость библиотеки при Нардоме увеличивалась с каждым годом. Если в 1904 г. её посетили чуть более 11 тыс. раз, то в 1912 – уже свыше 21 тыс. раз. При этом неуклонно возрастало и число взятых книг и периодических изданий. Так, в 1904 г. читателями было взято около 15,5 тыс. томов, а в 1912 г. – 28,5 тыс. томов [8, с. 17].

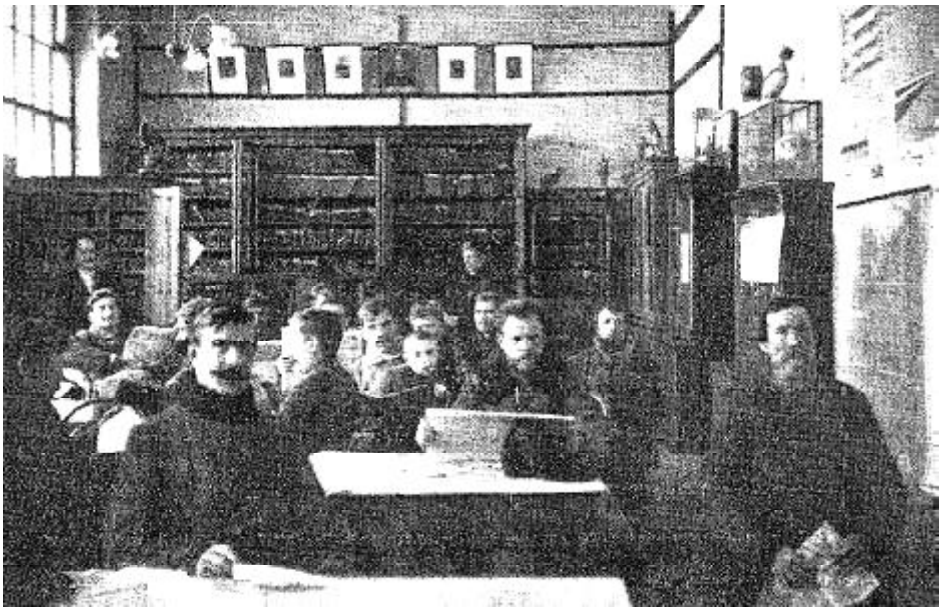


Рис. 2. Библиотека-читальня при Народном доме в Родниках (фото начала XX в.)

Среди читателей, чей уровень грамотности ежегодно увеличивался, преобладали мужчины. В 1903 г. мужчин среди подписчиков библиотеки насчитывалось 757 человек, в 1912 г. – 862 человека. Однако число женщин-читательниц возрастало гораздо более значительно. За 10 лет их стало в 61 раз больше! Если в 1903 г. библиотеку посещало всего 3 грамотные женщины, то в 1912 г. их стало уже 183. Более чем в 2 раза среди библиотечных подписчиков за это же десятилетие увеличилось количество подростков (как девочек, так и мальчиков). Их соответственно было 160 и 362 человека. Если обратиться к отчетам народной библиотеки при Нардоме, получается, что в 1913 г. в среднем один рабочий на фабриках Красильщиковых прочитывал за год 4,7 книги и 14 номеров газет и журналов [8, с. 18, 25].

Также при Нардоме, кроме народной читальни, с 1903 г. существовала библиотека Общественного собрания служащих фабрик Красильщиковых. К 1913 г. она насчитывала более 4 тыс. книг и почти 1,5 тыс. периодических изданий. Самой популярной здесь была русская и переводная беллетристика. Большим спросом пользовались газеты и журналы. Число подписчиков данного просветительного заведения в 1903–1912 гг. колебалось от 58 до 189 человек [8, с. 20]. Подобное явление следует признать нормальным, так как библиотека не ориентировалась на массового читателя, а относилась к читальням ограниченного пользования.

Заботясь об увеличении уровня грамотности среди рабочих, Красильщиковы еще в 1889 г. при фабрике открыли одноклассное училище. В 1903 г. оно было преобразовано в двухклассное, поэтому для него построили новое оборудованное здание. Также Красильщиковы открыли ещё 6 школ в районе Родников. Всего на школьное дело фабриканты потратили почти 370 тыс. руб. При каждом учебном заведении существовали учительская и ученическая библиотеки для внеклассного чтения. При училище в Родниках они в 1912 г. насчитывали более 2 тыс. томов каждая. При этом на одного ученика приходилось почти 5 книг [8, с. 12].

Следует признать, что Красильщиковы достигли немалых успехов в деле просвещения и развития грамотности рабочих. Если в 1885 г. на фабрике насчитывалось всего 5% умеющих писать и читать, то в 1903 г. у них трудились 66% грамотных мужчин и 19% женщин. В 1913 г. эти цифры выглядели ещё более впечатляющими, соответственно составляя 83 и 52%. На Товариществе мануфактур в 1913 г. работало 7646 человек [8, с. 6]. Кстати, среди рабочих фабрик Красильщиковых были известные социал-демократы А.В. Калинин, П.И. Сурков и Н.Р. Шагов, избранные депутатами II, III и IV Государственной Думы.

В 1903 г. Красильщиковы организовали книжную торговлю при Народном доме в Родниках. Ежегодные объемы продаж в среднем составляли около 2 тыс. руб. Каждый рабочий тратил в год примерно 21 коп. на покупку книг и 15 коп. на приобретение учебных пособий [8, с.26–27].

Таким образом, следует констатировать, что предприниматели Красильщиковы сделали очень много для приобщения простого населения Родников к печатному слову. Именно они стояли у истоков библиотечного дела в регионе.

Такой же большой вклад в просвещение рабочих внесли фабриканты Скворцовы в селах Середа и Писцово Нерехтского уезда. Первая бесплатная библиотека в Середе (ныне это город Фурманов – районный центр Ивановской области) появилась при фабричном храме. Здесь в 1895 г. на средства Скворцовых была оборудована церковно-приходская читальня. В 1913 г. она насчитывала уже 2090 томов преимущественно духовно-нравственного содержания. В 1913 г. на фабрике работало 2104 человека, из которых только 830 были грамотными (≈ 39%). За 19 лет деятельности этого просветительного заведения подписчиками являлись 3500 человек, то есть в среднем в год 184. Таким образом, к книге удалось приобщить около 22% тех работающих, которые умели читать [3, с. 305; 9, с. 45, 60].

Созданный здесь же книжный склад специализировался на продаже церковной литературы, а также картин и листков религиозного содержания. В 1900 г. фабриканты Скворцовы инициировали создание общества трезвости, которое к 1914 г. раздало всем желающим жителям Середы и близлежащих деревень более 113 тыс. брошюр антиалкогольного содержания [3, с. 60].

В 1895 г. Скворцовы начали оказывать финансовую помощь только что открывшемуся Середскому двухклассному училищу. Ежегодно за счет фабрикантов оно пополнялось всем необходимым, в том числе учебниками и книгами. В результате общий библиотечный фонд в 1913 г. составлял 8300 томов. При этом в училище существовала учебная, учительская библиотеки и библиотека для внеклассного чтения. Все учащиеся были обеспечены бесплатными учебниками [3, с. 60–61].

Наибольший вклад в развитие библиотечного дела в Писцове внес директор-распорядитель «скворцовской» фабрики Н.П. Павлов. Именно по его инициативе в 1907 г. в селе было построено специальное здание, в котором и разместилась бесплатная фабричная библиотека. К 1913 г. на комплектование её фонда правление фабрики израсходовало более 2 тыс. руб. В результате читальня насчитывала на начало 1913 г. 1827 книг и периодических изданий. Из них почти 63% составляла русская и зарубежная беллетристика (самые востребованные издания среди рабочих). Всего за первые 6 лет работы библиотеки её подписчиками пе-

Рис. 3. А.И. Коновалов (фото начала XX в.)

ребывало 1891 человек (то есть в среднем по 310 читателей в год). Например, в декабре 1912 г. было зарегистрировано 304 подписчика, при этом на Писцовской фабрике работало 2270 человек. Таким образом, к чтению удалось приобщить 13% от общего числа рабочих. Однако грамотными из 2270 работающих на предприятии являлись только 1217 человек, поэтому подписчиками библиотеки были 25% трудящихся, умеющих читать [3, с. 306; 4, с. 88, 93–94]. Данный показатель чуть превышал аналогичный в Середской фабричной читальне.

Правление Писцовской фабрики оказывало финансовую помощь местному мужскому одноклассному училищу, в котором к 1913 г. удалось создать богатую библиотеку для учащихся и учителей (в ней находилось более 3800 учебников и около 2000 книг для внеклассного чтения). В 1894 г. при фабрике в специальном двухэтажном здании было открыто женское одноклассное училище. При нем также существовали библиотеки для учеников и учителей. В 1913 г. читальня для учащихся насчитывала 768 томов, а учительская библиотека – 445 томов. Наконец, в 1909 г. в Писцове появилось высшее начальное училище имени И.И. Скворцова. Его фундаментальная библиотека состояла из 719 книг, а библиотека для внеклассного чтения – из 658 томов. Кроме этого, было приобретено более 1700 учебников и учебных пособий [4, с. 96–98, 100–102].

Таким образом, очевидно, что фабриканты Скворцовы являлись так же, как и Красильщиковы, крупнейшими культуртрегерами, заложившими основу для дальнейшего библиотечного строительства в уезде. В то же время следует отметить, что библиотечно-просветительской деятельностью в Нерехтском уезде Костромской губернии занимались и другие предприниматели. Так, в 1898 г. в селе Киселево появилась бесплатная читальня при фабрике Горбуновых. В 1901 г. в селе Яковлевское (ныне город Приволжск – районный центр Ивановской области) при фабрике А.М. Сидорова начала работу библиотека имени В.А. Жуковского [2; 10, с. 30].

Предприниматели промышленного Кинешемского уезда также не забывали о просвещении своих рабочих и служащих. В уезде с 1900 г. функционировали бесплатные библиотеки при Товариществе мануфактур И. Коновалова в селах Бонячки и Каменка, а также Н. Разоренова и М. Кормилицына в с. Тезино, с 1901 г. – при фабрике А. Морокина в с. Новая Гольчиха, а с 1905 г. – при промышленном предприятии Г. Разоренова и И. Кокорева в с. Тезино [1]. Фактически Бонячки, Гольчиха и Тезино были огромным фабричным поселком – конгломератом, который уже в начале XX в. носил название Новая Вичуга (ныне это город Вичуга – районный центр Ивановской области). Таким образом, в этом индустриальном «мегаполисе» до революции существовало пять бесплатных читален.

В Кинешемском уезде наиболее заметный след оставила библиотечно-просветительская деятельность А.И. Коновалова (рис. 3), который жертвовал немалые деньги на содержание учебных заведений и библиотек как в городе Кинешме, так и в сельской местности, являясь попечителем церковно-приходских школ в уезде, создателем Кинешемского реального училища и т.п.

В 1898 г. по инициативе А.И. Коновалова в Бонячках в помещении обширной фабричной столовой начали проводить народные чтения с так называемыми «туманными картинками», используя «волшебный фонарь». Помещение могло одновременно вместить до 1200 человек. Чтения пользовались огромной популярностью в рабочей среде. Через некоторое время помимо религиозно-нравственных чтений стали устраивать исторические и литературные народные чтения. В здании Общественного собрания служащих при фабриках в Бонячках (рис. 4) были организованы чтения по гигиене, медицине и прикладным наукам, которые проводились отдельно от рабочих. В чтениях участвовали местные учителя, врачи, священники [11, с. 67].

Фабричная библиотека при предприятии Коноваловых в Бонячках являлась одной из лучших

Рис. 4. Общественное собрание служащих при фабриках в с. Бонячки (фото начала XX в.)

в Кинешемском уезде. Её фонд в 1913 г. превышал 3 тыс. томов. Удалось организовать читальный зал, пользовавшийся огромной популярностью у рабочих. Подписчики данного просветительного заведения были весьма активны. В среднем из библиотеки ежегодно выдавалось по 12 тыс. экземпляров. Наиболее востребованными у читателей выступали отделы периодических изданий и беллетристики [11, с. 67–68].

Безусловно, до идеала сельским фабричным библиотекам было очень далеко. С одной стороны, нужно согласиться с Н.А. Рубакиным, который справедливо отмечал, что большинство читателей «пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики, то сбиваются в кучу вокруг какого-либо автора, то идут вразброд, бродя туда-сюда, пожирая без разбора всякую траву, какая попадет в зуб» [6, с. 88]. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что с появлением на селе фабричных библиотек рабочие познакомились с более разнообразными изданиями, в том числе с работами классиков отечественной и зарубежной литературы.

Долгое время, особенно в советский период нашей истории, в литературе муссировалась легенда о том, что «акулам капитала» было невыгодно распространение грамотности и образования среди рабочих и крестьян. На наш взгляд, всё вышесказанное в статье убедительно опровергает подобное утверждение. Конечно, далеко не все предприниматели щедро жертвовали средства на культурно-просветительные цели. Существовали среди них, безусловно, и такие, кто считал вредным распространение знаний среди простого населения. Однако на рубеже XIX – XX в. такие ортодоксы были скорее исключением из правил. Можно утверждать, что не они определяли магистральное направление, по которому двигалось российское предпринимательское сословие в общественной жизни.

Следует констатировать, что костромские фабриканты сделали немало для приобщения населения к чтению. Предприниматели, учреждая в конце XIX – начале XX в. бесплатные библиотеки на селе, создавали основу для превращения чтения в социальную норму, а книги – в атрибут повседневной жизни не только привилегированных сословий, но и простого народа.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 2. Д. 12780. Л. 17.

2. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12815. Л. 37, 84.

3. *Кондаков А.* Библиотечное дело на Костромской губернской земской выставке 1913 г. // Библиотекарь. – 1913 – № 4. – С. 304–306.

4. Описание Середских и Писцовских фабрик, изданное в память губернской земской выставки в городе Костроме в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. – М., 1913. – 110 с.

5. *Рубакин Н.А.* Книгоноша // Альманах библиофила. – М.: Книга, 1982. – Вып. 13. – С. 185–188.

6. *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике // Рубакин Н.А. Избранное: В 2 т. – М.: Книга, 1975. – Т. 1. – 223 с.

7. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Костромская и Тверская губернии. – СПб.: Навигатор, 2004. – Т. 1. – 567 с.

8. Товарищество мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями в селе Родники Юрьевецкого уезда Костромской губернии. Культурно-просветитель-

ная деятельность в Родниковском фабричном районе. – М., 1913. – 88 с.

9. Товарищество мануфактур И.И. Скворцова. – М., 1913. – 105 с.

10. Товарищество мануфактур братьев Г. и А. Горбуновых. Краткий исторический очерк. 1826–1913. / Репринт. изд. 1913 г. – Фурманов, 2008. – 40 с.

11. Товарищество мануфактур И. Коновалова с сыном. 1812–1912. Исторический очерк. – М., 1912. – 120 с.

УДК 93

Трифанков Ярослав Юрьевич
Брянский государственный технический университет
Tim-lyud@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ И ЮГО-ЗАПАДНОЕ КАЗАЧЕСТВО

Анализируются региональные особенности юго-западного казачества и его исторический опыт, способствующий процессу возрождения России после смены парадигмы развития.

Ключевые слова: *казачество, государство, юго-западный регион, традиции и возрождение.*

Казачество возникло на переломах истории России, на границе цивилизаций, географических регионов, на стыке религиозных конфессий, культур. Оно исторически носит интегративный характер с преобладанием славянского элемента, сплавляет разломы истории и культурной среды.

Региональный характер складывался с развитием российской государственности и его разломами. Есть казаки донские, кубанские, запорожские, сибирские, дальневосточные, даурские и др. Возникали различные казацкие сообщества, при сохранении основополагающих характеристик казачества, как воинские, трудовые и социокультурные одновременно. В периоды опасности верх брало первое, в периоды мирной жизни – второе, а сплавлялось в третье. Казачество, прежде всего, исторически самоуправляемая структура и система социальных отношений, возникшая в соединении воинского дела, трудовой деятельности и ощущения своей значимости и самоуважения.

Региональные особенности рассмотрим на примере юго-западного казачества, которое после распада старой Руси долго было пограничной зоной между Степью и Лесом, между Московией и Речью Посполитой.

Вопрос о возникновении казачества и самоопределении жителей бывшей Малороссии, к которой относился регион, далеко не выяснен в литературе, хотя и живет в исторической памяти народа. Есть предположения, что их предками были «черные клобуки», несшие службу на границах (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.И. Миллер, О.А. Самчевский, С.М. Броневский); касоги, поселившиеся в XI веке на севере Черниговщины (Ян Потоцкий); коренное население этих территорий – северяне (предки ославянившихся легендарных савиров, севрюков (Л. Гумилев); сиверские вольницы, наподобие запорожской (Н.И. Костомаров). Польский историк М. Кромер и русский князь М.М. Щербатов видели в казаках остатки половцев, Вольтер – остатки татар [1, 3, 6].

Под именем Малороссии в XIX в. понимались Черниговская и Полтавская губернии, но в историческом смысле территория Малороссии значительно шире. Во времена начала Золотой Орды и крестовых походов католического Запада под руководством Папы через Прибалтику на Русь в тринадцатом веке малорусская территория под давлением извне и внутренних причин соединилась с частью прибалтийской территории литовских племен, и возникла русская Литва – «Великое русское и литовское княжество». 90% населения называло себя русским, законодательство было русским. Жителей Московского княжества они называли «москалями». Здесь и возникли «юго-западные» казаки [2, 5].

Одновременно шло образование и других региональных казачьих сообществ. В конце XV в. встречается первое упоминание о казаках в хронике Бельского, который говорит, что в 1481 г. во время похода «поляков против татар» проводниками «поляков были казаки» [2, 4]. Это было время распада Золотой Орды и, после противостояния на реке Угре, рождения России Ивана Третьего. Это время формирования и передвижения границ государственных образований. Казачество и зародилось в ходе этого процесса. Например, особенность «стародубской народности» (центра данного регионального казачества) в том, что с XV в. и до сих пор она считает себя не великороссами («москалями»), не украинцами («хохлами»), а чем-то особым, но русским. А соседи, в свою очередь, называли их «казако-коцапами». Первые организованные казачьи отряды на Стародубщине (юго-западный район Брянской области) появились в середине XVI века. В этот исторический период московское правительство привлекало на службу «вольных» ка-

© Трифанков Я.Ю., 2012

заков и «охочих» людей по всем своим границам, особенно южным и восточным.

На юго-западных границах, о которых идет речь, процесс шел сложнее. Если воспринимать казаков изначально как «вольницу» (а традиционная история предполагает именно так), то, видимо, познакомились жители юго-западного региона (Брянщины-Стародуба) с казаками, как «вольным гуляйством» или «гультяйством» из Речи Посполитой, в 1574 г. во время Ливонской войны, когда под руководством пропольских атаманов Франциска Суки и Микиты Бирули был сожжен Стародуб. Войну вел Иван Грозный двадцать лет против Речи Посполитой за Балтику, Белоруссию и Украину. Засечная черта (граница) проходила где-то среди брянско-черниговских лесов. В эту эпоху и формировалась здесь юго-западная граница Московского государства. Здесь и проходит в XXI веке снова граница Российской Федерации. Дата появления Стародубских казаков – предположительно 1589 г. В записке, сделанной в апреле этого года Московским царем Федором Ивановичем, последним Рюриковичем, путивльскому воеводе Афанасию Зиновьеву, говорилось, чтобы он с Рыльскими и Стародубскими казаками шел на Поле и Донец, то есть на юг, против крымских татар. Наступало переломное время. Династия Рюриковичей завершилась. Исторический процесс перешел в Великую смуту, завершившуюся становлением династии Романовых. Смута потрясла Московское государство, голод, восстания, безвластие особенно проявились в пограничной нестабильной зоне, которой и был регион. В 1603 г. в Северской земле появились казаки под руководством Хлопка Косолапа. В их составе были и «стародубские и комарицкие гультяи» (районы Брянской области). Роль казаков в Смутное время была противоречивой. Сторону Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия?) приняли и казаки донские и запорожские, особенно юго-западного региона. Донские казаки «помогли крепко». Оставались его опорой даже тогда, когда после поражений от него разбежались поляки. Атаман Карела с отрядом из 4 тыс. ополченцев, из них всего 600 донцов, у крепости Кромы связал царскую армию, что и привело на царство претендента. Казаки, видимо, верили в его высокое происхождение. Они стали важной составляющей в борьбе различных группировок, в том числе ополчений. Отношения казачества с государством всегда были неровные и своеобразные. Государства и их границы на территории Руси по историческим меркам менялись непрерывно (как, например, это произошло в конце XX века). В 1613 г. на Земском Соборе казаки активно поддерживали кандидатуру Михаила Романова. Казачество, даже раздробленное и запутавшееся в Смутное время в политических интригах политиканов, стало важной боевой силой. И возникшая новая власть Романовых укрепляла отношения с казаками. Один из первых указов нового царя был направлен на то, чтобы утвердить «доброе имя казаков, замаранное во время смуты». Михаил Федорович требовал «впредь тех воров казаками не называть, дабы прямым казакам, которые служат, бесчестья не было» [9]. Россия выходила из кризиса. Перелом произошел, началось возрождение.

После избрания Михаила Романова на престол по итогам Деулинского перемирия огромная область с городами Смоленском, Дорогобужем, Рославлем, Черниговым, Новгород-Северским, Стародубом, Почепом, Трубчевском отошла к Речи Посполитой. Брянск, Карачев, Севск остались за Москвой. Стародуб в 1618 г. отошел Польше в Смоленское воеводство. В 1620 г. король Сигизмунд II направил в Стародуб жалованную грамоту с дарованием вольностей Магдебургского права. По нему Стародуб имел свой герб, печать, знамя, суд, городское самоуправление. Войт (совр. «мэр») избирался горожанами и утверждался королем. Для обороны король направил жителям «привилей стародубской казацкой хоругви» [9], где им давались различные имущественные и правовые привилегии. Это была попытка сделать «мирных, оседлых, местных казаков» в количестве сотни («хорогви»), так называемых нереестровых, в более регулярное войско. За казаков боролись два близких друг другу государственных образования: Польша и Москва. Борьба завершилась поглощением первого другим.

И вновь перелом в истории Отечества. В середине XVII века шла борьба Запорожской Сечи, гетманства, входившего в Речь Посполитую, против засилья польских феодалов и католичества. В 1648 г. запорожские казаки во главе с Б. Хмельницким без боя вошли в Стародуб. После Зборовского мира 1649 г. польский король Ян Казимир распространил власть гетмана на северские земли.

Процесс генезиса казачества, как социальной общности с характерными чертами, проф. В.Б. Антонович в 1863 г. связал с раздачами земель на границах Литовского княжества, которые «предоставляли сельским общинам или отдельным лицам нешляхетского происхождения с обязанностью нести военную службу» против татар или московского государства. М.К. Любавский в 1895г. в статье «Начальная история Малорусского казачества» утверждал, что история малоруссого казачества «не представляла процесса, отличного от истории великорусского казачества» [5]. Как в Великороссии, так и в Малороссии казак являлся сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на стороне. Затем появились казацкие хутора, начинается земледелие.

После Люблинской унии польское право и польские порядки стали распространяться на Русскую

Литву. Крестьяне подлежали обращению в крепостные, что способствовало их бегству и переходу в казачество.

В начале XVII века в Малороссии, которая как гетманство входила в Речь Посполитую, насчитывалось уже до полумиллиона казаков. Начался процесс его поглощения Польшей. В Северской земле возникло около 300 новых поселений. Польское правительство пыталось поставить под свой контроль приграничную казацкую вольницу, привлекая жалованием и льготами. Однако Речь Посполитую стали идентифицировать в массовом сознании с собственно Польшей. За годы восстаний и русско-польской войны многие жители (мещане, ремесленники и крестьяне) «записывались в казаки».

Гетман Б. Хмельницкий во время казацкого восстания разделил малороссийский народ на полки, полки на сотни, сотни на курени. Это военное деление стало также территориальным. После Переяславской Рады в 1654 г., принявшей окончательное решение о переходе гетманства «под руку Москвы», на территории Малороссии распространилось это административное управление. Все жители городов, невзирая на Магдебургское право, были записаны в казаки. Понятие «казак» потеряло свое специальное значение и распространилось почти на все население. Жители края вливались в реестровые казачьи сотни и в состав местных, организованных стихийно, «загонов самовольных казаков». Многие жители записывались в казаки уже после воссоединения Украины и России. Произошло массовое «оказачивание» населения в юго-западных районах.

Одновременно с формированием сословия шло расслоение казачества и его частичное перемешивание с другими социальными слоями. Чтобы закрепить верность российскому престолу, цари, используя все рычаги, сумели добиться к концу XVII века принятия присяги всеми Войсками (последнее Войско Донское в 1671 г.). Из добровольных союзников казаки превратились в подданных. С включением юго-восточных территорий в состав России казачество осталось особой частью российского населения, постепенно потеряв многие свои привилегии, которые на современном языке можно назвать демократическими правами и завоеваниями.

Наступала переломная эпоха Петра Первого. В ходе Северной войны 1701 г. на Дону был сформирован первый конный полк, до этого у донцов полковых структур не существовало. Казаки успешно действовали и «робости перед шведами отродясь не испытывали» [8]. Сражались яицкие, хоперские, ахтырские, сумские, харьковские, острогожские, переяславские казаки. Донские полки подошли на следующий день и в составе конницы А.Д. Меншикова участвовали в преследовании остатков шведской армии и их пленении у Переволочны. Стародубские казаки участвовали с Шереметевым в бою под Нарвой против шведов.

Казаки юго-запада селились по соседству с крестьянами и представляли собой легкое на подъем военное формирование. Они получали участки земли на «коня» и являлись на службу на своем коне. До 80-х годов XVIII века казаки были не только лично свободными, но и освобожденными от государственных налогов, то есть «от тягла». С введением в Малороссии в 1783–1786 гг. московского права и учреждений юридически закрепилось крепостное право, «малорусское шляхетство» окончательно слилось с великорусским дворянством, военное устройство малороссийских казаков было реформировано.

При Екатерине Второй наступило вновь переломное время. В 1785 г. ликвидирована Запорожская Сечь, казачья старшина уравнена в правах с дворянами России. Выборные казаки и их подпомощники указом от 1781 г. были переведены на положение русских крестьян-однодворцев с одновременным наложением на них подушной подати и запрещением свободного перехода на другое место жительства. Военные части были переведены в кирасирские, драгунские и гусарские полки, как сказано у А. Лазаревского [4], то есть были превращены как бы в «кадровые», говоря на современном языке. Но и теперь казачье сословие продолжало жить по своим традициям. Однако часть его разными путями снова «попала» в крестьянство и мещанство. И все-таки до Гражданской войны 1918–1921 гг. здесь во многих селах встречалось упоминание о деятельности двух самоуправляющихся обществ: крестьянского и казачьего.

Помещики стремились присвоить себе общественные казачьи земли. Казаки протестовали, вплоть до побегов на Дон, Волгу, к Пугачеву. Казачье население заметно уменьшилось.

В стабильное время казачье сословие превратилось в военное. При Павле I все казачьи офицерские чины приравнены к общеармейским и получили права на дворянство. Александр I в 1801 г. подчинил казачьи войска военному министерству. С 1811 г. особым указом было запрещено выходить из казачества и записываться в казаки. Станичные и окружные круги, атаманы пользовались значительной самостоятельностью в расходовании средств: строили школы, военные училища, назначали пенсии инвалидам войн и семьям погибших. С 1827 г. «августейшим атаманом всех казачьих войск» стал назначаться наследник престола.

Когда началась Отечественная война 1812 г., в юго-западном регионе из казаков было сформировано 15 полков в 18 тыс. человек. Они отличились в Кобринской баталии, сражениях у г. Городечно, у реки Березины, были в заграничном похо-

де, участвовали в «битве народов» под Лейпцигом и взятии Парижа.

Только в 1831 г. в Малороссии было отменено магдебургское право, в 1842 г. отменено судопроизводство «по Литовскому статуту».

В 1832 г. при Николае Первом издан указ, согласно которому казаки объявлялись особым сословием, а земли, унаследованные от предков, навечно казачьими. При обзаведении хозяйством казаки имели преимущества перед казенными и помещичьими крестьянами: могли содержать постоялые дворы, шинки, торговать вином, пивом, медом, передавать это право в аренду. Но после освобождения крестьян в 1861 г. казаков здесь вновь причислили к разряду сельских обывателей наряду с крестьянами. Крестьяне казацкого сословия числились таковыми вплоть до отмены сословий после Февральской революции в 1917 г. и окончательной отмены сословного деления Декретом Советского правительства от 23 ноября 1917 г., после Октябрьской революции. Во время Гражданской войны казачество сражалось по обе стороны фронта в братоубийственной войне.

В Великую Отечественную войну казачьи части, как регулярные, в составе Красной армии, так и добровольческие, приняли активное участие в боевых действия против немецко-фашистских захватчиков. Однако часть казачества (атаман Краснов, например) стала служить в рядах вермахта.

Современная Россия раздирается внутренними противоречиями. Переломное время порождает не только новое, но и возрождает старое. Общество требует интеграции, возрождения. В силу своих особенностей, казачество может стать одной из объединяющих сил, в том числе и на региональном уровне. В юго-западном регионе уже возникли казачьи общественные организации, среди них есть депутаты и работники административных органов управления. Казаки, как пример служения обществу, в определенном смысле способны вести его за собой. Например, создаются агротехнопарки на казачьих традициях, казачьи сельхозкооперативы, объединяющие казаков-хуторян, фермеров, казачьи рынки, где смогут торговать под казачьей «крышей» [2, 13]. В казачестве сохранялись черты самобытности российского общества, отраженные в ментальности. Эти черты востребованы в период возрождения.

Библиографический список

1. *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев, 1885. – Т. 1.

2. *Бабадей В.Д.* Зарождение казачества на Стародубщине // Материалы науч.-практ. конф. – Брянск, 2004.

3. *Воропаев А.* Стародуб. Казаки. Вечная Граница. – М., 2004.

4. *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Т. I: Полк Стародубский. – Киев, 1888.

5. *Любавский М.К.* Начальная история малорусского казачества // Журнал Министерства народного просвещения. – 1895. – № 7.

6. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Казачество на рубежах Отечества. – М.: Вече, 2009. – 464 с.

7. *Пусь В.М.* Краткая история Стародубского полка // Стародубский казацкий вестник. – 2004.

8. *Сизенко А.Г.* Полная история казачества России. – М.: Владос, 2009. – 448 с.

9. *Сементовский Н.М.* Старина малороссийская, запорожская и донская. – СПб., 1846. – С. 22.

10. *Соловьев С.М.* Очерки истории Малороссии до соединения ее с Великой Россией // Отечественные записки. – 1858. – №49.

11. Иллюстрированная история казачества, репринт. 1909. – Волгоград: Ведо, 1994. – 534с.

12. *Пронин А.* Казачество возрождается и объединяется // Российское военное обозрение. – 2010. – № 3 (74).

14. Социально-экономические основы развития казачества современной России: Сб. науч. трудов. № 7. – М., 2011. – 326 с.

УДК 94 (470)

Филиппов Артём Николаевич
ООО «Стандарт» (г. Ярославль)
art-nevid@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ СОВЕТСКОГО СПОРТА В 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КРАСНОГО И ЛЮЦЕРНСКОГО СПОРТИНТЕРНАЦИОНАЛОВ

В статье рассматриваются вопросы становления международных связей советского спорта в 1920-е – 1930-е годы. Уделяется внимание причинам, препятствовавшим налаживанию прочных долговременных отношений советских спортсменов с их зарубежными коллегами.

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, КСИ (Спортинтерн), ЛСИ, Спартакиада.*

В эпоху 1920-х – 1930-х гг. международные встречи советских спортсменов носили крайне нерегулярный характер. Причиной этому послужила сложившаяся идеология: участвовать в состязаниях вместе со спортсменами из буржуазных клубов и союзов считалось политически недопустимым.

Подойдя к соревнованиям по принципу «не за родину, а за класс», советское спортивное движение встало в открытую конфронтацию с Международным олимпийским комитетом, стоявшим на принципах национального подхода к состязаниям.

Что касается совместных выступлений с представителями социал-демократических спортивных союзов, то здесь также существовали определенные трудности. В теории, провозглашая единство целей рабочего спорта, на практике руководство обоих существовавших спортивных интернационалов, коммунистического – КСИ (Спортинтерн) и социал-демократического – ЛСИ (Люцернского), ревниво следили за своими спортсменами, которые в итоге считанное число раз приняли участие в совместных соревнованиях.

В силу жесткой идеологической позиции II реформистского Интернационала и III коммунистического, что обусловило возникновение двух центров в руководстве рабочим спортом в мире, реальных возможностей по объединению двух спортинтернов не было.

При образовании Люцернского спортивного интернационала в 1920 году в Люцерне (Швейцария) на конгрессе рабочих спортивных организаций Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Франции, Финляндии и других стран, из-за боязни революционного влияния советского физкультурного движения на рабочие массы, советскому государству было отказано в приеме в эту организацию. Умеренные социал-демократы, выступавшие с позиций отказа от революционной борьбы, имели на это весьма серьезные основания.

КСИ был основан в Москве на конференции Коминтерна по красному спорту и гимнастике в июле 1921 года, первым председателем стал Н.И. Подвойский [2, л. 22]. Основание КСИ означало, по словам большевиков, «концентрацию воли миллионов рабочих спортсменов во всем мире поставить свою спортивную деятельность на службу усиления классовой мощи пролетариата и отдать всю свою силу делу победы пролетариата над капиталистическим обществом» [8, л. 4].

Создавался КСИ как структура Коминтерна с весьма определенными целями, в протоколе заседания исполкома Коминтерна от 4 апреля 1922 года сохранилась запись с подписью «совершенно секретно», в ней прямо говорилось: «Ввиду того, что участь революции чаще всего решается на улицах крупных городских рабочих центров, особенное значение играет изучение и разработка руководства по тактике уличного боя на основании опыта русской революции» [8, л. 160].

В сентябре 1922 года, согласно не подлежащей опубликованию записке от председателя Бюро КСИ А. Валениуса, было заявлено необходимым «привлекать на сторону революции массы рабочих, организованных в красные спортивные гимнастические объединения, в целях революции важно воспользоваться легальностью спортивных, гимнастических и стрелковых объединений и их массовых упражнений в буржуазных странах в полной мере» [8, л. 7].

КСИ становился чем-то вроде боевой организации при Коминтерне, с целью подготовки готовых выйти на баррикады городов всего мира пролетарских бойцов. Задача развивать, прежде всего, спорт и физическую культуру с целью расширения контактов рабочих по всему миру, проведение каких-то интересных им состязаний просто не стояла на повестке дня в качестве первостепенной. У большевистского правительства были дела посерьезнее: «Укрепление физической мощи пролетариата служит только средством к достижению высших общественных целей всего пролетарского движения, т.е. к разрушению капитализма» [1, с. 10].

В результате сложилась ситуация, которую Н. Подвойский характеризовал следующим образом: « В мире существуют три спортивно-гимнастических интернационала, которые борются за привлечение и удержание под своими знаменами и ис-

© Филиппов А.Н., 2012

пользовании в своих классовых интересах спортивно-гимнастических сил: 1) буржуазный международный олимпийский комитет; 2) Люцернский Споринтерн (реформистский); 3) Красный Спортинтерн, который ведет за собой во всех странах миллионы рабочих и крестьян спортсменов» [12, л. 35].

При анализе уставов КСИ двадцатых годов становится очевидным, что если на словах руководство коммунистического спортивного движения и было готово к объединению с социал-демократами, то на деле все выглядело иначе. Статут КСИ 1921 года гласил, что Красный Спортинтерн «учреждается в целях объединения мирового пролетарского спортивного движения, развития физических сил пролетариата и его революционно-политического воспитания. Объединяет все пролетарские спортивно-гимнастические союзы мира, которые стоят на платформе революционно-классовой борьбы» [3, л. 178].

Во время проходившего в октябре 1924 года III Конгресса КСИ разгорелись дискуссии. Некоторые участники предлагали разрушить миф о том, что Красный Спортинтерн – интернационал чисто коммунистический: «Мы должны объединить в нашем интернационале все элементы, исповедующие идеи классовой борьбы и имеющие намерение бороться против буржуазии, совершенно ясно, что наша борьба может быть лишь революционной, так как мы на стороне рабочего движения. Все для революции и лучшего будущего пролетарской молодежи – вот что должно служить нам руководящей нитью» [3, л. 132]. Такое предложение не могло найти поддержки подавляющего большинства делегатов.

Редакция устава 1925 года ничем, по сути, не отличалась от предыдущих и последующих, продолжая монотонно утверждать, что «КСИ есть единый мировой союз рабоче-крестьянских спортивных и гимнастических организаций и объединяет вокруг себя трудящиеся массы в городе и деревне в целях их воспитания и приобщения ко всем видам физической культуры, гимнастики и спорта, дабы в классовой борьбе пролетариата они могли бы участвовать в качестве способных к сопротивлению, физически ловких, бодрых и полных решимости борцов» [3, л. 75].

В 1926 году на Пленуме исполкома КСИ один из делегатов, т. Куувинен, сделал предложение, выделяющееся из общего ряда: «Нецелесообразно принимать такие заключения в уставе, которые применимы только для коммунистов. Как, например, диктатура пролетариата или борьба за осуществление коммунизма. Такие постановления достигли бы того, что собирание рабочих спортсменов, которые еще не коммунисты, в рядах КСИ было бы невозможно» [3, л. 30]. Тем не менее эта позиция не получила никакой поддержки.

На IV Конгрессе КСИ в августе 1928 года было традиционно записано, что Спортинтерн «объединяет все рабочие и крестьянские гимнастические и спортивные организации, стоящие на точке зрения пролетарской классовой борьбы. Физическая культура и спорт являются не самоцелью, а средством в пролетарской классовой борьбе» [3, л. 2]. Лозунгом ЛСИ являлось следующее: «Занимайтесь спортом, чем дальше вы отбросите от себя оружие, тем здоровее станет народ» [4, л. 96].

Лозунг КСИ призывал рабочих к противоположному: «Занимайтесь спортом. Чем глубже вонзите вы оружие в сердце буржуазии, тем раньше одержит победу пролетариат» [4, л. 96].

КСИ допускал, что его членами могут быть и не коммунисты, главным мотивом было «воспитание чувства международной солидарности. Не за родину, а за класс! КСИ – классовое движение, которое станет физическим авангардом пролетариата, который своей грудью уловлять стрелы буржуазии, направленные против пролетариата» [13, л. 95–98].

В свою очередь, ЛСИ не отрицал возможности объединения с секциями КСИ и создания единого фронта, но также не мог принять идеологических установок КСИ, требуя объединения на основе признания своего устава и регламента. Однако, по мнению сторонников ЛСИ, этому препятствовала позиция КСИ, не желающего объединяться на взаимовыгодных условиях: «Все усилия в этом направлении сводятся к укреплению КСИ и, в первую голову, выгодны русской пропаганде в Западной Европе» [4, л. 3].

Необходимо заметить, что не только лидеры КСИ был виноваты в расколе международного спортивного рабочего движения. Верхи ЛСИ также не выражали особого стремления идти на уступки, предлагая секциям КСИ «просто вступить в ЛСИ без всяких условий» [4, л. 59]. Совершенно ясно, что КСИ, имевший в качестве главной опоры советское физкультурное движение и секции в 70 странах мира, хотел, чтобы с ним считались, и не мог просто так поступиться этим.

Конфронтация усилилась в 1925 году, когда на устраиваемую рабочую Олимпиаду во Франкфурте-на-Майне не были допущены советские спортсмены.

Сделано это было по вполне понятной причине. На заседании исполкома КСИ 14 мая 1924 года по поводу предполагаемой франкфуртской олимпиады было замечено, что «реформистская бюрократия пытается сделать Олимпиаду простым спортивным празднеством. Это не может входить в задачи пролетарского спортивного движения. Первая международная рабочая Олимпиада должна пройти под знаком классовой борьбы и открыто демонстрировать связь физкультуры пролетариата с пролетарской классовой борьбой» [14, л. 62].

КСИ все более усиливал пропаганду своих идей еще и потому, что в том же 1924 году проходила Олимпиада в Париже, проводимая «буржуазным» МОК. Естественно, КСИ дал ей оценку со своих позиций, как «капиталистической и шовинистской» [14, л. 62].

ЛСИ, отстаивая идею «развития и пропаганды в пролетариате каждой страны мира и особенно среди молодежи обоих полов спорт и физкультуру, велосипедную езду и экскурсии», не мог позволить превратиться проводимым под своей эгидой соревнованиям в откровенную пропаганду классовой борьбы и революционных свершений [14, л. 105].

В июле 1925 года Г.Е. Зиновьев сделал свое предложение по тактике КСИ в ходе Олимпиады, устраиваемой Люцернским Интренационалом: «Во Франкфурт можно просто послать наших людей – пускай не примут – будет скандал. Они делают хитрости, мы должны отвечать контрхитростью» [4, л. 66].

Такая весьма незамысловатая тактика КСИ, ориентированная, прежде всего, на пропаганду собственных идей, заставляла весьма настороженно относиться к возможному сотрудничеству руководств социал-демократического интернационала.

Одним из поводов для возможного налаживания отношений могла стать Спартакиада, проводимая ВСФК и КСИ летом 1928 года. Однако к ней стороны подошли по-прежнему с разных точек зрения.

Секретарь центральной комиссии ЛСИ Вильдунг писал: «Спортивно мы и дальше будем общаться с КСИ, если с их стороны будут соблюдены условия… не должно быть никаких злоупотреблений, спортивных устройств для чисто политических целей. В прошедшее время это неоднократно случалось. Правда, русские спортсмены почти все воздерживаются от пропаганды, но партийные руководители там и здесь стараются использовать встречи для своих целей» [11, л. 9].

Советская сторона в этом вопросе придерживалась иного мнения, искренне недоумевая по поводу отказа в качестве пропаганды политических идей от такого удобного явления, как спорт. Во время доклада делегации КСИ на совещании при ЦК ВЛКСМ 24 февраля 1927 года было заявлено: «В сознание масс буржуазия втолковывает, что спорт – вещь совершенно аполитичная, что в спортивных занятиях все равны: капиталисты и пролетарии» [10, л. 7].

На IV Конгрессе Люцернского интернационала обсуждался факт постановки в Ленинграде оперетки, в которой осмеивался ЛСИ. Его представитель появился в желтом костюме и сыграл роль, вызвавшую всеобщую насмешку. ЛСИ была показана как союзник капитала, в то время как сознательные рабочие сами в полном воодушевлении приняли сторону Москвы и ее союзников [11, л. 9].

Спартакиада также намечалась как соревнование, проводимое в противовес буржуазной Олимпиаде 1928 года в Амстердаме, объявленной «прогнившим апофеозом всех достижений современного спорта, манифестацией империалистов всех стран, спорт в которых развернулся под знаком сабли и сберегательной кассы» [6, л. 22].

В Спартакиаде 1928 года помимо спортсменов, участвующих под эгидой КСИ, были и представители некоторых секций ЛСИ. Однако большая часть сторонников социал-демократического интернационала воздержалась от поездки в Москву. При этом отдельные рабочие спортклубы ЛСИ высказывались за участие в соревнованиях, например, такое постановление принял Германский атлетический союз [6, л. 4]. Но большинство секций ЛСИ поддержало идею центра, назвав Спартакиаду мероприятием, «обслуживающим исключительно пропагандистские цели III Коммунистического интернационала, она (Спартакиада) явно служит для пропаганды компартии» [6, л. 7].

По итогам Спартакиады КСИ выступил с Декларацией к рабочим спортсменам всех странах с призывом создать единый рабочий спортинтернационал против империалистической войны. Помимо буржуазии по традиции раскритикована была и позиция ЛСИ: «Многие рабочие спортсмены не могли принять участие в этом международном пролетарском празднестве рабочего спорта, благодаря тому, что были введены в заблуждение или им угрожали вожди из Люцернского спортинтерна» [5, л. 1].

Несмотря на регулярные призывы к объединению, КСИ призвал установить единый рабочий фронт на основе классовой борьбы, «с примыкающими к КСИ организациями, с организациями, исключенными из ЛСИ» [5, л. 2]. Как видно, самому ЛСИ объединяться уже не предлагали.

На II Олимпиаде рабочих-спортсменов в 1931 году в Вене, приуроченной к открытию Съезда II Интернационала, спортсмены КСИ также не участвовали.

Одной из последних сколько-нибудь значимых попыток объединения явилась борьба двух спортинтернов против Берлинской Олимпиады 1936 года.

В 1934 году в Париже состоялся большой международный антифашистский слет спортсменов, объединивший представителей двух международных спортивных организаций. С приходом фашизма к власти в Германии, рабочие спортивные организации были распущены. Руководители ЛСИ, потерявшие свою более чем миллионную немецкую секцию, стали говорить о совместном проведении соревнований и вероятном сотрудничестве с КСИ [7, л. 67].

На слете было принято решение об активизации борьбы с фашизмом и милитаризмом в спорте. Слет призвал бойкотировать подготовку и проведение Олимпийских игр в Берлине.

КСИ весной 1935 года опубликовал воззвание, приуроченное к международному дню рабочего спорта – 7 июля, где назвал «поддержку гитлеровской Олимпиады поддержкой фашистских поджигателей войны» [8, л. 2].

Однако объединиться ЛСИ, позднее переименовавшемуся в САСИ (Социалистический рабочий спортинтерн), и КСИ было уже не суждено [9, л. 34]. Идеологические установки оказались сильнее желания создать единый спортивный рабочий фронт.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что международные контакты советских спортсменов проходили в крайне затруднительных условиях. Помимо противостояния со спортивными организациями социал-демократического толка, наши спортсмены имели очень мало возможностей принять участие, побороться в различных дисциплинах с профессиональными атлетами из других буржуазных мировых организаций. Такое поступление спортивными принципами в угоду политической составляющей не могло не тормозить развитие спорта высоких достижений в нашей стране.

Библиографический список

1. *Бенак Ф.* Задачи Спортинтерна и пролетфизкультуры. – М., 1924.
2. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 1.
3. ГАРФ. Ф. 7576. Оп.2. Д. 2.
4. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 11.
5. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 81.
6. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 90.
7. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 108.
8. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 170.
9. ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 232.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 47.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 230.
12. РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 221.
13. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3.
14. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 230.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354

Максименко Александр Александрович
кандидат психологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
alex-maximenko@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА КОНТРОЛЯ И НАКАЗАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

В статье организационная культура представлена как опосредованный контроль и система санкций в организации; показано, что в большинстве современных российских компаний превалирует административное принуждение над групповым давлением и внутренним контролем сотрудника.

Ключевые слова: *организационная культура, ценностное управление, система санкций и наказаний, контроль в организации.*

Что традиционная теория менеджмента может сообщить нам о системе контроля в организации? То, что «контроль в организации – важный управленческий процесс достижения организацией своих целей» [2]. Причем уделяется этой теме куда меньшее внимание, нежели мотивационным процессам, карьере работника и прочим, куда более «интересным» темам менеджмента. Этот весьма лаконичный тезис традиционная система менеджмента подкрепляет бихевиоральными, игнорирующими ценностные характеристики, «внешними» индикаторами организации: финансовый контроль, контроль качества продукции, сохранность активов, документов и регистров предприятия. Действительно, что еще можно добавить? Подобный технократический подход позволяет контролировать в организации почти все, кроме самого важного – ценностей в головах своих сотрудников.

Одной из довольно эффективных опосредованных ценностей персонала организации является организационная культура, которая обеспечивает обнаружение и ликвидацию отклонений от принятых целей и норм в организации благодаря некоторым своим функциям: охране, замещению, регулированию [5].

Э. Фромм, говоря о контроле через социализацию на уровне общества, отмечал, что общество только тогда функционирует эффективно, когда его члены достигают такого типа поведения, при котором они хотят действовать так, как они должны действовать в качестве членов данного общества. Они должны желать делать то, что объективно необходимо для общества [7]. То же самое справедливо и для отношений сотрудников в организации.

В.М. Аллахвердов так высказывается о создании в обществе доминирующих ценностей: «Если культура (или социальная группа, с которой человек себя идентифицирует) задает идеал “рыночного человека”, то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму своей рыночной стоимости. И, соответственно, стараться ее повышать. Если культура задает идеал “человека долга”, то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму следования заданным данной культурой или социальной группой нормативов поведения» [1].

Принимая во внимание эту точку зрения, можно сделать вывод, что в организации легче проектировать и внедрять коллективные ценности, если в самом обществе проповедуется примат коллективного над индивидуальным, поскольку большинство организаций не является организациями закрытого типа и ее сотрудники довольно легко общаются с другими людьми, привнося общий настрой.

Сущность и формы социального контроля внимательно рассмотрены такими исследователями, как Г. Тард, Э. Росс, Р. Парк, А. Лапьер, П. Бергер. Сторонник теории социального обмена Дж. Хоманс полагает, что члены коллектива придерживаются конформного поведения не для того, чтобы следовать обычаям и традициям, а для того, чтобы заслужить одобрение других членов группы [цит. по: 6].

Любой устав организации – это ограничение свободы воли человека. Организации выгодно в ходе тщательной селекции выбирать наиболее эффективные образцы поведения (готовить сыворотку культурных паттернов) и культивировать (делать инъекции культурных образцов) их среди своих подчиненных. Создавая сильную организационную культуру, руководство поступает дальновидно: формализует (упорядочивает) существующие неформальные отношения, создавая того хорошо «обструганного» («обточенного») работника, о котором говорил еще У. Уайт в корпоративной жизни Америки [10]. Оплачивается лояльность работника и его согласие с существующими ценностями в организации.

Социальный контроль в организации, запущенный посредством механизма организационной культуры, наиболее эффективен, поскольку отсутствует постоянный надзор за подчиненными, так

© Максименко А.А., 2012

как основным является самоконтроль, осуществляемый на личностном уровне. Через дисциплину, которая создается той же организационной культурой, проявляется власть нормы, при которой, согласно М. Фуко, «индивидуализация» является нисходящей [8]. Для организации важнее группа единомышленников, преследующая цель организации иногда и в ущерб своим индивидуальным целям. Для подобного отклонения от заданного вектора необходимо обоснование и, как следствие, оправдание наказания, которое неумолимо последует в случае расхождений. Выражаясь словами М. Фуко, мишенью контроля организационной культуры становится не тело работника (как это было при крепостном праве или при эксплуатации афро-американского населения), а душа работника [8].

Сильная организационная культура весьма обстоятельно «объясняет» своим сотрудникам организационные ценности и имеет детально проработанные изощренные практики наказания за отклонение от официально декларируемых норм и ценностей. Акцент в оправдании наказания строится на обеспечении коллективного благосостояния и защите коллективных ценностей.

Руководство компании закрепляет через организационную культуру ведение картотеки организационных девиантов (тех, кто отступает от заданных организационной культурой ценностей) и то, какой должна быть реакция самой организации на такое отклоняющееся поведение: формальной или карательной [3].

Помимо внутреннего контроля работника за свои поведением (через усвоенные роли и интернализацию организационных ценностей), существует в организации внешний контроль, реализуемый через механизмы группового давления и, прежде всего, административного принуждения.

Следуя классификации организации К. Харского [9], в организации по типу «цирк» наказанием может быть материальное депремирование (изъятие у работника пищи или денег) – явный признак административного принуждения, в организации по типу «театр» может быть публичное воздействие – общественное порицание (групповое давление). Все эти методы не подойдут для наказания в организации типа «церковь», где основа для контроля – не внешний страх. В такой организации поспешат воздействовать на усвоенные работником ценности, а результатом экзекуции станет разочарование работника в самом себе (обращение к механизму внутреннего контроля сотрудника над самим собой).

Если для сотрудника большое влияние оказывает его отец, то ярким примером внешнего давления со стороны значимого лица для сотрудника может быть письмо, направленное отцу работника со следующим содержанием: «Прошу принять меры в связи с тем, что Ваш сын опаздывает на работу».

В современной России превалируют компании по типу «цирк», поэтому в практике современного российского управления доминируют методы административного принуждения.

Однако жесткий контроль над подчиненными – отнюдь не российское изобретение и не изобретение XXI века. В свое время Генри Форд организовал специальный социологический департамент, который позволял ему следить за профессиональной и частной жизнью персонала его корпорации. На производстве, например, строго запрещалось разговаривать и свистеть. Департамент, выполнявший функции надзора, напоминал, по сути, внутреннюю полицию: следователи ходили по домам работников и выясняли, играют ли те в азартные игры, употребляют ли алкогольные напитки и т.п. Сотрудники департамента бесцеремонно вмешивались в личную жизнь служащих: подробно расспрашивали их обо всех нюансах семейной жизни и давали рабочим указания, как жить, что есть и пр. Около 1000 информаторов представляли ежедневные отчеты о разговорах и планах сотрудников. При таком подходе коррупция была изжита на корню, продуктивность возросла, а вместе с ней повысились и доходы компании.

Подобные полицейские меры применялись, правда, не так продуктивно, и в СССР. В 1919 году были созданы трудовые дисциплинарные суды, проводившие воспитательную работу в коллективах. Идея введения трудовых книжек в 1938 году, заимствованная Сталиным у Гитлера, была призвана искоренить высокую текучесть кадров на предприятиях промышленности. Далее – не менее сурово: был введен 8-часовой рабочий день и 7-дневная рабочая неделя, введена уголовная ответственность за опоздания, самовольный уход рабочих с предприятия.

О том, что в современных российских организациях осуществляется контроль со стороны руководства, говорят данные опроса, проведенные на сайте Zarplata.ru (рис. 1).

Рис. 1. Контроль сотрудников в российских компаниях

Подавляющее большинство (из 526 опрошенных компаний), 88% компаний, наказывают сотрудников систематически или время от времени. 74% используют штрафы, по 30% прибегают к публичному порицанию и моральному давлению, выговоры и воспитательные беседы предпочитают 19% компаний, а 17% практикуют немедленное увольнение нарушителя. 63% опрошенных фирм постоянно или иногда фиксируют время прихода и ухода работников, 29% контролируют посещение интернет-сайтов, перлюстрацией электронной почты занимаются 25% фирм, 24% прослушивают телефонные разговоры [4].

Ярким примером публичного порицания является ежемесячное опубликование компанией списка работников (рейтинга, top5), которые часто опаздывают на работу.

Нарушением администрация компании может признать, помимо нарушения трудового законодательства, также и нарушение правил внутреннего распорядка, которые могли прописывать довольно многое, включая и дресс-код.

Правила внутреннего трудового распорядка многих компаний зависят от фантазий ее руководства. Например, в компании Владимира Довганя подобные правила включают обязательные прыжки с парашютом для укрепления корпоративного духа. Игнорирование карается штрафами, повторное игнорирование – увольнением без выходного пособие за систематическое невыполнение трудовых обязанностей.

В большинстве государственных организаций США наиболее распространен подход, называемый «прогрессивной дисциплиной». Это означает, что существует восходящая иерархия наказаний, которая зависит от серьезности проступков и их числа.

Территориальное наказание применяется в российском представительстве германской компании Beck's. Сотрудники награждаются тем, что их переселяют на этаж выше, а наказываются переселением на этаж ниже. Офис Beck's находится в семиэтажном здании. В ряде других компаний территориальное наказание – переселение в кабинет меньшего размера. В кремлевских структурах – направление высокопоставленного чиновника на периферию – также свидетельство территориального наказания. Такой вид наказания не может серьезно влиять на большинство российских работников, которые согласятся работать и в полуподвале, лишь бы платили деньги.

Для высококвалифицированных работников довольно серьезным наказанием является наказание вынужденным отказом от работы (бездельем). Так, например, в государственных учреждениях такая практика находит все большее применение. К примеру, председатель суда, распределяя поступающие уголовные и гражданские дела по судьям, игнорирует провинившегося работника, который получает с каждым распределением все меньше дел и в один прекрасный момент оказывается без дел, при этом будучи обязанным приходить на работу. Для профессионала перенести подобное довольно тяжело.

Для работника, который озабочен своим профессиональным ростом, наказанием может быть запрет на посещение оплаченных компанией курсов английского языка.

Таким образом, в большинстве российских компаний доминирует административное принуждение как метод социального контроля в организации. Этот факт одновременно является индикатором того, что российские компании не стремятся выстроить сильную организационную культуру, теряя тем самым мощный инструмент контроля над ценностями своего персонала.

Библиографический список

1. *Аллахвердов В. М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Речь, 2003.

2. *Гольдштейн Г.Я.* Основы менеджмента: учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003.

3. *Дафф Э., Гарланд Д.* Размышления о наказании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://index.org.ru/journal/18/18-daffgar.html (дата обращения 20 июня 2011 года).

4. *Лисицын Д., Фуколова Ю.* Штрафной угар // Секрет фирмы. – 2006. – №4.

5. *Максименко А.А.* Организационная культура: системно-психологические описания. – Кострома, 2003.

6. *Фролов С.С.* Социология организации. – М.: Изд-во МГУ, 2001.

7. *Фромм Э.* Здоровое общество. – М.: АСТ-Хранитель, 2006.

8. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999.

9. *Харский К.* Принципы ценностного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.harsky.ru (дата обращения: 20 июня 2011 года).

10. *Уайт У.* Корпоративная жизнь Америки. – М., 1991.

УДК 316.4

Челнокова Наталья Юрьевна
Ивановская государственная текстильная академия
chelnokova-n@yandex.ru

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ХОЛДИНГОВОГО ТИПА

В статье показаны выявленные особенности управления социально-психологическим климатом в холдингах, с использованием процессно-ориентированного подхода разработана модель управления социально-психологическим климатом и даны практические рекомендации по ее реализации на предприятиях холдингового типа.

Ключевые слова: *модель управления, социально-психологический климат, предприятие холдингового типа.*

Современный уровень развития производства и масштабные изменения в экономической и социальной сферах общества предъявляют повышенные требования к человеку в его профессиональной деятельности, возрастает значимость социальных последствий управленческих решений. Изменение социально-экономической обстановки, вызванное последствиями мирового финансового кризиса, потребовало существенной перестройки всех аспектов управления, в особенности тех из них, которые непосредственно влияют на поведенческие установки и ценностные ориентации человека. В связи с этим особое значение приобретает управление социально-психологическим климатом на предприятии, что в свою очередь актуализирует проблему повышения эффективности управления социально-психологическим климатом в коллективе.

В настоящее время основной тенденцией развития мировой экономики является глобализация мирового хозяйства, в связи с чем наиболее конкурентоспособными становятся предприятия, обладающие признаками интеграционных хозяйствующих субъектов. Наиболее распространенной формой предпринимательского объединения в настоящее время во всем мире являются холдинговые структуры, которые позволяют обеспечить необходимый уровень централизации управления и контроля в сложных многоуровневых структурах и осуществить контроль над дочерними предприятиями по всем аспектам их деятельности.

Однако, несмотря на увеличение доли продукции холдинговых компаний в выработке валового национального продукта, внимания к особенностям функционирования их коллективов, состоянию социально-психологического климата в них и в их бизнес-направлениях в научных исследованиях уделяется недостаточно. Тем более, не увязывается проблема эффективности функционирования холдинга с состоянием и управлением социально-психологическим климатом в его коллективе.

На наш взгляд, усиливающиеся тенденции централизации и укрупнения производства влекут за собой изменения в управленческих отношениях и, как следствие, требуют научного осмысления тех процессов, которые непосредственно связаны с реформированием устоявшихся форм социальных взаимодействий. Они, как правило, определяются такими показателями, как социально-психологическое состояние в коллективе, набор ценностных ориентаций и характер взаимных ожиданий, имиджевые характеристики компании, благополучная атмосфера, обеспечивающая всем членам коллектива условия для раскрытия своих способностей и возможностей.

Необходимость управления процессами, которые влияют на повышение эффективности деятельности организации, сейчас не вызывает сомнения у большинства научных исследователей. Поэтому актуальность создания модели управления социально-психологическим климатом обусловлена потребностью повышения эффективности управления отдельными бизнес-направлениями и предприятием холдингового типа в целом.

Функционирование любого предприятия тем эффективнее, чем лучше управление социально-психологическим климатом в его коллективе. В еще большей степени это относится к предприятиям холдингового типа. Однако научных исследований в области управления и построения модели управления социально-психологическим климатом крайне мало. Это связано, на наш взгляд, со следующими обстоятельствами:

– управление в холдинге, как правило, осуществляется центральной управляющей компанией, поэтому существенное значение приобретает распределение полномочий между органами управления отдельных бизнес-направлений и центра;

– долгое время считалось, что социально-психологический климат любого коллектива – это достаточно несложная структура взаимодействия работников предприятия, которые объединены общей трудовой задачей. При этом не выделялось управление социально-психологическим климатом в качестве значимой и отдельной самостоятельной проблемы;

– до настоящего момента в проблеме выработки алгоритма принятия управленческих решений не выделялась (и не стояла остро) проблема управления социально-психологическим климатом и не-

© Челнокова Н.Ю., 2012

Таблица 1

Должностной состав респондентов

Бизнес-направление	должность	
	администрация	производственный персонал
Офис	8	2
Фабрика «Ногинка-Вичуга»	20	140
Фабрика «Яковлевский льнокомбинат»	35	215
Фабрика «Босфорус текстиль»	10	38
БЛОК РОСКО	12	8
Швейное производство	5	31

обходимость построения модели такого управления. В настоящее время актуализация этой задачи обусловлена многоуровневой и многоступенчатой организацией самого холдинга и бизнес-направлений, входящих в него.

Таким образом, построение модели управления социально-психологическим климатом в холдинговой компании становится в наши дни одним из ключевых условий успешного функционирования как отдельно взятого бизнес-направления, так и предприятия холдингового типа в целом.

Для разработки модели управления социально-психологическим климатом мы провели исследование в различных бизнес-направлениях предприятия холдингового типа ЗАО «РОСКО».

Исследование проводилось в 2009–2010 гг. с помощью набора анкет, каждая из которых позволяет определить наиболее проблемные аспекты социально-психологического климата и выявить необходимые меры воздействия для улучшения его состояния.

В анкетировании приняли участие работники 6 подразделений холдинга, различных профессий и уровней – от рабочего цеха до руководителя. Общая выборка составила – 524 человека. Все бизнес-направления представлены одинаковыми стратами – по 10%.

В исследовании приняло участие 395 женщин и 129 мужчин. Почти во всех бизнес-направлениях большинство составляют женщины, за исключением управляющей компании (Офис).

Анализируя полученные результаты исследования, можно сделать следующие общие выводы.

1. Респонденты рассматривают предприятие, где они работают, как автономную бизнес-единицу, не имеющую тесных организационных связей с другими бизнес-направлениями холдинга. Абсолютное большинство респондентов «своим» считают не предприятие холдингового типа в целом, а то предприятие, где они трудятся. Причем чем старше работники, тем более эта точка зрения распространена. Прослеживается связь между подобной идентификацией и образованием участвующих в опросе: чем образованнее работники, тем меньше в их ответах подобных утверждений. Во многом это обусловлено общей образованностью таких людей и, как следствие, их представлениями о том, что же это такое – предприятие холдингового типа.

2. Размах вариации в ответах респондентов различных бизнес-направлений по отношению ко всем аспектам социально-психологического климата достаточно невысокий, что свидетельствует об однородности и степени управляющих воздействий на все бизнес-направления предприятия холдингового типа «РОСКО». Наиболее проблемными являются отношения респондентов к условиям работы и мотивации. Наименее проблемными – отношения к организации, к коллективу, к руководству, к работе.

3. Наиболее благоприятным является социально-психологический климат в управляющей компании, что, на наш взгляд, связано с непосредственным влиянием респондентов этого бизнес-направления на формирование социально-психологического климата, разработку и внедрение норм и правил поведения в компании и на оценку степени соответствия действий работника и его поведения при осуществлении кадрового менеджмента.

4. На всех без исключения предприятиях вопросы мотивации (и в частности материального стимулирования) являются определяющими для формирования благоприятного социально-психологического климата.

Оценив социально-психологический климат, можно переходить к построению модели управления им.

В качестве концепции модели нами предлагается использовать процессно-ориентированный подход, отражающий основные этапы управления социально-психологическим климатом с одновременным отнесением их к одному из уровней управления холдинговой компании.

Актуальность выбора именно такого подхода продиктована тем, что сами по себе мероприятия по улучшению социально-психологического климата развиты сегодня достаточно хорошо, хотя они являются сферой интересов узких специалистов. При этом наибольшая эффективность применения таких мероприятий способна достигаться лишь тогда, когда они становятся частью целенаправленного процесса (осмысленного управленческого воздействия), подкрепленного соответствующими ус-

ловиями, ресурсами и, самое главное, видением того, что должно быть на выходе этого процесса.

На наш взгляд, модель управления социально-психологическим климатом должна содержать в себе следующие элементы:

1. Вход (внешние факторы, условия, ресурсы, в том числе информационные) и выход (решения, принимаемые на основе проведенного анализа).

2. Уровни иерархии, по которым будет распределяться управленческое воздействие, роли участия в управлении.

3. Вариантность, предполагающая выбор направления движения (варианта решения).

4. Улучшение (качественное изменение состояния) объекта управления с учетом внутренних факторов.

5. Обратная связь (верификация).

6. Ограничение во времени.

7. Наличие итераций (повторов).

8. Адресный подход.

Таким образом, модель управления социально-психологическим климатом будет иметь следующий вид (см. рис. 1).

Мы предполагаем, что управление социально-психологическим климатом должно осуществляться на трех уровнях:

1. На уровне руководства холдинговой компании (стратегический уровень управления).

2. На уровне руководства бизнес-направления, на котором проводилось исследование СПК (тактический и оперативный уровни управления).

3. На исследовательском уровне (методический уровень управления).

Начало процесса управления социально-психологическим климатом находится, в нашем понимании, на методическом уровне, так как именно здесь начинается диагностика социально-психологического климата. Необходимо отметить, что исследование такого масштабного характера на этом предприятии холдингового типа ранее не проводилось, поэтому начало исследования может стать определенной точкой отсчета в управлении социально-психологическим климатом данной компании.

Из результатов проведенного нами исследования видно, что социально-психологический климат в различных бизнес-направлениях предприятия холдингового типа «РОСКО» является как благоприятным, так и неблагоприятным.

В случае, когда на предприятии диагностирован благоприятный социально-психологический климат, условия, послужившие тому основой, должны быть проанализированы с таким же вниманием, как и при неблагоприятном социально-психологическом климате. Лучшие практики формализуются и систематизируются на уровне стратегического управления для целей возможного дальнейшего их применения.

На уровне тактического и оперативного управления подобные положительные практики просто закрепляются, так как руководство предприятия заинтересовано в поддержании процессов, обусловливающих наличие благоприятного социально-психологического климата.

Однако, несмотря на то что социально-психологический климат благоприятный, в конце релевантного периода проводится обязательная верификация (проверка) применяемых мер на состоятельность и соответствие целям и задачам развития предприятия на данном этапе (актуальность).

В случае, когда на предприятии выявлен неблагоприятный социально-психологический климат, формируется банк проблем. Обозначенные проблемы подлежат переложению на формат задачи, а после того как будет сформирован единый перечень задач, направленных на улучшение социально-психологического климата, их можно включать в программу действий на различных уровнях управления предприятия холдингового типа.

При этом в работе модели следует отметить две особенности. Первая – распределение по уровням управления осуществляется не в отношении проблем, выявленных в социально-психологическом климате, а только в отношении задач, способных их так или иначе устранить, поскольку в основе неблагоприятного социально-психологического климата, как правило, лежит целый набор причин и факторов, состоящих в чрезвычайно сложной и неразрывной взаимосвязи, так что какое бы то ни было их разделение в принципе не возможно.

Вторая – определение ведущей роли руководства (бизнес-направления или холдингом в целом) в управлении социально-психологическим климатом (уровень управления).

Выбор вариантов решения проблем, связанных или выражающихся в неблагоприятном социально-психологическом климате, предусматривается как на тактическом, так и на оперативном уровнях и закрепляется в числе полномочий руководителя бизнес-направления, входящего в структуру холдинга, и строится следующим образом.

В основе выбора вариантов решения проблем неблагоприятного социально-психологического климата, по нашему мнению, лежат некоторые особенности, которые, в свою очередь, могут быть классифицированы следующим образом:

1. Несовершенство или отсутствие организационных подсистем управления предприятием (мотивация, корпоративная культура, руководство и др.).

2. Сильное негативное влияние внешних факторов и внешней среды организации (социально-экономические, политические, культурные и многие другие аспекты развития общества, финансовое состояние предприятия и др.).

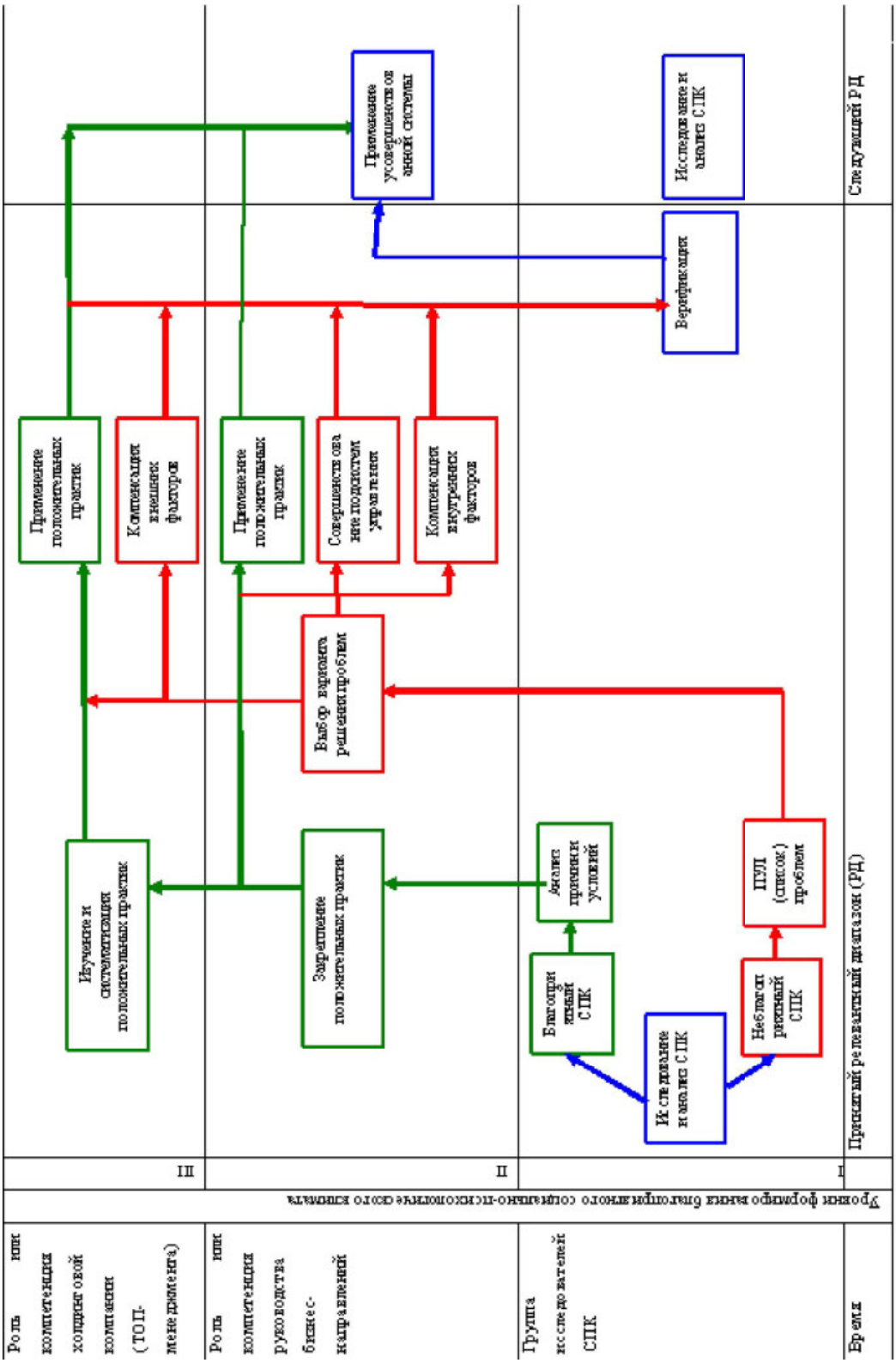


Рис. 1. Модель управления социально-психологическим климатом на предприятии холдингового типа

3. Сильное негативное влияние внутренних факторов и внутренней среды организации (состояние производственных сил, технологи, стоящие на вооружении предприятия, и др.).

4. Проблемы социально-психологического характера (взаимоотношения внутри коллективов, стиль лидерства и руководства, индивидуальные особенности отдельных работников, наличие неформальных организаций).

Данная укрупненная классификация основана, в первую очередь, на результатах проведенного нами исследования социально-психологического климата в различных бизнес-направлениях холдинговой компании «РОСКО». Ее цель (и практический смысл) – это ускорение реакции руководства предприятия на возникающие проблемы социально-психологического климата путем формулировки соответствующих задач (также укрупненных).

Так, проблемы, связанные с несовершенством организационных подсистем, формируют собой набор задач по их инвентаризации и изменению (возможно, разработке заново). Аналогично проблема негативного воздействия на социально-психологический климат факторов внешней и внутренней среды организации ставит задачу по принятию мер для его компенсации (или избегания). Проблемы социально-психологического свойства требуют непосредственного регулирования и коррекции (ручного управления).

При этом руководство предприятия может действовать следующим образом:

– применить имеющийся положительный опыт решения проблем социально-психологического климата, сохраненный в практике (при этом опыт может быть заимствован как свой, так и на уровне управления холдинговой компании, там, где он систематизируется);

– компенсировать факторы внутренней среды и обратиться на уровень управления холдинговой компании о рассмотрении вопроса компенсации факторов внешней среды;

– усовершенствовать подсистемы управления предприятием (также с возможностью заимствования положительных практик).

В целом указанные подходы определяют собой содержание управленческого решения, которое принимается руководством предприятия (на уровне тактического и оперативного управления) по результатам анализа проблем социально-психологического климата.

Принятое решение в отношении способа улучшения социально-психологического климата предприятия фактически является руководством к действию, а значит, должно содержать в себе отображение основных этапов процесса управления: планирования, организации, мотивации и контроля.

В сущности, их описание может быть включено в содержание модели управления социально-психологическим климатом, однако это является предметом изучения других направлений и не относится непосредственно к теме нашего исследования. В большей степени нас интересует только заключительный этап, связанный с контролем принимаемых мер по управлению социально-психологическим климатом. В графическом варианте описания модели управления социально-психологическим климатом данный этап обозначен просто как верификация. Однако есть понимание, что подходы к ее проведению могут существенно отличаться друг от друга.

Нами предлагается взять на вооружение подход к верификации, основанный на практике создания пилотных социальных групп (фокус-групп), структурных подразделений и даже бизнес-направлений. Логика данного подхода заключается в том, что непосредственно решению выявленных проблем социально-психологического климата в полном объеме (в масштабах предприятия или холдинга) должен предшествовать этап апробации выбранных для этого мер, что позволяет, на наш взгляд:

– отработать решение организационных вопросов;

– выявить возможное сопротивление со стороны коллективов и получить обратную связь;

– убедиться в точности и адекватности применяемых мер;

– понять динамику развития ситуации.

По окончании процедуры верификации завершается текущий релевантный диапазон управления социально-психологическим климатом, но не само управление. Модель управления социально-психологическим климатом предполагает, что собственно управление происходит до того момента, пока не завершена работа по реализации всех поставленных задач, и оно привело к реальному устранению выявленных ранее проблем.

При этом продолжительность релевантного периода будет различной, так как зависит от частоты исследований, проводимых в этой области. Так, если на предприятии происходят частые потрясения экономического, финансового, рыночного характера, сокращение штатной численности и др., релевантный диапазон должен быть более коротким. В целом динамика работы модели будет более высокой. И, напротив, если предприятие демонстрирует благоприятный социально-психологический климат, релевантный диапазон исследования будет увеличиваться.

Таким образом, разработанная модель управления социально-психологическим климатом позволит руководителям предприятия холдингового типа систематизировать положительные практики, если климат определен как «благоприятный», для дальнейшего применения в различных бизнес-на-

правлениях своей компании и формировать банк проблем при «неблагоприятном» социально-психологическом климате для принятия комплексных мер или адресных решений для изменения ситуации.

Важнейшим элементом процесса управления становится осуществление постоянного мониторинга социально-психологического климата предприятия холдингового типа. Это позволит оказывать влияние на принятие управленческих решений по построению «благоприятного» социально-психологического климата как в отдельно взятом бизнес-направлении, так и во всем холдинге в целом. При этом руководители предприятия холдингового типа при воздействии на социально-психологический климат должны учитывать набор как внутренних, так и внешних факторов, а также степень их влияния на социально-психологический климат коллективов различных бизнес-направлений.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1.159.923.2

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье раскрывается процесс институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России с точки зрения структурно-функциональной методологии. В ходе изложения материала показывается структура диалога, его акторы, элементы, стадии протекания, уровни, а также основные функции институционального диалога государства и гражданского общества.

Ключевые слова: *диалог, государство, гражданское общество, структурный функционализм, институционализация.*

Структурный функционализм – это особый методологический подход, применяющийся в социально-политических науках, который состоит в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру.

Функциональный подход к обществу, использовавшийся в XIX – начале XX века в политической социологии (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и др.), после Второй мировой войны оформился в широкое исследовательское направление – «структурный функционализм». В качестве структуры общества как системы структурный функционализм рассматривает имеющие общепризнанную значимость устойчивые образцы поведения в ней, нормативные ожидания относительно действий друг друга. Структурный функционализм Т. Парсонса строится на основе выделения в социальной системе структурных составляющих и определения их функций относительно друг друга. С точки зрения концепции действия, система для Т. Парсонса есть любой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий [6].

Важные дополнения в разработку функционального императива, созданного для объяснения социальной действительности, вносит ученик Т. Парсонса Роберт Мертон [5]. Он разработал теорию функций и основной её категориальный аппарат. Сторонником системной теории общества в социологии является социолог Никлас Луман. Он говорит о социальной системе как смысловой системе, элементами которой являются коммуникации. Элементарная коммуникация – это неразложимый элемент социальной системы. Коммуникация сама по себе не видна, она наблюдается как действие (отсюда, социальная система – система действий). В коммуникации участвуют как минимум двое, а самой обширной коммуникационной системой является мировое общество, которое выступает как предельная возможность повсеместного социального взаимодействия [4].

В рамках структурно-функциональной традиции анализа массовой коммуникации работали такие известные специалисты, как, например, Г. Лассуэлл, К. Шеннон, В. Уивер, Б. Уэстли и М. МакЛиэн, П. Лазарсфельд и др. Они и разработали наиболее известные, ставшие впоследствии классическими коммуникативные модели, открывающие природу и механизм действия акторов коммуникативных процессов. На этой основе была разработана новая модель коммуникации, которая особое внимание обратила на существование обратной связи между участниками коммуникационного процесса. На появление данной идеи (наличие обратной связи в коммуникации) огромное влияние оказали научные разработки, сделанные известным американским ученым Н. Винером [1], который по праву является основателем кибернетики. Эти и другие структурно-функциональные аспекты массовой коммуникации оказали громадное воздействие на переход от монологических форм интеракции государства и гражданского общества к симметричному диалогическому взаимодействию между ними.

Общественная жизнь понимается структурными функционалистами как бесконечное множество и переплетение взаимодействий людей, в том числе как диалог государства и гражданского общества. Для анализа этих действий недостаточно указать систему, в которой они происходят. Необходимо еще найти устойчивые элементы в этой системе, аспекты относительно стабильного в абсолютно подвижном. Это и есть структура. А операции этой структуры являются ее функциями. Данный подход структурного функционализма является важной методологической предпосылкой, позволяющей использовать эту теорию в рамках исследования институционального взаимодействия государства и гражданского общества на основе рассмотрения структуры и функций институционализирующегося диалога государства и гражданского общества [2].

© Зайцев А.В., 2012

Институциональный диалог государства и гражданского общества обладает определенной структурной организацией. Поскольку диалог, в отличие от монолога, – это субъкт-субъектная или интерсубъектная коммуникация, то в его структуре, в качестве наиболее важных элементов, можно выделить по крайней мере два (или несколько) субъекта диалога. При этом в начале диалога один субъект интеракции выступает в активной роли инициатора коммуникации, задающего тематику и тон дискурса. Эту активную позицию данного субъекта можно определить как роль адресанта, актора, коммуникатора информации. В то время как другой (другие) субъект (субъекты) в этот момент коммуникации выступают в роли адресата (адресатов), реципиента, принимающего передаваемую информацию. Затем происходит смена позиций, и активную роль адресанта-актора принимает на себя другой субъект политического дискурса, а предыдущий коммуникант становится адресатом или реципиентом, то есть восприемником информации.

В случае если в диалоге участвует более двух субъектов, то роль адресанта-актора от второго субъекта диалоговой коммуникации переходит сначала к третьему, затем к четвертому и так далее – к участникам данного диалога. Если же в диалоговом процессе задействовано лишь два субъекта, то роль адресанта (актора) вновь возвращается первому субъекту. В процессе обмена мнениями, взглядами, доводами, в ходе развернувшегося обсуждения предложенной темы диалога его субъекты попеременно выступают то в роли активных коммуникаторов информации, то в роли ее восприемников. Если в монологовой коммуникации статусы ее участников строго фиксированы, то в диалоге роли адресанта-адресата относительны, подвижны и четкой грани между одним и другим субъектом информационного взаимодействия нет. Такой диалог вовсе не обязательно должен заканчиваться примирением субъектов и выработкой общей взаимоприемлемой для них позиции. Сама процедура состоявшегося обмена политически значимой информацией представляет социальную ценность, поскольку позволяет в ходе ее осуществления разрешать противоречия, выпускать скопившийся «пар» и находить какие-то пути для дальнейшего диалогового взаимодействия и углубления взаимопонимания.

В роли субъектов такого диалога могут выступать органы государственной власти и управления, политические партии, общественные организации, НКО (НГО), церковь, бизнес-сообщество, государственные, политические и общественные деятели, СМИ, конкретные представители масс-медиа и даже отдельные граждане, являющиеся репрезентативными коммуникантами со стороны государства или гражданского общества.

Важнейшим структурным элементом институционального диалога является аудитория, для которой, собственно говоря, и разворачивается публичный дискурс власти и общества, протекающий, кстати, как в очной, так и в заочной форме. Он может быть либо локализован, либо растянут не только в пространстве, но и во времени. Четкой грани между аудиторией публичного политического диалога и его субъектами не существует. Ведь одна из важнейших интенций публичного дискурса состоит в том, чтобы пассивных наблюдателей превращать в активных акторов коммуникации. Состав аудитории, наличие тех или иных целевых групп, широта охвата аудитории зависят от специфики канала и средств коммуникации, по которым осуществляется трансляция диалога.

В структуре диалога можно выделить различные стадии его протекания: предварительное приглашение к диалогу, согласование его формата, порядка, регламента, затем открытие дискуссии, изложение субъектами диалога своих позиций, затем их уточнение, обмен вопросами, репликами и, наконец, формулирование своих позиций по обсуждаемой теме, ее аргументация, критика оппонентов и, как результат, подведение итогов. Это лишь общий набросок стадий диалога, которые в зависимости от избранного жанра (интервью, дебаты, дискуссия, полемика и проч.) могут быть и иными.

Средства диалоговой коммуникации являются материально-вещественной стороной политического диалога. Сюда можно отнести не только электронные и печатные СМИ, но также все более усиливающие свои позиции Интернет-коммуникации в виде сайтов органов власти, политических партий, общественных структур, веб-страниц, блогов конкретных политических деятелей и так далее. Сюда же должны быть отнесены законодательно-представительные органы власти, где народные избранники от лица избравшего их населения взаимодействуют с исполнительными органами государственной власти, заслушивают их отчеты, дебатируют, полемизируют, спорят, договариваются и коллективно вырабатывают наиболее эффективные пути решения острых и жизненно важных вопросов государства и общества. К коммуникативным средствам институционального диалога следует отнести всевозможные дискуссионные площадки, политические клубы, общественные приемные, пресс-конференции различного масштаба и уровня, интерактивное общение высших должностных лиц нашего государства с населением регионов России и копирование этих формы властями субъектов федерации и органов местного самоуправления.

В структуру институционального диалога следует включить и саму информацию, артикулируемую от адресанта к адресату, ее форму, содержание, тематику, социальную значимость, а также

приемы, стратегии и тактики ведения публичного дискурса его субъектами. В ряде стран, осуществляющих переход от авторитарно-тоталитарных режимов, созданы специальные центры диалога, призванные изучать, анализировать и внедрять инновационную практику диалога между властью и гражданским обществом. Этим же центрам принадлежит роль посредников (медиаторов) в организации и проведении наиболее значимых дискуссий. В России такого арбитра, то есть посредника в диалоге между обществом и властью, нет. Хотя, к примеру, во время телевизионных дебатов или ток-шоу такую миссию выполняет журналист, ведущий передачу с элементами диалога.

Несмотря на то что диалог государства и гражданского общества выступает в виде горизонтального политического института общества, в его структуре следует выделить по крайней мере три уровня. Первый уровень – это макроуровень, где процесс двухсторонней коммуникации осуществляется на общефедеральном уровне взаимодействия власти и структур гражданского общества. Затем следует региональный уровень взаимодействия органов власти и общественных формирований субъектов Российской федерации. Ну и, наконец, самый низовой уровень – это уровень местного самоуправления, а также уровень внутреннего межсубъектного взаимодействия друг с другом различных институтов и структур гражданского общества.

Институциональный диалог государства и гражданского общества выполняет определенные функции. Эти функции представляют собой совокупность решаемых в ходе двухсторонней коммуникации задач и достигаемых целей. Одна отдельно взятая функция института – это его предназначение и роль, которую диалог призван играть в обществе, его практическая польза, которую он приносит в ходе реализации своей миссии. Назовем основные функции институционального диалога государства и гражданского общества:

1. Коммуникативная функция, состоящая в обеспечении связи власти с гражданским обществом на основе двухстороннего обмена информацией.

2. Интегративная функция, позволяющая с помощью диалога добиваться объединения усилий общества и власти в решении жизненно важных политических проблем.

3. Конфликтологическая функция, позволяющая на основе политического диалога фиксировать конфликтогенные ситуации и своевременно принимать необходимые меры для их разрешения.

4. Аксиологическая функция, состоящая в совместном поиске и определении политически и социально значимых ценностей как для власти, так и для гражданского общества.

5. Прогностическая функция, позволяющая определять на основе двухсторонней политической коммуникации перспективы и приоритетные направления развития общества и государств, а также проблемы, возникающие в политической, экономической и социальной сферах.

6. Функция политической социализации, позволяющая приобщать к активной социально-политической деятельности широкие слои населения, прежде, до вовлечения в политический диалог, не проявлявшие гражданской активности и желания непосредственного участия в общественной жизни.

7. Функция гражданского контроля за деятельностью власти, позволяющая бороться с такими негативными явлениями во власти, как бюрократизм, черствость, равнодушие, протекционализм, клиентализм, формализм, взяточничество, использование служебного положения в личных целях и так далее.

8. Гуманистическая функция политического диалога, которая выражается в ненасильственном осуществлении власти.

9. Политико-управленческая функция, призванная на основе полученной властью в входе обратной взаимосвязи с гражданским обществом информации принимать соответствующие политико-управленческие решения.

Институциональный диалог власти и социума уже начал занимать свое место среди других политических и социальных институтов современного российского общества. Как было показано выше, диалог государства и гражданского общества имеет структуру и выполняет ряд важных функций. Все это свидетельствует о том, что он, пройдя предынституциональную стадию, вступил в начальную фазу институционализации, которая, однако, пока далеко еще не завершена [3]. Дальнейшая судьба диалога как особого политического института будет во многом зависеть от гражданской активности населения страны, от развития уровня культуры диалогового взаимодействия общества и государства и, конечно, от законодательно-правового закрепления процедур симметричной двухсторонней интеракции власти и социума. С одной стороны, уровень востребованности диалоговой коммуникации в обществе определяется степенью развитости гражданской активности населения, а с другой стороны, и сама эта активность пробуждается лишь в полноценном и равноправном диалоге гражданского общества с государством, чего, кстати, сегодня так не хватает для становления полноценного гражданского общества в современной модернизирующейся России.

Примечания

1. *Винер Н.* Кибернетика и общество / пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1958.

2. *Зайцев А.В.* Структурность и полифункциональность институционального диалога в социаль-

но-политическом дискурсе власти и общества // Общенациональный журнал «Власть». – 2011. – № 6. – С. 38–40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/06/Zaytsev.pdf

3. См.: *Зайцев. А.В*. Проблемы институционализации политического диалога государства и гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – №2 (18). – С. 27–36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvuz.pnzgu.ru/docs/2011/ob/ob_2011_2.pdf; *Зайцев А.В.* Государство и гражданское общество: институционализация диалогового взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. – 2011. – №3–4; *Зайцев А.В.* Институциональный диалог в политической коммуникации гражданского общества и власти // Актуальные вопросы философии, истории и политологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч. 2 (10 марта 2011 г.). – Новосибирск: Изд. «Энске», 2011. – С. 82–86 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Zajcev.pdf; *Зайцев А.В*. К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №3. – С. 13–22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dom-hors.ru/issue/pep/2011-3/zaitsev.pdf и др.

4. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007; *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001; *Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х годов. Реферативный сборник. – М., 1989. – С. 41–64; *Луман Н.* Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.

5. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006; *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.

6. См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1997; *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000; *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.9; 347.97/99

Бухарев Антон Викторович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bukharev89@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье анализируется законодательство о противодействии коррупции в судах общей юрисдикции, рассматриваются положения, направленные на минимизацию коррупционных рисков в деятельности судей и работников аппарата данных судов.

Ключевые слова: *коррупция, законодательство, суд, противодействие, профилактика.*

Коррупция – явление столь же древнее, как и человеческая цивилизация. Менялись эпохи, возникали и исчезали государства, приходили и уходили правители, а коррупция оставалась – как негативное и чрезвычайно живучее явление реальной жизни. В России прошлой и современной с коррупцией борются столько, сколько существует само государство [1].

Актуальность исследования вопросов противодействия коррупции подтверждается тем, что в течение последних нескольких лет национальными и международными исследователями отмечается заметный рост коррупции в Российской Федерации. По данным международной антикоррупционной неправительственной организации «Трансперенси Интернешнл», по индексу восприятия коррупции в 2011 году из 183 стран Россия заняла в рейтинге 143-е место, где расположилась между Нигерией и Тимор-Лесте [2].

Тем самым необходимо отметить, что на современном этапе развития России коррупция стала системным явлением, сходным по своим последствиям с экологическими и техногенными катастрофами, затрагивающими интересы миллионов граждан. Она по-прежнему является одной из самых острых проблем российской действительности, решить которую пока не удается.

К сожалению, не обошла стороной проблема коррупции и суды. Д.А. Медведев по этому поводу отметил: «Я считаю, что наша судебная система развивается и считать, что она насквозь коррумпирована, сгнила, что она отстаивает интересы отдельных компаний, отдельных чиновников, что она работает по звонку из органов власти, это было бы нечестно. В то же время все <…> это в системе есть» [3]. Такое положение дел в судебной системе явно не соответствует взятому в стране курсу на модернизацию, в рамках стратегии которой предусматривается существенное ограничение уровня коррупции.

Коррупция в суде подрывает авторитет органов власти, ведет к неизбежному снижению уровня доверия к правосудию со стороны граждан. Доверие к правосудию в целом и к каждому судье в отдельности складывается годами на основе общественного мнения о справедливости принимаемых судом решений, беспристрастности в подходах к защите прав и свобод граждан от влияний органов правоохранительной системы и органов исполнительной власти, а также исходя из того, кто именно осуществляет это правосудие.

Даже единичный случай судебного взяточничества, реальный или предполагаемый, способен навсегда очернить репутацию всего судейского корпуса, нанести непоправимый урон престижу всей судебной системы [4].

Правовое регулирование противодействия коррупции в судах в современной России достаточно многообразно и до настоящего времени не систематизировано в единую отрасль.

Основополагающими международными актами в сфере противодействия коррупции являются Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 и Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003.

Помимо обширного круга коррупционных преступлений, Конвенция ООН содержит положения относительно мер по предупреждению коррупции в суде. Так, согласно п. 1 ст. 11 данной Конвенции каждое государство-участник с учетом независимости судебной власти и ее решающей роли в борьбе с коррупцией принимает, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы и без ущерба для независимости судебных органов, меры по укреплению честности и неподкупности судей и работников судебных органов и недопущению любых возможностей для коррупции среди них [5].

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию констатирует, что коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и мо-

© Бухарев А.В., 2012

ральным устоям общества [6]. Таким образом, вышеуказанная Конвенция определяет объект воздействия коррупционного поведения.

Основополагающим национальным законодательным актом в сфере противодействия коррупции является Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции». Характеризуя данный Закон, следует подчеркнуть, что это в значительной мере не только нормативно-правовой, но и программный документ. Он дает ключевые понятия и определяет основные направления государственной деятельности в сфере противодействия коррупции, устанавливает сферу применения антикоррупционной политики.

Настоящим законом устанавливается перечень мер по профилактике коррупции, среди которых необходимо отметить, во-первых, обязанность предоставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Положение Закона «О статусе судей в Российской Федерации» [7], устанавливающее обязанность судей предоставлять помимо сведений о своих доходах сведения о доходах супруга (и) и несовершеннолетних детей, представляется промежуточным, поскольку в существующей редакции рассматриваемая обязанность мало способна выполнять задачи, на решение которых она направлена, так как в большинстве случаев имущество можно передать совершеннолетним детям, братьям, сестрам, родителям и так далее. Исходя из мирового опыта, декларирование доходов членов семьи, замещающих государственные должности, является распространенной превентивной антикоррупционной мерой, причем часто речь идет именно о членах семьи, то есть всех близких родственниках. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 №4994-1 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» разъясняет, что к членам семьи судьи относятся супруг (-а), родители и дети, проживающие с ним и ведущие общее хозяйство [8]. Таким образом, возраст детей не имеет значения, к членам семьи относятся и совершеннолетние дети, и родители, в отношение которых также необходимо установить декларирование доходов. Существующая же промежуточная позиция Закона не позволяет эффективно противодействовать коррупции путем реализации данной меры. Также к перспективным направлениям развития законодательства в данной сфере следует отнести установление контроля над расходами судей.

Во-вторых, формирование нетерпимости к коррупционному поведению.

Проводимая в России судебная реформа с особой силой высвечивает вопрос о таком необходимом условии ее успешного осуществления, как формирование правосознания судейского корпуса, соответствующего назначению и духу этой реформы. Одно из основных условий решения данной задачи – формирование современного научно-правового мышления судей. Для достижения данной цели требуется в рамках повышения научно-правового уровня подготовки судей значительно больше внимания уделять важнейшим теоретическим вопросам права, понимание которых позволит каждому судье более осмысленно и творчески подходить к применению права, к разрешению любого правового конфликта. А это возможно только в условиях обеспечения реальной самостоятельности судебной власти и независимости судьи при отправлении правосудия, а также реализации социальных гарантий судьи в быту, в непрофессиональной деятельности [9].

С другой же стороны, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 62% россиян считают, что пропаганда и повышение правосознания не способствуют борьбе с коррупцией [10]. Это можно объяснить низким уровнем правовой культуры, существованием в обществе стереотипов двойных стандартов: люди поддерживают публичные обличения в коррупции, но для решения собственных проблем активно пользуются «услугами» коррупционеров. До тех пор пока в обществе сохранятся подобные убеждения невозможно эффективно противодействовать коррупции даже при безупречном осуществлении профилактических мер.

Только реформирование судебной системы, по мнению профессора Ф.Г. Шахкелдова, может решить проблему коррупции. В случае если права граждан нарушаются, то они обращаются в суд за защитой своих прав и интересов. Если в суде нет законности и справедливости в силу его коррупционности, то о какой защите прав тогда может идти речь? [11]

Сложившаяся ситуация диктует необходимость перехода судов на качественно новый уровень деятельности, ставит новые задачи. В связи с чем была принята федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы (далее – Программа), утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.09.2006 №583.

В целях обеспечения прозрачности судебной системы и независимости судей при вынесении судебного акта Программой предполагается закрепление процедуры, препятствующей оказанию воздействия (давления) на судью в связи с рассматриваемым им делом [12].

Требование об обязательности раскрытия содержания всех неформальных обращений к судье, поступивших до рассмотрения дела, сможет обеспечить открытость судебного разбирательства. Суще-

ствование проблемы давления на судей со стороны чиновников на встрече с руководством и следователями МВД, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и представителями гражданского общества признал и Президент России. Кроме того, он указал на возможные пути ее решения: «Судье кому не надо не следует раздавать номер своего мобильного телефона – это первое, и это главное на самом деле. Это же вопрос правовой культуры», – заявил Медведев. Тем не менее бороться с попытками просить судей принять правильные решения нужно. «Это тема известная, мы ее неоднократно с судьями обсуждали, включая и введение так называемого журнала регистрации обращений. Просто сами судьи еще частично побаиваются, но в принципе это вполне нормальная вещь, – сказал президент. – Всякое обращение должно фиксироваться. Позвонил Иван Иванович, адвокат – фиксируется, позвонил Иван Петрович, глава городской администрации, – фиксируется». По мнению Д.А. Медведева, таким образом можно «отбить желание звонить». «Административное давление, оно в той или иной форме трудно преодолевается, но это в принципе возможный вариант», – резюмировал он [13]. В связи с этим процессуальное законодательство может быть дополнено обязанностью судьи объявлять лицам, участвующим в деле, обо всех обращениях к судье (устных и письменных) по рассматриваемому делу, поступивших до начала судебного разбирательства, с последующим занесением указанных сведений в протокол судебного заседания.

В настоящее время некоторые положения Программы уже успешно реализованы, в частности в судах общей юрисдикции прекращена существовавшая практика приема граждан и предварительного рассмотрения их заявлений судьями или их помощниками. В целях организации работы судов на современном уровне и с учетом международного опыта в районных судах общей юрисдикции для обеспечения приема граждан были созданы структурные подразделения по приему заявлений и обращений (приемные), что позволило исключить непосредственное общение судей и их помощников с участниками процесса до начала судебного разбирательства.

Таким образом, реализация мероприятий Программы в значительной степени способствует улучшению качества осуществления правосудия и предупреждению коррупции в судейском корпусе, а также повышению уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Подводя итог, необходимо сказать, что законодательство в сфере противодействия коррупции в судах в Российской Федерации начало развиваться сравнительно недавно. Несмотря на это, в настоящее время в России принят и действует целый ряд законов и подзаконных актов, закрепляющих меры по предупреждению коррупции в суде, большинство из которых, являясь достаточно свежими и заполняя определенные правовые пробелы в отечественной правовой системе, имеет большое количество неточностей и недостатков, а также зачастую носит противоречивый характер.

В условиях неразвитого законодательства по противодействию коррупции в суде невозможно проведение эффективной модернизации судебной системы. А ведь именно суд должен стать центральной частью защитного механизма демократии, а также прав и свобод граждан России от коррупции, порождающей произвол, несвободу и несправедливость.

Библиографический список

1. *Буравлев Е.М.* Коррупция в государственном аппарате как системное явление. Проблемы противодействия // Юридический мир. – 2008. – № 12 (СПС «КонсультантПлюс», раздел «Комментарии законодательства»).

2. http://www.transparency.org.ru/CENTER/cpi_11.asp.

3. http://pravo.ru/news/view/62777/.

4. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева (Редакционный материал) // Российский судья. – 2009. – № 1 (СПС «КонсультантПлюс», раздел «Комментарии законодательства»).

5. Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Международные правовые акты».

6. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Международные правовые акты».

7. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». – Ст. 8.1 // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

8. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 № 4994-1 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

9. *Курохтин Ю.А.* К вопросу об ответственности судей // Администратор суда. – 2010. – № 2 (СПС «КонсультантПлюс», раздел «Комментарии законодательства»).

10. Борьба с коррупцией: проблема не в законах, а в их исполнении? // Пресс-выпуск № 1081 от 30.10.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10891.

11. *Шахкелдов Ф.Г.* Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции // Рос-

сийский судья. – 2008. – № 12 (СПС «Консультант Плюс», раздел «Комментарии законодательства»).

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2006 № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы // СПС «Консультант-Плюс», раздел «Законодательство».

13. http://pravo.ru/news/view/64752/.

УДК 330

Гоголева Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук
Воронежский государственный университет
tgogoleva2003@mail.ru
Мажарова Лина Александровна
Воронежский государственный университет
linamazharova@yandex.ru

РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ И ОЦЕНКА ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье представлена авторская методика оценки эффективности регламента работы законодательных органов, основанная на предпосылках теории общественного выбора, и изложены результаты ее применения для мониторинга проблем и разработки программ совершенствования в реальных условиях.

Ключевые слова: *механизм принятия государственных решений, органы законодательной власти, голосование, эффективность, согласованность.*

Традиции экономического исследования правил голосования и регламента законодательных органов были заложены в рамках неоинституциональной теории общественного выбора, основоположниками которой являются Дж. Бьюкенен, К. Эрроу, В. Смит, Д. Блэк, К. Мэй. В работах отечественных ученых – В.А. Мау, Р.М. Нуреева, С.Г. Синельникова-Мурылева, К.И. Сонина, И.В. Трунина, С.Г. Шульгина, Е.Г. Ясина – данные идеи были развиты и адаптированы к особенностям российского политического процесса.

Однако вопросы оценки эффективности до настоящего времени могут быть отнесены к малоисследованным.

Данное направление научной мысли рассматривает отношения, возникающие в процессе подготовки и утверждения законодательных актов с позиций конкуренции индивидов за влияние на принятие политических решений. Это позволяет трактовать их как специфическую форму экономических отношений.

На основании такого подхода нами была разработана приведенная ниже методика, целью которой является исследование регламента работы органов представительной власти с позиций эффективности, поскольку именно регламент определяет условия развития конкурентной среды в рамках механизма принятия политических решений. Следует отметить, что, с нашей точки зрения, данный аспект является неотъемлемым элементом более общей проблемы эффективности государственного регулирования экономики.

В каждом конкретном случае реализация регламента имеет свои особенности, которые определяются предпочтениями участников относительно данного вопроса (например, при использовании одной и той же процедуры закон может быть принят как минимально необходимым числом голосов, так и единогласно, как с поправками, так и без), возможностью образования коалиций и «торговли» между ними, предполагающей принятие компромиссных решений в обмен на поддержку большего числа депутатов.

В соответствии с разработанной методикой, оценка эффективности предполагает анализ процедуры принятия решений, имевшей место в каждом конкретном случае, с точки зрения

1.1. Количества фактически имевших место вариантов законопроекта;

1.2. Распределения голосов участников (депутатов) как в целом, так и в разрезе отдельных фракций.

Распределение голосов в целом по органу представительной власти характеризует степень поддержки конкретных мер государственного регулирования экономики членами представительных органов власти и, следовательно, согласно логике политического процесса в демократических системах, обществе в целом. От степени поддержки непосредственно зависит успешность реализации соответствующих мер.

В свою очередь, фракции объединяют депутатов по партийному признаку, а политические партии являются «проводниками» интересов отдельных социальных групп, обеспечивая участие в полити-

© Гоголева Т.Н., Мажарова Л.А., 2012

ческом процессе (хотя и опосредованное) широких масс населения.

Различия в предпочтениях депутатов внутри фракции свидетельствуют либо об отсутствии четкой партийной позиции по данному вопросу, либо о наличии противоречий внутри самой фракции. И в том, и в другом случае фракция перестает эффективно играть роль «проводника интересов», и, следовательно, теряется смысл работы представительной власти как коллективного института демократии.

Для количественной оценки распределения голосов в процессе голосования нами были разработаны показатели, базой для которых послужил индекс согласованности (конформизма), используемый при анализе работы представительных органов власти [1, с. 160]:

$$l = \frac{|p-q|}{\max(p, 1-p)} \quad (1),$$

где l – индекс согласованности, находящийся в интервале [0, 1]; q – доля проголосовавших «за» в отдельной фракции; p – доля проголосовавших «за» в целом.

На его основе в ходе анализа были разработаны более обобщенные показатели:

1) мера согласованности фракции депутатов за период, которая может быть рассчитана как индекс согласованности в среднем за период работы законодательного органа:

$$L_m = \frac{1}{m}\sum_{i=1}^{m} l(p_m, q_m) \quad (1а),$$

где m – количество голосований за период;

2) мера согласованности фракции депутатов по группе вопросов, рассчитываемая, соответственно, как

$$L_g = \frac{1}{g}\sum_{i=1}^{g} l(p_g, q_g) \quad (1б),$$

где g – количество голосований по законам соответствующей группы.

1.3. Наличие и характер поправок.

Поправки отражают процесс поиска компромисса между предпочтениями участников и могут в значительной степени изменять содержание принятого закона по сравнению с первоначально внесенным законопроектом.

Данная методика была апробирована в ходе оценки эффективности регламента работы органов представительной власти Воронежской области, проведенной на примере принятия законов, формирующих условия внешнеэкономической деятельности в регионе. Исследуемый период охватывает срок полномочий областной Думы IV созыва (2005–2010 гг.), численность которой составляла 52 депутата, объединенных в четыре фракции: «Единая Россия» (38 депутатов), «Справедливая Россия» (5 депутатов), КПРФ (6 депутатов), региональный блок «Справедливость» (2 депутата), а также одного независимого депутата.

Из 716 законов, принятых Воронежской областной Думой в 2005–2010 гг., было отобрано 12, прямо или косвенно изменяющих условия внешнеэкономической деятельности на территории области, которые в ходе дальнейшей оценки эффективности выступают объектами анализа [5].

Содержание вышеуказанных законов позволяет достаточно четко разделить их на два вида:

– законы стратегического характера (5 законов за исследуемый период), изменяющие компетенции отдельных субъектов ВЭД и / или определяющие приоритетные направления государственного регулирования данной сферы – то есть изменяющие «правила игры»;

– законы тактического характера (7 законов за исследуемый период), посвященные «оперативным вопросам» государственного регулирования – предоставление прямой государственной поддержки отдельным предприятиям, изменение налогового режима или требований к качеству производимой продукции, привлечение инвестиций в отдельные сферы деятельности.

1.1. Количество вносимых вариантов законопроекта.

В реальном политическом процессе (в части законов, формирующих условия ВЭД в регионе) фактически не встречается ситуация конкуренции альтернативных законопроектов, определенная как более эффективная в рамках априорного анализа, – все 12 исследуемых законов были утверждены голосованием по правилу простого большинства за / против единственного варианта законопроекта.

1.2. Анализ распределения голосов депутатов.

1.2.1. В целом анализ долей голосов, фактически отданных в поддержку каждого из 12 законов, выступающих объектами анализа, показал, что средний процент голосов, фактически отданных в поддержку каждого из исследуемых законов, составляет в среднем 88,5%, что значительно превышает требуемые 50% + 1 голос, что может быть объяснено как совпадением позиций депутатов, принадлежащих к различным фракциям, так и, в большей степени, существованием доминирующей политической силы, которой выступает фракция «Единая Россия», объединяющая 38 депутатов и являющаяся фракцией квалифицированного большинства.

Для законов тактического характера этот показатель на 5,7% выше, чем для законов стратегического характера (см. табл. 1).То есть законы стратегического характера, по сравнению с законами тактического характера, во-первых, в большей степени затрагивают интересы всех групп участников политического процесса (меньше депутатов, воздер-

Таблица 1

Распределение голосов депутатов Воронежской областной Думы*

Название группы	% голосов (в среднем по группе)		
	«за»	«против»	«воздержались»
Законы стратегического характера	84%	10,4%	3,5%
Законы тактического характера	89,7%	4,8%	5,7%
В целом	88,5%	6,8%	4,7%

* Рассчитано авторами по данным [5].

Таблица 2

Согласованность фракций депутатов в Воронежской областной Думе IV созыва*

Показатель	Фракции депутатов			
	Единая Россия	Справедливая Россия	КПРФ	Справедливость
1. Мера согласованности за период (1а)	0,86	0,81	0,27	0,47
2.1 Мера согласованности депутатов по стратегич. законам (1б)	0,82	0,67	0,19	0,22
2.2 Мера согласованности депутатов по тактич. законам (1б)	0,89	0,89	0,41	0,65

* Рассчитано авторами по данным [5] на основании формул (1а), (1б).

Таблица 3

Процедура утверждения законов, регулирующих ВЭП региона*

Название группы	Процедура принятия		Всего законов (12)
	Приняты в первом чтении	Приняты во втором чтении	
Законы стратегического характера	-	5 (100%)	5 (100%)
Законы тактического характера	4 (57%)	3 (43%)	7 (100%)
Всего	4 (33%)	8 (67%)	12 (100%)

* Рассчитано авторами по данным [5].

жавшихся от голосования), во-вторых, являются более дискуссионными и, в конечном итоге, на момент утверждения в меньшей степени отвечают интересам всех групп участников (больше голосов отдается «против»).

1.2.2 Анализ распределения голосов в разрезе отдельных фракций.

Анализ меры согласованности фракций депутатов продемонстрировал (см.: табл. 2), что мера согласованности фракции депутатов за период является наиболее высокой у фракции «Единая Россия» (которая является фракцией квалифицированного большинства), что свидетельствует о высоком уровне дисциплины внутри фракции (в поддержку принятых законопроектов эта фракция голосовала практически единогласно). Наиболее низким этот показатель является у фракций КПРФ и «Справедливость», что свидетельствует о различиях в позициях членов фракции по рассматриваемым вопросам (единогласного голосования этих фракции как «за», так и «против» утверждаемых законопроектов практически не наблюдается). Фракция «Справедливая Россия» достаточно четко (и практически единогласно) поддерживает законопроекты социального характера, например, обеспечивающие поддержку национальным хозяйствующим субъектам, – это прежде всего законы тактического характера, в то время как по остальным (в том числе законам стратегического характера) демонстрирует отсутствие единой позиции.

Мера согласованности фракций по группам законов стратегического и тактического характера в целом повторяет описанные выше тенденции (то есть является наиболее высокой у фракции «Единая Россия» и стабильно низкой у фракций КПРФ и «Справедливость»). Однако следует отметить, что для законов стратегического характера этот показатель несколько ниже (в среднем по фракциям на 0,06), а для законов тактического характера несколько выше (в среднем по фракциям на 0,05) меры согласованности каждой из фракций за период. Это может быть объяснено тем, что законы

стратегического характера вызывают большие разногласия внутри самих фракций.

1.3. Анализ внесенных поправок.

Для Воронежской областной Думы характерен довольно высокий процент законов, принимаемых в первом чтении, без поправок (см.: табл. 3). Учитывая наличие фракций, составляющих оппозицию, этот факт свидетельствует не о совпадении позиций депутатов, а о недостаточно активном их участии в процессе законотворчества. В то же время необходимо отметить, что все законы, отнесенные нами к группе законов стратегического характера, приняты во втором чтении, что свидетельствует об их большей дискуссионности.

В целом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что общей проблемой политического процесса на уровне региона является отсутствие политической конкуренции, которое проявляется в:

– фактическом отсутствии ситуации голосования по нескольким вариантам законопроекта;

– отсутствии четких позиций оппозиционных фракций по ряду вопросов ВЭП;

– незначительном количестве вносимых поправок.

Рекомендацией по повышению эффективности в данном случае может быть стимулирование (вплоть до соответствующей законодательной регламентации) возникновения ситуации конкуренции законопроектов, прежде всего стратегического характера.

Подводя итоги, следует отметить, что представленная выше методика может быть использована для оценки эффективности работы представительных органов при разработке как экономической политики государства в целом, так и отдельных ее направлений (внешнеэкономической, бюджетной, инвестиционной), причем как на общефедеральном, так и на региональном уровне. По нашему мнению, мониторинг эффективности работы представительных органов и реализация необходимых мероприятий по ее совершенствованию позволит обеспечить разработку экономической политики, в максимальной степени соответствующей интересам общества, и избежать необоснованных издержек, связанных с реализацией неэффективных мер.

Библиографический список

1. *Алескеров Ф.Т., Хабина Э.Л.* Бинарные отношения, графы и коллективные решения. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 300 с.

2. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора: курс лекций. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 530 с.

3. Регламент Воронежской областной Думы: утвержден постановлением Воронежской областной Думы от 7 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=36 (дата обращения: 11.05.2010).

4. Устав Воронежской Области: принят областной Думой 25 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=35 (дата обращения: 11.05.2010).

5. Воронежская областная Дума IV созыва. Официальный Сайт Воронежской областной Думы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vrnoblduma.ru/index.php?id=1126 (дата обращения: 01.07.2010).

УДК 347.963

Петрова Ольга Николаевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

PeOlN@yandex.ru

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики применения прокурорами правовых средств по обеспечению законности в сфере местного самоуправления в статье рассматриваются основные их виды и проблемы применения.

Ключевые слова: *прокуратура, правовые средства, органы местного самоуправления.*

В юридической науке под правовыми средствами прокурорского надзора понимают предусмотренные законодательством формы реализации полномочий прокурора, направленные на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона [12].

Во всех случаях эффективность средств прокурорского надзора зависит от законного, обоснованного, полного и оперативного их использования.

Представляется, что под правовыми средствами, применяемыми органами прокуратуры для обеспечения исполнения законодательства о местном самоуправлении, следует понимать совокупность действий, предусмотренных действующим законодательством, вытекающих из полномочий прокурора в данной области и направленных на достижение целей прокурорского надзора в данной сфере отношений.

© Петрова О.Н., 2012

Одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры и основой, на которой должна строиться вся «общенадзорная» работа прокуратуры, является надзор за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Невозможно обеспечить соблюдение законности в правоприменительной практике без решения задачи соответствия закону нормативной базы местного уровня.

Нормотворческая и правоприменительная деятельность органов местного самоуправления создаёт особый правовой режим на территории муниципального образования, обеспечивает законность, именно поэтому соответствие нормативных правовых актов органов местного самоуправления федеральному законодательству и законодательству субъекта Федерации имеет большое значение для обеспечения единого правового пространства в России.

Поэтому наиболее важным направлением надзора в сфере местного самоуправления становится надзор за законностью муниципальных правовых актов.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 155 от 2 октября 2007 года «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [4] прокурорам городов и районов необходимо принимать меры по усилению надзора за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами местного самоуправления.

В рамках реализации приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 144 от 17 сентября 2007 года «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшению взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» [3] прокуроры городов и районов более активно участвуют в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления. Становится важным такое направление деятельности прокуроров городов и районов, как организация работы по систематическому поступлению в прокуратуру правовых актов органов местного самоуправления, а также их проектов.

В первую очередь органы прокуратуры нацелены на предупреждение принятия незаконных муниципальных актов.

Представляется необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 43 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], закрепив обязанность направления проектов правовых актов органов местного самоуправления в органы прокуратуры. Особенно это касается актов, рассчитанных на длительное применение и распространяющих своё действие на всех или многих граждан, проживающих в соответствующем муниципальном образовании.

Следует также помнить, что на сегодняшний день органы местного самоуправления вправе не учитывать мнение прокурора при принятии акта, а заключение носит рекомендательный характер. Представляется необходимым закрепить ответственность за невыполнение требований прокурора, внесённых до принятия правового акта.

Эффективным средством воздействия на муниципальное нормотворчество во многих регионах России является подготовка и распространение «модельных» правовых актов. Однако в данном случае появляется и другая проблема – «копирование» данного «модельного» акта без должной работы над его содержательной частью.

Это обусловлено тем, что органы местного самоуправления рассматривают модельный акт не просто в качестве образца, требующего переработки применительно к условиям конкретного муниципального образования, а как проект правового акта, требующий его одобрения [13].

Статья 7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1] даёт право прокурорам участвовать в заседаниях органов местного самоуправления. Такое взаимодействие на нормотворческой стадии позволяет сократить число принятых незаконных правовых актов.

При этом в одних случаях участие прокурора заключается в виде наблюдателя с целью получения информации по вопросам состояния преступности и законности, оценке работы, выполненной прокуратурой и другими правоохранительными органами. В иных случаях, при рассмотрении внесённых прокурором представлений и протестов на заседаниях соответствующих органов, в виде непосредственного участия прокурора. Такое участие даёт право прокурору выступить на заседаниях, дать анализ правонарушений, поддержать внесённые им акты реагирования.

В 2010 году прокурорами Центрального федерального округа (далее – ЦФО) дано свыше 54 тыс. заключений по проектам нормативных актов органов местного самоуправления, свыше 5 тыс. из них содержали замечания в связи с допущенными нарушениями закона. Большинство этих замечаний учтено органами местного самоуправления [9]. Также прокурорами подготовлено 524 модельных акта.

Одной из главных причин возникновения проблем в муниципальном нормотворчестве видится низкая квалификация управленческого состава органов местного самоуправления. Далеко не все муниципалитеты имеют сильные юридические службы. Один из способов решения существующих проблем – повышение уровня правовой грамотности.

Статистика Минрегиона России говорит о том, что в городских поселениях работают в среднем 1013 муниципальных служащих. В 6 тыс. сельских поселений (31% от общего количества сельских поселений) количество муниципальных служащих составляет не более двух человек. Данная ситуация является следствием отсутствия квалифицированных специалистов [8].

В. Басаргин, министр регионального развития РФ, в докладе на совещании в Генпрокуратуре России вопрос подготовки кадров для местного самоуправления определил приоритетной задачей.

Так, в 2010 году подготовку и повышение квалификации прошло более 5 тыс. специалистов сельских органов местного самоуправления. Наиболее налажена работа по повышению квалификации муниципальных служащих в Ростовской, Вологодской, Белгородской областях [7].

Основной причиной включения в правовые акты положений, нарушающих нормы законодательства, видится отсутствие у должностных лиц органов местного самоуправления глубоких знаний действующего законодательства.

Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка отметил, что одной из основных задач органов прокуратуры остаётся консультативная и правовая помощь местной власти, в том числе и при подготовке проектов нормативных актов [14].

Генпрокурор России дал указание подчинённым регулярно информировать муниципалов о касающихся их работы изменениях федерального законодательства [11].

Актуальным является вопрос реализации статьи 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предусматривающей, что прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Данное право реализуется прокурорами во исполнение требований приказа Генерального прокурора № 243 от 24 ноября 2008 года «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» [5].

Сложности возникают в связи с тем, что в федеральном законодательстве не урегулирован вопрос наделения уставами муниципальных образований районных прокуроров правом правотворческой инициативы.

В целях улучшения правотворческой деятельности прокуроры направляют в представительные органы местного самоуправления предложения о внесении в уставы муниципальных образований норм, предоставляющих право правотворческой инициативы прокурору района. Принятие данной нормы соответствует положению ч. 1 ст. 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Однако в некоторых случаях органы местного самоуправления муниципальных образований отказывают прокурорам в предоставлении им права правотворческой инициативы.

Прокурорами ЦФО в 2010 году внесено в планы нормотворческой работы органов местного самоуправления около 700 предложений о разработке нормативных актов. Направлено свыше 11 тыс. представлений, информационных писем, предложений о принятии и изменении нормативных актов, большинство из которых учтено. Подготовлено более тысячи проектов актов [10].

В случае выявления несоответствия положений правовых актов органа местного самоуправления или его должностного лица закону либо нарушений закона в деятельности указанных субъектов, а также несоблюдение ими прав и свобод человека и гражданина прокурор использует предусмотренные законом правовые акты реагирования на допущенные нарушения.

На противоречащий закону либо нарушающий права человека и гражданина правовой акт местного самоуправления прокурором приносится протест либо в орган местного самоуправления, либо должностному лицу органа местного самоуправления.

Согласно ст. 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» протест подлежит обязательному рассмотрению не позднее чем в десятидневный срок с момента его поступления, а в случае принесения протеста на решение представительного органа местного самоуправления – на ближайшем заседании. При исключительных обстоятельствах, требующих немедленного устранения нарушения закона, прокурор вправе установить сокращённый срок рассмотрения протеста. О результатах рассмотрения протеста незамедлительно сообщается прокурору в письменной форме. При рассмотрении протеста коллегиальным органом о дне заседания сообщается прокурору, принесшему протест.

Но, как показывает практика, органы местного самоуправления могут и отклонить протест прокурора, и опротестованный акт может продолжить действовать до тех пор, пока не будет дана оценка этому акту судом [6].

В юридической науке неоднократно высказывалось мнение о необходимости дополнения п. 1 ст. 23

Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» положением о приостановлении действия акта после применения протеста.

Это представляется абсолютно верным, особенно в сфере исполнения законодательства о местном самоуправлении, так как незаконный правовой акт нарушает права и интересы не только государства, но и граждан муниципального образования.

Закон предоставляет возможность прокурору обратиться в суд с требованием о признании незаконным правового акта местного самоуправления.

На основании ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурором вносится представление об устранении нарушений закона, которое подлежит безотлагательному рассмотрению.

В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме. При рассмотрении представления коллегиальным органом прокурору сообщается о дне заседания.

На основании статьи 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона.

Сущность предостережения состоит в предъявлении прокурором соответствующему должностному лицу местного самоуправления, готовящемуся совершить противоправное деяние или совершающему его, требования о прекращении противоправных действий или отказе от их совершения и разъяснении ему возможных для него последствий, если эти действия не будут прекращены.

Таким образом, на сегодняшний день, системный надзор за законностью в сфере местного самоуправления – важнейшее направление деятельности прокуратуры.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 18.02.1992. – № 39.

2. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 8.10.2003. – № 202.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2007 года № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшению взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24 ноября 2008 года № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

6. *Антонова Н.А.* Проблемы обеспечения законности актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. – 2009. – № 7.

7. *Басаргин В.* До 2020 года в развитие сельских поселений будет вложено 310 миллиардов рублей // Муниципальная власть. – 2011. – № 1.

8. *Басаргин В.* О проблемах взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления // Муниципальная власть. – 2011. – № 1.

9. *Горшенина О.В.* Органы прокуратуры и местного самоуправления ищут точки взаимопонимания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:bujet.ru

10. *Лапицкий В.Г.* Организация взаимодействия прокуратуры с органами местного самоуправления // Практика местного самоуправления. – 2011. – № 8.

11. Практика проверок органов местной власти со стороны прокуратуры может быть пересмотрена // Муниципальная власть. – 2011. – № 1.

12. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М., 2006.

13. *Тихомиров Ю., Андриченко Л.* Участие прокуратуры в нормотворческой деятельности на региональном и муниципальном уровнях // Законность. – 2008. – № 7.

14. *Чайка Ю.* «Генпрокуратура России постарается определить критерии прокурорского вмешательства» // Муниципальная власть. – 2011. – № 1.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В предлагаемой работе рассматриваются некоторые основные особенности правового обеспечения российской производственной демократии на первоначальном этапе социалистической организации труда, в условиях практического осуществления государственной политики, получившей название «военный коммунизм». Проведён общий анализ ключевых нормативно-правовых актов, направленных на организацию и регулирование процессов, связанных с участием работников в управлении организацией.

Ключевые слова: *военный коммунизм, диктатура пролетариата, производственная демократия, рабочий класс, представители пролетариата, фабрично-заводские комитеты, российские профсоюзы, рабочий контроль.*

На современном этапе развития российского общества весьма большое значение приобретает такое явление (неизбежное и закономерное), как социальное партнёрство. Многоаспектность данного феномена вызывает живой интерес со стороны экономистов, политологов, историков, психологов, философов, правоведов и представителей других наук. Научный интерес к проблемам социального партнёрства в целом (и российского, в частности) обусловлен поиском необходимого компромисса (консенсуса), посредством которого реально возможно, в определённой степени, сгладить острые углы (антагонизм) в отношениях труда и капитала в условиях становления российской рыночной экономики. Так, В.А. Михеев, автор первого отечественного учебника «Основы социального партнёрства: теория и политика», справедливо отмечает, что «XXI в. должен стать эпохой формирования новых цивилизованных человеческих отношений мира труда и капитала, строящихся на основе общественного договора… Анализ проблем становления и развития системы социального партнёрства приобретает особую актуальность как фактора, благотворно воздействующего на сохранение политической стабильности, динамическое развитие экономики и социальной сферы…» [6, с. 6].

Трудовой Кодекс РФ (далее ТК РФ), действующий с 1 февраля 2002 г., посвятил социальному партнёрству самостоятельный раздел (раздел II «Социальное партнёрство в сфере труда») и поместил данный институт ранее самого главного института трудового права – «Трудового договора». Согласно ст. 27 ТК РФ одной из форм современного социального партнёрства является производственная демократия. Современный ТК РФ (ст. 52) устанавливает право работников принимать деятельное участие в управленческих делах «своей» организации как непосредственно, так и через рабочие представительные органы (профкомы, советы, общие собрания трудовых коллективов). Формы такого участия, перечень которых не является исчерпывающим, также регламентируются данным кодексом.

Однако, несмотря на очевидную актуальность социального партнёрства в целом, данный институт, в условиях реальной действительности, находится, в большей степени, на теоретическом уровне. Практическая реализация основных форм социального партнёрства сталкивается с определёнными проблемами: экономическими, социальными, правовыми, моральными, психологическими.

Между тем данное явление зародилось и приобрело актуальность не в «постсоветский» период развития нашего общества (несмотря на активный интерес к нему именно в этот период), оно имеет свои «генетические» корни, исторические предпосылки. «Знание исторических особенностей процесса становления и развития системы партнёрских отношений позволяет выявить оптимальные подходы к согласованию интересов различных социальных групп, слоёв, классов, определить типы солидарного поведения, новые формы взаимоотношений в социально-трудовой и политических сферах российского общества» [6, с. 6].

Следует констатировать, что право работников на участие в управлении организацией, которая является их местом работы, было декларировано всеми ранее действовавшими советскими кодексами законов о труде. Более того, коллективный договор, как основной локальный акт социально-партнёрских отношений, фактически впервые появился в начале XX века, но был легализован лишь с приходом к власти большевиков.

Целью нашей работы является рассмотрение некоторых ключевых особенностей процесса правового регулирования такого социально-политического феномена, как промышленная (производственная) демократия (то есть участие российского пролетариата в управлении предприятиями), в период, известный под названием «военный коммунизм».

С приходом к власти большевиков (25 октября 1917 г.) наступил новый этап формирования российского трудового законодательства, согласно марксистско-большевистской идеологии и основным принципам построения основ социализма. Совер-

© Рощин Б.Е., 2012

шенно нового подхода к процессу правового регулирования социально-трудовых отношений потребовала государственная политика новой власти, взявшая курс на социалистическую организацию труда российского пролетариата, которая, по убеждениям теоретиков и практиков ортодоксального большевизма, являлась исторически новой, наиболее прогрессивной, неизбежной формой труда, на пути к строительству бесклассового общества. Сущность социалистической организации труда состояла в радикальном изменении производительных сил и производственных отношений, существовавших ранее, при капитализме. Качественные изменения касались основных средств производства, которые, по мере их национализации (проходившей на практике в несколько этапов), неизбежно приобретали, в конечном итоге, государственную форму собственности.

Значительно сложнее складывалась ситуация с трудовыми резервами, так как фактически работник и его рабочая сила (трудовые знания, умения, навыки) являются ключевым средством производства материального блага, но, в отличие от фабрик, заводов, мастерских и т.п., работника невозможно было, столь радикальным способом, подвергнуть огосударствлению.

Социалистические производственные отношения предполагалось организовать на основе принципов социалистической морали: товарищеского сотрудничества, взаимопомощи, социалистических соревнований (вместо капиталистической конкуренции) и т.п. «Великая смена труда подневольного трудом на себя, – писал В.И. Ленин в статье «Как организовать соревнование», – трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном… масштабе, требует также – кроме “военных” мер подавления сопротивления эксплуататоров – громадных организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства» [4, с. 194].

Очевидно, для осуществления столь масштабного проекта требовались колоссальные ресурсы и достаточно продолжительный временной период. Так, один из главных идеологов социализма, Н.И. Бухарин, в работе «Экономика переходного периода», написанной в 1920 г. (в пик политики «военного коммунизма»), отмечал, что «социализм придётся строить» и построение коммунистического общества будет «в значительной степени сознательным, то есть организованным процессом» [1, с. 58]. Н.И. Бухарин констатировал принципиальное различие между генезисом капитализма и социализма, полагая, что капитализм сам себя строит, а социализм необходимо создавать, строить, внедрять, поддерживать и т.п., то есть, выражаясь современным языком, «внедрять искусственными методами».

Начало проведения политики «военного коммунизма» традиционно связывают с началом Гражданской войны и официального объявления Российской Республики «военным лагерем» (декретом от 2.09.1918 г.). Крупный исследователь социально-трудовой сферы профессор И.Я. Киселёв, в частности, отмечал: «С конца 1918-го по 1920 г. в России шла Гражданская война, сопровождавшаяся иностранной интервенцией. В условиях тотальной разрухи, катастрофического обнищания населения советская власть предприняла отчаянные усилия для того, чтобы одержать победу в войне, подавить сопротивление свергнутых классов, отразить натиск контрреволюции… Этому всецело была посвящена деятельность государственного аппарата… Многие меры экономической и социальной политики того времени, получившей название “военный коммунизм”, были вызваны экстремальной обстановкой, требовавшей незамедлительной мобилизации всех имевшихся скудных ресурсов, крайнего напряжения сил ради выживания новой власти» [3, с. 31]. Однако ряд современных исследователей полагает (и, по-видимому, с их мнением следует согласиться), что военнокоммунистическая эпоха наступила сразу после захвата государственной власти большевиками, так как очевидно, что в этот период российское общество было ввергнуто в состояние системного кризиса (экономического, политического, духовного), при котором наглядно наблюдаются такие деструктивные общественные процессы, как тотальная разруха, «катастрофическое обнищание населения», противостояние «свергнутых классов», активный «натиск контрреволюции», массовая безработица, с одной стороны, и катастрофическая нехватка рабочей силы (для восстановления разрухи), с другой стороны. Подобные социальные процессы обусловили необходимость проведения военнокоммунистической политики «молодого советского государства».

Организация труда на принципиально новых началах (важным из которых провозглашалась производственная демократия) осуществлялась в контексте советской трактовки понятия «демократия». По утверждениям теоретиков большевизма, так называемой «чистой демократии» никогда не существовало и быть не может. В любом «антагонистическом обществе» демократия обслуживает «господствующий класс». Классовая сущность советской демократии, которая, согласно новой идеологии, отомрёт вместе с отмиранием классов, заключалась в провозглашении диктатуры пролетариата, как высшего проявления этой демократии. Более того, понятия «диктатура» и «демократия» рассматривались как две стороны одной медали, с той лишь разницей, что советская демократия целиком и полностью направлена на благо российских трудящихся, а диктатура пролетариата нацелена на

решительную борьбу против неугодного элемента и на окончательное его уничтожение.

На первоначальном этапе становления советской власти, организации социалистического труда и «красногвардейской атаки на капитал» ключевую роль играла большевистская пропаганда, нацеленная на пробуждение и активизацию «революционного творчества масс» на всех уровнях построения нового общества. В.И. Ленин отмечал: «Новый аппарат, Советы, уже приведён в движение могучим порывом подлинного народного творчества… Одна из самых главных задач теперь… развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так наз. “высшие классы”…» [5, с. 183].

Реальным проявлением представительной рабочей демократии стало массовое возникновение всевозможных новых рабочих организаций и проведение соответствующих «демократических» мероприятий. Ключевыми представительными рабочими органами, в деле осуществления производственной демократии, стали фабрично-заводские комитеты (далее ФЗК) и российские профсоюзы, а среди важнейших и первоочередных мероприятий советской власти, направленных на практическую реализацию данной демократии, следует отметить рабочий контроль над производством.

Основными направлениями государственной политики, в рассматриваемый период, стали мероприятия по установлению рабочего контроля над промышленно-производственной и другими сферами общественной жизни. Главным разработчиком такого контроля и идейным вдохновителем его повсеместного внедрения выступал В.И. Ленин. Тема рабочего контроля проходит красной нитью в работах В.И. Ленина, написанных в период захвата власти и начального этапа организации соцтруда. Так, в работе «Удержат ли большевики государственную власть», написанной за месяц до прихода к власти, В.И. Ленин утверждал, что, при диктатуре пролетариата, такой контроль может стать «всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учётом производства и распределения продуктов» [5, с. 180]. В работе «Как организовать соревнование?», написанной 28.12.1917 г., также отмечалось: «Учёт и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое сотрудничество массы рабочих и крестьян в учёте и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества…» [4, с. 196]. Подобные идеологические установки нашли своё правовое выражение в ленинском декрете «О рабочем контроле» (от 14.11.1917 г.), устанавливавшем такой контроль «во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наёмных рабочих…». Контроль устанавливался над сырьевыми ресурсами предприятия, производством и распределением готовой продукции, повышением производительности труда, укреплением трудовой дисциплины, финансово-технической стороной предприятия, а также над всей деловой перепиской и документацией предприятия (в связи с чем отменялась коммерческая тайна) [9, с. 178].

В развитие данного декрета, на первом собрании Всероссийского Совета рабочего контроля, был разработан проект инструкции по рабочему контролю. Инструкция более детально конкретизировала организационные вопросы рабочего контроля, в частности:

1) устанавливались органы рабочего контроля в отдельных предприятиях, путём избрания (ФЗК или общим собранием рабочих) особой контрольной комиссии, подконтрольной, в свою очередь, общему собранию работников предприятия и «вышестоящему над ней учреждению рабочего контроля…»;

2) определялся правовой статус контрольной комиссии. Данная комиссия обязывалась выполнять (на локальном уровне) функции исполнительного органа контрольно-распределительной комиссии «своей отрасли промышленности»;

3) определялись источники финансирования деятельности контрольной комиссии в отдельных предприятиях, формируемые за счёт средств предпринимателя, обязанного на эти цели «отпускать не свыше двух процентов с суммы затраты данного предприятия на заработную плату…»;

4) определялся порядок формирования и функционирования контрольно-распределительной комиссии профессионального союза, которая создавалась по отраслевому признаку и являлась вторым звеном в системе рабочего контроля. Данная комиссия наделялась соответствующими правами и обязанностями: рассматривать и разрешать жалобы на действия и постановления контрольной комиссии отдельного предприятия; созывать (самостоятельно) общее собрание работников, требовать перевыборов контрольной комиссии данного предприятия; издавать технические инструкции для контрольных комиссий отдельных предприятий; представлять ходатайства о временном закрытии предприятий, относившихся к определённой отрасли хозяйствования;

5) определялись общие полномочия местного Совета рабочего контроля, направленные, главным образом, на консолидацию деятельности контрольно-распределительных комиссий в соответствующей местности [2, с. 129–131].

Российские фабрично-заводские комитеты, как проводники производственной демократии, проявили наибольшую активность и самостоятельность после февральской революции (27.02.1917 г.), ознаменовавшей падение российского самодержавия, и в первый год пролетарской диктатуры. Вышеупомянутый декрет «О рабочем контроле» наделял данные «выборные учреждения» полномочиями по обеспечению данного контроля. Кроме того, проект устава ФЗК, разработанный Центральным Советом фабрично-заводских комитетов (ЦСФЗК) и опубликованный в специализированном журнале «Вестник Народного Комиссариата Труда» (№ 2–3, 1918), предусматривал достаточно широкие властные полномочия данных органов в социально-трудовых и производственных сферах: в хозяйственно-технической сфере, в финансовой сфере, в сфере снабжения предприятия сырьём и необходимыми материалами, в сфере непосредственной организации трудового процесса, в сфере санитарно-гигиенического производства. Однако активная деятельность ФЗК столкнулась с рядом проблем:

1) данные комитеты дублировали полномочия российских профсоюзов, угрожая создать им серьёзную конкуренцию;

2) комитеты претендовали на роль «основной ячейки» системы рабочего контроля;

3) комитеты отстаивали свою самостоятельность и независимость, не желая становиться придатком профсоюзной системы;

4) комитеты, как правило, отстаивали интересы лишь своих конкретных предприятий («местечковые интересы»), создавая препятствия к централизованному руководству производственной сферой и вступая, тем самым, в явные противоречия с идеологическим курсом государства.

Российские профсоюзы, как главные субъекты процесса производственной демократии, наделялись достаточно широкими полномочиями на локальном уровне регулирования трудовых процессов. 2.07.1918 г. принимается положение Совета Народных Комиссаров «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условий труда». Данное положение определяло основные полномочия профсоюзов по разработке проекта коллективного договора и его заключению с противоположной стороной (предпринимателями, обществами, предприятиями, учреждениями) [7, ст. 568].

Первый в российской истории Кодекс Законов о Труде, принятый в декабре 1918 г., устанавливал норму, согласно которой трудовые условия во всех предприятиях и хозяйствах «советских, национализированных, общественных и частных регламентируются тарифными положениями, вырабатываемыми профессиональными союзами…» [8, ст. 905]. Однако анализ ключевых правовых актов, принятых в рассматриваемый период, свидетельствует о том, что профсоюзы уже в первый год становления советской власти выполняли функции, нацеленные, в первую очередь, на обеспечение государственных интересов, становясь, тем самым, придатком государственного механизма, что вполне соответствовало официальной идеологии.

Таким образом, особенности производственной демократии в период «военного коммунизма» заключались в следующем:

1) участие в управленческих делах предприятия могло осуществляться только через представительные рабочие органы (ФЗК, профсоюзы, специальные комиссии и т.п.);

2) открыто декларировалась классовая сущность производственной демократии (в представительные рабочие органы избирались либо делегировались, как правило, представители рабочего класса);

3) в результате формирования основ административно-командной системы, сопровождавшегося централизованным регулированием и контролем со стороны госаппарата всех сфер жизнедеятельности общества, производственная демократия приняла довольно причудливые формы. Так, с одной стороны, мощная большевистская пропаганда провозглашала неизбежность и необходимость такой демократии, с другой стороны, строго дозированные полномочия соответствующих органов; централизованное (императивное) регулирование ключевых вопросов социально-трудовой сферы; лишение ФЗК самостоятельности и независимости и превращение этих органов в низовое звено профсоюзной системы; существенные ограничения коллективно-договорного регулирования труда; урезанные формы (и, в определённой степени, декларативный характер) рабочего контроля;

4) понятие «социальное партнёрство» отрицалось и трактовалось как явление, необходимое для капиталистической организации труда. Однако сохранялись такие «атрибуты», как коллективные договоры, отраслевые соглашения, разумеется, в урезанном виде.

В заключение следует отметить, что впервые в российском законодательстве термин «социальное партнёрство» был использован лишь в постсоветский период, в Указе Президента РФ «О социальном партнёрстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» (от 15.11.1991 г.). Данный указ в настоящее время утратил силу. Закон РФ «О коллективных договорах и соглашениях» (от 11.03.1992 г.), который также утратил силу, более детально регламентировал социально-партнёрские

отношения, возникавшие на пяти уровнях социального партнёрства. Основные положения данного закона, в несколько усовершенствованном виде, вошли в действующий ТК РФ. К сожалению, в ТК РФ значительно сокращены, по сравнению с прежним трудовым законодательством, права профсоюзов и трудовых коллективов, что на практике является «камнем преткновения» для полноценного развития основ производственной демократии.

Кроме того, довольно слабо учитывается опыт развитых стран с рыночной экономикой. Многие передовые зарубежные страны взяли курс на дальнейшее внедрение и совершенствование позитивных элементов производственной демократии. Достаточно богатый опыт (по вопросам участия трудящихся в управлении делами различных корпораций) накоплен в ряде зарубежных стран: Франции, Австрии, Испании, Нидерландах, Норвегии, Дании, Швеции, Люксембурге. Особенно развита система производственной демократии в современной Германии. Современная система производственной демократии ряда демократических государств, по мнению профессора И.Я. Киселёва, приобщает трудящихся (и их организации) к управлению производством, а также «выполняет важные функции по уменьшению отчуждения работников от средств производства, повышению их заинтересованности в труде… иными словами, по активизации человеческого фактора… Возможность оказывать влияние на управленческие решения улучшает трудовую мораль» [3, с. 419]. Очевидно, объективная оценка и учёт своего и чужого опыта не только предопределяют основные тенденции дальнейшего развития данного явления, но и, в определённой мере, предостерегают от непоправимых ошибок.

Библиографический список

1. *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода. – М., 1920. – 156 с.

2. Вестник социального страхования. – 1918. – № 10.

3. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

4. *Ленин В.И.* Как организовать соревнование // В.И. Ленин О трудовом законодательстве: Сб. ст. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.

5. *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть // В.И. Ленин О трудовом законодательстве: Сб. ст. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.

6. *Михеев В.А.* Основы социального партнёрства: теория и политика: Учеб. для вузов. – М.: Экзамен, 2001. – 448 с.

7. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 48.

8. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 87–88.

9. Хрестоматия по истории СССР 1917–1925 / под ред. Д.А. Чугаева. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1963. – 695 с.

УДК 347.97/99

Саакян Давид Оганесович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

saakjandav89@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Указанная статья посвящена некоторым элементам внутрисистемной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, к которым относят: планирование, организацию, руководство, контроль и др. От совершенствования данных направлений во многом зависит эффективность функционирования как отдельного органа правоохраны, так и всей системы в целом. Основное внимание в статье уделяется внутриведомственному контролю как действенному инструменту в обеспечении надлежащего исполнения обязательств сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: *функция, управление, организация, система контроля, контроль.*

В настоящее время, когда в значительной степени консолидируются силы государства и общества на реализацию принятой президентом Российской Федерации политики, направленной на усиление борьбы с организованной преступностью, терроризмом, коррупцией, обеспечением надежного общественного порядка, особое значение приобретает укрепление внутрисистемной деятельности правоохранительных органов.

Потребность в усилении внутрифункциональной стороны в работе органов правоохраны в то же время вызвана происходящими реформами органов внутренних дел, прокуратуры, следственных органов, поскольку принятые в 2011 году новые федеральные законы «О полиции», «О Следственном комитете Российской Федерации», регламентирующие деятельность данных органов, непосредственно касаются вопросов организационно-управленческой деятельности в системе этих органов.

Именно от совершенствования организационных и управленческих технологий в правоохранительной деятельности, в первую очередь, зависит

© Саакян Д.О., 2012

эффективность функционирования данных органов, которая обусловлена слаженностью и согласованностью деятельности всей правоохранительной системы, что в итоге выражается в уровне преступности в обществе, способности этих органов противостоять криминогенным факторам, своевременно взаимодействовать и объединяться в борьбе с негативными элементами жизни общества.

При этом особо стоит отметить, что потенциал, усиливающий внешнефункциональную деятельность правоохранительных органов, не в меньшей степени содержится внутри его работы, выражен во внутренних функциях органа.

Применительно к органам прокуратуры как особого звена, обладающего мощным аппаратом, предназначенным для охраны прав, свобод и интересов граждан, организаций, государства от преступных посягательств, вышеуказанное положение о зависимости внешнефункциональной деятельности органа от его внутреннего функционирования, как отмечает А.Ф. Смирнов, выражается в следующем.

В течение долгого времени ученые и практики, занимающиеся вопросами повышения эффективности работы органов прокуратуры, видели ключ к улучшению функционирования данного органа в совершенствовании прокурорского надзора путем разработки теоретических основ этой деятельности, ее нормативно-правовой регламентации, совершенствования тактики и методики надзорной деятельности, то есть в повышении эффективности работы виделось за счет улучшения внешней функциональной деятельности, определяемой целями и задачами органов прокуратуры [3, с. 27].

В то же время недостаточное акцентирование внимания со стороны ученых к теоретическим основам внутренней организации работы органов прокуратуры, управлению в системе данного органа может привести к тому, что прокуратура будет отставать от предъявляемых к ней требований со стороны граждан и государства, не будет справляться с поставленными перед нею целями и задачами. С ошибками во внутриорганизационной деятельности органов прокуратуры напрямую связаны недостатки, упущения в работе органа, во взаимоотношениях подразделений органов прокуратуры между собой, в согласованности деятельности всей системы данного органов. Указанные обстоятельства в том числе препятствуют оптимизации работы всей системы прокуратуры, поэтому вызывают необходимость выработки научно обоснованных рекомендаций и новых подходов в организации работы прокуратуры, совершенствования системы управления в самой прокуратуре. Вышесказанные факторы, препятствующие развитию прокуратуры, есть и в системе иных органов правоохраны, конечно, с присущими для конкретного органа особенностями. Главным образом, в органах Следственного комитета Российской Федерации, полиции, в связи с относительной новизной данных органов.

Касаясь вопросов организации и управления, стоит определиться с толкованием данных понятий. Под управлением принято понимать процесс воздействия субъектов на объекты управления с целью достижения согласованных результатов. В свою очередь, термин «организация» употребляется в различных значениях: и как определенный процесс, и как явление [4, с. 4]. В нашем случае необходимо понимать под организацией определенную деятельность, направленную на достижение единых целей, внутреннего согласования работы системы. Применительно к органам правоохраны организация состоит в создании благоприятных условий взаимодействия органов, подразделений и должностных лиц для достижения единых целей в борьбе с преступностью [3, с. 37].

Говоря об организации и управлении в правоохранительных органах, нельзя не отметить, что в теории управления и теории организации существуют различные позиции ученых по вопросу соотношения понятий организация и управление. Одни отмечают, что организация включает в себя управление, другие утверждают, что, наоборот, последнее охватывает организацию, третьи указывают на равнозначность понятий. В нашем же случае приемлемым будет рассматривать организацию как функцию управления.

Под функцией управления в органах следует понимать одно из основных направлений деятельности правоохранительного органа.

В системе управления выделяют следующие функции: информационное обеспечение деятельности, прогнозирование, планирование, контроль, организация, руководство, координация и др. Данные функции относят к внутренней деятельности органа, то есть они являются внутрифункциональными.

Среди указанных функций особую роль играет контроль, как элемент проверки и оценки работы аппарата правоохранительного органа фактическими обстоятельствами дела. Контроль является одним из важнейших требований к деятельности правоохранительных органов, дабы должностные лица органов действовали строго в соответствии с законом, не выходя за его пределы, не нарушая прав граждан. При этом контроль должен быть как различных подразделений, входящих в состав органа, так и деятельности отдельного должностного лица. Он является важнейшим фактором эффективности функционирования каждого правоохранительного органа и, безусловно, необходим в любой сфере правоохранительной деятельности.

Указанное выражается в том, что благодаря контролю возможна постоянная проверка результатов деятельности органа правоохраны, а при выявле-

нии пробелов и недостатков в работе органа можно оперативно принимать меры к их устранению, не допуская наступления более тяжких последствий. При этом стоит заметить, что контроль должен быть своевременным и постоянным, поскольку затягивание осуществления контрольных мероприятий, откладывание проведения может обернуться напрасной тратой сил и средств.

В свою очередь, выступая в качестве одного из серьезных инструментов повышения эффективности работы правоохранительного органа, контроль в то же время является методом воспитания кадров, средством обеспечения дисциплины в процессе управленческой деятельности, проверки состояния законности в соответствующем органе, а также методом установления и устранения причин и условий, способствующих отклонению должностного лица либо подразделения органа от намеченного плана действия.

Контроль включает определенную систему, которая состоит из субъектов, объектов контрольной деятельности, видов, форм контроля [1, с. 134].

Субъектами контроля, если говорить о внутреннем контроле, могут быть как руководители либо иные лица, обладающие контрольными полномочиями, так и определенные подразделения в самом правоохранительном органе, например, Департамент собственной безопасности в Министерстве Внутренних Дел. Помимо указанного, контроль может быть и внешним, например, контроль со стороны общественности (Общественный совет при УВД по Костромской области, Общественный совет при Следственном комитете Российской Федерации по Костромской области).

В настоящее время наблюдается тенденция к усилению роли общественного контроля в деятельности правоохранительных органов, особенно органов полиции. Об элементе общественного контроля в полиции свидетельствует статья 50 федерального закона «О полиции», согласно которой «граждане Российской Федерации, общественные объединения осуществляют общественный контроль за деятельностью полиции….» [5]. Представляется, что внесение аналогичных изменений в ФЗ «О прокуратуре», ФЗ «О Следственном комитете» было бы целесообразным, поскольку вызвало бы ясность о наличии общественного контроля данных органов со стороны граждан.

Соответственно объектами контроля являются те должностные лица, работники правоохранительных органов, само подразделение органа правоохраны, которое подвергается контролю со стороны вышестоящего звена.

В органах прокуратуры отмечают следующие виды контроля, которые могут существовать и в иных правоохранительных органах:

– текущий и окончательный контроль;
– плановый и внеплановый;
– сплошной и выборочный;
– прямой и косвенный;
– постоянный и периодический [2, с. 9].

Следует отметить, что контроль, конечно, должен быть постоянным и непрерывным со стороны руководителя, но при этом нужно соблюдать определенные границы, ведь чрезмерный контроль может ограничить свободу работника, сковать его при выполнении своих функций, то есть привести к обратному эффекту, выраженному в снижении результативности работы сотрудника. Так, имеются прецеденты в некоторых отделах правоохранительных органов, когда руководитель, осуществляя контроль, постоянно, несколько раз в течение часа, заходит к сотрудникам, спрашивает о проделанной работе, проверяет, находится ли работник на месте, в случае отсутствия, не выясняя причин, привлекает подчиненного к мерам дисциплинарной ответственности. Это скорее вызовет постоянное нервное напряжение внутри коллектива, во взаимоотношениях сотрудников с руководителем. Поэтому желательнее создание доверительных отношений в коллективе, чувства совместной обязанности, ответственности за каждое дело, находящееся в производстве органа. Контроль целесообразнее проводить по итогам выполненного задания либо на определенных стадиях выполнения, но не слишком часто, поскольку такой подход вызовет отрицательное отношение сотрудника как к своему труду, так и к руководителю.

Все сказанное, безусловно, имеет частный характер, зависит от конкретного руководителя и сотрудника, распространять данные правила на всех лиц нельзя, поскольку играет роль человеческий фактор. Также рассматриваемый вопрос нельзя регулировать сугубо ведомственными актами управления, в которых указывать, каким образом руководителям необходимо контролировать своих сотрудников, – для этого необходима комплексная работа. Одним из наиболее эффективных методов являются различные совещания, встречи, обсуждения руководителями различных ведомств, в том числе с участием подчиненных сотрудников, того, каким образом действеннее контролировать работу должностных лиц. По итогам такого обсуждения целесообразно издание методических рекомендаций.

Контроль может производиться в различных формах: проверке, письменных и устных отчетах работников, заслушивании объяснений об исполнении поручений. При этом самой распространенной формой контроля в правоохранительных органах является проверка, в ходе которой устанавливается фактическое состояние дел, дается оценка деятельности работников, принимаются меры по устранению выявленных результатов.

К специфической форме контроля относят обращения граждан, содержащие оценку деятельности работников правоохранительного органа [3, с. 135]. Как представляется, в настоящее время указанная форма контроля должна развиваться и укрепляться, поскольку в ней выражается относительно объективная характеристика деятельности органа правоохраны со стороны граждан, в этом наблюдается воля населения, настроение народа по отношению к политике государства в области правоохранительной деятельности, поэтому необходимо максимизировать роль данного института. От такого рода контроля во многом зависит эффективность работы всей правоохранительной системы Российской Федерации.

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о необходимости комплексного изучения организационно-управленческой деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и, в частности, совершенствования внутрифункциональной стороны деятельности правоохранительных органов. Требуется тщательный подход, включая разработку и реализацию дополнительных мероприятий организационно-практического характера, направленных на улучшение организации контроля в правоохранительных органах Российской Федерации как особой и ключевой функции управления в правоохранительной деятельности.

Библиографический список

1. *Корнеев В.В.* Система контроля – элемент управленческой функции внутрисистемного управления органами внутренних дел // Общество и право. – 2010. – № 4 (СПС «КонсультантПлюс», раздел «Комментарии законодательства»).

2. *Кобзарев Ф.М.* Организация работы в прокуратуре города, района. Методические материалы к семинару. – М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 2006.

3. *Смирнов А.Ф.* Основы организации и управления в органах прокуратуры: Учеб. / Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генпрокуратуры РФ. – М., 2004.

4. *Смирнов Э.А.* Теория организации: Учеб. пособие. – М.: Инфра–М, 2006. – 248 с.

5. Федеральный Закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О Полиции». – Ст. 50 // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

УДК 343

Смирнов Владимир Николаевич

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, ОГРАНИЧИВАЕМЫЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

В статье рассматриваются такие категории, как «свобода» и «права человека», а также основания и порядок ограничения конституционно закрепленного права человека на свободу при заключении под стражу в ходе уголовного судопроизводства, а вместе с тем и ограничение других, конституционно закрепленных прав человека.

Ключевые слова: *свобода, права человека и гражданина, ограничение права на свободу, заключение под стражу.*

В каком бы государстве ни находился человек, в месте ли своего постоянного жительства или пребывания, он остается свободным существом, находящимся под защитой мирового сообщества, собственного государства, гражданином которого он является, а также государства, в котором он находится. Состояние свободы не даруется какой-либо публичной властью, а принадлежит человеку в силу его рождения.

Термин «свобода» употребляется в двух значениях, хотя и неразрывно связанных. В общем смысле он обозначает состояние народа и отдельного человека, которое характеризуется возможностью действовать по своему усмотрению. Этот термин в Конституции исполняет роль основополагающего философского принципа, который реализуется через весь комплекс конституционно-правовых норм. Иное дело свобода как субъективная возможность совершать или не совершать какие-то действия (например, свобода слова). В этом смысле термин «свобода» по существу тождествен термину «субъективное право», а различие объясняется только тем, что такая юридическая лексика сложилась исторически. Но нельзя не учитывать, что свобода в субъективном смысле (как субъективные права) является юридической формой реализации свободы народа и отдельного человека в общем, философском смысле этого слова [5, с. 186].

Состояние свободы реализуется через субъективные права, которые указывают направления и формы использования свободы. Эти права носят естественно-правовой характер, а потому неотъемлемы и неотчуждаемы. Они сохраняются за человеком даже тогда, когда он сам от них отказывается. Однако на пути свободы всегда стоит государство, создаваемое людьми для поддержания усло-

© Смирнов В.Н., 2012

вий реализации свободы. Государство через законы закрепляет права и свободы человека, и тогда они становятся мерой возможного, то есть обретают границы дозволенного. Закрепление, охрана, поддержание прав и свобод, создание условий для их претворения в жизнь составляют длительную цепь правовых актов и действий, начало которым кладет конституция.

Права человека – одна из вечных проблем человечества, которая неизменно находится в центре внимания философской, политической, правовой, религиозной, этической мысли. Тот перечень прав человека, который ныне зафиксирован в международно-правовых документах, – результат длительного исторического формирования эталонов и стандартов, ставших критерием современного демократического общества.

В современном понимании права человека – это социальные и юридические возможности пользоваться материальными, социальными и иными благами. Иногда права человека определяют как меру возможного поведения человека в обществе, то есть возможность совершать действия, не запрещенные законом [6, с. 425].

Права человека принадлежат каждому члену общества и составляют одну из важнейших общечеловеческих ценностей. Государство обязано обеспечить их реализацию.

Институт прав человека представляет собой совокупность принципов права, присущих как международному, так и внутригосударственному праву и отражающих исторически достигнутый уровень демократизма и гуманности общества. Отсюда особое юридическое качество данного института: ни международный договор, ни национальное законодательство не могут ограничить права человека. Это основано на концепции основных прав человека.

В ч. 2 ст. 17 Конституции РФ закреплено, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Кроме того, в ч. 2 ст. 55 Конституции РФ указано, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Базой для принятия российских конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина послужили международные правовые акты универсального характера: Всеобщая декларация прав человека 1948 года, международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Оба пакта подписаны и ратифицированы СССР и вступили в силу для Российской Федерации как правопреемницы бывшего СССР.

Важно отметить, что Российская Федерация вступила в 1996 году в Совет Европы и подписала ряд европейских конвенций, в том числе Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, международные стандарты прав и свобод человека, сформированные исходя из всемирного опыта и воплощающие тенденции современного прогресса, определяют нормативный минимум для государственной регламентации данного института с допустимыми отступлениями от этого стандарта в направлении его повышения или конкретизации.

Необходимо отличать категорию «права человека» от категории «права гражданина». Права человека проистекают из естественного права, а права гражданина – из позитивного, хотя и те и другие имеют общеобязательный характер.

Права человека являются исходными, они присущи всем людям от рождения независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет, а права гражданина включают в себя те права, которые закрепляют за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданство).

Таким образом, каждый гражданин того или иного государства обладает всем комплексом прав, относящихся к общепризнанным правам человека, плюс всеми правами гражданина, признаваемыми в данном государстве.

В наше время при возросшей миграции населения разных стран, и прежде всего рабочей силы и беженцев, а также в связи с развитием широких контактов в мире бизнеса, науки и культуры в каждой стране постоянно находится, а часто и оседает много людей, которые по разным причинам или временно не приобретают гражданство государства пребывания. Их положение определяется только статусом прав человека, который, однако, охраняется каждым государством в силу его конституции и международного права.

В связи с этим конституции стран мира, следуя установившейся в международно-правовых актах терминологии, говоря о правах человека, употребляют слова: «каждый имеет право…», «никто не может быть лишен…», «все», «личность». Права человека подразумеваются и в тех случаях, когда конституционный текст закрепляет обезличенную обязанность государства что-то «гарантировать», «признавать» или «охранять». Когда же речь идет о правах, предоставляемых только лицам, имеющих гражданство данного государства, то употребляется четкая формулировка «граждане имеют право». Следовательно, за терминологическим различием стоит различие правового статуса, то есть объема прав и обязанностей человека и гражданина [5, с. 190].

Развитие общества неизбежно рождает ситуации, требующие от государства ограничить отдельные права и свободы. Поскольку главная опасность

необоснованного ограничения исходит от исполнительной власти, конституции обычно предусматривают возможность ограничения основных прав только законом или на основании закона, то есть актами, в принятии которых исполнительная власть прямо не участвует.

Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, в отдельных случаях и только федеральным законом права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены, но лишь в тех целях, которые перечислены в статье.

При применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу происходит ограничение закрепленного в ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность, которое также закреплено в ст. 10 УПК РФ и является принципом уголовного судопроизводства.

Конституционное право на свободу является одним из наиболее значимых и емких социальных благ. Оно предоставляет людям возможность пользоваться личной (гражданской), политической, экономической и духовно-культурной свободой, создавая тем самым условия, необходимые для всестороннего развития личности, обеспечения функционирования демократического общества в целом.

В соответствии со ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Исходя из закрепленного в Декларации идеала свободной личности, Международный пакт о гражданских и политических правах, в частности, предусматривает, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность (п. 1 ст. 9); никто не должен содержаться в рабстве, в подневольном состоянии, не должен понуждаться к принудительному труду (ст. 8).

Из положений названных и иных международно-правовых документов видно, что право на свободу трактуется достаточно широко, охватывая сферу как физической (биологической), так и социальной жизни человека.

Право на свободу, так же как и права на жизнь и достоинство личности, является объемным, сложносоставным правомочием, включающим в себя комплекс конкретных прав и свобод, реализуемых в различных сферах.

Одним из важнейших элементов свободы личности является его личная неприкосновенность – наиболее значительное право человека, которое он приобретает от рождения. Это означает, что каждый, независимо от пола, национальности, вероисповедания и т.п., вправе совершать любые действия, не противоречащие закону, не подвергаясь какому-либо принуждению или ограничению в правах со стороны кого бы то ни было.

Институт личной неприкосновенности включает физическую (это сама жизнь, здоровье человека, его физическое состояние) и морально-духовную неприкосновенность (честь, достоинство личности).

Обеспечение физической неприкосновенности личности предполагает создание достаточных гарантий от каких-либо посягательств на ее жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, свободу физической активности как со стороны государства в лице его органов и должностных лиц, так и со стороны отдельных людей. Обеспечение морально-духовной неприкосновенности охватывает комплекс мер, направленных на защиту от посягательств на нравственное и психическое здоровье личности, интеллектуальную и волевую сферу сознания человека.

Право, провозглашенное в ч. 1 ст. 22 Конституции, включает, в том числе, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах без предусмотренных законом оснований, санкции суда, а также сверх установленных либо контролируемых сроков.

Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу в силу ч. 2 ст. 22 Конституции может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей.

В своем Постановлении от 03.05.1995 № 4-П Конституционный Суд РФ отмечал, что не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывает давление на сознание и поступки человека. Любой опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности должно противостоять право на судебное обжалование, которое гарантирует проверку, в том числе законных оснований для вынесения решения о заключении под стражу, и защиту от произвольных ограничений этих прав.

Законными основаниями для избрания меры пресечения, в том числе в виде заключения под стражу (ареста), является наличие достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда; 2) может продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Мера пресечения может избирать-

ся также для обеспечения исполнения приговора (ст. 97 УПК). При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определении ее вида и наличии соответствующих оснований должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК).

Общим основанием для применения меры пресечения является возбуждение уголовного дела по факту совершения преступления и предъявление обвинения в его совершении конкретному лицу. В исключительных случаях мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. При этом обвинение ему должно быть предъявлено в срок не позднее 10 суток с момента задержания, а при подозрении в совершении ряда преступлений в основном террористического характера (ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 277-281 и 360 УК) – не позднее 30 суток. Если в эти сроки обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется (ст. 100 УПК).

Срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента задержания (заключения под стражу) до направления прокурором уголовного дела в суд (ч. 9 ст. 109 УПК).

В своих решениях Конституционный Суд неоднократно обращался к процедуре habeas corpus и выработал основные принципы ее применения. Судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон. При решении вопросов, связанных с содержанием под стражей в качестве меры пресечения, это предполагает участие в процессе обвиняемого и его защитника, обеспечение сторонам возможности довести свою позицию до сведения суда и представить в ее подтверждение необходимые доказательства.

Судебное решение об избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу, может быть вынесено при исследовании судом фактических и правовых оснований, предусмотренных законом и при условии подтверждения их достаточными данными материалов дела. При этом суд основывается на собственной оценке обстоятельств дела, а не только на аргументах, изложенных в ходатайстве стороны обвинения или при продлении срока, в ранее вынесенном постановлении судьи об избрании данной меры. Продлевая действие этой меры либо отказываясь от ее продления, судья не просто соглашается или не соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, а принимает соответствующее решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в другую стадию, что может быть обусловлено появлением новых оснований оставления без изменения или изменения меры пресечения и требует предоставления лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, права на участие в этих судебных процедурах.

Решение суда должно быть вынесено в пределах срока 48 часов с момента задержания. Предусмотренную ч. 7 ст. 108 УПК возможность продления срока задержания не более 72 часов по ходатайству одной из сторон для предоставления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу суд признал не противоречащей Конституции, поскольку такое решение выносится судом при условии признания им задержания законным и обоснованным.

Постановление суда во всяком случае должно быть мотивированным. Оно может быть обжаловано в кассационном и надзорном порядке. При этом отсутствие каких-либо процедурных правил может быть восполнено судом путем непосредственного применения ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 123 Конституции и использования процессуальной аналогии.

Таким образом, при применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу происходит ограничение закрепленного в Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность, основания и порядок правомерного ограничения данного права установлены законом (УПК РФ).

Но так как право на свободу и личную неприкосновенность понимается достаточно широко, то при его ограничении, в частности при заключении лица под стражу, можно также говорить одновременно об ограничении других прав граждан, а именно закрепленного в ст. 23 и 24 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в ст. 27 Конституции РФ права на свободу передвижения и других.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, 1993 г.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2002 г., с изменениями и дополнениями.

5. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. – 8-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2009.

6. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Эксмо, 2007.

7. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Эксмо, 2007.

УДК 341.1/8

Султанов Ильшат Робертович
Башкирский государственный университет (г. Уфа)
ilshatsultan@list.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Учитывая возрастающее влияние процесса интеграции государств, необходимо уделять достаточное внимание вопросу изучения организаций публичного международного права. В статье рассматриваются вопросы политико-правового статуса международных организаций и их роль в современном интеграционном процессе.

Ключевые слова: *международные интеграционные организации, сближение международного и национального права, экономическое межгосударственное сотрудничество, международные интеграционные процессы, европейское право.*

Международные организации как институциональная основа современных интеграционных процессов, по признанию многих исследователей, недостаточно изучены[1]. Нельзя не согласиться с высказанным мнением, что «наука так и не предложила человечеству чётких представлений о значении этого феномена международной действительности для решения глобальных и региональных проблем, разрешения межгосударственных конфликтов, развития международного права и основанной на нем международной практики. Отсюда спорным остается и вопрос об организационных формах развития мирового сообщества в целом» [1, с. 37].

Например, вызывает большой вопрос группа международных интеграционных объединений. Её существование признается почти во всех учебных изданиях по международному праву, однако палитра методов их деятельности практически не раскрывается. А организационные формы и значение интеграционных сообществ для развития международных правоотношений, на наш взгляд, требуют систематизации и теоретического обобщения. Классификация международных организаций, в которую принято сегодня включать и группу так называемых наднациональных организаций [2, с. 39–50], на наш взгляд, также страдает отсутствием обоснованности.

Действительно, новаторское мировоззрение в науке о международных организациях, ставшее модным в последние два десятилетия, основывается в основном на массе необобщенного эмпирического материала, иногда действительно очень богатого, но несущественного для теории. Например, о европейском союзе в России написаны десятки монографий и еще больше учебной литературы с описанием его действительно масштабных достижений. Но в юридическую теорию международных организаций или субъектов международного права ничего существенного, тем не менее, внесено не было. С теоретической точки зрения такое изобилие эмпирического материала и его простое описание, которое мы видим в издаваемой литературе последних лет, мало что дает.

Не прояснённым порой остается и вопрос места региональных международных (интеграционных) объединений в системе международных отношений. Носят ли они действительно субординационный характер с верховенством международных структур, либо подчиненность государств-членов пока еще не стала реальностью. И станет ли вообще. Отсюда трудно предсказать и тенденции, и перспективы их дальнейшего развития, и даже атрофии и заката, что, как показывает практика международных организаций, последние тенденции, образовавшиеся в политике членов европейского союза в области торговли [3], тоже вполне закономерно.

Новые методы регулирования международных правоотношений, коих уже немало накопилось и которые вносят такие организации в международную практику, также требуют критического теоретического «разбирательства». Вспомним только новые схемы и правила взаимодействия государств в области энергетики, оказания правовой помощи, международной торговли, унификации международных и национальных норм и т.п.

Кроме эмпирического уклона в ущерб теории, в последние десятилетия проявилось и еще одно «узкое место» в изучении международных организаций – пристрастность. Политизированность мировоззренческих подходов к международным альянсам, ставшая уже привычным делом, повлекла и излишнюю комплиментарность в их оценках. Это, бесспорно, мешает юридическому анализу и выявлению чётких и, возможно, новых юридических характеристик этих политических объединений, оставляя их в рамках лишь политических понятий и порой субъективных оценок. Соответственно и внутреннее право этих интеграционных объединений оценивается, случается, в субъективных тонах желаемого, а не действительного. Например, почти массово популяризуется субординационность в отношениях Брюсселя с государствами-членами. Но сам учредительный договор данного объединения при этом авторами почему-то забывается и не рассматривается. А между тем, стоит открыть учредительный договор этого сооб-

 © Султанов И.Р., 2012

щества [4, с. 45–49], чтобы увидеть в первых же нормах положения, закрепляющие подчиненный статус этой международной структуры по отношению к государствам-учредителям. Диссонанс между доктринальными оценками и фактическим статусом международного объединения, то есть действительным состоянием его интегрированности, малозаметный в обычные годы, становится явным в острые периоды экономических кризисов. Практика многих лет свидетельствует о том, что чрезмерно мажорные оценки западных интеграционных достижений, как правило, показывают свою неадекватность перед обостряющейся фактической действительностью.

Не стал исключением и трудный для, например, европейской интеграции период кризиса 2008–2009 гг., когда, казалось бы, отлаженные интеграционные механизмы в трудные моменты дают сбой, уступая место традиционному национальному протекционизму и более сильным политическим игрокам, коими, конечно, всегда остаются государства. Не замечать такого явления, как «откаты», «приливы», а то и атрофии интеграции в такие периоды невозможно. Следовательно, созрела и требует сегодня пристального внимания и такая проблема, как соотношение международных организаций с другими участниками международных отношений и, в первую очередь, с государствами.

Межгосударственные интеграционные объединения и их специфические особенности в указанных областях требуют сегодня особого внимания. Заметим, что были многочисленные попытки выявить и дать цельное комплексное представление об отличительных атрибутах этой группы международных организаций, а также дать их теоретическое и правовое понятие. Определить место той группы международных организаций, в которых достигнута более высокая степень сближения, чем в большинстве других межправительственных организаций, пытались неоднократно. Однако представляется, что почти все они, как правило, уходили в плоскость понятия наднациональности и наднациональных организаций и по этой причине не дали объективного представления о них. В ущерб объективным критериям в них на первый план был выдвинут довольно умозрительный критерий субординации во внутренних взаимоотношениях (с верховенством союзных структур). Объем экономического сотрудничества, интенсивность правовой деятельности, степень унификации как национальных законодательств, так и международных соглашений, достигнутая с их помощью, влияние на внутригосударственные экономические и политические сектора, вовлечение в число субъектов интеграционной деятельности юридических и даже физических лиц – вот аспекты, которые, на наш взгляд, действительно объективно отличают небольшую группу интеграционных объединений от традиционных международных межправительственных организаций.

В результате мы получили довольно схематичную и нежизнеспособную концепцию так называемых «наднациональных» организаций. Приходится констатировать, что она за много лет не подтвердилась ни практикой, ни правом. Как не вспомнить в этой связи профессора Е.А. Шибаеву, которая, обобщив все разработки теории наднациональности, имевшиеся по состоянию ещё на 1992 год, уже в то время заключала, что «в советской литературе имеет место большой разброс мнений, свидетельствующий о том, что у нас всё еще нет устоявшегося понятия наднациональности» [5, с. 82]. Многие европейские исследователи, видимо избегая острых углов и неясностей, благоразумно ограничиваются лишь общим упоминанием о ней, не входя в подробную аргументацию ее признаков [6, с. 117–119]. У других же сегодня можно уже наблюдать сдержанность в оценках этого явления [7]. Еще недавно завышенная и порой не вполне адекватная комплиментарность в её оценках постепенно сменяется сдержанностью либо даже скепсисом [8].

В то же время теории международных «интеграционных» организаций, как самостоятельной и наиболее продвинутой группы организаций, пока не выработано. А в том, что в числе международных организаций есть небольшая группа межгосударственных объединений, которая является более интегрированной, судя по научной литературе, уже никто не сомневается.

Поэтому, на наш взгляд, перед юристами стоит актуальная задача, во-первых, «вернуться» от преобладающего эмпирического подхода к теории межгосударственных организаций. При оценках и классификациях международных организаций исходить из разработанной юридической теории. И, во-вторых, подвергнуть новообразуемые термины, понятия и классификации международных организаций юридическому «фильтрованию», базирующемуся на конкретных юридических принципах и нормах. Складывается впечатление, что для того, чтобы разобраться в хаосе накопившихся за двадцать лет терминов, понятий и классификаций, правовой анализ стал актуален как никогда ранее.

Необходимо также, на наш взгляд, выявить и дать комплексную теоретическую оценку основных отличительных атрибутов указанной группы международных союзов, определить место той группы международных организаций, в которой достигнута более высокая степень сближения, чем в большинстве других межправительственных организаций, а также по возможности тенденции, куда пойдет далее международная практика в таких союзах, каковы организационно-правовые формы интеграционных процессов в них.

Сегодня очевидно, что в мире будут более или менее интенсивно развиваться интеграционные процессы, основанные на опыте первых международных интеграционных группировок. Известно, что их международная практика как внутри себя, так и в общении с третьими странами уже давно берется за образец и модель для вновь создаваемых межгосударственных объединений. Скажем, например, так, что наработки Европейского сообщества и интеграции 27-ми его членов в том или ином объеме были взяты на вооружение и новых организаций с участием России. В частности, организации ЕврАзЭС или Содружества независимых государств. В числе предполагаемых наименований последнего фигурировало даже «сообщество» по подобию тогдашнего «Евросообщества».

Значение интеграционных сообществ как первопроходцев для решения международных проблем действительно велико. Ими развиваются традиционные и привносятся в практику международного взаимодействия новые, более эффективные механизмы международной торговли, оптимальные трансграничные схемы энергообеспечения, охраны окружающей среды, международного разделения труда и специализации производства, неограниченного (безвизового) перемещения через границы, разрешения межгосударственных конфликтов, оказания правовой помощи, унификации международных и национальных норм и развития международного права в целом. Новые, смелые, порой экспериментальные методы, практикуемые, например, в отношениях Евросоюза, обогащают как практический набор инструментов международного взаимодействия, так и теоретически расширяют наши представления о возможном в международном праве[2]. За счет такой практики во второй половине XX века их диапазон существенно расширился. Их деятельностью в международную практику привнесены многие новшества как в сферу международного правотворчества (в частности, в известную теорию согласования воль), так и в сферу имплементации и правоприменения международных норм и соглашений.

Наиболее важна, конечно, правотворческая деятельность. Первоочередное значение правотворчества состоит в создании основы для дальнейшего правового воздействия. Правотворчество, по справедливому заключению авторов, «является стартовым началом действия механизма правового регулирования» [9, с. 79]. Как верно отмечает румынская исследовательница, «правотворчество – самая сложная и ответственная правовая деятельность, ибо оно создает законные рамки для общественной жизни в целом и для всех других форм правовой деятельности» [9, с. 79–80].

Другое обстоятельство заключается в том, что степень участия того или иного субъекта в правотворчестве неодинакова. Основными субъектами международного права остаются, как известно, государства. Они могут пользоваться всеми правами и нести все обязанности, предусмотренные международным правом. Им принадлежит вся полнота прав, в том числе и право на создание норм международного права, их дополнение и изменение» [10, с. 88]. Однако нельзя сбрасывать со счетов и влияние международных организаций на правотворческий процесс. Практика показывает, что более сильно оно у таких союзов, которые мы именуем интеграционными.

Заметим, что не только общим, довольно большим, влиянием на (международный) правотворческий процесс сильны интеграционные сообщества, но и возможностями более гибко и сиюминутно реагировать на текущие изменения в регулируемых ими областях – адекватно учитывать потребности государств, их юридических и физических лиц. Следует подчеркнуть, что, сравнительно с ними, международное право отличается негибкостью и довольно высоким консерватизмом. В интеграционных группировках оказалось легче вводить в действие нормы, которые адекватно и в нужный момент отражали бы жизнь и ее потребности. Тысячи директив и регламентов, принятых в Евросообществе за время его существования, уже по нескольку раз внесли изменения, например, в порядок безвизового перемещения и трудоустройства жителей стран союза. В международном же праве «этот процесс, безусловно, протекает значительно сложнее» [11, с. 117].

Поэтому новшества, вводимые в эту сферу интеграционными образованиями, могут наиболее чувствительно повлиять и уже влияют на внутреннюю жизнь государств, на методы, главным образом, экономической деятельности.

Международные интеграционные организации своим существованием, своей практикой дают ответ на вопрос и о тенденциях – какова предположительно будет международная практика в обозримом будущем. Имеющиеся знания об интеграционных сообществах и их анализ дают основание утверждать, что международная практика будет в возрастающей мере видоизменяться под влиянием международных интеграционных организаций. Вероятно, и в дальнейшем будет происходить интенсивное развитие новых форм и методов решения международных проблем и возрастание их удельного веса в сравнении с привычными и традиционными. Они, как было замечено, уже приобретают модельный характер для вновь создаваемых межгосударственных союзов. Поэтому мировые процессы будут в возрастающей степени развиваться под влиянием их (модельной) международно-интеграционной практики.

В числе организационных форм, в которых будет развиваться мировое сообщество, всё большее

развитие получат именно международные интеграционные организации. Однако по своей юридической природе они, со всей вероятностью, останутся в ранге международных межправительственных организаций. Их наименование, так же как и сегодня, не будет иметь никакого существенного значения. А если вспомнить о проекте Евроконституции, в которую предполагалось переименовать учредительный договор о Евросоюзе, то с той же уверенностью можно утверждать и о более широкой вариабельности наименований их уставных учредительных соглашений. Они могут именоваться и сообществами, и содружествами, и союзами, объединениями и т.п. При этом как бы смелы они ни казались, возможны и наименования, свойственные не только политическим образованиям, но внутригосударственным юридическим лицам, типа «корпорации», «компании», «картели», «синдикаты» и т.п.

Но вот попытки соединить несоединимое, то есть увязать в одном политическом соединении и частное, и публичное право, думается, будут так же невозможны, как невозможно это и сегодня. Например, такое наиболее прогрессивное в интеграционном плане объединение, как ЕС, никак не может выйти из статусных рамок политического субъекта – «международной организации», как бы его порой ни считали и ни именовали полугосударством, федерацией или конфедерацией и ни приписывали ему «комплексный» характер. В статусном плане такие образования не утратят своей политической международной публично-правовой принадлежности. В этом отношении едва ли стоит обольщаться и строить утопические надежды. Еще ни одна интеграционная международная организация не вышла за пределы отведенных ей статусных рамок «международной организации» и не трансформировалась в государство или нечто подобное. Похоже, что преобразование государства в международную организацию происходит легче, чем преобразование межгосударственного союза в единое государство.

Показательным примером того, насколько утопичной оказалась мечта еврооптимистов о качественном преобразовании такой интеграционной организации, как ЕС, явился провал Евроконституции в 2005 г. и последовавшего за ним объединительного Лиссабонского договора в 2008 г. У всех еще живо в памяти, как население ряда государств выступило против трансформации данной международной организации в статус [федеративного] государства. Правда, кто знаком с текстами указанных документов [12], согласится с тем, что и без того ими не предусматривалось никакой смены политико-юридического статуса ЕС. Это продемонстрировало нам, что государства-учредители не допускают даже теоретической возможности отказа от собственного суверенитета в пользу созданного ими союза и от собственного верховенства в принятии решений [13, с. 55–84]. Как и при закладке ЕС, пятьдесят с лишним лет назад, полномочия данного сообщества исходят от самих государств и они же, как истинная верховная власть, контролируют их применение [12, Art. I–11].

Основой его, как и пятьдесят лет назад, остался международный договор в духе Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Всё развитие и функционирование этой самой продвинутой интеграционной группировки показывает отсутствие у него «государственно-правового элемента» [14, с. 39]. Что говорить о других интеграционных сообществах, если даже самое передовое и, если можно так выразиться, экспериментальное образование ни на йоту не отошло от своей изначально международно-правовой основы и сохранилось в ранге, пусть и не совсем типичной, международной организации.

Так, созданные учредителями органы (ЕС, ЕврАзЭС, НАФТА, Международного союза электросвязи (МСЭ), Международной организации гражданской авиации (ИКАО) и др.) наделены не менее четко и списочно обозначенными полномочиями и предметами ведения. Перед этими целевыми объединениями также поставлены уставным договором определенные цели и сформулированы не менее чёткие задачи. Они также не могут, как правило, выходить за рамки делегированных им полномочий, а сами полномочия носят характер временный, то есть ограниченный периодом деятельности самого межгосударственного объединения. Учредителями международных интеграционных объединений являются также государства в лице своих правительств, которые и осуществляют контроль за деятельностью сформированных ими структур.

Уместно будет напомнить, что под международной организацией понимается, «прежде всего, объединение, или ассоциация государств, образующее их организационное единство, обеспечиваемое юридическими правилами функционирования организации (нормами учредительного акта и нормами “внутреннего права” организации)» [15, с. 175]. «Международная организация – это международно-правовая институция, учреждение и деятельность которой регулируется международным правом» [15, с. 176]. Справедливо добавляется к этому, что «особо важное условие, характеризующее сущность международной организации», – это то, что «организация должна быть учреждена в соответствии с международным правом» [16, с. 176]. То есть главным признаком международной организации справедливо выделяется учредительный акт – на основе внутреннего законодательства либо международного права создается данное образование.

Согласимся, что если это международная организация, то она всегда строится на основе международного соглашения, как бы оно ни именовалось. Он, как лакмусовая бумажка в химии, позволяет легко получить ответ – можно ли отнести то или иное образование к числу международных организаций. Этот критерий позволяет заключить, что и интеграционные объединения, как бы далеко они ни продвинулись в освоении новых форм и методов деятельности, остаются в своем ранге международных организаций до тех пор, пока их правовой основой остается межгосударственное соглашение, а не «конституция», «устав» либо иная внутригосударственная учредительная форма.

Тем не менее высокая эффективность таких (интеграционных) объединений никем не оспаривается и доказывает, что их значение для решения глобальных и региональных проблем будет в будущие годы, по мнению многих исследователей, только возрастать [17]. Государства-учредители, при сохранении за собой принципиального верховенства в принятии важнейших решений, пойдут по пути более смелых экспериментов, выражающихся, на наш взгляд, в доверии интеграционным структурам более широких национальных полномочий и передачи им более широких конкретных задач.

Нельзя отрицать, что международные интеграционные сообщества – это характерная черта современного периода, богатого на самые разные проявления глобализации. Интеграционные организации юридически имеют тот же статус, что и типичные международные объединения. Между ними нет формально-юридических различий. Они обладают статусом и всеми признаками международной организации. Главный из них, мы помним, – это межгосударственное соглашение, лежащее в их основе. В то же время указанные выше особенности позволяют говорить об их, если можно так выразиться, локомотивном потенциале. Он в общих чертах обрисован выше. Тем не менее за интеграционными объединениями многими учеными-исследователями справедливо признается множество иных, более конкретных, особенностей, которые отличают интеграционное сообщество от типичной межгосударственной международной организации.

Но, кроме знания частной специфики, объективное представление о таких (интеграционных) сообществах дает, на наш взгляд, и заметно более широкую картину происходящих в мире глобализационных процессов. Дополнение к традиционной теоретической классификации международных организаций, которая принята в международном праве, позволяет более гибко и глубоко оценивать происходящие процессы глобализации, получить более диалектическую и многогранную картину международных межгосударственных союзов, их роли и значения в современных международных отношениях.

Примечания

[1] Среди ученых, занимавшихся исследованием этого вопроса, можно назвать Т.Н. Нешатаеву, Ю.А. Тихомирова, В.И. Маргиева, Н.Е. Тюрину, О.Б. Гаевскую, И.И. Лукашук и др.

[2] Назовем лишь несколько: можно ли, например, именовать международный договор «Евроконституцией»; возможно ли в принятии международных межгосударственных решений применение метода большинства голосования; допустима ли нормативная сила правовых актов международных организаций, подобная внутригосударственным законам; возможна ли их национальная имплементация без традиционной и привычной процедуры парламентской ратификации; реализуемо ли на практике (интеграционное) правило, согласно которому государства-члены обязаны подчиняться предписаниям организации даже в случае несогласия с ними, возможны ли всеобщие прямые выборы в общие органы таких союзов; и т.д.

Библиографический список

1. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Дело, 1998.

2. *Weiler J.H.H.* Community, Member States and European Integration: Is the Law Relevant? // Journal of Common Market Studies. – 1982.

3. Баррозу: закрывая границы. Дания нарушает европейское законодательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/05/13/.shtml.

4. Статьи 2, 3, 4, 5, 10 Договора, учреждающего Европейское сообщество // Консолидированная версия Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество / редкол.: Ю.А. Борко (отв. ред.) и др. – М.: Интердиалект, 2001.

5. *Шибаева Е.А.* К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера // МЖМП. – 1992. – № 4. – С. 82.

6. *Wieland J.* Die Finanzordnung der Europaischen Union nach der Osterweiterung // Juristische Zeitung. – 2004. – № 15/16.

7. *Weiler J.H.H.* Dual Charakter. Yearbook of European Law, 1981. – P. 267. et seq.; *Weiler J.H.H.* The Reformation of European Constitutionalism // Journal of Common Market Studies. – 1997.

8. См., напр.: *Клемин А.В.* Европейское право и Германия: баланс национального и наднационального. – Казань: Издательство Казанского университета, 2004.

9. *Нашиц А.* Правотворчество: теория и законодательная техника. – М.: Прогресс, 1974.

10. *Крылов Н.Б.* Правотворческая деятельность международных организаций. – М.: Наука, 1988.

11. *Мовчан А.П.* Кодификация и прогрессивное развитие международного права. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 117.

12. Treaty Establishing a Constitution for Europe. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005.

13. *Weiler J.H.H.* The Transformation of Europe // Yale Law Journal. – 1991.

14. *Фисенко В.Н., Фисенко И.В.* Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств // МЖМП. – 1993. – № 3.

15. Курс международного права: В 7 т. Т. 1. – М.: Наука, 1989.

16. *Schermers H.* International institutional law. – Leiden, 1972. – Vol. 1 // Цит. по: Курс международного права: В 7 т. Т. 1. – М.: Наука, 1989.

17. *Wehberg H.* Entwicklungsstufen der internationalen Organisationen. – Die Friedens-Warte, 1953–1954.

18. *Киреева А.* Межгосударственная интеграционная деятельность как выражение внешней функции Российского государства / под ред. П.И. Матузова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2005.

19. Международно-правовые формы сотрудничества государств в Европе / отв. ред. О.Н. Хлестов, И.П. Блищенко. – М.: Международные отношения, 1977.

20. *Бирюков М.М.* О некоторых правовых проблемах России в связи с расширением ЕС. – М.: Государство и право, 2004.

21. *Weiler J.H.H.* Bread and Circus: The State of European Union // Columbia Journal of European Law. – 1998.

УДК 349.2

Палюлина Ирина Александровна
кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
priem@ksu.edu.ru

Дедюева Майя Вадимовна
кандидат юридических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ОСНОВАНИЮ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ

В статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы, возникающие при расторжении трудового договора по инициативе работодателя по основанию сокращения численности или штата работников, а также возможные варианты разрешения этих проблем.

Ключевые слова: *расторжение трудового договора, сокращение численности или штата работников, гарантии прав работников, роль профсоюзных организаций.*

Сокращение численности или штата работников, предусматриваемое пунктом 2 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации [6], можно назвать одним из самых проблемных оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя.

С одной стороны, работодатель существенно ограничен законом в своей возможности прекратить трудовые отношения с работником. Это допускается только по основаниям, исчерпывающий перечень которых устанавливается законом, и лишь при соблюдении установленного порядка увольнения. Работник, уволенный без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения, подлежит восстановлению на прежней работе. Такая позиция законодателя объясняется стремлением обеспечить стабильность трудового правоотношения и защиту интересов наемного работника.

С другой стороны, руководители организаций подходят к вопросу прекращения трудовых отношений с работниками весьма формально, не уделяя внимания строго определенным процедурам, которые регламентированы действующим законодательством. Следствием этого является нарушение прав работников и возросшее в последнее время количество исковых заявлений в суд с жалобами на произвол работодателей.

В случае увольнения в связи с сокращением численности и штата работников мы имеем дело с ситуацией одностороннего расторжения трудового договора работодателем при отсутствии вины в действиях работника и по независящим от его личности экономическим причинам.

Под сокращением численности работников в трудовом праве понимается фактическое (реальное) уменьшение количества работников, работающих по трудовым договорам, под сокращением штата работников принято понимать изменение внутренней структуры организации, сопровождающееся ликвидацией структурных подразделений (структурных единиц).

К числу обстоятельств, делающих в принципе возможным с правовой точки зрения увольнение работника в связи с сокращением численности или штата предприятия, можно отнести следующие:

© Палюлина И.А., Дедюева М.В., 2012

1. Отсутствие у работника преимущественных прав на то, чтобы в условиях сокращения за ним было сохранено рабочее место (должность).

2. Отсутствие у работодателя других должностей (рабочих мест), которые в соответствии с законодательством могут быть предложены работнику для последующего перевода (с письменного согласия последнего на перевод).

3. Отказ работника дать письменное согласие с переводом на другую работу, предложенную ему работодателем (с учетом состояния здоровья и квалификации работника).

4. Предупреждение работника о предстоящем увольнении в порядке, предусмотренном законодательством [5].

Сокращение численности или штата работников – весьма распространенное явление в системе трудовых отношений. Поскольку оно затрагивает основное содержание права на труд – возможность трудиться [2], практика и законодательство должны стремиться обеспечить максимум защиты работников при осуществлении соответствующих процедур. Трудовой кодекс РФ сохранил многие гарантии работникам в этой части: и двухмесячный срок предупреждения об увольнении, и принятие мер по трудоустройству на предприятии, и выплату выходного пособия, и закрепление статуса лица, обладающего преимущественным правом на оставление на работе, и некоторые другие. Однако сегодняшняя практика свидетельствует, что прежние компоненты наполняются новым содержанием и в целях сохранения необходимого уровня защищенности работников при увольнении по сокращению численности или штата работников требуют всесторонней оценки [3].

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7] воспроизводит соответствующие нормы статьи 81 Трудового кодекса РФ. Однако, по сравнению с упомянутой статьей Трудового кодекса РФ, перечень оснований для увольнения гражданского служащего по инициативе представителя нанимателя сокращен. Не перечислены наряду с прочими расторжение служебного контракта вследствие ликвидации государственного органа, сокращения штата. Эти основания расторжения служебного контракта выделены законодателем в отдельную статью 31, которая называется «Отношения, связанные с гражданской службой, при реорганизации или ликвидации государственного органа либо сокращении должностей гражданской службы». Формальное исключение данного основания из перечня оснований увольнения по инициативе работодателя на практике приводит к нарушению прав гражданских служащих.

Ряд проблем, возникающих при увольнении работников по рассматриваемым основаниям, на наш взгляд, являются наиболее актуальными.

Во-первых, общие гарантии для всех категорий работников при сокращении численности или штата предусмотрены действующим трудовым законодательством. Так, в соответствии с частью 2 статьи 81 Трудового кодекса увольнение работника в связи с сокращением численности или штата работников организации допускается, если невозможно перевести работника с его согласия на другую работу. Другими словами, работодатель в этом случае обязан сначала предложить работнику работу или вакантную должность, соответствующую его квалификации, а при отсутствии такой работы – иную имеющуюся в организации вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу, которую работник может выполнять с учетом его образования, квалификации, опыта работы и состояния здоровья.

Увольнение гражданских служащих по данным основаниям отличается значительной спецификой. В случае невозможности предоставления гражданскому служащему, замещавшему сокращаемую должность, иной должности в том же государственном органе может быть предложена другая должность государственной гражданской службы в ином государственном органе с учетом его образования, квалификации и занимаемой ранее должности. Аналогичная норма ранее была предусмотрена и Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации».

В соответствии с этим, при рассмотрении дел о восстановлении в должности государственных служащих, уволенных при ликвидации государственного органа, сокращении его штата либо численности, ответчиком должны быть представлены доказательства, подтверждающие, что после предупреждения о высвобождении государственному гражданскому служащему предлагались вакантные должности в этом государственном органе, а при их отсутствии – хотя бы одна вакантная должность в другом государственном органе, и он отказался от предложенной работы либо отказался от прохождения переподготовки (переквалификации) в порядке, установленном законодательством РФ и субъектов РФ о государственной службе.

При этом под предложением о вакантной должности понимается исходящее от уполномоченного должностного лица кадровой службы государственного органа предложение о назначении на государственную должность государственной службы, в том числе нижестоящую, обязанности по которой государственный служащий может выполнять с учетом его профессии, квалификации и ранее занимаемой должности.

Необходимо отметить, что Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» прямо не закрепляет обязанность представителя нанимателя предоставить гражданскому служащему, замещавшему сокращаемую дол-

жность, иную должность гражданской службы. Исходя из буквального понимания данной нормы, представитель нанимателя может предоставить гражданскому служащему с учетом уровня его квалификации, профессионального образования и стажа гражданской службы или работы по специальности возможность замещения иной должности гражданской службы. Таким образом, вопрос о предоставлении такому гражданскому служащему иной должности гражданской службы относится на усмотрение представителя нанимателя. В случае отказа гражданского служащего от предложенной для замещения иной должности гражданской службы либо от профессиональной переподготовки или повышения квалификации служебный контракт с ним прекращается по пункту 6 части 1 статьи 33 данного закона. Следует заметить, что указанная норма статьи 33 предусматривает прекращение служебного контракта не только в случае отказа от предложенной должности или переподготовки, но также при непредоставлении гражданскому служащему в этих случаях иной должности гражданской службы.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что для обеспечения единообразия применения положений Трудового кодекса РФ целесообразно внести следующие предложения для включения становление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [4]: «Для защиты интересов работника не только обращать особое внимание на неукоснительное соблюдение положений части 3 статьи 81 Трудового кодекса РФ о необходимости предложения работнику (государственному служащему) всех имеющихся у работодателя вакансий, соответствующих квалификации и состоянию здоровья работника (государственного служащего), но и для недопущения злоупотреблений со стороны работодателя закрепить требование об обязательности ознакомления работника с полным списком имеющихся вакансий». Данное положение является чрезвычайно важным уточнением, способным в наибольшей степени защитить права сокращаемого сотрудника.

Во-вторых, в соответствии с Трудовым кодексом РФ время отдыха (отпуска) – это время, имеющее целевое назначение, в течение которого работник свободен от исполнения всех трудовых обязанностей, в том числе от обязанностей выполнять какие-либо распоряжения работодателя. Практикой и раньше подчеркивалось, что во время отпуска работник вправе отдыхать, а не заниматься поисками работы. Последняя задача должна решаться им в период действия срока предупреждения, который по своей сути является мерой, призванной минимизировать последствия утраты работы.

Поскольку потеря работы при увольнении по сокращению штата или численности не является следствием виновного поведения работника, законодатель должен учитывать его волю при выборе способов восстановления положения. В этой связи вполне справедливо установление альтернативной возможности использования двухмесячного срока предупреждения при соответствующем волеизъявлении работника (часть 3 статьи 180 Трудового кодекса РФ).

Вместе с тем было бы справедливым признать за работником в зависимости от его усмотрения и право требовать невключения отпуска в период срока предупреждения об увольнении, поскольку в противном случае может быть нарушено его право на отдых. При невозможности соблюдения данного условия работник должен наделяться правом требования соответствующей материальной компенсации. Эти предложения также необходимо внести в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17 марта 2004 г.: «В целях защиты интересов работника уточнить применение положений части 6 статьи 81 Трудового кодекса РФ, запрещающей увольнение по сокращению численности или штата в период пребывания в отпуске – работодатель не имеет права включать это время в период срока предупреждения об увольнении, а в случае объективной невозможности выполнения данного условия работодателем он должен предоставить работнику соответствующую материальную компенсацию».

В-третьих, одной из наиболее спорных норм является положение о непроведении конкурса при замещении вакантной должности государственной гражданской службы для государственных служащих, увольняемых по основанию сокращения численности или штата. На наш взгляд, в данной ситуации более соответствующей принципу равенства и соблюдения законности является следующая позиция: при сокращении штата государственного органа представитель нанимателя не может предложить сотруднику для замещения без конкурса вакантную должность, которая должна замещаться только по конкурсу. Вместе с тем гражданский служащий имеет право на участие в конкурсе на вакантную должность на общих основаниях независимо от того, будет ли ему предложено такое участие. В этой связи, в целях обеспечения равенства правового положения государственных служащих и назначения на соответствующие должности наиболее компетентных специалистов, можно предложить внести следующие изменения в пункт 4 части 2 статьи 22 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7], где перечисляются ситуации, в которых конкурс при назначении на должности государственной гражданской службы не проводится: «При назначении гражданского служащего на иную должность гражданской службы в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 28

и частями 1, 2 и 3 статьи 31 настоящего Федерального закона, при условии отсутствия иных претендентов на эту вакантную должность». Это позволит законодательно закрепить необходимость обязательного проведения конкурса при назначении на должность в случае сокращения численности или штата государственных служащих при наличии нескольких кандидатур на конкретную должность.

В-четвертых, особую роль в процедуре увольнения по инициативе работодателя в связи с сокращением численности или штата работников играют выборные органы первичной профсоюзной организации. В частности, представители работодателя обязаны сообщить профкомам о проведении подобных организационно-штатных мероприятий не позднее, чем за 2 месяца до их начала. В случае несогласия с решением работодателя орган первичной профсоюзной организации имеет право обжаловать его в государственную инспекцию труда, которая может признать увольнение незаконным и предписать восстановить работника на работе с оплатой вынужденного прогула. Следовательно, активная позиция профкома является одним из условий наиболее полного соблюдения прав работника при увольнении по инициативе работодателя.

Особая ситуация складывается при увольнении руководителя или заместителя руководителя первичной профсоюзной организации. Обязательным условием в данном случае является согласие на увольнение вышестоящего выборного органа первичной профсоюзной организации, что обеспечивает наиболее полную реализацию права работников на защиту своих интересов. Анализ судебной практики показывает, что отказ вышестоящего выборного органа первичной профсоюзной организации в увольнении руководителя или заместителя руководителя первичной профсоюзной организации может быть преодолен в судебном порядке [1]. В целях обеспечения единообразного применения положений Трудового кодекса РФ, на наш взгляд, необходимо внести изменения в часть 1 статьи 374 Трудового кодекса РФ и изложить ее в следующей редакции: «Увольнение по инициативе работодателя в соответствии с пунктами 2, 3 или 5 части первой статьи 81 настоящего Кодекса руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы, допускается помимо общего порядка увольнения только с предварительного согласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа. Процедура получения предварительного согласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа аналогична процедуре, закрепленной частями 1, 2 и 3 статьи 373 настоящего Кодекса. Соблюдение указанной процедуры не лишает работника и работодателя права обжаловать решение вышестоящего выборного профсоюзного органа в суд».

Таким образом, наличие неурегулированных законодательством вопросов, разнообразие трактовок норм действующих правовых актов, существование множества самостоятельных юридических документов, освещающих отдельные аспекты отношений связанных с сокращением численности или штата работников, должностей гражданской службы, свидетельствует о том, что законодательные акты, регулирующие данные проблемы, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Процедуры увольнения по сокращению численности и штата работников имеют как положительные, так и отрицательные последствия для функционирования трудовых отношений. С одной стороны, высвобождение работников по этим основаниям может быть средством оптимизации производства и перераспределения трудовых ресурсов, а с другой – рычагом давления на неугодных работников [3]. Правовая защита работников в этих процедурах является важной задачей законодательства и практики.

Библиографический список

1. Архив Свердловского районного суда г. Костромы за 2008 г.: гражданское дело № 2-2702/08; архив Свердловского районного суда г. Костромы за 2009 г.: гражданское дело № 2-503/09.

2. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 21 янв. – № 7.

3. *Нестерова Т.* Увольнение по сокращению численности или штата работников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/comm/3744 (дата обращения 17.12.2011).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 N 63, от 28.09.2010 N 22) // Российская газета. – 2006. – 31 дек. – № 297.

5. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Ф.Н. Филиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=15505;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=2D451C15F833B0F130F8EB345F052E1D (дата обращения 23.12.2011).

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек. – № 256.

7. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. – 2004. – 31 июля. – № 162.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 001

Петропавловская Яна Александровна
Чугунов Евгений Анатольевич
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
chugunov@ksu.edu.ru

КОСТРОМСКОЙ УНИВЕРСИТЕТ И ПЕРВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ: РОЖДЕНИЕ НОВОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ В РЕГИОНЕ

Авторы статьи освещают и анализируют основные события и мероприятия «Фестиваля науки – 2011», впервые состоявшегося на Костромской земле благодаря партнерскому взаимодействию КГУ им. Н.А. Некрасова и МГУим. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: *фестиваль наук, научно-исследовательская деятельность, научная традиция.*

8 февраля 2011 года, в День российской науки, президент страны Дмитрий Медведев дал старт Всероссийскому фестивалю науки [1, с. 5]. При поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Правительства Москвы, МГУ им. М.В. Ломоносова к фестивальному движению присоединилось свыше 50 регионов страны, в том числе и Костромская область в лице Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова [1, с. 39–41]. Цели фестиваля науки гармонично перекликаются с функциями университета как социально-культурного центра, формирующего общественную жизнь региона: открытие и предъявление обществу новых достижений науки, объяснение их прикладного значения в изменении качества жизни людей, широкая популяризация науки и научной деятельности.

Что же такое фестиваль науки? Это международное движение, возникшее еще в XIX веке в Великобритании и получившее широкое распространение в современном мире. В 1831 году была создана Ассоциация содействия науке (нынче это British Science Association). Именно на Британском фестивале науки «впервые были продемонстрированы опыты Джоуля, впервые было упомянуто об открытии электрона Томсоном, в 1860 году состоялась первая дискуссия о дарвинизме, а в 1841-м родилось слово “динозавр”. Да и слово “scientist” (“ученый”) впервые прозвучало на этом фестивале…» [1, с. 3].

Теперь фестивали науки проходят на всех континентах. «Европейская ассоциация продвижения научных событий (EUSCEA), действующая при поддержке Еврокомиссии, сегодня включает 68 организаций, которые проводят фестивали науки в 33 странах Европы…» [1, с. 3].

Россия присоединилась к проведению фестиваля науки в 2006-м году. Первый фестиваль состоялся в МГУ им. М.В. Ломоносова. С 2007 года в его организации и проведении активное участие принимает правительство Москвы и целый ряд московских вузов. К фестивальному движению в том же году примкнули многие регионы Российской Федерации.

Фестивальные мероприятия рассчитаны на самую широкую аудиторию – школьники, студенты, работники культуры и образования, представители бизнес-структур и др. Фестиваль открыт и доступен для всех – это его принципиальная особенность. Мероприятия фестиваля можно посещать всей семьей, всем классом, всем курсом. Фестиваль обязательно создает праздничную атмосферу, тем самым подчеркивая значимость прикосновения к науке, к знаниям. А самое главное, фестиваль позволяет любому человеку стать полноправным участником интересных, захватывающих событий.

В 2011 году впервые в истории нашего региона фестиваль науки пришел и на Костромскую землю. Его зачинателем и организатором стал Костромской университет при поддержке МГУ им. М.В. Ломоносова.

В фестивальных мероприятиях КГУ (12–28 октября 2011 г.) приняло участие более 4 тыс. человек, среди которых студенты, аспиранты, преподаватели и сотрудники вузов, учреждений среднего профессионального образования г. Костромы, филиалов КГУ, учащиеся Костромской духовной семинарии и школ г. Костромы, учителя общеобразовательных школ и преподаватели учреждений дополнительного образования Костромской области, сотрудники Государственного архива Костромской области, музеев, библиотек г. Костромы, представители властных структур (министерства регионального развития Российской Федерации, департамента образования и науки Костромской области, департамента внешнеэкономических связей, спорта, туризма и молодежной политики Костромской области, департамента природных ресурсов

© Петропавловская Я.А., Чугунов Е.А., 2012

и охраны окружающей среды Костромской области и др.), представители бизнес-структур и др.

В фестивальную программу университета вошло более 50 мероприятий самого разного формата и статуса: дни открытых дверей учебно-научно-исследовательских лабораторий и научных центров, факультетов и институтов, открытые лекции, круглые столы и семинары, мастер-классы, презентации, творческие отчеты, демонстрация экспериментов, конкурсы, игры, выставки, заседание Совета молодых ученых и специалистов при губернаторе Костромской области и др. [2].

12 октября состоялась церемония открытия фестиваля науки. До ее начала участники фестиваля смогли познакомиться с масштабной выставкой научных трудов преподавателей КГУ, научными публикациями студентов и аспирантов. На открытии церемонии прозвучал гимн «Гаудеамус» в исполнении хора университета под руководством профессора В.А. Шурыгина. С приветственными словами к участникам фестиваля обратились ректор КГУ проф. Н.М. Рассадин и заместитель директора департамента образования и науки Костромской области А.В. Гребнев. Прозвучал доклад директора научной библиотеки университета Н.А. Смирновой, которая представила библиотеку КГУ как полный комплекс современных информационных технологий, высокопрофессиональный коллектив сотрудников, уникальное и богатое книжное собрание. По мнению А. Скудаевой, корреспондента РИА Новости, присутствовавшей на мероприятии, украшением церемонии открытия стало выступление фольклорно-этнографического ансамбля «Гралица» (руководитель О.В. Родионова). Артисты ансамбля представили обрядовую свадебную песню «Хорошо с любовьюшкой жить…» (с реконструкцией обряда), записанную во время экспедиции фольклорно-краеведческой лаборатории филологического факультета в Островском районе Костромской области.

В ходе церемонии в яркой, запоминающейся форме были представлены основные научные достижения университета последних лет, аннотированы уникальные проекты, выполняемые по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации.

В заключительной части церемонии была представлена презентация основных мероприятий и событий фестиваля науки – 2011.

На протяжении трех дней (с 12 по 14 октября) в рамках фестивальной программы все желающие имели возможность посетить учебно-научно-исследовательские лаборатории и научные центры КГУ, узнать об особенностях их научной деятельности непосредственно от руководителей и сотрудников, своими глазами увидеть лабораторное оборудование, установки, познакомиться с результатами научных поисков. Для участников и гостей фестиваля распахнули свои двери учебно-научно-исследовательские лаборатории и научные центры социально-гуманитарного и естественнонаучного направлений.

В течение первого дня фестиваля состоялось более 10 мероприятий, в том числе следующие.

Презентация «Память в наследство: книга и чтение в воспитании молодежи» (руководители – ведущий библиотекарь И.Г. Баженова, зав. сектором библиотеки КГУ М.А. Вдовенко) включила в себя посещение фонда редкой книги, знакомство с книжными выставками и обзорами по теме «Династия Романовых», краеведческой литературой, обзор и знакомство с коллекцией литературы издательства «Терра».

На открытой лекции «Студенческая наука как элемент профессиональной подготовки» (лектор – д.п.н., проф., директор института педагогики и психологии А.И. Тимонин) были рассмотрены вопросы, связанные с педагогическим потенциалом студенческой науки как элемента профессиональной подготовки, принципами и основными формами организации научно-исследовательской деятельности студентов в современном вузе.

Во время экскурсии «Читателей надо удивлять и радовать» (руководитель – зав. сектором информационной работы библиотеки КГУ Р.Г. Евтушенко) участники фестиваля смогли ознакомиться с фондом научно-познавательной литературы библиотеки.

Неизгладимое впечатление на участников фестиваля произвела выставка пленерных работ студентов художественно-графического факультета, которую посетило более 200 человек. (Выставка была организована проф., деканом художественно-графического факультета М.А. Алексеевой и доц. кафедры рисунка и живописи В.Е. Ереминым.) На выставке были представлены студенческие работы, отобранные по результатам летней учебной практики «Пленэр».

12 октября состоялось открытие фотовыставки на филологическом факультете (руководитель – доц. кафедры журналистики А.В. Невский), где оригинальные творческие работы представили студенты специальности «Журналистика».

В рамках открытой лекции «Роль науки в социально-экономическом развитии общества» (лектор – д.т.н., проф., заведующий кафедрой общей физики П.Н. Белкин) был обоснован уровень критических вложений в науку со стороны государства, обеспечивающий «выживание» данной страны в мировом сообществе. На конкретных примерах была показана значимость для экономического роста таких абстрактных критериев, как индекс цитирования, импакт-фактор и др. Было охарактеризовано влияние науки как социального института на жизнь общества.

На открытой лекции «Растительный покров Костромской области как результат хозяйствования на природных территориях» (лектор – к.б.н., заведующий НИЛ устойчивости лесных экосистем А.В. Немчинова) был представлен материал по истории формирования растительности Костромской области под влиянием традиционного природопользования, о современном растительном покрове региона и необходимости его мониторинга на основе геоинформационных систем и технологий.

Открытая лекция «Коды и заводы» (лектор – к.п.н., доц. кафедры английского языка А.Ю. Лебедев) была посвящена вопросам межкультурной коммуникации. Лектор актуализировал необходимость подготовки студентов к эффективному функционированию в условиях современного мира, когда интенсифицируются межкультурные контакты на уровне повседневного межличностного общения. В рамках лекции была подробно охарактеризована роль культурных кодов в межкультурной коммуникации.

В рамках круглого стола «О духовности современных литературоведческих исследований» (ведущий – к.ф.н., проф. кафедры литературы Н.Г. Морозов) были рассмотрены проблемы ценностных ориентаций на материалах современных литературоведческих исследований. В мероприятии приняло участие более 30 человек: студенты, аспиранты и преподаватели КГУ, Северного (Арктического) федерального университета, переводческого факультета Ванадзорского государственного пединститута им. О. Туманяна, учащиеся гимназии № 28 и лицея № 34 г. Костромы, Костромской духовной семинарии, сотрудники информационно-просветительского отдела Костромской Епархии, сотрудники школьных библиотек.

На открытой лекции «Современные космологические модели» (лектор – к.ф.-м.н., проф., декан физико-математического факультета Д.Е. Попов) слушатели смогли познакомиться с представлениями об эволюции Вселенной от античного космоцентризма до современных эволюционных моделей. Участникам фестиваля был представлен материал о том, как имеющиеся сегодня экспериментальные факты и теоретические гипотезы позволяют строить модели будущего развития видимой части Вселенной.

На открытой лекции «Социология как зеркало общественной жизни» И.В. Попова, д.социол.н., проф. кафедры экономики труда и институциональной теории, изложила значение социологических исследований для адекватной оценки социально-экономического развития страны, охарактеризовала посредством социологии основные тенденции развития России; осветила результаты некоторых социологических исследований общественной жизни современной молодежи нашей страны.

Студенты факультета физической культуры посетили мастер-класс «Спортивная тренировка юных гимнастов», состоявшийся в детской спортивно-юношеской школе № 1. В ходе мастер-класса тренер-преподаватель, к.п.н., Б.А. Колобов продемонстрировал организацию учебно-тренировочного занятия по спортивной гимнастике с детьми младшего школьного возраста, рассказал об особенностях работы с данной категорией детей; провел практическое занятие по спортивной гимнастике.

Не менее насыщенным стал второй день фестиваля науки – 13 октября.

В рамках семинара «Электронные ресурсы научной библиотеки КГУ им. Н.А. Некрасова» (ведущий – зам. директора библиотеки М.А. Пешков) участники фестиваля познакомились с работой электронного читального зала, получили возможность освоить приемы работы с информационными ресурсами президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, электронной библиотеки диссертаций РГБ, мультимедийными ресурсам ЭЧЗ.

Математическим объектам, исследование которых началось со второй половины XX века, – фракталам, их особенностям, способам построения с помощью компьютера, практическим аспектам научной работы посвятил свою лекцию «Фракталы и компьютер» В.С. Секованов – д.п.н., проф., заведующий кафедрой прикладной математики и информационных технологий.

На открытой лекции Н.Н. Свиридова, д.э.н., проф., заведующего кафедрой управления социально-экономическими системами, «Социально-экономический портрет населения Костромской области» слушатели узнали о специфических особенностях населения Костромской области и его социально-экономического положения; о динамике населения и факторах его изменения; о половозрастном, территориальном и отраслевом распределении трудовых ресурсов и т.д.

Интересен опыт участия в фестивале науки музыкально-педагогического факультета: 13 октября состоялся цикл лекций, на которых присутствовали учителя г. Костромы (МОУ СОШ № 4, 5, 8, 23, 29; лицеев № 17, 41; гимназий № 1, 15, 28 и др.), преподаватели Галичского педагогического колледжа, студенты и преподаватели КГУ.

На лекции И.В. Адоевцевой, к.п.н., доц. кафедры музыкального образования и основного инструмента, «Методологическая культура учителя музыки» были освещены различные аспекты формирования основ методологической культуры учителя музыки, умений методологического анализа проблем педагогики музыкального образования, также была представлена организация практической работы в группах по теме «Формы исследовательской работы в практике учителя музыки».

Е.Б. Витель, д. культурологии, проф. кафедры музыкального образования и основного инструмента, прочла лекцию «Актуальные проблемы массовой музыкальной культуры» с использованием богатого иллюстративного музыкального материала, репродукций картин русских и зарубежных художников XX – начала XXI вв. Ею были предложены методические рекомендации по использованию эстрадных произведений в практике учителя музыки.

В материалах лекции О.В. Лебедевой, к.п.н., доц. кафедры музыкального образования и основного инструмента, «Апробация курса “Основы религиозных культур и светской этики” в Костромской области: из опыта работы преподавания предмета “Основы православной культуры”» были освещены результаты чтения и изучения курса ОРКСЭ в Костромском регионе, а также представлен опыт работы автора – учителя с 30-летним стажем работы в школе по внедрению курса «Основы православной культуры» в практику общеобразовательного учреждения (МОУ лицей №17 г. Костромы).

13 октября на факультете физической культуры состоялся «День открытых дверей» (руководители – к.п.н., и.о. заведующего кафедрой спортивных дисциплин С.Г. Уразова, к.п.н., заместитель декана факультета физической культуры О.В. Ненарокова), который включал в себя спортивный праздник «Молодецкие забавы», мастер-класс по фитнесу и круглый стол «Физическая культура и спорт в школе: перспективы развития в условиях модернизации системы образования России».

В ходе мероприятия демонстрировались видеоматериалы о жизни факультета. Кроме того, были оформлены стенды по истории факультета, фотогазеты.

Спортивный праздник «Молодецкие забавы», как показательное внеклассное мероприятие, был направлен на популяризацию здорового образа жизни, профориентационную работу со старшеклассниками. В нем приняли участие 6 команд старшеклассников общеобразовательных школ г. Костромы (МОУ Лицей № 32; МОУ Лицей № 34; МОУ Гимназия № 33; МОУ СОШ № 29; МОУ СОШ № 10), в которых учителями физкультуры работают выпускники факультета.

Между эстафетами студенты ФФК продемонстрировали свои таланты в показательных выступлениях: 1-ый курс представил танец «Зонтики», студенты 4-го курса во главе со ст. преп. Н.В. Рощиной – спортивную программу на степах, студентка 4-го курса Е. Никулина подготовила эстрадный танец, студентка 2-го курса К. Вязникова вместе со своими воспитанниками показала приемы тхеквандо.

Мастер-класс по фитнесу для учителей физкультуры провела ст. преп. кафедры теоретических основ физического воспитания Н.В. Рощина, ежегодно участвующая в международных фитнес-конвенциях. Ею были предложены базовые шаги и связки по степ-аэробике. В мастер-классе приняли участие 25 учителей.

В рамках круглого стола «Физическая культура и спорт в школе: перспективы развития в условиях модернизации системы образования России» весьма интересным оказалось выступление учителя физкультуры МОУ СОШ № 14 Г.В. Кручининой, которая поделилась опытом проведения интегрированных «третьих» уроков физкультуры.

На открытой лекции «Википедия и другие вики-проекты как зеркало новой модели образования» А.Р. Наумов, к.х.н., проректор по научно-исследовательской работе КГУ, рассказал слушателям о возможностях и ограничениях использования ВП в вузах и школах, основных тенденциях развития современного образования на основе использования социальных сервисов, синдикациях контента и интерактивности (концепция «Образование 2.0»). Лектор обобщил опыт реализации учебно-исследовательских проектов, связанных с использованием материалов ВП и подготовкой статей для ВП, изложил возможности применения ВП в качестве инструмента образования, раскрыл проблемы и ограничения, связанные с повседневным использованием ВП в деятельности преподавателя и студента.

В работе круглого стола «Актуализация исторических источников в работе университета, архива и музея» (ведущие – к.и.н., доц. кафедры всемирной истории и историографии О.Б. Панкратова, к.и.н., доц. кафедры истории России А.В. Новиков) приняло участие более 80 человек. Среди них сотрудники музеев, архивов, преподаватели Костромского автотранспортного техникума, школ г. Костромы, Центра детского творчества «Истоки», КГУ, студенты и др. В рамках мероприятия был представлен многогранный взгляд на исторический документ: документально-исследовательское, документально-просветительское, документально-социальное направления.

В.В. Чекмарев, проф., д.э.н., заведующий кафедрой экономической теории, прочел лекцию «Собственность в системе экономических институтов», включившую в себя следующие вопросы: собственность как экономический институт; современные теории собственности; история и перспективы государственной и частной форм; влияние форм собственности на социально-экономическое развитие России.

Мастер-класс «Подходы к лингвистическому анализу текста» (ведущий – к.ф.н., проф. кафедры французского языка С.С. Сивоволова), посвященный проблемам обучения интерпретации художественного текста, явился практическим руководством, направленным на развитие способностей к декодированию текста.

13 октября состоялся просмотр учебных работ студентов специальности «Журналистика» «От зарисовки до документального фильма» (руководитель – заведующий кафедрой журналистики В.С. Елманов). Учащиеся школ г. Костромы и студенты КГУ познакомились с процессом создания документального фильма от начала (зарисовки) до выхода на экран.

О причинах возникновения землетрясений и цунами, оценке их силы, последствиях, возможных мерах защиты прочитал лекцию к.г.-м.н., доцент кафедры зоологии и географии В.И. Бондаренко.

В рамках мастер-класса от студенческого научного общества «Правовед» (ведущий – асс. кафедры административного права и публично-правовых дисциплин Д.О. Саакян) студенты юридического факультета КГУ поделились опытом оформления научных исследований, подготовки презентаций научных изысканий.

О.Н. Новосельцева, к.ф.н., доц. кафедры немецкого языка, провела мастер-класс «Интернет-игра “Одиссея” (на немецком языке) как фактор формирования культурной идентичности». Ведущая подчеркнула, что игра доступна всем, владеющим немецким языком, начиная с «уровня выживания» А1 и кончая уровнем профессионального владения С2. По мнению О.Н. Новосельцевой, игра призвана формировать самоидентичность в анонимном общении через Интернет на немецком языке с респондентами из разных стран мира.

На факультете естествознания состоялась интеллектуальная игра-викторина «Завалинка» для учащихся 9–10 классов. Организаторами ее выступили кафедра зоологии (руководители – к.б.н., доц. заведующая кафедрой зоологии и географии М.В. Сиротина, к.б.н., доц. кафедры зоологии и географии Л.В. Мурадова) и ОГБОУ ДОД «Костромская станция юных натуралистов» (зам. директора С.В. Барановская и методист Н.Н. Ефремова). В игре приняли участие команды 12-ти школ г. Костромы. Победителями игры – «Интеллектуалами» – стали команды лицея № 17 и школы № 36 г. Костромы.

Большой интерес участников фестиваля вызвала археологическая выставка с демонстрацией документального фильма «Археология Костромской земли» (руководитель – к.и.н., доц. кафедры всемирной истории и историографии С.А. Кабатов). Ученые-археологи и студенты исторического факультета продемонстрировали собственные находки, методы проведения раскопок и сохранения вещественных памятников.

Открытая лекция «От изображения к визуализации» (лектор – к.ф.н., доц. кафедры теории и методики ИЗО, черчения и ДПИ Н.М. Домахина) была посвящена проблемам неклассического искусства XX – начала XXI вв. В лекции были разведены понятия изображения и визуализации, изобразительного искусства и искусства визуального, выявлено значение воображения в создании изобразительного и визуального образов, обозначены связи между психикой художника и формой/содержанием образа и т.д.

Почти два десятка фестивальных мероприятий состоялось 14 октября.

В рамках мастер-класса «Поиск информации – первый шаг в науку» (ведущие – зам. директора библиотеки М.А. Пешков, зав. сектором информационной работы библиотеки Р.Г. Евтушенко, зав. отделом библиотеки Л.В. Капустина) была охарактеризована роль справочной литературы и информационных изданий в научно-исследовательской работе студентов и преподавателей, проведено библиотечно-библиографическое занятие.

На лекции «Как потребителю защитить свои права: рекомендации и примеры» А.Г. Сироткин, и.о. заведующего кафедрой правового обеспечения профессиональной деятельности, изложил положения законодательства о защите прав потребителей, которые могут пригодиться в повседневной жизни. В частности, обсуждались вопросы, касающиеся прав потребителя, обязанностей продавца, мер ответственности, применяемых к нарушителям прав потребителей и др.

А.И. Захаров, проф., заслуженный деятель искусств РФ, декан музыкально-педагогического факультета провел мастер-класс «Работа над музыкальным образом на занятиях хорового класса», который посетили учителя музыки, преподаватели хоровых дисциплин. Здесь состоялось практическое занятие с хором студентов музыкально-педагогического факультета, на котором наглядно были представлены методы и приемы работы хормейстера над музыкальным образом. А.И. Захаров представил методику художественно-образного преподавания, основанную на интонационном подходе.

В этот же день состоялся фонетический конкурс среди студентов 1-го курса немецкого отделения факультета иностранных языков (руководитель – к.п.н., доц. кафедры немецкого языка Н.П. Шибаева), в ходе которого были представлены декламация на немецком языке одного из выученных стихотворений, чтение незнакомого мини-текста вслух, поддержание беседы по одной из предложенных тем и т.п.

В рамках фестиваля науки состоялся конкурс решения задач «Физика для всех» (организаторы – к.т.н., доц. кафедры общей физики С.Ю. Шадрин, к.т.н., доц. кафедры общей физики И.Г. Дьяков, к.т.н., ст. преп. кафедры общей физики Т.Л. Мухачева, заведующий лабораторией А.В. Жиров). Предварительно участникам было предложено решить задачи с физическим содержанием. Надо заметить, что это были не задачи по физике в студенческом понимании, а задачи с физическим смыслом, при решении которых требовалось проявить

смекалку и интуицию. Результаты решения задач были разобраны на итоговом занятии 14-го октября.

На лекции «Современные проблемы кросскультурной психологии» Т.Л. Крюкова, д.пс.н., проф. кафедры социальной психологии, представила слушателям результаты исследований, осуществленных в рамках соответствующего гранта РГНФ, рассказала об особенностях восприятия друг друга людьми разных культур (российской, восточной и западноевропейской).

Запоминающимся мероприятием фестиваля стала демонстрация эффектных физических экспериментов «Физический фейерверк» (руководители – к.т.н., доц. кафедры общей физики С.Ю. Шадрин, заведующий лабораторией А.В. Жиров). В ходе демонстрации были показаны физические эксперименты, которые в школе не демонстрируются: «китайский» волчок, скамья Жуковского, картезианский водолаз, несгораемая бумага, «огниво», ионный ветер, «левитация» металлического кольца на сердечнике катушки, «отталкивание» постоянных магнитов, токи Фуко, поляризация в тонких пленках и др.

В рамках лекции «История политических партий и межпартийной борьбы в России в контексте избирательного процесса» д.и.н., проф., декан исторического факультета А.М. Белов рассказал о межпартийной борьбе в России, представил историю партий сквозь призму политических альтернатив, проанализировал избирательный процесс в прошлом и настоящем, охарактеризовал механизмы демократического выбора и манипулирования.

Весьма ярким событием фестиваля науки стал творческий отчет лаборатории лингвокраеведения и фольклорно-краеведческой лаборатории (с участием ансамбля «Гралица») (руководитель – к.ф.н., доц. кафедры русского языка А.Е. Якимов). Сотрудники лабораторий смогли в оригинальной, творческой форме познакомить слушателей (студентов, преподавателей, учителей, школьников и др.) с результатами своей исследовательской деятельности с использованием технологий реконструкции живой народной речи, аутентичного исполнения песенного и обрядового фольклора Костромской области. Здесь же состоялась выставка костромского народного платья и домашней утвари.

Презентация научных проектов студентов – победителей конкурса грантов КГУ им. Н.А. Некрасова (руководитель – специалист отдела сопровождения научных исследований О.В. Федотова) позволила студентам младших курсов детально ознакомиться с необходимыми элементами написания грантового проекта и осуществления работы по его реализации, такими как: подготовка конкурсной документации, организация и осуществление процесса коллективной работы по реализации научного проекта, получившего финансовую поддержку и т.д.

Мастер-класс «Распределенные вычисления на домашних ПК» провел к.ф.-м.н., доц. кафедры прикладной математики и информационных технологий А.К. Сухов. Он не только рассказал об устройстве и возможностях различных кластеров, но также на примере локальной сети стандартных домашних персональных компьютеров показал особенности использования MPI-библиотек в средах различных языков программирования.

В работе круглого стола «Современные технологии исторического образования в школе и вузе» (ведущий – к.п.н., доц. кафедры истории России Т.Г. Осипова) приняли участие учителя школ, гимназий и лицеев Костромы. Здесь были рассмотрены вопросы, касающиеся процесса реформирования школьного исторического образования; проблемы традиций и новаций в образовательном процессе (отечественные наработки и зарубежный опыт).

На лекции-концерте «От классики до эстрады» (ведущие – д. культурологии, проф. кафедры музыкального образования и основного инструмента Е.Б. Витель, ст. преп. кафедры хорового дирижирования и сольного пения Т.В. Анфиногенова, доц. кафедры хорового дирижирования и сольного пения Н.Ю. Погорелова) вниманию слушателей были представлены классические (инструментальные, вокальные) и эстрадные вокальные произведения.

Предметом обсуждения участников круглого стола «Профессиональная организация сервиса в системе производственно-социальной инфраструктуры» (ведущий – к.т.н., заведующий кафедрой организации и производства сервиса П.Г. Ковальский) стали состояние производственно-социальной инфраструктуры России, в том числе Костромской области, перспективы обеспечения кадрами инфраструктурных предприятий, актуальные направления подготовки специалистов в сфере сервиса, общие и специальные требования к их компетенции и др. В обсуждении приняли участие представители сферы образования, бизнеса, власти, в т.ч. – заместитель министра регионального развития РФ В.А. Токарев, генеральный директор ОАО «Московский экспериментальный завод № 1» М.А. Буянов, генеральный директор группы компаний «Светлояр» В.В. Романов.

В рамках круглого стола «Н.А. Некрасов и современность» (к 190-летию со дня рождения поэта) (ведущий – д.ф.н., проф. кафедры литературы Ю.В. Лебедев) состоялось обсуждение творчества Н.А. Некрасова в связи с актуальностью духовно-нравственной и социальной проблематики его поэзии. Также были рассмотрены вопросы влияния поэта и журналиста Н.А. Некрасова на современный литературный процесс и публицистику.

В работе круглого стола «Экологическая обстановка, природопользование и охрана окружающей среды Костромской области» (ведущие – к.п.н., доц.

кафедры зоологии и географии Т.П. Осипова, к.т.н., доц. кафедры химии С.А. Кусманов) приняло участие более 40 человек, в том числе представители департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области, КГУ им. Н.А. Некрасова (факультет естествознания, юридический факультет), КГТУ, историко-культурного музея Бирюковых (с. Ивановское Красносельского района), школ, лицеев и гимназий Костромы и Нерехты. Круглый стол был посвящен анализу актуальных для современного общества проблем природопользования и охраны окружающей среды.

В ходе маршрутной игры – экскурсии преподаватели и студенты юридического факультета (руководитель – доц. кафедры судебной и правоохранительной деятельности Л.А. Сиверская) познакомили учащихся школ г. Костромы с различными сферами жизни факультета, историей правоохранительных органов Костромской области. Ребятам рассказали об увлекательном мире криминалистики, показали, как применять криминалистическую технику при выполнении заданий по раскрытию преступлений. По окончании экскурсии была проведена интерактивная игра-квест «Детектив. Случай в городе».

17 октября профессор Евангелической Высшей школы Дармштадт (Германия) У. Зеелиш прочел открытую лекцию «Социальная политика в Германии», где рассказал об основах законодательства Германии в сфере социальной политики, методологических подходах к социальной защите населения; основных категориях социально-незащищенных граждан. В рамках лекции состоялась дискуссия об общем и особенном в системах социальной защиты России и Германии.

27 октября состоялся День открытых дверей института педагогики и психологии (руководитель – д.п.н., проф., директор института педагогики и психологии А.И. Тимонин). В рамках мероприятия прошли презентации научных лабораторий и центров (Межвузовского центра по научно-методическому обеспечению социальной работы в сфере молодежного и детского движения, лаборатории практической психологии и психотерапии, Центра клинической психологии и психотерапии и т.д.); работала выставка научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов; состоялось знакомство участников фестиваля с учебно-методической базой ИПП и др.

28 октября в институте педагогики и психологии прошел межвузовский студенческий интеллектуальный конкурс по гуманитарным наукам (руководитель – к.п.н., доц., заместитель директора по образовательной работе А.В. Воронцова), в котором приняли участие команды студентов института педагогики и психологии, факультета технологии и сервиса, исторического и юридического факультетов КГУ, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

В подготовке и проведении фестиваля были задействованы многие структурные подразделения КГУ: УНИД, кафедры, НИЛ, факультеты, институты. В организационный комитет вошли ректор КГУ Н.М. Рассадин (председатель организационного комитета), проректор по НИР А.Р. Наумов (зам. пред. организационного комитета), проректор по социальной и воспитательной работе А.Е. Подобин, проректор по информатизации и инновационному развитию В.Н. Ершов, проректор по АХР В.В. Рогачев, директор библиотеки Н.А. Смирнова, начальник УНИД Е.А. Чугунов, начальник ОСНИ Е.Ю. Рогачева, начальник отдела культурно-массовой и воспитательной работы М.С. Бондарева, специалист по УМР ОСНИ Я.А. Петропавловская. Координаторами организации и проведения фестиваля науки – 2011 на факультетах / институтах выступили зам. деканов / директоров по НИР: Н.Ф. Басов, М.Е. Дубова, А.И. Иванова, Н.В. Исаев, Л.С. Колчанова, Н.Г. Коптелова, С.А. Кусманов, О.В. Лебедева, А.В. Новиков, Д.О. Саакян, С.Ю. Свешников, Е.А. Цирульникова, С.Ю. Шадрин.

Следует отметить большую работу по подготовке и проведению мероприятий фестиваля науки исторического факультета, факультета естествознания, физико-математического факультета, института педагогики и психологии, филологического факультета, музыкально-педагогического факультета, научной библиотеки.

В ходе подготовки и проведения различных мероприятий фестиваля определился ряд недостатков, которые должны быть учтены в будущем: определенная ограниченность ресурсов, недостаточно высокий уровень организационной культуры некоторых структурных подразделений, слабая мотивация определенной части студентов и преподавателей к участию и др. Учет и преодоление недостатков особенно важны в связи с тем, что в перспективе предполагается сделать фестиваль науки ежегодным праздником знаний с высокой долей просветительского компонента в масштабе Костромского региона. Соответственно необходимо вовлечь в его орбиту не только учащихся вузов, ссузов, старшеклассников, но и младших школьников, людей старшего возраста, людей с ограниченными возможностями и др. Фестиваль же 2011 года навсегда останется в памяти его организаторов и участников ПЕРВЫМ на Костромской земле!

Библиографический список

1. Всероссийский фестиваль науки. Программа Фестиваля Науки. – М., 2011. – 112 с.

2. Фестиваль науки – 2011: Программа. – Кострома, 2011. – 16 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Alexander B. Belikhov, Alexej V. Odintsov

QUALITY NON-DESTRUCTIVE CHECKING OF TOOL STEEL HEAT TREATMENT

Technique of quality checking of the tool steel heat treatment by demagnetizing currents measure with using of two-channel coercimeter is proposed. Linear dependence of difference of two demagnetizing currents on the samples hardness is obtained. Checking accuracy of the steel hardness is 1 HRC.

Keywords: coercimeter, demagnetizing currents, hardness.

Dmitry N. Zontikov

FACTORS INFLUENCING ON MORHOGENES ASPEN (3N) IN CULTURE IN VITRO

In article problems cultivation aspens 3n in culture in vitro are examined. Action of sterilizing agents on донорные экспланты, influence of a genotype and a kind of a nutrient medium on morhogenes is shown.

Keywords: aspen 3n, morhogenes, gemmagenesis, rizogenesis, a nutrient medium.

Sergei A. Kusmanov, Oleg P. Akajev, Julia V. Parkaeva, Anna N. Gvozdeva

EXTRACTION OF PHOSPHORIC ACID FROM SYSTEM $CaO-N_2O_5-P_2O_5-H_2O$ WITH AROMATIC COMPOUNDS AND ESTERS

The article touches upon the questions of extraction of phosphoric acid from the products of nitric acid decomposition of natural phosphates. It defined the characteristics of the extraction of phosphoric acid when used as an extractant of benzene, xylene, ethyl acetate and butyl acetate. It calculated rate constants of the extraction and it suggested the optimal duration of the process.

Keywords: phosphoric acid, extraction, kinetics, the degree of extraction.

Alexander V. Sidorov

MYOCARDIAL LEVELS OF CATECHOLAMINES AND BIOGENIC AMINES IN RATS WITH CHRONIC HEART FAILURE BY PROLONGED TREATMENT WITH ANGIOTENSIN-CONVERTING ENZYME INHIBITORS, BETA-ADRENOBLOCKERS AND THEIR COMBINATIONS

In experimental chronic heart failure beta-adrenoblockers, especially noncardioselective propranolol and pindolol, led to more powerful modulation of sympathoadrenal system activity as compared with ACE inhibitors. Positive influence on biogenic amines' levels by administration of lipophilic ACE inhibitors was similar to that revealed by propranolol and metoprolol treatment but more expressed than on the background of the other drugs. Combined treatment had more effectiveness compared to monotherapy with ACE inhibitors but not to metoprolol.

Keywords: chronic heart failure, myocardium, catecholamines, biogenic amines, beta-adrenoblockers, ACE inhibitors.

Marina V. Sirotina

MORPHOMETRIC RATES OF A BROWN FROG POPULATION IN THE NATURAL RESERVE "KOLOGRIVSKY LES"

This article contains the results of the research in the population of the dominating species of amphibia of the natural reserve "Kologrivsky Les" – brown frog. It contains the analysis of the morphometric characteristics, morphological indexes, sex structure of the population and color morphes of the stated species.

Keywords: Rana temporaria, morphometric characteristics, Kostromskaya oblast, natural reserve «Kologrivskiy-les».

Alexey S. Sokolov, Natalia M. Fedosova, Sergey M. Vikharev

IMPROVING THE METHOD FOR DETERMINING THE COLOR CHARACTERISTICS OF FIBER BUNDLES FOR AUTOMATED ANATOMICAL ANALYSIS OF THE FLAX STEMS

In this article the method for determining the area of lignified fiber bundles in the images of cross sections of flax stems using fuzzy logic. In particular, it shows the membership function of the image pixels to lignified or the rest of the fiber bundle, and the results obtained by image analysis of sections of flax stems by the proposed algorithm.

Keywords: anatomical analysis, fiber bundles, lignified area, pixel, the membership function.

Andrey K. Sukhov

SIMULATION OF NEAR-ELECTRODE LAYERS IN A BOUNDED PLASMA BY AN EXTERNAL DC ELECTRIC FIELD

Computer simulation of the formation of near-electrode layers in a bounded plasma by an external dc electric field, using a system of continuity equations for electron and ion plasma components and the equation of electrostatics, taking into account the initial and boundary conditions. We obtain the dynamics of formation of the plasma parameters in the cathode and anode layers, a comparison of simulation results with experimental data.

PACS numbers: 52.50.Dg, 52.50.Nr, 52.80.-s, 52.80.Tn.

Keywords: bounded plasma, near-electrode layers, numerical simulation, charged particles continuity equation, a dc electric field.

Yelizaveta A. Ivanishcheva

PRESERVATION OF LANDSCAPE DIVERSITY OF THE NORTH-WEST OF VOLOGDA REGION IN KEY AREAS

Results of assessment of landscape representativeness of the key areas network of the North-West of Vologda Region are stated in the article. There are three groups of landscapes on the degree of representation in the network key territories in the work. This study is a stage of the work on formation of the regional ecological network based on a landscape approach.

Keywords: ecological network, landscape diversity, landscapes, specially protected natural territories.

Andrey A. Mozohin, Irina A. Kolesnikova, Vladimir G. Drozdov

COMPARISON OF CHEMICAL AND SPECTRAL ANALYSIS OF DIFFERENT KINDS OF FLAX STOCK

Proximity and indestructible control, the underlying infrared spectroscopy finds itsapplication not only in the continuous collection of information on technological parameters of flax fiber in the flow, but can also be used as a rapid method forassessing the quality of raw linseed. Joint Chemical and spectral analysisindicates the presence of high-quality relationships in the content of pectin andlignin in samples of different varieties of flax stock on the value of transmittance of infrared radiation.

Keywords: spectrometry, spectrophotometer, near-infrared area, chemical analysis, flax stock, express-method, lignin.

SYSTEM ENGINEERING

Artem R. Denisov, Mikhail G. Levin, Alexey V. Ribinskiy, Tatjana N. Nekrasova

BUSINESS-PROCESS "TECHNOLOGICAL CONNECTIONS TO ELECTRICAL NETWORKS" "AS-IS" MODEL SYNTHESIS AND ANALYSIS

Approaches to the temporary restrictions performance task decision of business-process "Technological connections to electrical networks" by risk analysis and management decisions acceptance support are considered.

Keywords: technological connection, business-process, decision making support system.

Anna V. Mudraya, Igor A. Tishenko, Georgy M. Travin

MODELLING OF THE ENVIRONMENTALLY SUSTAINABLE FUNCTION(ING) OF THE ECOLOGICAL MONITORING OBJECTS AT INDUSTRIAL ENTERPRISES (FACTORIES)

The paper deals with solving the problem of modeling the environmentally sustainable function of the ecological monitoring objects by dynamic programming methods.

Keywords: modeling, ekomonitoring, dynamic programming, industrial enterprise.

ECONOMY. MANAGEMENT

Nikolai P. Gibalo, Stanislav S. Milevsky

CHANNELS EFFECT OF INFORMATION ON PERSONAL ECONOMIC INTERESTS

The article identified and classified channels of influence of the information economy to changes in personal economic interests (reproduction, feed customization, financial, communication, motivational and stimulating, informative, channel servesizatsii, intellectual, social, dependency).

Keywords: economic interests, needs, consumption, motivation, information, reproduction.

Olga N. Grabova

INSTITUTIONAL PROBLEMS OF TRANSFORMATIONS OF THE ECONOMIC RELATIONS IN MODERN CONDITIONS

The purpose of this article is to reveal interrelations of transformation in institution-economical relations. It will make abaliable to solve modern problems in tempo coordination of dynamic development, concerning property-and-institutional relationships and to reveal contradictions in property relations and to define the ways of it's compromise solving.

Keywords: dynamics of economic relationships, institutional medium, property.

Amangeldy N. Dogalov

QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC ARRANGEMENT OF OGUZSKY TRIBES (THE IX-XIII CENTURIES) IN «THE BOOK OF MY GRANDFATHER KORKYTA»

The article contains results of the socioeconomic analysis of «The book of my grandfather Korkyt».

Keywords: nomad cattle-breeding; craft; trade; agriculture.

Ivan N. Drogobytsky

THE MAINTENANCE AND POWER OF ORGANIZATIONAL MANAGEMENT

The article gives a systematic interpretation of decision-making. At the same time, administration is interpreted as meeting obligations of economic entity by use of management energy of its regulatory body. It is established that in order to make a sustainable decision it is necessary to define four functional imperatives – what to do, how to do it, when to do it and who should do it. In order to fulfill it, it is necessary to provide a good combination of four energetic imperatives – power, will, enforcement and authority. There are suggestions made on measurement of administrative energy performance.

Keywords: administration, managerial decisions, power, performance of management, effectiveness of management.

Yu.K. Knyazev, I.N. Kondrat,
O.S. Kovalenko, V.N. Tishin

THE NEED FOR RENEWAL OF ECONOMICS

Erupted at the end of the first decade of this century, the global financial crisis has revealed not only aggravated the problems of economic development, primarily in the operation of the system of finance, but also the shortcomings of the prevailing economic theory. That is, according to many analysts, the time has not signaled the impending disaster, and even myself to some extent, contributed to its onset.

Keywords: economic theory, higher education, the modernization of the socio-economic system.

G.E. Lyagushev

ECONOMY AND ECONOMIC SPACE: PLACE OF MILITARY ECONOMY

The article attempts to justify the need for consideration of the military economy is not as an industry, but as an integral part of macroeconomic theory

Keywords: economic theory, economic space, economy, military economy.

Stanislav S. Milevsky

PECULIARITIES OF FORMATION AND REALIZATION OF PERSONAL INTERESTS IN RUSSIA IN THE INFORMATION ECONOMY

The article identified and specified features of the formation and realization of personal interests in Russia in terms of information due to the specifics of the institutional environment and the characteristics of the penetration process of informatization in the socio-economic practice.

Keywords: personal economic interests, national mentality, Russion economy, information economic relations.

M.V. Pershin

CONFLICT-COMPROMISE THEORY COST

In this paper the authors look at the use of the political economy approach in the new political economy to the development of the theory of value.

Keywords: theory of value, politiekonomichesky approach, the methodology of the new political economy.

Aleksandra B. Ratkova

SISTEMOORGANIZOVANNAYA SET OF GOALS AS A SIGN UPDATES GOOD FORM PERFORMANCE OF FUNCTIONS OF THE STATE

The paper considers the problem of the need to update the forms of qualitative implementation of state functions in post-industrialization.

Keywords: state, state functions, form the feature, a set of goals, forecasting, programming.

Natalia N. Saksina, Svetlana A. Babenko

SUBSTANTIATION OF VALUE SYSTEM OF THE REGULATION OF AN EMPLOYEE'S INDIVIDUAL ACTIVITY IN THE LABOUR PROCESS

The article is dedicated to the substantiation of value system of labour process which regulates the level of an employee's individual activity by means of improvement of the socio-psychological climate and the formation of the organizational culture of an enterprise.

Keywords: individual's activity, labour process, valuable, socio-psychological climate, organizational culture.

Viktor O. Subbotin

STATE INFLUENCE ON CIVIL SOCIETY IN THE SYSTEM OF ECONOMIC RELATIONS

This article analyzes the forms of state intervention in economic processes taking place in civil society. The basic positions are emphasized and possible options for the development of civil society are suggested. The questions mentioned in article represent scientific and practical interest.

Keywords: civil society and the influence on civil society; government intervention; economic relations; the economic institutions of society.

Ekaterina V. Konovalova

FAMILY IN A SERIES OF CATEGORIES POLITICAL ECONOMY

Traditionally, the family and treated as a social institution and as a social group. However, maintaining the functional stability of the social structure of society is based on the specific mechanisms of the relationship of people and groups of people. Under the subject of a new political economy justified the essence of the family as an economic category, using the principle of interaktsionalizma (analysis of economic interactions of family members with each other). Proposed study of the rank structure of the family as opposed to the sociological structure, indicating the rank structure as an obstacle frustiruyuscheesya of family relationships.

Keywords: political economy as the family category, the household, the principle interaktsionalizma, family household, socio-economic relations.

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

Tatyana V. Belousova

APPLYING THE DIALOGUE OF CULTURES TECHNIQUE IN TEACHING THE LITERATURE OF THE SILVER AGE

The author argues that the literature of the Silver Age should be taught at school applying the dialogue of cultures technique since creative work of the period is consciously focused on the dialogue with the heritage of the world culture. As an example, the author refers to the cultural dialogue of the literature of the

Silver Age with the culture of Italy. The author suggests the way to apply the dialogue of cultures technique at the literature lesson.

Keywords: dialogue of cultures, methodology, technique, reading lesson, the Silver Age, Italy.

Marina G. Botova

RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF VIOLENCE AND AGGRESSION: THEORETICAL AND EMPIRICAL RESEARCH

The author considers the problem of violence and the cruel treatment of children. Different views on the issue of violence. Relationship between the concepts of violence and aggression.

Keywords: children, violence, aggression, school violence, cruel treatment.

Natalya S. Burina, Sofia M. Shevchenko

ORGANIZATIONAL FORMS OF A MODERN FAMILY. GENERAL REGULARITIES

Nowadays the family exists under the pressure of considerable influence of the dynamical external environment. As a result of this influence many new organizational family forms come to our society. Some forms are different from the traditional forms, but it provides the important adaptability. The properties of these forms are in analogy with properties of biological, social organizational forms, and it indicates the general regularity.

Keywords: Functions and purposes of family; forms of the contemporary family; civil marriage.

Vitaly V. Bogun

APPLICATION OF VARIOUS MEANS OF INFORMATION FOR RESEARCH OF CORRECT QUADRANGULAR PYRAMIDS

In offered article application of the graphic calculator and the personal computer in the course of studying of geometrical properties of correct quadrangular pyramids with use of integration dependences between elementary geometry and trigonometry is considered. Are presented the mathematical apparatus developed by the author and programs on the graphic calculator and the personal computer.

Keywords: Integration of trigonometry and elementary geometry into space, geometrical properties of correct quadrangular pyramids, information-communication technologies, small means of information, the graphic calculator, dynamic Internet pages.

Alexander A. Smirnov, Anastasia A. Postnova

FEATURES OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE LAWYER

In article features of professional work of the lawyer are considered: its purposes, a problem, a subject, object, means. The psychological analysis of professionally significant qualities necessary for effective activity of the lawyer is given.

Keywords: legal activity, object of the labor of the lawyer, means of labor of the lawyer, specific features of activity of the lawyer.

Olga E. Cherstvaya

THE INTERACTION OF HIGH SCHOOL AND NONCOMMERCIAL ORGANIZATION

The author of the article describes the interaction of high schools and noncommercial organizations and shows the urgency of this problem in modern society. He also reveals the directions of this interaction and pays special attention to elective courses at high school and the role of representatives of noncommercial organizations in these courses.

Keywords: stakeholders, interaction, elective courses, noncommercial organization.

Shadchin Igor V.

FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION TO RESEARCH ACTIVITY AS TEORETIKO-METODOLOGICHESKAYA THE PROBLEM

In article the content of concept readiness of students for research activity is considered. The detailed characteristic anthropocentric, subject deyatelnostny and the kompetentnostny approaches providing obtaining of versatile characteristics at formation of readiness of students of higher education institution to research activity is given.

Keywords: methodological approach, readiness of students for research activity, anthropocentric approach, subject deyatelnostny approach, kompetentnostny approach.

Evgeny A. Sheronov

DEVELOPMENT KOSTROMA PSYCHOLOGICAL TEST FOR DETERMINATION OF FITNESS TO EDUCATION ON MEDICAL SPECIALTIES

KTMS is the Kostroma aptitude test for medical specialties that helps to select students for study of medicine. Toolbox is designed on the basis of American and European Success Tests and structurally corresponds with famous Test for medical specialties (TMS). KTMS is not a translation of TMS and is not its adaptation to the Russian environment either. It will be constructed anew on the principles of classical test construction and new items submitted.

Keywords: psychological test, constructing psychological test, theory of classical test constructing.

Nino I. Botsieva, Igor F. Botsiev

TEACHING OF PHYSICS AND MATHEMATICS IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF HIGHER MEDICAL EDUCATION

Was characterized an integrative-module course of physics and mathematics, adapted to the new

requirements of higher medical education. The importance of physical and mathematical education for medical students is discussing. The integration of physics and mathematics with theoretical and clinical disciplines is established.

Keywords: medical education, physics, mathematics, integrative-module education.

Natalya V. Volkova

THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ATTITUDES OF PERSONNEL ARE AN INFLUENCE ON ORGANIZATIONAL SOCIALIZATION AND NEWCOMER ADAPTATION

This article describes the set of personnel's social-psychological attitudes which influence on employees' behavior during organizational socialization and give prediction about its results. The definitions "organizational socialization" and "newcomer adaptation" are clarified.

Keywords: newcomer adaptation, organizational socialization, career orientations, self-monitoring, social-psychological attitudes of personnel.

Tatyana V. Masharova

THE INNOVATION OF THE HUMANITARIAN COMPONENT OF STUDENTS PREPARATION IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

The questions of the integration of professional and avil education of modern students ars beine considered in the article. There is shown the contradiction betven utilitarian and moral imperatives of universal recognition and the perspectives of its settlement in the educational practice of a modern higher educational institution are analised.

Keywords: Boulogne process,civil upbringing the humanitarian component of student.

Eugenia A. Evstafeeva

THE STRUCTURE OF PERSONAL HELPLESSNESS AMONG THE STAFF OF THE CORRECTIONAL SYSTEM

The article analyzes the phenomenon of personal helplessness in the concept of personal helplessness. The results of an empirical study of factor structure of personal helplessness among the staff of the correctional system.

Keywords: personal helplessness, structure of personal of helplessness, an employee of the penal system.

Valery G. Pishchulin

INDEPENDENT WORK AS THE FACTOR OF SUCCESSFUL TRAINING AT TRANSITION TO NEW STATE STANDARDS

Transition to new state standards assumes essential increase in a share of independent work in the course of training. Readiness for independent educational activity for students of high school where its volume reaches 70% is especially important. However the given problem to the full isn't solved till now. In given article the concept «informative independence» is concretized, with reference to new conditions of training in high school and is allocated components of informative independence, formation and which integration will provide success of training of students in high school.

Keywords: informative independence, structure of informative independence, independent work of students.

Raisa A. Tsiring

THEORETICAL APPROACHES TO STUDYING OF A PROBLEM OF AVAILABILITY OF HIGHER EDUCATION IN A MODERN SOCIETY

In article theoretical approaches to studying of a problem of availability of higher education for youth are defined; the factors interfering reception of higher education come to light; the organization of pedagogical assistance of availability of the higher education constructed on activization of internal potential of self-development and self-improvement of the person in receipt and training in high school is offered

Keywords: availability of higher education; barriers in higher education reception; assistance in higher education reception.

Sergey N. Yaroshenko

METHODOLOGICAL APPROACHES OF FORMATION OF THE COMPETITIVENESS OF GRADUATING STUDENTS OF THE UNIVERSITY

The article considers the basic methodological approaches of pedagogical research of General scientific and specifically-scientific levels, substantiated and is devoted to methodological approaches of formation of the competitiveness of graduating students of the University.

Keywords: scientific approaches, the competitiveness of students, system approach, the activity approach, the competence-based approach.

Yekaterina A. Bogacheva

PEDAGOGICAL CONTEXT OF OPTIMIZATION OF STUDENT'S LIFE QUALITY

This article, from the pedagogical point of view, deals with analysis of "quality of life" as a factor of optimization of the quality of life of students. The main emphasis is placed on teaching (support) of the tutor in self-actualization of students.

Keywords: the quality of student's life, optimization of the quality of life, pedagogical support, support-contribution, pedagogical system of tutors.

Alexander A. Baranov, Olga Yu. Lukshina

INFLUENCE OF SOCIAL DISTANCE BETWEEN CORRECTIONAL WORKERS AND CONVICTS ON DEVELOPMENT OF «BURNOUT» SYMPTOMS OF PENITENTIARY WORKERS

The article contains the theoretical model of the «burnout» determinants of correctional workers, as well as the analysis of the conditions concerning the social distance formation. It also presents the role of identification, adaptation of the employees within the criminal-executive system in the process of formation and development of professional aims and their influence on the development of «burnout» symptoms.

Keywords: social distance, distancing, identification, limitation of subjectivness, professional installation, syndrome of «burnout».

Elena Yu. Ignatieva

THE TEACHERS TRAINING FOR PEDAGOGICAL MANAGEMENT OF STUDENTS EDUCATIONAL ACTIVITY IN A SYSTEM CHANGES CONDITIONS OF EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITY

The essence of changes in pedagogical management of students educational activity at the university in modern conditions and the difficulties for teachers connected with it are defined in this article. Ways for teachers training for a new pedagogical management are offered. Dynamics of changes in a teacher activity as a result of specially organized training is shown.

Keywords: pedagogical management, students educational activity, teaches training, educational process at the university, system changes.

I.F. Isaev, E.V. Kudinov

THE SOCIAL-PEDAGOGICAL PRECONDITIONS OF ORGANIZATION OF CHILDREN'S PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION WORK IN BELGOROD REGION COUNTRY-SCHOOL UNITS IN 1975-1992

The purpose of the research was an analysis of social-pedagogical preconditions of organization of children's professional self-determination work in Belgorod region country -school units in 1975-1992 for future learning of the experience in organization of children's professional self-determination work of these schools as one of the best in the country.

Keywords: professional self-determination of schoolchildren's, country -school units, the social-pedagogical preconditions of organization of children's professional self-determination work.

PHILOSOPHY. ETHICS. AESTHETICS

Sergey V. Grozdilov

JUSTICE AS A DIALECTICAL IS A CONTROVERSIAL PHENOMENON

Justice it is a complicated phenomenon characterizing all the social relations' system. It manifests itself in all its diversity as the dialectical opposite.

Keywords: justice, the dialectical opposite, society, social relations, knowledge, matching, measure.

Marina L. Zaytseva

SYNESTHETIC PERCEPTION AND COGNITION OF OBJECTIVE REALITY IN THE SPHERE OF AESTHETIC CONNOTATIONS

In the article there has been theoretically grounded the necessity to admit synesthesia to be a philosophical concept which will realize the methodological function in the research of objective reality cognition process. There have been presented the results of analysis of senesthetic ideas genesis and the forms of synesthesia display in art. The constant features of synesthesia have been revealed, allowing to define it as the system ability of aesthetic perception and artistic thought.

Keywords: synesthesia, objective reality, aesthetic perception, cognition, artistic thought.

Ivan V. Kirdjashkin

YOUTH AS THE PHENOMENON OF MANAGEMENT OF THE TRANSITIVE SOCIETY

In article such property of concept "youth" as transitivity, expressing transitivity of a society. Property of transitivity of a phenomenon of youth as the set of specific cultural strategy, is the important construction tool a society of own base designs of the future is judged that.

Keywords: youth, youth politics, transitive society.

Lyubov A. Komarova

LOVE AS THE HIGHEST OF HUMAN VALUES

In this article the essence of love and its uniqueness is regarded and disclosed. We give an argued explanation of the concept of «love» as the highest human value. The forms of comprehension of phenomenon of love are revealed in different stages of development of our society. We also regarded the forms of love and the significance of Russian Day of love, family and loyalty.

Keywords: morality, love, emotional and value-based attitude. self-loving person, the All-Russian Day, family, love and loyalty.

Vitaly V. Koromyslov

PROBLEM OF EXISTENCE OF SOCIAL TIME IN A CONTEXT OF THE CONCEPT OF ESSENCE OF THE PERSON AS RESULT OF UNIFORM NATURAL WORLD PROCESS

In given article the problem of existence of social time as forms of life of a matter is considered. Here approaches to its studying are analyzed, author's vision of the decision of this problem which leans against the is concrete-general theory of development is offered. Some features and properties of biological and social

forms of space come to light. The phenomenon of "compression", consolidation of social time in process of society progress is investigated.

Keywords: Social time, biological time, individual time, properties of social time, the is concrete-general theory of development.

Rushany A. Lukyanova

THE TRUE HEROISM IS A SPIRITUAL PART OF SOCIETY

The true heroism asserts the greatness of a human, his spiritual paver and nobleness, it is inseparable from lofty ideals. The cognition of the true heroism as a many-sided phenomenon is always in harmony with the epoch, which moves out its own heroes. Rehabilitation of moral ideals without witch society has ho future is extraordinary important nowadays. In this connection there is a desire to comprehend the nature of heroism as a spiritual part of society, to consider its place in the process of knowledge of human being.

Keywords: heroism, knowledge, being, truth, greatness, spirituality, ideal, the hero.

Oleg V. Pavenkov

CONCEPT OF LOVE IN THE OEUVRE OF WESTERN PHILOSOPHY SCHOLARS OF THE XX CENTURY: K. LEWIS, B. RUSSWELL, G. LUKACS, E. FROMM, A. CAMUS

This article is devoted to the analysis of the concept of love in the XXth century western philosophy. We have allocated five approaches to consideration of love in the western philosophy of the XXth century: apologetic approach, the antichristian approach, esthetic approach, existential approach, emancipation approach. Views of the bright representatives of the given approaches have been considered: K. Lewis, B. Russwell, G. Lukacs, E. Fromm, A. Camus. We have made the conclusion that in the western philosophy of the XX-th century the concept of love, closely connected with essence of the person, is considered as an ontological basis existence of persons.

Keywords: altruistic love, love-need and love-gift, asceticism in love, love absolutization, altruistic synthesis.

Oleg A. Panasenko

THE TREND OF RELATIONS BETWEEN THE UNIVERSAL FORMS OF AVAILABLE CONTENT AND ITS PRESENTATION IN THE HISTORY OF EUROPEAN PHILOSOPHY

The paper deals with the relationship between the main forms of available content, on the one hand, and its presentation, on the other. Comparison between ancient and modern philosophy leads to the conclusion that category of view cannot be separated from content that turns into submission.

Keywords: representation, ontology, category, general, thing.

Aysyla H. Khusainova

THE IDEOLOGY OF DESTRUCTION AND ONTOLOGY OF STABLENESS AT THE BEGINNING OF THE EVENTS OF THE GREAT FATHERLAND WAR

The author shows the ideology of destruction and ontology of stableness at the beginning of the war events of 1941 when the country was situated on the brink of the downfall in the abyss of historical not-being. The ontology of events is considered on a basis materials appeared at the turn of the centuries which confirm that cruelty idea is the inevitable companion of the war and the consciously planned act, that is why nationality defends heroically and does irrepressible stableness.

Keywords: ideology, ontology, events, war, destruction, stableness, brutality, army, soldiers, history, country, memory, the past.

CULTUROLOGY. SCIENCE OF ART

Elena Yu. Borisova, Natalia Yu. Pogorelova

S.V. RAKHMANINOV – THE LARGEST COMPOSER, THE PIANIST AND THE CONDUCTOR OF THE END XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX-th CENTURIES

In given article results of the complete analysis of the biography of the composer in which we, leaning against last researches, have tried to restore its foreign creativity objectively are stated. As many modern musicologists name Rakhmanov's church music top of the New direction of Russian sacred music in article the special attention is paid to its spiritually – musical heritage.

Keywords: S.V. Rakhmaninov, russian classical music, the russian sacred music, new type of a concert sacred music.

Vladimir A. Vasilyev

THE PICTURE OF A.A. KOKEL «TEAHOUSE» IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND PUBLIC LIFE OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURU

This article, based on an interdisciplinary study of the creative work of A.A. Kokel, reveals the traditions of Russian democratic art culture. The talent of the artist transforms scenes of private, domestic picture of life into a deep comprehension and generalization of socio-cultural processes in Russia in the coming XX century.

Keywords: the artist, painting, visual arts, art exhibition, , academy of arts, culture, creative work.

Valery V. Dzjuban

STATE POLICY ON COSSACKS DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA. INFLUENCE OF THE REGIONAL AND MUNICIPAL LEGISLATION ON INCREASE OF LEVEL OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF COSSACKS BRYANSH CHINA

This article examines public acts of the Russian Federation aimed at reviving and improving the level

of socio-economic development of the Cossacks, also describes the level of Cossacks in the Bryansk, which gives an idea of the government policies towards the Cossacks in general.

Keywords: the Cossacks, the legislation, regulatory legal acts, state policy concepts, economic and social situation.

Andrey G. Evtushenko

THE ORDER REMAINS. THE TOMB AS THE WORSHIP PLACE

A. Evtushenko's article opens one of material aspects of historical memory: the order remains of the outstanding person. Solicitous attitude to memory about died or destruction of all mentions of it – here two ways which were developed by mankind. What expects a body of the hero after death? «Any posthumous anniversary event doesn't do without ceremonies on a tomb of the outstanding person», – A. Evtushenko confirms.

Keywords: tomb; historical memory; hallows of the sacred; Lenin's Mausoleum; Lzhe-dmitry I; Muamar Kaddafi; Henry Himmler; Adolf Hitler; the death penalty; pilgrimage; «Angarsk Atlantis».

Natalia K. Kashina

V. ROZANOVA'S PRAYFUL WORD

The word "prayer" in V. Rozanov's creativity is the key. Realizing its ontologic maintenance, the writer finds original possibilities to organize the text which anticipate opening in the XX-th century literature. The semantic status is got by intonation, a drawing, that is caused by searches of nonverbal elements in the literature of Russian modernism.

Keywords: a prayer, the text, a semantic saturation, silence, строфика, intonation, ontologizm.

Irina N. Lavrikova

SYSTEM OF CELEBRATORY ACTION: FAMILIARIZING PHENOMENON

As practice shows and the theory confirms, celebratory action is one of the best mechanisms of culture promoting association of people. Thus, the holiday can is active ispolzo-vatsja as the planned agent of socialization and инкультурации.

Keywords: methodology of a holiday, a free time, leisure, an element of culture, authority, education of the person, the theory of laughter.

Natalia V. Pintverene

M. TARIVERDIEV. "THE DEER KING". PECULIARITIES OF THE CINEMA-OPERA MUSICAL DRAMATURGY

M. Tariverdiev composed music to over 130 films. A vast stratum of the film music is not still analyzed. There is a great necessity to explore this music. That's why this article is very urgent. M. Tariverdiev defined a film as a work that has its own dramaturgy. The cinema-opera genre was especially interesting for the composer. The traits of the cinema-opera musical dramaturgy are offered in the article.

Keywords: cinema-opera, traits of the comical opera, musical dramaturgy.

Vladimir A. Redkin

GONCHAROV AND PHILOSOPHIC POSITIVISM

Phylosophy of positivism in Russia in the second half of the 19 th century caused the response of some figures of Russian culture, Ivan Goncharov among them. Goncharov, as well as Dostoevsky, Turgenev, Leo Tolstoy, does not accept the natural materialistic interpretation of essence of human personality. The publication of N. Chernyshevsky's "What to do?" strengthened the polemics between positivists and their opponents. Goncharov, basing on the Christian ethics, maintained his point of view on the harmony of emotional and rational "mind" and "heart" in human personality. The writer negatively estimates naturalism in literature (Emile Zola's School) for the positivism and naturalism in his opinion destroy spiritual bases of human existence.

Keywords: positivism, naturalism, existence, spiritual, materialism, position, harmony, personality, science, nihilism, moral.

Vera S. Ryazanova-Dauri

PRESERVATION OF NATIONAL TRADITIONS IN KHANTY AND MANSI'S CRAFTS

Processes and the phenomena occurring in the conditions of modern global transformation of the Tyumen north are considered in the article. These active changes are becoming the reformer of a social basis of indigenous population, playing the leading part in transition to new transformations to daily culture, in formation of morals and customs.

Keywords: khanty and mansi, Ob-Ugric populace, trade activity, traditional culture, mythological picture of the world.

Olga V. Smurova

TOWN FESTIVAL AS A MEETING PLACE OF TRADITIONS (IN ST PETERSBURG AFTER 1861 REFORM)

The article examines how the town festivals and celebrations in the capital changed under the influence of seasonal workers in the second half of the 19-th - beginning of the 20-th century.

Keywords: transformation of the cultural tradition, town festival, village tradition, intersocial exchange of traditions.

Irina M. Fatejeva

ARCHITECTURAL INTENTIONS AND PHILOSOPHICAL BASES OF THE RUSSIAN LAND-ART

The aim of the present article is to find out architectural intentions and philosophical bases of the

native land-art, i.e. art-practice of the modern art keeping the relationship between man and nature in harmony and everything humane in the man which is urgent in the light of ecological, cultural and anthropological problems of the technogenic civilization.

Keywords: land-art, art-practices, modern art, aesthetic experience, aesthetic dialogue, land objects, land installations, archetype, nature, irony, postmodern being, postmodernism.

LINGUISTICS

Ekaterina N. Bogatyreva

STRUCTURAL-SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE «ВОДА»/«WATER»-ELEMENTS AND ELEMENTS OF WATER BASINS IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article is dedicated to the structural-semantic transformations of the phraseological units with the «вода»/«water»-elements and elements of water basins in Russian and English. The aim is to show the peculiarities of these fixed phrases' form and content that specify their transformation potential.

Keywords: phraseological units, element of a phraseological unit, structural-semantic transformations.

Roman V. Valvakov

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF RUSSIAN ADJECTIVES INTO ENGLISH

The article regards different ways of translation of Russian adjectives into English. The correlation of the plane of content and the plane of expression is researched.

Keywords: the adjective, translational transformations, plane of content, plane of expression.

Dmitry A. Volotov

THE BORROWED BATTLE LEXICON OF THE FRENCH ORIGIN IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE": IDEAS OF WAR AND PEACE

There are numerous examples of military vocabulary of the French origin in the Russian language of the 19th century. The analysis of the novel «War and Peace» by Leo Tolstoy helps to evaluate the degree of assimilation of the gallicism «artillery», to understand its semantics, its structural and functional peculiarities in the aspect of the history of the Russian literary language.

Keywords: gallicism, military, loanword, semantics, assimilation.

Elena S. Gaylomazova

Comparison semiotics: cognitive aspects

The question of the psycholinguistic nature of category of comparison always was in sight of domestic grammar and, depending on initial theoretical preconditions, was decided differently. Comparison belongs either to psychological area as "conceivable" change of quality or formal indicators of comparison become of priority.

Keywords: category of comparison, quantification, comparative, superlative, equative.

Olga V. Zagorovskaya, Galina A. Zavarzina

«WEAK» INNOVATIONS IN LEXICAL SUB-SYSTEM OF "STATE ADMINISTRATION" IN RUSSIAN LANGUAGE OF THE PRESENT TIME

The given article focuses on the problems of weak innovations' formation and functioning, dealing with the renewal of lexics in the state administration sphere of modern Russia. The paper presents the description of proper-semantic neologisms creative methods in Russian lexics of state administration of the present period. The most productive among them are: metaphorical, metonymical, gender-aspect transfers and functional-semantic innovations connected with the frequency and passivity in usage processes and also with the increase of the current lexics layer at the expense of the limited in use lexics: terminology and slang.

Keywords: «weak» neologisms, proper-semantic innovations, functional-semantic neologisms, metaphorical, metonymical, gender-aspect transfers, frequency in usage, passivity in usage.

Nataliya K. Ivanova

SPELLING MISTAKES IN THE ENGLISH LANGUAGE: EXPERIENCE OF CLASSIFYING ON THE BASIS OF THE INTERNET-SOURCES

The paper is devoted to the problem of spelling errors and contains the analysis of the typical misspellings on the basis of the list of thirty four "hard words", the cause of the misspelling is determined, and correlation between spelling and pronunciation of a word is established. Conclusions on the typical "weak points are made.

Keywords: spelling in the English language, erroneous and variant spellings in British and American English, spelling mistakes typology, frequency, and origin.

Narmina S. Isayeva

MODERN PHRASEOGRAFY. PROBLEMS AND PROSPECTS

The article deals with the theoretical and practical issues of modern phraseography. Phraseological semantics is claimed to not differ from lexical semantics in both the past and the present. The reason of this is in the non differentiation of phraseological and lexical semantics. Usually phraseological units in the dictionaries are explained as units of second nomination.

Keywords: phraseologizm, phraseografy, etymologizm, lexical meaning, unit of secondary nomination.

Olga O. Kukatova

THE PECULIARITIES OF SEMANTIK ROLE OF CASUAL IN EXPRESSIONS WITH REFLEKSIVE EMOTIONALVERBS IN RUSSIAN LANGUAGE: *удивляться, поражаться, изумляться, сердиться, злиться, возмущаться, раздражаться*

The article is dedicated to research the semantic role of asual in expressions reflexive emotional verbs, particularity the correlation of semantic feature of predicates and actanst.

Keywords: explication, Casual, reflexive emotional verb, semantic role.

Alexandra A. Osipova

VITALITY AND ETERNITY IN VICTOR ASTAFYEV'S WORLD PICTURE (IMAGE BEARING VERBAL MEANS OF THE CONCEPTS "LIFE" AND "DEATH")

This paper appeals to the works of an outstanding Russian writer Victor Astafyev. The attention is focused on the key concepts "Life" and "Death" which intervene Astafyev's world picture. The linguist analyzes the function of phraseological units as image-bearing expressions belonging to the above mentioned concepts.

Keywords: concepts «Life» – «Death», author's special world picture, phraseological unit, Victor Astafyev.

Elena V. Tsvetkova

WHITE COLOR IN KOSTROMA TOPONYMY

In Kostroma dialects the lexeme 'white' finds its embodiment in a great number of names, including toponyms. In Kostroma "toponymic palette" the white colour, alongside with black and red, is among the main ones. Toponyms of this type are made up on the basis of different kinds of nomination.

Keywords: dialectology, onomastics, toponymy, microtoponymy.

Oxana E. Chernova

IDEOLOGEM *SOCIALIST COMPETITION* IN THE REGIONAL NEWSPAPER OF SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

The article studies the appearance. Existence and transformation of the ideologem socialist competition on material published in the newspaper «Magnitogorsk Worker» since 1930's. Semantic transformations of the ideologem are studied with regard to political changes in the country.

Keywords: Ideologem, connotation, socialist competition, hard worker, Stakhanovite.

SCIENCE OF LITERATURE. FOLKLORE

Tamara P. Batalova.

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "POOR PEOPLE." ON POETICK OF THE PLOT

The author of this article analyse the plot of F.M. Dostoevsky's novel.On this base she concludes, that author of "Poor peopl" continues the traditions of Gogol's stories of Peterburg, intensifies leitmotif of this work.

Keywords: Pushckin, Gogol, novel, letter, image, plot.

Sofia I. Glazunova

COLOR AND SOUND AS COMPONENTS OF CRITICAL WORKS OF VLADIMIR NABOKOV

In article feature of functioning of concepts with value "colour" and "sound" in V. Nabokov's critical works is considered. The role of colour and sound images, the metaphors constructed on specific mixture of sensations, peculiar to multitouch perception is analyzed. Synesthesia becomes the important factor, allowing to reveal the general tendencies in Nabokov's aesthetic concept and representatives of symbolism.

Keywords: V. Nabokov, interpretation, synesthesia, symbolism, the literary criticism.

N.V. Grechushkina

WHITE IDEA IN UNDERSTANDING OF RUSSIAN PHILOSOPHERS AND M.A. SHOLOKHOV (THE "QUIET DON")

I. Ilyin considers that general Kornilov ist the spokesman of idea of an orthodox sword. An Berdiav connects its judgement with Divine truth. M.A. Sholokhov shows in the image of grandfather Grishak that the white idea consists in overcoming of animal instincts and unarmed protection of one part of Russian society against another.

Keywords: an orthodox sword, divine will, illness of soul, a victory over death, renascence of Russia.

Irina Yu. Zharova

"PROSKINITARY" WRITTEN BY ARSENY SUKHANOV – TRADITIONS AND INNOVATION IN A MONUMENT OF THE RUSSIAN ITINERARY LITERATURE OF A XVII-th CENTURY

The article enlightens and partially reconstructs historic events shown in Arseniy Suhanov's "Proskinitariya". Transformation of traditional genre models and compositional scheme of "Proskinitary" are analysed in the article.

Keywords: genre peculiarities, composition, route, embassy, proskinitariy, itinerary literature.

Alexander K. Kotlov

IMAGES OF TIME IN DMITRY BAKIN'S PROSE

The author of article analyzes features of the temporary organization of works of modern prose writer Dmitry Bakin, pays attention to an originality of a

figurative embodiment of time in stories and stories of the writer.

Keywords: Bakin, image of time, hronotop, art organization, Platonov, expressionism.

Natalia A. Molchanova

I.A. BUNIN IN K.D. BALMONT'S POETIC PERCEPTION DURING 1920s AND 30s

Based on the archival research, the article explores the creative interaction between K.D. Balmont and I.A. Bunin during the emigrant period of 1920-30s.

Keywords: I.A. Bunin, K.D. Balmont, lyric poetry, emigration.

Nikolay G. Morozov

«THE FLOWERS» BY SAINT FRANCIS OF ASSISI IN THE RECEPTION OF THE SHORT STORY «STUDENT BENEDICTOV'S»: AUTHOR SPIRITUAL SOURCES OF THE MEDIEVAL ATHETISM THEME IN B.K. ZAITSEV'S PROSE OF THE 1910-s

The article analyses the plot and image system of B.K. Zajtsev's short story «Student Benedictov's». The peculiarities of the writer's reception of «The Flowers» by saint Francis of Assisi are discussed in the context of humanistic ideas of A.S. Pushkin's, N.A. Nekrasov's, F.M. Dostoyevsky's creative work.

Keywords: the knight, «The Flowers», Francis of Assisi, labours, a monk's cell.

Elena A. Posdnjakova

THE GENESIS OF THE "NEW DRAMA" OF CHEKHOV

This article presents the genetic connection of Chekhov's dramas with the Russian novel's poetics. It is necessary to say that today, the National Science holds an interest in the study of generic and specific connections in the historical-literary process of the middle of 2nd half 19th century.

Keywords: narrative episodes, polyphony, twin, a lot of characters, installation, out-stage character.

Tina A. Sklizkova

THE COUNTRY-HOUSE NOVEL TRADITION IN J. FOWLES'«THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN»

The country-house novel is characterized by the dominating role of a country house which is mythologized and seen as analogous to the «pleasant place» (locus amoenus). In the article J. Fowles' novel «The French Lieutenant's Woman» is analyzed from the point of view of this genre tradition.

Keywords: country-house novel, «pleasant place» (locus amoenus), Arcadia.

Natalia G. Sharapenkova

"HAPPENING UNIVERSE" OF THE ARISING SELF-CONSCIOUSNESS (THE NOVEL *KOTIK LETAEV* OF ANDREI BELY)

The article analyzes the meta-topic of the novel *Kotik Letaev* – origin of baby's self-consciousness (in the language of the author – origin of "rank" out of "swarm"). Myth-poetical comments have been used and going out into contiguous fields: baby's psychology, changed conditions of consciousness.

Keywords: Andrey Bely, origin of self-consciousness, memory of memory, "Kotik Letaev".

HISTORY

Andrey M. Belov

KOSTROMA REGION AND ITS HEADS (1944-2007)

This article is about the power of governors, the direction and results of their activity in 1944-2007.

Keywords: serve to the native land, Kostroma region, social development, governors.

Dmitry A. Volkov

THE PRACTICE OF FORMING LOCAL SOVIET-COMMUNIST AUTHORITIES IN THE TRANSITION TO THE NEW ECONOMIC POLICY (ON MATERIALS OF THE UPPER VOLGA REGION)

Article shows a contradictory experience of building the party and Soviet organs of power of the upper Volga region in the early years of the new economic policy.

Keywords: new economic policy, the upper Volga region, the party-Soviet personnel, nomination.

Alexander I. Egorov

THE POLICY OF THE COALITION CDU/CSU – THE SPD IN AFGHANISTAN (2005–2008)

This article discusses aspects of the policy hub "grand coalition" in Afghanistan. Government of the CDU/CSU – the SPD had to tighten the position of Germany in regard to resolving the situation by extending the range of tasks, the geography of residence, as well as gradually increasing the number of Bundeswehr personnel stationed on the Afghan territory. That line came into conflict with public opinion in Germany.

Keywords: Afghanistan, Germany, NATO, anti-terrorist coalition, the Bundeswehr, public opinion, security.

Sergey A. Kabatov

ETHNO-CULTURAL HISTORY OF THE RURAL POPULATION OF KOSTROMA REGION (UP TO GOLDEN HORDE TIME)

Purpose of the investigation – defining the dynamics of the development of Kostroma Volga region, identifying the ethnic component of the population of

the region, establishing the causes and the mechanism of penetration of the first threads of Slavic population into the territory, which had radically changed the ethnic and cultural content of the region. Relevance is determined by the fact that the main base of sources (archaeological monuments of different types and ages, ethnographic data, linguistics data) in this area in recent decades is being irrevocably destroyed, because of the impact of anthropogenic factors and the disappearance of the spiritual culture bearers.

Keywords: Finno-Ugric peoples, the Slavs, the substrate, derivate, Paganism, Christianity.

Sergey A. Kiselev

HISTORICAL STAGES OF COSSACK TROOPS IN THE SERVICE OF THE STATE

Considered historical stages of development of cossack troops in the service of the state in the XVII-XX centuries. Are drawn conclusions on necessity of studying of the preconditions of the appearance and organization of the cossacks in different periods of its history for the effective solution of the issues that have emerged in the process of its revival.

Keywords: Cossacks, appearance, stages, development.

Natalia V. Repina

KOSTROMA PROVINCE MERCHANTRY PHILANTHROPY IN THE MIDDLE OF XIX – IN THE EARLY OF XX CENTURIES

Singula XIX century is the «golden era» of Russian philanthropy. At this particular time activity of public organisations and private persons in business of development of charity is allocated. The big role in development of philanthropic activity the merchant class which efforts had been created the most extensive and reliable system of charity ever existing in Russia has played.

Keywords: philanthropy, merchantry, patronage, guardianship, contribution.

Olga V. Smurova

REFERENCE BOOKS LISTING PERSONS, WHO CHOSE MERCHANT AND BUSINESS CERTIFICATES, AS A SOURCE OF STUDY OF SEASONAL WORK OF KOSTROMA RESIDENTS IN ST PETERSBURG (AFTER 1861)

The article aims to demonstrate the information potential of such a source as reference books which list persons who chose merchant and business certificates in the capital. Historical aspects of seasonal work are very topical today as the phenomenon has been revived. Using the named source ensures the biographical approach.

Keywords: seasonal work, business certificates, trade, business, St.-Petersburg.

Alexey A. Soloviev

LIBRARY-ELUCIDATIVE ACTIVITY OF MANUFACTURERS OF KOSTROMA PROVINCE IN LATE XIX– EARLY XX-TH CENTURY

The article is devoted to the history of origin the factory libraries in countryside of the Kostroma province, about which earlier practically there were no publications on press pages. The author considers the main statistical indicators of the reading rooms and analyzes their necessity and influence on a local population. The role of manufacturers in education of workers is shown.

Keywords: elucidative activity, factory libraries, free libraries, history of libraries, Kostroma province.

Yaroslav Y. Trifankov

RUSSIA'S REVIVAL HISTORIC EXPERIENCE AND SOUTH-WESTERN COSSACKS

In the paper there are analyzed regional specific features of south-western Cossacks and their historic experience promoting the process of Russia's revival after the development paradigm shift.

Keywords: Cossacks, state, south-western region, traditions and revival.

Artyom N. Filippov

THE INTERNATIONAL CONTACTS OF SOVIET SPORT IN 1920-ies – 1930-ies: CONFRONTATION BETWEEN THE RED AND LUCERNE SPORTIVE INTERNATIONALS

The article covers the formation of international relations of the Soviet sports in 1920-ies – 1930-ies. Attention is paid to the reasons that prevented the establishment of stable long-term relationship the Soviet athletes with foreign counterparts.

Keywords: physical culture, sports, Red Sportive International, Lucerne Lucerne Sportive International, Spartakiad.

SOCIOLOGY

Alexander A. Maximenko

ORGANIZATIONAL CULTURE AS SYSTEM OF CONTROL AND PUNISHMENT IN ORGANIZATION

In this article organization culture is regarded as on control and system retributions in organization. The author shows that in most Russian companies prevail administrative constraint over group pressure and internal employee's control.

Keywords: organizational culture, management by values, system of retribution and punishment, control in organization.

Natalia Yu. Chelnokova

MODEL OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE MANAGEMENT IN HOLDING COMPANIES

The subject of this research is the social and psychological climate characteristic for directions of

business activities in holding companies. In this paper the peculiarities are reported of managing the social and psychological in companies of this type. A model has been developed using process-oriented approach and practical recommendations are offered how to implement this model in holding companies.

Keywords: model of social and psychological climate management, holding companies.

POLITICAL SCIENCE

Alexander V. Zaitsev

STRUCTURAL FUNCTIONALISM AND INSTITUTIONAL DIALOGUE BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN CONTEMPORARY RUSSIA

The article deals with the institutionalization of dialogue between the state and civil society in contemporary Russia in terms of structural and functional methodology. During the presentation of the material shows the structure of the dialogue, its actors, the elements that stage of the flow, level, as well as basic functions of Institutional dialogue between the state and civil society.

Keywords: dialogue, the government, civil society, structural functionalism, the institutionalization.

JURISPRUDENCE

Anton V. Bukharev

LEGAL ASPECTS OF COUNTER CORRUPTION IN THE REGULAR COURTS

This article analyzes the current Russian legislation on combating corruption in the courts of general jurisdiction, studies the measures taken to minimize the corruption risks in the courts.

Keywords: corruption, law, the court, resistance, prevention.

Tatyana N. Gogoleva, Lina A. Mazharova

THE REGULATIONS OF WORK OF LEGISLATIVE BODIES AS AN ELEMENT OF THE INSTITUTIONAL MECHANISM OF ACCEPTANCE OF THE STATE DECISIONS AND AN ESTIMATION OF ITS EFFICIENCY

At this article the author's method of an estimation of efficiency of the regulations of work of legislative bodies, based on preconditions of the theory of a public choice is presented. Results of application of this method for monitoring problems and allocation of the basic directions of perfection in actual conditions are also presented.

Keywords: mechanism of acceptance of the state decisions by legislative bodies, voting, efficiency, coordination.

Olga N. Petrova

THE BRIEF DESCRIPTION OF LEGAL MEANS OF PROSECUTOR'S OFFICE ON MAINTENANCE OF LEGALITY IN THE SPHERE OF LOCAL GOVERNMENT

In this article there are different kinds of legal means on maintenance of legality in the sphere of local government and problems of their using, which are based on studying of prosecutor's practice.

Keywords: public prosecution, legal means, local government.

Boris E. Roschin

PECULIARITIES OF RUSSIAN INDUSTRIAL DEMOCRACY IN MILITARY COMMUNISM: JURIDICAL ASPECT

The article dwells upon some of the key peculiarities of legal groundwork for Russian industrial democracy at initial stage of socialistic labor organization under the conditions of implementation of state policy, regime called military communism. A general analysis of key regulatory legislative acts targeted at organization and regulation of processes connected with employees' participation in management and organization of work – related activities was performed.

Keywords: military communism, proletarian dictatorship, industrial democracy, working class, proletariat representatives, factory committee, Russian labor unions, working control.

David O. Saakyan

SOME ASPECTS OF THE FUNCTIONAL ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to some elements of the functional activity of law enforcement agencies of the Russian Federation. Functional activity includes planning, organizing, directing, controlling, etc. Efficiency of functioning as a separate organ of law enforcement,and as the whole system depends largely on the improvement of these areas. The above-listed aspects gain currency more and more, this is connected with the formation of a new Police, The Investigative Committee of Russian Federation. The main attention is given to the control, namely to the intradepartmental control as an effective tool in ensuring the proper execution of obligations by law enforcement officials.

Keywords: function, management, organization, monitoring system, control.

Vladimir N. Smirnov

RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN, LIMITED BY DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE CONCEPT AND CONTENT

The article deals with categories such as "freedom" and "human rights", as well as the grounds and procedures for limiting the constitutionally enshrined rights to freedom under detention in criminal proceedings, and with it the limitation of other, constitutionally enshrined human rights.

Keywords: freedom, human and civil rights, restriction of freedom, taking into custody.

Ilshat R. Sultanov

THE LEGAL BASIS AND THE MAIN TENDENCIES OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION DEVELOPMENT

Considering the growing influence of the state integration process, sufficient attention must be devoted to the issues of studying the public international law organizations. The article studies the status of the international organizations. The issues of the political-legal status of the international organizations and their role in the modern integration process are covered.

Keywords: international integration organizations, the approximation of the norms of international and domestic law, interstate economic cooperation, international integration processes, European law, International law.

Irina A. Palulina, Maia V. Dedueva

SOME PROBLEMS OF CANCELLATION OF THE LABOR AGREEMENT ON THE BASIS OF REDUCTION OF NUMBER OR THE STAFF OF WORKERS

In article some actual problems arising at cancellation of the labor agreement at the initiative of the employer on the basis of reduction of number or staff of workers, and also possible options of permission of these problems are considered.

Keywords: cancellation of the labor agreement, reduction of number or staff of workers, guarantees of the rights of workers, role of the trade-union organizations.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yana A. Petropavlovskay, Evgeny A. Chugunov

KOSTROMA UNIVERSITY, AND THE FIRST FESTIVAL OF SCIENCE IN THE KOSTROMA REGION: THE BIRTH OF A NEW RESEARCH TRADITION IN THE REGION

The authors highlight and analyze the main events and activities, "Science Festival – 2011", was first held at the Kostroma land by partnerships among KSU Nekrasov, and MSU M.V. Lomonosov Moscow State University.

Keywords: festival of sciences, research activity, scientific tradition.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 23.01.2012
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 43,9 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 61.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная